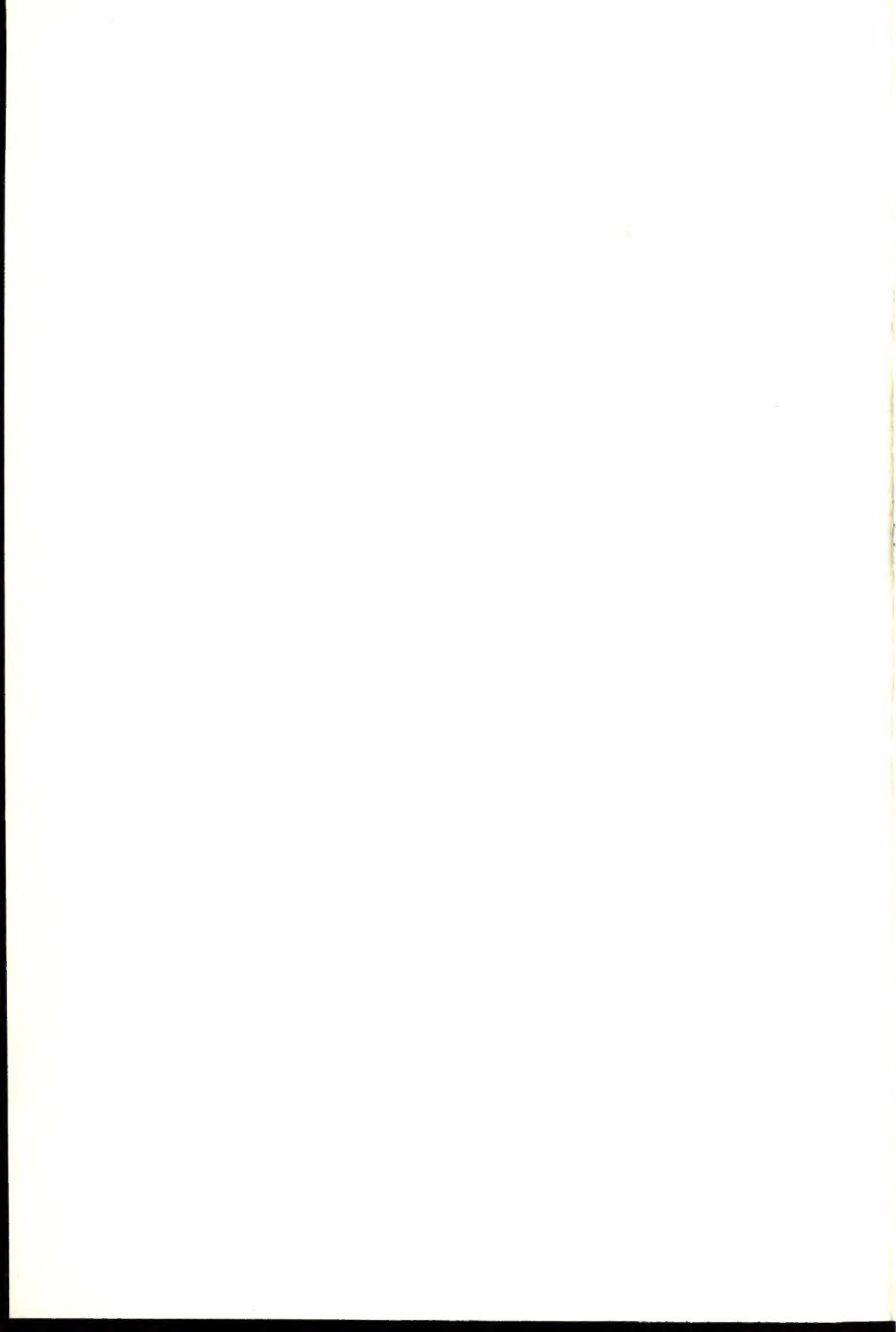

Дайджест прессы

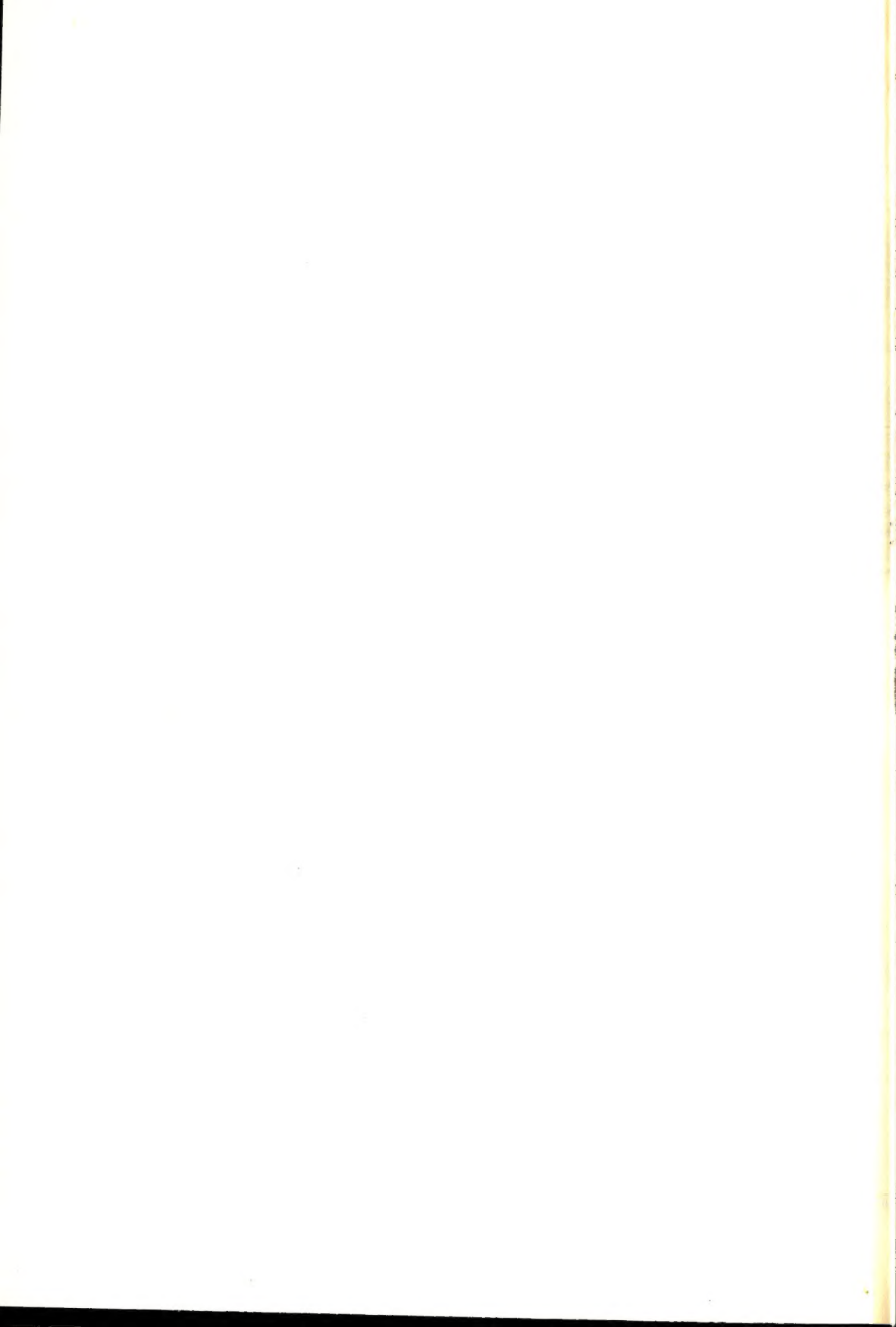
1987
1988

ИСТОРИЯ
ВЕЩЕЙ
НА ПЯТИ

ЛЕНИЗДАТ
Социально-
коммерческая
фирма
«ЧЕЛОВЕК»

Дайджест прессы
1987
1988

ИСТОРИЯ БЕЗ «БЕЛЫХ» ПЯТЕН»

ЛЕНИЗДАТ
Социально-
коммерческая
фирма
«ЧЕЛОВЕК»
1990

Составители
Е. Б. Никанорова,
С. А. Прохвятилова,
А. Я. Разумов,
Э. А. Урсова

Редактор
М. В. Тоскина

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

При Управлении социального обеспечения Исполкома Ленсовета создана фирма «Человек». Главная цель фирмы — зарабатывать средства для решения важной социальной задачи улучшения условий жизни инвалидов, малообеспеченных одиноких пенсионеров и многодетных семей.

Для получения средств на финансирование социальных программ фирма организует сеть магазинов, кафе и ресторанов, открывает гостиницы, культурно-развлекательные центры, совместно с иностранными партнерами создает производства по выпуску товаров народного потребления и другие предприятия.

Одно из направлений коммерческой деятельности фирмы — выпуск нужных людям книг и иной печатной продукции. Эта работа ведется совместно с коллективом Лениздата, который первым поддержал фирму в ее благотворительных начинаниях.

Издательское и рекламное агентство «Оригинал» фирмы «Человек» готовит к изданию просветительскую литературу, призванную содействовать развитию общественной нравственности, укреплению семейных отношений, улучшению воспитания детей, пропаганде здорового образа жизни, народных традиций, культурного и исторического наследия. Справочные издания фирмы должны помогать людям в организации их быта, домашнего хозяйства, досуга, способствовать развитию полезных увлечений, технического творчества, садоводства и огородничества, давать навыки традиционных народных промыслов, ремесел и т. д.

Сегодня мы представляем читателям одно из первых изданий фирмы. Приобретая его, Вы помогаете людям, остро нуждающимся не только в общественном внимании и нашем сочувствии, но и в конкретной материальной поддержке.

Благодарим Вас за покупку!

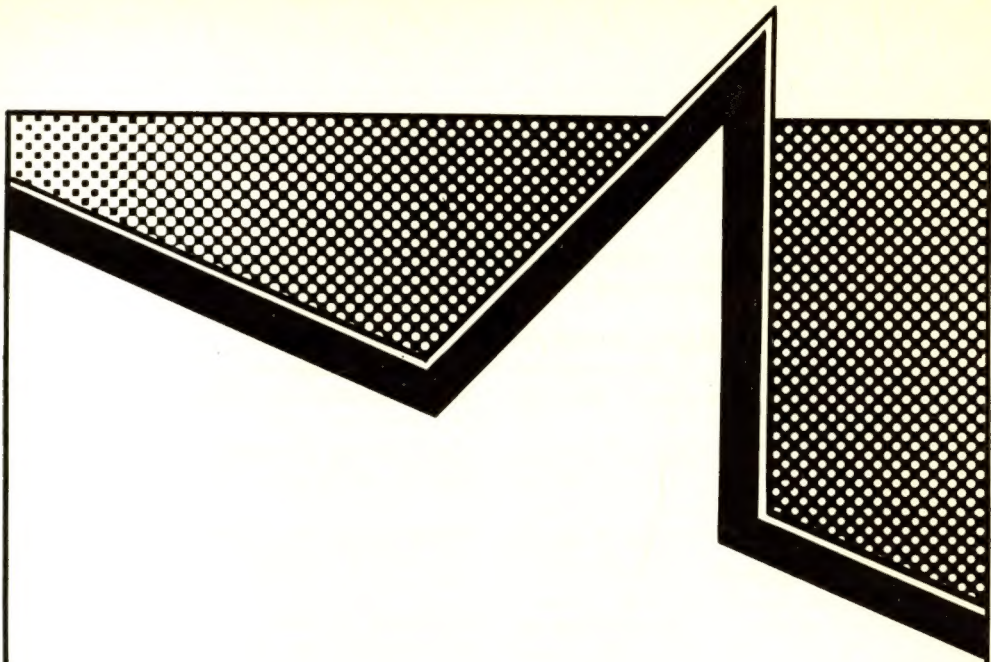
И 0503020000—169
M171(03)—90 без объявл.

ISBN 5-298-01137-4

© Елена Никанорова,
Светлана Прохвятилова,
Анатолий Разумов,
Эльмира Урсова, составление, 1990

1987

январь-декабрь

Октябрь, перестройка и современный мир	Раскольников Федор Федорович Материалы к биографии
Павел Волобуев Великий Октябрь и исторические судьбы нашей Родины	Зиновий Шейнис Максим Литвинов возвращается в строй
«Белые пятна» Часы с боем	Константин Симонов Уроки истории и долг писателя
Егор Яковлев Первое правительство	Александр Самсонов Главное в истории правда
Егор Яковлев Прощание	Василий Кулиш К вопросу об уроках и правде истории
Продвижение к правде	Дмитрий Волкогонов Феномен Сталина
Дмитрий Казутин Письма Ирины Шляпниковой	Евгений Евтушенко Наследники Сталина
Феликс Медведев «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил»	Вячеслав Кондратьев По горячим следам памяти и правды
Лев Воскресенский «Знайте, товарищи...»	Владислав Кутузов «Ленинградское дело»
Игорь Донков, Александр Никонов Ян Рудзутак	Борис Болотин Жизнь и догмы
Альберт Ненароков У времени в плену...	Юрий Буртин «Вам, из другого поколения...»
Борис Ефимов Тайна судьбы Михаила Кольцова	Юрий Афанасьев Нелепо бояться самих себя, или Повод для раздумий

Апрель 1985 года открыл новый этап истории нашей страны — время революционной перестройки и качественного обновления советского общества.

Разработка идеологии и стратегии перестройки, принципов нового мышления и осуществление их на практике были бы попросту невозможны без глубокого и всестороннего осмысления пути, пройденного партией и народом за семь послеоктябрьских десятилетий, без критической оценки опыта социалистического строительства, без учета трагических уроков истории. «Именно по этой причине», — отмечал на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, — мы так пристально обращаем взгляд в свое советское прошлое, именно поэтому так волнуют нас вопросы истории».

Насущная потребность и важнейшая задача перестройки — восстановление ленинской концепции социализма, исторической правды во всей ее полноте, очищение социалистических идеалов от тяжелых извращений периодов культа и застоя. Уже сегодня очевидно, что этот процесс не ограничится кратковременной кампанией, он займет немало времени. А познание нашего прошлого станет непрерывным, ибо каждое новое, вступающее в жизнь поколение должно вооружаться опытом предшественников и иметь возможность осознанно выбирать судьбу.

Ключевую роль в формировании обновленного общественного исторического сознания призвана играть, конечно же, историческая наука. Однако она в целом медленно и тяжело выходит из длительного периода застоя, приверженности изжившим себя догмам, схемам и стереотипам, господствовавшим в официальной историографии со времен печально знаменитого сталинского «Краткого курса». Освобождение от многолетней фальши — дело не простое и не быстрое. Оно требует добросовестной и кропотливой работы с документами, вдумчивого анализа подчас противоречивых фактов и явлений. Такие исследования начались, и, будем надеяться, их результаты в ближайшие годы станут доминировать в сфере духовной перестройки.

Пока же не фундаментальные исследования ученых, а выступления и работы руководителей партии, партийные документы определяют общий уровень сегодняшних исторических знаний и намечают перспективу их углубления. Мощное воздействие на общественное сознание оказывает историческая публицистика, поток которой нарастает и, по сути дела, превращается в обще-

народную дискуссию по острым проблемам и «белым пятнам» нашей истории. Эта дискуссия — одно из реальных проявлений демократизации нашего общества, развития гласности, раскрепощения сознания советских людей.

При всех недостатках, фрагментарности и научной неравноценности множества публикаций по исторической тематике в массовой периодической печати они, несомненно, имеют огромное значение для восстановления исторической правды и справедливости, возвращения в фонд народной памяти, в историю имен сотен и тысяч ее активных творцов.

Историческая публицистика активно взаимодействует и с художественной литературой, и с искусством, и с фундаментальной наукой. Здесь возникают и противоречия, но общий баланс такого взаимодействия, безусловно, положительный — в пользу социализма, полного раскрытия и реализации потенциала нового строя, в пользу перестройки.

Историческая публицистика и мемуаристика имеют большую фактологическую ценность, так как несут массу сведений — новых, забытых либо умышленно изъятых из научного оборота. Поток публицистики расширяет исторический кругозор, дает читателю пищу для собственных размышлений, а не унылые догмы. И наконец, историческая публицистика последовательно отражает сам процесс познания обществом своей истории.

Жаль, что этот обширный поток, рассеянный по страницам десятков и сотен изданий, практически невозможно собрать воедино, под обложкой одной книги. Однако Лениздат задумал хотя бы частично решить эту задачу регулярным выпуском дайджестов прессы «Страницы истории» — сборников наиболее значительных публикаций.

При отборе материалов, к сожалению, пришлось отказываться почти от всех исторических публикаций «толстых» литературно-художественных журналов ввиду их большого объема. В среднем из десяти-пятнадцати просмотренных публикаций лишь одна включалась в сборник. Выбор определялся и общественной значимостью материалов, и нередко степенью доступности изданий, впервые их опубликовавших. Менее доступным для массового читателя отдавалось предпочтение.

И наконец, составители стремились, чтобы подбор материалов дайджестов объективно отражал основные тенденции и проблематику исторической публицистики определенного хронологического периода.

ОКтябрь, перестройка и современный мир

3 ноября 1987 г. в Москве состоялась пресс-конференция на тему «Октябрь, перестройка и современный мир». Перед советскими и иностранными журналистами выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. ЯКОВЛЕВ, подчеркнувший особое политическое и теоретическое значение доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном юбилею Великой Октябрьской социалистической революции.

Содержащиеся в докладе положения и оценки, анализ широчайшего круга вопросов, марксистско-ленинская методология этого анализа, сказал А. Н. Яковлев, — все это в совокупности дает мощный импульс развитию общественного сознания, научной мысли, будет предметом серьезных размышлений каждого человека.

Юбилей — это момент гордости, момент памяти, момент размышлений, это и взгляд в будущее. В этом положении доклада емко и исчерпывающе отражен подход партии, советских людей к нынешнему празднику. Подход, проникнутый пониманием величия свершенного, но и ответственности за его будущее, масштаба и значения текущих задач перестройки.

Да, советские люди гордятся свершенным. Они помнят свою историю: ее взлеты и драмы, подвиги и поражения, героизм и трагедии. История — постоянный стимул размышлять, думать, советоваться с опытом и собственным разумом, четко видеть, чего требует сама судьба социализма, а что отвергается принципиально и навсегда.

Сегодня мы с особой тщательностью соизмеряем каждый свой шаг с целями, идеалами революции. Говоря словами М. С. Горбачева, ищем и находим в Октябрьских днях, в ленинском наследии и прочную духовную опору, и поучительные уроки.

У советского народа много оснований для гордости и в материальной сфере, и в социальной, политической, духовной областях. Отсталая страна, более трех четвертей населения которой были неграмотны, где голод масс был нормой, стала современным государством. Из нищеты и забитости она вырвалась

к культуре, образованию, обществу широких и равных возможностей для каждого человека.

Но далось это во всех отношениях очень трудно. Если говорить об особенно важных чертах, характеризующих строительство социалистического общества, надо особенно выделить следующее.

Уровень, с которого начинали, — во всех его измерениях, особенно если сравнить масштабы проблем, которые предстояло решить, и те реальные ресурсы и возможности, которые были у молодой Страны Советов. Огромная диспропорция между первым и вторым потребовала предельной консолидации физических, моральных, душевных сил.

Тот неоспоримый факт, что после революции мы стали чужой птицей в стае. Единственной страной социализма во враждебном капиталистическом окружении. Нас норовили заклевать, если удастся — до смерти. Мы помним об этом. Наша память не только продолжает жечь, но вновь и вновь возвращается к тому, какое безмерное горе и страдания, материальные потери принесли нам вмешательства извне. Дорого все это обошлось нашему народу: иностранная интервенция в гражданскую войну, война с фашизмом, холодная война, гонка вооружений. Но не беды или обиды движут нами, когда мы говорим, что ситуация «осажденной крепости» тормозила наше движение и материально, и духовно. Мы просто напоминаем, что и это сумели преодолеть верой в правоту нашего дела, трудом народа, сумевшего превозмочь тяжелейшие трудности, выдержать самые сложные испытания.

Стратегический паритет, который Советский Союз буквально вырвал у истории, создает новые условия и тем самым формирует новую психологию, позволяющую по-иному взглянуть на мир. Отойти от политики вынужденных, нередко экстренных поисков ответов на военнотехнологические вызовы Запада и вступить на путь целенаправленного культивирования условий мирного международного развития, оптимальных условий социального прогресса. Наступила совершенно другая эпоха, в которую движение к безъядерному, ненасиль-

ственному миру — вполне реальная альтернатива. И мы видим, что новое мышление пробивает толщу предрассудков эпохи войн и оружия.

Наконец, новизна проблем, которые пришлось решать. Революции всегда вызывают небывалый подъем человеческого духа, романтику социального обновления, нравственный бунт против старого общества.

Октябрьская революция — вершина освободительных устремлений многих поколений. Но победоносная революция должна искать и находить пути осуществления новых нравственных ценностей, общественных идеалов в реальной жизни. А это — дело непростое. Первопроходческий путь всегда таит неожиданности. Творчество и консерватизм, ошибки и озарения, широчайшая инициатива и равнодушие, самопожертвование и мелкобуржуазные выбросы, взлеты духа и человеческие трагедии — все это жизнь, особенно ярко и бурно проявляющая себя в эпохи крутых революционных перемен.

Мы уверены в верности своего исторического выбора, знаем свои возможности и потому честно смотрим в лицо любой правде, любым испытаниям.

То, что мы столь пристально вглядываемся сейчас в нашу непростую историю, — закономерно. Для перестройки требуется точное знание, а не слабеющая память. И тут одинаково неприемлемы как разрушающий нигилизм, так и кичливость неведением. Осмысливать историю, заранее отказавшись от встречи с «неудобными» фактами, значило бы уклоняться от научного подхода к историческому опыту, глубокому познанию и освоению уроков былого, предпочесть ностальгические фантазии, запрограммировать субъективизм.

В докладе М. С. Горбачева весомо прозвучала «историческая» тема. Объективно и ответственно проанализированы истоки, причины и последствия исторических событий и действий личностей. Достойное место и отражение нашли как бесспорные достижения, которыми отмечен наш путь, так и явления, на которых лежит горькая печать трагичности. События, порожденные не в последнюю очередь беспринципной борьбой за

власть и преступлениями на почве злоупотребления властью.

Мы не судим прошлое — ни давнее, ни близкое. Все лучшее, что есть у нас сегодня, восходит к прошлому — его труду и героизму. Но и все то, что мы хотели бы изменить, перестроить, питается тоже прошлым. И потому мы стремимся постичь историю, анализируем ее, идем вглубь в ее понимании. Делаем это не ради удовлетворения праздного любопытства, но ради дня сегодняшнего и завтрашнего, ради дел предстоящих. Для того, чтобы лучше представить себе и природу проблем, с которыми сталкиваемся, и пути решения стоящих задач, пути выхода на ускорение социально-экономического развития общества. Суровая, но правда в любом случае лучше, чем ласкающие умолчания, фантазии или эмоции. Очернить историю можно только ложью, правда ее возвышает.

Но подлинная правда требует особого уважения, бережного отношения, ибо она связана с судьбами людей, их жизнью и надеждами, их трудом и подвигами. Это не тема для суесловных сенсаций или нечистоплотного злорадства.

В докладе М. С. Горбачева подчеркивается идея переходного характера перестройки. Переходный от того этапа развития социализма, когда человек и общество в целом как бы делали долговременные капиталовложения, к этапу, когда эти вложения начинают давать отдачу, когда весь накопленный потенциал социализма — экономический, духовный, социально-политический — поворачивается к человеку, создает обществу возможность быстрее двигаться вперед, произвести обновление самого себя. От схем и догм, стереотипов и предрассудков — к здравому смыслу, к реализму оценок и действий, к научно обоснованным решениям.

Все остальное — производное от этого, главного. Поворот экономики от экстенсивного развития к интенсивному. Поворот управления от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам хозяйствования. Поворот к решительному развитию демократизации, социалистического самоуправления. Поворот общественного сознания к повышению

требовательности к себе, реалистическим оценкам действительности и всей работы.

Социализм — непрерывно развивающееся общество. Это, как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, как бы длинный ряд переходов, непрерывное восхождение по лестнице исторического и социального прогресса. И каждая «ступенька» на этой лестнице имеет свою специфику, решает свои задачи.

Если выделять то ключевое, что взято сейчас партией за ориентир в процессе перестройки, то это — раскрытие гуманистического содержания социализма. Полная реализация всех тех возможностей нашего строя, которые должны не просто «служить человеку» в потребительском смысле слова. Но поднимать его, помогать ему становиться совершеннее, духовно богаче. И потому правомерна постановка вопроса о социальной эффективности тех конкретных форм, в которых организуется экономическая, духовная, общественно-политическая жизнь общества в каждый определенный период его развития.

Именно реальный гуманизм, служащий человеку и возвышающий его, и есть высшее мерило социальной эффективности общества. Гуманистическое видение социализма — это прежде всего этика активного, преобразующего отношения к жизни.

Путь к освоению новых пластов активности человека, его социальных ресурсов один: демократизация. И эта сторона жизни общества нашла глубокий анализ в докладе М. С. Горбачева. Иногда утверждают, будто в ней мы видим лишь утилитарное средство достижения необходимого динамизма в экономике. Даже если бы дело обстояло действительно так, лично я не понимаю, что тут может вызывать возражения. И все же это — одностороннее толкование. Демократизация — в социалистическом понимании — это создание безотказного, эффективного канала воздействия каждого человека на жизнь общества, утверждение человека как хозяина своего завода, учреждения, района, города — всей страны.

Подлинная демократия — это не тот порядок, при котором человеку кто-то

что-то дает: зарплату, социальные блага, общие условия труда, что-то иное. Подлинная демократия — это система отношений, когда человек и коллектив сами создают богатства во всех их видах — и в материальном, и в духовном. Сами распоряжаются этими богатствами, сами распределяют их. Не политика, замурованная как бы в базальт, хотя и происходит восторженная игра в выборы президентов и премьеров. Для нас демократия — это возможность масс влиять на политику, творить ее в интересах народа и мира. Именно в этом, а не только в тех или иных внешних формах и проявлениях заключается истинная суть реальной демократии и демократизации.

Мы считаем: без демократизации не может быть и перестройки. Демократизация — душа перестройки, как сказал М. С. Горбачев.

Культура демократии должна пронизывать все общественные отношения. Она неотделима от культуры общества — политической, экономической, общей. Мы — за разнообразие общественного мнения, за конструктивные и свободные дискуссии и споры. За открытую постановку любых, самых сложных и противоречивых проблем общественного развития. На это со всей определенностью и силой указано в докладе М. С. Горбачева.

Неотъемлемая часть, условие перестройки — обогащение духовной культуры. Она, как подчеркнуто в докладе, не украшение, но катализатор динамики, фактор социальной прочности, сфера жизнеобеспечения общества.

Культурная политика в условиях перестройки — это и культура гласности, и всемерная поддержка самостоятельности, самодеятельности трудящихся. Это признание особой ценности интеллектуального труда, развитие гражданской ответственности и социальной ответственности. Необходима, например, честная и открытая состязательность в любой творческой области, будь то наука или искусство. Нужны смелые мысли, острые гипотезы, нестандартные решения, непривычные образы. Нужны люди, искренние и честно озабоченные самыми сложными вопросами бытия. Все это в совокупности и есть неоспоримые и

ясные признаки открытого, свободного общества. Демократического по существу, а не по игре личных или групповых интересов, отягощаемых соображениями корысти или материального обогащения.

Особый упор М. С. Горбачев сделал на условиях существования человечества в современной обстановке, когда мир становится все взаимосвязаннее, целостнее, теснее, продолжал выступавший. Мы никогда не отделяли своей судьбы от исторических путей мирового развития в целом. Наш ответ на реалии сегодняшнего мира — новое политическое мышление. Этот вывод-призыв адресуется не только к другим, мы относим его и к себе. Ленинская идея приоритета общечеловеческих интересов — не отвлеченная философская категория, а реальность нашего времени. Они, эти интересы, и требуют прежде всего выживания рода людского. Об этом очень хорошо сказано в новой книге М. С. Горбачева, которая несколько дней назад представлена общественности здесь, в этом пресс-центре.

Общечеловеческие интересы требуют отказа от той исторически сложившейся практики, когда прогресс стран и народов, и без того дающийся очень нелегко и непросто, тормозится, отбрасывается назад практически непрерывными войнами с их разрушениями, страданиями и одичанием.

Они требуют перехода к новой организации международной жизни, когда баланс силы, неизбежно связанный с неприемлемым риском военных столкновений, вытеснялся бы балансом интересов, построенным на разумных, рациональных началах.

Общечеловеческие интересы требуют и того, чтобы были осознаны безграничность, конечность всех ресурсов планеты — идет ли речь о ее природных богатствах или же об экологическом равновесии. С тем, чтобы за этим осознанием последовало экономическое, научно-техническое, вообще материальное сотрудничество народов и государств, не омрачаемое оскорбительными ограничениями КОКОМ, бойкотами, наказаниями, эмбарго и т. д. Недалеко то время, когда всем будет ясно, насколько

это смешно и несерьезно выглядит. Впрочем, ничто не говорит за то, будто и сейчас подобная политика свидетельствует о дальновидности. Отсутствие такого сотрудничества сегодня — одна из причин многих кризисных явлений на планете.

Мы не идеалисты. Мы видим все проблемы, противоречия, даже пропасти, разделяющие сегодня мир. Мы понимаем, что дорога к безъядерному, ненасилиственному миру не будет ни простой, ни гладкой.

Не случайно в докладе М. С. Горбачева столь сильно прозвучали вопросы размышления:

— Сможет ли империализм трезво воспринять сложившуюся новую обстановку, обуздать свою природу и перейти от военносилых принципов к политическим?

— В состоянии ли капитализм, его экономика обойтись без милитаристского наркотика?

— Может ли капиталистическая система жить без неокOLONиалистской эксплуатации народов развивающихся стран?

Ответить на эти вопросы с исчерпывающей определенностью сумеет только время. Не будем предвосхищать его ответ, но подчеркиваем: чтобы человечество выжило, он должен быть только конструктивным, практическим.

Мы рассматриваем новое мышление как обращение к здравому смыслу человечества. Как призыв руководствоваться разумом.

Вот почему столь страстно выражена в докладе надежда на возможность всем вместе, сообща уйти от катастрофической опасности, надвинувшейся на мир. Опыт истории однозначен: социальный прогресс давался только там и тогда, где и когда думали прежде всего о человеке, а не о тех или иных, даже самых важных, отдельных символах его бытия.

Тем более что ничего в принципе недостижимого, нереального в предлагаемом Советским Союзом подходе нет.

В докладе М. С. Горбачева выражена убежденность: иного пути, кроме всеобъемлющей системы безопасности, у человечества просто нет.

Убежденность в том, что сам собой такой мир не придет. Надо окончательно выйти из того этапа истории цивилизации, когда узость взгляда и узость интереса держали верх. Надо, наконец, поверить разуму и пойти за ним, не дожидаясь, пока какой-нибудь очередной кризис не обманит нас или не покончит с нами.

Убежденность в том, что при всех различиях современного мира — социально-экономических, классовых, культурных, религиозных, иных — возможно сотрудничество всех, кто действительно заинтересован в избавлении мира от ядерной угрозы, в приумножении возможностей для прогресса на нашей планете.

Впереди у нас много непростых дел. Опыт не одной только нашей революции подтверждает: не каждому дано увидеть в революционное время частицу нового, оценить, взлелеять свежий росток. Немало и тех, кто просто страшится нового, непривычного, пугается сам, а еще больше пугает других его возможными или воображаемыми издержками — идет ли речь о новых формах нашей внутренней общественной жизни или же о таком пока еще непривычном явлении, как безъядерный мир.

Что ж, консерватизм — тоже естественная сторона жизни. Но не он определяет путь в будущее. Политический, экономический, нравственный оптимизм рождается от открытого, познающего и преобразующего подхода к жизни, ее проблемам, от реалистической уверенности в своих силах.

Такая уверенность у нас есть, подчеркнул в заключение А. Н. Яковлев. Она восходит ко всей нашей истории. Истории трудной, но мужественной, продуктивной, вдохновляющей и результатами, и перспективами. Таков ее несомненный баланс.

Правда, 1987, 4 ноября

Павел Волобуев
член-корреспондент АН СССР

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

Замечено, что революции, оставившие глубокий след в истории человечества, были вызваны к жизни не только потребностями общественного развития тех стран, где они произошли, но и мирового развития в целом. Великая Октябрьская социалистическая революция органично вписывается в контекст этой общей закономерности. В начале XX века, когда во всемирном масштабе назрела задача перехода от капитализма к социализму, именно Октябрь полнее всего выразил ее, открыв эпоху революционного переустройства мира на новых, социалистических началах. Вместе с тем Октябрьская революция имела глубокие корни в российской действительности и отвечала национальным интересам и потребностям народов России. Ее непреходящее значение состоит в том, что она неразрывно связала социализм с историческими судьбами нашей Родины. И уже почти 70 лет социализм является национальным путем нашего развития.

«В нашем сознании, наших чувствах Октябрь — это предмет наивысшей национальной гордости советских людей, — говорится в Обращении ЦК КПСС «К советскому народу». — Революция стала беспримерным взлетом исторического творчества масс, звездным часом победившего народа, сбросившего ярмо капиталистической и помещичьей эксплуатации».

Октябрьская революция начала с того, что выправила гибельный для нашей страны и, казалось, неотвратимый ход событий — спасла Россию от национальной катастрофы. Пришедшая в феврале 1917 года к власти буржуазия, руководствуясь узкоклассовыми, корыстными интересами, не только продолжала ненавистную народу войну, но и своей политикой усугубляла порожденную войной хозяйственную разруху, сознательно толкала страну в пропасть катастрофы, надеясь, что экономический крах «образумит» народ и предотвратит пролетарскую революцию. В то же время военные поражения, подрывав военно-оборонный потенциал России, сделали реальной опасностью утраты ею национальной самостоятельности и территориальной целостности.

В. И. Ленин едва ли не первым увидел эту опасность, указав, что России угрожает раздел и удушение гигантами-империалистами.

Октябрьская революция, свергнув буржуазию, вернула нашей Родине статус великой державы мира, наполнив его новым социальным содержанием. И позднее, когда белогвардейцы оптом и в розницу распродавали ее иностранным империалистам, именно партия коммунистов и Советская власть предстали в глазах народных масс как стойкие защитники национальных интересов и прав народов России, ее государственного суверенитета и единства.

Одной из первоочередных общенациональных задач революции была ликвидация отсталости России. Являясь крупнейшей капиталистической страной того времени, она вместе с тем заметно отставала от передовых стран Запада в технико-экономическом отношении. Причем в первые десятилетия XX века это отставание еще более возросло. Социальным выражением этого были низкий уровень жизни, бедность и нищета населения, особенно крестьянства. Культурная отсталость России также превращалась в национальную трагедию. Россия дала миру классические образцы художественного и научного творчества, многих корифеев культуры и науки. Вместе с тем ее взрослое население перед революцией было на три четверти неграмотным. Что касается правящих кругов России, то глава царского правительства Коковцов, выступая в Государственной думе (май 1913 г.), с предельной откровенностью заявил: «Предполагать, чтобы на пространстве каких-нибудь 20 с небольшим лет мы могли бы догнать государства с вековой культурой, это требование такое, которого предъявлять не следует».

Октябрьская революция смело, решительно и быстро, как никакая другая революция в мировой истории, очистила страну от средневекового хлама — от этого, говоря словами Ленина, «варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 144). Одним ударом она освободила многомиллионные крестьян-

ские массы от помещичьей кабалы. Были ликвидированы также сословность, привилегированное положение церкви, неравноправие женщин.

История подтвердила правильность научного прогноза Ленина: только революционный переход к более высокому, социалистическому производству и к более совершенной политической организации общества, высвобождая придавленные гнетом царизма и капитала могучие общественные источники сил, таившиеся в народных массах, открывал реальную возможность вывести Россию из тупика отсталости на путь национального возрождения и социального прогресса. Напомним, что в самый канун Октября, в те дни, когда страна лежала в развалинах и, казалось, можно было мечтать лишь о хлебе насущном, раздались вдохновенные слова вождя революции: «...догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» (т. 34, с. 198).

Октябрьская революция как бы переключила скорости в общественном развитии страны, наглядно показав, что в социализме заложены гигантские силы и возможности ускорения социального, экономического и культурного прогресса. Советский народ под руководством Коммунистической партии, преодолев невероятные трудности и лишения, еще в середине 20-х годов покончил с последствиями хозяйственной разрухи. Уже к концу первой пятилетки по уровню промышленного производства Советский Союз занял 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Наша страна в кратчайшие исторические сроки вышла на такие рубежи, которых страны Запада достигли за многие десятилетия и даже века. В деревне на смену мелкому и раздробленному крестьянскому хозяйству пришло крупное социалистическое производство. Культурная революция позволила ликвидировать неграмотность большинства населения, подготовить кадры новой, советской интеллигенции, создать сплошной фронт науки.

С Октябрьской революцией неразрывно связано решение такой первоочередной по своей важности для многонациональной страны проблемы, как уничтожение национального гнета и обеспече-

ние реального права каждого народа на национальное самоопределение. Революция означала коренной перелом в жизни каждого из народов России, создав им материальные, социальные и политические условия для национального возрождения и развития на основе равенства, свободы и добровольного братского сотрудничества в рамках единого союзного государства. Застав народы нашей страны на различных ступенях экономического и культурного прогресса, социализм обеспечил выравнивание уровней их развития, фактическое равенство наций и народностей во всех сферах жизни общества, расцвет культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию.

В ходе социалистических преобразований исторические перемены произошли и в области морали и социальной психологии масс. Взамен буржуазной и мелкобуржуазной морали и мещанской психологии в советском обществе утверждались и пустили глубокие корни новые, социалистические принципы гуманизма, коллективизма и товарищеской взаимопомощи.

Превратив нашу Родину в передовое и могучее государство, социализм в корне изменил ее положение и роль на международной арене. Если в первой мировой войне буржуазно-помещичья Россия выступала как прислужница западных союзников, то во второй — Советский Союз являлся ведущей силой антигитлеровской коалиции и внес решающий вклад в победоносный исход войны. Именно социализм придал нашей стране такую непреодолимую мощь и устойчивость, о которые разбились попытки ударного отряда мировой империалистической реакции — гитлеровской Германии — взять социальный реванш и поработить советский народ. В годы Великой Отечественной войны в сознании советских людей судьбы Родины и судьбы социализма слились воедино, и это стало одним из идейных источников советского патриотизма и массового героизма.

Как видим, Октябрьская революция политически, материально, духовно и морально обновила нашу страну. Эти всемирно-исторического значения сдиги

ги стали возможны потому, что она привела в движение громадный созидательный потенциал народных масс, пробудила в них жажду строительства и самостоятельного творчества. В первые десятилетия Советской власти широкие народные массы, видя, как благодаря их прямым революционным и трудовым усилиям рушится старый мир и преобразается облик родной страны, впервые почувствовали свою сопричастность к «деланию» истории. Отсюда необычайный по массовости и искренности революционный энтузиазм и трудовой пафос 20—30-х годов. Поступки и действия отдельных лиц и целых коллективов оценивались не только членами партии и комсомольцами, но и широкими кругами трудящихся по высшему для того времени критерию: их соответствию или несоответствию интересам революции и социализма. Высокая идейно-нравственная атмосфера — вот тот животительный исток, который сегодня столь необходим для нравственного оздоровления нашего общества!

Поворотное значение Октябрьской революции для исторических судеб нашей Родины состоит в том, что она открыла перед народными массами путь подлинно демократического прогресса. Как известно, вследствие длительного господства царского абсолютизма и слабости буржуазного либерализма в России не сложились демократические институты и традиции. Но сами народные массы в процессе революционного творчества восполнили этот исторический пробел, создав Советы рабочих и крестьянских депутатов. Последние по степени демократизма превосходили любые институты буржуазной демократии и стали органами народовластия и демократического самоуправления.

С другой стороны, буржуазно-демократический строй, установившийся в России после Февральской революции, за короткий срок показал свою ограниченность — он не дал трудящимся реальных благ: ни мира, ни хлеба, ни земли. Сама русская буржуазия из-за страха перед революционной самодеятельностью масс быстро разочаровалась в буржуазной демократии и, по признанию лидера главной буржуазной пар-

тии — кадетов — Милюкова, осенью 1917 года отказалась поддерживать буржуазную республику. Она плела контрреволюционные заговоры с целью удушения революции и реставрации монархии. Историческая правда состоит в том, что социалистическая революция, свергнув буржуазию, спасла демократические завоевания народа, развила, углубила и распространила их на область социально-экономических отношений.

После Октябрьской революции Советы позволили соединить демократию с социализмом и тем самым привлечь к активному участию в политической жизни, к управлению государственными делами широкие массы трудящихся. В первые десятилетия Советы на всех уровнях активно участвовали в социалистических преобразованиях и пользовались высоким авторитетом и доверием народных масс. Поэтому сейчас, когда партия взяла курс на расширение социалистической демократии и повышение роли Советов, нам не надо заимствовать где-то на стороне образцы демократизма, они — в нашей истории, в нашем опыте.

Конечно, в ходе социалистического развития были в силу как объективных, так и субъективных причин и трудности, и недостатки, и просчеты, и ошибки, принимавшие нередко драматический характер. Это тоже историческая правда. Иногда кажется, что драматических, а порой и трагических ситуаций в нашей истории было больше, чем могло бы быть. В самом деле, во-первых, на нашу долю выпали все мыслимые и немыслимые трудности и испытания, которые ждут первопроходцев на неизведанных дорогах социального прогресса. Во-вторых, выяснилось, что и при социализме историческое развитие идет зигзагообразным путем. На это обратил внимание еще Ленин, отметив в 1921 году в связи с переходом к нэпу: партия «предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революции, что движение пошло зигзагами» (т. 43, с. 65).

В-третьих, следует учитывать историческую молодость социализма как но-

вого общественно-экономического строя. 70 лет для истории — совсем небольшой срок. Поэтому социализм, хотя и успел продемонстрировать свою созидательную мощь и неоспоримые преимущества перед капитализмом, не смог развернуть в полной мере свои творческие возможности. Особенно трудно идет становление нового типа демократии. Но это, если угодно, общеисторическая закономерность. Во Франции, например, для утверждения буржуазной демократии (в значительной мере формальной) потребовались три буржуазные революции (1789—1794, 1830 и 1848 годов), одна пролетарская (Парижская коммуна 1871 года) и в наше время — эпопея Народного фронта (1936—1938 годы).

Наконец, дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступления от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе, за волюнтаристские ошибки, за догматизм в мышлении, инерцию в практических действиях.

На рубеже 70—80-х годов сложилась тревожная для исторических судеб нашей Родины как социалистического государства ситуация. И дело не только в том, что в это время произошло замедление темпов экономического роста и его социальной отдачи. Затормозился, а потом и пошел вспять начатый после XX съезда КПСС процесс демократизации общественной жизни; вновь возобладали административно-бюрократические методы руководства экономикой, культурой, наукой; разбух управленческий аппарат; нарушались принципы социальной справедливости; все очевиднее становился разрыв между словом и делом. В результате у части советских людей, особенно молодежи, ослабла вера в наши революционные и социалистические идеалы.

Однако эти извращения и деформации не вытекали из природы социализма, не изменили его сущности, не поколебали верности советского народа своему фундаментальному социалистическому выбору. Именно с социализмом связаны социальное и национальное возрожде-

ние нашей Родины, ее историческое восхождение от отсталости к высотам современной цивилизации и могущества, наши надежды и помыслы, наш сегодняшний и завтрашний день.

За 70 лет Советской власти наша страна добилась гигантских результатов. Разительные перемены произошли во всех сферах народного хозяйства и народного благосостояния. Навсегда ушли в прошлое безработица, бедность и нищета трудящихся. Страна Советов превратилась в крупнейший самостоятельный мировой центр научно-технического и культурного прогресса. По любым меркам эти результаты нельзя оценить иначе, как невиданный ранее скачок в развитии производительных сил и культуры. Такова историческая правда о достижениях социализма в СССР.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии выработали политическую линию партии, рассчитанную на радикальное обновление социализма и всемерное ускорение социально-экономического развития страны.

Крупные, принципиально важные решения приняты на январском (1987 г.) Пленуме ЦК. Они вооружают партию и народ теорией перестройки, мобилизуют их на более глубокие реформы, на смелые меры, призванные придать социализму самые современные формы организации общества. Ключом к достижению этих целей являются революционная перестройка, демократизация всех сфер общественной жизни, развязывание инициативы и самостоятельности масс.

Как обычно бывает на крутых поворотах истории, ныне резко возрастает организаторская роль аппарата управления. Вспомним, как альтернативно ставил этот вопрос при переходе к нэпу Ленин. В планах брошюры «О продовольственном налоге» он писал: «Без „аппарата“ мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма» (т. 43, с. 384). Становится понятным, почему январский Пленум ЦК КПСС уделил столь пристальное внимание кадровой политике.

Наш выбор однозначен. «Не в сторону от социализма, а больше социализма», — отмечал М. С. Горбачев. Таков непреложный императив истории, таков ответ партии и народа на вызов нашего сурового и ответственного времени.

Правда, 1987, 27 марта

«БЕЛЫЕ ПЯТНА»

Изучать ошибки прошлого, чтобы не допустить их в будущем

Корреспондент АПН Елена ШАХОВА беседует с доктором философских наук, профессором МГУ Анатолием БУТЕНКО.

Специалист по проблемам теории социализма А. Бутенко в последнее время занимается изучением «белых пятен» советской истории. По его мнению, исследования в этой области необходимы для того, чтобы понимать, каким образом создавался в СССР механизм единоличной власти («культ личности»), и вырабатывать практические способы предотвращения подобных явлений в будущем. На вопрос, как он оценивает с этой точки зрения доклад М. С. Горбачева, сделанный 2 ноября на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, А. Бутенко ответил:

— Я, как и все советские люди, с большим вниманием изучил выступление М. С. Горбачева. В нем дан интересный, обоснованный анализ многих сложных вопросов. Он заставляет еще раз подумать над теми событиями, которые произошли за эти 70 лет.

В настоящее время меня более всего интересует период конца 20-х и 30-е годы. Тогда, как отмечалось в докладе М. С. Горбачева, в центре политических дискуссий оказались коренные проблемы развития общества, прежде всего вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране.

Очень важно, чтобы анализ возникших в то время проблем и разъяснение допущенных ошибок соответствовали уровню современных научных знаний. Я понимаю, нынешняя оценка событий, данная Центральным Комитетом КПСС, опирается на те сведения, которыми на данный момент располагает общество. Вместе с тем — и об этом говорил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев — Центральный Комитет не претендует на знание истины в последней инстанции. Можно сказать, что в настоящее время мы располагаем материалами, которые нуждаются в дополнительном изучении.

— *Какие моменты, на ваш взгляд, необходимо исследовать в первую очередь?*

— Думаю, те, что связаны с деятельностью и взглядами Сталина. В докладе на торжественном заседании были даны оценки ошибочных позиций Троцкого и

Бухарина. Так, совершенно справедливо отмечается, что троцкистская концепция отрицала возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения и что руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин, отстояло здесь ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства. Был дан также перечень ошибок Бухарина, мнение которого по вопросу о темпах социалистического строительства, путях и формах коллективизации сельского хозяйства расходилось с мнением Сталина и других членов Политбюро. Сегодня необходима такая же персональная оценка взглядов и деятельности самого Сталина. Факты свидетельствуют, что по многим вопросам он занимал отнюдь не ленинскую позицию.

Возьмем, например, его отношение к социалистической революции и вооруженному восстанию. Весной 1917 года В. И. Ленин, вернувшись в Россию, выступил со знаменитыми Апрельскими тезисами, в которых был намечен курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В канун Октября Ленин обосновал необходимость вооруженной борьбы. Известно, что Сталин по этому вопросу придерживался особого мнения. Вместе с Троцким он выступал против вооруженной борьбы, за легальные формы захвата власти.

— *Тем не менее Сталин был избран в Военно-революционный центр по руководству восстанием, да и впоследствии поддерживал Ленина в сложнейших ситуациях — например, в вопросе о заключении Брестского мирного договора. Как вы расцениваете деятельность Сталина после Октябрьской революции?*

— Еще при жизни Ленина им был допущен ряд ошибок, в частности по национальному вопросу. Ленин оценил его позицию по отношению к местным партийным кадрам в Грузии и Закавказье как позицию, которую могут проводить только «держиморды» и «националисты».

После смерти Ленина Сталиным был допущен целый ряд отступлений от ле-

нинских идей. Так, он по-своему трактовал новую экономическую политику, предполагавшую курс на строительство социализма с помощью экономических методов. Сталин рассматривал нэп лишь как «временное отступление», которое вскоре было прекращено. Уже в конце 20-х годов он провозгласил отказ от нэп и возвращение к «наступлению на капитализм», но, по сути дела, это был поворот к командно-административной системе партийно-государственного руководства страной.

Хочу отметить также и то, что массовые репрессии, нарушения законности вообще ничего общего не имеют с ленинской позицией. Это — полный пересмотр ленинских принципов и методов строительства социализма. Мало того, сам удар был направлен на социалистические силы — на партийные, военные, административные кадры. Поэтому, когда речь идет о Сталине, о противоречивости его фигуры, как это отмечено в докладе М. С. Горбачева, по моему мнению, необходимо говорить об отрицательных сторонах не только его деятельности, но и некоторых его идей.

Например, ошибочен был теоретический вывод Сталина о якобы закономерности обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Эта позиция, выдававшаяся за марксистско-ленинскую, на самом деле ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет. Это сугубо сталинская формула, которая была ему нужна, чтобы теоретически обосновать беззаконие и массовые репрессии по отношению к тем, кто был неугоден.

— *Вместе с тем многие трудности 30-х годов, в том числе жесткая централизация руководства, были вынужденным явлением. Поскольку над страной да и над всем миром нависла угроза войны, которую стремилась развязать фашистская Германия.*

— Действительно, принято считать, что ускоренные темпы индустриализации, коллективизации, административный и партийный нажим были продиктованы неизбежностью нападения на Советский Союз гитлеровской Германии. Я думаю, этот вопрос нуждается в более обстоятельном изучении. Между

положением дел внутри страны и на международной арене есть, несомненно, взаимосвязь.

Мне представляется, что и внешняя политика Сталина не во всем может быть признана совершенно правильной. Речь идет не только об ошибках, связанных с плохой подготовкой страны к войне. Сталинская концепция, согласно которой социал-демократия является левым крылом фашизма, послужила разобщению фронта борцов за мир, против гитлеровской угрозы. Этот фактор плюс разгром военных, партийных кадров, слабость обороны — все это облегчало развязывание второй мировой войны и нападение фашистской Германии на Советский Союз.

Поэтому я считаю, что неизбежность второй мировой войны, так же как и возможность ее предотвращения, в равной степени не доказана. С этой точки зрения те жертвы, те издержки, которые были принесены ради ускорения темпов строительства материально-технической базы социализма, не оправдываются тезисом Сталина о военной угрозе. В конце 20-х годов реальной угрозы еще не существовало. Думаю, что этот вопрос также необходимо изучать.

— Наши идеологические противники не раз утверждали, что культ личности — это естественное порождение социализма...

— Как справедливо отмечалось в докладе М. С. Горбачева, культ личности чужд природе социализма. В любой стране, где патриархальное крестьянство составляет большинство населения (а именно такой была Советская Россия в начале строительства социализма), есть крестьянские традиции, крестьянская отсталость, есть крестьянская психология, которые, по Марксу, давят в сторону «сильной власти», в сторону административного руководства, в сторону поклонения патриарху. Но значит ли это, что утверждение культа руководителя неизбежно? Вовсе нет.

Если партия, стоящая у руководства в данной стране, понимает эту опасность, принимает меры, чтобы не допустить преувеличения роли личности, стоящей во главе партии и государства, создает гарантии демократии в обще-

стве, то она может реально противостоять давлению крестьянской психологии. Ведущую роль в противодействии этому может сыграть рабочий класс.

Наша партия в определенный период истории не смогла противостоять этому давлению. Однако сейчас, опираясь на накопленный опыт и осознавая опасность нарушения коллегиальности руководства и связанных с ним нарушений законности, общество в состоянии создать гарантии, чтобы избежать в дальнейшем подобных перекосов и извращений в управлении страной.

Агентство печати «Новости»
(опубликовано в газете «Вечерний Ленинград»
16 декабря 1987 г.)

Октябрьские дни в Петрограде... Кажется, каждая минута, каждая подробность здесь описаны, изучены. Однако мы, люди конца 80-х годов, обогащенные опытом перемен последних лет, по-новому напряженно всматриваемся в происшедшее семьдесят лет назад. О событиях октября 1917 года размышляют доктор исторических наук Юрий АФАНАСЬЕВ и драматург Михаил ШАТРОВ.

Ю. А. Сейчас мы имеем возможность говорить об истории Октябрьской революции полнее и точнее, чем раньше. Но предстоит еще очень много сделать, чтобы окончательно преодолеть вульгарную, антинаучную схему истории Октября и становления советского общества. Иначе трудно понять многое из того, что происходило в те исторические часы. Зато все становится на свои места, если смотреть на факты непредвзято, стремясь не перечислять факты, а осмысливать их. После XX съезда в работах многих советских историков в освещении истории Октября четко наметилось продвижение к правде. Многое из того, о чем говорится в данной публикации, стало достоянием гласности. Но начались времена застоя, а с ними и новый этап укрепления прежних схем.

М. Ш. Вполне возможно, что было бы лучше для разговора с Юрием Афанасьевым выбрать другого собеседника, смотрящего на вещи как-то иначе. У нас в подходе к историческим событиям расхождений нет. Я тоже считаю, что рассмотрение событий прошлого в духе уходящих догматических схем сразу же заводит в тупик и ученого, и литератора. Если, например, считать, что по поводу вооруженного восстания в октябре 1917 года в ЦК большевистской партии было монолитное единство, то трудно понять, почему Ленин без согласия ЦК приезжает из Финляндии в Петроград, почему ему приходится с такой настойчивостью и страстью доказывать необходимость и неотложность вооруженного восстания.

Ю. А. В подтверждение сказанного приведу только один пример. Свои письма Центральному Комитету «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть», написанные 12—14 сентября, Ленин посылает в несколь-

ких экземплярах. ЦК, не желая распространения ленинских взглядов, обсуждает предложение сжечь письма Ленина, оставив лишь один экземпляр каждого. Вопрос ставится на голосование. Шесть голосов за то, чтобы сжечь, четыре против, шесть воздержавшихся. Вот такое голосование. Именно по этому поводу Ленин с горечью писал о том, что его предложения не обсуждаются, ему затыкают рот...

В ЦК партии не было единства. Из членов Политического бюро, избранного на заседании ЦК партии 10 октября, только Ленин, Бубнов и Сокольников были твердыми сторонниками вооруженного восстания. Каменев и Зиновьев выступали резко против, а Троцкий и Сталин занимали колеблющуюся позицию.

М. III. Маргарита Фофанова, связанная Ленина с ЦК, рассказывает, что Владимир Ильич 24 октября посылая ее с записками и письмами несколько раз — требовал, убеждал, настаивал: надо начинать!

Ю. А. С середины сентября Ленин пишет в ЦК одно письмо за другим, его тревога нарастает; в одном из писем он заявляет, что в случае несогласия с ним будет вынужден уйти в отставку; он прибегает к крайней мере, чтобы подчеркнуть: речь идет о самом важном — жизнь или смерть революции. Накал страстей достигает кульминации в конце сентября. 10 октября на заседании ЦК Ленин говорит, что наблюдаются признаки спада, восстание может не состояться.

М. III. А сколько мы читали описаний тех событий, где все развивается ровно и спокойно, где грядущее восстание готовится по заранее намеченному плану.

Ю. А. Те описания давали искаженную картину. Получалось, что ЦК собирался и говорил: мы за восстание. 16 октября повторное расширенное заседание — и снова «за». Но почему тогда проходит еще несколько дней, прежде чем начинается восстание? Ленин выступал за немедленное восстание еще в сентябре, из-за нерешительной позиции ЦК восстание оттягивалось и было осуществлено, вероятно, на пределе сроков, отпущенных ему историей.

М. III. Старые подходы не дают возможности верно оценить поведение отдельных деятелей революции. Если, скажем, считать, что Зиновьев и Каменев просто изменники, совершенно непонятно, почему после победы революции по предложению Ленина они входят во ВЦИК.

Ю. А. Непонятно, если поступки отдельных лиц вырвать из исторического контекста. Оценивая отрицательное отношение своих соратников по ЦК к вооруженному восстанию, Ленин видел здесь позицию, а не измену, выражение определенных общественных отношений и противоречий.

М. III. Важно знать мотивы оппонентов Ленина.

Ю. А. Они разнообразны. Зиновьев и Каменев были против восстания, считая, что страна не готова к решительным революционным переменам, что, начав восстание, большевики проиграют. Троцкий и поддерживавший его Сталин считали, что захват власти следует проводить в легальных формах, используя съезд Советов. Отсюда стремление оттянуть время до открытия съезда. Противники вооруженного восстания приводили разные аргументы: огромная отсталая страна не готова к революции, а если мы спровоцируем генералов, будет пролито много крови, нельзя забывать об июльских жестоких днях.

М. III. Ленин прекрасно понимал реальность опасностей. Однако он лучше других видел, что наступил благоприятный момент для решительных действий. Февральская революция провозгласила лозунги: «Мир, хлеб, свобода!» За минувшие месяцы не был осуществлен ни один из них. Свобода умирать от голода или от пули, то есть без хлеба и без мира, — это не свобода. Расстановка сил в обществе, характер общественных настроений, положение в Советах, в армейских подразделениях, слабость и разобщенность политических противников — все это убеждало Ленина в том, что создалась ситуация в своем роде уникальная, когда можно взять власть с минимальными жертвами. Надо было действовать немедленно.

Ю. А. В позиции Троцкого и Сталина, которые предлагали ждать съезда Сове-

тов, Ленин видел большую опасность. Он говорил, что успех революции нельзя ставить в зависимость от колеблющегося большинства. Между тем оставалось неясным, будут ли большевики на съезде в большинстве.

М. Ш. Накануне съезда большевистских делегатов было зарегистрировано 300 из 670.

Ю. А. Именно поэтому Ленин считал, что нельзя ставить судьбу революции на карту, делать ее зависимой от нескольких голосов «за» или «против». Это авантюра.

М. Ш. Ленин говорил: ждать съезда Советов — это полный идиотизм. На съезде тысячи «если» могли изменить ситуацию. Более того, съезд мог и не собраться. Первоначальный срок его созыва был 20 октября, затем он был перенесен на 25-е. Он мог и тогда не состояться. Фактически все время делались уступки, терялись возможности. Все время мешала иллюзия «парламентского» решения острейших социальных противоречий. Ленин доказывал, что если большевики начнут отставать от хода событий, события могут их опередить. Топтание лидеров на месте может вызвать разочарование в массах, потому что массы хотят реальных изменений. Одни только разговоры, политиканство вместо политики способны оттолкнуть людей. И жизнь показывала, что он прав. К большевикам не раз приходили рабочие, солдаты и спрашивали: «Вы будете выступать или нет? Если не будете, мы без вас выступим». Ленин постоянно обращал внимание на способность лидеров партии учитывать настроение масс, интересы народа. Эта мысль была доминирующей во всех его выступлениях того времени. Преодоление колебаний верхов партии он видел в прямом, непосредственном обращении к массам.

Может возникнуть такой вопрос: не смущало ли Ленина, что он призывал к восстанию в тот момент, когда в ЦК партии не было единства взглядов по этому вопросу? Ответ мы находим в реальных документах, в ленинских письмах. Ленин убежден: само восстание, отвечающее глубинным интересам народа, поможет Центральному Комитету

преодолеть колебания, сплотит руководство партии.

Ю. А. Вы правы. Эта убежденность Ленина определяла его отношение к ошибкам своих товарищей. Известно, что накануне восстания Каменев в газете «Новая жизнь» (от своего и Зиновьева имени) выступил против вооруженного восстания, выдав секретное решение ЦК. Тем не менее 24 октября он принимает участие в работе Центрального Комитета, высказывает свои суждения, что нужно сделать для успешного осуществления восстания. После победы восстания Каменев становится председателем ВЦИК.

М. Ш. Существовала такая формулировка: разногласия были изжиты.

Ю. А. Важно, что разногласия в ЦК — это разногласия в одной партии.

М. Ш. А вот если следовать старой логике (ее рецидивы встречаются и сегодня на страницах печати), можно только изумляться: как они могли быть рядом?

Ю. А. Видимо, легче придерживаться привычного стереотипа, чем увидеть события объемно, в их реальной сложности.

М. Ш. Но, не отказавшись от шаблонов и стереотипов, трудно увидеть личность в истории, оценить ее достоинства и недостатки. И наоборот: зная все подробности, сложности и противоречия, с которыми сталкивался Ленин, мы способны в полной мере оценить его роль в подготовке и свершении Октября, его личное мужество. Я знаю, что было 24 октября, со слов Маргариты Фофановой. Ленин, прочитав днем в газете «Рабочий путь» (под таким названием выходила «Правда») передовую, написанную Сталиным, понял, что в Смольном возобладала тактика ожидания съезда. Именно после этого он пишет свое знаменитое письмо с призывом к восстанию. Фофанова передает это письмо по назначению вместе с требованием Ленина вывести его с конспиративной квартиры в Смольный. Ленин получает ответ: выходить ни в коем случае нельзя — опасно. Ленин пишет снова... Так и не получив согласия, Ленин поздно вечером отправляется в Смольный в сопровождении Эйно Рахья.

Надо себе представить, что значил этот поступок. За несколько дней до того Керенский отдал приказ об аресте Ленина; Керенский говорил: я чувствую, что он здесь. Ленин отправился в путь — неблизкий, многокилометровый, во враждебную ночь, где его ищут и на каждом шагу могут расстрелять. Вместо того чтобы сидеть и ждать в сравнительно безопасном месте, идет, несмотря на то что не было разрешения Центрального Комитета...

Ю. А. Следует сказать, что 24 октября восстание уже шло. Но действия восставших носили по преимуществу оборонительный характер — в ответ на разгром рабочих газет и развод мостов. И хотя уже происходила мобилизация сил, начинались наступательные действия — были захвачены продовольственные склады, Ленин был недоволен медленным развертыванием сил наступления: Временное правительство никто не собирался арестовывать, никто не собирался штурмовать Зимний дворец. И только когда Владимир Ильич пришел в Смольный, машина восстания завертелась по-настоящему.

М. Ш. Вероятно, в каждой революции есть такие моменты, когда сталкиваются две точки зрения: одна — вперед, не упускать момента; другая — постепенность, колебания: а вдруг возникнет лучшая ситуация, то есть топтание на месте. А в революции шаг на месте — четыре шага назад, упущенные возможности, поражение, гибель. И наоборот: решимость идти до конца, противостоять неблагоприятным обстоятельствам, страхам несет победу. Октябрь семнадцатого всегда останется для нас примером умения идти до конца и необходимостью это делать.

Московские новости, 1987, № 45

Из «Постановления об образовании рабочего и крестьянского правительства»: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...»

Зимний брали в ночь со вторника на среду, с 25 на 26 октября. «2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец, 6 человек убито — павловцев», — сообщала телефонограмма Петергофскому районному Совету, и собравшиеся в Смольном, в комнате номер 36, где проходило заседание ЦК партии, радовались: почти бескровным оказалось вооруженное восстание. Был оживлен, приветлив Владимир Ильич. Но вдруг, потеряв улыбку, стал серьезен: «Не радуйтесь, будет еще очень много крови. У кого нервы слабые, пусть лучше сейчас уходит из ЦК»...

В шестом часу утра Ленин согласился поехать на Херсонскую улицу к Бонч-Бруевичу: отдохнуть ненадолго. Закончилась вторая ночь, проведенная им в Смольном.

Спать, спать, спать. А сна нет. Зажигает свет, подсаживается к столу. Все, как прежде, как бывало много раз: стол, перо, бумага, рассвет за окном. Но пишет не прокламацию, не обличительный памфлет, не заметки публициста, не теоретический труд, не аналитическую статью. Пишет проекты законов, по которым жить России. Революционер, ниспровергатель устоев и основ, разрушитель старого мира становится создателем нового — мы свой, мы новый мир построим...

Владимир Ульянов (Ленин) — будущий глава Советского правительства, очевидно, первым испытал это чувство. Разделить его предстояло и другим большевикам — тем, кто составит наше первое правительство.

Историки и сейчас размышляют, когда были сделаны Владимиром Ильичем эти заметки. В какую минуту — ночь, утро, день и снова ночь вооруженного восстания — взял лист бумаги; всего лишь один — провел параллельные линии, расчертив его на тринадцать равновеликих строк, отделяющих одну запись от другой. Наверняка известно одно —

писал накануне, когда победа восстания была очевидна и вплотную подступало время последующих действий. Значит, писал не позднее 26 октября 1917 года.

Лист, на котором помечено все, что было необходимо на первых порах для организации аппарата управления. Владимир Ильич явно спешил, писал, постоянно сокращая слова, все больше превращая их написание в понятные лишь для него обозначения: «Б-Бр», «Ве. р. и. кр. прав.», «м-ры и т-щи м-ра». Теперь в этой рукописи нет загадок. Ученые Института марксизма-ленинизма подготовили документ к печати, расшифровали имена: «Б-Бр» — В. Д. Бонч-Бруевич, прочли сокращения «Ве(стник) р(абочего) и кр(естьянского) прав(ительств)а», м(инист)ры и т(овари)щи м(инист)ра... Появившись в 1933 году на страницах «Ленинского сборника», документ обрел заголовок — «Заметки об организации аппарата управления». Они дают возможность проследить, как воплощались в революционной практике государства — в первые же дни, недели его рождения — тринадцать ленинских строк.

В левом верхнем углу Ленин написал «Назначения». Сохранилось немало рассказов о том, как проходило формирование Советского правительства в Смольном, все в той же комнате номер 36. Предстояло от захвата власти перейти к ее осуществлению, — шаг для нас теперь, казалось бы, очевидный, но тогда он многим давался нелегко. Началось обсуждение кандидатур — состав будущего кабинета, и вот что испытывал при этом, скажем, А. В. Луначарский:

«Это совершалось в какой-то комнатшке Смольного, где стулья были заброшены пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне неподготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отма-

хивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить».

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Вечер 26 октября. Принимаются декреты о мире, о земле. В 2 часа 30 минут ночи стали обсуждать состав правительства. Все его 15 кандидатов были от партии большевиков. Сотрудничать с буржуазными партиями, демонстративно покинувшими съезд Советов, — меньшевиками, правыми эсерами — представлялось, очевидно, бессмысленным. «Не для того бралась власть, — писала Н. К. Крупская, — устраивалась революция, чтобы впячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места». Войти в правительство предложили левым эсерам, которые оформлялись тогда в самостоятельную партию. Но они это предложение отвергли. В результате первое Советское правительство было однородным, однопартийным — большевистским.

«Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства» гласило: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета — Владимир УЛЬЯНОВ (Ленин);

Народный комиссар по внутренним делам — А. И. РЫКОВ;

Земледелия — В. П. МИЛЮТИН;

Труда — А. Г. ШЛЯПНИКОВ;

По делам военным и морским — комитет в составе В. А. ОВСЕЕНКО (Антонов), Н. В. КРЫЛЕНКО и П. Е. ДЫБЕНКО;

По делам торговли и промышленности — В. П. НОГИН;

Народного просвещения — А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ;

Финансов — И. И. СКВОРЦОВ (Степанов);

По делам иностранным — Л. Д. БРОНШТЕЙН (Троцкий);

Юстиции — Г. И. ОПОКОВ (Ломов);

По делам продовольствия — И. А. ТЕОДОРОВИЧ;

Почты, телеграфов — Н. П. АВИЛОВ (Глебов);

Председатель по делам национальностей — И. В. ДЖУГАШВИЛИ (Сталин);

Пост Народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незаполненным.

Вчерашние подпольщики, нелегалы, политкаторжане становились наркомы, особыми уполномоченными, чрезвычайными комиссарами. Один из первых наркомов Г. И. Ломов писал:

«Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданных революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России, с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством...»

Впрочем, и сам глава правительства Ульянов-Ленин, услышав от кого-то жалобы на недостаток опыта, расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!» Да, они давно свыклись с судьбой революционера-профессионала; десятилетиями оставались нелегалами; пережили трагедию семьи, близких, кому неминуемо, не желая того, причиняли горе; махнули рукой на испуганно сторонившихся друзей юности, избравших карьеру процветающих чиновников и преуспевающих политиков; никогда не рассчитывали на признание общества, в котором жили; находились на свободе в перерыве между арестами. А все, что могли поставить себе в заслугу, каралось тюрьмами,

ссылками, каторгой, смертной казнью.

Нарком земледелия В. П. Милютин: революционную работу вел с 19 лет, восемь раз арестовывался, семь лет провел в тюрьме и ссылке. Народный комиссар по внутренним делам А. И. Рыков последние пятнадцать лет перед революцией был на нелегальном положении, восемь раз арестовывался, три раза бежал. Комитет по делам военным и морским: В. А. Антонов-Овсеенко приговаривался к смертной казни, Н. В. Крыленко арестовывался пять раз, П. Е. Дыбенко поднял восстание на линкоре «Император Павел I». Нарком по делам торговли и промышленности В. П. Ногин: агент «Искры», семь раз ссылался в Сибирь, на Север, шесть раз бежал. Нарком просвещения А. В. Луначарский: сын крупного чиновника, двадцати лет вступил в партию, 24-х был выслан, отдал революции талант критика, дар писателя, энергию публициста. Нарком финансов И. И. Скворцов-Степанов — автор перевода трех томов «Капитала», пробыл в тюрьме и ссылке более восьми лет. Нарком по делам иностранным Л. Д. Бронштейн (Троцкий): в рабочем движении с 17 лет, в девятнадцать — сослан в Сибирь. Нарком по делам продовольствия И. А. Теодорович: ссылался в Якутию, был на каторге в Сибири. Нарком почты, телеграфов Н. П. Авилов (Глебов) — рабочий-печатник и организатор подпольной печати. Сидел в крепости, тюрьме, трижды бежал из ссылки. Нарком по делам национальностей И. В. Джугашвили (Сталин) — был известен под именами Давид, Коба, Нижерадзе, Чижиков, Иванович, шесть раз ссылался, пять раз бежал из ссылки...

Многое можно сказать о людях, которых называли героями и мучениками революции. А возможно, и стоит продолжить этот список.

Но сколько ни называй имен — вскоре, например, в состав правительства войдут Г. И. Петровский, осужденный к вечному поселению в Туруханском крае; А. М. Коллонтай, дочь генерала, участвовала в социал-демократическом движении Англии, Германии, Дании, Франции, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, США, была арестована

Временным правительством; Г. В. Чичерин 13 лет провел в эмиграции, Октябрьскую революцию встретил в камере лондонской тюрьмы; Ф. Э. Дзержинский революционную работу начал за 23 года до победы Октября, половину этого времени провел в заключении — все отличие в этом перечислении, куда ссылали, на сколько лет приговаривали да по скольку раз бежали из-под ареста. Тогда все они были словно на одно лицо, будто цепочка бойцов на самой далекой черте горизонта, если и различимая, то лишь в зареве наших, по большей части романтических, представлений. На самом же деле они были очень разными — судьбой, образованием, характером. Одни были молчуны, другие — острословы. В ответ на раздраженное замечание Ленина — за такое отношение к делу следовало бы посадить виновного на хлеб и воду — нарком Милютин мог ответить: на воду — извольте, а хлеба у нас нет. Не были готовы к ведению делопроизводства, но умели отстаивать свою точку зрения, не оглядываясь, — кто за, а кто не поддерживает. Чаще всего не были знакомы со всеми тонкостями той области, которой выпала доля руководить, но в каждом своем решении руководствовались единственным — своими представлениями об интересах рабочих и крестьян. Иной подход восприняли бы как предательство по отношению к самому себе, смыслу своей жизни.

Все они и не раз ошибались. Бывало и с Лениным — Владимир Ильич никогда этого не скрывал. Рыков, Милютин, Ногин, Теодорович находились в составе первого правительства, как говорится, без году неделя: уже 4 ноября они вышли из него, оказавшись на правом крыле партии. Других неудержимо влекла левая фраза. И Ленин с горечью спрашивал: «Что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывок книжки забывать действительность?»

Он знал их всех по большей части много лет. Еще задолго до революции писал: «С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов». Даст самые откровенные характеристики тем, кто работал рядом, и в самом конце жизни, на рубеже двадцать третьего года, диктуя «Письмо к съез-

ду» — один из документов политического завещания Владимира Ильича. О Сталине: «...сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». О Троцком: «...чрезмерно хватающим самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». О Пятакове, тогда заместителе председателя Госплана: «...человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

Читаешь ленинские, по нашим временам непривычно суровые оценки — и думаешь: а ведь со всеми этими людьми Владимир Ильич шел в революцию, выстоял в первые дни Советской власти, победил в гражданской войне, начал новую экономическую политику. И уже сам по себе стучится вывод: чем больше потенциал возможностей руководителя, тем шире круг тех, кого он привлекает, с кем находит возможность работать. Спорит, отстаивает истину, доказывает свою правоту и работает. От столкновения мнений по поводу Брестского мира, через профсоюзную дискуссию, к обоснованию нэпа вновь и вновь отстаивал свою точку зрения. Верил людям, не подозревая их в злонамеренности, не разыскивал злоумышленников во имя самоутверждения.

Не на словах, а в самой сути своего взгляда на окружающих оставлял за ними право на ошибку: «...надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей». Понимал, очевидно, иначе поднимется, разовьется и укрепится генерация тех, кто во всех тонкостях знает, как не надо, и при этом днем с огнем не разыщешь тех, кто понимает и умеет, как надо...

Начав «Заметки об организации аппарата управления» словом «Назначение», Ленин пометил четырьмя строками ниже: «Немедленное создание... народных комиссаров...»

Именно в этой рукописи впервые определяется название членов Советского правительства — народные комиссары. Название новое, непривычное, и Ленин чуть ниже помечает в «Заметках», заключая в скобки, как бы расшифровывая для себя, — «м[инист]ры — и т[овари]щи м[инист]ра», то есть этим должностным лицам в аппарате нового государства соответствуют народные комиссары и их заместители. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, словосочетание «народные комиссары» взамен принятых прежде министров предложил Ленин: «Как только наступил первый момент после захвата власти, когда пришлось всем подумать об устройстве правительства, то, конечно, сейчас же поднялся вопрос о формах его. Большинство определяло его структуру в старых формах: кабинет министров. Как сейчас помню, Владимир Ильич, заваленный крайне трудной работой с первых дней революции, услышал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил: «Зачем эти старые названия, они всем надоели. Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами, председателей этих комиссий назовем народными комиссарами...»

Однако литературный характер воспоминаний всегдастораживает. «Как сейчас помню... услышал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил». Да было ли в этой комнате номер 36, на первом этаже Смольного, несколько телефонов, если стульев и тех не хватало? Вот как описывает помещение, где заседал Центральный Комитет партии большевиков, например, Милютин: «Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... в углу, прямо на полу лежит товарищ Берзин, ему нездоровится». Вызывает сомнение и некая отстраненность Ленина при обсуждении такого немаловажного вопроса: «...услышал этот разговор... мимоходом бросил...»

Иначе описывает тот же эпизод большевик Рахья. Он вспоминает, что кто-то предложил название народные комиссары. Ленин согласился. Свидетельствует об этом и Милютин: приступили

было к поименному списку кандидатур, «и вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов... Тогда и возникло — народный комиссар. «Да, это хорошо, — сейчас же подхватил товарищ Ленин, — это пахнет революцией»... Так в комнате номер 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название». Общее же в этих воспоминаниях — отношение Владимира Ильича к самому этому понятию «народные комиссары»: видел в нем естественное продолжение революции, слышал в нем голос Парижской коммуны — исторического прообраза создающегося теперь государства. Ленина это радовало.

В день, когда закрылся под пение «Интернационала» Второй съезд Советов, на первом этаже Смольного, вновь в комнате № 36 (у главы правительства, скорей всего, еще не было своего кабинета), состоялось первое заседание Совнаркома. Утвердили постановление о созыве в назначенный срок Учредительного собрания. Приняли Декрет о печати. Обсудили и одобрили написанный Лениным «Проект положения о рабочем контроле», правительство приступило к управлению страной...

С победой Октябрьской революции занятый практикой социалистического строительства Ленин дважды особенно подробно обосновывает его перспективы. Весной восемнадцатого в брошюре «Очередные задачи Советской власти»: социалистическое строительство находится еще на нулевом цикле, и речь идет, по сути, о всем укладе жизни, о том, как Россией управлять, общенародный лозунг момента «Учиться работать!». В конце жизни, на рубеже двадцать второго — двадцать третьего годов, в своих последних диктовках Владимир Ильич занят социально-политическими проблемами. «Я советовал бы очень предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе» — первая фраза его первой диктовки. Это и понятно: экономические проблемы разрешила новая экономическая политика, теперь важно провести в соответствии с ней социально-демократические преобразования... Знаю отлично, что всякое сравнение хромает, но не могу удержаться,

чтобы не упомянуть; к июню 1988 года коренная реформа управления нашим народным хозяйством будет в разгаре, и собравшаяся к этому сроку XIX Всесоюзная партийная конференция обсудит вопрос «О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества».

Вернемся к первым шагам первого Советского правительства. Что характерно прежде всего? Осуществление того, что было намечено еще в канун октябрьских событий; утверждение социалистической сути переворота, благодаря последующим за ним преобразованиям — слом старой государственной машины, утверждение народовластия, удовлетворение требований самых широких масс трудящихся. При этом политика правительства едина с методами ее воплощения. Поразительно едина!

В «Бюллетене ЦК РСДРП (Больш.) № 1» — было это 29 октября 1917 года — сообщалось: «Ввиду того, что газеты не выходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил разослать краткие бюллетени о положении дел. Демократия в лице рабочих и солдат идет за нами... но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют военно-революционный комитет и комиссаров, так что технический аппарат на самом деле не в наших руках. Так же саботируют нас и телеграфисты, не передают наших телеграмм». Бюллетень переписан от руки — не было и машинисток.

В архиве и сейчас хранится документ, подписанный, скорей всего, единственным служивым человеком Министерства иностранных дел, сотрудничавшим с большевиками: «Пакет для посланника бельгийского получил. Швейцар Скоробогатов, 8-го ноября 1917 в 12 часов ночи от народных комиссаров». А в других министерствах, вывернутых наизнанку саботирующими чиновниками, и такого швейцара не было.

Значит, осуществить требования масс возможно, лишь привлекая их самих к осуществлению этого. Готово ли было население России к той роли, которая отводилась ему с победой революции? Очевидно, нет. «У нас нет другой опоры, — говорил Ленин, — кроме миллио-

нов пролетариев, которые несознательно, сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны, но которые, как пролетарии, идут за своей партией».

И на первом же, как помните, заседании Совнаркома обсуждается проект положения о рабочем контроле: его осуществляют все рабочие и служащие каждого предприятия. В те же дни Ленин пишет «Ответ на запросы крестьян: они могут брать власть на местах в свои руки». Председатель Совнаркома обращается по радио ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота: им дано право вступать в переговоры о перемирии с неприятелем. Задумайтесь теперь, попробуйте подсчитать — да нет, хотя бы представить себе, — сколько тысяч или миллионов людей в первые же дни Советской власти оказались втянутыми в управление государством. Получили право решать и действовать. Действовать и решать без опаски и без оглядки.

...Большевики пришли к власти и сумели удержать ее в самых критических ситуациях. Но отчего же все-таки возникает вопрос: почему ни одна другая партия не смогла опереться на поддержку населения, не сумела совершить хоть нечто подобное? Были среди них и те, что именовали себя «марксистскими». За восемь месяцев со времени Февральской революции до Октябрьской у власти побывали, кроме большевиков, представители практически всех политических партий России, и ни одна не сумела удержаться у власти. Почему? Крушение царизма открыло шлюзы, поднялась огромная народная волна. И каждая партия стремилась остановить ее, старалась преградить ей путь. Только большевики сумели двинуться вместе с этой волной, двинуться вперед вместе с массами.

Полностью во всем объеме уловить требования рабочих, крестьян, солдат, осмыслить, сделать из них практические выводы — постоянная забота Ленина. А когда это удавалось в какой-то мере другой партии, Владимир Ильич не считал зазорным обратиться к ее материалам. В принятый Вторым съездом Советов Декрет о земле был включен наказ местных Советов крестьянских

депутатов. Это вызвало вопросы из зала, и Ленин ответил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны». Умение понять требования широких масс и разделить их, даже если не согласны, — с этого начинался социалистический демократизм, на этих основах начинало свою деятельность первое Советское правительство.

Известия, 1987, 12 июля

Шестьдесят пять лет назад, в 1922 году, В. И. Ленин диктовал свое политическое завещание. В последние недели и дни, когда работал в кремлевском кабинете, преодолевая головные боли, неотступно чувствуя — болезнь не ушла, она не может уйти, лишь притаилась, готовая нагрянуть ежемгновенно, Ленин, надо полагать, многое понимал о своем состоянии. Не случайно же, не просто так, просматривая новые книги, выделил «Политическое завещание» Энгельса. Попросил библиотекаря эту книгу не закладывать далеко, к тому же написал на обложке: «Сохранить на полке. 30/XI 1922 г. Ленин». 30 ноября, — ему оставалось работать в своем кабинете всего лишь несколько дней: тем последним днем станет 12 декабря.

От врачей Ленин добивался ясности: как обстоят его дела на самом деле? Осенью восемнадцатого, в первую ночь после ранения, когда не удавалось нащупать пульс, спросил доктора Вейсброда: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить». И в двадцать втором, испытав первые приступы болезни, спрашивал, в общем-то, о том же — на этот раз офтальмолога Авербаха: «Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?»

Настоял на своем

Мысль о том, чтобы «кое-какие делишки не оставить», и теперь не давала покоя. Уже прикованный к постели — не действовали правая рука и правая нога, — Владимир Ильич вечером 23 декабря вдруг попросил разрешения диктовать стенографистке: всего лишь 5 минут! Объяснил: его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет. Так начал диктовать «Письмо к съезду». Продолжил на следующий день, предупредив, что все это абсолютно секретно. «Подчеркнул это не один раз», — записала Володичева в дневнике секретарей. Предупредил, однако, с опозданием: первая диктовка еще прошлым вечером была отправлена Сталину. Володичева свидетельствовала: эти документы Ленин просил хранить в запечатанных

сургучом пакетах с указанием, что вскрыть их может лишь Ленин, а после его смерти Крупская...

Диктовал, невзирая на возражения врачей. Им ответил в ультимативной форме: или ему разрешат ежедневно хотя бы в течение короткого времени диктовать его «дневник», или он совсем откажется лечиться. Требование это было поразительно категоричным и подобно, скажем, голодовке, которую мог объявить в аналогичной ситуации, оказавшись в заключении. Между прочим, в те же дни, обратясь с просьбой к секретарю Совнаркома Фотиевой, обронил: «Если бы я был на свободе...» Фотиева писала: Владимир Ильич «сначала, видимо, оговорился, а потом повторил, смеясь: „Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам“». Быть может, сказался и предписанный больному суровый режим, к тому же осуществляемый не всегда с достаточным тактом.

Крупская вспоминала: «Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму». В тюрьме Ленин работал, не теряя ни минуты, работал обстоятельствам вопреки. И теперь был выше их — обстоятельств, которыми стала собственная жизнь. «Надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох», — сказал одной из секретарей. И спешил: многое и очень важное не давало покоя.

Ленину разрешили диктовать ежедневно 5—10 минут. Здоровье стало улучшаться — продлили время до 30—40 минут. Он успел продиктовать несколько больших писем и 5 статей — их тогда же публиковала «Правда». А 6 марта 1923 года наступило резкое ухудшение. Вскоре, вспоминала Фотиева, «...мы, потрясенные, смотрели в окно, как выносили Владимира Ильича на носилках и укладывали в автомобиль, чтобы отвезти в Горки».

Неотложное

Ленин допускал: диктуемые им письма, статьи могут быть последними — это придало им характер политического завещания. Однако завещание в на-

шем представлении — нечто обращенное в будущее, к потомкам. Ленин же размышлял о самом неотложном. Излагал то первоочередное, о чем намеревался говорить с трибуны X съезда Советов — не смог, обсуждать на XII съезде — не довелось. Успел лишь набросать конспект своей речи на X съезде Советов. Там записал:

«Быстрее (1917—1922)
медленнее (1922—1927??)».

Наступает новый и долговременный период социалистического строительства. По аналогии с предшествующим его можно определить пятилетием, а возможно, он продлится и много дольше — отсюда не один, а сразу два вопросительных знака. Уходит в прошлое облаченное в военную форму «надо», на смену ему пришло гражданское «возможно», требующее мудрой постепенности, всестороннего анализа происходящего. И Ленин посвящает свои последние диктовки развитию кооперации, культурному строительству, говорит о том, что никогда нельзя формально относиться к национальному вопросу, конечно же, настаивает на совершенствовании государственного аппарата, хотя и предвидит возражения «от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остается и по сейчас...»

Весной восемнадцатого работал над брошюрой «Очередные задачи Советской власти» — тоже сначала диктовал, а потом принялся писать. Тогда отвечал на вопрос: как Россией управлять? А ответив, занялся осуществлением проблемы на практике. Теперь, в своих последних диктовках, говорил: вновь настало время для решительного поворота, необходимо соединить хорошо отлаженное централизованное управление с развитием демократии — развитием повсеместным, во всех делах, начиная с жизни Советов и вплоть до соревнования с частником. Последние письма и статьи Ленина передавали тот капитал, во владение которым надо вступать немедленно, а не произойдет это — не миновать негативных, как сказали бы мы теперь, явлений.

С чего же советовал начать Влади-

мир Ильич? Что видел непременно условием в предстоящей перестройке? Никак не могу обойтись без столь современного слова, но уж очень подходит оно и для тех времен, и для наших.

Вопрос, который прежде всего поднял в своих диктовках, тот, что не давал уснуть, — это необходимость предпринять, говоря словами Ленина, «ряд перемен в нашем политическом строе» — это уже в первой строке первого документа — «Письмо к съезду». Поворот в политике, саму возможность его осуществления ставил в зависимость от перемен в партии. Перестройку надо начинать с нее. Пишу и чувствую, что теряю грани времени, границы того, что происходило 65 лет назад и чем заняты мы сегодня...

Ленин предлагал «увеличение членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни». Кто-то, наверное, пустится в рассуждения: можно ли ставить знак равенства между переменами в политическом строе и численным увеличением членов ЦК партии? Ленин, между тем, исходил из реального. Его особенностью, писала Крупская, «было то, что он никогда не обманывал себя, как бы печальна ни была действительность...». А действительность была такова, что устойчивость партии оказалась по сути в зависимости от двух членов ЦК — Сталина и Троцкого. «Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола», — писал Ленин, — который можно избежать благодаря введению в ЦК большой группы рабочих. При этом советовал привлекать не тех «рабочих, которые прошли длинную советскую службу... потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться». Иными словами, эти люди не будут самостоятельными — они смогут лишь выбрать, к какому берегу причалить. Ленин же настаивал пригласить тех, кто без всяких предубеждений станет основываться на собственном опыте и здравом смысле: «...рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся... в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крес-

тьян». Не пересаживать из второго ряда в первый, а смелее обращаться к последним рядам.

Поименно

Среди тысяч и тысяч документов, опубликованных в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, нет другого — подобного «Письму к съезду», где бы так подробно разбирались характеры, личные качества тех, кто был у руководства партии. Почему же именно здесь? Да все потому же: обеспокоен тем, что в ЦК велико «влияние чисто личных и случайных обстоятельств».

Дает поименные характеристики, и настолько глубокие, что постичь их удастся не сразу. Говорит, например: «Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью...» И, продолжая мысль, добавляет: этот эпизод «мало может быть ставим им в вину лично...». Как же так? Если нельзя вменить поступок в личную вину тем, кто его совершал, то за что и обвинять их тогда? Но пятью годами раньше, в канун Октябрьской революции, именно Ленин, узнав, что Зиновьев и Каменев разгласили решение о вооруженном восстании, требовал их немедленного исключения из партии. Что же, ушла со временем острота противоречий, резкость былых оценок? Нет!

Можно говорить о личной вине человека, когда он ошибается, делает что-то не подумав, опрометчиво. А поступок Зиновьева и Каменева в канун революции не был случайностью: совершался сознательно, согласно их натуре. А значит, по мнению Ленина, «он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». И поставил точку — сравнением с «небольшевизмом Троцкого», потому что в основах своего мировоззрения, в глубине сознания Троцкий никогда большевиком не был.

Те или другие положительные качества руководителя не могли заслонить от Ленина его слабые стороны. Скажем, Бухарин — «ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно счи-

тается любимцем всей партии», а вместе с тем «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое...».

Столкновение

Самые ожесточенные идейные схватки, изнурительные политические бои Ленин вел с теми, кто пытался подстроить жизнь к пропагандистской фразе, свести многообразие окружающей жизни к идеальному казарменному порядку. Такие столкновения происходили и в самом конце жизни. Одним из носителей во многом не разделяемых взглядов и неприемлемых поступков был Сталин. Но почему именно теперь все обострилось?

Сталин недавно стал генеральным секретарем — в апреле 1922 года. Вскоре Ленин заболел, до осени оставался в Горках. Непосредственно наблюдать Сталина в должности генсека он смог, лишь вернувшись после болезни и пока вновь не заболел, — всего лишь 74 дня. Этого оказалось достаточно, чтобы констатировать в «Письме к съезду»: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Сказывалось и частое нездоровье Владимира Ильича. Он уже не мог, как прежде, бывать на всех пленумах, заседаниях Политбюро. А значит — и влиять на принимаемые там решения. Порой приходилось оспаривать решения уже принятые, с которыми был принципиально не согласен. Например, с проектом резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». Его готовила комиссия, возглавляемая Сталиным. Она приняла тезисы Сталина об «автономизации»: все независимые республики входят в РСФСР на правах автономных. Только Ленину удалось доказать пагубность такого решения. А касаясь этого в своих диктовках, он сказал: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина,

а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Все то же озлобление Сталина сказалось и в так называемом «грузинском инциденте». Группа членов ЦК партии Грузии, не свободная от ошибок, была подвергнута неправомерным гонениям. Политическую ответственность за это, по мнению Ленина, нес прежде всего Сталин. До самого последнего момента, пока не лишился речи, Владимир Ильич сам занимался расследованием этого дела. И последний в его жизни документ был адресован грузинским коммунистам: «Всей душой слежу за вашим делом...»

Так пришел Ленин к выводу, который и сформулировал в «Письме к съезду»: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места...»

Письмо Ленина обсуждалось на XIII съезде по делегациям. Делегаты поверили Сталину, поверили, что он учтет критические замечания. Сталин не сделал этого. Ленин предупреждал: кому-то личные качества Сталина покажутся «ничтожной мелочью». Но «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». Ленин был прав — трагически прав.

...Беседуя как-то с Горьким, сормовский рабочий сказал: Ленину частенько приходится держать душу за крылья. До чего же емко и точно сказано! Обстоятельства, условия борьбы вынуждали Ленина быть и суровым, и непримиримым, и беспощадным. И он бывал таким, превозмогая все другие чувства, превозмогая доброту. В отличие от тех, кого обстоятельства вынуждают порой становиться и отзвучившими, и добрыми, и они, случается, бывают такими, превозмогая в себе жестокость.

Московские новости, 1987, № 3

О судьбе ленинского политического завещания, о необходимости углубленного анализа причин возникновения культа личности беседуют доктор исторических наук Дмитрий ШЕЛЕСТОВ и журналист Константин ЕЛЮТИН.

— С большим интересом воспринят в нашей стране и за рубежом доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании в Москве, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрь и перестройка: революция продолжается» — этот документ имеет, по-видимому, программное значение и для историков советского общества?

— Доклад М. С. Горбачева, а также уроки истории, отмеченные в только что вышедшей его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», ставят задачу углубления исследований истории Великого Октября, всех последующих периодов социалистического развития, в их числе двадцатых и тридцатых годов, которые заняли особое место в жизни Советского государства.

Мы вновь и вновь возвращаемся к истокам, стараемся как можно глубже осмыслить ту пору, когда начинало строиться первое в мире социалистическое общество. Доклад М. С. Горбачева дал глубокую характеристику семидесятилетнего пути развития страны, не замалчивая трудностей и драматизма эпохи. В нем, например, впервые ясно сказано о том, что в деле коллективизации сельского хозяйства было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству. Административно-командная система, свойственная сталинскому руководству, вызвала серьезные перегибы в социалистическом преобразовании деревни.

Крупнейший после 1917 года социальный поворот, начавшийся в деревне на рубеже 20—30-х годов, дал новостройкам миллионы работников, вчерашних крестьян. Перечитайте роман А. Малышкина «Люди из захолустья» и увидите, как сложно влетались тогда судьбы крестьянства в индустриализацию. Менялся и облик городского населения, увеличившегося с конца 20-х к исходу 30-х годов более чем в два

ПРОДВИЖЕНИЕ К ПРАВДЕ

раза. Такое массовое превращение крестьян в горожан имело немалые социальные последствия. Кстати, это, на мой взгляд, один из важных социальных штрихов, характеризующих обстановку, в которой утверждался культ Сталина, представления о нем, как о «хозяине».

— В докладе М. С. Горбачева отмечена противоречивость личности Сталина и сурово осужден его культ, как совершенно чуждый природе социализма. По каким направлениям ведут историки анализ этой проблемы?

— Чтобы понять процесс зарождения культа личности Сталина, нам, в частности, еще предстоит проанализировать положение в руководстве страной и партией после 1922 года.

— Обычно рубежным называют 1924 год...

— И правильно называют. Но это не исключает возможности анализа событий с 1922 года. В апреле того года И. В. Сталин стал Генеральным секретарем ЦК партии, а меньше чем через 10 месяцев тяжелые приступы болезни, случившиеся 16 и 23 декабря, фактически устранили В. И. Ленина от непосредственного практического руководства страной и партией. Публикация в 1956 году его «Письма к съезду», открывающегося продиктованными им 23—25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года записями, направленными против угрозы раскола в руководстве ЦК и в которых предлагалось переместить Сталина с должности генсека, сыграла немалую роль в развенчании культа личности. Однако в исследовательском плане их изучение в 60—70-е годы заглохло, но в последнее время они вновь привлекли внимание ученых.

— Давайте поговорим об этом подробнее, тем более что «Письмо к съезду» упоминается и в докладе М. С. Горбачева.

— Только сразу договоримся вот о чем: вычленение отдельных событий из единого процесса развития всегда условно и в данном случае не должно заслонять значения всего комплекса последних работ В. И. Ленина (конец декабря 1922 года — начало марта 1923 года), составивших, по существу, его политическое завещание. Говоря толь-

ко о названных записях, следует помнить: они лишь часть того, что успел продиктовать В. И. Ленин, преодолевая тяжелую болезнь.

Записи не сводятся только к вопросу о перемещении Сталина с поста генсека, их содержание имеет более глубокое значение, отражает серьезнейшую проблему, привлекавшую неослабное внимание В. И. Ленина еще до его болезни.

В том теперь уже далеком 1922 году многонациональная 135-миллионная страна, преимущественно аграрная — едва ли не 84 процента ее населения жило в деревнях, кишлаках и аулах, делала первые шаги на пути нэпа, борьбы с голодом и разрухой. Возглавила борьбу народа за новую жизнь ленинская партия, насчитывавшая в своих рядах около 400 тысяч человек. В марте 1922 года, проанализировав ее состояние, В. И. Ленин указал в обращении к членам ЦК, что пролетарская политика партии в сложившихся к началу 20-х годов условиях определяется «громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».

«Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, — писал он далее, — и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». Это положение представляется одним из исходных в понимании продиктованных Владимиром Ильичем девять месяцев спустя записей о положении в ЦК, причем продиктованных спешно (ведь никто не мог предугадать, как будет развиваться болезнь), — такое важное значение он придавал этому вопросу. К тому времени реальная опасность возникновения внутренней борьбы усилилась. Особенно это касалось отношений между двумя членами ЦК и Политбюро — Троцким с его чрезмерной самоуверенностью и увлечением чисто административной стороной дела и Сталиным, который уже в первые месяцы работы генсеком сосредоточил в своих руках необъятную власть, что серьезно встревожило Ленина, так как у него не было уверенности, что Сталин

сумеет всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью.

— Иногда в читательской почте встречаются утверждения, что будто бы Ленин называл того или другого соратника своим преемником...

— Никаких документальных подтверждений на этот счет неизвестно. Да и что значит «назначение преемника» на какую-то должность или пост? Высочайший авторитет В. И. Ленина был связан не с должностью, а с признанием массами основателя и руководителя большевистской партии своим подлинным вождем. Что касается должности, то В. И. Ленин был членом Политбюро ЦК РКП(б) и занимал не один, как обычно считают, а два государственных поста, объединенные его руководством, — Председателя Совнаркома и Председателя Совета Труда и Оборона (СТО). Оба эти органа после образования СССР стали с лета 1923 года союзными. Заместителями Председателя СНК и СТО СССР и РСФСР являлись Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и А. Д. Цюрупа. После кончины Владимира Ильича руководство этими органами было, так сказать, разведено, Председателем СНК стал А. И. Рыков (до 1930 года), а Председателем СТО — Л. Б. Каменев (до 1926 года). В. И. Ленин оставил своим преемником большевистскую партию, ее старую гвардию, ЦК, обеспечение единства которых было, как теперь видно из «Письма к съезду», в числе его серьезнейших забот.

— Каков был тогда состав ЦК и его органов?

— Последний состав ЦК, образованный при участии В. И. Ленина и избранный XI съездом партии в апреле 1922 года, включал 27 членов и 19 кандидатов в члены ЦК. Все они имели дооктябрьский партийный стаж. 11 из них (В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий) были членами ЦК, избранного VI съездом в 1917 году. Вместе с тем в ЦК в двадцатые годы вошли выдвинувшиеся в послеоктябрьский период на партийной, государственной, военной и хозяйствен-

ной работе К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Г. Л. Пятаков, Я. Э. Рудзутак, М. П. Томский, М. В. Фрунзе, В. Я. Чубарь и другие.

К 1922 году определились и образуемые ЦК органы. Еще в 1919 году для решения политических проблем и вопросов, не терпящих отлагательства, было создано Политбюро ЦК, а для ведения всей организационной работы партии — Оргбюро ЦК. Тогда же впервые было принято положение о Секретариате ЦК. В следующем году IX съезд партии, сохранив за Оргбюро общее руководство организационной работой ЦК, передал в ведение Секретариата «текущие вопросы организационного и исполнительного характера».

До 1921 года в Политбюро ЦК входили В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, кандидатами в члены Политбюро были Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев и М. И. Калинин. В 1921 году вместо Н. Н. Крестинского избрали Г. Е. Зиновьева, а в число кандидатов — В. М. Молотова. Этот состав несколько расширился в 1923 году, когда в Политбюро ввели А. И. Рыкова и М. П. Томского и дополнили число кандидатов Я. Э. Рудзутаком.

Оргбюро ЦК (В. И. Ленин не входил в него) после каждого съезда заметно менялось по своему составу. Единственным членом ЦК, который с 1919 года постоянно участвовал в работе Оргбюро, был Сталин. В него входили и секретари ЦК, до 1924 года их было три, затем пять и больше. Апрельский Пленум ЦК 1922 года ввел должность Генерального секретаря, им стал, как отмечалось, Сталин, оставшийся на этом посту до XIX съезда партии. Кроме него, наиболее длительное время (с 1921 по 1930 год) секретарем ЦК был Молотов.

— Значит, излагая в конце декабря 1922 года свою характеристику положения в ЦК, В. И. Ленин имел в виду состав руководства партий, сложившийся в начале 20-х годов?

— Конечно, ленинский документ конкретен. Подчеркнем, что он открывается предложением увеличить число

членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Такая мера нужна, указал В. И. Ленин, «и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». Этот первый раздел «Письма к съезду», записанный 23 декабря 1922 года, в тот же день был отправлен Сталину для Политбюро ЦК.

Следующий раздел, продиктованный 24 и 25 декабря, а также 4 января 1923 года и заключавший личные характеристики шести членов ЦК, был по требованию В. И. Ленина абсолютно и категорически секретным. Только после его смерти он подлежал доведению до сведения очередного партийного съезда.

Рассматривая вопрос об устойчивости как гарантии от раскола партии Владимир Ильич подчеркнул, что наибольшую опасность в этом представляют отношения между двумя, как отметил он, выдающимися вождями современного ЦК — Сталиным и Троцким и указал на негативные личные качества того и другого.

Затем В. И. Ленин напомнил, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева (будучи не согласны с решением ЦК о восстании, они выдали его планы, а затем, в ноябре 1917 года, вместе с некоторыми членами ЦК были сторонниками создания «коалиционного» правительства), конечно, не является случайностью, но что этот эпизод «так же мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому». Из молодых членов ЦК Владимир Ильич выделил как самых выдающихся Бухарина и Пятакова, подчеркнув, однако, что, хотя первый из них «законно считается любимцем всей партии», «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», а второй слишком увлекается администраторством, «чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». В письме, проникнутом заботой о сохранении единства партии, В. И. Ленин сосредоточил внимание на негативных сторонах деятельности шести указанных чле-

нов ЦК, но это никак не означало отстранения их от руководства партией и страной, в том числе и Сталина, которого он предлагал лишь переместить с поста генсека.

— *Следовательно, В. И. Ленин предвидел возможность, как он выразился, конфликтов внутри ЦК и был серьезно озабочен, чтобы сохранилось коллективное руководство, демократизм, свойственный партии, самой природе социализма?*

— Именно это — одно из основных в ленинских записях. Из них следует, что Генеральный секретарь был призван совместно с ЦК и его органами обеспечить действенную коллективность руководства партией, развитие социалистической демократии в стране. Владимир Ильич считал, что на этом посту должен быть коммунист более терпимый, нежели Сталин, более лояльный, более вежливый и внимательный к товарищам, без администраторского увлечения и озлобления, обнаружившегося у Сталина, которое, как прозорливо подчеркнул Ленин, «вообще играет в политике обычно самую худую роль». Эта черта сталинского характера проявилась, в частности, и в вызвавшей возмущение Владимира Ильича безобразной выходке по отношению к Н. К. Крупской, которую Сталин грубо обругал, заподозрив, что она якобы вопреки запрещению врачей вела запись сказанного Лениным. Когда это стало известно Владимиру Ильичу, он продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину (копии — Зиновьеву и Каменеву), потребовал извиниться и указав, что иначе порвет с ним отношения. На следующий день он попросил передать письмо адресату лично из рук в руки. Тогда же, 6 марта, началось резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича, а четыре дня спустя новый приступ болезни привел к усилению паралича правой части тела и к потере речи.

— *Это случилось за несколько недель до открытия XII съезда партии, на котором В. И. Ленин уже не смог присутствовать, и его «Письмо к съезду» осталось неизвестным?*

— Не совсем так. Записи, в которых говорится о положении в руководстве

ЦК, не исчерпывают, как отмечалось, содержания «Письма к съезду». Его отдельные части были в конце 1922—1923 годов переданы в ЦК, и содержащиеся в них указания Ленина реализовались в решениях партии, а ленинская запись «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» была оглашена в апреле 1923 года на XII партсъезде по делегациям.

— *Так же, по делегациям, более чем через год, в мае 1924 года, были зачитаны на XIII съезде партии и записи В. И. Ленина, содержащие характеристики ряда членов ЦК?*

— 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, они, как и ряд других материалов, были переданы Н. К. Крупской Комиссии по приему ленинских документов в лице Зиновьева, Каменева и Сталина, которые, напомним, наряду с Рыковым, Томским и Троцким, являлись членами Политбюро ЦК. На основе их сообщения о полученных документах В. И. Ленина Пленум ЦК 21 мая 1924 года постановил: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича».

— *Значит, чтение документа В. И. Ленина по делегациям проводилось Зиновьевым, Каменевым, Сталиным, и съезд ограничился в данном вопросе только увеличением состава ЦК?*

— Да, число членов ЦК было увеличено до 53, однако основу его составили члены ЦК, избранного на XI съезде партии, при участии В. И. Ленина. На первом Пленуме этого ЦК, действовавшего в 1924—1925 годах, было образовано Политбюро ЦК из семи членов — Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина, М. П. Томского, Л. Д. Троцкого и шести кандидатов в члены — Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, В. М. Молотова, Я. Э. Рудзутака, Г. Я. Сокольников, М. В. Фрунзе. На Пленуме И. В. Сталин обратился с просьбой освободить его от обязанностей Генераль-

ного секретаря ЦК, что не было удовлетворено. Почему? Съезд, а затем и Пленум ЦК, как можно заключить, исходили из того, что за время болезни Владимира Ильича в 1922-м — начале 1924 года сложилось руководящее ядро, которое сделает выводы из ленинского «Письма к съезду», обеспечит коллективное руководство партией, так, как это завещал ее основатель и вождь.

— *Но сегодня мы знаем, как не просто развивались последующие события...*

— В том-то и дело, что совсем не просто и не однозначно. Еще в 1923 году, воспользовавшись болезнью В. И. Ленина, троцкисты предприняли попытку ревизии большевизма. Теперь, после XIII съезда РКП(б), Троцкий в точном соответствии с данной ему в «Письме к съезду» характеристикой выявил свои непомерные притязания на лидерство, предпринял попытку подменить ленинизм троцкизмом. Идейный разгром этого антиленинского течения раскрыт в нашей литературе, и нет нужды повторять ее выводы. Отметим только, что стремление к фракционности и влияние в политике Троцкого наложили отпечаток на всю последующую борьбу мнений, а его антиленинская, антибольшевистская позиция вольно или невольно как бы проецировалась затем на любое расхождение во взглядах.

Свою роль в обострении борьбы сыграли и личные качества Сталина, открыто гордившегося своей грубостью в борьбе с идейными противниками. Присущие ему воля и целеустремленность в сочетании с нетерпимостью и подозрительностью, другими негативными чертами делали его, однако, не просто грубым, а неоправданно жестким и даже, как показали последующие события, жестоким.

— *По мере разгрома троцкизма рос и авторитет Сталина?*

— Теперь многие привычно полагают, что Сталин был широко известен партии и стране чуть ли не с 1917 года. В действительности его личная известность примерно до 1923 года была относительно невелика и значительно уступала известности Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова и некоторых других видных тогда руководителей. Кстати,

портрет Сталина, помещенный в 1923 году в «Огоньке», был, пожалуй, одним из первых, напечатанных в массовых изданиях. Немногим более десяти лет спустя известный писатель Л. Фейхтвангер, приехав в СССР, уже увидел повсюду «портреты человека с усами», как он их назвал.

Рост авторитета Сталина происходил как бы исподволь. С укреплением на посту Генерального секретаря ЦК его активное участие в жизни страны становилось все более заметным. Публикация им в 1923—1924 годах наряду с Каменевым, Зиновьевым, Бухариным, другими видными партийными деятелями работ, направленных на разоблачение троцкизма, объективно служила ленинской политике строительства социализма. Это четко выявилося затем в преодолении в 1925 году «новой оппозиции» (Зиновьев, Каменев и др.), разгроме троцкистско-зиновьевского антипартийного блока 1926—1927 годов, ликвидации правого уклона в партии (Бухарин, Рыков, Томский) в конце 20-х годов. В ходе этой борьбы из Политбюро ЦК были выведены в 1926 году Зиновьев, Каменев и Троцкий, которого в 1929 году выслали из СССР. В том же 1929-м и в следующем, 1930 году от обязанностей членов Политбюро ЦК были освобождены Бухарин, Рыков и Томский.

— Нетрудно заметить, что из семи членов Политбюро ЦК состава 1924—1925 годов в руководстве партии к началу 30-х годов остался только Сталин.

— Но это совсем не означает, что заслуга преодоления оппозиции и выработки курса социалистического строительства принадлежала лишь ему, как стало утверждаться в 30-е годы. Как не вспомнить последовательную борьбу с троцкизмом М. В. Фрунзе, безвременно умершего в октябре 1925 года, Ф. Э. Дзержинского, чье сердце перестало биться во время его страстной речи против оппозиции на заседании июльского Пленума ЦК 1926 года. Немалую роль сыграли А. С. Бубнов, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, которые вместе с подавляющим большинством членов ЦК внес-

ли вклад в коллективную разработку партийного плана построения социализма в СССР.

На партийных съездах второй половины 20-х годов вопреки заявлениям оппозиции (в частности, Каменева, Зиновьева, Сокольников) о сосредоточении власти Сталиным постоянно отмечался коллективный характер руководства партией и страной, что соответствовало действительности. Вместе с тем уже на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) Ворошилов заявил, что Сталин является «главным членом Политбюро ЦК», а четыре года спустя, в 1929 году, опубликовал статью «Сталин и Красная Армия», сыгравшую немалую роль в распространении угодного Сталину искажения истории советского общества, завершеного выходом «Истории ВКП(б). Краткий курс» (1938 год). Приняв активное участие в разоблачении троцкистской концепции «двух вождей» партии, Сталин затем своеобразно воспользовался ею, способствуя насаждению представлений, что именно он вместе с Лениным стоял у истоков Октября, является организатором и руководителем всех побед советского народа.

— Но что же, ленинское «Письмо к съезду», в том числе и указания на серьезные недостатки Сталина, так и забылись после 1924 года?

— Нет, к этому документу обращались в ходе развернувшейся внутрипартийной борьбы. Последний раз это сделал XV съезд ВКП(б), по его решению записи Ленина напечатали в одном из съездовских бюллетеней и затем должны были опубликовать в Ленинском сборнике, что, однако, не было исполнено. Иначе и не могло случиться, такая публикация противоречила культу Сталина, исподволь складывавшемуся в напряженной атмосфере, созданной в партии фракционной борьбой Троцкого и вступившей с ним в блок «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева.

Их октябрьский эпизод, отмеченный в «Письме к съезду», оказался не случайным. Выступив в 1923—1924 годах вместе с партией против троцкизма, они затем блокировались с Троцким. Руко-

водящее ядро партии, сложившееся во время болезни В. И. Ленина и сохранившееся в первые месяцы после его кончины, распалось. Беспринципная борьба за власть не могла не нанести удар по старой партийной гвардии, расшатывала ее авторитет, все более сужала возможность воздействия на решение вопросов — случилось именно то, чего опасался В. И. Ленин в 1922 году. В такой обстановке внешне незаметно утверждалась авторитарная власть Сталина, происходил его отход от ленинских принципов коллективного руководства.

«Старые разногласия, — отметил в своем докладе М. С. Горбачев, — имевшие место еще при жизни В. И. Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме. О возможности такой опасности, как известно, предупреждал Ленин. В «Письме к съезду» он подчеркивал, что «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». Так во многом и получилось».

Сама жизнь — только что отмеченное нами 70-летие Великого Октября это вновь подтвердило — требует создания честных и мужественных работ по истории советского общества, раскрывающих героизм событий и их драматизм, все, чем наполнен сложный и многообразный по своему содержанию путь первопроходцев, вектором которого на всех его этапах был социализм.

Огонек, 1987, № 47

Дмитрий Казутин,
политический обозреватель
газеты «Московские новости»

ПИСЬМА ИРИНЫ ШЛЯПНИКОВОЙ

Ирине Шляпниковой выпала трудная, трагическая доля. Но именно горькие превратности судьбы заставили ее, кандидата химических наук, заняться историей. Не из праздного любопытства, не из похвальной любознательности, а из чувства дочернего долга и убежденности, что справедливость, если ее упорно, изо дня в день добиваться, в конце концов восторжествует. Круг ее исторических интересов сфокусирован на одном человеке.

Человек этот — Александр Шляпников, участник трех российских революций, член РСДРП с 1901 года, нарком в первом Советском правительстве, который был исключен из ВКП(б) во время чистки партии в 1933 году, арестован в 1935-м, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в 1937-м. Этот человек — ее отец.

В год вынесения отцу приговора Ирина исполнилось семь лет. В этот год арестовали и мать, а детей — теперь они стали детьми «врагов народа» — отправили в детские дома.

Мать и дети встретились в Москве лишь в 1957 году, после XX съезда партии. Дети продолжили учебу, мать стала добиваться реабилитации мужа, а для этого — собирать документы и свидетельства о нем. Дочь помогла.

Семья Шляпникова «вела» свое дело упорно. Они писали письма в ЦК КПСС, обращались к каждому очередному партсъезду. Одно из писем попало к Н. С. Хрущеву. Ответ гласил: «Дело по обвинению Шляпникова Александра Гавриловича, до ареста работавшего экономистом в управлении Нижне-Волжского пароходства, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 31 января 1963 года. Приговор Военной коллегии от 2 сентября 1937 года в отношении Шляпникова А. Г. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Шляпников А. Г. реабилитирован посмертно».

Дело между тем прекращено не было. Оно перешло в иную плоскость, в иную сферу — сферу общественного мнения. После смерти матери этому делу полностью отдала себя Ирина Шляпникова. Она с помощью братьев и друзей внимательно следит за всеми новыми публи-

кациями, касающимися Александра Шляпникова, борясь против любой неправды по отношению к нему.

О какой, казалось бы, неправде может идти речь, если человек реабилитирован, если признано, что «врагом народа» он никогда не был. Но вся «беда» Александра Шляпникова в том, что он был весьма заметной фигурой в русском революционном движении, революционером со сложной политической судьбой. Перед сложностью этой — и не только одной этой судьбы — долгие годы, что годы — десятилетия пасовали многие наши историки, а следом за ними и авторы разного рода исторической беллетристики. Один из них — ленинградский литератор-документалист Юрий Помпеев — дал недавно интервью корреспонденту одной уважаемой газеты. Журналист недоумевает, почему в своих книгах Юрий Помпеев так много места уделяет людям малоизвестным, в частности Шляпникову, чье имя, цитирую, «нашему поколению запомнилось, пожалуй, только по списку одной из разгромленных оппозиций»? А Помпеев объясняет, что историки долгое время предпочитали не заниматься теми историческими персонажами, которых так или иначе критиковал Ленин. «Шляпникова, — продолжает писатель, — Ленин тоже критиковал. И немудрено, в те годы едва ли кто мог видеть так далеко и глубоко, как Ленин. А роль А. Г. Шляпникова, представителя Русского бюро ЦК, была тем не менее велика».

Весьма характерный диалог. В нем отразилось вполне определенное умонастроение. Уже не то время, когда можно изобразить Шляпникова предателем, как это сделал в своем романе другой ленинградский писатель Георгий Холопов, но еще то время, когда можно от имени целого поколения относить его к категории людей, известных лишь по списку одной из разгромленных оппозиций.

Между тем Александр Шляпников известен по многим другим спискам. По списку, например, первого Советского правительства, в котором он был наркомом труда, или по списку революционеров, арестованных в январе 1904 года в городе Муроме. Или по списку членов

ЦК большевистской партии, в который Александр Шляпников был кооптирован в 1915 году. Или по списку исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который возник в первые дни Февральской революции 1917 года. Или по оглавлению сборников ленинских писем: более тридцати из них адресовано Шляпникову.

Самое сложное в политической судьбе Александра Шляпникова — это участие в так называемой «рабочей оппозиции», которая возникла в ходе общепартийной дискуссии о профсоюзах конца 1920 — начала 1921 года. Это была последняя приленинская, так сказать, оппозиция, а Александр Шляпников — один из ее лидеров. Главный ее тезис: народным хозяйством страны должен управлять всероссийский съезд производителей.

Шляпников: «У Энгельса в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» имеется следующая фраза: «Общество, которое вновь организует промышленность на основе свободной равноправной ассоциации всех производителей» и т. д. Вот чем мы руководствовались, внося в наши тезисы слово „производители“».

Ленин: «Энгельс говорит о коммунистическом обществе. Там не останется классов, — там будут производители. А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная! И в момент самой бешеной борьбы классов приходите и говорите: «всероссийский съезд производителей», — что это, как не синдикалистский уклон, который надо решительно и окончательно осудить?»

Но Ленин потому и Ленин, что никогда не рассматривал ни людей, ни события в одном измерении. «И сейчас, — продолжал он, — поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования, мы сделаем максимум для сближения с нею... Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом, — идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но если вы предлагаете «всероссийский съезд производителей», это — не марксистская, не коммунистическая точка зрения».

Еще до X съезда, в январе 1921 года,

Александр Шляпников писал в «Дискуссионном листке», издававшемся ЦК РКП(б): «Я не собираюсь излагать новой программы, а лишь подвести итоги наметившимся разногласиям... Все товарищи приходят к большим вопросам от своего личного или коллективного опыта, приобретенного ими за эти три года борьбы и строительства. Опыт каждого, взятого в отдельности, ограничен характером работы и временем ее, а также местом».

Мне кажется, что в споре с Лениным Шляпникова «подвела» именно эта извечная ограниченность всякого личного опыта. Ленин аккумулировал опыт гораздо большего числа людей, точнее оценивал суть «текущего момента». Через год, на XI съезде партии, вспоминая прежние «грехи» бывшей «рабочей оппозиции», он упрекал ее за нетерпеливость, недисциплинированность, которые были особенно опасны в период «отступления», чем и являлся, по Ленину, первый этап новой экономической политики.

И хотя Шляпников, как, впрочем, и некоторые другие участники «рабочей оппозиции» — Александра Коллонтай, например, — проявлял недисциплинированность и после X съезда, он оставался в партии, а исключен был из нее 11 лет спустя не за участие в «рабочей оппозиции», а как перерожденец: выступил в суде в защиту беспартийного члена жилищного кооператива в ущерб интересам другого члена кооператива — партийца, не боролся активно с троцкистской оппозицией.

Одна из распространенных иллюзий: общественное сознание давно и полностью освободилось от стереотипов, в частности исторических, которые сложились в «сталинские времена». Что это не так, Ирина Шляпникова знает по собственному опыту. Она пишет обзоры, предпринимает настоящие исторические изыскания, опровергает, протестует.

Против чего же протестует прежде всего? Против идеи об изначальном, так сказать, «комплексе политической неполноценности» ее отца. Против тех историков и романистов, которые любят выпрямлять события и человеческие судьбы в соответствии с предвзятыми

схемами. Если, допустим, человек, убеждают приверженцы схем, во время партийных дискуссий 1920—1922 годов не был согласен с точкой зрения Ленина, значит, вся его предшествующая жизнь была прямой дорогой к этому отступничеству.

Какую же жизнь до начала 20-х годов прожил Александр Шляпников? Родился он в древнем русском городе Муроме. Отец умер, когда Александру не было еще трех лет. Мать осталась с четырьмя маленькими детьми. Жизнь вдовы, оставшейся без средств и без работника, была чрезвычайно тяжела. Но, несмотря на это, мать стремилась по-своему воспитать детей, воспитать в духе старых обычаев и старой веры. Отец и мать Александра происходили из старообрядческих семей. Но в воспитании мальчика большую роль играла просторная улица захолустного городка с ее ссорами и драками.

Такое детство, такая судьба ребенка из рабочей семьи типичны для русской жизни конца прошлого века. Нетипичным было, пожалуй, только то, что под влиянием всякого рода религиозной литературы Александр готовился к борьбе за «божью старообрядческую правду». Но мученика-старообрядца из него не получилось. Благодаря как раз типичности обстоятельств своей жизни он пошел не в скит, а на фабрику, и фабрика дала свое направление его «протестантской закваске». В 1901 году он еще подростком участвует в стачке, организуя своих сверстников на борьбу со штрейкбрехерами. В том же году вступает в РСДРП. 1903 год — первый арест, 1905 год — второй. 1907 год — Александр Шляпников — член Петербургского комитета партии. 1908—1914 годы — эмиграция.

Так прожил он первые 30 лет своей жизни. Но эти 30 лет почему-то не заинтересовали любителей «жестких схем». Так, например, Юрий Помпеев в своем романе-хронике «Февральский вихрь» обращает на него внимание лишь с момента третьего возвращения из эмиграции: «Связной и представитель Русского бюро ЦК большевистской партии А. Г. Шляпников вернулся в Петроград из Стокгольма в конце октября 1916 го-

да». Ирина Шляпникова возражает: «Организатор Русского бюро ЦК превращен автором в связного, представителя Русского бюро ЦК». Сам же Шляпников в своей автобиографии писал: «В Питере по поручению ЦК создал руководящее российской социал-демократической работой бюро ЦК. В начале 1916 г. снова выехал за границу. Все эти годы работал в теснейшем контакте с заграничной частью ЦК, в состав которого входили В. И. Ленин и Г. Зиновьев».

В революционных событиях конца февраля — начала марта 1917 года Александр Шляпников принимал самое активное участие. Он вошел в инициативную группу по созданию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и 27 февраля был избран в исполнительный комитет Петросовета.

В 1934 году историк Михаил Покровский «в шутку», как он сам признавался позднее, изобразил Шляпникова противником вооружения рабочих в феврале 1917 года. И хотя сам историк этой «шутки» больше не повторял, ее с явным удовольствием подхватили сторонники «комплекса политической неполноценности». А между тем известно, что по поручению Петербургского и Выборгского комитетов партии, а также Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района Александр Шляпников был одним из организаторов Красной гвардии, которая состояла поголовно из вооруженных рабочих.

В старых комплектах журнала «Пролетарская революция» за 1922 год отыскала Ирина Шляпникова воспоминания отца о первых, можно сказать, часах Великого Октября.

«Вход в Министерство труда был заперт, но один из сторожей быстро нашел курьера министерства, у которого имелись ключи от дверей. Явившемуся курьеру и сторожу я предъявил свой мандат. Один из них пошел за другими курьерами и сторожами, чтобы обсудить вместе, как им быть. Явилось еще несколько человек, а всего было человек 6—8. Я объяснил им значение переворота, а в заключение спросил, считают ли они обязательным для себя решение съезда Советов и постановление Петер-

бургского Совета рабочих и солдатских депутатов? Последовал утвердительный ответ. Тогда я заявил, что отныне единственным представителем власти по Министерству труда они должны считать только меня, и попросил провести меня по помещениям министерства. Товарищи курьеры и сторожа охотно исполнили мою просьбу и, взяв свет, повели меня по громадным комнатам Мраморного дворца. Внешне все было в порядке. От некоторых столов я забрал ключи. Стол в кабинете министра труда оказался незапертым, я запер его и взял себе ключ. На письменном столе лежала записка о том, что «заседание Временного правительства переносится с 4 часов дня на 8 часов вечера 20/X — 1917 г.».

Для подлинного революционера такие часы, такие минуты — момент истинного счастья. Александру Шляпникову повезло, он изведal его в полной мере. И еще в одном Шляпникову повезло — в дочери. То, что делает Ирина, защищая правду о своем отце, освобождая его реальный облик от целых пластов «позднейших записей», достойно восхищения.

Московские новости, 1987, № 50

Феликс Медведев,
специальный корреспондент
журнала «Огонек»

**«ОН ХОТЕЛ ПЕРЕДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ,
ПОТОМУ ЧТО ЕЕ ЛЮБИЛ»**

Однажды знакомый художник рассказывал мне о нелегкой судьбе своего коллеги Юрия Ларина. — Это сын Николая Ивановича Бухарина, — многозначительно добавил он, — а мать его — вдова Бухарина. — Разве она жива! — Жива...

«Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Несмотря на напряженное международное положение, я ставлю перед Вами вопрос о посмертной партийной реабилитации моего мужа и отца моего сына — Бухарина Николая Ивановича... С настоящим заявлением я обращаюсь не только от себя, но и по поручению самого Бухарина. Уходя в последний раз на февральско-мартовский Пленум в 1937 году (Пленум заседал не один день), Николай Иванович, предчувствуя, что он уже больше не вернется, и учитывая мою тогдашнюю молодость, просил меня бороться за его посмертное оправдание. Этот невыносимо тяжкий момент никогда не умрет в моей памяти. Измученный следствием, страшными, необъяснимыми для него очными ставками, ослабевший от голодовки в знак протеста против чудовищных обвинений, Бухарин пал передо мной на колени и со слезами на глазах просил, чтобы я не забыла ни единого слова его письма, адресованного «Будущему поколению руководителей партии», просил бороться за его оправдание: «Клянись, что ты это сделаешь. Клянись! Клянись!» И я поклялась. Нарушение этой клятвы противоречило бы моей совести...»

«Крови Бухарина требует? Не дадим вам его крови, так и знайте», — из заключительного слова Сталина на XIV съезде ВКП (б), 1925 год.

«Выпьем, товарищи, за Николая Ивановича Бухарина! Все мы его знаем и любим, а кто старое помянет, тому глаз вон!» — тост Сталина на банкете в честь очередного выпуска военных академий в 1935 году.

...Летом восемнадцатого года Н. И. Бухарин находился в Берлине. Его командировали для подготовки документов, связанных с мирным Брестским договором. Николай Иванович рассказывал

дома, что однажды услышал рассказ об удивительной гадалке, предсказывающей судьбу. Любопытства ради вместе с Г. Я. Сокольниковым он решил посетить обитавшую на окраине города предсказательницу. То, что наворожила ему хиромантка, было поразительно:

— Вы будете казнены в своей стране.

Бухарин оторопел, ему показалось, что он ослышался, и переспросил:

— Вы считаете, что Советская власть погибнет? — спросил он.

— При какой власти погибнете — сказать не могу, но обязательно в России...

Как-то Анна Михайловна прочитала у Романа Роллана, что он избрал своим девизом слова Бетховена: «Через страданье радость». Нет, эти слова не стали девизом вдовы Бухарина, но жизнь показала, что, помимо воли, и ее охватывала радость — в страдании. Это было тогда, когда она думала или о своем отце, или о своем муже.

А. М. Ларина росла в семье профессиональных революционеров, после свершения революции ставших у руля государства. По этой причине внутрипартийная жизнь стала довольно рано ее интересовать. Этот интерес особенно был обострен близостью к Бухарину. Поэтому все эпизоды жизни Лариной, даже сугубо личные, не были олицетворением какой-то легкой чистой радости, а неизменно отягощались незримыми путами сложной общественной атмосферы той поры: политическими дискуссиями, спорами, распрями и, наконец, террором.

Имя Ю. Ларина (Михаила Александровича Лурье, 1882—1932) сегодня забыто, хотя похоронен он у Кремлевской стены. Сведения о нем можно найти в различного рода словарях и справочниках, но сведения эти не дают возможности понять ни характера, ни личности, ни масштабности человека, прошедшего особый героический жизненный путь.

Об отце Анна Михайловна вспоминает с нежной теплотой, он был ей самым близким человеком. Скажу о нем всего несколько слов. Ларин был столь попу-

лярен в первые послереволюционные годы, что однажды на демонстрации Аня услышала, как пели частушку с упоминанием его имени: «Нас учили в книгах мудростям Бухарина и с утра до ночи заседать у Ларина».

До революции Ларин вел жизнь профессионального революционера: организация ячеек РСДРП, гласный и негласный надзор полиции, переезды из города в город, из страны в страну, аресты, ссылки, побеги. Революция застала его членом исполкома Петроградского Совета, и он принимает деятельное участие в революционных событиях. Много пишет как литератор-экономист по проблемам хозяйственной жизни, издает книги, выполняет личные поручения Ленина. Можно сказать, что Ларин стоял у колыбели советской экономической политики.

В памяти дочери отец живет как явление необычное. «Трудно вообразить,— рассказывает она,— как мог человек, физически неполноценный от рождения, столь мужественно пройти свой жизненный путь. Легко опознаваемый охранкой, как смог он вынести бесконечные преследования? Как мог бежать из тюрем? Бежать, если он и передвигался-то с большим трудом». Он рассказывал дочери, как из якутской ссылки его унесли в большой плетеной корзине, как однажды на Украине его буквально перевалили за забор тюрьмы, по другую сторону поймали товарищи и некоторое время несли на руках. Приходится удивляться, как Юрий Михайлович столь плодотворно проявлял себя как литератор, если руки его были столь слабы, что поднять телефонную трубку одной правой рукой, не помогая левой, он не мог. Все в жизни доставалось Ларину величайшим напряжением воли.

В некрологе, написанном Н. Осинским, говорилось: «Это — один из крупнейших, выдающихся и своеобразных наших работников, один из видных деятелей Октябрьского и послеоктябрьского периодов, человек редкой преданности рабочему классу и социалистической революции...» Во время похорон Ларина Луначарский сказал, что прекрасные ларинские глаза, казалось, и во тьме светятся.

Анна Михайловна помнит себя очень рано. На четвертом году жизни она стала настойчиво интересоваться своими родителями, которых видела крайне редко, спрашивала, где же ее мама и папа. Ей запомнился ворчливый ответ деда на один из таких вопросов: «Твои родители — социал-демократы, они предпочитают сидеть по тюрьмам, бежать от ареста за границу, а не сидеть возле тебя и варить тебе кашу». Девочка не поняла, что такое социал-демократы, но тюрьма была недалеко от дома, и дед говорил ей, что там сидят воры и бандиты. Подавленная, Аня больше не решалась спрашивать о родителях. Она их увидела «вплотную» и надолго после Февральской революции, когда они вернулись из эмиграции.

— Мама очень понравилась,— вспоминает Анна Михайловна,— она была красивая, стройная, с большими добрыми серыми глазами, обрамленными длинными пушистыми ресницами. И я решила, что социал-демократы вовсе не так уж плохи.

Прямо-таки драматический эпизод произошел во время встречи с родным папенькой. Дочь взглянула на него и испугалась: Юрий Михайлович при ходьбе выбрасывал вперед ноги, неестественно при этом работая руками. От ужаса Аня залезла под диван, зарыдала и закричала: «Я хочу к дедушке!» Мать выгнала ее из-под дивана палкой и представила перед покрасневшим взволнованным отцом. Но уже к вечеру он ее покори́л, и они стали друзьями на всю жизнь.

«Момент знакомства с Бухариным мне хорошо запомнился. В тот день мать повела меня в Художественный смотреть «Синюю птицу» Метерлинка. Весь день я находилась под впечатлением увиденного, а когда легла спать, сновидение повторяло спектакль. И вдруг кто-то дернул меня за нос. Я испугалась, ведь Кот на сцене был большой, в человеческий рост, и я крикнула: «Уходи, Кот!» Сквозь сон я слышала слова матери: «Николай Иванович, что вы делаете, зачем вы будите ребенка?» Но я уже проснулась, и передо мной все отчетливее

стало вырисовываться лицо Николая Ивановича. В тот момент я и поймала свою синюю птицу, символизирующую стремление к счастью и радости, не сказочно-фантастическую, а земную, за которую заплатила дорогой ценой.

Из всех многочисленных друзей отца моим любимцем был Бухарин. В детстве меня привлекали в нем неуемная жизнерадостность, озорство, страстная любовь к природе и знание ее (он был неплохим ботаником, великолепным орнитологом), а также его увлечение живописью.

Я не воспринимала его в то время взрослым человеком. Это может показаться смешным и нелепым, тем не менее это так... Если всех близких товарищей отца я называла по имени и отчеству и обращалась к ним на «вы», то Николай Иванович такой чести удостоен не был. Я называла его Николаша и обращалась только на «ты», чем смешила и его самого, и своих родителей, тщетно пытавшихся исправить мое фамильярное отношение к Бухарину, пока они к этому не привыкли.

Одна из первых встреч с Николаем Ивановичем связана с воспоминанием о Ленине. Однажды в кабинет отца, где, как обычно, было полно народу, пришел Ленин. Для меня в ту пору он был равным среди равных. Помню его смутно. Не буду рассказывать, что он картавил, прищуривал глаз, говорил «архиважно» и так далее, как это делают многие в своих воспоминаниях о нем. Но один забавный эпизод запал в память на всю жизнь. Когда я вошла в кабинет отца, только-только ушел Бухарин. Речь, по-видимому, шла о нем, я не могла понять всего, что говорилось Лениным о Бухарине, но запомнила одну фразу: «Бухарин — золотое дитя революции». Это высказывание Ленина о Бухарине стало хорошо известно в партийных кругах и воспринималось как образное выражение. Я же пришла от сказанного Лениным в полное замешательство, так как все поняла буквально, и заявила Ленину протест. «Неправда, — сказала я, — Бухарин

не из золота сделан, он же живой!» — «Конечно, живой, — ответил Ленин, — я так выразился потому, что он рыжий».

Вовсе не хочу упрощать или идеализировать отношения между руководителями революционного процесса. Бывали между ними и споры, принципиальность Владимира Ильича в отношениях с соратниками была чрезвычайно высока. Не все воззрения Николая Ивановича он одобрял. Но человечность отношений между коммунистами запомнилась мне навсегда уже с детства — открытость и дружелюбие, принципиальность и честность, стремление к намеченной цели.

...21 января 1924 года поздним вечером из Горок позвонил Николай Иванович и сообщил, что жизнь Ленина оборвалась. Я еще не спала и видела, как две слезы, только две, катились из скорбных глаз отца, по его мертвенно-бледным щекам. День похорон — 27 января, совпавший с моим днем рождения, нарушил мой детский праздник. Отец сказал мне: твой день рождения 27 января отменяется, теперь это день траура навечно. Твой день рождения мы будем теперь отмечать 27 мая, когда пробуждается природа и все цветет.

Самое примечательное заключается в том, что отец вместе со мной поехал в загс на Петровку, чтобы заменить метрическое свидетельство. Изумленный просьбой Ларина, сотрудник загса долго упирался, советуя день рождения отмечать 27 мая, но документы не менять. Наконец сдался. И я была зарегистрирована вторично, спустя десять лет после моего рождения. По этому метрическому свидетельству мне выдали паспорт, в котором и по сей день значится датой моего рождения 27 мая.

Вместе с отцом я была в Колонном зале Дома союзов, где стоял гроб с телом Ленина. Машина проехать не могла, и я помогала отцу добраться пешком. Мы вышли загодя, чтобы не опоздать. В комнате позади Колонного зала застали Надежду Константиновну, Марию Ильиничну, Зиновье-

ва, Томского, Калинина, Бухарина — остальных не помню. Я, волнуясь, подошла с отцом к гробу Ленина, пристроилась где-то сбоку. Заметила старшую сестру Ленина — Анну Ильиничну. Она стояла ближе к изголовью покойного, неподвижно, точно изваяние.

Похороны Ленина забыть невозможно. Об этом много написано. И я была свидетелем всему. Общая картина круглосуточного шествия в Колонный зал просматривалась из окон нашей квартиры в «Метрополе». Я вставала ночью с постели и наблюдала нескончаемый людской поток. Мороз, костры, красноармейцы в буденовках. Все помню так, будто случилось все вчера.

С моим отцом Бухарин был знаком еще со времен эмиграции, впервые они встретились в Италии в 1913 году, а с лета 1915 года по лето 1916 года жили в Швеции. А с 1918 года до середины 1927 года мы жили одновременно в «Метрополе». Отец и Николай Иванович не всегда сходились во взглядах, но это не нарушало их дружбы. Они были предельно откровенны друг с другом... Спустия много лет нашего сына по желанию Николая Ивановича мы назвали Юрием в память о моем отце.

...Когда Николай Иванович уходил от нас, я очень огорчалась и все чаще сама забегала к нему. Отец радовался, когда я бывала у Бухарина. Отцу всегда казалось, что его болезнь омрачает мою жизнь, что не добираю детской радости. Поэтому, когда я бывала в 205-м номере, где жил Бухарин, он выражался: «Пошла в отхожий промысел». Да отец и сам старался «подбрасывать» меня к своему другу.

...Много раз я заставляла Сталина у Николая Ивановича. Однажды, это было году в двадцать пятом, я написала в порыве детской нежности Николаю Ивановичу стихотворное послание, которое заканчивалось словами: «Видеть я тебя хочу. Без тебя всегда грущу». Показала стихи отцу, и он сказал: «Прекрасно! Раз написала, пойди и отнеси их своему Николаше». Но пойти к нему с такими сти-

хами я постеснялась. Отец предложил отнести стихи в конверте, на котором написал: «От Ю. Ларина». Я приняла решение: пойти, позвонить в дверь, отдать конверт и тотчас же убежать. Но получилось не так. Только я спустилась по лестнице с третьего этажа на второй, как неожиданно встретила Сталина. Для меня было ясно, что он идет к Бухарину. Недолго думая, я попросила его передать письмо, и Сталин согласился. Так, через Сталина (какая же зловещая ирония судьбы), я передала Бухарину свое первое детское объяснение в любви.

...1927 год был для меня очень печальным. По настоянию Сталина Бухарин переехал в Кремль. Пройти туда без пропуска было нельзя. Хотя впоследствии Николай Иванович оформил для меня постоянный пропуск, застать его в ту пору дома было почти невозможно. Я специально изменила свой маршрут в школу, шла более длинным путем, лишь бы пройти мимо здания Коминтерна, оно находилось против Манежа, возле Троицких ворот, — в надежде встретить Николая Ивановича. Не раз мне везло, и я, радостная, устремлялась к нему. Время было напряженное: внутрипартийная дискуссия достигла крайнего накала, готовился XV съезд ВКП(б) — до меня ли было ему. Николай Иванович заходил к отцу все реже, но задерживался дольше. Беседовали о текущих партийных делах. Их взгляды совпадали, и даже со стороны меня это радовало. Меня же в ту пору ничего не тревожило. Мои волнения начались позже, когда я подросла и под сталинским обстрелом был Бухарин.

Случалось так, что Николай Иванович почти ежедневно приезжал к нам на дачу в Серебряный Бор. Мать немного посмеивалась над нашим увлечением, не принимая его всерьез; отец молчал и в наши отношения не вмешивался.

Осенью и зимой 1930-го и в начале 1931 года свободное время мы старались проводить вместе. Бывали в театрах, на художественных выстав-

ках. Я любила часы общения с ним в его кремлевском кабинете. На стенах картины. Над диваном моя любимая акварель «Эльбрус в закате». Чучела различных птиц — охотничьи трофеи Николая Ивановича — огромные орлы с расправленными крыльями, голубоватый сизовороненок, черно-рыженькая горихвостка, сине-сизый сокол-кобчик, богатейшие коллекции бабочек.

Николай Иванович любил читать вслух. Помнится, как мы читали «Саламбо» Флобера. Николай Иванович восхищался страстными и мужественными героями, был очарован «Кола Брюньоном» Ромена Роллана. «Брюньон» был близок Николаю Ивановичу, ибо в нем самом жила потребность в вольной русской веселости, «вплоть до дерзости».

Как заразительно смеялся он, когда мы прочли о весельчаке и балагуре Брюньоне, вместе со своим другом нотариусом Пайаром получавшем «истинное удовольствие отпустить вам, со строгим видом, чудовищную загогулину», обучившем сидящего в клетке дрозда гугенотскому песнопению.

Как-то вечером мы долго гуляли в Сокольниках, в то время Сокольники были окраиной Москвы. Мы поехали туда трамваем. Николай Иванович довольно часто пользовался городским транспортом. Бывало, что пассажиры узнавали его и указывали друг другу: «Смотрите, смотрите, Бухарин едет!» Или слышалось: «Здравствуйте, Николай Иванович!» Кое-кто подходил и доброжелательно пожимал ему руку. Николаю Ивановичу приходилось непрерывно раскланиваться, и от проявления внимания к нему он смущался.

Не помню теперь, каким образом на обратном пути из Сокольников мы оказались на Тверском бульваре, и, сидя на скамейке, позади памятника Пушкину, стоявшего в то время по другую сторону площади, Николай Иванович решил на серьезный разговор со мной. Он сказал мне, что наши отношения зашли в тупик и что у него есть только один выбор из двух

возможных: или соединить со мной жизнь, или отойти в сторону и длительное время меня не видеть, дать мне возможность строить жизнь независимо от него. «Есть еще одна возможность, — заметил он полушутя, — это сойти с ума», но эту третью возможность он сам отвергает.

Ответа от меня не последовало. Я зарыдала.

Трудно теперь объяснить свое состояние: должно быть, это были слезы и от радости, и от глубокого потрясения, и от нерешительности, свойственной в те юные годы моей натуре, и от того, что рядом со мной на скамейке Тверского бульвара сидит не какой-нибудь мальчишка-ровесник, а именно Бухарин, — но слезы лились ручьем. Николай Иванович смотрел на меня в недоумении. Он был убежден, что выбор уже мною сделан, иначе он бы и не заговорил. Мы сидели довольно долго молча. Я продрогла, он согревал мои замерзшие руки своими горячими. Надо было возвращаться домой.

А вечером следующего дня он пригласил меня в Большой театр на «Хованщину». Я с удовольствием согласилась. Поздно ночью, после полуночи, мы оба явились в «Метрополь». Мать уже спала. Отец сидел за письменным столом и заметил мой растерянный вид. Он предложил Николаю Ивановичу остаться ночевать, что тот и сделал, улегшись на диване в кабинете. Я плохо спала, проснулась поздно, наш гость ушел на работу.

Утром отец, который, как я уже упоминала, никогда не вмешивался в наши отношения, неожиданно заговорил со мной.

— Ты должна хорошо подумать, — сказал он, — насколько серьезно твое чувство. Николай Иванович тебя очень любит, человек он тонкий, эмоциональный, и если твое чувство не серьезно, надо отойти, иначе это может плохо для него кончиться.

Разговор этот меня насторожил, даже напугал.

Наши встречи, походы в театры, чтение вслух продолжались. Однажды Николай Иванович заговорил о

книге «Виктория» Кнута Гамсуна.

— Мало кому, — сказал Николай Иванович, — удалось написать такое тонкое произведение о любви. «Виктория» — это гимн любви!

Как я предполагаю, книгу эту Николай Иванович захватил с собой не случайно. Он и читал выборочно, только те места, которые ему хотелось прочесть:

«Что такое любовь? Это шелест ветра в розовых кустах, нет, это пламя, рдеющее в крови. Любовь — это адская музыка, и под звуки ее пускаются в пляс даже сердца стариков. Она точно маргаритка распускается с наступлением ночи и точно анемон от легкого дуновения свертывает свои лепестки и умирает, если к ней прикоснешься.

Вот что такое любовь...»

Прервал чтение, задумчиво посмотрел куда-то вдаль. Потом перевел взгляд на меня.

О чем он думал тогда?

«Любовь — это первое слово создателя, первая, осиявшая его мысль. Когда он сказал: «Да будет свет!» — родилась любовь. Все, что он сотворил, было прекрасно. Ни одно свое творение он не хотел бы вернуть в небытие. И любовь стала источником всего земного и владычицей всего земного, но на всем ее пути — цветы и кровь, цветы и кровь!»

— Почему же кровь? — спросила я.

— Ты хотела, чтобы были одни цветы? Так в жизни не бывает, она не проходит без испытаний, любовь должна преодолевать, побеждать их. А если любовь не преодолевает испытаний жизни, не побеждает их, следовательно, ее и не было, той настоящей любви, о которой пишет Кнут Гамсун.

Потом Николай Иванович прочел мне, как старый монах Венд рассказывал о вечной любви, любви до смерти, о том, как болезнь приковала мужа к постели и обезобразила его, но его любимая жена, подвергнутая тяжкому испытанию, чтобы быть похожей на своего мужа, у которого выпали все волосы от болезни, обрезаала свои локоны. Затем жену разбил па-

ралич, она не могла ходить, ее пришлось возить в кресле на колесах, и это делал муж, который любил свою жену все больше и больше. Чтобы уравнять положение, он плеснул себе в лицо серной кислоты, обезобразив себя ожогами.

— Ну, а как ты относишься к такой любви? — спросил Николай Иванович.

— Сказки рассказывает твой Кнут Гамсун! Зачем себя специально уродовать, делать себя прокаженным, обливать лицо серной кислотой? Неужто нельзя без этого любить?

Мой ответ рассмешил Николая Ивановича, и он пояснил мне, что «его» Кнут Гамсун такими средствами выразил силу любви, ее неперенную жертвенность. И вдруг, глядя на меня грустными и взволнованными глазами, он спросил:

— А ты смогла бы полюбить прокаженного?

Я растерялась...

— Что же ты молчишь, не отвечаешь?

Взволнованно, по-детски наивно я произнесла:

— Кого любить — тебя?

— Меня, конечно, меня, — уверенно произнес он, радостный, улыбающийся, тронутый тем, с какой еще детской непосредственностью я выдала свои чувства.

И только я собралась ответить, что его смогла бы любить (хотя зачем было употреблять будущее время, когда все уже было в настоящем), он попросил меня:

— Не надо, не надо, не отвечай! Я боюсь ответа!

Не раз за долгие годы мучений вспоминала я роковой вопрос: «А ты смогла бы полюбить прокаженного?»

Расскажу о смерти отца, ибо это прямо касается наших отношений с Николаем Ивановичем. К болезненному состоянию отца мы привыкли, но ничто не предвещало столь скорого конца. 31 декабря 1931 года он настоял, чтобы я встретила Новый год с

молодежью. Обычно новогодний праздник я проводила с родителями. На этот раз я пошла к своему сверстнику Стаху Ганецкому. Только я переступила порог квартиры Ганецких (Ганецкий Яков Станиславович — деятель российского и международного революционного движения. С 1917 года работал в Наркомфине, Внешторге, Наркоминделе. — *Ф. М.*), как раздался телефонный звонок отца: «Немедленно возвращайся домой, я умираю!» Дома передо мной предстала картина, которую трудно вообразить: отец, обычно с трудом передвигавшийся, бегал по квартире из комнаты в комнату в бешеном темпе. Что привело его в такое состояние — загадка и по сей день. Мы заподозрили психическое заболевание. Вызвали известного невропатолога профессора Крамера (Крамер Василий Васильевич — один из основоположников советской нейрохирургии, в последние годы болезни Ленина — его лечащий врач. — *Ф. М.*), тот явился срочно, но никаких психических отклонений не обнаружил. Врачи-терапевты поставили диагноз — двустороннее воспаление легких. Отец умирал мучительно, сидя в кресле — лежа дышать не мог вовсе. То была двухнедельная пытка. Умер он 14 января. Когда ему стало совсем плохо, мать сообщила об этом ближайшим его друзьям. Пришли Рыков с женой, Милютин, Крицман. Николай Иванович был в отпуске в Нальчике. (Я вызвала его телеграммой слишком поздно. Он опоздал на похороны.)

В этот критический момент прощания позвонил Сталин и попросил Ларина к телефону. Но отец не мог взять трубку. «Жаль, — сказал Сталин, — я хотел предложить ему высокий пост...»

До последней минуты отец был в сознании, и мать передала ему о звонке Сталина. Все присутствующие были крайне удивлены. Ни по своему характеру, ни по состоянию здоровья отец не мог быть руководителем. Да и не было между Лариным и Сталиным близости. Милютин был поражен звонком больше всех, ибо на днях

именно он сообщил Сталину, что Ларин очень плох, похоже даже, что он умирает. «Неужто забыл?» — произнес Милютин и в недоумении пожал плечами...

Пришел Поскребышев (помощник Сталина. — *Ф. М.*), и отец попросил мать передать Сталину папку с очередным экономическим проектом.

Затем отец обратился ко мне. Вопрос его взволновал меня и озадачил. «Николая Ивановича ты все еще любишь?» — спросил он, зная, что с марта 1931 года мы с ним не виделись. Я была смущена тем, что на этот вопрос должна была дать ответ в присутствии Поскребышева. И еще мне не хотелось, чтобы мой ответ не удовлетворил предсмертное желание отца, которого я не знала. Но солгать я не могла и ответила утвердительно. Мне показалось, что отец вот-вот скажет: «Надо его забыть...» Однако глухим, еле слышным голосом он произнес: «Интересней прожить с Николаем Ивановичем десять лет, чем с другим всю жизнь».

Жестом руки отец показал мне, чтобы я подошла к нему еще ближе, так как голос его все слабел и слабел, и он почти прохрипел мне на ухо: «Мало любить Советскую власть потому, что в результате ее победы тебе неплохо живется. Надо суметь за нее жизнь отдать, кровь пролить, если требуется». Огромным усилием воли он чуть приподнял кисть правой руки, сжатую в кулак, сразу же безжизненно упавшую ему на колено, и хрипло воскликнул: «Клянись, что ты сможешь это сделать!» Я поняла так, что надо быть готовой отдать жизнь в случае интервенции против Советского Союза. И поклялась... Последними словами отца были такие: «Мой прах развейте с самолета» и «Мы победим».

Весь день 2 ноября 1987 года Анна Михайловна провела у телевизора. Она ловила каждое слово в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, произнесенном им на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической револю-

ции. Волновалась, нервничала, ожидая чего-то очень для нее важного. Важного, как она понимала, для многих, но для нее как ни для кого. Когда до нее донеслись слова Ленина о том, что «...Бухарин... законно считается любимцем всей партии...», она удовлетворенно вздохнула. Впервые за 50 лет имя Бухарина было произнесено в положительном контексте. Ничего нет радостнее и понятнее правды.

«Характер у Николая Ивановича был сложный, никогда нельзя было с точностью предсказать, чего можно от него ожидать. Да и сам он не всегда предвидел свое поведение, был способен на необдуманные поступки. Политический расчет в конечном итоге был ему чужд, и это как политику мешало ему.

На необоснованные выпады Бухарин мог, впрочем, ответить резко, даже зло. Он умел набрасываться на своего противника с бешеной энергией своего политического темперамента. Одновременно клавиатура его душевных струн была удивительно тонкой, я бы даже сказала, болезненно истонченной. Его натура, формировавшаяся в дни той бурной эпохи, которой он жил, играя в ней не последнюю роль, необычайно тяжело переносила эмоциональные перегрузки, ибо «допуск» был крайне мал, и душевные струны обрывались.

Эта черта его характера имела нежелательные для политического деятеля последствия — он не всегда умел побеждать, даже в том случае, когда был прав.

Ему была присуща и капитуляция по более мелким поводам. Он извинился перед поэтами, уязвленными его критическими замечаниями, на Первом съезде советских писателей. Эти замечания о повышении поэтического мастерства, сделанные с самыми добрыми намерениями, были справедливы, и извиняться в общем-то было ни к чему. На февральско-мартовском Пленуме 1937 года, прося по совету Сталина извинения у Пленума за голодовку, объявленную в знак протеста против выдвинутых

Бухарину неслыханных обвинений, он тоже как бы дал слабину.

Эта черта характера — эмоциональная перенасыщенность — приводила его нередко в состояние истерии. Он легко плакал. Не могу сказать, что по любому поводу, поводы были всегда серьезны. В связи со смертью Ленина на глазах многих его соратников я видела слезы, но так рыдать, как рыдал Бухарин, чисто по-женски мог только он один. Во время коллективизации, проезжая Украину, на маленьких полустанках он видел толпы детей с опухшими от голода животами. Они просили милостыню. Николай Иванович отдал им всю свою наличность. По приезде в Москву он зашел к моему отцу и, рассказывая об этом, с возгласом: «Если более чем через десять лет после революции можно наблюдать такое, как это можно?» — рухнул на диван в истерических рыданиях. Мать отпаивала его валериановыми каплями. Когда Бухарин узнал, что Октябрьское восстание в Москве прошло не столь бескровно, как в Петрограде, и что погибло около тысячи человек, он разрыдался.

Эмоциональные перегрузки приводили его к физическому недомоганию. Он регулярно болел. Этот крепкий, удивительно сильный человек, спортсмен с мускулатурой борца, при сильном нервном напряжении увядал. Организм как бы терял сопротивляемость.

Я не хочу, чтобы на основе рассказанного мной сложилось впечатление, что Николай Иванович был «плаксивой бабой». Это не так. Эмоциональная перенасыщенность — одна из граней его сложного, богатого характера. Одновременно Бухарин был революционером большой страсти и необузданного темперамента. Его революционный потенциал был огромен и требовал динамики, действия. Николай Иванович был одержим идеей революционного преобразования общества, его гуманизации. Эта цель казалась ему неосуществимой без изменения человеческой природы, без повышения культуры низов, тех, кого до революции считали «черной

костью», — рабочих, крестьян. Быть может, эта характеристика покажется несколько банальной, но именно у него эта идея превратилась в страстную немеркнущую и все более захватывающую мечту и стала едва ли не единственной целью его общественно-политической жизни. Новый мир, как он себе его представлял, должен быть осуществлен во что бы то ни стало, что, по его мнению, вовсе не означало «чего бы это ни стоило», любой ценой. Бухарина всегда мучили нравственные коллизии, он видел и трагическую сторону привлекательной для него идеи. «Бывают мрачнейшие люди с оптимистическими идеями, бывают и веселые пессимисты. Бухарчик был удивительно цельной натурой, — он хотел переделать жизнь, потому что ее любил», — писал о Бухарине Эренбург.

На мои расспросы о том, каким был Бухарин в быту, в домашней обстановке, как он одевался, стремился ли к материальным благам или был к ним безразличен, Анна Михайловна рассказала о нескольких эпизодах.

Однажды Сталин, обсуждая поездку Бухарина в Париж, заметил:

— Костюм у тебя, Николай, поношенный, так ехать неудобно, надо быть одетым...

В тот же день раздался телефонный звонок портного из Наркоминдела, который хотел как можно скорее снять с клиента мерку для пошива. Николай Иванович попросил сшить костюм без мерки и пытался объяснить портному, как сильно занят. «Как это без мерки, — удивился портной, — поверьте моему опыту, товарищ Бухарин, еще ни один портной без мерки костюм не шил». — «Сшейте по старому костюму», — предложил Николай Иванович.

Но он забыл, что такой выход из положения был неосуществим прежде всего потому, что единственный старый костюм был на нем. Отдав костюм портному, редактор газеты (в то время Н. И. Бухарин был ответственным редактором газеты «Известия». — Ф. М.) мог явиться на работу только в нижнем белье. Минуту для посещения порт-

няжной Бухарин нашел. Новый костюм ему сшили, он съездил в нем в Париж, в нем же впоследствии был арестован.

Два месяца спустя после ареста мужа Анна Михайловна с сыном и отцом Николая Ивановича были переселены из Кремля в Дом правительства у Каменного моста, с легкой руки писателя Юрия Трифонова названный «домом на набережной», к тому времени уже наполовину опустошенный. Прислали счет за квартиру. Платить было нечем, и, поскольку дом находился в ведении ЦИКа, Анна Михайловна написала М. И. Калинину маленькую записочку: «Михаил Иванович! Фашистская разведка не обеспечила материально своего наймита Николая Ивановича Бухарина, — платить за квартиру не имею возможности, посылаю Вам неоплаченный счет».

По свидетельству А. М. Лариной, никаких денежных запасов Бухарин никогда не имел. Гонорар за свои литературные труды он перечислял в фонд партии. Зарплату как редактор «Известий» получать отказался. Получал положенную зарплату в Академии наук СССР, действительным членом которой он был.

Не раз случалось и так, что Николай Иванович брал деньги взаймы у своего шофера Н. Н. Клыкова.

«Бухарин был популярной личностью. В связи с этим хочу вспомнить один эпизод, связанный с нашим пребыванием на Телецком озере. Однажды, в то время, когда Николай Иванович беседовал с двумя учеными на орнитологические темы, поражая их своими знаниями, дверь неожиданно открылась, и в комнату вошел пожилой алтаец. Он внимательно оглядывался по сторонам, пытаясь узнать, кто из присутствовавших Бухарин. На алтайце была надета телогрейка, вся залатанная, на ногах какие-то драные опорки, в одной руке он держал небольшой мешок, в другой — какой-то сверток.

— Что вам угодно? — спросил один из орнитологов.

— Моя пришла твоя смотреть, —

сказал алтаец, обращаясь к орнитологу в черной фетровой шляпе с большими полями, что, очевидно, и заставило гостя заподозрить в нем Бухарина. В его представлении Бухарин должен был быть обязательно в шляпе.

— Да, твоя смотреть, — повторил алтаец, глядя на орнитолога. — Я слышала, она приехала и в этой избе живет.

В своей речи он употреблял только женский род, со склонениями и спряжениями знаком тоже не был.

— Ну, раз «твоя» смотреть, так я не «она», — сказал, смеясь, орнитолог, — вот ты и угадай, где «она»?

— Не она? — удивился алтаец. Шляпы ни у кого, кроме орнитолога, не было, и это его совершенно обескуражило. Подумав, он посмотрел в сторону курившего трубку второго орнитолога и показал на него.

— Опять не «она», — сказал, смеясь, тот, в шляпе, и решил помочь алтайцу опознать Бухарина. Оставались еще трое мужчин, в том числе два охранника.

— Вон тот, смотри! — И орнитолог в шляпе кивнул головой в сторону Бухарина.

— Это она? — удивился алтаец. — Твоя правда говорит?

Николай Иванович, в сапогах, в спортивной куртке, в кепке вместо шляпы, небольшого роста, не произвел на алтайца ожидаемого впечатления.

— Бухарин же большая, красивая, а эта что?

Раздался оглушительный хохот, дольше всех смеялись двое из охраны. Наконец подал голос и Николай Иванович:

— Зачем же ты пришел меня смотреть, я же не невеста и, как видишь, не большой и не красивый, — полное разочарование...

Что такое «разочарование», алтаец не знал, но про невесту все понял.

— Моя не надо невеста, моя баба имеет. Она тебе лепешки спекла. — И он протянул Николаю Ивановичу небольшой сверток — в нем оказались лепешки, испеченные из первоклас-

сной пшеничной муки и, надо сказать, мастерски. Николай Иванович стал угощать ими всех присутствующих, что обидело алтайца.

— Моя баба только тебе гостинца спекла, муки мало.

— Но за что мне такая честь? — спросил алтайца Николай Иванович.

— Что? Моя не поняла.

— Почему, я спрашиваю, твоя баба только мне лепешки испекла?

— А моя сказала: спеки гостинца Бухарина за то, что она люди любит.

— Народ, — заметил орнитолог.

— Народ, народ. Да-да-да, — подтвердил алтаец.

— Ну, как же вы теперь живете в колхозе? — спросил Николай Иванович.

— Сказал бы я тебе, да здесь люди много.

— Говори, говори, не бойся, — попросил Николай Иванович.

— Моя все сказала, и так моя понимает, как живем! Говорю, люди много, сказать нельзя.

Удовлетворив свое любопытство, алтаец стал направляться к выходу. Мы все пошли провожать пришельца к озеру, на берегу была привязана его самодельная лодка — выдолбленное сиденье в куске отпиленного толстого ствола дерева. Алтаец привязал мешок с мукой веревкой к спине и, прошившись только с Николаем Ивановичем, отчалил от берега:

— Будь здорова, моя хорошая!»

...Коснулись темы «Бухарин и Пастернак». Говорили о прекрасной оценке творчества Бориса Леонидовича, данной Бухариным в докладе на Первом съезде советских писателей. Вспомнили стихотворение поэта «Волны», посвященное Николаю Ивановичу:

Он сам повествовал о плене
Вещей, вводимых не на час,
Он плыл отчетом поколений,
Служивших за сто лет до нас.

«Он плыл отчетом поколений...» — какая блистательная формулировка, какой яркий образ!

Анна Михайловна отметила, что в дни тягостных предрестных событий, когда однажды в газетах сообщили (это была

очередная уловка Сталина), что дело Бухарина прекращено, Николай Иванович получил поздравительную телеграмму от Романа Роллана и поздравительное письмо от Пастернака, чем он был глубоко взволнован. А позже, когда во второй половине января 1937 года была снята подпись Бухарина как ответственного редактора газеты «Известия» и стало яснее ясного, что дела Николая Ивановича совсем плохи, Борис Пастернак вновь прислал Бухарину коротенькое письмо, как ни странно, не задержанное. В письме он писал, что «никакие силы не заставят меня поверить в ваше предательство». Он также выражал недоумение происходящими в стране событиями. Получив такое письмо, Николай Иванович был потрясен мужеством поэта, но чрезвычайно озабочен его дальнейшей судьбой.

...По моей просьбе Анна Михайловна рассказала о последних месяцах и днях ее совместной жизни с Н. И. Бухариным. Времени трагическом, сложном, когда Сталин во всей полноте показал деспотическую сущность своего характера. И в особенности по отношению к Бухарину. События развивались следующим образом. Как считает Анна Михайловна, последние месяцы жизни Бухарина до ареста — это время, когда подготовка его физического уничтожения стала явной, и отсчет тем дням начался с процесса Зиновьева и Каменева, то есть с августа 1936 года.

За три с половиной месяца до этого Николай Иванович с женой вернулся из Парижа, где безуспешно вместе с двумя товарищами пытался купить для Советского Союза архив Карла Маркса и другие документы, предлагавшиеся для продажи немецкими социал-демократами после прихода к власти Гитлера. Огорчение в связи с безрезультатной поездкой было кратковременным, а после разговора со Сталиным и его слов: «Не волнуйся, Николай, архив приобретем, они еще уступят...» — осталось позади. Николай Иванович жил обычной для него жизнью: работой в редакции «Известий», в Академии наук СССР, подготовкой новой, так называемой «сталинской Конституции».

Родился сын, и сорокасемилетний отец пребывал в радостном возбуждении. Он был счастлив. Через месяц после рождения сына семья уехала на Сходню, где находились дачи «Известий». В начале августа Николай Иванович получил отпуск и поехал на Памир осуществить свою давнюю мечту поохотиться в горах. Сопровождал его в поездке издательский работник Семен Ляндрес (кстати, отец писателя Юлиана Семенова). Незадолго до отъезда Бухарин рассказал жене об аресте Г. Я. Сокольников, своего друга. Он предположил, что арест связан, вероятнее всего, с перерасходом государственных средств в то время, когда тот был послом в Лондоне.

На Памире Бухарин забрался в такие дебри, где не было ни почтовой, ни телеграфной связи. Две недели Анна Михайловна с нетерпением ждала вестей. И вести, неожиданные, страшные, появились 19 августа. Она прочитала о них в газетах, которые извещали о начале процесса так называемого троцкистского объединенного центра, о том, что многие его участники дали показания против Бухарина. Вскоре появилось заявление прокуратуры о начале следствия по делу упомянутых на процессе лиц, в том числе и ее мужа. На собраниях выносились гневные резолюции: «Посадить на скамью подсудимых...» Опубликовали извещение о самоубийстве Томского.

От Бухарина вестей не было. Но вот наконец он прилетает самолетом из Ташкента, случайно узнав о нависшей над ним смертельной опасности. Волновался, что арест произойдет прямо в аэропорту. Увидев жену, воскликнул: «Если бы я мог предвидеть подобное, убежал бы от тебя на пушечный выстрел». «Куда поедет?» — спросил подавленный шофер. Бухарин лихорадочно соображал, откуда ему позвонить по телефону-вертушке Сталину. «Будь что будет!» — решил он и поехал на квартиру в Кремль. Дежурный охраны как ни в чем не бывало отдал честь члену ЦИКа. «Может, он газет не читает?» — подумал Бухарин. Лихорадочный звонок, уже из своего кабинета, Сталину. Незнакомый голос ответил: «Иосиф Виссарионович в Сочи». «В такое время в

Сочи?» — подумал Бухарин. Звонить Ягоде Бухарин считал бессмысленным. Он не представлял, что Ягода доживает в НКВД последние дни и будет судим вместе с Бухариным на одном процессе. Так и сидел он целыми днями в своем рабочем кабинете, ожидая звонка. Однажды позвонил из «Известий» К. Радек, член редколлегии газеты, заинтересовался причиной отсутствия Бухарина на работе. Николай Иванович ответил: «Пока в печати не будет опубликовано опровержение гнусной клеветы, моей ноги в редакции не будет». В начале сентября снова зазвонил телефон, просили явиться в ЦК для разговора с Кагановичем. «Почему с Кагановичем?» — недоумевал Бухарин. Вновь решил позвонить Сталину, последовал тот же ответ: «Иосиф Виссарионович в Сочи». Вернувшись из ЦК, рассказал невообразимое: ему устроили очную ставку с Сокольниковым, другом его юности, и тот показывал против него и лгал. 10 сентября 1936 года в газетах появилось сообщение Прокуратуры СССР, в котором говорилось о прекращении следствия по делу Бухарина и Рыкова — тактический шаг Сталина, дабы показать «объективность» следствия. Бухарин по натуре своей был легковверен, и Сталин, пользуясь этой чертой его характера, играл в любовь к нему, а за спиной готовил уничтожение Николая Ивановича. Лишний раз это подтвердилось 7 ноября, когда по пересланному из редакции гостевому билету он решил вместе с женой встретить девятнадцатую годовщину Октября на Красной площади. Место на трибуне, вспоминала Анна Михайловна, оказалось ближайшим к Мавзолею, и Сталин заметил Бухарина. Вдруг Анна Михайловна увидела, что по направлению к ним идет часовой, и очень заволновалась. Ей подумалось, что он идет арестовать Бухарина. Но часовой отдал честь и сказал, что товарищ Сталин просит Николая Ивановича подняться на Мавзолей, что его место там. Бухарин поднялся на Мавзолей, но поговорить со Сталиным ему не удалось, ибо тот стоял вдалеке и ушел первым. После этого около месяца прошло относительно спокойно. Николай Иванович не исключал даже, что ему вновь пред-

ложат приступить к работе в редакции. Он пытался не бездействовать: читал, делал выписки из немецких книг, работал над большой статьей об идеологии фашизма. К концу ноября нервное напряжение стало столь велико, что работать больше он не мог. Метался по квартире, как загнанный зверь. Заглядывал в «Известия» — не подписывают ли газету фамилией другого редактора. Но подпись была та же: «Ответственный редактор Н. Бухарин». Он недоуменно пожимал плечами. В первых числах декабря по телефону оповестили о созыве Пленума ЦК. О повестке дня сказано ничего не было. Придя с Пленума домой, Бухарин сказал жене:

«Познакомься! Твой покорный слуга предатель — террорист-заговорщик». Новый нарком НКВД Ежов со страшной силой обрушился на Бухарина, обвиняя его в организации заговора и в причастности к убийству Кирова. «Молчать! — закричал Бухарин прямо в зале, когда услышал столь чудовищное и абсурдное обвинение: нервы его не выдержали. — Молчать!» Все обернулись, но никто не произнес ни слова. Сталин сказал, что не надо, дескать, торопиться с решением, а следствие продолжить. Бухарин подошел к Сталину и сказал, что надо бы проверить работу НКВД, разве можно верить клеветническим показаниям. Сталин ответил, что прошлые заслуги Бухарина никто не отнимает, затем отошел в сторону, не желая продолжать разговор. Три последующих мучительных месяца Николай Иванович провел главным образом в небольшой комнатке своей квартиры, в бывшей спальне Сталина (по его просьбе Бухарин поменялся квартирой со Сталиным после того, как трагически умерла его жена Надежда Аллилуева). Становилось все более очевидным, какие цели преследует так называемое следствие и по чьему указанию оно действует. Тем не менее Бухарин направил Сталину несколько писем, с обращением «Дорогой Коба», доказывая свою невиновность, опровергая клевету. Анна Михайловна почти постоянно находилась возле мужа, за исключением тех минут, когда выходила к ребенку. Однажды она увидела пистолет в руке у Николая Ивановича, закричала. «Не

волнуясь, я уже не смог, — сказал Николай Иванович. — Как подумал, что ты увидишь меня бездыханного...» Он встал, снял с полки том Верхарна, прочел: «То кровь от смертных мук распятых вечеров пурпурностью зари с небес сочится дальних... Сочится из болот кровь вечеров печальных, кровь тихих вечеров, и в глади вод зеркальных везде алеет кровь распятых вечеров...» Заточенный в своей квартире, Бухарин похудел, постарел, рыжая борода поседела. Снова вызов — очная ставка с Радеком. Снова бесполезное объяснение со Сталиным. Все шло к развязке давно уже продуманного приговора, хотя в мгновения относительного просветления Николай Иванович надеялся на жизнь. «А что, если вышлют к чертям на рога, — поедешь со мной, Анюта?» Однажды Анна Михайловна вышла на улицу вдохнуть глоток свежего воздуха и столкнулась с Серго Орджоникидзе. Тот остановился. Слов Анна Михайловна найти не могла. Серго смотрел на нее такими скорбными глазами, что и по сей день она не может забыть его взгляда. Затем он пожал ей руку и сказал два слова: «Крепиться надо!» Сел в машину и уехал. Орджоникидзе оставалось жить считанные дни. Бухарин решил написать Серго. В письме была просьба — в случае ареста позаботиться о семье. Снова звонок в дверь: извещение о созыве Пленума ЦК ВКП(б). Это уже «февральско-мартовского». Повестка дня: вопрос о Бухарине и Рыкове. Бухарин решает не идти на Пленум и объявляет голодовку. Письмо в Политбюро: «В протест против неслыханных обвинений объявляю смертельную голодовку...» Звонок в дверь, трое мужчин, приказ о высылении из Кремля. Звонок от Сталина: «Что у тебя, Николай?» — «Вот пришли из Кремля выселять...» — «А ты пошли их к чертовой матери...» 16 февраля Бухарин простился с отцом, первой своей женой Надеждой Михайловной, также позднее репрессированной (она написала письмо Сталину, что не желает быть членом партии в то время, когда Бухарину предъявляют чудовищные, необоснованные обвинения, и лично ему отослала свой партийный билет), ребенком и начал голодовку.

Побледнел, осунулся, синяки под глазами. Попросил глоток воды. Анна Михайловна выжимает апельсин, всего каплю. Стакан летит в угол: «Ты вынуждаешь меня обманывать Пленум, я партию обманывать не стану». Анна Михайловна почувствовала, что умирает одновременно с мужем. Тихим, слабым голосом: «Чудный месяц плывет над рекою...» Спел один куплет... Смерть Серго... Стихи Бухарина: «Он был точно гранит...»

Из-за похорон Орджоникидзе Пленум откладывается. Потом новая повестка дня с вопросом об антипартийном поведении Н. Бухарина в связи с объявленной голодовкой. Принимает решение: на Пленум идти, голодовку не прекращать. Лишь двое решаются пожать руку Бухарину: Уборевич и Акулов, секретарь ЦИКа. Сталин: «Кому ты голодовку объявил, Николай, ЦК партии? Проси прощения у Пленума...» — «Зачем это надо, если вы собираетесь меня исключить из партии?» — «Никто тебя из партии исключать не будет». Бухарин в очередной раз поверил Кобе и попросил прощения у Пленума ЦК.

«Этот роковой день 27 февраля 1937 года, когда вечером позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил, что Бухарину надо явиться на Пленум, я помню так четко, будто случилось все вчера.

Непередаваем трагический момент страшного расставания, не описать душевную боль, что и по сей день живет в моей душе. Николай Иванович упал передо мной на колени и со слезами на глазах просил прощения за мою загубленную жизнь. Просил воспитать сына большевиком. «Обязательно большевиком», — повторил он. Просил бороться за его оправдание и не забыть ни единой строки письма-завещания.

— Ситуация изменится, обязательно изменится, — твердил он, — ты молода, ты доживешь. Клянись, что ты сумеешь сохранить в памяти мое письмо!

Я поклялась. Он поднялся с пола, обнял, поцеловал меня и произнес дрожащим голосом:

Лев Воскресенский,
экономический обозреватель
агентства печати «Новости»

— Смотри, не обозлился, Анюта, в истории бывают досадные опечатки, но правда восторжествует!

От волнения меня охватил внутренний озноб. Мы понимали, что расстаемся навсегда.

Николай Иванович надел кожаную куртку, шапку-ушанку и направился к двери.

— Смотри, не налги на себя, Николай! — только это смогла я сказать ему на прощание.

Он свято верил в идеалы Октябрьской революции и хотел, чтобы я рассматривала черную полосу истории как временную, надеясь на очищение и справедливость. Именно поэтому он завещал мне воспитать сына большевиком. По этой же причине он адресовал свое письмо «Будущему поколению руководителей партии».

Письмо было написано Бухариным за несколько дней до ареста. Психологически он был уже готов к тому, что его арестуют и что придется расстаться с жизнью. Надежду на оправдание он окончательно потерял и принял решение заявить будущим потомкам о своей непричастности к преступлениям и просить о посмертном восстановлении в партии. В то время мне было 23 года, и Николай Иванович был убежден, что я доживу до такого времени, когда смогу передать письмо в ЦК. Будучи уверен, что письмо его будет забрано при обыске, и опасаясь, что в случае обнаружения его я буду подвергнута репрессиям, Николай Иванович просил меня выучить письмо наизусть. Много раз он читал мне свое письмо, много раз вслед за ним я повторяла написанные им строки. Ах, как он негодовал, когда я допускала неточность! Наконец, убедившись, что содержание письма я запомнила твердо и окончательно, он уничтожил рукописный текст.

Свое последнее обращение к людям, к партии он писал на небольшом столике, где лежали письма Ленина к нему, — их он перечитывал все последние дни...»

Огонек, 1987, № 48

«ЗНАЙТЕ, ТОВАРИЩИ...»

Николай Иванович Бухарин — известнейший партийный и государственный деятель, большевик с 1906 года, член ЦК с февраля 1917 года, редактор главной партийной газеты, в разные годы — член Политбюро, ЦИК СССР, Президиума Коммунистического Интернационала. Его судьбе посвящена эта статья.

Меня всегда удивляло: что побудило Пастернака написать в цикле «Волны», опубликованном в 1931 году, эти строки: «Ты рядом, даль социализма... Ты куришься сквозь дым теорий, страна вне сплетен и клевет...

Где я не получаю сдачи
Разменным бытом с бытия,
Но значу только то, что трачу,
А трачу все, что знаю я?»

Но я был просто-напросто ошеломлен, когда вдобавок узнал о том, кому посвящены эти изумительные строки. Беспартийный и, по распространенному мнению, человек «не от мира сего», не удостоивший поэтическим вниманием Сталина, несмотря на явные «пожелания сверху», Пастернак посвятил свои «Волны» другому известнейшему партийному и государственному деятелю, политику, что называется, до мозга костей, большевику с 1906 года, члену ЦК после февраля 1917 г., редактору главной партийной газеты, в разные годы — члену Политбюро, ЦИК СССР, Президиума Коммунистического Интернационала. А когда над головой этого деятеля сгущались тучи, Борис Леонидович счел своим долгом послать ему телеграмму (по другим сведениям — письмо), выражая свою симпатию, поддержку и уверенность в его честности. Нелегко было открыто отправить такое послание в 30-е годы. Конечно же, этот жест много говорит как о самом Пастернаке, так и о его адресате — Николае Ивановиче Бухарине.

Ну, ладно, в конце концов поэт есть поэт, человек эмоций. Но — Ленин... Задумавшись о цене каждой минуты, отпущенной ему, смертельно больному, в короткие декабрьские дни 1922 года, о цене каждого, тяжело продиктованного и тщательно взвешенного слова в политическом завещании — о ближайших соратниках и наследниках его дела. Ка-

залось бы, стоило писать только о деловых и политических характеристиках, без каких-либо «сантиментов», ибо — не до них. И вдруг — по-человечески теплые, сердечные слова: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, но также законно считается любимцем всей партии». Там же, строка в строку, были и критические замечания (о них мы еще скажем). Но все-таки: «любимец партии».

В дни недавних октябрьских торжеств в докладе М. С. Горбачева впервые за полвека, минувших после печально памятного «процесса антисоветского правотроцкистского блока» (2—13.3.1938 г.), сказано о важной роли Н. Бухарина в идейном разгроме троцкизма, равно как и об ошибках в самом конце 20-х годов, которые и он сам, и его сторонники вскоре признали. Как известно, Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и уже известных ранее фактов и документов, относящихся к злоупотреблениям сталинских времен. Нет сомнения, что вопрос о суде над Н. Бухариным и о партийной реабилитации будет рассмотрен. Никому не дано забегать вперед и предвосхищать окончательный вердикт.

Но есть другая сторона дела — суждение о личности человека. Оно не может быть ни преждевременным, ни, наоборот, запоздалым, как личность, так и молва людская о ней — вне регламента. А что там скрывать — о Бухарине и сейчас говорим, да и раньше говорили.

Где-то вскоре после войны мне попалась в руки подшивка «Огонька» 20-х годов. До сих пор стоит перед глазами фотография тех лет: Бухарин записывает на пачке папирос обещание обступившим его пионерам: «Бросаю курить!» Хочешь не хочешь, а впечатление о человеке — пусть детское, пусть наивное — сложилось.

Запомнился рассказ отца — о 20-х годах, временах его юности:

— На Никитской, как раз напротив Зоологического музея, сталкиваюсь на улице с Бухариным — лицом к лицу. Он в сапогах, в рабочей кожанке нараспашку. Идет быстро, почти бежит: член Политбюро, главный редактор «Правды» торопится — читать лекцию сту-

дентам Московского университета. Я, конечно, за ним вдогонку. Поднявшись на сцену Коммунистической аудитории, Бухарин быстро снял куртку, повесил ее на спинку стула, подошел к кафедре. Студенты встречали его просто-таки неистово...

Спустя много лет мне довелось познакомиться с Анной Михайловной Лариной, вдовой Н. И. Бухарина, и их сыном — художником Юрием Лариным.

Странное ощущение испытываешь в этом доме на улице Кржижановского неподалеку от метро «Профсоюзная». Слушаешь рассказы Анны Михайловны — и время уплотняется, события полувекковой давности встают перед глазами словно вчерашний день: «...Спускаюсь вниз — в гостях у Николая Ивановича Сталин, пьют чай... Внешне отношения выглядели, я бы сказала, дружескими, Сталин часто приглашал его к себе на дачу. Он же настоял, чтобы мы переселились из «Метрополя» в Кремль... В соседней квартире — через стенку — жил Орджоникидзе».

Рассматриваю фотографический портрет на стене: крутой, высокий лоб, светлые, блестящие глаза, открытый, дружеский и немного насмешливый взгляд, добрые складки над губами. Он мне почему-то представлялся крупным, рослым, статным, а на самом деле, оказывается, был невысоким, рыжеволосым, подвижным как ртуть. Занимая высокие партийные и государственные посты, будучи, как тогда выражались, одним из вождей, он оставался человеком доступным, живым, веселым, увлекающимся, очень откровенным.

На стене напротив — два пейзажа маслом, чудом сохранившиеся картины кисти Бухарина.

От него исходили какие-то токи, сегодняшнему выражаясь, он создавал биополе, и тот, кто попадал в это поле, невольно ощущал его воздействие. Вот еще один психологически колоритный эпизод.

Представьте себе тяжелейшую весну 1920 года. Хозяйство страны парализовано, надвигается страшная угроза голода. Армия Врангеля давит и давит. И вот как раз в эти дни (а скорее всего — ночи) Ленин штудирует только

что вышедшую из печати книгу «Экономика переходного периода (общая теория трансформационного процесса, часть I)» и, прочитав, пишет на нее шутивную рецензию, намеренно пародируя тяжеловесный стиль автора.

Сегодня это воспринимается неожиданно, не вяжется с хрестоматийным обликом Ленина. Как это?! Пародия? Да еще в такое время, когда совсем не до шуток?.. Рецензия Ленина не раз публиковалась, прочитать ее можно, а вот саму книгу Бухарина «Экономика переходного периода»... А нужно бы прочитать. Ну, скажем, сейчас нам привычно говорить о строительстве социализма. Но в политической акустике революционной поры такое выражение резало ухо. Чаще звучало другое: введение, установление, победа социализма. Бухарин был едва ли не первым, кто понял и написал: «Социализм придется строить. Наличные вещественные и личные ресурсы являются лишь отправным пунктом развития, которое обнимает собой целую громадную эпоху». «Оч. верно!» — пишет на полях Ленин. Его личный экземпляр, который берегут в архиве ИМЛ, испещрен заметками на полях. Порой Ленин спорит с автором, порой уточняет его, а порой: «Верно!», «Оч. хорошо!», «Sehr gut!» «C'est le mot!», «Вот именно!», «Вот эта глава превосходна!».

Нет, вовсе не случайно в напряженнейшие месяцы 1920 года Ленин считал нужным выбрать время для того, чтобы так внимательно прочесть книгу Бухарина. Посмеявшись над погрешностями стиля «Экономики...», он неожиданно меняет тон дружеской пародии и говорит уже вполне серьезно: «Позволительно выразить надежду, что этот небольшой недостаток исчезнет в следующих изданиях, к-рые так необходимы нашей читающей публике...»

Вернемся к критическому отзыву Ленина о Бухарине в уже цитируемом «Письме к съезду»: «...но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился, и, думаю, никогда не понимал вполне

диалектики)». В самом деле: учился он мало, если понимать учебу как распланированный курс академических занятий. В 1907 году поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета, будучи к тому времени большевистским организатором, пропагандистом и агитатором в Хамовниках, но через полтора года вместе с другими членами Московского комитета партии был арестован. За четыре «университетских» года — три ареста, Суцеская и Бутырская тюрьмы, ссылка в Онегу, побег и нелегальный выезд за границу.

О шести годах эмиграции можно было бы сделать остросюжетный фильм. Арест в Австрии, военная крепость. Арест в Англии, а затем в Швеции. Высылка в Норвегию, нелегальный переезд в Америку и агитационное турне по городам Соединенных Штатов. При первых известиях о свержении царя Бухарин торопится вернуться через Японию, обогнув земной шар, на Родину и становится, как можно прочитать в первом издании Большой Советской Энциклопедии, «одним из руководящих участников Октябрьской революции».

Но это лишь внешняя канва жизни. Было и другое: напряженная работа в библиотеках, долгие часы раздумий. В Вене Бухарин слушает лекции «самого» Бем-Баверка, общепризнанного (до сей поры) патриарха антимакистов, чтобы затем скрестить с ним, равно как и с Оппенгеймером, Струве, Туган-Барановским, полемическое оружие. Одновременно — теоретическая, политическая и организационная борьба с троцкистами, оборонцами, меньшевиками, работа в заграничной большевистской печати. Один за другим выходят научные труды.

Да, «нечто схоластическое» в них было. Но обратим внимание на важную оговорку Ленина в том же «Письме к съезду»: замечание о Бухарине и Пятакове сделано «лишь для настоящего времени». И при этом подчеркивается, что оно «останется справедливым только тогда, если эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить

свои односторонности (25.XII. 1922 г.).

А сколько лет было Николаю Бухарину в декабре 1922 года? 10 октября исполнилось всего-то 34. Впереди были статьи и книги, борьба с троцкистами за последовательное проведение новой экономической политики, избрание в действительные члены Академии наук. Впереди — знаменитая речь на I съезде писателей, антифашистская публикастика и впервые им произнесенное, ставшее затем таким привычным словосочетание: «социалистический гуманизм». Впереди — деятельная работа в комиссии по подготовке так называемой «сталинской Конституции».

Накануне февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 года он знал, что его дни на свободе сочтены.

— Отчаявшись оправдаться при жизни, — вспоминает А. М. Ларина, — Николай Иванович написал за два-три дня до ареста письмо. Ждали обыска. Боясь, что это письмо будет обнаружено, он поручил мне выучить его наизусть. Убедившись, что письмо я запомнила твердо, рукописный текст он уничтожил. Все годы заключения и ссылки, как молитву, повторяла я эти слова:

«Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должен быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно. Нет Дзержинского. Постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение...»

В который раз повторяет Ларина эти слова. Записываешь за ней на диктофон и почему-то боишься, что оборвется лента.

«...Любого члена ЦК, любого члена партии... могут стереть в порошок, превратить в предателя, террориста, диверсанта, шпиона. И если бы Сталин ус-

мнился в самом себе — подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невиновных. Ведь нужно же создать организацию, бухаринскую организацию, в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но не существовавшую тогда, в годы правой оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это ложь, адекватной которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: «Обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции».

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался «дискуссионный листок», все спорили, искали пути, ссорились и мирились, и шли дальше вперед и вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, которые в эти страшные дни становятся все грандиознее, разгораются как пламя и душат партию. Ко всем членам партии обращаюсь. В эти, быть может, последние дни своей жизни я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоем грязь с моей головы. Никогда я не был предателем. За жизнь Ленина без колебания заплатил бы собственной. Любил Кирова

и ничего не затевал против Сталина...»

И последние выбитые в памяти строки:

«Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин».

Он ушел на заседание Пленума, а домой не вернулся, никогда не вернулся. Это было 27 февраля. Вскоре арестовали Анну Михайловну. Юра, которому не исполнилось и года, оказался в детдоме.

13 марта 1938 года был оглашен приговор. Один из тех, что обжалованию подлежит.

Московские новости, 1987, № 49

Игорь Донков,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС,

Александр Никонов,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Активный борец за победу Октябрьской революции, стойкий большевик, крупный государственный деятель Ян Эрнестович Рудзутак прожил короткую жизнь. Но он успел многое сделать для становления и упрочения социализма, оставить добрую память в партии и народе.

По личному свидетельству председателя военного суда генерала Бернацкого, арестованных избивали ногами, резиновыми палками. Все 22 арестованных социал-демократа, доставленные в виндавскую тюрьму, имели, по заключению врача, «значительные следы побоев». Заключенные молчали.

Уездная тюрьма в Митаве славилась тяжелыми условиями. Именно туда было решено отправить двадцатилетнего Яна Рудзутака. Юноша находился в руках так называемой добровольной дворянской полиции, помогавшей властям бороться с революционерами. Если суд хоть как-то пытался обосновывать обвинения, то добровольная полиция не нуждалась даже в видимости законности. Ее правило — убийство «при попытке к бегству». Предводитель отряда, начальник уездной виндавской полиции барон Ропш предварительно отправил Яна в «дом пыток», который находился в лесничестве его имения...

Так враги революции собственноручно формировали характер профессионального революционера, представителя блестящей плеяды ленинцев Яна Эрнестовича Рудзутака. Годы жизни: 1887—1938...

Ян родился в семье латышского батрака. Был пастухом у богатого хуторянина. Две зимы ходил в приходскую школу. Шестнадцатилетний Ян после первых же столкновений с хозяином бросил работу и уехал — без паспорта и денег, вопреки желанию отца.

Рига встретила молодого бунтаря не приветливо — ни работы, ни знакомых. Скитания по улицам города, случайные заработки: мостил улицы, помогал садовнику, был грузчиком в театре... Жил нелегко, но стремился учиться — так проявлялось главное свойство одаренной натуры. Через всю жизнь Ян Эрнестович пронес любовь к театру, искусству, с которым впервые встретился не с парадной стороны, а с черного хода,

ЯН РУДЗУТАК

за кулисами, где таскал ящики с реквизитом, устанавливал декорации.

День, когда Ян поступил на завод «Отто Эрбе», во многом определил его судьбу. Весной 1905 года большевики наладили работу типографии с латышским шрифтом, провели первую открытую кампанию по организации профсоюзов. Во всех этих событиях участие принимал и Ян Рудзутак, молодой агитатор. Он учился выступать, спорил, распространял листовки. В сложный период идейных размежеваний Ян осознанно и твердо шел за ленинцами. А тот период в истории нашей партии был очень сложным. Отступление революции, правительственный террор... Принадлежность к большевикам грозила не просто тюрьмой — смертью...

В январе 1907 года по заданию ЦК социал-демократии Латышского края Ян Рудзутак восстановил разгромленную жандармами Виндавскую партийную организацию и возглавил ее. Полиции никак не удавалось арестовать ни активного Либиха, ни таинственного Пумпура: под этими именами скрывался Ян Рудзутак! Хотя, быть может, шпики не раз встречали на улицах Виндавы молодого человека в форме курсанта Рижского мореходного училища. Не знала полиция и того, что под видом торговых грузов для Кронберга и Рассы в город прибывали тюки с оружием и нелегальной литературой, а в конвертах с пометкой «Е. В. П.» под видом запросов о кассовых отчетах приходили зашифрованные указания ЦК СДЛК.

Конечно, нельзя готовить революцию, оставаясь невидимкой для рабочих масс. Жизнь революционера — риск. Ян, прекрасный конспиратор, постоянно рисковал. На его след жандармов вывел провокатор. Операцию по поимке «опаснейшего политического преступника», как называли Рудзутака, возглавил генерал Астафьев.

Мастерство конспиратора не дало следователям улик. Несовершеннолетие подсудимого сократило срок: 10 лет каторги. Яна из Рижского централа перевели в Бутырскую тюрьму, где его встретили фразой: «Живыми из Бутырок не выходят»...

Но он вышел — после десяти лет оди-

ночной камеры: освободила Февральская революция. В бутырской «одиночке» Ян изучил три иностранных языка. Истосковавшийся по практической деятельности, он сразу же после выхода из тюрьмы получает первое партийное задание — проводить работу среди текстильщиков Москвы. Напряженнейшей жизнью живет он эти восемь месяцев до Октября. Активная работа в Московском Совете рабочих депутатов, во Всероссийском центральном совете союза текстильщиков, который он возглавлял, частые выступления и беседы на фабриках — на сон отводится лишь три-четыре часа в сутки... Еще в сентябре 1917 года на Всероссийской конференции профсоюза текстильщиков он говорил: «Мы погибнем, если не примем решительных мер против буржуазии. Нам нужен, как воздух, свой, рабочий, контролируемый аппарат! Но буржуазия не отдаст без боя свои позиции. Теперь начинается борьба не на жизнь, а на смерть с классом имущих!»

Октябрь 1917 года. Ян стал одним из активных борцов за победу революции в Москве. Вскоре его деятельность обрела государственный масштаб. В первые годы молодого Советского государства Ян Эрнестович работал председателем Московского совнархоза, был членом Президиума ВСНХ, председателем Центротекстиля, генеральным секретарем ВЦСПС, возглавлял Главное управление водного транспорта.

Первая встреча с В. И. Лениным произошла 23 мая 1918 года в Кремле на заседании Президиума ВСНХ. У них установились самые теплые деловые отношения. Более пяти лет Ян Эрнестович работал под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина, получал от него указания, советы, учился решать государственные вопросы. Владимир Ильич не раз советовался с Рудзутаком, обменивался с ним записками, письмами и, конечно, связывался по телефону, вызывал в Кремль, направлял срочные бумаги с пометкой: «т. Рудзутак (от Ленина)», «Рудзутак», «Рудзутак: что сделали?», а на некоторых надпись: «Лично. Секретно. т. Рудзутак (от Ленина)». К сожалению, многие из писем не найдены. Ленин спрашивал

при решении важных вопросов: «Говорили с Рудзутаком?» Запрашивал секретарей: «Прошу Рудзутака шифром сообщить мне подробности», «Нельзя ускорить приезд Рудзутака?». На ответах Яна Эрнестовича Ленин обычно писал «От Рудзутака» и оставлял их среди самых неотложных бумаг.

Как в калейдоскопе, менялось служебное положение Я. Рудзутака, чаще всего он работал сразу на нескольких постах. Владимир Ильич беспредельно верил ему, видел в нем единомышленника, стойкого революционера и многоопытного хозяйственника. Ленин доверительно поручал Яну Эрнестовичу многие важные задания, в том числе оперативного характера, когда требовались организованность, умение увлечь, личная самоотверженность. В мае 1919 года председатель Главвода Я. Рудзутак едет с мандатом Ленина в Астрахань, чтобы наладить там вывоз необходимых грузов, в том числе караванов с хлебом.

Ленинская школа! Доверие Владимира Ильича — лучшее подспорье для Я. Рудзутака. А сложных вопросов было немало — и на профсоюзной работе, и в аппарате ВСНХ, и на Генуэзской конференции, и на работе в Средней Азии, и тогда, когда Ян Рудзутак был секретарем ЦК РКП(б).

Повседневная работа требовала нечеловеческого напряжения. Все чаще давали себя знать последствия отсидок в камерах царских тюрем, и «вечные» раны от кандалов, и чрезмерные физические перегрузки первых будней Советской власти. Серьезное лечение, длительный отдых — нет, Ян Эрнестович считал это непозволительной роскошью. Не щадил ни сил, ни здоровья. Только личное вмешательство Владимира Ильича позволило врачам отправить Я. Рудзутака за границу на лечение. Двенадцатитомная «Биохроника» В. И. Ленина вобрала в себя десятки напоминаний, строгих предупреждений о необходимости срочного лечения: «Настаиваю абсолютно...» — писал Владимир Ильич.

Они часто встречались. Очевидно, испытывали большое личное удовлетворение от встреч. В часы редкого отдыха тянулись друг к другу. А любимым из всех видов отдыха была охота! На-

блюдательный Ян Эрнестович оставил об этих встречах задушевные воспоминания. Вот эпизод, поведенный Я. Рудзутаком после одной вылазки на природу:

«Зимний вечер. Привал в крестьянской избе. Ильич упорно отказывается от стакана чаю, пока все присутствующие еще не получили своей порции. Его жестяная коробочка с сахаром переходит из рук в руки... Заведет беседу с хозяином избы об их житье-бытье, чем плохо, чем обижают органы и отдельные агенты власти, что нужно, по мнению крестьян, делать, чтобы устранить недостатки. Он умел не только учить, но и учиться. И часто, несмотря на зимнюю стужу, слушая беседы этого великого и в то же время такого простого и близкого человека, казалось, что сквозь бревенчатые стены избы, сквозь вековую тьму пробился сноп весеннего солнца и от человека к человеку потекли журчащие, бодрящие, весенние ручейки».

Владимир Ильич поддержал тезисы Я. Рудзутака о производственных задачах профсоюзов. В разгар дискуссии о профсоюзах В. И. Ленин в одной из речей заметил: «Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать дураком, это то, что я проглядел тезисы т. Рудзутака... Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин... совершенно не обдумав. Нам всем, цекистам, не работавшим многие годы в продвижении, надо бы поучиться у т. Рудзутака...»

Указывая на важность и новаторский дух тезисов Рудзутака, Владимир Ильич писал: «Гвоздем всей дискуссии 30 декабря я лично считаю оглашение тезисов Рудзутака... все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, решено, и притом еще до постановки вопроса в Цека». «Все дельное и деловое, — считал В. И. Ленин, — вошло в тезисы Рудзутака», в сравнении с другими у него все сказано «не только проще, понятнее, но и теоретически правильнее... вернее и полнее». Именно ЦК РКП, отмечал Владимир Ильич, надо хорошенько обругать... «за то, что он тезисы Рудзутака «проглядел», и из-за

этой своей ошибки дал разрастись самой пустопорожней дискуссии»; ошибку надо исправлять. Ленин призвал членов партии «дружно работать на основании тезисов Рудзутака».

Вскоре после профсоюзной дискуссии Яна Эрнестовича избрали генеральным секретарем ВЦСПС.

В январе 1922 года Политбюро ЦК по предложению Ленина включило Я. Рудзутака в состав советской делегации на международную Генуэзскую конференцию. Решался вопрос об уплате довоенных царских долгов. Делегация была вооружена ленинскими указаниями. Случилось так, что нарком Г. В. Чичерин допустил отступление от полученных установок и дал Ллойд Джорджу обещание, что при выполнении известных условий бывшим собственникам в России будет предоставлено право пользоваться предприятиями или получить вознаграждение за них. На месте, в Генуе, не удалось добиться единства взглядов, и Рудзук вынужден был обратиться к Владимиру Ильичу. «Считаю мнение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля, — пишет В. И. Ленин в Политбюро ЦК, — вполне правильным». Под диктовку Ленина в Геную пошел ответ: «Не отступать от директив ЦК».

С той дипломатической миссией у Рудзутака были связаны и веселые моменты. Так, когда он поднялся на трибуну сессии ВЦИК, чтобы доложить об итогах конференции, сквозь раздавшиеся аплодисменты послышался шуточный возглас: «Почему же без фрака, как положено дипломату?» Ян Эрнестович весело ответил: «Фраки все заложены в погашение военных долгов».

Большой вклад внес Я. Рудзук в дело укрепления советской государственности, дружбы народов нашей страны. Ряд лет его деятельность была тесно связана с республиками Средней Азии. Он выезжал туда в годы гражданской войны в качестве председателя Турккомиссии ВЦИК и Туркбюро РКП(б), затем возглавлял Средазбюро ЦК РКП(б).

Здесь в полной мере раскрылись лучшие качества «уравновешеннейшего», как его охарактеризовал Ленин, Яна Эрнестовича Рудзутака. Он предостере-

гал от чрезмерного увлечения национализацией, обобществлением, требовал учитывать местные особенности. В ноябре 1919 года в Ташкенте он подчеркивал в своем докладе, что «здесь, в Туркестане, мы должны подходить очень осторожно. Мы не можем превратить вчерашнего хозяина в коммуниста, мы должны действовать здесь не приказами, а убеждением, доказывая, что наш способ лучше».

В марте 1920 года Я. Рудзутака назначили председателем Совнаркома Туркеспублики. «Тов. Рудзук самый желательный человек в этом отношении», — подчеркивалось в рекомендации ТуркЦИКа. Под его руководством были выработаны меры по возвращению земель трудовым дехканам; разработаны декреты, сыгравшие важную роль в привлечении трудовых масс коренного населения на сторону Советской власти и укреплении союза рабочего класса с дехканством.

25 июня 1921 года Политбюро вызвало Яна Рудзутака в Москву для информации о проделанной работе. Однако серьезная болезнь задержала выезд. Ленин настаивал на лечении на месте. Но дела не ждали. И 5 августа Владимир Ильич запросил Дзержинского: «Мне сообщили, что Рудзук приезжает к 15—VIII, надо бы ускорить его приезд».

В 1922—1924 годах Ян Эрнестович являлся председателем Средазбюро ЦК РКП(б). Приступив к новой работе, Я. Рудзук нередко встречался с Владимиром Ильичем. Так, 23 сентября 1922 года он два с половиной часа беседовал с выздоравливающим вождем. Рекомендации, ленинские мысли легли в основу доклада на VII конференции Компартии Туркестана.

XII съезд РКП(б) (1923 г.) избрал верного ленинца Яна Рудзутака секретарем ЦК РКП(б) с оставлением его на работе в Средней Азии.

В осуществлении национально-государственного размежевания, в решении национального вопроса в Средней Азии Ян Эрнестович видел великие перспективы. Результаты деятельности комиссии Средазбюро ЦК РКП(б) были изложены в проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б), а 12 июня 1924 года

Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о национально-государственном размежевании республик Средней Азии.

...Смерть Ленина потрясла Яна Эрнестовича. Вместе с другими самыми близкими соратниками Ильича он внес гроб с телом вождя в Мавзолей, тогда еще деревянный. Выступая в траурные дни на одном из митингов, взволнованно говорил:

— Великий человек, любимый вождь, могучий и непримиримый в ненависти к классовым врагам, не знающий отступлений. Гениальная ясность мысли, ясность задач, которые он ставил перед партией, гениальная простота формулировок и железная твердость в проведении намеченной линии отличали Ильича. Его никто не заменит...

В октябре 1924 года Ян Эрнестович стал наркомом путей сообщения. За шесть лет работы он многое сделал для развития советского транспортного хозяйства, модернизации его парка. Он лично испытывал первый отечественный тепловоз! Одновременно занимался водным транспортом, постройкой морских и речных судов, шоссейными дорогами... Я. Рудзутак деятельно участвовал в выработке экономической политики Советского государства, в решении ее конкретных проблем. Вплоть до 1937 года он был заместителем председателя Совнаркома, тогда и проявил себя крупнейшим экономистом. Он возглавлял правительственную комиссию по организации долгосрочного финансирования промышленности, Комитет по химизации народного хозяйства СССР при СНК; уделял огромное внимание укреплению связей науки с практикой социалистического строительства.

Я. Рудзутак отвечал тем, кто требовал проводить индустриализацию за счет крестьянства: «Мы считаем, что те технические материальные средства и та организованность рабочего класса, которую мы имеем в настоящий момент, являются достаточными, чтобы на основании этих элементов строить и построить социалистическое общество в нашем государстве...» В 1929 году Я. Рудзутак ставил вопрос о том, чтобы «в возможно короткий срок удовлетворить потребительские нужды широких масс населе-

ния». Эту задачу он рассматривал как стратегическую. Таким образом, Ян Эрнестович привлекал внимание современников к фактору, который мы сейчас называем «человеческим фактором».

Ряд лет Ян Эрнестович работал председателем Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а также наркомом Рабоче-крестьянской инспекции СССР. Высокообразованный, принципиальный человек высокого революционного долга, он зарекомендовал себя на этом посту стойким борцом за генеральный курс партии. И непримиримым врагом всех противников ленинизма.

Являясь по своей натуре, как принято сейчас говорить, человеком дела, Я. Рудзутак за текущими заботами умел видеть перспективы развития страны, всегда поддерживал все передовое.

Я. Рудзутак решительно боролся за внедрение в практику хозяйственной работы ленинского стиля: «Главная наша задача заключается не столько в том, чтобы избаловать, сколько в том, чтобы предупредить ошибку, помочь выправить дело. Это основное. Ценить и судить о нашей работе мы должны по тем результатам, которые мы получаем на фабриках, заводах, железных дорогах, совхозах и колхозах. Иначе мы будем болтунами, а не бойцами-коммунистами». Актуально звучат эти слова и сегодня!

XVII партсъезд избрал Я. Э. Рудзутака кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Сдержанный на слова и эмоции, на вид даже сумрачный, он любил и глубоко понимал людей, искусство. Как-то А. В. Луначарский в шутку заметил: «Ты, Ян, хлеб у меня отбиваешь». Ян Эрнестович любил бывать в театрах: Малом, Театре Революции, бывшем Корша и других. Не пропускал интересные симфонические концерты. Коллекционировал грамзаписи, за которыми к нему нередко обращались из радиокomiteта с просьбами предоставить их для передачи в эфир. Частыми гостями у него дома бывали В. Качалов, И. Москвин, М. Блюменталь-Тамарина. Он высоко ценил творчество И. Козловского, С. Лемешева, М. Рейзена, В. Барсовой. Хорошо знал живопись, дружил со многими

художниками: В. Мешковым, П. Шухминим и другими. Страстно увлекался кино, по совместительству был еще и председателем Госкинокомитета, а В. Пудовкин и С. Эйзенштейн находили у него настоящий талант кинематографиста.

Жизнь Яна Эрнестовича трагически оборвалась в самом расцвете его творческих сил. Ему было всего 50 лет... Произошло все внешне неожиданно и коварно. 24 мая 1937 года газеты опубликовали приветственную телеграмму руководителей партии и правительства покорителям Северного полюса. Ян Эрнестович обратил внимание, что среди подписавших телеграмму нет его фамилии! Но подпись его запрашивали... Неужели опять журналисты напутали?.. Никакой «ошибки» не было. В последнее время Я. Рудзутак чуть ли не каждый день терял друзей и соратников — оклеветанных и отстраненных от работы, исключенных из партии. Он пытался вступить за одних, просил внимательно разобраться в «деле» других. Помогало мало. Вот и его черед... Предчувствие не обмануло. В тот же майский день Яна Эрнестовича арестовали на даче у Николиной Горы. Обвинение было шаблонное, дикое: «шпионаж в пользу Германии». Ни суда, ни следствия. Объяснений никто не требовал. Никаких очных ставок, тем более с руководителями партии, не было. А ведь он столько лет работал с ними рука об руку... Более года, наполненного нравственными и физическими страданиями, «вины» своей не признавал. Все обвинения Ян Рудзутак категорически отвергал. 29 июля 1938 года Ян Эрнестович был расстрелян.

Что произошло? Теперь мы многое узнали.

Сталин давно неприязненно относился к Яну Эрнестовичу, — то ли не мог простить ему близости с Лениным, то ли не верил в его личную преданность, а может быть, постоянно ощущал в нем противостоящую силу, видел конкурента, врага его, Сталина, действий и целей. Опасный человек! Ленин называл Рудзутака человеком «уравновешеннейшим», который «не умеет говорить громко, внушительно, красиво». Ленин

всегда его поддерживал, к его мнению прислушивался, назначения предлагал ему самые ответственные... Сталин помнил возражения Яна Эрнестовича в связи с предложенной им, Сталиным, реорганизацией органов ЦКК — РКК вопреки ленинским советам. Понимал, что Рудзутак, верный ученик Ленина, человек чистый и честный, принципиальный и на редкость последовательный в своих убеждениях и действиях, прошедший школу работы под руководством В. И. Ленина, для него, Сталина, ненадежен в той ситуации, которая сложилась в стране к середине 30-х годов... Не просто ненадежен, но и опасен... Рудзутак — еще одна жертва Сталина, не терпевшего людей незаурядных, масштабных, самостоятельно мыслящих, авторитетных в народе. А главное, верных ленинскому стилю партийной жизни.

Парадокс — на фоне успехов социализма в стране насаждался дух доносов, сыска и поиска «вредителей». Сталин цинично объяснял проводившиеся репрессии необходимостью очищать партию и страну от «шпионов, убийц, вредителей», отчего якобы советский строй, несомненно, укрепитя. «В 1937 году, — говорил он в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б), — были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»

Такова сталинская арифметика.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС взят курс на демократизацию жизни, на гласность. Отечественная история нуждается в устранении искажений, «белых пятен». Надо избавить историю от догм и схоластики, от канонизированных героев. Самое время по-

вести прямой, откровенный разговор о делах партии, о трудном пути Советской страны, славное 70-летие которой мы скоро встретим.

Мы все родом из Октября. И важно, чтобы история работала на сегодняшний день, на созидание.

Ян Эрнестович Рудзутак останется в памяти народа. Он обладал чертами, которые мы хотим видеть в руководителях и представителях нашего поколения.

Огонек, 1987, № 36

Альберт Ненароков,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР

У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ...

«Мы привыкли к тому, будто герои революции непременно идеальны,— пишет в своей статье Альберт Ненароков.— Ошибок им не прощаем. А если они их совершали, то этим автоматически перечеркивалось все, что делалось ими до этого... Я хочу рассказать правду о сложной жизни человека из оппозиции, реабилитированного, но в партии не восстановленного».

Солдатский депутат

Биография его весьма схожа с биографиями тех, кого подняла к активной жизни революция.

Мальчишка из рабочей семьи, окончивший церковноприходскую школу, с 11 лет работал по найму: на пивоваренном заводе, макаронной фабрике, в типографии, парикмахерской, театрах.

С началом первой мировой не сразу, но понял угарность лжепатриотических лозунгов. Попал под влияние большевиков.

А вскоре наступил и февраль 1917 года: революция, митинги, демонстрации, споры. В такое время взрослеют быстрее. В марте вступил в члены РСДРП(б), получив в Бутырском районном комитете партии билет за № 1 («Тогда не было общей нумерации,— рассказывает он смущенно.— Я оказался в райкоме, когда из типографии поступили билеты, мне и выдали первому»).

В апреле 1917 года призван Временным правительством на воинскую службу. Отправился в Воронеж, рядовым 58-го пехотного запасного полка.

Партийные поручения выполнял споро, толково. Вел активную агитационную борьбу. Однополчане избрали председателем ротного, затем и полкового комитета. Стал членом президиума полкового комитета, депутатом гарнизонного, а затем и городского Совета.

В дни переломные энергия и энтузиазм ценятся особо. На молодого солдата обратили внимание. Его поддерживали и выдвигали. И всякий раз вверх по ступеням, что возводились революционным народом.

В Воронежском Совете рядовой Врачев избран членом бюро Военной секции Совета. Вошел в исполком. Летом 1917 года, когда контрреволюция повсемест-

но перешла в наступление, а большевики подвергались публичным расправам, стал членом Воронежского комитета партии и председателем бюро Военного района Воронежской организации РСДРП(б). Выезжал на Московскую областную конференцию большевистской партии. Делегат II Московского областного съезда Советов. Встречался с А. С. Бубновым, В. Н. Яковлевой, А. Ломовым (Г. И. Оппоковым) и другими. Работа с ними была прекрасной, пусть и краткой, школой.

В Октябрьские дни Врачев возглавил Воронежский штаб Красной гвардии. Входил в состав боевого центра при Воронежском комитете РСДРП(б), был членом ВРК.

Природный ум, обаяние, прекрасные ораторские и организаторские данные, умение быстро решать и прояснять любые вопросы влекли к нему людей. В декабре 1917 года на очередном, III Московском областном съезде Советов Врачева избирают членом Московского областного исполнительного комитета и кандидатом в члены Московского областного бюро РСДРП(б). От Воронежского губернского крестьянского съезда его делегируют в Питер, на III Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Готовился созыв Учредительного собрания, и от позиции крестьянской массы зависела судьба пролетарской власти и всей революции.

На первом же заседании съезда перед собравшимися выступили председатель ВЦИК Я. М. Свердлов и лидер партии левых эсеров М. А. Спирidonова. Было принято решение объединиться с проходившим параллельно III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, чтобы «одной братской трудовой семьей разрешить стоящие перед Российской Советской Республикой трудные задачи». Вечером того же 13 (26) января 1918 года в Таврическом дворце начались заседания единого III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

18 (31) января Врачев первый раз увидел и услышал В. И. Ленина, выступившего с заключительным словом перед закрытием съезда:

— ...Теперь всем, даже, уверен, на-

шим врагам, видно, что новый строй, власть Советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни... Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества.

Потом Врачев будет иметь счастье неоднократно слушать В. И. Ленина, даже беседовать с ним. Но этот день запомнился особо. Ленин говорил «будем строить», а это относилось и к нему. И он этим проникся.

На съезде И. Я. Врачев стал самым юным, ему было 19 лет, членом ВЦИК. Его оставили для работы в Петрограде. 21 февраля на пленуме ВЦИК по предложению Я. М. Свердлова ввели в состав Расширенного Президиума. Солдатский депутат стал одним из руководителей первого трудового парламента России.

Как готовился переезд правительства в Москву

В ночь на 2 марта 1918 года Врачева вызвал к себе в кабинет в Таврическом дворце председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

— Мы едем в Москву, — сказал он. — Есть задание ЦК партии и Владимира Ильича. Дел в Москве будет много. Вы едете со мной. Собирайтесь как можно быстрее.

Сборы были недолги. Врачев лишь сбегал в общежитие членов ВЦИК в Смольном за своим вещевым мешком. На Николаевский вокзал прибыл глубокой ночью. В специальном вагоне их ждали революционные матросы из отряда, охранявшего Смольный.

Состав с места резко набрал скорость. Загромыхали колеса на стрелках.

В Москве предстояло склонить так называемых «левых коммунистов», выступавших против заключения Брестского мира, на сторону ленинского большинства ЦК и подготовить переезд Советского правительства в Москву. В Москве же в случае подписания мирного договора надлежало созвать IV Чрезвычайный съезд Советов для его ратификации. Волею судеб Врачев попал

в центр событий исторической важности.

По приезде, на второй день, в здании Московского Совета было созвано экстренное заседание его Президиума. Яков Михайлович сообщил:

— Совнарком принял решение о переезде правительства из Петрограда в Москву. Оно продиктовано сложнейшей обстановкой на фронте. Надо выбрать места расположения правительственных учреждений и наметить, где будем собирать IV Чрезвычайный съезд Советов.

Среди членов объявленной комиссии по подготовке переезда правительства в Москву Свердлов назвал и И. Я. Врачева.

В год, когда исполнялось 65-летие переезда Советского правительства в Москву, Иван Яковлевич, по моей просьбе, записал:

«Наиболее оживленный обмен мнениями произошел по первому из поставленных на обсуждение вопросов. Было предложено три варианта размещения правительства в Москве. Прежде всего некоторые товарищи, по аналогии с Петроградом, стали называть здания, схожие со Смольным. Предлагалось здание дворянского женского института, в прошлом запасного дома дворцового ведомства, — большой дом у Красных Ворот, на углу Садовой-Черногрязской и Новой Басманной улиц. Называлось и здание Воспитательного дома на Солянке, построенное в 1765—1770 годах. Предлагался и Кремль.

Предложение разместить правительство в Кремле было наиболее заманчивым. Кремль — подлинный центр Москвы. В нем много зданий. На случай контрреволюционных выступлений он был удобен и для обороны. К тому же в Кремле в то время хранились самые ценные фонды молодой республики.

Однако звучали и выступления против: Кремль — излюбленное место прогулок москвичей. С размещением в нем правительства свободный доступ придется ограничить, а то и вовсе закрыть. В Кремле находятся храмы. Не будут ли оскорблены религиозные чувства верующих? Не вызовет ли это недовольство у населения?

Историк-коммунист Михаил Николаевич Покровский дал обстоятельную справку об историческом значении Кремля с его замечательными памятниками. Он подчеркнул, что в случае избрания Кремля в качестве резиденции правительства на их сохранность надо будет обратить самое серьезное внимание. Для размещения правительства рекомендовал использовать малоценное в историческом отношении здание Судебных установлений.

Споры разгорались.

Кто-то, фамилии не помню, высказывался против Кремля «по принципиальным соображениям»; нельзя-де избирать для размещения правительства первой в мире республики трудящихся резиденцию русских царей.

— Правительство пролетарской революции не может находиться там, где короновались русские самодержцы! — патетически восклицал оратор. — Ведь штаб нашей революции в Питере разместился не в Зимнем или другом дворце, а в Смольном...

— Но рабоче-крестьянский парламент заседает в Таврическом дворце, — поддал реплику Свердлов.

Выступили с рядом веских соображений и в пользу Кремля. Кстати, я высказался тоже за Кремль.

В конце обсуждения слово взял Я. М. Свердлов. Он отверг предложение относительно здания бывшего дворянского женского института из-за его расположения — рядом были основные московские вокзалы, да и от центра по тем временам было далеко-далеко.

— Если наше правительство пребывает теперь в Смольном институте, это не значит, что и в Москве ему надо подыскивать институт благородных девиц, — иронически заметил Яков Михайлович.

Отклонил он и предложение об избрании для размещения правительства здания Воспитательного дома и высказался в пользу Кремля.

— Кремль удобен во всех отношениях, — подчеркнул он. — Мы не можем пренебрегать соображениями безопасности, а с этой точки зрения Кремль наиболее подходящее место.

Не обошел он и того, что мотивы против выбора Кремля также серьезны:

— Несомненно, буржуазия и мещане подымут вой — большевики, мол, оскверняют святыни, но нас это меньше всего должно беспокоить. Интересы пролетарской революции выше предрассудков.

Большинством голосов решение было принято в пользу Кремля. На следующий день Я. М. Свердлов уехал в Петроград.

Врачев оставался в Москве. Он был среди тех, кому надлежало провести в жизнь принятые решения.

ВЦИК и СНК было предоставлено здание Судебных установлений. Здание бывшего дворянского женского института отдали Народному комиссариату путей сообщения. В 1930 году его надстроили и даже «украсили» башенкой. В нем и сейчас размещаются службы Министерства путей сообщения. В бывшем Воспитательном доме в течение многих лет работали ВЦСПС и ЦК ряда профессиональных союзов. Теперь там военная академия имени Ф. Э. Дзержинского.

Комиссия деятельно готовилась к встрече членов ВЦИК, Совета Народных Комиссаров, Центрального Комитета партии и народных комиссариатов. Комендант Кремля регулярно докладывал о подготовке здания. ВЦИК отвели второй этаж, с входом в центре. Совнаркому предназначили третий, с довольно скромным входом.

Предусмотрели и меры по охране кремлевских дворцов, Грановитой и Оружейной палат. Позднее сформировали особую комиссию Московского Совета по охране памятников искусства и старины под руководством старого большевика П. П. Малиновского и художника Е. В. Орановского.

В воскресенье 10 марта 1918 года Врачев был среди тех, кто на Николаевском (ныне Ленинградском) вокзале встречал первый правительственный поезд из Петрограда, а на следующий день — В. И. Ленина. Москва стала столицей первого в мире социалистического государства.

На политической работе в армии

В августе 1918 года И. Я. Врачев добивается, чтобы его отпустили в действующую армию. Военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной впоследствии в 13-ю стрелковую, он прибывает на Южный фронт. С тех пор и до 1923 года на многих ответственных постах в армии: военком 40-й стрелковой Богучарской дивизии, помощник командующего Кавказской трудовой армией по политической части, а одно время и ее командарм; с 1921 года — начальник политуправления последнего из оставшихся к тому времени фронтов — Туркестанского.

Здесь развернулся его дар организатора и руководителя.

Я видел в архивах его документы. Молодой человек с тремя классами церковноприходской школы, пройдя горнило революции, стал действительно, без всяких скидок, блестящим администратором, прекрасным партийным воспитателем, командиром.

Он редактировал один из лучших в РККА политических журналов — орган Политического управления Туркестанского фронта (ПУТУРКА) «Еженедельник политработника».

В бытность командующим Ферганской группой войск занялся составлением схемы родовых связей почти всех басмаческих лидеров. Это обеспечило возможность нужных контактов и переговоров, сначала через посредников, затем напрямую. За его подписью для служебного пользования была даже издана специальная брошюра, содержащая нужные для командного состава сведения данного рода. В ней же обобщались и первые итоги мирной борьбы за массы.

Врачев умел замечать, поддерживать и выдвигать людей.

Именно он дал путевку в большую армейскую жизнь будущему Маршалу Советского Союза Василию Даниловичу Соколовскому, которого рекомендовал на должность помощника начальника оперативного управления Туркестанского фронта.

В августе 1922 года Врачев по просьбе Г. К. Орджоникидзе, поддержанной И. В. Сталиным, переезжает в Закавказье начальником Политуправления ОКА. Этому предшествовала любопытная история.

На X съезде партии, куда Врачев был избран по троцкистской платформе (в те дни это не являлось криминалом, одновременно с ним по этой же платформе на съезд прошли Ф. Э. Дзержинский, В. Н. Яковлева и др.), он выступил с отводом кандидатуры Г. К. Орджоникидзе при выборах в состав Центрального Комитета партии.

Мотивировал это тем, что Орджоникидзе не выдержан, груб, кричит на нижестоящих, а это может привести к срывам и вообще не красит руководителя. Когда Сталин попытался поддержать Орджоникидзе, аудитория плохо восприняла его аргументы. И тогда выступил Ленин. Он свел все к шутке:

— Да, Орджоникидзе кричит. Он на всех кричит. Он и на меня кричит. Но ведь он плохо слышит...

Аргументация была по-человечески проста и понятна. Орджоникидзе в ЦК избрали. В личной беседе с Врачевым (его вызвали из зала заседаний, что зафиксировано в Биохронике, т. 10, с. 211) Владимир Ильич сказал, что, конечно, меняться Орджоникидзе надо: выдержки ему не хватает, вспыльчив. А работник отличный.

Через полтора года Орджоникидзе приехал с партийной проверкой в Туркестан, в том числе и в Ферганскую группу войск, которой командовал Врачев. И вот тут произошло то, что лучше всего свидетельствует о том, какая высокоморальная атмосфера царил в партии. Не держа обид, поняв и приняв все начинания молодого командарма, Орджоникидзе добивается его перевода в Закавказье. Он высоко оценил способность Врачева вести партийно-политическую, воспитательную работу не только в армии, но и среди местного многонационального населения. Этот опыт имел для Закавказья особое значение.

На новом месте Врачев обжился быстро. Он был тогда человеком легким, открытым, общительным. Его видели то

в горных районах Армении, то в пограничной зоне Грузии, то на Каспии в Азербайджане.

Самое серьезное внимание, помимо армейской службы, уделял развертыванию шефской работы населения над частями ОКА. По инициативе Врачева при Президиуме ЗАКЦИКа создается Совет по шефским делам. Его возглавил Миха Цхакая, старейший революционный деятель Закавказья: в партию вступил с момента основания, в революционном движении с 1896 года. Человек он был загруженный — председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР, один из представителей ЦИК ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, но против напора начпу устоять не смог. Секретарем Совета стал сам Врачев.

В первый же год для лагерного сбора было собрано 30 тысяч рублей золотом. Сумма по тем временам огромная. 10 % отчислений от шефства шли на печать. 10 % — на военную кооперацию: чтобы кормить красноармейцев, надо было разводить огороды, вести свое хозяйство. Дневной рацион бойцов составляли полтора фунта хлеба пополам с ячменем и овсом, сун из ржавой селедки, ложка каши и два золотника (8 граммов) масла. Мясо было большой редкостью.

С Николаем Павловичем Чаплиным, который руководил тогда закавказским комсомолом, Врачев ездил в самые отдаленные части, следя за тем, чтобы и политработники, и командиры проявляли максимум чуткого подхода, внимательности к молодежи национальных дивизий. К особенностям быта, национального характера, религиозным чувствам.

По настоянию Врачева в специальном циркулярном письме «Всем комиссарам и командирам дивизий, военкомам армейских управлений, командирам и комиссарам полков и всему ответственному командному и политическому составу Отдельной Кавказской армии» указывалось: «Командирам и комиссарам необходимо помнить, что поддержание авторитета начальника достигается не только путем строгого обращения с подчиненными, но и знанием

своего дела, умением работать, учить и воспитывать красноармейцев».

В том, чтобы это стало стилем всей работы, Врачев опирался на армейских политработников Н. С. Окуджаву, Г. А. Осеяна, Е. В. Стельмаха, А. Х. Хумарьяна, командиров корпусов А. И. Тодорского, Н. В. Куйбышева и других. Вместе с некоторыми из них он был избран на X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов. Его подпись на основных документах, учреждающих образование Союза Советских Социалистических Республик. На I съезде Советов СССР Врачев стал кандидатом в члены ЦИК СССР. Насколько мне известно, на сегодняшний день он единственный здравствующий из числа учредителей нашего великого многонационального государства.

Почему же мы совсем не слышим о нем? Почему даже пенсия ему определена без учета того, что он участник Октября и гражданской войны? Перехожу к самому сложному в моем рассказе.

В рядах оппозиции

К сожалению, так уж сложилось, что мы привыкли к тому, будто герои революции непременно идеальны. Ошибок им не прощаем. А если они их совершали, то этим автоматически перечеркивалось все, что делалось ими до этого. Вспомним, как пытались опорочить Раскольникова, выискивая у него ошибки и колебания. Но сделать из него троцкиста, как показал В. Д. Поликарпов (см. «Огонек», 1987, № 26), не удалось ни начальственным чиновникам, ни категоричным и односторонним историкам и писателям. С Врачевым хуже. Его «делать» троцкистом не надо. Он им был. И это разом изменило не только его судьбу. Это отняло у него прошлое. Любые заслуги в этом прошлом.

Мне кажется, что мы слишком расточительны. Дело не в личной судьбе Ивана Яковлевича, а в том, что, оценивая собственную историю и ее героев сквозь призму лишь более поздних оценок и выводов, мы лишаем ее светотени. Безлюдность именно отсюда: из страха помянуть добрым словом отступника.

Делегат XIII партийной конференции И. Я. Врачев активно отстаивал интересы оппозиции. Протестуя против утвердившихся, как он говорил, методов борьбы с оппозицией, ставших к тому времени практикой и которые, по его словам, трудно сочетались с принятым курсом на демократизацию, Врачев, обращаясь к тем, кто прерывал его, сказал довольно резко:

— Товарищи, может быть, у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться...

Он защищал Троцкого, ибо, не зная еще оценок последнего ленинского письма, считал, что основной причиной грядущего раскола стали отношения между Сталиным и Троцким. Вот почему Врачев спрашивал Сталина прямо:

«...1. Как ЦК думает проводить резолюцию, которая объединяет всю партию,— все с ней согласны,— резолюцию, которую партия приняла восторженно и с приветствиями?..

2. Будет ли ЦК и дальше продолжать борьбу со всякими, кто не одобряет целиком и полностью линию ЦК, теми методами, которые осуществлялись в последнее время, или от них откажется? Будет ли ЦК применять систему смещения с советской и партийной работы представителей оппозиции, симптомы чего мы теперь уже видим? И, в частности (и эта частность имеет громадное значение для всей нашей партии, для нашей страны и для мирового рабочего движения), какой политики ЦК думает держаться по отношению к тов. Троцкому? Станет ли он и здесь на путь изоляции этого выдающегося деятеля нашей партии или нет?

Пусть тов. Сталин даст на эти простые и ясные вопросы простые и ясные ответы».

Ответов не было.

По поводу выступления Врачева на XIII партконференции скажу: он выступил так, что и другой, менее капризный, более лояльный, помнил бы это долго. Сталин помнил всю жизнь.

Реакция была резкой и незамедлительной. Решением ЦК Врачева снимают с партийно-политической работы и отзывают в Москву. Он назначается

заместителем председателя Маслоцентра Центрального союза молочной кооперации.

Летом 1926 года Врачев подписал известное Заявление 83-х, а позднее присоединился к Заявлению 15-ти, препровождавшему в ЦК «платформу оппозиции». В декабре 1927 года он был в числе тех, кто обратился в защиту Троцкого к XV съезду партии. Постановлением съезда в числе других активных деятелей троцкистской оппозиции был исключен из партии.

И о таком человеке я решаюсь писать? Уж не «диссидент» ли я, как не постеснялся спросить меня за гораздо меньшую вольность лет пять назад мой шеф? Нет, я не защищаю троцкистскую оппозицию, не любитель «жареного», сенсационного. Я хочу рассказать правду о сложной жизни человека из оппозиции, реабилитированного, но в партии не восстановленного.

Было у Врачева много взлетов и падений. В одном уверен твердо: был он искренен всегда. Как искренен и сейчас, на 90-м году жизни.

В 1928 году Врачев работал уже в вологодской кооперации. Из Москвы его выслали. Через год он подал заявление о восстановлении в партии и разрыве с оппозицией. Пройдя испытательный срок, установленный XV съездом для оппозиционеров, Врачев решением ЦКК от 17 января 1930 года был восстановлен в рядах ВКП(б). И что при этом он не таил злых умыслов и был до конца искренен, что после отхода от оппозиции занимал правильную партийную позицию, есть публичные свидетельства А. И. Микояна (см.: *Микоян А. И.* Мысли и воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1970, с. 145; *Он же.* Дорогой борьбы. М., Политиздат, 1971, с. 436). Однако при обмене партийных билетов 1936 года он вновь оказался вне партийных рядов, теперь уже навсегда, с формулировкой в протоколе: «как в прошлом активный троцкист». С тех пор апелляции результатов не давали.

После известных судебных процессов над бывшими членами оппозиционных групп (в январе 1935 г., августе 1936 г. и в январе 1937 г.) постановлением Особого Совещания при НКВД СССР

Врачев вместе с семьей (женой и тремя детьми) высылается в село Кослан Удорского района Коми АССР. Лишь после январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года, рассмотревшего вопрос об ошибках парторганизаций при исключении из партии и о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных, ему разрешили поселиться в радиусе 101 километра от Москвы. Он выбрал Серпухов.

Отблеск костра

В первый же день войны, 22 июня 1941 года, Врачев отправил телеграмму в адрес И. В. Сталина о предоставлении себя в распоряжение ЦК, с просьбой направить на фронт. Он все еще мыслит категориями старыми. Ему, естественно, никто не ответил.

Когда фронт приблизился к Серпухову, Врачев с семьей эвакуировался в Москву. От Серпуховской межрайонной конторы Главкинопроката, где работал до войны, устроился в Московской областной конторе. Затем начал служить в Главном управлении кинофикации. Мечтал лишь об одном: попасть в действующую армию. Вновь дважды писал Сталину. И вновь безответно. Подал заявление в Военный отдел ЦК с просьбой использовать для работы в партизанском подполье. Начальник штаба партизанского движения П. К. Пономаренко принял приветливо. Сказал, что лично считает возможным привлечь его к работе, но решение будет зависеть от маршала Ворошилова, который в то время был главнокомандующим партизанского движения. Через несколько дней Врачеву по телефону сообщили, что будут считать его в резерве.

В феврале 1943 года, не дождавшись вызова, он ушел в армию добровольцем. Начал рядовым — стрелком и минометчиком, а кончил старшиной, командиром отделения боепитания стрелкового батальона и отдельного лыжного батальона.

Хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Первое: конечно, на фронте всем было тяжело, незави-

симо от возраста. Но ведь не случайно те, кому перевалило за сорок, во всех армиях мира зачисляются в запас. Какой же огромной силы внутреннее напряжение держало эти возрастные категории в числе наиболее активных воинов Великой Отечественной? Чего же все это им стоило, если и более молодые после войны иногда выглядели стариками. И второе. Даже штрафники имели надежду на моральную реабилитацию, доказав в боях верность Родине. Врачев об этом и думать не мог.

Но не искал он, поднимаясь в атаки и падая контуженным на полях сражений, каких-либо отличий или решения личных проблем. Все отошло перед той грозной опасностью, что нависла над Родиной. Одно лишь отличало Врачева от тех, с кем бежал на штурм вражеских позиций: он никогда не олицетворял Родину со Сталиным. Слишком свежи были лозунги первой мировой: «За царя и отечество!»

Мой отец погиб под Москвой в 1941 году. Вероятно, он тоже поднимался с призывом, что поднимал в те дни массы. Я люблю его и горжусь им. Но это не значит, что он вместе с большинством был более прав, чем Врачев. Так же, как в наши дни более других ветеранов и возражавшего ему писателя Стаднюка прав академик Самсонов, кстати, прошедший войну от Сталинграда до Кенигсберга, утверждая, что нельзя ныне отводить этому лозунгу большее значение, чем то, что отвела ему история.

За отличное выполнение боевых заданий, за отвагу и мужество, проявленные в боях на Центральном, Западном, 3-м Белорусском, 1-м Дальневосточном фронтах, И. Я. Врачев награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», пятью другими медалями (всего в настоящее время имеет 12 правительственных наград, последнюю — орден Отечественной войны II степени — ему вручили в год 40-летия Победы).

После демобилизации в 1946 году вернулся на работу в свой кинопрокат. Но 2 сентября 1949 года по ордеру, подписанному тогдашним министром государственной безопасности Абакумо-

вым и генеральным прокурором Сафоновым, был арестован.

Инкриминировалась ему принадлежность в прошлом к троцкистской оппозиции. Словно не прошло с того времени без малого 25 лет. Постановлением Особого Сопещения при МГБ СССР от 18 марта 1950 года лишен свободы сроком на 25 лет и напавлен для заключения в исправительно-трудо-вой лагерь строгого режима на Крайний Север.

Лишь после смерти Сталина, 29 августа 1956 года Комиссией Президиума Верховного Совета СССР освобожден со снятием судимости. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1956 года признано, что после разрыва с троцкистской оппозицией в 1929 году никаких элементов уголовно наказуемых действий за ним не значится и постановление Особого Сопещения при МГБ СССР от 18 марта 1950 года отменено, а дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Кстати, факт, как бы специально предназначенный для историка литературы. В лагере, уже ближе к освобождению, Врачев совершенно неожиданно для себя получил бандероль. В ней была книга: Ольга Берггольц. Лирика. Государственное издательство художественной литературы. М., 1955. На титуле надпись: «Ивану Яковлевичу Врачеву — от сердца. Ольга Берггольц. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». 1956. Ленинград».

На странице 187 тогда же, в лагере, Иван Яковлевич отчеркнул:

Но как сквозь терний колючий —
сквозь ложь, клевету, обиды,
к тебе по любой дороге,
езде — у чужих и в доме,
в вагоне, где о тебе же
навзрыд поют инвалиды,
в обычных трудах и заботах, —
к сиянию твоему.
И только, с чистейшим сердцем,
и только склонив плечо,
тебе присягая как знамени,
целуя его края, —
трагедия всех трагедий —
душа моего поколения,
единственная,
прекрасная, большая душа моя

...По утрам у газетного киоска, что на Ленинском проспекте у ресторана «Гавана», можно видеть подтянутого пожилого человека. На первый взгляд он суров и не очень приветлив. Говорит резко, не пытаясь смягчить сказанное. Словом, обычный пенсионер. Он скушает всю центральную прессу. Серьезно прорабатывает материалы очередных Пленумов ЦК. Высоко ценит наступившие перемены.

В архиве Врачева воспоминания о В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, работа о 40-й Богучарской дивизии, историко-мемуарные и историко-биографические очерки. Часть из них он сдал в Институт марксизма-ленинизма.

На вечере, посвященном 60-летию Ю. В. Трифонова, сына его давнего друга, Иван Яковлевич Врачев, влюбленный в писателя и высоко ценящий его гражданскую смелость и принципиальность, назвал его документальную повесть «Отблеск костра» исследованием, нарушившим «заговор молчания» со стороны тех, кто самоустранился от правдивого освещения истории гражданской войны.

Врачев не самоустранился. Он продолжает работать и сейчас.

Его комната в коммуналке начала 60-х годов как бы застыла в том времени, когда хозяин обрел радость свободы. И дело не только в обстановке, которая с тех пор не менялась. Дело в настроении. В книгах, в газетных вырезках конца 50-х — начала 60-х годов. В том, что в центре книжной полки наряду с работами В. И. Ленина материалы XX съезда КПСС. Сейчас рядом с ними стали документы XXVII съезда.

Огонек, 1987, № 39 (с дополнениями)

Борис Ефимов,
народный художник СССР

Известный советский карикатурист, действительный член Академии художеств СССР Борис Ефимов рассказывает о трагической судьбе своего брата — Михаила Кольцова, первого редактора журнала «Огонек», замечательного журналиста и писателя, автора знаменитого «Испанского дневника».

В романе «По ком звонит колокол» Эрнест Хемингуэй так пишет о некоем русском журналисте с легко расшифровываемой фамилией Карков: «...Карков, приехавший сюда от «Правды» и непосредственно сносившийся со Сталиным, был в то время одной из самых значительных фигур в Испании». В том же романе, от имени главного его героя — американского писателя Роберта Джордана, во многих оценках которого слышен голос Хемингуэя, говорится: «...а Карков понравился. Карков — самый умный из всех людей, которых ему приходилось встречать... Роберт Джордан не встречал еще человека, у которого бы была такая хорошая голова, столько внутреннего достоинства и внешней дерзости и такое остроумие... Ему никогда не падоедало думать о Каркове».

В книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург вспоминает: «Трудно себе представить первый год испанской войны без Кольцова... Для испанцев он был не только знаменитым журналистом, но и политическим советником... Маленький, подвижный, смелый, умный до того, что ум становился для него самого обузой, он быстро разбирался в обстановке, видел все прорехи и никогда не тешил себя иллюзиями». К этим словам Ильи Григорьевича следует добавить, что, насколько я знаю, функций политического советника никто Кольцову не поручал. Он ехал в Испанию только как журналист, корреспондент «Правды». Но Кольцов не был бы Кольцовым, если бы в той сложной, бурной обстановке остался в рамках чисто газетной работы. Не в его это было характере. И спецкор «Правды» закономерно и естественно пришел к более масштабной и ответственной деятельности.

Итак, к Первомайскому празднику 1937 года Кольцов ненадолго приезжает

ТАЙНА СУДЬБЫ МИХАИЛА КОЛЬЦОВА

в Советский Союз. На Белорусском вокзале его встречает, как говорится, «вся Москва» — журналистская и писательская. Отблеск захватывающей борьбы в Испании ореолом всенародной популярности ложится на спецкора «Правды». Он окружен всеобщим вниманием. В Кремле ему вручается довольно еще редкий в ту пору боевой орден Красного Знамени.

На традиционном первомайском приеме в Георгиевском зале Кремлевского дворца среди многих прозвучавших там здравий был и тост, предложенный народным комиссаром по военным делам.

— Вы знаете, товарищи, — сказал Климент Ефремович Ворошилов, — в Испании сейчас идет война. Упорная, нешуточная война. Воюют там разные нации. Затесались туда и наши русские. Я предлагаю, товарищи, поднять бокалы за представителя наших людей в Испании, присутствующего здесь товарища Михаила Кольцова.

А писатель Лев Славин рассказывал впоследствии в своих воспоминаниях: «Я помню одно из выступлений Всеволода Вишневского, только что вернувшегося из поездки в Испанию. Он сказал: „Мы дали Испании танки. Мы дали Испании самолеты. Мы дали Испании Михаила Кольцова!“»

В эти дни Кольцов, что называется, «нарасхват»: ему приходится рассказывать о своих испанских впечатлениях в самых различных аудиториях. Но самой серьезной из этих аудиторий была, несомненно, и самая немногочисленная из них — всего пять человек. Это были Сталин и наиболее приближенные к нему лица — Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов.

Вопросы к Кольцову о самых разнообразных деталях военной и политической ситуации в Испании и его обстоятельные ответы заняли больше трех часов. Наконец беседа подошла к концу.

«И тут, — рассказывал мне брат в тот же вечер, — он стал как-то чужиться. Остановился возле меня, прижал руку к сердцу, поклонился.

— Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?

— Мигель, товарищ Сталин, — ответил я.

— Ну, так вот, дон Мигель. Мы, благодарные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. До свидания, дон Мигель. Всего хорошего.

— Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!

Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул, и произошел какой-то странный разговор:

— У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?

— Есть, товарищ Сталин, — удивленно ответил я.

— Но вы не собираетесь из него застрелиться?

— Конечно, нет, — еще более удивляясь, ответил я, — и в мыслях не имею.

— Ну, вот и отлично, — сказал Сталин. — Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель».

На другой день, коснувшись в телефонном разговоре происшедшей накануне беседы, К. Е. Ворошилов, как всегда дружелюбно, сказал Кольцову:

— Имейте в виду, Михаил Ефимович, вас ценят, вас любят, вам доверяют.

— Что ж, Мышонок, — сказал я, когда брат мне об этом рассказал, — по-моему, это очень приятно.

— Да, приятно, — произнес Миша задумчиво. — Но знаешь, что я совершенно отчетливо прочитал в глазах хозяина, когда он провожал меня взглядом?

— Что?

— Я прочитал в них: слишком приторно.

...Шел тридцать седьмой год.

Есть крылатые поэтические строки: «Сороковые, роковые... Война гуляет по России». А недавно стихи стали публиковаться о том, как «гуляли по России» тридцатые. С великой болью написанные «По праву памяти» А. Твардовского, «Реквием» А. Ахматовой, стихи О. Берггольца...

Тридцатые гуляли по России. Чуть ли не в каждый дом, чуть ли не в каждую семью вместе с сообщениями о трудовых победах железной, леденящей поступью входило то непостижимое и страшное, что, направляемое некой

безжалостной рукой, отнимало свободу и жизнь, грубо и бесчеловечно растаптывало честь людей, их человеческое достоинство, заслуги перед народом, преданность Родине, веру в справедливость и законность.

Народ назвал это время «ежовщиной».

Как объяснить сегодняшнему читателю, что это такое?

Как описать состояние тысяч и тысяч людей, не знающих за собой никакой вины, но каждую (каждую!) ночь с замиранием сердца прислушивавшихся, не раздастся ли в дверь роковой звонок, облегченно вздыхающих и забывавшихся тяжелым сном где-то под утро для того, чтобы в течение дня с ужасом думать о следующей ночи.

Как рассказать, какими словами изобразить настроение людей, всеми фибрами души чувствующих нависшую над ними и их семьями беду и бессильных ее отвести, не знаящих, как спастись, куда деваться, скованных и беспомощных, как в ночном кошмаре.

Эти люди страстно желали что-то у кого-то спросить, что-то кому-то объяснить, в чем-то оправдаться, что-то опровергнуть. Но сделать это нет ни малейшей возможности просто потому, что никто никаких вопросов им не задает, ни в какие объяснения не вступает, никаких претензий не высказывает, никаких обвинений не предъявляет. Человек чувствует себя в каком-то жутком бредовом вакууме, но должен при этом делать вид, что никаких оснований для беспокойства у него нет, должен казаться абсолютно спокойным и бодрым, сохранять полную работоспособность, как обычно, выполнять свои обязанности.

Такова была в общих чертах обстановка «ежовщины», связанной с именем маленького бесцветного человека, всемогущим капризом вознесенного на головокружительную высоту власти и так же легко и равнодушно с нее низвергнутого.

Вижу, как, шагая взад и вперед по своему кабинету в «Правде» (к этому времени он уже был окончательно отозван из Испании), Кольцов размышлял вслух:

— Думаю, думаю... И ничего не могу понять. Что происходит? Каким образом у нас вдруг оказалось в стране столько врагов? И кто? Люди, которых мы годами знали и уважали, с которыми вместе работали, рядом жили. Командармы, полпреды, наркомы, герои гражданской войны, старые партийцы-ленинцы. И почему-то, едва попав за решетку, они мгновенно признаются в том, что являются замаскированными врагами народа, шпионами, агентами иностранных разведок. Что замыслили вернуть земли помещикам, фабрики капиталистам... В чем дело? Я чувствую, что схожу с ума. А ведь по своему положению — член редколлегии «Правды», депутат Верховного Совета — я, казалось бы, должен уметь объяснить людям смысл того, что происходит, причины такой массы разоблачений и арестов. А на самом деле я, как самый последний перепуганный обыватель, ничего не знаю, ничего не понимаю, растерян, сбит с толку, брожу впотьмах.

То ли кто-то, — продолжал брат, — может быть Ежов, непрестанно разжигает его подозрительность, подсовывая наскоро состряпанные заговоры и измены. То ли, наоборот, он настойчиво и расчетливо подогревает усердие Ежова, поддразнивает, что тот не видит у себя под носом предателей и врагов народа. Вот тебе, кстати, характерный штрих, который многое мне объяснил. На днях я зашел к Мехлису, застал его за чтением какой-то толстой тетради. Это были показания недавно арестованного редактора «Известий» Талья. «Прости, Миша, — сказал он мне со своей улыбкой, — не имею права, сам понимаешь, дать тебе прочесть. Но посмотри, если хочешь, е го резолюцию». Я посмотрел. Красным карандашом было написано: «Товарищам Ежову и Мехлису. Прочесть совместно и арестовать всех упомянутых здесь мерзавцев. И. С.».

— Понимаешь? — сказал Миша. — Люди, о которых идет речь, еще на свободе. Они работают, может быть, печатаются в газетах, ходят с женами в гости и в театры, собираются в отпуск куда-нибудь на юг. И не подозревают, что они уже «мерзавцы», что они

уже осуждены и, по сути дела, уничтожены одним росчерком этого красного карандаша. Ежову остаются чисто технические детали: оформить «дела» и выписать ордера на арест.

Я слушал брата, и сердце сжималось злоеющей тревогой. Я не мог отделиться от мысли, что и его судьба может быть решена вот так же... красным карандашом на чьих-нибудь вынужденных или выдуманных показаниях. Я отчетливо представлял себе, как где-то в тиши недоступных для простых смертных кабинетов решается участь Кольцова, как кто-то, скорее всего Мехлис, прилагает все усилия посеять в подозрительном уме Сталина недоверие к «дону Мигелю» и где-то во тьме колеблются таинственные весы, на которых лежит его судьба.

Вскоре произошло обстоятельство, обострившее мою тревогу.

В Москву приехали гости из Испании — командующий военно-воздушными силами республики генерал Сиснерос и его жена, журналистка Констанция де ла Мора. Кольцов дружил с ними в Испании и, естественно, постарался окружить их в Москве гостеприимным вниманием. В один из вечеров испанские гости ужинали на квартире у Кольцова. Пришел и я. Помню, именно в этот день в газетах был напечатан указ о снятии Ежова и назначении на его место Берии. Сев за стол рядом с братом, я сказал ему вполголоса:

— Ну, вот и не стало Ежова. Кончилась «ежовщина».

— Как сказать,— неохотно отозвался Миша.— Может быть, теперь станут подозрительными те, кого не тронул Ежов.

А еще через день брат очень живо, с забавными подробностями, рассказывал мне, как, темпераментно перебивая друг друга, супруги Сиснерос описывали прием у Сталина, как они были потрясены и очарованы его простотой и добродушием, как мило он представился каждому из них, пожимая руку и называя при этом свою фамилию, какую осведомленность проявил он в биографии и боевых заслугах самого Игнасио и даже любезно вспомнил его прадеда,

видного флотоводца Испании адмирала Сиснероса (все эти факты были, разумеется, заблаговременно подготовлены Кольцовым).

Я молча слушал брата, и меня сверлил один-единственный вопрос, который я, наконец, задал, хотя ответ на него был ясен заранее:

— Скажи, Мышонок. А... А тебя не пригласили?

Он посмотрел на меня своим умным, все понимающим взглядом.

— Да,— сказал он, очень отчетливо выговаривая слова, меня не пригласили.

Развязка наступила 12 декабря 1938 года.

В этот вечер Кольцов выступал с большим докладом о недавно опубликованном «Кратком курсе истории ВКП(б)» в Центральном Доме литераторов. Знаменитый Дубовый зал писательского клуба был заполнен до отказа. Я нашел себе место наверху, на хорах. В перерыве я спустился в зал. Кольцов был, как всегда, окружен людьми, оживлен, весело обменивался шутливыми репликами. После собрания мы подошли к нему в вестибюле вместе с его помощником Н. Беляевым, и я предложил поехать всем ко мне пить чай. Миша подумал и сказал:

Чай — это неплохо. Но у меня еще есть дела в редакции. Я поехал в «Правду».

Мы условились увидеться на завтра. Но завтра мы не увиделись. И не увиделись больше никогда.

Рано утром 13 декабря меня разбудил телефонный звонок. Я взял трубку и услышал голос кольцовского шофера, который вчера отвозил его в редакцию.

Борис Ефимович? Это Костя говорит, Деревенсков, Борис Ефимович... Знаете... Вы ничего не знаете?

— Я все понял, Костя,— ответил я.

На другой день мне рассказала секретарша Кольцова в «Правде» Валя Ионова:

Михаил Ефимович прошел к себе в кабинет, снял пальто, попросил меня «организовать чайку погорячее и покрепче» и сел за свой стол. Тут же раздался звонок от Ровинского, который в этот день дежурил по номеру. Просил

срочно к нему зайти. Михаил Ефимович пошел к Ровинскому, очень скоро от него вернулся, забрал свое пальто и снова вышел. Я выскочила за ним в коридор и окликнула его:

— Михаил Ефимыч! Куда же вы? Надолго? А чай?

Он остановился и посмотрел на меня как-то рассеянно. Мне бросилось в глаза, что он был очень бледен.

Что, Валечка? — спросил он. — Чай? Не знаю... Может быть, задержусь.

...С первых дней Великой Отечественной войны в моей душе зародилась надежда на освобождение брата. Я был твердо убежден в том, что он жив. И прежде всего потому, что в течение почти всего 1939 года бесспорным признаком его существования и вместе с тем единственной связывающей с ним ниточкой был прием денежных передач.

Аккуратно три раза в месяц я приходил в извилистый проходной двор, соединяющий Кузнецкий мост с Пущеной улицей, и входил в невзрачную дверь, на которой висела табличка с маловразумительной надписью: «Помещение № 1». В этом «помещении» через крохотное окошко я вносил на имя Кольцова Михаила Ефимовича установленную сумму, расписывался и получал квитанцию.

Мне хотелось при этом думать, что эти медленно тянущиеся месяцы — хороший показатель. Видимо, есть намерение серьезно и терпеливо разобраться в деле Кольцова, и брату удастся опровергнуть клеветнический наговор. Мы тогда еще не понимали, что сам факт ареста уже предвещал судьбу человека. И я не мог знать, что брат находится в руках одного из следователей-садистов, патринированных на фальсификации «обвинений».

Шли месяцы...

И вот где-то в начале февраля 1940 года денег у меня не приняли и сообщили, что дело Кольцова следствием закончено.

Я понял, что наступили решающие дни. Не будучи в состоянии сидеть сложа руки, я заматался как в лихорадке, наивно пытаясь что-нибудь предпринять. Известный московский адвокат Илья Брауде, участник ряда громких

политических процессов 37-го года, посоветовал добиваться допущения к слушанию дела Кольцова защитника и предложил свои услуги. Без особой надежды на успех я все же написал письмо председателю Военной коллегии Верховного суда СССР неизвестному В. В. Ульриху с просьбой принять меня по этому вопросу. Сгоряча я решился и на более серьезный шаг: направился на Центральный телеграф на улице Горького, составил телеграмму с просьбой разрешить участие защиты в деле Кольцова и отправил ее на имя... Сталина.

Прошло несколько дней. Ответа ниоткуда не было. На всякий случай я решил справиться в канцелярии Военной коллегии, находившейся в доме возле памятника первопечатнику Ивану Федорову.

Дежурный сотрудник повел пальцем по страницам толстой книги...

Кольцов Михаил Ефимович? 1898 года рождения? Есть такой. Приговор состоялся первого февраля. Десять лет заключения в дальних лагерях без права переписки. Следующий...

В тот же день, к моему глубокому удивлению, мне позвонили из секретариата Военной коллегии и сообщили, что Ульрих меня примет.

...В огромном кабинете, устланном ковром, стоял у письменного стола маленький лысый человек с розовым лицом и аккуратно подстриженными усами. Ульрих был видной фигурой того времени. В течение многих лет он возглавлял Военную коллегию, председательствовал на всех крупных политических процессах двадцатых-тридцатых годов.

Принял он меня со снисходительным добродушием, явно рисуясь своей «простотой» и любезностью.

— Ну-с,— улыбаясь заговорил он, садясь в кресло,— садитесь, пожалуйста. Так чего бы вы от меня хотели?

— Откровенно говоря, Василий Васильевич, я и не знаю, чего теперь хотеть. Дело в том, что я собирался просить вас о допущении защитника к слушанию дела Кольцова, но третьего дня узнал, что суд уже состоялся. Как обидно, что я опоздал!

— О, можете не огорчаться, — ласково сказал Ульрих, — по этим делам участие приглашенных защитников не разрешается. Так что вы ничего не потеряли. Приговор, если не ошибаюсь, десять лет без права переписки?

— Да, Василий Васильевич. Но позволите быть откровенным, — осторожно сказал я. — Существует, видите ли, мнение, что формула «без права переписки» является, так сказать, символической и прикрывает нечто совсем другое...

— Нет, зачем же, — невозмутимо ответил Ульрих, — никакой символики тут нет. Мы, если надо, даем и пятнадцать, и двадцать, и двадцать пять. Согласно предъявленным обвинениям.

— А в чем его обвиняли?

Ульрих задумчиво устремил глаза к потолку и пожал плечами.

— Как вам сказать, — промямлил он, — различные пункты пятьдесят восьмой статьи. Тут вам, пожалуй, трудно будет разобраться.

И далее беседа наша приняла характер какой-то странной игры. Ульрих твердо придерживался разговора на темы литературы и искусства, высказывал свои мысли о последних театральных постановках, спрашивал, над чем работают те или иные писатели и художники, интересовался, какого мнения о нем «писательская братия», верно ли, что его улыбку называют «иезуитской», и т. п. Все мои попытки узнать что-нибудь о брате он встречал благодушной иронией.

— Ох, обязательно вы хотите что-нибудь у меня выведать, — приговаривал он, посмеиваясь.

Я уже понял, что мой собеседник просто-напросто забавляется нашей беседой, но продолжал вставлять интересующие меня вопросы. Однако все, что я узнал, — это, что председательствовал на суде над Кольцовым лично он, Ульрих, и что «выглядел Кольцов как обычно, разве только немногo осунулся...».

— А он признал себя виновным? — спросил я.

Ульрих юмористически погрозил мне пальцем.

— Э, какой вы любопытный, — сказал он со своей «знаменитой» улы-

бочкой и после маленькой паузы добавил: — Довольно ершистый у вас братец. Колочий. А это не всегда бывает полезно...

Потом помолчал и, став вдруг серьезным, сказал:

— Послушайте. Ваш брат был человеком известным, популярным. Занимал видное общественное положение. Неужели вы не понимаете, что, если его арестовали, значит, на то была соответствующая санкция?

Яснее нельзя было дать понять, что все мои вопросы, расспросы и хлопоты не только наивны, но и бессмысленны. Разговор явно пришел к концу. Я поднялся с места. Однако мой словоохотливый собеседник снова начал балагурить.

— А вот мне хорошо, — болтал он, выйдя из-за стола и прохаживаясь по громадному ковру, — никаких у меня нет братьев и вообще никаких родственников. Был вот отец и тот недавно умер. Ни за кого не надо бояться и хлопотать не надо. Да... Ну-с, а вам я советую спокойно работать и поскорее забыть об этом тяжелом деле. А брат ваш, — доверительно прибавил он, — находится, думаю, сейчас в новых лагерях за Уралом. Да, наверно, там.

Уже выходя из кабинета, я остановился в дверях.

— Василий Васильевич! — сказал я. — А вы разрешите через какое-то время вернуться к этому делу, ходатайствовать о его пересмотре?

В водянистых глазах Ульриха мелькнула усмешка.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Через какое-то время...

Шли напряженные дни первого года великой войны. Советские люди, каждый на своем посту, каждый на своем месте вставали на защиту Родины. И меня ни на минуту не оставляла мысль: может ли быть, чтобы в тяжелую годину, когда для отпора свирепому и опасному врагу нужен каждый талантливый и смелый человек, может ли быть, чтобы в строй военных писателей не вернули испытанного работой в Испании боевого правдиста, как в ряды армии вернули многих, ранее репрессированных военных деятелей?

Я живо представлял себе, с какой радостью и с каким азартом включился бы Кольцов в борьбу против ненавистного ему фашизма, как достойно встал бы он в ряды писателей-фронтовиков.

Конечно, этими мыслями я ни с кем посторонним не делился. В те времена их следовало держать при себе. Ведь если любой человек, при любых обстоятельствах потерявший отца или брата, мог с печалью о них вспоминать, рассказывать, горевать, то те, чьи родные были репрессированы, такого права были лишены. Им полагалось обходиться имена близких людей молчанием, делать вид, будто их никогда и на свете было, и поминать их только в соответствующей графе различных анкет. Ведь в глазах многих лица, имеющие репрессированных родственников, являлись элементом подозрительным, и, с их точки зрения, на мне, например, лежала невидимая, но четкая мета — брат врага народа.

Мне как-то рассказывал журналист Л. Железнов, в годы войны редактор «Фронтowej иллюстрации», как, просматривая свежий номер этой газеты, начальник Главного политуправления РККА Л. Мехлис наткнулся на мой рисунок и нахмурился.

— Ефимов? — сказал он. — Гм?.. А как он работает? Нет ли в нем червоточинки?

— По-моему, неплохо, — ответил Железнов.

— Вы считаете? — недовольно сказал Мехлис. — Мм... Посмотрим.

Нет, во мне не было ни малейшей «червоточинки» во всем, что касалось моей службы стране оружием своего искусства, патриотического долга советского художника. Но меня не мог не терзать червь лютой досады и горечи за судьбу брата. И одновременно во мне не иссякал тоненький ручеек надежды, которую питали систематически доходявшие до меня всевозможные слухи о брате. Не знаю, где и почему они рождались, но их настойчивость, разнообразие и внешнее правдоподобие заставляли меня в силу какой-то внутренней психологической потребности им какое-то время верить. Да как можно было не верить, если, например, ху-

дожник Михаил Храпковский, сотрудник «Крокодила», тоже в свое время осужденный, но вышедший на свободу, рассказал мне, что встретился с Кольцовым, которого он, естественно, ни с кем не мог спутать, на пересыльном этапе в Саратове. Кольцова пересылали из лагеря в Москву, и брат сказал, что ничего хорошего он от этой пересылки не ждет. Это было летом 1942 года. Позже железнодорожник Павел Голубков разыскал меня, чтобы рассказать, что он видел Кольцова возле вагона-типографии на Воркутинской железнодорожной ветке. Голубков еще задолго до войны служил курьером в редакции «Огонька» и, конечно, не мог не узнать своего редактора. Журналист Михаил Берестинский, вернувшийся из поездки в Свердловск, рассказывал, что начальник расположенных в тех краях лагерей, будучи зачем-то в редакции местной газеты, «хвалился» тем, что у него в клубе работает известный автор «Испанского дневника». Почти одновременно приходит весть с противоположного конца страны — из Соловков — о том, что Кольцов находится там и кому-то, между прочим, рассказывал в подробностях содержание романа, который он задумал и даже частично написал в заключении...

И так далее, и так далее. Я уже начал относиться к этим рассказам с известной долей скептицизма, но вместе с тем твердо верил, что Миша жив, не теряет мужества и вот-вот появится.

Вот почему я почти не удивился, когда в июне 1944 года кто-то мне сказал, что в Союзе писателей имеются какие-то интересные сведения о Кольцове, исходящие от писателя Михаила Слонимского. Слонимский мне сказал, что слышал об этом от Анны Караваевой. Караваева ответила, что ей поведал о Кольцове приехавший в Москву на совещание председатель саратовской писательской организации А. Матвеевко. Я вихрем помчался в Дом Герцена, где происходило совещание, и сразу нашел Матвеевко, представительного седящего мужчину. От него я услышал следующее:

— Совсем недавно по делам саратовского Союза писателей я был в Куй-

бышеве у начальника политуправления Приволжского военного округа. По-говорили о разных вопросах, и в заключение он мне говорит: «А вы знаете, тут у нас находится один ваш собрат по перу». — «Кто такой?» — «Михаил Кольцов». — «Что вы говорите? Какой? Тот самый?» — «Да, тот самый. Который был в Испании. Наверно, читали „Испанский дневник“?» — «Удивительно, — говорю я, — а что он здесь делает?» — «А он находится здесь, — говорит генерал, — во 2-м офицерском полку на переподготовке после ранения под Брянском. Имеет звание старшего лейтенанта. Если хотите, можете с ним поговорить». Генерал взялся за телефон, соединился с каким-то номером и велел вызвать к телефону старшего лейтенанта Кольцова. Через некоторое время он передал мне трубку. А я, знаете, не был лично знаком с вашим братом и несколько растерялся: о чем говорить? Спрашиваю: «Это товарищ Кольцов?» — «Да, Кольцов», — «Михаил Кольцов?» — «Да, Михаил Кольцов». — «Э-э... Значит, сейчас вы находитесь здесь?» — «Да, как видите, здесь». — «А вы... Э... что-нибудь сейчас пишете?» На это он ответил что-то невнятное, и трубка была положена. Вот и все, что я могу вам рассказать.

Я выслушал Матвееenko со смешанным чувством с новой силой вспыхнувшей надежды и вместе с тем недоумения.

С одной стороны, мне представлялось маловероятным, чтобы крупный военный работник, генерал, мог без достаточных к тому оснований и соответствующих документов принять какого-нибудь случайного человека за известного всей стране журналиста, члена редколлегии «Правды», депутата Верховного Совета РСФСР и пр.

С другой — я не допускал мысли, что, находясь на свободе, Миша не дал бы о себе знать.

Тут случилось так, что в эти же дни одна знакомая журналистка собралась по командировке от своей редакции в Куйбышев. Я попросил ее выяснить на месте, насколько достоверны сведения о брате. Она вернулась в Москву с ошеломляющей информацией: во-первых,

оказалось, что в редакции местной газеты «Волжская коммуна» уже давно знают о том, что знаменитый Михаил Кольцов находится в одной из воинских частей ПРИВО. Во-вторых, и это особенно важно, ей удалось встретиться и поговорить с неким подполковником Лукьяновым, командиром 2-го офицерского полка. Лукьянов, хотя и несколько туманно, подтвердил, что в его полку, в 5-м батальоне, служит старший лейтенант Кольцов. И даже спросил при этом: «А правда, что художник Борис Ефимов из «Красной звезды» его родной брат?»

У меня почти не оставалось сомнений. Однако молчание Миши представлялось непонятным, и я решил еще раз проверить факты.

О том, что было дальше, лучше всего, пожалуй, расскажут подлинные документы.

«Народный комиссариат связи СССР. Фототелеграмма. Адрес: Куйбышев (Областной) Штаб ПРИВО подполковнику Лукьянову.

Уважаемый тов. Лукьянов! Разрешите обратиться к Вам с просьбой. Я уже давно не имею известий от своего брата ст. лейт. Кольцова Михаила Ефимовича, 1898 года р. Насколько мне известно, он находился в Вашем распоряжении с августа 1943 г. по март 1944 г. в 5-м батальоне 2-го офицерского полка запаса.

Прошу не отказать в просьбе сообщить мне, когда и куда он от Вас убыл. Мой адрес: Москва, редакция газеты «Красная звезда», ул. Чехова, 16. Бор. Ефимову. С приветом художник Бор. Ефимов».

Через несколько дней фототелеграмма вернулась ко мне со следующей сопроводительной запиской:

«Тов. Ефимов, возвращаю Вашу фототелеграмму обратно и сообщаю, что в отделе кадров ПРИВО подполковника Лукьянова не значится, а также ст. лейтенанта Кольцова М. Е. найти по учету в отделах кадров не могли и 2-го офицерского полка в ПРИВО нет. С приветом. Нач. экспедиции штаба ПРИВО ст. л-т а/с А. Капелина».

Нетрудно себе представить мое ошеломление. Как так? Что это значит?

Что за наваждение? Неужели и рассказ Матвеевко, и разговор с «подполковником Лукьяновым» — все это плоды воображения или недоразумения? Непостижимо! Я решил предпринять еще одну попытку и обратился к милейшему Николаю Александровичу Таленскому, ответственному редактору «Красной звезды», который пошел на весьма смелый по тем временам поступок.

«Секретно. 2-й офицерский полк запаса Приволжского военного округа. Командиру полка. Прошу сообщить, действительно ли с сентября 1943 г. по март 1944 г. проходил службу в 5-м батальоне вверенного Вам полка старший лейтенант Кольцов Михаил Ефимович, рождения 1898 года, гор. Киев, а также куда и когда убыл. Ответственный редактор генерал-майор Н. Таленский».

Вскоре вернулся в редакцию и этот секретный пакет. К нему был прикреплен миниатюрный квадратик бумаги с лаконичным текстом: «Редакция газеты „Красная звезда“. В ПРИВО такой части нет».

Странную историю со «старшим лейтенантом Кольцовым» можно было, по-видимому, считать исчерпанной.

Однако я ошибся — она получила свое не менее странное продолжение спустя почти три десятилетия. В январе 1972 года я получил следующее письмо. «Художнику Б. Ефимову. Москва, газета «Известия».

На днях в одной старой газете я прочел статью о жизни и литературно-общественной деятельности М. Е. Кольцова. В связи с этим вспомнилось прошлое.

В годы войны, будучи на военной службе в политуправлении Приволжского военного округа (Куйбышев), однажды в экспедиции штаба ПРИВО я ознакомился с фототекстом Вашего письма, в котором Вы запрашивали о службе Вашего брата Михаила Кольцова, что меня очень тогда заинтересовало, но в тот год я счел нецелесообразным Вас беспокоить.

В день моего дежурства в приемной начальника ЦУ ПРИВО мне позвонили и сказали, чтобы я заказал пропуск

М. Кольцову. Исполнив это, я стал ожидать прихода известного человека.

Хочется спросить, служил ли в частях Приволжского военного округа (г. Кинель) ваш брат?

Извините за беспокойство. С уважением Н. Л. Иванов.

Воронеж, улица Комиссаржевской, д. 1, кв. 65. Иванов Николай Лукич, инженер-майор в отставке.

3 января 1972 года».

Я немедленно написал Н. Л. Иванову в Воронеж.

«Уважаемый Николай Лукич! Сведения о том, что мой брат — Михаил Кольцов — проходит военную службу в частях ПРИВО, исходили от писательской организации Саратова. Проверить правильность этих сведений тогда, в 1944 году, не удалось. В частности, на свою фототелеграмму, которую Вы видели, определенного ответа я не получил. И мне по сей день неизвестно, кто был человек, которого принимали за Михаила Кольцова.

В своем письме Вы сообщаете, что заказали пропуск М. Кольцову и стали «ожидать прихода известного человека».

Поэтому я, в свою очередь, обращаюсь к Вам с вопросом: дождались ли Вы этого человека, видели ли его? Можете ли Вы описать его внешность, приметы? И еще вопрос: знали ли Вы в частях ПРИВО подполковника Лукьянова, которому был адресован мой запрос о брате? Буду весьма благодарен за ответ.

С товарищеским приветом.

Б. Ефимов, народный художник СССР».

С понятным нетерпением стал я ждать ответа на свое письмо. С новой силой возникли во мне волнения, сомнения и надежды 30-летней давности. Мне думалось: не прошла ли тогда мимо меня редчайшая возможность найти брата, узнать о его судьбе?

Ответа долго не было. И наконец...

«Многоуважаемый Борис Ефимович! Извините, что ответ пишу с опозданием. Посылал письмо в г. Куйбышев, обращался к знакомым, хотел узнать о подполковнике тов. Лукьянове, о котором Вы упоминаете в своем письме.

Сообщили, что он им также неизвестен.

Будучи дежурным офицером в приемной начальника политуправления ПРИВО, я действительно заказывал пропуск на имя Михаила Кольцова. С большим волнением ожидал его прихода. Вспомнил прошедшие годы, когда мы, читатели, с интересом читали очерки, фельетоны, статьи любимого и популярного автора.

Когда он пришел в приемную, я внимательно, с переживанием смотрел на редкого посетителя, видел его исхудалое и бледное лицо. Он был в звании старшего лейтенанта, в хлопчатобумажном полевом офицерском костюме. Он был небольшого роста, весьма подвижным, очень энергичным, целеустремленным. Оставалось впечатление, что его беспокоит, даже волнует весьма важное дело. И такое переживание человека сочеталось с простотой, привлекательностью, что убеждало меня в том, что это действительно был сам Михаил Ефимович Кольцов.

Но... вспомнив газетные и журнальные фотографии М. Е. Кольцова и сравнив их с внешним видом посетителя, я усомнился, хотя думал, что он пережил тяжелое, которое могло изменить внешность любого человека, снова возвращая к моему первому заключению.

В тот памятный день М. Кольцов был принят начальником политического управления Приволжского военного округа. Беседа продолжалась примерно 30—40 минут, но ее содержание мне было неизвестно.

В моем личном архиве сохранился экземпляр газеты «Правда» 1934 года, посвященный полярной экспедиции «Челюскина». На страницах исторического номера газеты Центрального органа нашей партии напечатан очерк М. Е. Кольцова «Секрет успеха». Прочел еще раз и снова подумал, как легко, просто и полно, душевно написано. Ничего лишнего! А каким уважением, любовью проникнуты слова к людям подвига... Спасение челюскинцев буквально всех волновало и радовало, когда наши мужественные летчики их спасали и спасли.

И обо всем этом на страницах «Правды» художественно, правдиво и трогательно

рассказал М. Е. Кольцов. Забыть нельзя!

Что вам известно о его дальнейшей судьбе? Извините за беспокойство. С уважением.

Н. Л. Иванов.

18 марта 1972 г.».

Нетрудно увидеть, что доброе, человеческое и очень простодушно написанное письмо Николая Лукича, проникнутое истинной теплотой читательского отношения к «любимому и популярному автору», не дало все-таки ответа на главный, интересовавший меня вопрос: был ли то в Куйбышеве действительно мой брат? Тайна осталась тайной.

А теперь вернемся в уже очень далекий 1954 год.

В трескучий декабрьский мороз я вышел из здания Главной военной прокуратуры на улице Кирова. В кармане у меня лежала бумага следующего содержания.

«Гр-ну Ефимову Б. Е. Сообщаю, что 18 декабря 1954 года Военная коллегия Верховного суда СССР по заключению Прокуратуры СССР приговор по делу Вашего брата Кольцова Михаила Ефимовича отменила и дело в отношении его прекратила за отсутствием состава преступления.

За официальной справкой о прекращении дела в отношении Кольцова М. Е. Вам надлежит обратиться в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Зам. Главного Военного прокурора полковник юстиции Д. Терехов».

Это может показаться неправдоподобным, но прошу мне поверить, что, получая эту бумагу, я не спускал глаз с двери в глубине просторного прокурорского кабинета, почти убежденный в том, что меня ждет радостный сюрприз, что сейчас эта дверь откроется и из нее выйдет уже переведенный из дальнего лагеря в Москву брат... Однако этого не произошло. Тогда, взяв из рук прокурора бумагу и немного помедлив, я обратился к нему:

— Товарищ полковник! У нас с вами было несколько бесед в процессе ознакомления с делом Кольцова. Я ответил вам на ряд вопросов. Теперь разрешите и мне задать вам один вопрос.

— Пожалуйста.

— А где сейчас находится мой брат?

Прокурор посмотрел куда-то в сторону и ответил:

— А это вам сообщат там, где вы будете получать официальную справку о реабилитации. В Военной коллегии.

«Видимо, таков порядок»,— подумал я, поблагодарил и поднялся с места.

И вот через четырнадцать лет я в кабинете председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А. Чепцова. Розоволицего Василия Васильевича, который рекомендовал мне «поскорее все забыть», уже нет. Седой человек в золотых генеральских погонах любезно мне говорит:

— Собственно говоря, у вас не было необходимости специально сюда приходить — этот документ мы могли переслать вам по домашнему адресу. Но, поскольку вы уже здесь... Что я могу сказать? Вашего брата пытались изобразить агентом чуть ли не пяти иностранных разведок. Лица, которые фальсифицировали его дело, как и многие другие дела, находятся в настоящее время под судом и понесут суровое наказание. Кстати сказать, дело вашего брата находится сейчас здесь, и, если хотите на него взглянуть, можете это сделать. Подробно читать его, сами понимаете, никак не положено.

— Хочу взглянуть,— сказал я.

Генерал нажал кнопку звонка, дал указание вошедшему помощнику, и через несколько минут на стол легли две толстенные папки, перевязанные шпагатом. Я смотрел на них с ужасом. Потом раскрыл верхнюю папку и сразу увидел ордер на арест. Он был почему-то напечатан не типографским способом, а на пишущей машинке. И почему-то не внизу, где обычно подписываются бумаги, а по диагонали через весь лист тонким кроваво-красным карандашом была поставлена подпись: Берия.

Дальше я увидел в папке много-много страниц, мелко исписанных легким, изящным, до боли знакомым почерком брата. Читать я, согласно предупреждению, не стал, закрыл папку и

молча, выжидающе посмотрел на председателя Военной коллегии. Он протянул мне документ о реабилитации. Мы обменялись рукопожатием.

После маленькой паузы он заговорил:

— Ну... А что касается... К великому сожалению... Вы сами понимаете...

У меня вдруг сжалось сердце.

— А что, товарищ генерал? Что я должен понимать? Я ничего не понимаю.

— Ну... Должен вам сообщить... Одним словом... Вашего брата нет в живых. С тридцати девятого года.

Некоторое время я не мог вымолвить ни слова. Я молча смотрел на Чепцова, а он на меня. В эти секунды в моей голове с какой-то непостижимой быстротой проносились все доходившие до меня за минувшие годы вести о Кольцове. С особой четкостью всплыл в памяти рассказ художника Храпковского о встрече с братом. Я спросил тогда Храпковского: «А как выглядел Михаил Ефимыч? Во что был одет?» Храпковский ответил: «О чем вы говорите... Во что одет... В помещении, где мы находились,— какой-то барак — была дикая жара, духота невыносимая, битком набито людьми. Все обливались потом, грязные, полуголые... Михаил Ефимыч сказал мне: «Если увидите Боря, передайте... Передайте, что вот, встретили меня. Что я жив. Держусь. Может, еще увидимся. Хотя... все может быть...»

«Что же,— вертелось у меня в голове,— Храпковский все это выдумал? Зачем? А это был, по его словам, июль сорок второго года. Шла война. При чем же тут тридцать девятый год? И зачем бы понадобилось так спешно расстрелять только что отличившегося «дона Мигеля», которого, как сказал тогда К. Е. Ворошилов, «ценят, любят, доверяют»? Инсценировать вплоть до февраля сорокового года прием денежных передач в «Помещении № 1»? Зачем? Чтобы обмануть меня? Зачем? Нет, тут что-то не так».

Наконец я, как принято говорить, обрел дар слова.

— Нет, товарищ генерал, этого не может быть,— произнес я.

— Почему?

— Да прежде всего потому, что все эти годы о нем много раз доходили вести. Из разных мест, из лагерей. Его видели, с ним говорили.

— Видите ли,— мягко сказал Чепцов,— мы иногда принимаем желаемое за действительное. Вот недавно была у меня жена Косарева. Ей тоже говорили, что он жив, работает. Где-то на шахте. А между тем...

— Все это так, товарищ генерал, но все же... В тридцать девятом... Да ведь суд-то над ним состоялся в сороковом! И приговор был: десять лет лагеря.

— А кто это вам сказал?

— Ваш, так сказать, предшественник. Ульрих.

— Ах, Ульрих,— сказал генерал с непередаваемой интонацией и махнул рукой.

Исключительно жарким выдался в столице двадцать восьмой день июня 1972 года. Старожилы, как это им и положено, не запомнили такого зноя за много лет. Все живое стремилось на теневую сторону улиц и площадей. Тем не менее большое количество людей собралось под палящим солнцем, на раскаленном асфальте возле дома № 11 по Страстному бульвару. В этом красивом зеленом особняке с прилегающим садиком много лет находилась редакция журнала «Огонек», основателем и первым редактором которого был Михаил Кольцов. Там же располагались редакции журналов «За рубежом», «За рулем», «Советская женщина», «Советское фото», многих других популярных изданий большого «Журнально-газетного объединения (ЖУРГАЗ)», также организованного и вплоть до 1938 года руководимого Кольцовым.

Органы регулирования уличного движения не сочли целесообразным перекрыть движение транспорта на столь оживленной трассе, но автомобили и троллейбусы, тихо сигналив, замедляя ход, осторожно проезжали мимо бывшего «ЖУРГАЗа».

Люди пришли сюда, откликнувшись на следующее приглашение:

«Уважаемый товарищ! Приглашаем Вас принять участие в торжественном открытии мемориальной доски в память

советского журналиста и писателя Михаила Ефимовича Кольцова. Правление Московской организации Союза журналистов СССР. Правление Московской писательской организации СП РСФСР. Главное управление культуры Исполкома Моссовета».

Перед микрофоном выступали писатели, журналисты, военные, общественные деятели. В заключение слово было предоставлено члену комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию Михаила Кольцова. Это был я.

— Литературное наследие Кольцова,— сказал я,— это огромное, практически неисчислимо количество очерков, фельетонов, корреспонденций, статей, выступлений, в которых во всем своем величии встает эпоха становления и утверждения советского строя, начиная с Октября семнадцатого года. Неповторимая летопись жизни, борьбы и труда советского народа, его радостей и печалей, испытаний и подвигов.

Последней страницей творческой биографии Кольцова стала книга «Испанский дневник», которую Алексей Толстой и Александр Фадеев в совместной статье, опубликованной в «Правде» в ноябре 1938 года, за месяц до ареста ее автора, назвали «великолепной, страстной, мужественной и поэтической». Эта книга правдиво и ярко рассказала о первом военном столкновении с фашизмом, прелюдии к Великой Отечественной войне, в которой Кольцову не суждено было принять участие. Кольцов, как вы знаете, был не только талантливым писателем, но и неутомимым общественным деятелем, энергичным организатором, активным политическим и дипломатическим работником. Он все делал быстро, увлеченно, весело, не зная отдыха, не теряя ни минуты, как будто чувствуя, что ему отмерен судьбой очень короткий срок жизни.

Тридцать четыре года назад Михаил Кольцов навсегда ушел из этого дома сорокалетним. Сегодня по воле партии, по решению Московского Совета он навечно возвращается сюда в граните мемориальной доски.

Огонек, 1987, № 34

РАСКОЛЬНИКОВ
ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
(1892—1939)

Родился в Петербурге в семье служащего. Член партии большевиков с 1910 г. Участник первой мировой войны, мичман Балтийского флота. После Февральской революции заместитель председателя Кронштадтского Совета, редактор газеты «Голос правды». Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С ноября 1917 г. — член Верховной морской коллегии. В РККФ с февраля 1918 г.: член коллегии Наркомата по морским делам, заместитель наркома по морским делам, член РВС Восточного фронта и РВС Республики, командующий Волжской, Волжско-Камской военными флотилиями, член РВС Балтийского флота, командующий Волжско-Каспийской военной флотилией, Балтийским флотом. С 1921 г. на ответственной дипломатической работе за рубежом, затем на литературной работе. С 1929—1930 гг. председатель Главреперткома, начальник Главискусства, член коллегии Наркомата просвещения. В 1930—1938 гг. — полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии.

ПРИКАЗ № 7

Революционного
Военного Совета Республики
от 16 января 1920 г.

Награждается орденом Красного Знамени командующий Волжско-Камской флотилией тов. Раскольников за отличное боевое руководство флотилией в кампанию 1918 г., когда наша слабая Волжская флотилия остановила двигавшуюся с юга сильнейшую флотилию противника, за действия при взятии 10 сент. 1918 г. красными войсками Казани, за отбитие под Сарапулом 17 окт. 1918 г. отрядом из трех миноносцев под личным его командованием баржи с 432 арестованными противником советскими работниками и за активную оборону низовьев и дельты Волги в кампанию 1919 г.

Революционного
Военного Совета Республики
от 7 июня 1920 г.

18 мая 1920 года отрядом Каспийской военной флотилии, несмотря на значительное превосходство сил противника, взят г. Энзели: находившемуся в нем белогвардейскому флоту пришлось сдаться, английские войска из него ушли.

Флотилией захвачены 10 крейсеров, 7 морских транспортов и значительное количество военного имущества добровольческой армии.

Быстро и доблестно выполнила Каспийская флотилия поставленную ей задачу очистить Каспийское море от белогвардейского флота.

За проявленную боевую доблесть, энергию и преданность делу защиты интересов пролетариата Революционный Военный Совет Республики постановил... наградить командующего Каспийской флотилией тов. Раскольникову вторично орденом Красного Знамени...

Военно-исторический журнал, 1987, № 2

**МАКСИМ ЛИТВИНОВ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СТРОЙ**

Максим Максимович Литвинов (1876—1951) — один из ближайших соратников Ленина. После Великой Октябрьской социалистической революции был призван партией на дипломатическую работу. С 1930 по 1939 год — народный комиссар иностранных дел. В одну из майских ночей 1939 года здание Народного комиссариата иностранных дел (находившееся тогда в Москве на Кузнецком мосту) было оцеплено частями НКВД. Прибывшие уже под утро Молотов, Маленков и Берия сообщили Литвинову о его отстранении с поста народного комиссара. Но очень скоро верный большевик-ленинец, талантливый дипломат вернется в строй...

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из книги З. Шейниса «Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек».

Подходил к концу и вынужденный простой Литвинова. 21 июня 1941 года вечером он читал газеты, перед сном пошел гулять — в сопровождении охраны.

Наступило тихое летнее утро. И вдруг все переменялось. Включили приемник. Вздвигнутый диктор сообщил, что будет передано важное сообщение.

Через несколько секунд началось выступление Молотова. Война!

— Это конец Гитлера, — сказал Литвинов. В тот же день он написал два письма. Одно Молотову, просил предоставить работу. Другое — в донорский пункт, предлагал свою кровь для раненых бойцов. Из донорского пункта ответили сразу, тепло поблагодарили за предложение, но сообщили, что кровь шестидесятипятилетних людей пока не нужна, и, если понадобится, ему напишут. Молотов вызвал через несколько дней. А затем позвонили из Кремля. Сталин просил приехать: будет беседа с иностранными дипломатами.

Литвинов прибыл в своей обычной толстовке, которую носил эти последние годы. Прием дипломатов начался сразу же. Сталин поздоровался с Литвиновым, покосился на толстовку, спросил, почему не в черном костюме. Литвинов флегматично ответил: «Моль съела».

На следующий день после вызова в Кремль Литвинова зачислили в Народный комиссариат иностранных дел.

Зарубежная пресса и радио разносили весть о том, что Литвинов был в Кремле

у Сталина. Начались разные догадки и предположения. Телеграфные агентства Америки и Англии, редакции газет запросили статьи, интервью. Литвинов начал писать. Его статьи появились в английских и американских изданиях.

8 июля поздно вечером в радиокомитет на Путинковский переулок в Москве пришел Литвинов. По поручению Сталина он выступил по радио с обращением к народам, говорящим на английском языке.

Выступления Литвинова по радио продолжались все лето. Работать приходилось в трудных условиях. 15 августа он писал жене в Куйбышев: «Получил на днях телеграмму от редактора «Рейнольдс ньюс», просившего прислать материал. Послал, но имел затруднения с переводом. У меня ни стенографистки, ни машинистки английской нет, от руки писать не могу, а потому пришлось послать для перевода в Информбюро, но перевод меня не удовлетворил, пришлось внести много поправок, а переписывать некому, у меня нет даже пишущей машинки. Пишу это все, чтобы ты догадалась, как я вспоминал тебя. Но я и без того вспоминаю и думаю о тебе постоянно».

Наступила первая осень войны. Немцы продвигались по всему фронту. Сосредоточив десятки пехотных и танковых дивизий, Гитлер бросил эти армии на Москву. 16 октября утром в Москве начали закрываться заводы и фабрики. Толпы людей потянулись на восток, запрудив Горьковское шоссе, и без того забитое машинами, орудиями, повозками.

16 октября вечером начальник охраны объявил Литвинову о необходимости немедленно выехать в Куйбышев. Он был очень растерян, торопил Литвинова, сказав, что на сборы осталось только два-три часа и если поезд, который им определен, уйдет, то неизвестно, когда они сумеют выбраться из Москвы.

Вечером Литвинов выехал в Куйбышев. На седьмые сутки поезд прибыл к месту назначения. В конце октября там уже было много наркоматов и других центральных учреждений. Город был забит эвакуированными. Семья Литвинова жила в крохотной квартир-

ке. Там же поселилась и его секретарь А. В. Петрова, которая тоже эвакуировалась в Куйбышев, и Литвинову снова приказали являться в «присутствие». Ходил он туда нехотя, как бы отбывая повинность, ибо пользы от этого не видел никакой, и это его очень готило.

В конце октября 1941 года все круто изменилось.

Эти изменения были продиктованы коренными интересами Советского Союза, необходимостью расширить его политическое и дипломатическое влияние в западном мире.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз руководящие деятели Англии и США заявили от имени своих стран о готовности оказывать ему поддержку. Однако внутри антигитлеровской коалиции сохранилось глубокое противоречие между социалистическим Советским Союзом и его империалистическими партнерами. В этих условиях особо важна была позиция Соединенных Штатов Америки — самой могущественной страны капиталистического мира.

Центральный Комитет партии и Советское правительство сочли необходимым направить в Соединенные Штаты на пост своего дипломатического представителя человека, авторитет которого был признан в мире и, в частности, был бы известен своими контактами с США и лично с президентом Рузвельтом.

Это предопределило изменение положения М. М. Литвинова.

Поздно вечером из Москвы в Куйбышев позвонил Молотов. В Наркоминделе на звонок отозвался дежурный сотрудник. Молотов спросил сотрудника, знает ли он, где живет Литвинов. Тот ответил, что знает.

— Передайте Литвинову, что он назначен заместителем народного комиссара иностранных дел и послом Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. И немедленно доложите мне его ответ.

Через десять минут сотрудник Наркоминдела стоял перед Литвиновым. Тот молча выслушал и сказал:

— Ну что ж, обстановка такова, что

есть только один выход. Передайте — я согласен!

— Молотов просил узнать, когда вы можете вылететь?

— У меня сборы недолгие, — ответил Литвинов.

Сотрудник передал последнее поручение Молотова: Литвинова просят немедленно вылететь в Москву. Его ждет Сталин. Самолет на аэродроме.

В Кремль Литвинов прибыл в назначенный ему час, и его сразу же принял Сталин. Месяцы войны, видимо, нелегко дались Сталину. Лицо его, и без того суровое, замкнутое, стало еще более сумрачным, под глазами обозначились темные круги. Сталин встретил Литвинова приветливо. Тепло поздоровался. На Сталине был его обычный полубоевой костюм. Литвинов был в той самой толстовке, в которой он пришел на дипломатический прием в первые дни войны. На этот раз Сталин ничего не сказал.

Кроме Сталина и Литвинова в кабинете был Молотов. Он в стороне, молчит.

И вот Сталин и Литвинов сидят друг против друга. Сталин не вспоминает прошлое. Как будто не было той майской ночи 1939 года, не было вывода из ЦК. Сталин не привык объясняться с кем бы то ни было. Но не только потому он не говорит о прошлом: Сталин хорошо знает Литвинова. Давно. Почти сорок лет. И он приступает к делу. Глуховатым голосом формулирует задачи дипломатической миссии Литвинова. Главное — это торопить американцев со вступлением в войну. Он, Сталин, знает трудности, с какими сталкивается в этом вопросе Рузвельт. понимает, что президент не горит желанием помочь Советскому Союзу, но он человек умный и не захочет прийти без козырей к концу войны с Гитлером.

Литвинов слушает молча, глядя Сталину в глаза. Просит, чтобы Сталин информировал его о делах, о положении на фронтах. Ему придется в Америке много выступать, он должен быть в курсе дела.

Сталин пообещал. Поговорили о военных поставках. Сталин сказал, что эти поставки важны, особенно пока идет перестройка всей промышленности.

Подчеркнул, что надо уделить этому вопросу большое внимание. В тот же вечер Литвинов вылетел в Куйбышев. А дальше были тридцать тысяч километров от Куйбышева до Вашингтона, если лететь через Азию, огибая гигантскую дугу, где были Астрахань, Баку, Тегеран, Багдад, Басра, Калькутта, Бангкок, Сингапур, Филиппины, Гавайские острова. От Ирака до Сан-Франциско предстоял перелет на летающей лодке.

Путь на Запад через Атлантический океан был закрыт. Шла война.

...6 декабря Литвинов прибыл в Сан-Франциско. Позади были двадцать два дня и двадцать две ночи. Впереди Вашингтон.

На вашингтонском аэродроме Литвинова встречала огромная толпа. Сюда прибыли не только представители государственного департамента, журналисты и кинооператоры — бывший посол в Москве Дэвис. Чопорный официальный Вашингтон на этот раз не похож на себя. На аэродроме писатели, артисты, бизнесмены, клерки из учреждений и частных контор. Многие с цветами. У Литвинова просят интервью. Он отстраняется от журналистов, подходит к микрофону и сразу дает понять, ради чего он прибыл в США: «Первое мое посещение этой столицы состоялось в весьма важный момент. В настоящее время я прибыл в еще более важный период, когда решается судьба всех народов — всего человечества. Я знаю, с каким огромным интересом и сочувствием следит американский народ за событиями на Восточном фронте, и я уверяю американский народ, что Красная Армия и все Вооруженные Силы Советского Союза и в дальнейшем продолжат борьбу с гитлеровской Германией с тем же упорством и мужеством, которые вызвали одобрение и восхищение всего мира».

Литвинов сказал, что изоляционисты встретят в штыки его высказывания, начнут кампанию против него. А через несколько часов после прибытия Литвинова в американскую столицу произошло нападение японцев: все радиостанции Соединенных Штатов Америки прервали передачи и начали передавать

экстренные сообщения: японцы напали на Перл-Харбор, топят американский флот, бомбят Гонолулу.

В декабре 1941 года официальные круги Соединенных Штатов Америки и весь американский народ переживали тревожные дни.

События развивались стремительно. Морской министр Нокс сообщил предварительные данные о потерях в Перл-Харборе: потоплены линкор «Аризона» и еще пять военных кораблей, убито около трех тысяч офицеров и моряков. Американское военное командование отдало приказ затемнить все побережье вдоль Калифорнии до мексиканской границы, началось минирование подступов к нью-йоркскому порту.

Американцам предстояло понять, что Тихий и Атлантический океаны больше не дадут им отсидеться в стороне от войны.

...В Америке Литвинов получал горы приветственных писем и телеграмм. Писали рабочие, кинозвезды, миллионеры, журналисты, писатели, фермеры, рыбаки. Литвинов радовался популярности Советского Союза. Как изменились времена! Восемь лет назад, когда он приехал в Соединенные Штаты, многие американцы имели самые искаженные представления о нашей стране. Теперь Россия спасает не только себя — весь мир! Американцы на улицах останавливают Литвинова, хлопают по плечу: «Ар ю мистер Литвинов?» Восторгаются Красной Армией. Но это начало — Литвинов знает, какая борьба еще предстоит, как трудно будет расшевелить американское общество, заставить отступить недругов Советского Союза.

8 декабря Литвинова пригласили в Белый дом. Он отправился туда исполненный надежды, что ему удастся установить с Рузвельтом тот важный контакт, который не регулируется никакими протоколами, если, конечно, партнер способен хотя бы чуточку приподняться над позициями своего класса. Нечто подобное наблюдал он в Европе, где у него был тесный контакт с некоторыми буржуазными государственными деятелями.

Рузвельт встретил Литвинова дружелюбно. Часы президента были распи-

саны, и официальную церемонию вручения верительных грамот начали сразу же. Корреспонденты осаждают Белый дом, кинооператоры зажгли юпитеры, радиостанции готовы передать официальное сообщение о первом официальном визите советского дипломата. И он прилагает все усилия, чтобы довести до сознания американцев: война подошла также к их берегам, теперь вести ее придется сообща! Он говорит о «страшной опасности, которую для всех наций представляет осуществление нацистской Германией заранее разработанной Гитлером преступной программы уничтожения политической и экономической независимости всех стран и порабощения всех народов».

Литвинов закончил свою речь. Рузвельт улыбается. Да, он доволен. Теперь очередь президента. К коляске подносят микрофоны. Он сразу скажет, что он думает о советском дипломате. Он с этого и начнет свою речь. «Мне представляется исключительно удачным, что в эти трагические дни, когда сохранение взаимопонимания и доверия между нашими двумя странами имеет столь жизненное значение не только для них самих, но также и для будущего всего человечества, Советское правительство сочло уместным послать в качестве своего представителя в Соединенные Штаты государственного деятеля, который уже занимал такой выдающийся пост в своей стране».

Рузвельт подчеркивает, что Литвинов приступает к исполнению своих обязанностей в день великого исторического значения, заявляет, что Америка будет воевать с Германией.

После официальной церемонии вручения верительных грамот президент долго беседовал с советским дипломатом.

Когда Литвинов собрался уходить, Рузвельт обратился к нему интимно-дружески: «Макс, приходите с женой вечером играть в бридж. Госпожа Рузвельт и я будем рады видеть вас у себя».

Через девять дней после вручения верительных грамот Литвинов напишет сыну и дочери в Москву: «Работы у меня много. Приходится делать много визитов и принимать множество народу.

Гулять и отдыхать не приходится. К вечеру страшно устаю и не успеваю выспаться. У посла в Вашингтоне в два раза больше работы, чем в любой другой столице, да и момент теперь такой ответственный. Иногда думается, что я взял на себя задачу не по силам или не по возрасту... Пробовал было раз сходить на концерт по приглашению Эгона Петри, но после первого номера меня вызвали к президенту. Я у него уже был четыре раза».

Вскоре после этой встречи Литвинов вылетел в Нью-Йорк. Организация «Уорраша релиф», занимающаяся сбором средств в пользу Советской страны и Красной Армии, устраивала митинг в Медисон-сквер-гарден. В огромном зале заняты все места, люди стоят в проходах. Мысли Литвинова далеко, в подмосковных снегах. Сегодня солдаты генерала Жукова начали наступление.

Литвинов подошел к микрофону. Заговорил по-английски. Без бумаги. Он говорил о страданиях Смоленщины и Украины, о горящих белорусских селах, замученных и сожженных детях, обесчещенных девушках, о советских солдатах, бросающихся под немецкие танки.

В огромном зале стало очень тихо. Потом послышались рыдания. Женщина из первого ряда подбежала к помосту, сорвала с шеи бриллиантовое кольцо, положила у ног советского посла. За ней другая, третья. Помост обступили люди, срывали с себя бриллиантовые кольца, браслеты. В президиум полетели чеки — один, другой, сотни. Гигантский Медисон-сквер-гарден неистовствовал. Литвинов спокойно посмотрел в зал, сказал: «Господа, нужен второй фронт!»

На Западе — и в Англии, и в Америке — были твердо убеждены, что с СССР будет покончено в очень короткий срок. Вскоре, однако, Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве, констатировал, что «сопротивление русской армии более эффективно, чем все ожидали». Но эту точку зрения разделяли немногие. Сложной была обстановка, в которой оказался советский посол. Американский журналист Мильтон С. Майер в

статье, озаглавленной «Папаша российский», писал в одной из крупнейших газет Соединенных Штатов: «Если бы вы увидели Максима Литвинова на улице, то никогда не подумали, что он посол Советского Союза в Соединенных Штатах Америки, что это и есть человек, испытавший невероятные превратности судьбы, и один из тех немногих людей, которые направляют гигантские усилия объединенных наций. Внешне это определить трудно. Скорее Литвинова можно принять за какого-нибудь коммерсанта, который погружен в свои заботы.

Задача «Папаша» состоит в том, чтобы быть представителем Советского правительства и вместе с Рузвельтом и Черчиллем разработать грандиозную стратегию объединенных наций, а также вместе с военным министерством и администрацией ленд-лиза разрешить самую трудную проблему — предоставления Советскому Союзу вооружения. Литвинов, несомненно, один из самых деловых людей в нашей фантастически деловой столице. Почти круглые сутки горит свет в окнах советского посольства. Последними гаснут окна литвиновского кабинета».

Разгром немецких армий под Москвой поколебал миф о непобедимости Германии и показал, что война из молниеносной превращается в затяжную, а это ведет к неминуемому разгрому Германии. Но этот факт очень медленно проникал в сознание американцев, не парализовал усилия изоляционистов, «немецкой партии» и других откровенно антисоветских сил в Америке.

Все же первого января 1942 года в Вашингтоне Рузвельт, Черчилль, Литвинов и 23 посла других стран подписали декларацию, которая содержала обязательство сотрудничать в военной и экономической областях и не заключать сепаратный мир или перемирие с врагами. Государства, подписавшие эту декларацию, стали называться «Объединенные нации».

Огонек, 1987, № 35

УРОКИ ИСТОРИИ И ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

Заметки литератора

Статья Константина Симонова написана более двадцати лет тому назад, но она удивительно соотносится с нашим временем, помогая извлечь уроки из исторического прошлого. Это статья о правде истории, о правде в литературе о войне, поэтому она и не увидела свет в те годы, когда началось отступление от принципов XX съезда КПСС.

В преддверии двадцатилетия Победы хочется высказать некоторые, связанные с историей Великой Отечественной войны мысли, родившиеся у меня, как у писателя, ряд лет работающего над этой темой.

Сейчас трудно себе представить, что в 1955 году, через 10 лет после окончания войны, у нас, по существу, еще не было мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. И в этом не приходится винить ее участников, ибо только XX съезд партии создал благоприятные условия для создания этой литературы.

Люди, прошедшие войну, часто вспоминают тост, который произнес Сталин в мае 1945 года: «За здоровье русского народа»: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии...»*

Бесспорно, эти слова содержат и прямое признание ряда ошибок, и справедливую оценку наиболее кризисных моментов 1941—1942 годов. Эти слова содержат и самокритику, поскольку, употребляя слово «правительство», Сталин привык подразумевать под этим себя.

Все это так. Но у всего этого была и своя обратная сторона, что, на мой взгляд, как правило, надо иметь в виду, оценивая слова и дела Сталина. Сталин своим тостом отнюдь не призывал других людей, в том числе истори-

ков, к правдивым и критическим оценкам хода войны. Наоборот, сам, как высший судья, оценив этот этап истории, в том числе и свои отношения с русским народом, так, как он их понимал, он как бы ставил точку на самой возможности существования каких бы то ни было критических оценок в дальнейшем. Слова этого тоста как будто призывали людей говорить о прошлом суровую правду, а на деле за этими словами стояло твердое намерение раз и навсегда подвести черту под прошлым, не допуская его дальнейшего анализа. И нетрудно себе представить, какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который, вооружившись цитатами из этого знаменитого тоста, попробовал бы на конкретном историческом материале развивать слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель и участник войны проиллюстрировал бы эти слова личными воспоминаниями.

Говоря это, я хочу подчеркнуть, в каком, еще куда более трудном, чем писатели, положении оказались в те годы люди, которые в разных военных должностях вынесли на своих плечах войну и которым было что сказать о ней.

Оценивая нашу сегодняшнюю мемуарную литературу о войне, надо иметь в виду, что у нее были насильственно задержанные роды и она потеряла почти целое, самое драгоценное — если иметь в виду остроту памяти — десятилетие. И если, несмотря ни на что, она все же входит сейчас в пору своего расцвета, надо высоко оценить энтузиазм людей, решивших на примере собственной жизни и военной деятельности рассказать всю героическую и трагическую правду о том труднейшем в истории подвиге партии, армии и народа, который мы с законной гордостью зовем Великой Отечественной войной.

Очень большие задачи в этом смысле стоят сейчас и перед нами, писателями, хотя надо сказать, что литература наша немало сделала в этом направлении уже давно, еще в годы войны и сразу после нее. Я не разделяю по разным поводам возникавших в последние годы запальчивых теорий, объявлявших то

* Комментарий к статье см. на с. 104 -105.

одну, то другую из недавно написанных книг о войне — то «началом ее подлинной истории», то «первой настоящей правдой о ней».

Конечно, только XX съезд партии открыл возможности для наиболее глубокого изображения истории Великой Отечественной войны. Но стремление в меру своих сил сказать правду о войне всегда владело каждым честным художником. Далеко не все можно было сказать по обстоятельствам времени, далеко не все сами художники считали возможным говорить; в произведениях того времени было немало искренних заблуждений. Все это так, и об этом нет нужды умалчивать. Однако нет нужды и забывать, как много правды о войне содержалось в лучших книгах того времени, в особенности написанных по горячим следам между сорок первым и сорок седьмым годами, в таких произведениях, как «Василий Теркин» и «Наука ненависти», «Волоколамское шоссе», «Звезда» и «Спутники», «Народ бессмертен» и «Письма товарищу».

Можно вспомнить и многое другое, я называю здесь примеры и хочу подчеркнуть, что правда о войне, сказанная тогда, когда ее не так-то просто было говорить, имеет в глазах читателей дополнительную нравственную ценность.

В разные времена бывали разные обстоятельства — это верно. Но в одни и те же периоды истории, при наличии одинаковых обстоятельств, у разных литераторов бывали и разные взгляды на ход исторических событий, и разная мера мужества в их изображении. Нельзя не считаться со временем, в котором были написаны те или иные произведения, но нельзя и все сваливать только на время.

Разница во взглядах на войну, на литературу о войне, на воспитательные задачи этой литературы существовала не только после войны и во время нее, но и до войны. У этого спора, который в другой исторической обстановке и в других формах продолжается и сейчас, глубокие корни.

Хочу процитировать два документа, относящихся к февралю 1941 года, преддверию войны. В обоих идет речь о готовившемся тогда в издательстве «Моло-

дая гвардия» сборнике «Этих дней не смолкнет слава...». В первом из них говорилось так:

«...Сборник исходит из принципиально неверной установки о том, что «наша страна — страна героев», пропагандирует вредную теорию «легкой победы» и тем самым неправильно ориентирует молодежь, воспитывает ее в духе зазнайства и шапкозакидательства... Из такого утверждения можно сделать только один ошибочный вывод: незачем вести пропагандистскую работу, направленную к воспитанию у молодежи храбрости, мужества и героизма, поскольку каждый человек у нас и так является героем...»

Во втором документе говорится то же самое, только другими словами:

«В материалах много ненужной рисовки и хвалебности. Победа одерживается исключительно легко, просто... все на ура, по старинке. В таком виде воспитывать нашу молодежь мы не можем. Авторы, видно, не сделали для себя никаких выводов из той перестройки, которая происходит в Красной Армии...»

Первая цитата взята из письма тогдашнего начальника Главного управления политической пропаганды армии А. Запорожца к А. Жданову, вторая цитата — из письма тогдашнего наркома обороны С. Тимошенко в ЦК комсомола — Н. Михайлову.

Литераторам, занимающимся историей войны, стоит задуматься над этими двумя письмами, написанными на ее пороге. О чем, на мой взгляд, говорят эти письма? После тяжкого разгрома военных кадров в 1937—1938 годах и финской войны, наглядно показавшей гибельные для армии результаты этого разгрома, был взят решительный курс на перестройку армии с целью вернуть ей действительную мощь и боеспособность.

Однако в идеологии были еще сильные настроения, порожденные предыдущим периодом, когда в обстановке репрессий 1937—1938 годов заикнуться о силе противника или о нашей недостаточной готовности к большой войне значило совершить политическое самоубийство.

Обстановка уже изменилась к лучшему, но настроение, рожденное 1937—1938 годами, продолжало давать себя знать самым опасным образом и в общественной жизни, и в литературе.

Достаточно назвать как эталон этих настроений хорошо памятный людям моего поколения предвоенный роман «Первый удар», в котором мы, уже не помню, то ли за сутки, то ли за двое, расколачивали в пух и прах всю фашистскую Германию. И беда была не в бездарности этого романа, а в том, что он был издан полумиллионным тиражом и твердой рукой поддержан сверху.

Приведенные документы говорят о том, что хотя в нашем обществе перед войной уже начинался поворот в сознании, но инерция 1937—1938 годов была еще очень сильна, и это приводило к резкому столкновению взглядов и на армию, и на будущую войну.

Заговорив об этом, хочу подробнее остановиться на трудной теме 1937—1938 годов, или «ежовщине», как просто и коротко заклеил все это народ и не задним числом, после смерти Сталина, а сразу, тогда же. Кстати сказать, любителям уклончивых формулировок об «отдельных несправедливостях» и «некоторых нарушениях» не грех бы подумать над этой народной формулировкой того времени. Когда речь идет об «отдельных» и «некоторых», в народе не рождаются такие слова, как «опричина» и «ежовщина».

В данном случае я говорю о 1937—1938 годах лишь с точки зрения их прямого влияния на нашу неготовность к войне. К сожалению, люди, от всей души клеймящие позорные события тех лет, порой узко и односторонне трактуют влияние этих событий на дальнейшие судьбы армии. Прочтешь статью, где, в очередной раз перечислив несколько имен погибших в 1937 году военачальников, автор намекает, что, будь они живы, на войне все пошло бы по-другому, и думаешь, неужели автор и в самом деле все сводит лишь к этому?

Однажды, прочитав такие рассуждения, я даже попробовал мысленно представить: предположим, в 1937 году не было бы всего остального, а был бы про-

сто один трагический случай — авария летевшего на маневры самолета, на борту которого находились Тухачевский, Уборевич, Корк и другие жертвы будущего фальсифицированного процесса. Была бы эта авария трагической? Конечно. Нанесла бы она ущерб строительству армии? Разумеется. Привела бы она через четыре года — в 1941 году — к далеко идущим последствиям?

Спросил и мысленно ответил себе: нет, не привела бы. Потому что потеря такого рода при всем ее трагизме заставила бы нас по нашей революционной традиции только теснее сплотить ряды, выдвинула бы новых способных людей, выпестованных партией и Красной Армией.

Нет, нельзя сводить все к нескольким славным военным именам того времени. И нельзя рассматривать возможную роль этих людей в будущей войне отторженно от той атмосферы, в какой они погибли и которая еще сильнее сгустилась в результате их гибели с посмертным клеймом изменников Родины.

Во-первых, погибли не они одни. Вслед за ними и в связи с их гибелью погибли сотни и тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии. И не просто погибли, а в сознании большинства людей ушли из жизни с клеймом предательства.

Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии — в данном случае я говорю только об армии — начать приходить в себя после этих страшных ударов.

К началу войны этот процесс еще не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины.

Не разобравшись в этом вопросе, нельзя до конца разобраться и в причинах многих наших неудачных действий в преддверии и в начале войны. Мне хочется поспорить с нет-нет да и

проскальзывающей тенденцией противопоставления кадров, погибших в 1937—1938 годах, кадрам, которым хочешь не хочешь пришлось принять на свои плечи войну.

Некоторым, видимо, кажется, что они отдают должное личности Тухачевского или Якира, намекая, что, командуй они в первый день войны фронтами вместо Кирпоноса или Павлова, все пошло бы по-другому. Такие внешне эффектные противопоставления мне лично кажутся не только легковесными, но и морально безответственными.

Да, по образному выражению одного из наших крупных военных, «война отбирала кадры». Не на месте оказались некоторые видные военачальники, жившие заслугами прошлого и отставшие от времени. Не на месте оказались и некоторые слишком поспешно выдвинутые перед войной молодые командиры.

Но война отбирала и отобрала кадры. И людям, во главе дивизий, армий и фронтов отступавшим до Москвы, до Ленинграда, до Сталинграда, но не отдавшим ни того, ни другого, ни третьего, а потом перешедшим в наступление, научившимся воевать и в конце концов разгромившим сильнейшую армию мира — германскую армию — и дошедшим до Берлина, — им, этим людям, не надо противопоставлять ни Тухачевского, ни Якира, при всем глубоком уважении к их именам.

Когда мы говорим о просчетах Гитлера и германского генерального штаба, следует помнить, что один из их главных просчетов был просчет в оценке кадров. В 1937—1938 годах эти кадры действительно понесли страшный урон. Но Гитлер и германский генеральный штаб считали этот урон невосполнимым, а нашу армию в условиях большой войны небоеспособной.

Однако те кадры, которые сохранились в нашей армии, пережив тяжелейшее моральное испытание 1937—1938 годов и еще не оправившись от них в начале войны, показали и свое искусство, и свою способность к росту и совершенствованию. Показали, что они люди той же советской военной школы, из которой вышли такие люди, как Тухачев-

ский, Уборевич, Якир, и в конце концов сделали то, чего не ожидали от них ни наши враги, ни наши союзники, — вышли из этой страшной войны победителями.

Нам неизвестно и останется неизвестным, как воевал бы в 1941 году Блюхер или Белов, Дыбенко или Федько. Об этом можно говорить только предположительно. Но зато нам твердо известно другое: не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года, и в этом корень вопроса. Не будь 1937 года, мы к лету 1941 года были бы, несомненно, сильнее во всех отношениях, в том числе и в чисто военном, и прежде всего потому, что в рядах командного состава нашей армии пошли бы на бой с фашизмом тысячи и тысячи преданных коммунизму и опытных в военном деле людей, которых изъясил из армии 1937 год. И они, эти люди, составили бы к началу войны больше половины старшего и высшего командного состава армии.

Нет никакой исторической необходимости персонифицировать эту огромную проблему, гадая, кто, на чьем месте, где и как бы воевал. Главное в другом, в том, что с фашизмом воевали бы все, и война, отбирая кадры, — а война все равно бы их отбирала, — выясняя истинную цену военачальников, отбирала бы эти кадры, во-первых, в несравненно более благоприятной атмосфере и, во-вторых, из куда более обширного круга людей.

Несколько слов о непосредственно предвоенной атмосфере. Людям, пишущим о войне, важна исходная точка. Сложность и противоречивость тогдашней обстановки у нас порой все еще примитивизируется и выглядит примерно так: после событий 1937—1938 годов и финской войны, открывшей глаза на наши слабости, армия стала перестраиваться; для ее успешной перестройки была создана нормальная атмосфера. Все уже шло к лучшему, и, если бы вдобавок Сталин поверил Рихарду Зорге, принял необходимые меры, все было бы в порядке.

Казалось бы, на первый взгляд все правильно. Но это не так; подлинная историческая правда сложнее и противоречивее.

Да, каждый, кто в то время имел отношение к армии, хорошо помнит, с какой энергией после финской войны новое руководство наркомата обороны стремилось навести порядок в армии, и прежде всего перестроить ее боевую подготовку.

Да, из финской войны делались выводы, в том числе форсировалось опасное затянувшееся перевооружение. Но сказать, что при этом в стране и в армии уже создались благоприятные для отпора врагу условия, было неверно.

Иногда изображают дело так, словно осенью 1938 года, осудив так называемые «перегибы» и наказав за них Ежова, Сталин поставил крест на прошлом; людей уже больше не объявляли врагами народа, а лишь освобождали и возвращали на прежние посты, в том числе и военные. С одной стороны, это верно. В армию вернулась часть командиров, арестованных в 1937—1938 годах, и некоторые из них в войну командовали дивизиями, армиями и даже фронтами.

Но, с другой стороны, и в 1940, и в 1941 годах все еще продолжались пароксизмы подозрений и обвинений.

Незадолго до войны, когда было опубликовано памятное сообщение ТАСС с его полуупреком-полуугрозой в адрес тех, кто поддается слухам о якобы враждебных намерениях Германии, были арестованы и погибли командующий ВВС Красной Армии Рычагов, главный инспектор ВВС Смушкевич и командующий противовоздушной обороной страны Штерн.

Для полноты картины надо добавить, что к началу войны оказались арестованными еще и бывший начальник Генерального штаба и нарком вооружения, впоследствии, к счастью, освобожденные.

Такова была в действительности предвоенная атмосфера, на пороге войны с фашистской Германией. Сталин все еще оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу.

А теперь, представив себе эту — не мнимую, а подлинную атмосферу того времени, — задумаемся, в каком положении находились те военные люди, ко-

торые, анализируя многочисленные данные, считали, что война может вот-вот разразиться вопреки безапелляционному мнению Сталина, которое он ставил выше реальности.

Когда мы спустя много лет судим об их действиях в то время, надо помнить, что речь идет не о мере мужества, которое необходимо человеку, чтобы демонстративно подать в отставку, после того как единственно правильные, по его мнению, меры наотрез отвергнуты. К сожалению, дело обстояло не так просто, и прямое противопоставление своего взгляда на будущую войну взглядам Сталина означало не отставку, а гибель с посмертным клеймом врага народа. Вот что это значило.

И все-таки — мы знаем это по многим перекрещивающимся между собой мемуарам — находились люди, старавшиеся хоть в какой-то мере довести до сознания Сталина истинное положение вещей и, ежечасно рискуя головой, принять хотя бы частичные меры для того, чтобы не оказаться перед фактом полной внезапности войны.

Сталин несет ответственность не просто за тот факт, что он с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков. Главная его вина перед страной в том, что он создал губительную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к ее предотвращению.

Последним трагическим аккордом того отношения к кадрам, которое сложилось у Сталина до войны, были обвинения в измене и предательстве, выдвинутые им летом против командования Западным фронтом — Павлова, Климовских и ряда других генералов, среди которых, как потом выяснилось, были и люди, погибшие в первых боях, и люди, до конца непримиримо державшие себя в плену.

Труднее сказать, что двигало Сталиным, когда он объявлял этих людей изменниками и предателями: расчет

отвести от себя и обрушить на их головы гнев и недоумение народа, не ожидавшего такого начала войны? Или действительные подозрения? Думается, и то и другое — и расчет, и подозрение, ибо ему уже давно было свойственно искать объяснения тех или иных неудач не в ошибках своих и чужих, а в измене, вредительстве и тому подобном.

От этой привычки потом, в ходе войны, ему пришлось хотя и с рецидивами, но избавляться.

В ходе войны, среди ее испытаний, проходили жестокую проверку многие довоенные представления, лозунги, концепции. Война одно подтверждала, другое отвергала, третье, в свое время отвергнутое, восстанавливала в его прежнем значении. Нам, литераторам, занимающимся историей войны, важно проследить за тем, как изменялась психология людей, их отношение друг к другу, как изменялся стиль руководства военными действиями, как новое, рожденное войной или восстановленное в ходе войны, боролось со всем тем отжившим и скомпрометировавшим себя, что уходило корнями в атмосферу 1937—1938 годов.

Хочу привести пример операции, в которой наглядно столкнулись истинные интересы ведения войны и ложные, лозунговые представления о том, как должно вести войну, опиравшиеся не только на военную безграмотность, но и на порожденное 1937 годом неверие в людей. Я говорю о печальной памяти керченских событиях зимы — весны 1942 года.

Семь лет назад один из наших писателей-фронтовиков писал мне следующее:

«Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армии и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армии на самую передовую и т. д. Три армии стояли на фронте 16 километров, дивизия занимала по фронту 600—700 метров, нигде никогда я потом не

видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец...»

Я был там же, где автор этого письма, и хотя не разделяю его лексику, подписываюсь под существом сказанного.

Заговорил я об этом отнюдь не затем, чтобы лишний раз недобрым словом упомянуть Мехлиса, который, кстати, был человеком безукоризненного личного мужества, и все, что делал, делал не из намерения лично прославиться. Он был глубоко убежден, что действует правильно, и именно поэтому с исторической точки зрения действия его на Керченском полуострове принципиально интересны. Это был человек, который в тот период войны, не входя ни в какие обстоятельства, считал каждого, кто предпочел удобную позицию в ста метрах от врага — неудобной в пятидесяти, трусом. Считал каждого, кто хотел элементарно обезопасить войска от возможной неудачи, паникером; считал каждого, кто реально оценивал силы врага, — неуверенным в собственных силах. Мехлис при всей своей личной готовности отдать жизнь за родину был ярко выраженным продуктом атмосферы 1937—1938 годов.

А командующий фронтом, к которому он приехал в качестве представителя Ставки, образованный и опытный военный, в свою очередь, тоже оказался продуктом атмосферы 1937—1938 годов, только в другом смысле — в смысле боязни взять на себя полноту ответственности, боязни противопоставить разумное военное решение безграмотному натиску «все и вся — вперед», боязни с риском для себя перенести свой спор с Мехлисом в Ставку.

Тяжелые керченские события с исторической точки зрения интересны тем, что в них как бы свинчены вместе обе половинки последствий 1937—1938 годов, — и та, что была представлена Мехлисом, и та, что была представлена тогдашним командующим Крымским фронтом Козловым.

Кстати сказать, мысленно восстанавливая всю эту драматическую керченскую ситуацию, можно, не кривя

душой, назвать имена целого ряда других, уже выдвигавшихся к тому времени в ходе войны людей, которые, оказавшись в положении командующего фронтом, несмотря ни на близость Мехлиса к Сталину, ни на его положение представителя Ставки, думается, уже тогда не дали бы ему поднять себя, спорили бы до конца, дошли до Сталина и, возможно, убедили бы его в своей правоте.

И этих других людей нельзя выпускать из виду, исторически осмысливая те перемены к лучшему, которые постепенно совершались в армии в ходе войны с ее первыми поражениями, с ее сложными и длительными переломным периодом, с ее все нараставшими и нараставшими по своим масштабам победами.

Общий ход войны у всех нас на памяти. Нет человека, который бы не знал, куда мы отступили в сорок втором — до Волги, и куда мы пришли в сорок пятом — в Берлин; и какие столицы Европы мы освободили от фашистов — Варшаву, Софию, Белград, Бухарест, Будапешт, Вену, Прагу — через три года после того, как фашисты входили в наш Минск, в наш Киев, в наш Калинин, в наш Севастополь.

И о каком бы дне войны мы ни писали — о ее первом или о последнем дне, и в каком бы пункте ни происходило действие наших книг — в осажденном Сталинграде или в окруженном Берлине, — мы всегда должны держать в своей памяти и в своих чувствах весь ход войны, все ее испытания, все ее поражения и победы.

Нельзя писать о падении Берлина, забыв о Минском шоссе сорок первого года, и нельзя писать об обороне Бреста, не держа в памяти штурм Берлина, хотя павшие в сорок первом так и не узнали об этом.

Мы прошли через всю войну и мы помним ее всю — от начала и до конца. И мы не собираемся ничего выбрасывать из истории, потому что любые изъятия искажают общую картину. Только изобразив всю меру наших несчастий в начале войны и весь объем наших потерь, можно показать всю длину нашего пути до Берлина и всю меру усилий, которых потребовал от партии, от

народа, от армии этот бесконечно длинный и бесконечно трудный день.

И меня всегда удивляет, когда люди, сами прошедшие сквозь огонь войны, мало того, создавшие о ней сильные произведения, вдруг прибегают к исторически несостоятельным, уклончивым оценкам неопровержимых фактов.

В последний раз с этим явлением я столкнулся совсем недавно, читая статью скульптора Е. Вучетича «Внесем ясность». Не буду вдаваться в остальные аспекты этой полемической статьи, скажу лишь об одном ее абзаце, который прямо касается затронутой мною темы. Сначала процитирую:

«Но есть правда и есть только видимость правды, есть правда факта и правда явления. И надо обладать острым, пронизательным взглядом художника, чтобы отделить одну от другой. Конечно, правда, что в начальный период войны были случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники, на что сейчас особенно усиленно напевают некоторые недалекие литераторы в своих произведениях. Это правда, но только правда события, факта, а не правда жизни и борьбы народа в один из самых критических периодов его многовековой истории. Истинная правда состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, а и в том, что мы, сложив у крутых волжских берегов хребет фашистскому зверю, дошли затем до Берлина и водрузили над рейхстагом знамя нашей великой победы».

Останавливаюсь на этом абзаце потому, что в нем изложена целая программа антиисторического подхода к истории войны.

Противопоставляя правду видимости правды, а правду факта правде явления, что хочет сказать этим Е. Вучетич? Если брать его формулировки, то случаи «нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники» в начале войны — чем они были: правдой или только видимостью правды? Были они фактами или явлениями? Думаю, что все это, вместе взятое, было явлением трагическим и опасным, складывавшимся из множества фактов. Это была не «видимость» правды, а самая настоящая, хотя и горькая, правда. И только

до конца поглядев этой правде в глаза, — что, кстати сказать, надо отдать ему должное, хотя и с опозданием, но сделал Сталин, — можно было с великими трудами повернуть общий ход войны. Это во-первых.

А во-вторых, если говорить о видимости правды, то видимостью правды как раз является та оценка, которую дает Е. Вучетич начальному периоду войны, во время которого, по его словам, «были случаи» — подчеркиваю это слово — случаи! — «...нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники».

«Истинная правда, — пишет Е. Вучетич, — состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги». Разумеется! Истинная правда, если брать войну в целом, состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, но и в том, что мы дошли затем до Берлина. Не только у нас, но, наверное, даже в ФРГ нет человека, который бы взялся оспаривать это.

Но если говорить об августе 1942 года, то истинная правда заключалась как раз в том, что мы «отошли до берегов Волги», то есть на самое далекое расстояние, которое когда-нибудь отделяло нашу армию от Берлина. И нас не могли привести на берега Волги просто-напросто «случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники». Объяснять дело так — значит пытаться создавать видимость правды, потому что привели нас на берег Волги не те или иные, имевшие место на войне неприятные случаи, а куда более грозные исторические причины, в первую очередь связанные с тем, что мы теперь называем культом личности. И Сталин в тот критический момент, или, выражаясь его собственными словами, в «один из моментов отчаянного положения», был куда ближе к «истинной правде» событий, подписывая свой знаменитый приказ № 227, чем Е. Вучетич теперь, через двадцать лет после войны, объясняющий наше отступление до Волги «случаями растерянности, нераспорядительности, а порой даже паники».

Хотелось бы искренне посоветовать Е. Вучетичу не проявлять в будущем такой растерянности, а порой даже па-

ники перед истинной правдой истории и не пытаться подменять ее видимостью правды в искусстве. Это никому не нужно. Народ, победивший в такой войне, как Великая Отечественная, партия, приведшая его к победе, армия, разгромившая наголову сильнейшую в мире гитлеровскую армию, могут позволить себе не бояться говорить полную правду обо всех этапах этой победоносно окончившейся войны, в том числе и о самых тяжелых ее этапах.

Часть этой сложной правды о войне, без готовности встретиться с которой литератору незачем и приниматься за историю войны, связана с ролью Сталина в руководстве войной. Наш долг — объективно, с помощью документов и живых свидетельств, изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, ни очень крупных масштабов самой этой личности.

Думается, вряд ли верно опускать в современных публикациях фамилию Сталина под теми или иными документами, подписанными им как Верховным Главнокомандующим. Или в ряде случаев — я говорю о тех случаях, когда речь идет персонально о нем, — заменять его имя словом «Ставка»: «Ставка решила», «из Ставки позвонили».

Очевидно, когда так делают, то субъективно считают это элементами борьбы с культом личности. Но на самом деле это не так. Такие всем очевидные умолчания и замены не помогают, а мешают подлинной борьбе с культом личности и его последствиями, мельчат ее, вносят в эту абсолютно исторически справедливую борьбу элементы мелких исторических несправедливостей, изъятий, подтасовок, которые все, вместе взятые, вызывают у читателей чувство протеста, а порой даже мешают правильно оценить и всю глубину ошибок, и всю тяжесть прямых преступлений, совершенных этой крупной исторической личностью.

Мы приближаемся к великой для нашего народа дате — двадцатилетней годовщине Победы над фашизмом. С одной стороны, именно сейчас больше

всего хочется вспоминать о самом радостном — о победах. Это чувство понятно и естественно.

Но мы встречаем этот день в далеко не безоблачной международной обстановке, и, вспоминая о победах, нам нельзя не вспоминать и о том связанном с жестокими уроками истории долгом и трудном пути, которым мы пришли к Берлину.

Это необходимо в интересах наиболее правдивого изображения того ни с чем не сравнимого по трудности подвига нашей партии и народа, о котором мы писали и будем писать, отдавая этому всю кровь своего сердца.

КОММЕНТАРИЙ

«У нашего правительства было немало ошибок...» — Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1953, с. 196—197.

...которым было что сказать о ней... — Вот что рассказывал об этом в предисловии к своим воспоминаниям маршал А. М. Василевский: «Первые мемуары о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом, — «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (О героическом пути 24-й армии). Но оба труда не получили одобрения И. В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию воспоминаний» (Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Госполитиздат, 1973, с. 6).

«Василий Теркин. Книга про бойца» (1942—1946) — поэма Твардовского Александра Трифоновича (1910—1971).

«Наука ненависти» (1942) — рассказ Шолохова Михаила Александровича (1905—1984).

«Волоколамское шоссе» (1943—1944) — повесть Бека Александра Альфредовича (1903—1972).

«Звезда» (1947) — повесть Казакевича Эммануила Генриховича (1913—1962).

«Спутники» (1946) — повесть Пановой Веры Федоровны (1905—1973).

«Народ бессмертен» (1942) — повесть Гроссмана Василия Семеновича (1905—1964).

«Письма товарищу» (1941—1944) — цикл лирико-публицистических очерков Горбатова Бориса Леонтьевича (1908—1954).

Запорожец Александр Иванович (1899—1959) — советский военачальник, генерал-лейтенант.

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — советский государственный и партий-

ный деятель, в то время секретарь ЦК ВКП(б), Ленинградского обкома и горкома партии.

Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Михайлов Николай Александрович (1906—1982) — советский государственный и партийный деятель, в то время 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. «Первый удар» (1939) — роман Шпанова Николая Николаевича (1896—1961).

...он был издан полумиллионным тиражом... — Опубликованный в журнале «Знамя» (1939, № 1), роман «Первый удар» в этом же году был выпущен шестью отдельными изданиями, включая «Роман-газету».

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военачальник и военный теоретик, Маршал Советского Союза, 1-й заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки.

Уборевич Иероним Петрович (1896—1937) — советский военачальник и военный теоретик, командарм 1-го ранга, командующий Белорусским военным округом.

Корк Август Иванович (1887—1937) — советский военачальник, командарм 2-го ранга, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе. ...будущего фальсифицированного процесса... — В июне 1937 г. по ложному обвинению в измене Родине и шпионаже в пользу фашистской Германии была осуждена и расстреляна группа высших командиров Красной Армии.

...тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии... — В «Истории Великой Отечественной войны...» об этом сказано: «С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений» (История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. Т. 6. М., Воениздат, 1965, с. 124—125).

Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга, командующий войсками Киевского военного округа.

Кирпонос Михаил Петрович (1892—1941) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза, в начале войны командующий Юго-Западным фронтом.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897—1941) — советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза, в начале войны командующий Западным фронтом.

Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, командующий Дальневосточным фронтом.

Белов Иван Панфилович (1893—1938) — советский военачальник, командарм 1-го ранга, командующий Белорусским военным округом.

Дыбенко Павел Ефимович (1889—1938) — советский военачальник, командарм 2-го ранга, командующий Ленинградским военным округом.

Федько Иван Федорович (1897—1939) — советский военачальник, командарм 1-го ранга, 1-й заместитель наркома обороны.

Зорге Рихард (1895—1944) — советский разведчик, журналист, Герой Советского Союза; одним из первых сообщил данные о количестве немецко-фашистских дивизий, сосредоточенных на границах СССР, дату вторжения и общую схему плана действий немецко-фашистских войск.

...памятное сообщение ТАСС... — в этом сообщении говорилось, что иностранная печать распространяет «лживые и провокационные» слухи о том, что Германия начала сосредоточивать свои войска у советских границ для нападения на СССР, а Советский Союз со своей стороны готовится к войне с Германией. В сообщении утверждалось, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям» (Известия, 1941, 14 июня).

Рычагов Павел Васильевич (1911—1941) — советский военачальник, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, перед войной заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного управления ВВС.

Смушкевич Яков Владимирович (1902—1941) — советский военачальник, генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, перед войной генеральный инспектор ВВС и помощник начальника Генерального штаба по авиации.

Штерн Григорий Михайлович (1900—1941) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза, перед войной начальник управления ПВО наркомата обороны.

...бывший начальник Генерального штаба... — Мерещков Кирилл Афанасьевич (1897—1968) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, в августе 1940-го — январе 1941 г. начальник Генерального штаба.

...нарком вооружения... — Ванников Борис Львович (1897—1962) — советский государственный деятель, генерал-полковник инженерно-технической службы, трижды Герой Социалистического Труда, перед войной нарком оборонной промышленности.

Климовских Владимир Ефимович (1895—1941) — советский военачальник, генерал-майор, в начале войны начальник штаба Западного фронта.

...керченских событиях зимы — весны 1942 года... — Предпринятое войсками Крымского фронта в феврале 1942 г. наступление успеха не принесло, в мае 1942 г. Крымский фронт потерпел поражение, вынужден был, понеся большие потери, оставить Крым, переправиться через Керченский пролив на Таманский полуостров. В директиве Ставки от 4 июня 1942 г. указывалось: «Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование

фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта и особенно 44-й армии генерал-лейтенант Черняк и 47-й армии генерал-майор Колганов обнаружили полное непонимание природы современной войны...» (Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 188).

Мехлис Лев Захарович (1889—1953) — советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник, в то время заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления РККА, армейский комиссар 1-го ранга; за провал Керченской операции был смещен с занимаемых постов и понижен в звании.

...Я был там же... — См. у Симонова о его пребывании на Крымском фронте «Разные дни войны» (Симонов К. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М., Художественная литература, 1983, с. 54—82).

Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896—1967) — советский военачальник, генерал-лейтенант, зимой и весной 1942 г. командующий Крымским фронтом.

Вучетич Евгений Викторович (1908—1974) — советский скульптор; статья «Внесем ясность» напечатана в газете «Известия» (1965, 14 апреля).

Публикацию подготовил Л. Лазарев

Наука и жизнь, 1987, № 6

Александр Самсонов,
академик, главный редактор
журнала «Исторические записки»

ГЛАВНОЕ В ИСТОРИИ ПРАВДА

Я с большим интересом прочитал статью Константина Симонова «Уроки истории и долг писателя». Написанная более двадцати лет назад, она звучит современно и удивительно соответствует духу нашего времени, когда мы намеряемся последовательно расчистить накопившиеся «завалы» в нашем народном хозяйстве, стремимся быстрее восполнить многочисленные «белые пятна» нашей истории, в том числе и относительно недавней. Цель этой работы — не просто удовлетворить естественный интерес к прошлому. Главная задача много шире и важнее — помочь народу извлечь уроки из исторического прошлого Отечества, донести до него правду о многих ключевых событиях и периодах в жизни страны и тем самым побудить к активному участию в современной перестройке.

Константин Михайлович Симонов на протяжении всего творческого пути, и особенно в последние годы жизни, пользовался высоким уважением профессиональных историков.

Произведения К. М. Симонова являются собой пример подлинного историзма, пример исключительно высокоответственного отношения к правде истории, какой бы горькой она ни была. Можно утверждать, что высокий авторитет писателя среди читателей есть результат прежде всего его неизменной приверженности этой правде. В его произведениях ветераны войны и герои тыла узнавали себя — без прикрас и искажений, а молодые люди зримо и достоверно видели, какими были их отцы и деды в годы суровых военных испытаний, что помогло им выстоять в схватке с жестоким и сильным врагом.

Историков же привлекала в творчестве К. М. Симонова точность и документальность в показе исторических событий. Даже когда в его произведениях о войне действовали вымышленные герои, описывались рожденные писательским воображением ситуации, он никогда не переступал черту, за которой начинались искажение правды о войне, оценки, расходящиеся со взглядами и выводами честных историков, и мироощущение, отличное от мироощущения

солдат и полководцев — непосредственных участников войны.

В этом смысле особую ценность и значение — и для ученых-историков, и для массового читателя — представляет статья К. М. Симонова, публикуемая в этом номере журнала «Наука и жизнь». Она — о правде истории, о необходимости ее безусловного и безупречного соблюдения в литературе о войне, в том числе и литературе о самых тяжелых месяцах войны, о ее начальном этапе. И не случайно, что эта статья не увидела свет в то время, когда правда (и не только о войне, а вообще правда) была не в чести, когда в партии и в стране началось отступление от решений и принципов XX съезда КПСС, открыто сказавшего народу правду о культе личности Сталина, о многих негативных явлениях нашей предвоенной и послевоенной истории.

Еще двадцать лет назад К. М. Симонов с присущим ему мужеством и гражданственностью выполнил эту работу, к которой сейчас, по сути, только еще приступают историки: проанализировал связь между трагическими событиями 1937—1938 годов, следствием которых был разгром и уничтожение наиболее квалифицированных военных кадров, и жестокими неудачами первых лет войны, многими нашими бессмысленными и ничем не оправданными потерями. Истоки этих неудач, причины наших крупных поражений на полях сражений — не только в отсутствии в рядах Вооруженных Сил Блюхера, Тухачевского, Дыбенко, Федько и многих других талантливых и опытных военачальников. Свою роковую отрицательную роль сыграла и сложившаяся под влиянием культа личности Сталина нездоровая морально-нравственная атмосфера в стране, когда важнейшие военные и политические решения принимались в обстановке страха перед возможными репрессиями, когда чрезмерно возвысившийся авторитет одного человека мешал другим, в том числе весьма ответственным руководителям и военачальникам, принимать разумные, не на догмах, а на здравом смысле и опыте основанные решения. И в итоге — неоп-

равданные потери, затяжка военных действий.

Писатель судит о Сталине бескомпромиссно, но главное — доказательно. Вместе с тем он высказывает минимум оценок, избегает «жестких» слов, предоставляя самим читателям делать правильные выводы из приведенного. Симонов не обходит того факта, что Сталин мучительно и трудно учился в ходе войны, как он переосмысливал свое отношение к людям, некоторые свои жизненные принципы и установки. Будучи подлинным рыцарем правды, Симонов призывает к максимальной объективности при оценке роли Сталина в руководстве войной: «Наш долг — объективно, с помощью документов и живых свидетельств, изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, ни очень крупных масштабов самой этой личности».

Эти слова замечательного писателя — как завещание, адресованное нам, историкам восьмидесятых годов. На протяжении длительного времени наши возможности заниматься этой темой, как, впрочем, и рядом других, были сильно ограничены. Был затруднен доступ к источникам, нелегко было обнародовать результаты исторических исследований, особенно если в их основе лежали новые, ранее не опубликованные материалы, либо делать выводы, не совпадающие с господствующей, официальной точкой зрения. Объектом умолчания становились многие чрезвычайно важные, поистине принципиальные моменты Великой Отечественной войны, события, в решающей степени приблизившие Победу.

Так, до сих пор историкам не удалось полностью опубликовать знаменитый приказ 227 Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1942 года, который получил известность под названием «Ни шагу назад!». (Выдержки из него опубликованы в некоторых изданиях и в моей книге «Сталинградская битва».) Это был очень суровый приказ, в нем открыто и прямо говорилось, что страна находится в отчаянном положении,

отступать дальше нельзя и тот, кто без приказа отойдет со своих позиций, хотя бы и в безвыходных обстоятельствах, будет предан суду военного трибунала. Я считаю, что этот приказ, хотя он и противоречил принципам маневренной войны, сыграл большую положительную роль в моральном плане, и писать правдивую историю войны без глубокого анализа роли и значения этого приказа просто невозможно. В объективном и всестороннем анализе и осмыслении нуждается и ряд других этапных моментов истории войны. В частности, не до конца ясен вопрос о том, что, какой период и какое сражение следует считать переломным в ходе войны.

На эти и другие вопросы историкам невозможно ответить без более широкого доступа к документам-первоисточникам, который все еще в ряде случаев неоправданно затруднен. Есть проблемы с изданием острых работ, написанных с неординарных позиций. Главная проблема здесь — наличие большого числа редакторов-перестраховщиков, которые требуют от авторов либо ссылок лишь на печатные, то есть уже опубликованные, источники (между тем как ценность любой исторической книги как раз в наличии свежих, еще не вошедших в научный оборот материалов), либо добиваются получения многочисленных «виз», что тоже затрудняет путь свежей, новаторской работы к читателю.

Уже доводилось слышать критику в адрес историков, что, мол, они в отличие от литераторов оказались не на высоте, что писатели уже опубликовали ряд произведений о сложном предвоенном десятилетии, о жизни в стране в эпоху культа личности, а серьезных работ историков о тех же периодах еще нет. Критика справедливая, хотя у нас — историков — есть и «смягчающие обстоятельства». Слишком долго нас заставляли писать не то, что было, а то, что нужно к соответствующему событию жизни. И слишком суровые кары обрушивались на тех, кто отступал от шаблона в исторических работах, пытался высказывать в них свое мнение, активно и деятельно стремился показать подлинную историческую правду.

И сейчас не все складывается легко и просто. Уже практически в наши дни, после провозглашения перестройки, очень нелегко пробивала дорогу к читателям и моя новая книга «Память минувшего: события, люди, история», в которой я рассказываю о своем поколении, о развитии исторической науки со всеми ее достижениями, трудностями и недостатками. Лишь совсем недавно рукопись отправлена в печать и, возможно, выйдет еще до конца года.

Словом, о перестройке в исторической науке говорить пока еще рано — фактически она только еще начинается. Перейти от лакировки действительности к правдивому ее отображению — это требует и определенных нравственных усилий, и личного мужества, поскольку «перестраховочные» тенденции, к сожалению, еще сильны. И здесь хорошее подспорье для историков — публикация в журнале «Наука и жизнь» статьи Константина Симонова «Уроки истории и долг писателя». Ибо речь в ней также идет и о долге историка, что в устах известнейшего и авторитетнейшего нашего литератора обретает больший вес. Эта работа — пример высокой гражданственности в оценке исторических событий, страстный призыв к очистительной правде в исторических работах. Правда и только правда может звать и вести народ вперед.

Наука и жизнь, 1987, № 6

Василий Кулиш,
доктор исторических наук

К ВОПРОСУ ОБ УРОКАХ И ПРАВДЕ ИСТОРИИ

[Обзор откликов на статью К. Симонова «Уроки истории и долг писателя», опубликованную в журнале «Наука и жизнь», 1987, № 6]

Те, кто внимательно читал статью К. М. Симонова «Уроки истории...» (№ 6), обратили внимание на то, что писатель сделал упор на один вопрос — влияние вызванных культом личности И. В. Сталина репрессий 1937—1938 гг. на нашу неготовность к войне. Попутно возникло множество вопросов, но главный лейтмотив его выступления — надо говорить «полную правду» обо всех этапах Великой Отечественной войны, в том числе и о самых тяжелых, соблюдать максимальную объективность при рассмотрении роли Сталина в руководстве войной «со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая, не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, ни очень крупных масштабов самой этой личности».

Комментируя статью К. М. Симонова, историк А. М. Самсонов поставил вопрос о необходимости перестройки в исторической науке, перехода от «лакировки действительности к правдивому ее отображению», так как «правда и только правда может звать и вести народ вперед». Вероятно, прав читатель журнала кандидат наук М. В. Семиволос, что пришло время поговорить начистоту.

Куль личности Сталина — это правда, горькая правда, причинившая столько страданий нашему народу, что о ней нельзя молчать. В большинстве писем читателей независимо от того, критически они относятся к статьям или разделяют поставленные в них вопросы и суждения, отождествляется культ личности и сама личность, и все сводится только к роли Сталина в истории страны, и делается попытка отделить Сталина от последствий, которые принес партии и стране его культ.

Хотелось бы напомнить, что впервые разговор о происхождении и сущности культа Сталина состоялся на XX съезде КПСС (постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», принятое в 1956 г.) и на XXII съезде. Шел он во весь голос и в литературе, опубликованной в первое десятилетие после XX съезда партии. Кратко напомню, о чем тогда говорилось.

Культ личности Сталина сложился на основе роста его авторитета в партии и стране. Претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в нашей стране было сопряжено с политической и идейной борьбой, которой под влиянием Сталина, особенностей его характера придавалась крайняя острота, непримиримость. Играло существенную роль также то, что строительство социализма проходило в стране с многоукладной экономикой и многочисленной мелкой буржуазией. Психологии последней присуща тоска по «сильной личности». Очень быстро успехи и в строительстве социализма стали связываться не столько с руководством партии, его коллективным творчеством, сколько с личностью Сталина, беспредельным преклонением перед ним, надеждением его сверхчеловеческими достоинствами и силой, непогрешимостью и способностью гениального предвидения. Авторитет Сталина постепенно перерос в его культ. Имя Сталина стало символом, олицетворяющим социализм.

Генеральный секретарь Центрального Комитета И. В. Сталин располагал большой властью и влиянием в партии. Однако, не обладая способностью убеждать несогласных с ним, разрешать возникающие разногласия и противоречия демократическими, присущими социализму партийными методами, он стремился к установлению своей единоличной власти, используя усиление своего авторитета. По мере того, как укреплялась его власть, ограничивалась, а в ряде случаев и свертывалась демократия, утверждалась в партийном строительстве и хозяйственной работе чрезмерная централизация управления, что неизбежно вело к процветанию бюрократизма, применению методов голого администрирования, откровенного насилия и подавления. Такая система порождала аллилуйщиков, подхалимов, очковтирателей, массовое замазывание недостатков, лакировку действительности, поощряла бездумное подчинение в иерархии партийного руководства и аппарата Советской власти.

Постепенно Сталин отошел от ленинских методов коллективного руководства и выработки решений и уже лично принимал решения по важнейшим политическим, хозяйственным и военным вопросам. Он поставил себя над партией, ее Центральным Комитетом и Политбюро, вышел из-под их контроля и полностью оградил себя от критики. Аппарат партийного руководства, Советской власти и хозяйственного руководства стал комплектоваться по принципу личной преданности. При этом преданность делу социализма опосредовалась или даже подменялась преданностью лично «великому вождю всех времен и народов», как стали именовать Сталина. Положение каждого члена в партийной, советской и хозяйственной иерархии, его судьба зависели от отношения к нему вышестоящего начальства и в конечном счете от Сталина. Такая система создавала благоприятные условия для безнаказанного произвола и злоупотреблений властью в центре и вопиющего беззакония на местах.

Краткое изложение проблемы может создать впечатление, что утверждение культа личности Сталина проходило гладко и без конфликтов. Это далеко не так. Против культа боролась старая партийная гвардия, люди, прошедшие школу борьбы за социализм под руководством В. И. Ленина, активные участники Великой Октябрьской революции и гражданской войны, верные ленинской традиции и сохранению ее в партии. Для «убеждения» противников режима личной власти были избраны средства политического и идеологического подавления и репрессии.

Таким образом, когда речь идет о культе личности Сталина, то имеются в виду не только его прославление и преклонение перед ним, его авторитет, но и та деформация социализма, принципов партийных, социальных и экономических отношений, присущих природе социализма, установление единоличной власти, произвола и беззакония. Касаясь этой проблемы, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, выступая на конференции работников просвещения и проф-

техобразования, сказал: «...Сейчас немало говорят о культе личности. Очень важно ответственно разобраться в причинах этого явления, а главное — создать условия, при которых подобное было бы невозможно. Это наш святой долг, наша обязанность. Партия и народ сейчас заняты этой работой, стержень которой составляет процесс демократизации жизни общества».

«Кадры решают всё!»

Ряд читателей выражает несогласие с мнением К. М. Симонова, что если бы не было 1937 года, не было бы и лета 1941 года и что к этому времени мы были бы сильнее во всех отношениях, в том числе военном. Более того, они пытаются оправдать репрессии 1937—1938 гг. или снять ответственность за них с одного Сталина. Юрист Н. Е. Андреев, 1924 года рождения (г. Белгород), признает, что это были трагические события и, видимо, было много необоснованных приговоров, но, по его глубокому убеждению, «если бы не было 1937—1938 гг., то не могло быть и 1945-го. Пока бы шла междоусобица (что на Руси не раз бывало), Гитлер занял бы Москву». И. С. Тищенко утверждает, что «Советское правительство под руководством Сталина обязано было посмотреть свои тылы и обеспечить страну и армию от предательства». Он и М. В. Семиволос ставят вопрос, что было бы в период войны, если бы вместо одного изменника Родины, генерала Власова, у нас их оказалось с десяток, и на более высоких должностях? Далее, нельзя обвинять только Сталина в массовых репрессиях в 1937—1938 гг., ведь это делало НКВД под руководством Ежова, а позже Берия, считает М. В. Семиволос (Полтава).

Избрав в качестве борьбы с противниками культа личности подавление и репрессии, Сталин нуждался в убедительном обосновании и оправдании их, хотя бы в правдоподобных аргументах. Когда социалистический строй уже победил в нашей стране, когда эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы, Сталин вы-

двинул глубоко ошибочную концепцию: по мере продвижения к социализму классовая борьба усиливается. Она послужила основным аргументом в пользу необходимости усиления карательных функций Советского государства. Вполне обоснованная классовая бдительность превратилась во всеобщую подозрительность, исчезла гласность, нагнеталась напряженность, везде стали мерещиться массовые измены и заговоры, получил распространение термин «враг народа».

Объективных оснований для этого не было. По словам Сталина, на XVII съезде была «выявлена... необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии». Несколько ранее, 23 февраля 1933 года, в докладе «15 лет Красной Армии», нарком обороны К. Е. Ворошилов заявил, что «мы вырастили свои молодые командные кадры. В нашей командирской большевистской среде мы растворили целый ряд военных специалистов старой армии, которые честно и добросовестно с начала гражданской войны не за страх, а за совесть служат делу революции». При этом он сообщил, что все командующие округами и командиры корпусов — члены партии. Среди других категорий командного состава, от командиров батальонов и соответствующих им подразделений разных родов войск, члены партии составляли от 72 до 95 процентов, а среди среднего состава (взвод, рота) — 69 процентов.

Однако при помощи фальсифицированных документов эти люди попали в категорию «врагов народа», шпионов иностранных разведок, к ним были отнесены люди, допускавшие идейные отклонения от ленинизма, а затем и верные ленинцы, беззаветно преданные делу социализма. Было уничтожено более половины участников XVII съезда партии: 1108 из 1966. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на съезде, было погублено 98 человек. С каждым годом репрессии усиливались. Им подвергались миллионы людей, реальных и потенциальных противников единоличной власти Сталина. Ленинские кадры партии, честные

хозяйственные руководители, ученые, командиры и политработники Красной Армии, рядовые коммунисты и советские граждане, а также многие члены коммунистических партий других стран, которые работали в аппарате Коминтерна или по каким-либо причинам находились на территории Советского Союза.

А. Виноградов (г. Новочеркасск Ростовской области) привел данные генерал-лейтенанта А. И. Тодорского (ныне покойного), которые свидетельствуют, что из общего числа 733 высших командиров и политработников (начиная с комбрига и бригадного комиссара и до Маршала Советского Союза) было репрессировано 579 и осталось в Красной Армии только 154. По другим данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры дивизий и бригад, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков. Среди безвинно погибших командиров и политработников были крупнейшие опытные военачальники: М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Е. И. Ковтюх, И. Ф. Федько, И. С. Уншлихт, П. Е. Дыбенко, Р. П. Эйдеман, Я. Б. Гамарник (покончил жизнь самоубийством) и многие другие. Таких потерь командного состава и в столь короткий срок наша армия не несла даже в период войны.

В результате к началу войны только 7 процентов командиров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях. Состояние командного состава того времени усугублялось еще и тем, что большинство из репрессированных военачальников хорошо знали немецкую военную организацию и военное искусство, а заменившие их кадры не обладали такими знаниями. И это было известно политическому и военному руководству фашистской Германии. Начальник генерального штаба фашистской Германии

генерал Ф. Гальдер, выслушав доклад вернувшегося из Москвы в мае 1941 года германского военного атташе полковника Кребса, записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. России требуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты». Это был серьезный просчет немецкого генерального штаба относительно перспектив укрепления советского офицерского корпуса. Но бесспорно, что нашей стране фактически пришлось воссоздать офицерский корпус уже в условиях начавшейся войны. Прав К. М. Симонов, утверждая, что война «отбирала» командиров и командующих Советских Вооруженных Сил, но этот отбор серьезно осложнялся репрессиями, которые не прекращались накануне и в период войны.

Репрессии причинили огромный вред советской военной науке, которая в предыдущие годы быстро и интенсивно развивалась. Она правильно определила влияние новой военной техники и вооружений, а также созданных социализмом условий на ведение войны в защиту социалистического Отечества, разработала соответствующую тактику, оперативное искусство и стратегию, организацию Вооруженных Сил. Результаты военнаучных исследований составили основное содержание Полевого устава Красной Армии 1936 года, который более соответствовал характеру войн того времени, чем уставы зарубежных армий и другие боевые уставы. Однако разработка военной истории и теории во второй половине 30-х гг. приостановилась. Было прекращено изучение теоретического наследства Ленина вообще, и в особенности военного. Многие крупные советские военные теоретики и историки были репрессированы. Среди них такие выдающиеся, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, А. А. Свечин, Я. Я. Алкснис, С. М. Белицкий, А. М. Вольпе, А. В. Голубев, Г. С. Иссерсон, В. А. Меликов, А. И. Корк, Н. Е. Какурин, Р. П. Эйдеман, А. Н. Лапчинский, А. И. Верховский, Г. Д. Гай и многие другие.

Труды репрессированных военных ученых изымались из пользования как

«вражеские». Учитывая то, что погублены были и многие военачальники, которые усвоили советскую военную науку, образовался своего рода обрыв как в разработке военной науки, так и в ее усвоении. Достоянием военных кадров, готовившихся непосредственно перед войной и во время войны, стало лишь то, что было закреплено в уставах. Изъятие трудов репрессированных военных ученых сдерживало развитие военного мышления у командиров всех рангов. Оно обогащалось в основном эмпирически в процессе боевой практики.

В период войны делалось много в области изучения и обобщения военного опыта. Но так как теоретический уровень людей, занимавшихся этим, был невысок, публиковавшиеся тогда работы носили прикладной характер, были преимущественно описательными. Им была присуща преувеличенная оценка роли «полководческой» деятельности И. В. Сталина, его высказываний по вопросам военного дела. Культ Сталина сковывал инициативу военных исследователей, способствовал распространению догматизма и начетничества. Он вынуждал их ждать его указаний и высказываний, теоретические выводы делались не столько на обобщении жизни и военной практики, а на основе готовых формулировок и цитат. «Исследование» проводилось по следующей методике: бралась цитата из высказывания Сталина, к ней присоединялись два-три примера из опыта войны, подтверждавшие смысл цитаты, и таким путем создавался «научный» труд.

Все это не могло не оказать отрицательного влияния на подготовку офицерского состава и на методы управления войсками в бою. При этом надо иметь в виду, что на должности командиров взводов и рот в стрелковых войсках как наиболее многочисленных были выдвинуты десятки тысяч рядовых бойцов и сержантов, проявивших в боях способность командовать подразделениями. К концу войны в Красной Армии командовали полками 126 офицеров, начавших войну рядовыми и сержантами.

Несет ли ответственность И. В. Ста-

лин за репрессии, ослабившие возможности нашей страны в войне, снизившие боеспособность Советских Вооруженных Сил, в особенности в 1941 и 1942 гг.? Конечно, Сталин лично не проводил их. Он действовал через карательные органы. Для этого он вывел аппарат госбезопасности из-под контроля партии и правительства и лично сам, через специально подобранных людей, направлял его деятельность. Эти органы были превращены в орудие массовых репрессий. Во главе стояли Ежов, а затем Берия. Прикрываясь авторитетом Сталина, они искореняли чекистские традиции, организовывали истребление честных людей, вносили в деятельность органов госбезопасности чуждый им дух огульного недоверия и подозрительности к советским людям, поощряли беззаконие и карьеристские тенденции. Была учинена расправа с чекистами, прошедшими славную школу Ф. Э. Дзержинского. Подверглись репрессиям многие тысячи работников госбезопасности, выступавшие против беззакония и произвола. Истреблены были многие руководители этих органов, среди них И. А. Акулов, Я. К. Берзин, Е. Г. Евдокимов, М. С. Кедров, Я. К. Ольский, Я. Х. Петерс, С. В. Пузицкий, многие другие. В угоду Сталину А. Я. Вышинский выдвинул теоретическую концепцию, обосновавшую грубейшие нарушения социалистической законности и оправдывавшую массовые репрессии: для привлечения к уголовной ответственности достаточно только признания обвиняемого, независимо от того, какими средствами оно получено; свидетельских показаний и других объективных доказательств не требовалось. Будучи Прокурором СССР, он требовал привлекать к ответственности за «политические преступления» не только самих обвиняемых, но и членов их семей и знакомых.

«Нам история отвела ограниченное время...» Так ли!

В ряде писем читатели считают, что причины неудач в первый период войны в том, что были не завершены реорганизация и перевооружение большин-

ства соединений и объединений, опоздали со стратегическим развертыванием западных приграничных округов, задержались с вводом в действие плана прикрытия, поздно и нечетко были поставлены задачи в директиве наркома обороны СССР, отданной вечером 21 июня 1941 года. К этому добавляется еще то, что у нас якобы не было современных танков, скоростных самолетов с крупнокалиберным вооружением, радиооборудования, хотя были конструкторские разработки новых видов вооружений. «Нам история отвела ограниченное время», — пишет И. С. Тищенко, и это, по его мнению, «было главной причиной неуспехов в начальный период войны, а не события 1936—1937 гг.».

Конечно, на «историю» можно валить все, она выдержит. Но это не избавляет нас от необходимости выяснить, хотя бы для себя, в чем повинна «безответная» история, а в чем делающие ее люди. Я не встречал еще такого генерала или офицера, который сказал бы, что имеющихся в его распоряжении сил и оружия достаточно для выполнения задачи и что времени на подготовку боевых действий было с лихвой. К сожалению, приходится решать задачи войны, прежде всего защиты страны, теми силами и средствами, которыми государство и военное командование располагает, а не теми, которые желательно было бы иметь. Известно, что наша страна тщательно и длительное время готовилась к обороне, были накоплены большие запасы вооружений, боевой техники и материальных припасов. Анализ состояния обороноспособности страны показывает, что сил и материальных средств было достаточно для оказания мощного отпора немецко-фашистскому вторжению. Все дело упиралось в умение распорядиться ресурсами, созданными трудом советского народа, использовать с максимальной эффективностью имевшиеся реальные возможности.

Известно теперь, что директива о приведении войск западных военных округов в боевую готовность и занятии ими боевых рубежей была отдана недопустимо поздно, что она была получена в войсках, когда уже война началась. Этот важнейший, определяющий элемент

стратегического управления Вооруженными Силами фактически отсутствовал. Неудивительно, что управление войсками Прибалтийского и в особенности Белорусского военных округов было расстроено, они не могли оказать организованное сопротивление врагу. Пришлось все организовывать уже в ходе войны под ударами превосходящих сил противника. Важнейшей причиной этого, конечно, было опоздание с отдачей директивы. Но за этим кроется другая, более важная причина, по отношению к которой все, о чем сказано выше, представляется следствием.

Был допущен просчет в определении времени нападения фашистской Германии на СССР. Сталина, единолично принимавший решения по важнейшим государственным и военным вопросам, считал, что гитлеровское руководство не решится в ближайшее время нарушить заключенный с Советским Союзом договор о ненападении. Он продолжал настаивать на своем, несмотря на то что в июне 1941 года Германия и ее союзники в Восточной Европе завершили стратегическое развертывание своих вооруженных сил для нападения на Советский Союз. Все сведения об этом, добываемые советской политической и военной разведками (кстати, многие разведчики подверглись репрессиям), он рассматривал как провокационные, подбрасываемые Советскому правительству с целью заставить его предпринять такие действия, которые дали бы гитлеровскому руководству возможность обвинить СССР в нарушении договора и тем оправдать развязывание им войны.

Трезво рассуждая, можно было бы сделать вывод, что меры Советского правительства по повышению боеготовности войск приграничных округов никак не могли провоцировать нападение Гитлера, так как вопрос о нем уже был решен гитлеровским правительством. Наоборот, неготовность Красной Армии к войне, к отражению немецкого нападения побуждала гитлеровское руководство использовать создавшуюся благоприятную обстановку, напав, как только завершится развертывание армий. Побуждали его не тянуть с нача-

лом войны с СССР также низкая бое-способность и слабость Красной Армии, проявившиеся в войне с Финляндией зимой 1939—1940 гг., обезглавливание Красной Армии и ослабление ее офицерского корпуса репрессиями. Гитлеровское руководство хорошо понимало, что откладывая начало войны — это значит дать Советскому Союзу время исправить допущенные ошибки и повысить свою обороноспособность.

Можно, однако, согласиться с И. Д. Красновым (г. Москва), что «винить Сталина одного за то, что войска не были приведены в боевую готовность, видимо, будет неправильно».

Действительно, в значительной мере ответственность за то, что Красная Армия оказалась не подготовленной к отражению нападения врага и не смогла дать ему решительный отпор, вынуждена была отступать к Москве и Волге, лежит на Наркомате обороны СССР и Генеральном штабе, на их руководителей — С. К. Тимошенко и Г. К. Жукове. Они плохо разобрались в военно-стратегической обстановке, не смогли сделать из нее правильные выводы о характере военных действий по защите страны и принять необходимые меры по повышению боеспособности и боеготовности нашей армии. Г. К. Жуков, мужественный человек, выдающийся стратег, способный также признавать свои ошибки и просчеты, писал в своих мемуарах, что Генеральный штаб и Наркомат обороны СССР не предвидели характера первоначального удара немецких армий во всем его объеме. Они не предполагали, что немецкое командование осуществит переход в наступление одновременно всеми силами, заранее развернутыми. Они не рассчитывали, что противник сможет сосредоточить такую массу танковых и моторизованных войск и бросит их в бой в первый же день войны мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения рассекающих сокрушительных ударов. По-моему, в этом проявилось плохое знание организации и военного искусства немецко-фашистской армии. Ведь именно такой метод ведения войны, хотя и меньших размеров, был применен ею в войне против

Польши в 1939 году и в войне против Франции в 1940 году.

Далее Г. К. Жуков указывает и на ошибки в расположении войск Белорусского и Киевского военных округов. Их расположение позволяло противнику уже в первые дни войны осуществлять глубокие охваты и окружения значительных группировок советских войск. Так были расположены войска обоих округов еще в 1939 и 1940 гг., и в их дислокацию не было внесено необходимых изменений и тогда, когда война с Германией стала реальностью, когда Жуков стал начальником Генерального штаба.

Для понимания событий того времени представляет интерес замечание Г. К. Жукова, что ошибки, допущенные политическим руководством, «не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошность и просчеты... Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указаний свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц». Нужно сказать, что здесь сработала установленная система жесткой централизации управления и бездумного подчинения, которая сковала инициативу командующих войсками и командиров частей, ограничила возможности выполнения ими своих обязанностей.

Верно и то, что внедрение нового оружия в производство происходило недопустимо медленно и что к началу войны его было мало в войсках. Причины этого были разные. Во-первых, руководящие работники Наркомата обороны СССР, выдвинутые на высокие посты после 1938 года, не понимали настоятельной необходимости оснастить Советские Вооруженные Силы новейшей военной техникой и не могли правильно оценить тактико-технические свойства представленных на их рассмотрение новых

образцов оружия. Заместители наркома обороны Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко, ответственные за оснащение Вооруженных Сил новой военной техникой, снимали с производства устаревшие образцы оружия, но подолгу не решались одобрять новые. Например, Г. И. Кулик доказывал, что автоматы не имеют никакого значения для ведения войны, что это — «оружие полиции». Руководство Наркома обороны не имело твердого мнения о танках КВ и Т-34, хотя танки были приняты на вооружение, и из-за этого задержалось их промышленное производство. По тем же причинам сократилось производство пушечной артиллерии, новых пулеметов, недостаточно производилось противотанковой и зенитной артиллерии и других вооружений.

Во-вторых, уже в 1938 году давали себя чувствовать бюрократические методы руководства промышленностью, вообще народным хозяйством. Нарушались требования объективных экономических законов, серьезные вопросы нередко решались субъективистски, волевыми решениями, без необходимого научного анализа и обоснования. Были репрессированы многие руководители промышленности, инженерно-технические кадры. (Возглавлявший оборонную промышленность Б. Л. Ванников писал свои предложения по организации военного производства на период войны, находясь в тюрьме.) В результате во время, непосредственно предшествовавшее войне, резко замедлились темпы роста производства некоторых ведущих отраслей промышленности — электроэнергетической, металлургической, станкостроительной. Все это отрицательно сказалось на внедрении новых образцов оружия в производство и, как следствие, на темпах перевооружения. К этому необходимо добавить, что репрессиям подвергались и некоторые ведущие конструкторы военной техники, например А. Н. Туполев, С. П. Королев и другие. Так что морально-этическая атмосфера, созданная репрессиями 30-х гг., оказывала негативное влияние и на область создания нового оружия, его внедрение в производство и в конечном счете на перевооружение Красной Ар-

мии. Еще предстоит выяснить размеры ущерба, причиненного культом личности нормальному развитию производительных сил и укреплению обороноспособности страны накануне войны, и усилий, которые затратил народ, чтобы возместить этот ущерб в войне.

Тем не менее значительного отставания в новом вооружении Красной Армии не было. Например, в западных приграничных округах имелось 1800 тяжелых и средних танков (из них новейших Т-34 и КВ — 1475) против 2800 немецких средних танков (из них последней конструкции Т-III и Т-IV — 1624). В отечественной литературе при подсчете соотношения сил с немецкой стороны учитываются все танки, развернутые к 22 июня 1941 г., включая и около 1700 танков устаревшей конструкции (Т-I, Т-II, 38-тонные), а с нашей аналогичные танки не учитываются вовсе, хотя их производилось начиная с 1935 г. более 3000 единиц в год и к началу войны они не были сняты с вооружения. С боевыми самолетами дело обстояло хуже. Наше отставание в этой области выявилось у нас еще во время гражданской войны в Испании, но уравнять положение удалось только в 1942—1943 гг. И все же войска приграничных военных округов, хотя они и уступали противнику по своей численности, располагали необходимыми возможностями для отражения его нападения уже в начале войны.

Время — объективная категория, и история дарит его всем с одинаковой щедростью. Выигрывает тот, кто способен рационально и эффективно использовать его.

Советскому политическому и военному руководству не удалось это сделать. Опоздание с приведением войск приграничных военных округов в боевую готовность и другие серьезные просчеты привели к тому, что уже в первый день войны 900 наших боевых самолетов были уничтожены на аэродромах, в 1941 г. противник захватил в плен 3,9 млн. человек (к июню 1941 г. Советские Вооруженные Силы насчитывали в своем составе около 5 млн. человек), огромное количество оружия всех видов, боеприпасов, продовольствия и другие прина-

сы, сосредоточенные в западных районах страны. Советские войска вынуждены были оставить огромную густонаселенную, развитую в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорию — Прибалтийские республики, Белоруссию, Украину и западные области РСФСР. Значительных объективных причин для этого не было. Это был еще один акт трагедии, поставленной культом личности. Выдержать такие военные потери, преодолеть их последствия и добиться решительной победы над блоком фашистских государств смог только советский народ. Как известно, Франция, понесшая гораздо меньшие военные потери, капитулировала в 1940 г. перед Германией.

Единовластие или единство руководства?

Н. Е. Андреев (г. Белгород) предлагает взглянуть на историю с позиций того, что в 1937—1938 гг. обеспечили единство руководства войной и страной в период войны, что привело ее к победе.

Единовластие И. В. Сталина действительно установилось окончательно во второй половине 30-х гг. Уже тогда Сталин нарушал нормы партийной жизни, многие важнейшие решения партии и постановления правительства принимались по его указанию без достаточного коллективного обсуждения. Нарушалась внутрипартийная демократия. Во время войны съезды и конференции партии не созывались. В октябре 1941 года члены ЦК ВКП(б) были вызваны на Пленум. Однако Пленум не состоялся, так как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин не захотел его проводить, сославшись на занятость руководством армией, да, по-видимому, и сказать ему на Пленуме выгодного для себя было нечего. Только в 1944 году собрался первый и единственный за всю войну Пленум ЦК партии. Но вопросы, непосредственно связанные с ведением войны, и экономические задачи, стоявшие перед страной, на нем не обсуждались. Не проводились выборы в Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик. Были проведены только

три сессии Верховного Совета СССР: в 1942, 1944 и 1945 гг.

В начале войны была учреждена Ставка Верховного Главнокомандования, в которую входили высшие руководители Вооруженных Сил и несколько членов Государственного Комитета Обороны. Но она так и не стала подлинно коллективным органом руководства вооруженной борьбой. Высшее военное руководство было полностью сосредоточено в руках Сталина, который одновременно с постом Верховного Главнокомандующего занимал посты наркома обороны СССР, Генерального секретаря ЦК партии, Председателя Совета Народных Комиссаров, Председателя Государственного Комитета Обороны. Такое сосредоточение власти в руках одного человека обеспечивало максимальную централизацию управления страной и Вооруженными Силами, но лишало его гибкости, так необходимой во время войны. На решение важных вопросов уходило много времени. Распределение обязанностей среди многочисленных заместителей Сталина (только по Наркомату обороны их было 16) не придавало четкости управлению, так как все они были исполнителями и ни одному из них не было дано права принимать окончательные решения по важным вопросам.

Директивы Ставки, как правило, не утверждались Ставкой и редко обсуждались ею; они утверждались Сталиным и скреплялись подписью начальника Генерального штаба.

Отказ Сталина от созыва высших руководящих органов партии и государства, от коллективного обсуждения политики и выработки решений по вопросам ведения войны отрицательно влиял на боевые действия армии да и на народное хозяйство. Это мешало полному проявлению инициативы партийных организаций, советских, хозяйственных и военных органов, отдельных людей. О том, как такой метод руководства повлиял на решение вопроса о приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность, говорилось выше. Примером волевого решения была директива № 3 от 22 июня 1941 года, предписывавшая войскам первого стра-

тегического эшелона перейти к контрнаступательным действиям и разгромить силы противника там, где они нарушили советскую границу. Это разительный пример принятия стратегического решения без знания обстановки на фронте, состояния наших войск и действий противника. Трагические последствия для советских войск под Киевом в 1941 году имело запрещение Сталина нашим войскам оставлять столицу Украины, хотя ее уже невозможно было оборонять. В результате она была оставлена, но с большими и неоправданными потерями. Показательно в этом смысле также решение Сталина провести в летнюю кампанию 1942 года несколько фронтовых наступательных операций, хотя для этого не было ни благоприятных стратегических условий, ни материальных предпосылок. Наступление наших войск на Ленинградском направлении, в районе Демянска не достигло цели и было остановлено. Наступление Крымского фронта также не имело успеха, войска перешли к обороне и затем были разгромлены противником на Керченском полуострове, а несколько позже полностью потеряны Крым. Успешно начавшаяся операция советских войск в районе Харькова завершилась тяжелым поражением почти трех армий Юго-Западного и Южного фронтов. Немецкие войска получили возможность развивать наступление на Кавказском и Сталинградском направлениях. На южном участке советского фронта сложилась критическая обстановка. Чтобы спасти положение, пришлось срочно принимать жесткие меры, включая и приказ № 227 от 28 июля 1942 года.

Только позже, начиная со Сталинградской битвы, характерным для Ставки стал метод разработки оперативностратегических планов и директив на основе предварительных соображений Генерального штаба и предложений военных советов фронтов. Большинство директив наркома обороны и Верховного Главнокомандования по вопросам военного строительства также готовилось Генеральным штабом, главными и центральными управлениями Наркомата обороны. Эти планы и директивы были в значительной мере плодом коллектив-

ного творчества, а не единоличного волевого решения. Условиями войны в некоторой степени смягчалась жесткость централизации управления и открывались определенные возможности для проявления инициативы коллективного творчества. Известно, что именно в период войны члены ЦК, советские военачальники взяли в свои руки некоторые участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой вместе с местными партийными и советскими организациями обеспечивали победу советского народа в войне.

Отход Сталина от ленинских принципов руководства состоит в том, что В. И. Ленин рассматривал коллективное решение вопросов как высший принцип руководства. Ленин твердо придерживался такого подхода независимо от сложности обстановки, в которой оказывалась партия и страна. В годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда партия решала задачи защиты революции в более сложной обстановке, чем в Великой Отечественной войне, за три года войны состоялось три съезда партии и две партийные конференции, восемь Всероссийских съездов Советов, регулярно проводились заседания ЦК ВКП(б), совещания Советского правительства и Комитета Обороны, на которых принимались коллективные решения по всем важнейшим вопросам ведения войны, хозяйственной и партийной работы, внешней и внутренней политики. Главнокомандование Красной Армии находилось под контролем ЦК партии и Советского правительства, Ленина, но никогда не подменялось ими.

Авторитет вождя и правда истории

В некоторых письмах высказывается мнение, что критиковать И. В. Сталина, «признанного вождя и руководителя нашей страны и советского народа» (П. И. Лобинцев, ветеран войны и труда, г. Павловск Воронежской области) — значит, с одной стороны, «ма-

зять грязью» мертвого, что не этично, а с другой — ниспровергать высокоавторитетного деятеля нашей партии и государства, а без авторитетов нельзя обойтись (М. В. Семиволос). Такое занятие «наносит вред не только нашему народу, обществу, а особенно всемирному коммунистическому движению» (П. Г. Грищенко, тоже ветеран войны и труда, г. Сестрорецк).

Действительно, без авторитетов не обойтись. Но это не означает, что авторитеты должны обожествляться и представляться только с хорошей стороны. Касаясь этого вопроса, В. И. Ленин писал: «Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях, и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть».

А. М. Кисляков (г. Ленинград) высказывает ту же мысль, что и другие читатели: «...Не пора ли прекратить спекуляции на Сталине... и заняться вплотную насущными проблемами. Езда на современных скоростях с головой, повернутой назад, смертельно опасна...»

Мне представляется, что вплотную заняться «насущными проблемами», а этим в последние годы энергично занимаются КПСС и вся страна, более того, все страны социалистического содружества, не означает игнорировать то, как и почему возникли эти проблемы. И жесткая централизация политического, экономического и социального управления, и расцвет бюрократизма, и ограничение демократии, и нарушение законности, и произвол, и подавление инициативы трудящихся, и игнорирование человеческого фактора, и пренебрежение социальными вопросами и необходимостью удовлетворять духовные, моральные и материальные потребности человека, и неуважение его прав, и многие другие — все эти проблемы уходят своими корнями в культ личности Сталина, являются его последствиями. Чтобы их выкорчевать, надо хорошо знать, как они зародились и развились. Поэтому исследование и критика культа

личности не могут быть направлены в прошлое, это работа на сегодняшний день и на прогресс социализма. Понимание этого высказано в ряде писем, поступивших в редакцию. «Нам, послевоенному поколению, так хотелось бы разобраться в событиях того времени, которое скрыто от нас за семью замками» (В. М. Карчева, г. Запорожье). «Статья меня очень заинтересовала своей правдивостью... хочется знать правду, а не „видимость правды“» (Алексей Толиков, Новые Анены Молдавской ССР). «...Мне неудержимо захотелось узнать правду о том сложном предвоенном десятилетии» (Конарева М. Д., г. Севастополь). «Статья К. М. Симонова, призывая к научной объективности в освещении роли Сталина в войне, заставляет подумать и о том, что научная объективность нужна и в освещении каждого видного деятеля партии на каждом этапе деятельности. С этой статьей надо знакомить школьников» (С. М. Хайкин, инвалид Великой Отечественной войны с 30-летним педагогическим стажем, г. Горький). «Статья заставляет на многое смотреть по-иному, раскрывает глаза на многие исторические события» (П. И. Щипунов, ветеран Вооруженных Сил и труда, г. Кемерово).

Авторы почти всех писем согласны с тезисом А. М. Самсонова — «главное в истории правда»: и те, кто критикует культ личности И. В. Сталина, и те, кто так или иначе оправдывает репрессии 1937—1938 гг. и культ личности. У каждого из них свое понимание правды. История «должна быть правдивой всегда. Иначе не воспитать у наших людей нравственности и гражданственности», — правильно считает Н. М. Атасян, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны (г. Москва). Такое значение правды в жизни общества вызывает к ней огромный интерес у всех людей и вместе с тем стремление использовать правду в своих интересах — личных, групповых, классовых, политических и просто бытовых.

Известно давно, что если бы истина лежала на поверхности, то не нужно было бы никакой науки. Познание истины — сложный и трудный процесс. От-

крыть истину в общественных науках, включая и историю, — это требует огромного труда, способности в процессе исследования явлений и событий увидеть истинное, а не кажущееся истинным. Высказать это публично и, более того, защитить — требует еще и проявления силы воли и мужества. В особенности когда приходится преодолевать сложившиеся стереотипы в понимании политических и общественных отношений. Исследователю нередко приходится отказываться и от своих убеждений, сложившихся у него в процессе обучения и воспитания, опыта работы и жизни или под влиянием определенных кругов, заинтересованных в выгодном для них истолковании исторических событий и явлений, и при этом выслушивать упреки («когда ему можно верить?») и обвинения в конъюнктурщине и т. д. Об этом убедительно свидетельствует и отношение к феномену культа личности И. В. Сталина. Нам не следует забывать, что большинство людей, в особенности старшие поколения, воспитывались и формировали свое мировоззрение под могучим влиянием этого культа и его последствий. Но одни находят мужество понять антисоциалистическую, мелкобуржуазную сущность этого явления и дать ему соответствующую оценку, даже переменяя свои взгляды, другие предпочитают оставаться в плену прежних своих представлений и чествуют тех, кто пересматривает свои взгляды. Это относится и к историкам, и к писателям, и вообще к людям.

Честное признание А. М. Самсонова, что «слишком долго нас заставляли писать не то, что было, а то, что нужно к соответствующему событию жизни», вызвало негодование некоторых авторов писем. «Кто его заставлял, разрешите спросить?» — пишет А. М. Кисляков (г. Ленинград). «Писать не по зову сердца, под давлением, вопреки истине, искажать историю никому не делает чести», — заявляет Н. М. Атасян и добавляет: «Наши недруги всегда распространяли клевету на советских ученых и писателей, что они якобы пишут по указке сверху. Так что же получается, они правы?»

Наши противники внимательно сле-

дят за нашими делами и зорко подмечают все, что у нас плохо, чтобы использовать это в борьбе против социализма. Факт написания истории многих периодов под давлением, в особенности советского, отрицать нельзя. Оно осуществлялось в различных формах — идеологических, моральных, методологических, административных и репрессивных. Оно начало осуществляться еще в 30-е гг. Начало ему положила «борьба» против школы Покровского, в полном виде она развернулась после выхода в свет «Истории ВКП(б). Краткий курс». Именно в то время для насаждения культа личности И. В. Сталина активно использовались и средства исторической науки. Путем искажения исторических событий была создана концепция двух равных создателей и вождей Коммунистической партии — Ленина и Сталина. Сталин был представлен как единственный организатор и руководитель побед на фронтах гражданской войны и «великий полководец», основоположник марксизма-ленинизма наравне с Марксом, Энгельсом и Лениным. Все наиболее яркие достижения советского военного искусства, победы на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн, все лучшие творения нашей военно-научной мысли, являвшиеся результатом труда и жертв многих людей, коллективных усилий, преподносились как результат творческого «гения» Сталина. Историческими средствами «доказывалось», что контрнаступление есть «особый вид наступления», что миролюбивые государства обычно бывают менее подготовленными к войне, чем агрессивные, и таким образом представлялись поражения, оборона и отступление Красной Армии до Ленинграда, Москвы, Волги и Кавказа как закономерные и даже неизбежные явления. Тот же, кто был убежден в другом, не мог высказать свою точку зрения, его бы просто не опубликовали и вдобавок к тому еще и сурово наказывали.

Решения XX съезда КПСС и начавшаяся перестройка изменили условия для творческой разработки истории социалистического общества. К сожалению, продолжавшийся почти два десяти-

летия период застоя в развитии социализма в нашей стране ограничил возможности творческого развития исторической науки. Методы давления на историков не только не были устранены, но и нередко применялись. Застой не нуждался в правдивом освещении исторических событий и явлений, оно мешало парадности и самолюбованию, кичливости успехами и достижениями. Из наследства недавнего прошлого в методологии исторической науки сохранялось как раз то, отказать от чего призывали решения XX и XXII съездов КПСС. Был снова ограничен доступ исследователей к архивам и другим источникам. Была вновь принята «на вооружение» концепция «выгодной» и «невыгодной» правды. В одной из бесед в 1966 г. со мной в присутствии бывшего главного редактора «Военно-исторического журнала» генерала Н. Г. Павленко начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал А. А. Епишев выразил эту концепцию следующим образом: «Там, в «Новом мире», говорят, подавай им черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она не выгодна». Практически это нашло выражение в том, что «Военно-историческому журналу» Главпуrom было запрещено сообщать о причинах смерти реабилитированных военачальников, репрессированных в 1937—1938 гг. и другое время.

С. М. Вахшин (г. Курган) интересуется, почему К. М. Симонов не опубликовал свою статью тогда, когда он ее написал. Сама история публикации этой статьи показательна в том, какое было отношение к правде описанных в ней событий в то время. Тезисы своего доклада, сделанного на пленуме правления Московской писательской организации и Комиссии по военно-художественной литературе при правлении Союза писателей СССР 28 апреля 1965 г., К. М. Симонов, по просьбе редакции «Военно-исторического журнала», переработал в статью. Статья была принята редколлегией журнала и набрана. Об этом стало известно А. А. Епишеву, и он запретил ее публиковать. Более того, в редакцию прибыл его представитель в чине подполковника, изъял все эк-

земпляры рукописи и верстки. Статья была засекречена.

Это лишь примеры, иллюстрирующие линию в освещении истории минувшей войны, которая возобладавала у нас в семидесятые годы. В соответствии с ней историки обязаны были раскрыть значение побед Советского Союза и показывать массовый героизм армии и народа. Такое, казалось бы, благородное требование в действительности привело к тому, что исследование событий войны подменялось преимущественным описанием военных подвигов. За фасадом примеров ярких побед и массового героизма скрылись поражения и неудачи, о которых стали упоминать лишь походя, скороговоркой.

Те же историки и писатели, которые пытались анализировать наши военные неудачи и ошибки, как правило, обвинялись в «очернительстве», «дегероизации», проповеди «окопной правды» и т. п. Дело не ограничивалось критикой и отказами в публикации. Ряд историков, среди них и А. М. Самсонов, были привлечены к партийной ответственности и строго наказаны.

Начавшаяся в последние годы перестройка требует разработки научной истории социализма, более глубокого изучения закономерностей его развития. Суровые уроки правды, преподанные XXVII съездом КПСС, оживили общественный интерес к нашему прошлому.

Наука и жизнь, 1987, № 12

Дмитрий Волкогонов,
генерал-полковник,
доктор философских наук

Жанр политических биографий в нашей литературе явно не в почете. Нет у нас до сих пор и серьезного биографического очерка о Сталине. Но потребность в такой работе несомненна. Уже продолжительное время материалами к биографии Сталина занят доктор философских наук профессор Д. А. Волкогонов. В научном мире он известен как автор почти двух десятков монографий по военно-теоретическим и политическим вопросам. Вместе с тем его перу принадлежит и ряд книг в жанре философской публицистики. Предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант авторского предисловия к книге «Триумф и трагедия» (Политический портрет И. В. Сталина).

ФЕНОМЕН СТАЛИНА

Все о себе знал только он сам. Сталин не любил полутонов: или белое, или черное. Несомненно, он заботился о том, чтобы в его биографии для потомков господствовали светлые тона. Не знаю, подозревал ли он о существовании в Древнем Риме «Закона об осуждении памяти», согласно которому все, что не устраивало очередного императора, предписывалось предать забвению. Однако этот закон, мы знаем, лишь подчеркнул тщетность попыток регламентировать человеческую память. Она, память, живет (или умирает) совсем по другим, своим законам. Пропасть истории бездонна. Однако сквозь ячеи гигантской сети памяти, натянутой над бездной забвения, «проваливаются» не все. Такие глыбы, как Сталин, имеют шанс остаться в анналах истории.

Нас всех не может не радовать, что сейчас идет активный процесс не только обновления настоящего, но и «реставрации», восстановления прошлого. И пожалуй, интеллектуальным и эмоциональным эпицентром внимания общественного интереса к прошлому стала фигура Сталина. В нашей истории (русской и советской), думаю, не было более противоречивого лица. И хвалы, и хулы на его долю выпало столько, что ее хватило бы на целый легион исторических деятелей.

Путешествие в будущее трудно, зыбко. Путешествие в прошлое — не легче. Это всегда, как весьма метко заметил Фейербах, «укол в сердце», тревожащий, волнующий. Сталин — одна из самых сложных личностей в истории. Такие люди, хотим мы того или нет, принадлежат не только прошлому, но и на-

стоящему, и будущему. Их судьба — вечная мировоззренческая «пища» для размышлений о бытии, времени и совести. Один из выводов, напрашивающийся уже в начале исследования о Сталине, заключается в том, что история этой личности как в фокусе высвечивает сложнейшую диалектику своей эпохи. Насколько были сложны условия того времени, настолько сложной оказалась и личность во главе народа и партии. Будучи честными перед истиной, перед историей, нельзя не признать неоспоримого вклада И. В. Сталина в борьбу за социализм, его защиту, как и его непростительные политические ошибки и преступления, выражавшиеся в необоснованных репрессиях многих тысяч невинных людей. Сталин, руководящее ядро партии, отстояв, защитив ленинизм в политической, идейной борьбе, создали благоприятные условия для ускоренного социалистического строительства. И тогда, когда казалось, что самое трудное (в плане внутрипартийной борьбы) позади, налицо крупные успехи во многих сферах творения нового, родился «освященный» Сталиным глубоко ошибочный политический тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперед. А это означало, что диктатура пролетариата для общего дела все больше оборачивалась не созидательной, а карательной стороной. Поэтому не случайно, что оценки личности Сталина претерпели кардинальные изменения по мере высвечивания истиной исторической правды. Если сопоставить, допустим, Приветствие ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в связи с 70-летием Сталина в декабре 1949 года с положениями драматического доклада Н. С. Хрущева, сделанного в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС, то оценки лидера партии будут фактически полярными. Всего несколько лет лежит между этими оценками, вынесенными, по сути, одними и теми же людьми. Затем процесс общественного прозрения вошел в полосу некоего моратория.

При произнесении имени Сталина в сознании многих людей прежде всего всплывает трагический 1937 год, репрессии, попрание человечности. В атмо-

сфере общества незримо замельтешили валькирии, ведающие, как известно, распределением жизней и смертей. Да, все это было. Виновным за эти преступления нет прощения. Но мы помним, что в эти же годы взметнулись Днепрогэс, Магнитка, были Папанин, Ангелина, Стаханов, Бусыгин... На эти годы приходится создание основ всего того, на чем мы стоим сегодня: именно на это время приходится высочайший взлет человеческого духа советских людей, выстоявших и победивших фашизм в Великой Отечественной войне. Поэтому ошибочно с политической точки зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, подвергать сомнению реальные достижения социализма, его принципиальные возможности. Неверно, оценивая Сталина или лиц из его ближайшего окружения, механически переносить эти оценки на партию, миллионы простых людей, вера которых в истинность революционных идеалов не была поколеблена.

Старый большевик Купцов А. И., пронесший свой трагический крест через многие лагеря, нечеловеческие унижения и испытания, убежденно говорит сегодня, спустя десятилетия после пережитого: «Нас было много в лагерях, попавших туда в результате произвола. Но ни разу, я это хочу повторить особо, ни разу у меня даже не возникла мысль об ущербности наших идей, нашего строя, наших идеалов. Чудовищная несправедливость ассоциировалась лишь с какими-то трагическими ошибками, заблуждениями конкретных лиц. Все мои товарищи по несчастью думали так же. Мы искренне радовались сообщениям с воли о пуске новых заводов, полетах Чкалова, а затем мучительно переживали ошеломительные неудачи начала войны... Тюрьма нас не отторгнула, не могла духовно отторгнуть от Родины, от дела, которому мы продолжали быть преданными и за проволокой сибирских лагерей».

Нельзя оценивать прошлое с арифметических позиций: чего было больше у Сталина — заслуг или преступлений? Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности. Вопрос

значительно сложнее: в постижении истоков, причин деформации механизма власти. Как могло случиться, что великое сожительствовало с низким, зло камуфлировалось под добро? Почему произошло социальное перерождение многих лиц? Была ли неизбежной трагедия? Почему не «сработали» институты социальной защиты? Эти и многие другие вопросы часто поднимаются на страницах нашей печати, отражая быстрое повышение политической и исторической культуры советских людей, которое мы отмечаем после XXVII съезда партии. В ряде случаев, особенно у молодых людей, схематично знающих свою историю, от полярно противоречивых суждений, субъективистских оценок рождается интеллектуальное смятение, способное породить социальный нигилизм и неуважение к нашим ценностям. Лучшим средством утоления жажды познания является постижение истины.

Ленинская методология анализа Октябрьской социалистической революции, ее перспектив и оценка политических и человеческих качеств ее вождей — исходная позиция в создании философского, политического портрета. Сталин всю жизнь помнил, что В. И. Ленин в своих записках к съезду в декабре 1922 года назвал его и Троцкого «выдающимися вождями», но он никогда не забывал и обжигающую своей откровенностью и глубиной оценку его сложной натуры, тяжелого характера. Он не мог смириться и с тем, что Ленин назвал Бухарина «любимцем всей партии». Изучение сталинских выступлений показывает, что он неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал ленинские оценки. Например, мысленно полемизируя с Лениным, он сказал в одной из своих речей: «Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим еще больше». В этой фразе едва ли не весь Сталин: преданный идее, но хитрый и изощренный. Ленинский вывод о том, что «Сталин слишком груб», генсек истолковал в речи, что он «груб лишь для врагов»... Обращаясь к Ленину при анализе феномена Сталина, еще и еще раз убеждаешься, что зарница ленинских мыслей, как и

раньше, впереди нас. Это свойство не просто мудрых, глубоких истин, но и истин пророческих.

В последние годы написаны политические биографии многих исторических деятелей: Цезаря, Наполеона, Черчилля, де Голля, других лиц, навсегда оставшихся на поверхности ковра истории. У нас не считают зазорным, неудобным, в частности, издавать книги даже о таком зловещем античеловеке, как Гитлер. Но биографии И. В. Сталина нет. А за рубежом написаны о нем десятки книг. Этот пробел в нашей стране сегодня восполняют многочисленные художественные и исторические публикации об отдельных гранях, сторонах деятельности этого человека. Их появление демонстрирует эффект дождя после долгой засухи. Несомненно, будут еще серьезные исследования историков о Сталине, как и о Бухарине, Хрущеве, Брежнев, других деятелях партии и государства.

Одна из причин такого интереса кроется в том, что жизнь Сталина, по историческим меркам, оборвалась недавно, менее четырех десятилетий назад, а значит, его судьба близко сопричастна судьбам ныне живущих, их близких предшественников.

Другая причина неослабевающего интереса к страницам жизни Сталина кроется в новом осмыслении социальных и общечеловеческих ценностей: социализма, гуманизма, справедливости, истины, нравственных идеалов. Годы застоя еще раз показали, что догматизм мышления способен создать лишь иллюзорный философский храм, в котором все должно играть роль «вечного». А вечного-то, кроме перемен, пожалуй, и нет ничего. Догматическая слепота опасна, она способна идеологию превращать в религию. Догматизм все радости земные переносит в «завтра», а завтра — в «послезавтра». Полоса революционного обновления, в которую вступило наше общество, коснулась прежде всего общественного сознания. Не случайно, что главными объектами критики и отрицания стали догматизм и бюрократия, которые своими корнями уходят в годы авторитарного руководства Сталина.

Наконец, существует еще одна причина (конечно, причин больше) устойчивого интереса к жизни человека, находившегося более тридцати лет на вершине пирамиды власти. Не рядом с людьми, как Ленин, не среди них, как он, а стоявшего над ними. Советские люди, несмотря на бесчисленное количество хвалебных статей, портретов, статуй, его трудов, фактически ничего не знали о Сталине. Краткая биография, вышедшая после войны, имеет не авторов, а лишь, как говорится в титуле, «составителей»: Александров Г. Ф., Митин М. Б., Поспелов П. Н. и другие. Биография, которая лично редактировалась самим Сталиным, излагает схему героических деяний человека, но сам человек в ней отсутствует.

Правда, были попытки некоторых его современников написать его политический портрет. Так, академик Е. М. Ярославский до войны выпустил книгу «О товарище Сталине», в которой наряду с безудержной апологетикой справедливо отметил, что писать о Сталине — это значит рассказывать о всех перипетиях борьбы партии в процессе построения социализма в нашей стране. Карл Радек в книге «Портреты и памфлеты» (1933 год) посвятил Сталину большую статью, написанную в ключе безудержного восхваления Мессии. Унизительное для Радека славословие в адрес вождя, между прочим, не спасло автора «Портретов» от печальной участи. Научная ценность подобных трудов невелика.

Человеческая жизнь отгораживает быстро, как северное лето. Она, пожалуй, схожа и с костром: искры, легкие веселые язычки огня, сильный пламень, спокойный жар, слабое мерцание, тлеющие угли, холодный пепел... Человека, великого и невеликого, рано или поздно ждет небытие. А это — вечная ночь, которая обязательно наступит, и это — день, которого уже больше никогда не будет. Эта истина одинаково безжалостна ко всем. Сталин это понимал. Не без участия Сталина и помощи его соратников в нашей истории не только много «белых пятен», но и много мест, где страницы в летописи искажены, а то и просто вырваны. Это одна трудность.

Другая — более общего порядка. Дело в том, что сознание конкретного человека — это целый микрокосм, огромный загадочный мир, который исчезает вместе со смертью человека. Мы никогда не узнаем всего о каждом ушедшем в миры иные, но и возможности этого познания безграничны. О мыслях, размышлениях Сталина говорят не столько его сочинения, записи, резолюции, сколько дела, материализованные в социальной практике, свершениях, деяниях и, к горечи нашей, в преступлениях. Тайны сознания в этом смысле не столь уж и тайны, если видеть, чем они «питаются», выражаются и вдохновляются. Окружающий нас многоцветный, многострунный, многострадальный мир человеческого бытия — главный ключ к разгадке тайн сознания человека, в том числе и такого, как Сталин. Хотя порой логика научного анализа поступков Сталина ведет в тупик при объяснении некоторых его действий.

Сталину, например, было известно теплое отношение Ленина к Бухарину. Сталин сам на протяжении многих лет поддерживал с ним и его семьей личные дружеские отношения. Бухарин сыграл немаловажную роль, оказывая помощь Сталину в борьбе с Троцким и троцкизмом. Не мог не видеть Сталин, что совершенно смехотворными выглядели обвинения Бухарина, допустим, в шпионаже, заговорах и т. д. Бухарин, при его высокой интеллектуальной культуре, умел уважать аргументы. И когда он убедился, что его программа неторопливого социалистического развития может привести к краху, поскольку история не отвела нашей стране времени на «раскачку», он честно признал свои заблуждения. Не просто признал, а активно включился в реализацию партийных установок. Это не помешало, однако, Сталину фактически санкционировать расправу с популярнейшим деятелем партии, фактически — близким партийным товарищем... Как можно такое объяснить и понять?!

Еще несколько лет назад, готовясь написать философско-биографический очерк о И. В. Сталине, я как-то незаметно для себя стал интересоваться ли-

тературой о Македонском, Цезаре, Кромвеле, Иване Грозном, Петре Первом... Меня заинтересовала психология «вождей», диктаторов, владык, других руководителей абсолютистского типа. И хотя я понимаю, что любые исторические аналогии здесь рискованны, одно предварительное суждение хотел бы высказать. Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, становятся привычными чувства непогрешимости, неограниченного личного превосходства, вседозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей. Как правило, эти люди, живя среди людей, бесконечно одиноки. Хотя Сталин, как удалось установить, чрезвычайно редко беседовал с кем-нибудь один на один (с ним всегда были Молотов или Каганович, Ворошилов или Маленков, Берия и т. д.), он в душе был бесконечно одинок. Ему не с кем было соотнести себя, не с кем дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Одиночество на вершине, леденящая в своей реальности неограниченная власть иссушили его чувства, превратили интеллект в холодную счетную машину. Каждый шаг, сразу же становясь «историческим», «судьбоносным», «решающим», исподволь убивает человека в человеке...

Одну из своих слабостей он всю жизнь пытался (и не без успеха!) превратить в показатель силы. Еще в революцию, когда нужно было идти на завод, в полк, на уличный митинг, в толпу, у Сталина возникало чувство внутренней неуверенности и тревоги, которые, правда, он умел скрывать. Сталин не любил да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. Его речь была простой, ясной, но без полета мысли, афористичности и трибунной патетики. Сильный акцент, скованность и монотонность речи делали его выступления невыразительными. Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал на митингах, встречах, манифестациях. Он предпочитал готовить директивы, указания, писать статьи, заметки, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. После приезда из ссылки в середине марта 1917 года,

например, Сталин опубликовал за полгода в газетах «Правда», «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», других изданиях более шестидесяти статей и заметок! Он был посредственным публицистом с точки зрения литературного стиля. Но ему нельзя было отказать в последовательности, четкости и неизменной категоричности выводов. В Гори, где родился Сталин, солнечные лучи в полдень падают почти отвесно, не оставляя тени. Так и в его газетных материалах: все без полутонов.

Позже Сталин привыкнет к трибунам съездов и конференций. Но положение тогда будет уже другим: его негромкий спокойный голос люди будут слушать в звенящей тишине, в готовности взорвать ее шквалом аплодисментов, переходящих в овацию. Сталин свое сдержанное отношение к прямым контактам с массами сделал правилом: он не бывал, за редкими исключениями, ни на заводах, ни в колхозах, ни в республиках, ни на фронтах. Голос вождя изредка раздавался на самой вершине пирамиды. У ее подножия со священным трепетом ему внимали миллионы. Свою необщительность и замкнутость вождь превратил в атрибут культа и исключительности.

Повторю, я не историк. Уверен, появятся более обстоятельные исторические работы. Но будучи философом, старался придерживаться принципа единства исторического и логического. В основе анализа и выводов лежат прежде всего ленинские работы, партийные документы, материалы ряда архивов. Скажем, касаясь военной стороны деятельности, я познакомился со многими интересными, оригинальными, непубликовавшимися документами из архива Министерства обороны. Даже первое знакомство с решениями Сталина на военных документах говорит об исключительной противоречивости их автора. Вот пример. Сталин читает докладную о том, что попытки овладеть ночными полетами вызвали многочисленные катастрофы в военно-воздушных силах. В докладной наркома обороны указывается, что причиной катастроф является поощрение руководством ВВС расхлябанности и недисциплинированнос-

ти. В то время такая оценка была равносильна приговору. Сталин решает: надо лучше учить летчиков, а руководителя авиации, которому вменяется «потворство в расхлябанности», командировать на учебу в академию. Хотя рядом, на других документах, решения совсем иные, жестокие.

Вглядываясь в хорошо сохранившиеся строки резолюций Сталина, написанных, как правило, красным или синим карандашом, размашисто, разборчиво, думаешь: где глубинные причины иррациональности этого человека? Может быть, в религиозной догматической пище, обильно принятой им на заре жизни? А может быть, в своеобразной интеллектуальной ревности, которую он испытывал, слушая на партсъездах в Лондоне и Стокгольме блестящие речи Ленина, Плеханова, Аксельрода, Мартова? Или истоки этой иррациональности в его ожесточенности, родившейся еще до Октября? Ленин в одном из писем 30 декабря 1922 года отметил в характере Сталина такую черту, как озлобление. А оно, писал Ленин, «вообще играет в политике обычно самую худую роль». В его дооктябрьской биографии семь арестов и пять побегов. С девятнадцати лет он то и дело скрывался, выполняя поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, занимался экспроприацией денежных сумм для партийных нужд, переходил с места на место... В тюрьмах не задерживался, бежал и снова скрывался. Но мысль уехать за границу ему не приходила никогда.

Я перечитал работы политических и идеологических оппонентов Сталина внутри страны: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других. Все они были и соратниками, и учениками Ленина. Никто из них не считал себя «выдвиженцем» Сталина, тогда как позже Каганович, Молотов, Ворошилов, другие новые деятели, занявшие их место, говорили о себе как о таких выдвиженцах открыто. В данном случае Сталин действовал в соответствии с древним законом диктаторов: выдвинутые им самим люди отличаются большей преданностью и не пре-

тендуют на первые роли. Троцкий, Зиновьев, Каменев да и ряд других деятелей в двадцатые годы были более известны партии, чем Сталин. Надо сказать, что некоторые из них были весьма плодовиты: например, Л. Троцкий к 1927 году выпустил семнадцать томов своих сочинений. Этот политик, полный энергии, не обделенный талантом беллетриста, создавая свои «труды», неизменно кокетничал перед зеркалом истории, пытаясь оправдать свои притязания на лидерство в партии. Знакомая с томами его переписки, я поражаюсь, как он заботился о том, что должно остаться для потомков о нем. Апологетические письма, записки, поступающие во время его многочисленных выступлений, списки дипломатов, добывающихся у него аудиенции, отзывы в печати о его шагах и действиях — все тщательно подшивалось и сохранялось. Троцкий готовился к захвату лидерства после смерти Ленина.

Прямой или косвенной мишенью критических стрел Троцкого чаще других был Сталин. Правда, главная антисоветская, антисталинская литература была создана им после его изгнания из СССР. Известна характеристика, данная Троцким Сталину как «наиболее выдающейся посредственности нашей партии». Впрочем, Троцкий, почти не скрывавший своего мнения о себе как интеллектуальном гении, прибегал к подобным выражениям часто, стремясь унижить своих оппонентов (так он говорил, например, о Зиновьеве в 1924 году, называя его «назойливой посредственностью»; Вандервельде — «блестящей посредственностью», а Церетели — «даровитой и честной посредственностью» и т. д.). После изгнания из страны у Троцкого осталась одна вечная, маниакальная страсть: ненависть к Сталину. До конца жизни. Никто в мире не написал так много едкого, злого, оскорбительного, карикатурного, унижающего о Сталине, как Троцкий. Этим он еще больше показал себя: ведь боролся он не за истину, а лишь за себя, несостоявшегося диктатора.

Когда наступил трагический день 21 января 1924 года, Сталин продиктовал телеграмму следующего содержания:

«Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. скоростножизненно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны субботу 26 января. Сталин». Подписывая депешу, Сталин понимал: именно теперь ему предстоит жестокая и беспощадная борьба с Троцким за лидерство. Но знал ли Сталин, что когда он одолеет Троцкого, то так и не «расстанется» с ним, не подозревая об этом? Методы командно-бюрократического стиля, насилия, «закручивания гаек», апологетом которых был именно Троцкий, будут взяты на вооружение Сталиным. Не здесь ли кроется один из истоков грядущей трагедии? А каковы другие? Замечу лишь вот что.

Есть причина как бы частного порядка. После XI съезда партии на Пленуме ЦК 3 апреля 1922 года была учреждена должность генерального секретаря. В то время этот пост не рассматривался как ключевой, главный, иначе первым генсеком был бы, видимо, Ленин. Генсеку нужно было вести текущую работу Секретариата. Ленин был уже болен. По рекомендации Каменева (и, очевидно, с одобрения Ленина) на этом посту был утвержден Сталин, выявивший свои склонности к аппаратной работе еще раньше. И менее чем через год после назначения Ленин, 4 января 1923 года, в своем добавлении к известному «Письму к съезду» предложил товарищам в ЦК «обдумать способ» перемещения Сталина с этого места. Владимиру Ильичу хватило нескольких месяцев, чтобы разглядеть человека в качестве генсека и увидеть в нем нечто такое, что могло стать опасным в будущем. Смерть вождя помешала осуществить это намерение. Но отсюда вытекает другая, особенная причина: неисполнение воли Ленина.

Члены ЦК, делегаты XIII съезда в этом вопросе оказались непослуживыми. Уступка Сталину со стороны доброхотов Зиновьева и Каменева (в то время!) дорого обошлась в будущем партии. Хотя Сталин, узнав о ленинском письме, по некоторым сведениям, пытался даже подать в отставку. Объективности ради следует сказать, что Сталин в 1924 году был лишь одним из

многих руководителей и никто не видел в нем грядущего демона.

Однако главная причина будущих трагедий иная. Она тоже лежит в плоскости не реализованных наследниками установок Ленина. В последних письмах вождя (и все это в уникальном 45-м томе!) он неоднократно возвращается к идее демократизации жизни партии, улучшения работы аппарата, увеличения состава ЦК за счет рабочих и крестьян, систематического его обновления. К сожалению, демократические основы лишь были заложены, но не развиты. Ведь если бы пребывание Сталина на учрежденном посту было ограничено определенным уставным сроком, культового уродства можно было бы не допустить. В ленинском предложении XII съезду партии «Как нам реорганизовать Рабкрин» просматривается мысль об обязательном обновлении руководящих партийных органов, о разграничении функций ЦК и Соввласти. Первые ростки демократии не были ухожены. Постепенно их заглушили более мощные побеги догматизма, бюрократии, администрирования. Будущий культ «великого вождя» не был простой случайностью.

Мне удалось получить свидетельства многих лиц, встречавшихся со Сталиным или в той или иной степени попавших в водоворот событий, вызванных его решениями. Даже отдельные звуки из общего хора истории важны. Благодаря им становится возможным глубже почувствовать историческую ретроспективу, услышать голоса ушедших людей, лучше понять мотивы борения страстей... Отголоски истории... Они живут в нас, в наших судьбах, памяти, а иногда — в новых скупых сведениях из ушедшего, отгоревшего, потаенного. Это как весточки из прошлого, которое не хочет навсегда уходить в безвестность, теряться в далах бесконечного. Можно, пожалуй, говорить даже о незаконченном прошлом. Иначе говоря, о той данности, феномене времени, на которые пока нет достоверного, полного ответа. Так, например, подспудно не считаю законченным прошлое для себя: зная, что мой отец репрессирован в 1937 году, я не ведаю, где он похоронен, каки-

ми были его последние мысли и слова... Наиболее вероятно, что никогда и не узнаю, но мысль примириться с этим не хочет. Незаконченное прошлое может существовать и для народа, не знающего до конца подлинной истории своих триумфов и трагедий.

В истории триумф одного человека нередко оборачивался трагедией для целого народа. Н. С. Хрущев, выступая с докладом на XX съезде партии, акценты расставил таким образом. «Мы не можем сказать, — отметил он, — что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!» Думаю, что акценты не совсем точны. В докладе М. С. Горбачева 2 ноября 1987 года говорится, что документы, которые имеются, позволяют полагать, что Сталин знал о размахе репрессий и их массовом характере. Да, он знал, и знал точно. Например, В. В. Ульрих, заместитель председателя Верховного суда, регулярно с Вышинским докладывал Сталину (чаще одновременно Молотову и Ежову) о процессах и приговорах. В 1937 году ежемесячно Ульрих представлял «сводку» об общем количестве лиц, приговоренных за «шпионско-террористическую и диверсионную деятельность». Сталин читал все сводки и об уборке урожая, количестве добытого угля и, страшно говорить, о числе людей, лишенных жизни.

Сталин быстро привык к насилию как обязательному атрибуту неограниченной власти. Скорее всего, но это уже из области логических предположений, карательная машина, пущенная Сталиным на полный ход, захватила воображение не только функционеров нижнего звена, но и его самого. Возможно, эволюция сползания к идее насилия как универсального средства прошла ряд этапов. Вначале — борьба против реальных врагов, а они были; затем — ликвидация личных противников; дальше уже действовала страшная инерция насилия; наконец, насилие стало рассматриваться как показатель преданности и ортодоксальности. Например,

даже его ближайшие помощники Молотов и Каганович без ропота встретили сообщения о том, что у одного жена, а у другого брат арестованы как «враги народа».

Порой Сталин уже смотрел на общество как на человеческий аквариум: все в его власти... «Вредительство», шпионomanия, борьба с ветряными мельницами «двурушничества» стали постыдными атрибутами ортодоксальности, слепой веры и преданности вождю. Разве, например, можно было даже мысленно допустить, что из избранных на XIV съезде ВКП(б) членов и кандидатов в члены Политбюро шестеро окажутся врагами! Сталин уничтожал «врагов», а волны шли дальше и дальше... Это был трагический триумф злой силы. И кто знает: не была ли рядом с жестокостью и никогда не распознанная душевная болезнь Сталина? Иначе трудно объяснить, зачем понадобилось ему, устранившему своих соперников, продолжать «вырубать» лучших людей партии и государства в канун грозных испытаний? К слову сказать, в самих органах НКВД очень многие большевики раньше других рассмотрели опасность истерии всеобщей подозрительности и репрессий. Только в их среде более 20 тысяч честных людей пало жертвами этой вакханалии беззакония.

Однако никакие гримасы истории не смогли в конечном счете отнять у народа, создавшего «первую землю социализма», его достижений, и, несмотря на трагедию, мы сохранили приверженность своим идеалам. В самой диалектике триумфа и трагедии кроется бесконечная сложность нашего бытия, в котором при решающей роли народных масс (в конце концов!) от исторических личностей зависит так много. Говоря словами Гегеля, судьба человека не является лишь его личной, в ней представлена общая нравственная трагическая судьба. А трагизм ее как раз и заключался в том, что на определенном этапе Сталин воспринимался миллионами людей не как человек во плоти, а как символ социализма, его живое олицетворение. Ведь лозь, повторенная много раз, может выглядеть истиной. Обожествление вождя получало высший смысл,

оправдывало в глазах людей любые негативные явления за счет происков «врагов» и, наоборот, приписывало все успехи уму и воле лишь одного человека. Принимая и оглашая те или иные решения, особенно на больших форумах, Сталин любил ссылаться на классиков. Здесь он проявлял общечеловеческую слабость. Люди любят покровительство. Даже такой могущественный человек, как Сталин, был не прочь укрыться в тени авторитета теории, идеологических штампов, своего великого предшественника. Триумф и трагедия находили свое выражение в высоком патриотизме, интернационализме советских людей и одновременно в догматизме и бюрократизме многих институтов: в подлинной преданности и подвижничестве миллионов и всевластии аппарата и насаждении психологии «винтиков».

Легче всего сказать, что каждый век имеет свое «средневековье». Я глубоко убежден, что, если бы не образовался дефицит народовластия после смерти Ленина, социалистическое развитие общества могло бы обойтись без тех глубоких вмятин на щите истории Отечества, которые возникли вопреки высоким идеалам марксизма. Трагическое не было неизбежным. Конечно, сегодня проще говорить о возможной альтернативе, нежели сделать выбор в те далекие теперь уже годы. Обстоятельства легче анализировать. Справиться с ними всегда бывает сложнее.

С высот настоящего представляется, что после смерти Ленина, перед которым преклонялись даже оппозиционеры партии, реальный шанс возглавить партию имели Троцкий и Бухарин. Сегодня можно утверждать, что если бы Троцкий стал у руля партии, ее бы ждали еще более тяжкие испытания, чреватые утратой социалистических завоеваний. Тем более что у Троцкого не было научной и ясной программы построения социализма в СССР. А у Бухарина такая программа, свое видение общепартийных целей были. Однако Бухарин при всей его привлекательности как личности, высоком интеллекте, мягкости, человечности долго не понимал исторической необходимости резкого рывка

страны к наращиванию экономической мощи.

Были, конечно, еще Рудзутак, Фрунзе, Рыков... Но, как представляется, после смерти Ленина почти до начала тридцатых годов среди вождей революции Сталин был, пожалуй, наиболее последовательным и волевым защитником курса партии на утверждение и укрепление первого в мире социалистического государства. Да, он не имел данных заменить Ленина. Но их не имел никто. У Сталина, конечно, не было гениальной духовной мощи Ленина, теоретической глубины Плеханова, культуры Луначарского. Он не был ни крупным теоретиком, ни трибуном, ни привлекательной личностью. В интеллектуальном, нравственном отношении он уступал многим. А стал первым?! Во время борьбы за выживание нового строя исключительное значение имела целеустремленность и политическая воля лидера. Здесь, пожалуй, Сталину после Ленина не было равных. Говоря словами шекспировского Гамлета, Сталин «при бремени своих несовершенств» имел и нечто такое, чего не было у других. Не последнюю роль здесь играла способность Сталина максимально использовать партийный аппарат для достижения своих целей. Не на высоте оказались и многие из тех, кто остался со Сталиным рядом после смерти Ленина. В этих условиях альтернатива других лидеров была маловероятной.

Но дело в конце концов не в личностях, а прежде всего в том, что демократический потенциал, который начал создавать Ленин, не был сохранен. В этом все дело. Если бы демократические атрибуты социальной защиты от случайностей были созданы, то не имело бы решающего значения, является лидер выдающимся или менее выдающимся. В противном случае судьба страны впадает в слишком большую зависимость от исторического выбора: кто становится у руля власти. Сталин, много сделавший для утверждения социализма в нашей стране, не «вильнувший» к каким-либо оппозициям, не выдержал, однако, испытания властью. Прежде всего с точки зрения его отношения к общечеловеческим моральным

ценностям. Сталин был не просто беспощаден к политическим противникам. Он считал, что любая другая точка зрения оппортунистична. Кто был не с ним, расценивался как враг. У Сталина идея долга, понимаемая им как выражение безусловной исполнительности, превалировала над идеей права человека.

Пережить свое время дано очень немногим. Один среди них — Сталин. Но его бессмертие — беспокойно. Еще долго не затихнут споры о его роли в нашей истории, сопровождаемые эпитетами, окрашенными и почитанием, и ненавистью, и горечью, и вечным недоумением. Так или иначе, на судьбе Сталина мы еще раз убеждаемся, что в конечном счете власть великих идей сильнее власти людей, и трагическая одиссея сталинских злоупотреблений, конечно, не смогла подорвать огромной привлекательности идеалов, выдвинутых корифеями марксизма.

Суд людей может быть призрачным. Суд истории вечен.

Литературная газета, 1987, 9 декабря

Публикуемое стихотворение впервые напечатано Евгением Евтушенко в 1962 году, однако оно не вошло ни в его авторские сборники, ни в собрание сочинений. Печатается в новой авторской редакции.

Безмолвствовал мрамор.

Безмолвно мерцало стекло.

Безмолвно стоял караул,

на ветру бронзовея.

А гроб чуть дымился.

Дыханье из гроба текло,

когда выносили его

из дверей Мавзолея.

Гроб медленно плыл,

задевая краями штыки.

Он тоже безмолвным был —

тоже! —

но грозно безмолвным.

Угрюмо сжимая

набальзамированные кулаки,

в нем к щели глазами приник

человек, притворившийся мертвым.

Хотел он запомнить всех тех,

кто его выносил, —

рязанских и курских молоденьких

новобранцев,

чтоб как-нибудь после

набраться для вылазки сил

и встать из земли,

и до них,

неразумных,

добраться.

Он что-то задумал.

Он лишь отдохнуть прикорнул.

И я обращаюсь к правительству нашему

с просьбою:

удвоить,

утроить

у этой плиты караул,

чтоб Сталин не встал

и со Сталиным —

прошрое.

Мы сеяли честно.

Мы честно варили металл,

и честно шагали мы,

строясь в солдатские цепи.

А он нас боялся.

Он, веря в великую цель, не считал,

что средства

должны быть достойны

величия цели.

Он был дальновиден.

В законах борьбы умудрен,

наследников многих на шаре земном он

оставил.

Мне чудится,
        будто поставлен в гробу телефон:
кому-то опять
        сообщает свои указания Сталин.
Куда еще тянется провод из гроба того!
Нет, Сталин не умер.

        Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли
        из Мавзолея
        его.

Но как из наследников Сталина
        Сталина вынести?!

Иные наследники розы в отставке стригут,
но втайне считают,
        что временна эта отставка.

Иные
        и Сталина даже ругают с трибун,
а сами
        ночами

        тоскуют о времени старом.
Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
хватают инфаркты.

        Им, бывшим когда-то опорами,
не нравится время,
        в котором пусты лагеря,
а залы, где слушают люди стихи,—
        переполнены.

Велела
        не быть успокоенным
        Родина мне.

Пусть мне говорят:
        «Успокойся!» —
        спокойным я быть
        не сумею.

Покуда наследники Сталина живы еще на земле,
мне будет казаться,
        что Сталин — еще в Мавзолее.

1962—1987

Неделя, 1987, № 45

Стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина», опубликованное в «Неделе» № 45, вызвало большую почту, которую комментирует писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, автор повестей «Сашка», «Встречи на Сретенке», пьес «Отпуск по ранению», «Дорога на Бородухино».

Я не буду разбирать и цитировать те письма, в которых читатели приветствуют публикацию, потому что их позиция для меня ясна и понятна, а вот о других письмах — возмущенных, резких до грубости, негодующих — надо, видимо, поговорить. Почти все такие письма написаны людьми моего поколения, двадцатых годов рождения, почти все они участники войны, и все превратно толкуют заголовок стихотворения «Наследники Сталина». Почему-то эти люди, воевавшие в войну, трудившиеся и восстанавливавшие страну после войны, считают, что Евтушенко обращается к ним.

Вот строки из письма А. П. Меснянкиной:

«А вы, т. Евтушенко, почему-то всю злость переносите на наследников Сталина, которые и знать-то ничего не знали, а трудились и воевали, голодали и мерзли раздетыми и разутыми, но боролись со всеми невзгодами, не падая себя».

И такое во всех письмах! «Наследники Сталина» — принимают на себя. Но, помилуйте, разве Евтушенко говорил обо всем поколении, жившем в сталинскую эпоху? Только один читатель М. Бережной из Харькова задался вопросом:

«Кого автор имеет в виду? Тех, кто творил беззакония или жил при Сталине? Ведь одно дело — шайка Берии, творившая беззакония и произвол с благословения Сталина, и другое — те, кто работал, руководил порученными участками, отраслями, среди них такие, как Косыгин, Устинов, Малышев, Тевосян, Лихачев, как Жуков, Василевский и другие выдающиеся полководцы. Наконец, мы, простые люди, бывшие в те годы слишком молодыми, чтобы полностью отдавать отчет в тех злодеяниях, которые творились...»

Конечно, не о нас речь, уважаемый товарищ М. Бережной! Стихотворение

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ
ПАМЯТИ И ПРАВДЫ

написано в 1962 году. Нашему поколению до пенсии было еще далеко, и мы не могли «стричь розы» (как писал Евтушенко), мы — вкалывали тогда.

Вот еще строки из письма И. Н. Ласточкина, который негодует:

«Спрашивается, зачем же вы клеветеете на нас, чем же мы не угодили вам, тем, что родились до Октября и после, стали впоследствии активными участниками индустриализации страны и коллективизации, Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства?»

Опять то же непонимание, опять и этот читатель принимает заголовок-обращение стихотворения Е. Евтушенко на себя и свое поколение.

Ну, дорогие читатели, надо вчитаться в стихотворение. Я знаю, как Е. Евтушенко относится к участникам войны, он видел эшелоны, идущие на запад, видел и санитарные поезда и искалеченными, идущие на восток, видел детскими глазами страдания народа в те годы, и не о вас, ветеранах, говорит он, обращаясь к «наследникам Сталина». Не вы его наследники. Наследники другие, их было много в 1962 году, они имели силу и возможность повернуть страну назад, и Евтушенко предупредил! К сожалению, так и получилось — «наследники Сталина» постепенно и свернули СССР на административно-бюрократические рельсы.

Однако есть одно письмо от ветерана войны и труда М. В. Васильева, в котором он прямо пишет:

«Я отношу себя к наследникам И. В. Сталина. Проходил службу в органах НКВД — МГБ с 1938 года по май 1955 года — охранял Государственную границу Союза ССР...»

Далее читатель приводит цитаты из доклада М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской революции, но не приводит слова Генерального секретаря о сталинских «преступлениях на почве злоупотребления властью», о том, что «вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна». Кстати, во многих письмах цитируются

слова М. С. Горбачева, но ни в одном из них — вот те самые, о которых я сказал выше, — о преступлениях «вождя». Не верят? Даже Генеральному секретарю? Или не хотят верить, потому что слово «преступление» перечеркивает все заслуги — действительные и мнимые.

Я могу уважать верность тому, с кем прошла жизнь, и вряд ли я буду убеждать этих людей, но давайте смотреть правде все же в глаза. Всем сейчас известны потери высшего командного состава армии в тридцатых годах. Все сейчас знают, сколько жизней унесла «форсированная» коллективизация, с какими жертвами и лишениями проходила индустриализация. Признавая необходимость всех преобразований, все же нельзя не понимать, что жертвы были чрезмерны, порой напрасны.

Ветеранам же войны можно напомнить, чем и как мы воевали в первые годы войны. Даже после финской кампании, когда ясно было преимущество автоматического стрелкового оружия, к началу войны у нас оказалось минимальное количество автоматов, начало войны встретили с родимой, образца 1891/30 винтовкой Мосина, первый год войны мы почти не видели наших самолетов... Ведь вы, ветераны, все это знаете. Неподготовленность к войне была потрясающая! Вот поэтому и те двадцать миллионов, наших с вами однополков, однополчан не вернулись домой...

Да, многие из нас кричали: «За Родину, за Сталина!», но далеко не все, а ведь этот аргумент приводится почти во всех письмах. Товарищ Васильев даже утверждает, что «наследники Сталина — это пять миллионов участников войны, находящихся в запасе и отставке, от рядового до маршала!..» Ну, зачем же брать на себя смелость говорить от имени миллионов?

Недавно получил я письмо от бывшего танкиста В. Потапенко, вот несколько строк из его письма:

«Я думаю, что лозунг «За Родину, за Сталина!», то есть по аналогии «За веру, царя и отечество» — в дореволюционной России, предложил кто-то из ретивых политработников. А Мехлис

оставалось дать указание распространить эту затею шире. В танковых войсках я не знаю случая, чтобы орал в бою или перед боем «За Сталина». В роте, где я был комсоргом, а потом парторгом, не было такого. Перед боем выступали на собраниях, принимали в партию, но и тогда в честных, искренних словах никто не вспоминал Сталина. Ведь каждый танковый бой был для большинства последним. Потери у танкистов были огромными! Никто не хотел врать перед смертью».

И еще строки: «В 1985 г. мне довелось быть на встрече ветеранов 31-го танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Совет ветеранов корпуса решил после посещения Мавзолея В. И. Ленина возложить корзину с цветами к постаменту Сталина у Кремлевской стены. Я выступил с протестом и письменно уведомил председателя Совета, что категорически против этого мероприятия, и обосновал свое мнение...»

Так что не все пять миллионов согласны с вами, тов. Васильев, от лица которых вы решили выступить.

Фронтовой поэт Ю. Белаш, провоевавший в пехоте и выпустивший два сборника «Оглушная пехота» и «Окопная земля», недавно показал мне стихотворение «Сталин»:

Если признаться честно —
меньше всего в окопах мы думали
о Сталине.
Господа-бога вспоминали чаще.
Сталин
никаким боком не прикладывался
к нашей солдатской войне,
и говорить о нем — просто
не находилось повода.
И если бы не газеты,
право слово, мы бы так и забыли
эту, не встречающуюся в русском
языке,
фамилию.

Скажу и я, прослуживший в пехоте в сорок втором, что лишь в первом наступлении, когда вышли два наших танка, парторг батальона, поднимавший вторую роту, крикнул: «За Родину, за Сталина!», но сама-то рота вышла в это обреченное наступление молча. Да и парторг говорил потом мне, что комиссар по телефону грозил ему расстрелом,

если не поднимет роту. Ну, а в остальные наступления уже никто не кричал — не было сил на крики...

Я понимаю, что Сталин для нашего поколения олицетворял и Родину, и Советскую власть, и социализм, но давайте поглядим на прошлое без розовых очков, давайте прорвемся сквозь пелену тогдашней, завораживающей и оглушающей пропаганды — газеты, радио, парадные стихи, поющие хвалу «родному и любимому», а посмотрим на него, такое, каким оно было...

До сих пор помню, как выселяли из родного дома большую крестьянскую семью в 30-х годах. Шестеро ребятишек, дед, хозяин с хозяйкой. Не забуду, какой вой подняли малыши. Тогда я не знал, что ждет эту семью в дальнейшем. Но недавно на свою публикацию в «Комсомолке» получил большое письмо-исповедь, в котором читательница описывает судьбу вот такой большой крестьянской семьи, откуда она родом. Вот эта судьба: двое самых маленьких умерли от голода в эшелоне, там же умерли дед и бабушка, через два года, надорвавшись на руднике, умер хозяин, потом умерла мать и еще один ребенок, остальные попали в спецдетдом, где были невыносимые условия — ведь там жили дети «врагов народа». Сейчас эта женщина — инвалид. «Вспомнить хорошего, — как она пишет, — нечего».

Не забуду никогда овсянниковское поле под Ржевом и раздетые до белья трупы наших солдат, только ближе к немцам лежали нераздетые — не добрались «трофейные команды». Помню, как без единого артиллерийского и минометного выстрела, с одними родимыми винтовочками пошел наш батальон в наступление, в первое, второе, потом в третье... И через месяц от бригады никого почти не осталось. Это сорок второй год, когда после московского наступления Сталин гнал обессиленные, обескровленные в зимних боях части все вперед и вперед... А ему докладывали военачальники, что нет ни снарядов, ни мин, ни продовольствия.

Помню и дорогу на Дальний Восток и обратно, где по всей дороге — вышки, вышки, вышки...

Вы что, всего этого не видели, не знали, не на ваших ли глазах все это происходило? И после этого с гордостью называть себя «наследниками Сталина»! Кстати, есть письма, где читатели говорят о том, что их родичи были раскулачены, но, дескать, не Сталин в том виноват, а перегибщики.

Трудно, очень, наверно, трудно изменить себя прежнего, расстаться с «идеалом», которым для многих являлся Сталин. Один подполковник говорил мне после 1956-го: «Помнишь, у Достоевского есть: «какой же я теперь штабс-капитан, ежели бога нет»; вот и у меня сейчас так же: кто я, что я, если Сталина уже нет». Можно все понять, но хотелось бы видеть в ваших письмах хоть каплю раздумий, сомнений... Нет! Все ясно! А другие, не разделяющие их взглядов, — антисоветчики, предатели, которых не успел уничтожить Иосиф Виссарионович. Нельзя же так, уважаемые ветераны! И не заслуживает ваших оскорблений Е. Евтушенко, поэт-гражданин. Сквернословие — не аргумент в споре. Ну, а те стихотворения, которые прислали некоторые авторы как ответ Е. Евтушенко, о них лучше не говорить.

Во многих письмах есть слова: «Я воевал за Сталина», «мальчишка Матросов, за Сталина павший в бою» и так далее, и тому подобное. Неужто мы вот так и воевали и умирали ради одного человека? Простите, но я воевал за Родину, за Советскую власть, за Россию. Думаю, что большинство народа воевало именно за это. Кстати, хорошо воевали и даже обиженные Сталиным — дети репрессированных, дети раскулаченных, таких тоже было немало. Так же за Россию, кстати, воевали и наши отцы в первую мировую, хотя и кричали: «За веру, царя и отечество».

И ради бога не считайте себя и свое поколение «наследниками Сталина», если вы не соучаствовали в его преступлениях, а честно воевали, честно трудились всю жизнь. Никто же вашу честную жизнь не отнимает, не умаляет тем, что вы верили в вождя, да и давайте-ка, кстати, вспомним, не чаще ли кричали это в тылу, на учениях, в запасных полках, а в настоящем бою,

перед смертью, в пехотных атаках вырывалось другое, исконное, освященное веками русское «ура-а-а» вперемежку с другими русскими словами. Не миф ли это, вроде появления Верховного среди бойцов в Сталинграде?

И еще... Во многих письмах вопрос: зачем, для чего в печати опять появляются публикации о Сталине?

Дорогие товарищи, разве мы знаем всё о Сталине! Этой личностью история будет заниматься еще долгие годы. Мы должны разобраться в этой фигуре, о которой одни говорят, что он «сделал много для социализма», а другие утверждают, что он социализм дискредитировал. Разобраться и определить свое отношение. И Сталиным будут заниматься и история, и литература, и искусство.

Но то, что мы знаем, тоже надо осмыслить. С помощью своего тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперед, тезиса неверного, как мы теперь понимаем, Сталину удалось уничтожить большую часть ленинской гвардии большевиков, высший командный состав Красной Армии, очень значительную часть творческой и научно-технической интеллигенции, таких писателей, как А. Веселый, Б. Пильняк, И. Бабель, и многих других, таких ученых, как Н. Вавилов, называемый теперь «гением науки», таких, как А. Туполев и С. Королев, счастливым случаем не погибших в лагере и сумевших впоследствии много сделать для страны. А сколько не столь известных, оставшихся для нас безымянными, инженеров, техников, руководителей производств, имя которым «легион», не вернулись, сгинули на Колыме или Воркуте. Тем самым страна была ослеплена интеллектуально, что затормозило ее развитие на десятки лет, а впоследствии и привело к застою в науке и технике, литературе и искусстве. Все это факты! Вдуматься в них надо, а не отмахиваться, как это делает большинство авторов писем в защиту Сталина.

Интересно, что во всех этих письмах — полное приятие и признание перестройки, желание в ней участвовать. Но как же совместить это с призывами, поддерживающими читателя «Огонька»

Шмелева, который предлагает всех этих «Евтушенок, Рыбаковых, Окуджав отправить в Сибирь» по старому, «доброму», обычаю сталинских времен?

Вы все признаете, что перестройка — это демократия и гласность, и одновременно размахиваете дубинкой над головами неугодных вам писателей и поэтов, наклеивая на них ярлыки «антисоветчиков» и даже «предателей». Напомню, кстати, что и Рыбаков, и Окуджава воевали так же, как и вы. Нельзя совместить принятие перестройки с дремучей нетерпимостью к любому, идущему вразрез с вашим, мнению.

Вот что пишет лектор общества «Знание», офицер в отставке В. Гуцин:

«...честное слово, противно читать писания всех «бывших», «обиженных», «пострадавших», «ограниченных в издательствах», которые сейчас выползли (? — В. К.) на страницы журналов и газет со своими воспоминаниями, фактами, какой-то пошлой интимностью (? — В. К.), смакуя и разжигая в воображении людей драматизм прошлого...»

Далее т. Гуцин предупреждает: «Не кажется ли вам, дорогие товарищи, что пройдет эта мода (особенно у людей культуры) на гласность, и вы, осмыслив написанное, будете говорить об издержках в литературе? А? Думаю, что, кому как не вам, издателям и писателям, необходимо очень ясно понять и без сенсаций (так в письме. — В. К.) и эмоций, четко, научно, диалектически, историческую действительность прошлого и теоретически, по-ленински осмыслить наше будущее...»

Не будем придираться к изложению, хотя для лектора, имеющего высшее политическое образование, написано довольно сумбурно, но я привел такую большую цитату из письма лишь для того, чтобы показать, как некоторые авторы убеждены, без капли сомнения в своем праве, изрекать «истины в конечных инстанциях» и поучать кого попадя.

Думаю, что от такого читателя «попадет» и генерал-полковнику Д. Волкогонову за его выступление в «Литературной газете» «Феномен Сталина», который, в частности, высказывает такую мысль:

«Нельзя оценивать прошлое с арифметических позиций: чего было больше у Сталина — заслуг или преступлений? Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечность».

Для меня эта мысль бесспорна, тем более что эта «бесчеловечность» унесла многие тысячи честных, умных, талантливых, преданных Родине людей, можно сказать — цвет нации. Потому как именно такие люди были неугодны Сталину, представляя для его власти опасность. И, как пишет Д. Волкогонов, только в самих органах НКВД — «более 20 тысяч честных людей пало жертвами этой вакханалии беззакония».

Повторяю, я пишу все это не для того, чтобы переубедить авторов писем в защиту Сталина, я призываю их задуматься. Проанализировать все спокойно и, главное, не считать себя «наследниками Сталина». Не о нас с вами писал Е. Евтушенко это стихотворение. Не о нас...

Неделя, 1987, № 50

Владислав Кутузов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории партии
Ленинградского обкома КПСС

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

«...И сейчас еще встречаемся с попытками от-
вернуться от больных вопросов нашей истории,
замолчать их, сделать вид, будто ничего осо-
бенного не произошло. С этим мы не можем
согласиться,— отмечал в своем докладе «Ок-
тябрь и перестройка: революция продолжается»
Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горба-
чев.— Это было бы пренебрежением к исто-
рической правде, неуважением к памяти тех,
кто оказался невинной жертвой беззакония и
произвола. Не можем еще и потому, что прав-
дивый анализ должен помочь нам решать се-
годняшние наши проблемы: демократизации,
законности, гласности, преодоления бюрокра-
тизма — словом, насущные проблемы пере-
стройки».

Данная статья является первой попыткой осве-
тить так называемое «ленинградское дело». Ленинградский партийный архив располагает ограниченным кругом источников, которые лег-
ли в ее основу. Это не могло не сказаться на полноте исследования вопроса.

25 декабря 1948 года закончила свою работу Ленинградская X областная и VIII городская объединенная конференция ВКП(б). Делегаты подвели итоги более чем восьмилетней работы ленинградских коммунистов, в том числе за годы войны и блокады, наметили первоочередные задачи, избрали руко-
водящие органы. На состоявшихся после конференции пленумах первым секретарем обкома и горкома был вновь избран П. С. Попков, вторым секретарем обкома стал Г. Ф. Бадаев, горкома — Я. Ф. Капустин. Оба они ранее также работали на этих постах.

Вскоре после конференции в Цент-
ральный Комитет ВКП(б) поступило письмо. Вот его текст: «На Ленинград-
ской X областной и VIII городской партийной конференции я был членом
счетной комиссии, и мы, все 35 чело-
век, видели, что фамилии Попкова, Ка-
пустина и Бадаева были во многих бюл-
летенях вычеркнуты. (Всего, как выяс-
нилось в ходе проверки, против
П. С. Попкова было подано 4, Г. Ф. Ба-
даева — 2, Я. Ф. Капустина — 15 и
председателя Ленгорисполкома П. Г. Ла-
зутина — 2 голоса.) Однако председа-
тель счетной комиссии тов. Тихонов
объявил на этой конференции о том,
что эти лица прошли единогласно, об-

манув таким образом свыше тысячи делегатов. Очевидно, такой же обман на районных партийных конференциях и в первичных партийных организациях, когда объявляют об единогласном избрании секретарей. Неужели это с ведома Центрального Комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов. Как это стало возможным в Ленинско-Сталинской большевистской партии?

Боясь репрессий — не подписываюсь».

В начале февраля 1949 года заведующего отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома А. Я. Тихонова вызвали к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову.

Несколько лет назад А. Я. Тихонов ушел из жизни. Уже невозможно из первых уст узнать, что заставило его пойти на явный подлог, за который, кстати сказать, он жестоко поплатился. Этот беспринципный поступок А. Я. Тихонова не делал ему чести. Однако, по предположениям людей, работавших в партийном аппарате, это не было его личной инициативой.

После Тихонова к Маленкову были вызваны еще несколько ответственных работников Ленинградской партийной организации.

15 февраля на заседание Политбюро вызвали П. С. Попкова. Ленинградскую партийную организацию Петр Сергеевич возглавлял с марта 1946 года. Родился он в 1902 году. Выходец из крестьян, в молодости батрачил, затем работал столяром. В 1925 году стал коммунистом. В 1937-м окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ныне ЛИСИ). Вскоре после окончания института работал председателем исполкома райсовета Ленинского района, с июля 1938 года — первым замом председателя Ленгорисполкома, а в 1939—1946 годах стоял во главе Исполкома Ленгорсовета.

Вернулся П. С. Попков из Москвы, после заседания Политбюро, по свидетельству очевидцев, потрясенным.

...21 февраля состоялось объединенное заседание бюро Ленинградских обкома и горкома партии. На нем присутствовали Г. М. Маленков и член Оргбю-

ро ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов. Заседание длилось девять часов.

На следующий день, 22 февраля, в 12 часов в Лепном зале Смольного второй секретарь обкома Г. Ф. Бадаев открыл объединенный пленум Ленинградских обкома и горкома ВКП(б).

С сообщением об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) Кузнецова и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Родионова и Попкова выступил Маленков. Сообщение не стенографировалось. Однако по характеру прений, принятому постановлению, воспоминаниям лиц, присутствовавших на пленуме, можно попытаться восстановить основные положения выступления Маленкова.

Смысл его речи сводился к тому, что А. А. Кузнецов (секретарь ЦК), М. И. Родионов (Председатель Совета Министров РСФСР) и П. С. Попков встали на путь групповщины, антиленинских методов работы и противопоставления себя Центральному Комитету партии; они самовольно и незаконно организовали в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и нанесло материальный ущерб государству.

Действительно, 10—20 января 1949 года во Дворце культуры имени С. М. Кирова проходила Всероссийская оптовая ярмарка. Ее организовало Министерство торговли РСФСР. На этот счет имелось специальное постановление, предварительно согласованное с Ленгорисполкомом. По словам П. С. Попкова, лишь из выступления министра торговли Российской Федерации М. И. Макарова на открытии ярмарки он узнал о том, что на нее приглашены и союзные республики. Таким образом мероприятие регионального характера превратилось во всесоюзное. Для этого требовалось решение центральных органов.

А. А. Кузнецов и П. С. Попков, как явствовало из выступления Маленкова, вынашивали также идею создания компартии России. Тем самым они якобы хотели, по примеру Зиновьева, противопоставить Ленинградскую партийную организацию ЦК ВКП(б). Причем максимально использовались недостаточно продуманные формулировки, до-

пускаемые П. С. Попковым в публичных выступлениях и беседах. На пленуме Петр Сергеевич признавал, что он неоднократно говорил об этом, как в Ленинграде, так и в Москве. Он заявлял также, что ЦК ВКП(б) будто бы мало помогает Ленинграду в развитии собственной топливно-энергетической базы.

Третий тезис Маленкова — секретари обкома и горкома ВКП(б) якобы знали о неправильной информации по итогам голосования председателя счетной комиссии на отчетно-выборной партийной конференции и не сообщили об этом в ЦК ВКП(б). Однако это утверждение не получило подтверждения на пленуме.

Эти факты в освещении Маленкова были преувеличены и поданы тенденциозно. Безусловно, в работе П. С. Попкова и некоторых других руководителей Ленинградской партийной организации действительно имели место серьезные недостатки. Участники пленума, выступая в прениях, справедливо подвергли критике этих руководителей за нарушение принципа коллективности партийного руководства, поддержку настроений самообольщения успехами военных лет и бахвальства, заседательскую суетню, бюрократические методы работы, проявления зазнайства и нескромности. Резкое осуждение на пленуме получил поступок председателя счетной комиссии на объединенной областной и городской партийной конференции, который искажил результаты голосования.

Вот несколько выдержек из выступлений на пленуме:

Н. А. Николаев — секретарь Ленинградского горкома партии: «Очевидно, стиль нашей работы сделал возможным этот факт» (имелась в виду фальсификация итогов голосования).

И. И. Егоренков — директор завода «Большевик»: «Принцип подхалимства имел решающее значение при подборе кадров».

П. И. Левин — секретарь Ленинградского ГК ВКП(б): «Сначала все принципиальные вопросы решались в кругу 3—4 человек — Попова, Капустина, Лазутина, Бадаева, а потом все решен-

ные вопросы в ряде случаев доводились до нашего сведения, а во многом — не доводились».

Приведенные высказывания — лишь малая часть критических замечаний, прозвучавших на объединенном пленуме.

По своей критической направленности данный пленум отличался от проходившей менее двух месяцев назад конференции. Однако для обвинения руководителей Ленинградской партийной организации в сепаратизме и попытках противопоставления организации Центральному Комитету, как это вытекало из доклада Маленкова, не было оснований.

Понимая, какое тяжкое обвинение ложится на Ленинградскую партийную организацию, П. С. Попков стремился взять вину на себя и второго секретаря Ленинградского горкома партии Я. Ф. Капустина. Вот как в стенограмме пленума записаны его слова: «Я должен сказать, товарищ Маленков, что антипартийное поведение касается главным образом меня и Капустина, но оно не касается Ленинградского актива. Ленинградский актив, товарищ Маленков, в этом отношении совершенно чист, и я со всей ответственностью заявляю о том, что Ленинградская партийная организация сплочена вокруг Центрального Комитета партии».

Далее П. С. Попков пытался оправдать свои ошибки недостаточной подготовленностью для занимаемого столь высокого поста: «Я на партийной работе ни разу не был, за исключением института, где около 4 месяцев был секретарем партийной организации. На партийной работе на заводе не работал, в райкоме не работал, в горкоме в аппарате не работал. И когда я пришел сюда, я не знал партийной работы... У меня охватывать все вопросы и политического руководства и партийного руководства не хватает ни политических, ни общих знаний. Скажем, вопросы литературы я до сих пор не знаю, вопросы философии я до сих пор не знаю...»

Пленум одобрил решение о снятии П. С. Попкова с поста первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и объявлении ему выговора.

Я. Ф. Капустин, А. Я. Тихонов и некоторые другие ответственные работники также были сняты со своих постов, первый — с выговором, а последний — исключен из партии.

Перейдя ко второму вопросу — организационному, председательствующий на пленуме Г. Ф. Бадаев сказал: «Учитывая сложившуюся ситуацию в Ленинградской партийной организации, вношу предложение — просить Центральный Комитет рекомендовать соответствующего товарища на пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии».

Маленков неожиданно для всех заявил: «В Ленинградской партийной организации были, есть и всегда будут коммунисты, достойные занять пост первого секретаря обкома и горкома партии».

Не ожидавший такого поворота событий, растерявшийся председательствующий смотрит на участников пленума, те — на него. Немая сцена длилась минуту-две. Маленков подходит к трибуне. «Ну, если вы оказались в таком затруднительном положении, то я от имени Центрального Комитета партии могу порекомендовать на пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Василия Михайловича Андрианова».

Андрианов в продолжение всего пленума был в президиуме. С 1946 года он работал заместителем председателя Совета по делам колхозов при правительстве СССР, а до этого, с декабря 1938-го, был первым секретарем Свердловских областного и городского комитетов ВКП(б).

С приходом В. М. Андрианова к руководству Ленинградской партийной организацией события начали развиваться еще более драматично. Хотя, как видно из вышеприведенных материалов, серьезные обвинения касались лишь руководства Ленинградской организации, однако в это «дело» были вовлечены и пострадали сотни ни в чем не повинных людей. Первое время Андрианов, по словам очевидцев, внимательно, с карандашом в руках, целыми днями читал протоколы конференций, пленумов, активов, заседаний бюро, пытаясь выявить

«крамолу». Затем начал снимать с постов и исключать из партии людей, доказавших свою преданность Родине в суровых условиях блокады. Это стало возможным в обстановке авторитарных методов руководства, нарушений ленинских принципов и норм партийной жизни, социалистической законности.

Особенно усилилось избиение кадров после прибытия в июне 1949 года в Ленинград по просьбе Андрианова большой группы специально подобранных работников. Все они были назначены на ключевые посты. Под предлогом борьбы с «охвостом бывшего антипартийного руководства» при активной роли Андрианова и его сподвижников за короткий срок был почти полностью обновлен аппарат областного и городского комитетов партии, исполкомов областного и городского Советов, обкома и горкома ВЛКСМ, облсовпрофа.

Вскоре дошел черед и до руководителей районного звена. На каждом заседании бюро горкома заслушивали отчет о работе того или иного райкома партии. И каждый такой отчет, как правило, заканчивался тем, что первый секретарь райкома снимался с работы, а вопрос о партийной принадлежности его и других секретарей райкомов партии и руководителей райисполкомов передавался на рассмотрение партийной комиссии обкома.

Исключали из партии также на заседаниях бюро райкомов, минуя первичные организации, сразу же отбирали партбилеты, хотя по действующему Уставу окончательное решение о пребывании в партии было за обкомом ВКП(б). Одно из самых расхожих обвинений: не написали разоблачительных заявлений о враждебной деятельности А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и других.

Всего только в 1949—1951 годах в Ленинграде и области было заменено свыше двух тысяч руководящих кадров, в том числе около полутора тысяч партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Значительному изменению подверглось также руководство предприятий, учреждений и вузов. Не случайно в отчете о работе отдела партийных, профсоюзных и комсомоль-

ских органов обкома партии, датированном мартом 1951 года, подчеркивается: «Главным направлением работы Ленинградской партийной организации за отчетный период являлось искоренение последствий враждебной деятельности антипартийной группы, пробравшейся к руководству Ленинградской организации».

Обстановкой всеобщей подозрительности широко воспользовались нечестные люди, карьеристы и клезуники. Причем эти действия поощрялись. Выступая в феврале 1951 года на пленуме обкома ВКП(б), Андрианов говорил: «Мы считаем, что любые заявления, подписанные или без подписи, должны быть проверены и рассмотрены. Они во многом помогли выполнить до конца решение партии по Ленинградской партийной организации в ликвидации последствий деятельности антипартийной группы...»

По многим анонимкам создавались комиссии, выносились постановления бюро обкома, горкомов и райкомов партии. Около двух лет значительная часть усилий партийного и советского аппарата Ленинграда и области была направлена на расследование этих, чаще всего надуманных, клеуз.

Штаты партийных и советских органов долгое время были недоукомплектованы. Новые руководители боялись выдвигать людей: вдруг связан с бывшим руководством.

Однако перестановкой кадров не закончилось «ленинградское дело».

Используя отдельные факты нарушения государственной дисциплины и проступки со стороны А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и других (о чем речь шла ранее), В. С. Абакумов, тогдашний министр госбезопасности, и его сообщники искусственно представили эти действия как организованные антисоветской изменнической группой и сфабриковали «дело» о создании якобы ею заговора. При этом использовался факт выдвижения многих ленинградцев на руководящую работу за пределы города и области. Делалось это будто бы А. А. Кузнецовым с целью иметь всюду своих людей для образования антипартийных групп. В подобном духе истол-

ковывались и частые обращения за ответом по тому или иному вопросу руководителей Ленинграда к А. А. Кузнецову, Н. А. Вознесенскому и другим бывшим ленинградцам.

Волна арестов началась уже в 1949 году. Из выступления Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко 6 мая 1954 года на собрании партийного актива Ленинградской организации КПСС видно, что 21 июля 1949 года Абакумов направил И. В. Сталину заведомо ложную информацию, в которой сообщал, что Я. Ф. Капустин является агентом английской разведки. Спустя два дня по приказанию Абакумова Яков Федорович был арестован и без санкции прокурора (ее получили лишь спустя восемь дней) заключен в тюрьму. Следствием по делу руководил лично Абакумов.

Почему первым был арестован Я. Ф. Капустин? Сыграло, видимо, главную роль то обстоятельство, что в 1935—1936 годах, работая старшим мастером цеха на Кировском заводе, Яков Федорович в Англии в качестве стажера изучал производство паровых турбин. До этого он был землекопом на Волховстрое, слесарем на ряде предприятий Ленинграда. После окончания рабфака и института молодой инженер-механик трудился на Кировском заводе. Здесь же в 1938—1939 годах он стал секретарем парткома — парторгом ЦК ВКП(б). Перед войной Якова Федоровича избрали секретарем, а в 1945 году — вторым секретарем Ленинградского ГК ВКП(б).

Вслед за Я. Ф. Капустиным в августе 1949 года были арестованы А. А. Кузнецов и П. С. Попков. П. С. Попков с марта этого же года был аспирантом 1-го курса кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). По свидетельству сына, Владимира Петровича, он был арестован в Москве на квартире своего брата перед самым отъездом на каникулы.

Аресту подвергся также Н. А. Вознесенский. Уже в марте 1949 года он был освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя СМ СССР и председателя Госплана СССР, лишен депутатских мандатов. Оставшееся до ареста время

академик использовал для завершения своего главного труда «Политическая экономия коммунизма», но издать его не успел.

Был арестован Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов. Михаил Иванович, так же как и другие руководители, проходившие по «ленинградскому делу», относился к поколению коммунистов, выдвинутых на руководящие посты накануне Великой Отечественной войны. В 1939 году в 32-летнем возрасте он стал первым секретарем Горьковского обкома ВКП(б), пройдя до этого комсомольские университеты, работая в отделе народного образования, райкоме и обкоме партии. Вскоре после войны М. И. Родионова назначили Председателем Совета Министров РСФСР.

Арестовали также председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина. Петру Георгиевичу было тогда 44 года. С 1925 года он состоял в рядах партии. Трудовую жизнь начал слесарем. Затем окончил вуз, получил диплом инженера-механика. Вскоре его выдвинули на партийную работу. В 1937—1944 годы П. Г. Лазутин работал в аппарате Ленинградского ГК ВКП(б), затем стал первым заместителем председателя Ленгорисполкома, а в марте 1946 года заменил П. С. Попкова на посту председателя Ленгорисполкома.

Аресты продолжались и в последующие месяцы. «Помню такой случай,— вспоминает В. В. Садовин, в то время первый заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЛГК ВКП(б),— в июне 1949 года проводился пленум Ленинградского горкома партии. Пленум этот был внеплановым и проводился в срочном порядке. Члены и кандидаты в члены горкома партии приглашались по телефону. В частности, и мне было поручено пригласить на пленум группу товарищей. И вот, когда я позвонил первому секретарю Куйбышевского райкома партии Марии Алексеевне Вознесенской (сестре Николая Алексеевича Вознесенского), мне ответили, что ее уже два дня нет на работе. Тогда я позвонил к ней домой. У подошедшего к телефону я попросил

Марию Алексеевну. Меня спросил мужской голос: «Откуда звонят?» Я ответил, что звоню из горкома партии и приглашаю ее на пленум. В ответ услышал: «Прекратите паясничать». Оказываясь, к тому времени она была уже арестована».

В сентябре 1950 года в Ленинграде состоялся так называемый открытый судебный процесс выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Он проходил в помещении Дома офицеров (Литейный проспект, 20). Сведений о нем в печати не было. Правда, присутствовали представители нового актива.

Процесс проходил по сценарию, аналогичному процессам тридцатых годов. Подсудимых обвиняли в измене Родине, контрреволюционном вредительстве, участии в антисоветской группе. В последнем своем слове, по сведениям бывшего директора Института истории партии Ленинградского обкома КПСС С. П. Князева, присутствовавшего на суде, А. А. Кузнецов заявил: «Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает».

Чтение приговора прервал шум падающего тела и лязг оружия: это произошел обморок с молодым конвоиром.

Суд приговорил А. А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина и П. Г. Лазутина к высшей мере наказания. Приговор был для обвиняемых неожиданным: ведь вскоре после окончания войны смертную казнь отменили. Но затем, когда участники «ленинградского дела» находились под следствием, ее ввели снова. Последние, не имея доступа к информации, не знали об этом.

Проходившие по этому делу бывший второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), а затем первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) И. М. Турко, заведующая отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома партии Т. В. Закржевская и управляющий делами Ленинградских ОК и ГК ВКП(б) Ф. Е. Михеев были осуждены на дли-

тельные сроки тюремного заключения.

Спустя некоторое время состоялись другие процессы, на которых были приговорены к высшей мере наказания второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Ф. Бадаев, председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся И. С. Харитонов, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) П. И. Левин, первый секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) М. А. Вознесенская и другие ответственные работники. Был расстрелян уполномоченный МГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин, заменен весь руководящий состав чекистов Ленинграда. Большие изменения произошли также среди командных и политических кадров Ленинградского военного округа, ленинградской милиции.

Последствия так называемого «ленинградского дела» затронули и партийные организации страны, где репрессиям подверглись бывшие ленинградские работники, выдвинутые в разное время на ответственные посты. Так, были расстреляны: председатель Госплана РСФСР, в прошлом первый заместитель председателя Ленгорисполкома М. В. Басов, второй секретарь Мурманского обкома ВКП(б), до этого секретарь Ленинградского ГК партии А. Д. Вербицкий, первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), ранее председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся Н. В. Соловьев и другие.

Аресты и судебные процессы продолжались и в 1951—1952 годах. 15 августа 1952 года были арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения свыше 50 человек, работавших во время блокады секретарями райкомов и председателями исполкомов: «дело Смольнинского района», «дело Дзержинского района» и другие. По первому делу проходил и В. В. Садовин, чьи воспоминания приводились выше.

Арестованным по «делу Смольнинского района» инкриминировали хищение государственных средств в особо крупных размерах. Для этого был использован факт определенных затрат

для ремонта помещений избирательных участков, аренды помещений для предвыборных окружных собраний и т. д. И хотя в течение длительного следствия не было доказано, что кто-то из руководителей района положил себе в карман хотя бы рубль из этих средств, тем не менее приговор состоялся.

По данным, приведенным Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко в мае 1954 года на собрании актива Ленинградской партийной организации, всего в связи с делом Кузнецова, Попкова и других репрессиям были подвергнуты свыше 200 человек, часть как соучастники, а большинство — как близкие и дальние родственники осужденных. Причем для этой гнусной расправы использовался внесудебный орган — Особое совещание при МГБ СССР.

Произвол творился и над семьями бывших партийных и советских работников.

Преследования партийных и советских работников проводились и в другом плане. Если кого-то снимали с руководящей работы и исключали из партии, то устроиться на другую было чрезвычайно трудно. Тех лиц, которые помогали им в трудоустройстве, наказывали. Так, избранный секретарем Ленинградского ГК ВКП(б) В. П. Щербаков в сентябре 1949 года был снят с работы и выведен из бюро и состава горкома партии за то, подчеркивалось в постановлении ГК ВКП(б), что «по сговору с бывшим секретарем горкома Николаевым встал на антипартийный путь сохранения и протаскивания на руководящие посты скомпрометированных работников, не оправдавших доверия партии и снятых с занимаемых постов... пытался протаскивать на руководящую работу бывшего заместителя председателя исполкома Ленсовета Решкина...». После этого добиться специального разрешения новых руководителей на трудоустройство стало еще труднее. Проходили месяцы ожидания. А если предоставлялась работа, то самая рядовая. Кто имел рабочую специальность, тот после долгих мытарств возвращался к ней, у кого ее не было — поступали учениками.

Оставшиеся в живых родственники погибших жили надеждами на лучшие времена.

Фальсификация этого «дела» была установлена после разоблачения в июле 1953 года Л. П. Берии, занявшего после смерти И. В. Сталина пост первого заместителя Председателя СМ СССР и министра внутренних дел (в то время МГБ и МВД объединились в одно министерство — МВД). Берия пытался поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством. Еще в конце 30-х — начале 40-х годов он возглавлял органы госбезопасности и являлся одним из организаторов массовых репрессий. «Именно разоблачение Берии и его преступных связей с Абакумовым, — говорил в уже упоминавшемся выступлении Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, — нацелило на детальную и тщательную проверку так называемого "ленинградского дела"». Примерно в это же время отбывавшему в Воркуте свой 25-летний срок Г. Т. Кедрову, в прошлом секретарю ЛГК ВКП(б) по кадрам, а затем второму секретарю ЦК Компартии Эстонии, чудом удалось послать подробнейшее письмо в Центральный Комитет КПСС. Оно, как ему потом сообщили, помогло ускорить пересмотр.

30 апреля 1954 года Верховный суд СССР реабилитировал лиц, проходивших по данному делу. Тяжкое обвинение с Ленинградской партийной организации было снято. 6 мая этого же года в Ленинград приехали первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев и новый Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко. Они довели до сведения актива правду о «ленинградском деле».

В постановлении собрания актива отмечалось, что в связи с «ленинградским делом» обкомом и горкомом партии были допущены серьезные ошибки, выразившиеся в том, что многие коммунисты необоснованно исключались из партии и снимались с работы без обсуждения их дел в первичных организациях. Тем самым грубо нарушались уставные требования партии.

Ленинградским обкому и горкому КПСС, руководителям партийных и советских организаций вменялось в обя-

занность решительно и до конца исправить допущенные ошибки, проявить максимум внимания и чуткости к людям, ранее необоснованно обвиненным и теперь реабилитированным, а также завершить в ближайшее время работу по реабилитации коммунистов, привлеченных к ответственности в связи с этим делом.

«Ленинградское дело» могло появиться только в обстановке культа личности. «К так называемому «ленинградскому делу» от начала до конца, кроме авантюриста Берии, приложил руку Маленков. На совети Маленкова гибель ни в чем не повинных людей и многочисленные репрессии. На его совети унижение достоинства и компрометация Ленинградской партийной организации...» — говорилось в выступлении первого секретаря Ленинградского обкома КПСС И. В. Спиридонова на XXII съезде КПСС.

Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Шверник отмечал на этом же съезде: «Маленков несет очень серьезную ответственность за грубейшие нарушения Устава партии и революционной законности, допущенные в отношении Ленинградской партийной организации в 1949—1952 годах».

Весьма ценны свидетельства И. М. Турко о том, что следователь МГБ, допрашивая его в августе — сентябре 1949 года, использовал те же формулировки, что и Маленков в разговоре 28 февраля. Вот что говорил Иосиф Михайлович 2 июля 1957 года на собрании актива Ленинградской партийной организации, обсуждавшем вопрос об антипартийной группе.

«25 февраля 1949 года во время областной партийной конференции в Ярославле я с нарочным в президиум конференции получил указание Политбюро, которым отзывался в распоряжение ЦК, а 28 февраля во второй половине дня я уже был в кабинете Маленкова. Он принял меня стоя, заложив руки назад: «Что скажете?» Я тут же ответил, что пришел спросить, что случилось со мной.

Я представлял, что это большой человек, а увидел перед собой хулигана.

Было все, кроме мата и физических ударов. Посыпались такие слова: «Не хитрите с Центральным Комитетом партии», «Скажите, группа у вас была?..» Я говорю: «Нет», он говорит: «Да...». Только потом стало ясно, что эти формулировки и легли затем в основу сфальсифицированного протокола на следствии. Следователь все время кричал: «Не забудьте, что следствие — голос ЦК... Если ты не признаешься, то ты тем самым ведешь борьбу с Центральным Комитетом партии...» По целому ряду фактов можно судить, что Маленков не только руки приложил, а был организатором так называемого «ленинградского дела», и притом от начала до конца.

Зачем же Маленкову нужно было раздувать «ленинградское дело»? В официальных изданиях, за исключением упоминания о том, что это дело сфабриковали карьеристы с целью опорочить руководящие кадры Ленинградской партийной организации, ослабить ее, ничего не говорится. Не претендуя на исчерпывающее освещение этого вопроса, так же как и всей темы в целом, попытаемся, как нам представляется, объяснить это.

В марте 1946 года первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии А. А. Кузнецов был избран секретарем ЦК ВКП(б), вскоре его ввели и в состав Оргбюро. Выходец из рабочей семьи, он прошел путь рабочего, организатора комсомольской ячейки и комсомольского вожака волости. В двадцать лет он стал коммунистом. С 1930 года А. А. Кузнецов на руководящей работе в Ленинграде — заместитель заведующего отделом обкома, заведующий отделом горкома ВЛКСМ. В комсомоле Алексей Кузнецов прошел великолепную школу, сформировался как умелый организатор. По словам ветеранов партии, тепло отзывался о способном комсомольском вожаке С. М. Киров. Рекомендуя А. А. Кузнецова на партийную работу, Сергей Миронович характеризовал его как хорошего, перспективного работника.

С особой силой организаторский талант Алексея Александровича раскрылся в годы Великой Отечествен-

ной войны, которую он встретил на посту второго секретаря Ленинградского горкома партии.

После избрания А. А. Кузнецова секретарем ЦК ВКП(б) его утвердили начальником Управления кадров Центрального Комитета. А. А. Кузнецову поручили заниматься подбором, подготовкой и распределением кадров не только партийных, но и советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов. До А. А. Кузнецова этим важным участком ведал Маленков. В 1934—1939 годах он возглавлял отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В марте 1946 года на том же Пленуме ЦК ВКП(б), на котором А. А. Кузнецова избрали секретарем ЦК, Маленков стал членом Политбюро. Примерно с этого же времени Маленков начал выполнять работу не только секретаря ЦК, но и заместителя Председателя Совета Министров СССР. Короче говоря, Маленков стал играть вторую роль в руководстве партии, особенно после смерти А. А. Жданова, последовавшей в августе 1948 года. В А. А. Жданове Маленков видел своего конкурента. По словам Р. А. Руденко, в сфальсифицированных протоколах следствия клевета возводилась и на А. А. Жданова. Не случайно по «ленинградскому делу» проходили многие лица, работавшие с А. А. Ждановым, в том числе М. И. Родионов.

Быстрый рост А. А. Кузнецова явно не устраивал Маленкова. К тому же, по словам И. М. Турко, Алексей Александрович весьма неодобрительно отзывался о работе своего предшественника, причем публично. Недовольны были А. А. Кузнецовым также Берия и Абакумов: функции начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) распространялись и на кадры административных органов. Следует также иметь в виду, что, как подчеркивал Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко в мае 1954 года на собрании актива Ленинградской организации КПСС, «Абакумов несомненно стремился представить себя разоблачителем несуществующего заговора, пробраться при помощи Берии к руководству в стране. Не случайно ближайшее окружение Абакумова распро-

страшило слухи, что Абакумов скоро войдет в Политбюро».

Общими усилиями Абакумова, Берии и Маленкова — последние, кстати, состояли в личной дружбе — при одобрении Сталина и было сфабриковано так называемое «ленинградское дело».

Оно состояло, по нашему мнению, из двух этапов: во-первых, политической дискредитации руководителей Ленинградской партийной организации, во-вторых, объявления их изменниками Родины и контрреволюционерами-заговорщиками.

Во время первого этапа «дела» максимально использовались факты искажения результатов голосования на объединенной областной и городской партийной конференции, проведения первой (и последней) Всероссийской оптовой ярмарки в Ленинграде, непродуманные отдельные высказывания П. С. Попкова (о чем речь шла ранее).

Политически дискредитировав отдельных руководителей, карьеристы вскоре делают следующий ход — представляют их в качестве изменников Родины и контрреволюционеров-заговорщиков. Этого Абакумов со своими приспешниками сумел добиться, применяя недозволенные методы ведения следствия.

Политические авантюристы и карьеристы Берия, Абакумов и остальные виновники фабрикации этого и других подобных дел понесли заслуженное наказание. Партия на XX и XXII съездах решительно осудила нарушения социалистической законности, ленинских принципов и норм партийной и государственной жизни, вскрыла причины этих явлений.

Не зная прошлого во всей его сложности и противоречивости, нельзя понять и оценить настоящее, определить правильную перспективу. Историю надо видеть такой, как она есть. Все было, были и ошибки — и тяжелые, но страна шла вперед.

Диалог, 1987, № 18—19

Борис Болотин,

старший научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений
АН СССР

ЖИЗНЬ И ДОГМЫ

[О работе И. В. Сталина

«Экономические проблемы социализма в СССР»]

Если как полководец Сталин после 1965 года был реабилитирован в воспоминаниях заслуженных военачальников и прославлен во множестве литературных и кинематографических эпопей, то его теоретические работы фактически преданы забвению. И зря, поскольку одной из характерных черт сталинизма является как раз разрыв между словами и делами: слова Сталина были гораздо правильнее и праведнее его дел. Эти слова несут неизгладимый отпечаток своего времени и сами оставили в нем неизгладимый след. Теоретические взгляды Сталина во многом сформировали мировоззрение тех, кому сейчас за пятьдесят, и было бы просто удивительно, если бы это мировоззрение никак не сказалось на восприятии многими людьми происходящих в стране перемен, не определило бы в той или иной мере их позицию в перестройке.

Особое место в ряду теоретических работ Сталина занимают «Экономические проблемы социализма в СССР». В этот сборник вошли замечания и письма Сталина, навеянные дискуссией о проекте нового учебника политической экономии. Дискуссия закончилась в ноябре 1951 года, но ее участников долго, чуть ли не месяц, задерживали в столице — предполагалось выступление Сталина. Так и не дождавшись, экономисты разъехались по университетам. А весной следующего, 1952 года в печати начали появляться экономические заметки Сталина, объединенные впоследствии в сборник.

За изучение сборника сразу же взялась вся страна. Лишь недавно были проработаны материалы августовской (1948 года) сессии ВАСХНИЛ, и марксизм-вейсманизм, а заодно и вся генетика оказались бесповоротно посрамлены в глазах миллионов слушателей политшкол. Следом настало время постигать проблемы языкознания, решенные Сталиным. И вот наступил черед политической экономии.

Сегодня, тридцать пять лет спустя, читаешь страницы «Экономических проблем» со сложным и даже странным чувством. Бросается в глаза категоричность выводов, от которой мы уже отвыкли. Удивляет калейдоскоп реаль-

ных и надуманных проблем, их чрезмерно упрощенное или, наоборот, усложненное изложение. Но, закрывая книжку Сталина, ловишь себя на мысли, что в ней нашло своеобразное отражение понимание неизбежности перемен в нашей экономике, что она продиктована желанием предсказать хотя бы главное направление этих перемен. И в то же время почти в каждом абзаце — неумение перешагнуть через застывшие стереотипы и догмы.

О совершенствовании производственных отношений

За необходимость непрерывного совершенствования социалистических производственных отношений первым ратовал сам Сталин. К этой мысли возвращался он неоднократно, и в «Ответе т-щу Ноткину Александру Ильичу», и в письме «Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.». Напоминаю об этом для сведения тех, кто сегодня выражает, мягко говоря, беспокойство по поводу слома ряда устоявшихся форм нашей экономической деятельности, привычно отождествляя с ними саму суть социализма.

И при социализме, писал Сталин, производительные силы опережают в своем развитии производственные отношения, вступают в определенные противоречия со всем отжившим в производственных отношениях. И если дело обычно не доходит до конфликта между ними, то лишь благодаря способности социализма своевременно вносить изменения в производственные отношения, подтягивать их до уровня развития производительных сил. Социалистическое общество способно на это, «потому что оно не имеет в своем составе отживших классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходимости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, нетрудно будет преодолеть, не доводя дело до конфликта».

Как мыслил себе автор это преодоление? Вероятнее всего, теми же методами, что сослужили социализму недоб-

рую службу в тридцатые и сороковые годы. Но здесь важно другое: Сталин понимал, что хозяйственный механизм не может быть раз и навсегда отлит в вечные формы. То, что некогда было очень эффективным, обеспечивало небывалые темпы роста, а с ними — изменение всего облика страны и народа, со временем может превратиться в тормоз дальнейшего развития («если мы будем проводить неправильную политику», — добавлял Сталин).

Если так, почему же в сознании некоторых перестройка хозяйственного механизма, унаследованного от периодов индустриализации и послевоенного восстановления, воспринимается как покушение на азбучные истины марксизма-ленинизма, которые усваивались по Сталину? Вероятно, потому, что характер и направление начатой нами перестройки прямо противоположны всему, что он предвидел и предсказывал.

Камень преткновения — товарно-денежные отношения

Неизбежность предстоящего изменения наших производственных отношений предопределяется тем, что они включают в себя такой чужеродный, противопоставленный социализму элемент, как товарно-денежное обращение, — это по Сталину. И здесь мы вступаем в область, где сила и слабость его логики слиты безраздельно.

Анализ Сталина отталкивается от тезиса безупречно верного: нельзя управлять экономикой чуждыми ее природе методами, нужно исходить из объективных экономических законов, углубляя свое понимание этих законов и умение с ними сообразоваться. Но в ходе своего анализа Сталин приходит к выводам, не выдерживающим самой уважительной и благожелательной критики. Беда в том, что сама возможность подобной критики показалась бы ему вздорной — монопольное право теоретизировать, развивать марксистско-ленинскую политическую экономию (как и любую другую науку) по самой природе вещей принадлежит лишь ему, Сталину.

Теперь общепризнанно: товарно-денежные отношения есть лишь форма действия закона стоимости, а сам закон стоимости вытекает из ограниченности материальных (в том числе природных и трудовых) ресурсов общества, из необходимости соразмерять цели и средства их достижения, желания и возможности. А для Сталина закон стоимости — закон, определяющий лишь пропорции обмена, обмен же предполагает собственников, а собственники, конечно же, плохие люди. Анафеме предаются в конечном счете и закон стоимости, и связанные с ним товарно-денежные отношения.

И это — несмотря на верное и глубокое замечание, сделанное несколькими страницами раньше, что товарное производство далеко не всегда перерастает в капиталистическое, плодит капитализм. Для этого, говорит Сталин, нужно, чтобы средства производства находились в частной (хотя бы и докапиталистической) собственности, чтобы была возможность эксплуатировать чужой (хотя бы и не наемный) труд и т. д. При социализме этих условий нет, и поэтому ни о какой эрозии социализма, ни о какой реставрации капитализма из-за сохранения товарно-денежного обращения говорить нельзя (все это — почти дословный пересказ тезисов самого Сталина).

И тут же делается неожиданный и странный вывод, что товарное производство для нас не опасно лишь потому, что оно носит сугубо ограниченный характер, возникает только на стыке двух форм собственности — государственной и колхозной и на стыке производства и потребления. Так обнаруживается, что для Сталина товарное обращение нежелательно хотя бы потому, что оно предполагает определенную свободу выбора для покупателя и продавца и не поддается жесткому централизованному распределению.

Удивительная непоследовательность! В первой фазе коммунизма, когда государство сильно и крепнет, товарно-денежные отношения объявляются Сталиным объективно необходимыми (хотя и не очень желанными) из-за наличия двух форм собственности. Наоборот,

по мере приближения к фазе, когда государство в его нынешнем понимании должно видоизмениться, доверить значительную часть своих функций самоуправлению народа, товарно-денежное обращение становится абсолютно нетерпимым. Почему? Оказывается, лишь потому, что его трудно планировать из единого центра!

Рынок и колхозы

Итак, по Сталину, товарно-денежные отношения, рынок приходится терпеть лишь постольку, поскольку существуют колхозы. Теперь, пишет он, «государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы».

Это место читаешь с особой горечью. Как можно было представлять колхозы такими «роудейскими кооперативами», пекущимися лишь об интересах своих членов, не желающими вписаться в государственный план и меркантильно распоряжающимися своей продукцией? И это в конкретных послевоенных условиях, когда государство системой обязательных закупок и натуроплаты работ МТС (по существу, системой принудительных культур) буквально связало колхозы по рукам и ногам! Когда большая часть колхозной продукции «оплачивалась» по ценам, не покрывавшим даже ее доставки на заготовительные пункты! Вот где сталинское искусство безнаказанного жонглирования словами, не задумываясь даже о возможности их критического восприятия.

По официальным статистическим данным, в 1950—1953 годах колхозы «продали» государству на таких условиях 60 процентов произведенного ими зерна (не считая израсходованного на семена), 60 процентов мяса, молока, всю сахарную свеклу и хлопок-сырец. Все это поступило в централизованные фонды, было учтено и распределено до последнего грамма. В этой ситуации слова о непланируемом характере дея-

тельности колхозов могут быть приняты как образец черного юмора.

Не буду говорить здесь о коллективизации — это самостоятельная, очень драматичная страница нашей истории. При всем уважении к А. Н. Рыбакову, его труду, воплощенному в «Детях Арбата», я не могу согласиться с его объяснениями, будто Сталин пошел на коллективизацию (задолго до того, как она была подготовлена материально и психологически) из опасения, как бы на нашей земле не появился класс фермеров. Что фермеров трудно вписать в социальную стратегию социалистического государства, свидетельствует хотя бы многострадальный опыт Польши. Но, думается, время и сроки коллективизации в Советском Союзе определялись жесткими обстоятельствами, которые нельзя было ни обойти, ни объехать, — необходимо было быстро создать тяжелую (прежде всего оборонную) промышленность, строить тысячи предприятий в этих отраслях, покупать для них — на зерно — сотни тысяч машин на Западе и кормить миллионы новых горожан: рабочих, пришедших из деревни. Все это в конечном счете плата за построение социализма в отсталой стране, окруженной врагами и лишенной государственной организованной поддержки рабочего класса Европы. Столь же несомненно, однако, что личность Сталина наложила трагический отпечаток на то, как проводилась коллективизация, какими потерями она обернулась. Ограничусь лишь констатацией, что и в довоенные, и в послевоенные годы мы вынуждены были идти фактически на экспроприацию значительной части продукции колхозной деревни.

И в это время Сталин глубокомысленно рассуждал о том, что экспроприация колхозов, превращение их в государственные предприятия (совхозы) могла бы, конечно, способствовать созданию единого производственного сектора и свертыванию товарного обращения, но такой шаг является для нас, дескать, неприемлемым.

Для справки: вскоре после кончины Сталина значительная часть колхозов была укрупнена и преобразована в от-

деления совхозов. В результате за 1950—1960 годы число сельскохозяйственных артелей уменьшилось почти в три раза, а число объединенных ими крестьянских дворов — почти на 20 процентов. И такая «экспроприация» не только не вызвала протеста колхозников, а была воспринята ими как акция спасения, обеспечивавшая им хотя бы гарантированный минимум доходов. Ведь многие колхозы ничего не выплачивали по трудовым — ни деньгами, ни натурой — с 1941 года, предоставляя своим членам «право» кормиться с приусадебного участка в обмен на отработку в общественном хозяйстве обязательного минимума трудовых дней. Добавим, что подобный шаг к «единому производственному сектору» не сузил, да и не мог сузить, сферу товарного обращения, сферу действия закона стоимости.

Интересны изложенные в «Экономических проблемах» мысли Сталина о природе колхозов. Оказывается, что эти «субъекты кооперативной собственности» на деле не имеют никакой собственности, ибо (цитирую) «колхоз не является собственником обрабатываемой им земли», «не является собственником основных орудий производства» и владеет только той частью продукции, которая достается ему после расчетов с государством. Получается, что колхозы — в той форме, в какой они существовали во времена «Экономических проблем», — это крестьянские общины, прикрепленные к государственной земле, обрабатывающие землю государственными орудиями и получающие за это малую часть продукции.

Как мало похоже это на ленинский кооперативный план! И как далеко, к счастью, ушли колхозы с того времени вперед, несмотря на все бюрократические препоны (и как далеко могли бы оказаться, не будь этих препон!). Они уже стали собственниками всех средств сельскохозяйственного производства. В письме же к известным советским аграрникам-экономистам супругам Александре Саниной и Владимиру Венжеру (здравствующему и поныне) Сталин отверг как ересь предложение укрепить колхозы, передав им

в собственность трактора, комбайны, грузовые автомобили и прочую технику. Через семь лет, в 1959 году, это предложение было воплощено в жизнь, и колхозы, которые до тех пор все же каким-то чудом умудрились заполучить 2 тысячи тракторов, стали собственниками 650 тысяч тракторов (теперь у них более 1150 тысяч этих машин). Вопреки предсказаниям Сталина, колхозы при этом отнюдь не разорились. С 1950 по 1986 год оплата труда в колхозах выросла в среднем с 70 копеек до 7 рублей в день (с учетом повышения цен — примерно в семь раз).

Рынок и план

Неприятие Сталиным рынка в условиях социализма, его мнение о несовместимости рынка и плана прочно сформировало экономическое мышление не только значительной части наших хозяйственников, но и ученых. Даже после XXVII съезда, январского и июньского Пленумов в печати, в том числе весьма авторитетной, продолжали появляться странные рассуждения о том, как хорошо было бы «стерилизовать» товарное обращение, отмыть его от денег, вести расчеты между предприятиями и учет их продукции не в рублях, а в каких-то других, скажем, энергетических единицах. Критический обзор этих энергоэкономических химер не входит в нашу задачу. Сами предложения создать эти чудовища свидетельствуют, однако, о том, что «Экономические проблемы социализма в СССР» нужно не замалчивать, а анализировать и критиковать. Все, что принадлежит истории (в том числе экономической), должно быть ей возвращено.

Московские новости, 1987, № 34

Юрий Буртин,
критик, член СП СССР

«ВАМ, ИЗ ДРУГОГО ПОКОЛЕНИЯ...»

К публикации поэмы А. Твардовского «По праву памяти»

Ну вот и грянули наконец с журнальной страницы эти много лет назад — кажется, в другой жизни — запомнившиеся слова:

...Отринь отца и мать отринь...

Ясна задача, дело свято, —
С тем — к высшей цели прямиком.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, что он велик,
Хотя б ты крымский был татарин,
Ингуш иль друг степей калмык.
Рукоплещи всем приговорам,
Каких постигнуть не дано.
Оклевети народ, с которым
В изгнание брошен заодно.

И в душном скопище исходов —
Нет, не библейских, наших дней —
Превозноси отца народов:
Он сверх всего,
Ему видней.

Давно наша милая, умненькая поэзия, наперебой придумывающая, как бы поинтереснее стать и повернуться, — давно она не слыхала такого грозного пафоса, такого могучего сарказма. Она привыкла к игре, к условности, а тут вдруг Твардовский с его суровой, мужицкой, толстовской прямоотой. Литературным гурманам она, конечно, будет не по вкусу, но не для них это и писано. А в живых человеческих душах, в тех, кого на самом деле томила и томит «немая боль» народной судьбы, слово поэта, без сомнения, нашло и будет находить сочувственный и благодарный отклик.

И все же вслед за первым чувством радости, что публикация поэмы наконец состоялась, да еще как — сразу в двух ведущих журналах (Знамя, 1987, № 2; Новый мир, 1987, № 3), к нему почти тотчас же примешалось и другое — сожаление и горечь: сегодня ли надо было это опубликовать!

С того, пожалуй, и начнем.

«Рукописи не горят». Эти слова из 24-й главы булгаковского «Мастера и Маргариты» вошли в наше сознание как пароль стойкости и веры, горькой и мужественной решимости художника тво-

рять, исполнять свое предназначение и тогда, когда враждебные обстоятельства лишают его всякой надежды увидеть свой труд обнародованным. Прекрасные, гордые слова! Блистательно подтвержденные судьбою романа, где были произнесены, они несли в себе мощный нравственный заряд и в годы минувшего безвременья укрепили, конечно, многих.

Но правда этих слов тотчас превращается в кощунственную неправду, стоит лишь придать той же максиме такую примирительную, умиротворяющую интонацию (какой никогда не придаст ей сам художник): ну что ж, дескать, ничего страшного, не напечатали вчера — напечатают сегодня или завтра, рукописи, как говорится, не горят.

Тут уже непременно хочется возразить. Горят, да еще как! И сколько их за нашу историю сгорело — не только в отдаленные времена, но и в более или менее близкие к нашим дням. Где, например, рукописи Бабеля, Мандельштама, Павла Васильева, Воронского, Виктора Кина, Хармса, десятков и сотен других писателей, ставших жертвами несправедливых репрессий? А сколько талантливых произведений осело на фильтрах самой печати и контролирующих ее ведомств! А сколько — из-за заведомой невозможности пройти эти фильтры — даже до них и не дошло... Все это потери нашей мысли, нашей культуры, и во множестве случаев невозвратные, невосполнимые.

Это во-первых. А во-вторых, и в варианте более благополучном, когда, пролежав в столе по причинам, от автора не зависевшим, вещь все же в конце концов приходит к читателю, но много позже своего естественного срока, — разве это ее выпадение из своего времени не такая же, в сущности, потеря?

Скажут, пожалуй: но ведь истинные ценности искусства живут долго и за пределами своего времени.

У меня да и у вас в запасе вечность.

Что нам потерять часок-другой?

В самом деле, так ли уж важны какие-нибудь потерянные 10—20 или даже

50 лет, если впереди у произведения — века? А с другой стороны, дескать, нет и худа без добра. Вещь пролежала ненапечатанной 10—20 лет — вот теперь и посмотрим: выдержала ли она проверку временем? Выдержала, читается с прежним интересом — ну что ж, тогда пусть живет. Выглядит устаревшей — так, может, правильно и сделали, что в свое время не дали ей ходу?..

Что касается последнего рассуждения, то лукавство его обнаруживается простым вопросом: справедливо ли, что подобная предварительная «проверка временем» уготована обычно лишь острокритическим книгам (фильмам, спектаклям), а благополучная серость птицей летит в печать? Но и убедительность тезиса насчет безразличия истинных произведений искусства ко времени их опубликования также при ближайшем рассмотрении оказывается мнимой.

Конечно, философская притча о жизни и смерти или стихотворение о любви могут быть в этом смысле более независимыми, хотя и на решение «вечных тем» время накладывает свой отпечаток. Но разве содержание литературы исчерпывается «вечными темами»? А в большинстве других случаев вынуть книгу, даже гениальную, из своего времени — значит в большой степени лишить ее живого общественного значения. Попробуйте-ка представить себе, например, «Мертвые души» опубликованными не в 1842-м, а в 1862 году, в пореформенной уже России. Все, все осталось бы при них: и художественность портретов и пейзажей, и лирические отступления, и удивительный гоголевский язык, и грандиозная общая идея, — но того потрясения, того переворота в умах, какой вызвала эта книга в поколении 40-х годов, она уже отнюдь не совершила бы. Это было бы, как и для человека наших дней, прекрасное, классическое чтение, доставляющее удовольствие и пользу, но не более того. То же самое, если бы не в 1862-м, а, скажем, в 1882 году появились бы тургеневские «Отцы и дети». Разве всколыхнула бы тогда эта книга всю читающую Россию, разве стала бы она предметом столь яростных споров, разве имела бы хотя

бы четверть того воздействия на духовное самоопределение новой русской интеллигенции, как в то время, которым была рождена и для которого предназначена?

Дорога ложка к обеду. Согласимся, как с аксиомой: когда талантливая, значительная вещь, отвечающая насущным потребностям своего времени, надолго запаздывает с выходом к читателю, это вредит не только ей самой, ее успеху и влиянию, но и обществу, чьему развитию она могла бы послужить, да не послужила. Не послужила в тот единственный момент, когда была ему особенно нужна, а там живи она потом хоть тысячу лет — момент этот больше не повторится, урон так и останется невосполненным. И урон не только тому поколению, к которому вещь непосредственно была обращена, но через него — и всей последующей истории народа.

В наши дни, в апогее всеобщего увлечения возможностью прочесть многое из того, что долгие годы оставалось под запретом (тут тебе и «Новое назначение» Бека, и «Реквием» Ахматовой, и «Котлован» Платонова, и «Собачье сердце» Булгакова, и обещанный вскоре «Доктор Живаго» Пастернака), полезно все это иметь в виду. В частности, и для того, чтобы не поддаться ни вышеупомянутой сытой умиротворенности (дескать, все в конце концов устраивается, справедливость торжествует), ни столь же неосновательному «разочарованию»: вот, мол, напечатали — и ничего не случилось, интересно, конечно, но событием вещь не стала... Ну, а будь сегодня впервые изданы, например, «Божественная комедия» или «Дон Кихот», «Фауст» или «Тихий Дон» — стало бы это «переворачивающим» событием современной жизни, способным коснуться всех и каждого? Более чем сомнительно. Вряд ли очередь в библиотеке за книжкой журнала с подобными произведениями мировой классики была бы длиннее, чем, например, за «Печальным детективом» В. Астафьева, далеко не классическим по своим художественным достоинствам, зато жгуче современным. То-то и оно.

Судьба последней поэмы Твардовского, — как и предпоследней, «Теркин на

том свете»*, о чем нужен отдельный разговор, — служит горьким подтверждением названной аксиомы. И не только в том смысле, что в обоих случаях готовая, законченная вещь вопреки воле автора многие годы оставалась у нас неопубликованной. Гораздо больше другое: то, что своим содержанием и временем написания она принадлежала одному этапу общественного развития, до читателя же дошла на другом, качественно отличном от первого. Когда вокруг шумит уже иная жизнь, и у нее свои проблемы, и даже проблемы прежние стоят уже как-то по-другому, с учетом опыта истекших лет.

«Вам, из другого поколения», чтобы должным образом воспринять поэму «По праву памяти», разделить одушевляющий ее публицистический пафос, нужно прежде всего понять ее отношение к тому времени, которым она была рождена. Но что знает об этом времени — о наших 60-х годах — основная масса современных читателей, те, кому сегодня 30—35, а тем более 20? Рискнем утверждать, что почти что ничего. Да и откуда знать? Нынешний молодой человек, если и помнит названный период истории, то в лучшем случае как свои детские годы, которых взрослая жизнь еще не успела коснуться. В школе о нем не говорят, а если и скажут невнятную фразу насчет преодоления какого-то «субъективизма и волюнтаризма», то, влетев в одно ухо, она тотчас вылетит в другое. Ни по телевизору это время не показывают, ни романов о нем не пишут, ни исторических трудов. В результате наш молодой современник даже о войне или о нэпе имеет более ясное понятие, чем о таком еще недалеком прошлом. Правда, кое-что ему могли бы рассказать матери и отцы, но, за редкими исключениями, они и сами не очень-то знают,

* Закончена весной 1954 г., однако не разрешена к напечатанию и даже послужила одним из главных (хотя и необъявленных) обвинений против Твардовского, приведших к снятию его в первый раз с поста главного редактора «Нового мира» (23 июля 1954 г.). Опубликована (в новом варианте) лишь девять лет спустя и вскоре вновь оказалась в длительной опале. (Здесь и далее примечания автора статьи. — *Ред.*)

как им относиться к той полосе жизни, ругать ее или хвалить.

Вот и получается, что раньше всякой прочей критики поэма «По праву памяти» требует сегодня просто-напросто реального исторического комментария — без экивоков и умолчаний.

Главный вопрос: зачем понадобилось Твардовскому во второй половине 60-х годов писать поэму о Сталине? Даже в 1963 году, когда были сделаны ранние наброски нескольких ее строф, а тем более в 1966-м, когда мелькнувшая было тема вернулась к нему и заставила заняться собой вплотную*, Сталин — это было уже прошлое, пусть не слишком еще далекое, хорошо памятное, с в о е, но все же прошлое, отделенное от текущего момента не просто 10—15 годами, а целым периодом общественного развития. Захотелось вдруг написать историческую поэму? На Твардовского это было бы решительно не похоже. Всегда живший в поэзии тем, чем на данном этапе своего общественного бытия живет не та или другая группа людей, а народ, народ в целом, и именно на этом, общенародном уровне чутко улавливавший все исторические изломы и переходы, он был своего

* Творческая история поэмы в основных ее моментах изложена в предисловии М. И. Твардовской к публикации «По праву памяти» в «Новом мире»: «Годы работы над поэмой, которыми она помечена (1966—1969), не совсем точны. Об этом свидетельствуют приведенные здесь наброски и запись из рабочей тетради автора, по-видимому, запамятавшего о существовании самых первых строк, в декабре 1963 года. Занесенных на страницу как замысел и затем оставленных. Лишь в июле 1965 года автор вновь и ненадолго возвращается к ним. <...>. Всерьез вернуться к поэме Твардовский смог в 1966 году. От кратковременных «присестов» (как обозначал он эпизодическую работу) он переходит к «усидчивости». Поэма освобождается от вариантности эпизодов, набирает объем и глубину, многозвучность мотивов размышлений «о времени и о себе». С определенностью можно сказать, что тема «пяти слов» — центральная в поэме — сложилась в 1966 г.». Далее — о включении в текст поэмы стихотворения «На сеновале» (Новый мир, 1969, № 1) и о вариантах лирического предисловия к ней, «окончательная редакция» которого выражала решение автора «считать «По праву памяти» произведением самостоятельным, формально не связанным с ранее вышедшими вещами, в том числе и с поэмой «За далью — даль»» (Новый мир, 1987, № 3, с. 163—164).

рода летописцем эпохи, но никак не писателем-«сочинителем» в обычном смысле слова. Переберите в памяти все его крупные вещи — ни одна из них не явилась «просто так», по прихоти вольной поэтической фантазии, но все — как бы по воле истории, каждая открывала, выражая в самых существенных ее чертах, какую-то новую крупную полосу, в которую вступала жизнь народа. «Страна Муравия» — 30-е годы, их духовный подъем и не тронутый никаким сомнением оптимизм строительства новой жизни. «Василий Теркин» — войну как особую историческую эпоху в ее общенациональном и общечеловеческом содержании и значении. «Дом у дороги» — первые послевоенные годы, «со всей бедой — войной вчерашней. И тяжелой нынешней бедой». «Теркин на том свете» — социальный кризис конца 40-х — начала 50-х годов, когда постепенно вызревшие противоречия бюрократического режима достигли своей критической точки. «За далью — даль» — период с середины 50-х, время разрешения означенного кризиса и вызванного этим нового общественного подъема. Во всех этих случаях поэт словно бы и не выбирал свою тему, как не выбирают время, в которое живешь, — скорее сама тема, самое время выбирали его, именно его в качестве своего глашатая и летописца. Его творческая фантазия была смелой и богатой (вспомнить сюжеты той же «Муравии» или «Теркина на том свете»), но она никогда не распоряжалась творчеством Твардовского, а лишь служила наиболее полному выражению истины народной жизни. Да и похоже ли «По праву памяти» на историческую поэму? Тут лирика, тут гневная и страстная публицистическая инвектива...

Предлагалось и другое толкование того руководящего мотива, который побуждал автора к созданию новой поэмы: выраженное в ранних черновых набросках 1963 года ощущение, что в прежних своих вещах он «недосказал» о Сталине и его времени чего-то существенного. «Для нас, — пишет В. Дементьев, — чрезвычайно важным является и это свидетельство (о том, что первоначально Твардовский хотел дополнить

новой главой поэму «За далью — даль». — Ю. Б.), и эта строка, начинающаяся словами «Недосказал...»:

...Недосказал. Могу ль оставить
В неполноте такую речь,
Где что убавить, что прибавить —
То долей правды пренебречь.

Здесь четко сформулирована основная нравственно-философская идея поэмы: правда о народной жизни не должна быть частичной или «выборочной», она не должна содержать и выпавших или сознательно скрытых звеньев...»*

Во всем этом есть известный резон: и требование полноты правды, и ощущение ее «недосказанности», и связанное с этим недовольство собой — мотивы для Твардовского вполне характерные. Заметим, однако, что строки, на которых критик сделал столь сильный упор, так и остались в черновиках, не перешли в окончательный текст. И не бедновата ли, при всей своей правильности, была бы в таком случае «основная нравственно-философская идея поэмы»? Ну, разумеется, полная правда лучше неполной, но, взятая в столь общем виде, нуждается ли эта истина в поэтическом доказательстве? Ведь это была бы тогда не более как правильность трюизма.

Да и насчет «недосказанности» (если предположить, что и в 1966—1969 годах указанный мотив продолжал тревожить поэта)...

Ведь в том-то и вопрос: почему именно тему Сталина он испытал потребность «досказать»? Мало ли оставалось других «недосказанных» тем! И мало ли, с другой стороны, к тому времени было уже написано о репрессиях «периода культа личности»! Во всяком роде — и в публицистическом, и в научно-историческом, и в художественном, и в мемуарном — память легко подсказывает книги и имена. Так почему же именно данную тему, именно в данном направлении и именно в данный момент Твардовскому захотелось «досказать»?

Как видим, предложенное объяснение само, в свою очередь, нуждается в объяс-

нении и, таким образом, скорее уводит от существа дела...

Между тем ответа на поставленный вопрос не надо и искать, — он дан в самой поэме, вся заключительная глава которой как раз и является таким ответом. С первых же строк:

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотя в забвенье утопить
Живую боль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль — забыть!..

Забыть велят и просят лаской
Не помнить — память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвященных не смущать.

Вот он, прямой и ближайший источник поэмы. Не в «абстрактной» любви к полноте истины, а в мужественной решимости противостоять — «по праву памяти» — вполне конкретным попыткам наложить запрет на правду, умышленному, сознательно организуемому «забвению» преступлений сталинского времени. Но от кого исходил такой запрет, кому и зачем он был нужен?

Какой, в порядок не внесенный,
Решил за нас
Особый съезд
На этой памяти бессонной,
На ней как раз
Поставить крест?

В 1969 году это было ясно едва ли не всякому, кто не чужд был общественной жизни и следил за направлением ее развития, сегодня — не обойтись без пояснений.

За три с половиной десятилетия, прошедших после смерти Сталина, общественный интерес к этому лицу неизменно оставался чрезвычайно высоким. В немалой мере поддерживаемый и той атмосферой тайны, которой даже в пору наиболее резких разоблачений было окружено его имя, интерес этот обуславливался, конечно, главным образом тем, что — при самых различных, до диаметральной противоположности, оценках личности и исторической роли Сталина со стороны представителей разных общественных групп — роль эта объективно была очень велика и концентрировала в себе исторические обстоятельства поистине гигантского масштаба, определяющим образом по-

* Валерий Дементьев. Память сердца. Над страницами творческого наследия А. Т. Твардовского. — Литературная Россия, 1987, 24 апреля.

вливающие на судьбы десятков и сотен миллионов людей. Тем не менее можно утверждать, что отчетливо политический характер, существенный для направления и результатов нашего общественного развития, обсуждение данной темы приобретало на протяжении указанного отрезка времени всего дважды. Первый раз это было в 1956—1964 годах, во время широкой и активной критики «культа личности», второй — во второй половине 60-х годов, когда эта критика стала столь же активно и организованно заглушаться. Нас здесь интересует этот второй период, но правильно понять его исторический смысл можно лишь на фоне первого.

О времени, в просторечии называемом «эпохой Хрущева», часто говорят с пренебрежительной усмешкой. На то есть свои причины. И все же скажем сразу: такое высокомерие представляется и неисторичным, и нравственно сомнительным. Одни только распахнутые ворота лагерей и мужество признания — перед всем миром — в «массовых репрессиях» против собственного народа, беспримерных по своей жестокости и масштабам, — одни они уже достаточны для того, чтобы вспомнить об этом времени как об одной из высоких страниц отечественной истории.

Надо иметь в виду и следующее. Поднятая докладом Н. С. Хрущева XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях» волна критики Сталина год от году росла, захватывая все новые этапы и стороны его деятельности, набирая глубину и силу. То, что поначалу трактовалось как достойные сожаления «ошибки» и «отступления от ленинских норм», на XXII съезде партии (1961 г.) было прямо и резко названо по имени: «злодеяниями», «преступными действиями», «позорными методами руководства». А главное, критика сверху была подхвачена * и

многократно усилена разрастающимся критическим движением «снизу». И хотя во взаимоотношениях между той и другой сторонами процесса имелась определенная асинхронность, а по временам и довольно острые противоречия *, в целом это был все же единый процесс, объективный исторический смысл которого состоял в демократизации, в замене сталинского «казарменного коммунизма» (от которого предостерегали Маркс и Энгельс) ** качественно иным типом социализма, базирующимся на принципиально иных основаниях. В экономике — не на принуждении к труду, а на материальной заинтересованности в его результатах; в системе управления — на демократическом (вместо авторитарно-бюрократического) централизме, с расширением самостоятельности «мест» и элементами контроля «снизу»; во внешней политике — на идее мирного сосуществования (вместо враждебного противостояния) двух миров, на поисках возможностей взаимопонимания и сотрудничества...

Много и справедливо говорилось о недостатках тогдашней критики Сталина, главными из которых были сужение исторической ответственности до личной вины одного или нескольких лиц, сведение истории к констатации, пресечение всяких попыток предложить сколько-нибудь последовательный анализ причин, условий и последствий обнародованных кровотокающих фактов. Верно и то, что процесс социальных преобразований, которому эта критика давала духовную и политическую форму, шел хаотично, неровно, во многом «методом проб и ошибок». Без сколько-нибудь основательного теоретического продумывания и той по-своему цельной, законченной, внутренней логичной системы, от которой хотели уйти, и того, к че-

* Отчасти же и предвосхищена, если вспомнить, например, такие факты истории литературы, как опубликование в «Новом мире» Твардовского еще в 1952 г. очерков В. Овечкина «Районные будни», а летом 1953-го — первых глав поэмы «За далью — даль», в том числе острокритической главы «Литературный разговор», как упоминавшийся первый вариант «Теркина на том свете» и др.

* Вспомнить хотя бы столь же резкую, сколь и несправедливую критику Хрущевым альманаха «Литературная Москва» и романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), мемуаров И. Эренбурга (1963) и ряда других произведений литературы и искусства, отлучение Пастернака (1958).

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 338; т. 18, с. 414.

му намеревались прийти, и, наконец, самих путей, этапов, способов перестройки. Без сознательного, последовательного раскрепощения инициативы и общественной самостоятельности масс, что только и могло придать процессу демократизации подлинную силу и необратимость. Более того, с не раз возобновляемыми попытками решать новые задачи старыми диктаторскими методами, верхушечными преобразованиями аппарата, повсеместным внедрением эфемерных, но обязательных хозяйственных панацей.

Сегодня нам нет никакого резона ни скрывать от самих себя названные недостатки, сильно повредившие тогда энергии, глубине и результативности очистительного процесса, ни преуменьшать их. Напротив, их нужно в полной мере осознать, в частности и для того, чтобы на новом этапе обновления не повторить подобных ошибок. И все-таки, все-таки... Как бы то ни было, предпринятые тогда шаги делались в общем к человеку, а не от него и не поверх него; процесс шел пусть противоречивый и прерывистый, пусть не сумевший и не успевший получить хотя бы относительное завершение, но внутренне значительный и исторически перспективный. Однонаправленный с нашей нынешней перестройкой.

Совсем по-другому всплыла сталинская тема несколько лет спустя.

Далеко не сразу стало понятно, что состоявшееся в октябре 1964 года смещение Хрущева явилось не просто сменой руководства, а началом нового периода в жизни страны. Событием, по своим последствиям для нее едва ли не равновеликим XX съезду, но — с обратным знаком. Акцией, направленной не только против «волютаризма» и безудержного экспериментарства (единственный мотив, предлагавшийся ей в объяснение и для многих тогда показавшийся убедительным), но, по сути дела, и против того позитивного общественного процесса, который составил содержание предыдущей исторической полосы. Мало-помалу, однако, особенно к концу десятилетия, когда была спущена на тормозах идея хозяйственной реформы, это стало достаточно очевид-

ным (хотя никаких прямых заявлений на сей счет по-прежнему не делалось).

Дело не в том, чтобы произошло восстановление сталинского режима: это было бы и невозможно, и элементарное чувство самосохранения не могло не быть тут помехой. Как всегда бывало в истории, реставрация и в данном случае была лишь частичной и относительной. Можно сказать даже так: все преобразования в системе, все то новое, что было внесено «эпохой Хрущева» в экономическую и социально-политическую организацию нашего общества, во внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, новая эпоха сохранила и закрепила. За одним-единственным исключением: был остановлен, пресечен тот процесс демократизации, о котором говорилось выше. И этого было достаточно, чтобы радикальным образом изменить всю картину. Пусть и предыдущая полоса в данном отношении (как и в ряде других, например в росте и интенсификации производства) достигла еще немногого, как бы то ни было, общество находилось в движении, в поисках; в нем жила сильная тенденция к самоизменению. Ситуация была противоречивой, но динамичной и открытой. И вот все это было остановлено, динамика превратилась в статику, а та уже сама собой — в омертвляющую застойность. Общественная структура, утвердившаяся в результате такой операции вычитания (социализм минус демократия), была, конечно, во многих отношениях более эластичной, чем та, что существовала до середины 50-х годов, но как та, так и другая признавали неписаной нормой администрирование, авторитарно-бюрократический характер взаимоотношений между руководителем и массой, систему привилегий для высших этажей конусообразной социальной иерархии; как та, так и другая, провозглашая лозунги движения, в действительности были внутренне ориентированы только на стояние, на поддержание и охрану существующего порядка вещей. К чему это привело, хорошо известно.

А идеологической формой этого «вычитания», своего рода эмблемой изменившейся официальной установки стала

именно смена акцентов по отношению к Сталину, линия на его моральную реабилитацию в глазах народа.

Проводилась она, эта линия, последовательно и, надо признать, не без успеха. Отнюдь не прямым отрицанием сделанных ранее разоблачений, — это было бы трудно и могло бы иметь обратный эффект, — а продуманным сочетанием полуправды и умолчания. Полуправды — в том, что касалось роли Сталина в Отечественной войне, единственного момента его биографии, который мог быть морально выигрышным в глазах общества. И умалчивания обо всем остальном.

Успеху первой части названной программы немало послужило и то обстоятельство, что в предыдущие годы о деятельности Сталина во время войны говорилось, в свою очередь, очень мало, сквозь зубы и с односторонним упором на его ошибки, на помехи, которые вносил его деспотизм в организацию тех или иных военных операций. (Твардовский, гордый человек, никогда не признававшийся к хору, был тогда одним из немногих, кто выступал против подобной односторонности, — см. главу «Так это было» из поэмы «За далью — даль», особенно в изданиях 1960—1961 гг.). И вот теперь, как бы в исправление допущенной несправедливости, которая, надо сказать, многих тогда раздражала, сначала поодиночке, а затем все расширяющимся косяком пошли мемуары, фильмы, наконец, романы, заново приучавшие читателя и зрителя к мысли об особых заслугах Сталина — полководца, стратега, лидера антигитлеровской коалиции. С другой стороны, ни о чем неприятном для репутации Вождя в них уже, как правило, не упоминалось. Даже о тех же частных промахах его военного руководства. Тем более о его общей ответственности за то, какой тяжкой ценой досталась нам победа. Ни о том, что в 1937—1938 годах он обезглавил нашу армию, уничтожив цвет ее командования, ни о договорах с Германией в августе и сентябре 1939 года, одним из результатов которых была предоставленная Гитлеру возможность сосредоточить свои дивизии непосредственно на наших границах, ни о мно-

гом, многом другом жестоком и страшном, что связано с этим именем в нашей истории. На все это был наложен негласный запрет.

Тем самым достигался желаемый оптический эффект: отсвет войны, святой и правой, ложась на мундир генералиссимуса, заодно как бы освящал и его политическую биографию в целом. Все, что сделал он и до, и после войны, получало в этом свете если не заведомо нравственное оправдание, то по крайней мере значение государственной необходимости, дальновидности и правоты. Что, в свою очередь, распространялось и на общую характеристику того этапа общественного развития, который теперь уже не разрешалось называть «периодом культа личности» — о нем вновь заговорили почти в той же тональности, что и до 1956 года (см., к примеру, работы С. П. Трапезникова о коллективизации).

Вся эта идеологическая передвижка происходила исподволь и без большого шума, но и ее «малые приметы» не ускользали от внимательного взгляда современника, говорили ему о многом. И то, как с возрастающей быстротой стала опадать волна критики «культа», постепенно сжигаясь до одной-единственной ритуальной фразы, произносимой по большим праздникам в руководящем докладе, год от году все более невнятной. И то, как в статьях и книгах о посмертно реабилитированных «борцах за великое дело» стали однотипно усекались печальные финалы их биографий, оставляя читателя в неведении, что же стало с героем потом и не здравствует ли он благополучно по сию пору. А потом и сами их имена, чтобы не будить дурных воспоминаний, вновь начали мало-помалу исчезать с печатных страниц...

В этих обстоятельствах новое и столь решительное обращение к теме преступлений сталинского режима имело вполне определенный и ясный политический смысл: это было слово открытого и резкого протеста. И, возможно, оно было тогда (если вообще возможно) в единственном органе нашей печати.

О «Новом мире» Твардовского, о истинне историческом значении этого журнала в духовном развитии нашего общества, о том, за что и против чего он боролся и кто и как, в свою очередь, боролся с ним, наконец, о том, какой итог имела эта борьба не только для журнала и его редактора, но и для общества в целом, будут еще, надо думать, написаны тома. Но и комментарий к поэме «По праву памяти» невозможен без того, чтобы не сказать о данном предмете хотя бы нескольких, самых кратких слов.

Впрочем, в свете сказанного выше о контрасте двух периодов (оборванного «хрущевского» и начинавшегося тогда «брежневского»), в пределах которых совершалась история журнала Твардовского, суть дела можно определить действительно очень кратко. В самом деле, что такое «Новый мир», если рассматривать его под тем углом зрения, который задан предыдущим анализом?

До 1964 года — это журнал, который довольно быстро сформировался в ведущий орган демократического обновления советского общества, с наибольшей последовательностью, яркостью и полнотой воплощавший в себе курс XX съезда партии. Последовательностью — конечно, не в смысле какой-то особой выдержанности и глубины теоретического осознания процессов развития нашего общества: таковой наша общественная мысль не располагает, увы, и по сию пору. Но по крайней мере в трех других важнейших отношениях. Во-первых, в критическом изображении и художественном осмыслении пройденного странного пути. Ни один другой орган печати не пошел в этом отношении так далеко, не сказал так много горькой, жестокой, но необходимой правды о сталинской эпохе, как это сделал журнал Твардовского. Во-вторых, в распространении такого же критически трезвого подхода к действительности и на современность (в отличие от той рептильной словесности, что готова порой обличать мертвого тиграна, но обращается в сладкоголосую сирену у порога текущего дня). В-третьих, в бескомпромиссной борьбе с то-

гдашними силами торможения, весьма влиятельными и готовившимися к реваншу, — борьба с ними мало-помалу составила основное содержание критического раздела журнала.

А после 1964 года, когда обстановка радикально изменилась, критика «культы личности и его последствий» была свернута и все остальные наши журналы и газеты — кто быстрее и радостнее, кто медленнее и с меньшим энтузиазмом — отразили и закрепили совершившийся поворот, «Новый мир» Твардовского еще свыше пяти лет оставался единственным советским журналом, сохранившим полную верность прежнему курсу. Свыше пяти лет, преодолевая все более упорное сопротивление и со всех сторон осыпавшийся ударами, он боролся против углубления и развития идей XX съезда, демократического сознания общества. За правду. И пал в этой неравной борьбе, не отступив ни на шаг.

В свое время в зарубежной печати немало ломали голову над тем, как определить общественную позицию Твардовского, поэта и редактора: «партийная» она или «оппозиционная»? Партийная? Почему же одну его поэму не печатают 9 лет, другую — 18, а руководимый им журнал сначала подвергают многолетней осаде и массированному обстрелу, а затем захватывают по всем правилам военного искусства (с обманными маневрами, высадкой десанта и пр.)? Оппозиционная? Почему же тогда именно его, Твардовского, стихи о Ленине наши дети заучивают в школе? Почему и в последней поэме это имя остается для автора таким же высоким, как и за 10, и за 20, и за 30 лет до нее?

Всегда, казалось, рядом был,
Свою земную сдавший смену,
Тот, кто оваций не любил,
По крайней мере знал им цену.
Чей образ вечным и живым
Мир уберег за гранью брэнной...

Это ли оппозиция?

Кажется, ни к какому общеубедительному решению так и не пришли. И пожалуй, понятно почему: из-за неправомерности самой постановки вопроса. Неправомерности чисто логической,

состоящей в исходном убеждении, что уж или партийность, или оппозиционность — вещи несовместимо-противоположные. Между тем следовало бы для начала спросить себя: партийность — какая? Та, что выражена, например, в стихах, предваряющих настоящую статью:

Ясна задача, дело свято,—
С тем — к высшей цели напрямиком.
Предай в пути родного брата...

Это ведь даже не поэтическая гиперболa, а самая что ни есть будничная реальность — та партийность, что составляла человека передоверять свою мысль и совесть некоей высшей, верховной воле, изначально и навсегда непогрешимой, и во имя заведомо ясной, необсуждаемой цели требовала от него восторженной слепоты, радостного повиновения этой воле. Или же, напротив, та, что полагает за норму совершенно иное, демократическое сознание и поведение, суверенную и ответственную человеческую личность, которая во имя общего блага живет и действует по собственному разумению.

Страну от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей
Не божеству уже вверяя,
А только собственной своей
Хозяйской мудрости?

Точно так же: оппозиционность — чему? Тому курсу, что прочерчен был XX съездом и открывал перед нашим обществом перспективу демократического развития? Или же, наоборот, политике, противоречащей этому курсу, закрывающей означенную перспективу? Толковать о «партийности» и «оппозиционности», не поставив перед собой подобных вопросов, — заведомо пустое дело. Как Маяковский спрашивал фининспектора:

А что, если я народа водитель
И одновременно — народный слуга? —

так и тут можно бы спросить: а что, если позиция Твардовского потому-то шла вразрез с идеологической линией Л. И. Брежнева и М. А. Суслова, что была истинно партийной — в духе XX съезда, в антикультовом, антибюрократическом, демократическом, народном смысле?

В самом деле, из того, что в зарубеж-

ной критике вопрос об оппозиционности Твардовского и его журнала ставился неправильно, отечественная же избегала его вообще*, вовсе не следует, будто такого вопроса просто не существует. Он вполне реален и заслуживает спокойного, серьезного рассмотрения (а сегодня и требует его — в связи с задачами нашей нынешней перестройки).

Знаменательно, что разговоры о «Новом мире» как журнале «оппозиционном» возникли не ранее 1965—1966 гг., хотя его эстетическая и общественно-политическая линия и лидирующее положение в литературе вполне определились еще лет за пять до этого.

Как журнал с направлением «Новый мир» явился детищем эпохи XX съезда. Прежде этого времени, с начала 30-х годов, подобных изданий у нас не было, да и быть не могло. А те, что все же как-то появлялись, не выживали**. XX съезд партии и в этом отношении имел поистине поворотное значение. Под его освобождающим воздействием в обстановке, когда страна встала перед необходимостью заново осмыслить свой путь, его итоги и перспективы, не могли не образоваться различные, во многом взаимоотталкивающиеся течения общественной мысли.

Это формирующееся демократическое многоголосие, по сути дела, означало, что общество, до тех пор как бы поглощенное государством, передавшее ему свои функции, заново обретало свой духовный суверенитет, возвращалось к

* Не всегда, конечно, а лишь после того, как отпала — за устранением объекта — необходимость в погромных выступлениях типа: «Против чего выступает «Новый мир»?» (Огонек, 1969. № 30) или «Открытое письмо главному редактору журнала «Новый мир» тов. Твардовскому А. Т.» (Социалистическая индустрия, 1969. 31 июля).

** В 30-е годы такой белой вороной оказался журнал «Литературный критик», мужественно и безнадежно борющийся против иллюстративности в литературе (закрыт в 1940 г.). Другим таким исключением из правила становился, уже на пороге нового времени, в 1952—1954 гг. «Новый мир» в пору первого редакторства Твардовского, но также оборван был в своем становлении. Прерывистую эстетическую эстафету, идущую от «Красной нови» А. К. Воронского (1921—1927) через «Литкритика» к «Новому миру» Твардовского, наше литературоведение, бог даст, когда-нибудь возьмется проследить.

полнокровной жизни. Появление изданий с направлением — а таковым стал не только «Новый мир», куда с июля 1958 года вернулся Твардовский, но и — с разной мерой отчетливости — «Юность» при В. П. Катаеве (1955—1962) и отчасти «Литературная газета» при С. С. Смирнове (1959—1960), а на противоположном идейном полюсе «Октябрь» В. И. Кочетова, газета «Литература и жизнь» (1958—1962) и другие издания — было наглядным проявлением этого позитивного общественного процесса.

Контраст идейно-эстетических позиций, находивших свое выражение на страницах как названных выше, так и многих других журналов и газет, был в ряде случаев очень большим и вовсе не сводился к тому естественному разнообразию индивидуальных точек зрения, что выражается поговоркой: «Сколько людей, столько и мнений». Не объясняется он, вопреки распространенному обывательскому представлению, и пресловутой литературской «групповщиной». Нет, это были в значительной мере принципиальные и устойчивые разногласия весьма различных социально-политических тенденций, между которыми шла нешуточная борьба. И тем не менее, отнюдь не впадая в идиллическое прекраснотушение, можно утверждать, что ни одна из таких тенденций не была в то время оппозиционной. Политической оппозиции в стране не было, поскольку для нее не было и почвы: возможность открытого самовыражения практически для каждого течения мысли, способного рассчитывать на сколько-нибудь широкую общественную поддержку, по сути дела, исключала вероятность ее появления.

Другое дело — то положение вещей, которое сложилось во второй половине 60-х годов, когда линия XX—XXII съездов партии оказалась свернутой, а вызванное ею к жизни движение общественной мысли — неуютным. Как река, перегороженная запрудой, стремится ее прорвать, так демократическое движение, насильственно заглушаемое, остающееся в своем естественном развитии, должно было неизбежно превратиться в оппозицию. И превратилось.

Разумеется, не все. Консервативное

крыло того же движения, и прежде пытавшееся сузить фронт и умерить остроту критики Сталина, а преобразования в созданной им системе руководства свести к минимуму, могло только радоваться происшедшим переменам. Ведь именно их умонастроения приобрели теперь силу официальной идеологической платформы (хотя из тактических соображений последняя считала полезным изображать себя в качестве «центристской» и порой даже как бы слегка отмежевываться от сталинистских крайностей). Не превратилось в оппозицию и конформистское «молчаливое большинство», в силу своей идейной бесхребетности и нравственной нетребовательности готовое ужиться с любой политикой, если в житейском плане она позволяет так или иначе к себе приспособиться. Но наиболее живая, социально активная и ответственная часть интеллигенции и общества в целом, та, что не просто поддерживала курс XX съезда на демократические преобразования в общественной структуре, но, перефразируя Маяковского, могла бы сказать: «моя демократизация», жила ею, связывала с нею свои надежды и социалистические идеалы, желала видеть ее возможно более полной, последовательной, радикальной и, как могла, способствовала этому, — данная часть общества в изменившихся условиях быта, по сути дела, обречена на оппозиционность, для нее просто не было иного выбора.

Превращение части — и, подчеркнем, лучшей части — тогдашнего демократического движения в оппозиционное, а энергии положительного социального преобразования в энергию протеста — печальная и драматическая страница нашей истории. Для немалого числа людей это обернулось утратой веры в социализм; судьбы большинства из тех, кого невозможность прямо и открыто высказать свое несогласие с новой официальной линией толкнула к нелегальным формам политического самовыражения, оказались изломанными. Одним пришлось проститься с родиной, другим нести наказание «по всей строгости закона». Речь не о том, чтобы задним числом освободить их от ответственно-

сти за любые их конкретные действия, хотя бы и вызывавшиеся условиями и логикой борьбы: это в каждом отдельном случае индивидуальная моральная и правовая проблема. Но должна быть со всей определенностью признана и ответственность другой стороны. Тех, кто обратил этот закон против демократии, в наших условиях — социалистической. Тех, кто тем самым явился источником, а в правовом и моральном плане — виновником возникновения политической оппозиции в нашей стране.

Скажут, пожалуй: кто разжег огонь, тот его и погасил; кто породил оппозицию (как неизбежную издержку смены политического курса), тот же довольно быстро (и вместе с тем бескровно!) ее устранил.

Это верно, как и то, что в проведении указанной операции было проявлено немало энергии и изобретательности. Но, во-первых, напомним еще раз, эти достоинства не потребовались бы, если бы люди, столь искусно и методично искоренявшие «инакомыслие», сами же его перед тем и не создали. А во-вторых, — и это главное, — победа, о которой идет речь, в недалекой исторической перспективе оказалась для страны такой дорогостоящей, что ее можно считать равнозначной самому тяжелому поражению.

Цель была полностью достигнута. Интеллигенция перестала ершиться и доставлять неприятности: говорить не то, что от нее желали услышать, писать какие-то коллективные письма, протестовать. Воцарилось желанное молчание. Не полное и не буквальное, конечно: выходили романы и фильмы, пресса более или менее успешно создавала впечатление разнообразия и борьбы критических мнений, обсуждения животрепещущих проблем. Но борьба эта шла в предустановленных рамках и с предрешенным исходом; обсуждение проблем — с непреложным условием не затрагивать реальных корней зла; игра, словоговорение, смесь обмана с самообманом. И вот полтора десятилетия такой жизни — и тот поистине страшный результат, к которому мы пришли. Экономический, о котором сегодня уже достаточно сказано, и едва ли не более

тяжкий нравственный и духовный: его нам еще только предстоит как следует осознать. Общество, как бы лишившееся интеллигенции, — если понимать под нею не просто людей определенных профессий, но то, чем она всегда была в России со времен Фонвизина и Радищева, — мозг и совесть нации. Общество, в котором господствующим психологическим типом стал человек равнодушный, ни в чем по-настоящему не заинтересованный, легко произносящий любые слова, но ничего не переживающий слишком глубоко, разучившийся стыдиться и презирать, работающий без удовольствия и вполсилы; человек, в котором вместе с катастрофическим выветриванием гражданских чувств даже и сугубо личные как-то обесцветились и усохли. Общество, как в своем спасении нуждающееся в начавшейся перестройке, но до сих пор еще всерьез не доказавшее своей способности к ней...

Вина политики, спровоцировавшей конфликт демократического движения с властью, была, таким образом, многократно усугублена тем способом разрешения этого конфликта, какой был ею избран.

Все это имело самое прямое отношение и к «Новому миру», и к интересующей нас поэме Твардовского.

Если оставаться в пределах того же понятийного ряда, то как журнал, все более явно и сознательно противостоявший официальной идеологической линии (по мере того как и она, в свою очередь, все более прояснялась и обнажалась), «Новый мир» второй половины 60-х годов — это объективно журнал оппозиционный. И этому совершенно не мешает то обстоятельство, что и сам Твардовский считал свой журнал сугубо партийным, и он действительно оставался таковым — партийным в духе XX съезда, в смысле независимого, но последовательного выражения демократической тенденции в социализме. Ибо в изменившихся условиях такая партийность была уже решительно не ко двору; верность ей отзывалась неповиновением и протестом.

Главный орган демократической оппозиции 60-х годов, «Новый мир» в этом отношении — совершенно уникальное яв-

ление в советской журналистике. Своеобразие его в данном качестве состояло в том, что это был, во-первых, журнал легальный и притом заявлявший свою программу ясно и открыто. (Как это ни парадоксально звучит, в каком-то смысле он был даже более легален, чем издания, выражавшие господствующую систему взглядов и вынужденные сплошь и рядом избегать называть вещи своими именами, маскируя происшедшую смену курса, делая вид, будто никакой реставрации отвергнутых народом порядков не происходит.) Во-вторых, это был орган оппозиции с оци а л и с т и ч е с к о й, оппозиции, исходившей из идеи социализма, способного к демократизации, открытого демократическому саморазвитию. Это была позиция внутренне прочная. Конечно, ее можно было критиковать с самых различных точек зрения, и ни от какой такой критики отмахиваться негоже, однако запас ее прочности оказался по крайней мере настолько велик, что и сегодня, двадцать лет спустя, в своих надеждах на перестройку мы ведь живем именно этой идеей, никакой другой.

Оппозиционный журнал в советской истории? Как к этому относиться? Прежде всего как к факту, который, как всякий исторический факт, надо признать и понять. Понять в его происхождении и в его конкретном социальном содержании. А затем уже и оценить его сообразно его реальному историческому значению, его месту по отношению к общей перспективе человеческого прогресса. Применительно к данному случаю наша оценка окажется в прямой зависимости от того, как понимаем мы ход развития советского общества на протяжении последних тридцати лет. Признаем ли мы благом для страны, для судеб народа и социализма тот крутой поворот, который был совершен XX съездом партии? Признаем ли мы далее, что последующее развитие нашего общества не было равномерным восхождением со ступени на ступень? Не только в смысле наличия каких-то частных заминок и противоречий, но и в смысле движения — на определенном этапе — по принципу шаг вперед, два шага назад, поворота вспять, а затем

длительного разлагающего застоя? Если признаем, — а не признать этого сегодня невозможно, — тогда с учетом всего вышесказанного на предложенный вопрос есть только один ответ: он будет безусловно в пользу Твардовского и журнала.

Бывают моменты, когда общественный деятель, если он настоящий гражданин и патриот, вынужден идти против течения, против большинства. И что же! — в своем одиночестве он больше весит на весах истории, чем целая толпа его оппонентов и противников. Именно так обстоит дело с Твардовским-редактором, выдающимся общественным деятелем нашего времени. Когда-то Ленин прекрасно сказал об издателе «Колокола», который во время восстания в Польше твердо встал за восставших, разойдясь тем самым даже с большинством своих вчерашних союзников: «Герцен спас честь русской демократии» *. Эти слова применимы и к человеку, который в совершенно иных исторических обстоятельствах, но примерно таким же образом спас честь нашей интеллигенции, русской демократии советских 60-х годов.

Добавим в заключение: если «Новый мир» Твардовского — славная страница в истории советской журналистики, то последние пять лет его существования — лучшее время этого журнала, его крестный, но и его звездный час. Никогда его значение не было так велико, и прежде всего нравственно-выпрямляющее значение. Дело было не в том, что журнал печатал лишь выдающиеся произведения, хотя большая часть того, что было лучшего в тогдашней литературе, пришла к читателю через его страницы. Дело было в неподкупности, в верности правде, в верности себе. Своим примером журнал как бы говорил: значит, можно не изменять своему человеческому достоинству, можно держаться! В этом смысле какой-нибудь рассказ или рецензия, напечатанные в «Новом мире» и уже потому прочитанные сочувственно и жадно, нередко значили больше многих куда более фундаментальных публикаций прежних или

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 260.

последующих времен. И чем более одиноким в своей борьбе оставался этот журнал, чем плотнее сгущались над ним тучи, тем сильнее становилось его общественное воздействие и авторитет.

Нет ли тут противоречия со сказанным выше? Мы с похвалой говорили о послесталинском периоде как о времени, когда в стране было демократическое разномыслие, но не было политической оппозиции, и с осуждением о тех, кто сменой курса вызвал ее появление. И мы же хвалим «Новый мир» как раз за мужество противостояния, то есть за оппозиционность. Именно так, но это говорит лишь о том, что истина конкретна...

Впрочем, посчитав себя не вправе уклониться от участия в споре: «партийность или оппозиционность?» — и воспользовавшись для прояснения своей мысли соответствующей терминологией, мы вовсе не считаем ее наиболее удачной. «Оппозиционность» — слово слишком общее и потому неточное. Вернее, на наш взгляд, говорить о том, что вторая половина 60-х годов — это время острой борьбы двух тенденций в социализме: бюрократически-консервативной и демократической. И в той же мере, в какой инструментом бюрократической реставрации являлась широкомасштабная кампания по организации общественного беспамятства, в той же мере оружием сопротивления ей стала память. А главным органом этой не поддающейся насильственному усыплению или урезыванию исторической памяти — журнал Твардовского «Новый мир», для которого и предназначалась его последняя поэма.

Выразительно и твердо названная «По праву памяти», поэма родилась как акт сопротивления, как продолжение той борьбы, которую ее автор и руководимый им журнал вели против наступающей реставраторской тенденции. Не в Сталине как таковом тут было дело и не в желании что-то о нем «досказать» ради полноты картины, а в тех, кто в своекорыстных интересах готов был снова кадить тому же «богу». К ним и обращены гневные слова поэта:

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать...

Читательская ситуация поэмы была своеобразна: в том 1969 году, когда она была закончена и сдана в печать, она говорила о том, что все еще хорошо знали,

(А к слову — о непосвященных:
Где взять их? Все посвящены...),

но о чем уже несколько лет упорно молчали. И всем своим содержанием поэма взрывала это молчание и била по его организаторам.

Била прежде всего тем, что она напоминала.

В том, что говорилось здесь о Сталине, был, собственно, всего один, хотя и чрезвычайно важный, аспект, которого до Твардовского никто другой сколько-нибудь значимо не касался: многосторонне повернутая тема отца и сына, тема сыновней ответственности за отца — истинного, по крови, и нареченного, «отца народов». (Этот центральный в поэме и, думается, наиболее существенный для современного сознания мотив, представляющий оригинальный и итоговый «взнос» Твардовского в сталинскую тему, требует особой статьи.) Но, развивая свою основную мысль, поэт по ходу ее развертывания как бы развертывал и некий свиток, в который вписаны злодеяния, связанные с именем «всеобщего отца». Судьба крестьянства, переломленная «Великим переломом». И судьбы целых народов, «брошенных в изгнание». И тех, кому просчеты Главкомандующего пришлось оплатить вдвойне: «Из плена в плен — под гром победы С клеймом проследовать двойным». И бесчисленность всяких иных загубленных и изломанных человеческих жизней, когда

...за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей,
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.

Все это звучало двойным обвинением: и тому, кто творил эти злодеяния, и тем, кто теперь старался вытравить память о них. И уже прямо и только по ним, по этим ревнителям забвенья и мол-

чанья, была вся, от первой до последней строки, заключительная часть триптиха Твардовского — «О памяти».

Она богата реалиями момента. И то, что «забыть вел я т». И что вместе с тем «ведят без молвно»: никогда прямо и вслух, все лишь языком жестов или за теми дверями кабинетов, которые, как описано в другой поэме того же автора,

Все плотны, заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

И ссылка на «китайский образец», многозначительная для времени, когда бушевала «культурная революция» в Китае, — тамошний вариант нашего 37-го...

Здесь в каждой строфе — голос редактора «Нового мира»; здесь поэтический концентрат тех споров, которые журнал вел на своих страницах, а его редактор — в стенах упомянутых кабинетов, отстаивая право и обязанность литературы говорить правду. И как гремит этот голос! Не ораторским красноречием, но твердостью и победительностью правды:

Нет, все былые недомолвки
Домолвить ныне долг велит.
Пытливой дочке-комсомолке
Поди сошлись на свой главлит...

И кто сказал, что взрослым людям
Страниц иных нельзя прочесть?
Иль нашей доблести убудет
И на миру померкнет честь?

Гневный сарказм поэта не оставляет камня на камне от тех ханжеских доводов (мол, «о минувшем вслух поведая, мы лишь порадуем врага» и т. п.), какими обычно пользовались тогдашние «молчалиники» (за неимением никаких других, их порой повторяют и нынешние: впрочем, это в значительной части те же самые люди). И — вывод:

Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору!

И — общий диагноз самим «молчалиникам», поразительная точность которого подтвердится всем нашим последующим развитием, вернее — застоєм:

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...

Можно себе представить, какой грозой грянула бы эта поэма, будь она напечатана в 1969 году! Когда сила удара была бы умножена не только всенародным авторитетом первого поэта страны и одного из тех ее подлинно великих людей, для которых известно было единственное начальство — собственная совесть, но и восприимчивостью читателя, ждавшего-заждавшегося честного, прямого слова о том, что его волновало и возмущало. Можно себе представить, как встряхнула бы эта маленькая поэма человеческие души, уже начавшие привыкать к расслабляющей мысли о вседозволенности власти имущих и о собственном бессилии, уже начавшие погружаться в то нравственное болото, из которого мы сейчас пытаемся тащить себя за волосы. И как затруднила бы она задачу «молчалиников», шаг за шагом сталкивавших нас в это болото.

Но потому-то они и не могли этого допустить.

Передо мной несколько, увы, разрозненных листков, относящихся к весне и лету 1969 года, — рапортики о ходе подготовки текущих номеров «Нового мира». Ежедневно с большой тщательностью составлявшиеся заведующей редакцией журнала Н. П. Бианки, они раздавались всем работникам редакции, в числе которых был тогда и я. Вместе с проектами содержания номеров (а их во многих случаях бывало два и больше, поскольку вещи, задержанные главлитом, приходилось чем-то заменять, порой многократно пересоставляя номера) эти рапортики позволяют документально проследить журнальную историю поэмы.

23 апреля 1969 г. Поэма получена в редакции и в тот же день сдана в типографию для уже набранного пятого номера (рапортика от 24 апреля). А к 30 апреля редакция получила уже не только первая, но и вторая верстка поэмы *. Однако разрешения главлита

* Пользуюсь случаем, чтобы отметить неточность подписи под фотографией, сопровождавшей публикацию поэмы в «Новом мире» (1987, № 3, с. 191): «Первая страница рукописи поэмы А. Т. Твардовского «По праву памяти», подготовленной к печати в 1970 году (?) в нашем журнале».

нет (как, впрочем, нет и отказа, тем более мотивированного, — ситуация нередкая в тогдашней практике журнала). Чтобы не держать номер, редколлегия передвигает поэму в № 6. Та же картина: недели, месяцы — разрешения нет. Наконец в рапортчике от 8 июля: «Стихи Твардовского заменяются стихами Злотникова, Айбека и стихами африканских поэтов». Поэма передвинута в № 8 — тот же результат. Твардовский борется, настаивает перед секретариатом правления Союза писателей СССР на обсуждении поэмы в писательской среде — слова его уходят как в вату. Тем временем поэма начинает ходить по рукам, ее переписывают; наконец без ведома автора печатают за рубежом. Это будет использовано как средство морального давления на непокладистого редактора, но не ускорит появления поэмы в советской печати.

И вот публикация через 18 лет... Современный критик (поющий славу перестройке, времени, «когда с высоких партийных трибун было признано, что краеугольные камни нашей социалистической демократии в прошлом подверглись заметной коррозии») так объясняет причину задержки: «Особый драматизм ситуации, возникшей в связи с замыслом поэмы «По праву памяти»... заключался еще и в том, что общественное сознание в то время не было готово к восприятию такой вещи. Вот почему поэма увидела свет только спустя двадцать лет после того, как она была завершена поэтом... Теперь-то нетрудно себе представить, как болезненно ощущал атмосферу своего времени А. Твардовский, оказавшись в положении поэта-«забегника», как говорили о себе поэты-футуристы». Вот в чем, оказывается, было дело. В неготовности тогдашнего общественного сознания; в том, что истинному таланту свойственно опережать свое время, тогда как все прочие люди — «от осознания этой коррозии мы были, к сожалению, чрезвычайно далеки». А теперь мы и сами естественным порядком дозрели, да и с высоких трибун нам кое-что разъяснено, — вот тут-то (только теперь!) поэме Твардовского пришла ее настоящая пора. Несколько грустно, конечно, что самому поэту

не довелось... и т. д., но виноватых тут нет, как не было их и 20, и 10 лет назад.

Что сказать по поводу подобных печально-успокоительных объяснений (весьма, конечно, характерных в нынешних условиях для определенной части «старых кадров»)? В свете вышеизложенного едва ли нужно что-нибудь говорить. Заметим только, что «старое, но грозное оружие», видно, и сегодня еще слишком колетса и жжется, если приходится так с ним обращаться — собственной безопасности ради.

Главное, однако, не в том, как встретили поэму «По праву памяти» (и ряд других вчера еще невозможных публикаций) упомянутые «старые кадры». Их заботы понятны и не составляют вопроса. Настоящий вопрос вот какой: вам-то, «из другого поколения», нынешней молодежи, вещь эта близка, нужна? Или для вас это уже чужая история, «страницы далекого прошлого», и между ними и вашей собственной жизнью вы не улавливаете существенной связи?

Все вышесказанное — объяснение поэмы Твардовского как произведения наших 60-х годов. Слово за стеклянней стеной оставалась эта эпоха: близко — и не дотянуться рукой, и не долетало оттуда никаких голосов. И вдруг один, другой такой голос, прорвавшие глухую тишину. Чтобы воспринять их, нужно по-иному настроить отвыкший слух; чтобы вступить с ними в заочный диалог, нужно вспомнить и понять их забытое, закрытое время. Но важно ощутить и потребность в таком диалоге. Ведь прошлое ценно для нас не столько само по себе, сколько как концентрация опыта, необходимого сегодня и завтра. Так вот, где «формула» такой необходимости по отношению к поэме Твардовского о Сталине? Может ли эта вещь, написанная давно, а главное — в специфических обстоятельствах, уже отмененных ходом событий, как-то крупно послужить нашему нынешнему переломному дню?

Закончим пока что этим вопросом.

Октябрь, 1987, № 8

Юрий Афанасьев,
доктор исторических наук,
ректор Московского
историко-архивного института

НЕЛЕПО БОЯТЬСЯ САМИХ СЕБЯ, ИЛИ ПОВОД ДЛЯ РАЗДУМИЙ

Мне кажется, мы еще не в полной мере осознали, почему применительно к перестройке говорим — революция, почему сопоставляем ее историческое значение с Октябрьской революцией, откуда, наконец, этот остро ощущаемый многими драматизм — «сейчас или никогда».

Советские люди взялись за немыслимо сложное дело — начали возводить здание социализма в стране, еще не вырвавшейся из пут патриархальщины и феодализма, с отсталой экономикой, без прочных демократических традиций, в стране, взятой в кольцо и вынужденной в ожидании нападения и при отражении агрессии форсировать темпы на каждом этапе своего развития.

Объективные посылки, сочетание крайне неблагоприятных внешних и внутренних факторов не оправдывают многого из того, что дано было пережить, но объясняют ситуации, сделавшие возможными те беды и трудности, с которыми мы столкнулись и часть которых преследует нас до сих пор. Возможными, хотя и не неизбежными. Думать, будто тогда все, что было, «соответствовало» обстоятельствам и лишь годы спустя «перестало соответствовать», значило бы недооценивать альтернативность, присущую любой социальной формации, в некотором смысле выдавать сами наши ошибки и неудачи за «закономерную» фазу социализма. Догматизм, как и все прочие крайние деформации социалистического развития, конечно же, не был запрограммирован учением Маркса и Ленина. Он явился отступлением от него. И если, скажем, речь идет о беззаконии и преступлениях, то они были также действиями и преступлением против социализма.

Сегодня мы на переломе. Всему миру ясно — отсюда и такой острый интерес к СССР — мы хотим меняться. Стоять на месте в бурно меняющемся мире — смертельно опасно. А мы хотим открыть глаза не только на этот меняющийся мир, но и на самих себя. Наша открытость миру во многом зависит от нашей способности познать самих себя.

В этих-то условиях, в момент тяготения к обновлению и самоочищению, мы ощущаем: что-то смущает наш ум, что-

то не позволяет почувствовать себя вполне раскованными. И каждый, особенно кто постарше, знает или по крайней мере догадывается, что «что-то» — нередко наше трудное и сложное прошлое, все еще ждущее беспристрастного анализа. То прошлое, которое, по обыкновению, отнюдь не исчерпывая его сущности, именуется «сталинские времена». В общем, двух мнений быть не может, что методы проведения коллективизации противостояли ленинскому плану кооперации, что укрепление и воспроизводство бюрократии, исключительно административные способы управления обществом — явления, чуждые социализму. Так же, как массовые репрессии, как апатия и страх, который они внушали, были надругательством над идеалами социализма. Представления, будто все это не затронуло основ социализма, — ошибочны. Сказалось, и даже очень. Не признав и не приняв этого, мы не проникнем в сущность феномена вульгаризации марксизма в стране, задавшей целью осуществить это гуманистическое учение, не разберемся, куда уходят корнями низкая производительность труда, увековеченные очереди и нехватки, «теневая экономика». Вряд ли есть нужда себя в чем-то успокаивать — через успокоительные иллюзии мы тоже прошли. Как прошли через неверие и застой, коррупцию и ложь, через стремление отложить на потом де-сталинизацию, восстановление правды во имя справедливости — и социальной, и человеческой, и любой другой.

Сейчас мир видит: мы, будучи верны социализму подлинному, не намерены довольствоваться социализмом декларативным, который словно в насмешку поименовали «реальным социализмом». Двусмысленная формула противопоставляла теорию практике, хотя, возможно, имела назначение засвидетельствовать факт торжества нового строя. Она приглашала в мнимо гегелевском духе «примириться с действительностью», принять наличествующее, все как есть, за сбывшийся социализм. А если что и не соответствует идеалам и учению Маркса и Ленина, то что ж... (этого, как правило, не договаривали) — жизнь поправляет мечты.

Смысл последних решений партии к тому и сводится, что не всякая наша реальность социалистична, зато потенции социализма реальны. Они совсем не исчерпаны предшествующим развитием, скорее задействованы лишь в малой степени. Экономический уровень и социальный опыт, выстраданный нашей партией, позволяют добиться, чтобы, по выражению М. Горбачева, социализма стало больше, чтобы сам социализм стал во всех отношениях человеческим.

Мы хотим сделать перестройку необратимой, а это означает решительно выкорчевать нами же осужденные реликты прошлого, сформировавшиеся много лет назад и напоминающие о себе по сей день в экономических, социальных, духовных структурах.

В сущности, как мне думается, в этом прежде всего революционность перестройки. Мы хотим создать настоящий социализм с высочайшей производительностью труда, последовательным народовластием, гласностью, с его принципом: свободное развитие каждого — условие свободного развития всех.

Но что для этого нужно в плане анализа и оценки прошлого?

Вопрос труднейший и с познавательной, и с политической, и с морально-нравственной точек зрения. Вряд ли кто-либо в состоянии дать на него исчерпывающий ответ. Одно, однако, ясно: кроме гражданского мужества и правдивости, здесь нужны еще и коллективные усилия, упорные изыскания, творчество. Не сразу и не все дается в руки. Не все внешне очевидное окажется истинным. Нас могут постичь разочарования и неудачи. Только отступаться от начатого обновления мышления никак нельзя. Нельзя уже потому, что на былом очень круто замешано грядущее. И наша человечность накрепко связана с нашей способностью полно, честно и чистосердечно вобрать былое в себя, то есть осознать и понять его. В этом смысле каждый из нас, жаждущих сделать перестройку своим личным делом и главным призванием, должен стать своего рода живым мемориалом знаний, мыслей, чувств.

Докопаться до сорных корешков прошлого и вырвать их не означает отвернуться, отстраниться от того времени, почувствовать себя непричастным к тому, а для некоторых и комфортнее, но всегда безответственнее. Нет! Сталинские времена — это целая и цельная эпоха, сотканная из огромного множества самых разных противоречий, внутренних и международных, экономических и социальных, определявших коллизии социалистического строительства в нашей стране и судьбы миллионов.

Опасны вообще любые попытки отгородиться, укрыться, видеть только себя, слышать только свой голос. Чтобы одолеть собственные привычки к однозначности, к поиску простых, а не сложных причин, чтобы понять, откуда проистекают нетерпимость и жестокость, надо вернуть в круг света тех, кого уже нет, и попытаться их понять. Понять всех, без исключения каких бы то ни было фигур, попытаться вместе со Сталиным проникнуть в самые тайные тайны того времени, в том числе и в сокровенную тайну любви и ненависти к самому Сталину. Просто отречься, конечно же, легко. Легко отделаться закланиями от неприятного прошлого. Но это легкость незнания, легкость без трепетности и напряженности. Не поняв других, того, что было до нас, мы никогда не познаем себя.

Следовательно, бывшее всех зовет к ответу — тех, кто честно жил в овечьные легенды 20-е, 30-е, 40-е, 50-е, кто и тогда работал с энтузиазмом и сражался героически, и тех, которые есть и будут после. Это великое нравственное испытание, и через него надо пройти. Разорвать бывшее на хорошее и плохое, да так, чтобы хорошее записать в актив лишь социализму и себе, а все остальное Сталину, нет смысла даже пытаться. Ничего путного из этого не выйдет. Мы от себя не уйдем, из нашего трудного прошлого не выведем важного знания для нашего будущего.

В последнее время в нашей прессе наметилась склонность к осторожным полутонам, к заранее предопределенной дозировке светлого и темного, к балансу хорошего и плохого. Действительно, любой перехлест в любую сторону неуме-

стен. Говорить о «плохом», отрицая «хорошее», столь же вредно, как «частное» противопоставлять «общему». И наоборот. Но нельзя заранее, еще до начала непредвзятого исследования, возводить штакетник, устанавливать открытые зоны и новые запреты. Тем более что очень трудно бывает провести грань между более важным и менее важным, между идеализацией и драматизацией. Кстати, не во власти ученого драматизировать прошлое. Оно от историка вообще никак не зависит — оно такое, каким оно было. А вот мы во всем зависим от прошлого, в нем сформировалось наше общество, все его структуры и мы сами. Вот почему мы должны смело войти в него, как в свой дом. Нелепо бояться самих себя.

Наше хорошее главным образом в том, что мы стали страной, способной сделать наконец решающие шаги к зрелому полному социализму, в том, что мы остались верными революционным идеалам, возненавидев то, что предавало и предаёт их, что деформировало и деформирует социализм. В то же время мы понимаем, что нельзя вновь и вновь приниматься за перестройку. Десталинизация общества должна быть доведена до конца. Это и есть мера словам и поступкам.

В некоторых публикациях на историческую тему проглядывает порой и стремление свести дело к пересмотру отдельных фигур, фактов, событий. Это, конечно, тоже надо делать. Это интересует всех. Меня, например, почти на каждом выступлении спрашивают: «Как вы относитесь к Бухарину?» Что сказать? Не надо быть узко специализированным историком-профессионалом, а надо быть просто человеком, чтобы сказать, что государственного преступника Бухарина никогда не существовало. А дальше? Дальше нужны факты, только факты, все факты.

И с неперменным условием — нельзя относиться к прошлому, как к дистиллированной водичке, не надо его заранее гармонизировать. Без глубокого осмысления прошлое может возбудить самые разные чувства, реанимировать худшие из предрассудков, предоставить примеры чему угодно, утвердить своего рода

«достоверную неправду». Или полуправду, которая хуже лжи. Ведь, разорвав однажды прошлое на куски, можно вполне превратить эти куски в хоругвь. Историческое сознание станет достойным компонентом научно обоснованной политики лишь тогда, когда рационалистический анализ прошлого возобладает над субъективными желаниями и эмоциями.

М. Горбачев сказал о неудачах преобразования экономики 50-х, 60-х, 70-х годов. Историки обязаны с надлежащей глубиной и разумностью ответить на вопрос: «Почему?» Да, это обязанность науки, ибо на идеологических полупустотах прочного здания не построишь, а дозированное отношение к социальному опыту — не наука.

Приходится признать, что еще недавно мы существовали от юбилея до юбилея, и юбилеев оказывалось в нашей стране в большем достатке, чем чего-либо иного. Покончив с затовариванием юбилеев, мы тем не менее по-человечески вправе отдать дань праздничной традиции. Вот только как? Ленин, как известно, относился к юбилеям, как к природной неизбежности, но полагал, что и юбилей можно рационально обратиться на пользу революционному делу, если увидеть в нем повод для критических раздумий над собой, над тем, что мы пока еще сделать не сумели или делали плохо, но, как это ни трудно, сделать обязаны — и сделаем непременно! Последуем же ленинскому совету.

В движении к целям, сулящим лучшую жизнь для советских народов, и создании примера, заслуживающего всеобщего внимания, состоит, очевидно, особая и новая значимость приближающегося отнюдь не просто очередного октябрьского юбилея.

Московские новости, 1987, № 37

Призвание социалистической культуры: Передовая. — Коммунист, № 15; *Афанасьев Ю.* Энергия исторического знания. — Моск. новости, № 2; По поводу статьи Ю. Н. Афанасьева. — Там же, № 19; *Афанасьев Ю.* Говорим о прошлом, но решается будущее социализма. — Там же; С позиций правды и реализма: Беседа с Ю. Афанасьевым. — Сов. культура, 21 марта; *Афанасьев Ю.* Социальная память человечества. — Наука и жизнь, № 9; *Белтов Э.* Вины без боли не бывает. — Лит. газ., № 52; *Ваганов В. Ф., Пономарев А. Н.* Не идеализировать, но и не драматизировать... — Сов. культура, 4 июля; *Волков Г.* Быть ли нам манкуртами? — Там же; *Курин Л.* Народ и скажет правду. — Правда, 23 июля; *Волобуев П.* Великий Октябрь: Нужны новые подходы к изучению истории Октябрьской революции. — Наука и жизнь, № 11; *Карякин Ю.* Стоит ли наступать на грабли?: Открытое письмо одному инкогнито. — Знамя, № 9; Вернуться, чтобы идти вперед: Диалог С. Козна и М. Шатрова. — Моск. новости, № 24 (Ленин и современность); *Минц И. И.* О перестройке в изучении Великого Октября. — Вопр. истории, № 4; Основные этапы развития советского общества: «Круглый стол» журнала. — Коммунист, № 12; *Поликарпов В.* О «дискуссиях» минувших лет. — Сов. культура, 9 июля; Дорожить каждым годом нашей истории: Беседа с Ю. Поляковым. — Лит. газ., № 31; *Поляков Ю.* Общественное достоинство историка. — Знание — сила, № 11; *Самсонов А.* Смотреть правде в глаза. — Моск. новости, № 18; *Свирицкий В.* История умалчивает... — Известия, 20 июля; Уважение к собственной истории: На вопросы анкеты отвечает С. В. Тютюкин. — Там же, 2 мая.

Абуладзе Т. О прошлом для будущего. — Лит. газ., 25 февр.; *Аверинцев С.* Старый спор и новые спорщики. — Наука и жизнь, № 9; *Антонов М.* Так что же с нами происходит? — Октябрь, № 8; *Гулыга А.* Поиски абсолюта: К вопросу о милосердии, о котором напомнил Д. Гранин. — Нов. мир, № 10; *Гуревич А.* Диалог современности с прошлым. — Наука и жизнь, № 9; *Клямкин И.* Какая улица ведет к храму? — Новый мир, № 11; *Попкова Л.* Где пышнее пироги? — Новый мир, № 5; *Валовая Т.* Трудный путь познания. — Экон. газ., № 35 (полемика с Л. Попковой); *Лацис О.* Зачем же под руку толкать?: Л. Попковой, автору письма «Где пышнее пироги?». — Новый мир, № 7; *Попов Г.* Поиски метода. — Новое время, № 18—21; *Он же.* С точки зрения экономиста. — Наука и жизнь, № 4 (о романе А. Бека «Новое назначение»). Почта «Октября». — Октябрь, № 12 (о статье Ю. Буртина «Вам, из другого поколения...»); *Сидоров Е.* Освобождение. — Лит. газ., 4 марта (о поэме А. Твардовского «По праву памяти»); *Шмелев Н.* Авансы и долги. — Новый мир, № 6.

Черкизов А. Демократия — не распушенность. — Сов. культура, 31 марта; *Лосото Е.* В беспам'ятстве: Куда ведут руководители так называемого объединения «Память». — Комс. правда, 22 мая; *Алимов Г., Лынев Р.* Куда уводит «Память». — Известия, 3 июня; *Пасько Н.* Бредни: Кто стоит в рядах «Памяти». — Веч. Москва, 15 июня; *Киселев А., Мостовщиков А.* Поговорим на равных. — Моск. новости, № 20; *Иванов А.* Гласность — это и интеллигентность. — Моск. новости, № 23; *Головков А., Павлов А.* О чем шумите вы? — Огонек, № 23; *Черкизов А.* О подлинных ценностях и мнимых врагах. — Сов. культура, 18 июня; *Лосото Е.* Слишком похоже! — Комс. правда, 19 дек.

1917—1941

Безыменский Л., Балкарей Л., Самбук А. Покушение. Новое время, № 33, 34, 36, 37 (покушение на В. И. Ленина в 1918 г.); *Бонч-Бруевич В.* Ленин в России. — Наука и жизнь, № 4; Красный латышский стрелок Эдуард Смилга: Целеустремленность — Смена, № 20; Луначарский о Ленине. Знамя, № 11; *Маслов Н.* Теоретическая подготовка Октября: Ленин, революция, демократия. Коммунист, № 15; *Меркуров С.* Посмертная маска В. И. Ленина. Огонек, № 20.

Борин К. Время собирать урожай: Воспоминания бывшего стахановца. — Моск. новости, № 12; *Волубев П.* Уроки социального творчества. — Знание — сила, № 9; *Герасименко Г. А.* Земства в Октябрьские дни. — Вопр. истории, № 11; *Драбкина Е.* Кронштадт, год 1921. — Юность, № 10; *Жуков А. Ф.* Ижевский мятеж эсеров-максималистов. — История СССР, № 3; *Иващенко Ю., Панин Л., Романов В.* Двадцать пятое, первый день. — Неделя, № 44; *Иоффе Г. З.* Как делали «русского Кавеньяка»: Из предистории корниловщины. — История СССР, № 5; *Канн П. Я.* Революционный порядок в Петрограде в дни Великого Октября. — Вопр. истории, № 11; *Корнешов Л.* Всероссийская чрезвычайная. — Неделя, № 49; *Кузнецов П.* Победа пролетариата неизбежна. — Правда, 21 дек.; *Кучкина О.* Ребята из дома на набережной. — Комс. правда, 17 янв.; *Лацис О.* Совет народного хозяйства. — Известия, 25 июля; Россия победоносная: Беседа с И. Макбрайдом. — Инстр. лит., № 11; *Микоян А. И.* В первый раз без Ленина. — Огонек, № 50; *Миллер В.* В апреле 1917 г. — Наука и жизнь, № 4; *Мицун И. И.* Октябрьская революция — переломное событие всемирной истории. — История СССР, № 5; *Невский В. И.* «Военка» после июльских дней. — Наука и жизнь, № 7; *Пинегина Л. А.* К проблеме культурных предпосылок Великого Октября. — Вопр. истории, № 11; *Поликарпов В.* «Без малейшего промедления». — Знание — сила, № 11; *Разгон А.* Уроки гласности. — Знание — сила, № 10; *Разгон А.* Уроки демократии. — Там же, № 8; *Смирнов Г.* Возвращение к урокам. — Новое время, № 35 (начало второй мировой войны и политика СССР); *Соболев Г. Л.* Россия. 1917 год: революционный процесс и революционное сознание. — История СССР, № 5; *Старцев В. И.* Вопрос о власти в октябрьские, ни

1917 года. — Там же; *Тарновский К.* В преддверии Октября. — Наука и жизнь, № 10; *Тольц М.* Сколько же нас тогда было? — Огонек, № 51 (перепись населения 1937 г.); *Трухановский В. Г.* Декрет о мире и современность. — Вопр. истории, № 3; *Шелестов Д.* Эпоха в лицах. — Огонек, № 42 (об энциклопедиях «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «Гражданская война и военная интервенция в СССР»); *Шишкина Т.* Прикосновение к подвигу. — Сов. Латвия, 17 февр. (мемориальный памятник-музей латышским красным стрелкам); Цари до и после отречения. — Моск. новости, № 6; *Ажборовская И. С.* Великий Октябрь и поворот народов Центральной и Юго-Восточной Европы к социализму. — Вопр. истории, № 11.

1941—1945

Балкарей Б. Коалиция: первые, трудные месяцы. — Новое время, № 1 (1941 г.); *Максимова Э.* Живым и мертвым. — Известия, 21 авг. (о пропавших без вести); *Голубко В., Коваленко А.* И с тех высот попробуем судить. — Кр. звезда, 5 сент. (полемика с Э. Максимовой); *Новиков В. Н.* Люди и оружие. — Соц. индустрия, 8, 9, 11—13 сент.; *Полянский Э.* Поле памяти. — Известия, 10 янв. (растрел гитлеровцами жителей Симферополя в 1941 г.); Правда о Второй Ударной. — Сов. Россия, 12 авг.; *Черепанов М.* Армия не сдастся. — Комс. правда, 27 сент. (судьба 2-й Ударной армии); *Яковлева Р.* Далекое — близкое. — Ленингр. правда, 4 марта (блокада Ленинграда).

Персоналии

Гальперин Ю. Первый главком. — Огонек, № 44 (К. В. Акашев); *Григорян А.* Наследники командарма. — Сов. Латвия, 24 янв. (Я. Алкснис); *Скорилов Г. П.* Командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис. — Воен.-ист. журн., № 1; *Шейнис З.* Их было четверо. — Моск. новости, № 33 (Я. А. Берзин, В. В. Воровский, М. М. Литвинов, Л. К. Мартенс); Карьера политического авантюриста. — Аргументы и факты, № 43 (о Л. П. Берии); Солдатские звезды полководцев. — Строит. газ., 22 февр. (С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, В. К. Блюхер, М. Н. Тухачевский и др.); *Латышев А.* Бухарин — известный и неизвестный. — Неделя, № 51; *Азовцев Н. Н.* Комкор Г. Д. Гай. — Воен.-ист. журн., № 2; *Акопян Г.* Начдив железной. — Кр. звезда, 18 февр. (Г. Д. Гай); *Елисеева Н.* Железная дивизия Гая. — Неделя, № 7; *Лисочкин И.* Встречи с полководцем. — Ленингр. правда, 21 февр. (Л. А. Говоров). *Сидоровский Л.* Говоров. — Смена, 23 апр.; *Щербань В.* Он был прирожденным полководцем. — Известия, 22 февр. (Л. А. Говоров); *Секретов А.* Из биографии комкора Грязнова. — Коммунист Таджикистана, 24 янв.; *Лацис О.* На стретже революционного созидания: К 110-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского. — Коммунист, № 13; *Подобед А.* Феликс Дзержинский. — Огонек, № 37; *Гусейнов Н.* Сын партии: К 110-летию со дня рождения А. Енукидзе. — Известия, 15 нояб.; *Георгий Константинович Жуков:* Победил — народ! Из дневника и писем родным. — Смена, № 9; *Симо-*

нов К. М. Заметки к биографии Г. К. Жукова. — Воен.-ист. журн., № 6, 7, 9, 10, 12; *Браиловский Г.* Нарком Зальцман. — Смена, 27 нояб.; *Стеганцев М.* Главком. — Неделя, № 34 (С. С. Каменев); *Гальперина М. Д.* В тот тяжкий день. — Ленингр. правда, 1 дек. (С. М. Киров); *Руденко И.* Коллонтай. — Комс. правда, 10 окт.; *Шейнис З.* Новые страницы из жизни Коллонтай. — Огонек, № 8; *Ефимов Б.* Надо ли «ворошить прошлое...». — Огонек, № 46 (М. Кольцов); *Нагаев И. М., Тархова Н. С.* Командарм 2 ранга А. И. Корк. — Воен.-ист. журн., № 8; *Косарева А.* Вожак. — Юность, № 4 (А. В. Косарев); *Сидоровский Л.* Косарев. — Смена, 28 окт.; *Феофанов Ю.* Становление закона. — Известия, 11 авг. (Н. В. Крыленко); *Беркутова А.* Комкор И. С. Кутяков. — Кр. звезда, 17 янв.; *Шейнис З. С.* Долгий путь. — Моск. новости, 24 мая (М. М. Литвинов); *Яковлева Т.* Нарком. — Комс. правда, 5 нояб. (А. В. Луначарский); *Медведев Ф.* Княжна Мещерская: Жизнь прожить... — Огонек, № 43; *Трифопова-Мирошниченко О.* Когда мы начинались. — Неделя, № 44 (Ф. К. Миронов, В. А. Трифонов); *Полещук Н.* Солдат революции. — Соц. индустрия, 5 июля (Н. И. Муралов); *Леров Л., Хаит Г.* Женщины прекрасные черты. — Огонек, № 23 (Г. И. Окулова (Теодорович)); *Быков Н.* По праву памяти. — Огонек, № 24 (Н. Осинский); *Дунаев П.* Чужой орден. — Труд, 16 сент. (И. Г. Падерин); *Пархомовский М.* Зиновий Пешков — генерал Франции, сын России. — Моск. новости, № 20; *Сидоровский Л.* Подвойский. — Смена, 3 нояб.; *Раскольников Ф.* Провокация: В июле 1917 г. — Наука и жизнь, № 7; *Зайцев В., Кучкина О.* Братья. — Комс. правда, 22 окт. (Ф. Ф. Раскольников, А. Ф. Ильин-Женевский); *Коссаковский И.* «Наше доброе имя в глазах потомков». — Сов. культура, 5 нояб. (Ф. Ф. Раскольников); *Он же.* Раскольников. — Смена, 6 авг.; *Павлович И.* Два голоса из грозного 1918 года. — Неделя, № 31 (Ф. Раскольников, Л. Рейснер); *Поликарпов В.*

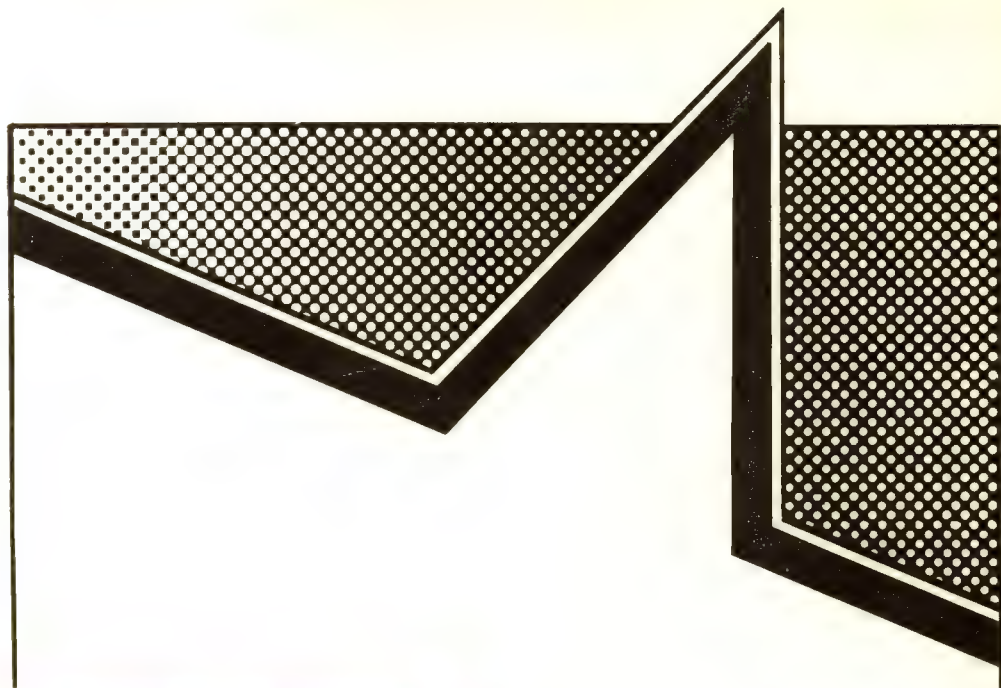
Федор Раскольников. — Огонек, № 26; *Горбунцов Д.* «Один из наших»...: К 100-летию со дня рождения Джона Рида. — Правда, 21 окт.; *Латышев А.* Полицейстер, укрывавший Ильича. — Неделя, № 43 (Г. С. Ровио); *Таман Т.* Останется в памяти. — Известия, 26 окт. (М. И. Родионов); *Громов В.* Имя славное — Петр Смородин. — Комс. правда, 4 февр.; *Секушин В.* Талант вожака. — Ленингр. правда, 8 февр. (П. И. Смородин); *Демидов П.* Слово честь. — Огонек, № 9 (К. Суханов); *Иванов В.* Перекрашивают Иудушку. — Сов. Россия, 27 сент. (Л. Д. Троцкий); *Двойных Л., Стеганцев М.* Маршал Тухачевский. — Неделя, № 47; *Сидоровский Л.* Тухачевский: Легендарный маршал — глазами родных, соратников, строками документов. — Смена, 10 июня; *Сидоровский Л.* Маршал Тухачевский: Воспитать в себе бойца. — Смена, № 21; *Воробьев Е.* «Смотреть прямо в глаза». — Лит. газ., № 27 (И. П. Уборевич); *Фурманов Д.* Чапаев: К 100-летию со дня рождения. — Огонек, № 5; *Федоров Л.* «У меня была революция и Моцарт...». — Неделя, № 48 (Г. В. Чичерин); Пусть никогда в жизни тебе не придется испытать этого. — Собеседник, № 23 (П. П. Ширшов, Е. А. Гаркуша-Ширшова)

Сталин и сталинизм

Борисов Ю. Человек и символ. — Наука и жизнь, № 9; «Дети Арбата»: история и современность: *А. Бочаров.* Противостояние; *Л. Аннинский.* Отцы и сыны. — Октябрь, № 10; *Кучкина О.* Что бы ни было. — Комс. правда, 14 июня (о романе «Дети Арбата»); *Самсонов А.* «Историю изменить нельзя...» — «...Но нельзя и переименовать». — Соц. индустрия, 24 мая; *Стаднюк И.* Право на поиск истины. — Соц. индустрия, 14 июня (полемика с А. Самсоновым); *И. В. Сталин* глазами его современников. — Лит. Киргизстан, № 10.

1988

январь-июнь

Анатолий Бутенко
Как подойти к научному пониманию
истории советского общества

В комиссии Политбюро ЦК КПСС
по дополнительному изучению
материалов, связанных с репрессиями,
имевшими место в период 30—40-х
и начала 50-х годов

Николай Бухарин
Будущему поколению
руководителей партии

Руслан Лынев
А. И. Рыков, революционер,
политик и человек

Михаил Томский — каким он был?

Юрий Дмитриев
Дмитрий Плетнев: «Я готов кричать
на весь мир о своей невиновности...»

Аркадий Ваксберг
Царица доказательств

Юрий Феофанов
Возвращение к правде

Иван Анфертьев
Возвращение Сокольникова

Лев Разгон
Наконец!

Геннадий Жаворонков
И единожды не солгавший

Федор Раскольников
Открытое письмо Сталину

Анатолий Латышев
Трагедия Коминтерна

Борис Виктор
«Заговор» в Красной Армии

Аркадий Ваксберг
Тайна октября 1941-го

Александр Самсонов
Сталинград: ни шагу назад!

Эрнст Генри
Письмо «исторического оптимиста»

Андрей Мерцалов
Миф о великом стратеге

Анатолий Ежелев
Душное лето 46-го

Александр Афанасьев
Победитель

Давид Гай
Конец «дела врачей»

Человек и символ

Серго Микоян
Слуга

Федор Бурлацкий
Хрущев

Юрий Новопашин
Что было после Коминтерна

Антон Губанков
Лазуркины

Алексей Абрамов
Как это было

Поэль Карп
Воздух ученого

Отто Лацис
Сказки нашего времени

Анатолий Бутенко,
доктор философских наук,
заведующий отделом
общих проблем
мирового социализма
Института экономики мировой
социалистической системы АН СССР

КАК ПОДЙТИ К НАУЧНОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Научно разобраться в советской истории — значит не только лучше понять то общество, в котором мы живем, его вчерашние беды и связанные с ними сегодняшние трудности, но и найти ключ к пониманию многих нынешних проблем зарубежных стран, всего мирового социализма.

Конечно, в истории советского общества были разные страницы — светлые и темные, легко можно сбиться, как это делалось раньше, на «лакировку действительности», выпячивание только положительного и замалчивание негативного. Можно впасть и в другую крайность, что случается с некоторыми сегодня, — встать на позиции «очернительства», когда всегда и во всем выискивается только отрицательное и остается без ответа вопрос: если все было однозначно плохо, каким же образом из отсталой России получился могучий Советский Союз — одна из двух «супердержав» современного мира?

В дни 70-летия Октября говорилось: «Наш путь первопроходцев — огромен и сложен. Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального и нравственного наследия старого мира, первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставляющие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмышлять, и субъективные факторы, играющие особую роль в период революционных бурь. И проникнутые максимализмом революционной поры, подчас упрощенные, спрямленные представления о будущем. И чистое, неистовое стремление борцов за новую жизнь сделать все как можно быстрее, лучше, справедливее.

Пройденное — его героизм и драматизм — не может не волновать умы современников. История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызывала — это наша история, она нам дорога».

Обращаясь к самой истории советского общества, хочу сразу же определить свою исходную позицию: все мы, коммунисты, в своем анализе истории стремимся исходить из марксистско-ленин-

ской методологии, исторического материализма. Но вот какой здесь возникает вопрос: руководствуемся одной методологией, факты изучаем и знаем одни и те же, а к выводам приходим разным. Почему? Это, по моему мнению, объясняется тем, что при изучении истории наряду с методологией и фактами еще существует концепция, связывающая воедино основные этапы рассматриваемого исторического времени; вот она-то, эта концепция, у спорящих авторов разная, а потому одни и те же факты выглядят каждый раз в разном освещении, со своим смысловым оттенком.

Возьмем, к примеру, массовые репрессии 30-х годов. Если считать, что в это время власть действительно принадлежала пролетариату, то, следовательно, господствовавший рабочий класс оказался не на высоте: сначала он провел раскулачивание не только кулаков, но и части середняков, утвердил командно-административную систему управления обществом и производством, а потом стал везде и всюду выискивать «врагов народа», нанося удары прежде всего по своим лучшим сыновьям и дочерям. Ведь к этому времени фактически осталась позади полоса наиболее серьезных испытаний. Миллионы людей с энтузиазмом включились в работу по осуществлению социалистических преобразований, стали появляться первые успехи. Получается, что рабочий класс не понял этого: власть пролетариата создает в стране атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности, искусственно обостряет классовую борьбу, творит беззакония, осуществляет массовые репрессии и т. д. Такова одна версия этих событий.

Другая версия, на мой взгляд, гораздо более близкая к истине, заключается в следующем. И. В. Сталин и его окружение, клянясь в верности ленинизму и выступая от имени рабочего класса, на самом деле укрепляли свою собственную власть, сознательно расправлялись с несогласными и неугодными им, объявляя их «врагами народа». При таком подходе ответственность за содеянное несет вовсе не рабочий класс, который был оттеснен от полити-

ческой власти, а узурпаторы власти рабочего класса. «Я думаю,— говорил М. С. Горбачев,— что мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было в 1937—1938 годах. Никогда. За это отвечают те, кто тогда был у власти» (Правда, 1987, 15 июля).

Возьмем другой, более крупный теоретический вопрос — вопрос об основных этапах развития советского общества, строительства социализма. Этот вопрос недавно широко обсуждался или затрагивался на страницах нашей центральной печати. Здесь были представлены суждения многих наших ведущих, по их официальному положению, историков. Признаюсь, у меня этот обмен мнениями оставил грустное впечатление, и вовсе не потому только, что вопрос так и остался нерешенным. Бывают же трудные задачи, которые не решишь в один присест, причем даже в коллективе, а в одиночку многие трудные вопросы кое-кому вообще не под силу. Обескуражило другое: некоторые историки даже не заметили того, что нельзя заниматься периодизацией советского общества, строительства в нем социализма, не определив, что такое социализм. А ведь это ключевой вопрос!

Если стоять на сталинской позиции, исходить из его видения социализма, что главное в создании социализма — командно-административное обобществление и огосударствление средств производства, а все другое не суть, то тогда можно утверждать, что к концу 30-х годов в Советском Союзе имело место «развернутое строительство социализма», как пишет историк М. И. Ким.

Если же помнить В. И. Ленина, который писал, что, «базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней» (Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 22), то неизбежно возникает вопрос: совместим ли с «развертывающимся социализмом» расцвет именно в это время культа Сталина со всеми его зловеющими чертами, где рабочий класс был оттеснен от политической власти, которая была узурпирована И. Сталиным и его окружением, где развертывались массовые репрессии против ленинской гвардии и лучших сынов народа, где гос-

подставляли беззаконие и самоуправство, где средства производства, превращенные в государственную собственность, были отчуждены от рабочего класса, оказавшегося совершенно непричастным к непосредственному управлению этими средствами производства, где господствовала религиозная идеология суеверного поклонения вышнему руководителю, культ его личности?

Рассмотренные примеры позволяют сделать некоторые обобщения. Всякий раз, когда коммунисты, заявляющие, что они руководствуются одной и той же марксистско-ленинской методологией, принципиально или существенно расходятся между собой в оценке исторических событий, можно не сомневаться, что непосредственная причина этого в следовании разным концепциям соответствующего периода истории.

А как же с методологией? Конечно же, при разных концепциях только одна из них согласуется с научной методологией, хотя это может быть не сразу обнаружено. Но в том и состоит задача общетеоретических исследований, чтобы выявлять существо этих общих концепций, иногда весьма искусно замаскированных, подделанных под марксизм, но тем не менее принципиально расходящихся с ним, а потому нуждающихся в обстоятельной и доказательной критике.

Сегодняшние беды нашей исторической науки, по моему мнению, в том и состоят, что историки понимают, что надо отбросить старую, в сущности сталинскую, концепцию, сталинскую трактовку истории КПСС и истории советского общества и заменить ее новой, научной, но осуществить этого пока они не могут. Почему? Да потому, что, сжившись с прежней трактовкой, они не ставят и не обсуждают прямо и непосредственно именно этот вопрос, а обсуждают уже выводы, следующие, как правило, из прежней или чуть подновленной — эклектической — концепции этого периода истории.

Поскольку вопрос общей трактовки периода — это ключевой вопрос, обратимся к его содержанию.

О разных трактовках истории 20—50-х годов

Обращаясь к истории советского общества названных лет и стремясь дать ее научное объяснение, важно разграничить две концепции, две трактовки рассматриваемого периода советской истории.

Сталинская интерпретация этих десятилетий сводится к восхвалению успехов и замалчиванию грубейших извращений тех лет. Как это делалось? Отождествив свою позицию с ленинизмом, а свое собственное видение социализма и методов его строительства с научным коммунизмом (пока оставляем в стороне вопрос о том, было ли это искренним заблуждением или сознательной подделкой), И. В. Сталин стал изображать дело таким образом, будто все сколько-нибудь крупные деятели большевистской партии, расхажившие с ним (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков, А. И. Рыков и др.), всякий раз, когда они отстаивали свои особые позиции, расходились не только со Сталиным, но и с ленинизмом. В отличие от них, сам Сталин никогда и ни в чем не имел собственных взглядов, а всегда и во всем придерживался ленинской позиции, отстаивал ленинизм. При такой трактовке получалось, будто после смерти Ленина возглавляемая Сталиным партия, в первую очередь благодаря его последовательно ленинским позициям, никогда не ошибалась (ошибалась только оппозиция), отстаивала только принципиально правильные взгляды. Однако тогда не только борьба против троцкизма и обоснование возможности построения социализма в Советском Союзе справедливы, но и многое другое. Выходит, что и концепция коллективизации, осуществляемой в значительной мере принудительно и с распространением раскулачивания на часть середняков, а также тезис об обострении классовых борьбы по мере продвижения к социализму, массовые репрессии и беззакония 30-х годов, отказ от линии на отмирание государства и борьбы против бюрократизма, установка на сохранение и

упрочение государства вплоть до коммунизма и т. д. и т. п. — все это не левачьи сталинские заблуждения, нанесшие непоправимый ущерб строительству социализма в Советском Союзе, а марксистско-ленинские взгляды, соответствующие научной методологии и выверенные практикой.

Марксистское же понимание истории этих десятилетий иное, но объективно оценивает все случившееся. Хотя Сталин всегда клялся в верности ленинизму и во внутрипартийной борьбе, особенно против троцкизма, действительно защитил и отстоял ленинские идеи и принципы, тем не менее в его собственных теоретических воззрениях сквозит упрощенчество и примитивизм, глубоко чуждые диалектике и материалистической теории, что многократно приводило к грубейшим практическим ошибкам и принципиальным просчетам. Это относится к взглядам и позиции Сталина не только накануне Октября, но и после него, причем не только по национальному вопросу, но и по целому ряду других принципиальных проблем — отношение к нэпу, концепция партии и классовой борьбы в переходный период, понимание сути коллективизации и индустриализации, проблем управления и самоуправления и т. д. и т. п.

Мало того, сам Сталин был крайне амбициозен и склонен к бонапартизму. Еще при жизни Ленина он стал продвигаться к единоличному лидерству в партии и государстве, а после смерти Ленина подчинил этой цели все свои силы. В результате все это, учитывая личное соперничество в руководстве партии, имело трагические последствия для ленинской гвардии, оказало пагубное воздействие на общественно-политическое развитие страны, обернулось самоуправством и культом личности, тяжелыми последствиями для партийных кадров. Узурпировав власть, И. В. Сталин и его окружение совершили настоящие преступления на почве злоупотребления властью. «Вина Сталина и его ближайшего окружения, — говорил М. С. Горбачев 2 ноября 1987 года, — перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония

огромна и непростительна. Это урок для всех поколений».

Именно с позиций научной концепции этих десятилетий и следует рассматривать все события и факты.

Что это значит?

Обществоведам и историкам предстоит шаг за шагом изучить эволюцию взглядов и действий Сталина, его отход от Ленина и разрыв с ним. Это большая и сложная задача, поскольку с того времени, когда после смерти Ленина Генеральным секретарем ЦК партии остался Сталин, свои суждения, свои действия он представлял советскому обществу и всему миру как научные, марксистско-ленинские. И народ, шедший за ним, верил в это. Опираясь на революционный подъем, на готовность масс многим пожертвовать во имя строительства первого в мире социалистического общества, И. В. Сталин принес на алтарь прогресса сотни тысяч человеческих жизней, лучших сыновей и дочерей советского народа, а сталинское окружение приписывало все успехи в социально-экономических преобразованиях и промышленном росте мудрости и гению вождя.

Сегодня в сталинский марксизм-ленинизм верят только по привычке или невежеству. Однако задача науки в том и состоит, чтобы показать, как было на самом деле. Еще до Октября Сталин не избежал ряда принципиальных ошибок.

Особенно глубокое расхождение с ленинизмом обнаружилось во взглядах и действиях И. В. Сталина по национальным вопросам, связанным с созданием Союза Советских Социалистических Республик. В отличие от В. И. Ленина, выступавшего за добровольное вхождение в Союз равноправных советских республик, Сталин выступил за «автономизацию», то есть за вхождение отдельных республик в Российскую республику на основе автономии, что сразу же привело к коллизиям коммунистов на национальной почве, показавшим, как писал В. И. Ленин, что «вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» (*Ленин В. И.* ПСС, т. 45, с. 356). При наличии бюрократического аппарата «автономизация» резко ограничивала дек-

ларируемую возможность свободного выхода из Союза и тем обостряла национальные отношения в еще только складывавшемся едином многонациональном государстве. «При таких условиях, — считал В. И. Ленин, — очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типично русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» (*Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 357*).

Когда появились первые признаки растущего недовольства, направленные против ошибочной идеи «автономизации», ее автор — И. В. Сталин, уже в ту пору Генеральный секретарь ЦК, увидел в опасениях коммунистов национальных республик проявления «социал-национализма» и стал проявлять по отношению к ним озлобление и администрирование, что в конце концов привело к скандальному инциденту, когда Г. К. Орджоникидзе применил физическую силу по отношению к местным кадрам. Оценивая этот случай, В. И. Ленин писал, что «тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» (*Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 357*). После того как поехавший на расследование этого скандального инцидента Ф. Дзержинский проявил либерализм и терпимость по отношению к случившемуся, В. И. Ленин писал: «Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского» (*Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 361*).

При этом В. И. Ленин обращал внимание на то, что «обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения» (*Ленин В. И.*

ПСС, т. 45, с. 358), вредя тем самым национальному сплочению трудящихся. Обо всем этом сейчас важно напомнить, ибо существует широко распространенное мнение, будто в чем-чем, а уж в национальном вопросе И. Сталин был интернационалистом, истинным марксистом-ленинцем. Очевидно, что это глубоко ошибочное мнение.

После смерти В. И. Ленина, хотя Сталин и продолжал клясться в верности ленинизму, на деле он все больше и больше отходил от него, ревизовал марксизм-ленинизм по многим направлениям. Так, он по-своему трактовал новую экономическую политику, предполагавшую курс на строительство социализма с помощью экономических методов, при использовании хозрасчета, личной заинтересованности и активных действий трудящихся; широкого применения товарно-денежных отношений, приобщения трудящихся к управлению производством. Сталин же рассматривал нэп лишь как «временное отступление», которое вскоре было прекращено. Уже в конце 20-х годов он провозгласил отказ от нэпа и возвращение к «наступлению на капитализм», что, по сути дела, означало сознательный поворот к командно-административной системе партийно-государственного руководства страной и имело далеко идущие последствия для судеб социалистического строительства в Советском Союзе.

Есть основания считать, что рубеж 20—30-х годов является тем рубежом, когда сталинская модель административно-государственного социализма все больше и больше начинает вытеснять теорию и практику ленинизма. Поэтому приходится только удивляться тому, что некоторые советские историки, оценивая весь период — от конца 20-х до 1940 года, когда этот регрессивный для социализма процесс проявил себя в полную силу, пытаются «отвернуться от больных вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, будто ничего особенного не произошло» (*Горбачев М. С. Октябрь и перестройка, с. 22*). Ведь только считая, «будто ничего особенного не произошло», можно именовать эти годы «этапом развернутого со-

циалистического строительства». Ведь именно в это время по предложению И. Сталина были узаконены пытки («метод физического давления») арестованных, сотнями тысяч и миллионами невинных жертв заполнялись тюрьмы и ссылки в разных концах нашей страны. Оуждая тех, кто делает вид, будто в эти годы ничего особенного не произошло, М. С. Горбачев говорил: «С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не можем еще и потому, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки. Вот почему нам нужны и здесь полная ясность, четкость и последовательность».

Ни для кого не является секретом и то, что именно в 30-е годы И. Сталин реализовал на практике некоторые троцкистские идеи: политику «завинчивания гаек» и администрирования, «перетряхивания» всего аппарата; огромный размах приобрели свертывание демократии и ликвидация гласности, был подвергнут теоретической и практической ревизии ленинский кооперативный план, подорван союз рабочего класса с середняком и т. д. и т. п. Что же касается массовых репрессий, нарушения законности, то они вообще не имели ничего общего с марксизмом, это был абсолютный разрыв с ленинизмом, полный пересмотр ленинских принципов и методов строительства социализма. Ведь удар был направлен против социалистических сил — на партийные, военные, административные кадры, которые верно служили социализму. В связи с этим является насквозь ошибочным теоретический вывод И. Сталина о якобы существующей закономерности обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Такая позиция, выдававшаяся за марксизм-ленинизм, на самом деле ничего с ним общего не имела; это сугубо сталинская формула, которая была им изобретена, чтобы теоретически обосновать беззаконие и массовые реп-

рессии по отношению к тем, кто был неугоден.

В обстоятельном анализе нуждаются также внешнеполитические идеи и акции И. Сталина. Принято считать, что ускоренные темпы индустриализации и коллективизации, административный и партийный нажим были продиктованы неизбежностью войны, растущей угрозой нападения на Советский Союз гитлеровской Германии. Между положением дел внутри страны и на международной арене есть, несомненно, определенная связь, взаимозависимость.

Мне представляется, что не только внутренняя, но и внешняя политика И. Сталина не может быть признана последовательно ленинской. Речь идет не только о принципиальных просчетах, связанных с плохой подготовкой страны к войне. По моему мнению, не исключено, что если бы во главе нашего государства стоял марксист-ленинец, учитывающий объективные законы социализма, проводящий гуманную политику, не вызывающую той реакции, которую вовне вызвала деспотическая сталинская политика, если бы это был более грамотный политический лидер, более гибко, по-ленински проводящий внешнеполитический курс, можно было бы избежать той международной изоляции, в которой оказался Советский Союз накануне войны. Этот факт, а также разгром военных, государственных, научных и партийных кадров, слабость обороны — все это облегчало развязывание второй мировой войны и нападение фашистской Германии на Советский Союз. Известно, что в те годы европейские коммунисты выдвигали отвергнутый И. В. Сталиным тезис о возможности предотвращения второй мировой войны. Конечно, сейчас трудно определить, кто был прав, а кто нет. Неизбежность второй мировой войны, так же как и возможность ее предотвратить, в равной степени не доказана. А потому те жертвы, те издержки, которые были принесены на алтарь ускорения темпов социалистического строительства, не оправдываются сталинским тезисом об усиливающейся военной угрозе.

Думаю, что все эти проблемы тоже нуждаются в дополнительном изучении,

чтобы отбросить штампы и догмы того времени и прийти к научным выводам.

«Перестройка, — говорил М. С. Горбачев на февральском Пленуме ЦК КПСС, — обязывает нас взглянуть по-новому на некоторые, ставшие привычными характеристики, сопоставить не только пройденный, но и предстоящий путь с теми критериями прогресса, с теми целями строительства нового общества, которые сформулированы классиками марксизма-ленинизма». При таком сопоставлении сразу станет очевидной неприемлемость сталинских трактовок, ставших привычными характеристиками.

Общий подход к концепции развития советского общества

Было бы чрезмерным самомнением считать, что в один присест можно сформулировать всесторонне продуманную концепцию развития советского общества. Новые концепции в отличие от новых идей не посещают нас в один прекрасный день, а постепенно складываются из ряда новых идей и выводов в результате напряженных умственных усилий по их совмещению и согласованию не только между собой, но и прежде всего с фактами, с реальной историей, из которой извлечены эти идеи и выводы. И все же раньше или позже надо приступать к делу, с тем чтобы предполагаемое послужило хотя бы предметом для дискуссии и тем положило начало более основательной работе над концепцией.

С этих позиций я и подхожу к проблеме концепции.

Октябрьская социалистическая революция была не только необходимым порождением тогдашних условий, но и единственным возможным средством сохранения независимости России, избавления ее от отсталости и опасности стать первой черносотенно-фашистской страной.

Не только поколения советских людей, но и все человечество всегда будут воздавать должное миллионам и

миллионам творцов Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленину, истинному вдохновителю и организатору революционного переворота, и его соратникам, многим революционерам — большевикам и меньшевикам, внесшим огромный личный вклад в выбор Россией социалистического пути, в свержение эксплуататорского строя, в создание и защиту первого в истории социалистического государства, независимо от того, как потом сложилась их судьба.

Не останавливаясь на неудачах и успехах гражданской войны и первых ленинских лет строительства социализма, хочу подчеркнуть следующее. После смерти В. И. Ленина в советском обществе развернулась начавшаяся еще при его жизни борьба за политическое лидерство и политическую власть, борьба, окончившаяся утверждением власти возглавляемых И. Сталиным сил партийно-государственной бюрократии, которая, клянясь в верности ленинизму и используя политическую неопытность масс, их необученность азам демократии, оттеснила рабочий класс и его союзников от политической власти и утвердила свое господство.

Революционная Россия, совершившая всемирно-исторический выбор в пользу социализма, вступила на путь сознательного строительства нового общества, не имея готовых рецептов такого строительства. Поэтому с первых шагов Советской власти в правящей большевистской партии велись острые дискуссии о том, как успешнее бороться за реализацию социалистического идеала. «Главный вопрос в теории и практике социализма, — говорил М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — как на социалистической основе создать более мощные, чем при капитализме, стимулы экономического, научно-технического и социального прогресса, как наиболее эффективно соединить плановое руководство с интересами личности и коллектива. Это самый сложный вопрос, ответ на который искала и ищет социалистическая мысль и общественная практика».

Как же отвечали в советском обществе на этот «самый сложный вопрос»?

Сначала, в условиях «военного коммунизма», связанного с гражданской войной, В. И. Лениным и большевиками были испытаны командно-административные методы управления экономикой, когда пытались «велениями пролетарского государства», при почти полностью огосударствленной промышленности, создать «коммунистическое производство и распределение в крестьянской стране». Убедившись в ошибочности такого пути и признав ошибку (см.: *Ленин В. И.* ПСС, т. 44, с. 151), В. И. Ленин разработал новую экономическую политику (нэп), сделал решительный поворот в сторону экономических методов управления, которые должны были обеспечить смычку рабочих и крестьян, раскрепостить созидательную энергию масс, обеспечить повышение инициативы человека, снятие бюрократических преград, ограничивающих действие основного принципа социализма: «От каждого по способностям, каждому — по труду». Не ограничиваясь сферой экономики, В. И. Ленин в последние месяцы своей жизни обдумывает «ряд перемен в нашем политическом строе» (*Ленин В. И.* ПСС, т. 45, с. 343), обращается к проблеме гарантий его политической стабильности и дальнейшего развития. В связи с 70-летием Октября М. С. Горбачев так говорил об этом: «В последних, необычайно насыщенных интеллектуально и эмоционально ленинских работах сложилась система взглядов и сама концепция строительства социализма в нашей стране. Это — огромное теоретическое богатство партии».

Суть ленинской концепции строительства социализма состояла в том, чтобы поставить в ее центр человека труда, его интересы и права, превратить его раскрепощаемые новым строем творческие силы в главный рычаг преобразования страны, а сами эти преобразования совершить так, чтобы обеспечить каждому труженику рост благосостояния, возможности совершенствования и развития. С этой целью, по мысли Ленина, необходимо было развивать демократию в центре и на местах, осваивать достижения науки и техники, расширять хозрасчет и участие трудя-

щихся в управлении производством, настойчиво внедрять не административно-бюрократические, а экономические методы управления производством.

Отвоевав возможность мирного развития в условиях капиталистического окружения и обладая этим огромным теоретическим богатством, партия большевиков вполне могла рассчитывать на успех. Однако распорядиться этим богатством, найти пути реализации ленинской концепции предстояло партии, которую возглавил Сталин с его притязаниями на единоличную власть и далеко не ленинскими взглядами по многим вопросам. Здесь нет возможности, да и необходимости, вдаваться в детали идейно-теоретических и практических столкновений тех лет. Это был сложный процесс, ибо характер идейной борьбы в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии. Старые разногласия, имевшие место еще при жизни Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме. Что же получилось в итоге?

Судя по ведущимся сегодня дискуссиям, часть советских историков, да и других обществоведов, еще не готова признать, что при Сталине произошел отход от ленинской концепции строительства социализма.

И. В. Сталин был, безусловно, сильной личностью деспотического типа, он был способен — сразу или готовя исподволь — добиваться задуманного. Подчинив партию и партийно-государственные кадры своей воле, он обеспечил к концу 30-х годов достижение своей цели и потому, имея перед собой свое — сталинское — видение социализма, с полным основанием говорил, что в стране в основном построено социалистическое общество. Равным образом все документы ВКП(б) того времени, когда у ее руководства был Сталин, отражали подход к советской истории и ее основным этапам с позиций этого господствовавшего тогда сталинского видения социализма, которое по многим вопросам глубоко расходилось с научным и было нацелено, в сущности, на создание государственно-административного, во многом казарменного, а не действитель-

ного социализма, соответствующего марксистско-ленинским идеалам.

И сегодня еще есть историки, которые считают, что и при Сталине все шло как надо, то есть по науке, по определенной ею столбовой дорожке, а не вразрез с нею. Не вся еще историческая наука так глубоко перестроилась, поняла призыв партии к революционному очищению и возрождению, осознала, почему сегодня КПСС разъясняет всем нам: «Цель перестройки — теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, в которой непререкаемый приоритет — за человеком труда с его идеалами, интересами, за гуманистическими ценностями в экономике, социальных и политических отношениях, культуре» (*Горбачев М. С. Октябрь и перестройка*, с. 31—32).

Представляется важным и то, что всем тем, кто и сегодня воспроизводит канонические схемы периодизации истории СССР, восходящие к работам И. Сталина, трудно убедительно объяснить, почему сегодня — почти полстолетия спустя — партия видит смысл перестройки в реализации лозунга «Больше социализма! Больше социалистической демократии!».

Поэтому я убежден, что, вырабатывая научное понимание истории СССР, сегодня нужно спорить не о датах, не о рубежах, когда был «создан социализм в основном» или была достигнута «полная и окончательная победа социализма» и т. п., — ведь во всех этих случаях, как правило, речь идет о прежнем видении социализма, оценке его периодизации, исходя из сталинской модели социализма. Мы же должны исходить из нового, современного видения социализма, а потому нужно спорить о том, в чем оно состоит, а также о том, что было сделано раньше и в каком оно отношении находится к действительному социализму.

А это непростая задача: сложный, противоречивый характер осуществленных в прошлом преобразований обусловил то, что и на их результатах лежит печать неоднозначности, двоякости.

Возьмем, к примеру, коллективизацию. Конечно же, ее осуществление ис-

ходило из идеи кооперирования крестьянских хозяйств, выдвинутой еще К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитой В. И. Лениным. Как известно, ленинский кооперативный план предусматривал рассчитанное на продолжительное время, постепенное — по мере готовности самих крестьян, — поэтапное кооперирование, шаг за шагом от низших форм к высшим, от торгово-кредитной, снабженчески-сбытовой кооперации к кооперации производственной. При этом аграрная политика Ленина четко определяла отношение коммунистов ко всем социальным группам сельского населения.

Особенно важно то, что Ленин, осуществляя аграрную политику, предлагал конкретно продумать, «как кооперировать, как «ограничивать» кулаков, не приостанавливая роста производительных сил» (*Ленин В. И. ПСС*, т. 45, с. 47) *.

И. Сталин, организуя кооперирование, пошел на ревизию всех основных ленинских указаний, не посчитался он и с решениями XV съезда партии и XIV партийной конференции по этим

* Сегодня много пишут об ошибках И. Сталина, выразившихся в распространении раскулачивания на часть середняков. Это, бесспорно, грубое извращение. Но есть не менее принципиальный вопрос: а является ли самое раскулачивание, то есть экспроприация кулака, причем осуществляемая при Сталине как поголовная, всеобщая мера, политикой, соответствующей сути марксизма-ленинизма, смыслу социализма? В 1918 году В. И. Ленин писал: «Маркс сказал, что пролетариат должен экспроприировать капиталистов, а мелкобуржуазные группы суметь использовать. И мы говорили, что у капиталистов надо забрать все, а кулаков лишь прижать и поставить под контроль хлебной монополии» (*Ленин В. И. ПСС*, т. 37, с. 204). В проекте Программы РКП(б) Ленин так формулировал программные цели политики в этой области: «По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии политика РКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской, социалистической политике» (*ПСС*, т. 38, с. 101), т. е. и здесь об экспроприации ни слова. Выступая в Коминтерне, В. И. Ленин прямо отверг эту идею: «...экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата» (*ПСС*, т. 41, с. 175 и др.).

Известно, что в зарубежных странах социализма поголовное «раскулачивание» не производилось. (*Прим. авт.*)

вопросам. Чрезмерно форсированное, осуществляемое сплошь и рядом под административным нажимом и в противоречии с принципами добровольности и поэтапности, плохо подготовленное «сплошное» кооперирование крестьянских хозяйств сопровождалось чудовищным беззаконием при раскулачивании, когда без суда и следствия тысячи и тысячи крестьянских семей разрушались и сгонялись с родной земли, их земля и средства производства экспроприировались, а главы семей репрессировались. Подобные действия являлись грубым нарушением социалистической законности. Ведь в соответствии с решениями XIV конференции РКП(б) разрешалось «применение наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной аренды земли» (апрель 1925 года).

Такова была оборотная сторона успехов в соревновании по быстрейшему созданию колхозного строя; крестьянское горе и крестьянские слезы сопровождали эту «революцию». Ведь «сталинским раскулачиванием» зимой 1929/30 года местами охватывали до 10—15 % крестьянских хозяйств, тогда как удельный вес кулаков по стране в целом не превышал в 1927 году 3,9 %, а в 1929 году — 2,5—3 %. Такое кооперирование с искусственным обострением классовой борьбы не только приостановило рост производительных сил, против чего предупреждал В. И. Ленин, но и надолго вообще подорвало развитие сельского хозяйства.

Констатировать все это приходится не для того, чтобы «надрывать душу», а для того, чтобы лучше понять, откуда идут сегодняшние беды советского социалистического сельского хозяйства, почему так тяжело развивается здесь семейный подряд, чего боятся крестьяне, и уж совсем не для того, чтобы отказаться от с таким трудом и такой болью созданных социалистических форм там, где они успешно функционируют и способны обрести адекватное современному уровню развития социалистическое содержание.

Печать подобной двойственности, когда прогрессивная цель достигалась реакционными способами или варварски-

ми средствами, в противоречии с принципами социализма, не обошла и индустриализацию. Осуществляя индустриализацию за счет крестьян и при «завинчивании гаек», И. Сталин следовал идеям Л. Троцкого. При этом он заботился о том, чтобы пирамида государственно-бюрократической власти, увенчанная его единоличной диктатурой, опиралась на возможно более мощный материально-технический базис, чтобы управляемая им страна была могущественным государством со всеохватывающей «общенародной собственностью». А как получилось?

Конечно же, с завершением почти полного огосударствления средств промышленного производства господство «общенародной собственности» было широко распропагандировано, было также объявлено, что социалистические производственные отношения у нас господствуют тоже. Но верно было только то, что создавшие эту собственность средства производства в свое время в значительной своей части были безвозмездно экспропрированы у частных владельцев-капиталистов и переданы в руки государства. Этот шаг привел к ликвидации класса эксплуататоров. «Леваки» никак не могут уразуметь ту азбучную истину, что без капиталистов — это еще не означает по-социалистически. Другой шаг должен был состоять в том, чтобы передать средства производства в управление трудящимся, сделать их действительной собственностью всего народа, превратить рабочих, трудящихся из выдрессированной рабочей силы в действительных хозяев страны, на деле управляющих этой собственностью. В свое время В. И. Ленин писал: «Социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание. Поэтому мы ввели рабочий контроль...» (Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 139). Но в том-то и дело, что управление трудящихся, самоуправление трудовых коллективов в корне противоречило созданной И. Сталиным командно-административной системе управления, а потому идея самоуправления была пре-

дана забвению и позже осуждена. Конечно же, и это вовсе не означает, что имеющиеся социально-организационные формы должны быть отброшены, что они не могут быть наполнены действительно социалистическим содержанием.

Подчеркивая двойственный характер преобразований того времени, следует подчеркнуть, что именно в этой двойственности коренится — не учитываемая многими — недопустимость однозначных оценок полученных таким образом результатов как в экономике, так и в политике: было бы одинаково неправильно из-за ошибок и извращений полностью перечеркивать их, как неверно было бы и непомерно восторгаться ими только потому, что по форме они социалистические. Кстати, именно с этим связан и современный лозунг «Больше социализма!». Его надо ввести больше там, где его мало, или осуществить заново такое введение там, где его вообще нет. Учет отмеченной двойственности важен и для нравственной ориентации исторических исследований. «Честное понимание как огромных наших достижений, так и прошлых бед, — говорил М. С. Горбачев, — полная и верная политическая их оценка дадут настоящий нравственный ориентир на будущее». Пользуясь только проверенными ориентирами, можно создать научную историю советского общества.

Литература

Проблемы периодизации истории КПСС. — Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, 7, 9, 10; 1988, № 2.

Основные этапы развития советского общества. «Круглый стол» журнала «Коммунист». — Коммунист, 1987, № 12.

Карякин Ю. Ф. Стоит ли наступать на грабли? — Знамя, 1987, № 9.

Кулиш В. М. К вопросу об уроках и правде истории. — Наука и жизнь, 1987, № 12.

Нуйкин А. А. Идеалы или интересы? — Новый мир, 1988, № 1.

Лацис О. Р. Проблемы темпов в социалистическом строительстве. — Коммунист, 1987, № 18.

Симонов К. М. Уроки истории и долг писателя. — Наука и жизнь, 1987, № 6.

Шмелев Н. П. Авансы и долги. — Новый мир, 1987, № 6.

Наука и жизнь, 1988, № 4

**В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ
С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ
МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА
50-х ГОДОВ**

Комиссия на своем заседании 5 февраля 1988 г. заслушала информацию Председателя Верховного суда СССР о результатах рассмотрения протеста Генерального прокурора СССР по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского, привлекавшихся к уголовной ответственности по так называемому «антисоветскому право-троцкистскому блоку».

Эти лица были осуждены военной коллегией Верховного суда СССР в марте 1938 года по обвинению в том, что по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу с целью свержения существующего в СССР социалистического, общественного и государственного строя, проводили диверсионно-вредительскую, террористическую и иную враждебную деятельность.

Как установлено, предварительное следствие по этому делу проводилось с грубыми нарушениями социалистической законности, фальсифицировалось, от обвиняемых недопустимыми методами добывались признательные показания.

Принято к сведению сообщение Председателя Верховного суда СССР о том, что пленум Верховного суда своим постановлением 4 февраля 1988 г. отменил приговор военной коллегии в отношении осужденных Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Ранее Верховным судом СССР по этому же делу и по тем же мотивам были полностью реабилитированы Н. Н. Крестинский, Г. Ф. Гринько, И. А. Зеленский, В. И. Иванов, С. А. Бессонов, А. Икрамов, Ф. Ходжаев, В. Ф. Шарангович, П. Т. Зубарев и Д. Д. Плетнев.

Протест в отношении Г. Г. Ягоды, проходившего по этому делу, Прокуратурой СССР не приносился.

Правда. 1988, 6 февраля

БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ

Это письмо Николай Иванович Бухарин написал накануне февральско-мартовского [1938 г.] Пленума ЦК партии, ставшего для него последним. «Психологически он был уже готов к тому, что его арестуют и что придется расстаться с жизнью, — вспоминает о последних днях мужа Анна Михайловна Ларкина. — Надежду на оправдание он окончательно потерял и принял решение заявить будущим потомкам о своей непричастности к преступлениям и просить о посмертном восстановлении в партии. В то время мне было 23 года, и Николай Иванович был убежден, что я доживу до такого времени, когда смогу передать письмо в ЦК. Будучи уверен, что письмо его будет забрано при обыске, и опасаясь, что в случае обнаружения его я буду подвергнута репрессиям, Николай Иванович просил меня выучить письмо наизусть». Пятьдесят лет, из которых почти двадцать лет пришлось на лагерь и ссылку, хранила Анна Михайловна в своей памяти письмо-завещание мужа. [Огонек, 1987, № 48].

Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение. В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, эта переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творят гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя, — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена пар-

тии эти «чудодейственные органы» могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать организацию, «бухаринскую организацию», в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но и не существовавшую тогда, в годы правой оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это — ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается, как пламя, и душит партию.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ
ОБРАЩАЮСЬ.

В эти, может быть, последние дни моей жизни, я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоет грязь с моей головы.

Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин

Огонек, 1988, № 17

Руслан Лынев,

заместитель редактора отдела
газеты «Известия»

**А. И. РЫКОВ, РЕВОЛЮЦИОНЕР,
ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК**

Судебный процесс над участниками так называемого «правотроцкистского блока», состоявшийся в марте 1938 года, должен был не только перечеркнуть ряд имен, с ленинских времен известных партии, но и тем самым укрепить веру лишь в одно имя, в одну правду — сталинскую. Историкам еще предстоит ответить, почему же это удалось. Почему соратники Ленина оказались в труднейший момент истории в меньшинстве, почему так круто, трагически изменилась линия их жизни!

Из тех времен нам уже возвращена такая яркая политическая фигура, как Н. И. Бухарин, другие видные деятели партии и государства. Среди них и Алексей Иванович Рыков, о котором до сих пор было мало что известно.

Алексей Иванович Рыков — член партии с 1898 года, член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1923 по 1930 год. Возглавлял ВСНХ и СТО, сменил В. И. Ленина на посту главы Советского правительства, который занимал с 1924 по 1930 год.

«Где и когда я родился, неизвестно», — полушутя говорил Рыков близким, имея в виду, что день его рождения — 13 февраля 1881 года — и место — Саратов — записаны, скорее всего, условно, так как отец, видимо, не успел оформить документы на месте, где был приписан до переезда в Саратов: в слободе Кукарка Вятской губернии — крестьянином. В Саратове, перейдя в мещанское сословие, отец стал торговцем, однако, овдовев, вскоре умер и сам, оставив сиротами шестерых детей. Учились они, что называется, на медные деньги, зарабатывая на жизнь и учебу репетиторством. Тем не менее Алексей учился в гимназии блестяще, проявив особую склонность к точным и естественным наукам и явную нелюбовь к закону божьему.

Участие в революционных молодежных кружках привело к снижению оценки за поведение. В результате путь в столичные университеты для него был закрыт. Пришлось поступать в ближайший — Казанский. В 1901 году последовал первый арест, высылка в Саратов, где при разгоне демонстрации был жестоко избит черносотенцами. С этого и начинается период, о котором Алексей Иванович впоследствии напишет: «Не успел я сесть на студенческую

скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, но из них я около 5 1/2 лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни. В краткие просветы «свободы» передо мной, как в кинематографе, мелькали села, города, люди и события, и я все время куда-то устремляюсь на извозчиках, лошадях, пароходах. Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев».

Только в Архангельскую губернию его ссылали четыре раза, и каждый раз он бежал. Дважды был сослан в Нарым, откуда осенью 1915 года также бежал.

В 1902 году в Женеве произошла первая встреча с В. И. Лениным. Сразу выделив в нем дар организатора, умение «обхаживать» людей, В. И. Ленин стал давать А. И. Рыкову сложные поручения, включая подготовку партийного съезда, восстановление в нелегальных условиях разгромленных парторганизаций, в частности Московской, в руководстве которой Алексей Иванович оказывался, как нарочно, в разгар революционных событий 1905 и 1917 годов. Здесь же, в Москве, он был избран делегатом на III (Лондонский) партийный съезд.

Авторитет в партии, богатый опыт предопределили назначение А. И. Рыкова на один из ключевых постов в первом Советском правительстве — народного комиссара внутренних дел. Это была должность, по сути, комиссара-организатора новой власти, ее органов. С первых же дней, однако, у Рыкова и некоторых членов ЦК и правительства возникли разногласия с Лениным и поддерживавшим его большинством в вопросе о том, должно ли правительство остаться таким, как есть, или в его состав надо включить больше представителей других социалистических партий, чего требовало, в частности, руководство крупного профсоюза железнодорожников — Викжель. Ленин считал требование абсурдным: раз съезд Советов дал полномочия главным образом большевикам, чего ради уступать амбициям меньшинства?

Рыков же, а также наркомы Милю-

тин, Ногин, Теодорович не только не сочли эти требования абсурдными, но и в знак несогласия с Лениным, его позиций в данном вопросе, подали в отставку.

Злорадство по этому поводу в стане врагов революции (вот, мол, вам прочность новой власти) и в то же время возмущение части большевиков, включая Ленина, были крайними. Да и нам сегодня невозможно понять мотивы того шага. Невозможно, если не учесть главного, что двигало Рыковым: он никогда не мог делать того, в чем не был до конца убежден.

Позже, в конце двадцатых годов, разойдясь со Сталиным, Алексей Иванович поступит точно так же: подаст в отставку с поста уже главы правительства. И наверное, тем самым поставит себя под удар.

Тогда же, при Ленине, было иначе. Сам Ильич скажет: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены».

Исправлены делами. Так, Рыков после отставки взял на себя обязанности московского областного комиссара продовольствия. Еще одна из должностей, которую он исполнял в разгар интервенции и гражданской войны, называлась ЧУСОСНАБАРМ, что означало: чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Оборона по снабжению армии и флота. Это он извлекал со складов все, что могло быть использовано для вооружения и снабжения Красной Армии. Под его руководством были восстановлены и заработали главные военные заводы.

Такая была обстановка. Такие дела. И удивительно ли, что под их напором вопрос о выходе А. И. Рыкова из правительства не просто забылся, затерялся, а уступил место другому: кто в этих архисложных условиях способен навести порядок в экономике — стать Председателем Высшего Совета Народного

Хозяйства? Партия посылает сюда Рыкова.

Заведующий научной частью ВСНХ Лапиров-Скобло так описывал первые шаги Рыкова в этой должности:

«Сотрудников нет. Ничего не убрано, не налажено. Всюду пыль, грязь».

И вот, среди этого беспорядка, появляется Алексей Иванович Рыков в своем потертом пиджачке. Ко всему присматривается, обо всем расспрашивает... и торопит, торопит».

По существу, он, Рыков, создал ВСНХ. И не только создал, а придумал основные направления его деятельности. От национализации отдельных предприятий, сводившейся на первых порах к передаче их выборным правлениям, совершался переход к национализации целых отраслей с разработкой общих для них производственных программ, планов материально-технического снабжения, технического обслуживания. Такое сведение разнородных элементов хозяйства в единую систему под жестким централизованным руководством в условиях войны и разрухи способствовало лучшему использованию всех ресурсов.

Сочетание конкретности анализа с перспективностью мысли — в духе А. И. Рыкова. Примечательно, что в круговерти текущих дел, связанных с заботой о топливе, продовольствии, он в разгар гражданской войны, интервенции интересовался планом прокладки канала между Волгой и Доном.

Время коренным образом менять стиль и методы руководства хозяйством пришло вместе с введением нэпа. Оценивая этот период, А. И. Рыков приходит к выводу, что «теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, но путем лучшей работы», перейдя на систему, как он выражался, «коммерческого управления», освоив торговлю товарами как бытового, так и производственного назначения, наладив товарообмен города с деревней.

Это был новый, более сложный этап подъема экономики. Основой для восстановления народного хозяйства А. И. Рыков считал национализированную промышленность, особенно топлив-

ную, металлургическую, транспорт. Именно они требовали львиной доли капиталовложений.

Но поскольку сельское хозяйство способно восстанавливаться быстрее, чем промышленность, то для жизни страны тех лет и того уровня развития уже вскоре, отмечал А. И. Рыков, «экономическое значение крестьянства далеко может превзойти экономическое значение рабочего класса». Ускорить темпы восстановления промышленности можно, считал он, не только загружая крупнейшие предприятия государственными заказами, но и оплачивая эти заказы не ниже себестоимости, а по возможности выше ее, по так называемым восстановительным ценам.

Однако, воспользовавшись этими благоприятными условиями и стремясь извлечь из них наибольшую коммерческую прибыль, хозяйственные органы не особо заботились о снижении себестоимости продукции подчиненных им предприятий, а пошли более легким путем — повышения цен. Уже к осени 1923 года это привело к образованию своего рода «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Подорожавшая сверх меры продукция предприятий не находила сбыта, они затоваривались, что создавало финансовые затруднения, угрожало остановкой производства, безработицей.

А. И. Рыков возглавлял одновременно целый ряд комиссий, в том числе: по выработке единого сельхозналога, денежной реформе, заработной плате, ценам. Последней было поручено принять меры, чтобы «сомкнуть ножницы». Что и было сделано путем снижения оптовых и отпускных цен.

Введение плановых начал, овладение рынком — как внутренним, так и внешним, на который предприятиям разрешалось выходить уже тогда, — поистине не было ни одного элемента новой экономики, на который бы не влиял А. И. Рыков, который бы создавался без его личного участия.

И уже тогда, на этапе создания системы управления экономикой, он с беспокойством отмечал зарождение в ее ме-

ханизме таких пороков, которые впоследствии заметно снизят ее эффективность. Так, в 1925 году с трибуны XIV партконференции он говорит о стремительно разрастающейся эпидемии проверок и ревизий, отвлекавших все больше сил и средств.

— Миллиард на ревизии, пятьдесят миллионов на строительство, — откликнулся на это с места В. Я. Чубарь.

Не меньшее зло Рыков видел в чрезмерном разбухании аппаратов центральных ведомств, все больше отрывавшихся от подчиненных им предприятий, где билась живая жизнь: «Внизу перемены — вверх рутина; это опасно, — верхи будут тормозить любые движения, происходящие внизу».

Будучи заместителем, а затем, после смерти В. И. Ленина, его преемником на посту Председателя Совета Народных Комиссаров, Алексей Иванович нес ответственность особую. Скажем прямо: в теоретическом его наследии нет разработок особо крупных и ярких. Но для нас оно и сейчас остается ценным другим: опытом решений социально-экономических проблем, подтверждающим, что в самые ответственные периоды политика партии определялась экономикой, успехами на хозяйственном фронте.

Если перечитать все его выступления той поры до конца двадцатых годов, то не может возникнуть и тени сомнения в том, что Предсовнаркома А. И. Рыков был принципиальным и активным проводником, во-первых, курса на ускоренную индустриализацию страны и, во-вторых, всемерного развития кооперации как средства строительства социализма. Вот мысли, отставивая которые он находил полную поддержку большинства партии, ЦК ВКП(б): развиваясь на прежней, довоенной промышленной базе и благодаря энту, страна восстановила свой потенциал чрезвычайно быстро, но резервы для сохранения прежних темпов исчерпала. «В это уперлось развитие всего хозяйства, в том числе и сельского, которое нельзя поднять без обеспечения его машинами, удобрениями, потребительскими товарами, поэтому теперь необходимо производить перераспреде-

ние средств в пользу промышленности, а в дальнейшем, когда она достигнет более высокого уровня, мыслима помощь сельскому хозяйству за счет промышленности. Да и внутри самой промышленности нельзя отказаться от переливания части средств из легкой промышленности в тяжелую».

Что же касается сельского хозяйства, то здесь «необходима поддержка со стороны государства и кооперации тех коллективных форм организации производства, жизнеспособность коих испытана и доказана практикой. Одного только необходимо добиться: чтобы в этой области не было принуждения, не было надуманности, чтобы крестьянство само на практике, на опыте осознало выгодность тех или других форм хозяйствования».

И далее: «Безусловно, с помощью деревянной сохи мы социалистического сельского хозяйства не построим... Трактор в настоящее время революционизирует сельскохозяйственный производственный процесс в гораздо большей степени, чем тысяча агитаторов, пришедших в деревню с отвлеченной агитацией о преимуществах коллективных форм земледелия».

Практически эти тезисы означали продолжение нэпа, начатого при Ленине.

Рубежом, до которого эта политика осуществлялась последовательно, можно считать спад в закупках хлеба в 1927—1928 годах, названный еще «хлебным кризисом» и даже «хлебной забастовкой».

Сталин усмотрел причины кризиса в росте сопротивления кулаков и счел, что преодолеть трудности можно решительным рывком, применив чрезвычайные меры против тех, кто утаивал хлеб, и одновременно всемерно форсировать темпы коллективизации. Обе меры проводились нередко с такими перегибами, что Рыков и два других члена Политбюро Бухарин и Томский увидели в этом опасный симптом.

«Возведение в принцип чрезвычайных мер в наших отношениях с крестьянством и допущение возможности прибегать к ним через каждые пять минут передышки, невзирая на опасность кон-

фликта с крестьянами, является совершенно неправильной и губительной для всего нашего союза», — предупреждал Рыков.

Протестуя против силового взвинчивания обстановки, Рыков вместе с Бухариным и Томским подает в отставку...

Нет, не кулака-миroeда защищал А. И. Рыков якобы в противовес коллективизации и не черенашьи методы индустриализации проповедовал, как это утверждалось, а отстаивал экономику, ее законы и методы в противовес входившим в систему методам волевого нажима, методам административно-командным. В этом все дело. И в этом, если отвлечься от деталей, причина его расхождений не только со Сталиным, но и, прямо скажем, с широким слоем партийцев, которым решительно революционный образ мыслей и действий был привычней, ближе нэповского, равнозначного для многих из них буржуазному перерожденчеству. Эти настроения объективно совпадали с образом мыслей Сталина, понимавшего диалектику не как единство и борьбу противоположностей, а лишь как борьбу их. Ну а раз борьба, да еще за власть, то одну противоположность надо снять, устранить. В конкретном случае это относилось к «правому уклону» — так квалифицировалась позиция Рыкова, Бухарина, Томского.

Что же такое «уклон»? По Ленину: «Уклон не есть еще готовое течение. Уклон есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом „уклон“».

По Сталину: «правый уклон» с его «комическими воплями» по поводу «чрезвычайных мер» — это главная, оппортунистическая опасность в партии. «Правда в данном случае заключается в том, что у нас нет на деле общей линии. Есть одна линия, линия партии, революционная ленинская линия. Но наряду с этим существует другая линия, линия группы Бухарина, ведущая борьбу с линией партии... Эта вторая линия есть линия оппортунистическая».

С подобных позиций против «уклонистов» была развернута такая яростная кампания, что даже их самокритика, даже их готовность делом доказать — они за линию партии — клеймилась как «маневры», «увертки».

«Склонные головы перед партией» — это требование, еще недавно обращенное к троцкистам, теперь адресовалось Рыкову... И надо понимать, для него, прошедшего с партией весь свой путь, поднятого ею на высоту главы Советского правительства, это требование было не пустым звуком. Поэтому летом 1930 года он выступил на XVI съезде партии с самокритикой. Характер ее, как и атмосферу, можно представить по стенограмме.

Любченко (не так давно горячо одобрявший взгляды Рыкова.— *Авт.*): Алексей Иванович, а вы согласны, что позиция правого уклона — это позиция мелкобуржуазных либералов?

Рыков: Вот это сочетание понятия мелкобуржуазности с либерализмом в вопросе обо мне... не совсем понятно, вы мне потом, в частной беседе как-нибудь объясните.

Любченко: А вы в речи Сталина почитайте. (*Смех, шум.*)

Рыков: Повторю, я, вероятно, многого не сказал... (*Голос*: «Главного не сказал».)... и многое упустил, но я стремился сказать основное... (*Голос*: «Как раз основного не сказал».) ...вокруг которого для меня лично вращались все мои разногласия с ЦК. (*Голос*: «О внутривластном режиме скажи». Шум.) Нужно слушать то, что я говорил. И мне кажется... что наша позиция, по существу дела, есть позиция защиты мелкобуржуазного сопротивления... (*Голос*: «Крепче, крепче».)

Здесь, кажется, время сменить рассказ. Перенести его из тех времен в наше, сегодняшнее. И с пишущим эти строки побывать в один из сырых предвесенних дней на Преображенке. Предварительно, конечно, позвонив Наталье Алексеевне Рыковой. Дочь Председателя Совнаркома живет в однокомнат-

ной светлой квартирке, обставленной просто, даже скромно. Первое, что бросается в глаза — фотография за стеклом шкафа... Лицо одного всем знакомо. Другого большинство из нас не знает. Ленин и Рыков... Глядя на него, хочешь лучше представить, каким был этот человек.

Наталья Алексеевна рассказывает:

— Стройный. Роста выше среднего. Волосы темные. Лицо открытое. Глаза необыкновенно синие. Борода и усы разного оттенка. Это обстоятельство стало причиной недоразумения, с которого началось знакомство отца с моей мамой, тоже ветераном партии. Она рассказывала: «Дело было в Париже, на квартире В. И. Ленина. Н. К. Крупской дома не было, а Ильич играл в шахматы с Пятницким. Вдруг звонок. Я открываю дверь и вижу — человек с «разноцветными» усами и бородой... И хотя пароль он назвал правильно, я все равно подумала: не шпик ли? О чем и шепнула Ильичу. Он, оторвавшись от шахмат, вышел посмотреть и расхохотался — ну и шпик!»

Это о внешности, — продолжает Наталья Алексеевна. — А нрава он был веселого. Как и Н. И. Бухарин, любил шутить, но был сдержанней, собранней. Природу любил. Но опять же не так, как Бухарин, который мог на охоту поехать с этюдником, а более по-земному, что ли, — только мы за городом, он смотрит, какой овес уродился, как посевает рожь.

Как работал? Когда мы жили в Кремле и он приходил в перерыв, то, пообедав и ложась на диван, мог сказать: «Через семь минут Совнаркому, через пять минут меня разбудите». С работы возвращался часто в одиннадцать. Пил чай и читал. Чуть вечер посвободней — всей семьей шли в театр.

Друзья? Трудно кого-то выделить. Почти со всеми у него были открытые дружеские отношения. Время, с которого его характер стал портиться, помню хорошо — тридцатый год. Еще лучше помню самые последние недели и месяцы. Потому помню, что это касалось и нас, домашних. Летом 1936 года, когда я окончила пединститут, отец, тогда наркомсвязи, взял меня в коман-

дировку на Дальний Восток. Я была при нем секретарь-машинистка, а с осени начала преподавать русский язык и литературу в пограншколе. После того как мы переселились из Кремля в «дом на набережной», меня вызвали и предложили уйти из школы. Я поняла — упорствовать бесполезно. Хорошо помню — когда я уходила, курсанты вышли посмотреть.

Дома было тяжело. С заседаний декабрьского Пленума отец возвращался все более мрачным. И часами молча ходил из угла в угол. Мы с мамой твердили ему: «Если прав, защищайся до конца». Однажды мы читали письмо Н. И. Бухарина в Политбюро. В письме вскрывалась вся нелепость обвинений против них с отцом. Мы слушали, и казалось, что в комнате светлело, — таким письмо было убедительным. «Тебе тоже надо такое написать», — сказала мама. Отец посмотрел на нее так, что я этот взгляд до сих пор помню, и усмехнулся: «Думаешь, это кому-нибудь нужно?»

Хорошо помню день, когда перед уже следующим Пленумом, февральско-мартовским, умер С. Орджоникидзе. Узнав, мама произнесла: «Последняя надежда». И слегла с инсультом.

Вечерами с этого Пленума отец приходил уже какой-то весь синий. Почти ничего не говорил. В последние два дня уже не курил и не ел. А последний день вернулся засветло и снова ушел в свою комнату. На мой вопрос: «Ты еще поедешь туда?» — не ответил. Тогда я решила позвонить в Кремль сама. Ответил Поскребышев. Я спросила: «Вы сегодня будете еще вызывать отца?» Он ответил: «Я позвоню позже». И позвонил. Сказал: «Машина послана». Я помогла отцу одеться. Вышла проводить. Попрощались. У Каменного моста он сел в машину и уехал. Больше я его никогда не видела.

Наш разговор прервал очередной телефонный звонок. И снова она благодарила кого-то. За память. Столько лет она живет в людях. И каких лет! А все дело в том, что память, особенно добрая, бывает гораздо длиннее жизни человека.

Известия, 1988, 5 марта

МИХАИЛ ТОМСКИЙ —
КАКИМ ОН БЫЛ?

Все больше мы узнаем о жизни и трагической судьбе людей, которые вместе с В. И. Лениным строили партию, готовили революцию, создавали социалистическое государство, а в годы культа личности Сталина были репрессированы. В их числе был и Михаил Павлович Томский (подлинная фамилия — Ефремов), о судьбе которого беседуют кандидат исторических наук О. И. ГОРЕЛОВ и сын Томского — Ю. М. ТОМСКИЙ.

О. Горелов: Юрий Михайлович, по свидетельству товарищей, хорошо знавших вашего отца, по тем материалам, с которыми я познакомился, изучая его жизнь, Михаил Павлович представлялся мне сильным, волевым человеком. Он несколько раз арестовывался царской полицией, сидел в тюрьмах, отбывал пятилетнюю каторгу. Все вынес — побои, одиночки, этапы, голод и холод...

Ю. Томский: А вот унижений и оскорблений, облыжных обвинений в предательстве партийного дела отец не смог пережить. Мне в 1936 году было 15 лет. Все помню. И особенно — август, тот жуткий месяц, ставший последним в его жизни. Тогда начался процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими. После газетной публикации материалов процесса отец позвонил Ежову, который в то время был секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля при ЦК, и сказал ему: «Если всякую грязь и клевету вают на мою голову, то что же мне делать? Сдавать дела? Видимо, я партии больше не нужен». На что Ежов, по словам отца, ответил: «Не говори глупости, все это ерунда. Работай. Мы тебе верим». В ту пору, после снятия с поста Председателя ВЦСПС, отец руководил ОГИЗом, ведал издательской деятельностью в стране. 21 августа в ОГИЗе состоялось партийное собрание. Отец вернулся на дачу в Болшево поздно и не спал всю ночь.

Утром 22 августа за ним, как обычно, пришла машина и с ней доставлена газета, в которой был опубликован материал о партсобрании в ОГИЗе. Отец прочел и вышел в сад. Потом позвал меня. Мы ходили по саду. Отец говорил. Я не знал тогда, что это было его последнее напутствие мне, младшему сы-

ну. Он говорил, что ни в чем не виноват, что без партии жить не сможет. Этим же утром его не стало.

О. Г.: В 1937 году по поводу его смерти писали так: «Запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, в августе 1936 года кончил жизнь самоубийством». Сейчас даже произносить такие слова как-то неудобно. Но все-таки почему, по вашему мнению, он принял такое решение, чего хотел добиться своей смертью?

Ю. Т.: Причин этого поступка, видимо, много. Не мне судить. Для нас же, его детей, совершенно определенным представляется, что этим отец хотел еще и уберечь нас, семью. В день самоубийства отца у него в кабинете на даче было найдено письмо на имя Сталина, в котором Томский просил не трогать семью. В ОГИЗе, в рабочем кабинете отца, было обнаружено второе письмо, адресованное в ЦК. Это был объемистый пакет, и мы с братом Виктором передали его лично в руки Ежову. Тот прочитал и заявил, что это документ огромной важности и будет жить в веках. Он заверил нас, что ни один волос не упадет у нас с головы и что он постарается заметить нам отца.

О. Г.: Ну а цена этих заверений? Какова дальнейшая судьба семьи Томского?

Ю. Т.: Двое старших братьев — Михаил и Виктор — расстреляны. Мать приговорена к 10 годам, умерла в 1956 году в Сибири. Все они были реабилитированы посмертно. Сам я — единственный из семьи, оставшийся в живых. С 16 лет репрессирован — 10 лет лагерей и 9 лет ссылки. По возвращении и реабилитации я свыше 20 лет работал в системе Министерства энергетики и электрификации СССР.

О. Г.: Многие историки сейчас сходятся на том, что предположения группы Бухарина, Рыкова и Томского тогда, на рубеже 20-х и 30-х годов, содержали здравые зерна. Были плюсы в их позиции, были, конечно, минусы. Но в стране стала утверждаться командно-административная система руководства. Всякий иной взгляд на социализм оказался неприемлем из-за нетерпимос-

ти Сталина, а носители этих взглядов — опасны.

Сейчас, когда мы решительно отказываемся от административно-бюрократической системы, включаем экономические рычаги, человеческий фактор, углубляем демократию, нам могут быть очень полезны портреты людей, мысливших в том же направлении. В этом смысле интересно, что собой представлял Михаил Павлович Томский как человек. Каким он был?

Ю. Т.: Решительным. Помню, мой брат Виктор рассказывал о случае, который на его глазах произошел в поезде, когда отец ехал с ним и своими товарищами в Париж. Едва состав отошел от какого-то полустанка в Польше, как в открытое окно вагона что-то влетело — все увидели гранату, она волчком вертелась на полу. Оцепенение длилось миг, а потом отец схватил ее и швырнул в окно — взрыв прогремел далеко под откосом...

О. Г.: Профсоюзная биография М. П. Томского началась еще до Октября: в 1905 году он создает в Ревеле профсоюз металлистов, в 1906 году в Петербурге создает профсоюз граверов и хромофотографов, избирается на V (Лондонский) съезд РСДРП в 1907 году, который принял важные решения о профсоюзах. Ваш отец ничего не рассказывал об этом времени?

Ю. Т.: Я был еще подростком. Могу привести две выдержки из воспоминаний отца, опубликованных в 1927 году и неизвестных ныне. Отец размышлял о важности практической, повседневной работы профсоюзов: «У нас был... краткий период между 1907 и 1908 годами, когда... мы не поняли резолюции Лондонского съезда (в резолюции речь шла о признании профсоюзами партийного руководства. — *Ред.*), пришли в профсоюзы и начали: «Вот вы резолюцию Лондонского съезда принимаете или нет?» А те говорят: «Мы не насчет резолюции Лондонского съезда, а вот насчет того, нельзя ли нам, чернорабочим, на 5 коп. добиться повышения зарплат?!» — «Это, — им отвечали, — пустяки, а вот как насчет резолюции Лондонского съезда?» — «Мы этого не обсуждали». — «А мы требуем, чтобы

вы обсудили». — «Тогда, — говорили нам, — выйдите за дверь и там обсуждайте». Так было в 1907—1908 годах, когда с этой резолюцией многие не поуму горячие ребята бросились прямо к рабочим. А к концу 1909 года уже в значительной части московских и петербургских профсоюзов в правлениях сидели большевики. Что они для этого сделали? Они стали резолюцию Лондонского съезда не обсуждать, а проводить на деле».

Вторая выдержка связана уже с периодом реакции, когда перед партией с особой важностью встала задача использования не только профсоюзов, но и других легальных организаций рабочего класса: «В конце 1907 года большевики обсуждали в Териоках, в большевистском Центре, под председательством Владимира Ильича, вопрос о платформе нашей работы в профсоюзах. И там зашел спор. Владимир Ильич яснее всех нас видел, что наступает полоса реакции, требующая известной перегруппировки сил. Обсуждали вопрос о работе профессиональных и других рабочих организаций, об использовании легальных возможностей и т. д. Причем я, будучи тогда профессионалистом довольно ортодоксальным, все мог перенести, но не мог перенести того, как это мы, большевики, пойдем работать в кассы взаимопомощи, которые я тогда считал архипопротестантскими организациями, не стоящими нашего внимания. «Вот профсоюзы — это классовая организация рабочих, в ней работать можно, и ее мы должны строить, а кассы взаимопомощи — чепуха». Как один из своих аргументов против Владимира Ильича я — по молодости лет — выдвинул тогда следующее: «Вы что же, хотите нам еще рекомендовать идти работать в кружки балалаечников?» Владимир Ильич сказал: «Если это рабочие кружки балалаечников, — я рекомендую вам идти, хотя бы там было 3—5 человек рабочих. Если они играют на балалайке „Боже, царя храни“, то научите их для первого раза играть „Марсельезу“».

О. Г.: Февральская революция застала Томского в Сибири, на поселении в Иркутской губернии. В конце марта

Томский приезжает в Москву, а после возвращения В. И. Ленина из-за границы едет в Петроград, где после беседы с Ильичем начинает работать в ПК РСДРП.

После Октября Томский работает в Московском совете профессиональных союзов, где в декабре избирается председателем. На I съезде профсоюзов в январе 1918 года выступает с заключительным словом по докладу о задачах профсоюзов. Вскоре он становится руководителем профсоюзного движения страны. В чем было его кредо?

Ю. Т.: Отец неоднократно говорил о том, что работа профсоюзника складывается из массы мелких, порой незаметных дел. Профсоюзник, по его словам, всегда должен быть в массе, чувствовать ее интересы, знать, чем она живет, что ее волнует. Говоря о задачах коммунистов в области профсоюзного движения, Томский так определил свою позицию на пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 года: «Могут ли коммунисты недооценивать роли и работы профсоюзов? Откровенно говоря, для литераторов, привыкших писать пышные статьи на отвлеченные темы об очень важных мировых вопросах, для агитаторов, которые считают единственно важным выступление на больших митингах и произнесение, под гром аплодисментов, звонких речей о мировых задачах, — работа профсоюзов, которая иногда сводится к борьбе за пятиили семикопеечную прибавку рабочим или к отстаиванию требования о кипяченой воде, — кажется будничной, серенькой работой. Чтобы борцы за революцию важно было бы разбираться в каких-то пятаках — не стоит пачкаться! Вы помните, что величайший вождь рабочего класса В. И. Ленин в одном из своих первых произведений написал о требовании кипяченой воды, умывальников и т. п. Вот подход к массе, вот человек, который с первых шагов понял, как нужно подходить к массе».

Выступая на траурном заседании II съезда Советов в Большом театре 26 января 1924 года, отец так сформулировал ленинские заветы в области профдвижения: не отделять политики от экономики; не противопоставлять

профессиональное движение политическому движению пролетариата; приносить в жертву, если этого требуют интересы класса, все личное, все групповое, все цеховое; неустанно воспитывать новые сотни тысяч рабочих, вливая их в госаппарат для его оздоровления, перестройки, укрепления и приближения к массам; союзы должны быть «ближе к массам», должны стать «школой коммунизма» для широких масс.

О. Г.: Томский был ярым противник методов администрирования и командования в профсоюзах. Именно он первым забил тревогу, когда в ноябре 1920 года с лозунгами «перетряхивания» профсоюзов выступил Троцкий.

Ю. Т.: Он был против бюрократизма в профсоюзах. Так, на VI съезде профсоюзов он поднял вопрос об излишнем количестве циркуляров профсоюзов. Томский всегда говорил, что если не начать вовремя лечить такие, казалось бы, безобидные болезни, то дело может для большого кончиться плохо. Он говорил, что подобного рода зачатки болезней союзного аппарата могут вылиться в окостенение аппарата, в создание касты, стоящей над массой, в создание рабочей аристократии, касты профчиновников, для которых работа в рабочих организациях является не делом классового долга, а средством к существованию — профессией...».

О. Г.: Вы сказали о циркулярах и о речи Томского на VI съезде профсоюзов, а мне вспомнилась карикатура в «Крокодиле» за 1924 год. «Читали вы, — гласит подпись под рисунком, изображающим двух профсоюзников, — как Томский-то на съезде, насчет циркуляров? Циркуляр, говорит, — это враг профдвижения!» — «Да, да, замечательно, верно! Надо будет обязательно разослать циркуляр».

Ю. Т.: Это очень показательно. Тогда действительно с критикой вопрос стоял как-то проще, демократичнее. И критика воспринималась нормально. Мать, например, рассказывала, что отец приходил иногда и без всякой трагедии говорил: «Ну, Ильич меня сегодня хорошо побил, положил на обе лопатки!»

О. Г.: Да, Ленин не раз критиковал Томского. Но на крутом перело-

ме, в пору профсоюзной дискуссии, когда решался вопрос о политике партии в отношении профсоюзов, Томский стоял за последовательно большевистские позиции. Ленин поддержал его. Когда у Томского произошло столкновение с Троцким по вопросу «перетряхивания» профсоюзов, Михаил Павлович пришел к Ленину и, по словам Ильича, стал возбужденно рассказывать о том, как Троцкий говорил о «перетряхивании» и как он, Томский, с этим полемизировал. «...Когда это произошло, — продолжает В. И. Ленин, — я сразу и бесповоротно решил для себя... что в корне не прав в этом споре т. Троцкий со своей политикой «перетряхивания» против т. Томского».

Защищая Томского от критики его якобы серьезных теоретических ошибок, В. И. Ленин отметил: «Я никогда не слыхал, чтобы в Томском преобладал теоретик... может быть, это его недостаток, это другой вопрос. Но что Томский, сработавшийся с профессиональным движением, должен отражать... этот сложный переход, и если у массы что-то болит и она сама не знает, что болит, и он не знает, что болит, если он при этом вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток. Я совершенно уверен, что чистых теоретических ошибок у Томского найдется много. И мы все... все поправим, а может быть, и поправлять не станем, ибо производственная работа интереснее, чем исправление мельчайших теоретических разногласий».

Если продолжать говорить об ошибках Томского, то они в основном имели место в начальный период его деятельности на посту руководителя советских профсоюзов. Резкой критике со стороны В. И. Ленина, например, подверглось поведение Томского весной 1921 года на IV съезде профсоюзов. ЦК партии создал специальную комиссию и поручил ей подготовить проект резолюции съезда о деятельности ВЦСПС. Томскому, как члену комиссии, поручалось внести этот проект на рассмотрение коммунистической фракции съезда, а затем отстаивать его на съезде. Но он этого не сделал, в результате чего была принята ошибочная резолюция, предло-

женная Рязановым. Пленум ЦК отстранил Томского от руководства работой съезда и от дальнейшей работы в ВЦСПС. Некоторое время, до января 1922 года, Томский работал председателем Комиссии ВЦИК по делам Туркестана, после чего вновь возвратился на профсоюзную работу. Серьезных ошибок после этого в работе Председателя ВЦСПС уже не было.

Ю. Т.: Ошибки Томского, явные и мнимые, были поставлены ему в вину в августе 1936 года, спустя многие годы после того, как он отошел от профсоюзной деятельности. Сталин ничего не забывал.

О. Г.: В каких взаимоотношениях был Томский со Сталиным?

Ю. Т.: В годы становления Советской власти отец со Сталиным нередко бывали друг у друга. У нас хранилась фотография Сталина, датированная 26-м годом, с надписью: «Моему другу — Мишке Томскому. *И. Сталин*». В 1927—1928 годах мы семьей бывали у Сталина в Сочи на Пузановке. Там жил и А. Рыков, приезжал Н. Бухарин. Помню, был чей-то день рождения. Мама со Сталиным готовили шашлык. Сталин сам жарил его на углях. Потом пели русские и революционные песни и ходили гулять к морю.

О. Г.: С кем дружил Томский, о ком он рассказывал?

Ю. Т.: Рассказывал отец о С. М. Кирове. Он и отец в 1929 году вместе занимались апатитовыми разработками в Хибинах, когда после ВЦСПС отец работал во Всехимпроме. Киров резко выступал против правого уклона, против взглядов отца. Но дружба между ними никогда не прерывалась. Отец бывал у него в Ленинграде, вместе охотились. Он называл Кирова замечательным человеком.

В 1934 году, осенью, Киров приехал в Москву, кажется, на Пленум ЦК ВКП(б) и ночевал у нас. Убийство Кирова потрясло отца и сильно повлияло на его здоровье.

Много теплых слов слышал я от отца о Михаиле Васильевиче Фрунзе. В 1921 году отец был послан в Туркестан. Там тогда были Рудзутак и Фрунзе. Отец и Фрунзе очень дружили.

О. Г.: Какие у Томского были увлечения?

Ю. Т.: Отец хорошо рисовал — углем, акварелью, маслом. Увлекался фотографией, коллекционировал оружие. Помню, например, что ему дарили оружие Рудзутак, Орджоникидзе, Фрунзе, Дзержинский, Блюхер, Сталин, тульские рабочие. После нашего ареста коллекция пропала.

О. Г.: Где захоронен Томский?

Ю. Т.: В ночь на 23 августа на дачу в Болшево приехал Ежов. Он долго беседовал с матерью и сказал ей, что захоронение предполагается у Кремлевской стены. Утром 23 августа матери передали по телефону, что захоронение произойдет на кладбище Новодевичьего монастыря. Через некоторое время было сообщено, что захоронение будет произведено временно на Болшевском кладбище. Тело отца было забальзамировано. В день похорон у дачи скопилось очень много народу. Срочно кем-то было принято решение о захоронении Томского на территории дачи. Позже его тело ночью было вырыто. Имеется ли где-нибудь его захоронение, мне узнать не удалось.

О. Г.: Спасибо за беседу. Сегодня мы вновь и вновь обращаемся к непростой истории профсоюзов, учимся на ее уроках. М. П. Томский был заметной фигурой в профсоюзном движении, и подробности о его жизни будут интересны читателям.

Труд, 1988, 20 апреля

Юрий Дмитриев,

специальный корреспондент
газеты «Труд»

ДМИТРИЙ ПЛЕТНЕВ: «Я ГОТОВ КРИЧАТЬ НА ВЕСЬ МИР О СВОЕЙ НЕВИНОВНОСТИ...»

Трагическая страница из жизни видного деятеля отечественной медицины

Имя этого человека — в памяти с детства: доктор Плетнев. И вот в связи с чем. Когда еще в ранних школьных классах мы раскрывали очередную книгу Горького, в ушах звенело: писателя убили. Его, дескать, неправильно лечили и спровадили на тот свет садисты в белых халатах во главе с этим врачом-чудовищем. Он же вместе со своими подручными «зверски умертвил» (иначе тогда не выражались даже в печати) любимца народа Куйбышева...

Долго жила в нас, привыкших все принимать на веру, эта многократно повторяемая, казавшаяся бесспорной страшная легенда. Только XX съезд партии враз раскрыл нам глаза на преступные деяния Сталина и иже с ним. Но, к сожалению, не всех невинно осужденных, преданных забвению коснулась тогда волна справедливости, очищения...

До Дмитрия Дмитриевича Плетнева очередь дошла только в последние годы. Похлопотать о нем было некому: прямых родственников у этого уже тогда пожилого человека не осталось. Вернуть ему честное имя взялись почитатели его таланта и очень дальняя родня. И вот мы листаем материалы прекращенного в 1985 году уголовного дела Д. Д. Плетнева, которое предоставили нам в Верховном суде СССР. Проходил этот истинный российский интеллигент по громкому делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» в 1938 году.

...Родился Дмитрий Дмитриевич Плетнев в 1872 году в селе Бобрик Харьковской губернии. Окончил гимназию, а позже с отличием завершил обучение на медицинском факультете Московского университета. Выходец из хорошей, добропорядочной семьи, один из блестящих отечественных клиницистов первой трети XX столетия, он не состоял в партии, не участвовал ни в каких политических течениях. Им двигала «одна, но пламенная страсть» — быть полезным Отечеству на ниве медицины. Плетнев досконально изучает научные воззрения классиков русской биологии и физиологии, прежде всего И. М. Сеченова, анализирует труды и клиническую практику таких светил

отечественной медицины, как С. П. Боткин, Г. А. Захарьин, А. А. Остроумов. Неоднократно выезжает за границу, чтобы ознакомиться с опытом работы клиник Западной Европы (впоследствии это «ловко» использовали допрашивавшие его следователи НКВД).

Страшное клеймо «враг народа» на долгие годы затмило научные труды Плетнева. Теперь настало время назвать их. Став еще в 1906 году доктором наук, он опубликовал свою блестящую диссертацию «Экспериментальное исследование по вопросу о происхождении аритмии». Потом новаторские работы в области физиологии и патологии кровообращения. Благодаря им отечественная и мировая клиника обогатилась ценнейшими исследованиями в области диагностики инфаркта миокарда.

Работы Плетнева-клинициста отличались новизной, оригинальностью и глубиной разработок. Выступая на различных научных конференциях и симпозиумах, профессор Плетнев изложил свои взгляды о патологическом процессе, которые в значительной мере не укладывались в привычные для того времени рамки. Его исходный тезис был таков: считать больным только орган, а не человека нельзя, ибо человеческий организм — это не простая сумма клеток, а сложное целое, в котором нарушенная функция одного из органов неизбежно отражается на всем организме. Самородок из народной гущи, человек, влюбленный в свой народ и в свою самую гуманную в мире профессию, Дмитрий Дмитриевич твердо стоял на передовых материалистических позициях, верно и ревностно исполнял служебный долг. И вот...

...Осунувшийся, небритый, с усталыми, потускневшими глазами, он сидит перед следователем, который перед очередным ночным допросом успел выпастись. Печально известная Лубянка. Внутренняя тюрьма, битком набитая «врагами народа». Среди них — и доктор Плетнев. Позади унижительная процедура личного обыска с отрезанием пуговиц на брюках и стрижкой наголо. Позади — дни и ночи в одиночке, без света, без воздуха. А еще раньше — многочасовой обыск на квартире, где не

то что книги из личной профессорской библиотеки — даже спичечные коробки и банки с крупной перетрахнутой. Как же — «террорист, убийца»! «Предъявляй оружие, яды, списки сообщников...»

Допросы на Лубянке одни и те же, без конца повторяющиеся нелепые вопросы: «Как вынашивали планы политических убийств? Какие цели преследовали? Давно ли затаили ненависть к Советской власти и ее руководителям?» Хотелось кричать: нет, нет, все это ложь! Надо сойти с ума, чтобы сотворить такое постыдное дело... Но следователь твердит свое. Требует признаний. Приказывает ставить подпись под им же сочиненными протоколами. Иначе...

Что означало это «иначе», мы узнали лишь теперь, спустя многие годы. В тщательно засекреченном прежде деле Плетнева сохранились его письма, написанные уже после приговора, из Орловской тюрьмы. Он обращался к тем, кто, как ему казалось, мог восстановить справедливость, — к Ворошилову, Берии, Вышинскому. Протицируем первое из них:

...Я осужден по делу Бухарина на 25 лет, то есть на пожизненное заключение в тюремную могилу. Ко мне применялись ужасающие ругань, угрозы смертной казни, таскание за шиворот, душение за горло, пытка недосыпанием. В течение пяти недель сон был по 2—3 часа в сутки, были угрозы вырвать у меня глотку и с ней признание, избияния резиновой палкой... Всем этим я был доведен до паралича половины тела. Я коченею в окружающей меня лжи и стуже, среди пигмеев и червей, ведущих свою подрывную работу. Покажите, пожалуйста, что добиться истины у нас в Союзе так же возможно, как и в других культурных странах. Правда восторжествует!..

Тщетной оказалась надежда узника: письмо осталось нерассмотренным, так же как и письмо на имя Вышинского, который изводил его тупыми вопросами уже потом, в ходе процесса, когда подсудимый был «доведен до кондиции». Приведем образчик такого, с позволения сказать, «допроса»:

Вышинский: Как вы характеризуете свои настроения в то время, когда были приглашены Ягодой для сговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?

Плетнев: Были.

Вышинский: Двuruшничали?

Плетнев: Да.

Вышинский: Из чего складывался план, который вырабатывался вами вместе с Левиным в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького?

Плетнев: Утомить организм и тем понизить сопротивляемость.

Вышинский: До возможного и доступного человеческим силам предела?

Плетнев: Да...

Вышинский: И воспользоваться болезнью, чтобы что сделать?

Плетнев: Чтобы применить неправильный метод лечения.

Вышинский: Для чего?

Плетнев: Для умерщвления Горького.

Вышинский: Вот это и был ваш план?

Плетнев: Да.

Вышинский: И вы его выполнили?

Плетнев: Да...

Вышинский: В отношении Валериана Владимировича Куйбышева вы тоже вместе с Левиным разрабатывали план его умерщвления?

Плетнев: Тоже, вместе с Левиным...

Бесконечные, заведомо дикие, абсурдные вопросы, «подсказывающие» ответы, и неизменное «да». Как же мучительно трудно было этому чистейшему, добрейшему человеку, но сломенному изуверскими «дознаниями», повторять нелепое «да», какими муками оплачена эта покорность!

Это был зловещий, тщательно подготовленный спектакль. Теперь мы знаем: чрезвычайные «законы» тридцатых годов базировались не на праве, а на лозунгах, указаниях. Раз человек сам признается, говорит «да» — чего же еще надо? Зачем нужны доказательства, свидетельства, экспертизы?.. Призна-

ние обвиняемого и есть доказательство — вот «закон», по которому выносились приговоры. Настоящую экспертизу провели только в середине пятидесятых годов, а потом и в последние годы, во время реабилитации Плетнева и его коллег. Самые авторитетные деятели советской медицины сделали однозначный вывод: на основе тщательного изучения историй болезней А. М. Горького и В. В. Куйбышева можно с уверенностью сказать, что их лечение было правильным, ошибок не допускалось. В уголовном же деле не обнаружено ни единого более или менее достоверного медицинского документа! Обвинения основаны исключительно на показаниях подсудимых на самооговоре.

В одном из томов уголовного дела есть письмо Дмитрия Дмитриевича Плетнева Вышинскому, от 26 мая 1940 года. В нем сказано:

...Когда я не уступал, следовательно говорил буквально следующее: если выское руководство полагает, что вы виноваты, то хотя бы вы были правы на все сто процентов, вы все равно будете виновны...

Вот так «поворачивали» закон служители Фемиды тридцатых годов. Было бы указание сверху, а виновные найдутся! Что мог ответить прокурор своей жертве, если он сам соавтор этой чудовищной системы?

Отмолчался и Берия, к несуществующей совести которого также взывал Плетнев:

Весь обвинительный акт против меня — фальсификация. Насилием и обманом у меня вынудили «признания»... Допросы по 15—18 часов подряд, вынужденная бессонница... привели меня к расстройству психики, когда я не отдавал отчета в том, что совершал... Я ни в каких террористических организациях не участвовал и ни в какой мере не повинен. За что я сейчас погибаю? Я готов кричать на весь мир о своей невиновности. Тяжело погибать, сознавая свою невиновность...

Эти письма никто, кроме ограниченного круга должностных лиц, не читал. Пусть теперь узнают о них люди. Пусть слышат голос человека, даже в самое

страшное для себя, безнадежное время не терявшего веры, что «правда воссияет»...

Имя заточенного в каменный мешок и преданного анафеме Дмитрия Дмитриевича Плетнева многие годы вслух не упоминалось, труды его были конфискованы и запрещены. Тем не менее чистый образ профессора оставался в памяти благодарных учеников и сподвижников. На днях нам довелось побеседовать с членом-корреспондентом АМН СССР, видным историком отечественной медицины Б. Д. Петровым, который лично знал профессора Плетнева и был на процессе в Октябрьском зале Дома союзов. Он вспоминает:

— Будучи студентом третьего курса медицинского факультета, я ездил приглашать Дмитрия Дмитриевича прочитать у нас несколько лекций. Это был очень популярный в студенческой среде человек — милый, вежливый, необычайно эрудированный. На его лекции валом валила молодежь. Яблоку негде было упасть в нашей самой большой аудитории. Мы знали, что профессор был одним из основателей Института по усовершенствованию врачей и руководил его терапевтической клиникой, с 1932 года занимал пост директора Института функциональной диагностики. Его приглашали в качестве лечащего врача и консультанта к известным деятелям нашей партии и государства. Конечно же, ударом для всех нас были арест и осуждение Плетнева. Горько было смотреть на это судилище. Несколько раз, словно опомнившись, Дмитрий Дмитриевич восклицал: «Я хочу быть полезным Отечеству!»

Это была не просто декларация. Плетнев и в тюрьме оставался ученым. Он попросил в камеру множество книг и монографий, чтобы продолжить научную работу. Причем некоторые — на иностранных языках, многие из которых профессор знал в совершенстве. Доходили слухи, что Плетнев написал в заключении работу до десяти печатных листов. Где теперь эта работа? Найти бы их, эти бесценные рукописи, на писанные химическим карандашом при тусклом свете камерной лампочки. Кстати, издательство «Медицина» уже гото-

вит к печати его работы. В будущем году выйдет однотомник «Избранное» Д. Д. Плетнева, подготовленный редакторами-составителями В. Бородулиным и В. Тополянским, ответственный редактор — член-корреспондент АМН СССР Н. Р. Палеев. Желателен был бы и отдельный томик в серии «Жизнь замечательных людей», посвященный этой незаурядной личности...

Еще несколько хранящихся в деле горестных строк:

8 сентября 1941 года за антисоветскую агитацию и распространение клеветнических измышлений в Орловской тюрьме, в числе других заключенных по списку, представленному НКВД СССР, Плетнев Д. Д. был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 11 сентября...

Обратите внимание — по списку. Без суда и следствия, без адвокатов. Расстрел. На рассвете. Прямо в тюремном подвале. И точка. Никаких объяснений. Видимо, те письма, крик отчаяния осужденного к 25-летней каторге профессора, кому-то здорово надоели. Так лучше пуля, чем «исправление неисправимого»...

Жизнь все в конце концов расставляет по своим местам. Хотя порой делается это не так быстро. Потребовались целые десятилетия, чтобы снять наконец совершенно несправедливо приклеенные в тридцатые годы к честнейшим и достойнейшим людям нашей страны страшные ярлыки: «враг народа», «шпион»... Демократизирующая всю нашу жизнь перестройка очищает советское общество от всякой скверны, идущей со времен сталинского культа. Навсегда уходят в прошлое поправки закона и справедливости — от чего пострадали тысячи и тысячи таких светлых и сильных людей, как Дмитрий Плетнев.

Труд, 1988, 5 июня

Аркадий Ваксберг,

член Союза писателей СССР

ЦАРИЦА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

До сих пор многие следователи упорно добиваются от обвиняемых собственноручных показаний [чаще всего записанных под их же диктовку], наивно полагая, вопреки закону, что «собственноручные» придает показаниям большую достоверность. Так их учили старшие товарищи — дурная традиция легко переходит по наследству. Вряд ли они знают, что подобные рекомендации внедрили юристы «школы» Вышинского.

Его ждали с утра, но дела чрезвычайной государственной важности помешали высокому гостю приехать в условленный час. Участники Всесоюзного совещания юристов, не ропща, прогуливались по коридорам, отложив на время жаркие схватки, которые велись уже несколько дней: приедет Сам — и рас судит. Последнее слово — за ним...

Я не был участником совещания, но и «зайцем» я не был тоже: студентов юрфака охотно пускали тогда на любые научные форумы.

«Приехал», «идет», «поднимается» — слышу еще и сейчас этот вдруг пронесшийся шепот. Помню: тревожно и сладостно екнуло сердце, когда внизу показалась его благородная проседь, почти слившаяся с мундиром мышиного цвета и погонами цвета надраенной стали — тогда этот странный наряд дипломата казался верхом вкуса и образцом элегантности. Вся советская юриспруденция растянулась вдоль лестницы, образуя широкий проход. Гость бодро (папка под мышкой) одолевал ступеньку за ступенькой и — надо же! — внезапно остановился. «Сегодня опять не могу. И завтра, — сказал он кому-то, кто стоял совсем рядом со мной. — Простите великодушно, никак не могу». Чего он не мог, перед кем извинялся? Не знаю. Не посмотрел. Видел только его, стоявшего в двух шагах от меня: низкого роста, плотно сбитый, благоухающий. Красивая проседь. Щеточка тонких усов. Очки в изящной оправе. За стеклами — цепкий, колючий, пронзающий взгляд. Чуть прищуренные глаза — тоже стальные.

Минута, не больше, запомнилась на всю жизнь.

Актный зал юридического института носил его имя. Не официально, но в оби-

ходе. Так и звался: зал Вышинского. Почему? Объясняли: он здесь выступал. Может быть, не однажды. Раз выступал — значит, зал обессмертил. И вот снова — в нем же раздавал всем сестрам по серьгам. Кого-то громил, наклонив голову и блестя стальными глазами, выглядывавшими из-под очков.

Я не помню сейчас, кого он громил и за что, хотя проще простого взять журналы тех лет и прочесть. Но то, что запомнилось, я там все равно не прочту.

А запомнилось вот что: гладкая речь — без единой шпаргалки, без всяких там «э-э-э» или «мм-мм», без «значит» и «так сказать», — грамматически точная, хоть сразу в набор; почти забытые даже тогда, а теперь и подавно, добротные ораторские приемы — модуляции голоса, хорошо выверенные подъемы и спады, эффектные паузы, крепкая школа логики и риторики, страсть, умело вложенная в каждую фразу; память и эрудиция — пространные цитаты наизусть из древних и новейших трактатов, свободное владение именами, датами, фактами. И наконец, самое главное, самое поразительное: беспримерное сочетание академизма, учености, почти щегольской образованности с оскорбительной бранью, вылетающей из уст настолько естественно, настолько непринужденно, словно эта гремучая смесь стала нормой, повседневным жаргоном.

И брань к тому же была непростая — каждое бранное слово обретало окраску зловещую. Ибо смысл, в него вложенный, имел политическую основу. Подвергшийся критике Самого не просто в чем-нибудь ошибался (если даже и ошибался), но непременно пел с нехорошего голоса или работал на закордонных акул.

Тем, кому захотелось бы сегодня узнать биографию человека, имя которого многие годы навредило ужас на всю страну, пришлось бы изрядно потрудиться, складывая мозаику из хитроумно подобранных данных, содержащихся в справочниках, энциклопедиях и словарях. Время накладывает печать на выбор би-

ографами вех богатой событиями жизни, высвечивая на разных этапах истории одни факты и затемняя другие. Зато, взятые вместе из разных изданий, они позволяют увидеть странные зигзаги карьеры угодливой серости, вознесенной на такие высоты, откуда ей было дано, упиваясь своим могуществом, топтать поверженных и играть судьбами миллионов.

Из Большой Советской Энциклопедии 1951 года издания мы узнаем, что Вышинский активно участвовал в революционном движении с 1902 года, и в информации этой не будет неправды, но и ясности тоже не будет — для того, кто не прочтет биографической справки, помещенной в предыдущем издании той же энциклопедии 22 годами раньше. Там его прошлое изложено куда как точнее: меньшевик, решившийся перейти к большевикам лишь после того, как власть прочно оказалась у них.

Это прошлое, вероятно, сидело в нем кровотокающей занозой. Психологически он всю жизнь был на крючке. В подобных ситуациях разные люди ведут себя по-разному (тех, кто честно переменил свои взгляды, в расчет не беру). Одни — сникают, тушуются, забираются в тихую гавань: авось не вспомнят. Другие — выслуживаются, холуйски доказывая свою безраздельную преданность новым хозяевам. Третьи — особенно подлые и растленные — сами становятся палачами, топча своих бывших соратников, сохранивших достоинство и элементарную честь. И наконец, вершина: беспринципный перебежчик, пробравшись к рулю, глумится над теми, кто всю жизнь был верен себе самому, своим идеям и принципам, кто боролся с оборотнями и приспособленцами и потому им особенно ненавистен.

Вышинский достиг вершины.

Впрочем, было бы ошибкой считать, что он сам вскарабкался на эту вершину, где обрел власть над людьми. Его усердно толкали туда. Точнее — толкал. Тот, кто метко и проницательно открыл в нем качества несравненные: злобу, жестокость и готовность на все. Абсолютно на все...

Увы, людей, обладающих этими качествами, не так уж и мало. В дополне-

ние к ним у Вышинского было еще и достоинство — образованность. Сочетание этих трудносочетаемых свойств резко выделяло его из общего ряда, придавая злодейству черты солидности, фундаментальности.

Окончив в тридцать лет (по тем временам слишком поздно) юридический факультет Киевского университета, Вышинский был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию: некий прообраз нынешней аспирантуры. Даже докторантуры. В ту пору требования к соискателям были куда жестче, чем ныне, да и решение принималось учеными без оглядки на полицейскую неблагонадежность. Значит, зрелый выпускник и впрямь подавал надежды...

Но они не сбылись: полиция все-таки победила, а соискатель отбыл в Москву, стал помощником присяжного поверенного. Никаких следов его адвокатской практики найти не удалось.

Зато два года спустя, после Февраля, на гребне революционной волны он выплывает в качестве скромного, но все же заметного деятеля новой администрации, сменившей царских чиновников и ставшей проводником директив Временного правительства. Одну из них выполнял он особенно ревностно — эта акция зловеще определила всю его жизнь: будучи председателем 1-й Якиманской районной управы, Вышинский подписал распоряжение о неукоснительном исполнении на вверенной ему территории архиважного приказа правительства. А приказ был такой: разыскать, арестовать и предать суду немецкого шпиона Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Отвлекаясь от вполне понятных эмоций, которые вызывает у нас этот дикий приказ, можно, вероятно, сказать, что в ту пору он воспринимался иначе, что рядовой чиновник, к тому же юрист, просто-напросто исполнял свой долг, повинувшись указанию свыше.

Но ведь это был не просто чиновник, а социал-демократ, считавший себя революционером. Человек, который отлично знал: речь идет о руководителе политической партии, об уже признанном всеми вожде русского пролетари-

ата. Представим себе, что за Февралем не последовал бы Октябрь. Какую карьеру сделал бы этот служака из Якиманской управы?

Трагический виток истории состоял в том, что именно он всего через двадцать лет на посту прокурора страны клеймил ближайших соратников Ленина, будто они — они, а не он! — замыслили расправиться с Ильичем. Для них Вышинский требовал смертного приговора. Издевался над ними. Он был снова служакой и снова играл свою роль с пылом и страстью. От всего сердца, если только слово «сердце» здесь можно употребить.

Когда-то я читал его обвинительные речи как источник юридической мудрости и образчик судебного красноречия. Мне захотелось перечитать их снова — на несколько вечеров я окунулся в гнетущую атмосферу тех лет, где откровенный политический бандитизм сочетался с благообразием обкатанных юридических формулировок, трескучая фразеология и надрывный пафос — с тонкостью правового анализа и несомненным умением разбираться в лабиринте противоречивых и разрозненных фактов.

Тех, для кого имя Вышинского связано только с преступлениями «периода культа», удивит, наверно, признание в противоречивости чувств, испытанных мною сегодня от чтения «литературного наследия» этого чудовища и громилы. Но «политическим процессам» тридцатых годов предшествовала многолетняя деятельность процветающего юриста в звонких процессах иного рода. Вообще витки его карьеры причудливы и неожиданны. В самые трудные, голодные годы — непосредственно перед наэпом — он возглавил управление распределения российского Наркомпрода. Потом стал прокурором, причем сразу высокого ранга — при уголовной коллегии Верховного Суда СССР. Здесь произнесены им его первые речи, часть которых в стенографической записи сохранилась для будущих поколений.

Сюжеты тех — первых — судебных процессов, на которых Вышинский про-

бова! голос, удивительно напоминают сюжеты, до боли знакомые: следователи и судьи, обложившие данью бакалейщиков-казнокрадов и освобождавшие их за это от наказания; крупные шишки плодившихся ведомств, чиновдралы с партбилетами, превратившиеся в барахолку свои служебные кресла; вельможные хозяйственники из легендарного Помгола, жиревшие на народно! беде, — пир во время чумы...

Страшные гримасы времени, вполне достойные гневного пафоса обвинителя, не могли, естественно, не привлечь шарчайшее общественное внимание. () прокуроре заговорили. Имя его снискало себе популярность. Его устами кричала сама справедливость. Он клеймил оборотней и перерожденцев — клеймил за дело: осовевшие от пьянок, шулерства и поборов нувориши в кожаных куртках вызывали омерзение у любого нормального человека, ни одно, даже самое резкое слово в их адрес не казалось чрезмерным.

И однако... Лишь теперь, обогатившись горьким историческим опытом, перечитывая заново эту кровотокающую «устную литературу», замечаешь то, что вряд ли замечалось тогда. А если и замечалось, то считалось, наверно, естественным: стремление придать тошнотворной, но, увы, обиденной уголовщине непременно политическую окраску. Еще робко, исподволь, между прочим, чужеродно вклинившись в обычный криминалистический анализ, вдруг промелькнут и «агенты», и «лазутчики», и «духовные диверсанты», и «все-возможный буржуазный смрад». Эти словосочетания, лишь входившие в обиход и носившие скорее характер ораторского приема, митинговой метафоры, чем наполненной реальностью сути, тогда не резали слух: слишком уж подлым и грязным было то, что содеяла (несомненно, содеяла!) вся эта «революционная» нация.

Происходит новый виток биографии: Вышинский явно пришелся по вкусу. Он замечен и оценен — прямо из прокурорского кресла он попадает в кресло ректора МГУ. Профессорское звание, к которому он так и не сумел подготовиться, приходит теперь автома-

тически. Не написав ни одной научной строки, он сразу становится «видным ученым».

Впрочем, скоро появляются строки. Много строк — довольно пухлая книга «Курс уголовного процесса». От ее «революционной» схоластики сегодня кружится голова. Но один пассаж привлекает внимание: «Было бы большой ошибкой видеть в обвинительной работе прокуратуры основное ее содержание. Главная задача прокуратуры — быть проводником и стражем законности». Золотые слова! Особенно если помнить, что было потом. Не в «курсе», а в жизни.

Честно сказать, я не знаю, сколь доблестным ректором был Вышинский и как преуспела под его руководством священная колыбель гуманизма.

Переход в науку и просвещение не отторг Вышинского от того главного дела, для которого он, как видно, был предназначен. В конце двадцатых годов уже начали ставиться грандиозные судебные спектакли, достигшие своей кульминации лет через десять. И уже с самого начала кровавым их режиссером был определен не кто иной, как Вышинский, — выбор сделан был сразу и погрешен не оказался. Правда, сам режиссер состоял на работе в другом ведомстве. Совершенно в другом. Но формальности — не помеха.

Когда готовился так называемый «шахтинский процесс» — первый из ему подобных по масштабу и общественному резонансу, но далеко идущим последствиям, — проблема номер один состояла не столько в подборе красноречивого обвинителя, сколько в подборе послушных и преданных судей. Слишком точное следование закону и обязательное для любого честного судьи сомнение, отвержение бездоказательной демагогии, фальсификаций, предположений, допусков и натяжек могли сорвать важнейшую акцию. Вышинский был самой подходящей фигурой, но он, как мы знаем, к судейству отношения не имел.

Не имел формально... Но хозяин — барин! Росчерком пера реанимируется известный не самым светлым страницам истории заменитель суда нормального,

получающий велеречиво-архаичное имя — Специальное Судебное Присутствие. Если попросту — незаконный внесудебный орган, процессуальные функции которого нигде не обозначены. И во главе таинственного Присутствия встает Вышинский.

...Приговор: несколько раз из уст профессора звучит слово «расстрел». Короткая газетная информация: «Приведен в исполнение». И сразу же следом — другая: «Тов. Вышинский назначен членом коллегии Наркомпроса...» Награда за рвение — еще одна ступенька наверх. Чем себя на ней проявил этот доблестный наркомпросец? Как уживался он с Луначарским — теперь уже в повседневном общении? Каким свершениям наша школа (начальная, средняя, высшая) обязана его неукротимой энергии? И сколько осталось лишь в этот — лишь в этот! — период неоплаканных жертв: изгнанных за свое прошлое, отвергнутых за происхождение, разоблаченных в связях с «враждебными элементами»? Скольких талантов мы недосчитались? Сколько бездарностей, обретя дипломы и знания, пробилось к рулю? Сколько мозгов засорено той шелухой, которую упоенно стал насаждать член коллегии Наркомпроса? Вместе с другими, вместе с другими... Но зато — с научнейшим обоснованием. С неизменной ссылкой на право. С цитатами из Сократа и Гегеля, Монтеня и Маркса, Вольтера — и того, кто уже примерял на себя китель «отца народов».

И однако, все это были ступеньки к вершине, но еще не сама вершина. Важное поприще, но — чужое... Не то, которое было ему уготовано и на котором — к чему скрывать? — он дьявольски «прославил» свое имя. Через три года Вышинский возвращается в родные пенаты — туда, где (мы помним его же слова) проводят и стерегут законность. Тысяча девятьсот тридцать первый год — Вышинский становится прокурором России. Отсюда (рывок за рывком) в трагический тридцать пятый нарастающая волна беззакония выносит его на самый верх: ему, а не кому-то другому доверяется пост Прокурора СССР (не подходящего для задуман-

ных акций предшественника Вышинского — старого большевика Ивана Акулова — «убирают»: сначала из прокурорского кресла, а вскоре — из жизни). Пост, где именем закона он будет закон попирает. Создаст декоративный фасад, за которым заплочных дел мастера смогут творить свое кровавое дело. Станет витийствовать на трибунах, заражая легковверных (только ли их?) своим огненным пафосом, испепеляющей страстью и верой в торжество справедливости, ибо к ней он взывал, о ней только и пекся, ссылаясь всегда на высшие интересы народа.

Начинается самая кошмарная «часть» его биографии, но мы сделаем остановку, чтобы напомнить об одном эпизоде, некогда широко известном, а ныне прочно забытом.

За три месяца до начала первого из трех знаменитых «московских процессов», вошедшего в историю как «процесс Зиновьева — Каменева», внимание всей страны привлекло дело куда как более заурядное. При всей трагичности ситуации оно никак не выходило из ряда обычных уголовных дел: убийство двух врачей разложившимися пьяницами, самодурами и садистами — руководителями зимовки на острове Врангеля — не имело никакой политической подоплеки, и — что характерно! — даже Вышинский, выступая обвинителем на этом процессе, не прибегнул к привычной фразеологии.

Мои слова, царапнувшие, возможно, кого-то, — о тонкости юридического анализа и об умении разбираться в хитросплетениях разрозненных фактов — относятся именно к тому давно забытому делу, где Вышинский явился миру не фанатиком и лицедеем, а криминалистом высокой пробы. Это вовсе не делает его менее злойшей фигурой — напротив, многое объясняет.

Я лишен здесь возможности рассказать о том, как два бандита, неограниченные властители далекого заполярного острова Семенчук и Старцев, издевались над двумя самоотверженными рыцарями профессионального долга — супругами Вульфсоном и Фельдман, ко-

торые приехали сюда, на край земли, в лютую стужу не пьянствовать, куражиться и обирать, но — лечить. Бесстрашные борцы с травившей местных жителей семенчуковской бандой, они были ею же уничтожены, ибо с открытием навигации непременно предали бы гласности все, что творилось на острове под покровом полярной ночи.

Леденящая душу эта история всколыхнула страну. В деле не было ни малейших натяжек и подтасовок. Бандиты назывались бандитами. И юридическая, и человеческая правда была на стороне обвинения. Не нашлось ни одного человека, который имел бы малейшее основание усомниться в его правоте. Думаю, и сегодня некрикливая, обстоятельная речь прокурора может служить образцом тончайшего анализа косвенных доказательств, замкнувшего множество мелких и мельчайших улик в нерасторжимую цепь. Из всех опубликованных речей Вышинского эта, пожалуй, единственная, где он оставался юристом, и только юристом, где он мог позволить себе не демагогствовать, а исполнять на хорошем уровне свой прокурорский долг.

Возможность провести подобный процесс накануне кошмарной мистерии, где Вышинскому была отведена роль главного режиссера, явилась поистине счастливой находкой, недаром же этому процессу придали такую публичность, а обвинителем в Верховном суде республики, вопреки существовавшим традициям, стал сам Прокурор Союза. За три месяца до того, как приподнялся загадочный занавес века и пред лицом всего мира начался первый акт предложенной публике многоактной политической драмы, Вышинский громко напомнил о себе. За стол обвинения по делу о «троцкистско-зиновьевском террористическом центре» сел юрист, только что снискавший себе признание и популярность, эрудит, аналитик, законник, само воплощение истины и справедливости. Организатору этой мистерии нужен был не механический исполнитель, а исполнитель ловкий и страстный, не безлика «функция», а популярное имя.

Он его получил.

Как известно, это и другие подобные дела сейчас проверяются комиссией, созданной Политбюро ЦК КПСС. Обвинения в шпионаже, конечно, отпадут, но предстоит внимательно проанализировать политическую платформу каждого, чье дело подлежит пересмотру. Дождемся объективной оценки комиссии — она будет дана и судебным процессам, и каждому их участнику. Но вот какая подробность бросается сразу в глаза, когда, мучительно стараясь не поддаваться бунтующим чувствам, читаешь стенограммы этих процессов и особенно прокурорские речи: доказательств у обвинения нет никаких, их заменяет брань.

«Мразь», «вонючая падаль», «навоз» — так называет Вышинский загнанных на скамью подсудимых бывших членов Политбюро, большевиков с конца прошлого и начала этого века, прошедших царскую каторгу, тюрьмы и ссылки, организаторов и руководителей Октябрьской революции. Выберем наугад еще несколько образцов прокурорского красноречия, чтобы представить себе атмосферу того, что тогда называлось «судом»: «зловонная куча человеческих отбросов», «самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы», «презренная куча авантюристов», «взбесившиеся псы», «поганые псы», «проклятая гадина»... Про Николая Бухарина — «проклятая помесь лисицы и свиньи». Михаил Шатров в документальной драме «Дальше... дальше... дальше!» утверждает, что эта «формула» подсказана Вышинскому Сталиным. Очень возможно. Но как органично она вписалась в прокурорскую речь, как естественно и непринужденно вышла из профессорских уст! И какой поразительный выбор глаголов: подсудимые у Вышинского не говорят, а «каркают», «хрюкают», «лают»...

Оскорбить и унижить, а не только физически уничтожить поверженных — такова была вождьенная мечта верховного дирижера. Осуществляя ее, Вышинский создал совершенно доселе неведомый тип уголовного процесса, где в доказательствах попросту нет ни малейшей нужды: какие там доказательства, когда речь идет о «вонючей

падали» и «поганых псах»! Любопытно: набравившись и накуражившись над теми, кто не может ответить, не представив ни единой улики, Вышинский торжественно подводит итог: «...слишком сильны улики и слишком убедительны доказательства!» Слишком...

Справедливости ради надо сказать, что ругань вместо доводов прозвучала впервые не в зале суда, а на страницах печати. Именно там — до суда и вместо суда — началась психологическая обработка общественного мнения в той тональности, которую предложил дирижер. Будущие жертвы, соревнуясь друг с другом в хлесткости площадных ругательств, обливали грязью своих же товарищей, попавших на плаху раньше, чем попали они. Вышинский с виртуозным цинизмом использовал это потом на судебной трибуне. Издевался над Радеком, обозвавшим в печати Зиновьева и Каменева «бандой кровавых убийц». Над Пятаковым, который публично призывал «уничтожать их, как падаль», и уже через пять месяцев оказался сам в роли «падали» и «бандита».

В общий хор включились и мастера слова. Меньше всего я хочу из нашего сегодняшнего далека упрекать тех, кто волею судьбы тогда оказался внутри разбушевавшейся стихии. Да, многие (даже честнейшие) присоединили свои голоса к тем, кто «полностью одобрял», клеймил и хулил. Но сразу выделяются те, кто с восторгом принял лексику прокурора, торопясь стать первым учеником, выделиться в поиске оскорблений похлеще, лягнуть побольнее, надругаться глумливо уже над мертвым. «Звероподобная мерзость», — вторил Вышинскому Лев Никулин. О Бухарине — он же: «комедиант», «юродствующий прохвост», «трясущаяся бородка», «дребезжащий тенорок». Жидко, не впечатляет. Унижает, но не до конца... Приходят слова повесомей: «кривляется», «выламывается, как провинциальный тенор» (поистине мастер слова!), «виляет хвостом», который ему «прищемил государственный обвинитель». И другие — с Никулиным по соседству, на той же газетной странице: «тифозные вши», «кровавые обезьяны».

Зачем я все это сейчас вспоминаю? Чтобы свести запоздалые счета? Пощекотать нервы? Нет, разумеется, не для этого, а для того, чтобы увидеть истоки тех деформаций, от которых сегодня мы стремимся очиститься.

Откуда это стремление, и ныне еще не изжитое, упредить печатными обвинениями будущий суд? «Перейти на личности»? Унизить, а не доказать? Поспешно считать преступником того, кто попал в орбиту идущего следствия («у нас зря не сажают»)? Все оттуда, оттуда...

Сколько раз на нашей памяти (и сегодня — не будем лукавить) прокурор, столкнувшись с отказом подсудимого от прежних своих показаний, давал строителю «отпор» и требовал от суда отвергнуть «клевету на советское следствие», вместо того чтобы это объективно проверить! Откуда такая традиционная заданность? Оттуда, оттуда...

Когда Николай Крестинский, член ленинского Политбюро, отказался на процессе от «признаний», выбитых у него на следствии «ежовыми рукавицами», прокурор принял меры к установлению истины? Нет, он просто обозвал поступок Крестинского «троцкистской провокацией». Проверять было некому и нечего: у нас зря не сажают...

Сколько раз приходилось мне видеть (не смею сказать — везде и всегда, все дела такого рода мне, разумеется, не известны), как подсудимые пытаются объяснить какой-либо установленный факт, а обвинитель, не желая выслушивать никаких уточнений, называет их стремление попыткой «сбить с толку» и «уйти от ответственности». В результате создается совершенно искаженная картина реальности при внешнем соблюдении правды: ведь факт действительно налицо, только вывернут наизнанку. Откуда все это? Оттуда, оттуда...

Один из подсудимых на третьем «московском процессе» Христиан Раковский, чье имя вошло в историю революционного движения России и Украины, Болгарии и Румынии, был сыном помещика. Все деньги, полученные им по наследству, он отдал на партийные нужды. Он финансировал Социал-демократическую партию Румынии и ее газе-

ту, редактором которой сам же и был. Значительная часть денег пошла в помощь гонимым царизмом революционерам России, в том числе матросам броненосца «Потемкин», спасение которых в румынской Констанце он организовал. Раковский пытался объяснить это на суде, но Вышинский не дал ему вымолвить слова. Издевательскими вопросами он добивался лишь одного — признания, что у Раковского «были деньги», а значит, он имел «вражеское происхождение» и «тлетворную буржуазную мораль».

И когда сегодня мы вынуждены возвращаться к элементарнейшим азам права, к его основополагающим понятиям, без усвоения которых нет и не может быть ни законности, ни правосудия, когда мы воюем с обвинительным уклоном, с приоритетом данных предварительного следствия, проведенного без соблюдения надлежащих гарантий для подсудимого, когда мы всё развенчиваем и развенчиваем, да никак не можем практически развенчать пресловутую теорию «царицы доказательств», каковой будто бы является признание обвиняемым своей вины, — когда мы делаем все это, то с кем и с чем нам, в сущности, приходится воевать? С «отдельными ошибками» и «некоторыми недостатками»? С «недопониманием иными юристами» «очередных указаний»? Нет, с системой взглядов, ползущих оттуда, оттуда...

Года два назад один видный юридический деятель перед весьма представительным залом, отвечая на вопрос журналиста, обозвал презумпцию невиновности «буржуазным хламом». Я думаю, он сказал это искренне и непроизвольно, употребив термин, прочно вошедший в сознание. Ведь учился он в сороковые годы, и учился, наверное, добросовестно, а учили тогда именно так. Вышинский был мастером хлестких, воинственных афоризмов, они легко запоминались и легко усваивались, ибо весьма и весьма «упрощали жизнь».

Уже давно, с середины пятидесятых, утвердилась привычная формула: теоретические ошибки (!) Вышинского на

практике привели к нарушениям законности. Так ли? А может быть, наоборот? Мне кажется, потребность в таких «нарушениях» (беру это слово в кавычки, ибо сознательное уничтожение ни в чем не повинных людей невозможно считать «нарушением») побудила под них подвести мощное основание. Создать его только и мог такой эрудит, мыслитель, книгочел, каким был профессор Вышинский.

Его отмеченный Сталинской премией и признанный в свое время классическим труд «Теория судебных доказательств в советском праве» содержит утверждения, сегодня звучащие дико, немыслимо, неправдоподобно, но их усвоили как юридическую библию тысячи практикующих и ныне юристов. Приходящие в редакцию письма иных сегодняшних преподавателей юридических вузов содержат пассажи, повергающие порою в ужас: их авторы, возможно, и не подозревают, что дорогие их сердцу формулировки на самом деле принадлежат все ему же — незабвенному Андрею Януарьевичу.

Пересыпанная латинскими формулами, ссылками на десятки иностранных источников, оснащенная солидным справочным аппаратом, эта книга всерьез утверждала, что «объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств»; что принцип состязательности сторон, как и принцип равенства в процессе обвинения и защиты, — буржуазное наследие; что старая формула «пусть погибнет мир, но восторжествует правосудие» — не более чем юридическая схоластика; что другая латинская формула — «закон строг, но это закон», — требующая неукоснительного и всеобщего его соблюдения, «не дает места гибкости в деле применения закона».

Каждый, чьи правовые воззрения, сколь бы ни были они очевидны, мешали тотальному произволу, глубокомысленно и веско объявлялся Вышинским «двурушником» и «врагом народа». Крупнейший теоретик права, заместитель наркома юстиции СССР Е. Б. Пашуканис стал таковым лишь

за то, что «насаждал формальный подход к законности», или, иначе сказать, призывал не отбрасывать, а соблюдать правовые нормы. За этот призыв ученый расстался с жизнью.

Даже тогда, рискуя многим, выдающийся советский юрист профессор М. С. Строгович отстаивал принцип презумпции невиновности (хотя бы как принцип, ибо о внедрении его в судебную практику не приходилось даже мечтать), вступив в открытую полемику с Вышинским. Не утруждая себя ответом, лидер правовой науки (тут он был лидером тоже) отмахнулся от своего оппонента, глухо заметив, что подобные утверждения «лишены оснований».

До сих пор многие следователи упорно добиваются от обвиняемых собственноручных показаний (чаще всего записанных под их же диктовку), наивно полагая, вопреки закону, что «собственноручие» придает показаниям большую достоверность. Так их учили старшие товарищи — дурная традиция легко переходит по наследству. Вряд ли они знают, что подобные рекомендации внедрились юристы «школы» Вышинского. Они полагали, и, видимо, не без оснований, что психологически так создается видимость достоверности: лучше иметь полупризнание, записанное собственноручно обвиняемым, чем полное, записанное следователем.

Еще в шестидесятые годы тогдашний заместитель Генерального прокурора СССР Н. В. Жогин по архивным материалам установил, что многие жертвы «культ личности» и на следствии, и на суде требовали внести в протокол их заявления о пытках и других «нарушениях социалистической законности». Находились, представьте себе, прокуроры, которые относились к таким заявлениям с должной серьезностью. «Об этом, — пишет Н. В. Жогин, — стало известно Берии, который потребовал от Вышинского, чтобы прокуроры не настаивали на фиксировании заявлений обвиняемых о незаконных методах допроса... Вышинский в письме на имя Берии услужливо сообщил, что им дано указание не фиксировать таких заявлений...»

В протоколах по уголовным делам последних лет, где вскрыто мерзкое беззаконие следователей, приведшее к трагическим, порой необратимым последствиям, мы тоже не найдем ни малейших признаков заявлений такого рода, хотя обвиняемые утверждают, что делали их неоднократно, — о побоях, угрозах и шантаже. Когда же об этом им пришлось рассказать на суде, реакция была однозначной: поклеп на наше славное следствие. Так откуда же эта неистребимая преступная практика? Оттуда, отсюда...

В тридцать девятом, став академиком и — за свою многотрудную деятельность с нервными перегрузками — носителем редкого тогда ордена Ленина, Вышинский покинул пост Прокурора СССР. Еще одна ступенька вверх: он уже заместитель Председателя Совнаркома. В этом новом качестве Вышинский сразу же осчастливил культуру. На Всесоюзной конференции режиссеров, передав залу сердечный привет от лучшего друга работников театра товарища Сталина и разъяснив крупнейшим артистам и постановщикам, что формализм означает такое состояние искусства, когда содержание отстает от формы, он, восседая в президиуме, слушал прощальную речь Мейерхольда — трагически вдохновенное завещание Мастера друзьям и коллегам. Вышинскому речь не понравилась (странно, если бы было иначе) — через несколько дней Мейерхольд был арестован.

Но и сам Вышинский, конечно, ни минуты не чувствовал себя в безопасности. В начале шестидесятых годов на квартире видного юриста, автора интереснейшей книги «Нюрнбергский эпилог» А. И. Полторака я два или три раза встречался с Л. Р. Шейниным — они вместе работали одно время в советской части секретариата и обвинения Нюрнбергского трибунала. Шейнин, будучи следователем по важнейшим делам, а затем и начальником следственного отдела Прокуратуры СССР, долгие годы служил под ближайшим началом Вышинского, принимал участие в следствии по делам чрезвычайным.

Помню свидетельство Шейнина: до

самой смерти «хозяина» Вышинский ежеминутно ждал своего ареста. Так оно, наверное, и было: слишком уж много он знал, — слишком ко многому был лично причастен. Разве не пошли вслед за жертвами десятки и сотни их палачей? А меньшевистское прошлое Вышинского давало возможность придумать подходящую версию. Придумщики нашлись бы всегда.

Легко представить себе, какой страх испытал Вышинский, когда на почетнейшем посту министра иностранных дел он вдруг лишился депутатского мандата в Верховном Совете. Что скрывалось за этой «шуткой» пятидесятого года? Сигнал? Намек? Чьи-то интриги и козни? Кто знает... Сталин любил поугаждать, рабы после этого с еще большим усердием лизали руки хозяина.

«Хозяин» уже доживал последние дни, когда по доносу грязного провокатора — профессора Серафима Покровского, с которым состоял в переписке Сталин (два «ответа С. Покровскому» опубликованы в собрании его сочинений), — был осужден на смерть один из самых талантливых и перспективных ученых-юристов: он — ни больше ни меньше — задумал убить «вождей»... В отчаянии мать, профессор, тоже юрист, отправила телеграмму Вышинскому, который хорошо ее знал по совместной работе. Ответа не последовало. Впрочем, нет, ответ все-таки был: приговор привели в исполнение. Прошло совсем немного времени, и молодого ученого по-смертно реабилитировали: он был одним из первых — в нескончаемом и печальном этом ряду.

После смерти «вождей» Вышинский прожил еще полтора года. Он вернул себе депутатский мандат, став заместителем министра иностранных дел (Молотов) и постоянным представителем СССР в ООН. Как человек умный и трезвый, он прекрасно понимал, что разоблачение не за горами. После XX съезда ему неизбежно пришлось бы давать отчет. Искренний или лживый, но все же отчет. Судьба решила иначе.

Недавно один читатель — старый коммунист, ветеран войны и труда -

Юрий Феофанов,
обозреватель газеты «Известия»

прислал мне письмо, предлагая потребовать, чтобы прах преступного златоуста был выброшен из Кремлевской стены. Думаю, этого делать не нужно. Не только потому, что прах — чей бы то ни было — вообще не стоит тревожить. И место в стене, и звание, и награды, и речи его, и деяния — все это мета эпохи, неизгладимый знак своего времени, и в нем, в своем времени, так и должен остаться. Таким, каким был.

Но вот настоящее надо бы оградить от слишком уж долгого влияния этого монстра на правосознание, на реальную практику следствия и суда. Нельзя допустить, чтобы его когтистая лапа, крадучись, тихой сапой, беззастенчиво вторгалась в наше сегодня. А тем более — в завтра.

Литературная газета, 1988, 27 января

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРАВДЕ

13 июня 1988 года Верховный суд СССР отменил приговоры по делам Зиновьева — Каменева, Пятакова — Радека и их товарищей, осужденных в 1936 и 1937 годах.

Журналисты, заинтересованные не упустить это событие, давно уже перезванивались: «Будет? Когда? Не будет? Почему?» То есть будет ли реабилитация Зиновьева и Каменева, Пятакова и Радека — этими именами обозначены все еще остававшиеся в тени открытые процессы над «врагами народа». Ведь Бухарина, Рыкова и их товарищей реабилитировали еще в феврале.

Не рискнул бы я сказать, что «народ требовал» ответить на этот вопрос, но смело могу утверждать, что «общественность интересовалась». И дело тут не в праздном любопытстве. У нас ведь время тоже тревожное: когда нарушается предполагаемый ход восстановления правды, что-то стопорится, рождаются естественные сомнения: а будет ли она вообще восстанавливаться? Не маячит ли на горизонте сводная сестра Нины Андреевой?

И вот теперь этот акт состоялся. Отменены приговоры по тем делам. Поистине громким для того времени: все запечатлено в открытой печати. Запечатлено броско, резко, страшно. В 1934 году Сталин мог бы сказать о себе словами Бориса Годунова: достиг я высшей власти, такой абсолютной власти, когда «можно все» и когда «все» бесспорно получит одобрение — единодушное, всеобщее, без тени сомнения. Пресса показывает, как в тогдашнюю жизнь вползало нечто химерное, причудливо сплетенное из страха и энтузиазма, организованного поклонения и добровольного отречения от себя самого.

И раньше были одобрения или осуждения того, о чем ораторы на собраниях или авторы газетных откликов имели самое смутное представление. Если имели его вообще. И все-таки, пожалуй, после тридцать четвертого в обществе появилась эпидемия болезни, которую можно обозначить как «синдром толпы». Толпа, известно, живет по законам извращенной диалектики: она неуправляема и в то же время легко направля-

ется одним междометием — «ату его»; не имея убеждений, она тем не менее охвачена единым порывом; она может объединить на миг сотню людей и тут же распасться, но способна и разрастись до безграничности и существовать годами...

Чтобы из общества сделать толпу, нужен был сильнейший, ошеломляющий, нокаутирующий удар. Нужно было чудовищное, оскорбляющее партию и страну преступление. И оно свершилось — 1 декабря 1934 года был убит Киров.

Кто убил? Уже 20 декабря расследование установило — Леонид Николаев по поручению террористического подпольного «Ленинградского центра». «Эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс...» — говорилось в обвинительном акте. Суду было предано 14 человек, и все расстреляны в том же декабре.

Но все-таки кто убил? Очевидно, приговор по делу Николаева не дал ответа, который был нужен. И уже в январе 1935 года состоялся новый суд. Не над безвестным до того Николаевым, а над вчерашними вождями, крупнейшими деятелями революции — Зиновьевым, Каменевым и другими. Потом еще один суд над Каменевым, его братом и некоторыми другими — так называемое «кремлевское дело». То была «проба пера», зондирующий общественное мнение шар: пройдет ли обвинение без улик, приговор без доказательств? Уже осуждена Промпартия, состоялось «шахтинское дело». Но там фигурировали мало известные стране люди. А теперь...

В обвинительном заключении было осторожно сказано: «Следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявить членам «Московского центра» прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т. Кирова». Фактов нет, но обвинительное заключение на 19 человек подписали заместитель Прокурора СССР А. Вышинский, следователь по важнейшим делам при Прокуро-

ре СССР Л. Шейнин. Утвердил — Прокурор Союза ССР И. Акулов. Приговор вынесла выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР — В. Ульрих, И. Матулевич, А. Горячев. Высокий суд тоже «не установил фактов», однако посчитал достаточным, что осужденные «знали о террористических настроениях «ленинградской группы» и сами разжигали эти настроения». За что: Зиновьеву — 10 лет, Каменеву — 5, остальным в этих пределах. С точки зрения права не очень убедительно... но «проба пера» прошла.

Тем не менее полугласный процесс с приговором, исходящим не из фактов, а из неких неопределенностей, очевидно, не устраивал. Хотя, понятно, получил всеобщее одобрение. Судя по всему, требовался ослепительный спектакль с фейерверком. И в августе 1936-го грянул первый из знаменитых «московских процессов» — открытых, гласных, происходивших в Доме союзов при переполненном зале, в котором занимала места и иностранная пресса. Соблюдались все формы судопроизводства. Подсудимые — те же Каменев, Зиновьев и еще 14 человек — публично давали показания, прокурор Вышинский вел допрос, обращаясь на «вы». Это было дело «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Расстреляли всех. Под приговором подписи: В. Ульрих, И. Матулевич, И. Никитченко.

Нет нужды рассказывать, как проходил сам процесс, — точно так же, как следующий за ним в 1937 году по делу «Параллельного антисоветского центра» — Пятакова — Радека, как последний открытый суд в 1938-м над Бухариным, Рыковым и их товарищами. Подробности последнего процесса печать осветила достаточно полно, с деталями, цитатами и оценками. Поэтому рассказывать о других процессах — значит просто повторяться. Все то же, только на первом процессе не было еще обвинений в шпионаже. До этого еще не дошли. Но уже подходили близко, ибо имели безоговорочную поддержку общественным мнением практически любой акции; единодушно одобрялось все, идущее сверху.

15 августа 1936 года в «Известиях»

на второй полосе в правом верхнем углу появилось лаконичное сообщение «В Прокуратуре СССР». Просто сообщение, что Каменев, Зиновьев и другие предаются суду. Но сразу же во всех газетах — «гнев трудящихся»: «никакой пощады врагам», «уничтожить гадов» и т. п. Резолюции выносят митинги рабочих, колхозников, ученых, деятелей культуры; партактивы и общие собрания; отдельные наиболее выдающиеся граждане подписывают единоличные и коллективные письма с выражением преданности товарищу Сталину. Еще нет показаний обвиняемых, нет приговора, но «массы» уже пылают злым энтузиазмом. Общество превратилось в толпу. Степень искренности всех этих резолюций с требованием уничтожить? Не знаю, не могу ничего утверждать. Но разве толпа неискренна в своем диком порыве?

Вся эта кампания происходила тогда, когда страна обсуждала проект Конституции, уже названной «Сталинской». Неумолкаемое радио утверждало, что нет другой страны на свете, «где так вольно дышит человек». В «Известиях» — статья под названием «Неприкосновенность личности»: судьям и прокурорам надо «сперва расследовать, потом арестовывать», «рано или поздно должен быть поставлен вопрос о допущении защиты на предварительном следствии», упоминался даже «Habeus corpus act» — документ, обосновавший презумпцию невиновности за много веков до этого. Читали статью. И тут же требовали «уничтожить гадов», хотя суд и не начался.

Двойная мораль насаждалась грубо, настойчиво, масштабно. О праве мало кто думал. Право слилось в сознании со всегда справедливыми акциями «органов».

Но вот парадокс. На третий день процесса «Известия» публикуют:

Из Парижа. Председателю Совнаркома. Несмотря на то что обвиняемые — Зиновьев и его товарищи — всегда были злейшими врагами Социалистического интернационала и Международной федерации профсоюзов, мы не можем воздержаться от просьбы, чтобы им были обеспечены все судебные гарантии,

чтобы им было разрешено иметь защитников, совершенно не зависящих от правительства, чтобы им не был вынесен смертный приговор и чтобы, во всяком случае, не применялась никакая-либо процедура, исключающая возможность апелляции.

Председатель Социнтерна *Де-Брукер*.

Председатель Международной федерации профсоюзов *Ситрин*.

Наивные люди! Они не могли уразуметь, что происходит. И понятно, тут же получили достойный отпор: «Адвокатов троцкистско-зиновьевских убийц к позорному столбу» — так он, отпор, назывался. Эта публикация, кажется, могла бы чуть отрезвить. Но разве ажиотаж слушает «голос разума»? К тому же, говоря о гарантиях, защитниках и апелляциях, те, наивные из Парижа, просто не знали, что по «линии права» к 1 декабря 1934 года была проведена необходимая подготовка. Думаю, интересно и сейчас с ней познакомиться.

10 июля того года ОГПУ было реорганизовано в НКВД и при нем создан внесудебный орган — Особое совещание. В его состав введен Прокурор СССР. Тут тебе и «меч закона», и «надзор» за ним. В день убийства Кирова, 1 декабря 1934 года, Президиум ЦИК СССР принимает постановление «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов». В тот же день! Верх оперативности? За такой срок разработать юридический документ? Или особый дар предвидения событий? Но факт тот, что документ появился, и он устанавливал невиданный дотоле «порядок». До 10 суток срок следствия; вручение обвинительного заключения за сутки до суда, исключение из процесса «сторон» — прокурора и адвоката; отмена кассационного обжалования и даже просьбы о помиловании — немедленный расстрел. (В 1937 году такой же порядок введут по делам о вредительстве и диверсиях. Но и этих упрощений оказалось мало. По предложению Кагановича введено внесудебное рассмотрение дел с применением высшей меры, а Молотов, учитывая большое количество дел, предложил вообще «судить» и расстреливать по спискам.)

Понятно, шла и подготовка «общественного мнения». Сначала оппозиция была «идейно разгромлена», ее главнейших деятелей сняли с постов, исключили из партии. Потом они покаяться, и к ним отнеслись великодушно: в 1933 году Зиновьева и Каменева восстановили даже в партии.

После всего этого комедия открытых судов должна была явить миру объективность и справедливость. Подсудимые имели «возможность» давать показания перед всем миром. Устроителей занимали и «процессуальные вопросы». Во время суда над Зиновьевым и Каменевым просто дали решительный отпор «непрощеным адвокатам». А в обвинительной речи на процессе Пятакова — Радека Вышинский уже целый раздел озаглавил «Процедурные вопросы». Он всячески доказывал, будто следствие шло корректно, а суд соблюдал все нормы права. Этот свой пассаж Вышинский перед тем подкрепил показаниями самих же обвиняемых.

Из стенограммы допроса Норкина [он во всем признался]:

В.: Может быть, на вас нажали? Как вы вообще содержались, условия камерного содержания?

Н.: Очень хорошие. Вы спрашиваете о внешнем давлении?

В.: Да.

Н.: Никакого давления не было.

В.: Можно лишить человека хорошего питания. Лишить сна. Мы это знаем из истории капиталистических тюрем. Папирос можно лишить.

Н.: Ничего похожего не было... Я понял безнадежность борьбы и понял необходимость выявления всего этого дела.

Вряд ли история юриспруденции знает примеры такого единомыслия и сотрудничества обвинителя и обвиняемого. И в который уж раз возникает вопрос: почему на открытом суде они признавались в полной галиматее? (Правда, И. Н. Смирнов, проходивший по первому процессу, так и не дал нужных признаний; отверг шпионаж и Бухарин.) Упорно держится версия: то были спектакли с подставными лицами. Я слышал даже о том, будто во время суда «у Бухарина отваливалась борода».

Версия привлекательна, ибо все легко объясняет. Но зададим себе вопрос: пошел бы на подставных лиц Сталин?

Об этом человеке сейчас много пишут. И о его кровавых делах, и о созданной им системе, и о «феномене Сталина», «загадке Сталина», разбирают по косточкам его дела и личность. Из всего, что мы теперь знаем, вряд ли можно допустить, чтобы он согласился на спектакль с подставными лицами. Ему нужны были официальное торжество, унижение бывших оппонентов до полного их морального уничтожения, нужны были месть и созерцание того, как корчатся жертвы в огне его мести. Мне думается, иное объяснение было бы нелогичным. Просто убить? К этому он придет потом, когда будет уничтожать без разбора, в массовом порядке. Заработает репрессивный механизм, действующий по программе своего творца, без его прямого участия. Мог ли он знать тысячи и тысячи его жертв?

Этих он знал лично. То были оппоненты, над которыми он взял верх в дискуссии. Ну и, естественно, одержал победу за власть. Так мог ли он лишиться себя мига торжества?

Двадцатые годы, после отхода от дел и смерти Ленина, были наполнены в верхах партии и государства, конечно, борьбой за влияние и власть. Сначала Зиновьев, Каменев, Сталин против Троцкого, потом Сталин и Бухарин — против Троцкого, Зиновьева и Каменева, а уж потом Сталин — против своего верного союзника Бухарина. Прочитайте стенограммы съездов — там все как на ладони. Официально дискутировали не о личной власти — о возможности построения социализма в одной стране, о путях такого строительства, о перспективах мировой революции, о нэпе, о понимании ленинизма и т. д. и т. п. Кого и в какой степени занимало само существо вопросов, ответить — удел историков. Но нетрудно проследить линии: каждый из соперников Сталина отстаивал свою концепцию, чтобы она вывела его в лидеры. Сталин готов был взять любую программу, лишь бы достичь абсолютной власти. Разгромив создателя теории «винтиков»

и «закручивания гаек», он спокойно превратил его теорию в свою практику.

Он все помнил и не был способен прощать. Став вождем, он вряд ли не вспомнил слова Каменева, произнесенные с трибуны XIV съезда партии:

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро... Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба».

Подобное высказывание, кстати, тогда не было чем-то необычным. Этого не стеснялись, это было нормой. Странным бы казалось иное — смотреть в рот вождям, угадывать, какое мнение им будет по душе. Ленин был страстный полемист. Мы это знаем по его речам, репликам, запискам. Они свидетельствуют о ленинской терпимости к взглядам других. Он уничтожающе резко осуждал фракционную борьбу, но уважал аргументы даже врагов. Цитируя Ленина, мы делаем это частенько вне контекста других слов и самой ситуации, упускаем из виду полемический задор и горячность спора. У Ленина можно найти: «надо расстрелять», «бюрократа посадить» и т. д. Но было бы кощунственно говорить, что Ленин был за внесудебные расправы. В живом споре он же говорил не для законопроектов и даже не для газетных передовиц. И другие его соратники, оппоненты и противники были столь же резки. Они спорили жаростно, имея в виду не оценку в будущем их слов, а сегодняшнее дело. Вспомним «Брестский конфликт», введение нэпа, национальный вопрос и многое другое.

И в горячем бредовом сне никто из них и предположить не мог, что итоги дискуссий о путях строительства партии, государства, социализма будут подводиться на судебных процессах, когда нет даже права на защиту и права на правду. И не только у подсудимых. Это право отняли у самого об-

щества и тем, как я уже рискнул сказать, превратили его в толпу, обуреваемую энтузиазмом без мысли, без чувства — лишь с экстазом поклонения божеству. И сколько еще будет таких взвинченных кампаний!

Увы, экстазу поддавались достойные по всем параметрам люди. Хворост в костер подбрасывали завтрашние жертвы. Приведу один лишь эпизод из 1936 года.

В предпоследний день процесса, 21 августа, Карл Радек написал большую статью «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий». Там есть и такие слова: «Дело разбирается в присутствии сотен людей, десятков иностранных корреспондентов, и никто, не потерявший ума, не поверит, что обвиняемые клеветают на себя...» Каково же на другой день было автору читать в той же газете заявление Вышинского о том, что сделано распоряжение начать расследование о Томском, Рыкове, Бухарине, Радеке, Пятакове? А через год точно так же клеветать на себя? И выслушивать от Вышинского цитаты из собственных статей, клеймящих «врагов народа»?

Жуткое время — мечты о светлом будущем и единодушные одобрения кровавых расправ.

В такой атмосфере «вершилось правосудие». Мы теперь возвращаемся в то время, стараемся понять его и переосмыслить. Но, думаю, делаем это крайне непоследовательно, как-то судорожно, все еще не хотим взглянуть правде в глаза. Всей правде! Например, Бухарин, Рыков, Тухачевский, Вавилов и многие другие в глазах общества были реабилитированы задолго до того, как состоялись официальные акты. Сейчас все уже знают, что Николай Иванович Бухарин был другом Ленина, любимцем партии и ее крупнейшим теоретиком. Фигуры Рыкова, осужденного вместе с ним, Пятакова, главного обвиняемого на втором «московском процессе», десятки других крупнейших деятелей сомнений в общем не вызывают. Их реабилитация — говорю о своих, по крайней мере, ощущениях — воспринимается как восстановление чести и имени «чистых жертв» сталинского произвола.

А вот Зиновьев и Каменев, осужденные первыми на процессе 1935 и 1936 годов? Они кто? Они — оппозиционеры. И это действительно так: они выступали со своими особыми взглядами на важнейшие проблемы развития революции. После смерти Ленина, как считалось, да и сейчас еще считается, они были против «генеральной линии», отошли от ленинизма и скатились к троцкизму, боролись с «ленинским ЦК». Большинство осудило их фракционную борьбу и тем как бы предопределило, оправдало их обвинение, уже юридическое, в немыслимых преступлениях. Давно никто не верит, что они были террористами и убийцами Кирова. А вот в том, что это были честные революционеры, преданные идеям социализма, и никакие не враги партии и государства, — в этом, по-моему, еще сомневаются. Не во всем том, мол, в чем обвиняли их, виноваты, но все же виноваты, хотя бы «вообще».

Кандидат философских наук Г. Матвеев 30 апреля нынешнего года в письме, опубликованном «Советской культурой», — в ответ на ранее напечатанную статью с наивностью довоенного школьника упрекает автора: *«Как должно быть известно (выделено мной. Ю. Ф.) доктору наук, троцкисты, зиновьевцы превратились в контрреволюционную оппозицию, которая... пошла на антипартийные, антисоветские акции...»* Какие же такие антисоветские, т. е. противогосударственные, акции? Их нет и не было. Почему борьба против линии Сталина считается антипартийной? И в чем антипартийность? Кандидату наук *должно бы быть известно*, что нельзя обвинять, не имея на руках улик. Впрочем, никаких улик не было в 1936 году у Вышинского. Когда-то открыто высказанное мнение, отличное от официальной линии, предопределило судьбы в условиях нетерпимости сталинского единовластия. Раз другое мнение — значит, еретик, значит, достоин костра. Но сейчас-то зачем раздувать уже потухший костер?

Кандидат философских наук имеет право на любое аргументированное мнение о позиции сподвижников Ленина. Но вот это — «как известно»...

А, собственно, известно ли, кем были оппозиционеры?

Мне хотелось познакомить читателей с основными фигурами первого из «московских процессов», с теми, над кем до сих пор не рассеяны тучи сомнений. О ком, как видите, до сих пор говорят как о персонах, во всех отношениях подозрительных.

Григорий Евсеевич Зиновьев и Лев Борисович Каменев рано вступили на путь революционной борьбы и до кончины Ленина были с ним. Опушу их предреволюционные биографии: они безупречны. Упомяну лишь всем известный факт: накануне Октября они выступили в открытой печати с предостережением о риске восстания. Ленин гневно осудил этот поступок, употребив даже слово «штрейкбрехеры». Но какой вывод он из этого сделал? Лучше всего на это ответить факты.

Избранный в октябре 1917 года членом Политбюро ЦК партии, Зиновьев им и остается после победы. В ноябре едет на Украину для организации борьбы против Рады. Возглавляет Петроградский Совет. В январе 1918-го встает во главе Комитета революционной обороны Петрограда, в феврале становится председателем Совнаркома Петроградской трудовой коммуны. Во время Брестского конфликта твердо занимал ленинскую позицию. Позже — организатор обороны красного Питера от Юденича — член РВС 7-й армии. В 1919 году Зиновьев — председатель Исполкома Коммунистического Интернационала — это на 10 лет станет его основной работой. На XII и XIII съездах партии выступает с политическими отчетами ЦК.

Л. Б. Каменев перед Октябрем — член ЦК партии и один из редакторов «Правды». Не кто иной, как Каменев, открывает II съезд Советов, провозгласивший Советскую власть, и становится первым Председателем ЦИК РСФСР. В связи с включением в делегацию для Брестских переговоров сдает эту должность Свердлову. 1918 год — председатель Моссовета; 1919 год — чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны на фронтах гражданской войны; 1922 год — заместитель Председателя

Совнаркома, а после смерти Ленина — Председатель Совета Труда и Обороны. Дополнительный том к Энциклопедическому словарю Гранат — издание, пожалуй, можно считать еще объективным — свидетельствует: «Во время своей болезни В. И. передал К. свой личный архив, из которого впоследствии вырос и развернулся институт В. И. Ленина, директором которого и состоит К.».

Те, полувековой давности, процессы и, главное, все, что было вокруг них, — это сегодняшняя злоба дня. Мы учимся демократии, овладеваем правилами политических дискуссий тоже во время напряженной борьбы. Наши предшественники — люди двадцатых годов — не сумели овладеть положением и получили тридцатые годы, сгорели сами в огне репрессий. Они исповедовали нетерпимость к мнению оппонентов и породили террор — физический и моральный. Подавление оставшихся в меньшинстве привело к тому, что один растоптал большинство. А отсутствие самого понятия о праве на личное мнение создало тот дикий «синдром толпы», который освящал именем народа любой произвол.

Словом, над дискуссиями о путях строительства социализма надолго была подведена черта. Они возобновились сейчас, более чем полвека спустя, — и с того же места: о путях развития революции, о роли партии, о месте «вождя». И о трагических фигурах, коим полвека спустя государство, которое они создавали и которое «унустили», возвращает их честь и имя.

Верховный суд, естественно, не рассматривал «партийное лицо» реабилитированных граждан, не оценивал их правоту или неправоту в давних спорах. Но сказал ясно: перед законом, государством, народом они не виноваты.

Дискуссию о путях строительства социализма мы возобновили сегодня. Поэтому так современно все, что было вчера. Дискуссии ведь только-только начались...

Известия, 1988, 14 июня

Иван Анфертьев,

капитан 3-го ранга,
корреспондент «Красной звезды»

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОКОЛЬНИКОВА

Преподаватель истории в техникуме, где я учился лет двадцать назад, как-то спросил:

— А кто подписал Брестский мир?

— Троцкий, — ответили мы в тридцать голосов. И чей-то еще добавил: — Иудушка.

— Ничего-то вы не знаете, — сказал историк, но больше к этому вопросу не возвращался.

— Чичерин, — не задумываясь, ответил бы я на этот вопрос еще в прошлом году, посмотрев новую художественную киноленту «Чичерин».

И вновь оказался бы не прав. Потому как Брестский мир с нашей стороны подписали члены делегации из четырех человек, а возглавлял ее двадцатидевятилетний Григорий Яковлевич Сокольников.

Если бы в годы учебы в военно-политическом училище меня попросили назвать героев гражданской, я назвал бы десятки фамилий, но среди них точно не было бы фамилии Сокольникова — члена реввоенсовета 2-й армии, политического комиссара Южного фронта. Лишь недавно узнал я о боевом пути от Воронежа до Новороссийска 8-й армии под командованием Сокольникова и о том, что за Советскую власть в Туркестане сражался в двадцатых годах командующий фронтом Сокольников...

После гражданской первому наркому финансов СССР Сокольникову суждено к середине двадцатых годов провести денежную реформу, намеченную Лениным еще в декабре 1917 года. Появление знаменитого «червонца» позволило обменять астрономические 886,5 миллиарда старых рублей на твердые денежные знаки.

В тридцатые годы нашу страну представлял в Англии полпред Сокольников, в свое время окончивший Сорбонну и свободно владевший шестью европейскими языками.

Вот что стало известно мне за довольно короткий промежуток времени. А когда о Сокольникове узнал многое, как мне казалось, почти все, увидел протокол заседания ЦК РСДРП от 23 (10) октября 1917 года. Оказывается, за две недели до исторического выстре-

ла «Авроры» и штурм Зимнего Сокольников был избран в состав Политического бюро по руководству вооруженным восстанием...

Как же получилось, что имя Сокольникова оказалось забытым? Чья недобрая рука вычеркнула его из народной памяти? И сколько же еще неизвестных страниц в биографии одного из ближайших соратников Ленина? Или известных, но не исследованных? А сколько исследованных, но явно с конъюнктурным уклоном?

Историк А. О. Чубарьян в вышедшей в 1964 году книге «Брестский мир» пишет: «В 1924 году вышла книга Троцкого «Уроки Октября». Еще ранее им была выпущена специальная брошюра о Брест-Литовских переговорах. В этих работах Троцкий нарисовал искаженную картину событий в Бресте, оправдывая свою позицию, пытался свести свои разногласия с В. И. Лениным к частностям. В вышедшей в 1928 году книге «Брестский мир» Г. Я. Сокольников обходит вопросы внутривнутрипартийной борьбы и пытается доказать, что заключение мира имело якобы только агитационное значение».

Как же так? Книга Сокольникова выпущена впервые еще в 1920 году, написана она в жанре путевых очерков, без намека на полемическую заостренность... Припомнилось, что в упомянутом уже фильме «Чичерин» главный герой перед тем, как подписать Брестский мирный договор, произносит речь. Но в действительности, по протоколу, обличительные слова в адрес германского милитаризма говорил глава советской делегации Сокольников, вызвав открытое недовольство немецких офицеров во главе с генералом Гофманом. Кому и зачем нужны были такие передергивания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, предстояло выяснить, как Сокольников стал главой делегации. Передо мной протокол заседания ЦК РСДРП(б) от 24 февраля 1918 года:

Тов. Сокольников предлагает ввиду поездки Карахана и Иоффе, чтобы ехал Зиновьев.

Тов. Свердлов говорит, что относительно тов. Сокольникова вопрос

уже решен. Зиновьев нужен в Питере для выступлений, кроме него и Сокольникова, нет никого...

Тов. Зиновьев заявляет, что он не отказывается ехать, но, рассматривая вопрос с точки зрения пользы, думает, что Сокольников более пригоден в делегации, а он здесь...

Тов. Сокольников указывает, что им остались недовольны во время его первой поездки, что если Зиновьев нужен в Совете, то он нужен в «Правде» и в банках, что лучше послать именно Зиновьева как председателя Совета.

Тов. Ленин считает, что надо послать обоих, что если вопрос идет только о подписании мира, то они оба могут тотчас уехать, столковавшись о дальнейшем с Чичериным.

Тов. Зиновьев указывает, что двоим ехать нечего, что лучше ехать Сокольникову.

Тов. Сокольников заявляет, что ввиду неодобрения его поведения в первую поездку он не поедет и в случае настаивания выходит из ЦК.

Тов. Троцкий иронизирует по поводу ультиматума Сокольникова.

Тов. Ленин просит товарищей не нервничать и указывает, что в делегацию может поехать тов. Петровский как народный комиссар.

Тов. Свердлов поддерживает это предложение, но находит, что Петровский поедет только вторым.

Решено, что поедут тов. Сокольников, Петровский, Карахан и Чичерин.

Так и не удалось, к сожалению, установить, когда и в каком качестве Сокольников первый раз побывал в Брест-Литовске. В декабре семнадцатого — январе восемнадцатого, когда обсуждались предварительные условия перемирия, или позже? Подробные стенограммы заседаний Сокольникова не упоминают, нет его подписи и среди пяти членов делегации, возглавляемой Троцким, составивших заявление от имени Совета Народных Комиссаров об отказе от мира на предъявляемых условиях.

И потому сегодня особую ценность представляют воспоминания Григория

Яковлевича Сокольников о его поездке на переговоры в качестве главы советской мирной делегации.

С тревожным чувством в ночь на 25 февраля покидали члены делегации Петроград. В городе шла всеобщая мобилизация рабочих. Натужно ревели заводские гудки, оповещая о приближении немцев. К Смольному стекались вооруженные отряды...

Прифронтовая станция Торошино, где пришлось остановиться, была забита товарными составами. Где-то впереди, в снежных заносах, занятый немцами Псков. Железнодорожные пути к нему разобраны. Сокольников и Петровский в сопровождении трех матросов пешком направились через линию фронта. На окраине Пскова их окружили немецкие солдаты. Они с явным недоверием отнеслись к полномочиям Сокольников. Уже слишком непрезентабельным показался им внешний вид главы дипломатической миссии...

Сразу по прибытии в Псков Сокольников заявил решительный протест германскому командованию в связи с общим наступлением немцев. Дождаясь остальных членов делегации, он с горечью наблюдал за оживлением состоятельных горожан: появление санного поезда с большевиками вызвало у обывателей бурю негодования. Мгновенно распространился пущенный кем-то слух о том, что под видом мирной делегации в Германию направляется свергнутое в Петрограде Советское правительство...

Предъявленный немцами в Брест-Литовске ультиматум отводил на подписание договора всего трое суток. Не приходится говорить о сколько-нибудь серьезном обсуждении выдвинутых вновь требований. С целью подчеркнуть насильнический характер договора Сокольников настаивает на его подписании в течение 48 часов.

Когда оставалось согласовать технические детали, в Петроград отправлена депеша с просьбой выслать поезд для возвращения делегации. В столице восприняли ее как сигнал к возможному разрыву мирных переговоров. По радио передается сообщение Советам прифронтовой полосы о возможном обострении обстановки. Немцы перехватили его,

и ситуация в Брест-Литовске самым неожиданным образом накаляется до предела. Каждое слово Сокольников подвергается сомнению. Лишь под утро 3 марта все объяснилось, и долгожданный выстрадавший мир наступил...

Подписанный Г. Сокольниковым, Л. Караханом, Г. Чичериным и Г. Петровским Брестский договор это, по сути, один из первых практических шагов Советского государства на международной арене. В тех условиях шаг весьма драматичный, на грани разгрома партии, чрезвычайно компромиссный, подававшийся противниками большевиков как предательский сговор с кайзером Вильгельмом. Даже по прямому указанию Ленина на такой шаг решались тогда немногие.

Не гладко проходила и обратная дорога. Около Вильно дверь купе, в котором находился Сокольников, быстро открылась и так же быстро захлопнулась за немецким солдатом. Убедившись, что разговаривает с русским большевиком, солдат торопливо рассказал о бегстве из армии, преследовании его за революционную пропаганду. Закончилась короткая исповедь просьбой помочь перебраться за линию фронта в Советскую Россию.

В своих воспоминаниях Сокольников слегка иронизирует над охватившим его тогда замешательством. Положение главы официальной советской делегации обязывало его быть крайне осмотрительным. В Германии имелись силы, заинтересованные в срыве мирных переговоров, и любой неосторожный шаг Сокольников, любая провокация, поддайся он на нее, могли привести к необратимым последствиям в международных отношениях. Вряд ли следовало ему рисковать в случае с немецким дезертиром, но Сокольников пошел на это, расспросив как следует своего нежданного попутчика. И это лишний раз убеждает в том, что Сокольников был человеком проницательным и дальновидным. В следующий раз он увидит того самого немецкого солдата в Петрограде ведущим революционную работу среди военнопленных...

Чуть было не произошло неоправданное при переходе через линию фронта,

когда немецкие солдаты едва не расстреляли автомобильную колонну с делегацией, приняв ее за партизанский отряд...

За семью печатями оказалась непростая судьба Сокольникова для моего поколения. Рожденные на излете «сталинской» эпохи, мы заучивали если не лозунги, то готовые схемы тщательно отфильтрованного прошлого. Нашими кумирами были Щорс и Чапаев, Котовский и Лазо... Не в одном ли ряду с ними — место Сокольникова? Но откуда нам было узнать о нем? Ведь ни в одном энциклопедическом издании нет даже краткой биографической справки о Сокольникове. Тем дороже мне каждое упоминание о нем.

Из неопубликованных воспоминаний жены Сокольникова — известной советской писательницы Галины Серебряковой:

Более духовно вытреннированной личности, нежели Гарри, мне не пришлось видеть никогда. Гарри действительно считал выдержку, молчаливость и любовь к одиночеству самыми ценными чертами характера для каждого интеллектуала. Самый молчаливый из людей, которых я знала, он был прекрасным лектором, потому что молчаливость его проистекала не от отсутствия мыслей и слов, а от сознания великой ценности дум и отвержения к пустословию.

Вся его осанка сильного физически человека вызвала изумление английской знати. Таких большевиков они, впрочем, знали: Чичерин, Красин и Раковский были менее красивы и мужественны, чем Сокольников, но столь же хорошо воспитаны, знали многие иностранные языки, отличались гибким большим умом. Все это были блестящие люди, делавшие честь идее, которую они избрали путеводной для всей жизни. Эти люди отличались величайшей неподкупностью, редким бескорыстием и скромностью в быту.

Всего 51 год жизни отпущен Сокольникову. Но какой жизни! В семнадцать — профессиональный революционер, политкаторжанин — в девятнадцать. Восемь лет в эмиграции: заведующий парижским рабочим клубом «Пролетарий», студент юридического фа-

культета, закончивший по выпуску курс доктората экономических наук университета. Журналист. Ученый-экономист с мировым именем. Военный и политический деятель. Дипломат. Позавидуем будущему биографу Сокольникова: половину работы выполнил сам Григорий Яковлевич в 1927 году. Экземпляр его автобиографии не без труда удалось отыскать в архивном хранении Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Из автобиографии Г. Я. Сокольникова:

Выехал в Россию после Февральской революции в первой группе эмигрантов, в составе которой были Ленин, Зиновьев, Радек, Харитонов, Инесса Арманд, Мирингоф, Лилина, Усиевич и др. Путешествие в «запломбированном вагоне» через Германию было заполнено обсуждением тактических платформ на голодный желудок — было принципиально решено отказаться от жидкого супа, которым собирался угостить едущих немецкий Красный Крест. Два делегата от ЦК германской с. д., пытавшиеся проникнуть в вагон для принесения приветствия Ленину, должны были спешно ретироваться ввиду предъявленного им ультиматума — уйти, если не хотят, чтобы вытолкали в шею. Этот сформулированный Лениным ультиматум был без риторических смягчений предъявлен делегатам и произвел должное действие.

Сведения о травле, начатой против Ленина и едущей с ним группы большевиков, заставляли допускать возможность попытки Временного правительства арестовать приезжих после переезда через русскую границу. На всякий случай (по предложению Ленина) условились, как держать себя на допросах и т. п.

— Нельзя не отметить, — сказал мне доктор исторических наук профессор П. С. Смирнов, — что Ленин, высоко ценивший Сокольникова, критиковал его по отдельным теоретическим вопросам. В известной работе «К пересмотру партийной программы», написанной в октябре 1917 года, Ленин указал на ряд неточностей, имевшихся в подготовлен-

ном Сокольниковым проекте партийной программы. В частности, на недооценку им империализма на современном этапе. Следует, видимо, подчеркнуть, что разногласия эти носили тактический характер и дискуссии в то время были нормой жизни партии.

Впервые о своем отце Гелиана Сокольникова услышала в девять лет. По дороге домой забежала к школьной подруге. Ее отец, немолодой и важный, шуршал за столом газетой. Он неторопливо осматрел гостью и спросил:

— Как твоя фамилия?

— Сокольникова, — отчего-то смутилась Лана.

— Так это твой отец травил воду в колодцах, — важный человек швырнул газету на стол. — Поезда пускал под откос, фашистам помогал, шпионил! Вон из моего дома!

Лана опометью бросилась на улицу. Шел 1943-й, и слово «фашист» было ей хорошо знакомо.

Бабушка на расспросы Ланы не отвечала. Старая большевичка, она здесь, в Семипалатинске, знала, как себя вести, чтобы выжить.

Однажды Лану подозвал старик-поселенец и стал расспрашивать об отце. Лана отмалчивалась — не повторять же услышанное.

— Работал я в банке, а на деньгах стояла подпись твоего отца, — пояснил причину своего любопытства старик. — Да ты разве не слыхала, что он был наркомом финансов?

Лана ему не поверила. Ей приходилось держать в руках мятые, замусоленные рубли и трешки — никакой подписи на них не было. Тогда бумажные деньги казались ей целым состоянием, обычно бабушка пересчитывала копейки.

Родившись в Москве, она познакомилась с Москвой в двадцать восемь лет. Какая-то сила тянула ее на Арбат, к дому, в котором родилась и жила первые два года. Набравшись смелости, однажды зашла в подъезд, поднялась на площадку, где, по рассказам матери, был вход в квартиру. Нажать на кнопку звонка не решилась.

Открылась дверь, выглянула седенькая старушка, встряхнула матерчатый

коврик. Неспешно взгляделась в девушку в цветастом узбекском платье.

— Что, Ланочка Сокольникова, — сказала не то устало, не то виновато, — пришла посмотреть квартиру? Заходи...

До войны старушка эта жила в соседнем доме и не раз наблюдала, как няня в белом халате прогуливалась во дворе с дочерью Сокольникова, бывшего в ту пору заместителем наркома по иностранным делам. Однажды, летним вечером 1936 года, ее удивило, что крохотная Лана возится одна в песочнице. На следующий день то же самое. Соседка собиралась покормить девочку, но пересилить охвативший ее страх не смогла. За двое суток, что девочка провела в песочнице, никто не подошел к ней и не протянул даже куска хлеба...

В атмосфере подозрительности и стойкого недоверия, в окружении кривых холодных ухмылок прошла жизнь дочери Сокольникова — Гелианы Григорьевны.

В апреле 1982 года мы познакомились в Североморске на вечере «Слово о Галине Серебряковой», организованном флотским клубом книголюбов. Гелиана Григорьевна тогда более чем сдержанно отнеслась к моим вопросам о судьбе Сокольникова. Нынешней весной она на них ответила. Оказалось, ее мать, Галина Серебрякова, не раз подчеркивала, что писательницей она стала во многом благодаря Сокольникову. В литературных кругах того времени ходила даже такая шутка: «Вышла новая книга Серебряковой, написанная Сокольниковым». Конечно, это было преувеличением, Григорий Яковлевич в ту пору писал собственные книги по экономическим вопросам. Но доля истины в этих словах имелась. На первых порах, по словам писательницы, он действительно редактировал ее художественные произведения.

Семнадцать лет в общей сложности провела Галина Серебрякова в тюрьмах, лагерях и ссылке, стояла и под дулами винтовок. И все по стандартному обвинению — как жена «врага народа». У нее хватило мужества, когда гонения прекратились, бороться за возвращение доброго имени мужу. Не хватило только жизни...

В судьбе Сокольников не было крутых виражей, но самый загадочный приходится на лето 1918 года. Член ЦК Сокольников, редактор «Правды», вдруг едет в Вятку одним из комиссаров 2-й армии. До наших дней дошла версия, будто бы Сокольников вошел в конфликт с кем-то из членов ЦК и попал таким вот неожиданным образом. Не возьмусь что-либо утверждать или опровергать, поскольку не располагаю на этот счет достоверными фактами. Пока единственным аргументом в пользу такого толкования служит то, что Сокольников не имел раньше никакого отношения к военному делу.

Но ведь не был никогда Сокольников и дипломатом, однако блестяще справился с возложенной на него миссией. А еще до поездки в Брест-Литовск главой делегации Сокольников по заданию Ленина участвовал в разработке декрета о национализации банков и успешно проводил его в жизнь. Надо полагать, тоже впервые. Напрашивается предположение, что Ленин доверял Сокольникову ответственные задания, посылая его на трудные участки революционной работы. А летом 1918 года не было задачи сложнее, чем создание регулярной Красной Армии.

В партии, среди членов ЦК не было единства во взглядах на то, какой быть армии. Сохранить выборность командиров или они будут назначаться Советской властью? Доверить ли командные должности бывшим царским офицерам и генералам? Мнения высказывались порой прямо противоположные, споры затягивались. А драматизм ситуации заключался в том, что внутри страны поднимали мятеж белочехи, одно за другим вспыхивали контрреволюционные восстания, полным ходом шла подготовка к вооруженному вторжению извне.

На состоявшемся 29 июля 1918 года Пленуме ЦК РКП(б) рассмотрены причины сдачи Симбирска. Признано необходимым срочно усилить и оздоровить Восточный фронт, который с трудом сдерживал наступление регулярных частей белочехов и белогвардейцев. Не могли не тревожить членов ЦК и участвовавшие случаи измены среди воен-

спецов: к противнику перебежали командующий группой войск в районе Уфы Махин и командующий Североурало-Сибирским участком фронта Богословский, другие бывшие офицеры.

Кризисным было состояние 2-й армии. Основу ее, как вспоминал впоследствии бывший в ту пору командующим войсками Вятского района А. А. Медведев, составляли разрозненные партизанские отряды. Наспех сформированные из местных большевиков и присланных из центра рабочих, демобилизованных солдат и матросов, они действовали вразнобой, были плохо вооружены, слабо обучены.

В этих тяжелейших условиях представитель ЦК комиссар Сокольников решительно наводит порядок, устанавливает контакты с местными большевистскими организациями, лично занимается подбором и расстановкой командных кадров. По его настоятельной рекомендации в конце сентября командующим 2-й армией назначен опытный фронтовик полковник (по другим данным — генерал) В. Шорин. Пройдет совсем немного времени, и разойдутся военные дороги Сокольника и Шорина. В боях за Советскую власть в полную меру раскроется полководческий талант Василия Ивановича Шорина, ему доверят командование Юго-Восточным, впоследствии Кавказским фронтом, а в 1922 году он уже возглавит Туркестанский фронт.

Вот так, довольно конспективно, удалось обозначить участие Сокольника в гражданской войне. Более детально определить вклад Сокольника в создание Советских Вооруженных Сил оказалось непросто.

В начале 1962 года Гелиана Григорьевна встретила в Москве с А. А. Медведевым.

— Где же вы были раньше? — невольно вырвалось у нее, когда узнала, что всю гражданскую он прошел рядом с ее отцом.

— В заключении, — сдержанно ответил Медведев.

И она поняла, что не обо всем может спросить у него. Да и он не на все ее вопросы ответит. До самой смерти Медведева Гелиана Григорьевна переписы-

валась с ним. Вот лишь некоторые штрихи, дополняющие путь, пройденный Сокольниковым на фронтах гражданской войны.

Жаркие бои разгорелись в конце лета за Чистополь, Елабугу и Сарапул. Отряды 2-й армии упорно продвигались к Ижевску и Воткинску. Подавить вспыхнувшие там эсерово-белогвардейские мятежи и вернуть республике крупнейшие оружейные заводы — такова задача, поставленная Лениным. К первой годовщине Октября Ижевск освобождает 2-я сводная дивизия В. Азина, Воткинск — особая Вятская дивизия А. Медведева.

«Дорогая Галина Иосифовна! — пишет Медведев 20 апреля 1964 года Серебряковой. — Сегодня я послал ответ в село Зюзино Дебесского района Удмуртской АССР, в котором написал школьникам, что Сокольников Григорий Яковлевич был членом реввоенсовета 2-й армии и комиссаром особой Вятской дивизии и что он погиб во времена «культа личности». Я обещал им и в Ижевск в газету «Удмуртская правда» прислать фотографию Григория Яковлевича. Во всяком случае, на громадной территории Удмуртии это имя стало известным, и красные следопыты в своих школьных уголках будут иметь фото Сокольникова».

Основной удар в конце 1918 года интервенты и белогвардейцы нанесли с юга. И все наличные силы республики спешно брошены на укрепление Южного фронта. 15 декабря Ленин дает указание Реввоенсовету республики: «...ничего на запад, немного на восток, все (почти) на юг». Двамя неделями раньше Сокольников назначен политическим комиссаром Южного фронта при следующих обстоятельствах. Из-за предательства помощника командующего фронтом Носовича фактически сорвано крупное наступление наших войск в районе Царицына. Разоблачен как шпион, арестован и расстрелян начальник штаба фронта Ковалевский. Сменился командующий Южным фронтом. В эти дни возрастает интенсивность переписки Ленина и Сокольникова. Дело удастся поправить к весне 1919 года. Донская белоказачья армия Краснова

разгромлена. Думаю, немалая заслуга в этом члена реввоенсовета фронта Сокольникова.

В марте 1919 года Сокольников в Москве выступил с докладом ЦК по военному вопросу на VIII съезде РКП(б). В учебнике, по которому я изучал историю партии, упоминается о дискуссии, развернувшейся на съезде по военному вопросу. Однако ни противники, ни сторонники Ленина, ратовавшего за создание мощной регулярной армии, не называются. Говорилось лишь, что крупные деятели партии, именуемые впоследствии лидерами «военной оппозиции», выступили против введения в армии уставов, насаждения железной дисциплины, использования опыта военспецов. Взамен предлагались партизанские методы ведения войны, выборность командиров, расширение прав армейских партизеек вплоть до передачи им руководства боевыми действиями. Перед угрозой новых мощных выступлений внутренней и внешней контрреволюции такая точка зрения представляла серьезную опасность, вела к ослаблению армии.

Доклад Сокольникова на съезде пронизан ленинскими идеями. Григорий Яковлевич был блестящим полемистом. Неожиданным метким словом, удачным сравнением он разбивал один за другим доводы оппонентов, убеждая делегатов съезда в несостоятельности платформы «военной оппозиции».

Чего стоит одна, как бы вскользь оброненная им фраза, когда речь в докладе идет о принципиальной необходимости в армии уставов: «Некоторые товарищи, например, выудили в этом уставе, что по уставу красноармейцам запрещается удить». Докладчик на съезде от оппозиции В. Смирнов, узнав себя, вынужден оправдываться:

«Товарищ Сокольников, говоря об уставе, сострил специально по моему адресу, что уставом красноармейцам запрещается ловить рыбу. Конечно, это пустяки, но факт характерен. Устав вводит строгую формальную дисциплину... Каков смысл введения таких формальностей в Красную Армию? В этом нет ни малейшего смысла. Я, конечно, не говорю, что товарищ Сокольников

здесь говорил неправильно, что мы против всякого устава. Ничего подобного. Устав нужен. Регламентировка нужна, но надо, чтобы мы переработали весь устав в соответствии с тем опытом, который есть, откинув все ненужные указания, которые обуславливаются старым строем армии».

Об остроте развернувшейся на съезде дискуссии по военному вопросу говорят такие факты: в прениях записалось выступить 64 делегата, а большинством голосов на военной секции первоначально были приняты тезисы оппозиции. Делегаты, стоявшие на позиции ЦК РКП(б), в знак протеста даже покинули заседание. Перед заключительным словом Г. Сокольникова и В. Смирнова, уже на закрытом заседании съезда, с развернутой речью выступил В. И. Ленин. И лишь тогда большинством голосов (174 против 95) делегаты VIII съезда РКП(б) проголосовали за тезисы ЦК.

Принятая съездом резолюция одобряет предложения доклада Сокольникова: создать политотдел Реввоенсовета республики для руководства всей партийно-политической работой в армии, поставить во главе его члена ЦК РКП(б); соблюдать принцип классовой мобилизации в армию; продолжать привлечение военспецов на командные должности, осуществляя за ними через комиссаров неослабный партийно-политический контроль; усилить подготовку командного состава из пролетариев и полупролетариев и другие.

Назначение Сокольникова в октябре 1919 года командующим 8-й армией, вспоминал впоследствии Медведев, бойцы и командиры восприняли с радостью, видели в этом признак близких перемен к лучшему, к переходу в решительное наступление. И не ошиблись. Приходится лишь сожалеть, что Медведев, бывший в то время заместителем командарма-8 Сокольникова, не оставил более подробных воспоминаний. Из автобиографии Г. Я. Сокольникова:

Проделав путь от Воронежа до Новороссийска вместе с частями 8-й армии, вернулся затем в Москву (в апреле 1920 года) и, считая период гражданской войны в основном законченным,

возвратился к работе в редакции «Правды». Вошел в состав Моск[овского] к-та, руководил школой пропагандистов, участвовал во II конгрессе Коминтерна. В августе 1920 года был направлен в Туркестан в качестве председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и командующего Туркестанским фронтом. Руководил организацией Советской власти в Бухаре после низвержения эмира. Принимал близкое участие в военных операциях против басмачей в Фергане, закончившихся полным поражением одного из крупнейших басмаческих главварей Хол-Ходжи. Хол-Ходжа, бывший уголовный каторжанин, необычайного роста и силы бандит, бежал со своим отрядом в горы, по направлению китайской границы, но на узкой тропинке погиб под снежным обвалом; хотя пушенная басмачами легенда утверждала, что Хол-Ходжа был спасен от смерти подлетевшими ангелами, но исчезновение его было окончательным.

Однако ослабление басмаческого движения было достигнуто экономическими и иными мероприятиями не в меньшей мере, чем военными: была проведена денежная реформа; отменена (до отмены в общем масштабе) продразверстка, замененная налогом, отменена всеобщая натуральная трудовинность; разрешен свободный привоз на базары и торговля на них; выпущены на свободу муллы, заявившие о своей политической лояльности, советские органы управления перенесены из русских городов в туземные города и кварталы; в Семиречье приступлено было к возвращению киргизам земель, самовольно захваченных у них русскими поселенцами. {...}

Сокольников и Сталин. Летом 1917 года оба избраны членами ЦК и редакторами «Правды». Поначалу многое, наверное, их сближало. Но чем дальше, тем глубже политические разногласия. А после смерти Ленина отношения и вовсе обострились. В 1925 году, выступая на XIV съезде партии, нарком финансов Сокольников говорит об ошибочности курса Сталина на «ограбление» деревни, о допущенных извращениях ленинского плана построения социализма в нашей стране. «Осенью 1925 года, — напишет Сокольников два года

спустя, — защищал точку зрения необходимости, наряду с обеспечением возможности быстрого подъема сельского хозяйства, как базы мощной промышленности, отчетливой классовой политики в деревне и во внутрипартийных разногласиях 1925—1926 годов поддерживал меньшинство ЦК».

Меньшинством ЦК, которое еще именовалось «новой оппозицией», возглавляемой Л. Каменевым и Г. Зиновьевым, на XIV съезде ставился вопрос о замене Сталина на посту генсека. Не тогда ли и начали рождаться в душе Сталина преступные замыслы? Неопубликованные воспоминания Галины Серебряковой дают основания предполагать, что Сокольников и после XIV съезда не раз вызывал неудовольствие Сталина. Образованностью и тем, что по каждому вопросу имел собственное мнение. Неуступчивостью, когда речь заходила о выделении дополнительных средств на содержание государственного аппарата, спецпайков и льготных путевок для избранного круга работников. Вряд ли мог устраивать сталинское окружение такой нарком финансов. Начиная с 1926 года одно за другим следуют перемещения Сокольникова. Но даже в этих условиях Сокольников не торопится уходить с политической арены.

Еще одним поводом могла послужить для Сталина появившаяся за рубежом в тридцатые годы статья, в которой сравнивались политические качества Сокольникова и Сталина. Сравнивались не в пользу последнего.

Известно, сколь ревниво следил Сталин за всем, что говорилось и писалось о нем как в стране, так и за границей. Вряд ли та статья прошла мимо его внимания. Не исключено, что она-то и определила последний крутой вираж в судьбе Сокольникова.

Возвратившись в самом начале тридцатых годов из Англии, где был полпредом, Сокольников оказался не у дел. Его избегают прежние знакомые, ничего не говорят ему служащие Наркоминдела. Чтобы отвлечься от тягостных размышлений и как-то поддержать семейный бюджет, он читал лекции в университете. Так проходит около полугода, прежде чем Сталин вызвал его к себе

на беседу. По праву старого товарища он укорял Сокольникова за то, что по возвращении из Англии тот столько времени не давал о себе знать. Ему, Сталину, еще предстоит разобраться, почему такой заслуженный человек, как Сокольников, до сих пор не устроен на работу. А пока не согласится ли он принять должность заместителя наркома по иностранным делам? Прощаясь, Сталин будто бы поинтересовался, есть ли у Сокольникова дача. Услышав отрицательный ответ, слегка попенял за скромность и в присутствии Сокольникова дал поручение Ежову немедленно заняться строительством дачи.

Вечером 26 июля 1936 года, вспоминает доктор исторических наук Зоря Леонидовна Серебрякова, ждали возвращения отчима — Григория Яковлевича. К тому времени его родные если и вспоминали о пережитых тревожных временах, то разве с улыбкой. «Обласканные» самим Сталиным, они уже полтора месяца жили всей семьей на даче в подмосковной Баковке. Значит, великодушный Сталин забыл прежние свои разногласия с Сокольниковым. Или простил, что тоже давало повод говорить о нем в превосходной степени.

Нет, не забыл и уж тем более не простил.

В темноте к дощатому палисаднику подкатили какие-то машины, на веранду поднялись незнакомые тринадцатилетней Зоре мужчины, начали негромкий разговор с Галиной Иосифовной. До утра на даче продолжался обыск, до утра родные Сокольникова не сомкнули глаз. И по сей день не знают они о подробностях его гибели.

На днях состоялся пленум Верховного суда СССР. Нелепые обвинения, предъявленные Сокольникову вместе с Пятаковым, Радеком и Серебряковым в январе 1937 года в том, будто бы они являлись членами «параллельного антисоветского центра», наконец-то отменены. Никогда не был Сокольников ни изменником Родины, ни вредителем, не покушался он и на жизнь Сталина. Вопреки многочисленным усилиям сталинского окружения имя Сокольникова возвращается в нашу историю.

Красная звезда, 1988, 18 июня

Лев Разгон, член Союза писателей СССР

Рютин. На этой фамилии застревали и спотыкались многие историки. Его фамилия была, пожалуй, наиболее odioзной из группы тех старых большевиков, существование которых Ленин считал необыкновенно важным, а Сталин вырубил полностью, оставив лишь нескольких.

Мартемьян Никитович Рютин не относился к верхнему эшелону партийного и государственного руководства, был одним из руководителей Московской партийной организации. Но в историю партии вошел как один из немногих сопротивлявшихся, как коммунист, впервые назвавший Сталина «злым гением русской революции». Рютину не было и 50 лет, когда его расстреляли по личному распоряжению Сталина. Но история этой короткой и яркой жизни заслуживает того, чтобы о ней узнали хотя бы сейчас, когда Рютин наконец-то реабилитирован, когда становится ясно: будь больше таких людей, Сталин, возможно, не смог бы стать тем Сталиным, которого мы знаем.

М. Рютин родился в 1890 году на Ангаре в крестьянской семье. Получил образование в учительской семинарии, начал учительствовать в деревне. Очевидно, его жизнь была весьма содержательной, ибо на первую мировую войну М. Рютин пошел уже членом большевистской партии. Обстоятельства военной жизни забрасывают его на Дальний Восток. С рабочими и солдатами в Харбине он устанавливает, хотя и недолго продержавшуюся, Советскую власть. В родной Сибири Рютин сражается с Колчаком, с иностранными интервентами; он комиссар одной из частей 5-й армии.

После окончания гражданской войны Рютин на партийной работе. У него были для этого все данные: ораторский талант, организаторская хватка, неприязнь к чиновничьим методам работы. Рютин избирается секретарем Иркутского губкома, затем ЦК перебрасывает его в Дагестан, где условия партийной работы были особенно сложны.

В начале 1924 года Рютин становится секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы. Это были сложные годы, когда после смерти В. И. Ленина резко обострилась внутрипартийная борьба. В этой борьбе, которая велась против Троцкого, против «новой оппозиции», Рютин безоговорочно примкнул к большинству, во главе которого стоял

НАКОНЕЦ!

Сталин. Московская организация была важнейшей в партии, Краснопресненский район — и по составу, и по традициям — главенствующим в столице. Рютин сумел сплотить районную организацию, стал одним из руководителей Московского комитета, на XV съезде партии избран кандидатом в члены Центрального Комитета.

Вероятно, именно то, что люди труда никогда не были для Рютина «материалом» для политико-социальных манипуляций, и определило его позицию в годы «великого перелома», когда Сталин пошел на отказ от ленинского пути. Н. А. Угланов, М. Н. Рютин, М. А. Пеньков и другие московские партийные работники решительно поддержали Бухарина, Рыкова и Томского, возражавших Сталину.

Это была, собственно, последняя после смерти Ленина попытка выработать правильную политическую линию — в идейных спорах, в партийной дискуссии. Дискуссия превалила самым грубым образом. XVI Всесоюзная конференция ВКП(б) в 1929 году, а затем и XVI съезд ВКП(б) в 1930 году объявили взгляды Бухарина — Рыкова «несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)». Это был категорический ультиматум, и Сталин добился капитуляции почти всех своих противников.

Однако Мартемьян Никитович Рютин не оказался в их числе. И это определило его дальнейшую судьбу. Его снимают с партийной работы (некоторое время он член редколлегии газеты «Красная звезда»), затем исключают из партии, переводят на незначительную хозяйственную работу. Так обычно происходило с политическими противниками Сталина в начале 30-х годов. Впрочем, был выход — публично покаяться, признаться и такой ценой восстановиться... Вместо этого Рютин идет на шаг, не имевший precedентов. С помощью «полураскаившихся» учеников Бухарина: Слепкова, Марецкого, Петровского — тех, кого называли «бухаринской школкой», он составляет записку, получившую затем название «Программа группы Рютина».

Двести с лишним страниц этого документа не только повторяли возражения против сталинского курса, вы-

двинутые Бухариным и его единомышленниками, они резко и точно определяли личность Сталина и его деятельность. В «платформе Рютина» четко заявлялось, что Сталин, «движимый интересами личного стремления к власти, привел революцию на край пропасти...». Конечно, документ, составленный Рютиным в расчете на то, что с ним будут ознакомины широкие круги партии, фактически не стал ее достоянием. Неизвестно, сколько экземпляров было отпечатано на машинке. Во всяком случае, далеко не все из актива Московской организации его прочитали. Сталин, конечно, прочитал...

Его ярость удивила даже тех, кто знал ей цену. Сталин уже не впервые добивался ареста видных членов партии, несогласных с его линией. Но в случае с Рютиным этого ему было мало, он — впервые — стал добиваться для видного большевика, одного из многолетних руководителей столичной организации, смертной казни. В дальнейшем, как мы знаем, для убийства большевиков Сталину не требовалось особой санкции. Но все же 30-е годы только начинались, для подобной акции, видимо, требовалось согласие Политбюро. Сталина поддерживали Молотов, Каганович, другие «ближайшие соратники», однако большинство Политбюро не согласилось. Сталину пришлось «удовлетвориться» 15-летним заключением.

В 1932 году М. Н. Рютина заключили в Суздальский политизолятор. Но Сталин не переставал следить за своим врагом. Ему показалось, что режим в этой политической тюрьме слишком мягкий: Рютин изредка писал семье, которая поддерживала с ним связь через «Политический Красный Крест», созданный Екатериной Пешковой; однажды Пешкова даже устроила свидание Рютина с его женой... По распоряжению «свыше» Рютина из Суздаля переводят на Урал, в одну из самых суровых режимных тюрем для политических заключенных. Всякая связь с близкими прерывается.

До 1937 года, когда совершенно неожиданно на квартире сына Рютина в Москве раздался телефонный звонок — Мартемьян Рютин звонил из внутрен-

ней тюрьмы на Лубянке, куда его привезли с Урала. Этот приезд и «либеральное» разрешение позвонить родным могли означать одно: Рютина собирались использовать на открытом процессе. В ход шли любые средства — от прямых пыток до обещаний свободы. И, как мы знаем, эти «методы убеждения» действовали, кого-то делали участниками открытых провокационных процессов. Сломать Рютина оказалось не под силу даже специалистам Ежова — Вышинского...

Дочери Рютина — Любви Мартемьяновне — пришлось в одиночку вести борьбу за доброе имя отца. Она осталась одна, только до нее — из всей семьи Рютина — не добрались ежово-бериевские головорезы. Жена Рютина Евдокия Михайловна в 1947 году была замучена в одном из лагерей Караганды, сын Василий — инженер, работавший в ЦАГИ, — расстрелян в Лефортовской тюрьме; другой сын — Виссарион, названный в честь Белинского, сослан в один из лагерей Средней Азии и там расстрелян.

Многие годы Любовь Мартемьяновна вместе со своей дочерью вела безрезультатную переписку с юридическими инстанциями. Уже реабилитировали участников «открытых процессов», уже стали упоминать самые «криминальные» имена тех, кого уничтожил Сталин, а на Рютине продолжали сохраняться отпечатки сталинской ненависти. Не помогали многочисленные обращения в партийные инстанции, непосредственно к Брежневу и другим членам партийного руководства.

Только в наше время обращение Любви Мартемьяновны в ЦК отодвинуло черную клеветническую завесу, более полувека отделявшую М. Н. Рютина, его жизнь, память о нем от партии и народа. Постановлением пленума Верховного суда от 13 июня 1988 года он реабилитирован. Историческая справедливость восстановлена.

Наконец-то!

Московские новости, 1988, 26 июня

Геннадий Жаворонков,

редактор отдела газеты
«Московские новости»

И ЕДИННОЖДЫ НЕ СОЛГАВШИЙ

Портрет революционера без ретуши и недосказаний

«...Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто. Пожелаем дожить ему до момента, когда поднимется буря мировой революции». [Из приветствия Н. Крупской Осипу Пятницкому.— Правда, 1932, 31 января.]

Все книги об Осипе Пятницком [а их уже четыре], как правило, кончаются его юбилеем, когда до его ареста оставалось еще пять лет...

Он родился в семье рабочего в 1882 году. С 16 лет в РСДРП. Транспортировка «Искры», тюрьма, побег, работа за границей, Пражская конференция, всегда с Лениным, за Ленина. Потом опять Россия, ссылка, один из руководителей Октябрьского восстания в Москве.

С XV по XVII съезд — член Центрального Комитета ВКП(б), с 1926 года — член президиума и политсекретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Все это — сухие строки из биографии профессионального революционера, из биографии, которая еще не дописана.

У него тоже был 1937 год... Лично над ним он тогда еще не завис беспощадной гильотиной. Но Осип Пятницкий не был бы Пятницким, если бы отделял свое личное благополучие от всего, что происходило рядом, с другими.

Свидетельствует Владимир Губерман, записавший в 1967 году рассказ Л. Кагановича о том, как проходил июньский Пленум в 1937 году. (В. Губерман, сын Самуила Губермана, привлечшего в 1911 году Кагановича к революционной работе, собирал тогда материал для книги об О. Пятницком. С его слов тогда же содержание рассказа было записано сыном О. Пятницкого, Владимиром. Запись хранится в архиве семьи Пятницкого.)

«На Пленуме рассматривались вопрос об МТС и дополнительно, по предложению Сталина, вопрос о дальнейшей судьбе деятелей правого блока, и в частности Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении наркомун внутренних дел Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — «врагами народа»... На вечернем заседании 24 июня

с возражением Сталину выступил О. Пятницкий. Он высказался против физического уничтожения Бухарина и членов его группы; заявил, что за фракционную деятельность представителей правого блока достаточно исключить Бухарина и его соратников из партии и этим отстранить их от политической деятельности. Но в дальнейшем следует использовать их опыт и знания в народном хозяйстве. О. Пятницкий выступил против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. При этом он сослался на то, что по долгу службы, являясь заведующим политико-административным отделом ЦК партии, курируя в числе прочих вопросов и выполнение партийных положений в аппарате госбезопасности и внутренних дел, он сталкивался с методами допросов, культивируемых Ежовым в своем наркомате, и поэтому возражает против предоставления наркомун Ежову такой полноты власти. О. Пятницкий предложил, наоборот, усилить контроль за деятельностью НКВД, и в частности за деятельностью Ежова.

После выступления О. Пятницкого Сталин прервал заседание Пленума и объявил перерыв, во время которого в кулуарах некоторые члены ЦК, близкие О. Пятницкому, советовали ему отказаться от своего выступления, большинство же участников Пленума к нему не подходило.

Через некоторое время к О. Пятницкому подошли Молотов, Каганович и Ворошилов и, отозвав в сторону, сказали, что Сталин поручил им переговорить с ним и убедить его отказаться от своего высказанного на заседании заявления и взять его назад.

Каганович напомнил О. Пятницкому, что Сталин верит ему как человеку и большевику, который всю свою жизнь был верным ленинцем и никогда не участвовал в оппозициях, что Сталин ценит его как замечательного практика и непревзойденного организатора. Он сказал, что если О. Пятницкий возьмет свое заявление назад, то в этом случае оно забудется и о нем никогда вспоминать не будут. О. Пятницкий отказался взять свое заявление назад. Тогда Молотов напомнил О. Пятницкому о его

семье — жене и детям — и посоветовал ему подумать об их судьбе.

О. Пятницкий ответил, что отказаться от своего заявления не позволял ему совесть коммуниста; что он совершенно ясно представляет свою дальнейшую судьбу; что его выступление на Пленуме не случайное, а вполне осмысленное действие; что во имя чистоты и единства партии он готов пожертвовать своей жизнью и даже, если в этом будет необходимость, жизнью своих детей и своей жены.

Выслушав это, Молотов, Каганович и Ворошилов ушли.

В этот день заседание Пленума уже не возобновилось.

На следующий день, 25 июня, заседание Пленума началось выступлением Ежова. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными о том, что Осип Пятницкий в годы реакции был осведомителем охранного отделения, что он, Ежов, предъявляет Осипу Пятницкому обвинение как старому провокатору охраны, и на основе этого предложил выразить О. Пятницкому политическое недоверие. Вопрос был поставлен на голосование. Пленум поддержал предложение Ежова. Против голосовали трое — Воропаев, Каминский, нарком здравоохранения, и Крупская, воздержался один — Стасова.

Пленум предоставил О. Пятницкому двухнедельный срок для возможности защиты и опровержения выдвинутого Ежовым обвинения.

После этого Пятницкий покинул заседание».

Из дневника жены О. Пятницкого Юлии:

23 июня, когда начался Пленум, я с Игорем была в Нагорном и не ждала его... Пленум должен был работать в выходной, он вдруг приехал, когда я уже спала. И проснулась я от его взгляда, необычайно светлый и печальный взгляд был у него... Я сразу почувствовала, что он чем-то потрясен.

Он говорил о детях репрессированных, обо всех этих невинных, несчастных маленьких гражданах Советского Союза, которые должны жить мучительно, в ненормальных психологических условиях, нужде...

...Очень хотелось умереть. Я ему это предложила (вместе), зная, что этого не следует делать. Он категорически отказался, заявив, что он перед партией так же чист, как только что выпавший в поле снег, что он попытается снять с себя вину...

Свидетельствует сын Пятницкого, Игорь:

«7 июля в 23 часа за отцом приехали и увезли его, когда меня не было дома».

Нет, это еще не было концом тяжелых испытаний, на которые, в отличие от многих, Пятницкий пошел сознательно. Как ни страшно и горько, это было всего лишь началом... Впереди были допросы, избиение, арест старшего сына, Игоря, прошедшего потом через многие годы лагерей, арест жены, Юлии, и безвестная ее смерть, скитания младшего сына, названного в честь Ленина Володей, жизнь в чужой семье, в детдоме... Об их судьбах Пятницкий уже не знал. Впрочем, наверняка знал. Там, на Пленуме, выбирая смерть и отвергая бесчестье, он не мог не догадываться, не зная, что предупреждение подумать о семье не пустая угроза, что вслед за ним его судьбу разделят его жена и дети. Там, на допросах, ему не могли не предлагать выменять жизнь семьи на признание собственной вины, на оговор товарищей. Он не выменял.

Свидетельствует Арон Темкин, член партии с 1905 года (бывший член коллегии Министерства пищевой промышленности; скончался в 1975 году).

Продиктовано Игорю Пятницкому 13 апреля 1963 года):

«26 июня 1938 года я, после ареста, в 3 часа ночи был доставлен в Лефортовскую тюрьму... Меня привели в 96-ю камеру... Перед дверью в камере стояли два человека. Один из них, пожилой, сгорбленный, седой, после ухода дежурного спросил, когда меня арестовали, назвав меня по фамилии, и только после этого я узнал его. Это был товарищ Пятницкий.

...Товарища Пятницкого вызывали на допросы очень часто (за 32 дня, проведенных вместе, 18 раз). И это тем более удивительно, что, как потом оказалось, дело уже было закончено, и через 32 дня после моей встречи с ним в тюрьме его уже расстреляли. Его забрали днем. Он был совершенно спокоен, хотя знал, куда идет...

Пятницкий, говоря о Сталине, рассказал, что в партии имеются настроения устранить Сталина от руководства партией. Перед июньским Пленумом 1937 года состоялось совещание, где шла речь об этом, — «чашка чаю», как он мне называл, — с участием его, Каминского и Филова...

Из всей пока отрывочной хроники тех лет может сложиться впечатление, что сталинизм был роковой неизбежностью, что ему не сопротивлялись, потому что сопротивление было бесполезно. Это далеко не так. Это просто не так. Был XVII съезд ВКП(б), на котором значительная часть делегатов голосовала против Сталина, а значит, и против своей жизни, была «чашка чаю», была Н. К. Крупская — не просто жена и вдова В. И. Ленина: она до конца жизни была Крупской, борцом неодолимоющейся ленинской гвардии.

Свидетельствует Михаил Менделеев, проживающий в Ленинграде, член КПСС с июля 1930 года (этот эпизод изложен им в письме И. Пятницкому от 23 декабря 1987 года):

«В мае 1938 года меня привезли этапом из г. Воркуты, из лагеря особого режима, в Москву, во внутреннюю тюрьму. В конце июня или начале июля после допроса у следователя по фамилии Шарок меня привели не в мою камеру. Оглядевшись в затемненной камере, я увидел ее обитателя и сказал: «Здравствуйте» — идущему мне навстречу, подавая ему руку, и услышал:

«Не торопитесь подавать мне руки, выслушайте меня и тогда решите, стоит ли подавать мне руку.

Я приговорен к смертной казни и ожидаю приведения приговора в испол-

нение... Может быть, вы останетесь живы и все расскажете. Моя фамилия — Мельников Борис Николаевич, работал генеральным консулом в Харбине. От меня требовали подтверждения, что Пятницкий является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран. Зная лично, что О. А. Пятницкий — активный член Коминтерна, и глубоко уважая его за идейность и честность, я всячески доказывал, что это — ложь, наветы и что он уважаем в Коминтерне... И однажды после длительных избиений и истязаний я не выдержал и согласился дать показания на Пятницкого...

Через несколько дней мне принесли в камеру мой костюм отглаженный, галстук и начищенные ботинки и повели к следователю. Там меня тщательно оглядели и сказали: «Пойдет». На завтра ко мне в камеру привели парикмахера, побрившего и подстригшего меня. От парикмахера привели к следователю и там строго сказали: «Последний раз предупреждаем вас, держите себя согласно нашей инструкции. В ином случае очень пожалеете».

Через минут 20—30 меня отвели во двор и велели сесть в автомашину между двумя людьми, один из которых был из числа моих следователей. Меня повезли в Кремль, ввели в помещение и, усадив у одной из дверей, велели подождать.

Минут через 15—20 меня ввели в обширную комнату. Я огляделся. За большим столом сидел Сталин, недалеко от стола — человек 10—12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и поодаль — Н. К. Крупскую.

Я услышал голос Сталина: «Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас». Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядев сидящих в комнате, обратился ко мне: «Гражданин Мельников!..» Он начал задавать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н. К. Крупской: «Он лжет! Он фашист, он негодяй! — И бросила в комнату: — Вячеслав Михайлович! Климент Ефре-

мович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин».

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Ответом ей было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина: «Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще».

Меня увели из комнаты заседаний и привезли на Лубянку».

Только сказав всю правду, можно узнать о мужестве тех, кто до последней минуты своей жизни защищал ленинские принципы в партии. Ценою своей жизни, ценою жизни своих близких, навечно оставаясь в рядах партии.

Это нужно нам, живущим. Это нужно тем, кто только родился. Это нужно нашим потомкам, чтобы учили они не приторную сказочку нашей истории, а летопись преодоления, борьбы, ошибок и побед. У них должны быть душевные мускулы Осипа Пятницкого, его жертвенность, его высокая убежденность, его совесть...

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

«Кто-то должен был попытаться остановить волну репрессий. Одним из них был мой отец. 24.06.37 г. он выступил на Пленуме ЦК ВКП(б) и призвал Пленум к восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Он знал, что его ждет. Но он совершил этот поступок ради интересов партии, которой он отдал всю свою жизнь».

Московские новости, 1988, № 15

В 1910 году, восемнадцатилетним студентом Петербургского политехнического института, Федор Ильин вступил в РСДРП, первые журналистские шаги делал в предшественнице «Правды» — «Звезде» [один из его псевдонимов — Раскольников — постепенно заменит фамилию]. «Г. В. Плеханов сделал меня марксистом, В. И. Ленин — большевиком, а Л. Б. Каменев, К. С. Еремеев и В. Д. Бонч-Бруевич стояли у моей литературной колыбели, как крестные отцы», — напишет он в одной из своих работ. В недолгой, но яркой жизни Федора Раскольникова немало доблестных дел. Любимец революционных кронштадтцев, их партийный организатор, активный участник Октябрьской революции, он станет героем гражданской войны, будет удостоен двух орденов Красного Знамени. «Открытое письмо Сталину» было написано 17 августа 1939 года и стало политическим завещанием Раскольникова — 12 сентября он умер в Ницце, так и не увидев «Письма» напечатанным.

Я правду о тебе
порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Сталин, вы *объявили меня «вне закона». Этим актом вы уравнили меня в правах — точнее в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата.

Вам не поможет, если награжденный орденом уважаемый революционер-народоволец Н. А. Морозов подтвердит, что именно за такой «социализм» он провел 20 лет своей жизни под сводами Шлиссельбургской крепости.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического маневра, наподобие ленинского перехода к нэпу в 1921 году. Под напором советского народа вы «даровали» демократическую конституцию. Она была принята всей страной с неподдельным энтузиазмом.

* Здесь и далее автор письма, обращаясь к Сталину, сознательно употребляет строчную букву. — *Ред.*

Честное проведение в жизнь демократических принципов конституции 1936 года, воплотившей надежды и чаяния всего народа, ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии.

Но в вашем понимании всякий политический маневр — синоним надувательства и обмана. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку.

Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесшумно уничтожаете «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяин земли советской не Верховный Совет, а вы.

Вы сделали все, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того чтобы идти по линии намеченного конституцией поворота, вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом вашей личной диктатуры, вы открыли новый этап, который войдет в историю нашей революции под именем «эпохи террора».

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть.

Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие во время гражданской войны и вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола.

Вы прикрываетесь лозунгом борьбы с «троцкистско-бухаринскими шпионами», но власть в ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без вашего разрешения.

Кто насаждал так называемых «врагов народа» на самые ответственные посты государства, партии, армии и дипломатии?

— Иосиф Сталин.

Кто внедрил так называемых «вредителей» во все поры советского и партийного аппарата?

— Иосиф Сталин.

Перечитайте старые протоколы Политбюро: они пестрят назначениями и перемещениями одних только «троцкистско-бухаринских шпионов», «вредителей» и «диверсантов», а под ними красуется подпись: И. Сталин.

Вы притворяетесь доверчивым простодушным, которого годами водили за нос какие-то карнавальные чудовища в масках.

— Ищите и обряцете козлов отпущения, — шепчете вы своим приближенным и нагружаете пойманных, обреченных на заклятие жертвы своими собственными грехами.

Вы сковали страну жутким страхом террора, даже смельчак не может бросить вам в лицо правду.

Волны самокритики, «невзирая на лица», почтительно замирают у подножья вашего престола.

Вы непогрешимы, как папа! Вы никогда не ошибаетесь!

Но советский народ отлично знает, что за все отвечаете вы, «кузнец всеобщего счастья».

С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинений знаемые вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, что Максим Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезд под откос.

Зная, что все ложь, вы поощряете своих клеветников:

— Клеветайте, клеветайте, от клеветы всегда что-нибудь остается.

Как вам известно, я никогда не был троцкистом. Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. И сейчас я не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой. Принципиально расходясь с Троцким, я считаю его честным революционером. Я не верю и никогда не поверю в его «сговор» с Гитлером или Гессом.

Вы — повар, готовящий острые блюда: для нормального человеческого желудка они несъедобны.

Над гробом Ленина вы принесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить, как зеницу ока, единство партии. Клятвопреступник, вы нарушили и это завещание Ленина.

Вы оболгали, обесчестили и расстреляли многолетних соратников Ленина: Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и др., невиновность которых вам была хорошо известна. Перед смертью вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы.

А где герои Октябрьской революции? Где Бубнов? Где Крыленко? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко?

Вы арестовали их, Сталин.

Где старая гвардия? Ее нет в живых.

Вы расстреляли ее, Сталин.

Вы растлили и загалили души ваших соратников. Вы заставили идущих за вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей.

В лживой истории партии, написанной под вашим руководством, вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги.

Вы уничтожили партию Ленина, а на ее костях построили новую «партию Ленина — Сталина», которая служит удобным прикрытием вашего единодержавия. Вы создали ее не на базе общей

программы и тактики, как строится всякая партия, а на безыдейной основе личной любви и преданности к вам. Знание программы новой партии объявлено необязательным для ее членов, но зато обязательна любовь к Сталину, ежедневно подогреваемая печатью. Признание партийной программы заменяется объяснением в любви к Сталину.

Вы — ренегат, порвавший со своим вчерашним днем, предавший дело Ленина!

Вы торжественно провозгласили лозунг выдвижения новых кадров. Но сколько этих молодых выдвиженцев уже гниет в ваших казематах? Сколько из них вы расстреляли, Сталин?

С жестокостью садиста вы избиваете кадры, полезные и нужные стране: они кажутся вам опасными с точки зрения вашей личной диктатуры.

Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи.

Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин.

Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, вы воскресили институт политических комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль.

Не доверяя красным командирам, вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

Под нажимом советского народа вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут вам больше, чем казенные маршалы и генералы.

Пользуясь тем, что вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японской разведки с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной вами воде, в изобилии подбрасывают вам подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

В созданной вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Наркомвнудела, которому вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному» документу верят — или притворяются, что верят, — как неоспоримому доказательству.

Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, «внутренняя линия» РОВСа в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полпредства в Болгарии от шофера М. И. Казакова до военного атташе полковника В. Т. Сухорукова.

Вы уничтожаете одно за другим важнейшие завоевания Октября. Под видом борьбы с текучестью рабочей силы вы отменили свободу труда, закатали советских рабочих и прикрепили их к фабрикам и заводам. Вы разрушили хозяйственный организм страны, дезорганизовали промышленность и транспорт, подорвали авторитет директора, инженера и мастера, сопровождая бесконечную чехарду смещений и назначений арестами и травлей инженеров, директоров и рабочих как «скрытых, еще не разоблаченных вредителей».

Сделав невозможной нормальную работу, вы под видом борьбы с «прогулами» и «опозданиями» трудящихся заставляете их работать бичами и скорпионами жестких и антипролетарских декретов.

Ваши бесчеловечные репрессии делают нестерпимой жизнь советских трудящихся, которых за малейшую провинность с волчьим паспортом увольняют с работы и выгоняют с квартиры.

Рабочий класс с самоотверженным героизмом нес тяготы напряженного труда и недоедания, голода, скудной заработной платы, жилищной тесноты и отсутствия необходимых товаров. Он верил, что вы ведете к социализму, но вы обманули его доверие. Он надеялся, что с победой социализма в нашей стране, когда осуществится мечта светлых умов человечества о великом братстве людей, всем будет житья радостно и легко.

Вы отняли даже эту надежду: вы объявили социализм построенным до конца. И рабочие с недоумением, шепотом спрашивают друг друга:

Если это социализм, то за что боролись, товарищи?

Извращая теорию Ленина об отмирании государства, как извратили всю теорию марксизма-ленинизма, вы устали ваших безграмотных доморощенных «теоретиков», занявших вакантные места Бухарина, Каменева и Луначарского, обещаете даже при коммунизме сохранить власть ГПУ.

Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Под видом борьбы с «разбазариванием колхозной земли» вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях.

Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих вашу тактику, вы сделали все, чтобы дискредитировать в глазах крестьян ленинскую идею коллективизации.

Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли», вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца.

Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовства запуганной вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить

пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспекает вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность».

Бездарные графоманы славословят вас, как полубога, «рожденного от луны и солнца», а вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести.

Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично вам неугодных русских писателей.

Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Тарасов-Родионов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что была женой Сокольникова?

Вы арестовали их, Сталин!

Вслед за Гитлером вы воскресили средневековое сжигание книг.

Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежавших немедленному и безусловному уничтожению. Когда я был полпредом в Болгарии, то в 1937 г. в полученном мною списке обреченной огню запретной литературы я нашел мою книгу исторических воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году». Против фамилии многих авторов значилось «уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа исследователя становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах, лабораториях и институтах.

Выдающихся русских ученых с мировым именем академиков Ипатьева и Чичибабина вы на весь мир провозгласили «невозвращенцами», наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доводя до сведения всей страны и мирового общественного мнения по-

стыдный для вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из вашего рая, оставляя вам ваши «благодетия»: квартиру, автомобиль, карточку на обе-ды в совнаркомской столовой.

Вы истребляете талантливых русских ученых.

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин!

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный ре-жиссер, выдающийся деятель искусств Всеволод Мейерхольд не занимался поли-тикой. Но вы арестовали Мейер-хольда, Сталин!

Зная, что при нашей бедности кад-рами особенно ценен каждый культур-ный и опытный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за дру-гим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народ-ного комиссариата иностранных дел.

Уничтожая везде и повсюду золотой фонд страны, ее молодые кадры, — вы истребили во цвете лет талантливых и многообещающих дипломатов.

В грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено про-тив Советского Союза, когда борьба за Данциг и война в Китае — лишь подго-товка плацдарма для будущей интер-венции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии — наша Родина, когда единственная воз-можность предотвращения войны — открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение воен-ного и политического союза с Англией и Францией, вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя «осями».

Во всех расчетах вашей внешней и внутренней политики вы исходите не из любви к Родине, которая вам чужда, а из животного страха потерять личную власть. Ваша беспринципная диктатура, как гнилая колода, лежит поперек доро-ги нашей страны. «Отец народов», вы предали побежденных испанских рево-люционеров, бросили их на произвол судьбы и предоставили заботу о них

другим государствам. Великодушное спасение жизни не в ваших принципах. Горе побежденным! Они вам больше не нужны!

Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистско-го варварства, вы равнодушно предо-ставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов.

Как все советские патриоты, я рабо-тал, на многое закрывая глаза.

Я слишком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с вами, не с вашим обреченным режимом, а с остатками старой ленинской партии, в которой я пробыл без малого 30 лет, а вы разгромили ее в три года. Мне было мучительно больно лишаться моей родины.

Чем дальше, тем больше интересы вашей личной диктатуры вступают в не-прерывный конфликт и с интересами рабочих, крестьян, интеллигенции, с ин-тересами всей страны, над которой вы измываетесь как тиран, добравшийся до единоличной власти.

Ваша социальная база суживается с каждым днем. В судорожных поисках опоры вы лицемерно расточаете компли-менты «беспартийным большевикам», создаете одну за другой новые приви-легированные группы, осыпаете их ми-лостями, кормите подачками, но не в со-стоянии гарантировать новым «калифам на час» не только их привилегии, но даже право на жизнь.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго.

Бесконечен свиток ваших преступле-ний! Бесконечен список имен ваших жертв! Нет возможности все перечис-лить.

Рано или поздно советский народ по-садит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов.

17 августа 1939 г.   Ф. Раскольников

Публикацию подготовил И. Коссаковский
Смена, 1988, 5 мая.

Анатолий Латышев,
кандидат исторических наук,
руководитель кафедры
Московской высшей
партийной школы

Время революционной перестройки безотлагательно требует объективного анализа развития советского общества с 1917 года, восстановления исторической справедливости по отношению ко всем действующим лицам истории Советского государства, и в первую очередь к тем, кто был во главе народных масс в Октябрьской революции и в период построения основ нового общества. Безусловно, это требование относится и к И. В. Сталину, его деятельности и наследию. Речь пойдет о тяжелейшем уроне, который он нанес коммунистическому и демократическому движению за полтора десятилетия после смерти В. И. Ленина.

В тот период, когда Ленин из-за болезни еще не отошел от всех дел в партии и государстве, Сталин практически не пытался, в отличие от Троцкого и Бухарина, Зиновьева или Радека, оказывать влияние на созданный в 1919 году III, Коммунистический Интернационал (Коминтерн) или его отдельные секции.

Но догматичность взглядов Сталина, его сектантский подход к проблемам мирового революционного движения начали проявляться уже в последние месяцы жизни Ленина, который как раз боролся с подобными взглядами и подходами. Так, на Пленуме ЦК партии 15 января 1924 года Сталин со свойственной ему лаконичностью заявил, что за последнее время произошла «передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма. Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашизированной власти».

В том же году в статье «К международному положению» Сталин дал сектантскую, представляющую собой прямой отход от ленинизма, оценку фашизма и социал-демократии: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма... Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга».

Вплоть до VII конгресса Коминтерна, состоявшегося в 1935 году, Сталин неуклонно придерживался взгляда, что фашизм и социал-демократия (которую он стал именовать социал-фашизмом)

равноценны. Этим он не только очернял социал-демократов, но и в той же мере обелял фашизм. Справедливости ради необходимо сказать, что вначале подобные сектантские позиции занимал и председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев.

Сегодня ясно, что история была бы иной, если бы рабочий класс с середины 20-х годов объединился — в первую очередь в Германии — и преградил путь фашизму.

Уже после прихода Гитлера к власти в докладе на XVII съезде партии в 1934 году Сталин подчеркивал, что для Советского Союза неважно, в какой форме буржуазия будет осуществлять господство в той или иной стране, в том числе в Германии. «Дело здесь не в фашизме, — заявил он, — хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

Сколько горя принесла народам мира сталинская уверенность в том, что в случае начала войны «многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии» постараются ударить в тыл своим угнетателям, в результате чего падет любое правительство, посмевшее начать войну против Советского Союза.

Для 20—30-х годов характерны упрощенный подход, неверные оценки Сталиным проблем развития империализма, преувеличение им тех тенденций, которые ведут к «расшатыванию», упадку, распаду и гибели капиталистического строя. И наоборот, недооценка, отрицание факторов, способствовавших стабилизации, укреплению капиталистических порядков. Отсюда и проявившиеся Сталиным и его окружением сектантство, догматизм в вопросах стратегии и тактики коммунистических партий в капиталистических странах.

Огромный урон мировому коммунистическому движению принесла деятельность Сталина накануне второй мировой войны. Заключение договора о ненападении между СССР и гитлеровской Германией 23 августа 1939 года оказалось отчасти вынужденной мерой. Но следует признать, что та вакханалия произвола и беззакония, которая развернулась в стране в 1936—1939 годах,

оттолкнула от союза с коммунистами, от поддержки переговоров своих правительств с СССР влиятельные либерально-буржуазные круги Англии, Франции и других стран.

Обстановка в стране была такой, что часть друзей СССР на Западе поверила, что большинство руководителей ленинской партии и Советского государства, командного состава Красной Армии — немецкие и японские шпионы. Этой ситуацией, безусловно, воспользовались правые силы, ориентировавшиеся на нацистскую Германию, подталкивавшие свои правительства к мюнхенской сделке, а фашистские державы — к нападению на Советский Союз.

Сталинский догматизм проявился после заключения договора о ненападении с гитлеровской Германией и в том, что в советской прессе, печати Коминтерна вообще исчезло слово «фашизм», а главным врагом был объявлен англо-французский империализм.

Безусловна вина Сталина в отождествлении — после заключения советско-германского договора — внешней политики КПСС и деятельности Коминтерна. Жесткие требования к западным партиям отказаться от антифашизма дискредитировали последних в глазах их потенциальных союзников.

Поиск «врагов народа» внутри страны в 30-е годы вылился в аналогичные акции и по отношению к руководителям коммунистических партий — секций Коминтерна. Причем даже к тем, кто ранее трагически погиб в борьбе с контрреволюцией.

Одна из самых драматических страниц в истории мирового коммунистического движения — сталинские репрессии, обрушившиеся в 30-е годы на искавших политическое убежище в СССР зарубежных коммунистов, социал-демократов, представителей других антифашистских сил. Стремясь превратить Коммунистический Интернационал в орудие своей личной власти, Сталин, опираясь на свое ближайшее окружение и на правоохранительные, точнее, карательные органы, в 1937 году нанес жестокий удар по размещавшимся в Москве аппаратам и активу Коминтерна и руководимых им организаций —

Коммунистического Интернационала молодежи и Профинтерна, Международной рабочей помощи и Международной организации помощи революционерам.

Долг и совесть советских ученых перед международным революционным движением — открыто дать объективную оценку этим трагическим фактам, вызывающим чувство горести, боли и стыда.

Свидетель событий того периода, известный советский журналист-международник Эрнст Генри считает, что надо подробно говорить о конкретных последствиях попытки Сталина подорвать перед войной международное коммунистическое движение. Репрессии против видных его деятелей, оказавшихся по тем или иным причинам в 30-е годы в нашей стране, начались еще до заключения договора о ненападении с Германией в 1939 году.

Уже в первой половине 1937 года были арестованы члены руководства Германской компартии Х. Эберлейн, Г. Реммеле, Г. Нойман, Ф. Шульте, Г. Киппенбергер, руководители Югославской компартии М. Горкич, М. Филиппович, а чуть позже — В. Чопич, вернувшийся из Испании, где он командовал 15-й интербригадой имени Линкольна. Тогда же были репрессированы выдающийся деятель международного коммунистического движения венгр Бела Кун, целый ряд руководителей Польской компартии — Э. Прухняк, Я. Пашин, Ю. Ленский, М. Кошутская и многие другие.

А после заключения пакта с Германией Сталин просто-напросто выдал Гитлеру множество антифашистов, бежавших в СССР после 1933 года.

Этот трагический список достаточно длинен. В годы культа Сталина были репрессированы интернационалисты-ленинцы из самых разных стран, по тем или иным причинам приехавшие в СССР. Одним из них был Фриц Платтен, швейцарский друг В. И. Ленина, один из учредителей Коминтерна и основателей Компартии Швейцарии. Он организовал поезд В. И. Ленина из Швейцарии в Россию весной 1917 года, а 1 января 1918 года закрыл своим телом вождя в момент первого на него поку-

шения. Ф. Платтен возглавлял группу из нескольких десятков швейцарских рабочих с семьями (многие из них также оказались впоследствии репрессированными), которая еще в 1923 году приехала и организовала на родине Ленина, недалеко от Симбирска, сельскохозяйственную артель.

Был арестован и расстрелян бывший Генеральный секретарь Компартии Греции А. Каитас. Такая же участь постигла одного из руководителей Компартии Ирана, члена Исполкома Коминтерна, делегата II, III, IV и VI конгрессов Коминтерна А. Султан-заде. Его доклад на II конгрессе о перспективах социальной революции на Востоке В. И. Ленин внимательно изучил, сделав при этом ряд замечаний. Был репрессирован Г. А. К. Лухани. Вместе со своими единомышленниками он направил летом 1921 года Владимиру Ильичу тезисы «Об Индии и мировой революции», на которые Ленин послал ответное письмо — о намеченной встрече.

Особо преступными являются сталинские репрессии потому, что они приняли массовый характер по отношению к партиям, которые находились на нелегальном положении в странах с реакционными, в основном фашистскими, режимами. Эти партии были наиболее беззащитны, на их родине не могли раздаться голоса протеста против злодеяний Сталина и его окружения.

Нетерпим тот факт, что по отношению к зарубежным интернационалистам — жертвам сталинского произвола до сего дня не применен в полной мере призыв: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Благородная работа проведена в Югославии — поименно названы около 800 жертв коммунистов этой страны.

Выход в свет в Варшаве двух первых томов много томного «Биографического словаря деятелей польского рабочего движения» показывает, что число погибших польских революционеров насчитывает многие сотни. Сектантский подход Сталина к Польской компартии проявился еще на V конгрессе Коминтерна в 1924 году. Сталин, руководивший на нем работой польской комиссии, необоснованно обвинил весь ЦК Коммунистической рабочей партии Польши

в том, что тот представлял польское отделение оппортунистической оппозиции в РКП(б).

Ответ В. Костовой (М. Кошутской) Сталину на заседании комиссии воспринимается в наши дни как пророчество: «По поводу нашего выступления с критической оценкой некоторых решений Исполкома тов. Зиновьев сказал нам: «Поломаем вам кости, если будете выступать против нас»... В нашей международной коммунистической организации поломанные кости срастаются. Я опасаясь другого. Именно в связи с вашими привилегиями опасны для вас не те люди, которым можно по такому поводу, как наш, переломать кости, а те, кто вообще костей не имеет».

Нелепые, необоснованные обвинения Сталина в адрес руководства Компартии Польши — в троцкизме, антибольшевизме, в антисоветских позициях — привели уже в 1933 году к физической расправе над Ежи Чешейко-Сохацким и некоторыми другими руководителями польских коммунистов. Остальных репрессии настигли в 1937 году. Постановление президиума Исполкома Коминтерна о роспуске Компартии Польши в 1938 году явилось ширмой, прикрывшей сталинский произвол 1937 года по отношению к польским коммунистам.

Во второй половине 30-х годов нарушения законности, связанные с культом личности Сталина, ударили по Компартии Венгрии, вырвав из ее рядов многих истинных революционеров, подлинных интернационалистов. Среди жертв сталинского произвола — основатели партии, руководители Венгерской Советской Республики — второй в истории человечества после Советской России. Чтобы спасти их жизнь в условиях фашистского террора после падения республики, В. И. Ленин лично проделал в 1920 году огромную работу. Среди репрессированных в 30-е годы руководителей Венгерской коммуны — народные комиссары Ф. Байаки, Д. Боканьи, Й. Келен, И. Рабинович, Ш. Сабадош. Оказались жертвами беззакония кавалер двух орденов Красного Знамени за подвиги по защите Октябрьской революции Л. Гавро и делегат II конгресса Коминтерна Ф. Карикаш, десятки

других венгерских революционеров, их жены, дети и близкие.

Были репрессированы и многие переехавшие в СССР болгарские коммунисты. Назовем трех близких соратников В. И. Ленина. Это Р. Аврамов, вступивший в большевистскую партию еще до первой русской революции 1905—1907 годов, один из первых издателей большевистской литературы за рубежом в дооктябрьский период, друг Максима Горького, многократно встречавшийся с Лениным и выполнявший его ответственные поручения. В момент ареста и расстрела в 1937 году Р. Аврамов — первый из болгар награжденный орденом Ленина, — возглавлял всесоюзное объединение «Хлебоэкспорт». Это Х. Раковский — член ЦК РКП(б), при жизни В. И. Ленина Председатель Совета Народных Комиссаров Украины. Затем он — советский полномочный представитель в Англии, Франции, председатель Советского общества Красного Креста. Это, наконец, Б. Стомняков — один из главных поставщиков оружия для боевых дружин в годы первой русской революции. Когда Стомнякова арестовали в 1938 году, он занимал пост одного из двух заместителей наркома иностранных дел СССР.

Среди репрессированных коммунистов Румынии — видный деятель рабочего движения этой страны А. Доброджану-Геря. Беседа его и его товарищей по партии с В. И. Лениным в конце 1921 года имела важное значение для становления Компартии Румынии.

Были репрессированы и основатели Компартии Финляндии Г. Ровио и А. Шотман, которые обеспечивали безопасность Ленина в период его последнего подполья летом — осенью 1917 года в Финляндии. Такая же участь постигла Э. Гюллинга — одного из соратников Ленина, возглавлявшего Карельскую коммуну, первого Генерального секретаря Компартии Финляндии К. Маннера. И многих-многих других финских интернационалистов.

В воспоминаниях ветерана Итальянской компартии Антонио Роазио говорится, что более ста итальянских коммунистов, проживавших в СССР в 30-е годы, были арестованы и направ-

лены в лагеря, где условия жизни оказались для них фатальными.

Массовым репрессиям были подвергнуты руководители и актив коммунистических партий Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии (до вхождения их в СССР).

Куль личности Сталина — трагедия не только советского народа, но и всего мирового коммунистического движения. От него пострадали многие братские партии, и в наибольшей степени — КПСС.

Агентство печати «Новости»

*Опубликовано в газете «Ленинградская правда»
23 июня 1988 года*

Борис Викторов,
генерал-лейтенант юстиции

«ЗАГОВОР» В КРАСНОЙ АРМИИ

Записки военного прокурора

Новый, 1955 год я встретил в самолете на пути из Новосибирска в Москву. Конечно, беспокоил вопрос: зачем меня, прокурора Западно-Сибирского военного округа, вызвал Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко? Роман Андреевич раскрыл лежавшую на столе папку, я увидел свое личное дело. Он сказал:

— Вы назначаетесь на должность заместителя главного военного прокурора. Надо неотложно сформировать специальную группу военных прокуроров и следователей из тех, кто не имел в прошлом отношения к делам спецподсудности. Группа должна заниматься рассмотрением жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осужденных, и прежде всего делом о «военно-фашистском заговоре».

Итак, специальная группа военных прокуроров и следователей Главной военной прокуратуры (ГВП), предназначенная для пересмотра дел по «вновь открывшимся обстоятельствам»... Кто же в нее вошел? Николай Григорьевич Савинич, перед войной окончил Минский юридический институт, участвовал в войне с белофиннами, в Великой Отечественной... Николай Лаврентьевич Кожура, выпускник Военно-юридической академии, положительно рекомендовал себя на практической работе в должности военного следователя... Их непосредственный начальник — Дмитрий Павлович Терехов, имевший опыт работы не только в органах военной юстиции, но и в центральном партийном аппарате.

Перед нами на столе — уголовное дело по обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова и В. К. Путны в преступлениях, предусмотренных статьями 58¹⁶, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Все это — особо опасные государственные преступления: измена Родине, шпионаж, террор, создание контрреволюционной организации. Уже по одному перечислению статей Уголовного кодекса можно было судить о тяжести преступлений поименованных на обложке лиц.

Первые страницы дела... Справки на арест: «Органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности...» О самой деятельности ничего конкретного... А где санкции прокурора на

арест? Нет санкций... Не может быть! Ищем. Убеждаемся — нет! Как же это возможно?... Ведь всего полгода прошло, как была принята новая Конституция!

Продолжаем размышлять: кто же они, заговорщики?... Тухачевский — Маршал Советского Союза, остальные — тоже военачальники высочайшего ранга. Но буквально ничего об их жизненном и боевом пути. Изменники, предатели. И все.

Скажу честно: а ведь мы мало что толком знали об этих людях! Гражданской войны, собственно, мы не видели. Потом, когда повзрослели, только и слышали: шла гражданская война, была ожесточенная битва с белогвардейцами, с интервентами, все эти победы принадлежат Иосифу Виссарионовичу Сталину. Среди героев гражданской войны чаще всего называли Ворошилова и Буденного. Распевали песни о них. Знали, конечно, Чапаева, Щорса, Пархоменко. Вот и все... А эти? Они-то что сделали?

Мои коллеги просмотрели массу документов, книг, газет, журналов, пришел в Главную военную прокуратуру и писатель Лев Никулин, разложил на столе свой архив, сказал:

— С «главарем», маршалом Тухачевским, я был знаком. Хорошо знаю весь его жизненный путь...

Коротко, буквально в нескольких словах, о Тухачевском и его «однодельцах».

Михаил Николаевич Тухачевский: родился в 1893 году, член большевистской партии с апреля 1918 года, командующий армиями и фронтами в годы гражданской войны, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, до 11 мая 1937 года первый заместитель наркома обороны СССР, а с 11 мая — командующий войсками Приволжского военного округа, 26 мая 1937 года арестован.

Иона Эммануилович Якир: родился в 1896 году, член большевистской партии с апреля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга.

Иероним Петрович Уборевич: родился в 1896 году, член большевистской

партии с апреля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга.

Август Иванович Корк: родился в 1887 году, член партии с 1927 года, награжден двумя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, командарм 2-го ранга.

Роберт Петрович Эйдеман: родился в 1895 году, член партии с марта 1917 года, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, член ЦИК СССР, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР, комкор.

Борис Миронович Фельдман: родился в 1890 году, член партии с 1919 года, начальник одного из Главных управлений Красной Армии, комкор.

Виталий Маркович Примаков: родился в 1897 году, член партии с 1914 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор.

Витовт Казимирович Путна: родился в 1893 году, член партии с февраля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, военный атташе в Великобритании (по 1936 год), комкор...

Словом, перед нами предстали яркие образы настоящих большевиков-ленинцев. Усомниться в преданности этих людей Советской власти, казалось, было совершенно невозможно. Но юристы не могут полагаться на эмоции. Пока же перед нами лежало дело, заключительным документом которого был приговор Специального судебного присутствия, в котором говорилось: все они — враги народа...

За справками на арест шли протоколы допросов. В один голос, без каких-либо противоречий все арестованные признали, что занимались вредительством, шпионажем, организовавшись в заговор, ставили своей целью свержение Советской власти. В итоговом документе — обвинительном заключении — утверждалось:

«Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготавливали на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Далее к делу была приобщена копия сообщения «В Прокуратуре Союза ССР» (опубликовано в печати 11 июня 1937 года):

Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путна В. К. расследованием закончено и передано в суд...

Вот что сразу обратило на себя внимание: несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней. Не могло же быть так, чтобы арестованных не допрашивали? Предположили, что допросы велись, но показания не устраивали тех, кто возбудил дело. Показания, безусловно, были нужны, но какие? Только и только признательные. Получить их надо было любой ценой...

Мы заметили на нескольких страницах протоколов серо-бурые пятна... Такие пятна оставляют капли крови... Может быть, это тоже кровь? Проконсультировались со специалистами, назначили судебно-химическую экспертизу... Оказалось, действительно кровь.

Все очевиднее становилась необходимость испросить у следователей разъяснений по всем этим вопросам. Но где они, эти следователи? Ведь прошло почти двадцать лет. Сотрудники ГВП занялись их розыском...

Но вернемся пока к материалам. Вот стенограмма — протокол заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Состоялось оно 11 июня 1937 года и началось в 9 часов утра. Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих.

Подсудимым разъяснили: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года. Это означало: участие защитника в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит...

Стенограмма состояла всего из нескольких страниц. Это свидетельствовало о примитивности разбирательства со столь тяжкими и многочисленными обвинениями. Да и тот факт, что весь «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказывать все содержание стенограммы нет необходимости. Чтобы лучше представить себе, какие показания давали подсудимые по тому или иному пункту обвинения, их сгруппировали. И вот что получилось.

Тухачевский прежде всего заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое с гражданской войны защищал... Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились».

Аналогичные показания дали Уборевич, Корк, Фельдман, Якир, Путьна. Кроме того, Якир учился в 1929 году в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии. Какие же именно виды военной техники или сведения разгласили подсудимые и действительно ли они составляли военную тайну? Ответа в деле не оказалось. Да его тогда и не искали...

Выяснялся на суде и такой вопрос:

разделяли ли подсудимые взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы? На этот вопрос Тухачевский ответил: «Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых».

Это утверждение ничем и никем не было опровергнуто. Путьна же признал «наличие связей» со Смирновым И. Н., Фельдман — с Пятаковым. Однако никакой ясности в характер этих связей внесено не было. Суду сообщалось, что эти люди высказывались против политики нашей партии и намекали на возможное сотрудничество их оппозиций с военными, но оно не состоялось...

Другое тяжкое обвинение — вредительство по ослаблению мощи Красной Армии. По поводу этого пункта обвинения Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что да, замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, формирования воздушно-десантных частей и т. д. Да, было немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в чем во всем они видели и свою ответственность. В то же время Тухачевский заявил следующее: «Если бы немного поднажали и дополнительные средства дали, то я считаю, что нет никаких в этом затруднений, наше положение чрезвычайно сильно выиграет и мы польско-германский блок можем поразить».

Как вредительство со стороны Тухачевского и активно поддерживавших его Уборевича и Якира расценивалось их настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой концепции выступил на суде С. М. Буденный. И другие члены присутствия задавали подсудимым вопросы, пытаясь изобличить их в предательстве интересов Красной Армии: и Блюхер, и Белов, в особенности Алкснис, добываясь, например, от Корка ответа на вопрос по поводу передачи сведений представителям немецкого генерального штаба о войсках Московского военного округа. Корк отвечал, что неоднократно встречался с

немцами на дипломатических приемах, вел разговоры, но сообщал сведения, которые было можно давать.

Ульрих неизменно спрашивал: «Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?» Когда Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич пытались что-то разъяснить, Ульрих обрывал: «Вы не читайте лекций, а давайте показания». Однако подсудимые продолжали утверждать, что они правы, что будущая война будет войной моторов...

Наконец, выяснялся вопрос: был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения К. Е. Ворошилова от руководства Красной Армией? Тухачевский, Уборевич, Корк, Пугна признали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то «нападать на Ворошилова по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова».

Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркому? На суде этого не выясняли. Намерение же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении товарища Ворошилова.

Теперь о «последнем слове» подсудимых. Все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину. Просили о снисхождении. Раскаивались, если в чем-то и были виноваты.

«Последнее слово» Примакова оказалось по сути обвинительной речью в адрес всех остальных подсудимых. Он заявил:

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, со-

бралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Пугны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Откровенно говоря, в ГВП были поражены. Что мы знали о Примакове? Родился в бедной крестьянской семье на Украине. В юношеском возрасте включился в борьбу с самодержавием. Испытал пытки в царских застенках, прошел несправедливое судилище, все тяготы ссылки. Отважный кавалерист, командовал славным кавкорпусом Червонных казаков, о котором были сложены песни, как о коннице Буденного. Примаков и Буденный соперничали в славе... Немаловажное обстоятельство — Примакова арестовали на год раньше Тухачевского. Все это время с ним «работали». Что же, выходит, подавили за год волю? Стал человек послушным?.. На все эти пока неясные вопросы нужны были точные ответы.

К работе Главной военной прокуратуры подключились сотрудники Комитета государственной безопасности, к тому времени значительно обновленного. Совместное расследование углублялось в следующем направлении: а были ли ка-

кие-либо материалы до возникновения дела о «военно-фашистском заговоре»?

В одном из старых дел обнаружили показания двух офицеров, служивших в прошлом в царской армии, которые вдохновителем деятельности их антисоветской организации называли... Тухачевского. Оказалось, что копии протоколов этих допросов были препровождены Сталину и доложены ему. Сталин направил их Г. К. Орджоникидзе с такой запиской: «Прошу ознакомиться. Поскольку это не исключено, то это возможно».

Следов реагирования Орджоникидзе на эту записку мы не нашли. Но предположили, что Орджоникидзе отнесся к этим заявлениям как к клевете. Он хорошо знал Тухачевского, знал, что тот ни к каким оппозициям не примыкает, постоянно повышается в должностях. Однако тень подозрения все же сохранилась... Еще раньше в Наркомат по военным и морским делам поступила информация секретаря парткома Западного военного округа, в которой Тухачевский обвинялся в неправильном отношении к коммунистам, подчиненным и даже в аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на информацию резолюцию: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить». Однако донос был сохранен, и наблюдательное производство на Тухачевского, как видим, пополнилось.

В нем хранилась и записка из показаний арестованного комбрига Медведева, исключенного из партии за принадлежность к троцкизму. Медведев заявил, что ему еще в 1931 году стало «известно» о существовании в центральных управлениях РККА контрреволюционной троцкистской организации.

Это показание Медведев дал 8 мая 1937 года, а 13 мая 1937 года по указанию наркома внутренних дел Ежова был арестован ближайший соратник Дзержинского Артур Христианович Артузов — один из руководящих работников НКВД. На одном из допросов Артузов «показал», что в 30-е годы в поступившей из Германии информации сообщалось, что в Красной Армии готовится заговор, возглавляет его генерал Тургуев. Артузов разъяснил следователю, что

проведенной тогда же проверкой было выяснено, что под фамилией Тургуев в 1931 году в Германию ездил Тухачевский. Об этой информации Артузов доложил предшественнику Ежова Ягоде. Тот заявил: «Это несерьезный материал, сдайте его в архив».

Вот об этом-то показании Артузова и доложили Ежову. А дальше события развивались таким образом: Тухачевский был арестован. Одновременно арестовали и тех, кого потом отнесли к числу организаторов «военно-фашистского заговора». В невероятно короткие сроки бригада следователей провела предварительное следствие.

Удалось выяснить, и как в те годы в НКВД вообще велось следствие, и, в частности, как оно началось и продолжалось по делу Тухачевского.

Привлеченный в 50-е годы к ответственности бывший следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман дал такие пояснения: «Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса и потому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний».

Просмотрели дело другого осужденного — следователя Радзивиловского. Вот его собственноручные показания:

«Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, уволенного из армии и исключенного из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О получен-

ных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано, а его заявление об отказе не фиксировалось. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК. После этого последовали аресты Тухачевского и других заговорщиков... Не пытаюсь полностью снять с себя вину, но хочу, чтобы знали о той обстановке, в которой пришлось работать... Был у нас банкет по поводу награждения большой группы чекистов. Ежов в своем выступлении сказал следующее: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». Иначе я поступать не мог...»

Используя показания Медведева, арестовали Б. М. Фельдмана. Допрашивать его поручили следователю по особо важным делам Ушакову (он же — Ушиминский). В своем объяснении Ушаков позднее писал:

«Арестованный Фельдман категорически отрицал какое-либо участие в каком-либо заговоре, тем более против Ворошилова. Он сослался на то, что Климент Ефремович учил, воспитывал и растил его. Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан лично дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом крупных командиров. Я понял, что Фельдмана надо связать по заговору с Тухачевским. Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете, и к вечеру 19 мая Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других».

В этом же объяснении Ушаков высказал обвинение в адрес следователя Глебова, который стал сбивать Якира на отказ от показаний.

«Я, — пишет Ушаков, — восстановил Якира. Вернул его к прежним признательным показаниям, а Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии... Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26 мая сознался у

меня... Я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков... Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительные показания об участии в заговоре Апанасенко и других... Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилии Закупнева... Я также уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся...»

Дальше Ушаков перечисляет другие свои «заслуги». А ведь таких следователей-преступников, как Ушаков, оказалось немало... Продолжая поиск, мы вышли еще на одного, здравствовавшего и преуспевавшего в служебной карьере, но работавшего в другой, как говорится, системе. Вызвали для объяснений (не называю фамилии, поскольку написал он правдивые объяснения). Вот выдержки:

«Примаков сидел как активный троцкист. Потом его дали мне. Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о всех других организаторах заговора. Перед тем как везти подсудимых на суд, мы все, принимавшие в следствии участие, получили указание от руководства побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Я лично беседовал с Примаковым. Он обещал подтвердить свои показания. Кроме охраны арестованных сопровождали и мы — следователи. Каждый из подсудимых со своим следователем сидел отдельно от других. Я внушал Примакову, что признание его в суде облегчит его участь. Такого было указание руководства...»

В связи с истечением срока давности этого следователя нельзя было привлечь к уголовной ответственности. Но он был строго наказан: лишен воинского звания генерала и привлечен к партийной ответственности.

Итак, руководили теми следователями лично Ежов и Фриновский. Оба они, как известно, тоже были арестованы в 1938 году и осуждены. Вот какие показания они давали в свое время на суде:

Фриновский: «Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках... По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знали ли руководство наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли. Как реагировали? Я, честно, никак, а Ежов даже это поощрял...»

Ежов не опроверг этих показаний. Он объяснил в суде:

«Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощен. Он был проще и в этом смысле даже бесконтрольнее, чем по обычным уголовным делам... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, и в частности Прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительство...»

Ссылкой на Прокуратуру СССР и на Вышинского Ежов, несомненно, рассчитывал на смягчение своей участи. Что касается «боязни НКВД», то ее ведь насаждал не кто другой, как сам Ежов.

Познакомились мы и с приказом наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 года. В приказе сообщалось:

С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при Народном комиссариате обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной

военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР признало всех подсудимых «виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского — звания Маршала Советского Союза и приговорить всех к высшей мере наказания — расстрелу».

12 июня 1937 года приговор привели в исполнение.

Спустили четыре дня расстреляли и комбрига Медведева. В его деле, кроме так называемых «признательных показаний» в том, что он разделял взгляды троцкистов, никаких других «доказательств» не было. А в Военной коллегии, которая под председательством того же Ульриха рассматривала его дело, Медведев вообще виновным себя в контрреволюционных преступлениях не признал. О заговоре в Красной Армии заявил, что вынужденно дал ложные показания. Тем не менее неправосудный приговор был вынесен.

И все-таки следы прокурорского «надзора» за следствием по делу о «военно-фашистском заговоре» мы обнаружили. Вот каким оно было по объяснению тогдашнего помощника главного военного прокурора Субоцкого: «Вышинский предложил участвовать с ним в допросе Тухачевского и других арестованных... Я сказал, что дела не знаю, с ним мне не дали познакомиться. Вышинский ответил: „Допрашивать я буду сам, а вы будете фиксировать“. Допрос всех восьми арестованных длился всего два — два с половиной часа. Показания были предельно краткими: „Признаем, что виновны, жалоб не имеем...“»

Но ведь жалобы были... Шли они в адрес Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Маленкова. Знакомая с ними, те, к кому обращались арестованные, накладывали на них циничные

резолюции. Некоторые из этих фактов были преданы гласности на XXII съезде КПСС.

Новое расследование по делу Тухачевского подходило к концу. На заключительной стадии в ГВП получили отзывы ряда крупных военачальников, приобретших опыт крупных сражений в ходе Великой Отечественной войны. Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками и отработываемые уже в 30-е годы на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях «машинной войны» были по достоинству оценены, применены и развиты. Они сожалели, что с осуждением Тухачевского этот процесс укрепления боевой мощи Красной Армии был, безусловно, замедлен. Вспоминали, что перед самой войной Сталин был вынужден в своем выступлении перед руководящим составом армии признать, что мы недооцениваем роль механизированных и моторизованных армий, допускаем медлительность и ошибки в формировании соединений, оснащенных достаточным количеством танков.

К сожалению, прозрение пришло слишком поздно, и нашему народу пришлось героическими усилиями наверстывать упущенное как в армии, так и в военной промышленности.

Сразу же после раскрытия в РККА «военно-фашистского заговора» во главе с маршалом Тухачевским в центральном аппарате Наркомата обороны, а затем повсеместно в войсках и на флотах развернулась работа по разоблачению участников «заговора» и причастных к нему лиц.

Это превратилось в широкую кампанию, подогреваемую призывами к повышению политической бдительности. Дело дошло до того, что не могло быть ни одной воинской части, в которой не было бы хоть одного заговорщика. Нетрудно догадаться, каких масштабов достигли репрессии.

В ГВП, естественно, изучили все, что давало возможность узнать побольше о самом «заговоре» в Красной Армии, как осуществлялись практические шаги

по его «ликвидации». Только с мая 1937 года по сентябрь 1938-го подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних учебных заведений.

Последствия этой «кампании» для Вооруженных Сил и для страны оказались очень скоро. И они хорошо всем известны.

Вскоре после разгрома гитлеровской Германии на Западе появилось множество книг, в которых на основе захваченных секретных документов рассказывалось о том, как в недрах немецких разведывательных органов были состряпаны документы, предназначенные для того, чтобы скомпрометировать высшее советское военное командование. Эти труды были тоже внимательно изучены.

...Окончательно убедившись, что обвинение Тухачевского и других военачальников в тяжких государственных преступлениях было необоснованным, а осуждение неправосудным, Главная военная прокуратура доложила свое заключение Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Вскоре от него последовало указание подготовить протест на постановление Специального судебного присутствия.

31 января 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР по заключению Генерального прокурора отменила приговор от 11 июня 1937 года, дело производством прекратила за отсутствием состава преступления, все проходившие по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации» были полностью реабилитированы. 27 февраля 1957 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии.

В разбирательстве и пересмотре множества дел в середине 50-х годов участвовали сотни сотрудников Главной военной прокуратуры. Это был тяжелейший,

Аркадий Ваксберг,
член Союза писателей СССР

поверьте, труд, и не только физически. Не могу не вспомнить С. Н. Занчевского, И. М. Максимова, Н. Н. Зарубина, Е. П. Захарова, С. И. Туполова, Б. П. Беспалова, А. З. Голобородько, Героев Советского Союза А. Г. Торопкина и Б. С. Нарбута. Все работы координировали главные военные прокуроры Е. И. Варской и А. Г. Горный. У меня нет возможности в газетной публикации назвать имена всех моих коллег, с которыми пришлось делить этот горький хлеб. И я счастлив, что появилась возможность хоть немного рассказать об их деятельности...

Публикацию подготовил А. Горохов

Правда, 1988, 29 апреля

ТАЙНА ОКТЯБРЯ 1941-ГО

По высокому указанию перед самой войной и в первые дни после ее начала арестантами стали те, кто еще уцелел после почти поголовного уничтожения высших командных кадров Красной Армии на исходе тридцатых годов. Затевался новый грандиозный «процесс военных».

Память все решительней входит в нашу жизнь, не только ликвидируя белые пятна истории, но и мощно влияя на сегодняшние поиски и решения, на глубокое осознание каждым чистейшей цели, достижение которой несовместимо с грязными средствами. «Никто не забыт, и ничто не забыто» — этот священный лозунг относится ко всем. И к жертвам фашизма. И к жертвам той беспощадной машины уничтожения, которая не дала им даже возможности погибнуть, сражаясь с фашизмом. Но в победе над ним все равно есть капля и их крови.

Память требует Памятника — овещенного знака антизабвения. Достойный мемориал погибшим в войне будет наконец воздвигнут. Хотя бы и с опозданием на полвека. С еще большим опозданием неизбежно грядет ничуть не менее достойный мемориал погибшим от беззакония. В ожидании решения, которое, будем надеяться, не за горами, что мешает нам почтить в металле и камне память не всех сразу, а пока лишь «некоторых» и «отдельных»? Чьи имена не надо разыскивать следопытам — они известны и сегодня предстают перед нами такими, какими были. Без оскорбительной лжи.

За последние месяцы мне открылось многое из того, что было упрятано в судебных архивах. Хочу рассказать лишь об одной странице недавней истории.

Сначала цитата из книги, всем хорошо известной. «На службе народу» — так она называется. Вышла тремя изданиями. Автор — Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков.

«Наступило утро второго дня войны. Я получил срочный вызов в Москву. (Тогда еще генерал армии, заместитель наркома обороны СССР Мерецков находился в Прибалтике, руководя сопротивлением наших войск фашистским захватчикам. — А. В.) ...В тот же день,

то есть 23 июня, я был назначен постоянным советником при Ставке Главного командования.

В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин... сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуй, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?»

У Верховного были все основания задать генералу этот вопрос. Ибо он хорошо знал, где и как провел полководец те месяцы, что разделяют первый и второй процитированные мною абзацы. И сам автор помнил, конечно, о них ничуть не хуже, чем о той первой фразе, которой был встречен в Ставке.

24 июня 1941 года (по другим документам — 26-го) заместитель наркома был арестован. Что случилось с ним дальше, мы узнаем из иной цитаты. В книгах ее не найдешь, она — в уголовном деле. Ее «автор» — один из самых кровавых бериевских палачей Лев Шварцман.

«Физические методы воздействия, — заявил Шварцман уже в качестве подсудимого (1955 год), — применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица (имеются в виду ближайшие сподвижники Берии Меркулов и Влодзимирский. — А. В.), а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше 40 свидетелей о том, что он являлся участником военного заговора. В частности, были показания, что он сговаривался с Корком и Уборевичем (выдающиеся военные деятели, казненные вместе с Тухачевским в 1937 году. — А. В.) дать бой Сталину».

Член суда полковник юстиции Лихачев спросил Шварцмана: «Вы отдавали себе отчет в том, что избиваете крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» Ответ: «Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается».

По высокому указанию перед самой войной и в первые дни после ее начала арестантами стали те, кто еще уцелел после почти поголовного уничтожения высших командных кадров Красной Армии на исходе тридцатых годов. Зате-

вался новый грандиозный «процесс военных».

Кроме Мерецкова в состав «заговорщиков» входили: нарком вооружения Б. Л. Ванников, помощник начальника Генерального штаба, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич, начальник управления ПВО, Герой Советского Союза, генерал-полковник Г. М. Штерн, заместитель наркома обороны, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов, заместитель наркома обороны, командующий войсками Прибалтийского особого военного округа, генерал-полковник А. Д. Локтионов, заместитель начальника Главного артиллерийского управления НКО СССР Г. К. Савченко, начальник отдела этого управления С. О. Склизов, начальник Военно-воздушной академии, генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин, заместитель начальника управления вооружений Главного управления ВВС И. Ф. Сакриер, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации И. И. Проскуров, виднейший артиллерийский конструктор Я. Г. Таубин и многие-многие другие.

Их место в эти судьбоносные дни оказалось не на фронте — в тюрьме!..

Едва ли не каждый из них заслуживает не строчки в газете, а целой книги. Среди «заговорщиков» — герои гражданской войны, участники боев в Испании, на Хасане и Халхин-Голе, виднейшие теоретики и практики военного дела. Трое из них входили в состав ЦК, пятеро были депутатами Верховного Совета СССР. Это уже «второй эшелон» — после того, как был истреблен первый: Рычагову, например, только-только исполнилось 30 лет...

24 июня 1941 года прямо на летном поле была арестована его жена, известная военная летчица майор Мария Нестеренко — заместитель командира авиаполка особого назначения. Формула обвинения: «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать (!) об изменнической деятельности своего мужа».

Искать какую-то одну причину, побудившую затеять именно в этот момент столь безумную акцию, — дело, думаю,

безнадежное. Запущенная на полный ход машина уничтожения крутилась по своим законам. Остановиться она уже не могла. Нужны были заговоры, диверсии, покушения, происки кишачих повсюду врагов. Иначе страх начинал гаснуть. Иначе отлаженный аппарат подавления мог заржаветь, оказаться ненужным. Иначе Сталин обратил бы свой испепеляющий взор на тех, кто «плохо карал».

Праздный вопрос — знал ли Сталин о том, какое судилище назревает? Мог ли не знать, если, как пишет Ванников, чьи мемуары недавно опубликовал журнал «Знамя», в его одиночную камеру (июль сорок первого!) пришло указание Сталина «письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий». Мог ли не знать, если в разгар следствия при наличии, как хвастался 14 лет спустя Шварцман, «многочисленных показаний об их вражеской деятельности», выбитых усердием следователей В. Г. Иванова, Н. А. Кулешова, А. А. Зазулова, З. Г. Генкина, А. Н. Марусова, Я. М. Райцеса, И. И. Родованского и других, по его высочайшему распоряжению были освобождены Мерецков, Ванников и еще десятка полтора видных деятелей оборонной промышленности. Этих счастливых прямо из камер возвращали в свои служебные кабинеты, а иных доставляли к Сталину в Кремль. Но не всех. Далеко не всех...

Из песни слова не выкинешь: зверски избитые жертвы (кроме Локтионова, героически выдержавшего все пытки) «признали» в конце концов то, чего от них добивались. Страшно читать позднейшие показания истязателей — о том, как кричал, хватаясь за сердце, Ванников, как в кровь был избит Мерецков, как катался по полу и стонал Смушкевич, как лишился сознания истерзанный Штерн... «Кирилл Афанасьевич, ну ведь не было этого, не было, не было!» — умоляюще протягивал руки к Мерецкову на очной ставке корчившийся от боли Локтионов и замолкал, встретившись с его измученным и потухшим взглядом.

Склоним головы перед теми, кто не выдержал, с таким же состраданием и пониманием, что и перед теми, кто

устоял. Доверимся лучшему знатоку этих дел Лаврентию Берии, который давал показания на следствии: «Для меня несомненно, что в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка. Таким путем вымогались клеветнические показания».

Назвав тех, кто ему нужен и, стало быть, подлежит освобождению, Сталин сделал выбор. Берия хорошо понимал Учителя: дальше можно было действовать «по усмотрению». Те, в чью преданность Верховный поверил, из шпионов и диверсантов сразу же превратились в военачальников самого высшего ранга. Мерецкова перед освобождением вызвал Меркулов — правая рука Берии. Присутствовавший при их беседе следователь Тихонов вспоминал: «Мерецков сказал ему (Меркулову. — А. В.): «Всеволод Николаевич, раньше мы за просто встречались, а теперь я боюсь вас». На это Меркулов только усмехнулся».

Он имел основания усмехнуться: сила и власть остались в тех же руках. У Берии и компаний.

То, что произошло, ужасает еще и сегодня — почти полвека спустя. Эта мрачная тайна октября сорок первого мало кому известна. Раскроем ее.

Фашисты приближались к Москве. В ночь с 15 на 16 октября центральный аппарат НКВД эвакуировался в Куйбышев. Туда же перевезли и важнейших подследственных — главный «объект» работы этого аппарата. Вдогонку с курьером для спецпоручений полетело письмо Берии: следствие прекратить, суду не предавать, немедленно расстрелять. И список — двадцать пять человек.

Их искали еще неделю: даже «особо важные» затерялись в толпе согнанных сюда арестантов. Рядовые следователи приказа не знали — продолжали «работать». 27 октября Родованский еще допрашивал Арженухина, 28-го утром Райцес — Марию Нестеренко. Неожиданно появился особо доверенный Берии — Родос: «Пошли!» — без объяснений. Через несколько минут пять закрытых машин выехали из ворот тюрьмы...

Акт. Куйбышев, 1941 год, октября 28 дня, мы, нижеподписавшиеся, согласно предписанию народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности тов. Берия Л. П. от 18 октября 1941 г. за № 2756/Б, привели в исполнение приговор о ВМН (высшая мера наказания. — Ред.) — расстрел в отношении следующих 20 человек осужденных: Штерн Григорий Михайлович, Локтионов Александр Дмитриевич, Смушкевич Яков Владимирович, Савченко Георгий Космич, Рычагов Павел Васильевич, Сакриер Иван Филимонович, Засосов Иван Иванович, Володин Павел Семенович, Проскуров Иван Иосифович, Склизов Степан Осипович, Арженухин Федор Константинович, Каюков Матвей Максимович, Соборнов Михаил Николаевич, Таубин Яков Григорьевич, Розов Давид Аронович, Розова-Егорова Зинаида Петровна, Голощекин Филипп Исаевич, Булатов Дмитрий Александрович, Нестеренко Мария Петровна, Фибих Александра Ивановна. Подписали: старший майор госбезопасности Баштаков, майор госбезопасности Родос, старший лейтенант госбезопасности Семенхин.

Пятеро других оказались в Саратове. Их расстреляли тогда же — за городом. Среди этих пяти был и Михаил Сергеевич Кедров, член партии с 1901 года, старейший чекист, ближайший сподвижник Дзержинского, незадолго до того оправданный (!) Военной коллегией Верховсуда СССР. Однако в архиве вместо оправдательного приговора лежит составленный задним числом документ об исполнении несуществующего приговора к расстрелу.

Запомним дату: 28 октября 1941 года. Фашисты у стен Москвы, блокирован Ленинград, под пятой оккупантов Украина, Молдавия, Прибалтика, Белоруссия. Именно в этот день гремят заглушаемые моторами грузовиков залпы под Куйбышевом и под Саратовом: уничтожаются ни в чем не повинные полководцы, командиры, создатели оружия. Трое гибнут вместе с женами. От своих. От своих?

Сколько их было — жертв репрессий и беззаконий? Любая цифра, которую сейчас называют, увы, не может быть точной. Цифрой займутся историки. Но за каждой «единицей», ее составляющей, — оборванная жизнь. А за всеми вместе — миллионы прямых потомков: дети, внуки, уже и правнуки. Где им оплакать погибших? Никто не знает, где их могилы, где оборвала пуля их жизнь. Куда принести цветы? Куда прийти — помолчать? Где рассказать молодым о трагических этапах великой нашей истории?

Но место, где 28 октября сорок первого года бандитски расправились с военачальниками и героями, — оно-то как раз известно. Это поселок Барбыш — как написано в деле, там находился тогда так называемый спецучасток УНКВД по Куйбышевской области. Кто мешает местным органам власти проявить благородную инициативу и отметить это место хоть каким-нибудь монументом? Неужели погибшие не заслужили его? Ведь памятник Неизвестному солдату отнюдь не мешает ставить памятник тем, кто известен, благое дело — начать.

Литературная газета, 1988, 20 апреля

СТАЛИНГРАД: НИ ШАГУ НАЗАД!

«...Войска Донского фронта в 16.00 2.02.43 г. закончили разгром и уничтожение сталинградской группировки противника.

...В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились». Это донесение представителя Ставки маршала артиллерии Н. Воронова и командующего войсками Донского фронта генерал-полковника К. Рокоссовского ушло в Москву сорок пять лет назад. В этот день завершилась битва на Волге, битва, которой по масштабам не было равных в истории. Многие из того, чем и как сейчас живет мир, обязано Сталинграду.

Меня часто спрашивают: как же так получилось, что 23 августа 1942 года немецкие танки вышли к Волге, что за причина той нашей трагедии?

И я отвечаю: причины не в нашей якобы слабости накануне войны и перед летней кампанией 1942 года, а в грубых просчетах и ошибках. У нас господствовала доктрина о том, что мы по всем параметрам сильнее любого врага. Обман о готовности страны к обороне погубил много светлых голов, миллионы опутал по рукам и ногам, черное назвал белым, белое — черным. Доказательство тому — масса свидетельств. И тех, кто был далеко от власти, и тех, кто с властью стоял рядом.

Маршал Жуков сказал в беседе с писателем Симоновым: «Война в Финляндии показала Гитлеру слабые стороны нашей армии. Но одновременно она показала это и Сталину. Это было результатом 1937—1938 годов, и результатом самым тяжелым. Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок. Когда после финских событий я был вызван с Халхин-Гола и назначен командующим Киевским военным округом, Сталин, разгова-

ривая со мной, очень резко отозвался о Ворошилове: „Хвастался, заверял, утверждал, что на удар ответим тройным ударом, все в порядке, все готово, товарищ Сталин, а оказалось...“».

А оказалось — самообольщение. Вместо того чтобы сосредоточиваться на работах об обороне страны, народный комиссар погряз в гонениях против оклеветанных и попавших в немилость.

В июне 1941-го, когда свыше 150 гитлеровских дивизий обрушились на нашу страну, нам не хватало не только новых танков, современных самолетов, оружия, нам не хватало и смещенных и погубленных «врагов народа», которые великолепно знали ратное дело и могли бы предупредить многие тяжелые события, память о которых кровоточит до сих пор. Я имею в виду прежде всего стратегические ошибки кануна и первых месяцев войны под Киевом и Минском, когда в окружение попадали сразу по нескольку армий.

Я глубоко убежден: не было бы этих трагедий, если бы у руководства Вооруженными Силами Советского Союза стояли другие маршалы, если бы вся жизнь страны поверялась не мерой верности вождю, а только мерой правды.

Культурную болезнь не вылечил даже горький 1941-й. По-прежнему гениальность вождя подавляла разум, по-прежнему желаемое выдавали за действительное, больше доверяя словам, чем логике борьбы и профессиональным знаниям.

После первой зимней кампании Генеральный штаб Красной Армии предложил на летнюю кампанию 1942 года план глубокой обороны, на рубежах которой предполагалось вначале обескровить врага. А в том, что Гитлер начнет новое наступление, чтобы взять реванш за поражение у стен Москвы, никто не сомневался. Кстати, точно такая стратегия была применена после Сталинграда на Курской дуге, там, где фашистская Германия была поставлена перед лицом полной катастрофы.

Весной 1942 года Сталин решил иначе. Решил опередить Гитлера, добиться теперь же коренного стратегического перелома в войне. А для этого — ударить сразу в нескольких местах: под Ленин-

градом, на Украине и в Крыму. Сейчас известно, что решение это не в последнюю очередь определила дезинформационная акция немецкой разведки. Очень сложным путем в руки Сталина попал так называемый план под кодовым названием «Кремль», который как бы раскрывал намерения вермахта на весь 1942 год. По этому плану главный удар фашисты должны были якобы нанести силами группы армий «Центр», то есть на Москву.

Никакие возражения не подействовали. Доверились интуиции вождя. А чем это обернулось — мы знаем: трагедией 2-й ударной армии в болотах под Ленинградом, гибелью войск в Крыму, прорывом нашего фронта под Харьковом, откуда потом и двинулась на Сталинград 6-я армия Паулюса.

Главные наши резервы были сосредоточены под Москвой, а Гитлер нанес удар за многие сотни километров от столицы. Впервые летнее наступление фашисты официально обсуждали в узком кругу 28 марта. 5 апреля появилась директива № 41 — план операции «Блау».

Позже о главной цели этой операции фельдмаршал Паулюс говорил так: «Стратегическая цель — захват областей Северного Кавказа, богатых нефтью. Для защиты флангов и прикрытия тыла во время этой операции в направлении Кавказа следовало достичь Волги в районе Сталинграда. С помощью развернутого летнего наступления 1942 года ОКВ хотело решить исход похода на Востоке или по крайней мере повлиять на его исход».

Многие до сих пор считают этот план утопией, бредом, опиравшимся только на большую фантазию фюрера. К сожалению, кроме фантазии у фюрера было под ружьем в апреле 1942 года 8672 тысячи человек. Восточная армия с 22 июня по 1 мая 1942 года получила миллион человек пополнения. Восточный фронт располагал 230 дивизиями и 26 бригадами. Операцию «Блау» осуществляли 91 дивизия, 1260 танков, более 1600 боевых самолетов. И вся эта громада 28 июня двинулась к Дону — закипела битва, которая решала судьбу не только нашей страны, но и Европы, мира.

В ночь на 7 июля войска двух наших фронтов начали отступление. В руки врага попали богатейшие области Дона, Донбасса. 24 июля пал Ростов — ворота Кавказа. Была открыта дорога и на Сталинград.

К этому времени война выявила новых талантливых полководцев. Войска проявляли массовый героизм. Тыл наращивал помощь фронту. Но Сталинградская битва разворачивалась в невероятно трудных и сложных условиях. В большой излучине Дона немало дивизий оказалось в окружении, тысячи и тысячи солдат попали в плен. Но в стране мало кто знал, насколько велика опасность, — строки официальных сообщений были скупы. А народ ждал правды. Ждал, говоря нынешним языком, гласности. И месяц спустя она, может, в самый критический момент, все-таки была сказана.

В приказе народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28.07.42 говорилось:

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты врываются к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россoshь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немец-

ких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке, этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам, они напрягают последние силы; выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу...

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции, нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров

определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины. Таков приказ нашей Родины.

Верхнее Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

*Народный комиссар обороны
Союза ССР
И. Сталин*

Приказ до крайности суровый, но необходимый в ту страшную пору. Именно необходимость, а не жестокость увидел в нем и сам народ. Впервые за долгие-долгие годы люди услышали правду.

Вот что пишет о том времени простой солдат, артиллерист: «На всю жизнь помню смысл приказа Сталина, прочитанного вслух перед строем нашей батареи в небольшом перерыве между боями жарким летним днем в начале августа 1942 года... Не буква, а дух и содержание этого документа очень сильно способствовали морально-психологическому духовному перелому, если позволительно так выразиться, в умах и сердцах всех, кому его тогда читали и кто держал в те дни в своих руках оружие, а значит, и судьбу Родины, да и не только Родины — человечества. По-моему, главное в том, что людям, народу (приказ зачитывался всем войскам) мужественно сказали прямо в глаза всю страшную и горькую правду о той пропасти, на грань которой мы тогда докатились».

Были отступления и после приказа. Но это были уже другие отступления, когда каждый клочок советской земли враг оплачивал великими потерями.

Битва на Волге завершилась 2 февраля 1943 года. Красная Армия разгромила пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-ю и 4-ю танковую), две румынские (3-ю и 4-ю) и одну итальянскую (8-ю).

За 200 дней и ночей битвы на Волге противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 миллиона человек. Он лишился около 3,5 тысячи танков и штурмовых орудий, свыше 3 тысяч боевых и транспортных самолетов, более 12 тысяч орудий и минометов, 75 тысяч автомашин и пр. Такого количества людей и боевой техники было достаточно для укомплектования 75—80 дивизий.

Красная Армия зимой 1942/43 года отбросила немецко-фашистские войска на запад на некоторых участках до 600—700 километров, очистила от них огромную территорию в 480 тысяч квадратных километров, освободила миллионы поработанных гитлеровскими захватчиками советских людей. Стране возвращены были важные в экономическом и военно-стратегическом отношениях

районы, богатые нефтью, углем и хлебом. На освобожденной территории находились крупнейшие водные и железнодорожные коммуникации, связывающие центральные районы страны с южными районами и Закавказьем. Советские войска изгнали врага не только с территории, оккупированной им летом 1942 года, но и освободили ряд городов и районов, захваченных фашистами еще в 1941 году.

Агрессор, заливший кровью Европу, ввергший в вооруженную схватку человечество, начал познавать обратную сторону своего авантюризма. Ему еще предстояло испытать до дна горькую чашу. До победы над силами мрака и зла оставалось два года и неполных три месяца.

Московские новости, 1988, № 6

Эрнст Генри, журналист-международник

От редакции журнала
«Дружба народов»

Это не литературный прием и не журналистский ход — мы действительно решили опубликовать (с любезного разрешения автора, разумеется) копию письма, пролежавшего в его архиве более двадцати лет. Оригинал, как водится, был в свое время отправлен адресату, но по причинам, которые теперь уже трудно установить, ответа, к сожалению, не последовало.

Автор письма — старейшина корпуса наших журналистов-международников, коммунист с 1920 года, лауреат премии имени В. В. Воровского Семен Николаевич Ростовский, которого читатели знают по псевдониму Эрнст Генри.

Адресат — выдающийся советский писатель, публицист и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Государственных премий СССР Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967). Письмо это носит личный характер. Однако, имея в виду большой общественный интерес, который вызывают факты, приведенные в нем, выводы, сделанные автором, а также то обстоятельство, что сам факт существования этого письма был предан гласности в недавно опубликованных новых главах мемуаров И. Г. Эренбурга, нам представляется вполне корректной и публикация текста самого письма.

Книга воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», напечатанная первоначально в журнале «Новый мир», который в начале шестидесятых годов редактировал А. Т. Твардовский, сразу стала событием не только литературной, но и общественной жизни. Тому было достаточно оснований: широта охвата событий и по времени, и по общественно-политическому их резонансу, портреты и характеристики множества интереснейших людей, с которыми довелось общаться и дружить автору, открытый, а подчас и неллицеприятный характер суждений о сложнейших явлениях общественной жизни, современником и участником которых он был, небанальность оценок — все это не могло не привлечь внимания читающей публики,

ПИСЬМО «ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИСТА»

поставив произведения И. Эренбурга в ряд лучших произведений советской мемуристики. И еще одно важнейшее обстоятельство: в особую заслугу И. Эренбургу следует поставить то, что именно он первым нарушил многолетний заговор молчания вокруг имен многих выдающихся деятелей литературы и искусства, политиков и дипломатов, государственных и общественных деятелей, чья жизнь и деятельность были трагически оборваны в годы культа личности Сталина. При всем многообразии проблематики, затронутой автором, множестве исторических лиц, в полном смысле слова оживших на страницах его мемуаров (главы, посвященные И. Бабелю и В. Мейергольду, — яркое тому доказательство), было в них нечто, ставшее предметом горячих споров, дискуссий и размышлений, ибо это было то, о чем думали и говорили в советском обществе конца пятидесятих — начала шестидесятых годов практически все: личность И. В. Сталина и его роль в нашей истории. Как известно, состоявшийся в 1956 году XX съезд КПСС осудил явление, получившее название «культ личности Сталина». В постановлении съезда «О культе личности и его последствиях» Центральному Комитету КПСС было поручено «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным». На закрытом заседании съезда с докладом, в котором прямо говорилось о тяжелых ошибках и преступлениях И. В. Сталина в период его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, выступил тогдашний первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Оценка И. Г. Эренбургом личности И. В. Сталина не была однозначной, да и не могла быть таковой, — слишком противоречива была, с его точки зрения, фигура этого человека, три десятилетия стоявшего во главе

партии и государства. Однако даже эта неоднозначность, в которой к тому же превалировало явно негативное отношение, многим показалась недостаточной. Среди оппонентов И. Г. Эренбурга был и Эрнст Генри. Искушенный читатель обратит, конечно, внимание на известную односторонность суждений автора, в полемике, впрочем, может быть, и извинительную, но тем не менее не дающую возможности в полной мере оценить общую тенденцию развития советского общества как поступательно-го движения на пути к социализму — в 30-е годы был успешно выдержан курс на индустриализацию страны, многое сделано для укрепления ее обороноспособности, несомненны были огромные достижения советского народа в области культурного строительства. Однако эта односторонность, как нам кажется, не умаляет значения письма как исторического документа — а именно так, на наш взгляд, к нему следует относиться. В значительной степени отражая умонастроения советской интеллигенции шестидесятых годов, этот документ дает современному читателю представление о том, как глубоко переживали советские люди те негативные явления в истории нашей страны, которые так или иначе были связаны с именем И. В. Сталина. По соглашению с автором в тексте письма сделаны некоторые сокращения.

Илья Григорьевич!

Я принадлежу к тем, кто считает Вас одним из самых передовых писателей нашей страны. Как и другие, я особенно ценю Вас за то, что в трудные времена Вы стремились не гнуть спину и часто, когда другие молчали или лгали, вслух говорили правду.

Этим Вы завоевали себе место, которое у нас делят с Вами немногие, и этим прежде всего помянет Вас будущее. Каждый настоящий писатель или крупный публицист создает себе нерукотворный памятник, и Ваш построен на том, чтобы до конца не поддаваться неправде, даже в какой-то ее части. Я всегда думал, что Вы чувствуете это лучше многих других.

Тем более странно и непонятно было для меня прочесть некоторые Ваши вы-

сказывания о Сталине в заключительной главе Ваших воспоминаний в 4-м номере «Нового мира».

Вы откровенно пишете, что не любили и боялись Сталина, хотя и добавляете, что «долго в него верили». Вы не скрываете, не умаляете его «несправедливых, злых дел», его варварства, отмечаете, что при нем «мы не могли жить в ладу со своей совестью». Сказать это с Вашей стороны естественно: Вы говорите правду, и иного никто от Вас не ждал. Но в то же время, когда Вы теперь подводите итоги пережитому, в Ваших словах звучит нечто для меня неожиданное. Почти повсюду и, по-видимому, не случайно Вы переплетаете с мыслью о злых делах Сталина другую мысль: об его величии. Я перечитывал такие места, и мне стало ясно, что Вы делаете это сознательно. Зачем, Илья Григорьевич?

«Я хочу еще раз сказать молодым читателям моей книги, — пишете Вы, — что нельзя перечеркнуть четверть века нашей истории. При Сталине наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство... разбил армии Гитлера, победившие всю Европу... стал по праву героем XX века. Но как бы мы ни радовались нашим успехам, как бы ни восхищались душевной силой, одаренностью народа, как бы ни ценили ум и волю Сталина, мы не могли жить в ладу со своей совестью и тщетно пытались о многом не думать».

Вот это сплетение «зла и добра» в отношении Сталина и бросается в глаза. Оно повторяется несколько раз.

Выходит, что героизм советского народа как бы неотделим от несовместных с совестью дел Сталина. Не он ли своим злым, но «государственным умом, своей редкостной волей» и побудил народ на героизм? И Вы подчеркиваете эту уже возникшую в уме читателей мысль, говоря: «...я понимал, что Сталин по своей природе, по облюбованным им методам напоминает блистательных политиков эпохи итальянского Возрождения».

У Вас прямого вывода нет, но у многих он будет. Без Борджиа не было бы итальянского Возрождения, без Сталина не было бы превращения отсталой России в великое и героическое государство. Одно неотделимо от другого.

Это политически оправдательный приговор Сталину. И то, что выносите его Вы, Эренбург, трудно понять. Не Вам бы это делать, Илья Григорьевич.

Я знаю: Вы не политик и не историк, Вы художник. Вы говорите, как чувствуете, сказали Вы на одном собрании в ЦДЛ. Но ведь Вы очень много думаете о политике, о современности; сила Ваша как писателя именно в этом. Из художников слова Вы один из наиболее знающих, опытных и образованных. Вам известно очень многое о том, что было — было в действительности. Идти против совести Вы не хотите. Как же можете Вы, именно Вы, оправдывать Сталина, превращая его в некоего советского Борджиа или Макиавелли?

Хотелось бы, чтобы Вы меня поняли правильно. Дело не в метафизическом споре о том, может ли «зло» быть прогрессивным фактором в истории. Нет, я имею в виду совсем другое.

Беру на себя смелость сказать, что Ваша оценка роли и ума Сталина именно как государственного деятеля, а не как моральной единицы, совершенно расходится с исторической действительностью, с фактами.

Не стану говорить о многом, что известно всем, а Вам, в частности, лучше, чем мне. Тысячи книг будут написаны об этом и изданы у нас же, еще в нашем веке, может быть, даже скоро, скорее, чем думают. Я уверен в этом не только потому, что я оптимист, но и потому, что знаю по истории, как быстро и резко она — не всегда, но часто — восстанавливает истину и стирает ложь. Но пусть об этой, внутрисоветской стороне сталинских государственных дел напишут другие. Я коснусь только одного, того, что знакомо мне больше всего, — «ума и воли» Сталина в области международных и связанных с этим дел, того, какую роль сыграл он политически в судьбе нашей страны за ту четверть века, о которой Вы говорите...

Вы помните, Илья Григорьевич, — все мы из старшего поколения не можем забыть об этом, — как за несколько лет до войны с самым страшным врагом, который когда-либо противостоял России, было внезапно уничтожено или выведено из строя почти все основное ядро

высшего командного состава Красной Армии. По данным генерала Тодорско-го, было репрессировано:

из 5 маршалов Советского Союза	3
из 2 армейских комиссаров 1-го ранга	2
из 4 командармов 1-го ранга	2
из 12 командармов 2-го ранга	12
из 2 флагманов флота 1-го ранга	2
из 15 армейских комиссаров 2-го ранга	15
из 67 комкоров	60
из 28 корпусных комиссаров	25
из 199 комдивов	136
из 397 комбригов	221
из 36 бригадных комиссаров	34

Это неполные данные. Общее число репрессированных командиров Красной Армии не поддается учету. Если сосчитать только самый высший комсостав, от маршалов до армейских комиссаров второго ранга включительно, то окажется, что из 46 человек было выведено из строя 42. Если сосчитать всех и вывести среднюю цифру, то из каждой трех человек высшего командного состава Красной Армии жертвами стали двое.

Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин. Ум или воля?

...Разрешите еще один взгляд на сцену событий в 30-х годах, но теперь совсем с другого фланга.

Накануне войны Сталин резко ослабил силу Красной Армии, разгромив ее командный состав и испортив ее стратегические позиции. Укрепил ли он ее положение, по крайней мере, в тылу вермахта — в политическом отношении? Нет, он испортил ее позиции и тут, и об этом Вы тоже должны знать лучше многих других, Илья Григорьевич.

Гитлер пришел к власти и удержался у власти, потому что германский рабочий класс был расколот надвое. Раскололи его реформисты. Это тоже известно, но это полправды. Другая половина правды заключается в том, что расколоть рабочий класс Германии и на всем запа-

де Европы помог реформистам сам Сталин.

Я полагаю, Вы угадываете, что я имею в виду: знаменитую сталинскую теорию о «социал-фашизме». Кое-что в этой связи, мне кажется, Вы наблюдали во Франции и в Испании.

Сталин публично назвал социал-демократов «умеренным крылом фашизма». Еще в январе 1924 года он заявил: «Нужна не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашистской власти». Вы, может быть, забыли эти слова; Ваша область — искусство. Я не забыл, и не забыли миллионы старых коммунистов и социал-демократов на Западе. Но не Вам, Илья Григорьевич, не знать и не помнить, что происходило среди рабочих на Западе в 30-х годах.

Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой. Помните? Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ «о смертном бое». Приказ есть приказ, партийная дисциплина — дисциплина. Везде, как будто спитив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я хорошо это помню. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя, как дело идет прахом, как радуются социал-демократические лидеры, как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру. Сжимая кулаки, подчиняясь «уму и воле», шли навстречу смерти, уже поджидавшей их в эзесовских застенках. Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 году, но было уже поздно — Гитлер смеялся и над коммунистами, и над социал-демократами.

Когда же в 1939 году Сталин заключил пакт с Гитлером и приказал компартиям в мире тут же, моментально прекратить антифашистскую пропаганду и выступить за мирное соглашение с

Гитлером, стало совсем скверно. Я не хочу останавливаться на этом, Вы это помните. Сталин в то время уже не ограничивался разобщиением социал-демократов и коммунистов, теперь он начал дискредитировать и разоружать самих коммунистов на Западе! Еще два-три года — и компартии Запада были бы разрушены.

Да, «редкостная воля» была в наличии и тут. Она стоила нам огромных потерь...

Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли». Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал. Никогда, ни при каких обстоятельствах, никому в мире Ленин не простил бы такой политики...

Говорить об этом нужно во что бы то ни стало. Если Вы неизвестно почему вплетаете свои нити в клубок легенды о злом, но великом, то возражать нужно и Вам.

Я хочу довести эту цепь свидетельских показаний истории с предвоенных годов еще об одном, менее общеизвестном, — о случае с Шуленбургом.

Вы, как и все мы, знаете, что Сталин до конца, до последней минуты, слепо верил в слово Гитлера, данное в советско-германском пакте о ненападении. Вы пишете: «Сталин почему-то поверил в подпись Риббентропа» и, когда Германия напала, «сначала растерялся». Да, Гитлеру и Риббентропу он верил. Не поверил Зорге. Не поверил другим нашим разведчикам. Не поверил Черчиллю, предупреждавшему его через Майского и Криппса. И не поверил еще более осведомленному информатору.

Известно ли Вам, Илья Григорьевич, что за несколько недель до войны германский посол в СССР граф Шуленбург обратился к находившемуся тогда в Москве советскому послу в Германии Деканозову, другу Берии и доверенному человеку Сталина, и пригласил его к себе на обед для доверительной беседы?

Беседа состоялась. Присутствовали четверо: Шуленбург, его ближайший сотрудник советник германского посольства Хильгер (который впоследствии и рассказал обо всем этом), Деканозов и переводчик Молотова и Сталина Павлов. В Берлине об этой встрече ничего не знали. Уже после войны Хильгер сообщил в своих воспоминаниях, что Шуленбург очень боялся пойти на этот «отчаянный шаг», считая, что дело может кончиться судом в Германии за государственную измену. Тем не менее он себя пересилил. Предчувствуя, что война на два фронта в конце концов приведет Германию к разгрому, опытный немецкий дипломат старой школы, консерватор и националист, но не фашист, решился на все.

Он и Хильгер «открыли глаза» Деканозову. Они предложили ему передать Сталину, что Гитлер уже в ближайшее время может ударить по СССР. Это, безусловно, была государственная измена, и какая: посол сообщает правительству, при котором аккредитован, что его страна вероломно нападёт на их страну. Шуленбургу грозили за это смерть и несмыслимый позор.

Но как реагировали Деканозов и Сталин? «Наши усилия, — пишет Хильгер, — закончились полным провалом». Сталин не поверил Шуленбургу, как не поверил Зорге и Черчиллю. Он счел, что сообщение германского посла всего лишь хитрый ход со стороны самого Гитлера с целью вынудить Сталина пойти на новые уступки немцам.

«Чем дальше шло время и чем больше я наблюдал за поведением русских, — пишет Хильгер о последних неделях перед войной, — тем больше я убеждался, что Сталин не сознавал, как близко было угрожавшее ему германское нападение... По-видимому, он думал, что сможет вести переговоры с Гитлером об его требованиях, когда они будут предъявлены». Хильгер добавляет, что Сталин был готов к новым уступкам Германии.

Три года спустя Шуленбург был повешен на железном крюке в берлинской тюрьме Плетцензее за участие в заговоре генералов против Гитлера. Известно, что до этого он намеревался пере-

браться через фронт к нам, чтобы от имени заговорщиков договориться о прекращении войны. Гитлера и Сталина нет, Деканозов расстрелян, но Павлов жив. Если не хотите верить Хильгеру, спросите Павлова.

Сталин накануне войны совершенно запутался, никого не слушал, никому не верил, только себе. И в решающий момент оказался банкротом. Оттого, как Вы пишете, он и «растерялся вначале».

Выяснилось, что его рукой водил Гитлер. Несмотря на гигантский информационный и агентурный аппарат, который был в его распоряжении, аппарат, прекрасно сработавший в этот момент, несмотря на то, что его осведомителем оказался сам германский посол — неслыханный случай в дипломатической истории! — он был слеп, как крот. Почему? Ответ перед глазами: Сталин думал, что Гитлер ведет с ним игру, которая была привычна ему самому, в которой он всегда видел подлинное содержание всей политики, — игру в обман и шантажирование другого. Он хотел сыграть с Гитлером, как до этого играл со своими противниками в большевистской партии. А Гитлер уже двигал танки к советской границе. Для фюрера теперь речь шла уже не о том, чтобы обманывать и шантажировать, а о том, чтобы бить и бить.

Илья Григорьевич, не бросается ли опять Вам в глаза удивительное сходство Сталина со злосчастными царскими политиками нашего далекого прошлого? Он был хитер, о да. Но он не был, как заметил Раскольников, даже по-настоящему образован.

Я не могу и не хочу поверить, что Вы испытываете почтение к хитрости, Илья Григорьевич. Хитры были и многие царские министры (умен был, пожалуй, лишь один прогнанный царем Витте). Мало что дала их хитрость. Ведь как раз хитрость часто мешает быть умным. Человек, который видит вокруг себя только то, что в нем самом, только хитрость, очень часто слеп, каким и оказался Сталин накануне войны. Не Маккиавелли и не Борджиа он был, а потерявший голову политик, хитрец, которого перехитрили, игрок, которого переиграли. У этого человека под руками

был невиданный репрессивный аппарат, в его абсолютном подчинении — 170-миллионный героический народ, но Сталин не способен был к настоящему глубокому политическому анализу, в этом отношении он был второго сорта, и в критический момент он провалился.

...Это письмо выходит длиннее, чем я думал, и больше исторических свидетельств я приводить не буду. Но хочу подвести итог.

Вот, на мой взгляд, итог государственной мудрости Сталина к концу 30-х годов (как сказано, я говорю только об его международной политике и о том, что имел к ней прямое отношение):

1) Разгром командного состава Красной Армии накануне войны.

2) Срыв антифашистского единства рабочего класса на Западе.

3) Предоставление шанса Гитлеру покончить с Францией, Англией, нейтрализовать Америку, прежде чем наброситься на Советский Союз.

4) Отказ от серьезного укрепления советской обороны на путях предстоящего наступления вермахта.

5) Дискредитация западных компартий приказом отказаться от антифашизма в 1939 году.

6) Предоставление Гитлеру возможности внезапного ошеломляющего нападения на СССР, несмотря на наличие ряда достовернейших предостережений. Это только за четыре года — 1937—1941.

Одного из шести перечисленных пунктов было бы достаточно, чтобы совершивший подобный просчет политик, кто бы он ни был, где бы он ни жил, навсегда потерял свою репутацию и с позором был изгнан со сцены, как непригодный к делу. Я вспоминаю ведущих капиталистических политиков того времени, и по сравнимым масштабам политического провала мне приходит на ум только один — Чемберлен. И того Гитлер, который отнюдь не был каким-нибудь Бисмарком и доказал это, бросив Германию в войну на два фронта, тоже обвел вокруг пальца. Но Чемберлен провалился не только потому, что был слеп, а прежде всего потому, что им руководила ослепляющая

классовая ненависть к нам... У Сталина такого парадоксального «оправдания» нет. Но слова «государственный ум» в применении к нему в то же время звучат как издевательство.

Если же взять все шесть пунктов вместе, в сумме, в связи друг с другом, как это и было ведь в жизни, то найти аналогию такому просчету в нашу эпоху вообще трудно. Вряд ли в истории было много прецедентов политического банкротства такого масштаба. Еще раз — спас Сталина народ.

Да, «перечеркнуть четверть века нашей истории» действительно нельзя, как Вы говорите. Но нельзя и не видеть того, что было за эту четверть века на деле. Мне кажется, Вы чувствуете, что в Вашей двойственной оценке Сталина что-то не ладится, что где-то она себя отрицает. Вероятно, потому, говоря о победах и подвигах Советской Армии в эту эпоху, Вы замечаете: «Может быть, правильнее не «благодаря Сталину», а «несмотря (вопреки) на Сталина».

Да, вот с такой поправкой согласиться можно, несмотря на Сталина, «наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство». Несмотря на Сталина, он «разбил армии Гитлера». Несмотря на Сталина, он «учился, читал, духовно вырос, совершил столько подвигов, что стал по праву героем XX века».

Миллионы согласятся с таким выводом. Но где же тогда положительная половина Вашей оценки Сталина, Илья Григорьевич? Где тогда его макиавеллевское величие? Его «государственный ум»?

Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей...

Мне казалось, так смотрите на Сталина и на то, что было со всеми нами, и Вы. Я ошибался? Но тогда то, что Вы теперь пишете о Сталине, Вы пишете против себя.

Зачем Вам помогать в создании легенды о творившем добро злом советском Макиавелли? Вы говорите о требованиях совести: «Я стал бы говорить еще и о том, что требуется в интересах будущего коммунизма». Но если так, то надо разрушать, разоблачать ее, эту легенду. Надо сказать правду. Ведь Вы знаете, что спрятать ее не сумеет никто. Нельзя противопоставлять совести историю, она всегда мстит за это.

Я кончаю. Многие, очень многие в нашей стране и за рубежом Вам верят, Илья Григорьевич. Они были в душе с Вами, когда огонь направлялся на Вас, зная, что Вы говорите правду. Они продолжают быть с Вами. Мне кажется, что Ваша оценка Сталина — ошибка. Те из стариков, кто помнит, знает и еще думает, с Вами не согласится. Молодые Вас не поймут. Кто-то перестанет верить. Не поймут иностранные коммунисты, которые всегда Вас ценили. Не поймут и те, кто будет жить после нас, будущее не со сталинщиной. А ведь главную рецензию о Вас напишут они.

Скажу еще раз: Вы пишете против себя. Я ни секунды не верю в то, что Вы делаете это ради каких-то так называемых тактических соображений. Вы слишком умны для этого и не можете не знать, что такая тактика всегда неизбежно бьет бумерангом по тому, кто ее применяет. Простите за резкость, если она есть в этом письме. Если бы я не ценил Вас, я бы не писал.

30 мая 1965 года.

Эрнст Генри.

Post scriptum двадцать три года спустя

Журналист-международник, лауреат премии имени В. Воровского Эрнст Генри отвечает на вопросы корреспондента «ДН» Эдуарда Белтова.

— Не скрою, Семен Николаевич, по началу мне показался не вполне корректным сам факт публикации письма, оставшегося в свое время без ответа...

— Не могу сказать, что помешало глубоко уважаемому мною Илье Григорьевичу ответить мне. Могу только сожалеть по поводу того, что переписка не состоялась...

— ...И тем не менее, рассматривая это письмо как исторический документ, имеющий определенное общественное значение, хочу спросить вас: не изменилась ли ваша точка зрения — как никак прошло двадцать с лишним лет — на личность Сталина и его роль в нашей истории?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы предупредить возможные упреки в излишней, может быть, односторонности, о которой говорится в редакционном вступлении к тексту моего письма. Конечно же, невозможно говорить о фигуре Сталина, вырывая ее из общественно-политического контекста эпохи в целом. Говоря о наших достижениях в самых разных областях жизни — а в том, что они были реальностью в те годы, о которых идет речь, усомниться может только человек, сознательно закрывающий глаза на то, что выходит за рамки его представлений об историческом процессе, — говоря об этих достижениях, нельзя в известной мере не отнести их и к Сталину. «В известной мере» — значит, в той, какую он заслуживает. Ни больше и ни меньше. Другое дело, что в своем письме я на этой стороне вопроса не останавливался — и не потому вовсе, чтобы сгустить краски, а потому лишь, что это казалось мне само собой разумеющимся, да и предмет полемики, как видно из текста письма, был иным. Что же касается вашего вопроса — ни от единого слова в письме и сегодня, спустя двадцать с лишним лет, не отказываюсь. Скажу больше: размеры письма, и так получившегося достаточно длинным, не позволили мне сказать еще кое о чем, привести значительно больше фактов, подтверждающих мою точку зрения.

— Мне тоже показалось, что в тексте письма немного недостает конкретики, а ведь она в споре убеждает сильнее, чем общие рассуждения.

— Действительно, может быть, стоило подробнее сказать о том, во что кон-

кретно вылилась попытка Сталина подорвать перед войной международное коммунистическое движение. Не секрет, что репрессии против видных коммунистов, представлявших западные компартии и по тем или иным причинам оказавшихся в 30-е годы в СССР, начались еще до заключения пакта с Гитлером, то есть до 1939 года. Напомню, что уже в первой половине 1937 года были арестованы члены руководства Германской компартии Х. Эберлейн, Г. Реммеле, Г. Нойман, Ф. Шульте, Г. Киппенбергер, руководители Югославской компартии М. Горкич, М. Филиппович, а чуть позже и В. Чопич, вернувшийся из Испании, где он командовал 15-й интербригадой имени Линкольна. Тогда же были репрессированы выдающийся деятель международного коммунистического движения Бела Кун, целый ряд руководителей Польской компартии — Э. Прухняк, Я. Пашин, Ю. Ленский, М. Кошутская и многие другие. Это, повторяю, было до 1939 года. Ну а после заключения пакта с Германией Сталин просто-напросто выдал Гитлеру множество антифашистов, бежавших в нашу страну после 1933 года. Нельзя не упомянуть также и о таинственном исчезновении в те же годы «щуцбундовцев» — членов военизированной организации австрийских левых социал-демократов, в феврале 1934 года поднявших восстание против фашистов и реакционеров и после его поражения нашедших убежище в СССР. Видимо, Сталину очень не понравилось, что в Австрии возникал единый фронт коммунистов и социал-демократов. К сожалению, таких грустных фактов можно привести множество.

— Как известно, вождь германских коммунистов Эрнст Тельман к моменту заключения договора с Германией находился в тюрьме. Не мог ли стать факт заключения договора поводом для оказания давления на Гитлера с целью освобождения Тельмана?

— Очень может быть. Но Сталин этого не сделал, опасаясь, видимо, испортить отношения с Гитлером.

— Теперь вопрос, относящийся уже не к прошлому, а к настоящему и,

как знать, во многом, может быть, и к будущему: правильно ли мы поступаем, через много лет возвращаясь к такой трагической странице нашей истории, какой были годы культа личности Сталина? Что до меня, то я считаю, что понятие гласности, о котором сегодня так много говорят, должно трактоваться расширительно, то есть относиться не только к событиям сегодняшним, но и ко дню завтрашнему...

— Согласен с вами. Я прожил долгую жизнь, и практически вся история того, что впоследствии получило название «культ личности Сталина», прошла у меня перед глазами. Так вот, я анализирую события тех давних лет не для того, чтобы судить, а для того, чтобы попытаться объяснить, как могло случиться то, что случилось, объяснить поколению, которое идет следом за нами. Это очень важно, потому что, будучи вооружено знанием, будучи информировано до тонкостей, оно, надеюсь, не допустит повторений ошибок прошлого. Вы говорите о гласности, но ведь гласность без информированности — ничто! Приведу пример. Недавно умер В. М. Молотов, которого связывали со Сталиным долгие годы совместной работы, который верил Сталину беспредельно и остался верен до конца своих дней. Тридцать лет назад он подвергся суровой критике и тем не менее остался на позициях сталинизма. Он знал много, очень много, но так до конца своей жизни ничего и не сказал — ни народу, ни партии. Безусловно, Молотов был не чета авантюристам типа Ягоды, Ежова или Берии — мне известны случаи, когда он спасал от расправы тех, над кем завис нож сталинской гильотины. Но мало кто знает, что этот нож висел и над ним самим! В 1953 году были арестованы И. М. Майский, который, как вам известно, был во время войны послом в Великобритании, и трое сотрудников советского посольства в Лондоне, в том числе и ваш собеседник. Можно с большой долей уверенности сказать, что тогда готовился процесс против Молотова и что его и нас вместе с ним спасла только смерть Сталина...

— Как-то в разговоре вы назвали себя «историческим оптимистом даль-

него прицела», и в этой связи я не могу удержаться, чтобы не сказать: вы современник очень трудного века, бывший свидетелем переломных моментов истории, и вообще ваш жизненный путь, насколько мне известно, не был усыпан розами. В чем же корень вашего «исторического оптимизма»?

— Может быть, в понимании факта, кажущегося мне непреложным: переход к новому, молодому обществу, обществу будущего, неизбежно сопровождается драматическими, а порой и трагическими коллизиями. Остаться на высоте положения, не поступиться собственными принципами, жить не только повседневными заботами, но и заботами о предстоящем человечеству великом долгосрочном будущем — это и значит быть «историческим оптимистом». Старики, в особенности те, кто безвинно пострадал в свое время, могут спросить: зачем ворошить прошлое, беречь не вполне зажившие раны? Не лучше ли предать все это забвению и, встряхнувшись, продолжать бодро двигаться дальше? Молодые, которые не знают многого из того, что было в прошлом, могут сказать: а зачем нам это знать? Я бы ответил на эти вопросы так: перестройка общественного сознания, которая сейчас происходит в нашей стране, может и должна зиждиться только на абсолютном доверии, на полной уверенности в существовании в самых глубоких слоях общества непреходящих ценностей духовного и идейного характера. А в том, что такие ценности существуют, я глубоко уверен, так же как уверен в том, что правда, как бы горька она ни была, может быть только положительным фактором как при анализе исторического процесса в целом, так и при изучении роли в истории любой отдельно взятой личности.

Дружба народов, 1988, № 3

Андрей Мерцалов,
доктор исторических наук,
профессор, ведущий научный
сотрудник Института истории
СССР АН СССР

МИФ О ВЕЛИКОМ СТРАТЕГЕ

Я был уверен, что такая статья, как «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», появится, ведь перемены, начатые в нашем обществе, необратимы. Возврат к командно-административным и бюрократическим методам управления, к апологетическим оценкам роли И. В. Сталина уже невозможен.

Но письма защитников Сталина не случайны. Сохраняется сильная устная традиция. Те современники Сталина, которым был выгоден культ его личности, продолжают влиять на общественное мнение. Действуют и способность человеческой памяти забывать все отрицательное, ностальгия ветеранов, чья юность совпала с войной. Большую ответственность несет та историческая литература о войне, в которой господствует парадный стиль. Здесь законная гордость победителей переродилась в опасное самодовольство, фальшивую идеализацию недалеких пропагандистов. Оно сомкнулось с фальшивой идеализацией, которую осудил апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. Научные сотрудники, мемуаристы в условиях недостаточной демократичности и гласности обходили молчанием многие острые проблемы истории войны. Часть историков не хочет перестройки знаний о войне. Сказываются их авторитарное мышление, низкая профессиональная подготовка. Они с нескрываемой неприязнью встречают любые попытки восполнить пробелы в освещении прошлого.

В этой связи я выскажу некоторые соображения.

Роль того или иного лица в борьбе за победу непозволительно отождествлять с самой победой. Ее святость не делает святым любого причастного к ней. Об этой роли нельзя судить, ограничиваясь Днем Победы или Парадом Победы в июне 1945 года. Необходимо брать в целом всю войну и ее непосредственную предысторию.

Всемирно-историческое значение Победы никто из честных исследователей, в том числе и зарубежных, не ставит под сомнение. Земной цивилизации

угрожала страшная опасность в лице фашизма. Его разгром обеспечила коалиция государств и народов, но главная роль принадлежала советским людям. Нам пришлось выдержать наиболее тяжкие испытания. Борьбу один на один против фашистского блока в 1941—1944 годах и позднее при активном участии союзников наш народ под руководством Коммунистической партии вел в условиях культа личности. При этом я решительно отличаю культ от действительно необходимой в тех условиях централизации руководства. Народ и партия победили несмотря на культ и вопреки ему. Это обстоятельство еще больше подчеркивает величие Победы.

Факты истории поставили под сомнение не только величие Сталина, но и его политическую и стратегическую подготовленность.

Если обратиться к предыстории, то надо сказать, что с конца 1924 года, резко отойдя от политического курса Ленина, Сталин стал отождествлять фашизм, пацифизм, социал-демократизм. Это противоречило интересам рабочего класса и, по существу, интересам всего человечества.

Линия Сталина нанесла серьезный вред деятельности ВКП (б), зарубежных коммунистических партий, Коминтерна. Навредила она и советской внешней политике. Войну не удалось предотвратить, СССР вступил в нее, не имея ни одного союзника. Естественно, здесь действовали и иные факторы, но раскол рабочего и других демократических движений был главным.

По вине Сталина командным кадрам Красной Армии был нанесен огромный ущерб непосредственно перед войной. Враги, полагая, что Красная Армия стала «колоссом без головы», ускорили нападение на СССР. Характерно, что среди ведущих деятелей Красной Армии были репрессированы именно те, которые отстаивали прогрессивные взгляды, выступали за скорейшее оснащение армии, авиации и флота новейшей боевой техникой. Репрессии неизбежно усиливали среди командиров привычку «чутко прислушиваться к мнению начальства», сковывали инициативу,

без которой немислимы успешные военные действия. Армии в определенной степени удалось восполнить эти утраты. Они, однако, не могли не сказаться на ее боеспособности, особенно в первые месяцы войны. В 1941—1945 годах сложилась новая славная полководческая школа, история которой еще не написана.

Роковым действием Сталина и его советников был грубый просчет в оценке намерений противника накануне 22 июня 1941 года. Многие действительные соображения Сталина или те, которые приписывают ему отдельные авторы, при более глубоком рассмотрении оказываются ошибочными. Надежда на обязательство Германии по пакту 23 августа 1939 года была наивной.

Уже в 1938—1941 годах фашисты многократно демонстрировали свое полное пренебрежение любыми правовыми и нравственными нормами. Напомню лишь о захвате оставшихся чешских земель вопреки Мюнхенскому соглашению, только что подписанному Германией.

Сталин не хотел дать фашистам «повода» для нарушения пакта о ненападении. Но разве их до того останавливало отсутствие повода? Разве они не фабриковали сами эти поводы при нападении на Польшу и другие европейские страны? Старания «не дать повода» не помешали фашистам сочинить и ложь об «упреждающем характере нападения» на СССР.

С другой стороны, если была уверенность, что фашисты в 1941 году не нападут, то что могло бы изменить появление повода? Сталина беспокоила, далее, неподготовленность Красной Армии. Но знает ли военная история хотя бы один случай, когда армия имела стопроцентную подготовку? Можно ли было уповать на отличную подготовку в течение совершенно не гарантированных нескольких мирных лет и отказаться от немедленного приведения пограничных округов в состояние удовлетворительной готовности? Напомню, что наша партия еще в начале века пришла к выводу, что войны империалистами не объявляются, а начинаются внезапно.

Эта идея была отражена в наших армейских уставах, получила теоретическую разработку в трудах советских военных теоретиков уже на опыте агрессивных походов вермахта 1939—1941 годов.

Не может быть принята в качестве «извинительной» и ссылка на возможную неблагоприятную реакцию западных держав в случае мобилизации западных военных округов. Допустим, что это вызвало бы очередную волну анти-советской пропаганды. Но верх очень скоро взяли бы долговременные интересы этих держав.

Пишут о надежде Сталина на то, что Германия не нападет на СССР, пока не разгромит Англию. Но необходимо было учитывать, что обстановка резко изменилась по сравнению с аналогичной ситуацией 1914—1918 годов. В 1941 году фашисты не без оснований сочли Англию совершенно безвредной для себя и начали свой восточный поход. Сталин мог надеяться, что для приобретения запасов горючего Германия вначале пойдет на Ближний и Средний Восток. Однако все расчеты фашисты строили исключительно на доктрине скоротечных войн и свой очередной поход считали вполне обеспеченным.

Читатель вправе спросить, располагал ли Сталин этой информацией. Имевшейся информации было больше чем достаточно, чтобы выполнить элементарное требование — постоянная боевая готовность перед лицом агрессивного и опасного противника. Безнравственно скрывать, что фактор внезапности возникает не только вследствие профессионализма и подлости агрессора, но и по вине обороняющегося. Войска Красной Армии не были приведены в непосредственную боевую готовность. Нападение оказалось внезапным, что чрезвычайно усилило противника. Здесь кроется главная, если не единственная причина поражений в начале войны.

Красная Армия летом и осенью 1941 года оказалась на краю пропасти. На полях сражений погибли миллионы кадровых военнослужащих — основа армии и авиации, противник взял колосальное вооружение. Подобное повторилось в 1942 году. Сталинщина, т. е. отсутствие коллегиальности, самовластие

и произвол, некомпетентность, отрицательно влияла на ход войны вплоть до ее окончания. Преступные по своим характеру и масштабам просчеты побуждали Сталина к привычной практике: новым жестокостям, нечестным оправданиям, самовосхвалениям. В 1941 году козлом отпущения стало первое командование Западного фронта. Новые просчеты вызвали печально знаменитый приказ № 227 от 28 июля 1942 года. На этот раз Сталин обвинил, по существу, всех командиров и солдат в «недисциплинированности».

Доводы — «история отвела нам мало времени», «наша миролюбивая страна не могла приложить большие усилия в интересах укрепления обороны» — не имеют реальной основы. «В отведенное нам время» мы могли сделать много больше — и в военной экономике, и непосредственно в вооруженных силах, — если бы не допустили просчетов и самоуспокоенности, если бы следовали рекомендациям передовых ученых, а не заслуженных псевдопрофессионалов. И главное, по всем основным характеристикам вопреки упомянутым негативным явлениям Красная Армия ни в чем существенно не уступала немецкой. Наоборот, она, безусловно, имела громадные преимущества в идейно-политическом, нравственном отношении, выгоды обороняющейся стороны.

Ряд авторов сообщают о превосходстве вермахта в боевом опыте. Внешне это так. Но ложная трактовка действительно приобретенного опыта привела вермахт к грубой переоценке собственных сил и, в конечном счете, к краху. Степень же использования опыта современных войн Красной Армией зависела во многом от субъективных, но не объективных условий. Тезис о том, что вермахт при нападении на СССР опирался на военно-экономический потенциал всех стран, захваченных Германией или зависимых от нее, также не является выводом из серьезного научного исследования. В действительности вермахт в июне 1941 года лишь в незначительной мере использовал некоторые ресурсы этих стран. Когда же Германия привлекла большую часть этих ресурсов, она тем не

менее стала безнадежно отставать в военно-экономическом отношении от СССР.

Однолинейность мышления не позволяла Сталину охватить все составляющие сложной военно-политической обстановки в тогдашнем мире.

При нарушении ленинского принципа коллективности руководства другие политические и военные руководители часто оказывались не в состоянии направить события по правильному пути. Тяжелые последствия имела, например, ошибочная оценка намерений противника летом 1942 года. Красная Армия вынуждена была отступить до Волги и Кавказского хребта...

Порой приходится слышать нелепые утверждения, что якобы вообще не было нашей победы, поскольку ее добились такой великой кровью. Прошлого не переделаешь и не отменишь, хотя цена победы и была невероятной.

Стратег всегда оценивался по тому, сумел ли он победить малой кровью. Слова «пиррова победа» недаром пережили тысячелетия как нарицательные. Сохранить жизни — не только нравственная задача. Люди — главное достоинство нации. Ложный авторитет Сталина как «великого полководца» до сих пор держится в основном потому, что не уточнены общие потери СССР и Германии — главных противников враждебных коалиций (20 и 6 млн.), а главное — сведения о безвозвратных потерях Красной Армии (10 млн.) и вермахта (2,8 млн.). В печати приводятся и другие данные. Это имеет прямое отношение к профессионализму армий. И нуждается в серьезной оговорке. Многие авторитарные решения Сталина фактически способствовали противнику. Таково запрещение привести войска в непосредственную боевую готовность накануне 22 июня 1941 года, продолжение необеспеченного наступления весной 1942 года и другие.

Одни принимают число 20 млн. погибших как некую данность, не задумываясь над тем, возможен ли был иной исход. Другие вообще категорически отвергают какие-либо исторические альтернативы. Не исследован вопрос, какое влияние, прямое и косвенное, оказали эти неоправданные потери на последую-

щее развитие страны. Замечу, в частности: разве девизы «план любой ценой» и «победа любой ценой» не имеют общей методологической основы? И как долго еще можно следовать ущербному принципу «победителей не судят», не представляя себе, что он мог возникнуть лишь в то время, когда не существовало и зачатков общечеловеческих морали и права, а люди еще не научились соотносить цели и средства, необходимые для их достижения.

Советским людям приходилось воевать не только против внешнего врага, но и внутреннего — сталинизма и его носителей. Так же как сталинщина с ее грубыми искажениями социализма должна быть решительно отделена от марксизма-ленинизма, так должны быть отделены от искажений и героические действия советских патриотов фронта и тыла.

Прошлые жизненно необходимо для нынешнего дня, подчеркивается в редакционной статье «Правды», для решения задач перестройки. И если мы сегодня вглядываемся в свою историю критическим оком, то лишь потому, что хотим лучше, полнее представить себе пути в будущее.

Социалистическая индустрия, 1988, 15 мая

Анатолий Ежелев,
собственный корреспондент
газеты «Известия»

ДУШНОЕ ЛЕТО 46-го

Как принималось постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Многие из нас еще со школьного впечатлительного возраста помнят этот суровый документ — постановление ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Помнящих его — буквально миллионы! Ведь штудировали на уроках, в вузах вдальбливали, наизусть заучивали оценки, данные известнейшим литераторам и их произведениям, а оценки-то... Жутковатые были оценки. К тому ж — несдержанно-оскорбительные, особенно в отношении Михаила Михайловича Зощенко, названного — ни больше ни меньше — «пошляком и подонком литературы».

Крупнейший сатирик, читаемый всей страной, Зощенко обвинялся в «злостно хулиганском» изображении действительности, которое «сопровождается антисоветскими выпадами»; в том, что он «специализируется на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание». В том же духе говорилось и о стихах Анны Андреевны Ахматовой — «наносят вред делу воспитания нашей молодежи», а посему «не могут быть терпимы в советской литературе». То были словно бы даже не оценки, а — приговор. Доказательств его обоснованности, конечно же, не требовалось, поскольку он исходил от той высшей инстанции, чьи решения не оспаривались, не могли ставиться под сомнение.

Так вопреки принятой в 1925 году резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», где говорилось четко и ясно, что «партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела», постановление 1946 года официально закрепляло методологически противоположный подход. Именно партийно-административному аппарату, должностным лицам, независимо от их компетентности в творческих вопросах, принадлежало теперь право «от лица народа» ставить оценочное клеймо на произведения литературы, искусства, истолковывать их по собственному разумению, нередко убогому, развращенному сознанием своего все-

власть. Определяющей чертой культурной политики стал произвол. Кампания травли, начатая против литераторов, работе которых определенно свойствен был один недостаток — отсутствие конформизма и угодничества, — стала образцом этого узаконенного произвола.

Но разгромное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», по сути дела, оказалось лишь началом новой — послевоенной волны «разоблачений» и преследований. Вслед за литературой аналогичные «меры» были приняты в области кино (на примере фильмов «Большая жизнь» и второй серии «Ивана Грозного»), музыки (опера «Великая дружба»), театрального искусства (постановление «О репертуаре драматических театров»). А следующим шагом было уже репрессивное «ленинградское дело» — тяжелая драма в судьбе Ленинграда, еще не успевшего оправиться от фашистской блокады.

Возвращаясь памятью к событиям тех лет, невозможно уйти от гнетущего душу вопроса: что побуждало начать кампанию жестокостей почти сразу после великой Победы?

Сегодня мы пересматриваем многие исторические оценки. Осенью 1987 года в теоретическом и политическом журнале Центрального Комитета КПСС «Коммунист», в 15-м номере, была опубликована редакционная статья «Призвание социалистической культуры», где по поводу постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» сказано, что «по всему строю мыслей, по восприятию явлений литературы это было прямым отступлением от ленинских принципов руководства культурой», что такого рода отступления разных лет «дорого обошлись... всему народу, сказавшись на духовном и нравственном состоянии общества, на человеческой и творческой судьбе многих художников нашей многонациональной страны».

Статья в «Коммунисте» обострила отдающий болью интерес к событиям 1946 года. Многих интересует, как это видно по читательским письмам, принимал ли непосредственное участие Сталин в выработке тех положений, на которых основано «разгромное» поста-

новление о ленинградских журналах. Верно ли, что в обсуждении их работы на Оргбюро ЦК ВКП(б) участвовали Н. С. Тихонов, А. А. Прокофьев? Что они говорили? Что говорил А. А. Жданов, вообще, какова его роль в этом деле, в нагнетании атмосферы подозрительности и идеологической нетерпимости в послевоенные годы? Ведь многим памятно, что после убийства С. М. Кирова, т. е. с конца 1934 года, Жданов возглавлял Ленинградскую партийную организацию, а с лета 1944 года он — секретарь ЦК ВКП(б), ведавший вопросами идеологии, — и именно ленинградским литераторам первым довелось подвергнуться организованной травле и гонениям. Случайное ли это совпадение?

Есть, наконец, у этой истории и остросовременный момент. Как выразился в письме минский аспирант И. Климович, «несмотря на демократизацию и гласность, мы до сих пор остаемся данниками постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», все еще не отмененного»*. Да, с одной стороны, у нас гласность, публикуются книги, за знакомство с которыми в прежние времена можно было лишиться свободы, с другой же — еще не ушли в прошлое невежественное административное вмешательство в творческую жизнь, нелепые запреты, боязнь правды жизни, ее критического осмысления в печати и искусстве. Где-то обкорнали фильм «Покаяние», вырезав «опасные» сцены. В другом месте обкомовский куратор «убедил» главрежа отказаться от постановки новой пьесы Михаила Шатрова. В третьем положен на полку разоблачительный документальный фильм. Где-то еще сводят счеты с «несговорчивым» корреспондентом... В каждом из подобных фактов — непреодоленное, готовое снова и снова драться за сохранение своих позиций прошлое, в каждом — мертвящий дух авторитарности, так откровенно явивший себя в событиях 1946 года и так втравившийся в социальный организм на годы, десятилетия...

* 20 октября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС отменило как ошибочное постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“».

Пора узнать о них правду, о тех «делах давно минувших дней», познаться, наконец, с тем, как готовилось постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», из каких доводов и «аргументов» рождались его обвинительные формулировки, — и тогда современник сам сумеет оценить, чего стоит этот «исторический» документ, определявший всю линию официального отношения к литературному творчеству, к журналистике и культуре.

По чьей инициативе был поднят в ЦК вопрос о литературе? Кое-кому кажется, что на И. В. Сталина валят сегодня много лишнего... Поэтому сошлюсь на сообщение А. А. Жданова. 15 августа 1946 года, т. е. на следующий день после принятия постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», специально прибывший в город на Неве «для разъяснения» Жданов выступил с докладом на городском партактиве, где сказал: «Этот вопрос на обсуждение Центрального Комитета поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично в курсе работы журналов... и предложил обсудить вопрос о недостатках в руководстве этих журналов, причем сам лично участвовал в этом заседании ЦК и дал руководящие указания, которые легли в основу решения». (Стенограмма доклада хранится в партархиве Ленинградского института истории партии — филиала ИМЛ при ЦК КПСС).

Значит, вопрос обсуждался на заседании, да еще при участии самих литераторов, — стало быть, коллегиально...

Что ж, об этом заседании есть кому рассказать.

Ленинградский писатель и журналист Д. А. Левоневский присутствовал на нем, более того — сделал запись заседания, после возвращения из Москвы прочитанную и уточненную другими писателями, бывшими на заседании в ЦК. Бывалый газетный репортер, Левоневский владел скорописью и не мог не сознавать значения происходящего.

Оригинал записи Дмитрий Анатольевич недавно передал на хранение в рукописный фонд ИРЛИ (Пушкинского дома).

Предоставим слово Д. А. Левоневскому.

— Всю блокаду я пробыл здесь — воевал на Ленинградском фронте, работал в дивизионной газете «Сталинское знамя», с местопребыванием редакции в Невской Дубровке, и даже для работы заместителем у Бориса Лихарева — редактора журнала «Ленинград» — был не демобилизован, а «прикомандирован». Армейскую форму снял только весной сорок шестого. А в начале августа был тот памятный вызов в Москву.

Ехали мы вшестером: В. Саянов, много лет редактировавший «Звезду», А. Прокофьев, Б. Лихарев, П. Капица, Н. Никитин и я. Зачем — никто толком не знал. В обкоме, когда выдавали командировочные, сказали лишь, что будут обсуждаться ленинградские журналы. Кем обсуждаться, в какой связи, к чему готовиться — все это оставалось загадкой и, не скрою, беспокоило нас.

В Центральном Комитете нас тотчас проводили в приемную к Жданову. У Жданова находился товарищ по фамилии Александров, как я понял — заведующий отделом агитации и пропаганды. Но и тут мы не узнали ничего конкретного о предстоящем обсуждении. Только ответили на несколько вопросов об авторах наших журналов.

Насторожили слова Александрова: «Просьба из гостиницы «Москва» никуда не уходить. На заседание вас вызовут».

— А если нужно? — осторожно осведомился Прокофьев.

— В обеденное время можно пройти в столовую ЦК, талоны получите у коменданта, — отвечает Александров. — В остальное время быть на месте.

— Вдруг кто-нибудь придет? — спрашивает Саянов.

— По телефону не разговаривать. Никого из московских писателей не приглашать. Ни с кем в контакты не вступать.

Уходим ошарашенные... Не утешил нас даже роскошный обед из четырех блюд, показавшийся сказочным пиршеством после постных ленинградских трапез. Не покидала тревога: отчего такие неслыханные строгости? Никому

не звонить... Не вступать в контакты...

К чему бы это?

Так мы протомились в неведении два бесконечно долгих дня.

Девятого августа раздался звонок: «В 19.30 явиться в бюро пропусков. Иметь при себе паспорт, партбилет, командировочное предписание».

Явились минута в минуту.

Прошли через пять пунктов проверки, где каждый проверяющий, в звании не ниже капитана, долго и пристально вглядывался то в наши лица, то в фотокарточки на паспортах.

И вот мы в холле зала заседаний Оргбюро ЦК. Появляется запыхавшийся, веселый Алеша Сурков, здоровается с ленинградцами и каждому дарит книжечку Библиотеки «Огонька» с грустным портретом Михаила Зощенко на обложке.

— Читайте, ребята. Фронтовики смех уважают...

Только после заседания, перелистывая книжечку, я натолкнулся на маленький детский рассказ «Приключения обезьяны», с которым связывают такие драматические события в истории нашей послевоенной литературы...

Но вот прозвенел звонок, и нас пригласили в зал с расставленными в шахматном порядке столиками.

Впереди, за столом президиума, — Сталин, Жданов, Александров. Остальные руководители — на своих местах в зале.

Открыл заседание Жданов.

Жданов. За последнее время ленинградские журналы «Ленинград» и «Звезда» стали печатать слабые произведения, например роман Леонида Борисова «Волшебник из Гельгю» *. Это весьма отвлеченная фантазия, характеризующая уход писателя от современности. Автор соглашается в своей повести с А. С. Грином и с его глупыми и вредными взглядами, будто бы осуждая его позицию, если взглянуть на нее глазами инженера или ученого.

Другой писатель, Кнехт, описывает какого-то коллекционера икон...

Писатель Ягдфельд в пьесе, напечатанной в «Звезде», идеологически стоит на уровне обывателя-гимназиста. Этот же журнал опубликовал повесть Геннадия Гора «Дом на Моховой». Каждая ее страница — это рассудочные сентенции «по поводу» героя произведения, художника, а за словом — пустота, равнодушие и пассивность.

В поэтических произведениях журнала рассеяно упадничество и пессимизм... Вот Ахматова пишет — сплошная тоска о прошлом. Такая же тоска у Ильи Садофьева в стихотворении «Терпкое вино». В стихах М. Комиссаровой снова грусть: «Зароют в землю голос мой...»

Есть и критические описи. Вот статья С. Спасского — вредная чепуха. Об Ахматовой говорится «недосягаемый образец», ее слова — «присяга всей русской литературе». Все это публиковалось в «Звезде» за последние годы. Исключение только одно — хорошая пьеса Б. Лавренева (имелась в виду пьеса «За тех, кто в море». — А. Е.). Совершенно исключительно вредное произведение М. Зощенко об обезьянке, прыгающей по плечам и головам стоящих в очереди. Ей скучно среди людей и их глупых порядков. Это о распределении продуктов в продовольственном магазине, о милиционерах. Общество изображено нелепо. «Я воспитал ее, как человека» (говорит в рассказе мальчик. — А. Е.). Следовательно, обезьяна — пример для человека.

Сталин. А каков автор? К какому разряду зверей принадлежит?

Жданов (продолжает). Журнал «Ленинград» печатает слабый материал. Вот поэт Сельвинский в сожженном Севастополе не видит ничего... кроме одной женщины...

Сталин. Материалу не хватает...

Жданов. Есть стихи о восстановлении Ленинграда — пародия Флита и Хазина на пушкинского Онегина, который идет по городу. Онегина перед тем обокрали и назвали идиотом. Вот все, что он увидел через сто лет.

* Выступления на заседании публикуются с сокращениями.

В чем причина ошибок?

Ошибок таких писателей, как Зощенко и Ахматова? Группа писателей наших попала под влияние мелко-буржуазной идеологии, враждебной нам литературы. Кроме того, редактора утратили бдительность.

Какой вывод можно сделать? Улучшить работу редакции журнала «Звезда». Ввиду отсутствия должных литературных сил для издания двух журналов издание «Ленинграда» прекратить. Впредь до улучшения обстановки и притока новых кадров.

Собрать писателей и разъяснить им суть создавшегося положения.

Прошу высказываться.

Первым взял слово В. Саянов. Он говорил о трудностях первого послевоенного года, о том, что многие ленинградские писатели погибли на фронте или умерли в дни блокады, другие «застряли в эвакуации, переселились в Москву. Затем покаялся: «Главная, я думаю, моя личная ошибка — в публикации рассказа Зощенко». На что последовала реплика Сталина: «Это пустейшая штука, не дающая ничего ни уму ни сердцу. Это рассказ с похмелья. Балаганная штука». Посетовав, что после военных невзгод часть литераторов расслабилась, Саянов тем не менее взял на себя главную ответственность за неудачи «Звезды».

Редактор журнала «Ленинград» Б. Лихарев тоже сослался на неизбежные трудности, хотя и согласился, что «правильно критикуют нас, даже слишком мягко».

Выступивший за ним председатель правления Ленинградской писательской организации А. Прокофьев, по словам Левоневского, сумел несколько разрядить напряженную атмосферу заседания, процитировав к месту смешные частушки. Сталин задал ему несколько вопросов о работе редакции «Звезды», о целесообразности иметь в городе два журнала. Прокофьев заявил, что у ленинградцев есть силы, чтобы «поднять два журнала». Когда же он, осмелев, заявил: «Хочу сказать в защиту Марии Комиссаровой», Сталин резко перебил его...

Сталин. А как Ахматова? Кроме старого, что еще у нее есть?

Прокофьев. Она уже старая, ее не переделаешь.

Сталин (строго). Тогда пусть печатается в другом месте.

Прокофьев. А вот «Знамя» печатает даже то, что мы отвергли из стихов Ахматовой.

Сталин. Доберемся и до них.

Жданов. Слово Н. Тихонову.

Тихонов (заметно нервничая). Журнал «Ленинград» — это не журнал маленького города. Мы все отвечаем за ошибки редакторов, но писатели-ленинградцы в первую очередь должны болеть за свой журнал, отстаивать его. Много писателей-ленинградцев погибло на фронте, однако подросли и молодые авторы. Сегодня уже есть такие, кто заменяет ушедших из жизни. Журнал «Ленинград» должен существовать.

...Ахматова — это особое явление. Молодое поколение думало, что она умерла. А она жива. Но она мало написала. (И снова возвращаясь к вопросу о двух журналах). Закрывать журнал «Ленинград» не надо. Если мы потеряем «Ленинград», то это означает, что мы потеряли кусочек советской культуры, «пятачок» во фронтовом смысле, за который мы недостаточно стойко боролись.

Во время выступления зав. отделом ЛГК ВКП(б) И. М. Широкова Жданов бросил ему упрек, что ленинградцы-де «сами избили Зощенко в годы войны, а сейчас вдруг его же ввели в рядколлегия „Звезды“». Под словом «избили», скорее всего, имелась в виду статья четырех ленинградских авторов в журнале «Большевик» № 2 за 1944 год, где Зощенко как автора повести «Перед восходом солнца» называли «пошляком», «хамом», «наглецом» и обвиняли, что он написал «галиматью, нужную лишь врагам нашей родины». Недели позже, на партактиве в Ленинграде, Жданов снова принялся «распекать» партийное руководство города за включение Зощенко в состав рядколлегии, опять припомнив статью в «Большевике». Причем о самой статье он сказал, что в горькоме, дескать, не

могли ее, эту статью, не зная, поскольку она «была помещена с ведома, по инспирации (!) Ленинградского горкома», возглавлявшегося в ту пору им же — Ждановым. Иными словами, Жданов был причастен к появлению той статьи!

Вишневский. Мы, ленинградцы, первыми ударили по Зощенко, который всегда выволакивал старое, грязное белье. Писал об инвалидах, пивных, милиционерах и т. д.

Сталин. Он проповедник безыдейности...

Александров. Злопыхатель...

Жданов (*читает цитату из рассказа «Приключения обезьяны»*). «...Зря покинула зоосад, там легче дышится».

Вишневский. В блокаде, под огнем делали мы коллективно журнал «Ленинград», он бесконечно дорог нам.

Сталин. Это орган Зощенко.

Вишневский. Ленинградцы должны сохранить журнал, а Зощенко закрыть ход туда.

Сталин. Ленинград останется и без журнала, а пока плохо пишут. Не те люди пишут.

П. С. Попков (*первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии*). Правильно критиковали журналы. Главная причина — не было руководства со стороны городского комитета и Союза писателей. Мы не удосужились на бюро ГК поставить эти вопросы.

Все чувствуют авторитет Зощенко. [Писатели] сами его предложили в редколлегиях. Он пишет ерунду, а вы боитесь сказать ему правду. Вы берете его под защиту — и Зощенко, и Ахматову.

Левоневский. В «Ленинградской правде» похвалили Зощенко безудержно.

Попков. Да, похвалили, и неправильно. У нас работает бригада по журналам... Но ЦК нас опередило.

Теперь о журнале «Ленинград». Я считаю также, что нужно оставить в Ленинграде один журнал.

Сталин. Писатели думают, что они политикой не занимаются...

Маленков. Они сдали «Звезду» Зощенко, утвердив его членом редколлегии.

Сталин. Некоторые думают, что политика — дело правительства и ЦК. Написал человек красиво, и все. А там есть плохие, вредные места, мысли, которые отравляют сознание молодежи. В этом у нас и расхождение с писателями, занимающими руководящие посты в журналах. Мы требуем, чтобы наши писатели воспитывали молодежь идейную, а Зощенко — проводник безыдейности. Почему я недолюбляю людей вроде Зощенко? Потому, что они пишут что-то похожее на рвотный порошок. Можем ли мы терпеть на посту руководителей людей, которые это пропускают в печать!

Зощенко пишет, другие заняты — мало пишут. Вот он и «воспитывает», а все это называется аполитичным отношением со стороны руководителей.

...Не может быть правилом — никого не обижать. Если у Ахматовой есть чепуха, а у вас нет мужества прямо про это сказать, зачем поэтессу-старуху приспособливать к журналу? У нас журнал не частное предприятие... Он не имеет права приспособливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наш строй. Кто не хочет перестраиваться, например Зощенко, пускай убирается ко всем чертям. Не нам же переделывать свои вкусы, не нам приспособливать свои мысли и чувства к Зощенко и Ахматовой.

Разве Анна Ахматова может воспитывать?

Разве этот дурак, балаганный рассказчик, писака Зощенко может воспитывать?

Надо не считаться с авторитетом Зощенко и других, сказать им правду в глаза. Поэтому и редакторов нужно таких подбирать, которые считались бы с интересами государства.

Что касается журнала «Звезда», то здесь было напечатано много хорошего, но плохого еще больше... В другом журнале, «Ленинград», вижу, материала не хватает. Не слу-

чайно, что вышли сдвоенные номера. Может быть, лучше, слив журналы, объединить писателей? Пойдут дела хорошо — можно открыть второй, и третий, и даже пятый журнал.

Что касается тех, кто возвращается с фронта, мы не должны их ставить на литературный пьедестал, ведь среди них есть и такие, что пишут плохо. Пусть это не смущает — не на ордена надо смотреть, а на то, как и что пишут.

Вы думаете, они на фронте многому научились?

У нас двенадцать с половиной миллионов стояло под ружьем, разве можно предположить, что они все ангелы? Пишешь хорошо — почет и уважение, плохо — учись писать лучше...

Жданов. Предлагаю утвердить решение секретариата о создании комиссии.

Сталин. Пусть в комиссию будут включены ленинградцы.

Жданов. Троих достаточно? Прокофьев, Саянов, Капица...

Сталин. Они обсудят, что надо записать в постановление.

Жданов. Переходим ко второму вопросу...

...Вторым вопросом на том заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) было обсуждение «идеологических ошибок», допущенных в кинофильмах «Большая жизнь» и «Иван Грозный» (вторая серия). На слова Жданова, что ленинградские писатели «могут быть свободны», Сталин заметил: «Пусть они останутся, им же интересно послушать о кино?»

Надо отдать должное дерзости Д. А. Левоневского: он сделал краткую запись выступлений и по этому вопросу, хотя какой-то товарищ, сидевший рядом, еще в начале заседания строго предупредил: «Что здесь говорится, записывать не положено». Более сорока лет Дмитрий Анатольевич хранил эти записи подальше от чужих глаз, не показывал никому. Теперь решился опубликовать: пришло время правды. И пора наконец дать ответ, что же произошло тогда, в августе 1946-го.

Профессор И. С. Эвентов, известный ленинградский критик и литературовед,

в августе 1946-го — сотрудник ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), был участником того «исторического» собрания литераторов, на котором с докладом выступал Жданов. Его мы попросили рассказать, как было воспринято постановление ЦК в Ленинграде.

— Первое по-настоящему мирное лето... Ни с запада, ни с востока больше не гремело. Казалось, теперь-то начинается по-настоящему счастливая жизнь, светлая и открытая, как сама душа народа, пережившего такую войну, народа-победителя. Обстановка настаивала на то, что в нашей жизни будет больше свободы, меньше всяких подозрений и запретов. Такие настроения возникли на исходе войны, когда в сознании людей возросло значение вечных человеческих ценностей, вытесняя все наносное, вторичное. Помните, какие тогда появились песни, стихи...

Может, сталинское руководство именно это и беспокоило — распространившийся в обществе дух либерализации?

В день 7 августа, после открытия памятника Александру Блоку на Литераторских мостках Волкова кладбища, мы провожали А. А. Ахматову до ее дома на Фонтанке. Прощаясь, я поздравил Анну Андреевну с выходом ее новой книги — у директора Гослитиздата я уже видел сигнальный экземпляр этого сборника. Ахматова в ответ только усмехнулась.

— Поздравлять рано, — сказала она. — У меня, знаете, дурное предчувствие.

На блоковском вечере в БДТ имени Горького Ахматова читала свои стихи, и зал стоя устроил ей долгую овацию, выделив ее из всех выступавших, литераторов и артистов. Можно ли было принимать всерьез ее предчувствия... Впрочем, уже на том вечере среди писательской братии не без некоторой тревоги обсуждалась новость насчет вызова в Москву, в ЦК, шести наших литераторов. Потом пошли неясные слухи, которым не хотелось верить.

Все разъяснилось 15-го, когда состоялся городской партактив с участием Жданова. А на следующий день пригласили в Смольный и нас — писателей,

журналистов, представителей творческой интеллигенции.

С чувством тревожного ожидания входили мы в беломраморный Актный зал Смольного, где Лениным была провозглашена Советская власть,— ведь все уже знали, какие резкие, по большей части несправедливые обвинения по адресу многих ленинградских писателей прозвучали накануне. Что-то будет при очной «встрече»? То, что вопрос в ЦК был поставлен самим Сталиным, что эта жестокая критика связана с какими-то его указаниями, о чем Жданов уже сказал, придавало происходящему прямо-таки зловещий смысл. Такая критика не могла не иметь самых серьезных последствий. Значение, которое придавалось этой критике, показывал и сам факт экстренного приезда Жданова — секретаря ЦК ВКП(б), двух подряд собраний с его участием. А ведь все это было в такой момент, когда, казалось бы, надо поднимать весь народ прежде всего на преодоление послевоенной разрухи, а не на литературные битвы. Но почему все вдруг так страшно повернулось? Так несообразно самому ходу жизни?..

Думаю, что большинство, как и я, ничего не понимало, разумных объяснений не имело. Мы были просто подавлены тем, что происходило. Все наши радужные ожидания рушились.

И вот Жданов выходит на кафедру. По бортам аккуратно выложены две стопки книг и журналов с торчащими из них закладками. Используя по ходу доклада очередной источник, он с презрением отшвыривал в сторону журнал или том как нечто недостойное быть на виду.

Наблюдать все это было тягостно даже в те времена. Не говорю уж о крайне низком уровне анализа литературных произведений, о преднамеренности приводимых примеров из стихотворений или прозы, необоснованности истолкований и выводов. В этом смысле трактовка пятистраничного детского рассказа «Приключения обезьяны», написанного, разумеется, без всяких «подтекстов», доведена до абсурда. Ведь маленькой мартышке и в самом деле легче жить в клетке зоосада, чем среди лю-

дей, чьи порядки ей незнакомы и чужды, а в интерпретации Жданова — это уже хула на советский строй, выраженная эзоповым языком...

— Давайте,— предложил я И. С. Эвентову,— приведем дословно некоторые высказывания докладчика — по моим выпискам из стенограммы. Например, о том же рассказе Зощенко. «„Приключения обезьяны“ тянет нас к звериному в то время, когда одна из основных задач советской культуры заключается в том, чтобы ликвидировать зверя в человеке. Мы ведь знаем, какие люди культивировали возврат к звериному... насаждали звериное и истребляли все человеческое. Вот и теперь Зощенко призывает нас к обезьяне как высшему судье советских порядков и советского быта... Как мы позволяем танцевать на наших глазах дикий каннибальский танец на нашем прекрасном ленинградском теле?» Это уже попытка «пристегнуть» Зощенко к идеологии фашизма... А вот что было сказано об Ахматовой: «Это поэзия... диапазон которой расположен между будуаром и молельней», «Я вас уверяю, что такого рода представительниц поэзии нельзя пускать в советский огород, потому что некоторые девушки будут кончать самоубийством. А кто будет отвечать? И вы будете нести ответственность». Неворотно... Но еще страшнее Жданов выразился на партактиве в отношении поэта-юмориста Александра Хазина: «Я считаю, что Хазина надо подвергнуть общеленинградскому бойкоту, либо кошачий концерт устроить, либо стекла побить...» Публичный призыв к погрому — из уст секретаря ЦК!..

— То, что пережили Зощенко, Ахматова,— заметил профессор,— может, похуже всякого погрома с битьем стекол... Они были исключены из Союза писателей и, значит, помимо прочего остались без продовольственных карточек, что в то голодное время было катастрофой. Их перестали печатать, лишив заработка. Зощенко пробовал подрабатывать на хлеб в сапожной артели. Начатая в газетах и по радио травля переросла в затяжную кампанию, она коснулась многих литераторов, не только упомянутых в выступлениях Жда-

нова. Скажем, Н. С. Тихонова, когда-то вместе с Зощенко входившего в литературную группу «Серapiоновы братья», сместили с поста председателя правления Союза писателей СССР. Поэта Всеволода Рождественского перестали печатать только потому, что тот в молодости жил в одной комнате с Тихоновым и иногда заходил с ним на собрания «Серapiоновых братьев». Стихи Ольги Берггольц не пропускали в печать, припомнив, что она как-то высказывалась за присуждение Сталинской премии Анне Андреевне Ахматовой...

Смерть Сталина, XX съезд партии и недолгая «оттепель» после него не очень-то изменили официальное отношение к опальным литераторам. Их плохо печатали. «Реквием» Ахматовой так и не был опубликован при ее жизни. «Повесть о разуме» — вторая часть опубликованной еще в 1943 году автобиографической эпопеи Зощенко «Перед восходом солнца» — была издана только через 14 лет после его смерти. Да что вспоминать давнее, если в 1983 году редакции журнала «Звезда» не разрешили напечатать мою статью «В. В. Маяковский и М. М. Зощенко», объяснив, что, дескать, еще никто не отменял постановление от 1946 года... И верно — оно не отменено. Главное — у многих в душах «не отменено»!

— Исаак Станиславович, почему все-таки первый послевоенный удар пришелся именно по Зощенко и Ахматовой? Почему — по Ленинграду? Ведь не случайно же...

— Случайных решений в политике не бывает... Есть притча: трость Фразибула срубает самые высокие колосья, — так было, конечно, и здесь.

Сейчас в выступлениях нашей печати послевоенные «разоблачения» и преследования рассматриваются как спланированная система мер по защите и укреплению созданного Сталиным режима авторитарной власти. Уже можно было кончать с теми интеллигентскими «вольностями», на которые Сталин вынужденно пошел в трудный час войны. В этом отношении Ахматова и Зощенко, конечно же, не могли не навлечь на себя удар. Ахматова, которая не печаталась почти два десятилетия, объявленная вы-

разительницей настроений «отжившего мира», вдруг зазвучала в дни войны прекрасными патристическими стихами, а вскоре и ее лирика прежних лет широко пошла в различных изданиях. Более того, в 1946-м в Москве были организованы поэтические вечера Анны Андреевны, которые прошли, по выражению Константина Симонова, «с головокружительным, отчасти демонстрационным триумфом». А ведь это был триумф литератора, напрочь лишённого конформизма! Не был конформистом и Михаил Зощенко — ведь он был сатирик, он не восхвалял, а — бичевал! И при этом стал популярнейшим автором. Его нарасхват печатали журналы и газеты, его читали по радио и с эстрады, в театрах шли его пьесы. Сатирику такое не могло проститься!

Вдобавок и Зощенко и Ахматова были частицей Ленинграда — города, любимого народом за его дивную красоту, за революционность, за особую роль в отечественной культуре и науке, а равно и в индустриальном развитии, — словом, города, который, хочешь не хочешь, по своему значению в жизни державы выбивался из ряда областных. Он соперничал со столицей как духовный центр нации, что не могло нравиться Сталину, безраздельной власти которого нужна была только строгая государственная централизация. Изумившее весь мир мужество ленинградцев в дни блокады еще больше возвеличило город Ленина. Но когда речь идет о тиране, это повод лишь для новых подозрений и мстительных чувств.

Да, для Сталина Ахматова, Зощенко, Ленинград были как бы единой линией, и эту упрямую прямую хотелось согнуть дугой, подвести к своему сапогу. Недаром двумя годами позже ничтожная анонимка была использована для развязывания кровавого «ленинградского дела», в ходе которого были репрессированы тысячи руководящих работников, крупных специалистов, ученых, деятелей культуры. То было не просто избивание кадров — сюда на все ключевые посты в партийном и советском аппаратах были присланы работники из других мест. Так «опасный»

ленинградский дух вытравлялся и выжигался огнем.

Ну а начиналось, понятно, с интеллигенции. С писателей, с журналов. Вроде бы просто с критики.

...К сказанному профессором И. С. Эвентовым хочется добавить следующее. То, что по инициативе Сталина было сделано с Ленинградом в те годы, после войны и блокады, отнявшей у города миллион жизней, нанесло его духовной традиции жестокий, как отмечают многие, и по сегодня ощущаемый урон. А это потери, думается, не только ленинградские!

Не забудем же, чем начиналась послевоенная драма.

Известия, 1988, 21 мая (с дополнениями)

Александр Афанасьев,

обозреватель газеты
«Комсомольская правда»

ПОБЕДИТЕЛЬ

В январе 1945-го Алексей Александрович Кузнецов был избран первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. Это, по сути, явилось признанием его роли в обороне города, в прорыве блокады, в победе над врагом. Через четыре года он был репрессирован по «ленинградскому делу»...

Как раз в эти тяжкие для всей семьи Кузнецовых месяцы дядя Сима привез в Москву из Ленинграда очень модную игру «дженкинс». Семья садилась за обеденный стол, делилась на две команды. Одна команда вытягивала на столе руки. Другая должна была угадать, у кого и под какой рукой монета или кусочек бумаги. Гипнотизируя по очереди взглядом игроков, капитан второй команды кричал: «Снять!» Руки поднимались. Бумаги (или монеты) не было. Все участники игры весело смеялись. А капитан кричал вновь: «Снять!»

И опять повторялось все.

Семья не знала, не могла знать, что в те же месяцы другие игроки и за другими столами разыгрывали иную игру — не столь невинную.

15 февраля 1949 года секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов пришел, как всегда, на работу и обнаружил на своем столе бумагу, из которой явствовало, что он от занимаемой должности освобожден.

В этот день, 15 февраля, преемник А. А. Кузнецова в Ленинграде, первый секретарь обкома и горкома Петр Сергеевич Попков был вызван в Москву, на заседание Политбюро, откуда возвратился в совершенно разбитом, подавленном состоянии.

На этот же день, 15 февраля, у Кузнецовых был назначен праздник. Праздник не отменили. Был накрыт большой нарядный стол: старшая дочь Кузнецовых, Алла, выходила замуж за Серго, сына Микояна. Приехал Алексей Александрович. Выглядел он обычно: весел, энергичен, подтянут.

Трагедии не чувствовалось.

Трагедии не чувствовалось и на следующий день, когда гости уехали и жена Алексея Александровича, Зинаида Дмитриевна, собрала детей и тихо сказала: «Ребята, папу сняли. Все, конечно, разъяснится...»

Трагедии детям не дали почувствовать и все последующие шесть месяцев.

Алексей Александрович стал много читать. Представлял ли он, что уже происходило там, в Ленинграде? По его глазам было заметно: он что-то взвешивал, сопоставлял, продумывал. И оставался уверенным, собранным. Или просто своим видом показывал тем, кто его в эти дни наблюдал: Кузнецов уверен, не боится и, стало быть, никакой вины за собой перед народом и партией не чувствует?

21 февраля (назавтра после дня рождения Алексея Александровича) второй фактически человек в партии, Георгий Максимилианович Маленков, был в Ленинграде. 22-го Маленков выступил на объединенном пленуме обкома и горкома с сообщением об антипартийных действиях члена ЦК тов. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК тт. Родионова М. И. (Председатель Совмина РСФСР) и Попкова П. С.

25 февраля прямо из президиума партконференции бывший ленинградец, первый секретарь Ярославского обкома Иосиф Михайлович Турко был отозван в распоряжение ЦК... Маленков вышел из-за стола, встретил Турко, заложив руки за спину: «Не хитрите с Центральным Комитетом партии. Скажите, группа у вас была?..»

В марте сняли еще одного ленинградца, академика Николая Алексеевича Вознесенского. Его вывели из состава Политбюро, освободили от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР.

Шесть месяцев, с 15 февраля до 13 августа, — как шесть часов. Шесть часов рассказа дочери Кузнецова, Галины Алексеевны.

Через некоторое время Алексея Александровича вызвали в ЦК. Это было в марте... Нет, наверное, попозже. 8 марта в их девчачью школу (тогда обучали раздельно) разрешили пригласить ребят. Галя собралась на вечер. Мама осторожно спросила: «Может, не надо?» Галя удивилась: «Почему?!»

Трагедию семье давали почувствовать постепенно. Папу направили в Перхушково. Папа пришел радостный, принял-

ся собирать вещи: «Сбылась моя мечта. Я буду учиться!..»

Семья приезжала к нему на такси. Запомнилось: поместили папу на втором этаже, в узкой, как камера, комнате с железной кроватью. Запомнилось: там в это время обучались почему-то в основном пожилые генералы. Они очень хвалили Алексея Александровича за проведение сложнейшей игры.

Только потом, говорит Галина Алексеевна, выяснилось: почти все обучавшиеся были арестованы.

21 июля министр МГБ Абакумов (правая рука Берии) сообщил Сталину, что снятый еще в феврале с должности второго секретаря Ленинградского горкома Яков Федорович Капустин не кто иной, как английский шпион. Основание? Еще в 30-х годах Капустин, будучи старшим мастером на Кировском заводе, ездил в Англию, изучал производство паровых турбин.

10 августа Галя приехала в Перхушково на такси за отцом: обучение в Перхушкове завершилось. Папа, не скрывая радости, говорил: «Ребятки, я оправдал ваши надежды! Я не получил ни одной „четверки“!» Показывал с удовольствием выданную ему амуницию. Значит, не игра? Следовательно, все всерьез? Выходит, все должно действительно разъясниться?

Адам Осипович Каршеник, член ВКП(б) с 1904 года, давший Алексею Кузнецову рекомендацию в партию, выделял в его характере постоянное стремление к ясности. Лишь спустя годы сквозь призму трагической судьбы видишь: из этого качества прорастет, как из зерна, его сила, а значит, и его гибель...

К середине августа, вероятно, завершилось обучение не только в Перхушкове. 13-го, взяв младших детей, Алексей Александрович пошел гулять по Москве. Выглядело это так, как описывал позднее дядя Сима: впереди идет, смеется Кузнецов с детьми. В нескольких шагах, неназойливо, — кто-то из двоих охранников.

Домой вернулись к обеду. Алексей Александрович пошел мыть руки. А Зинаида Дмитриевна негромко сказала: «Ленюшка, тебе звонил...» — и она на-

звала фамилию человека, работавшего в ту пору в КПК. Алексей Александрович вышел из ванны заметно бледным. Быстро собрался. В прихожей поцеловал жену и детей. Закрылась дверь.

Улыбаясь, помахал рукой с улицы. Вот и все, кажется?

Ожидали его возвращения, накрывали на стол. Мама повторяла как заклинание: «Ничего-ничего, ребятки. Все разъяснится». К вечеру под окнами остановилась странная машина. Было светло. И потому увидели: из машины вышли энергичные мужчины в черных костюмах и черных шляпах.

И вот уже позвонили им. И вот уже распахнули их дверь. Первый (значит, самый важный?) с порога вопрос:

— Где письмо?!

Мы сидим с Галиной Алексеевной за большим обеденным столом, покрытым белой скатертью. Это, конечно, другой стол. И совсем другая квартира. Смотрим фотографии: «Вот папа еще в Боровичах. Он четырнадцати лет поступил на лесопильный, где и его отец работал... Вот он секретарь укома комсомола... А это они с мамой, молодожены, и у них родилась Алла... А потом, в Луге, секретарем окружкома комсомола... Знаете, сколько ему было, когда его избрали вторым секретарем Ленинградского горкома партии? Тридцать три года!..» Блестящая, стремительная карьера. Вся она — в паре фотоальбомов. В двух военных тетрадях маминого брата — дяди Симы (в блокаду Серафим Дмитриевич Войнов у члена Военного совета Ленфронта Кузнецова был военным порученцем — имелась в те годы такая должность).

Рядом толстая пачка описей и актов, оставленных семье после арестов и обысков — папиного и маминого. И еще несколько писем. Вот и весь архив. Письма папины? Нет, папа без права переписки. Мамины — из Владимира, из бывшей царской каторжной тюрьмы. После папы остались только описи. При обыске все его бумаги рвали. Разорвали даже коробку из-под папирос «Герцеговина Флор». Коробку Алексей Александрович хранил с 1940 года. Ее

подписал и подарил Кузнецову сам. А то письмо? Письмо Сталина?

Того письма здесь нет...

Листаю тетради Серафима Дмитриевича Воинова. Слушаю Галину Алексеевну. И преодолеваю первый пласт «ленинградского дела». Первый пласт шит белыми нитками. Но шит мастеровито.

Воинов, проходивший по тому же «делу», описывал, по каким правилам разыгрывалась обычно игра: «Подозреваемый должен был почувствовать себя в пустоте. Для него изменялась атмосфера в учреждении, на заводе. Попавший в список ощущал, что чья-то рука организует для него служебные неприятности... Но догадаться о действительных причинах не мог. Он становился нервным, терял деловые качества и уже сам прибавлял просчеты... Я проходил по списку тех, кого следовало чернить любыми способами. Я шел вместе с теми, кто перед трибуналом должен был предстать ошельмованным, с клеймом антиобщественного человека или пьяницы, морально неустойчивого, нравственно опустившегося. В это число включались и те, кто, попадаясь в подготовленные капканы служебных нарушений, оказывался не только оклеветанным, ошельмованным, но и ответственным перед законом и людьми (выделено мной. — А. А.).

Значит, не просто брали и хватали. «Дела» готовились тщательно, долго, иногда годами. Кузнецова «готовили» по меньшей мере полгода. Воинов — тот даже считал, что «ленинградское дело» вообще уходит корнями... в 41-й, в блокаду. Формальное же его начало — январь 1949 года.

В декабре 48-го в Ленинграде провели областную и городскую партконференции. Там было объявлено: секретари обкома и горкома переизбраны единогласно. Вскоре в Москву ушло анонимное письмо: члены счетной комиссии видели, что «фамилии Попкова, Капустина и Бадаева во многих бюллетенях вычеркнуты». И это действительно имело место: больше всех, 15 голосов против, получил будущий «английский шпион» Капустин. Что заставило пойти на подлог? Самостоятельное желание

не испортить радужной отчетности? Или тот самый капкан сработал? Достаточно ведь, кому надо, просто намекнуть: к чему ронять репутацию колывели революции! А чуть позже вытащить свежееиспеченный факт на всеобщее обозрение...

Нет, не будем утверждать, что это было так. Кто автор подлога и каковы его мотивы — теперь сложно выяснить. Во всяком случае, история с голосованием послужила основательным поводом. Хорошо отлаженная машина сделала первый оборот. Второй: в январе 1949-го в Ленинграде провели всероссийскую оптовую ярмарку. В ней участвовали и союзные республики. Значит, уже получается — всесоюзная? А санкционировано ли это центральными органами? Нет. Следовательно, тут можно усмотреть факт разбазаривания, а также еще более серьезный факт — групповщины, противопоставления себя Центральному Комитету. Третий оборот: П. С. Попков, абсолютно неопытный партийный работник, оказавшись на ответственных постах, подвергался, вероятно, обработке так же, как и Кузнецов. Но с другим результатом.

Читаю в записках Воинова: «Незадолго до января 1949 года... увиделся с Попковым. Это произошло в Смольном, в столь хорошо знакомом мне кабинете Кузнецова. Попков поразил меня своим видом. За столом Кирова и Кузнецова сидел больной человек. Особенно поразили меня его бегающие глаза и какая-то жалкая, вызывающая к снисхождению улыбка потерянного человека». Что и кому Петр Сергеевич говорил в том состоянии — помнил ли он сам? Во всяком случае, из его выступлений и бесед выудили третий факт: будто бы Кузнецов и Попков «вынашивали идею создания компартии России».

На этих трех фактах первый кон был отыгран. Теперь следовал кон второй. Следствие. Подключился игрок — ни больше ни меньше — в ранге министра МГБ. Как велось следствие? А как оно могло вестись, ежели ни одна сила в мире не могла его объективно проверить? Чем способно было завершиться, если поверх писаных законов действовали железные правила: царица улик — при-

знание самого обвиняемого; главное — внутренняя убежденность следователя; враг народа не стоит того, чтобы с ним обращаться как с товарищем по партии...

Только еще подозреваемому Турко следователь, то ли шаманя, то ли гипнотизируя, кричал: «Если ты не признаешься, то ты тем самым ведешь борьбу с Центральным Комитетом партии...» Вдумаемся: подозреваемых и не могло быть. Были заранее автоматически виноватыми в принципе все: ты есть враг, хотя бы потому, что не признаешься в этом!

Итог: приговорены к высшей мере А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин. Чуть позже в Ленинграде — второй секретарь обкома Г. Ф. Бадаев, председатель облисполкома И. С. Харитонов, уполномоченный МГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин, секретарь горкома П. И. Левин... По всей стране бывшие ленинградцы: председатель Госплана РСФСР М. В. Басов, второй секретарь Мурманского обкома А. Д. Вербицкий, первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев... Всего по «ленинградскому делу» репрессировано более двухсот человек. За три года снято с работы свыше двух тысяч руководителей (подробнее документальная сторона «дела» — по материалам партархива — изложена в ленинградском «Диалоге» № 18—19 за 1987 год *).

Машина, запущенная на полный ход, подминала оставшиеся священные аксиомы, признанные юристами всего мира. Вслед за презумпцией невиновности под жернов отправилась первейшая заповедь законника: «Закон обратной силы не имеет». А дело в том, что Кузнецов и другие казненные были арестованы в момент, когда в стране отменяли смертную казнь, а в соответствии с названной цивилизованной нормой их должны были судить по закону, действовавшему в момент ареста. Но... восстановили смертную казнь. И казнили.

Владимир Николаевич Базовский,

* См. также: Страницы истории: Дайджест прессы. 1987. Л., Лениздат, 1988, с. 226—241.

ныне начальник Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР, а тогда секретарь одного из райкомов комсомола в Ленинграде, мне рассказывал, как снимали за «неправильное воспитание» молодежи комсомольских секретарей, чуть ранее награжденных орденами за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи...

От Владимира Николаевича я впервые и узнал, что Кузнецова, избрав секретарем ЦК партии, оказывается, «поставили на кадры». А до Кузнецова кадрами (в том числе и по ведомству Берии) занимался самолично Георгий Максимилианович, избранный теперь членом Политбюро. Другими словами, Кузнецовым Маленкова «с кадров» как бы вытеснили...

Кузнецов это знал. Видел. Просто не мог не знать и не видеть. И вместо того чтобы максимально позаботиться о безопасности, он, по воспоминанию Турко, став секретарем ЦК и занявшись кадрами, критиковал... Маленкова. Причем не в закрытом помещении (и этого было бы достаточно). А открыто, как бы мы сейчас сказали, гласно. И мало того, по воспоминанию уже Базовского, начал всерьез интересоваться ведомством Абакумова.

Что же происходило с ним, в самом-то деле? Неужели он был просто наивен?

После ареста Алексея Александровича Кузнецова прошло некоторое время. И вот уже осенью 1949-го в МГБ какой-то материал на него был готов. С одной стороны, почувствовалась необходимость объяснить хоть как-то создавшуюся абсурдную ситуацию. С другой, вероятно, появилась возможность «проверить» не только Кузнецовых, но и семью Микоянов. И вот осенью, рассказывает Серго Анастасович, отец усадил меня напротив за столом. Вполне отдавая себе отчет, что разговор может подслушиваться, с совершенно каменным лицом, отец стал зачитывать показания, будто бы данные Кузнецовым следователю...

В «признаниях» речь не шла ни о терактах, ни о «принадлежности» к ино-

странной разведке, как зачастую было в делах 37-го года. Самое, пожалуй, тяжелое по тем временам «признание»: «Мы не любили Сталина...» И тогда Серго спросил отца: не допускает ли он, что все придумано следователем? Отец ему ровным голосом объяснил: нет, под каждой страницей стоит подпись. И кроме того, встречаются такие выражения, которые вряд ли следователи употребляют. Отец говорил убедительно. Но по лицу можно было догадаться, что сам он вряд ли верит. Ну хорошо, сказал сын, однако ведь здесь, в худшем случае, одни мысли, высказанные вслух. Где же факты?! Алексея Александровича наверняка оправдают! В ответ на что отец, естественно, ничего не сказал. Только удивленно приподнял брови. И сын понял: приговор в принципе вынесен. А отец добавил: «Бывать в семье Кузнецовых я тебе не могу запретить. (Еще бы! — подумал сын. — Так бы я тебя и послушал!)» Но в разговорах с Зинаидой Дмитриевной надо быть осторожным...» Серго расценил это сначала лишь как совет не травмировать ее лишним раз разговорами о муже. И только когда Зинаиду Дмитриевну арестовали, он предположил: может, уже тогда отец знал об этом?

Я слушаю Серго Анастасовича. И простодушно спрашиваю:

— Почему он в квартире заговорил? Почему не подобрал более подходящую обстановку? В саду, например, там бы и рассказал все подробно!

— А вы представьте его ситуацию, — грустно улыбается Серго Анастасович. — Я студент, мне девятнадцать лет. Я человек молодой, неопытный. Скажи отец мне откровенно все, что думал, я — еще кому-то, в горячке, в споре. Следовательно, он бы тем самым подвергал всех нас смертельной опасности!..

Видимо, разумнее было говорить как раз там, где подслушивали...

Этот эпизод хорошо иллюстрирует атмосферу, время и то положение, в котором находились люди, даже занимавшие высокие посты в государстве. Нам трудно представить, какова была цена самых простых душевных человеческих движений. Накануне свадьбы Серго и Аллы, как мне рассказывали, с Микоя-

ном говорил Каганович: ты что делаешь, там все решилось!

Но свадьбу не отменили.

Когда начались аресты и расстрелы, в спецдетдомах оказались сыновья многих репрессированных. Сына Кузнецова прятали на даче у Микояна. Когда арестовали Зинаиду Дмитриевну, детей не тронули — говорят, благодаря тому, что Микоян просил Сталина...

Я думаю обо всем этом. И тем невероятнее представляются мне поступки самого Алексея Александровича. Откуда это у него? Чем объясняется? Чтобы понять, надо присмотреться повнимательнее к его внутренней, душевной биографии.

22 июня 1941 года. Жданов в отпуске, отдыхает на юге. Вся тяжесть ответственности за судьбу Ленинграда ложится на 36-летнего второго секретаря горкома. Далее. Строительство оборонных укреплений и быт горожан. Формирование народного ополчения и подбор военных кадров. Создание партизанских отрядов и руководство политуправлениями фронта и флота — всем этим каждый день занимался Кузнецов.

А Сталин совершает беспрецедентный поступок. В присутствии приближенных лиц пишет собственноручно письмо. И кому? Второму секретарю горкома! Суть письма: Ворошилов и Жданов устали, издергались... Им нужно дать выспаться, отдохнуть... Во всем, что касается организации обороны, мобилизации всех сил, я могу полагаться только на тебя...

Это было признание истинной роли Кузнецова в той ситуации. Письмо доставил в Ленинград генерал НКВД. И вручил, минуя Ворошилова и Жданова, Кузнецову. Естественно, о письме знали многие. По тем временам такое письмо давало колоссальную власть. Это была своего рода верительная и охранная грамота. Имеется, кажется, и еще один дальний смысл. Такое письмо могло вбить клин между Кузнецовым и Ждановым. Тем более поводов для того находилось достаточно. Мучительной зимой 1942-го у Жданова началась болезнь. Кузнецов поставил перед его домом охрану: в тот момент ни один

ленинградец не должен был заметить у руководителей проявления слабости. Кузнецов вел бюро горкома и обкома — от имени Жданова. Звонил и разговаривал со Сталиным — от имени Жданова. Сталин понимал значение этой ситуации. Понимал и Жданов.

Надо думать, не проходило все это и мимо ведомства Берии. Его глаза и уши не могли пропустить: со стен исчезали портреты вождя. Ленинградцы стали реже употреблять его имя — и устно, и письменно. Воинов подмечает: «Время голодной блокады было временем перелома в общественном сознании».

По существу, сами уникальные условия города, оказавшегося на грани смерти, ускорили процесс нравственного очищения и переосмысления ценностей. Культ, казавшийся незыблемым и неизбежным, угасал сам собой. Город явно выдвигал из глубин иной идеал и противопоставлял его официальному. Поэт по тем временам просто кричаще подчеркивал самим названием поэмы: «Киров с нами»!!! В железных ночах у поэта Тихонова шел с ленинградцами не Сталин, но Киров.

Мог ли этого не видеть Кузнецов? А если видел, то что предпринимал? Попробуем представить себе тогдашнее его состояние... По идее, в его ситуации следовало ежели не поддерживать, то хотя бы делать видимость неизменности положения вещей.

Однако не забудем: постоянное стремление к ясности. Не забудем и другое: уникальные блокадные обстоятельства, перестраивая общественное сознание, позволяли проявиться и окрепнуть независимому, побеждающему, сильному характеру. Он и был нужен, такой характер в тех обстоятельствах. Нужна была личность, умеющая принимать решения независимо от авторитетов, расклада мнений и расстановки сил в верхах. (Собственно, лишь это и обеспечивало сохранение авторитетов и самих верхов!)

Если мы этого не забудем, то уже станет понятнее, почему Кузнецов, имевший прямой провод со Сталиным, как все, перестает упоминать его имя. Почему прекращает ссылаться на него. По-

чему это имя пропадает из официальных выступлений в газетах и с трибун. И почему Кузнецов цитировал Кирова. И почему в семье Кузнецовых всегда хранились фотографии Сергея Мироновича (отношение Сталина к нему для многих и тогда не было большим секретом).

Понятнее — почему. И все-таки: почему?

В нынешних публикациях о людях, так или иначе пострадавших во времена культа, по какой-то не объясненной пока причине настойчиво подчеркивается одна мысль: они были невинными *жествами произвола*. В этом есть правда. Но задумаемся: доказываем с таким завидным упорством, как будто степень невинности их несколько уменьшилась после XX съезда партии.

Чего мы хотим — доказать доказанное? Совместить несовместимое?

Наверное, нет. Конечно, нет!

Ну а коли так, то не время ли проявить, перед кем они были невинны? Перед партией и народом? Да! А перед преступниками, авантюристами и карьеристами, творившими произвол? Перед ежовыми, бериями, абакумовыми? И разве отсутствием вины исчерпываются трагизм и правда того времени?

Ведь наверняка были и те, кто не принял культ на веру? Кто не смирился с ним? Кто, наконец, сопротивлялся?

Смею думать и утверждать: Алексей Александрович Кузнецов *не был невинной жертвой*.

Стало быть, что же — правы авторы «ленинградского дела»? Нет, ситуация сложнее и тоньше. Он не был врагом народа. Но он не был, судя по всему, и наивным человеком, призванным послушно сыграть эту роль.

«Вот что необходимо учесть, — пишет очевидец и участник событий С. Д. Воинов, — для понимания причин «ленинградского дела». Ведь его главными пунктами были: «противопоставление» Кузнецовым себя ЦК (читай — Сталину); требование большей самостоятельности в хозяйственных делах для каждой области, края; признание больших заслуг Российской Федерации; устройство выставки достижений, первых до-

стижений восстановленного Ленинграда; а главное, то, что вновь назначенный секретарь ЦК проявил самостоятельность и по-серьезному отнесся к задаче проверки бериевского министерства...

А в целом, что такое «ленинградское дело», каковы еще более глубокие причины возникновения этого и подобных «дел»? Если меня спрашивают об этом, я отвечаю: нужно было скрыть от народа истинных виновников нашего военного поражения 1941 года, когда немцы, как нож в масло, врезались в территорию нашей страны? Нужно было скрыть виновников перегибов в сельском хозяйстве, приведших к тому, что крестьяне разбегались из колхозов от нужды, от того, что продукт их труда ценился ниже его действительной стоимости? Нужно было, наконец, скрыть истинных виновников беззаконий и произвола, жертвами которого становились тысячи и тысячи людей? Вот поэтому и фабриковались такие «дела», как «ленинградское дело», «дело врачей» и еще многие другие, не получившие своих названий, которые можно назвать как «краевые», «областные», иногда даже и «районные»...

Думается, имелась и еще одна причина. Появилась не только настоятельная необходимость переключить общественное внимание, сбросить «пар», переложить в очередной раз ответственность на плечи невинных. Появилась жгучая потребность «поставить на место» целое фронтовое поколение, вышедшее из войны победившим и прозревшим. Поколение, ценою огромных жертв обретшее нравственную силу. Поколение, предопределившее, по сути, феномен XX съезда.

Впрочем, все по порядку...

В марте 1946 года, избрав секретарем ЦК ВКП(б), нарушив традицию, Кузнецова не оставляют первым секретарем горкома и обкома, как было в случаях с Зиновьевым, Кировым, Ждановым. Одно это должно было Кузнецова насторожить (и он, как свидетельствуют очевидцы, без радости принял такое решение). А имелся и другой нюанс, который мы уже называли: Кузнецова, без опыта работы в аппарате ЦК, сразу же поставили курировать кадры МГБ и МВД.

Это был второй факт, поразивший, как говорят, Анастаса Ивановича Микояна (первый — письмо Сталина, написанное «блокадному» Кузнецову). Третий факт из того же поразительного ряда: однажды, отдыхая на озере Рига, Сталин неожиданно для своего окружения поделился. Я стал стар, будто бы сказал он в приливе откровенности. И думаю о преемниках. Наиболее подходящий преемник на посту Председателя Совета Министров — Николай Алексеевич Вознесенский. А на посту Генерального секретаря — Алексей Александрович Кузнецов... Как, не возражаете, товарищи?

Никто, как говорят, не возразил. Но, надо думать, всяк, узнавший о сенсационном замысле, немедленно и догадался о его втором плане: неспроста такую идею этот скрытный человек решил обсудить гласно. По сути, если поразмыслить, назывались и объединялись имена действительно наиболее достойных и подходящих. И именно потому наиболее опасных конкурентов тем, для кого это было сознательно вслух сказано. Результат, исход был уже предсказуем. Однако не эта ли предсказуемость и укрепила дополнительно Алексея Александровича?

Получив столько подспудных предостережений, Кузнецов не стал осторожнее. Не изменил прежних привычек, даже не попробовал переломить независимый характер. Сверх того: фактически протестовал против общепринятой тогда культовой нормы. Имени Сталина в его послевоенных выступлениях не прибавилось. По-прежнему ссылался на Кирова. После войны открыто навещал тяжелобольную вдову Сергея Мироновича (это были нелегкие свидания с женщиной, потерявшей в результате смерти мужа разум). Словно демонстративно встречался с инструкторами, разрабатывал их командировки. Однажды, проводя Секретариат, с ходу разжаловал генерала, уличенного в обворовывании лагерей.

Он прослыл белой вороной. Невооруженным глазом, уже не на расстоянии, всем, кому надо, стало видно: в Москве появился настоящий кировец. Причем какой! Руководитель блокадного города,

фронтовик, победитель. Продолжал укреплять свою репутацию.

Да что там репутация! Провел, как куратор, совещание работников госбезопасности, где их (!) критиковал и ставил перед ними (!) новые задачи. Впечатление очевидца: совещание это было как гром среди ясного неба.

И наконец, последняя капля. В ту пору было принято работать и по ночам, и по воскресеньям. Так вот, Алексей Александрович приказал министру МГБ Абакумову привозить ему судебные дела по воскресеньям на дачу. И Абакумов возил. Возил дела пачками.

Что за дела были? По «врагам народа». В частности, 37-го года. Говорят, Кузнецов ставил перед собой цель: разобраться и с запутанной историей убийства Кирова.

Подчеркивал независимость? Стремился выяснять все, хотя бы для себя, до конца? Или уже начал бороться?..

Не успел. Его противники, его враги раньше успели.

Он целует на пороге жену и детей (тут нет знака судьбы: так они всегда делали). И, прежде чем выйти, говорит: «Сходите за мороженым. Накрывайте на стол. Я вернусь к обеду».

Он не вернулся к обеду. Он вообще не вернулся... «Согласно ордера арестован Кузнецов А. А., 1905 г. р...» Когда семье дали подписать опись, Галя увидела в первый раз слово «арестован» и поседела. А мама подписала, демонстративно не глядя: «При обыске от арестованного и других присутствующих лиц (указать, от кого именно) жалоб не заявлено». Жаловаться некому и не на кого. Форма правильная. И соблюдена с доскональностью дьявольской:

«Изъято для доставки в МГБ СССР следующее:

Ордена Ленина — 2;
Орден Красного Знамени — 1;
Орден Кутузова I степени — 1;
Орден Кутузова II степени — 1;
Орден Отечественной войны I ст. — 1;
Медали «За оборону Ленинграда» — 2;

Медаль «Партизану Отечественной войны» — 1;

Погоны генеральские — 7 пар;

Сапоги мужские хромовые — 1 пара;

Зубной порошок — 1 короб.;

Зубная щетка — 1 шт.»

От вида этого удручающего списка что-то внутри содрогается. Нет, не просто человека забирали. Уничтожали всяческий след его существования. Знак его присутствия в этой жизни, на этой земле.

Когда их судили, Кузнецов не каялся и не просил прощения. Уходя, он мог чувствовать себя победителем. В последнем слове, как свидетельствует очевидец, Алексей Александрович сказал: «Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает...»

А потом... Потом, ровным голосом говорит Галина Алексеевна, увозили маму. Обыск был еще более унижительным: ворошили даже детские вещи. Семья осталась с парализованной бабушкой. Как они жили и выжили, это отдельный рассказ. Искали. Писали. Ходили. По указанному в описи адресу («за всеми справками обращаться... Кузнецкий мост, 24, вход со двора»). Наконец мама прислала письмо, другое, третье... Ни слова, как и что с ней.

Умер Сталин. Арестовали Берию.

Анастас Иванович Микоян дважды спросил Аллу: не вернулась ли мама? Вернулась она ночью, 10 февраля 54-го. Вес — 48 килограммов. Белая. Шатается. Галя позвонила Микоянам. Прибежала Алла. И только в подъезде Гале призналась: «Маме не говори. Но папа у нас погиб...» Когда? Где? Галя хотела искать. Анастас Иванович не посоветовал: «Если не хочешь потерять здоровье, не делай этого. Ты его не найдешь».

Мама заговорила только после XX съезда. Рассказала... Как сидела сначала в одиночке. В кандалах.

И как потом сидела в одной камере с Галиной Серебряковой и Лидией Руслановой. Они имели право получать хоть небольшие, но посылки. Поддерживали ее, как могли, плавленными сырками.

Потом вызвали двоих, двух жен — Вознесенскую и Кузнецову. Они шли

и не знали, что уже не жены, а вдовы... Им сказали про освобождение. Правда, они это вначале как дежурное издевательство приняли. Но стали собираться...

Хотя, конечно, там люди были разные. Один следователь орал на нее на допросе, делал все, как полагалось. А потом включал радио на полную громкость и говорил: «Зинаида Дмитриевна! Не верю я в то, о чем вас спрашиваю!» А еще был надзиратель, много лет спустя бросился он радостно к ней из троллейбуса. Хотела остановиться. Заговорить. Но не смогла. Прошла. Только поздоровалась.

О муже всегда повторяла как заклинание: «Я Ленюшку не хоронила. Нет». Или еще: «Мне все время кажется, что ему дали просто какое-то большое задание... Вот зазвенит когда-нибудь звонок. И он придет...»

Когда умер Сталин, Галя плакала навзрыд. А ей говорят: чего ты реवेशь? Теперь, глядишь, все разъяснится! И действительно, Анастас Иванович собрал их на даче и сказал: ваш отец никакой не враг народа. Это вы знаете!

Вот так все и разъяснилось.

Пройдет время — и Кузнецова официально реабилитируют. И установят мемориальную доску в Москве, на доме по улице Грановского, где Алексей Александрович жил последние годы.

Галина Алексеевна держит в руках описи. На них, четкими цифрами, номер ордера на арест отца. А мне кажется, она думает сейчас и о тех, кто был до этого номера — 1075 — и после него...

А еще я вспоминаю последнюю фразу из знаменитого письма. Знал ли многоходовый ум, какую пронзительно-правдивую мысль он тогда выговаривал? Ведала ли начинавшая очередную игру беспощадная рука, какие пророческие горькие слова она выводила? Эти слова, равно как и цифра 1075, врезаны, вколоты, врублены в семейную память навеки.

«Алексей, Родина тебя не забудет!» — написано было в письме рукою Сталина. И этот след из памяти, и это свидетельство из истории не изъять. Оно не подлежит изъятию.

Комсомольская правда, 1988, 15 января

Давид Гай,
заведующий отделом газеты
«Вечерняя Москва»

КОНЕЦ «ДЕЛА ВРАЧЕЙ»

Начало пятидесятых годов было временем, когда Советская страна поднялась и расправила плечи после военной разрухи, временем покорения атома, сооружения гигантских гидроэлектростанций и каналов... Народ, вернувшийся с войны победителем, вправе был рассчитывать на новую жизнь — открытую и свободную, он был готов к ней, выстрадал ее.

М. С. Горбачев в своем докладе в связи с 70-летием Великого Октября говорил о послевоенных годах: «...все более ошутимо давало себя знать противоречие между тем, каким стало наше общество, и прежними методами руководства. Продолжались злоупотребления властью, нарушения социалистической законности. Были сфабрикованы „ленинградское дело“, „дело врачей“».

13 января 1953 года ТАСС сообщил об аресте группы врачей. Как было объявлено, террористическая группа медиков ставила своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского государства. «Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков». И далее: «Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами. Большинство участников террористической группы — Воysi, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Эттингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»... Другие участники террористической группы (Виноградов, М. Коган, Егоров) являются... старыми агентами английской разведки».

Сообщение прозвучало как гром среди ясного неба. Корифеи медицинской науки и практики, консультанты кремлевской больницы — шпионы и убийцы? Люди поначалу отказывались в это верить. Многие, однако, верили, в результате пустели поликлиники, в больницах пациенты отказывались принимать лекарства. Белые халаты внушали страх.

С чего началось «дело врачей»? Где его истоки? Некоторый свет на это проливает Ефим Смирнов — академик Академии медицинских наук, Герой Социалистического Труда, после войны — министр здравоохранения СССР. В одном из своих интервью он вспоминает:

«Незадолго до 13 января 1953 года был я в гостях у Сталина — на даче, расположенной недалеко от Сочи. Мы гуляли по саду, разговаривали. Сталин, показывая на деревья, где росли лимоны, апельсины, рассказывал, какого ухода они требуют. И вдруг без всякого перехода спросил:

— Товарищ Смирнов, вы не знаете, какой врач лечил Димитрова и Жданова?

— Знаю, — ответил я и назвал фамилию.

— Странно. Один врач лечил, и оба умерли.

— Товарищ Сталин, врач-то здесь не виноват...

— Как это «не виноват»?

— Я интересовался историей болезни Димитрова, патологоанатомическим заключением. Смею вас уверить, ничего нельзя было сделать. Знаю, кстати, что сам Димитров и рекомендовал Жданову этого врача. Считал его образованным и тактичным человеком, квалифицированным специалистом.

Сталин промолчал. Но я почувствовал, что вряд ли убедил его. Он и всегда-то отличался подозрительностью, а к концу жизни черта эта стала просто патологической».

Профессор Яков Рапопорт, арестованный по «делу врачей» (его воспоминания готовятся к публикации в журнале «Дружба народов» *), вспоминает то, что в свое время рассказывал Владимир Виноградов:

«В последний визит к Сталину профессор Виноградов обнаружил резкое ухудшение состояния здоровья своего пациента и сделал запись в истории болезни о необходимости строгого режима с полным прекращением всякой деятельности. Надо сказать, что после смерти Сталина диагноз, поставленный Виноградовым, полностью подтвердился. Но при жизни «вождя народов» политическая наивность замечательного врача стоила ему свободы и могла стоить жизни: рекомендация его была расценена как попытка устранения Сталина от всякой активной дея-

* См.: Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей». — Дружба народов, 1988, № 4.

тельности, в том числе, разумеется, и политической...

Когда Берия, курировавший врачебное наблюдение над Сталиным, сообщил ему о заключении Виноградова, тот пришел в неопишемую ярость, закричав: „В кандалы его! В кандалы!“»

Вспышка гнева, похоже, была вовсе не случайна. Вполне возможно, Сталин вспомнил период болезни Ленина и свою роль в изоляции вождя революции — под видом заботы о его здоровье — от дел партии. Теперь выходило, что он сам попадал в сходное положение, а ратовал за полный покой и прекращение всякой деятельности его лечащий врач...

Профессор Виноградов вскоре был арестован.

Аресты первой, наиболее авторитетной группы врачей прошли в ноябре 1952-го.

Архитектор Леонид Коган, сын профессора Бориса Когана, вспоминает:

— Я учился в архитектурном институте, как-то пришел домой поздно и вдруг услышал громкие голоса в квартире. У нас шел обыск. Отца, как я понял, уже увезли. Обыск продолжался всю ночь: простукивали стены, искали оружие, яд, ну и так далее. Мой отец, член партии с февраля 1917-го, был одним из организаторов Советской власти на Волыни. Посвятив себя затем медицине, стал одним из ведущих терапевтов Москвы. Он отвечал за здоровье видных деятелей Коминтерна, в частности лечил Димитрова (именно Б. Когана имел в виду Сталин в упомянутом разговоре с тогдашним министром здравоохранения Смирновым). Отца и Димитрова связывала дружба. Как же дико было услышать ему на первом допросе утверждение, что он — иностранный агент.

Врач Валентина Готлиб, дочь профессора Якова Готлиба, скончавшегося еще до тех печальных событий:

— Отцу доводилось лечить Багирова — первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, впоследствии расстрелянного. Будучи еще в 1946 году в Баку, отец проводил Багирову процедуру под названием хромоцистоскопия — для этого в вену вводился специальный раствор. Так вот этот самый раствор сна-

чала вводили в вену отцу, а уж потом — его пациенту...

Но вернусь в те дни 1952-го. Наша семья дружила с семьей Вовси. 7 ноября мы отмечали праздник у них в гостях. А вскоре узнаем: Мирон Семенович арестован. За что? Почему? Полное неведение. В войну Вовси был главным терапевтом Красной Армии. Выдающийся клиницист, ученый — в чем же дело?

Инженер Любовь Вовси:

— Окончив Московский университет, я вышла замуж и переехала в Ленинград. Ноябрьский праздник 1952-го провела с трехлетним сыном у родителей в Москве. Папа пошел со мной погулять. По дороге неожиданно сказал: «На днях отмечалось семидесятилетие Виноградова. Его так странно чувствовали, словно вполголоса. И у Егорова неприятности...» Я поняла: папа хотел подготовить меня к последующим событиям. Наверное, уже тогда он о многом догадывался.

В тревоге я уехала домой. А в ночь на 11 ноября папу арестовали.

Чудовищные обвинения в адрес еще недавно уважаемых людей ошеломили. А вскоре становится известным имя рядового врача кремлевской больницы Лидии Тимашук — ей, оказывается, принадлежит главная роль в разоблачении «банды преступников». Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждается орденом Ленина. В газете тех дней читаем: «Еще совсем недавно мы не знали этой женщины, а теперь имя врача Лидии Феодосьевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наемников, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей...»

В середине января 1953-го арестовываются жены «врагов народа», а их дети подвергаются гонениям: увольнению с работы, исключению из партии, комсомола...

Никого из тех, кто фигурировал в главном списке участников «террористической группы», сейчас нет в живых.

Последним совсем недавно ушел из жизни 90-летний Владимир Василенко, Герой Социалистического Труда, академик АМН СССР. Крайне скупо делились они воспоминаниями о пережитом в тюрьме. Боль эта не проходила с годами, только становилась глуше; они не любили, когда кто-то бередил расспросами старую рану. Поэтому, наверное, в памяти их близких сохранилось не много эпизодов, связанных с «тюремным периодом»...

Допросы шли ночами. Самое тяжелое было не спать сутками напролет. На допросах светили сильными лампами в лицо. Жену Вовси — Веру — с тех пор раздражал яркий свет.

От Мирона Вовси требовали признания, что он был связан с разведкой гитлеровской Германии. МIRON Семенович бросил следователю: «Вы сделали меня агентами двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую — мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске». — «Не спекулируйте кровью своих близких», — ответил следователь.

За «дело врачей» лично отвечал начальник следственной части по особо важным делам Министерства государственной безопасности Рюмин. Человек абсолютно безнравственный, циничный, жаждущий власти и карьеры, Рюмин сознательно фальсифицировал следственные материалы. «Копать» под врачей он начал задолго до их ареста. Еще до появления в печати известия о «террористической группе» его жертвами стали заведующая кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы Софья Карпай и консультант этой же больницы профессор Яков Этингер. Их обвинили в заведомо неправильной расшифровке электрокардиограммы Андрея Жданова. Этингер не вынес тюремного режима и скончался.

Круги арестов ширились. Рюмин предвкушал громкий процесс, повышение в звании, награды... И тут умер Сталин. Заключенным медикам об этом не сообщили.

У многих из тех, кто находился на свободе, — детей и родственников арестованных — реакция была вот такая: «Теперь нашим близким никто не по-

может». В Сталине они видели спасителя и защитника...

И вот наступила ночь с 3 на 4 апреля. Всех арестованных врачей и их жен внезапно вывели из тюрьмы, посадили на машины и развезли по домам. Только сейчас, на свободе, узнали врачи о том, что писалось о них в газетах, о смерти Сталина...

Наутро газеты опубликовали сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Проверка показала, что обвинения... являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия».

Ниже шел текст об отмене Указа о награждении Тимашук орденом Ленина. Сама же она еще немало времени работала в больнице, а затем вышла на пенсию. Об этом, вероятно, следует сказать еще и потому, что до сих пор кое-кто верит слухам и распространяет их, будто бы Тимашук в середине пятидесятых погибла в автомобильной аварии, став жертвой чьих-то козней. Нет, она благополучно дожила до старости...

Вновь обретя честное имя, вернулись к плодотворной работе на поприще медицины Вовси, Виноградов, Коган, Егоров, Фельдман, Василенко, Гринштейн, Зеленин, Преображенский, Попова, Закусов, Шерешевский, Майоров и другие.

Что касается Рюмина, то, как было написано в правительственном сообщении, «учитывая особую опасность его деятельности и тяжесть последствий совершенных им преступлений, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Рюмина к высшей мере наказания — расстрелу». Суровое наказание понесли и другие работники бывшего Министерства госбезопасности, причастные к фальсификации.

Так была поставлена последняя точка в «деле врачей».

Московские новости, 1988, 7 февраля

О Сталине, его окружении и времени, в котором они жили, наш корреспондент Р. ГУСЕЙНОВ беседует с доктором исторических наук, профессором Ю. С. БОРИСОВЫМ.

Р. Гусейнов: Юрий Степанович! Я знаю, что в сферу ваших научных интересов, особенно в последние годы, входит фигура Сталина, его окружение, тот период в жизни нашего общества, который мы зовем временем «культ личности». Ваши лекции, беседы вызывают огромный интерес. Что, на ваш взгляд, за этим интересом: жажда нового знания, глубокий интерес к прошлому, а может быть, и мода?

Ю. Борисов: Очень хотелось бы верить, что те, кто приходит на лекции (мои или коллег-историков), те, кто с увлечением глотает современную периодику (а она очень много дает пытливому уму), руководствуются не поветрием моды. Слишком серьезный и драматический поднимается вопрос. История — это арсенал, в котором мы ищем и то, что возьмем с собой в дорогу, и то, от чего нужно отказаться. Но в любом случае это должна быть книга без вырванных страниц. Только тогда она станет по-настоящему полезной и поучительной.

В этом смысл той очистительной работы, которая начата по инициативе нашей партии. Мы, историки, в большом долгу перед народом и стремимся сейчас удовлетворить его потребность в объективном знании прошлого. Могу сообщить, что и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и в Институте истории СССР АН СССР, где я работаю, ведется напряженная работа по созданию новых обобщающих книг по истории партии и истории СССР, которые отвечают современным требованиям и готовятся с привлечением ранее недоступных источников. В таких издательствах, как Политиздат, «Мысль», и других завершается работа над книгами по ряду острых, малоисследованных проблем. Ряд журналов готовят серии статей о виднейших деятелях нашей и мировой истории. «Фигуры умолчания» уходят наконец в прошлое. Эти работы появятся в ближайшее время: одни до XIX партконференции, другие

после нее, с учетом ее материалов. Но это, конечно, лишь первые шаги.

Мне кажется естественным тот огромный интерес, который проявляется сегодня людьми всех поколений, особенно молодежью, к трагическим явлениям нашей истории. Правда, оценки Сталина и той эпохи разноречивы, порой противоречат друг другу.

Для одних Сталин — это человек, с которым связаны политические преступления, прощения которым нет и быть не может. Для других — это профессиональный революционер, соратник Ленина, «допустивший немало ошибок, но победивший в войне».

Высказывается и такая точка зрения: настоящего социализма в нашей стране построено не было. На этой почве возникают и рекомендации, на мой взгляд, поспешные, а иногда и безответственные. Говорится о том, что во всем виновата, дескать, однопартийная система. За этим стоит наивное представление, будто чем больше партий, тем больше демократии.

Мне думается, что важным сейчас является внести определенность в наши представления об этом времени. Поэтому я начал бы с того, что является главным, на мой взгляд, в той эпохе, которую не всегда обоснованно называют сталинской.

Определенность эпохи, как мне представляется, состоит в том, что в нашей стране впервые в мире строился социализм. Происходило это в особых условиях. А характеристика Сталина как политического деятеля определяется прежде всего тем, что именно к нему сходились решающие нити управления всеми процессами, происходившими в стране.

С 1930 года в СССР была навсегда ликвидирована безработица. Страна создала мощную индустрию. Ушла в прошлое неграмотность, складывалась культура нового типа, более 40 народов впервые получили национальную письменность, сформировали собственную интеллигенцию. Впервые в мире решались социальные проблемы, ликвидация которых невозможна в антагонистическом обществе. Народ все вынес и преодолел во имя социализма, вопреки «механизму торможения» и тем извращениям,

которые связаны были с командно-бюрократической системой, представлявшей собой пирамиду, на вершине которой место было лишь для одного.

Р. Г.: Но был ли Сталин со всеми присущими ему качествами закономерным порождением эпохи?

Ю. Б.: Это важный вопрос. Буржуазные советологи часто трактуют его однозначно. Не было бы Сталина, возникла бы другая фигура, но методы правления, командный стиль, по их мнению, остались бы такими же. Я убежден, что эпоха не требовала с неизбежностью такого человека, как Сталин. На любом повороте истории существует возможность выбора, происходит борьба тенденций. Но из различных вариантов история выбирает только один. Увы, не всегда самый лучший. И тогда возникает своеобразный исторический зигзаг. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что объективная закономерность все равно вернет исторический процесс на магистральную линию. Но когда свершится возвращение, оно не будет возвращением к исходной точке. Это будет новая точка отсчета.

Р. Г.: Приходится слышать и такую точку зрения, что, дескать, выбор Сталина из числа тех, кто остался в руководстве после смерти В. И. Ленина, был наилучшим. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин не обладали ни политическими, ни волевыми качествами руководителей, способных поднять разрушенную войной страну и построить социализм.

Ю. Б.: Чаше всего в таких рассуждениях возникает мнимая альтернатива: Сталин и Троцкий.

Но вопрос этот надуман, ибо не было никаких реальных оснований для выдвижения Троцкого на роль единственного или главного руководителя. Это, кстати, показала последовавшая вскоре дискуссия с троцкистами. Лишь незначительное число коммунистов поддержало теоретика «перманентной революции». Убежден я и в другом. Сам Троцкий, как умный политикан, умеющий заглядывать вперед, прекрасно понимал прозрачность своих притязаний.

Известно, что Ленин предлагал ему пост заместителя Председателя Сов-

наркома. Практически это был второй пост в правительстве. Заместитель Председателя руководил и заседаниями Политбюро в отсутствие Ленина. Однако Троцкий отказался занять этот пост, и его занял Каменев. Я полагаю, что главное, за что боролся Троцкий, состояло в стремлении сохранить в Политбюро особое положение.

Р. Г.: Что значит «особое положение»? Была ли это роль главного идеолога, ведущего советника? Ведь Троцкий был человеком крайне самолюбивым, амбициозным.

Ю. Б.: Очевидно, роль идеолога и полная автономия тех сфер, которыми он руководил (особенно военные дела), его бы вполне устроило.

Далее. Каменев и Зиновьев. Пожалуй, они полагали, что после смерти Ленина партией будут руководить они. Допускался в этот круг и Сталин. Но всего лишь как исполнитель, орговик. Политическое, интеллектуальное руководство они оставляли за собой.

Если мы выйдем за пределы этого круга, то появится ряд других имен. В кругу старых большевиков достаточно упорно в качестве преемника Ленина называется Рудзутак. При этом ссылаются на мнение Ленина, хотя письменных свидетельств этого нет. Достоверно известно одно: к Яну Рудзутаку Ленин питал глубокое уважение.

Несколько позднее называли и другие имена. Фрунзе, Дзержинский. Затем Киров. После смерти Кирова атмосфера в партии изменилась. Ничьих имен уже не называлось. С конца 40-х годов в достаточно узких кругах как о возможном преемнике заговорили о молодом секретаре ЦК ВКП(б) Алексее Кузнецове. Его судьба трагична, и об этом ваша газета писала.

Иногда возникает вопрос: а почему Ленин не назвал конкретного преемника? Изучая жизнь Владимира Ильича, его труды, понимаешь, что такой шаг был бы противен самой натуре Ленина. Он полагал, что во главе страны должен стоять достаточно крупный, авторитетный деятель партии, лишенный тех недостатков, которыми обладал Сталин. Главным и важнейшим, по мысли Ленина, было, чтобы этот человек обес-

печивал преемственность руководства, его коллективность.

Р. Г.: Ленин не мог не понимать, что власть, сосредоточенная в одних руках, может привести к серьезным проблемам.

Ю. Б.: У Ленина такие опасения были. В марте 1922 года он писал Молотову, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». При этом он подчеркивал, что «достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». Ленин тогда еще не знал данных партийной переписи 1922 года. В РКП(б) тогда входило около 400 тысяч человек. Так вот люди, вступившие в партию до революции и в 1917 году, составляли около 11 процентов от общего числа членов. Ленин предчувствовал, что если раскол возникнет в этой среде, то будущие события будут трудно предугадать. Так, по сути, и произошло.

После смерти Ленина внутрипартийная борьба вспыхнула с новой силой. Обострению дискуссии, непримиримости сторон способствовало привнесение в споры элементов борьбы за власть. Это, несомненно, противоречило самому духу большевистской партии. Сталин, который по своему положению в партии обязан был противостоять этим пагубным тенденциям, лишь обострял их. Собственно, это было свойственно его натуре, о чем и предупреждал Ленин.

В этой обстановке процветала групповщина. Логика такой борьбы неминуемо придавала ей фракционный характер.

Одним из первых почувствовал опасность такой обстановки Ф. Дзержинский. В личном письме В. Куйбышеву в 1926 году он с горечью писал: «Дорогой Валерьян!.. Я сознаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведет партию в сторону гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность,

что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством... Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти, и страна найдет тогда своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме... От этих противоречий устал и я».

Через семнадцать дней его не стало...

Некоторые историки, комментируя это письмо, утверждают, что Дзержинский прозорливо увидел будущее Сталина. Я думаю, что это было бы слишком простым ответом. О Сталине или о какой-то другой конкретной фигуре и речи здесь еще нет.

Несомненно, что письмо Дзержинского отражало в какой-то степени предчувствие старым ядром ленинской гвардии грозившей опасности. Не Сталин, так кто-то другой должен был появиться в этой смутной ситуации, когда вчерашние товарищи по партии привносят в борьбу что-то чуждое самой партии, ее идеологии.

Р. Г.: Важным мне представляется вопрос о соратниках Сталина, тех, кто его окружал и с кем он делил власть. Любая власть, даже самая единоличная, предполагает пусть узкий, но круг соратников, единомышленников. В сознании одних едва ли не единственным виновником трагической гибели людей в период культа личности считался Сталин. Другие же чуть ли не каждого, кто занимал в те годы ответственные посты, причисляют к убийцам.

Наверное, таким настроениям есть и объективные причины. Многие годы в исторической да и в художественной литературе Политбюро тех лет изображалось монолитно-единым, образы руководителей — стереотипно-приглаженными. Но ведь это были совсем простые годы, значит, и судьбы были простыми. Многие из этих людей прошли через личные трагедии, потери самых близких. Были у них и ошибки, но за плечами были и годы подпольной работы, ссылки, каторги, тюрьмы, гражданская и Великая Отечественная войны. Разве можно все отбросить и забыть?

Ю. Б.: Свою работу в качестве Генерального секретаря Сталин начинал в ленинском Политбюро. Тогда это было собрание наиболее авторитетных в партии людей, естественно отстаивавших одну принципиальную программу. Но в рамках этой программы они имели порой очень разные представления о том, как ее выполнять.

Политбюро, как и Совнарком, при Ленине представляло собой — и в этом нет никакого преувеличения — созвездие ярких талантов. И это наше счастье, что во главе партии, страны оказались столь талантливые и столь разные люди. Это, кстати, отмечали и зарубежные наблюдатели. Приведу одно из свидетельств. Полковник Робинс, американский представитель Красного Креста в Советской России, встречался с Лениным, другими крупными руководителями. Вернувшись в Соединенные Штаты, он опубликовал интересную книгу своих впечатлений. Робинс характеризует первое Советское правительство как самое способное среди ведущих стран мира, он с восхищением отмечает, что ни в одной стране нет в составе правительства такого количества людей, знающих так много иностранных языков и написавших столько книг.

При этом они оставались разными людьми. Они спорили до хрипоты, во многом не соглашались друг с другом. Это было понятным, естественным. Потому что чем крупнее талант, тем он оригинальнее, тем меньше укладывается в какие-то общие представления. Но при этом был человек, который организовывал эту работу таким образом, чтобы весь положительный потенциал разных людей, споривших, а иногда и ненавидевших по-человечески друг друга, как, например, Сталин и Троцкий, сливался воедино: все способности направлялись в общее русло. Это действительно было счастьем.

Сталинское Политбюро было иным. В разные годы в него входили разные люди. Если брать последний период его жизни, то это были люди, которые поддерживали политику, провозглашаемую Сталиным. Собственно, это была единая политика. В этом смысле они все несут

за нее ответственность, хотя, конечно, главная вина за отход от ленинской политики, за создание административного механизма, который потребовал соответствующего репрессивного аппарата, ложится на Сталина.

Р. Г.: Нередко приходится слышать утверждения о том, что Сталин, дескать, не мог знать о массовых репрессиях.

Ю. Б.: Он был в курсе всего. Однако трагедией для многих людей, которые входили в его окружение, является то, что Сталин почти никогда не оформлял решения только своей подписью. Он требовал согласия и одобрения этих решений другими крупными руководителями. Вот характерный документ, направленный в 1937 году на утверждение Сталина возглавлявшим тогда Наркомат внутренних дел Ежовым:

«Тов. Сталину.

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии:

1. Список № 1 (общий).

2. Список № 2 (быв. военные работники).

3. Список № 3 (быв. работники НКВД).

4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

Ежов».

«Первой категорией» именовался приговор к расстрелу.

Сталин рассмотрел все списки вместе с Молотовым. На каждом из них сохранилась резолюция: «*За. И. Сталин. За. В. Молотов*».

Из соратников Сталина одни, как Молотов и Каганович, полностью разделяли вину не только с ним, но и с теми, кто фабриковал эти дела. Другие, я бы сказал так, вынуждены были мириться, хотя это их не оправдывает.

Но правдой было и то (об этом важно сказать), что в составе Политбюро были люди другого стиля работы, которые иначе понимали функцию, роль руководителей. Например, Киров и Орджоникидзе, хотя они никогда не выступали против политики Сталина. Работали они совершенно иначе. Сталин не любил

выезжать и редко покидал Москву, с годами ограничивал число людей, входивших в его круг. Последний раз в деревне он был в 1928 году и именно из этой поездки привез метод «чрезвычайных мер» — как универсальный при решении экономических проблем.

В последние годы жизни он часто встречался с Берией, Молотовым и редко с полным составом Политбюро. В 30-е годы было еще по-иному. Но с самого начала своей деятельности в качестве Генерального секретаря он был работником кабинета. Человеком, который много ездил по стране, он был тогда, когда выполнял задания Ленина, поручения ЦК до перехода к нэпу. Последние годы страну он видел из окон вагона (если они не были зашторены), когда выезжал на отдых.

Информация, которую он получал, несомненно, становилась все более дозированной и фильтрованной.

Среди людей, работавших в разные годы рядом с ним, я бы назвал Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева, Калинин, Хрущева. Будучи непохожими друг на друга, все они были очень крупными руководителями, оригинально мыслящими, своеобразно работавшими. Главным в них, на мой взгляд, была какая-то по-человечески хорошая жадность к людям, желание общаться с ними, стремление понять их мысли и устремления. Я убежден, что в этой среде всегда существовала пусть и глухая, но оппозиция сталинским методам.

Но, как человек коварный, Сталин не случайно согласовывал с членами Политбюро решения, которые мы сегодня осуждаем.

Р. Г.: Своеобразная коллективная ответственность?

Ю. Б.: Я бы даже сказал, круговая порука. Все эти люди оказались связанными общими решениями. И это личная трагедия для многих из них. Одни так и продолжали идти в русле этой политики. Другие, как Орджоникидзе, считали для себя невозможным продолжать это движение и приходили к конфликту со Сталиным. Это кончалось трагически. Существуют разные версии гибели Серго Орджоникидзе. Не хочу их разбирать. Скажу лишь о том, с чем столкнулся

сам, работая с предсмертными бумагами Орджоникидзе.

На последнем листочке отрывного календаря в рабочем кабинете он записывает дела следующего дня: встречи, телефонные звонки, различные беседы. Свидетельства людей, встречавшихся с ним в последний день его жизни, также говорят, что он был энергичен, вызывал к себе людей на завтра. У Орджоникидзе отсутствовали какие-либо признаки депрессии.

Но дело не только в этом. Смерть Орджоникидзе — следствие его резкого конфликта со Сталиным накануне Пленума ЦК 1937 года. Здесь ему предстояло выступить с докладом о вредительстве. Я видел в архиве подготовленный Орджоникидзе проект резолюции, видел и замечания Сталина на полях.

Нарком тяжелой промышленности лично подбирал кадры в своей отрасли, хорошо их знал и был убежден в абсурдности обвинений.

Сталин вернул проект резолюции, сопроводив его грубыми замечаниями. Между ними последовали бурные объяснения. 18 февраля 1937 года Серго не стало.

Р. Г.: Юрий Степанович! Мы уже говорили с вами о том, что приход Сталина к власти не был явлением закономерным, могла возникнуть и другая фигура, но ведь приход Ягоды, Ежова, Берии — это уже был процесс закономерный. Таковым было и появление Вышинского.

Ю. Б.: Это было закономерное явление. Административно-командная система представляла собой, по существу, бюрократический централизм, который подменял открытый большевиками принцип демократического централизма. Приказы должны были выполняться безусловно. Любое нарушение инструкции порождало неминуемое жестокое наказание. Культивировалось не столько творческое отношение к работе, сколько психология «винтика», страх послушания.

В такой атмосфере был необходим четко функционирующий репрессивный аппарат, контроль над которым осуществлял лично Сталин. Во главе этого аппарата появление таких личностей, как Дзержинский, как Менжинский, было

невозможно. Нужны были иные фигуры. Таковыми последовательно становились Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. Закономерным было не только появление этих фигур, но и их смена. Широкие репрессии вызывали недоумение, а потом столь широкое возмущение, что необходимо было периодически превращать исполнителей в «козлов отпущения».

Первой фигурой из этого ряда стал Ягода.

Р. Г.: Многое сказано в последние годы о Берии, пишут о Ежове, однако Ягода остается в тени. Именно при этом человеке (и, вероятно, не без его участия) был убит Киров, стала шириться сеть лагерей. Наконец, он несет ответственность как один из главных «архитекторов» системы страха, доношительства, впоследствии получившей столь широкое распространение и доведенной до предела, когда эта система стала пожирать своих творцов.

Современники помнят Ягоду как человека аккуратного, спокойного, делового. Член партии с 1907 года, он занимал различные должности в Нижнем Новгороде и Петрограде. С 1919 года работал в Наркомате внешней торговли, с 1920 года — в ВЧК. После смерти Менжинского в 1934 году возглавил ОГПУ, затем стал первым наркомом внутренних дел. В 1936 году короткое пребывание на должности наркома связи, а в 1937 году процесс по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Здесь Генрих Ягода проходил под номером «три» после Бухарина и Рыкова. Он признал себя виновным в том, что является польским шпионом, агентом гестапо, исполнителем убийства Кирова, а также отравителем Горького, Менжинского, Куйбышева. Последний факт государственный обвинитель А. Вышинский доказал (для суда и общественности) весьма убедительно, используя при этом примеры из Тацита, времен Филиппа II и папы Климента II. Сегодня это звучит странно, неправдоподобно. Но тогда поверили! По сути, Ягода стал первой крупной жертвой созданной им самим системы. Как и герою Франца Кафки — офицеру, создавшему чудовищную машину пыток и ставшему ее жертвой,

Ягоде было суждено до конца пройти весь этот путь — от дознания до расстрела.

Ю. Б.: А вот преемника Ягоды — Ежова Сталин уже тщательно выращивает. С должности заместителя наркома земледелия он передвигается в аппарат ЦК, становится зав. орготделом, затем промышленным отделом. Вскоре он секретарь ЦК по оргвопросам, постоянно рядом со Сталиным. Изучен его характер (а надо отдать должное, Сталин в людях, особенно в их слабостях, разбирался хорошо), оценил услужливость, беспрекословность. После ухода Ягоды Ежов пересаживается в его кресло.

Мне доводилось встречаться с людьми, которые лично знали Ежова, работали с ним в одном аппарате. Общее впечатление от этой фигуры весьма злое. Говорят о его низких моральных качествах, явных садистских наклонностях. Женщины, работавшие в НКВД, боялись встречи с ним даже в коридорах. Не исключено, что это был человек с какими-то серьезными отклонениями в психике. Собственно, это логично. То, чем он занимался, мог делать только человек, лишенный остатков совести, моральных принципов. Его конец был предreshен. В конце 1938 года Ежов был снят с поста наркома внутренних дел с оставлением за ним должности наркома водного транспорта, которую он занимал по совместительству. 21 января 1939 года он последний раз появился на публичном заседании в Большом театре. Вскоре Ежов был арестован, а летом 1940 года расстрелян.

Следующим на посту наркома внутренних дел появляется в декабре 1938 года Берия. Не буду повторять того, что уже известно нашим читателям. Сталин, несомненно, за ним следил и передвигал ближе к себе.

Р. Г.: Пожалуй, вы нашли очень точное слово. Даже занимая самые высокие посты в партии и государстве, он, по сути, оставался пешкой. Разумеется, при жизни Сталина.

Ю. Б.: Первый крупный пост, который доверен Берии, — руководство Закавказской партийной организацией. Здесь он и отличился. Нет, я не имею сейчас в виду репрессии. В 1935 году он

выступает с докладом об истории большевистских организаций в Закавказье и в этом докладе, который был издан потом отдельной книгой, доказывает, что наша партия возникла из двух центров: один — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным, другой — в Закавказье, во главе со Сталиным. Вот она, теория двух вождей, двух центров, очень милая сердцу Сталина. Собственно, он сам ее выдвинул. Сделал он это очень осторожно, сразу после смерти Ленина в 1924 году. Но тогда никто эту версию не принял всерьез, да и подручных «разработчиков» еще не было. Теперь такой человек нашлся.

За эту книгу Берия получил Ленинскую премию. Кстати, он был в числе последних довоенных лауреатов этой премии. С 1939 года премии стали называться Сталинскими.

Вспомним, это был 1935 год. «Краткого курса истории ВКП(б)» еще нет. Но его концепция уже заложена.

Р. Г.: Берия продолжался долго, очень долго. Есть этому и объективные причины: война, послевоенная разруха. Механизм репрессий если и не был остановлен, то был серьезно заторможен. И все же не получилось ли так, что Сталин попал в какую-то зависимость от этого человека, не мог без него обойтись?

Ю. Б.: Я думаю, что это не власть, но, безусловно, довольно сильное влияние. В то же время я никогда не назвал бы этого человека соратником. Это просто слуга для исполнения самых мерзких поручений.

Следует заметить, что появление такого человека свидетельствовало о серьезной деформации отношений в окружении Сталина с конца 30-х годов. Оно принципиально отличалось от окружения Ленина вот еще в каком отношении. Для меня всегда важно, как люди дышат. На работе каждый выполняет функции, заданные родом деятельности, а в отдыхе мы больше раскрываемся как люди. Так вот окружение Ленина — это было окружение шахматистов, любителей музыки... А окружение Сталина было компанией людей, которые собирались за столом на ближней даче, в Кунцеве. Сам Сталин нил мало, преимуще-

ственно марочные сухие вина. Но ему нравилось, чтобы при нем напивались до помрачения рассудка. Такие обильные возлияния вошли в традицию. В кругу этих людей и родилось по отношению к Сталину слово «хозяин». Появление этого термина в большевистской среде уже само по себе беспрецедентно. Это говорило об очень серьезных отступлениях от ленинских принципов. Трудно, невозможно себе представить, чтобы Дзержинский, Свердлов да и сам Сталин могли называть Ленина «хозяином».

Так вот отношения Сталина и Берия были отношениями хозяина и слуги. Сталин мог его оскорбить, ударить по щеке, плеснуть в лицо чай. Такая вот чудовищная, противозастенственная связь. И соответствующие этому отношения.

Р. Г.: И все же Берия был обречен. Это страшная, в общем-то, мысль, к которой мы с вами приходим: на ключевые посты в репрессивном аппарате ставились люди, заранее обреченные. Наверное, будет правильно предположить, что в какой-то степени Сталин сам опасался этих людей, обладавших слишком большой властью и специфической информацией. У таких людей закономерно возникает желание сделать эту власть абсолютной. История знает немало таких примеров.

Ю. Б.: Вы затронули очень важный момент, к сожалению, у нас мало освещенный. Действительно, как опытный политик, Сталин отчетливо понимал опасность этого сконструированного им механизма, заложником и рабом которого стал сам. А мысль о том, что слуга может захотеть стать «хозяином», справедлива. Собственно, Берия на это рассчитывал, он к этому шел, в этом видел единственную возможность выжить.

Р. Г.: Известно, что в последние годы жизни Сталина резко сократился круг людей, с ним общавшихся. Фактически Берия был одним из немногих, кто доводил волю «хозяина» до высших руководителей. Есть свидетельства, показывающие, что он начал плести интриги вокруг Сталина. Сталину смогли доказать, что много лет наблюдавший его врач — академик Виноградов — тайный враг. И Сталин, который прекрасно знал подоплеку «отравления» врачами Куй-

бышева, Менжинского, Горького, в это поверил! Был отстранен начальник его охраны — генерал Власик. Перетасовывались другие люди в его личном окружении, охране.

Ю. Б.: Все это, конечно, не случайно, но Берия терпеливо ждал своего часа. Он наступил после смерти Сталина. Тогда произошло укрупнение руководства в стране. Берия, в частности, объединил руководство госбезопасностью, внутренними делами. Он являлся членом Президиума ЦК (созданного в 1952 году вместо Политбюро), заместителем Председателя Совмина. Сейчас выходит на экраны очень любопытный художественный фильм «Холодное лето пятьдесят третьего...» талантливого режиссера А. Прошкина. В этом фильме, художественными, естественно, средствами, описывается атмосфера в стране, о которой я хочу вам рассказать.

После смерти вождя Берия стал инициатором очень широкой амнистии (заметим, она коснулась в основном уголовных элементов). Выход на свободу тысяч уголовников резко обострил обстановку в стране. Резко возросло число преступлений, в том числе самых опасных. Внутренние войска были поставлены фактически под ружье, выведены на улицы. Как и создатели фильма, я уверен, что Берия сознательно накалял атмосферу, имея в виду захват власти. С одной стороны, «стимулировалась» потребность в сильном, уверенном лидере, с другой — под руками силы, подконтрольные ему. Известно и другое: на членов Политбюро, других крупных руководителей были заведены досье. Готовились и идеологические предпосылки будущего захвата власти и, несомненно, расправы с политическими противниками.

Президиум ЦК тех лет (и надо отдать должное этим людям) смог найти верное решение, устранить Берия от власти.

Одним словом, люди его типа — это были фигуры, в общем, преступные. От начала и до конца.

Р. Г.: Почта редакции приносит нередко читательские письма, авторы которых, гневно осуждая недостатки нашей жизни, считают, что их виновников необходимо «расстрелять», «повесить

на площади, чтобы все видели», «четвертовать» и т. д. Все это предлагается вполне серьезно, иногда как мера за мелкие прегрешения, даже несогласие с точкой зрения оппонентов.

Давайте признаем: не одно поколение советских людей выросло пропитанное этим духом, может быть, поэтому, будем откровенны до конца, так сложно идет перестройка. Антидемократические традиции вошли в кровь и плоть многих людей.

Ю. Б.: Я думаю, что это, вероятно, один из коренных вопросов перестройки, потому что в каждом из нас до сих пор находится нечто мешающее во всю силу включиться в перестройку. А перестройка требует не только революционной решительности и безоглядности, но и высокой нравственности, мудрости.

Командно-бюрократическая система имела свою социальную базу, пустила корни, и эти корни существуют до сих пор.

Разумеется, все это было обусловлено и уровнем культуры населения, и уровнем образования кадров в системе управления. Во второй половине 20-х годов около половины населения старше 9 лет еще было неграмотно. Даже в партии неграмотные составляли 3 процента. К началу 40-х годов около 20 процентов населения все еще оставалось неграмотным. Среди секретарей райкомов и горкомов партии в это время более 70 процентов имели лишь начальное образование, а среди секретарей обкомов, райкомов и ЦК компартий союзных республик — более 40 процентов. Естественно, что большинство этих людей испытывало большие затруднения в работе и нуждалось в подробных инструкциях сверху. После войны дефицит образованных людей все еще был велик. Понятно, что это накладывало заметный отпечаток на деятельность людей, способствовало внедрению и упрочению культа личности. До сих пор следы культа личности отчетливее в той среде, где ниже уровень образования, хотя, конечно, не только он имеет значение, но и психология, очень давние исторические традиции и многое другое.

К сожалению, эта тема недостаточно изучена еще историками. А вопрос этот

имеет принципиальное значение. Борьба с администрированием, бюрократической централизацией, культом личности, произволом, нарушениями социалистической законности проходит через всю историю 20—50-х годов. Она свидетельствует о духовном здоровье социалистического общества.

Но корни этой системы, как я уже говорил, остались и сегодня. Вот этот механизм торможения и мешает нам. Почему, спрашивается, осталась унижающая людей, в частности руководителей высокого ранга, особенность склонять голову перед приказом «сверху», не рассуждая при этом?

Дело в том — и надо сказать правду до конца — эти люди определенным образом стимулировались, поддерживались системой. В общем, уровень их обеспечения был обеспечением по потребностям. Работали они очень много, сверх всяких норм. Многие из них изнашивались и уходили из жизни очень рано. Вот А. Щербаков. В годы войны — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), а также секретарь МК и МГК ВКП(б) (тогда эти посты совмещались). Он также был начальником Главного политического управления Советской Армии, заместителем министра обороны, возглавлял Совинформбюро и имел другие постоянные важные поручения. Причем везде он работал очень много. В 1945 году, когда он умер, ему было едва за сорок. И А. Щербаков не был исключением. Так работали многие руководители. В этом смысле оплата по потребностям была оплатой по труду. И все-таки в тех условиях это порождало очень серьезные элементы социальной несправедливости. Эти люди получали несравненно больше, жили совершенно иначе, чем жил народ. И некоторые утрачивали даже представление о реальной жизни. Вспомните, как описывает А. Бек в романе «Новое назначение» вынужденное путешествие в метро двух наркомов. Вспоминаю в этой связи и выступление в студенческой аудитории после войны одного из секретарей ЦК ВЛКСМ: оказалось, что он не знает, сколько стоит трамвайный билет.

Я думаю, что и сейчас еще сохранилась немалая часть людей, которая дер-

жится за свои привилегии, сопротивляется перестройке. Не будем заблуждаться, материальные стимулы далеко не самое главное здесь. Одна из важных привилегий состоит в праве указывать нижестоящим, не считаясь ни с чем, в праве требовать выполнения решений любыми средствами.

Р. Г.: Смерть Сталина для немалой части его современников стала концом тяжкого пути, который им довелось пройти в годы культа личности. Для других (а их тоже немало) это стало трагедией: люди просто не представляли, как будут жить без «отца народов». Какой урок, на ваш взгляд, предстоит вынести молодому человеку, который пытливо вглядывается в отечественную историю? Он знает, что в эти годы были не только ужасы. Люди жили, любили друг друга, мечтали о будущем. Эти люди победили в войне, они строили социализм.

Ю. Б.: Таких уроков несколько.

История периода, о котором мы говорили, противоречива. Многие, к сожалению, особенно в годы застоя, утратили дух, присущий людям той поры. Безоглядная вера в идеал, готовность самоотверженно и бескорыстно работать во имя будущего, какая-то беззаветная самоотдача, часто аскетичность, принимаемая как должное, — вот этими качествами, мне кажется, сейчас мало кто наделен. Находятся люди, утверждающие, что в те годы коррупции не было из-за страха жестокого наказания. Это не совсем так, хотя такого широкого разложения, как в годы застоя, не было. Но думается, что дело здесь не в отсутствии страха (за хищения, взяточничество и сегодня сроки дают немалые), а в том, что, несмотря на деформации, в целом еще существовали другие моральные критерии, другая нравственная атмосфера.

Вместе с тем мы должны решительно осудить нравственные потери того времени. В том, что я говорю, нет противоречия, это диалектика, реальность жизни.

У многих людей тот период породил чувство лицемерия, страха, а как следствие — приспособленчество, духовный конформизм.

Мой отец до войны занимался партийной работой, членом партии была и мать, и я хорошо помню, как изменилась обстановка в доме после смерти С. Орджоникидзе. Я не знаю, о чем думали мои родители, но ощущение тревоги, вошедшей в дом, запомнилось. Это нечто, вошедшее в детское сознание, не было чем-то мифическим, как страшная сказка, прочитанная перед сном и забытая утром. Ощущение опасности подтверждалось тем, что происходило вокруг. Еще в те годы, когда широкие репрессии только назревали, было принято решение о запрещении членам партии иметь оружие. У отца с гражданской войны остался пистолет, и не подчиниться такому решению он не мог. Дело было не в чувстве страха, просто для подавляющего числа коммунистов партийная дисциплина была превыше всего. Но он понимал и другое: сданное оружие может вызвать подозрение. Не сегодня, так завтра. Поэтому он, находясь в командировке, по частям выбрасывал из окна поезда разобранный им пистолет.

Такая атмосфера деформировала сознание, ломала слабые души.

Но надо сказать и вот о чем. Даже в этих сложнейших моральных и человеческих испытаниях многие коммунисты, да и те, кто не состоял в партии, но вырос, был воспитан Октябрем, смогли сохранить свое человеческое достоинство, веру в торжество справедливости, идеалы революции. Это, кстати, тема, к которой наша печать, публицистика, театр и кино обращаются нечасто, неохотно. Надо помнить и знать всю картину в целом. Речь идет о создании объективной картины. Пытаться остановить этот процесс невозможно, нереально. Затормозить его можно. Это пытались в былые годы делать неоднократно. Результаты мы пожинаем сегодня. Это была страусиная политика, которая привела к деформации сознания. Однако суд истории все равно наступит.

Комсомольская правда, 1988, 2 апреля

Серго Микоян, доктор исторических наук

Он властвовал над судьбами многих, страхом внушая покорность. Но не уважение. Спустя годы суд народной памяти вынес Берии свой приговор.

«Самый ценный наш капитал — кадры! Учти, Лаврентий...» — такой печальный анекдот появился во второй половине 1950-х годов, когда на XX съезде партии была сказана суровая правда о беззакониях «периода культа личности», как в ту пору именовали годы авторитарного правления. Первая фраза произносилась с пафосом, как бы с трибуны в зал, а вторая — вполголоса, кому-то, кто находился недалеко.

Действительно, он, Лаврентий, лысоватый, невысокий человек в пенсне, был всегда поблизости. Всегда с тех пор, как в начале 1930-х годов сумел продемонстрировать личную преданность и готовность выполнять любые поручения, какого бы они ни были деликатного свойства. (Все, что я рассказываю здесь, мне известно от отца и других участников и очевидцев событий.)

Лаврентий Павлович Берия возглавлял ГПУ Грузии (Грузия вместе с Азербайджаном и Арменией входила тогда в Закавказскую Федерацию). Сталин приехал в 1931 году на отдых в Цхалтубо. Туда и направился Берия, формально — обеспечить безопасность, а на деле — втереться в доверие и таким путем сделать карьеру. Берия пробыл в Цхалтубо до самого отъезда Сталина. Они поняли друг друга хорошо, хотя раньше никогда не виделись. Настолько хорошо, что прямо из Цхалтубо в Москву было передано распоряжение подготовить заслушивание в ЦК — вне всякого плана — докладов партийного и советского руководства Заккрайкома и всех трех республик. Никто не мог понять — почему? В связи с чем? Даже, скажем, секретарь ЦК Каганович, судя по всему, не владел иной информацией, кроме лаконичного текста телеграммы из Цхалтубо. Само заседание началось без всякой подготовки. Вел его Каганович. Приехавшие в Москву — Картвелишвили (первый секретарь Заккрайкома), Яковлев (второй секретарь), Орахелашвили (Председатель Совнаркома Федерации), а также другие руководители: Буннат Заде, Девдариани, Ханджян, Полонский, Тер-

СЛУГА

Габриэлян, Мусабеков, Догадов — были в недоумении.

Как вспоминает участник заседания, член партии с 1917 года А. В. Снегов, тогда — зав. орготделом Заккрайкома, все обратили внимание на отсутствие Серго Орджоникидзе. «Улучив удобную минуту, — пишет в своих воспоминаниях А. В. Снегов, — я спросил сидевшего рядом Микояна: «Почему нет Серго?» Тот ответил мне на ухо: «Да с какой стати Серго будет участвовать в коронации Берии? Он его хорошо знает». Так вот в чем дело! Я, таким образом, первым из приехавших узнал, что нам предстоит».

Само заседание было рядовым, обсуждались разные вопросы. Главное Сталин высказал в конце своего выступления, практически уже закончив его. Набивая табаком трубку, ставшую потом знаменитой, он вдруг сказал: «А что, если мы так сформируем новое руководство крайкома: первый секретарь — Картвелишвили, второй секретарь — Берия?» Любопытно, что в эту пору, оказывается, еще могло иметь место несогласие. Пока не перевелись оппоненты, способные открыто возражать и отстаивать иные точки зрения.

Картвелишвили среагировал сразу и по-кавказски эмоционально: «Я с этим шарлатаном работать не буду!» Орахелашвили спросил: «Коба, что ты сказал, может, я ослышался?» — «Мы не можем привезти такой сюрприз парторганизациям», — бросил Тер-Габриэлян. Никто не поддержал предложения. Тогда «демократическое обсуждение» было мгновенно прекращено. Сталин гневно сказал: «Ну что ж, значит, будем решать вопрос в рабочем порядке».

В течение нескольких месяцев руководство края было перетасовано. Картвелишвили был направлен к Эйхе в Западно-Сибирский крайком, Яковлева сделали руководителем «Востокзолота», Догадова послали на Урал. Первым секретарем Заккрайкома стал Мамия Орахелашвили, а вторым, естественно, Берия. Но ненадолго: вскоре Орахелашвили вызвали в Москву и назначили заместителем директора Института Маркса — Энгельса — Ленина. И первым секретарем остался Берия. После

реорганизации Закавказской Федерации он стал первым секретарем ЦК КП Грузии. Далее еще более крутой и двусмысленный поворот. «Через два месяца после этого в 32 районах Грузии появились новые первые секретари райкомов, — рассказывает Снегов. — Они до этого занимали посты начальников районных отделов НКВД. Мне кажется, это очень характерно. Не менее характерно, чем тот факт, что никто из тех, кто был вызван в Москву, не умер естественной смертью. Я один выжил после 18 лет в лагерях...»

Вскоре Берия становится и «историком». Выходит книга «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья». Текст составлен грузинскими историками в качестве доклада, зачитанного Берией на активе. Разумеется, авторы вскоре были расстреляны, а книга благополучно вышла в свет за подписью Л. П. Берии. Роль Сталина он, конечно, изо всех сил постарался «высветить».

Светлана Аллилуева в своей первой книге, вышедшей за границей, пыталась создать «розовую легенду», согласно которой Берия, этот «злой гений», обманывал, сбивал с толку Сталина, используя его доверчивость. Такая легенда, между прочим, еще до Берии имела хождение в связи со зловещей фигурой Ежова. По этому поводу тот же Снегов, вплоть до своего ареста занимавший видные посты в партии, писал: «Надо не знать тогдашней обстановки в ЦК, степени концентрации власти в руках Сталина, когда члены Политбюро не имели права защищать своих заместителей, боевых друзей, в верности которых они были убеждены, своих жен и даже детей; надо не знать Сталина, чтобы, не кривя совестью, всерьез валить на Ежова ответственность за уничтожение многих членов ЦК, делегатов XVIII съезда партии, секретарей ЦК, членов Политбюро».

И все же на эту тему не прочь порассуждать даже и сегодня кое-кто из плохо информированных людей, у которых недостает либо желания, либо сил принять историческую правду такой, какой она была.

А правда предельно проста: до Берии его роль уже играли поочередно Ягода,

Ежов, но управлял этими марионетками неизменно один человек. После Берии и параллельно с ним были Меркулов, Абакумов и многие другие подручные меньшего калибра.

Без понимания этого не разобраться во многих парадоксах. Почему, скажем, в 1938 году Берия, заменив Ежова на посту наркома внутренних дел, поставил на Политбюро ошеломляющий вопрос, звучавший примерно так: может, пора уж поменьше сажать, а то скоро вообще некого будет сажать? Люди старшего поколения помнят некоторое затухание волны арестов. Кое-кого даже начали выпускать. Это дало Берии определенную поддержку тех, кто, оставаясь формально в составе руководства, не мог и пальцем пошевелить, чтобы остановить запущенную машину репрессий.

Как же Берия осмелился высказаться подобным образом? Причина очевидная: требовалось для разрядки слегка выпустить пар из котла, сказать что-то о «перегибах», взвалить вину на кого-то (в данном случае — на Ежова). А потом? А потом спокойно продолжать делать «нужное» дело.

Берия не гнушался личным участием в допросах. У себя в кабинете в Тбилиси, по свидетельству современников, он собственноручно застрелил первого секретаря ЦК КП Армении Ханджяна. Он безжалостно расправлялся не только с теми, кто долго работал со Сталиным и знал ему цену, но и с теми, кто хотя бы более или менее знал его, Берия, до невиданного возвышения. Поэтому Компартия Грузии пострадала, наверное, больше, чем компартии соседних республик.

Выделялся Берия хитростью, ловкостью, умением внушать «хозяину», что он не вышел и не выйдет в тираж, а еще долгие годы останется полезен. И он оставался полезным...

К числу качеств Берии относилось и наличие определенных организаторских способностей. Во время войны это помогло ему показать себя не только в НКВД, но и в делах, касавшихся обороны. Правда, ему помогало и то, что он свободно распоряжался огромной рабочей силой, сосредоточенной в лагерях. Да и одна лишь ссылка типа «Берия

приказал...» действовала абсолютно безотказно.

Но одновременно он старался не ослабить и свое наблюдение за работой нового наркома внутренних дел Меркулова. Это ему разрешилось. Если, правда, не противоречило основному правилу режима «культы личности»: репрессивный аппарат должен напрямую подчиняться первому человеку и контролироваться в конечном итоге только им. Судьба людей, известных Сталину, вообще могла решаться только им самим, и никем больше. Никакой Берия ничего не мог тут поделывать. Берия, например, ненавидел академика П. Л. Капицу. Сославшись на то, что Капица не занимается проблемой расщепления атома, а сосредоточился на новейшем, простом и дешевом производстве кислорода (что, кстати, было чрезвычайно важно для всей промышленности!), Берия сумел добиться снятия его с должности директора Института физических проблем АН СССР, а затем и начальника Главкислорода. Капица был вынужден сам создать небольшую лабораторию на своей даче и жить там безвыездно. Но разрешения на арест его Берия от Сталина так и не получил, а следовательно, не мог тронуть его и пальцем.

Люди, знающие слишком много, обычно бывают неудобными. Талант Берии заключался еще и вот в чем. Он предельно долго не допускал, чтобы у Сталина возникла подобная мысль в отношении к нему, к Берии. И все же наступал и его час... Министру госбезопасности Абакумову в начале 1950-х годов было поручено произвести аресты ближайших сподвижников Берии, например министра госбезопасности Белоруссии Цанавы и некоторых других. Создавалось так называемое «мингрельское дело» (многих подручных Берии подбирал из своих земляков). Когда Сталину докладывали о продвижении дела, он комментировал: ищите большого мингрела. Он, вероятно, посчитал, что и Абакумов «много знает», а может быть, к тому же слишком связан с Берией, — в результате министром заменил...

Но тут как раз в 1952 году внимание его отвлекло более срочное и эффективное «дело врачей-отравителей». Новый ми-

нистр, бывший партийный работник Игнатьев, оказался человеком наивным. Он не находил улики против группы арестованных врачей самой высокой квалификации, вообще никаких данных об их вредительской деятельности, кроме письма некоей Тимашук, работавшей в Лечебно-санитарном управлении Кремля. «Да и никто из врачей не признается!» — докладывал он Сталину в присутствии нескольких членов Политбюро (регулярных заседаний Политбюро обычно не проводилось. Те, что приглашались к Сталину на дачу, на ужин, тем самым участвовали и в заседаниях). И услышал ответ: «Если вы не найдете улики, а они не признаются, вы будете там же, где они...» Последовали «признания», улики фабриковались следователями, менее наивными и более опытными в таких делах, чем их новый министр.

Первые числа марта 1953 года. Ночь. Сталин, имевший повышенное кровяное давление, идет в баню. Его оставляют одного в комнате, где на диване приготовлена постель. Вставал он не раньше двенадцати, а то и часа дня, никто не мог зайти к нему без вызова. Два часа, три, четыре, пять. Встревоженные работники охраны не знают, как им быть. Наконец, зовут кухарку, простую русскую женщину, пожилую, давно уже работающую у «хозяина» (может быть, одну из немногих людей, которым он пока еще доверяет). Она стучит в дверь. Нет ответа. Стучат все громче. Наконец решаются взломать дверь. На полу, недалеко от дивана, лежит «хозяин». Сильнейший инсульт, полный паралич, в том числе речи. Лишь смотрит сердито на окружающих, на прибывших врачей (уже новых!). На членов Политбюро, что оповещены Маленковым и съезжают на дачу. Проходит три-четыре дня.

Кончается эпоха...

Но Берия этого еще не понимает. Он откровенно не огорчен. По его расчетам, все складывается как нельзя лучше. Официальный «наследник» Маленков — ведь это он делал только что отчетный доклад на XIX съезде в конце 1952 года — слабый человек, находящийся под его влиянием. Теперь он, Берия, не только не должен бояться Сталина, те-

перь он сам станет фактически у руля всей страны.

Эйфория Берии, человека наглого, не считающего нужным скрывать свои чувства, становится заметной для сына Сталина, Василия. С его легкой руки рождается легенда, что отца его «залечили», а возможно, даже отравили (легенду эту начинает потом «обосновывать» известный за рубежом «советолог» Авторханов, вторя Василию, который страстно хотел, чтобы к отцу его вернулась хотя бы речь, — тогда бы отец сумел приказать расстрелять всех в Политбюро, кто осмелился его пережить).

Берия между тем «набирает очки». Вспомнив, вероятно, 1938 год, он пересматривает «дело врачей». Сразу же после смерти «хозяина» врачей реабилитируют, освобождают, а нескольких следователей во главе с Рюминым приговаривают к расстрелу. Следователей не просто делают «козлами отпущения». Вполне заслуженной карой, их постигшей, надо показать всем, что времена меняются к лучшему — причем благодаря Берии.

Времена действительно меняются, но этому человеку, вскормленному интригами и преступлениями, не дано разобратся, в каком направлении. По его понятию, партия давно уже морально раздавлена репрессивным аппаратом, она никогда не сможет восстановить свою роль в обществе. Он не в силах уяснить, что его подсчеты, кто чего стоит, сами по себе мало что стоят, ибо основаны на знании лишь механики «дворцовых переворотов», а не законов развития социалистического общества. Это общество отторгнет его самого, его аппарат, жуткую машину, создававшуюся два десятка лет.

И вот летом 1953 года в ходе одного из заседаний Политбюро (переименованного перед смертью Сталиным в Президиум) в Кремль вызывается группа маршалов и генералов Советской Армии. Им поручается арестовать Берию и препроводить его в штаб Московского гарнизона.

Суд над Берией был скорым. Может быть, слишком скорым. Пожалуй, следовало бы заставить его рассказать многое, что облегчило бы работу сегодняшних

историков... Пожалуй, следовало бы хорошенько разобраться, прежде чем записывать его в чьи-либо «агенты», как это сделали под горячую руку (даже если его работа агентом мусаватистской разведки в 1919 году в Баку и не была действительно выполнением партийного задания, как Берия пытался утверждать).

Но дело, конечно, не только и не столько в этом. Дело в том, что кончилась целая эпоха...

История высоко оценивает значение XX съезда партии. Руководители КПСС во главе с Н. С. Хрущевым положили конец тем безобразным явлениям, которые на время исказили облик нашего общества, привели к неоправданным жертвам.

Сейчас речь идет о создании подлинной, объективной истории партии и советского общества. На последнем Пленуме ЦК партии подчеркивалось: вопрос в том, чтобы написать правдивую и полную историю, которая была бы историей жизни и борьбы народа. Со всеми победами и неудачами, светлым и трагическим, революционным энтузиазмом масс и нарушениями социалистической законности, а подчас и преступлениями...

Порой задают вопрос: зачем трогать призраки, зачем будоражить прошлое? Ответ однозначен: прошлое надо знать. В том числе и для того, чтобы будущее стало окончательно свободным от прошлого.

Комсомольская правда, 1988, 21 февраля

Федор Бурлацкий,
член Союза писателей СССР,
политический обозреватель
«Литературной газеты»

ХРУЩЕВ

Штрихи к политическому портрету

Хрущев и его время. Один из бесспорно важных и, быть может, самых непростых периодов нашей истории. Важных — потому что непосредственно перекликается с идущей сейчас в стране перестройкой, с нынешним процессом демократизации. Непростых — потому что касается десятилетия, которое поначалу называлось «славным», а потом осуждено как период волюнтаризма и субъективизма. В то время состоялись XX и XXII съезды партии, ставшие отражением острых политических борений, определивших новый курс страны. При Н. С. Хрущеве сделаны первые шаги к возрождению ленинских принципов и очищению идеалов социализма. Тогда же начался переход от «холодной войны» к мирному сосуществованию и заново пробито окно в современный мир. На том крутом изломе истории общество вдохнуло полной грудью воздух обновления и захлебнулось... то ли от избытка, то ли от нехватки кислорода.

Долго, очень долго об этих бурных годах не принято было говорить. Как будто чья-то рука начисто вырвала целую главу из нашей летописи. Почти двадцать лет лежало табу на имени Хрущева. Но жизнь берет свое. В докладе о 70-летию Октября, с которым выступил М. С. Горбачев, мы услышали давно ожидаемое слово о том времени — что было тогда сделано, недоделано или сделано не так. О том, что дожило до 80-х годов и что было размыто, утрачено в период застоя.

Так в чем же сложность и противоречивость личности, с которой мы связываем один из переломных моментов современной истории?..

Не ставя задачи ответить на все накопившиеся вопросы, хочу лишь поделиться личными воспоминаниями и некоторыми суждениями, навеянными сравнениями дня нынешнего и дня минувшего*.

Кто кого находит — история личность или личность историю? Я много размышлял и писал о таких несхожих и противоположных политических фигу-

рах XX века, как Ленин и Сталин, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин... Но до сих пор не могу с полной ясностью ответить самому себе на этот вопрос.

Помните у Булгакова: можно ли говорить о свободе человеческой воли, если мы не в состоянии иметь план хотя бы на какую-нибудь тысячу лет? И другое: кирпич на голову человека случайно не падает — все предопределено. Нам тоже в юности внушили веру в предопределение, правда, оно называлось научно — закономерность. Быть может, это шло от Гегеля: все действительно разумно. Это значит, что было, то и должно было быть. И только с возрастом и опытом мы стали понимать многовариантность истории. В ней заложены разные возможности, в игре участвуют разные фигуры. Пешка добегают до последней линии и превращается в ферзя. Или ферзь попадает в ловушку и становится жертвой пешки... Я не вхожу здесь в обсуждение проблемы «народ и личность». В конечном счете именно идущие от народа социальные и нравственные импульсы определяют лицо эпохи. Но в конкретный период огромный отпечаток на нее накладывает и крупная историческая личность. Как бы там ни было, очевидно одно: политический деятель, особенно руководитель страны, не только выступает как орудие истории, но и самым непосредственным образом влияет на события и судьбы.

Как могло случиться, что после Сталина к руководству страной пришел именно Хрущев? Вроде бы Сталин сделал все, чтобы «очистить» партию от любых своих противников — подлинных и мнимых, «правых» и «левых». В 50-х годах передавалась из уст в уста якобы одна из его афористичных фраз: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». В результате в живых остались, казалось бы, самые верные, самые надежные. Как же Сталин не разглядел в Хрущеве могильщика своего культа?

В последние годы, незадолго до кончины, Сталин подверг опале Молотова и Микояна, готовя им, вероятно, такую же участь, какая постигла других руководителей, уничтоженных при их помощи и поддержке. Создание на XIX съезде

* Автор статьи, в 60-х годах работая в центральном аппарате партии, неоднократно сопровождал Н. С. Хрущева в его поездках за рубеж.

Президиума ЦК КПСС, заменившего более узкое по своему составу Политбюро, было шагом к «отстрелу» следующей генерации засидевшихся соратников. Но Сталин — парадокс! — «не грешил» на Хрущева.

Старческое ослепление? Пожалуй, нет. Никколо Макиавелли, этот блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: «Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком». Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций. Рассказывали, что во время длительных ночных посиделок на ближней даче в Кунцеве, где вождь жил последние тридцать лет, Хрущев отплясывал гопака. Ходил он в ту пору в украинской косоворотке, изображая «широго казака», далекого от каких-либо претензий на власть, надежного исполнителя чужой воли. Но, видимо, уже тогда Хрущев глубоко затаил в себе протест. И это выплеснулось на другой день после кончины Сталина.

Хрущев пришел к власти не случайно и одновременно случайно. Не случайно потому, что он был выразителем того направления в партии, которое в других условиях и, вероятно, по-другому оказалось представлено такими во многом несхожими деятелями, как Дзержинский, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Киров. Это были сторонники развития нэпа, демократизации, противники насильственных мер в промышленности или в сельском хозяйстве, а тем более в культуре. Несмотря на жестокие сталинские репрессии, это направление никогда не умирало. В этом смысле приход Хрущева был закономерным.

Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столкнулся с Берией, если бы «сталинская гвардия» сплотилась в 1953 году, а не в июне 1957 года, не быть бы Хрущеву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу. Нам трудно сделать это допущение, но на самом деле все висело на волоске.

И все же история сделала правильный выбор. То был ответ на реальные проблемы нашей жизни. Все более нищавшая и, по сути, полуразрушенная деревня, технически отставшая промышлен-

ность, острейший дефицит жилья, низкий жизненный уровень населения, миллионы заключенных в тюрьмах и лагерях, изолированность страны от внешнего мира — все это требовало новой политики, радикальных перемен. И Хрущев пришел — именно так! — как надежда народа, предтеча Нового Времени.

Нас тогда глубоко волновало все, что было связано с XX съездом КПСС. Как решился Хрущев выступить с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачений? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную власть и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе послесталинского руководства не было ни одного деятеля, который решился бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущев, и только Хрущев, на мой взгляд, мог сделать это — так смело, так эмоционально, а во многих отношениях и так необходимо. Надо было обладать натурой Хрущева — отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Бесспорно, интересна его собственная оценка момента, прозвучавшая во время встречи с зарубежными гостями:

— Меня часто спрашивают, как это я решился сделать тот доклад на XX съезде. Столько лет мы верили этому человеку! Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой риск... Уж поскольку меня избрали Первым, я должен, обязан был сказать правду. Сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал. Еще Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет. Мы извлекли уроки из прошлого и хотели бы, чтобы такие уроки извлекли и другие братские партии, тогда наша общая победа будет обеспечена.

Но дело было, конечно, не только в чувстве долга, о котором говорил Первый секретарь. Мне не раз приходилось слушать воспоминания Хрущева о Ста-

лине. Это были пространные, нередко многочасовые размышления-монологи, как будто разговор с самим собой, со своей совестью. Он был глубоко ранен сталинизмом. Здесь перемешалось все: и мистический страх перед Сталиным, способным за один неверный шаг, жест, взгляд уничтожить любого человека, и ужас из-за невинно проливаемой крови. Здесь было и чувство личной вины, и накопленный десятилетиями протест, который рвался наружу, как пар из котла... Характерна в этом смысле его речь, произнесенная на банкете в Кремле, где присутствовали участники Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 году.

Старшее поколение, конечно, помнит эту характерную личность, а младшее, наверное, никогда не видело даже его портретов. В ту пору ему было уже за 60 лет, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни. Это впечатление, так сказать, простонародности усиливалось плотной, полноватой фигурой и длинными руками, которые почти непрерывно жестикулировали. И только глаза, маленькие, серо-синие, с острым взглядом, глаза, излучавшие то доброту, то властность и гнев, только, повторяю, глаза выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам.

Именно таким я увидел его тогда и таким запомнил, хотя больше все-таки привлекла меня сама речь. То, что я слышал, при мне повторялось по меньшей мере еще дважды в другой обстановке, более камерной, в присутствии всего нескольких человек. Но что удивительно — он повторял этот рассказ почти слово в слово.

Когда Сталин умер, мы, члены руководства ЦК, приехали на ближнюю дачу в Кунцево. Он лежал на диване, и врачей возле него не было. В последние месяцы своей жизни Сталин редко при-

бегал к помощи врачей, он их боялся. Берия его, что ли, напугал или он сам поверил, что врачи плетут какие-то заговоры против него и других руководителей. Пользовал его тогда майор из охраны, который был когда-то ветеринарным фельдшером. Он же и позвонил о кончине Сталина...

Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать. А как начать разговор с другими руководителями?..

И вот прошло время, и я стал объезжать по одному членов Президиума. Опаснее всего было с Маленковым, друзья ведь были с Лаврентием. Ну, я приехал к нему, так и так, говорю, пока он гуляет на свободе и держит в своих руках органы безопасности, у нас всех руки связаны. Да и неизвестно, что он в любой момент выкинет, какой номер. Вот, говорю, специальные дивизии почему-то к Москве подтягиваются.

И надо воздать должное Георгию — в этом вопросе он поддержал меня, переступил через личные отношения. Видимо, сам боялся своего дружка. А Маленков был Председателем Совмина и вел заседания Президиума ЦК. Словом, ему было что терять, но в конце разговора он сказал: «Да, верно, этого не избежать. Только надо сделать так, чтобы не получилось хуже».

Потом я поехал к Ворошилову. Вот здесь сидит Клим Ефремович, он помнит. С ним пришлось говорить долго. Очень он беспокоился, чтобы не сорвалось все. Верно я говорю, Клим?

— Верно, верно, — громко подтвердил Климент Ефремович. — Только бы войны не было, — прибавил он почему-то не совсем кстати.

— Ну, насчет войны — это отдельный разговор, — заметил Первый. — Значит, поехал я тогда к Кагановичу, выложил ему все, а он мне так: «А на чьей стороне

большинство? Кто за кого? Не будет ли его кто поддерживать?» Но когда я ему рассказал обо всех остальных, он тоже согласился.

И вот пришел на заседание. Сели все, а Берия нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Я сразу сообразил, что у него там! У меня на этот случай тоже было кое-что припасено...

Тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака и продолжал:

— Сел Берия, развалился и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берия. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто «за»? И первый руку поднимаю. За мной все остальные. Берия весь позеленел — и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! Шутить, говорю! Ты это брось! А сам нажимаю на кнопку. Тут вбегают два офицера из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). Я им приказываю: «Взять этого гада, изменника Родины, и отвести куда надо». И тут Берия стал что-то бормотать, бормотать... А ведь такой герой был других за холку брать и к стенке ставить. Ну, остальное вы знаете...

— Так вот, я хочу выпить, — тут он взял рюмку, — за то, чтобы такое никогда и нигде больше не повторилось. Мы сами смыли это грязное пятно и сделаем все, чтобы создать гарантии против подобных явлений в будущем. Я хочу вас заверить, товарищи, что мы такие гарантии создадим, и все вместе пойдем вперед к вершинам коммунизма!

Мне доводилось слышать, как Хрущев понимал свою роль в истории нашей

страны. Он говорил, что Ленин вошел в нее организатором революции, основателем партии и государства, а Сталин, несмотря на свои ошибки, человеком, который обеспечил победу в кровавой войне с фашизмом. Свое предназначение Хрущев видел в том, чтобы дать мир и благосостояние советскому народу. Он не раз говорил об этом как о главной цели своей деятельности.

Проблема, однако, заключалась в том, что он неясно представлял средства для осуществления этих целей. Несмотря на весь свой радикализм, он отверг критическое замечание Пальмиро Тольятти, который советовал искать корни культа личности в сложившейся системе, хотя Тольятти, конечно же, не ставил вопроса о замене социализма капитализмом, а имел в виду самое изменение режима личной власти.

Жажда новизны, деятельный характер были органическими чертами Хрущева. Широкая программа восстановления сельского хозяйства, создание совнархозов, интенсивное жилищное строительство, техническое перевооружение промышленности. Паспортная система в деревне, пенсионное обеспечение крестьян, повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся. Подготовка новой Программы партии, обновление основных законов, изменение принципов и стиля отношений с Западом. И даже знаменитая эпопея с кукурузой... Во всем отражался поиск своих путей и решений, его неуемный общественный темперамент. Хрущевское время было пропитано духовным возрождением, хотя процесс этот и носил явную печать прошлой эпохи, был противоречивым и нередко малоэффективным.

Именно Хрущев по собственной инициативе выдвинул задачу создать прочные гарантии против рецидивов культа личности. Он вел бескомпромиссную борьбу за это внутри страны и на международной арене, не считаясь с теми издержками, которые такая борьба могла привести в отношения с теми или иными странами, входившими в социалистический лагерь.

Главное значение Хрущев придавал идеологической стороне дела, необходимости до конца разоблачить культ лич-

ности, высказать правду о преступлениях 30-х годов и других периодов. Но сама эта правда, увы, была половинчатой, неполной. С самого начала Хрущев споткнулся на проблеме личной ответственности, поскольку многие в партии знали о той роли, которую сыграл он сам в преследовании кадров и на Украине, и в Московской партийной организации. Не сказав правды о себе, он не смог сказать всей правды о других. Поэтому информация об ответственности различных деятелей, не говоря уж об ответственности самого Сталина, за допущенные преступления носила однобокий, а нередко двусмысленный характер. Она находилась в зависимости от политической конъюнктуры. Например, разоблачая на XXII съезде КПСС В. Молотова и Л. Кагановича за избиение кадров в 30-х годах, Хрущев умалчивал об участии А. Микояна, который впоследствии стал его надежным союзником. Говоря о 30-х годах, Хрущев тщательно обходил период коллективизации, поскольку был лично замешан в перегибах того времени.

Хрущев стремился сформировать у всех членов Президиума ЦК общее отношение к культу Сталина. По его указанию каждый из выступивших на XXII съезде представителей руководства должен был определить свое отношение к этому принципиальному вопросу. После съезда, однако, оказалось, что многие из тех, кто метал громы и молнии против культа личности, легко пересмотрели свои позиции и вернулись, по сути, к прежним взглядам.

Вопрос о гарантиях против повторения где бы то ни было культа личности и его отрицательных последствий занял большое место при подготовке Программы партии. Мне довелось участвовать в этой работе. Помню, в частности, как готовилась записка в Президиум ЦК КПСС о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что имело важное значение, поскольку стереотип диктатуры пролетариата использовался в 30-х годах для обоснования репрессий. Записка была направлена О. В. Куусиненом и вызвала буквально скандал среди многих руководителей. Я сидел в кабинете у Куусинена, когда

один из членов руководства кричал ему по телефону: «Как вы могли покуситься на святая святых ленинизма — на диктатуру пролетариата?» И только благодаря энергичной поддержке Хрущева эта идея попала в Программу партии.

Один из практических выводов, если говорить о прошлом, был связан также с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Этот вопрос вызвал больше всего споров. Идея ротации кадров, которая исходила от Первого, претерпела ряд изменений. Было проработано не менее десяти вариантов формулировок, которые бы дали ей адекватное воплощение. Хрущев хотел создать хоть какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, «засиживания» руководителей, старения кадров на всех уровнях, начиная с первичных организаций и кончая верхним эшелонem. Что касается первичной организации, то это не вызвало особых споров. Но относительно ротации наверху мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже ему, с его авторитетом, упорством и настойчивостью, пришлось отступить.

В первоначальном проекте фиксировались принципы, согласно которым можно находиться в составе высшего руководства не больше двух сроков. Это вызвало бурные протесты со стороны более молодой части руководителей. Им казалось крайне несправедливым, что представители старшего поколения, которые уже «наседелись», пытаются ограничить их возможности. В следующем проекте два срока были заменены на три, но и эта формулировка была отвергнута. В окончательном тексте весь замысел — создать новую процедуру сменяемости кадров — оказался препарированным до неузнаваемости.

Проблема гарантий против режима личной власти натолкнулась на непреодолимое препятствие — ограниченность политической культуры самого Хрущева и тогдашней генерации руководителей. То была во многом патриархальная культура, почерпнутая из традиционных представлений о формах руководст-

ва в рамках крестьянского двора. Патернализм, вмешательство в любые дела и отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям — все это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России.

В этом отношении показательны события, последовавшие за июньским Пленумом 1957 года. На нем, как известно, представители старой «сталинской гвардии» посредством так называемого «арифметического большинства» стали добиваться изгнания Хрущева. В результате голосования в Президиуме ЦК КПСС было принято решение об освобождении его с поста Первого секретаря. Это решение, однако, удалось помолоть благодаря усилиям горячих сторонников Хрущева. Выдающуюся роль в разгроме сталинистов сыграл маршал Г. К. Жуков. Как рассказывали тогда, во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков бросил историческую фразу в лицо этим людям: «Армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа». Эта фраза в конечном счете стоила ему политической карьеры.

Вскоре после июньского Пленума Хрущев добился освобождения Г. К. Жукова с поста члена Президиума ЦК КПСС и министра обороны СССР. Сделано это было в традиционном для того времени духе — в момент, когда маршал находился в зарубежной командировке. Ему не было предоставлено минимальной возможности объясниться, точно так же, как не было дано необходимого разъяснения партии и народу о причинах изгнания с политической арены самого выдающегося полководца Великой Отечественной войны. И причина изгнания опять-таки была традиционная — страх перед сильным человеком.

Кроме того, немалую роль в этом сыграла и известная слабость Хрущева как руководителя. За ним давно закрепились репутация человека, который ходит «в стоптанных тапочках». Была замечена еще в период его работы в Киеве, а затем в Москве неспособность разбираться в кадрах. Он был всегда склонен скорее полагаться на льстецов, чем на подлинных сторонников его реформаторских преобразований. Поэтому он окружал

себя такими людьми, как, например, Н. Подгорный, которые в рот ему глядели и готовы были взяться за любое его поручение. Поэтому же ему мало импонировали самостоятельные, крупные личности, независимые характеры. Хрущев был слишком уверен в себе, чтобы искать опору в других. И это стало одной из причин его падения. Люди, которые в глубине души не разделяли его реформаторских взглядов, считали их проявлением некомпетентности или даже чудачеством, при первом же удобном случае избавились от него...

Правда, одно время Хрущев тянулся к более интеллигентным кадрам в партийном аппарате. Достаточно напомнить его отношение к Д. Шепилову, которого он выдвинул на посты секретаря ЦК, министра иностранных дел. Однако поведение Шепилова в ходе июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС навсегда отвратило Хрущева от «интеллигентиков».

Сыграли свою роль в отношениях Хрущева с интеллигенцией и торопливость, стремление вмешаться в любой вопрос и быстро его решить. Тут он нередко оказывался игрушкой небескорыстных советчиков, а то и скрытых противников, готовивших его падение. Хорошо помню, что посещение им художественной выставки в Манеже было спровоцировано специально подготовленной справкой. В ней мало говорилось о проблемах искусства, зато цитировались подлинные или придуманные высказывания литераторов, художников о Хрущеве, где его называли «Иваном-дураком на троне», «кукурузником», «болтуном». Заведенный до предела, Хрущев и отправился в Манеж, чтобы устроить разнос художникам. Таким же приемом тайные противники Хрущева втащили его в историю с Б. Пастернаком, добились через него отстранения с поста президента АН СССР А. Несмеянова в угоду Лысенко, рассорили с многими представителями литературы, искусства, науки.

Человек идет дальше всего, когда он не знает, куда идет, говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен — он то резко вырывается вперед, то сильно откатывается обратно. Так выг-

лядели многие экономические и социальные реформы Хрущева.

Экономическая политика оставалась одним из наиболее уязвимых мест в его деятельности. Он видел задачу в основном в изменении методов руководства экономикой на аппаратном уровне — в Госплане, совнархозах, министерствах, но не понимал значения глубоких структурных реформ, которые меняют условия труда и жизни непосредственных производителей — рабочих, крестьян, научно-технической интеллигенции.

Особенно неблагоприятно такой подход сказался при подготовке Программы партии 1961 года. Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом развитии страны в ходе экономического соревнования на мировой арене. С этим предложением приехал на одно из заседаний председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько. Доклад, который он сделал в рамках рабочей группы, показался всем участникам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития советской экономики и экономики США фактически были взяты с потолка — они выражали желаемое, а не действительное.

Однако сам Засядько легко положил конец разгоревшейся дискуссии. Он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на 80 страницах и показал резолюцию: «Включить в Программу» — и знакомую подпись Первого. Так в Программу партии оказались включены цифровые выкладки о том, как мы в 80-х годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорится, кроме амбиций, нужна еще и амуниция.

Надо, впрочем, попытаться представить себе общий дух того времени. Хотя мало кто верил в цифры Засядько, энтузиазма и оптимизма у нас хватало. И базировались эти чувства вовсе не на пустом месте, все были убеждены, что принимаемая Программа открывает этап крупных структурных преобразований и сдвигов — иначе зачем было принимать и утверждать новую Программу. И даже уход Хрущева не оста-

новил дела. В сентябре 1965 года состоялась-таки Пленум ЦК КПСС о хозяйственной реформе. Отрицательное отношение к ней Брежнева свело, однако, на нет усилия предыдущей эпохи.

Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства. Кто «подсунул» Хрущеву идею разделения обкомов и райкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные? Интуитивно я убежден, что это было сделано не без злого умысла — чтобы окончательно подорвать его авторитет среди партийных руководителей.

Названные ошибки были поставлены Хрущеву в вину на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем сложился странный симбиоз политических сил — от сторонников последовательного продвижения по пути XX съезда до консерваторов и затаившихся сталинистов, все они сплотились против лидера, который вывел «наверх» большинство из них. Последующие события не оставили сомнений в том, что Хрущев был отстранен не столько за волюнтаризм, сколько за неумную жажду перемен. Лозунг «стабильности», выдвинутый преемниками, надолго затормозил назревшие реформы. Само слово «реформа», как и упоминание XX съезда, стало опасным и стояло многим сторонникам этого курса политической карьеры.

Время не рассеяло бесчисленные мифы вокруг имени Хрущева и у нас, и за рубежом. Разделив судьбу других реформаторов, Хрущев не снискал объективного признания в массовом сознании. Народ, который когда-то возвышал Ивана Грозного и осуждал Бориса Годунова, не мог принять после Сталина общественного деятеля, лишенного мистической магии, земного и грешного, подверженного ошибкам и заблуждениям. Шолохову еще в период «оттепели» приписывали фразу о Сталине: «Конечно, был культ, но была и личность». То был скрытый упрек Хрущеву, как куда менее значительной фигуре. Упрек человеку, который будто бы, подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валявшуюся под ногами.

А тем временем в странах Запада Никиту Хрущева ставили на одну ступеньку с Джоном Кеннеди и газой Иоанном XXIII и видели истоки ухудшения международного климата в конце 60-х годов в том, что эти лидеры по разным причинам сошли с политической арены. Появилось множество книг, посвященных анализу «хрущевизма» как нового течения в социализме.

Можно было бы сказать: нет пророков в своем отечестве, но это было бы неточно. Вопрос глубже и сложнее. Пожалуй, ближе других к оценке Хрущева подошел Эрнст Неизвестный, с которым Хрущев вел свою кавалерийскую полемику в Манеже. Созданный скульптором памятник на могиле Хрущева — бронзовая голова на фоне белого и черного мрамора досок — удачно символизировал противоречивость «оттепели» и ее главного героя.

Сейчас, почти четверть века спустя, сравнивая период до и после октября 1964 года, мы лучше видим силу и слабость Хрущева. Главная его заслуга состояла в том, что он сокрушил культ личности Сталина. Это оказалось необратимым, несмотря на все трусливые попытки водворить пьедестал на прежнее место. Не вышло. Значит, вспашка была достаточно глубокой. Значит, пахарь трудился не зря. Мужественное решение о реабилитации многих коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям и казням в период культа личности, восстанавливало справедливость, истину и честь в жизни партии и государства. Мощный, хотя и не во всех отношениях эффективный и умелый, удар был нанесен по сверхцентрализму, бюрократизму и чиновному чванству.

Во времена Хрущева положено начало перелому в развитии сельского хозяйства — повышены закупочные цены, резко уменьшено бремя налогов, стали применяться новые технологии. Освоение целины при всех недостатках сыграло свою роль в обеспечении населения продовольствием. Хрущев пытался повернуть деревню к зарубежному опыту, первой сельскохозяйственной революции. И даже его увлечение кукурузой было продиктовано благими намерениями, хотя и сопровождалось наивными

крайностями. Худую роль сыграла также гигантомания в деревне, сокращение приусадебных хозяйств.

С именем Хрущева, напомним, связаны крупнейшие достижения в области науки и техники, позволившие создать фундамент для достижения стратегического приоритета. До сих пор у всех перед глазами стоит встреча Юрия Гагарина с Хрущевым, ознаменовавшая прорыв нашей страны в космос. Мирное сосуществование, провозглашенное на XX съезде КПСС, после потрясения в период Карибского кризиса становилось все более прочной платформой для соглашений, деловых компромиссов с Западом. К эпохе «оттепели» восходят истоки Заключительного акта в Хельсинки, который закрепил итоги второй мировой войны и декларировал новые международные отношения, экономическое сотрудничество, обмен информацией, идеями, людьми.

В ту пору партия приступила к решению многих социальных проблем. Жизненный уровень населения в городе и деревне стал постепенно расти. Однако намеченные экономические и социальные реформы захлебнулись. Серьезный удар по надеждам реформаторов нанесли трагические события в Венгрии в 1956 году. Но не последнюю роль сыграла и самоуверенность Никиты Сергеевича, его беспечность в вопросах теории и политической стратегии. «Хрущевизм» как концепция обновления социализма не состоялся. Если воспользоваться образом, который так любил главный оппонент Первого секретаря Мао Цзэ-дун, Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого.

Отвечая на вопрос, почему в 60-х годах реформы потерпели поражение, можно было бы сказать и так: консервативные силы смогли взять верх над реформаторами потому, что аппарат управления да и все общество были еще не готовы к радикальным переменам. Но это слишком общий ответ. Нужно попытаться выяснить, чем воспользовались консерваторы.

Одна из ошибок состояла, на мой взгляд, в том, что поиск концепции реформ и путей их осуществления был

основан на традиционных административных и даже бюрократических методах. Хрущев обычно давал поручения о «проработке» тех или иных проблем — экономических, культурных, политических — министерствам, ведомствам, то есть тому самому аппарату управления, который должен был сам ограничить свою власть. Аппарат же всегда находил способ прямыми, косвенными, двусмысленными решениями уберечь себя от контроля.

Более или менее удачные реформы как в социалистических странах, так и в капиталистических обычно намечались группой специалистов, главным образом ученых и общественных деятелей, которые работали под руководством лидера страны. Так было, скажем, в Венгрии, Югославии, Китае. В Японии я встречался с профессором Охита, который считается автором японского «чуда». В ФРГ план реформ был составлен в свое время профессором Эрхардом, который впоследствии стал канцлером страны.

Второе — «народ безмолвствовал». Теперь, опираясь на опыт гласности, мы особенно ясно видим, как мало было сделано, чтобы проинформировать людей о прошлом, о реальных проблемах, о намечаемых решениях, не говоря уж о том, чтобы включать самые широкие общественные слои в борьбу за реформу. Сколько раз слышал в эту пору: «А чем Хрущев лучше Сталина? При Сталине хоть порядок был, бюрократов сажали и цены снижались». Не случайно в момент октябрьского Пленума ЦК КПСС в 1964 году едва ли не большинство во всем обществе вздохнуло с облегчением и с надеждой ожидало благоприятных перемен.

И последний урок. Он касается самого Хрущева. Этот человек острого природного политического ума, смелый и деятельный, не устоял перед соблазном воспевания собственной личности. «Наш Никита Сергеевич!» Не с этого ли началось грехопадение признанного борца с культом? Прилипали топили его в море лести и восхвалений, получая за это высокие посты, высшие награды, премии, звания. И не случайно, чем хуже шли дела, тем громче и восторженнее

звучал хор прилипал и льстецов об успехах «великого десятилетия».

Древние говорили: «Судьба человека — это нрав его». Никита Хрущев стал жертвой собственного нрава, а не только жертвой среды. Торопливость, скоропалительность, эмоциональность были непреодолимыми его чертами.

Мне рассказывал один из помощников Хрущева об удивительном разговоре, который состоялся у его шефа с Уинстоном Черчиллем. Это было во время визита Хрущева и Булганина в Англию в 1956 году. Они встретились с Черчиллем, помнится, на приеме в советском посольстве. Вот что сказал старый британский лев: «Господин Хрущев, вы затеваете большие реформы. И это хорошо! Хотел бы только посоветовать вам не слишком торопиться. Нелегко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее». Я рискнул бы добавить от себя: пропасть нельзя преодолеть и тогда, когда не ведаешь, на какой берег собираешься прыгнуть.

Литературная газета, 1988, 24 февраля

Юрий Новопашин,

доктор философских наук,
заместитель директора Института
славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ КОМИНТЕРНА

Бесспорны заслуги Коминтерна в восстановлении, укреплении и расширении международных связей трудящихся различных стран, разорванных в результате краха II Интернационала в начале первой мировой войны. Коминтерн отстаивал теорию научного социализма, разработал стратегию и тактику революционного движения в новых условиях, способствовал сплочению авангарда рабочего класса в марксистско-ленинские партии. Важный вклад советских коммунистов в решение Коминтерном всех этих задач бесспорен и по сей день подчеркивается всеми коммунистическими и рабочими партиями. Однако сталинская догматизация и искажение марксизма-ленинизма, прямые от него отступления, ощутимые проявления в политике довоенного руководства Коммунистической партии и Советского государства левосектантских, гегемонистских тенденций деформировали деятельность Коминтерна. Эта организация оказалась серьезно ослабленной в результате необоснованных репрессий против коминтерновских кадров, а также их теоретической и политической дезориентации.

«Югославское дело»

15 мая 1943 года, в разгар войны, Коминтерн по решению президиума его Исполнительного комитета (ИККИ) был распущен, но претензии сталинского руководства играть руководящую роль в мировом революционном движении, контролировать компартии не отошли в прошлое. Эти претензии с новой силой дали о себе знать в первые послевоенные годы в деятельности Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро), которое было создано в сентябре 1947 года и просуществовало вместе со своим печатным органом — газетой «За прочный мир, за народную демократию!» — до апреля 1956 года.

Из трех состоявшихся совещаний представителей Центральных Комитетов входивших в него девяти партий два последних (в 1948 и в 1949 годах) были связаны с советско-югославским конфликтом, который возник по вине Сталина и его ближайшего окружения, в первую очередь Берии, Жданова, Суслова. Они стремились интернационализировать этот конфликт, втянуть в него другие партии и европейские социали-

стические страны и таким образом под-
вергнуть КПЮ и Югославию полной
изоляции, отлучению от международно-
го коммунистического движения, миро-
вой системы социализма.

Попытки вмешательства во внутрен-
ние дела суверенного югославского го-
сударства, грубая брань сталинистов по
адресу руководителей КПЮ, посмев-
ших усомниться в непререкаемом праве
на руководящие указания «гения всех
времен и народов», в чем-то не согла-
ситься с этими указаниями, — все пошло
в ход после резолюции Коминформбюро
от 28 ноября 1949 года под названием
«Югославская компартия во власти
убийц и шпионов». В ней, в частности,
заявлялось об утверждении в Юго-
славии «антикоммунистического по-
лицейского государственного режима
фашистского типа». В соответствии с
такой оценкой Коминформбюро поста-
новило, что «борьба против клики Ти-
то — наемных шпионов и убийц — яв-
ляется интернациональным долгом всех
коммунистических и рабочих партий».

Иными словами, в 1948—1949 годах
произошел явный поворот к настоячи-
вым попыткам обеспечения единообра-
зия политических и экономических
структур народно-демократических го-
сударств на базе «советской модели»
и руководящей роли ВКП(б) на основе
безусловной поддержки компартиями
мира позиции Коминформбюро по «юго-
славскому делу». Оно, как верно заме-
тил венгерский ученый Л. Богар, стало
тяжелым ударом для всего коммунисти-
ческого движения.

Последствия

Это было время резкого похолодания
идейно-политического климата в СССР
и в других странах социализма, время
выискивания «титовских агентов», бур-
жуазных националистов и прочих укло-
нистов и организации судебных процес-
сов над ними. Печать запестрела всевоз-
можными нападка на этих «врагов
народа», критикой их теоретических и
политических позиций, больше похожей
на смертельное запугивание. «Измена
клики Тито делу коммунизма, делу со-
циалистического интернационализма, —

вещал еще один из идеологов Сталина
Д. Чесноков, — сопряжена прежде всего
с тем, что Тито и его клика... не при-
знают руководящей роли Советского
Союза. Это свидетельствует о том, что
вопрос о руководящей роли рабочего
класса, а в мировом масштабе — вопрос
о руководящей роли великого Совет-
ского Союза и победоносной диктатуры
пролетариата в нашей стране является
коренным вопросом коммунистического
строительства, коренным вопросом
борьбы за окончательное торжество ком-
мунизма». Другой автор, И. Дудинский,
с тем же праведным гневом обрушивал-
ся на «правонационалистскую группу
Гомулки», которая «отстаивала преда-
тельную теорию «польского пути к со-
циализму», отрицала международное
значение советского опыта социалисти-
ческого строительства». Третий сталин-
ский идеолог, М. Митин, доказывал, что
и в остальных народно-демократических
государствах «разоблаченные агенты
империализма (Райк, Костов, Кочи
Дзодзе, Швермова, Сланский) свою
подрывную работу пытались вести под
флагом борьбы за специфические «на-
циональные» задачи, противопоставляя
их интернациональным задачам трудя-
щихся».

Естественно, что в то время именно
советская печать задавала тон идеологи-
ческой антиюгославской кампании в
странах народной демократии, точно так
же, как фальсифицированные полити-
ческие процессы в этих странах не толь-
ко проходили с ведома сталинского ру-
ководства, но нередко и при прямом
участии карательных органов преступ-
ника Берии. (В те годы в органах
безопасности и внутренних дел стран
народной демократии существовал ин-
ститут советских советников.) Вспом-
ним некоторые имена погибших: в Алба-
нии — К. Дзодзе, в Болгарии — Т. Кос-
тов, И. Стефанов, в Венгрии — Л. Райк,
Т. Сёни, А. Салан, Л. Бранков, в Румы-
нии — А. Паукер, В. Лука, в Чехосло-
вакии — Р. Сланский, В. Климентис.
А в Польше В. Гомулка, М. Спыхаль-
ский, З. Клишко и ряд других партий-
ных и государственных руководителей
были сняты со всех своих постов и ока-
зались в тюрьме.

Надо откровенно сказать об этом в интересах полной исторической правды и очищения нашей совести и самого социализма от «свинцовых мерзостей» сталинизма. Это необходимо не только в интересах безусловного осуждения всех и всяческих проявлений в прошлом вмешательства в дела братских партий и стран, проявлений гегемонизма в советской внешней политике, но также и в интересах непоколебимой решимости никогда впредь не допустить подобных антисоциалистических явлений.

Честно о прошлом

Разумеется, за три с половиной десятилетия со времени смерти Сталина предприняты серьезные усилия по преодолению негативных последствий во внутренней и внешней политике СССР, связанных со всепроникающим культом «вождя и учителя». Руководство КПСС отказалось от антимарксистских, по сути, претензий на свою исключительность и руководящую роль в коммунистическом движении. С Югославии, не подчинившейся сталинскому диктату, были сняты вымышленные обвинения. Уже в мае 1953 года, через два месяца после смерти Сталина, СССР восстановил с нею дипломатические отношения. В 1955 году Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин поехали в Белград, как брюзжали в то время недовольные этим визитом закоренелые сталинисты, «на поклон к Тито». Но если говорить по существу, они поехали для того, чтобы принести югославскому руководству официальные извинения и договориться о полной нормализации межпартийных и межгосударственных отношений.

Так поступили и многие другие лидеры компартий и стран социализма. Долорес Ибаррури вспоминает о визите в Югославию следующее: «Я ехала туда с тяжелым сердцем, намереваясь (так решило руководство Испанской компартии) просить прощения у Тито за то, что произошло в 1948 году, когда Коминформом было принято решение «исключить» Югославию из сообщества социалистических стран».

Как итог — был подписан совместный советско-югославский документ, широ-

ко известный как Белградская декларация 1955 года. В ее текст вошло чрезвычайно важное положение, новое для документов подобного рода, о невмешательстве «во внутренние дела по любым причинам — экономического, политического или идеологического характера, поскольку вопросы внутреннего устройства, различия общественных систем и различия конкретных форм развития социализма являются исключительно делом народов отдельных стран». Это было возвратом к ленинской идее многообразия социалистического мира, значение которой явно принижалось в угоду сталинской догматической концепции единообразия и диктата.

Правда, сам факт провозглашения данного положения не означал автоматического следования этому положению в любой ситуации. Прошлое еще многое (и не один год) цепко держало в своих руках, давая о себе знать антисоветскими выпадами с югославской стороны и антиюгославскими — с советской. В частности, антиюгославские пассажи содержались в докладах Н. С. Хрущева на XXI и XXII съездах КПСС, в принятой в 1961 году третьей Программе партии. Последующее руководство (Брежнев — Суслов) тоже не торопилось публично отмежеваться от прошлого, оно никогда не касалось и темы советско-югославского конфликта, оставляя тем самым место для настороженности, подозрительности, недоверия и обиды.

Вот почему М. С. Горбачев счел принципиально необходимым сказать об этих непростых вопросах во время своего недавнего визита в Югославию. В новой советско-югославской декларации записано важное положение, отражающее новое мышление: «Исходя из убеждения, что никто не обладает монополией на владение истиной, стороны заявляют об отсутствии у них претензий навязывать кому бы то ни было собственные представления об общественном развитии. Успешность каждого из путей к социализму проверяется общественно-политической практикой, подтверждается конкретными результатами».

Агентство печати «Новости». Опубликовано в «Ленинградской правде» 30 июня 1988 года

Антон Губанков,
преподаватель

ЛАЗУРКИНЫ

Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары»

Чтобы жизнь не казалась слишком невыносимой, надо приучить себя к двум вещам: ранам, которые наносит время, и к несправедливостям, которые чинят люди. Я читал о деяниях щелоковых, медуновых, рашидовых, я слышал о нечеловеческих проделках торговой и наркотической мафии, я видел фильм Абуладзе, я прочувствовал на себе административно-ведомственный гнет, я знаю, что даже самый святой акт — захоронение — подвергается ныне махинациям, преступным аферам, а проще говоря — поруганию... Мне все известно (все ли?), окружающая грязь, как губка, впитывает в себя мои возвышенные представления о честности, справедливости, неизбежности добра, мои искренние, хотя, быть может, и невыстраданные, идеалы. Где та опора, которая не даст мне потерять себя в вакханалии произвола, не даст задохнуться от въедливого одеколонно-бумажного смрада бюрократических кабинетов; где тот ориентир, глядя на который, можно уверенно идти к намеченной цели?

Время диктует: очищение общества через очищение человека, очищение каждого из нас без исключения. Как можно скорее. Немедленно.

Революция возвращена истовыми людьми, людьми чести, совести и долга. Именно они вырабатывали те идеалы социализма, о которых мы теперь начинаем как следует вспоминать. На самых крутых исторических переломах они не страдали комплексом хамелеона, оставаясь всегда, во всех ситуациях, большевиками-ленинцами. Можно говорить об их слабостях, ошибках и заблуждениях, об их наивности и излишней прямолинейности, но сейчас хочется говорить прежде всего об их глубокой порядочности, катастрофический дефицит которой уже давно испытывает строящееся общество социальной справедливости. Как известно, подлецу, дураку всегда легче подладиться к повадкам порочной власти, где царят произвол, а иногда и откровенная глупость, между тем как человек порядочный не умеет находить с ней общий язык и платит за это неумение дорогую цену.

Ленинизм и порядочность — рядоположенные слова. Перестройка и поря-

дочность также относятся к сфере одного понятия. Размышляю о прошлом и настоящем, сопоставляю, мучаюсь, обдумывая газетно-журнальные строки. Порядочность. Другого ориентира не вижу...

Трудно ли пробудить совесть? Нелегко, как нелегко дается и само очищение. Может, нам будет легче сделать это, если мы спросим совета у тех, кого уже нет и кого нам сейчас так не хватает?..

С молодых лет я начала работу под руководством Владимира Ильича Ленина, училась у него, выполняла его поручения. (Аплодисменты.) (Из выступления Д. А. Лазуркиной на XXII съезде КПСС.)

Они рано пришли в революцию. В 1902 году восемнадцатилетней девушкой Дора Клебанова приехала в Петербург. Ей, окончившей гимназию с золотой медалью, в столице открывались неплохие возможности и перспективы дальнейшего образования. Кто же мог тогда предполагать, что миловидная слушательница курсов Лесгафта, поклонница героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», член РСДРП, уже в 1903 году будет арестована по делу социал-демократической организации «Борьба за свободу» и выслана без права возвращения в столицу сроком на пять лет. Сразу после высылки партия посылает Дору на нелегальную работу в Одессу. Там она и познакомилась со своим будущим мужем — М. С. Лазуркиным. Позднее, в роковом 1937 году, Михаил Семенович напишет в автобиографии: «Родился в 1883 г. в местечке Ляды Могилевской губернии в семье комиссионера по заграничной торговле хлебом. Впоследствии отец сделался совладельцем небольшого завода растительного масла в г. Умани. Окончил в 1902 г. Тамбовскую гимназию. Уже с последних гимназических лет — 1901 и 1902 гг. — был в нелегальных гимназических кружках, где читал полуполегалную и нелегальную литературу, в 1903 г. организовал социал-демократическую (большевистскую) группу в г. Умани. В 1903 г. вступил в большевистскую одесскую организацию и затем до 1908 г. работал профес-

сиональным революционером-большевиком в Умани, Одессе, Ленинграде, Москве».

Бывает, что два человека сближаются и становятся неразлучны только потому, что в их характерах есть черты кажущегося сходства. Постепенно туман заблуждений рассеивается, и люди с изумлением обнаруживают, что они бесконечно далеки друг от друга. У Лазуркиных был союз иного свойства, основанный на глубокой любви и уважении, трогательной дружбе. Их дети вспоминают лишь политические разногласия родителей. Позже И. В. Сталин, усмехнувшись в усы, с долей свойственной ему жесткой иронии, назовет Лазуркиных «образцовой коммунистической парой».

Революционная борьба отнюдь не способствовала произрастанию оранжерейного семейного счастья. Лазуркины стали мужем и женой лишь в 1906 году, а до этого могли видаться лишь урывками.

После освобождения из-под ареста, на этот раз уже в Одессе, в 1904 году «Соню» (партийная кличка Доры) посылают в Женеву, к В. И. Ленину. «Я поехала, переодетая в крестьянское платье, с чужим паспортом, под чужим именем, — вспоминала впоследствии Д. А. Лазуркина, — адреса, разумеется, у меня с собой не было, иначе при обыске на границе меня могли бы арестовать. Как только я сошла со ступенек вокзала в Женеве, стала расспрашивать прохожих: быть может, знает кто-нибудь, где живет Ленин?.. Через две-три минуты меня окружает стайка веселых ребят. Они приводят меня к маленькому домику на глухой зеленой улице. И там я встречаю того, к кому ехала с трепетным волнением в сердце...» «Соня» знала Ленина, склоненного над заваленным литературой письменным столом, полемизирующего в острых партийных дискуссиях. Но она помнила и другого Ильича, в драгоценные и кратковременные минуты отдыха: «...Я глазам своим не поверила, увидев, как он взобрался на самую высокую гору, на крутую скалу, нависшую над озером, сложил ладони у рта рупором и весело крикнул: «Ау-у-у!» Потом

прислушался. Горное эхо раскатисто от-
ветило: «У-у-у!» А Ильич счастлив,
лицо сияет, улыбается, глаза блестят
мальчишеским задором!» Дора жила
у Ульяновых до января 1905 года.
Далее — участие в событиях первой
русской революции.

*Когда я уезжала из Женевы от Ильи-
ча, то мне казалось, будто у меня вы-
росли крылья.* (Из выступления на
XXII съезде КПСС.)

В это же время «Бориса» (М. Лазур-
кина), после неоднократных арестов в
Одессе, Москве и Петербурге, высылают
в Вологду, откуда в 1905 году он совер-
шает побег. Мысль о поступлении в уни-
верситет возникла у Михаила еще в гим-
назии, но «благодаря» политической ха-
рактеристике гимназического начальст-
ва мечта так и осталась мечтой. Лишь
в 1906 году он поступил в Петербург-
ский университет (юридический фа-
культет), который окончил в год рожде-
ния сына — в 1910-м. К выпускным
экзаменам готовился в тюрьме.

Необходимость содержать семью вы-
нудила Михаила Семеновича поступить
на службу в крупную фирму «Персиц»,
занимавшуюся операциями по снабже-
нию металлом петербургских заводов.
За сравнительно короткое время «Бо-
рис» дослужился до управляющего, что
создало ему в глазах общества образ
преуспевающего служащего, далекого
от революционной деятельности. Мало
кого смущал тот факт, что на имя помош-
ника присяжного поверенного М. С. Ла-
зуркина частенько приходили письма от
«знакомых» и «родственников»...

В период нового революционного
подъема (1912—1914 гг.) партия целе-
устремленно возобновляет свою дея-
тельность практически во всех про-
мышленных районах страны, разверты-
вает работу в легальных и нелегальных
организациях. Упрочились связи с
Россией и Заграничного бюро ЦК во
главе с В. И. Лениным, которое в
1912 году переехало из Парижа в Кра-
ков. Становившаяся все более интенсив-
ной переписка с местными организа-
циями РСДРП почти целиком легла
на плечи Н. К. Крупской. Письма
сначала передавали жителям погранич-
ной полосы (Австро-Венгрии и России),

которые по выдаваемым на пропускных
пунктах паспортам могли свободно пе-
ресекают границу. В России эти письма
опускались в почтовый ящик. По реше-
нию ЦК ответственным за переписку
с Петербургом был назначен М. С. Ла-
зуркин. Несколько писем, перехвачен-
ных департаментом полиции, сохрани-
лись до наших дней в Архиве Октяб-
рской революции.

В 1914 году у Лазуркиных родилась
дочь — Юлия...

Февраль 1917 года, падение самодер-
жавия. Новая обстановка требовала от
партии новой стратегии, новых лозун-
гов. «...Полное недоверие, никакой под-
держки новому правительству...», «...не-
медленные выборы в Петроградскую
думу...» — настаивал В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 31, с. 7). И «Борис»
возвращается к активной партийной ра-
боте, сначала как секретарь большевист-
ской фракции Петроградской городской
думы, потом — как гласный Думы по
большевистскому списку.

Непосредственно перед революцион-
ными событиями Лазуркины снимают
великолепный дом купца Чижова с об-
становкой и огромным участком в ме-
стечке Келомякки (ныне Комарово);
здесь, наряду с Разливом, планировалось
пребывание Ильича, скрывавшегося от
агентов полиции. Жить бы Ленину у Ла-
зуркина, если бы случайно «Соня» не
встретилась в Келомякки с Ю. О. Мар-
товым, жившим, как выяснилось, непо-
далеку. По решению ЦК Владимир
Ильич был отправлен в более безопасное
место...

Через несколько месяцев после Ок-
тября Ленин вызывает Дору Абрамовну
в Смольный. Что же заботило Ильича
в стремительной круговерти серьезных
событий, в окружении голода и разрухи?
Драматургию их разговора впоследст-
вии используют многие литераторы:

— Вам надо организовать дошколь-
ное дело в стране...

Лазуркина растерялась: дело совер-
шенно новое, да еще момент... Но Ленин
настаивал.

— Да, трудно это, очень трудно. Но
ведь все, что мы делали до сих пор —
революция, пролитая кровь, — ведь все
это в конце концов для наших детей,

для нашего народа. Им завершать начатое, им строить коммунизм...

— Но как же я возьмусь за такое дело? Ведь меня никто этому не учил, у меня нет опыта, — возражала Дора Абрамовна.

— Меня тоже никто не учил управлять государством. У меня тоже еще не было такого опыта, — усмехнулся Ленин.

После этого разговора Д. А. Лазуркина приступает к работе в Народном комиссариате просвещения. В Москве, Петрограде, по всей стране один за другим открывались детские сады и детские дома. Ленин лично, как мог, помогал в обеспечении детей всем самым необходимым.

В 1918 году, вместе с правительством Советской республики, Лазуркины переезжают в Москву, а вскоре по мобилизации тысячи коммунистов («Парттысяча») они отправляются обратно в Ленинград. Начиная с этого времени Михаил Семенович занимает ряд ответственных хозяйственных постов в Центральном управлении снабжения, Металлоторге, Севзапторге, Ленинградском отделении Совета Народного Хозяйства. Дора Абрамовна работала директором Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, в аппарате горкома ВКП(б).

В 1931 году М. С. Лазуркин назначен директором Физико-механического института, готовившего инженеров для НИИ и заводских лабораторий. Михаил Семенович обладал незаурядными организаторскими способностями, которые вкупе с начитанностью, образованностью, знанием языков делали его незаменимым в руководстве любого вуза. Всегда подтянутый, вежливый, с неизменным пенсне (его близорукость была обыграна еще в Одессе, когда Лазуркину «присвоили» партийную кличку «Миша очкастый»), он всегда вызывал уважение у сослуживцев. В протоколе одного из партийных собраний по чистке ВКП(б), проходивших в 30-е годы достаточно регулярно, можно встретить любопытные характеристики. «В работе Лазуркина — полное отсутствие бюрократизма», — констатировал из президиума некий Гузман. «Я сорок

шесть лет работаю главным бухгалтером, но таких администраторов, как Лазуркин, с такой трудоспособностью и энергией, я встречал редко», — заявлял Лозинский. «С переходом Лазуркина была взята четкая линия на организацию института» — и т. д. и т. п. Позже на вопрос многочисленных анкет «Проходил ли чистку госаппарата?» Михаил Семенович неизменно отвечал: «Да, с положительным результатом».

Как не хватает нам сейчас работников особого, лазуркинского плана, кипучая энергия которых при полном отсутствии чванства и бюрократизма может своротить горы. Слава богу, Михаил Семенович не дожил до тех лет, когда для бюрократа слово «интеллигент» стало нарицательным, а для интеллигента «бюрократ» превратился в синоним ругательства. Тогда, когда наше общество еще не полностью обюрократилось, администратор и интеллигент нередко совмещались в одном человеке. Сейчас же интеллигентские «штучки» для чиновника — лишний груз; для занятой социальным онанизмом бюрократии управление и связанные с ним операции давно уже стали самостоятельной ценностью. Практически неограниченная власть армии чиновников явно не хочет соединяться с государственным разумом, а ведь именно от этого соединения зависит успех перестройки. С одной стороны — уничтожение власти бюрократии, с другой — воспитание администраторов типа Лазуркина — так стоит сегодня вопрос, именно этому во многом подчинены демократизация всех сфер жизни общества, гласность...

1933 год открыл новую веху в биографии М. С. Лазуркина: в октябре его назначают директором Ленинградского университета имени А. С. Бубнова (по административной реформе 20-х годов должность руководителя университета была названа «директорской»). С именем нового директора ЛГУ связаны демократизация учебного процесса, интенсивное техническое оснащение, возникновение ряда новых кафедр и лабораторий, развитие общественных студенческих организаций, спорта. При М. С. Лазуркине был положен конец бесплодным экспериментам по реорга-

низации структуры университета: заново открытые исторический, филологический, геолого-почвенный, географический факультеты приняли первых студентов. Чрезвычайно требовательный к подчиненным, Михаил Семенович был весьма демократичен в общении. Вспоминают, как в его кабинете каждый божий день толпилась молодежь, звучал раскатистый смех: Лазуркин ценил жизнерадостность и юмор. Частенько директора видели на теннисных кортах Дворца пионеров, где он разыгрывал партии со своим постоянным партнером — председателем Ленинградского Совета И. Ф. Кодацким. Михаил Семенович прекрасно танцевал, писал стихи, а о его любви к детям ходили легенды: без конца катал на своем должностном, по тем временам роскошном, «ЗИСе» дворовую ребятню и еще регулярно водил в театр детей, живших с ним в одном доме.

Когда же все это оборвалось?

В 1932 году Дора Абрамовна получила письмо от Н. К. Крупской: «Дорогая Соня! Я себя чувствую прескверно и физически, и вообще. Очень прошу приехать ко мне, встретим Новый год, как мы его встречали с Ильичем в Женеве, в 1905...» «Мой приезд в Москву, — вспоминала Д. А. Лазуркина, — Надежда Константиновна встретила с большой радостью. На новогоднюю ночь за столом сидели Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Стриевская, секретарь Надежды Константиновны. До 3 часов мы вспоминали встречу Нового года в Женеве, в 1905-м, свои юные революционные годы, Ильича, пели песни, которые он любил петь. В три часа ночи все ушли. Надежда Константиновна попросила меня остаться с ней. Мы проговорили всю ночь, потом немного поспали и вновь продолжали говорить и говорить. Так продолжалось три дня. Надежда Константиновна печально говорила о своей доле после XIV съезда, о том, что она оторвана от ЦК, что она отстранена от всего, чем живет партия, что на нее смотрят косо... Мы пришли к выводу, что ей следует написать письмо в ЦК с просьбой включить ее в активную партийную жизнь. Я видела, что Надежда Константиновна находится

под впечатлением письма Владимира Ильича о Сталине, и попыталась ее убедить, что роль Сталина велика. Не будь его, мы были бы еще долго в плену оппозиций и течений...»

Борьбу «отца народов» с «оппозицией» Дора Абрамовна вскоре прочувствовала на своей семье. Первый «звонок» прозвучал в марте 1937 года, когда ее мужа исключили из партии. Правда, по поданной апелляции Ленинградский горком ВКП(б) отменил решение парт-организации ЛГУ и объявил заслуженному большевику выговор с предупреждением «за проявление гнилого либерализма и притупление бдительности к врагам партии» (интеллигентнейший Михаил Семенович! — умел делать дело, но так и не научился произносить обличительных речей, искать черную кошку в темной комнате).

В июле 1937 года М. С. Лазуркин был арестован. В чем же на этот раз обвинялся директор университета? Мы не знаем этого, как не знаем причин арестов многих честных партийцев, причин, которые ловко и безапелляционно подменялись словосочетаниями «контрреволюционный заговор», «враг народа». Мы можем лишь предполагать, из какой мухи НКВД раздул слона. Возможно, в «деле» Лазуркина муссировался факт его выхода из партии в 1917 году, который сам Михаил Семенович считал «крупнейшей политической ошибкой». Тогда, полагая, что линия на осуществление социализма неверна и ведет революцию к гибели, он официально покинул ряды партии, о чем написал письмо в газету «Новая жизнь». Через полгода, осознав свою ошибку, подал заявление о восстановлении в партии. Просьба была удовлетворена (как все-таки бросается в глаза демократизм партии тех лет, ее ненасилие над разумным, терпимость и терпение!). Может, зловещую роль сыграло для Лазуркина пребывание в Швеции, Дании и Финляндии, где он как заместитель начальника Севзапгосторга заключал договоры о поставке в СССР оборудования? Может, в вину директору ставилось пребывание в его доме Н. И. Бухарина?

Трудно сказать... Так же как и трудно

теперь выяснить, на какое из оскорблений М. С. Лазуркин ответил следователю пощечиной. Да, он был очень вспыльчив и никому не спускал обид. Следовательно выстрелил... Далее все было инсценировано с иезуитской скрупулезностью: труп выбросили с высоты лестничного пролета — тем самым НКВД автоматически превратился из органа беззакония в орган, констатирующий факт самоубийства.

Через несколько месяцев по телефону Доре Абрамовне сказали, что она может поехать на свидание с мужем. С этого «свидания» она уже не вернулась.

...В 1938 году геолог Виктор Лазуркин возвращался из очередной экспедиции. Научно-исследовательские работы на востоке страны прошли на редкость успешно (сделано даже несколько географических открытий!); окрыленный Виктор торопился домой. По приезде в Москву совершенно случайно он узнал о трагической судьбе родителей («Конечно, есть враги народа, но чтобы... Нет, этого просто не может быть... Дурацкое недоразумение!»). Сразу, не раздумывая, он едет в Кремль, к Н. К. Крупской. Несмотря на массу посетителей, ожидавших в приемной, Надежда Константиновна тут же приняла сына близких ей людей. Подошла, улыбаясь какой-то странной, невеселой улыбкой, обняла и сказала: «Милый мой, ничем не могу помочь. Я не знаю, что со мной будет завтра...» А потом не выдержала, расплакалась.

Виктору пришлось оставить любимую работу. Юлию исключили из партии.

...Многое могла вынести Дора Абрамовна, но с несправедливостью не мирилась никогда. Из Дома предварительного заключения она пишет письмо на имя Сталина, после чего ее тут же признают сумасшедшей и помещают в психиатрическую больницу. Святая вера в вождя и здесь не покидает Лазуркину, появляются новые письма, так и не дошедшие до адресата.

В 1938 году группе заключенных, в том числе и Доре Абрамовне, была предложена свобода в обмен на расписку в том, что они не имеют претензий к ведению дела. Лазуркина имела пре-

тензии, последовал резкий отказ. С 1939 года начинается ее жизнь в лагере...

...Я ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина, которого ругали заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: «Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть!» (Из выступления на XXII съезде КПСС.)

Сколько силы может скрываться в маленьком хрупком человеке, если сознание его освящено верой! Позже один из реабилитированных заключенных нелестно отозвался о Доре Абрамовне — ведь она не только сама усердно работала, но и заставляла работать других. «А как же иначе? — говорила Лазуркина. — Идет война, мы должны помогать стране».

В 1947 году письмо с просьбой об освобождении Д. А. Лазуркиной, подписанное Н. К. Черкасовым, Е. П. Корчагиной-Александровской, С. И. Вавиловым, неожиданно возымело действие: Дора Абрамовна вернулась домой. Ненадолго. Новая волна репрессий выбросила ее под Красноярском. Долгие, мучительные годы ссылки...

Их вновь соединил 1955 год: реабилитации, одна из которых — посмертная. «Компенсацией» ли за невозполнимые моральные и физические потери, признанием ли нестигаемости и воли, былых заслуг явилось награждение «Сони» первым орденом Ленина? Сухая строка постановления гласит: «В связи с 50-летием первой русской революции...» А она до конца жизни боролась с ночными кошмарами: ей мерещились истязания, побои, слежки. И через всю жизнь Лазуркина пронесла страстное желание — найти и изобличить издевавшегося над ней следователя Иванова...

Мы боролись до конца. Мы не верили, чтобы в нашей ленинской партии мог быть такой произвол. Мы писали письма до бесконечности. (Из выступления на XXII съезде КПСС.)

Увидев вновь выданный ей после восстановления в КПСС партийный билет, она возмущалась: «Почему вы не написали, что у меня на 17 лет прерывался партийный стаж?» Следовательно положил ладонь на огромную папку ее

писем из лагерей и ссылки: «Вот свидетельства непрерывности вашего стажа»...

Она всегда сохраняла верность своим идеалам, не взвешивая понятия чести и долга на весах политической конъюнктуры.

В мае 1937 года секретарем Ленинградского обкома был тов. Жданов. Жданов собрал нас, руководящих работников обкома, и сообщил: в наших рядах, в Ленинградской организации, раскрыли двух врагов — Чудова и Кодацкого... Мы ничего не могли сказать. Казалось, что примерз язык. Но когда окончилось это совещание и когда Жданов уходил из зала, я сказала ему: «Товарищ Жданов, Чудова я не знаю, он недавно в нашей Ленинградской организации. Но за Кодацкого я ручаюсь. Он с 1913 года член партии. Я его много лет знаю. Он честный член партии. Он боролся со всеми оппозициями. Это невероятно! Надо это проверить!» Жданов посмотрел на меня жестокими глазами и сказал: «Лазуркина, прекратите этот разговор, иначе вам будет плохо». Но я никогда не думала, будет мне хорошо или плохо, когда я защищала правду. (Из выступления на XXII съезде КПСС.)

Именно эти слова приводит Ю. Карякин в статье «Стоит ли наступать на грабли?», характеризую атмосферу тех лет, деятельность А. А. Жданова (Знамя, 1987, № 9).

Зеркальная гладь раболепия и послушания постоянно рябила благодаря мужеству и честности ленинской партийной гвардии, создавая почву для решений XX съезда.

Долгим, сложным путем шла Д. А. Лазуркина к своему выступлению на XXII съезде партии, долго и мучительно трансформировался в непослушном сознании образ «вождя и учителя». Была нужна новая вера... Одна мысль теперь не давала покоя...

Сразу после приезда в столицу в номер гостиницы «Москва», где размещалась делегат съезда Д. А. Лазуркина (Ленинградская партийная организация), постучался курьер ЦК. Он выполнял простую работу — отвозил тексты выступлений делегатов на «ревизию».

Дора Абрамовна удивилась: «Но у меня ничего не написано — все в голове». Клерк растерялся не на шутку.

Да, она обронила ту искру, от которой на съезде вспыхнул целый пожар решительных выступлений, где общим местом сквозила ее боль: «Сталину не место в Мавзолее».

Я считаю, что нашему прекрасному Владимиру Ильичу, самому человеческому человеку, нельзя быть рядом с тем, кто хотя и имел заслуги в прошлом, до 1934 года, но рядом с Лениным быть не может.

Н. С. Хрущев: Правильно! (Бурные, продолжительные аплодисменты.) (Из выступления на XXII съезде КПСС.)

Обостренное чувство справедливости и в дальнейшем не предвещало в жизни Доры Абрамовны безоблачности. В начале 70-х годов на обычной встрече с рабочими завода «Электроприбор» ей был задан необычный вопрос: «За что присвоено Л. И. Брежневу высокое звание Героя Советского Союза?» Лазуркина тоже думала над этим и не находила ответа. Действительно, Золотая Звезда Героя Советского Союза присваивается за личный героизм или руководство войсками. Дора Абрамовна не знала, что уже тогда Генеральному секретарю, впоследствии обладателю 146 наград, странный инстинкт подсказывал: награда за добрые деяния заключена не в сердце того, кто их совершил, а сверху, на лацкане пиджака. До конца жизни он так и не понял, что, когда платят за благородный поступок, его невольно отнимают.

В шестидесятых годах, будучи в Москве, Лазуркина просит аудиенции у М. А. Суслова. Старой большевичке не отказали, однако во время «аудиенции» в кабинете Суслова «случайно» появился первый секретарь Ленинградского обкома партии В. С. Толстиков и присутствовал вплоть до конца разговора.

Суслов кивал головой, выражая согласие с Лазуркиной: «Как это мы не догадались? Конечно же, вернее было бы награждать Леонида Ильича Звездой Героя Социалистического Труда!»

После этого вход на все партийные

мероприятия был для Доры Абрамовны закрыт, а в Ленинграде вокруг нее образовался вакуум молчания, стыдливых недомолвок.

Положение «Сони» еще более усугубилось после того, как она на одном из пленумов Ленинградского обкома выступила с предложением о ликвидации спецраспределителей, спецполиклиник и других привилегий для партийных работников (подумайте, это было лет двадцать назад!). Извлечение преимуществ из репутации, высокого поста, а тем более из идеи всегда казалось ей святотатством, — лишь после ее смерти, в 1974 году, родственники, чтобы как следует организовать похороны, воспользовались особым положением той, чье имя уже было вписано в Энциклопедию. Семидесятилетие же ее пребывания в партии, событие не из ординарных, практически никак не было отмечено. Принципы ленинизма, за которые она боролась до самого конца, предавались забвению, на горизонте маячил новый кумир, вновь «дорогой» и «горячо любимый».

Зачем рассказываю все это? Ради истории, которую можно изучать не по учебникам, а по судьбам. Ради возвращения (не реанимации, нет!) веры, частично растерянной на ухабах далеко не прямого пути. Ради перестройки, строительный материал для которой можно извлечь из сотни биографий — таких, как биография Лазуркиных. Если бы суровые истины, жестокие исторические испытания — все, что составляет опыт умудренного человека, — стали известны тому человеку лет в двадцать, он, вероятно, впал бы в отчаяние. Однако существуют люди особой, высшей пробы, которые, достигнув зрелого возраста, остаются не развращенными временем, счастливыми; люди, сильный характер и незаурядные качества души которых возвышаются над всеобщими скорбью, рабованием, страхом. Пусть их жизнеописание будет крупницей материала к хрестоматии долга и совести, составляемой нашим беспокойным временем.

Ленинградский университет, 1988, 22 апреля

КАК ЭТО БЫЛО

Сейчас много честно и откровенно говорят и пишут о Сталине и его времени. Слышал, что когда-то он был захоронен в Мавзолее рядом с Лениным. Как же могли допустить такое! И что произошло потом! Уверен, многие молодые люди вообще ничего не знают об этом факте [В. Кузьмин, военнослужащий, 18 лет].

Как же надо было «запустить» нашу историю, ее освещение, если в редакции приходят письма с такими вопросами. А ведь эта полуизвестная страница отразила целую эпоху, она связана с тем приговором, который вынес народ культу личности Сталина, всему, что было связано с ним.

После смерти Сталина в 1953 году народу еще не были известны многие обстоятельства, связанные с допущенными им грубыми политическими ошибками, массовыми репрессиями и беззакониями. Поэтому тело Сталина, находившегося более тридцати лет на посту Генерального секретаря ЦК партии и называвшего себя «учеником товарища Ленина», продолжателем его дела, было забальзамировано и помещено в Мавзолей.

Чтобы заменить черный монолит над входом с надписью ЛЕНИН новым — с двумя фамилиями, требовалось время. Надо было найти блок в одном из карьеров, доставить за сотни километров в Москву, обработать и установить на место. Поэтому ко дню похорон Сталина существующий монолит покрыли розовой смолой, затем — черной краской «под гранит» и начертали на ней малиновые буквы в тон шокинского кварцита: «Ленин — Сталин».

«Зимой, когда менялась погода и монолит покрывался инеем, — вспоминал комендант Мавзолея полковник К. А. Мошков, — на камне проступала прежняя надпись — «Ленин». Казалось, усыпальница протестует против пребывания в ней Сталина...»

Только через семь лет монолит этот был заменен новым. На армейских бронетранспортерах 40-тонный блок, добытый и обработанный в Головинском карьере, был доставлен на станцию Горбаши, где его погрузили на железнодорожную платформу. В Москве мастера вырезали на камне два слова: «Ле-

нин» и «Сталин». Но простоял этот блок недолго — всего год.

Вскоре после XX съезда партии (1956 г.), вскрывшего тяжелые последствия культа личности в различных областях — хозяйственной, политической и идеологической, на партийных собраниях и собраниях трудящихся, обсуждавших итоги съезда, стало все настойчивее звучать мнение о том, что пребывание тела Сталина в Мавзолее Владимира Ильича Ленина кощунственно.

Осенью 1961 года, накануне XXII съезда КПСС, рабочие двух крупнейших ленинградских заводов, имеющих героическую революционную историю, — Кировского и Невского машиностроительного — потребовали вынести тело Сталина из Мавзолея. Такое же предложение выдвинули труженики московского завода имени Владимира Ильича...

30 октября 1961 года, выступая на XXII съезде КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии И. В. Спиридонов от имени Ленинградской партийной организации и трудящихся города внес предложение рабочих на рассмотрение съезда.

— Ленинградская партийная организация, — сказал И. В. Спиридонов, — понесла особенно большие потери партийных, советских, хозяйственных и других работников в результате неоправданных репрессий, обрушившихся на Ленинград после убийства Сергея Мироновича Кирова. В течение четырех лет шла непрерывная волна репрессий по отношению к честным, ничем себя не запятнавшим людям. Многие были уничтожены без суда и следствия по лживым, наскоро сфабрикованным обвинениям. Репрессиям подвергались не только сами работники, но и их семьи, даже дети, жизнь которых была надломлена таким образом в самом начале. Как репрессии 1935—1937 годов, так и репрессии послевоенного времени — 1949—1950 годов, — сказал оратор, — были совершены или по прямым указаниям Сталина, или с его ведома и одобрения. Какой огромный вред стране нанесло это истребление кадров...

Предложение ленинградцев поддержали партийные делегации Москвы, Грузии, Украины, Казахстана, Алтай-

ского края, Саратовской области и других.

Съезд единогласно постановил:

1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечения памяти Владимира Ильича ЛЕНИНА — бессмертного основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впрямь:

МАВЗОЛЕЙ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА
ЛЕНИНА

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина.

«В 2 часа ночи меня вызвали в Кремль, — вспоминал полковник К. А. Мошков. — Решался вопрос: куда переместить тело Сталина. Назывались Новодевичье кладбище, некрополь у Кремлевской стены... Наконец остановились на некрополе. В Мавзолей пришли члены правительственной комиссии. Вызвали с завода «Красный пролетарий» рабочих, изготавливавших в свое время этот саркофаг, и они к 23 часам разобрали его. Солдаты переложили тело Сталина в гроб и ночью вынесли из Мавзолея».

Чтобы выполнить волю съезда быстро, четко и без помех, территория вокруг Мавзолея еще днем была отгорожена деревянными щитами. За гробом шла только дочь Сталина — Светлана Аллилуева... Вот как воспроизвел эту ночную сцену силой своего поэтического воображения в стихотворении, опубликованном в «Правде», Евгений Евтушенко:

Гроб медленно плыл,
задевая краями штыки.
...Угрюмо сжимая
набальзамированные кулаки,

в нем к щели глазами приник
человек, притворившийся
мертвым.

Хотел он запомнить
всех тех,
кто его выносил, —
язанских и курских
молоденьких
новобранцев,
чтоб как-нибудь после
набраться для вылазки сил
и встать из земли,
и до них,
неразумных,
добраться.

На могилу Сталина положили серую гранитную плиту с его фамилией, именем, отчеством и датами жизни.

И я обращаюсь
к правительству нашему
с просьбою:
удвоить,
утроить
у этой плиты караул,
чтоб Сталин не встал,
и со Сталиным —
прошлые...

1 ноября 1961 года газеты сообщили:
Во исполнение постановления XXII съезда КПСС гроб с телом И. В. Сталина перенесен из Мавзолея Владимира Ильича Ленина к Кремлевской стене.

Народ на многочисленных митингах единодушно одобрил решение партийного съезда.

Сталин был предан земле у Кремлевской стены без речей, оркестра и прощального салюта. Такова воля народа, таков суд Истории.

...Утром солнечные лучи осветили Мавзолей, над входом в который вновь алено только одно слово — вечно дорогое нам имя — ЛЕНИН. Замена монолита произошла той же ночью. Как оказалось, предусмотрительный полковник К. А. Мошков сохранил драгоценный блок как историческую реликвию. Это было непросто, обстоятельства складывались так, что мы могли бы навсегда потерять ее.

«Когда первоначальный блок был заменен другим с двумя фамилиями, — вспоминал полковник К. А. Мошков, — мне позвонил мой начальник — комендант Кремля.

— Сейчас приедут из управления культуры Моссовета, — сказал он. — Отдайте им монолит.

— Товарищ генерал, куда они собираются его везти?

— На Головинское кладбище. Распилят на памятники.

Трудно сказать, кому первому пришла в голову эта нелепая мысль!

— Товарищ генерал, этого нельзя делать! Блок надо сохранить...

— Делайте, что вам говорят.

Приезжает трейлер. Когда погрузили монолит, я сказал водителю:

— Покажите ваш путевой лист.

Он показал. Читаю: пункт назначения — Головинское кладбище. Я сложил путевой лист пополам и убрал в свой карман. А водителю сказал:

— Везите блок в Водники, на завод камнеобработки.

Водитель:

— Мне велели на Головинское кладбище.

Я:

— Везите в Водники. Я за все отвечаю.

Трейлер поехал в Водники. Я тут же позвонил директору завода камнеобработки (мы с ним были в хороших отношениях: он не раз выполнял работы для ленинской усыпальницы) и сказал:

— Сейчас к тебе привезут монолит с Мавзолея Ленина. Прими и сохрани.

— Это чье-то указание? — спросил он.

— Необязательно знать, чье указание, — ответил я. — Прими и обеспечь сохранность.

Директор поступил, как я ему сказал.

Через несколько дней начальник вызвал меня и говорит:

— Ты почему блок не отдал? Это же невыполнение приказа. За это тебя можно отдать под военный трибунал.

Я вновь объяснил, почему считаю необходимым сберечь монолит...

А вскоре блок пригодился: когда XXII съезд партии постановил вынести тело Сталина из Мавзолея... мы поставили его на прежнее место».

Труд, 1988, 26 апреля

Итак, в спорах рождается истина! И все? То-то и оно, что не все,— рождается еще картина спора, то есть картина мира, где спор возник. Истина ведь не сразу сжимается в жесткую формулу, по которой, как по линейке, можно потом проверять мироустройство, лупя той же линейкой нерадивых учеников. Бесконечность знания простирается не только на отдаленные звезды. Мы на нее поминутно натыкаемся в обыденной жизни. И ничто так не помогает жизнь уразуметь, как наглядность споров. И не только потому, что расширяется палитра мнений, но и потому, что в спорах выходят на свет и осмыслиются все новые факты, все новые детали картины, подчас ключевые для ее понимания.

Редактор ленинградской газеты на встрече с читателями объяснял, что не намерен ничего печатать о «ленинградском деле», уже освещаемом другими изданиями, поскольку мы не все об этом деле знаем, а «фактологией» он заниматься не желает. Мы и впрямь не все об этом деле и вообще о нашей истории знаем. Но ведь никогда и не узнаем, если не будем достоверно устанавливать, широко обнародовать и коллективно обдумывать факты. Нет пути к истине в обход фактов. Как бы ни были они противоречивы, только зная их, можно знать правду. «Факты — воздух учебного» — это ведь тоже сказал ленинградец, великий Павлов. Истина нуждается в воздухе и не постижима в духоте секретности.

Мы не все знаем о «ленинградском деле», но знаем, что Вознесенский, Кузнецов, Попков, Родионов, Капустин и другие партийные и советские работники казнены незаконно. И пусть даже обнаружатся те или иные их ошибки или заблуждения, факт их безвинной гибели неопровержим, и люди, особенно ленинградцы, должны это знать. Даже когда речь идет о таких несомненных преступниках, как Ягода, Ежов или Берия, заслуживших смертный приговор, важно точно обозначить их реальные преступления: произвольные аресты, противозаконные методы следствия, бессудные расправы и т. п., но и с них должны быть сняты вымышленные об-

винения в том, что они — агенты международного империализма. Никаких фактов, подтверждающих такое обвинение, нет. Да и неужто во главе наших органов безопасности четверть века непрерывно стояли вражеские агенты? Из таких официальных мифов вырастают стихийные мифы, овладевающие душами. Идеологические работники всплескивают потом руками: откуда только берется в народном сознании подобная нелепость! А она все отсюда же, от нежелания считаться с фактами, точно их излагать и публично обсуждать.

Валентин Распутин говорил о «Детях Арбата»: «...более интересно бы для литературы было исследование психологии власти таких могущественных при Сталине, но теневых фигур, как Каганович. Мы как-то легко ищем причину всех преступлений того времени лишь в Сталине. Думаю, он один создать столь совершенный аппарат подавления не смог бы, для этого требовалась направленная идеология». Вот уж действительно только руками разведешь! Конечно, Сталин создал аппарат подавления не в одиночку, и психология такого подручного, как Каганович, верно служившего хозяину даже после гибели двух родных братьев, любопытна, но что это, однако, за *направленная идеология*, которая у Кагановича была, а у Сталина, оказывается, и быть не могла? Писателю стоило бы как-то ее определить, а то ведь он толкает читателя на мифологические «догадки», не имеющие под собой почвы.

И еще одно. Нельзя, конечно, всю вину за бывшее зло взвалить на одного Сталина. Были у него и единомышленники, и подручные, и холоуи, и люди, шедшие за ним в погоне за карьерой, и не так их было мало. Но зачем же изображать Сталина ничтожеством, пешкой в чужих руках, бездарным дураком или безумцем? Конечно, лучшее, что было сделано в те годы, сделано вопреки Сталину. Но там, где его личные интересы совпадали с ближайшими интересами партии, армии и страны, он отстаивал их умно и хитро. Важно, однако, что там, где его личные инте-

ресы могли быть ущемлены, он преследовал личные цели, поступаясь общественными и нанося ущерб обществу. Никогда, в пределах обозримых последствий, он не действовал против себя (другое дело, что порой выходило в конечном счете!), а это первый признак душевного здоровья и смысленности. Я бы скорее упрекнул Рыбакова в том, что у него это смазано. Сталин идеализирован и, пусть дурными средствами, все же хочет в романе достичь благородной социалистической цели. И все-таки «Дети Арбата», при всех возможных оговорках, при всем своем беллетризме, открывают людям типические ситуации той поры, типические факты. Существенно и то, что по суждениям писателей мы видим, сколь разные люди выросли при Сталине, влияние которого любой из нас, даже будучи ребенком, так или иначе испытал, и не всякий поныне преодолел. Это тоже факт нашей жизни.

Василий Белов выступил с прекрасным призывом: «Возродить в крестьянстве крестьянское!» Он сказал немало верного о тяжком положении крестьянина и жестокостях по отношению к крестьянству, свершавшихся с конца двадцатых годов. Говоря о деревенской жизни, писатель выступает во всеоружии фактов и справедливо протестует против взгляда на деревню как на нечто «низшее», подсобное для бесконечного производства средств производства. Но вот он переходит к обобщениям, для чего обращается к фактам, известным ему хуже, и объявляет Сталина главным троцкистом! Так и сказано: «Сталин разгромил Троцкого организационно — убрал его как соперника личной власти. Но суть троцкизма Сталин и его окружение взяли на свое вооружение». Ни Сталин, ни Троцкий — не мои герои, и хрен редьки не слаще, но это ведь не значит, что хрен и редька одно и то же. Отождествляя столь разных политиков, надо бы все-таки сопоставить их позиции, в частности показать, где и когда Троцкий выступал за резкое свертывание изпа, осуществленное Сталиным, если Белову такие выступления извест-

ны. К тому же, будь Сталин впрямь троцкистом, жаждущим лишь устранить сильного соперника, ему достаточно было бы убрать самого Троцкого, ну, может быть, еще кучку лично преданных тому людей, но остальные троцкисты Сталина бы поддержали, раз уж он осуществлял дороге им замыслы. А ведь Сталин уничтожил их всех без разбора, стало быть, и помимо соперничества что-то разделяло.

Возводя коллективизацию к созданным в ходе гражданской войны — якобы по инициативе Троцкого, на деле — по инициативе 3-й армии (командующий М. С. Матиясевич), одобренной Лениным, — трудовым армиям, а трудовые армии к военным поселениям времен Александра I, Белов утверждает, что последние «идеологически обосновывал» и «проводил на практике известный в то время общественный деятель Сперанский». Не будем уж входить в зыбкие параллели между колхозом и трудармией и трудармией и военным поселением. Но одно, во всяком случае, бесспорно: военные поселения создал не Сперанский, а граф Аракчеев. Сперанский же, напротив, создал проект реформ по превращению неограниченной монархии в конституционную, предоставлявших гражданские права не только дворянам, но и городскому мещанству, и государственным крестьянам и ограничивавших, хоть и не отменявших полностью, крепостное право для помещичьих крестьян, — Сперанский предполагал, что оно будет упраздняться по мере развития страны. Реформы эти встретили яростное сопротивление крепостников. Сперанского отстранили и сослали. Из Нижнего, а потом из Перми, где он находился под строгим полицейским надзором, он писал Александру и Аракчееву, оправдывая свои намерения и признавая правомерность действий своих адресатов, и в частности военные поселения. Но разве мало низвергнутых политиков признавало потом, стремясь спастись, правильным то, против чего они, стоя у власти, действовали? Стоит ли их слабость после поражения провозглашать инициативой по насаждению того, с чем они на свободе враждовали?

Изображение Сперанского отцом военных поселений нельзя считать случайной ошибкой. Если о Троцком узнать нелегко, то о Сперанском сообщает любая энциклопедия. И стремление непременно связать с жестокими мерами против крестьянства сторонника буржуазных реформ и выгородить виновного представителя феодальной реакции — это уже не ошибка, а позиция, и на ней стоит не один Белов.

В другой газете посмертно опубликована статья Мих. Лифшица, объявляющая сталинскую неразборчивость в средствах, военно-административные методы в хозяйстве и культуре и прочие его дела имеющими «чисто буржуазное происхождение». Буржуазность у нас бранят все. Но если социализм борется против реакционного в буржуазном, то феодализм не менее страстно боролся против прогрессивного в буржуазном, и само по себе осуждение буржуазности еще не говорит о позиции осуждающего. А важна именно его позиция.

После Октября, Декрета о земле, а затем установления нэпа в стране было допущено определенное развитие буржуазных начал. По мысли Ленина, оно могло быть преодолено социалистическими началами в экономическом соревновании. Но социалистическая и буржуазная тенденции были в ту пору не единственными. Могучим оставалось в сознании и влияние феодального наследства. Вот и стоит поразмыслить, что сильнее мешало ленинскому плану — «пережитки капитализма» или «пережитки феодализма».

Чтобы понять трагическое тридцатилетие под властью Сталина и его последствия, надо бы не отмахиваться от наследства освободительного движения, и в частности от трудов Маркса, а, напротив, тщательнее в них взглянуть. Это легче было бы сделать, будь они полностью изданы по-русски, а ведь даже второе издание сочинений Маркса и Энгельса полным не является. Ни «История тайной дипломатии XVIII века», ни речи и статьи о Польше все еще недоступны советским людям, не читающим на иностранных языках. Это факт. Некоторые ищут корень зла в особых свойствах русского народа и вают вину

на него. Но будь правы они, подобное произошло бы лишь в нашей стране. Однако известно, что при Мао совершались дела, очень похожие на сталинские, а Пол Пот, пожалуй, и Сталина превзошел. Это тоже факт. Так не пора ли от философии и этнографии вернуться к реальной истории?

При Ленине Советское государство было орудием классовой борьбы, шедшей прежде всего в виде экономического соревнования самоуправляющихся трестов и кооперативов, городских и сельских, с нэпманами, кустарями и кулаками. Диктатура пролетариата служила гарантией того, что допущение частной собственности не приведет буржуазии к власти. Но если с 1929 года нэпманов и кустарей ликвидировали, а на селе началась сплошная коллективизация и все хозяйство вскоре практически стало общественным, государственным, социалистическим, по марксистской логике, почва для классовой борьбы должна бы сокращаться, а государство — понемногу отмирать. (Ленин говорил: «Когда будет социализм, не будет государства».)

Между тем государство все более укреплялось, сосредоточивая власть в центре, тресты свою самоуправляемость утратили, советские и партийные организации глядели вверх, ожидая указаний. Сталин объявил, что классовая борьба по мере ликвидации враждебных классов должна все более обостряться. В этом утверждении уже ничего не осталось от Маркса и Ленина, и действия Сталина не объяснить иначе, как стремлением строить государство по феодальному образцу с внеэкономической административно-командной системой. Она — не следствие социализма, а наследие феодализма. Не желая ни разрешать ленинскими методами проблемы, встававшие перед страной, ни уступить власть товарищам по партии, которые шли бы и дальше по ленинскому пути, Сталин взял за образец вековой опыт российской феодальной реакции. Для этого опора тоже была. Если в наши дни в иных умах деревня, известная по Бунину, Чехову, Глебу

Успенскому, предстает как «Лад», можно понять, что тогда многих, даже и бедных людей, страшил отход от знакомых, пусть и несправедливых, порядков. Чеховский Фирс и отмену крепостного права считал «несчастьем». Подобные люди легко становились опорой нового «хозяина», противопоставившего и буржуазной, и социалистической предприимчивости привычное послушание.

Понятно, Сталин не провозглашал реставрацию феодализма открыто и в традиционной форме. Слишком сильна была память о революции и рожденном ею чувстве равенства. Он не мог открыто отречься от марксизма и ленинизма, не мог заменить коммунистическую партию другой. Он вынужден был лицемерить и подменять понятия, уподобляя социалистические идеалы феодальным и выжидая часа, чтобы физически истребить большевиков и вообще всех левых, свершавших революцию для народного блага.

Социалистическая, марксистская антибуржуазность, отвергнувшая право частной собственности на средства производства, — краеугольный камень капитализма, но ценившая плоды буржуазного развития и отвоеванные буржуазией у феодалов права и свободы, при Сталине подменялась феодальной антибуржуазностью, никакой человеческой инициативы не допускавшей, требовавшей подчинения беспредельной власти утвержденного свыше авторитета. Так и сложилась реальная система феодального социализма, в «Коммунистическом манифесте» описанная лишь как литературное течение, которому в Англии высокое развитие капитализма не давало шансов на победу. А в России буржуазия была слаба и даже за сугубо буржуазные преобразования боролась робко. Сталинизм, грубое извращение ленинских идей о социализме, на практике стал разновидностью феодального социализма. Не случайно именно из феодального прошлого он черпал «положительные примеры», вплоть до Ивана Грозного и Малюты Скуратова.

И все же, поскольку официально провозглашались социалистические цели, поскольку народу оставались доступны, пусть и не полностью, сочинения Маркса и Ленина, Герцена и Толстого и других, в народе и в партии, вопреки всему, появлялись люди, стремившиеся к иному, чем сталинский, социализму. Такие люди не только, стиснув зубы, работали и защищали родину. И при жизни Сталина, и особенно после его смерти стремление к иному социализму так или иначе выплескивалось — и в знаменитом письме Раскольникову, и в докладе Хрущева на XX съезде, и в докладе Косыгина на сентябрьском Пленуме ЦК 1965 года. Нынешняя перестройка выросла в сознательное движение на почве неоднократных попыток возвращения к ленинскому социалистическому идеалу.

Любое обсуждение перестройки — роли кооперативов, проблем денежного обращения и ценообразования, понятий общественной собственности и государства — так или иначе возвращает к выяснению стертых при Сталине различий между феодальной и социалистической антибуржуазностью, к выяснению того, что из достигнутого капитализмом присуще только ему, а что становится неперменной принадлежностью любого последующего строя, живущего на *экономических, а не внеэкономических*, как феодализм, началах. Вот почему и приходится разбираться в нашей истории, разбираться не отвлеченно, выбирая — хулить или хвалить, а конкретно, чтобы понять, что, собственно, у нас в прошлом было и что есть сегодня. А этого не понять, если довольствоваться формулами, если не видеть фактов, не считаться с ними, не вглядываться в них.

Книжное обозрение, 1988, 27 мая

Отто Лацис,

доктор экономических наук,
первый заместитель главного
редактора журнала «Коммунист»

СКАЗКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Пишет вам житель из города Баку тов. Миронов. Меня волнует вот что: о культе личности тов. Сталина. Неужели нашим писателям, корреспондентам не о чем писать, болтать попросту языками, а только Сталин, Сталин, Сталин. Я сам инвалид Великой Отечественной войны, и обидно, что такого человека, как Сталин, сравнивали с мусором. Из-за этого человека люди бросались под танки, его именем завоевали мир на Земле. Сталин был чист перед советским народом, он расстреливал тех людей, которые ему и всему советскому народу мешали правильной и честной жизни. Народ жил хорошо, все было вдоволь. А сейчас все дорого, дальше уж некуда. Народ ходит злой, недовольный. Слава богу, сейчас войны нет, а масло и мясо получаем по талонам. Это разве правильно! Раньше водка была 3.62, ее никто не брал, и наркоманов не было. А сейчас она стоит 9.10, а продают по 15—20 рублей. Сделали полную спекуляцию. А еще критикуют Сталина. Куда смотрели те люди, которые пишут сейчас о Сталине! Значит, они были нечестными коммунистами. Я прошу вас опубликовать мое письмо в газету «Известия». Думаю, что люди, прочитавшие мое письмо, сами меня рассудят. После этого письма вы можете меня и арестовать. Извините за мои ошибки.

Вот такое письмо прислал в редакцию житель города Баку Юрий Николаевич Миронов. Таких писем немало поступает сейчас в редакции газет и журналов. Есть и более пространные, и более интеллигентные, даже наукообразные. Я выбрал это только из-за его краткости и ясности.

Письма такие не выражают мнения большинства читателей, скорее, это меньшинство. Пожалуй, верно будет сказать: довольно значительное меньшинство. Но мнения, выраженные в нем, общественно значимы, их надо обсуждать, на них надо давать ответ.

Первый вопрос: надо ли еще говорить и писать о Сталине? «Хватит, надоело» — это я слышал не раз. Но правде сказать, мне тоже надоело и тоже хотелось бы от этого отдохнуть. Более того, тогда, когда еще не надоело, тридцать с лишним лет назад, когда мы только начинали говорить о Сталине, тогда еще больше хотелось от всего этого отвлечься и забыть. Тогда было тяжело, мучительно тяжело переламявать свое сознание. Еще тяжелее было моему от-

цу, который веру в Сталина пронес через годы подполья в буржуазной Латвии, через годы эмиграции в Советском Союзе — на родине трудящихся, через две войны с фашизмом: испанскую и Великую Отечественную. Его поколению было очень трудно, пришлось проделать тяжелейшую душевную работу, пересматривая свои взгляды. И все-таки в большинстве своем оно не трусило, не ушло от этой работы. Оно сумело сказать себе правду о своем прошлом.

Но, может быть, сейчас действительно уже хватит говорить о неприятном?

Но ведь и сейчас, когда многие факты уже сказаны, открыты, обнародованы, остается, наверное, еще больше неизвестных фактов. Да главное дело не в фактах. Главное — найти правильные ответы на вопросы, которые вытекают из этих фактов. Как и почему извращения, столь явно чуждые социализму, могли иметь место в нашем социалистическом обществе? Как и почему явления, столь явно чуждые ленинизму, могли прикрываться именем ленинизма, маскироваться именем революции? Для ответа на эти вопросы пока еще сделано очень мало.

Нам предстоит не только научно осмыслить прошлое: что было, как было, почему было, где гарантии неповторения тяжких извращений. Нам надо глубоко изучить то сознание, то понимание социализма, которое укоренилось в то время. Изучить, чтобы окончательно изжить его. Один из неперменных элементов этого сознания — мифологизация действительности, подмена фактов сказками, которые так мастерски создавал Сталин. А иногда мы и сами создаем их для собственного утешения.

Одна из сказок, которая особенно часто повторяется сейчас в письмах, — это рассуждения о якобы постоянных снижениях цен, изобилии товаров и материальном благополучии в те годы.

Давайте уточним прежде всего, о каких годах идет речь. Вероятно, не о годах первой пятилетки, когда единственный раз в нашей советской истории тяжкий голод поразил нашу страну не после войны, а после двенадцати мирных лет. Вероятно, речь не о тридцатых годах, когда общий уровень розничных цен (в 1940 году по сравнению с 1928-м)

увеличился в шесть с лишним раз. Конечно, речь не о войне, никто не ожидал и не требовал, чтоб во время войны снижались цены. Сказка эта касается пяти последних лет из трех десятилетий, в которые Сталин руководил страной.

Авторы некоторых писем, вспоминая те годы, любят еще напомнить, что в то время были в магазинах икра, балык и крабы. Мы жили не в какой-нибудь глухой провинции, жили в Риге — республиканской столице, одном из самых в то время обеспеченных городов страны. Сахара не было в продаже. Мы, городские жители, сами выращивали сахарную свеклу, резали ее тонко и варили из нее патоку. Вот эта коричневая жидкость с очень неприятным привкусом заменяла нам сахар.

Не бывало и масла в государственной торговле. Ни по талонам, ни без них. Правда, икра была. Но цена на нее нас не интересовала. Это было не для нас. И мяса мы не могли себе позволить каждый день, хотя послевоенная инвалидная пенсия моего отца была высокой — 80 рублей. Это было значительно выше средней зарплаты рабочих и служащих того времени. Так что нас можно было считать людьми обеспеченными.

Не было очередей за мебелью тогда. Мебель не нужна была большинству людей, потому что комната в коммунальной квартире была пределом мечтаний для обычного городского жителя. Не было очередей за книгами, хотя их издавалось в несколько раз меньше, чем сейчас. Но только доли процентов всего населения могли себе позволить собирать собственную библиотеку.

В 1947 году одновременно с отменой карточек и денежной реформой цены были повышены. С учетом еще повышения цен военного времени общий их уровень оказался в три раза выше уровня цен довоенного 1940 года. Зарплата же выросла гораздо меньше — даже в 1950 году средняя зарплата рабочих и служащих по стране составляла в пересчете на нынешние деньги 64 рубля в месяц против довоенных 33 рублей. И добавлю — против нынешних 200 рублей.

Вот это и позволяло проводить так называемые снижения цен. <...> Зато проводились ежегодные подписки на заем. Даже нам, студентам-первокурсникам 1951 года, из своей стипендии 29 рублей в месяц приходилось 7 рублей выплачивать на государственный заем. Зарплата в те последние пять лет сталинских почти не росла. Только эти меры — крайне низкая зарплата при высоких по сравнению с довоенным уровнем ценах и займы — позволяли более-менее обеспечивать товарное наполнение рынка в эти годы. Притом только в самых крупных городах. В провинциальных городах и поселках во многих случаях нельзя было свободно купить даже хлеб. А ведь в то время две трети населения жили в деревне. Там доходы были в совхозах раза в два меньше, чем у городских рабочих и служащих, в колхозах — еще меньше. Выплаты, общие, денежные и натуральные, едва ли достигали 20 рублей в месяц на человека, да и учесть их можно лишь весьма условно. В основном колхозники должны были жить доходами с приусадебных участков, притом возможности для подсобного хозяйства также строго ограничивались. Уйти из колхоза — это тоже ведь сейчас не все помнят — по своей воле нельзя было, колхозники лишены были паспортов. Это была самая настоящая крепостная зависимость большинства населения страны.

Но и эти труженики были не в самом трудном положении. Ибо было еще немало людей, незаконно, без всякой вины лишенных свободы, живших в заключении.

Да, был самоотверженный труд, были беззаветные подвиги на войне, были славные победы в строительстве социализма и в обороне страны, которыми мы будем всегда гордиться, но не было золотого века, дарованного народу великим вождем.

Почему так важно понять это сейчас? Потому что старые сказки небезобидны. Именно старые, слегка подкрашенные, подлакированные представления о том, как надо строить наше общество, о том, как надо работать, управлять хозяйством, торговать, планировать, как надо устанавливать цены, — именно эти пред-

ставления больше всего сейчас мешают.

Вот характерное обстоятельство. Во всех письмах, подобных приведенному выше, неперменный штамп — это тоска по твердой руке хозяина, это обязательное заявление о том, что вот сейчас бы придавить побольше — и все было бы хорошо.

Товарищ Миронов даже убежден, что вот за такое письмо его могут арестовать. И это, конечно, представление из тех их прошлых времен.

Чем опасна такая оценка прошлого? Тем, что она указывает нам неверный, попросту гибельный путь в будущее. Не в том наша беда, что мы уклонились от сталинского пути в развитии хозяйства, беда в том, что вплоть до времени нынешней перестройки мы развивались, в сущности, по сталинскому пути, внесли лишь весьма несущественные, поверхностные изменения в прежнюю модель развития. Не будем говорить о первых пятилетках, когда страна должна была еще пройти путь первоначального вооружения труда машинами. Тогда действительно нужно было больше металла, угля, нефти, электроэнергии, больше тонн, метров, киловатт-часов. Это нужно было и потому, что нас ждала война, где надо было иметь больше танков, больше самолетов. Но возьмем послевоенное время.

Возьмем то время, когда уже появились слова «кибернетика», «генетика», когда была возможность взять курс на развитие наукоемких отраслей, курс на ускорение научно-технического прогресса. Сталин не ограничился тем, что кибернетику, генетику объявил реакционными лженауками, служанками буржуазии. Не ограничился физическим уничтожением носителей этих знаний. Он в предвыборной памятной речи 9 февраля 1946 года воспроизвел прежние задачи развития, сказал, сколько нам нужно иметь миллионов тонн нефти, угля, стали для того, чтобы, как он говорил, иметь гарантии от всех случайностей.

Мы давно уже превзошли все эти рубежи. Мы давно уже почти по всем видам продукции так называемых базовых отраслей занимаем первое место в мире. Только стали ли мы от этого богаче?

Что толку, что мы производим в 6,5 раза больше тракторов, чем США? И в 16 раз больше зерноуборочных комбайнов? Тракторами и комбайнами сыт не будешь. А вот зерна мы собираем в полтора раза меньше при всем комбайновом изобилии. Зачем же нам столько металла?

И именно эта модель развития толкает нас к повышению цен, ставит перед настоящей необходимостью повышать цены. За три предыдущие пятилетки, с 1971 по 1985 год, масса денег в обращении увеличилась в три с лишним раза, а масса товаров — только в два раза. Почему это произошло? В общем-то, у честных людей, как правило, избытка денег нет, и на первый взгляд, кажется, трудно понять, отчего ж так много денег у индивидуального потребителя, у отдельного гражданина денег действительно не избыток. Денег избыток на рынке в целом. Избыток по отношению к количеству товаров. И тот, кто произвел хлеб, молоко, мясо, одежду, и тот, кто произвел трактор, комбайн, металл, станок, в равной степени заслуженно получают свою зарплату и с равным правом несут рубли в магазин и требуют в обмен товар. Но товар-то произвел не каждый из них.

Нет, конечно, дело не в том, чтоб каждый производил непременно товары народного потребления. Кто-то должен производить и средства производства: станки, машины, металл, с помощью которых надо производить предметы потребления. Но именно те, с помощью которых можно произвести какой-то нужный товар. А ведь на поверку оказывается, что миллионы людей производят те средства производства, из которых потом никакого товара не выйдет. Это вот и есть прямой результат модели экономического развития доперестроечного времени. Это и есть главная причина, по которой, не сделай мы сейчас перестройку, мы не сможем не только двигаться вперед, но не удержим и того уровня жизни, тех темпов экономического роста, которые были в прошлом. Впрочем, темпов этих мы уже давно не поддерживаем. В том-то и дело, что задачи времен первоначальной индустриализации, хорошо ли, плохо ли, вы-

полнены, и мы должны сейчас работать по-другому.

Я бы не хотел создавать впечатления, что все мифы, пришедшие к нам из того прошлого времени, носят такой простой, элементарный характер, свойственный простым, не очень грамотным людям. Нет, есть мифы более сложные, мифы, одетые в одежды высокой теории и разделяемые порой весьма образованными людьми, даже с учеными степенями.

Самое представление о социализме в этом сознании носит весьма упрощенный и мифологизированный характер. Социалистическое — значит, общественное, общественное — значит, государственное — вот основная схема. Если есть сто процентов общественной (а желательно государственной, хуже, если колхозной) собственности, то, стало быть, и с обобществлением все в порядке, и все у нас вполне социалистическое. Ну а если иной руководитель использовал доверенную ему государственную собственность как частную делянку для извлечения далеко не трудовых, неправедных доходов — это как, социалистическая была собственность? Или это была приватизированная государственная собственность? Да и не только руководитель, такое использование могло быть свойственно людям самого разного служебного положения и самого разного характера труда.

Дело в том, что собственность может быть формально общественной, а по существу — нет. На это обстоятельство указывал еще Ленин, и о нем очень часто склонны забывать люди мифологизированного сознания. Они сейчас, когда идет перестройка, поднимают крик о том, что мы отступаем от устоев социализма, что мы отдаем позиции частнику, мелкой кооперации, что тут происходит нажива на основе несоциалистических принципов. Ну что ж, по их представлениям, следовало бы считать, что нажива разнообразных медуновых, адыловых, трегубовых в прошлые десятилетия осуществлялась на социалистической основе, поскольку они ведь паразитировали на государственной или на колхозной собственности.

Чтобы правильно разобраться в том,

что происходит в этой области сейчас, с началом перестройки, мы должны твердо ответить: реальный уровень обобществления, реальный уровень развития социалистической собственности не был таким высоким, как это изображалось. Мы сейчас смотрим трезво на дело, начинаем исходить из более правильного понимания действительности. И именно точное понимание фактического уровня обобществления помогает нам лучше управлять хозяйством, лучше работать, лучше удовлетворять потребности людей.

Из идейных представлений прошлых десятилетий дошел до нас и взгляд на государство, подобающий скорее не социалистическому, а монархистскому сознанию. Взгляд, согласно которому государство есть некий хозяин, а вернее — вождь, стоящий на верхушке государственной машины, некий хозяин, который может благодетельствовать народ, стоит только хорошенько попросить.

Не случайно в письмах, проникнутых ностальгией по прошлому, встречаются слова типа: «Сталин давал», «Сталин обеспечивал», «при Сталине было». И на задний план оттесняется самая важная истина: государство может распределить только то, что создано трудом народа.

Представление о всемогущем, всеведущем и всеблаготворительном государстве свойственно не только простым людям с завышенными потребительскими ожиданиями. Оно проникает в наше общество гораздо глубже. Это представление свойственно и работнику государственного или хозяйственного аппарата, который считает, что государственный заказ является выражением высшей общественной мудрости, что только он может в наибольшей мере отразить общественную потребность и определить то, что нужно народу. Именно поэтому с таким безумным напором посредством государственного заказа разрушается экономическая реформа.

Это представление свойственно и тем, кто считает, что государственные бюджетные ассигнования, строительство за счет расходов государственного бюджета, бесспорно, является самым муд-

рым, самым правильным и первоочередным. Именно носители таких представлений десятилетиями отстаивают проекты переброски вод, строительства каналов, которые не дают никогда обещанного на бумаге эффекта и лишь одного достигают с неизменным успехом — растраты миллиардов и десятков миллиардов народных рублей, а также разорения нашей природы. Именно носители таких представлений с пеной у рта отстаивают проекты гидростанций, связанные с затоплением городов и сел, десятков тысяч квадратных километров лесов и полей. Именно сторонники таких взглядов уверены в своем праве решать судьбу Байкала, Ладоги, Карачаевска или Днепра.

Нет, конечно, не все сказки нашего времени придуманы Сталиным или в те времена, когда был Сталин. Оттуда пришло само мифологизированное сознание, а коли оно есть, то сказки можно придумывать и в наше время. И приверженцы такого сознания очень охотно занимаются этим. Именно отсюда представление о том, будто можно по воле руководителей добиться желанных целей сию минуту, стоит только приказывать строже. Скажем, иметь хорошие цены, вдоволь товаров.

Картина очень хорошая, но такая же сказочная применительно к настоящему, как сказочными являются представления о прошлом. На самом деле всего этого можно достигнуть только при настоящей перестройке хозяйственного механизма, системы планирования, структуры хозяйства.

Эпоха возрождения политического самосознания народа, которую мы определили кратким словом «гласность», эта эпоха обрушила на редакции лавину самых разноречивых писем. Кажется, по любому вопросу нашей жизни можно найти и слова самого безоговорочного одобрения, и слова самого бесповоротного осуждения. Только в одном вопросе все едины: я не встречал такого письма, в котором содержались бы похвалы политике застойного времени — от конца шестидесятых до начала восьмидесятых. Здесь совершенно категоричны и ревнители мифотворчества. Может быть, на этом пункте мы могли

бы с ними договориться? Вряд ли, так как они полагают, что причина застоя — в забвении сталинских методов. Стоит, дескать, вернуться к ним, и все будет в порядке.

Но ведь это мы уже проходили. Лидеры застойного времени, так же как и сегодняшние плакальщики по «сталинскому золотому веку», полагают, что вся беда началась в середине пятидесятих годов, когда воззрения прежних времен стали пересматриваться. Между тем именно в те годы была предпринята первая попытка перехода к правильной политике. Давайте обратимся к фактам. В сентябре 1953 года на Пленуме ЦК впервые была сказана правда о катастрофическом состоянии сельского хозяйства, впервые было сказано, что колхозникам надо платить за труд, иначе никакого толку не будет. Несколько позднее колхозникам были выданы паспорта, они стали равноправными гражданами страны. В 1957 году была принята широкая программа жилищного строительства, в наш быт, в повседневный быт простых людей, стало входить то, что было совершенно неслыханным при Сталине, — отдельная квартира на семью. Именно в середине пятидесятих годов был положен конец и страшной несправедливости по отношению к невинно осужденным. Тогда же, в 1957 году, была подвергнута резкой критике бюрократия, были ликвидированы министерства.

В тех реформах было много поверхностного, было много ошибок, но ведь была поставлена невероятно трудная задача, трудная особенно при тогдашних ограниченных ресурсах: достойную жизнь пытались дать не ограниченному слою, а всему народу. Это было нелегко, и для этого нужно было глубоко изменить хозяйственный механизм и стратегию развития. Тогда нам не хватило ни сил, ни глубины научного познания действительности.

В конце шестидесятих годов, после ряда попыток разнообразных перестроек, нашли «выход» в том, чтобы ничего не перестраивать. Жизнь жестоко отомстила за это, потому что, ничего не перестраивая, мы не могли идти вне-

Сегодня мы взялись за дело всерьез, не допуская самой мысли о возврате. Тем не менее перестройка переживает сейчас опасный момент. Сказано много точных, верных слов, но мало, к сожалению, реальных, ощутимых в повседневной жизни, ясно видимых результатов. И вместе с тем мы не можем прекратить говорить, объяснять, доказывать, потому что верное понимание фактических процессов в прошлом и в настоящем и процессов, предстоящих нам, далеко не достигнуто. Настоящего понимания того, что надо сделать в экономике, еще очень мало, и бороться за перестройку в пропаганде, бороться идеологическими средствами все еще необходимо. А вместе с тем нужны как можно скорее результаты, а они опять-таки зависят от состояния сознания, от подхода каждого к своей работе.

Выход тут может быть только один — решительнее вперед. И в мыслях, и на деле. И в понимании процессов нашей сегодняшней жизни, и в подходе к работе. Решительнее, быстрее вперед по пути перестройки.

Известия, 1988, 16 апреля

Афанасьев Ю. Н. Не все архивы еще открыты.— Сов. культура, 5 янв.; *Он же.* Перестройка и историческое знание.— Лит. Россия, 17 июня; *Кузнецов П.* Вопросы историку: О ст. Ю. Н. Афанасьева «Перестройка и историческое знание».— Правда, 25 июня; *Афанасьев Ю. Н.* Ответы историка.— Там же, 26 июля; От редакции.— Там же; *Дедков И., Лацис О.* Путь выбран.— Там же, 31 июля; «Белые пятна»: от эмоций к фактам: «Круглый стол» сов. и польских историков.— Лит. газ., 11 мая; *Бурганов А.* «История — мамаша суровая...».— Дружба народов, № 6; *Бутенко А.* Политическое лидерство и борьба за власть при социализме.— Моск. новости, 28 февр.; *Гусейнов Э.* Партконференции — от первой до девятнадцатой.— Известия, 28 марта; Дискуссия о периодизации истории советского общества.— История СССР, № 3; Зная прошлое, видеть будущее. Партконференции: шаги истории.— Неделя, № 15; *Ирошников М. П.* Перед судом истории: Изучать ошибки прошлого, чтобы не допустить их в будущем.— Веч. Ленинград, 15 марта; История и литература: Писатели и ученые о соврем. понимании нашего прошлого.— Лит. газ., 18 мая; «Круглый стол»: Историческая наука в условиях перестройки.— Вопр. истории, № 3; *Маслов Н. Н.* Что нам мешает воссоздать объективную историю партии.— Аргументы и факты, № 21; *Медведев Р.* Из реки по имени факт.— Собеседник, № 18; *Носов Е.* Что мы перестраиваем? — Лит. газ., 20 апр.; Остановиться или идти в истории дальше, дальше, дальше?: «Круглый стол».— Моск. новости, 6 марта; *Попов Г.* Система и «Зубры».— Наука и жизнь, № 3 (Административная система и ученые); Проясняя «белые пятна»: «Круглый стол» сов. и польских историков.— Международная жизнь, № 5; *Селюнин В.* Истоки.— Нов. мир, № 5 (Истоки идей внеэкон. принуждения); *Соловьев А. А.* Общепартийные конференции в жизни и деятельности КПСС.— Вопр. истории КПСС, № 6; Возвращено из спецфондов: Беседа с чл. кол. Главлита СССР В. А. Солодиным.— Сов. культура, 22 марта.

Амбарцумов Е. Ядовитый туман рассеивается: Реабилитированы жертвы моск. процессов.— Моск. новости, 19 июня; *Антонов Г. И.* Рядовые ГУЛага.— Веч. Ленинград, 8 мая; Критерий истины: Беседа с Ю. Афанасьевым.— Новое время, № 18 («Октябрьская революция: 70 лет спустя»); *Бонч-Бруевич В. Д.* Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву.— Правда, 4 марта; *Ваксберг А.* Процессы.— Лит. газ., 4 мая («Дела» М. Кольцова, В. Мейерхольда, И. Бабеля); *Гордон Л., Клопов Э.* Тридцатые — сороковые.— Знание — сила, № 2—5; *Данило В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30—40-х годов в СССР.— Вопр. истории, № 3; *Дмитренко С.* Ленинское «Письмо к съезду»: правда и вымыслы.— Полит. образование, № 8; *Ефимов Н. А.* Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта.— Вопр. истории, № 3; *Жженов Г.* Саночки.— Огонек, № 15; *Он же.* Арест.— Ленингр. рабочий, 13 мая; *Иванова Т.* Простится ли нам наше смирение? — Кн. обозрение, 17 июня (Коллективизация в романе Б. Можая «Мужики и бабы»); *Кекушев Н.* Возвращение из ушедших лет... — Воздуш. транспорт, 9 июля; *Ковалев А. Ф.* Колокол мой — правда.— Неман, № 6; *Лазебников А.* Линии судьбы.— Сов. культура, 16 июня; *Лацис О.* Перелом.— Знамя, № 6 (1929 г.); *Маслов Н.* Политические процессы 30-х годов: характер и особенности.— Аргументы и факты, № 7—8; *Мухина Г. З., Наумов В. П.* 1917-й: Октябрьское восстание.— Правда, 3 июня; *Он же.* Ленинское завещание.— Правда, 25 марта; *Овруцкий Л.* Мера закона и безмерность беззакония.— Сов. культура, 27 февр.; *Позняк З., Шмыгалев Е.* Куропаты — дорога смерти.— Литература и маستاцтва (Минск), 3 июня (на бел. яз.); То же.— Сов. Эстония, 18—19 авг.; *Поликарпов В. Д.* Читая Ленина сегодня.— Сов. культура, 21 апр.; *Попов Г.* О прошлом — для будущего.— Моск. новости, 20 марта (Процессы 30-х гг.); *Разгон Л.* Воспитание чувств.— Кн. обозрение, 13 мая; *Он же.* Меценат.— Там же, 1 апр.; *Он же.* Непридуманное.— Юность, № 5; *Сазаров М.* Судьба мелкобуржуазных партий.— Аргументы и факты, № 5; *Семенов Ю.* Ненаписанные романы.— Нева, № 6; *Семенова С.* Мытарства идеала: К выходу в свет «Чевенгура» А. Платонова.— Нов. мир, № 5; *Сироткин В.* НЭП: внешнеполитические аспекты.— Аргументы и факты, № 23; *Спирин Л. М.* Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание в 1917 г.— История СССР, № 2; *Тара-*

тин И. Ф. Потерянные годы жизни.— Волга, № 5; Твардовский И. Т. Страницы пережитого.— Юность, № 3; Тихонов В. А. Уроки прошлого и настоящего.— Аргументы и факты, № 14—15 (Коллективизация); Феофанов Ю. Почему это случилось?— Известия, 10 апр. (Процессы 30-х гг.); Чернов М. Как создавался закон о свободе совести.— Аргументы и факты, № 9; Яковлев А. Правосудие и мы: Уроки тридцатых годов.— Моск. новости, 14 февр.

1941—1945

Алимов Г. Долгое эхо войны.— Известия, 12 июня (Дети узники концлагерей); Анфилов В. Начало. Красная звезда, 22 июня; Аркадьев А. Не соль на раны, а правда: Ответ инвалида войны «Ветерану».— Кн. обозрение, 22 апр.; Борщаговский А. Жизнь это свобода.— Кн. обозрение, 6 мая (Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»); Ванников Б. Л. Записки наркома.— Знамя, № 1 2; Волкогонов Д. Накануне войны...— Правда, 20 июня; Геродник Г. Рассказ о Любанской операции. Знание — сила, № 5; Дашичев В. Что они нам готовили.— Известия, 22 июня (План «Ост» гитлеровского командования); Динкевич А., Черенцов Л. Скорбное воскресение.— Смена, 19, 21—22 июня; Иванова И. Без вести пропавшие.— Ленингр. рабочий, 8 янв. (2-я ударная армия); Кирьян М. М. Начальный период Великой Отечественной войны.— Военно-ист. журн., № 1; Лященко Н. Г. 2-я ударная армия в боях за Родину.— Там же, № 3; Максимов М. На грани — и за ней.— Знание — сила, № 3 (Фашистские концлагеря); Морозов В. Историк А. Самсонов и умалчивает, и искажает; Самсонов А. Историк В. Морозов сердится.— Моск. новости, 27 марта; Павленко Н. На первом этапе войны.— Коммунист, № 9; Перепелкин Ю. Государственный пост № 2 за Уралом.— Известия, 19 апр. (Саркофаг с телом В. И. Ленина в Тюмени); Самсонов А. М. Великая правда войны.— Кн. обозрение, 19 февр.; Филатов В. «Белые», «серые», «черные».— Красная звезда, 16 янв. (Пропавшие без вести, военнопленные); Белое и черное: Еще раз о культуре полемики.— Известия, 5 февр. (Ответ на ст. В. Филатова); Шубкин В. Один день войны.— Лит. газ., 23 сент.; Хорьков А. Г. Накануне грозных событий.— Военно ист. журн., № 5.

После 1945 года

Аджубей А. Те десять лет:— Знамя, № 6—7 (Воспоминания о 1954—1964 гг.); Андреев С. Причины и следствия.— Урал, № 1; Баррикады перестройки: «Круглый стол» (Ю. Афанасьев, Л. Карпинский, Б. Можаяв и др.).— Век XX и мир, № 2; За ширмой благополучия: Проблемы застоя в обществе семидесятых годов (А. Д. Берлин, Е. Т. Гайдар, И. В. Нит и др.).— Знание — сила, № 6; Буртин Ю. Свобода выбора: О гарантиях подлинного народовластия.— Известия, 29 апр.; Дзокаева Т. Последняя жертва: Заметки экономиста.— Правда, 6 мая (Экон. дискуссия начала 50-х гг.); Змирина Н. «Ленинградское дело».— Аргументы и факты, № 17; Капица П. Это было так.— Нева, № 5 (Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»); Кирсанов А. И. «Ленинградское дело» — чем оно было в действительности.— Ленингр. правда, 18 мая; Кузьмин А. К какому храму ищем мы дорогу.— Наш современник, № 3; Рогов С., Носенко В. Зачем «корректировка» Ленина?— Сов. культура, 31 мая (Полемика с А. Кузьминым); Кутузов В. Конец «ленинградского дела» (Процесс над В. С. Абакумовым).— Диалог, № 17; Лацис О. Долгая жизнь сказок.— Известия, 19 июня; Левада Ю., Шейнис В. 1953—1964: Почему тогда не получилось.— Моск. новости, 1 мая; Нуйкин А. Идеалы или интересы?— Новый мир, № 1—2; Пономарев Л., Шинкаренко В. Догматизм: корни и крона.— Известия, 10—11 июня; Рапопорт Н. Память — это тоже медицина.— Юность, № 4 (Воспоминания о «деле врачей»); Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей».— Дружба народов, № 4; Сидоровский Л. Слово о музее: Музей обороны Ленинграда — его судьба была высока и трагична.— Смена, 25 марта; Тощенко Ж. Застой духа или механизм деформации массового сознания.— Известия, 23 июня; Шмелев Н. Новые тревоги.— Новый мир, № 4.

Персоналии

Сидоровский Л. В. А. Антонов-Овсенко.— Смена, 3 июня; Он же. Честное имя: Жертвы «ленинградского дела».— Там же, 25 июня (Я. Л. Бейлинсон, М. И. Сафонов, Н. В. Соловьев, И. М. Турко); Быстров А. Задание особого свойства.— Красная звезда, 18—20 марта (Л. П. Берия); Головков А. Вечный иск.— Огонек, № 18 (Л. П. Берия); Жусенин Н. Берия: Несколько эпизодов одной преступной жизни.— Неделя, № 8; Бестужев-Лада И. В. Л. И. Брежнев и время

застоя. — Неделя, № 23, 25; *Бухарин Н. И.* Политическое завещание Ленина. — Коммунист, № 2; Выступление Н. И. Бухарина, посвященное памяти И. И. Скворцова-Степанова. — Ист. СССР, № 5; *Амлинский В.* «На заброшенных гробницах...» — Юность, № 3 (Н. И. Бухарин); *Горелов И. Н. И. Бухарин: Вехи политической биографии.* Аргументы и факты, № 11; *Горелов И., Осипов А.* Николай Иванович Бухарин. — Агитатор, № 5; *Зубков М.* Николай Бухарин: Страницы биографии. — Собеседник, № 9; *Карпинский Л., Козн С.* Возвращение Николая Бухарина. — Моск. новости, 21 февр.; *Козн С.* Николай Бухарин: Страницы жизни. — За рубежом, № 15—16; *Сидоровский Л.* Бухарин и Рыков. — Смена, 13 февр.; *Эренбург И.* Мой друг Николай Бухарин. — Неделя, № 20; *Боднарж Н.* Отвоено справедливостью. — Известия, 7 февр. (Пленум Верховного суда СССР); *Потапов А.* Возвращение. — Труд, 9 февр.; *Темушкин О.* Голос времени — голос истины. — Неделя, № 7; *Черняк А.* Восстанавливая истину. — Правда, 7 февр.; *Чикин В.* Восстановление справедливости. — Сов. Россия, 7 февр.; *Максимов Ю.* Ретуть трагедий? — Лит. газ., 6 апр. (Н. И. Бухарин, Ю. Ларин); *Лацис А.* Не так это было... — Известия, 12 апр. (Ответ Ю. Максиму); *Евтушенко Е.* Опорочить опороченных? — Сов. культура, 14 апр. (Ответ Ю. Максиму); *Икрамов К., Карякин Ю.* Письмо в редакцию. — Лит. газ., 20 апр. (Ответ Ю. Максиму); *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...» — Из дневников 1941 г. — Там же, 16 марта; *Смирнов К.* Эхо В. И. Вернадского. — Известия, 10 марта; *Сидоровский Л.* Вознесенские. — Смена, 9 февр.; *Ковичев В.* Известный В. Володарский. — Собеседник, № 29; *Кузнецов Н.* Флагман; *Пантелеев Ю.* Страницы биографии. — Наука и жизнь, № 2 (Л. М. Галлер); *Ерошок З.* Отцы и дети. — Комс. правда, 14 мая (Я. Б. Гамарник); *Лакшин В.* Открытая дверь: Вечер у генерала А. В. Горбатова. — Огонек, № 20; *Резников Л.* О книге М. Горького «Несвоевременные мысли». — Нева, № 1; *Алт С.* Судьба Якова Джугашвили: Борьба, плен, гибель. — Неделя, № 12; *Ищенко С.* Судьба солдата. — Красная звезда, 14 мая (Я. И. Джугашвили); *Карякин Ю.* «Ждановская жидкость», или Против очернительства. — Огонек, № 19 (А. А. Жданов); *Миркина А.* Маршал пишет книгу. — Огонек, № 16—18 (Г. К. Жуков); *Зиновьев Г. Е.* Ленин, как человек и товарищ. — Ленингр. правда, 21 июня; *Лисочкин И.* Революционер, теоретик, публицист. — Там же (Г. Е. Зиновьев); *Икрамов К.* Если бы мой отец... — Моск. новости,

13 марта (А. Икрамов); *Он же.* Не положено. — Там же, 1 мая (А. Икрамов); *Плеханов Б., Манн А.* Процесс 38-го: Три судьбы. — Медицинская газ., 15 июня (И. Н. Казаков, Л. Г. Левин, Д. Д. Плетнев); *Разгон Л.* Жена президента. — Огонек, № 13 (Е. И. Калинина); *Шелестов Д.* Пять конвертов, а в них почти все, что осталось от семьи Л. Б. Каменева. — Неделя, № 25; *Симонов К. М.* Уроки правды. — Наука и жизнь, № 4 (В. Я. Качалов, Н. К. Кириллов, П. Г. Понеделин); *Долматов В.* «Так хочется жить и жить...». — Сов. Россия, 6 февр. (С. М. Киров); *Кирилина А.* Киров: Последний год жизни. Ленингр. рабочий, 26 февр.; *Беляков Л.* Если правду, то всю; *Сабуров Н.* Только факты. — Там же, 13 мая (С. М. Киров); *Плутник А.* Невольник чести. — Известия, 30 апр. (В. Г. Короленко); *Головков А.* Не отрекаюсь от себя. — Огонек, № 7 (А. В. Косарев); *Полякова Д., Хорунжий В.* Александр Косарев: «Совесть моя чиста». — Комс. правда, 17 марта; *Гранин Д. А.* Запретная глава. — Знамя, № 2 (А. Н. Косыгин и блокада Ленинграда); *Попов Н.* Был и остался коммунистом. — Труд, 26 мая (Н. Н. Крестинский); *Сидоровский Л. А.* А. Кузнецов. — Смена, 13 янв.; *Поляковский Э.* Памятник. — Известия, 18 июня (А. И. Маринеско); *Клюкин В.* Секретарь ЦК. — Комс. правда, 11 июня (А. И. Мильчаков); *Угланов А.* Человек и символ. — Аргументы и факты, № 22 (Павлик Морозов); *Темушкин О. П.* «Одна неправда нам в убыток». — Сов. культура, 19 марта (Д. Г. Павлов); *Степанов А.* Боец ленинской партии. — Коммунист, № 3 (Г. И. Петровский); *Тютюкин С. Г. В.* Плеханов: Величие ученого, трагедия революционера. — Там же, № 5; *Абросимов В.* Судьба революционера. — Эхо планеты, № 2 (Х. Г. Раковский); *Паниев Н.* Болгарский революционер, советский полпред. — Новое время, № 13 (Х. Г. Раковский); *Архипенко В.* Федор Раскольников. — Агитатор, № 3; *Трукан Г.* Ян Эрнестович Рудзутак. — Агитатор, № 8; *Горелов И. А. И. Рыков: Страницы биографии.* Аргументы и факты, № 16; *Колодежный В., Тепцов Н.* Предсовнаркома Рыков. — Неделя, № 18; *Сенин А.* Соратник Ленина. — Полит. образование, № 6 (А. И. Рыков); *Ваксберг А.* Как живой с живыми говоря. — Лит. газ., 29 июня (М. Н. Рютин); *Ненароков А., Врачев И.* «Никто не имеет права лишать нас инициативы...». — Наука и жизнь, № 6 (И. Т. Смилга); Генерал Дуглас — называли его в Испании. — Моск. новости, 12 июня (Я. В. Смушкевич); *Тиновицкий К.* Как руководил федерацией Василий Сталин. — Сов. спорт, 25 июня; *Воронцов Н.* Перед лицом истории. — Знание — сила, № 6 (Н. В. Тимофеев

Ресовский); *Вентцель Е. (И. Грекова)*. Гражданин Туполев. — Изобретатель и рационализатор, № 3; *Кербер Л.* А дело шло к войне. — Там же, № 3, 5-6 (А. Н. Туполев); *Кербер Л., Саукке М.* Вопреки всему. — Крылья Родины, № 6 (А. Н. Туполев); *Иссерсон Г.* Судьба полководца. — Дружба народов, № 5 (М. Н. Тухачевский); *Тухачевская Е. Н.* В тени монумента. — Огонек, № 17 (М. Н. Тухачевский); *Хорев А.* Маршал Тухачевский. — Красная звезда, 4 июня; Глаза истории: Интервью с А. А. Вознесенским. — Сов. культура, 26 апр. (Н. С. Хрущев); *Козырев А.* Будьте великодушны: Открытое письмо А. А. Вознесенскому. — Сов. культура, 9 июня (Н. С. Хрущев); *Дробижев В. Н. С. Хрущев* как политический деятель. — Аргументы и факты, № 12; *Медведев Р. Н. С. Хрущев.* Год 1957 — укрепление позиций. — Там же, № 25; *Мясоедов А. В.* Кто такой А. В. Чайнов? Кн. обозрение, 22 янв.; *Никонов А.* Наследие Чайнова. — Знание — сила, № 5; *Пэнэжко П.* Как ударили по «чайновщине». — Огонек, № 10; *Шляпникова И. А.* Правда об А. Г. Шляпникове. — Вопр. истории, № 3; *Ваксберг А.* Кость мамонта. — Лит. газ., 18 мая (Н. А. Щелоков).

Сталин и сталинизм

Адамович А. Накануне. — Сов. культура, 19 мая; *Айтматов Ч.* Подрываются ли основы?... — Известия, 4 мая; *Алексин А.* Сто процентов истины. — Сов. культура, 19 апр.; *Алешин В.* Сталинизм: Истоки, теория, практика. — Ленингр. рабочий, 27 мая; *Бестужев-Лада И. В.* Правду и только правду. — Неделя, № 5; *Бестужев-Лада И. В.* Возвращение к правде. — Там же, № 15; *Васецкий Н.* Сталин и другие: Борьба за лидерство в партии. — Аргументы и факты, № 26; *Венгеров А.* Заслон вождизму. — Огонек, № 23; *Волкогонов Д. А.* Правда очищает: О Сталине и сталинизме, о драматических уроках истории. — Труд, 19 июня; *Он же.* Сталин, его триумф и трагедия. — Пробл. мира и социализма, № 3; Портрет неизвестного. — Моск. новости, 20 марта (О будущей книге Д. Волкогонова); *Волобуев О., Кулешов С.* История не терпит полуправды: О чем рассказывают пометки «вождя» на полях прочитанных им книг. — Соц. индустрия, 25 июня; *Генри Э.* Ответ неответившему. — Моск. правда, 18-19 мая; *Гранин Д.* Кого мы прячем? Зачем? — Сов. культура, 21 июня; *Жигалко В.* Какая диктатура нам нужна. — Известия, 1 мая; *Он же.* Какая полемика нам нужна? — Там же, 3 июня; *Иванова А. А., Пузиков В. К.* Проблема человеческого существования в романе А. Рыбакова «Дети

Арбата». — Вопр. философии, № 1; *Кавторин В., Чубинский В.* Роман и история: Диалог в письмах. — Нева, № 3 (Роман А. Рыбакова «Дети Арбата»); *Казакевич Э.* Гений и злодейство. — Сов. культура, 9 июня; *Капустин М. Ф.* От какого наследства мы отказываемся? — Октябрь, № 4-5; *Кондрагеев В. Л., Самсонов А. М.* «Глазами человека моего поколения»: Размышления К. Симонова о И. В. Сталине. — Лит. газ., 18 мая; *Кучеренко М. И.* Писать о Сталине, но как? — Кн. обозрение, 25 марта; «Война началась не в 41-м...» — Там же, 29 апр. (Читатели отвечают М. И. Кучеренко); *Макаров А.* Человек с портретом. — Сов. культура, 2 июня; *Мотылева Т.* Ромен Роллан: «Я защищаю не Сталина, а СССР...» — Моск. новости, 27 марта; *Попов Н. П.* Кто выше власти. — Сов. культура, 26 апр.; «Научиться свободно мыслить...»: Беседа с А. Рыбаковым. — Кн. обозрение, 18 марта; *Рыбин А. Г.* Рядом со Сталиным. — Социолог. исследования, № 3; *Самсонов А. М.* Был ли неизбежен культ личности? — Аргументы и факты, № 18; *Севьян Д. А.* Иосип Броз Тито. — Аргументы и факты, № 22 (Конфликт Сталин — Тито); *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. — Знамя, № 3-5; *Турецкий Т.* О критике И. Сталина. — Сов. культура, 19 марта; *Хорош А., Шейншлин Б., Гольдманский В.* О высказывании Г. Турецкого. — Там же, 2 апр.; *Хорев А.* Читая о Сталине... — Красная звезда, 12 марта; *Шафаревич И. Р.* Логика истории? *Медведев Р.* Корни явления. — Моск. новости, 12 июня.

О пьесе М. Шатрова

«Дальше... дальше... дальше!»
(Знамя, 1988, № 1)

Бражник И., Павлов А., Новиков А. Пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!»: Отклики. — Сов. культура, 16 янв.; *Горбунов В. В., Журавлев В. В.* Что мы хотим увидеть в зеркале революции? — Сов. Россия, 28 янв.; *Бутенко А.* Перед судом поколений. — Сов. культура, 4 февр.; *Овруцкий Л.* История в условном наклонении. — Там же; *Герасименко Г., Обицкий О., Попов Б.* Неподсудна только правда. — Правда, 15 февр.; *Лавров К., Ульянов М., Товстоногов Г.* и др. По новому кругу? — Там же, 29 февр.; *Кавтарадзе Н.* О телепередаче «Правда истории и позиция художника». — Сов. культура, 5 апр.; *Ласточкин Ф.* Лучше дальше, чем нигде. — Моск. новости, 10 апр.; *Кунецкая Л.* Не искажать историческую правду: О пьесах М. Шатрова «Брестский мир» и «Дальше... дальше... даль-

ше!».— Агитатор, № 7; *Александров А.* Об умении вести дискуссию.— Агитатор, № 9; «Так победим»: Беседа с М. Шатровым.— Крокодил, № 16; *Золотоносов М.* В размышлении о пьесе Шатрова.— Октябрь, № 5; Читатели о пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» — Знамя, № 5.

О статье Н. Андреевой

«Не могу поступаться принципами»

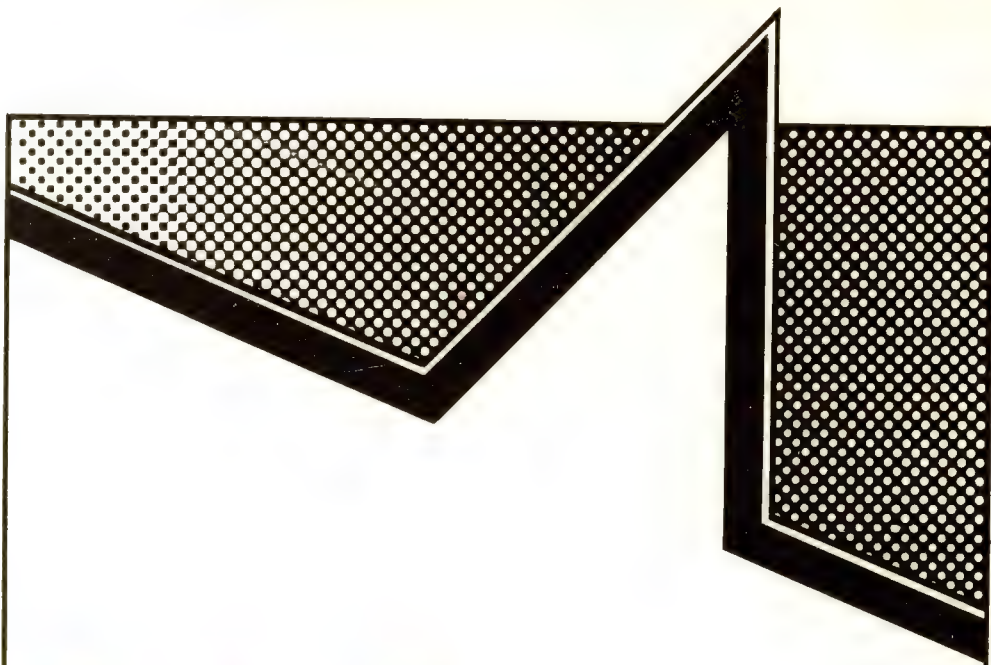
(Советская Россия, 1988, 13 марта)

Принципы перестройки: революционность мышления и действий.— Правда, 5 апр.; *Попов Г.* Обратного хода не имеет.— Сов. культура, 7 апр.; *Гельман А.* Время собирания сил.— Там же, 9 апр.; *Козлов Р.* Отклик.— Смена, 9 апр.; Принципы перестройки: революционность мышления и действий: Отклики.— Правда, 10 апр.; *Боднарчук Н.* Случай и явление.— Известия, 10 апр.; *Казутин Д.* Споры о прошлом — для будущего.— Моск. новости, 10 апр.; *Кон И., Попов Г., Клопов Э.* Портрет противника перестройки.— Там же; Из почты этих дней.— Сов. Россия, 12 апр.; Двигать перестройку вперед: Отклики.— Ленингр. правда, 15 апр.; Партия идет во главе перестройки: Отклики.— Сов. Россия, 15 апр.; Больше демократии — больше социализма: Отклики.— Сов. культура, 16 апр.; Правда — только

одна: Отклики.— Соц. индустрия, 16 апр.; *Окунцова Е. А.* Не отступим.— Комс. правда, 17 апр.; Освободиться от деформаций социализма: «Круглый стол» на Центр. телевидении, 17 апр. 1988 г.— Аргументы и факты, № 17; Принципы перестройки: революционность мышления и действий: Отклики.— Правда, 18 апр.; Больше гласности, больше демократии, больше социализма: Письмо литераторов в «Правду».— Там же, 19 апр.; *Феофанов Ю.* Грузчик Иван Демура в схеме Нины Андреевой.— Известия, 19 апр.; *Бурлацкий Ф.* Какой социализм народу нужен.— Лит. газ., 20 апр.; *Бутенко А.* Какой социализм они оплакивают.— Новое время, № 15; *Козлов Р.* Поворот, которого не было.— Комс. правда, 21 апр.; *Ефимов О., Степашин С., Шаруненко Н.* А те ли принципы? — Ленингр. рабочий, 22 апр.; *Гутионтов П.* Принципы и мнения.— Известия, 30 апр.; *Булдык Н.* Редакция не поступилась убеждениями.— Моск. новости, 1 мая; Принципы против истины: «Круглый стол».— Там же; *Романов А.* Можно было не молчать.— Там же; *Стреляный А.* О сухарях и газетах.— Там же; Идеологические проблемы перестройки: «Круглый стол».— Коммунист, № 7; *Сараскина Л.* О каких принципах идет речь, или Жажда кнута.— Век XX и мир, № 5; *Кожевникова Н.* Принципиальное мнение; *Гутионтов П.* Принципы и мнения.— Известия, 17 июня; *Фадин А.* «Перестройка» в поисках необратимости.— Век XX и мир, № 6.

1988

июль-декабрь

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС
по дополнительному изучению
материалов, связанных с репрессиями,
имевшими место в период 30—40-х
и начала 50-х годов

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС
по дополнительному изучению
материалов, связанных с репрессиями,
имевшими место в период 30—40-х
и начала 50-х годов

«На всех парах... вперед!»

Лев Воскресенский
1921 год: урок правды

Виталий Старцев
Политические руководители
Советского государства
в 1922 — начале 1923 года

Дмитрий Шелестов
Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

Михаил Соколов
Война и мир Карла Радека

Письмо Христиана Раковского

Наталья Изюмова
СТОН

За пять лет до 1937-го

Мартемьян Рютин
«Прочитав, передай другому!»

Царь-голод

Михаил Росляков
Выстрел в Смольном

Рой Медведев
Наш иск Сталину

Николай Матуковский
Правда о Куропатах

Герои из 37-го

У порога войны

Донат Жеребов
Ленинградская битва

Давид Кугультинов
«От правды я не отрекался»

Письма Анны Михайловны Панкратовой

Один из «окружения»

Юрий Левада, Виктор Шейнис
Погружение в трясину.
Акт первый: 1964—1968

Мэлор Стуруа
Две фотографии к одному портрету

Юрий Рост
Академик

В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

Комиссия на своем очередном заседании рассмотрела материалы по вопросу о партийности Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, В. А. Максимова-Диковского и Х. Г. Раковского, проходивших наряду с другими лицами по делу о так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке».

По данному вопросу заслушано сообщение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Как установлено, Пленум ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. на основании следственных материалов НКВД исключил из состава ЦК ВКП(б) и членов партии Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова по обвинениям в причастности к троцкистской террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности, в антипартийном поведении, клевете и нападках на партию, участии в прошлом в борьбе против партии и Ленина.

По материалам, сфальсифицированным в ходе следствия и судебного разбирательства, военная коллегия Верховного суда СССР 13 марта 1938 г. приговорила Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и большинство других участников процесса о «правотроцкистском блоке» к расстрелу.

4 февраля 1988 г. пленум Верховного суда СССР отменил приговор в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Н. И. Бухарин, член партии с 1906 г., и А. И. Рыков, член партии с 1898 г., были активными участниками подготовки и проведения Октябрьской революции. После ее победы им доверялись ответственные посты в партии и государстве. Они много сил отдали борьбе за построение социализма.

Н. И. Бухарин с 1917 г. по 1934 г. являлся членом, а с 1934 г. по 1937 г. — кандидатом в члены ЦК партии, с 1919 г. по 1929 г. входил в состав Политбюро. В течение длительного времени он был редактором «Правды» и «Известий». Под его руководством готовились документы ряда съездов партии, а также программа Коминтерна, в работе которого он принимал активное участие.

А. И. Рыков с 1921 г. являлся заместителем Председателя, а с 1924 г. по 1930 г. — Председателем Совнаркома СССР и Совнаркома РСФСР. С 1922 г. по 1930 г. — член Политбюро. В те годы он вел многогранную работу по проведению внутренней и внешней политики партии. А. И. Рыков внес большой вклад в практическую реализацию ленинского кооперативного плана.

В своей политической деятельности Н. И. Бухарин и А. И. Рыков допускали отдельные ошибки. В острой идейной борьбе они в ряде случаев занимали особые позиции в определении путей и методов социалистического строительства, однако их ошибки и особые позиции не носили антипартийного характера. Вплоть до февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) они не подвергались наказаниям в партийном порядке.

Комитет партийного контроля рассмотрел вопрос о партийности Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и, учитывая необоснованность политических обвинений, предъявленных им при исключении из партии, их полную реабилитацию в судебном порядке, а также принимая во внимание их заслуги перед партией и Советским государством, 21 июня 1988 г. восстановил Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в рядах КПСС (посмертно).

Восстановлены в партии (посмертно) также А. П. Розенгольд, М. А. Чернов, П. П. Буланов, В. А. Максимов-Диковский и Х. Г. Раковский.

Ранее в рядах КПСС были восстановлены И. А. Зеленский, В. И. Иванов, П. Т. Зубарев, Г. Ф. Гринько, С. А. Бессонов, Н. Н. Крестинский, А. Икрамов, В. Ф. Шарангович и Ф. Ходжаев.

Д. Д. Плетнев, Л. Г. Левин, П. П. Крючков и И. Н. Казаков, также проходившие по делу о так называемом «анти-советском правотроцкистском блоке», не являлись членами партии.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел вопрос и о партийности М. П. Томского. В 30-е годы против него, так же как и против Бухарина и Рыкова, выдвигались необоснованные политические обвинения. Он окончил жизнь самоубийством. Учиты-

вая несостоятельность выдвинутых в то время обвинений против М. П. Томского, ЦК КПСС подтвердил его членство в партии с 1904 г.

Сообщение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС принято к сведению.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС продолжает свою работу.

*Правда,
1988, 10 июля*

В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

Комиссия на своем очередном заседании рассмотрела материалы, связанные с реабилитацией в судебном порядке лиц, привлеченных к уголовной ответственности по так называемым делам «Союз марксистов-ленинцев», «Московский центр», «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» и «Параллельный антисоветский троцкистский центр». Заслушана информация Верховного суда СССР об итогах рассмотрения протестов Генерального прокурора СССР по указанным делам.

Постановлениями коллегии ОГПУ в 1932—1933 гг. в несудебном порядке были привлечены к уголовной ответственности с назначением различных мер наказания М. Н. Рютин, М. С. Иванов, В. Н. Каюров, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, П. А. Галкин, В. И. Демидов, П. П. Федоров, Г. Е. Рохкин, П. М. Замятин, Н. И. Колоколов, В. Л. Лисянская, В. Б. Горелов, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, Н. И. Васильев, Б. М. Пташный, Я. Э. Стэн, П. Г. Петровский, И. С. Розенгауз, Я. В. Старосельский, Б. А. Карнаух, С. В. Токарев, М. И. Мебель, А. В. Каюров, П. А. Сильченко, И. Н. Боргиор, А. С. Зельдин, А. И. Козловский и М. Е. Равич-Черкасский.

Все они обвинялись в том, что в целях борьбы с Советской властью и восстановления капитализма в СССР создали контрреволюционную организацию «Союз марксистов-ленинцев», подготовили программный документ этой организации и активно занимались антисоветской деятельностью.

Установлено, что расследование по этим делам проводилось с грубым нарушением закона, Л. Б. Каменеву и Г. Е. Зиновьеву обвинения вообще не предъявлялись. Каких-либо данных об антисоветской преступной деятельности лиц в материалах дел не имеется. Что же касается их политических воззрений и теоретических взглядов, изложенных в программном документе, то они носили дискуссионный характер и не содержали призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.

В июне 1988 г. Верховный суд СССР отменил постановления коллегии ОГПУ в отношении М. Н. Рютина, М. С. Ива-

нова, В. Н. Каюрова, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, П. А. Галкина, В. И. Демидова, П. П. Федорова, Г. Е. Рохкина, П. М. Замятина, В. Л. Лисянской, В. Б. Горелова, А. Н. Слепкова, Д. П. Марецкого, Б. М. Пташного, Я. Э. Стэна, Я. В. Старосельского, Б. А. Карнауха, С. В. Токарева, А. В. Каюрова, П. А. Сильченко, И. Н. Боргиора, А. С. Зельдина, А. И. Козловского и М. Е. Равича-Черкасского и дела прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

М. И. Мебель, Н. И. Колоколов, П. Г. Петровский, Н. И. Васильев и И. С. Розенгауз в судебном порядке были реабилитированы ранее.

В 1937 г. М. Н. Рютин, Г. Е. Рохкин и П. М. Замятин по тем же и другим надуманным обвинениям были вновь привлечены к уголовной ответственности и военной коллегией Верховного суда СССР осуждены к расстрелу. Пленум Верховного суда СССР в июне 1988 г. отменил приговоры в отношении этих лиц и дела на них прекратил за отсутствием состава преступления.

15—16 января 1935 г. военной коллегией Верховного суда СССР по так называемому делу «Московский центр» были осуждены к различным срокам тюремного заключения Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. М. Гертик, А. С. Кушлин, Б. Н. Сахов, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, Я. В. Шаров, И. С. Горшенин, Н. А. Царьков, Г. Ф. Федоров, С. М. Гессен, И. И. Тарасов, Л. Я. Файвилович, А. В. Герцберг, А. И. Анишев, А. В. Перимов, Б. Л. Браво, А. Ф. Башкиров.

Им вменялось в вину создание подпольной контрреволюционной организации, главным руководителем которой считался Г. Е. Зиновьев. Организации приписывалась цель осуществления террористических актов в отношении руководителей партии и правительства, участие в подготовке убийства С. М. Кирова.

Проверка дела показала, что материалы по нему были сфальсифицированы. Преступная организация этими лицами не создавалась, антисоветской деятельностью они не занимались.

Пленум Верховного суда СССР отме-

нил приговор по делу в отношении Г. Е. Зиновьева, А. М. Гертика, А. С. Кушлина, Б. Н. Сахова, Г. Е. Евдокимова, И. П. Бакаева, Я. В. Шарова, И. С. Горшенина, Н. А. Царькова, С. М. Гессена, И. И. Тарасова, Л. Я. Файвиловича, А. В. Герцберга, А. И. Анишева, А. В. Перимова, Л. Б. Каменева, Б. Л. Браво и А. Ф. Башкирова и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Г. Ф. Федоров был реабилитирован в 1965 г.

Дело о так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском блоке» рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 19—24 августа 1936 г. в открытом судебном заседании. По этому делу к высшей мере наказания были осуждены Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, С. В. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян, И. Н. Смирнов, Е. А. Дрейцер, И. И. Рейнгольд, Р. В. Пикель, Э. С. Гольцман, Фриц-Давид (И.-Д. И. Круглянский), В. П. Ольберг, К. Б. Берман-Юрин, М. И. Лурье, Н. Л. Лурье, а также вновь привлеченные к уголовной ответственности Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев.

Эти лица осуждены за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству С. М. Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

Тщательный анализ материалов дела показал, что осуждены они были также необоснованно. Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР, приговор отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления в действиях Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, И. П. Бакаева, С. В. Мрачковского, В. А. Тер-Ваганяна, И. Н. Смирнова, Е. А. Дрейцера, И. И. Рейнгольда, Р. В. Пикеля, Э. С. Гольцмана, Фрица-Давида (И.-Д. И. Круглянского), В. П. Ольберга, К. Б. Бермана-Юрина, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье.

Постановлением пленума Верховного суда СССР Л. Б. Каменев реабилитирован и по так называемому «Кремлев-

скому делу», по которому он был осужден 27 июля 1935 г.

30 января 1937 г. военной коллегией Верховного суда СССР в открытом заседании были осуждены к расстрелу Ю. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, Я. А. Лившиц, М. С. Богуславский, И. А. Князев, С. А. Ратайчак, Б. О. Норкин, А. А. Шестов, И. Д. Турок, Г. Е. Пушкин, И. И. Граше, к различным срокам лишения свободы — Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, В. В. Арнольд и М. С. Строилов. Позднее В. В. Арнольд и М. С. Строилов по заочно вынесенному приговору были расстреляны.

Их осудили за создание и принадлежность к так называемому «Параллельному антисоветскому троцкистскому центру» за изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность.

Установлено, что обвинения, выдвинутые против этих лиц, были необоснованными, а материалы дела сфабрикованы. Не было как такового и «Параллельного антисоветского троцкистского центра».

Пленум Верховного суда СССР отменил приговор и дело в отношении Ю. Л. Пятакова, Я. А. Лившица, Я. Н. Дробниса, С. А. Ратайчака, А. А. Шестова, Г. Я. Соколова, К. Б. Радека и В. В. Арнольда прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Ранее в судебном порядке были реабилитированы Верховным судом СССР Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, М. С. Богуславский, И. А. Князев, Б. О. Норкин, И. Д. Турок, Г. Е. Пушкин, И. И. Граше и М. С. Строилов.

Информация Верховного суда СССР о результатах рассмотрения указанных дел и о судебной реабилитации незаконно репрессированных лиц принята к сведению.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС продолжает работу.

Правда, 1988, 5 августа

«НА ВСЕХ ПАРАХ... ВПЕРЕД!»

Вдруг выяснилось, что наше прошлое нам же и неизвестно. Что даже самые проработанные, едва ли не наизусть заученные по учебникам события — загадочны и непонятны. Кипят публицисты, сдержанны историки. У тех и других — переосмысление. От тех и других ждем мы сегодня ответов на тысячи жгучих «почему?», нового революционного взгляда на нашу же историю.

Корреспондент «Смены» Владлен Чертинов беседует с Геннадием Леонтьевичем Соболевым, доктором исторических наук, заведующим кафедрой истории советского общества Ленинградского государственного университета.

— Волна публикаций про «те» времена захлестывает. Имя Сталина вновь на устах, но, понятно, теперь — с другими эпитетами. Свидетельства, воспоминания, обличения. Но вот и робкие реплики раздаются: кое-что преувеличено. А как на ваш взгляд, Геннадий Леонтьевич, не чересчур ли легко мы сегодня меняем свои представления с плюса на минус, и наоборот? И насколько вообще близки к реальному видению своей истории?

— Зачастую близки только в постановке вопросов. Вопросы справедливы. Понятно и нетерпение. Но историки во многом только начинают, во многом не разобрались, потому что до недавнего времени просто не имели возможности этого сделать. Сегодня — переоценка и продвижение к истине. Но не будем безоглядно торопиться и руководствоваться одним только настроением: с легкостью провозглашать Сталина параноиком, а нэп — стремительно надвинувшейся порой благоденствия. Иначе от одной полуправды придем к другой. И из этой второй дискредитации истории, поверьте, нам будет уже не выбраться.

— Многие современные споры так или иначе вынужденно упираются опять-таки в прошлое, в Октябрьскую революцию как исходную точку. Какой путь развития был в то время для России естественнее?

— Ответы на эти вопросы не лежат на поверхности. Легко делать выводы и догадки гипотетически, чисто умозрительно из сегодняшнего дня. Легко предъявлять счет своим предкам. Но ис-

тина там, в том конкретном времени, в конкретной ситуации и конкретных людях. В психологии этих людей, которая во многом отличалась от нашей.

Февраль семнадцатого. У власти — Временное правительство. Оно не мыслило иного пути развития, как капиталистический. Пыталось следовать по нему на протяжении восьми месяцев, не претворяя в жизнь основных лозунгов, с которыми массы выступили в феврале, не внося радикальных перемен, теряя популярность у большинства населения. В результате к Октябрю страна стояла на пороге национальной катастрофы: промышленное производство за лето семнадцатого года сократилось более чем на треть. Полностью был расстроен транспорт. Цены на продукты выросли в 10—12 раз.

Слова Ленина «погибнуть или на всех парах устремиться вперед», написанные в сентябре семнадцатого года, таким образом, не просто метафора. Весьма показательна здесь и эволюция взглядов западных историков на нашу страну. Изначально в вопросе о социалистической революции в России они разделились на так называемых «пессимистов» и «оптимистов». Первые говорили: да, без Октябрьской революции страна не могла решить своих проблем. Вторые не соглашались и утверждали, что в России довольно успешно проходили капиталистические преобразования, которые могли привести к ее полной модернизации. И если раньше «оптимисты» были в явном большинстве, то сейчас ситуация диаметрально изменилась.

В отличие от Временного правительства большевики, придя к власти, не занимались политиканством, реализовали лозунги, выдвинутые ими еще в апреле. Повели мирные переговоры, ввели восьмичасовой рабочий день, пошли на раздел земли между крестьянами. Но почему же и среди них в вопросе о вооруженном восстании многие колебались? Потому что они были практиками, знали, что могут ошибиться, что восстание — это вопрос со многими неизвестными, и ощущали ответственность. Словом, это была партия живых как убежденных, так и сомневающихся людей,

а не непреклонных ясновидцев, вооруженных бесприоритетной социальной программой.

Вот инцидент с Зиновьевым и Каменевым. Мы привыкли трактовать его только однозначно — предательство. Но в конце концов должны внятно сказать и об их аргументах. Они опасались, что массы, повернувшиеся к осени семнадцатого года к большевикам, поддерживающие их в большинстве центральных и местных Советов, в результате этой акции качнутся назад и партия окажется в изоляции. Не является предательством и «особая позиция» Троцкого, выступавшего за решение вопроса о власти Вторым съездом Советов и считавшего Октябрьское вооруженное восстание лишь дополнительным актом, поскольку к этому времени ставший большевистским Петросовет и так, по его мнению, овладел властью в городе. Таким образом, не в результате навязывания, а в результате идейного спора побеждала обычно точка зрения Ленина. А иногда и не побеждала, как в том же вопросе о вооруженном восстании, но только не в октябре, а в сентябре. Принимая соратников Ильича, рисуя Ленина таким ясновидцем, мы умалеем в нем в итоге настоящего живого вождя революции.

К вопросу о путях развития России в то время я бы добавил еще одну дилемму — «демократия или тоталитаризм?». Пожалуй, именно этот вопрос стоит сегодня острее всего. Вытекают ли культ личности и «казарменный социализм» прямо из Октябрьской революции или же, напротив, являются отступлением от ее идеалов? Я бы ответил так: формирование административно-командной системы не следовало из природы Октября, но в силу определенных причин и обстоятельств сделалось возможным. Две тенденции, если хотите, психологические черты были присущи в семнадцатом году и позднее нашему обществу. Новая — демократическая, в качестве свободы печати, Советов, существовавших почти повсюду, с широким представительством в них как беспартийной массы, так и политических партий, многомандатных, с постоянным, не прекращавшимся и в гражданскую

войну выбором и отзывом кандидатов. И старая — автократическая. Еще военная цензура в годы первой мировой войны четко зафиксировала часто повторяющийся в солдатских письмах мотив — мечта о республике с хорошим царем из мужиков. Свержение царизма вовсе не означало свержение веры в царя у основной части населения — крестьянства. Того самого крестьянства, которое после гражданской войны пойдет в города на заводы и фабрики, пойдет в партию по Ленинскому призыву и обеспечит Сталину поддержку большинства. Да что там крестьянка! Стремление к вождизму ощущалось и в самой, еще дооктябрьской, партии. Шестой съезд летом семнадцатого. Выборы в ЦК. Время крайне сложное, и в целях конспирации список членов нового ЦК решено не оглашать. (Кстати, список до сих пор не разыскан.) Но, несмотря на это, Орджоникидзе предлагает назвать имена четырех товарищей, получивших наибольшее число голосов, имена «вождей». Ими оказались Ленин, Зиновьев, Каменев и Троцкий. Идем дальше. Несомненно, что сильно навредил нам и повлиял на последующие события тот разрушительный характер, который приняла гражданская война, те крайние чрезвычайные меры, к которым вынуждена была прибегать партия. Ведь пресловутая номенклатура — порождение именно того военного времени, когда большевикам необходимо было расставить своих людей на всех ключевых участках. Сыграла эта война и психологическую роль. Война закончилась, но действительность чрезвычайных мер не могла не запасть в сознание. Прибавьте сюда, с одной стороны, ощущение большой недавней победы и первые успехи, ощущение, что задуманное легко достижимо, что до всеобщего счастья один шаг. С другой стороны — острое ощущение опасности, когда, говоря словами Платонова, «против нас оскалился весь капиталистический мир». Отсюда нетерпение. Прибавьте и тот утопизм, который был всем им до определенной степени свойствен, — от мечты о пожаре мировой революции до примитивных подчас представлений о всеобщем равенстве.

Но были, повторяю, и другие, трезвые, разумные тенденции.

Кроме того, забывая порой о демократических традициях Октября, мы забываем, что нашей социалистической революции многим обязаны и современные западные демократии. Так, после введенного впервые у нас восьмичасового рабочего дня эта мера распространилась сравнительно быстро и в других государствах. О подобном демократическом влиянии Октября достаточно прямо высказывался в свое время даже Ллойд-Джордж, которого при всем желании в симпатиях к Советской республике не заподозришь.

— *Говоря о демократических началах в послереволюционный период, нельзя обойти молчанием вопрос о многопартийности. Была ли однопартийность фатальной?*

— Нет, не была. «Можно и нужно сотрудничать с теми партиями, которые стоят на платформе Советской власти», — говорил Ленин. Что это за платформа? На тот момент — целая программа декретов и положений, одобренных Советами, в том числе Вторым Всероссийским съездом Советов, на котором Ленин пытался убедить лидеров левых эсеров войти в состав правительства, но те отказались, опасаясь потерять с этим шагом влияние в крестьянских массах. Однако чуть позже, когда уже и крестьянский съезд проголосовал за октябрьские декреты, левые эсеры все-таки согласились войти в правительство и получили от большевиков пять наркоматов, в том числе и наркомат земледелия.

Во ВЦИКе, избранном Вторым съездом Советов, большевики имели шестьдесят процентов состава, другие партии (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, анархисты) — союз.

Но дело не дошло до разработки политических отношений между партиями в будущем. Последовавший после заключения Брестского мира левозерковский мятеж расколол партии быстро и резко. Хотя в отношении вооруженного выступления в ЦК левых эсеров не было единства и лидер партии Мария Спиридонова голосовала против.

Она же признала потом вынужденность последующих действий большевиков.

Нельзя не сказать и о том, что другие партии сошли на нет в результате террора. Лидеры меньшевиков после того, как их партия развалилась, эмигрировали. Причем Мартов незадолго до эмиграции, в 1920 году, был избран в Моссовет. Левые же эсеры заявили о самороспуске в двадцать третьем году, убедившись, что крестьянство в ходе гражданской войны окончательно повернулось к большевикам.

— *Насколько известно, некоторые большевики уже в тот момент, когда партия стала руководить страной единолично, видели альтернативу многопартийности во фракционности. Не сыграла ли, таким образом, принятая в 1921 году на Десятом партийном съезде резолюция о единстве в партии антидемократическую роль?*

— Ленин четко разделял две вещи. Необходимость дискуссий в партии, без которых невозможно выработать общую точку зрения и которые являются нормальным рабочим моментом в процессе принятия решений, и вредность дробления на фракции для оспаривания решений, уже принятых совместно и коллективно. Только в этом контексте и следует рассматривать упомянутую резолюцию. Против фракционности, но — не дискуссий. К сожалению, позднее, после смерти Ленина, возобладали другие подходы, другой стиль и даже манера поведения во время дискуссий. В этом одна из трагедий.

— *На мой взгляд, трагедией, загадкой является еще и другое. Некая, я бы сказал, раздвоенность этих людей. С одной стороны — горячая убежденность, бесстрашие, нравственная чистота многих известных большевиков. А с другой — они же, недавние герои, несколько лет спустя уже поносили вчерашних соратников по борьбе самыми последними словами, до неприличия славословили Сталина, позволяли убивать ни в чем не повинных своих близких и родных. Как все это совмещалось в них? Какими все-таки они были?*

— Молодыми прежде всего. Когда

делалась революция, многим из них было едва за тридцать. Двадцатидевятилетнему Бухарину поручили подготовить манифест ко всем трудящимся от имени Шестого съезда партии. Они были максималистами, революционерами-романтиками. Порой до аскетизма скромными людьми. Известна масса примеров. Когда нарком по иностранным делам Чичерин, получавший в годы гражданской войны обыкновенный, как и у всех, продовольственный паек, сидел и жевал за обедом сырой овес, не зная, как его приготовить. Когда Ленин, уже будучи в Горках, просил прислать книги, необходимые для работы, бесплатно, а те, что нужны ему лично, — за деньги. Когда зарплата у Председателя ВЦИК Калинина была втрое меньше, чем у буржуазного специалиста.

Тех, кто стоял у руля командно-административной системы, таких, как Молотов, Ворошилов и Каганович, я бы не стал отождествлять с обликом революционера. Не будем забывать, что с определенного момента система формировала и выдвигала себе подобных. Что довольно рано начались репрессии. Что у того же Ворошилова, наркома обороны, были репрессированы все его двенадцать заместителей. И тем не менее действительно славословили. Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие. И это представляется сегодня социально-психологическим феноменом.

— Геннадий Леонтьевич, раз уж мы добрались до личностей, не могли бы вы остановиться чуть подробнее на двух фигурах. Фигурах, отрицательных в нашем сознании едва ли не одинаково, стоящих в истории рядом и в то же время — врозь. Сталин и Троцкий. О первом говорят и пишут много. И все равно остается неутоленность, как если бы что-то не договаривали. О втором пишут мало и не договаривают почти подчеркнуто. Как быть с ними обоими?

— Троцкий, как и Сталин, личность сложная и противоречивая. Пока он еще плохо вписывается в отечественную историческую науку, которая до недавнего времени пользовалась только двумя красками. Объективно, а не на пред-

взятых оценках прошлого роль Троцкого еще предстоит выяснить. Но уже сегодня мы подошли к утверждению, что при всех зигзагах в период с 1917 по 1924 год он работал на Советскую власть. Внимательно сопоставляя позиции Ленина и Троцкого, при всей их несхожести обнаружим предостаточно точек соприкосновения и не обнаружим у последнего какого-либо «предательства и двурушничества». Многие из того, что позднее ему приписал Сталин, более подходит к самому Сталину. На совести Троцкого — сорванный первоначально мирный договор с Германией. Но, с другой стороны, именно благодаря Троцкому Ленин впервые в феврале восемнадцатого года получил в Политбюро большинство по этому же вопросу. Знаем мы, что в двадцатом году Троцкий предлагал превратить страну в единый трудовой лагерь. Но не знаем, что в тот же год раньше других высказался за смену продразверстки продналогом.

На Западе его роль чересчур завышена. Не без помощи работ самого Троцкого, иметь конкретное представление о которых тем не менее не помешало бы нашему читателю.

Что касается Сталина, то многое про него понять можно, опять-таки возвращаясь к семнадцатому году. Уже тогда его отличало умение искусно лавировать, никогда не становиться на крайние точки зрения, сглаживать углы. Даже в принципиальном вопросе о явке Ленина на суд Временного правительства, который обсуждался на Шестом съезде партии, Сталин ухитрился по сути не сказать ни «да», ни «нет». При этом ему было искусство аппаратного работника. Искусство, которое его политические оппоненты недооценили. Был он до определенного момента и популяризатором идей марксизма. Но вот назвать его теоретиком будет уже сильным преувеличением. Сколько-нибудь заметной роли в Октябрьских событиях не сыграл. Очень печально, конечно, что при всем обилии современной публицистики о Сталине о сталинизме серьезных исторических исследований мы пока не видим. За рубежом вышло несколько объемных биографий Сталина,

в том числе и работы Роя Медведева. Но это — за рубежом. По слухам, теперь вот и ожидаемая всеми книга Волкогонова первоначально будет издана на Западе *. Революционности перемен в нашей исторической науке это, конечно, не способствует. Но будем надеяться. В конце концов история станет точной наукой.

*Смена,
1988, 7 ноября*

Лев Воскресенский,
экономический обозреватель
АПН

1921 ГОД: УРОК ПРАВДЫ

* См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина.— Октябрь, 1988, № 10—12.

В одной из недавних дискуссий три солидных историка высказали опасение, что спорная версия их оппонента (драматурга М. Шатрова) «станет достоянием широкого круга людей, не владеющих методологией, методикой исторического анализа». Характерное опасение.

Кто же этот «широкий круг людей»? Ясно — массовый читатель. По логике таких рассуждений острые блюда можно дегустировать только в узком, закрытом кругу «владеющих методикой» специалистов, в святой святых — на кухне исторического анализа, а в общий зал, где сидят «не владеющие» или, не дай бог, зеленая молодежь, следует подавать манную кашу и что-нибудь хорошо протертое.

Не потому ли так неинтересны современные учебники отечественной истории в отличие от книг Карамзина, С. Соловьева, Ключевского, Платонова, Кареева, Тарле, даже Покровского? Все-то в них правильно, все тщательно взвешено и разложено по аккуратным полочкам («методология»!), но вот беда — скучно.

Читаешь учебник или монографию, выдержанную в духе «закрытого» стиля, и не перестаешь удивляться: ведь это же не исследование, даже не повествование, а какое-то... вязание крючком. Все гладенько — петелька на петельку, узелок к узелку, а если вылезет лишний хвост или обрывок нити, внутрь его, чтобы не было заметно на ровной, нешероховатой поверхности! Между тем аттрибут Клио, музы истории, вовсе не вязальный крючок, а раскрытый папирус, иначе говоря — документ. Живая правда неизвестного, забытого или сознательно замалчиваемого факта (однажды было сказано: «клеветнические факты»), смелый и эмоциональный анализ, нередко связанный с риском совершить ошибку в неапробированной, поисковой версии, — это, по моему, самое большое преимущество тех из наших современных историков, которые придерживаются открытого стиля. Потому и понятен интерес, с которым люди читают и слушают публичные выступления таких исследователей, как Юрий Афанасьев, Отто Лацис или Михаил Шатров (правы они или не

правы, во всем, всегда ли правы — не о том речь).

Самоцензура, боязнь выразиться нестандартно или не совсем так, как принято, опасение быть кем-то неверно понятым или истолкованным — опаснейший недуг. К сожалению, почти все мы, люди пишущие, ему подвержены.

Приведу пример. Однажды мне понадобилось процитировать отрывок из воспоминаний К. Радека, опубликованных в журнале «Прожектор» за 15 марта 1923 года: «Как все в природе, Ленин, наверное, родился, развивался, рос. Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только что появившийся сборник его статей 1903 года, его лицо покрылось хитрой улыбкой и он, хихикая, сказал: «Очень интересно читать, какие мы были дураки». Но я не собираюсь здесь сравнивать форму черепа Ленина, когда ему было десять, двадцать, тридцать лет, с тем черепом, который блестит на заседании Центрального Комитета партии или Совнаркома. Не о развитии Ленина-вождя идет здесь речь, а о Ленине, каков он теперь».

Карл Радек был блестящим, остроумнейшим публицистом, хотя он написал, прямо скажем, много лишнего, далеко не всегда оказываясь правым и точным. Однако в приведенных строках, напечатанных при жизни Ленина и в явном расчете на то, что Ильич, перед которым Радек искренне преклонялся, прочитает их, никакой неточности, думается, нет.

Кстати, отвлекшись на минуту (просто не могу удержаться), процитирую еще несколько строчек из того же номера «Прожектора», популярного иллюстрированного журнала, выходившего в двадцатых годах под редакцией Н. Бухарина и А. Воронского: «Необходимо развивать любовь к историческим исследованиям. Идя навстречу и следуя общей моде, „Прожектор“ объявляет конкурс на тему: „Почему Владимир Ильич называется Лениным? Условия конкурса: 1) срок для предоставления решений — один месяц; 2) Вл. Ильич обязуется никому не открывать разгадки в течение указанного срока“».

Чувствуется, что авторы и редакторы

хотели поддержать, ободрить, а может быть, даже и развеселить тяжелобольного Ленина, — знали, что он ценит юмор.

Да, иные были времена, иные нравы, иной стиль...

Но поскольку мы живем все-таки не в двадцатых годах, я не решился воспроизвести текст К. Радека в том виде, в каком он был напечатан. Сначала выбросил слово «хихикал»: вроде как-то нетактично. Потом вычеркнул фразу «какие мы были дураки». Понимаете, действует, сильно действует опасение вынести на «широкий круг» нечто такое, что может быть истолковано неадекватно. Вдруг найдется кто-то и спросит: «А кто это, собственно, «дураки»? Это о ком, а?» Словом, хорошо подумав, я решил обойтись без всяких цитат из Радека. А ведь зря, потому что в воспоминаниях этого публициста, равно как и в конкурсе «Прожектора», запечатлена атмосфера, дыхание, колорит времени — как раз то, что теряется в академических трудах и даже в популярных учебниках.

Окунуться в эту атмосферу, подышать воздухом истории можно, нужно и — интересно. Захватывающе интересно. Советую перечитать не по заданной программе, не для подготовки к политзанятию или к экзамену, а просто так, для себя, что называется, для души работы Ленина, великолепную, страстную публицистику Бухарина, протоколы съездов партии (со II по XVI), подшивки «Правды», «Известий» или журнала «Большевик» двадцатых годов, и вы поймете, что это на самом деле так: ин-те-рес-но! Не говоря уж о том, насколько поучительно, полезно, актуально для сегодняшних дней.

Между прочим, стоит внимательно изучать и труды Сталина. Очень жаль, что «Вопросы ленинизма» или «Краткий курс» стали библиографической редкостью и многие знают о них понаслышке. А почему бы не переиздать? Прошу не упрекать меня в пропаганде «сталинщины». Это как раз сталинский прием: если читаешь и цитируешь — значит, пропагандируешь. Нет, вовсе не в том дело. Просто-напросто я убежден: не прочитав свои-

ми глазами, внимательно, с карандашом в руках, скажем, статью «Головокружение от успехов», невозможно увидеть воочию, понять казуистику и демагогию Сталина, его гениально ловкое умение спровоцировать, подтолкнуть какое-либо политическое действие (в данном случае — истерию «сплошной коллективизации»), а потом, свалив вину на других, на неразумных и горюпых «перегибщиков» (которых — чтобы концы в воду — при случае можно и расстрелять), отойти в сторону, полностью обелить себя и остаться в незапятнанном, сверкающем мундире.

Все вышесказанное — несколько затянутае предисловие к тому, о чем пойдет речь впереди. А речь пойдет о том периоде нашей истории, который принято называть «военным коммунизмом».

Летом и осенью 1917 года в деревнях полыхал огонь, чадный смрад висел над горящими поместьями. Помните, у Маяковского: «Дело Стеньки с Пугачевым, разгорайся жарче-ка! Все поместья богачевы разметем пожарчиком. Подпущь петуха! Подымай вилы! Эх, не потухай, — петух милый!»

Крестьяне захватывали и громили дворянские гнезда, делили имущество, запасы продовольствия, живой и мертвый инвентарь, семена, а главное — землю.

За три года мировой войны в русскую армию было мобилизовано около 15 миллионов человек, преимущественно из деревни. В осенние дни 1917 года сотни тысяч вооруженных крестьян в солдатских шинелях, бросив окопы, хлынули к родным деревням, чтобы не опоздать к разделу помещичьей земли. Могучий, неуправляемый людской поток катился, словно цунами, с запада на восток. Страна кипела и горела — без удержу.

Сегодня даже дошкольник может внятно рассказать о «красном дне календаря», а вот о стихийном крестьянском движении вспомнит далеко не каждый выпускник вуза: для массового восприятия истории оно осталось как бы в тени Октября. Между тем

вспомнить о нем обязательно надо по многим причинам. Во-первых, это все-таки одно из крупнейших событий отечественной истории, сопоставимое по масштабу с крестьянскими войнами предшествующих столетий. Оно оказало влияние и на мировую историю, так как развал Восточного фронта незамедлительно отразился на военно-политической ситуации в Европе. Во-вторых, именно соединение крестьянской войны с рабочими восстаниями в городах явилось, по словам Ленина, одним из основных условий победы Октября. И в-третьих, не учитывая действия этой могучей, неуправляемой и зачастую разрушительной стихии, невозможно ощутить сложность реализации тех замыслов, с которыми партия большевиков пришла к 1917 году. Сегодня, за давностью лет, трудно в полной мере осознать подлинную значимость того обстоятельства, о котором Ленин упоминал многократно: пролетарская революция произошла в мелкокрестьянской стране. А ведь именно в нем многие корни тех социальных потрясений, которые пережила страна и в двадцатых, и в тридцатых годах.

Итак, произошло то, чего правящие классы опасались на протяжении столетий и чего добивались русские революционеры XIX века: в считанные месяцы стихийный «черный передел» земли стал свершившимся фактом. Декрет о земле, принятый в два часа ночи 27 октября (по старому стилю) II Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов, юридически закрепил уничтожение помещичьей собственности, что, кстати, и обеспечило, как принято выражаться в учебниках, триумфальное шествие Советской власти в конце 1917 — начале 1918 года, практически беспрепятственное и бескровное.

Известно, что в основу декрета были положены 242 наказа, доставленные с мест делегатами I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 года), а затем сведенные воедино эсеро-меньшевистским Исполкомом в «Примерный наказ», опубликованный в «Известиях» 19—20 августа. Хотя стержнем аграрной программы большевиков было тре-

бование национализации всех земель, а вовсе не раздел и уравнилельное землепользование, Ленин увидел в этом многопластном, калейдоскопичном, а потому и не вполне определенном документе реальную основу для соглашения с левыми эсерами, которые в отличие от их правых собратьев стояли за немедленную передачу земли в распоряжение крестьянства. М. В. Фофанова донесла до нас чрезвычайно важные слова Ленина, высказанные при чтении августовских номеров «Известий»: «Ну, кажется, насквозь всех эсеров изучил, осталось сегодня читать только наказ их мужичков... Вот и соглашение с левыми эсерами готово. Шутка сказать, наказ подписан 242 депутатами с мест. Мы его положим в основу закона о земле и посмотрим, как левые эсеры подумают отказаться... Вот надо найти маленькую заручку, чтобы впоследствии их социализацию перекроить на наш лад».

Спустя несколько месяцев — перед утверждением ВЦИК «Основного закона о социализации земли», принятого 27 января 1918 года в развитие Декрета о земле, — Ленин настоял на включении в этот документ, подготовленный левыми эсерами, статьи о «всяческом содействии (культурная и материальная помощь) общей обработке земли» («давая преимущества трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным»). Но тем не менее «заручка» не сработала: социализация пошла все-таки «на их лад». По данным Народного комиссариата земледелия, к концу 1921 года в среднем по 32 губерниям 97 процентов земли принадлежало крестьянам и лишь 3 процента — советским хозяйствам, коммуна, артелям и т. п. Надо, конечно, иметь в виду, что к этому времени часть коммун, возникших на базе экспропрированных помещичьих и кулацких хозяйств, уже распалась или доживала последние дни.

Способы раздела и передела в различных районах страны были различными (по едокам, по душам мужского пола, по работникам), но в целом в выигрыше остались прежде всего бедняцкие и середняцкие хозяйства, то есть основная масса деревни. Впервые полу-

чили наделы около трех миллионов безземельных крестьян.

А как восприняла декрет зажиточная часть деревни? Это очень непростой вопрос. В нашей исторической литературе не разработан и точно не очерчен термин «кулак». Известно, что в ходе реформы, проведенной П. А. Столыпиным (о которой мы, к сожалению, знаем очень мало), из крестьянской общины выделилось к началу 1916 года два с половиной миллиона домохозяев, в частную собственность которых перешло 14 процентов общинной земли — около 16 миллионов десятин. По оценке публицистов левого направления, которую унаследовала современная историческая наука, все владельцы хуторов и отрубов попадали в категорию сельской буржуазии, то есть кулаков, что не вполне соответствует действительности: частновладельческое хозяйство и кулачество далеко не всегда совпадают.

Думается, что издание густо насыщенных фактами трудов профессора А. В. Чаянова дало бы возможность внести большую ясность в определение классовой структуры дореволюционной и послереволюционной, вплоть до 1929 года, деревни. Напомним такой, например, его тезис: «Мы не можем в нашем экономическом мышлении пользоваться исключительно только категориями капиталистического строя уже по одному тому, что огромная область народного хозяйства в виде сельскохозяйственного производства построена в большей своей части не на капиталистических началах, а на началах трудового семейного хозяйства, которому свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгоды».

Провести четкую границу между кулачеством и «трудовым семейным хозяйством» (порой весьма зажиточным, а вовсе не середняцким) необходимо. На Декрет о земле да и на «черный передел» те и другие реагировали по-разному. Зажиточное трудовое крестьянство в результате передела укрепило свои позиции и поддержало декрет, не придавая какого-либо значения провозглашенной в нем отмене частной собственности на землю: приведенные

данные Наркомзема ясно показывают, что эта статья декрета, а затем и январского закона о социализации фактически осталась на бумаге.

Иное дело — кулачество. Кулацкие (подлинно кулацкие!) хозяйства теряли не только купчие и арендованные земли, но также и излишки наделных. Они не могли воспринять разгромно-передельное движение, а затем и первые акты Советской власти иначе как с откровенной враждебностью. Реакция кулачества и помещиков была почти одинаковой. Столь же схожей была их судьба: и тем и другим в 1917—1918 годах история вынесла окончательный приговор, а гражданская война привела его в исполнение.

«Буржуазная революция, — писал Ленин, — была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом... Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу. Этот процесс развился летом и осенью 1918 года».

Что же произошло в ту весну и лето?

В мае ВЦИК принял декреты «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» и «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов». В условиях надвигающегося голода Наркомпроду были предоставлены чрезвычайные полномочия, в стране устанавливалась продовольственная диктатура: вводилась монополия на торговлю хлебом и твердые цены. В городах мобилизовывались продовольственные отряды из рабочих, которые направлялись в деревни для выявления излишков хлеба, реквизиции этих излишков и пресечения торговли. 11 июня был издан еще один декрет — «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Возникшие комитеты бедноты (комбеды) летом и осенью превратились фактически в органы власти, подкрепленной вооруженной мощью продовольственных (то есть

заготовительных) и заградительных (пресекающих торговлю) отрядов.

Введение хлебной монополии не было для деревни чем-то новым. Временное правительство объявило ее еще в конце марта 1917 года, сделав упор именно на твердые цены. В результате их повышения в августе 1917 года подвоз хлеба в индустриальные центры значительно увеличился, но нараставшая инфляция быстро «погасила» этот процесс. Спустя год ситуация была гораздо сложнее: если летом 1917 года крестьянин мог, продав пуд зерна, купить на вырученные деньги пол-аршина ситца или полфунта гвоздей, то «выручка» при сдаче хлеба летом и осенью 1918 года не давала и такой возможности, так как промышленность была почти парализована и отоваривать деньги оказалось нечем. Вовсе не случайно Ленин пользовался понятием «ссуда». Именно таким и был замысел: взять зерно как бы в долг, чтобы затем, после восстановления промышленности, эту задолженность деревне погасить.

«Мы и против вас ничего не имеем, — говорил Ленин, обращаясь к кулакам, — но отдайте ваши излишки хлеба, не спекулируйте и не эксплуатируйте чужого труда». Или так: «...по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация».

Однако программная установка и реальное, практическое действие по ее реализации — далеко не одно и то же.

Чтобы ощутить психологическую атмосферу тех лет, очень полезно заново перечитать сегодня удивительный по своей цельности человеческий документ — книгу «Как закалялась сталь». Вот характернейший штрих той эпохи, показывающий колорит взаимоотношений рабочего и крестьянина.

Артем Корчагин, старший брат Павки, «жил в семье своей жены, неприглядной молодухи Стеши. Семья была

захудалая крестьянская» (из пяти ртов, без одного работника). «Здесь он после деповской работы всю свою силу вкладывал в плуг, обновляя захирелое хозяйство... Артем знал, что Павел не одобрял его отхода, как он выражался, в «мелкобуржуазную стихию»... «Какая нелегкая затянула сюда Артема?..» — размышлял удрученный Павел».

Сейчас нам трудно понять, почему Павка удручен. Что плохого в том, что Артем женился на крестьянке и работает после смены на земле? Была бы Стеша из кулацкой семьи — другое дело. Но ведь она из наибеднейших. Что же здесь «мелкобуржуазного»? В нашем сегодняшнем представлении «рабочий от станка» и крестьянин, так сказать, социально равноценные лица: и тот и другой — трудящиеся. Но в двадцатых годах социально-политические критерии и система ценностей были вовсе не такими, как сегодня.

Послушаем Артема. Зимой 1924 года он подал заявление о вступлении в партию — в дни Ленинского призыва. И вот его кандидатура обсуждается на собрании в депо. «В задних рядах, где сидели комсомолцы, поднялся один, невидимый в полутьме, и спросил: „Пусть товарищ Корчагин скажет, почему он на землю осел и не отрывает ли его крестьянство от пролетарской психологии“». Вот как ставился вопрос в те годы. Характерен и ответ Артема: «Этот парень правильно говорит, что я на землю осел. Это верно, но от этого я рабочей совести не растерял. Кончилось это с сегодняшнего дня. Переселяюсь с семьей к депо поближе, здесь верней. А то мне от этой земли дышать трудно».

А вот еще один характерный штрих, дополняющий политическое осознание людей тех лет.

Председатель ЦК Пролеткульта В. Ф. Плетнев писал в «Правде»: «...проведение четкой демаркационной линии между пролетариатом и другими классами особенно важно в такой некультурной, полубезграмотной стране, как Россия. Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, классовое сознание пролетариата останется чуждым кре-

стъянству (разрядка моя. — Л. В.), буржуа, интеллигенту».

Такие воззрения на крестьянство воспринимались многими рабочими как истинно пролетарская идеология. Конечно же, они упрощали и примитивизировали «теорию». По их мнению, единственной опорой пролетарской революции в деревне был абсолютный бедняк, в идеальном варианте — наемный работник, батрак. На крестьянина-хозяина, пусть даже маломощного середняка, или, по жаргону тех лет, на «хозяйчика», они смотрели с подозрением. В продовольственных отрядах было немало таких людей. Они знали, что город голодает, а в деревне есть и хлеб, и сало, а если понадобится — бутыль самогона. И если «мужик», «хозяйчик» не отдает хлеб, надо взять силой.

Далеко не каждый боец продотряда умел провести границу между бедняком и середняком, между середняком и богатым крестьянином, между зажиточным хозяином и кулаком. Да и очень условной была эта граница, если учесть, что, например, в Белоруссии крестьянин, имевший лошадь и корову, считался крепким середняком, а в Сибири — бедняком. Далеко не все продотряды брали, как говорится, в меру. Зачастую злоупотребляли силой и оружием. Все это понятно: политику делают живые люди, а не роботы. Летом 1918 года в ответ на действия комитетов бедноты и продотрядов почти повсеместно вспыхнули мятежи.

Приведем свидетельство такого авторитетного политического деятеля, каким был А. Ф. Мясников (Мясникян), большевик с 1906 года, известный партийный публицист, председатель Совнаркома Советской Армении, а в последние годы жизни (погиб в 1925 году при аварии самолета) — член Президиума ЦИК СССР, секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), председатель Союзного Совета ЗСФСР и редактор газеты «Заря Востока» (не путать с его однофамильцем — Г. И. Мясниковым, исключенным из партии в 1922 году, деятелем «рабочей оппозиции», ярким выразителем антикрестьянских, псевдопролетарских настроений, которые характеризовались понятием «мясников-

щина»). Кстати, А. Ф. Мясников был в числе тех немногих товарищей по партии и личных друзей, с которыми Ленин встречался в Горках в 1922 году.

Так вот, А. Ф. Мясников в качестве члена ВЦИК выяснил в декабре 1918 года причины волнений в деревнях Западной области и пришел к выводу, что они явились следствием «незаконности многих поборов, незаконных действий разных реквизиционных, продовольственных и заградительных отрядов, неумелой работы агентов власти и бездарности многих местных исполкомов». А. Ф. Мясников докладывал в центр: «Там, где в момент возникновения беспорядков применялись нами культурно-агитационные способы воздействия на массы, там, где мы прибегали к выяснению существующего положения вещей и разъясняли декреты и т. д., массы быстро успокаивались».

Иной тактики придерживались те, кто ориентировался на методы Л. Д. Троцкого *. Как много теряем мы в понимании ситуации тех лет из-за умолчания такого, например, факта, что этот крупнейший политический деятель, будучи членом Политбюро ЦК партии большевиков, народным комиссаром, председателем Революционного военного совета, то есть располагая колоссальной властью, санкционировал и насаждал формы борьбы, которые даже в условиях «красного террора» выглядели узурпаторством, — карательные отряды (именно так они и назывались), децимации (каждого десятого — «враспыл»), расстрел ни в чем не повинных заложников. Бывший царский штабной поезд, украшенный надписью «Сторож революции» и широко известный как «поезд Троцкого», совершил за годы гражданской войны множество реквизиционных наездов (138 737 верст, свыше двух миллионов пудов реквизированных продовольственных грузов), фактически провоци-

* Не могу не сделать оговорку. В кругах объединения «Память» принято отзываться крайне негативно о Л. Д. Троцком, делая упор на его национальность. Думается, что этот политический деятель заслуживает осуждения не как Л. Д. Бронштейн, а именно как Лев Троцкий.

руа неграмотную и несознательную, но взбудораженную крестьянскую массу на ответную жестокость.

Современному читателю известно то, что было сделано Л. Д. Троцким после 1923 года, но и до этого времени он вовсе не сидел сложа руки. К сожалению, горючие свойства «вклада» ультра-революционеров в поднимающийся, набирающий силу огонь братоубийственной войны недостаточно изучены. «Леваки» подливали масло не жалеючи, кидали ворохом сухие поленья в тлеющий, готовый вот-вот вспыхнуть костер гражданской розни. Во многом она на их совести.

Осенью 1918 года деятельность комбедов была прекращена. Состоявшийся в ноябре VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов принял постановление о слиянии комитетов бедноты с Советами. Лозунг соглашения с середнячеством (без отказа от борьбы с кулаками) был принят VIII съездом РКП(б) в марте 1919 года как стержень политики партии в деревне. *«Нет ничего глупее, — говорил на съезде Ленин, — как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина. Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшей строю и не сметь командовать!»*

«Надо бы вам слышать, товарищи, с какой силой, с каким гневом произнес Владимир Ильич эти слова», — вспоминал в свое время один из старейших членов партии В. А. Карпинский. И мы, конечно же, понимаем, что этот гнев был направлен против тех, кто экспроприировал среднего крестьянина, насаждал коммуны методами насилия, кто «командовал».

Последовавшие вслед за этим декреты («О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога» от 9 апреля 1919 года, «О льготах по взысканию натурального налога» и «О мерах содействия кустарной промышленности» от 26 апреля, о лесопользовании от 4 июня и ряд других государственных актов) можно расценивать

как своего рода «репетицию» будущего нэпа. Впрочем, соотнося силу действия и противодействия в революционных приливах и отливах, волнения мобилизованных из деревни моряков-новобранцев в Кронштадте осенью 1918 года тоже можно расценивать как «репетицию» и предвестник грозного кронштадтского мятежа 1921 года.

В результате курса, намеченного в решениях VI съезда Советов и VIII съезда партии (а также по мере накопления сил белогвардейской контрреволюции), в начале 1919 года определился явный перелом в политических настроениях деревни. Очень выразительно сказано на этот счет в добросовестно документированной книге «Советское крестьянство. Краткий очерк истории. 1917—1970»: «Если осенью 1918 года средний крестьянин говорил: „Я за Советскую власть, но долой коммунию“, то теперь он все чаще твердил: „Пускай лучше коммуния, нежели мы опять в поте лица на бар работать станем“».

И все-таки выдержать курс VIII съезда не удалось. События накатывали как селевая лавина: «комбедовский» натиск видоизменился, приобрел форму продовольственной разверстки.

О продразверстке мы знаем довольно много: и о том, что она была мерой вынужденной, и о том, что Советская власть, не имея иной возможности обеспечить продуктами питания голодающие города и сражающуюся Красную Армию, изымала их у деревни, не компенсируя это изъятие промышленными товарами.

Разверстка была введена декретом от 11 января 1919 года. Свободная торговля хлебом объявлялась государственным преступлением. Полученный по разверстке хлеб (а позднее все остальные продукты питания, равно как и товары массового спроса) распределялся в централизованном порядке по классовой норме.

Говоря о продразверстке и о том, как восприняло ее крестьянство, опять же нельзя не учитывать расхождение между самим принципом и методами претворения идеи в действительность.

Да, продразверстка намечалась с учетом посевной площади хозяйства и уро-

жайности. Принимались во внимание установленные нормы потребления для крестьянской семьи, расхода на прокорм скота и семена. Предполагалось изымать только «излишки», то есть имеющиеся в наличии сверх того, что предусмотрено нормой. Ленин сформулировал общий подход: с бедняка — ничего, с середняка — умеренно, с богатого — много.

Все это так. Однако практика осуществления разверстки была гораздо более жестокой, чем это предполагалось. Поначалу «излишки» определялись в зависимости от потребностей крестьянской семьи, ограниченных установленной нормой, и фактического наличия у нее хлеба, а затем — в зависимости от потребности государства в хлебе. А это не одно и то же. В письме ЦК РКП(б), адресованном в 1920 году всем губернским комитетам партии, разъяснялось: «Разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков». Иными словами, «излишки» — это не то, что на самом деле осталось в крестьянском хозяйстве «лишним» (сверх потребностей семьи), а то, что надо у него взять. При такой постановке вопроса продотряд должен был вывезти из данной волости установленное количество хлеба любой ценой: если зажиточные крестьяне не могли покрыть разверстку, приходилось брать у середняка, а если и середняк не вытягивал, то у бедняка. Зачастую не принимался в расчет и тот факт, что оставшееся зерно предназначено для скота или на семейные нужды.

Не стоит приуменьшать все эти сложности. Наоборот, чем правдивее мы расскажем о них, тем большее значение и вес приобретет в нашем сознании тот очевидный факт, что основная масса крестьянства все-таки признала необходимость и вынужденность этой чрезвычайной, жестокой меры, крайне несправедливой по общепринятому понятию, не будь сами условия столь жестокими.

Попробуйте стать на место мужика. Он пахал, сеял, жал, молотил, поливал землю потом, горбил спину, и вдруг приходит из города человек с ружьем

и забирает зерно, выдав взамен какие-то плевые, ничего не стоящие бумажки (деньги, за которые даже гвоздя не купишь) или просто расписку, а фактически — бесплатно.

Только ощутив подобную ситуацию, можно понять, насколько важно то, что крестьянин смирился с продразверсткой или, по крайней мере, терпел ее стиснув зубы. Насколько велика была в его понимании цена того немислимо счастливого шанса, который дал трудящимся октябрьский Декрет о земле. И насколько велико было опасение, что Советская власть не устоит, что вернется помещик и отберет эту бесценнейшую, добытую в 1917 году землю. Как это ни странно звучит, но жестокостью продразверстки была испытана крепость, а потому и необратимость завоеваний Октября.

Поистине подлинная правда в освещении исторических фактов только одну правду в мировосприятии и производит, и ничего более.

Разверстка, запрет торговли, продовольственная диктатура были базой той системы социально-экономических взаимосвязей, которую позднее, после ее отмены, стали называть «военным коммунизмом». Термин, появившийся, кстати, уже после отмены этой административно-приказной, «декретной» системы управления экономикой, как бы подчеркивал незапрограммированный, вынужденный характер этого «коммунизма», его отличие от коммунизма настоящего, того, к которому большевики стремились.

Но так ли оценивали происходящее сами участники событий до кризисной весны 1921 года? В том-то и дело, что не так. Многие из них были убеждены, что победил именно тот самый — *подлинный коммунизм*.

То, что удалось наладить разверсточную заготовку продовольствия в деревне, породило в самых широких слоях большевиков иллюзию возможности незамедлительного перехода от товарообмена (торговли) к безденежному прямому продуктообмену, к социалистической организации труда как в городе, так и в деревне. С этой точки зрения разверсточная система во всех сферах

жизни воспринималась как практическое воплощение истинно коммунистического идеала.

«Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения... перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским... поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие». Это — из документа ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 года (кстати, одобренного Лениным).

О далекой перспективе шла речь? Нет, буквально о завтрашнем дне. Крестьяне в массе скоро перейдут к общественной обработке земли, так утверждал в декабре 1918 года не какой-нибудь мечтатель уездного масштаба, а народный комиссар земледелия С. П. Середа, за полгода до того отправивший всем губернским Советам телеграмму, в которой говорилось, что коммуны — главная основа переустройства всего сельского хозяйства на социалистических началах.

Очень скоро и сам С. П. Середа признал свою ошибку, и «Правда» выступила с предостережением против идеологии потребительского коммунизма («тем более что часто благодаря ей вновь организующаяся коммуна приобретает паразитический характер»).

Да, как говорят мудрецы из народа, «ломать — не строить». С коммунами поторопились, перенажали, перегнули палку. Именно это и вызвало гневную реакцию Ленина: «Не смей командовать!»

И все-таки иллюзии не только не развеивались, но, наоборот, укреплялись. Какой смысл затушевывать их, искать в подтекстах и недомолвках намеки на негативное восприятие «военно-коммунистических» методов, административно-приказной системы управления экономикой с ее невероятно раздутым бюрократическим аппаратом (4 миллиона чиновников!) до 1921 года, если на этот счет есть многочисленные

прямые высказывания авторитетных деятелей того времени.

«Еще сравнительно так недавно, года полтора тому назад, — писал в 1922 году видный публицист, экономист и историк И. И. Скворцов-Степанов, — мы хотели вытравить из языка самые слова «товар», «товарообмен», «товарное обращение». Нам казалось, что сфера непосредственного социалистического распределения будет быстро расширяться, что стихийная власть рыночных отношений отходит в прошлое, что сфера товарного производства, совпадающая с мелкобуржуазными формами, станет все решительнее суживаться, да и здесь на первый план будет выдвигаться почти непосредственный «продуктообмен», для которого денежные единицы имеют чисто счетное значение». Можно ли сказать прямее и откровеннее?

И наконец, свидетельство Ленина: «...мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку».

Никуда не уйти и от того факта, что кульминацией «военно-коммунистических» мероприятий были конец 1920 — начало 1921 года, то есть период после разгрома Врангеля и окончания гражданской войны. 4 декабря 1920 года Совнарком принимает декрет «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов», 17 декабря — «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления», 23 декабря — «Об отмене оплаты за всякого рода топливо». В холодной, голодной, обносившейся за шесть военных лет стране с бездействующими промышленностью и транспортом — все бесплатно?! Пища и одежда, дрова и квартиры, пользование водопроводом и транспортом, электричеством и общественными банями?! Да, мыслилось именно так! А скоро и самих денег не станет: вместо них по замыслу таких экономистов, как С. Струмилин и Е. Вар-

га (впоследствии действительные члены Академии наук), будет введен учет в трудовых или энергетических единицах — «тредах» и «энедах». Между прочим, одним из инициаторов немедленной отмены денег был и Н. И. Бухарин. Ленин в записке от 30 ноября 1920 года предостерегал: «Надо побольше вдуматься (и детально изучить соответствующие факты)... Отменить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, *экономически* неправильно. Надо это обдумать *очень* серьезно».

Но отрезвление еще не наступило. «...Тысячелетние устои товарного строя рушатся, как карточные домики, после первых лет организационных усилий победившего пролетариата, — писал в «Правде» осенью 1920 года Ю. Ларин, видный экономист и литератор той поры, руководитель отдела финансовой политики ВСНХ и один из создателей Госплана. — Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории».

Именно о Ларине Ленин говорил: «...у него фантазия летает за триллион километров...» Но ведь и другое говорил Ленин: «...нечего греха таить — таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?»

Жесточайший кризис начала 1921 года, возрастающая активность «Сухаревки», то есть «вольного» рынка, на долю которого приходилось не менее половины (!) общего оборота товарных ценностей в стране, недород, неотвратимый в результате умышленно осуществляемого крестьянами сокращения посевных площадей, и надвигающийся голод, «волынки», то есть, попросту говоря, забастовки, на заводах и фабриках из-за сокращения хлебных пайков, тамбовское восстание («антоновщина»), повсеместное недовольство продрозверсткой в деревне и, наконец, кронштадтский мятеж, представлявший, по оценке Ленина, опасность большую, чем

Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые, — все это в совокупности положило конец разверсточной, административно-приказной системе «военного коммунизма».

Еще раз перечитаем слова Ленина (из доклада на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 года): «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению».

Обратим внимание на постоянно повторяемое «мы». Ленин не ищет виновников на стороне (хотя и мог бы найти таковых, вспомним хотя бы докладную А. Ф. Мясникова, вспомним действия Л. Д. Троцкого), принимая весь груз ответственности на свои плечи. Это был один из первых уроков правды, за которым сразу же последовали решительные действия, переход к новым методам управления — к нэпу.

Жизнь подтвердила, насколько ценным — и для современников, и для нас, потомков, — оказался этот великий урок.

Знание — сила,
1988, № 10

Виталий Старцев,
доктор исторических наук

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1922 — НАЧАЛЕ 1923 ГОДА

Перестройка всех сторон общественной жизни вызвала огромный интерес к историческому прошлому. Однако на призыв руководителей партии осветить «белые пятна» истории, преодолеть «обезличивание многих исторических событий» (Правда, 1986, 2 октября) первыми откликнулись не историки, а писатели. Но особенности художественного метода отображения жизни, избирательность освещаемых писателями тем привели к известной деформации массового исторического сознания. Это положение должно быть исправлено появлением добротных исторических исследований, опирающихся на доступные уже сегодня источники. Настоящая статья может рассматриваться как своеобразный исторический комментарий к ряду вопросов, затронутых в пьесе Михаила Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» (Знамя, 1988, № 1). При этом мы, конечно, понимаем неравенство нашего положения: пьесу Шатрова уже прочли миллионы, а данная статья станет известна от силы нескольким тысячам специалистов. Тем не менее будущие учебники истории нашего социалистического государства будут писаться не по пьесам и романам. Поэтому автор относится к своей статье как к промежуточной, черновой заготовке для последующих обобщающих работ.

Основной темой статьи является стабильность политического руководства страны в 1922 — начале 1923 г., когда прогрессирующая болезнь В. И. Ленина, признанного лидера партии и государства, заставила впервые задуматься о мерах, обеспечивающих эту стабильность. Хронологически исследование охватывает период с марта 1922 г., времени проведения XI съезда РКП(б), по март 1923 г., до открытия XII съезда РКП(б). В ряде случаев автор обращается к событиям предшествующего и последующего периодов. Источниками для написания статьи послужили прежде всего произведения В. И. Ленина указанного времени, особенно статьи и письма, продиктованные в период с 23 декабря 1922 г. по 6 марта 1923 г. (Полн. собр. соч., т. 45). К этому источнику примыкают

Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина, другие справочные материалы 45-го и 55-го томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина, а также 11-й и 12-й тома Биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» с их богатым фактическим содержанием*.

Автор использовал также стенографические отчеты XI и XII съездов РКП(б), сборник документов «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК»**. К сожалению, подлинные архивные материалы Пленумов Центрального Комитета партии за 1922—1923 гг., протоколы Политбюро и его циркуляры остались для автора недоступны. Но часть подобных материалов использована по публикациям в советской прессе, в частности по беседам с В. П. Наумовым в «Правде» (Ленинское завещание. — Правда, 1988, 26 февр., 25 марта). Привлечены некоторые работы И. В. Сталина, вошедшие в пятый том его Сочинений, другие материалы. Думается, указанные источники дали возможность составить адекватное представление о том, как предполагали достичь стабильности в руководстве страной различные ее руководители и какие намечались планы и осуществлялись конкретные шаги в данном направлении.

Главным действующим лицом повествования является Владимир Ильич Ленин. Значительное место уделяется позиции и практической деятельности И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина, А. Д. Цюрупы и некоторых других руководителей партии и государства.

* Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11. Июль — ноябрь 1921. М., 1980; т. 12. Декабрь 1921 — январь 1924. М., 1982. (Следует сразу же указать на крайнюю неполноту сведений 12-го тома, особенно за время болезни В. И. Ленина, по сравнению с предыдущими томами.)

** Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1961; Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968; Всесоюзная Коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. I. 1898—1925. М., 1936.

На X съезде РКП(б) (8—16 марта 1921 г.) Центральный Комитет партии был избран в составе 25 членов и 15 кандидатов. Центральная контрольная комиссия насчитывала 7 человек (ВКП(б) в резолюциях..., ч. 1, с. 404). Состоявшийся 16 марта 1921 г. Пленум избрал Политбюро и другие органы ЦК. В стенографическом отчете X съезда (в отличие от всех последующих) приведены данные о результатах голосования за кандидатов в члены Центрального Комитета. Эти данные могут служить свидетельством влияния и популярности в партии ее ведущих политических деятелей. В голосовании участвовало 479 человек. Чтобы пройти в состав ЦК, нужно было получить по крайней мере 240 голосов. Голоса распределились так: Ленин — 479, Радек — 475, Томский — 472, Калинин — 470, Рудзутак — 467, Сталин — 458, Рыков — 458, Комаров — 457, Молотов — 453, Троцкий — 452, Михайлов — 449, Бухарин — 447, Ярославский — 444, Орджоникидзе — 438, Дзержинский — 438, Петровский — 436, Раковский — 430, Зиновьев — 423, Фрунзе — 407, Каменев — 406, Ворошилов — 383, Кутузов — 380, Шляпников — 354, Тунтул — 351, Артем — 283. Ряд выставленных в члены ЦК деятелей партии не получили требуемого большинства и не были избраны. Так, Крестинский, скажем, получил только 161 голос, И. Н. Смирнов — 123, Яковлева — 117, Серебряков — 111, Сапронов — 89, Куйбышев — 64. Прошли по списку кандидаты в члены ЦК: Чубарь — 462 голоса, Киров — 446, Шмидт — 443, Зеленский — 440, Угланов — 436, Пятаков — 436, Сафаров — 435, Залуцкий — 434, Милютин — 433, Куйбышев — 414, Сулимов — 327 и т. д.*

Душой и двигателем всей огромной машины партийно-государственного аппарата был В. И. Ленин. В его лице соединялись функции высшего государственного руководства (он являлся Председателем Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны) и высшего партийного руководства

* Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963, с. 402.

(Владимир Ильич был фактическим лидером Центрального Комитета). Однако непосильный труд подорвал здоровье В. И. Ленина. В последние месяцы 1921 г. оно резко ухудшилось, снизилась работоспособность, появилась быстрая утомляемость, расстройство сна. По требованию врачей В. И. Ленин вынужден был отказаться от рассмотрения текущих дел в Политбюро, поручив это Л. Б. Каменеву. Часть обязанностей по руководству Советом Труда и Оборона и Советом Народных Комиссаров была возложена на назначенных заместителей Ленина — Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова и А. Д. Цюрупу. Ленин тяжело переживал ограничения в своей работе, но вынужден был согласиться*. В результате постепенно снижались объем информации и степень осведомленности В. И. Ленина о текущих делах. В письме В. М. Молотову от 23 марта 1922 г. он сетовал: «Прошу пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК (на XI съезде партии. — В. С.), ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 62). Выступая с Политическим отчетом ЦК РКП(б) на XI съезде партии, В. И. Ленин также говорил: «В заключение я должен коснуться практической стороны вопроса о наших советских органах, высших учреждениях и отношении к ним партии. У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счет у нас полное единодушие. На

одном примере я показывал, что конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия и жаловаться члену партии запретить нельзя. Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро. Тут была также большая моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною. А когда мне пришлось уйти, то оказалось, что два колеса не действуют сразу, пришлось нести тройную работу Каменеву, чтобы поддерживать эти связи. Так как в ближайшее время мне едва ли придется вернуться к работе, то все надежды переносятся на то, что теперь имеются еще два заместителя...» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 113—114).

Вечером 2 апреля 1922 г. на съезде был оглашен список членов и кандидатов в члены ЦК РКП(б). В Центральный Комитет было избрано 27 человек: Андреев, Бухарин, Ворошилов, Дзержинский, Зеленский, Зиновьев, Калинин, Каменев, Коротков, Куйбышев, Ленин, Молотов, Орджоникидзе, Петровский, Радек, Раковский, Рудзутак, Рыков, Сапронов, Смирнов, Сокольников, Сталин, Томский, Троцкий, Фрунзе, Чубарь, Ярославский; кандидатами в члены ЦК — 19 человек; Центральную контрольную комиссию составили 5 членов и 2 кандидата (Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 520—521). В речи при закрытии съезда В. И. Ленин сказал, что период отступления, вызванного введением энпа, кончился, но двигаться вперед можно только архисторожно и архиосторожно. «Весь гвоздь теперь в том, — подчеркивал Владимир Ильич, — чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Таковую задачу при данном международном положе-

* Первый раз по состоянию здоровья и настоянию лечащих врачей В. И. Ленин ушел в отпуск 6 декабря 1921 г. и находился в нем по 13 января 1922 г. Все это время он жил в Горках. Большую часть февраля 1922 г. Ленин продолжал курс лечения, находясь до 1 марта на территории деревни Костино. Все это время Ленин не участвовал в заседаниях Политбюро, а о его решениях узнавал со значительной задержкой. Недавно опубликовано ранее неизвестное письмо Ленина Кларе Цеткин от 21 февраля 1922 года: «Уважаемая и дорогая тов. Цеткин! К сожалению, я совсем болен. Нервы испорчены. Я не в Москве. Могу Вам ответить письменно или по телефону 5—10 минут» (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 12, с. 36, 199, 217; Правда, 1988, 20 апреля).

нии, при данном состоянии производительных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 137). Таков был завет Ленина партии на этом последнем партийном съезде, на котором Ленину довелось выступать. Сам он надеялся в меру своих сил участвовать в проведении этой политики.

Однако в связи с требованиями врачей были приняты дополнительные меры по сокращению объема ежедневной работы Владимира Ильича, продолжавшего оставаться огромным. 3 апреля 1922 г. на первом после XI съезда Пленуме было предпринято некоторое уточнение структуры органов ЦК. Политбюро было избрано в составе тех же семи человек: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, И. В. Сталина, А. И. Рыкова и М. П. Томского, а также кандидатов в члены Политбюро — Н. И. Бухарина, В. М. Молотова и М. И. Калинина. Было сохранено Оргбюро — орган, созданный еще в конце 1921 г. Но для руководящей партийной работы впервые создавался Секретариат ЦК в составе генерального секретаря И. В. Сталина и двух секретарей — В. В. Куйбышева и В. М. Молотова*. В связи с этим Куйбышев освобождался от работы в ВСНХ, а Сталин вскоре — от одного из своих двух государственных постов — наркома Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ).

Решающая роль в управлении партией и страной и в этот год принадлежала Политбюро ЦК РКП(б). Из семи его членов пять человек входили в состав еще самого первого Политбюро, избранного 10 октября 1917 г. Тогда, правда, из-за разногласий по вопросу о сроке вооруженного выступления это Политбюро после двух заседаний** прекратило свое существование. Был создан партийный центр по руководству восстановлением. На VII съезде партии Центральный Комитет состоял только из

15 членов и 8 кандидатов. После этого съезда Политбюро не избиралось. А вот после VIII съезда (март 1919 г.) ЦК насчитывал уже 19 членов и 8 кандидатов. Именно этот съезд постановил иметь в составе ЦК Политбюро, Оргбюро и ответственного секретаря. Первое после октября 1917 г. Политбюро было избрано 25 марта 1919 г. Его состав практически оставался неизменным и в последующие годы*. Члены Политбюро — ближайшие соратники Владимира Ильича. Именно они первыми делили вместе с ним всю тяжесть руководства страной в тяжелейшие годы гражданской войны. Они относились к Ленину с глубочайшим уважением и любовью, признавали его политическое и духовное лидерство в партии и ЦК, не закрепленное никакими званиями и рангами. Вместе с тем они часто спорили с Лениным, отстаивали свои точки зрения, в Политбюро при решении вопросов складывались большинства, состоявшие из разных его членов. Но уже с 1920 г. со своей особой позицией, часто не совпадавшей с мнением остальных членов Политбюро, выступал Л. Д. Троцкий. Именно он стал зачинателем острейшей дискуссии о профсоюзах зимой 1920/21 г. Дискуссия отвлекла внимание партии от анализа внутренней обстановки в стране, вступившей в кризисное состояние. Одним из главных оппонентов Троцкого в составе Политбюро все чаще стал выступать И. В. Сталин. 19 января 1921 г. он опубликовал в «Правде» большую статью «Наши разногласия», в которой критиковал брошюру Л. Д. Троцкого «Роль и задачи профсоюзов» и его практическую работу в «Центране» — Центральном комитете профсоюза транспортных рабочих. В письме В. И. Ленину по поводу плана ГОЭЛРО, написанном в марте 1921 г., Сталин припомнил планы Троцкого весны 1920 г., периода второй «мирной передышки», перевести Красную Армию на положение трудовых армий. «Помните прошлогодний «план» Троц-

* См.: В. И. Ленин. Биохроника, т. 12, с. 267. Состав Политбюро установлен по письму членов и кандидатов Политбюро от 29 марта 1923 г. (См.: Двенадцатый съезд РКП(б), с. 819—820).

** См.: История СССР, 1987, № 5, с. 41.

* В составе этого Политбюро были В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и Н. Н. Крестинский. Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев и М. И. Калинин являлись кандидатами в члены Политбюро.

кого, — писал он, — (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагою старинной...» (Соч., т. 5, с. 50).

Антагонизм между Сталиным и Троцким усилился в 1922 г., особенно во время болезни Ленина и после избрания Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б). Напомним, что Троцкий, будучи в это время наркомом по военным и морским делам и Председателем Реввоенсовета Республики, фактически являлся главой вооруженных сил страны. Кроме того, в 1921 и 1922 гг. он успешно выполнил ряд специальных поручений Политбюро.

Хотя В. И. Ленин, как говорилось выше, был освобожден от целого ряда участков своей деятельности в результате мер, принятых в конце 1921 г. и апрельским (1922 г.) Пленумом ЦК РКП(б), он по-прежнему отдавал все свои силы и время партийной и государственной работе. Знакомясь с материалами Биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» за период с 4 апреля по 24 мая 1922 г., не устаешь поражаться тому, как много работал Ленин, хотя болезнь с каждым днем напоминала ему о себе все резче. Владимир Ильич следит за правильным распределением обязанностей между своими заместителями по Совету Народных Комиссаров, контролирует подготовку советской делегации к поездке на Генуэзскую конференцию, участвует в работе Политбюро, беседует с десятками людей, по несколько раз в неделю встречается с Л. Б. Каменевым, И. В. Сталиным, реже — с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, А. Д. Цорупой, Л. Д. Троцким. Он пишет статьи и заметки, десятки писем.

23 апреля В. И. Ленину делают операцию по извлечению пули (она находилась в 3 мм от сонной артерии), оставшейся после покушения в 1918 г. Утром 24 апреля Ленину сделали перевязку, и он вернулся к работе. Однако опера-

ция привела к обратному результату, вскоре состояние здоровья Владимира Ильича серьезно ухудшилось. По мнению современных специалистов, исследовавших в 1969 г. заново историю болезни В. И. Ленина, имевшаяся гематома (опухоль) стала оказывать вредное влияние на сонную артерию. Е. И. Чазов, участвовавший в проведении экспертизы 1969 г., говорил: «Пулю позже удалили, но в месте гематомы произошло сдавление сонной артерии, и именно в этом месте на внутренней стенке артерии начали образовываться атеросклеротические бляшки, т. е. стал развиваться атеросклероз, который в дальнейшем привел к нарушению мозгового кровообращения. Если бы пуля и гематома были удалены сразу после ранения, мне трудно сказать, я не хирург, но думаю, что ситуация была бы другой и В. И. Ленин смог бы жить и работать еще» (Аргументы и факты, 1988, № 8, с. 3).

23 мая 1922 г., почувствовав сильное утомление, В. И. Ленин уезжает в Горки. Превозмогая усталость, он продолжает работать и там: практически не отходит от телефона, просматривает несколько материалов. 25—27 мая в Горках же наступает первый острый приступ болезни на почве склероза сосудов мозга, приведший к ослаблению движения правой руки и правой ноги и некоторому расстройству речи. Ленин оставался в Горках на протяжении четырех месяцев. В июне и в начале июля ему было строго запрещено заниматься делами, читать и писать. Примерно через полтора месяца описанные выше симптомы прошли.

Утром 30 мая в Горки приехал И. В. Сталин, чтобы составить точное представление о состоянии, в котором находился Ленин. Картина была тяжелая. Убедившись в этом, Сталин полтора месяца к Ленину не ездил. Не посещал его и ни один из членов Политбюро. С ним была только Надежда Константиновна, навещали сестры, неотлучно находился врач. В середине июня, согласно правительственному сообщению, Ленин чувствовал себя уже хорошо и тяготился «предписанным ему врачами бездействием». 21 июня Ленин

заявил врачу Кожевникову, что он просит, чтобы ему разрешили чем-то заниматься, поскольку он все равно постоянно думает о политике: «Политика — вещь, захватывающая сильнее всего» *. С конца месяца он начинает просматривать газеты и журналы, поручает секретарям готовить для него материалы.

Только 11 июля к Ленину во второй раз за время его болезни приезжает Сталин. Он находит его бодрым и истосковавшимся по работе. В последующие два с половиной месяца Сталин приезжает в Горки еще девять раз (подсчитано по Биохронике, т. 12). В своих заметках о посещении Горок, опубликованных в «Правде» в середине сентября 1922 г., Сталин отмечал, что в его июльский приезд Ленин держался сдержанно и настороженно, требовал скорейшего возвращения к работе, жаловался на то, что отстал от событий. Теперь Сталин присвоил себе функцию главного информатора Ленина о всех событиях в Политбюро и ЦК. Другие члены Политбюро посетили Ленина в Горках во время этой его болезни, как правило, только по одному разу. Лишь Л. Б. Каменев, которому в отсутствие Ленина, как уже отмечалось, приходилось нести тройную нагрузку, был у него, по данным Биографической хроники, два раза. Именно в июле — сентябре 1922 г., во время приездов Сталина и бесед с ним (а они длились иногда и по два часа), у В. И. Ленина сложилось в целом неблагоприятное впечатление о его личности. Беспокоил Ленина и тот объем власти, которой Сталин уже пользуется, превратив технический пост в Секретариате ЦК в главный политический пост в партии **. Не следует забывать,

что это впечатление складывалось в обстановке медленного возвращения к работе после вынужденного полуместного отстранения от дел. Сам ход этого возвращения Ленина к активной деятельности полностью контролировался Сталиным через врачей и дежурных секретарей Ленина. Существует легенда, которую со ссылкой на беседы со старыми членами партии приводит Михаил Шатров в своих выступлениях, о том, что Ленин после второго свидания со Сталиным (11 июля 1922 г.) говорил, что он ошибся в этом человеке, согласившись с предложением Л. Б. Каменева выдвинуть его на пост генерального секретаря ЦК РКП(б).

Первым вопросом, в котором обнаружилось недовольство Ленина политической деятельностью Сталина, был вопрос об «автономизации», или об образовании СССР. На Пленуме ЦК без участия Ленина и Троцкого был одобрен план вступления самостоятельных со-

дельная переписка между В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Ленин энергично защищал Сталина от критики в его адрес со стороны Е. А. Преображенского за совмещение двух наркомовских постов и члена Политбюро и Оргбюро на XI съезде РКП(б). Преображенский, в частности, говорил: «Или, товарищи, возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке чекистских комиссий?» (Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 84—85). Ленин отвечал на это:

«Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 122).

* В. И. Ленин. Биохроника, т. 12, с. 354.

** Судя по материалам 12-го тома Биографической хроники, В. И. Ленин весьма высоко ставил И. В. Сталина как авторитетного политического деятеля в самом начале 1922 г. и вплоть до избрания последнего генеральным секретарем ЦК РКП(б) на апрельском Пленуме ЦК 1922 г. Так, в записке, содержащей заметки для памяти и относящейся к началу 20-х чисел января 1922 г., Ленин под номером «3») записал: «съезд РКП», а под номером «4») — «„Двойка“: Каменев + Сталин» (Биохроника, т. 12, с. 140). За январь — март того же года отмечена значи-

ветских республик (Украины, Белоруссии и Закавказской федерации) в РСФСР на правах только автономных республик. В этом В. И. Ленин справедливо усмотрел проявление великорусского шовинизма, ущемление прав самостоятельных советских республик. В письме Л. Б. Каменеву от 26 сентября 1922 г. он писал, что «Сталин немного имеет устремление торопиться». Далее Ленин обращается к Каменеву с просьбой о поддержке его точки зрения. «Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже». Ленин указывал, что одну уступку Сталин (на встрече с ним 26 сентября) все же согласился сделать — заявить о формальном объединении РСФСР и самостоятельных республик в «Союз Советских Республик Европы и Азии» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 211). Сталин согласился также отложить внесение резолюции в Политбюро ЦК до возвращения Ленина в Москву из Горок 2 октября. Ленин назначил свидание по данному вопросу Каменеву и Рыкову.

В письме членам Политбюро от 27 сентября 1922 г., т. е. на следующий день после письма Ленина Каменеву, Сталин назвал ленинскую позицию относительно создания союза равноправных республик «национальным либерализмом!» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 5). Вскоре за подписями Сталина, Молотова, Мясникова и Орджоникидзе членам и кандидатам в члены ЦК был разослан новый проект резолюции, уже с ленинскими поправками. Однако во вводной части это не оговаривалось, а утверждалось, что резолюция комиссии Оргбюро ЦК «в основе правильная и безусловно приемлемая», она лишь несколько изменена (там же, с. 559).

6 октября, в день работы Пленума ЦК по обсуждению данного вопроса, у Ленина разболелся зуб, и он не мог присутствовать на заседании. Тем не менее он снова критиковал переработанную резолюцию Сталина и других и направил записку Каменеву, в которой говорилось: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а

на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами». Далее Ленин предлагал абсолютно настоять на том, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди представители республик (Полн. собр. соч., т. 45, с. 214). Обострение болезни в конце года не позволило В. И. Ленину участвовать в завершении работы по образованию СССР, но об этом скажем несколько ниже.

Вторым конфликтом, в котором проявилось разное отношение к национальному вопросу и осуждение со стороны В. И. Ленина любого проявления великорусского шовинизма, было дело Мдивани. Тот был обвинен Сталиным, Орджоникидзе и Дзержинским в национал-уклонизме. Проявлялся этот «уклонизм» в том, что, по мнению группы Мдивани, Грузия должна входить в СССР непосредственно, а не через промежуточную ступеньку, каковой была ЗСФСР. Орджоникидзе в Тифлисе во время споров ударил одного из членов группы Мдивани, а Дзержинский, посланный во главе комиссии разобрать это дело, встал на сторону Орджоникидзе. Конфликт этот тянулся до марта 1923 г. и стал одной из главных причин, резко ухудшивших состояние здоровья Владимира Ильича. 10 марта 1923 г. он потерял речь*.

Третьим конфликтом в последние месяцы 1922 г. явился вопрос о монополии внешней торговли. На этом самом Пленуме ЦК 6 октября, на котором Ленин не смог быть из-за того, что у него болел зуб (а это продлилось целую неделю, и Ленин вновь по настоянию врачей не занимался работой), было принято решение о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам (см.: Полн. собр. соч., т. 45, с. 220). Ленин считал это нарушением принципа монополии внешней торговли, волновался, готовился к следующему Пленуму и т. д. Все это наряду с другими обстоятельствами спровоцировало обострение болезни Ле-

* Вопрос этот подробно рассмотрен В. П. Наумовым в «Правде» от 25 марта 1988 г.

нина в декабре 1922 г., приведшее к параличу правой руки и правой ноги.

Вторая половина октября, ноябрь и первая половина декабря стали для В. И. Ленина последним периодом нормальной работы. «Нормальной» для Ленина означало на пределе сил. Со всей страстностью он относился к решению любого вопроса. Вступал в резкие споры с Каменевым, Рыковым, Цюрупой, высказывал критические замечания в адрес многих других ведущих партийных и государственных работников. Лишь в отношении Л. Д. Троцкого мы видим постоянное стремление В. И. Ленина заключить с ним союз* — то по поводу обсуждения вопроса о монополии внеш-

ней торговли, то по поводу ассигнования денег на восстановление флота, то, наконец, по поводу дела Мдивани. Что же касается И. В. Сталина, то негативное отношение к нему со стороны В. И. Ленина усилилось в указанные месяцы. В письменных обращениях к Сталину Ленин называет его не генеральным секретарем, а просто «секретарем», фиксирует случаи разногласий с ним (см.: Полн. собр. соч., т. 45, с. 220).

Во всех текущих делах, больших и мелких спорах и конфликтах этих двух месяцев, в публичных выступлениях Владимира Ильича прослеживается главное — забота об укреплении и улучшении Советского государства, о сохранении его стабильности в условиях низкого уровня культуры подавляющего большинства населения, преобладания крестьянской массы, малочисленности и недостаточной развитости рабочего класса. Так, в речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Ленин говорил о росте бюрократизма, о недостатках государственного аппарата. Сравнивая переписи государственных и советских служащих в Москве в 1918 и 1922 гг., он сообщил, что число этих служащих, несмотря на все сокращения, выросло с 231 тыс. до 243 тыс., т. е. увеличилось на 12 тыс.! «Мы должны иметь мужество сказать, — заявил Ленин, — что мы создаем свой аппарат стихийно. Лучшие рабочие шли и брались за самые трудные обязанности и в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать. Соотношение между этими, может быть, десятками мужественных людей и сотнями тех, которые сидят и саботируют или полусаботируют, путаясь в объеме своих бумаг, — это соотношение

* На XII съезде РКП(б) И. В. Сталин, вынужденный отвечать на упрек В. В. Косиора в том, что ЦК не использует способности такого человека, как Л. Д. Троцкий, огласил ряд важнейших фактов, касающихся взаимоотношений между В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и им самим: «В сентябре прошлого года т. Ленин внес в Политбюро предложение о том, чтобы т. Троцкого назначили замом его, зам. предсовнаркома. Предложение это было проголосовано. Тов. Троцкий категорически отказался без мотивов» (Двенадцатый съезд РКП(б), с. 198). Пока не опубликован соответствующий протокол заседания Политбюро, и мы не знаем, как было «проголосовано» предложение Ленина, трудно судить о мотивах Троцкого. Но мотивы самого Ленина ясны: дать Троцкому лишний шанс для противостояния Сталину, уравновесить его партийное положение одним из самых важных советских постов. Ленин опасался возможного обострения конфликта между Троцким и Сталиным, чем и был продиктован этот ход. Но вернемся к Сталину. На съезде 19 апреля 1923 г. он продолжал: «В январе этого года я повторил предложение Ленина, добавив, что по выбору Троцкого либо он берет место зама и берет под опеку, так сказать, ВСНХ, либо он берет пост зама, беря под опеку Госплан, которым он очень увлекался. Мы еще раз получили категорический ответ с мотивировкой о том, что назначить его, Троцкого, замом — это значит ликвидировать его как советского работника. Конечно, товарищи, это дело вкуса. Я не думаю, чтобы тт. Рыков, Цюрупа, Каменев, став замом, ликвидировали бы себя как советских работников, но т. Троцкий думает иначе, и уж во всяком случае тут ЦК, товарищи, ни при чем. Очевидно, у т. Троцкого есть какой-то мотив, какое-то соображение, какая-то причина, которая не дает ему взять, кроме военной, еще другую, более сложную работу» (там же. с. 198—199). Из этого можно сделать вывод, что Сталин, узнав от Володичевой и Фотиевой (подробнее об этом — ниже) мнение Ленина о конфликте его с Троцким из «Письма к съезду», попытался смягчить этот кон-

фликт откровенной сделкой и дележом постов. Но Троцкий не захотел «есть из рук генсека». Тогда Сталин на съезде намекнул, что Троцкий не прочь бы занять его пост. В тот же день, 19 апреля, Сталин послал в президиум съезда записку, в которой указывал, что это место не следует включать в протоколы, если сами заинтересованные лица этого не потребуют. 20 апреля президиум съезда принял решение сдать эту часть стенограммы в Секретный архив ЦК РКП(б).

губило сплошь и рядом наше живое дело в непомерном море бумаг. Мы должны будем самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли. Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства, — а только на одних рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его — не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме — на высшие ступени культуры. Я уверен, что, посвятив свои силы в дальнейшем такой работе, мы к самым лучшим результатам подойдем необходимо и неизбежно». (Полн. собр. соч., т. 45, с. 250—251). Об огромных недостатках в работе государственного аппарата говорил В. И. Ленин и в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна (см. там же, с. 290—291). Он указывал, что в Москве, «наверху», мы имеем только несколько тысяч, в лучшем случае несколько десятков тысяч «своих». И с их помощью кое-как управляем деятельностью остальных сотен тысяч чиновников, на местах же управляют «они». Только через несколько лет, если мы будем работать «не слишком торопливо», появятся новые кадры для государственного аппарата. Эта тема с дополнениями о том, что именно коммунисты, при правильном их размещении, должны овладеть аппаратом, не допустить, чтобы аппарат командовал ими, звучит и в докладе на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. (см. там же, с. 308).

Начать работу по улучшению аппарата Ленин решил немедленно и со своего собственного окружения, со своих ближайших помощников. Так, выступая в Московском Совете 20 ноября, Ленин рассказывал, что когда с декабря 1921 г. он в силу болезни потерял свою прежнюю работоспособность, то значительная часть работы выпала на назначенных ему заместителей. «Мне пришлось также, — говорил он, — очень значительную долю работы, которую я вна-

чале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на тов. Рыкова, еще дополнительно взвалить на тов. Каменева. И надо сказать, что на нем, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, оказалось внезапно два веза. Хотя, продолжая то же сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой. (*Аплодисменты.*) Но все-таки тащить два веза не полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся гг. Цюрупа и Рыков и мы разделим работу хоть немножко по справедливости. Я же в силу уменьшения работоспособности должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем этого хотел бы» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 300).

4 декабря 1922 г. Ленин составляет предложения о распределении работы между своими заместителями Каменевым, Рыковым и Цюрупой. 8 декабря он делает предложение, касающееся регламента Политбюро, а 9 декабря вновь возвращается к распределению работы между замами (см. там же, с. 323, 327, 328—329). Весьма примечателен последний, шестой пункт ленинского документа: «Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательства и калякания с замнарками и нарками, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом. Протокол такого изучения, фиксированный, утвержденный и сообщаемый (в известных случаях) по всем ведомствам, должен будет *сокращать* аппарат и подтягивать всех и вся в нашем госаппарате» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 329).

13 декабря 1922 г., когда состояние здоровья Ленина вновь резко ухудшилось, он пишет еще одно письмо Каменеву, Рыкову и Цюрупе о распределении работы. Откладывая до личного свидания споры, он советует распределить функции исходя из личных ка-

честв и деловых возможностей каждого из замов. «К первым функциям (т. е. председательствованию, контроль за правильностью формулировок и т. д.), — указывает Ленин, — больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюруне и Рыкову» (там же, с. 331). Не здесь ли мы видим прообраз будущего «Письма к съезду», где Ленин давал характеристики личных и деловых качеств шести членов и кандидатов в члены Политбюро? 13 и 15 декабря Ленин продиктовал по телефону еще два документа И. В. Сталину, связанные в основном с подготовкой решения вопроса о монополии внешней торговли на предстоящем Пленуме ЦК. В них он выделил два момента — несогласие с критикой Н. И. Бухариным позиции Л. Б. Красина и договоренность с Троцким о защите взглядов Ленина на самом Пленуме по вопросу о монополии (см. там же, с. 333—339). Владимира Ильича также волновал вопрос о намечавшемся его выступлении на X Всероссийском съезде Советов. В сохранившемся плане этого выступления из 24 пунктов последние 8 посвящены проблеме госаппарата (см. там же, с. 440—441).

Но Владимиру Ильичу не суждено было выступить на X съезде Советов. В ночь на 23 декабря последовал второй (после майского) приступ болезни, в результате которого отнялись правая рука и правая нога. Ленин лишился возможности писать. Но он мог прибегнуть к методу, которым уже был вынужден пользоваться, — к диктовке по телефону или прямо стенографистке своих мыслей. Именно так появились его последние работы, в которых тема сохранения единства и стабильности партийного руководства проходит самой первой наряду с разработкой планов дальнейшего социалистического строительства.

Уже в первой части «Письма к съезду», продиктованной вечером 23 декабря, Ленин, обращаясь к будущему XII съезду, предлагал «предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» (там же, с. 343). Среди них Ленин на первом месте называет увеличение членов ЦК до нескольких

десятков «или даже до сотни». Это нужно и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению государственного аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК не могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. Вторым пунктом упомянуто предложение Троцкого о придании законодательных функций Госплану. Он предлагал пойти навстречу «тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях». Таково было содержание первой части «Письма к съезду».

В тот же день этот текст был послан И. В. Сталину (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 593). Несомненно Сталин рассказал о нем (или даже дал продиктованный и записанный текст) Л. Б. Каменеву, А. И. Рыкову и другим членам Политбюро. 24 декабря 1922 г. Ленин диктовал М. А. Володичевой вторую часть «Письма к съезду». «Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, так начинается эта часть, — я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты». Ленин оговаривается, что не рассматривает тот случай раскола внутри ЦК и партии, который мог бы возникнуть, если бы между двумя классами, на которые опирается партия, — рабочими и крестьянами — не состоялось бы соглашение. «Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол, — поясняет Ленин. — Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить». Он предупреждал съезд о возможности раскола в самое ближайшее время и намеревался в этой связи рассмотреть ряд соображений «чисто личного свойства» (там же, с. 344). Далее Ленин продолжал*: «Я думаю, что основным в воп-

* Ниже будут приведены довольно известные цитаты из последних работ В. И. Ленина, однако они еще не рассматривались в том контексте, в котором они сопоставляются в данной статье с другими, может быть, менее известными документами. Поэтому автор просит извинить его за обильное цитирование, но это необходимо для раскрытия главной темы статьи.

росе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек» *. Характеристики Сталина и Троцкого, данные далее Лениным, знает сейчас, пожалуй, каждый студент. Заметим лишь, что, подчеркивая слова о «небольшевизме» Троцкого, часто опускают ту часть характеристики, где говорится, что именно Троцкий, по мнению Ленина, «самый способный человек в настоящем ЦК». Таким образом, предупреждая о возможности раскола, видя все недостатки Троцкого, Ленин отнюдь не предлагал «отсечь» Троцкого от ЦК, как вскоре поступили его ближайшие соратники.

Какие же недостатки видел Ленин в Сталине и Троцком? У Сталина — «необъятная власть», которую он уже сосредоточил в своих руках, и возможность злоупотребления этой властью. У Троцкого — чрезмерная самоуверенность, чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела. «Эти

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 344. (История поставила «эксперимент», когда именно обращение к многочисленному Центральному Комитету нашей партии спасло руководство ее от раскола. Состоявшийся после XX съезда КПСС 27 февраля 1956 г. Пленум ЦК избрал Президиум ЦК в составе 11 членов и 6 кандидатов. В результате внутренней борьбы в Президиуме сложилось «арифметическое большинство», выступавшее с требованиями свернуть курс XX съезда на ликвидацию последствий культа личности. Составлявшие это большинство провели на заседании Президиума постановление об отставке Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС и назначении его на пост министра сельского хозяйства. Но обращение Н. С. Хрущева непосредственно к членам ЦК (а он насчитывал 133 члена и 122 кандидата) позволило ему сохранить и свой пост, и принятый XX съездом политический курс. В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, а также Д. Т. Шенилов были обвинены в антипартийной деятельности, остальные члены «арифметического большинства» — Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров — заявили о признании своих ошибок. — См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. IV. 7-е изд. М., 1960, с. 209—213.)

два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, — предупреждал еще раз Ленин, — и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 345). Говоря далее, что он не будет характеризовать других членов ЦК по их личным качествам, Ленин тем не менее не удержался и напомнил об «октябрьском эпизоде» Зиновьева и Каменева. Но тут же уточнил, «что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». (Кстати, никто еще не пытался прояснить, что имел в виду Ленин, говоря о «небольшевизме» Троцкого в связи с «октябрьским эпизодом» Каменева и Зиновьева. Не претендуя на исчерпывающее объяснение, полагаю, что он имел в виду факт невхождения Троцкого в состав большевистской партии вплоть до августа 1917 г., а не его взгляды.) Далее Ленин дал более развернутую характеристику Н. И. Бухарину. Он говорил о том, что тот является ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии, законным любимцем ее. И, в отличие от «небольшевизма» Троцкого, стал говорить о недостатках именно теоретических воззрений Бухарина. Они не «вполне марксистские», в нем есть нечто схоластическое («он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики»). Бухарина и Пятакова Ленин назвал самыми выдающимися молодыми силами ЦК. И действительно, вспомним, Бухарину было тогда только 34 года, а Пятакову — 32.

Ленин очень устал за время диктовки 24 декабря, но тем не менее строго предупредил Володичеву, что все, что он продиктовал 23 и 24 декабря, надо считать абсолютно секретным и хранить экземпляры перепечатанных диктовок особо. Володичева, конечно же, не возражала, тем более что уже допустила оплошность и содержание первой части «Письма к съезду» уже было передано Сталину. Утром 25 декабря Ленин продиктовал Володичевой продолжение второй части письма, теперь уже о Пятакове. Он назвал его человеком вы-

дающей воли и выдающихся способностей. Но недостаток его видел в увлечении административством и администраторской стороной дела. В связи с этим, по мнению Ленина, на Пятакова нельзя было «положиться в серьезном политическом вопросе». Будучи исключительно терпим к недостаткам своих ближайших помощников и доброжелателен к этим людям, отдавшим, как и он, свои силы и здоровье делу управления страной, Ленин в конце этой части письма пояснял: «Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники (Бухарин и Пятаков. — В. С.) не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 345, 346).

Несколько забегая вперед, заметим, что Ленин напряженно обдумывал положение внутри Политбюро и в последующие десять дней. 4 января 1923 г. он продиктовал Л. А. Фотиевой «Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.». В нем он пришел к выводу, что ввиду еще одного недостатка Сталина — грубости — с точки зрения предохранения от раскола внутри ЦК из-за взаимоотношений Сталина и Троцкого нужно убрать Сталина с «первой роли», переместить его с поста генерального секретаря, заменив другим человеком, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» (там же, с. 346).

Мы знаем, что ленинское письмо хранилось в запечатанном конверте, на котором сам Ленин велел написать, что вскрыть его может либо он сам, а после его смерти — Надежда Константиновна. Мы знаем также, что 10 марта 1923 г. третий приступ болезни привел к усилению паралича правой части тела и потере речи. Поэтому сам он уже не мог распорядиться о передаче своего письма XII съезду РКП(б), а так как он был жив, не могла вскрыть конверт и Надежда Константиновна.

И все-таки невольно напрашивается

вопрос: а если бы даже члены Политбюро знали о содержании ленинского письма, выполнили бы они его пожелание? Переместили бы они Сталина с поста генерального секретаря ЦК РКП(б)? Сейчас, уже зная, что произошло далее, зная судьбу всех членов тогдашнего Политбюро (а они были умерщвлены в результате приговоров на инспирированных Сталиным фальсифицированных «судебных процессах», Троцкий же в 1929 г. был выслан из СССР, а в 1940 г. убит испанским коммунистом Рамоном Меркадером) и кандидатов в члены Политбюро (Бухарин разделил судьбу остальных; Калинин и Молотов входили в ближайшее окружение Сталина и умерли своей смертью, но жены их соответственно в 1937 и в 1941 гг. были арестованы и осуждены), сейчас мы без колебаний ответили бы: да! Если бы члены и кандидаты в члены Политбюро знали о содержании ленинского «Письма к съезду», они, конечно, немедленно переместили бы Сталина с поста генсека, увеличили бы численность членов ЦК до 100 человек и приняли бы все намеченные Лениным меры против раскола. Увы, мы ошибемся. И ошибемся дважды...

Во-первых, они знали. С момента выхода в свет 45-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина в начале 60-х гг. стало известно, что ленинская диктовка от 23 декабря 1922 г., как уже говорилось, в тот же день была передана Сталину. Но это только половина правды. Вторую половину от нас тогда скрыли. Она лишь недавно обнародована В. П. Наумовым в «Правде» 26 февраля 1988 г. «О всех записях до 29 декабря по крайней мере, — говорил В. П. Наумов, — Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 г. на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, будто бы Володичева не предупредила ее о строящемся указании точно выполнить волю Ленина» *. Та-

* В. П. Наумов далее пишет: «Но достаточно обратиться к записям в Дневнике дежурных секретарей Ленина, которые мы только что процитировали, чтобы поставить под сомнение эти

ким образом, они знали. Знали, в частности, что Ленин написал об опасности раскола из-за взаимоотношений Троцкого и Сталина, и характеристику Сталина, и слова о Троцком, Каменеве, Зиновьеве, Бухарине и Пятакове. Мы не можем теперь исключить и то, что со временем обнаружатся документы о том, что Фотиева доложила о содержании дополнения к письму от 24 декаб-

объяснения Фотиевой» (Правда, 1988, 26 февраля). Позволю себе здесь не согласиться с мнением В. П. Наумова. Лично мне видится такое объяснение. Когда Фотиева 26 декабря заступила на свое дежурство, записей о том, что Ленин диктовал «Письмо к съезду» в Дневнике дежурных секретарей еще не было. Но в книге поручений было записано, что первая часть письма в тот же день, 23 декабря, послана Сталину. Тогда-то Фотиева, следуя примеру, и сообщила о содержании писем за 24, 25 и 26 декабря. Только 27 декабря, когда ее вновь сменила Володичева и выявился этот инцидент, и могло быть написано объяснение Фотиевой. Если внимательно проанализировать Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина, то можно убедиться, что записи за 23 и 24 декабря 1922 г. сделаны задним числом. Цитируем запись за 24 декабря, сделанную М. А. Володичевой: «На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 346—353 — подписи дежурных секретарей Володичевой и Фотиевой; с. 474 — записи в Дневнике дежурных секретарей М. А. Володичевой). Если человек пишет сегодня о сегодняшнем событии, он не напишет «на следующий день», не станет и уточнять в скобках дату. Реальная запись сделана только 29 декабря. Она как раз следует за записями от 24 декабря, а предыдущая — 18 декабря. Как нам представляется, в период с 18 по 29 декабря никаких записей в Дневнике дежурных секретарей не делалось. Случаев уточнений дат, подобных тому, которые имеются в записи за 24 декабря, больше во всем дневнике нет. А случаи записей задним числом есть. Так, если Володичева вела записи каждый день с 17 по 23 января 1923 г. (до этого после 29 декабря была сделана только одна короткая запись 5 января 1923 г.), то Фотиева 30 января сделала одну запись, где рассказала о событиях 24—30 января с выделением событий, происшедших 24, 25, 26, 27 и 29 января 1923 г. Эти замечания не снимают необходимости источниковедческого исследования дневника целиком. Отметим также, что дневник поручений Ленина до сих пор не опубликован. Мы знаем о нем только из одного упоминания на с. 593 примечаний к 45-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина о том, что по записи в «Книге регистрации писем, записок и поручений В. И. Ленина» первая часть письма к съезду была в тот же день, 23 декабря 1922 г., послана И. В. Сталину.

ря 1922 г., сделанного 4 января 1923 г., где говорилось о необходимости переместить Сталина с поста генсека. Во всяком случае предположение о том, что Фотиева поступила именно так, представляется обоснованным.

Повторяем, члены и кандидаты в члены Политбюро всё прекрасно знали. И если бы захотели последовать ленинскому совету и были бы согласны с ним, то могли бы все выполнить. Ленин, рассчитывая, что к XII съезду состояние его здоровья если не улучшится, то сохранится таким же, надеялся добиться перемещения Сталина. Как нам представляется, он полагал, что может опереться прежде всего на Троцкого, главного противника Сталина. Затем он надеялся на поддержку своих старых соратников — Каменева и Зиновьева, а может быть, и Рыкова и Бухарина. Это уже давало большинство в Политбюро. Все они могли обратиться и прямо к ЦК, к съезду. Но, к сожалению, Ленин ошибался в своих расчетах. Отношение других членов Политбюро к Сталину, за исключением Троцкого, не совпадало с отношением Ленина. Также не совпадало и отношение к Троцкому. Ряд давно известных и один опубликованный недавно документ делают возможным обосновать подобное предположение.

Итак, они знали, но не хотели. Не хотели перемещать Сталина и не хотели предпринимать тех реформ в политическом строе страны, которые советовал немедленно провести В. И. Ленин. Поэтому целесообразно хотя бы коротко напомнить об этих реформах, на которые Ленин указывал в ряде своих последних работ.

26 декабря 1922 г. В. И. Ленин диктует Л. А. Фотиевой третью часть «Письма к съезду». Там он вновь повторяет свое предложение увеличить число членов ЦК до 100 человек. Тем самым обучение «цекистской работе» пройдет большое число наиболее развитых рабочих, меньше будет опасность раскола, появятся кадры для улучшения государственного аппарата. В четвертой части письма Ленин обращается к мысли о необходимости пойти навстречу предложению тов. Троцкого о

придании законодательных функций Госплану. Уступку эту он видит не в форме личной уступки места председателя и т. д., а в виде гарантий против того, чтобы рекомендации Госплана были «опрокинуты» обычным путем, а также в том, чтобы во главе Госплана поставить человека, который сочетал бы мягкость Г. М. Кржижановского и административный пыл Г. Л. Пятакова. «Я думаю, — заключает Ленин, — что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 350).

Последнюю мысль, показавшуюся В. И. Ленину особенно ценной, он развил и в пятой части «Письма», продиктованной Л. А. Фотиевой 28 декабря 1922 г. Мысль о задачах Госплана развивалась Лениным и в двух диктовках 29 декабря М. А. Володичевой. В тот же день, продолжая размышления о роли членов ЦК, если число их увеличится до 100, Ленин приходит к мысли, что они должны действовать, опираясь на 400—500 их помощников из Наркомата РКИ.

30 и 31 декабря Ленин в своих диктовках касается тревожащего его вопроса о деле Мдивани и в связи с этим вопроса об образовании СССР в целом. Он жалуется, что болезнь не дала возможности ему вмешаться в это дело ни летом, ни во время октябрьского и декабрьского Пленумов ЦК 1922 г. Он ссылается только на беседы с Г. Е. Зиновьевым и Ф. Э. Дзержинским, расследовавшим факт рукоприкладства Г. К. Орджоникидзе. Ленин высказывает мнение, что, видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна. «Я думаю, — заключал он, — что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» (там же, с. 357). Касаясь практических мер, Ленин предлагал оставить и укрепить «союз социалистических республик», оставить союз социалистических республик «в отношении

дипломатического аппарата». Ленин призывал к особой тактичности в области межнациональных отношений, не зарекаться от возможности реорганизации СССР опять только в договорный союз по военным и дипломатическим вопросам. Особую осторожность призывал Ленин проявлять в отношении народов Востока и Азии, не проявляя грубости и несправедливости «к нашим собственным инородцам» накануне вступления Востока на арену мировой политики и революции (там же, с. 361—362).

В начале января 1923 г. Владимир Ильич опять всерьез начал заниматься темой переделки высшего аппарата управления и в связи с этим вернулся к идее о реорганизации Рабкрина. Главная тема здесь — увеличение числа членов ЦК, членов РКИ, упорядочение работы Политбюро. «Важный плюс, — говорится в последнем пункте продиктованного В. И. Лениным плана статьи «Что нам делать с Рабкрином?», — от увеличения числа членов ЦК — уменьшение личного, случайного элемента в его решениях и т. д.» (там же, с. 443). 9 января Володичева записывает уже первый вариант этой статьи, где идея о пополнении ЦК новыми членами четко сливается с идеей об улучшении государственного аппарата с новыми функциями РКИ. Эти новые 50—75 членов ЦК из рабочих и крестьян, равноправные с прочими членами ЦК, опираясь на несколько сот самых квалифицированных и высокооплачиваемых ревизоров Рабкрина, занимаются проверкой и улучшением государственного аппарата. Ленин еще дважды в течение 13 января 1923 г. диктует продолжение первого варианта статьи (теперь уже Фотиевой). А в самом конце опять подходит к практически-политической сути своего предложения: «Кроме того, не скрою от товарищей, что важным плюсом от увеличения числа членов ЦК я считаю уменьшение личного, случайного элемента в его решениях, большую подготовку их, более обстоятельную проверку всех делаемых на таких заседаниях утверждений и в связи с этим большую устойчивость нашего ЦК в смысле как преемственности его работы,

так и сопротивляемости его расколам, которые могли бы быть вызваны при недостаточной связи этого учреждения с массами» (там же, с. 449—450).

В итоге всей этой работы 23 января была закончена целая ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)». Приведем цитату из этой статьи, чтобы показать, по какому пути пошла теперь мысль Владимира Ильича.

«Я предлагаю нашему XII партийному съезду, — говорил Ленин, — принять следующий план такой реорганизации, основанный на своеобразном расширении нашей ЦКК.

Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиваться в своего рода высшую партийную конференцию. Он собирается в среднем не чаще раза в два месяца, а текущую работу от имени ЦК ведет, как известно, наше Политбюро, наше Оргбюро, наш Секретариат и т. д. Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы таким образом вступили, и окончательно превратить Пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить на указанных ниже условиях с основной частью реорганизованного Рабкрин.

Я предлагаю съезду выбрать 75—100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян. Выбираемые должны подвергнуться такой же проверке по части партийной, как и обыкновенные члены ЦК, ибо выбираемые должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК.

С другой стороны, Рабкрин должен быть сведен к 300—400 служащих, особо проверенных по части добросовестности и по части знания нашего госаппарата, а также выдержавших особое испытание относительно знакомства их с основами научной организации труда вообще и, в частности, труда управленческого, канцелярского и т. д.» (там же, с. 383—384).

Ленин предлагал, чтобы часть членов ЦКК по определенному порядку присутствовала на заседаниях Политбюро. Они должны составлять «сплоченную группу, которая, «не взирая на

лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» (там же, с. 387). Ленин и в этой, открытой для печати, статье напоминал об опасности раскола, хотя и мотивировал здесь его возможность только разладом союза рабочего класса и крестьянства*.

Как же отнеслись члены Политбюро ко всем этим предложениям?

Записи Ленина «О придании законодательных функций Госплану» рассматривались на заседании Политбюро. Но оно не разрешило их печатать, поскольку там давались личные характеристики Кржижановскому и Пятакову (см.: Правда, 1988, 25 марта). Подобное решение дает основание предположить, что Политбюро было уже осведомлено о строго секретных личных характеристиках, данных Лениным членам и кандидатам в члены Политбюро 24—26 декабря (что подтверждается и объяснением Фотиевой от 29 декабря 1922 г.). Когда же была получена статья Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», то в ЦК предлагали напечатать один экземпляр газеты «Правда» с этой статьей специально для Ленина. То есть хотели только успокоить его, обмануть, но никак не принимать к сведению его советы. Но все-таки статью опубликовали в нормальном номере «Правды» (редактором ее тогда был Н. И. Бухарин). Но вскоре после ее публикации во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро. В этом циркуляре говорилось об обстоятельствах публикации статьи, о тяжелом состоянии В. И. Ленина. Отмечалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты, что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему не посылают протоколы, что врачи сочли возможным вви-

* В. И. Ленин касался этой темы и в статье «Лучше меньше, да лучше» (т. 45, с. 389—406). Но она была написана 2 марта, а опубликована 4 марта 1923 г. К внутрипартийным событиям она уже никакого отношения не имела, поскольку 10 марта В. И. Ленин потерял речь.

ду невыносимости для него умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он и заносит свои мысли по разным вопросам, что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати.

«Таким образом, — справедливо замечает В. П. Наумов, — недвусмысленно давалось знать, как следует относиться к этим ленинским работам» (там же). Подписано письмо было Андреевым, Бухариным, Дзержинским, Калинин, Каменевым, Куйбышевым, Молотовым, Рыковым, Томским и Троцким 27 января 1923 г. (пять членов Политбюро, кроме Зиновьева, все три кандидата в члены Политбюро, все три секретаря ЦК, включая генерального, два члена Оргбюро).

Как показывают записи в Дневнике дежурных секретарей от 30 января и 1 февраля 1923 г., Ленин дал поручение 26 января сказать Цюрупе, Свидерскому и Аванесову, что если они согласны с его статьей, то пусть соберут ряд совещаний и обсудят к съезду. 30 января Ленин спросил Фотиеву, что они все ответили, «не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит...?» Тут же Фотиева записывает, что еще 24 января Ленин сказал ей, что знает, что «по конспиративному делу» Фотиева его обманывает. Она уверяла Владимира Ильича в обратном, но Ленин возразил: «Я имею об этом свое мнение». 1 февраля Фотиева получила указания от А. Д. Цюрупы (заместителя Ленина по СНК, члена ЦК) и А. И. Свидерского (члена коллегии Наркомата РКИ), как отвечать Ленину. «Ответила, — пишет она, — согласно указаний Цюрупы и Свидерского, что Свидерский согласен вполне. Цюрупа приветствует в части, касающейся привлечения членов Центрального Комитета, и сомневается относительно возможности выполнить все теперешние функции Рабоче-крестьянской инспекции при сокращении до 300—400 человек (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 477—478). Так что и они его обманывали.

Торможение и попытку держать его в неведении относительно событий Ле-

нин встречал и в своих требованиях дать ему материалы комиссии Дзержинского по делу Мдивани. Сталин отказывался их дать без санкции Политбюро. 29 января он спрашивал Фотиеву, не говорит ли она лишнего Владимиру Ильичу, откуда он в курсе текущих дел. Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Фотиева искренне отвечала, что ничего не говорит и не имеет никаких оснований думать, «что он в курсе дел». Но Ленин 30 января сказал Фотиевой, что будет бороться за то, чтобы материалы дали, и Политбюро вынуждено было ему уступить (см. там же).

21—24 февраля состоялся Пленум ЦК, рассмотревший тезисы ЦК к съезду по национальному и организационному вопросам. Статья В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» при этом рассматривалась в качестве материалов к тезисам. 13 февраля Л. Д. Троцкий также направил письмо в ЦК, в котором излагал свой план реорганизации высших органов партии. В нем он, с одной стороны, фактически соглашался с ленинской идеей расширения партийного руководства, когда Пленумы ЦК превращались уже, по сути дела, в конференции партии. Но вместе с тем идею резкого увеличения численности органов ЦК, что было главным в ленинском предложении XII съезду, отвергал. Он заявлял, что расширение состава ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости», «грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека» (там же, с. 600). Троцкий предложил создать Совет партии. Эта форма использовалась в РСДРП на ранних этапах развития партии. Совет партии имелся в эсеровской партии. В состав Совета, по Троцкому, должны были войти члены и кандидаты в члены ЦК, члены ЦКК и 20—30 представителей от областей и мест, которые бы также выбирались съездом партии. Совет должен был давать директивы ЦК и проверять его работу.

Большинство членов ЦК отвергло план Троцкого. Сам он был обвинен в попытке создать «двоецентрие в пар-

тии», хотя план-то его был нацелен на сохранение имевшегося руководящего ядра из членов ЦК. Тезисы ЦК, одобренные февральским (1923 г.) Пленумом ЦК РКП(б), предлагали увеличить число членов ЦК с 27 человек до 40. Предлагалось ввести присутствие членов Президиума ЦКК на Пленумах ЦК и присутствие трех постоянных представителей ЦКК на заседаниях Политбюро. Отмечалось, что Политбюро будет давать отчет о своей работе каждому Пленуму ЦК (см. там же). Как видим, тезисы учитывали революционные предложения Владимира Ильича, но очень незначительно. 40 членов ЦК по-прежнему бы контролировали все положение в руководстве партии, и той устойчивости против раскола, во имя которой (а также с целью улучшения госаппарата) и затевал все дело Ленин, Центральный Комитет все-таки бы не получил. Пленум, обсуждая тезисы ЦК, постановил также сделать еще один шаг навстречу ленинским предложениям, увеличить численность членов ЦКК, слить ЦКК и РКИ в объединенный орган (см.: Двенадцатый съезд РКП(б), с. IX). Пленум также постановил не публиковать принятые тезисы без предварительного (с разрешения врачей) ознакомления с ними В. И. Ленина, а если бы Ленин не согласился и потребовал бы пересмотра тезисов, то созвать экстренный новый Пленум (см. там же). Надо сказать, что пока никаких свидетельств того, что тезисы по организационному вопросу были показаны В. И. Ленину до 4 марта 1923 г., не опубликовано.

Между тем Ленин продолжал настаивать именно на своем плане. Это подтверждает его статья «Лучше меньше, да лучше», над которой он работал в первой половине февраля 1923 г. и которая, как уже отмечалось, была закончена 2 марта и через день опубликована в «Правде». Записи в Дневнике дежурных секретарей свидетельствуют, что Ленина волновало в это время дело Мдивани. Он расстраивался, что «не врачи дают указания ЦК относительно режима его работы», «а Центральный Комитет дал инструкции врачам». Записей с 15 февраля по 4 марта 1923 г.

в дневнике нет. А в записи Володичевой от 5 марта снова ведущим оказывается грузинское дело, реакцию же В. И. Ленина на решения февральского Пленума 1923 г. мы пока по опубликованным материалам установить не можем. 5 марта Ленин продиктовал два письма. В письме Троцкому он просил его взять на себя защиту грузинского дела на мартовском Пленуме ЦК. Как отмечается в справочном аппарате к 45-му тому Полного собрания сочинений Ленина (с. 607), «Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства». К этому можно только добавить, что опубликованные материалы, относящиеся к мартовскому Пленуму, показывают, что Троцкий, когда болезнь Ленина приняла уже необратимый характер, все же выступил в защиту Мдивани, но получил единогласный «отпор» со стороны всех других членов Политбюро*. Во втором письме, отправленном 7 марта И. В. Сталину, Ленин решительно протестовал против оскорблений, с которыми Сталин обрушился на Н. К. Крупскую за то, что она 21 декабря под диктовку Ленина написала письмо Л. Д. Троцкому**. Ленин требовал от Сталина немедленного извинения под угрозой разрыва отношений. По позднейшему заверению М. И. Ульяновой, Сталин извинился (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 608). Но Ленин, скорее всего, не узнал об этом, равно как и не получил ответа Троцкого на письмо от 5 марта. Запись М. А. Володичевой в Дневнике дежурных секретарей свидетельствует, что после 7 марта состояние Ленина резко ухудшилось (см. там же, с. 486). 10 марта произошел новый приступ, приведший к усилению паралича правой части тела и потере речи. С этого момента В. И. Ленин больше не имел возможности оказывать какого-либо влияния на развитие внутрипартийных событий.

* См.: Письмо членов Политбюро и кандидатов в члены Политбюро. — Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет, с. 819.

** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 607—608; *Правда*, 1988, 26 февраля. Письмо Сталину было в копиях послано также Л. Б. Каменеву и Г. Е. Зиновьеву.

Таким образом, Политбюро и Секретариат, а также члены Оргбюро были против тех революционных мер по перестройке партийного руководства, которые Ленин предлагал принять на XII съезде РКП(б). Тем более они были против тех конкретных мер по предотвращению раскола внутри ЦК, на которых настаивал Ленин, исходя из предположения о существовании конфликта между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Проявив редкий дар наблюдательности и умения разбираться в людях, Владимир Ильич всего за несколько месяцев тесного общения со Сталиным во время своего летне-осеннего пребывания в Горках сделал правильные выводы относительно отрицательных черт характера и личности Сталина, проявлявшихся в стремлении к необъятной власти, склонности к злоупотреблению ею, администрированию, озлоблению, грубости к товарищам. Троцкому во многом были присущи те же черты, и именно возможность схватки этих двух людей в отсутствие самого Ленина и могла, по его мнению, привести к внезапному расколу. Владимир Ильич, как это с несомненностью вытекает из источников о его деятельности в период между 13 декабря 1922 г. и 10 марта 1923 г., стремился добиться перемещения И. В. Сталина с поста генсека, рассчитывая при этом на помощь Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева в первую очередь, а может быть, и на помощь А. И. Рыкова и некоторых других.

И все же надо признать, что В. И. Ленин несколько ошибался в оценке внутрипартийного положения в руководстве, взаимоотношений, уже сложившихся внутри Политбюро. То, что он с декабря 1921 г. был лишен возможности участвовать в практической работе Политбюро, резко сказалось на его информированности. А сами члены Политбюро, щадя Ленина, не желая усугублять состояние его здоровья лишними волнениями, не полностью посвящали его во все свои конфликты и споры. Сталин же просто умалчивал о многом. В декабре 1922 г. — феврале 1923 г. это вылилось в порочную практику обмана и сознательного ограничения доступа ко

всякой информации о делах Политбюро для В. И. Ленина.

Ленин не знал в то время главного: раскол в Политбюро между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким уже произошел. Но при этом не произошло размежевания между сторонниками Троцкого и сторонниками Сталина. В тот момент на стороне Троцкого никого не было. Все члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата находились тогда на стороне Сталина, вернее, все они были против Троцкого. В нем они видели главную опасность, в нем они видели лидера, уже заявившего о себе, претендовавшего на первое место в условиях, когда состояние здоровья Председателя Совнаркома заставляло предположить возможность самого худшего. И каждый из них, хорошо зная о недостатках Троцкого, которые проявлялись на протяжении 1918—1921 гг., считал, что в случае, если Троцкий окажется лидером страны, ему лично будет явно хуже. Вот почему именно в Троцком видели главную опасность все члены Политбюро. И никто из них, кроме В. И. Ленина, не сумел разобраться достаточно серьезно в недостатках Сталина. Ленин имел в данном случае то «преимущество», что он был лишен возможности работать, освобожден по необходимости от всех текущих дел, его чувства были обострены вынужденным одиночеством. Вот почему восприятие его было особенно тонким и острым.

Да и чего, казалось им, опасаться Сталина? Вспомним, что каждый из них находился на вершине своей политической карьеры. Л. Б. Каменев фактически был главой правительства. С конца 1921 г. он по существу стал первым политическим заместителем Ленина и в Политбюро, и в Совете Труда и Оборона, и в Совете Народных Комиссаров. Г. Е. Зиновьев являлся главой Коминтерна, а кроме того, как Каменев числился председателем Московского Совета, так Зиновьев — председателем Петроградского. А. И. Рыков был главным практическим заместителем Ленина в правительстве, Томский — главой всех профсоюзов, Бухарин — редактором «Правды» и вторым лицом в Коминтерне, Калинин — Председа-

лем ВЦИК, Молотов — по существу первым секретарем после Сталина. Что мог сделать им Сталин, думали они. Он всего лишь «генсек». Они еще несколько не боялись Сталина, а вот Троцкого боялись уже вполне определенно. Более того, Сталин был им нужен для борьбы с Троцким. И тут вполне были к месту и его грубость, и его озлобление. А о том, что все эти качества могут со временем обратиться и против них, «выдающихся вождей мирового пролетариата», это им тогда и в голову прийти не могло.

Все вышеприведенные рассуждения могут показаться субъективными, но они опираются на документ столь красноречивый, что, пожалуй, можно было бы обойтись и без них, если бы автор не стремился к полной ясности и определенности. А именно так нужно сказать о том, что члены Политбюро и кандидаты в члены Политбюро уже в начале января 1923 г. прекрасно знали о ленинской характеристике Сталина и о его предложении переместить того с поста генсека. Однако они не согласились с Лениным в этом вопросе, как не согласились с его планом реорганизации партийно-государственного руководства. Они имели тогда полную возможность выполнить ленинский совет, но не захотели этого сделать. Точно так же они не захотели этого сделать и на XIII съезде РКП(б), когда вынуждены были огласить (по делегациям — ?!) ленинское «Письмо к съезду», а конфликт с Троцким получил уже огласку в партии и стране. А в 1925 г., когда Каменев и Зиновьев наконец опомнились, было уже поздно. Именно Каменев и Зиновьев, ближайшие соратники Ленина и самые близкие лично к нему люди, несут главную ответственность за то, что Сталин не был перемещен со своего поста ни в 1923, ни в 1924 г. С их пренебрежения ленинскими советами начинается тот путь трагедий, которые, все усиливаясь, потрясали нашу страну до 1953 г.

Каменев и Зиновьев не сумели разобратся сами в характере Сталина сразу же, не прислушались к ленинскому анализу. В угоду ложно понятым представлениям о собственной безопасности

они встали на сторону Сталина. Напомним, что именно опасения за собственную безопасность, боязнь возможных кар и репрессий со стороны буржуазии толкнули Каменева и Зиновьева и в октябре 1917 г. на выступление против организации восстания. За свою ошибку в 1923—1924 гг. они заплатили в 1936 г. собственными жизнями. Но ведь погибли еще миллионы людей!

Обратимся к документальному доказательству. Вот что говорится в Письме членов Политбюро и кандидатов в члены Политбюро от 29 марта 1923 г. перед мартовским Пленумом ЦК членам Политбюро и членам Пленума:

«Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в те времена, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича. Тов. Троцкий не раз заявлял нам, что он «воздерживается» при разрешении ^{9/10} текущих хозяйственных вопросов в Политбюро. Но что получилось бы, если бы примеру т. Троцкого последовали и другие члены Политбюро?

Мы далеки от мысли идеализировать работу нашего Политбюро. Она, несомненно, имеет свои недостатки. Теперь, когда Политбюро, в связи с болезнью Владимира Ильича, придется еще больше играть роль фактического правительства, работу Политбюро безусловно необходимо улучшать. И мы внесем по этому поводу в Пленум ЦК практические предложения. Но против чего мы решительно и категорически протестуем, это против попыток одного из членов Политбюро огульно клеймить всю работу важнейшего партийного органа» (Двенадцатый съезд РКП(б), с. 818).

Под документом стояли подписи членов Политбюро Зиновьева, Сталина, Каменева, Томского и Рыкова. Нет только подписи Троцкого, но против него и направлено это коллективное письмо! И нет подписи Ленина — вот уже 19 дней, как он потерял речь. Судя по содержанию письма, где Троцким «били» Ленина, подписавшиеся уже понимали, что болезнь Ленина носит необратимый

характер и он никогда не заговорит. К письму присоединились и три кандидата в члены Политбюро — Бухарин, Калинин и Молотов.

Это письмо было уже актом разрыва с Троцким на уровне ЦК, первым обвинительным актом против него. «Члены Пленума,— говорилось в начале письма,— помнят тяжелый инцидент, разыгравшийся на февральской сессии Пленума, когда Пленум ЦК подавляющим большинством голосов отверг выдвинутый т. Троцким ошибочный план построения центральных учреждений партии. Тов. Троцкий не остановился перед тем, чтобы в крайне острой форме бросить ряду членов ЦК и Политбюро обвинение в том, что позиция их в указанном вопросе продиктована якобы задними мыслями и политическими ходами» (там же, с. 816). Но февральский Пленум, по существу, не принял и ленинский план расширения ЦК, перестройки ЦКК и Рабкрина. Об этом в письме уже не говорилось ни слова. Подписанное всеми членами и кандидатами в члены Политбюро письмо «отвергало» наличие в Политбюро предвзятого антитроцкистского большинства и «кружковщины», а разве не они сами констатировали разногласия с Троцким уже на протяжении двух лет? Вот, к примеру, вопрос об образовании СССР. Мы помним все сомнения и размышления Ленина по этому вопросу в его последних письмах. Эту критику поддержал и Троцкий. Что он получил в ответ: «Тов. Троцкий, очевидно, забыл, что решение об организации и Конституции СССР было принято двумя пленумами ЦК (но ни на одном из них не было Ленина! — В. С.). Тов. Троцкий избирался во все решающие комиссии X съезда Советов по этому вопросу. Если он в них не работал, ответственность всецело падает на т. Троцкого» (там же, с. 818).

А вот грузинское дело, в которое сам Ленин просил вмешаться Троцкого. «По вопросу о Грузии мы констатируем, что т. Троцкий сам сформулировал постановление Политбюро о Грузии, в принятии которого теперь он обвиняет Политбюро. Когда на заседании Политбюро т. Бухарин просил об отсрочке реше-

ния до приезда находившегося в отпуску в Грузии т. Зиновьева (писавшего т. Бухарину о неправильности подхода против «уклонистов»), т. Троцкий принадлежал к числу тех, кто голосовал против этого предложения. Таким образом, несмотря на то, что большинство нижеподписавшихся считает сейчас прежние решения ЦК не во всех частях правильными, т. Троцкий несет за эти ошибки полную ответственность» (там же, с. 819). Мы далеки от намерения оправдывать Троцкого, который, как видим, часто менял свои взгляды и занимался таким же политиканством, как Каменев, Зиновьев, Сталин и Бухарин. Но нельзя не видеть, что в эти месяцы, февраль и март 1923 г., Троцкий пытался помочь Ленину в отстаивании его точки зрения на ряд вопросов внутрипартийной политики. Делал он это, разумеется, по-своему, с присущими ему недостатками.

Итак, мы должны констатировать, что невыполнение ленинского «завещания» относительно внутренней реформы высших органов партии и перемещения И. В. Сталина с поста генсека надо отнести не к маю 1924 г. — ко времени работы XIII съезда РКП(б), когда Политбюро вынуждено было пойти на ограниченную огласку содержания этого «завещания», а к январю — марту 1923 г., ко времени последней болезни В. И. Ленина. Уже тогда члены Политбюро знали как об опубликованной части этого «завещания», так и о содержании его секретной части. Они были не согласны с Лениным, вели с ним неблагоприятную игру в умолчание и сокрытие. Раскол в ЦК, которого опасался Ленин, уже произошел. В связи с этим все дальнейшее развитие приняло необратимый характер.

От редакции журнала. Не все утверждения автора настоящей статьи представляются достаточно аргументированными. В решении некоторых из поставленных им вопросов необходим более широкий подход.

История СССР, 1988, № 5

Дмитрий Шелестов,
доктор исторических наук

ГРИГОРИЙ ЗИНОВЬЕВ: ЖИЗНЬ И БОРЬБА

Те, кому довелось познакомиться с только что опубликованными в журнале «Коммунист» (1988, № 8, 9) протоколами VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года, возможно, обратили внимание, что только два члена образованного на ней ЦК были избраны единогласно — Ленин и Зиновьев. Через пять лет эти же фамилии стояли первыми и при оглашении результатов выборов в ЦК на состоявшейся сразу после выхода партии из подполья VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 1917 года. На прошедшем три месяца спустя VI съезде партии состав избранного им ЦК из конспиративных соображений не объявлялся. Тем не менее по предложению Г. К. Орджоникидзе было решено назвать фамилии четырех членов ЦК, получивших наибольшее количество голосов. Ими оказались: Ленин (133 голоса из 134 голосовавших), Зиновьев (132), а также Каменев и Троцкий (по 131 голосу).

Заглянем в стенограммы более поздних партийных съездов, скажем XII (1923 год), на котором Ленин из-за тяжелой болезни уже не мог присутствовать. Вместо него на съездовскую трибуну с основным докладом — Политическим отчетом ЦК поднялся Зиновьев. На следующем, XIII партсъезде (1924 год), собравшемся вскоре после кончины Владимира Ильича, такой доклад сделал опять Зиновьев, который, кстати, начал его с только что тогда опубликованных стихотворных строчек поэта Александра Безыменского: «Видно, у мыслей дрогнули колени. В омуты глаз заблудилась тоска. — Политотчет Цека... Читает... Читает... Не Ленин...»

...Зиновьев (это его партийный псевдоним, а настоящая фамилия — Радомысльский) по своему социальному происхождению не был выходцем из пролетарской среды. Он родился в 1883 году в Елизаветграде (ныне Кировоград) в семье мелкого предпринимателя (отец имел молочную ферму). Промысел приносил определенный достаток, но не больше, и 14-летний паренек стал давать платные уроки, а позже устроился конторщиком. Образование, полученное дома, позволило ему сдать

экзамен и поступить (в 1904 году) в известный европейский университет в Берне, который он, впрочем, скоро оставил, целиком посвятив себя революционной деятельности. С 1901 года 18-летний Зиновьев в рядах РСДРП.

В многотомном издании «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» фамилия Зиновьев впервые упоминается в связи с одной из записей 1909 года (т. 2, с. 488). В действительности такое упоминание должно быть отнесено на шесть лет раньше, к началу 1903 года, когда Зиновьев впервые переступил порог небольшого домика в женевском предместье Сешерон, где в ту пору жил и работал создатель и руководитель первой общерусской марксистской газеты «Искра», от которой возгоралось пламя большевизма.

Два-три года спустя молодой революционер проявил себя на нелегальной работе в России. В 1907 году, когда собрался V (Лондонский) съезд РСДРП, большевики провели 24-летнего Зиновьева в состав ЦК.

В конце лета 1908 года Зиновьев приехал в Женеву к Ленину и с этого времени почти десять лет работал бок о бок с ним, под его непосредственным руководством. Вместе с Лениным Зиновьев вернулся весной 1917 года в революционную Россию.

Летом 1917 года контрреволюция развернула травлю Ленина и его соратников как «немецких агентов». Среди тех, кто призывал к неукоснительному исполнению приказа об их поимке, был, между прочим, и меньшевик Вышинский. Через девятнадцать лет именно ему Сталин поручил требовать расстрела «главаря банды шпионов» Зиновьева, а из истории на долгие годы исчезнет тот факт, что на исходе лета 1917-го Ленин скрывался от преследования не один: в знаменитом шалаше в Разливе жил и Зиновьев.

Как и Владимир Ильич, он был вынужден оставаться на нелегальном положении вплоть до начала Октябрьского вооруженного восстания.

В декабре 1917 года он избирается председателем Петроградского Совета. Менее чем через полтора года в Москве состоялся учредительный конгресс III,

Коммунистического Интернационала, Зиновьев стал председателем его Исполкома. На всех послеоктябрьских съездах партии, вплоть до XIV (1925 год), он входил в ЦК, был кандидатом в члены (1919—1921 годы) и членом (1921—1926 годы) его Политбюро.

Таковы самые основные наброски внешней канвы политической биографии Зиновьева до 1926 года, когда в ней произошел резкий перелом. Насколько неожидан он был? Вопрос не праздный и не простой. Было бы заблуждением полагать, что реабилитация ряда крупных партийных и государственных деятелей сразу расставит все точные акценты в нашем прошлом, в том числе и в исторической оценке этих деятелей, включая Зиновьева. Ведь речь идет не о том, чтобы свести политические счеты, «надрывать душу», возвеличивать или низвергать чьи-то персоны, а совсем об ином: во имя задач сегодняшнего и будущего правдиво увидеть день вчерашний. На основе ленинской методологии понять то время и действие в нем конкретных личностей с их устремлениями, страстями, идейной борьбой, осложненными, как мы теперь знаем, и личным соперничеством. Все это требует глубоких исследований, которые еще впереди.

Признание того, что Зиновьев принадлежал к ленинской большевистской гвардии, совсем не означает затушевывания его действительных политических ошибок и просчетов. Но теперь их анализ, очищенный от зловещих ярлыков и предвзятых обобщений, должен приобрести всесторонний, подлинно научный характер.

С настойчивостью метронома наши учебники истории десятилетиями акцентировали внимание на том, что в решающие предоктябрьские недели Зиновьев и Каменев высказали в ЦК несогласие с установкой Ленина на восстание. Да, это так, и они, по точному замечанию Рида, «испытывали на себе всю страшную силу ленинской аргументации». Но разве за взгляды Ленин назвал их штрейкбрехерами и потребовал исключить их из партии? Совсем нет. Его возмущение вызвал непартийный поступок Зиновьева и Каменева, сде-

лавших заявление по решенному ЦК вопросу в открытой печати и тем самым противопоставивших себя Центральному Комитету. Думается, что именно такое понимание «октябрьского эпизода» позволяет уяснить ленинскую политическую оценку Зиновьева и Каменева, данную пять лет спустя.

Все это время они, как известно, оставались в числе ближайших сотрудников Ленина, который как-то заметил, что «без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». «Особая надобность» пришла на исходе 1922 года, когда сраженный болезнью Владимир Ильич начал диктовать свое ныне хорошо известное «Письмо к съезду». Говоря едва ли не в последний раз в жизни о Зиновьеве, Владимир Ильич бескомпромиссно отметил, что его и Каменева «октябрьский эпизод», конечно, не являлся случайностью.

Здесь, видимо, прежде всего имелась в виду политическая невыдержанность и амбициозность, проявившиеся в Октябрьские дни и грозившие перерасти в «вождизм». Нет никаких оснований предполагать, что Зиновьев (как и Каменев) стремился в первой половине 20-х годов к утверждению «культы своей личности» в том смысле, как мы сегодня понимаем это явление. Он, несомненно, сознавал, что никто из ленинских соратников не может заменить ушедшего из жизни вождя, и был в принципе сторонником коллективного руководства, однако со все более возрастающей претензией играть в нем особую роль. Примерно к тому же, но со своих позиций и со своими амбициями стремился и Троцкий, авторитет которого, однако, сильно пошатнулся в ходе идейного разгрома его сторонников в 1923 году и осуждения их XIII партконференцией (январь 1924 года) за попытку ревизии большевизма и явно выраженный мелкобуржуазный уклон.

Эту идейную борьбу с троцкистами возглавили Зиновьев и Каменев при участии тогда еще мало известного стране Сталина, который за год перед тем (в апреле 1922 года) по рекомендации Каменева занял только что введенный

пост Генерального секретаря ЦК партии. Названная тройка ко времени кончины Ленина стала ведущей в Политбюро ЦК.

В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Н. К. Крупская передала ленинское «Письмо к съезду» Комиссии ЦК. В современной литературе уже не раз отмечалось, что именно Зиновьев, Каменев и Сталин сыграли решающую роль в сокрытии от партии и отказе от реализации рекомендаций этого важнейшего документа. Добавим, что Зиновьев и Каменев в силу своего соперничества с Троцким, по существу, игнорировали исчерпывающе точную оценку своего учителя, согласно которой наибольшую опасность для устойчивости в руководстве партий представляли в то время отношения Троцкого и Сталина. В интересах соперничества с первым они добились, вопреки мнению Ленина, сохранения Сталина на посту генсека, вообще фактически предпочли уберечь сложившееся, как им казалось, благоприятное для них положение, хотя ленинское письмо открывалось настойчивым советом «предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

«Октябрьский эпизод» оказался действительно не случайностью, как и считал В. И. Ленин. К сожалению, он своеобразно повторился теперь в 1924-м, но, так сказать, с другим знаком. В 1917 году Зиновьев и Каменев апеллировали к широкой непартийной аудитории, сейчас они, напротив, скрыли от партии и не выполнили важнейшие указания ее вождя.

Логика ложного шага повела к другим неверным шагам, в том числе и к таким, которые поначалу могли показаться малозначительными. Еще в начале 20-х годов на картах страны появилось два населенных пункта с одинаковым названием — Троцк (первый из них сейчас Чапаевск, второй — Гатчина). Теперь, в 1924 году, Елизаветград переименовывается в Зиновьевск, почти одновременно исчезает Юзовка и появляется Сталино, а в следующем году вместо Царицына — Сталинград... В этих первых переименованиях (потом, как известно, они покатаются снеж-

ным комом) по-своему проявился «вождизм», открывающий путь к авторитарной власти.

Ее симптомы не заставили себя ждать. Еще летом 1923 года на неофициальном «пещерном заседании» (оно проходило в пещере близ Кисловодска), в котором кроме Зиновьева участвовали М. В. Фрунзе, М. М. Лашевич, Г. Е. Евдокимов, Г. К. Орджоникидзе и ряд других членов ЦК, было отмечено усиление руководимых Сталиным Секретариата и Оргбюро ЦК партии. В результате принятого компромисса в Оргбюро были введены от Политбюро Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Однако никто из них, по признанию Зиновьева, не только не принял участия в текущей работе Оргбюро, но и не явился ни на одно его заседание. И это тоже важный штрих. Чуть позже, в 1926 году, Ф. Э. Дзержинский сказал суровые слова Каменеву: «Вы занимаетесь политиканством, а не работой...» Не относились ли они и к Зиновьеву, чья «игра в вождизм», связанная с нарушением ленинских принципов коллективного руководства, вела его как революционера-большевика в тупик и в конечном счете к подлинно человеческой личной трагедии?

Эта «игра» не позволила ему в решающий момент на XIV съезде ВКП(б) (1925 год) открыто сказать партии о своей принципиальной ошибке в вопросе о «завещании» Ленина. Его попытка выступить с Каменевым, Сокольниковым и рядом других делегатов съезда против уже усилившейся власти Сталина не только запоздала, но и была сведена на нет противоречащими линии партии взглядами по вопросам социалистического строительства. Но Сталин навсегда запомнил эту попытку. Не сделал правильных выводов из решений съезда и Зиновьев.

Борясь в 1923—1924 годах с большевистских позиций против Троцкого, он после поражения на XIV съезде заблокировался с ним... На исходе 1927 года XV съезд ВКП(б) исключил его и других активных оппозиционеров из партии.

Хотя в следующем году Зиновьев, признав неправильность своих дейст-

вий, был восстановлен в ее рядах, его активная политическая жизнь кончилась. Что касается дальнейшей личной судьбы, то она все больше оказывалась в жестокой власти человека, укреплению позиций которого он в свое время сам же и способствовал, как объективно способствовал и созданию обстановки, в которой утверждался культ Сталина.

Осенью 1932 года он вновь был исключен из партии в связи с так называемым делом «Союза марксистов-ленинцев» (М. Н. Рютин и др.). Коллегия ОГПУ, даже не предъявив Зиновьеву и Каменеву обвинения, отправила их в ссылку. В 1933 году они вернулись в Москву, опять стали членами партии. Но окончательная расправа близилась...

В ночь на воскресенье 16 декабря 1934 года за спиной Зиновьева, работавшего в последние годы членом коллегии Центросоюза, навсегда захлопнулась дверь тюремной камеры... 24 августа 1936 года армвоенюрист Ульрих зачитал приговор, потом — расстрел.

Критикуя в 20-е годы политические амбиции Зиновьева, один из честнейших большевиков, Алексей Иванович Рыков, пророчески сказал: «Будет ли Зиновьев или нет, будет ли Рыков или нет, Коммунистическая партия останется. Октябрьская революция нас переживет...» Имя Григория Евсеевича Зиновьева неотделимо от нашей истории, исполненной героики и драматизма.

Неделя, 1988, № 29

Михаил Соколов,

специальный корреспондент
еженедельника «Собеседник»

Не плакать, не смеяться, а понимать...

Б. Спиноза

Сегодня, когда гласность вернула нам имена жертв процессов 1936—1937 годов, начинаем осознавать, что судили тогда, полвека назад, не только их. Судили инакомыслие: открытый и откровенный спор о путях развития страны.

...Выходить из дома он отказался, пока не увидит дочь. Она вспоминает: «Срочной телеграммой меня вызвали в Москву из Сочи. У первого подъезда теперь знаменитого «дома на набережной» ждал человек в форме. Поднялись на одиннадцатый этаж, открылась дверь, вывели отца. Он сказал: «Сонька, что бы ты ни узнала, что бы ты ни услышала, знай, что я ни в чем не виноват...» Дальше все помню очень смутно: кто-то вспарывал обшивку кресел, кто-то жег на кухне подшивки ленинской «Искры»...»

В тот сентябрьский вечер 1936 года арестовали Карла Бернгардовича Радека — в прошлом участника революции, событий 1918—1919 годов в Германии, в 1919—1923 годах члена ЦК РКП(б) и секретаря Коминтерна, в момент ареста — заведующего международным отделом «Известий» и бюро международной информации ЦК ВКП(б). Арестовали известного всей стране публициста. Острослова, весельчака, сочинителя анекдотов.

Гулко хлопает дверь. На этот раз — навсегда. Сколько уже раз поскрипывающий лифт увозил своих пассажиров, обитателей этого серого дома-корабля в неизвестность, а потом и на эшафот. Что вспоминалось Радеку в те минуты, когда он в последний раз взглянул из окна машины на башни Кремля? Может быть, прожитые годы?

Он окунулся в пролетарское движение еще гимназистом.

В 1901 году... состоялся большой публичный митинг крестьян в городишке Домброво, центре крестьянского движения в Западной Галиции. Я тогда в первый раз выступал на большом митинге с речью на рынке. Речь эта была направлена не только против помещиков, но и против австрийского, германского, русского правительства и конча-

ВОЙНА И МИР КАРЛА РАДЕКА

лась призывом к совместной борьбе рабочих и крестьян за независимую социалистическую Польшу.

Его дважды исключали из гимназии. Начал работать в профсоюзном движении среди пекарей и строительных рабочих. Уехал в Швейцарию.

Грянула русская революция, и меня потянуло из Швейцарии в царскую Польшу. С нелегальным паспортом переезжал русскую границу, не зная ни одного слова по-русски. Первый человек, которого я встретил в Варшаве, был Феликс Дзержинский, второй — Лео Иохигес (Тышка), главный руководитель нашей (социал-демократия Королевства Польского и Литвы. — М. С.) партии. Я был сразу отправлен в редакцию ЦО партии, принимал участие в выпуске первого ежедневного издания партии «Трибуна»... Мне приходилось с группой рабочих захватывать типографии буржуазных газет, дабы обеспечить ежедневное издание нашего нелегального ЦО, с браунингом в руках.

Весной 1906 года арестован, за взятку отпущен, через две недели арестован вновь. В 1907 году выслан в Австрию. Жил в Германии, участвовал в социал-демократическом движении, боролся вместе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург и А. Паннекутом против реформизма. Исключен перед войной из германской социал-демократической партии за несогласие с реформистами. «Ежедневное общение с Лениным, — пишет он, — обмен мнениями убедил меня в том, что большевики являются единственной революционной партией в России».

Тогда в Швейцарии рождалось интернационалистское объединение социал-демократов — противников войны.

Боевой фонд этой организации составлен был таким образом, что Владимир Ильич внес от ЦК большевиков 20 франков, Борхард от немецких левых — 20 франков, а я из кармана Ганецкого от имени польских социал-демократов — 10 франков. Будущий Коммунистический Интернационал располагал таким образом для завоевания мира 50 франками, но для издания брошюры о конференции на немецком языке понадобилось 96 франков. 46

пришлось одолжить... На Кинтальской конференции мы уже представляли значительную силу...

В Давосе он узнал о Февральской революции в Петрограде. Его вызвал к себе Ленин: «Надо ехать в Россию». Вместе с Ильичем и другими большевиками добрался до Стокгольма. Остался там в качестве агента ЦК для связи с границей.

...Страны, города и веси менялись в его жизни с кинематографической быстротой. И вот неторопливый поезд переползает от одной митингующей станции к другой. Октябрь 1917 года... А ему вспоминается то выступление на митинге, с которого началась его биография революционера-профессионала: за угощением старый крестьянин, видевший в своей жизни, наверное, не одно предательство хорошо начинающих интеллигентов, сказал ласково начинающему трибуну: «Смотри не предавай...»

Да, Карл Радек начинал хорошо. И жизнь его вне России до сих пор остается примером обретения себя в борьбе.

...Вот и перрон Финляндского вокзала.

Как во сне приехали в Смольный, а через минуту были в кабинете у Ленина... Немедленно после приезда в Петроград был послан в Стокгольм для переговоров с представителем немецкого правительства Риггером. После возвращения поехал с Троцким в Брест-Литовск.

Зимой 1918 года Радек выступил против заключения мира, отдававшего Польшу в руки немецких оккупантов, однако очень скоро одним из первых признал свою ошибку. В 1924 году писал:

Я не забуду никогда своего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали, отскакивали от него, как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны идти на сделку с германцами. Войну должен вести мужик. «Разве вы не видите, что мужик проголосовал против войны?» — спро-

сил меня Ленин. «Позвольте, как это голосовал?» — «Ногами голосовал, бежит с фронта». И этим дело для него было решено...

Карл Радек в 1918 году нелегально отпирался в Германию, принимал участие в первом съезде компартии. Он, как один из ее руководителей, заключен в тюрьму Моабит. И оттуда ему удавалось передавать на волю записки, обосновывавшие тактику формирования ГКП. Вернуться в Россию удалось в марте 1920 года. Радека высоко ценил Ленин, написавший, когда разгорелся спор о правомерности направления Бухарина и Радека в ВЦСПС:

«Может быть, вы знаете лучших теоретиков, чем Радек и Бухарин, так дайте нам. Может быть, вы знаете лучших людей, знакомых с профсоюзным движением, дайте их нам...»

А потом была так называемая «левая оппозиция». Что привело Карла Радека в ее ряды? Революционное нетерпение, желание ускорить победу мировой революции? Действительно, в 1920 году, выступая на IX партконференции, он говорил: «Мы всегда были за революционную войну... Мы принципиально за то, что всякий пролетарий, могущий нести в своих руках оружие, должен помогать международному пролетариату». Но это год двадцатый: война с Польшей, революционный энтузиазм. Уже в 1922 году Радек поддерживает В. И. Ленина, который не согласился с Бухариным, предлагавшим внести в программные документы Коминтерна положение о том, что «каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию». В то время Радек вполне принимал внутриполитическую линию новой экономической политики. Но его беспокоило все больше и больше другое — судьба внешней политики Советской России. А ситуация была сложной: как совместить борьбу за международное признание пролетарского государства с поддержкой мирового революционного движения? Как и многие, Радек считал нэп маневром на пути к мировой революции. Он опирался на принятую единогласно резолюцию IV

конгресса Коминтерна, где говорилось, что «пролетарская революция не сумеет восторжествовать в пределах только одной страны», что она «может восторжествовать только в международном масштабе, вылившись в мировую революцию». Радек отстаивает линию на создание единого рабочего фронта с социал-демократами. Так, в апреле 1922 года вместе с Н. Бухариным и К. Цеткин он был активным участником переговоров с Венским и Амстердамским Интернационалами. Но планировавшийся всемирный рабочий конгресс в Гааге состоялся без представителей Коминтерна во многом вследствие сектантской позиции его тогдашнего председателя Г. Зиновьева. Зиновьев, активно выдвигавший на первые роли во внутренней политике Сталина и сам претендовавший на руководство внешней, явно во вред коммунистическому движению везде клеймил «социал-предателей».

На V конгрессе Коминтерна в 1924 году Радек выступил почти с трехчасовой речью, требуя найти общий язык с социал-демократией Запада.

Что же крамольного было в этом, остающемся недоступным широкому читателю, выступлении?

«Речь Зиновьева, на мой взгляд, означает ликвидацию решений IV конгресса о тактике единого фронта».

«Если в Коминтерне мы ограничиваемся только официальной дисциплиной, то мы станем не живым Коминтерном, а только остомом его».

«Мы не должны откazyваться от критики, иначе мы были бы заговорщической организацией, которая закулисно обдeldывает свои делишки за спиной масс».

«Мы заявляем, что будем работать как дисциплинированные товарищи, но в то же время требуем, чтобы была прекращена политика травли и унижения».

Что же ответил Сталин?

«...Наш вывод: нужен смертельный бой с социал-демократией». Трагедия 1933 года начиналась десятилетием раньше...

К. Б. Радек оказался и в числе авторов известного «Письма 46» в

ЦК РКП(б). Видные партийные и государственные деятели — Пятаков, Преображенский, Осинский, Косиор, Сапронов и другие — писали:

Режим, установившийся внутри партии, совершенно нетерпим. Он убивает всякую самостоятельность в партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом известных серьезных опасностей.

Группа 46-ти не была фракцией и тем более оппозицией. Старые большевики действовали в рамках партдисциплины, требуя широкого обсуждения поставленных ими актуальных проблем момента: расширения в условиях нэпа внутрипартийной демократии, исправления ошибок, приведших к «кризису цен» в 1923 году.

В «Правде» началась дискуссия. Большинство выступавших считали: режим внутрипартийной жизни требует реформ. И 5 декабря 1923 года была единогласно принята резолюция ЦК РКП(б) о расширении демократии в партии. Уникальный случай в нашей истории: в последний, пожалуй, раз после споров руководства с представителями другой позиции принимался документ, удовлетворявший конфликтовавшие стороны, способный объединять для совместной работы. Оставалось выполнить его. Но, приняв резолюцию, большинство Политбюро (Сталин, Зиновьев, Каменев) фактически с первых шагов ее нарушили. Шла острейшая борьба внутри ЦК партии. В ней сторонники реформ не смогли добиться своего. К сожалению, не было выполнено ленинское «завещание», не были учтены предложения, содержащиеся в последних статьях Ильича. Усиленно, административными средствами насаждалось единомыслие. В январе 1924 года, выступая на XIII конференции РКП(б), Сталин обрушился на Радека, осмелившегося утверждать, что демократия необходима как воздух и без нее невозможно управлять партией. Генсека не устроило то, что Радек, мол,

«неустойчив»: сначала призывал демократизировать работу ЦК, а теперь и на всю партию замахнулся. Тут нет ничего удивительного: уже в те времена речи Сталина содержали грубое шельмование. Не случайно генсек, как мог, выпячивал и старые разногласия.

Мы должны констатировать факт: после смерти Ленина творческая дискуссия довольно быстро перестала быть инструментом выработки политики партии и страны. Для Радека, после XIII съезда не избранного в ЦК и покинувшего руководящую работу в Коминтерне, дабы не отвечать за зиновьевскую линию неприятия единого фронта, наступили трудные времена. Работая ректором университета имени Сунь Ятсена, он выступал против Сталина. Как и для многих, для него вопрос о признании или непризнании «генеральной линии» верной находился в прямой связи с тем, кто возглавлял партию.

Возникает вопрос: являлись ли его предложения альтернативой тому курсу, который дал возможность восторжествовать в конце двадцатых годов административной системе во главе со Сталиным, или же оппонент, не принимая личность вождя, мыслил его же категориями? Вопрос о «позиции оппозиции», думаю, составит еще предмет для многих исследований. В различных платформах можно найти и спорные экономические программы, которые при их реализации могли сорвать смычку с деревней из-за применения неэквивалентного обмена в пользу индустриализации, и вполне справедливые предупреждения о нараставших с 1925 года кризисных явлениях. Прогнозировавшийся ими кризис — в форме провала хлебозаготовок — действительно позже взорвал неустойчивое нэповское равновесие. В платформах есть и преувеличение противоречий между поколениями в партии, и дельная критика бюрократизма, назначенчества, подменивших выборность, неприятие гонений на тех, кто имел отличные от официальных (но в рамках социализма, как бы мы сейчас сказали) мнения по актуальным проблемам. Я бы предположил сосредоточиться на этом позитивном моменте: и Каменев, и Лашевич, и Радек,

и Сокольников прозорливо указывали на отсутствие демократических механизмов, коллективного руководства.

Старые члены партии были недовольны отступлениями от заветов Ленина. Но твердой позиции у них не было, шел лишь ее настойчивый поиск. Это касается и Радека, о котором в 1929 году Л. Д. Троцкий написал так:

«Радек до 1926 года считал, что иной экономической политики, как сталинско-бухаринской, осуществить нельзя. До 1927 года Радек питал иллюзии насчет возможности совместной работы с Брандлером и его группой. Радек был против выхода китайской компартии из гоминьдана. После всеобщей стачки в Англии Радек был против разрыва Англо-русского комитета...» (т. е. по многим дискуссионным вопросам Радек, традиционно считающийся «левым», находился... на стороне Бухарина).

О чем это говорит? Только о том, что старые примитивные ярлыки сегодня неприменимы. Для того чтобы сделать выводы, следует, в частности, моделировать возможность реализации тех или иных программ, делать поправку на эволюцию взглядов того или иного деятеля, не принимая происшедшее на «перекрестках истории» как данность, а поверяя перспективы реализации той или иной неосуществленной альтернативы нашим нынешним опытом.

Даже известное, казалось бы, видится сегодня по-иному. Хотелось бы, чтобы кто-то из историков детально изучил, к примеру, ситуацию, когда Н. К. Крупская выступила на стороне явного меньшинства во главе с Зиновьевым и Каменевым во время XIV съезда партии. Л. Б. Каменев тогда сказал во всеуслышание, что он «пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба». Верные слова были произнесены слишком поздно. И все же Н. К. Крупская посмела утверждать, что не всегда большинство бывает право, фактически поставив вопрос о восстановлении демократии в партии. Об этом старались не вспоминать. А зря!

Это человек, чей облик десятилетиями оставался однозначно иконописным. А что уж говорить о тех, кто был заклеймен и проклят! С ними уж тем более все просто.

Мне хочется остановиться на главном: с самого начала дискуссии 1923 года у сторонников большинства не было настроя на конструктивный компромисс, выработку оптимального политического курса на основе соглашения, которое позволило бы, сохранив нэп, вести социалистическое строительство. Сторонники линии Сталина — Бухарина стремились к однозначному, полному торжеству над побежденными. Как в бою. Не осознавалось, что гарантии самовыражения для меньшинства — основа выработки верного курса. Нетерпимость и догматизм, забвение ленинских уроков терпимости, рецидивы подходов времен «военного коммунизма» — вот причина триумфа сталинского тоталитарного единовластия.

«Горе побежденным!» — таков был лейтмотив XV съезда ВКП(б). «Горе победителям!» — могли бы через десятилетие воскликнуть еще уцелевшие в тюрьмах и лагерях «оппозиционеры», своими глазами увидевшие, как догматическое понимание единства рядов проложило путь к власти тирану. С 1927 года началась открытая борьба Сталина за подчинение партии. Кризис хлебозаготовок позволил генсеку нарушить экономическую программу, утвержденную XV съездом ВКП(б), проводить насильственную коллективизацию и сверхиндустриализацию. Считается, что ему удалось осуществить программу «левых». Но ничего подобного они не предлагали. И отнюдь не покушались на главное — сохранение нэпа. Сопротивление политике Сталина было. Но его довольно быстро удалось пресечь. Судьба «левых» была вполне ясным предупреждением всем «инакодумцам». Безусловно, многие могли бы поддерживать здоровые силы в партии во главе с Бухариным, Рыковым, Томским. Но все были прекрасно осведомлены о судьбе тех, кто ранее оппонировал Сталину. Старых членов партии исключали, арестовывали, высылали в дальние края. Такая судьба постигла не только Троц-

кого, но и Раковского, Мрачковского, Преображенского, Смилгу... Маховик репрессий набирал обороты, и потому Бухарин не получил должной поддержки.

В журнале «Вопросы истории КПСС» (1988, № 9—10) доктора исторических наук В. П. Наумов и В. В. Рябов и кандидат философских наук Ю. Н. Филиппов задаются вопросом: «Как получилось, что именно в эти годы были попорчены ленинские принципы социалистической демократии и социалистического гуманизма, а миф о нераздельности авторитарного режима и социализма утвердился в массовом сознании?» Они пишут: «Нельзя оставлять вне внимания и методы борьбы большинства ЦК с «инакомыслием» в партии, переходившей нередко в преследование лиц, выступавших с критикой официальных партийных лидеров... Дело доходило до того, что любое выступление неугодной группы рассматривалось сначала как антипартийное, а спустя некоторое время и как антисоветское... Сталин, широко используя для достижения своих целей лично подконтрольный ему партийный аппарат как центральных, так и местных органов партии, одержал верх над своими оппонентами не убедительностью теоретических аргументов, а силой авторитарной, деспотической власти. Уже на решающих стадиях этой неравной борьбы Сталин использовал органы ОГПУ. Логическим завершением таких приемов политического руководства явился тоталитарный контроль над партией, государством и обществом...»

Одна важная деталь: многие «левые» капитулировали, решив было, что Сталин де-факто проводит теперь их линию. Но более дальновидные разобрались, к чему ведет политика вождя, — к сворачиванию нэпа, к тому, что мы сегодня называем «большим скачком».

...Я пишу этот материал и пытаюсь, может быть, не очень удачно поставить себя на место участников событий. Как понять, о чем думал Карл Радек, сосланный в Тобольск, а затем в Томск, наблюдая, как идет столь пропагандировавшееся в прошлом его единомышленниками наступление на кулачество? Увидел ли он, что это уже не экономи-

ческое давление, не перекачка средств в пользу индустрии, а доведенное до абсурда насилие? Понимал ли, что в происшедшем есть и его вина? Мне кажется, сначала понимал, ибо письма, дошедшие до нас через полвека, свидетельствуют: долгое время беспринципно каяться он отказывался наотрез. Пойти по пути Зиновьева и Каменева? Нет. «Они вопреки убеждению каются, — пишет Радек в мае 1928 года Е. Преображенскому. — Нельзя помочь рабочему классу враньем». Казалось, он сознавал, что отказ от своих убеждений гибелен. Особенно если он продиктован не внутренним чувством, изменением позиции, а желанием любой ценой остаться на плаву: «Зиновьев и Каменев покаяться якобы для того, чтобы оказать помощь партии, на деле посмели лишь одно: писать статьи против оппозиции. Это есть логика положения, ибо покающийся должен показать свое покаяние» (из письма Вардину в июле 1928 года). Мне думается, что Карл Бернгардович не мог не видеть, что теперь Сталину нужно не столько признание бывших или небывших ошибок с стороны «оппозиционеров», сколько полное подчинение, растаптывающее в человеке нравственный стержень, его «я». «О каком же соглашении может идти речь между тюремщиком и его жертвой», — напоминает он И. Вращеву...

Но для человека честостлюбивого, привыкшего быть на виду, нет более тяжелой кары, чем забвение. А для людей, все свои силы отдававших реальному практическому делу, страшным ударом было отстранение от работы. Мне видится, что это может быть одним из объяснений того, что страстно призывавший сохранить свой взгляд на революцию Радек вдруг весной 1929 года идет на сделку с собственной совестью. Первую сделку, за которой последуют другие, куда более страшные, ибо речь пойдет уже не о нем лично, а о судьбах других.

Он вместе с И. Смилгой и Е. Преображенским обратился с письмом в ЦК ВКП (б). Они писали:

Мы упустили из виду, как показал нам опыт, что политика ЦК была и

остается ленинской. Поэтому прав был XV съезд партии, осудив за такую установку нашу платформу. Исходя из вышесказанного, мы снимаем наши подписи с фракционных документов, заявляем о нашей солидарности с генеральной линией партии и просим принять нас обратно в ее ряды.

Но одно дело — согласиться с во многом верными (особенно в области экономики), но никогда не выполнявшимися решениями XV съезда, совсем другое — признать правильной реальную «генеральную линию» на разрыв союза с крестьянством, на разорительную сверхиндустриализацию. За капитуляцию не перед партией — перед Сталиным придется платить. До конца дней своих. Придется жить по двойному стандарту, думать одно, делать другое. С этого времени один Радек — самостоятельный публицист и мыслитель — умирает. И рождается другой — своим пером обслуживающий интересы Сталина. И тут не могу не повторить слова Троцкого, весьма прозорливо угадавшего судьбу своего бывшего соратника:

Капитулировав, Радек просто вычеркнет себя из состава живых. Он попадет в возглавляемую Зиновьевым категорию полуповешенных, полупрощенных. Эти люди боятся иметь свое мнение и живут тем, что озираются на свою тень...

Сколько их было таких? Положивших свои кирпичики в фундамент сталинизма?.. Кончилось время споров. Началась пора железного единства. Больно и страшно читать статьи Радека о «социал-предателях», угрожающих рабочим Германии больше, чем фашисты, о, как теперь известно, сфальсифицированных процессах против «вредителей» и «меньшевиков». Апофеозом же капитуляции стала книжка «Зодчий социалистического общества».

«На Мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками, Молотовым, Кагановичем, Калинин, Орджоникидзе, стоял Сталин в простой солдатской шинели. Спокойно его глаза смотрели в раздумье на сотни тысяч пролетариев, проходивших мимо сарко-

фага уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира. Он знал, что он выполнил клятву, произнесенную 10 лет назад над гробом Ленина...»

«Зачем ты это написал?» — как-то спросила Радека дочь. Он замолчал и вышел, ничего не ответив... До убийства Кирова 1 декабря 1934 года оставалось всего несколько месяцев...

— Отец в тот вечер пришел домой в ужасе, — вспоминает Софья Карловна. — Я слышала его разговор с матерью: «Ну, а теперь они расправятся с теми, кто им не угоден».

Он был обречен. И его не спасли статьи против фашизма и статьи... с требованием казни его недавних товарищей. И вот арест, камера, допросы, суд, приговор. Реабилитация пришла через полвека. Невинность Радека, как и других — Зиновьева и Каменева, Мрачковского и Смирнова, — доказана.

Но до сих пор людей мучает вопрос: как могли сдать ветераны ленинской гвардии, как могли возвести на себя такое жертвы процессов 1936—1938 годов. пытки? Они были страшными. «Чтобы сломать Мрачковского, ОГПУ подвергло его непрерывным допросам, доходившим до 90 часов подряд, — свидетельствовал в 1937 году в зарубежной печати И. Райс, чекист, отказавшийся служить палачам. — Тот же метод применялся и к И. Н. Смирнову, оказавшему наибольшее сопротивление».

Но было и другое: на процессе 1937 года К. Радек заявил, что старый большевик, герой гражданской войны И. Смирнов, о котором тот думал, что он «помрет в тюрьме и не скажет ни единого слова», показания дал, мотивировав это тем, что «не хотел помереть в сознании, что его имя может быть знаменем для всякой контрреволюционной сволочи».

Существуют достоверные сведения, что многие из осужденных оговаривали себя и других после того, как получали приказ: этого требует от них партия ради полного разгрома «троцкизма». Л. Фейхтвангер в своей книге «1937» сообщал о письме Радека из тюрьмы Сталину. Был ли ответ? Наверное, ведь через несколько дней Радек якобы

признался в своих «преступлениях». Возможно, приказ Сталина стал решающим аргументом в страшном поведении Карла Бернгардовича на следствии и суде, когда он дал показания и против своего недавнего друга — Бухарина. А ведь тот пытался заступиться за Радека и, как рассказывает А. М. Ларина, отправил Сталину письмо в его защиту. На свидании с женой, когда она спросила его: «Как же ты мог оклеветать себя и других?» — он ответил: «Так было надо...»

Можем ли мы сегодня понять, что двигало им? Боюсь, что до конца осознать, как такое стало возможным, нам не суждено. Но знать об этой трагедии мы обязаны.

В протоколах процесса мне попались строки из выступления Радека: «...мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были. Очень плохо, что при нашей грамотности мы так поздно это осознали, но пусть это наше сознание кому-нибудь послужит...» Не о себе как об агенте иностранных разведок он говорил. О другом. О том трагическом компромиссе 1929 года, который привел к тому, что он, как и многие, стал не только жертвой, но и послушным орудием палачей. Пусть всем послужит нравственным уроком его жизнь, в которой немало светлых страниц, и загадочная смерть в тюремной камере в 1939 году.

С той поры прошло полвека. История оживает, сбрасывая ярлыки. И нам сегодня несколько не нужна идеализация Радека, его соратников: каждая судьба, пусть и столь неоднозначная, — еще одно предостережение для нас, ныне живущих.

...Когда я иду мимо дома на набережной с его скорбной чередой мемориальных досок, кажется, что двор вот-вот оживет, из ворот выедут «эмки», подтянутые командармы откозыряют друг другу, а когда над городом стуситися ночь и начнут гаснуть огни квартир, я увижу, как люди в форме НКВД толкнут в свою машину свою очередную жертву. А утром у подъезда будет шутить и смеяться, окруженный обожавшим его пацаньем, человек, для которого сегодня не приготовили ни гранита, ни бронзы, чей след, казалось,

потерялся полвека назад, — Карл Радек. Мне хочется спросить его о многом. Но важен один вопрос: «Как вы могли?» Он уходит молча, отворачиваясь, и я понимаю: как и тогда дочери, он не ответит и мне. Не ответит, потому что он герой своего времени, прошедший достойно через революционную борьбу, труднейшую войну против угнетения и не сумевший сохранить свое «я» в мире, который, как он считал, завоеван и им для людей.

Собеседник, 1988, № 50

ПИСЬМО ХРИСТИАНА РАКОВСКОГО

В начале сентября 1988 года в Софии состоялось торжественное собрание по случаю 115-й годовщины со дня рождения выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического движения, активного участника революционного движения в Болгарии, Румынии и России, крупного государственного деятеля СССР, соратника В. И. Ленина, блестящего публициста и полемиста, ставшего жертвой сталинских репрессий, Христиана [Крыстю] Раковского.

Руководитель кафедры мировой политики и международной деятельности КПСС Московской высшей партийной школы Анатолий Георгиевич Латышев любезно предоставил еженедельнику «Ленинградский рабочий» не публиковавшееся ранее в советской и болгарской печати письмо Христиана Раковского, в котором анализируются вопросы о причинах перерождения партии и советского государственного аппарата. Вот что сказал в своем комментарии А. Г. Латышев: «Имя Раковского в наши дни возвращается из забвения. Христиан Раковский был признанным теоретиком и публицистом, автором большого числа статей и книг. Мне пришлось быть свидетелем того, как из спецхранилища одной из московских библиотек переводили в открытый фонд 46 наименований книг и брошюр Х. Раковского. Это работы энциклопедически образованного революционера, посвященные общим проблемам революционного процесса, строительству социализма, труды по истории становления Советской власти на Украине, где Раковский был Председателем Совета Народных Комиссаров, работы по проблемам Болгарии, Румынии, Англии, Франции, Польши, Ближнего Востока, специальные исследования, посвященные вопросам воспитания молодежи, проблемам сельского хозяйства, борьбе с бандитизмом. Огромный интерес представляют взгляды Х. Раковского на национальные проблемы, его дискуссия по этим проблемам со Сталиным.

Ныне совместно с нашими болгарскими коллегами мы по крупницам собираем свидетельства революционной, дипломатической, государственной деятельности замечательного болгарского интернационалиста. Но прежде всего, как нам кажется, необходимо обратиться к духовному наследию Христиана Раковского. Оно нужно нам сегодня в процессе обновления нашего общества, оно нужно нашей перестройке. Читателям предлагается сокращенный вариант письма Христиана Раковского 1928 года. Будучи исключенным из партии, Раковский в то время отбывал ссылку в Астрахани. Письмо Раковского

Дорогой товарищ В.* В ваших «Размышлениях о массах» от 9-го июля, поднимая вопрос об «активности» рабочего класса, вы подходите к основной проблеме о сохранении за пролетариатом роли гегемона в нашем государстве. Хотя все требования оппозиции и преследую эту цель, я согласен с вами, что по этому вопросу не все сказано. До сих пор этот вопрос нами рассматривался в связи со всей проблемой захвата и удержания политической власти, тогда как он должен, для лучшего его освещения, быть выделен как отдельный самостоятельный вопрос. В сущности, сами события его уже выдвинули в этом качестве.

За оппозицией останется та неотъемлемая заслуга перед партией, что она своевременно подняла тревогу об ужасающем понижении активности рабочей массы и об ее все более и более равнодушном отношении к судьбам пролетарской диктатуры и Советского государства.

Самым характерным в разлившейся волне скандалов и самым опасным является именно эта пассивность масс.

О кражах, о взятках, о насилиях, о вымогательствах, о неслыханных злоупотреблениях власти, о неограниченном произволе, о пьянстве, о разврате, об этом все говорят как о фактах, которые не месяцами, а годами были известны, но которые все почему-то терпели. Мне незачем пояснять, что, когда мировая буржуазия вопит о пороках Советского государства, мы можем со спокойным презрением пройти мимо. Мы слишком хорошо знаем «чистоту» нравов буржуазных правительств и парламентов всего мира. Но они нам не указ. У нас дело идет о рабочем государстве.

Теперь никто не отрицает уже тех ужасающих разрушений, которые проделал в рабочем классе общественный индифферентизм.

* Почти с уверенностью можно сказать, что «товарищ В.» — это заместитель главного редактора московской газеты «Труд» Валентинов. Ред.

Таким образом, вопрос о причинах его и способах их устранения является самым существенным.

Это происходит, по-моему, оттого, что вопрос сам по себе является новым. До сих пор мы имели немало примеров понижения активности рабочего класса, упадочности, доходящей не только до чистой обывательщины, но и до политической реакционности; но такие примеры мы имели как у нас, так и за границей в период, когда пролетариат еще боролся за политическую власть.

Об упадочности в пролетариате в момент, когда у него в руках находится политическая власть, до сих пор мы не могли иметь примеров по той простой причине, что мы являемся первым случаем в истории, когда пролетариат удержался у власти в течение такого длительного периода времени.

Мы знали до сих пор, что может происходить с пролетариатом, т. е. какие колебания могут иметь место в его настроениях, когда он был классом угнетаемым и эксплуатируемым, но теперь только впервые мы можем уже судить на основании фактов о переменах в настроениях рабочего класса, когда он стал классом правящим.

Такое политическое положение (правящего класса) не лишено опасностей: наоборот, они очень велики; я здесь имею в виду не объективные трудности, вытекающие из общей исторической обстановки: капиталистическое окружение внутри страны, а те трудности, которые присущи всякому новому правящему классу, трудности, которые проистекают от захвата и применения самой власти, от умения или неумения пользоваться ею.

Вы понимаете, что эти трудности в той или другой степени существовали бы все равно, если даже на минуту допустить, что во всей стране мы имели бы лишь пролетарские массы и что за рубежом были бы пролетарские государства. Эти трудности можно было назвать «профессиональным риском» власти.

Что представляет из себя класс наступающий? Максимальное единство, максимальную спайку. Все цеховые,

групповые интересы, не говоря уже о личных, отступают на задний план. Вся инициатива находится в руках самой борющейся массы и ее революционного авангарда, который самым тесным органическим образом связан с этой массой.

Когда класс захватывает власть, известная часть этого класса превращается в агентов самой власти. Таким образом возникает бюрократия. В пролетарском государстве, где капиталистическое накопление не позволено для членов правящей партии, упомянутая дифференциация является сначала функциональной, но потом превращается в социальную. Я не говорю — классовую, а социальную. Я имею в виду, что социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц.

Другим последствием является то, что часть тех функций, которые выполняла раньше вся партия или же весь класс, теперь переходит к власти, т. е. к некоторому только количеству людей из этой партии, из этого класса.

То единство и та спайка, которая раньше являлась естественным последствием революционной классовой борьбы, может быть теперь сохранена лишь благодаря целой системе воздействия, имеющей целью сохранить равновесие между различными группами того же класса и той же партии и подчинить их основной цели.

Но это есть процесс трудный, длительный, он заключается в политическом воспитании господствующего класса, в его умении, которое должно быть приобретено, держать в руках свой государственный, партийный, союзный аппарат, контролировать их и руководить ими.

Повторяю, это есть дело воспитания. Ни один класс не родился с искусством управлять: оно приобретает только с помощью опыта, делая ошибки и участвуя на своих собственных ошибках. Самая идеальная советская конституция не в

состоянии гарантировать рабочему классу беспрепятственное применение своей диктатуры и своего классового контроля, если он не умеет использовать предоставленных ему конституцией прав.

Несоответствие между политической способностью данного класса, его умением управлять и теми юридическими конституционными формами, которые он для себя вырабатывает, захватывая власть, есть исторический факт. Его можно констатировать в развитии всех классов, в частности в истории буржуазии. Английская буржуазия, например, давала немало боев не для того только, чтобы применять больше к своим интересам конституционные формы, но и для того, чтобы она могла беспрепятственно и полностью использовать свои права, и в частности свое избирательное право.

У победившей и побеждавшей буржуазии этот процесс дифференциации является вполне естественным, так как сама буржуазия, взятая в самом широком смысле этого слова, представляет из себя ряд экономических группировок и даже классов. Мы знаем крупную, среднюю, мелкую буржуазию; мы знаем финансовую, торговую, промышленную и сельскохозяйственную буржуазию. В связи с известными событиями, как войны и революции, в самой буржуазии происходят перегруппировки, в ней проявляются новые слои, начинающие играть самостоятельную роль, как, например, владельцы — покупатели национальных имуществ или так называемые нувориши — новоразбогатевшие, появляющиеся в результате всех более или менее продолжительных войн. Во время французской революции, в эпоху директории эти нувориши являлись одним из реакционных факторов.

Перейдем теперь к нашей действительности. Я считаю, что прежде всего следует отметить тот факт, что, когда мы оперируем понятиями «партия» и «масса», следовало бы не упускать из виду того содержания, которое вложила в них десятилетняя история.

Ни физически, ни морально ни рабочий класс, ни партия не представляют

из себя того, чем они были лет десять тому назад. Я думаю, что не очень преувеличиваю, если скажу, что партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года.

Глубокая перемена произошла и в анатомии, и в физиологии рабочего класса.

Вот, по-моему, на изучении этих перемен и в тканях, и в функциях следовало бы сосредоточить свое внимание. Анализ этих происшедших перемен должен нам показать и выход из создавшегося положения.

Я на это не претендую, по крайней мере в настоящем письме. Ограничусь только некоторыми замечаниями.

Говоря о рабочем классе, нужно бы найти ответ на ряд вопросов, как, например: какой процент рабочих, занятых теперь в нашей промышленности, поступил в нее после революции и какой процент был занят в ней до революции; какой процент из них участвовал в революционном движении в старое время, участвовал в забастовках, был в ссылках и тюрьмах, участвовал в гражданской войне или в Красной Армии. Какой процент рабочих, занятых в промышленности, работает там непрерывно, какой временно, каков процент полупролетарских, полукрестьянских там элементов и т. д.

Если будем опускаться по вертикальной линии и проникать в гущу пролетарских, полупролетарских и вообще трудящихся масс, мы натолкнемся на целые слои, о которых очень мало у нас говорят. Я не имею в виду только безработных, явление растущей опасности, которую опять-таки сигнализировала оппозиция, а те нищенские и полунищенские массы, живущие на меже между ничтожными субсидиями, выдаваемыми государством, нищенством, воровством и проституцией.

Мы себе не представляем, кто живет и как живет, может быть, всего в нескольких шагах от нас. Иногда случайно наталкиваешься на явления, о которых ты не подозревал в Советском государстве, производящие впечатление обвала, который ты неожиданно открыл. Это, конечно, существовало и раньше. Здесь речь идет не о том, чтобы оправ-

дывать Советскую власть в том, что она не смогла справиться с еще тяжелым наследием царско-капиталистического режима, а о констатировании наличия на теле рабочего класса в наше время таких трещин, куда может вбить клин буржуазия.

Раньше, при буржуазной власти, сознательная часть рабочего класса увлекала за собой и эту широкую массу, вплоть до полулюмпенов. Свержение капиталистического режима должно было принести освобождение всего рабочего класса. Полулюмпенский элемент возлагал на буржуазию и на капиталистическое государство ответственность за свое положение и ждал от революции перемены своего положения. Теперь этот элемент недоволен, его положение не улучшилось, он начинает относиться враждебно к Советской власти, а также и к той части рабочего класса, которая занята в промышленности. В особенности этот элемент начинает относиться враждебно к советским, партийным и профсоюзным служащим. Иногда вы услышите, как они называют рабочую верхушку «новым дворянством».

Я не буду здесь распространяться о той дифференциации, которую внесла в рабочий класс власть и которую я назвал выше «функциональной». Функция внесла изменение в самый орган, т. е. в психологию тех, на которых возложены различные руководящие задачи в государственной администрации или государственном хозяйстве; он изменился до такой степени, что они перестали быть не только объективно, но и субъективно, не только физически, но и морально частью того же рабочего класса. Например, хозяйственник «Держиморда», хотя и коммунист, хотя и вышедший из пролетариата, хотя, может быть, и был несколько лет тому назад у станка, отнюдь не будет воплощать перед рабочими лучшие качества, которые имеет пролетариат. Молотов может сколько угодно ставить знак равенства между пролетарской диктатурой и между нашим государством с его бюрократическими извращениями плюс смоленские насильники, ташкентские расстратчики и артемовские проходимцы.

Этим он сможет лишь компрометировать диктатуру пролетариата, не разоружив законное недовольство рабочих.

Если перейдем к самой партии, то здесь сверх всех тех оттенков, которые мы имеем в рабочем классе, нужно прибавить еще выходцев из других классов. Социальная структура партии гораздо более разношерстна, чем структура рабочего класса. Это было всегда так, с той, конечно, разницей, что, когда партия жила интенсивной идейной жизнью, она активной революционной классовой борьбой превращала в один общий сплав эту социальную амальгаму.

Но, как в рабочем классе, так и в партии, власть вызывает ту же самую дифференциацию, сближая швы между различными социальными лоскутами.

Советская и партийная бюрократия — это явление нового порядка. Здесь идет речь не о случайных преходящих фактах, не об индивидуальных недочетах, не о прорехах в поведении того или иного товарища, а о новой социологической категории, которой нужно посвятить целый трактат.

Вы спрашиваете, что случилось с активностью партии и нашего рабочего класса, куда исчезла революционная инициатива, куда делись идейные интересы, революционное мужество, плебейская гордость. Вы удивляетесь, почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма и многого другого, что я прибавил бы со своей стороны. Как получается, что люди с богатым революционным прошлым, лично несомненно честные, дававшие неоднократно примеры революционной самоотверженности, превратились в жалких чиновников.

Самое печальное — отсутствие рефлекса со стороны партии и масс. В течение двух лет происходила особенно ожесточенная борьба оппозиции против большинства верхушки, а в течение последних 8-ми месяцев происходят события, которые были бы способны открыть глаза самому слепому, между тем вмешательство партийной массы еще чувствуется.

Понятен поэтому проявленный некотормыми товарищами пессимизм, который я чувю и в ваших вопросах.

Между тем всегда нужно было исходить из той предпосылки, что дело воспитания партии и рабочего класса дело трудное и длительное, тем более что их мозг нужно чистить от всех тех засорений, которые туда внесла наша советская и партийная действительность и наша партсоветская бюрократия.

Не нужно упускать из виду, что большинство партийцев (я уже не говорю о комсомольцах) имеет о задачах, функциях и структуре партии самые фальшивые представления, какие им преподает бюрократия своими примерами, своей практикой и своей шпаргалкой. Все те рабочие, которые вступили в партию после гражданской войны, в подавляющем своем большинстве — после 23-го года (Ленинский набор), не имеют никакого представления о том, каков раньше был партийный режим. Большинство этих рабочих лишено классового революционного воспитания, которое приобретается в борьбе, приобретается в жизни и сознательной практике. Раньше это классовое сознание приобреталось в борьбе с капитализмом, теперь оно должно было приобретаться в участии в социалистическом строительстве. Но так как из этого участия наша бюрократия сделала пустой звук, то рабочие нигде его не приобретают. Я исключаю, конечно, как ненормальные способы классового воспитания то, что наша бюрократия, понижая фактически заработную плату, ухудшая условия труда, способствуя развитию безработицы, вызывает у рабочих классовую борьбу и классовое самосознание, но враждебные социалистическому государству.

В представлениях Ленина и во всех наших представлениях задача партийного руководства заключалась именно в том, чтобы предохранить партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти от прикосновения ее с остатками старого дворянства и мещанства, от развращающего

влияния нэпа, от соблазнов буржуазных нравов и их идеологии.

На партийное руководство в то же самое время мы возлагали надежды создания нового, действительно рабоче-крестьянского аппарата, новых, действительно пролетарских профсоюзов и нового быта.

Нужно сказать откровенно, отчетливо и громко, что эту свою задачу партийный аппарат не выполнил, что в этой своей двойной охранительной и воспитательной роли он проявил полную неспособность, он провалился...

Мы давно были убеждены, но последние 8 месяцев должны были каждому это показать, что партийное руководство шло по самому гибельному пути. Оно продолжает и теперь идти по этому пути.

Наши упреки в его адрес не касаются, так сказать, количественной стороны дела, а — качественной. Это нужно подчеркнуть, потому что они опять забрасают цифрами относительно бесконечных и всесторонних успехов сов- и партаппаратов.

Нужно положить конец этому статистическому шарлатанству.

Я считаю, что существующая советская и партийная бюрократия будет и в дальнейшем продолжать с таким же успехом культивировать вокруг себя гнойник, несмотря на громкие процессы последних месяцев. Не изменится она и от того, что в ней будет произведена чистка: относительную ее полезность и абсолютную ее необходимость, конечно, я не отрицаю. Я хочу подчеркнуть лишь, что вопрос не в изменении только личного состава, но главным образом в изменении методов.

По-моему, первое условие для того, чтобы наше партийное руководство могло играть роль воспитательную, — сократить его объем и функции. Три четверти этого аппарата должны быть распущены, а задачи остальной четверти должны быть введены в строжайшие рамки, в том числе и задачи, функции и права центральных органов. Члены партии должны войти в свои поправные права, получив надежные гарантии против того произвола, к которому нас приучила верхушка.

Трудно себе представить, что творится в низовом партийном аппарате. В борьбе с оппозицией в особенности выявилось его идейное убожество и развращающее влияние, которое оно оказывает на партийную рабочую массу... Если в партийных верхах была еще какая-то идейная, хотя и неправильная, хотя и софистическая с большой дозой недобросовестности, линия, то в низах против оппозиции пускались главным образом аргументы неудержимой демагогии. Агенты партии не стеснялись здесь выезжать и на антисемитизме, и на коснофобии, и на ненависти к интеллигенции и т. д.

Я считаю утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на партийную бюрократию.

Резюмирую: констатируя вместе с вами неактивность партийной массы, я не вижу в этом явлении ничего удивительного. Она есть результат тех перемен, которые произошли в партии и в составе самого рабочего класса. В кадрах партии и в кадрах профсоюзов приходится перевоспитывать партийную и рабочую массу. Этот процесс сам по себе является трудным и длительным, но он неизбежен, он уже начался. Борьба оппозиции, исключение сотен и сотен товарищей, тюрьмы, ссылки сделали для коммунистического воспитания нашей партии хотя еще и немного, но во всяком случае гораздо больше, чем весь аппарат, вместе взятый. В сущности, и сравнивать эти два фактора не следовало бы: аппарат тратил оставленный Лениным партийный капитал не только без пользы, но и с вредом. Он разрушал, а оппозиция строила.

Я до сих пор все время рассуждал, «отвлекаясь» от тех фактов в нашей экономической и политической жизни, которые подвергнуты анализу в платформе оппозиции. Это я делал нарочно, так как вся задача заключалась в том, чтобы указать на перемены, происшедшие в составе и психологии пролетариата и партии в связи с овладением самой властью. Это могло придать односторонний характер моему изложению, но без этого предварительного анализа трудно понять происхождение тех роковых политических и экономических

ошибок, которые делало наше руководство и в деревенской политике, и в рабочем вопросе, и в вопросе об индустриализации, и в вопросе о партийном режиме, и, наконец, в вопросе о государственном управлении.

Х. Раковский

Астрахань, 6-го августа 1928 г.

(Печатается по изданию: Софийские новости, № 39, 28 сентября 1988 г.)

Ленинградский рабочий, 1988, № 45

Наталия Изюмова,
корреспондент газеты
«Московские новости»

СТОН

...Эту группу островов в холодном Белом море мы видим сначала сверху, с самолета. Нам предстоит увидеть их вблизи — такими, каковы они сегодня и какими были более полусотни лет назад, когда в 1923 году их тяжело придавил СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения. Изображение слона было также на казенных бумагах.

В 1936 году лагеря переименовали в Соловецкую тюрьму особого назначения, и получился СТОН, что выразило суть дела.

Это наше прошлое. И это фильм, работу над которым только что завершили в творческом объединении «Круг» студии «Мосфильм» известный режиссер и оператор Марина Голдовская, авторы сценария Виктор Листов и Дмитрий Чуковский.

Документальная лента называется «Власть Соловецкая» и имеет подзаголовок: «Свидетельства и документы». Мне посчастливилось... Нет, не так: мне довелось быть одним из первых зрителей этого фильма и встретиться с его авторами.

Рассказывает историк Виктор Листов:

— Вся наша картина, по существу, запись рассказа соловчан — бывших заключенных, подтверждаемая изображенным рядом — фотографиями, кадрами старой кинохроники, документами, которые нам удалось раздобыть. Их сравнительно немного, лагерные архивы пока недоступны... С чего все началось?

В Красноярском киноархиве до поры до времени лежал очень странный фильм под названием «Соловки». Был он снят в 1927 — 1928 годах по заказу ОГПУ. Сначала его показывали довольно широко, а потом упрятали на самую дальнюю полку.

И вот однажды Дмитрий Сергеевич Лихачев рассказал нам — тем, кто со временем возьмется за фильм «Власть Соловецкая», как сидел он на Соловках, как изучал сленги уголовников и написал тогда же свою первую научную работу, посвященную этим сленгам. А мы рассказали академику о том фильме. Дмитрий Сергеевич очень оживился и с тех пор каждый раз, приезжая из Ле-

нинграда в Москву, звонил и спрашивал: «Когда же можно будет увидеть картину?»

В один из приездов он ее увидел. Пошел фильм, и вдруг академик преобразился: стал петь лагерные песни и частушки и выражать свои чувства, пользуясь всем, без изъятий, богатством великого русского языка. Да, именно Лихачев, почтенный, седовласый ученый... А мы видели как бы двойной план: тот, что на экране, и живого Лихачева в зале. Тогда у нас и возник замысел фильма-комментария к ленте 20-х годов. Вскоре выяснилось, что Дмитрий Сергеевич далеко не единственный из тех, кто пережил Соловки и сегодня может комментировать картину. Это и писатель Олег Волков, и экономист Самуил Эпштейн, и инженер Александр Прохоров, и еще несколько человек.

Были и другие встречи. Совсем другие... Теперь, конечно же, трудно узнать в 80-летнем старике молодого, здорового парня-охранника, которому случалось там, на Соловках, отмывать сапоги от крови: такая была у него манера — топтать заключенных ногами...

Мы увидим их в фильме: и тюремщиков, и юных узников Соловков — на выцветших фотографиях, где только два контрастных цвета — черный и белый; и они же сегодня...

Кадры старого фильма покажут нам мальчишку, читающего газету. То ли на треск камеры, то ли на оклик он поворачивается лицом в кадр. И он же сегодняшний рассказывает о себе тогдашнем.

Тимка Лагутин с детства любил читать про путешествия, про дальние страны. Вот и удрал из-под тяжелой, скорой на расправу отцовской руки в портовый город Новороссийск. Занимали его пальмы и прерии, и он попытался сесть на иностранный корабль. Его, разумеется, перехватили, и пятнадцатилетний «нарушитель границы» с моря Черного понал на море Белое...

Рассказывает Виктор Листов:

— А знаете, что он читал в той газете? Рассказ о спасении экспедиции Но-

биле. Фильм снимали как раз в 1928 году, когда экспедиция к Северному полюсу, которой руководил Умберто Нобиле, потерпела катастрофу неподалеку от Шпицбергена. И в общем-то Тимка Лагутин оказался географически ближе многих своих сверстников к тем захватывающим событиям, вся эпопея происходила, можно сказать, с ним рядом, рукой подать... А на самом деле — трагически дальше. А потом Ефим Лагутин сидел в лагерях на материке: отсидит срок, выйдет на волю, а как пойдет новая волна репрессий, о нем тотчас и вспомнят.

...Путь в этот соловецкий ад был, как обычно, вымощен благими намерениями. Например, осенью 1926 года был принят декрет ВЦИК, в котором говорилось, что теперь можно содержать преступников без конвоя. Перековавшись, они будут возвращаться в нашу здоровую трудовую семью. И не только песней, а символом веры звучало: «Мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд». Было убеждение, что труд, и только труд, преобразует личность и что пора покончить с тюрьмами — этим гнусным наследием эксплуататорского режима. И вместо них устроить лагеря, чтобы свободный труд не совсем свободно собравшихся людей способствовал перековке растратчиков и проституток, воров и пэманов, преступивших закон беспризоринок и «буржуазных» интеллигентов в полноценных граждан страны. Вот так были задуманы Соловки: чуть ли не «город Солнца» посреди ледяного моря. Над воротами одно время была надпись: «Соловки — рабочим и крестьянам». Имелась в виду продукция, которую лагеря поставляли стране. Второй, страшный смысл надписи тогда едва ли кто то мог предугадать.

За одну ночь в 1929 году — за одну ночь! — здесь было расстреляно 300 заключенных. А за всю дореволюционную историю Соловков здесь побывало 316 узников. И ссылались-то сюда стали только при Иване Грозном, с него началась эта традиция.

...Фильм показывает: словно в зеркале

злого волшебника, все искажено, все шиворот-навыворот — гуманная идея перевоспитания трудом вырождается в надругательство над тем, что есть человек. И белогвардейский офицер Курилко, попавший сюда в заключение и ставший эзковским начальством, встречает новых невольников оплеухой и присловьем: «Здесь власть не Советская — здесь власть Соловецкая. Нога прокурора здесь не ступала...» Новый поворот — и вот уже самого Курилко — за жестокость! — ведут на расстрел. И он требует, чтобы ему не завязывали глаза: «Желаю умереть как белый офицер и заслуженный чекист!»

Рассказывает Виктор Листов:

— Лагерь начал формироваться из представителей бывших политических партий, с одной стороны, и из проштрафившихся чекистов — с другой. Еще была волна уголовников, хлынувшая на остров с середины двадцатых. И возник совершенно противостественный в принципе, но совершенно естественный в тех условиях союз штрафников-чекистов и бывших белогвардейцев, которые объединились, чтобы держать в узде уголовную массу. Но и сами они перенимали уголовные нравы. Волчьи законы уголовного мира стали едиными для всех.

Соловки сложились как маленькое государство, ставшее одним из первых очагов будущего ГУЛАГа (Главное управление лагерей). Здесь были свои мини-наркоматы, все эти части: административная, информационно-следственная, культурно-воспитательная. Были своя железная дорога, свои паромы и аэроплан, своя радиостанция, свои театры и даже журналы и газета.

И вот даже своя кинематография — фильм, сделанный по заказу ОГПУ, с документальной основой, но с лживой трактовкой. Мы нашли протокол обсуждения этой картины в Обществе друзей советского кино в Москве. Выступает работница и говорит, что эту картину выпускать на экран нельзя. Мол, что же получается: мы тут в Москве стоим на биржах труда, нам нечем кормить детей, а вы показываете, как эта контра, эти уголовники там прекрасно живут. И ведь этой женщине невдомек, что

уже начались пытки, что человека могут раздеть догола и держать, пока его живо не сожрут комары. Это так и называлось: «поставить на комара».

Сообщения о соловецких ужасах просочились на Запад. Об этом стала шуметь европейская пресса, и тогда в 1929 году на Соловки приехал Горький. Ему, как предполагает Д. С. Лихачев, доходчиво объяснили: если он убедит мировую общественность, что разговоры обо всех этих ужасах сильно преувеличены, то режим на Соловках на самом деле будет смягчен. И мы пытаемся доказать в своей картине, что Горький понял: ему лгут. Но правды все-таки не узнал. Или не захотел узнать? Конечно же, когда ему показывали штрафную роту на Секирной горе, там в тот день не пытали и не расстреливали. Конечно же, при Горьком человека с привязанным к спине бревном не сбрасывали с крутой и длинной лестницы, так что ее подножия достигала лишь бесформенная кровавая масса. Ему показывали чистые скатерти в столовой и белые простыни в бараках.

В фильме мы слышим не только голоса тех, кто был на Соловках и выжил. Кинематографисты стали свидетелями поразительной находки (мы увидим, как это было): на Секирной горе в церкви сотрудники местного музея обнаружили несколько неотправленных писем заключенных. Эти письма звучат в фильме, потрясая своей обыденностью. Упреки: «Что же ты меня так скоро забыла?» Просьбы: «Пришли чесноку и сухарей...» Как будто специально ждали своего часа эти письма на страшной Секирной горе. Множество там и надписей, и фамилий заключенных, от латышских до китайских.

Рассказывает Виктор Листов:

— Писатель Горелов — это еще один соловчанин — рассказал нам, как он сидел на Соловках с немецкими антифашистами, которые знали, что такое гитлеровские тюрьмы.

...В 1939 году летом, примерно в тех же числах, когда Риббентроп и Молотов подписали в Москве известный договор, заключенных отправили в Си-

бирь. Не всех. Только трудоспособных. Слабосильных стариков и доходяг погрузили, если верить легенде, на баржу «Клара», и следы этой баржи затерялись где-то в Белом море.

Так в 1939 году СТОН закончил свое существование. Это была первая проба сталинской лагерной системы.

Живы узники Соловков. Немногие, но живы.

Живы и палачи. Некоторые.

Дмитрий Сергеевич Лихачев одного из них на фотографии узнал — мы видим этот момент в фильме, — но отказался назвать имя: у старика есть дети и внуки, возможно, они носят его фамилию.

Да, не в именах дело. Просто следует помнить, что они живы и хорошо себя чувствуют.

Московские новости, 1988, № 43

В Политиздате выходит книга «Историки спорят». Она поднимает широкий круг проблем развития советского общества — от гражданской войны до наших дней. Корреспондент «МН» встретился с одним из авторов — доктором исторических наук Татьяной Коржихиной.

— Чем интересна новая работа? Не очередной ли это сборник апробированных взглядов и оценок, к которым мы привыкли со школьной скамьи?

— Этого-то я боялась прежде всего. По крайней мере, в той главе (она написана совместно с доктором исторических наук Александром Степанским) старалась привести материал, который затрагивал бы сегодняшние наши думы, помог бы ответить на тягостные вопросы: как, каким образом, из каких источников подпитывался в начальном периоде культ Сталина? И, как ни странно, они открываются в самых неожиданных местах. Например, в сборнике речь идет о деятельности Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Официально оно родилось в 1921 г., объединив 2381 человека. Это были народовольцы, землевольцы, анархисты, большевики, меньшевики, эсеры, социал-демократы Польши и Литвы, бундовцы, беспартийные. Все вместе они провели в тюрьмах 10 086 лет, на поселениях — 1041 год, носили кандалы 3086 лет.

Однако около 35 процентов старых революционеров общество игнорировало... Среди них и Вера Николаевна Фигнер. Известная революционерка — член исполкома «Народной воли», она участвовала в подготовке покушений на Александра II в 1880 г. в Одессе, в 1881 г. в Петербурге; выданная провокатором (С. П. Дегаевым), была арестована 10 февраля 1883 г. в Харькове и в 1884 г. по «процессу 14-ти» была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывала сначала в одиночном заключении в течение 20 лет в Шлиссельбурге, затем, с 1904 г., — в ссылке. В 1906—1915 гг. жила за границей, где развернула кампанию в защиту политзаключенных в России. После Октябрьской революции 1917 г. занималась литературным трудом, выпустила несколь-

ко книг очерков истории революционного движения в России, биографий революционеров. Фигнер пользовалась огромным авторитетом в революционной среде, однако в общество не вступала.

Почему? Думаю, те два документа, которые приведу, ответят не только на этот вопрос, но и на тот, который мы задаем сейчас: как же начинались сталинские репрессии?

7 июля 1932 г., в день 80-летия Фигнер, Е. М. Ярославский от имени Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев направил Вере Николаевне приветствие, в котором, в частности, говорилось: «Кроме того, я выражаю уверенность, что Вы, подобно всем нашим товарищам, вступите в члены Общества б. политкаторжан и ссыльных. О том, что Вы не состоите членом нашего общества, я с изумлением и огорчением узнал только сегодня, в день Вашего юбилея».

Вера Николаевна находилась в это время в доме отдыха Общества в Михайловском. Оттуда 17 июля она написала письмо.

Ваше извещение от 8.VII привело меня в смущение,— пишет Фигнер,— и побуждает объяснить вам, почему до сих пор принципиально я не вступила в О-во.

1). Я принципиальная противница смертной казни и дважды вместе с некоторыми старыми товарищами по революционному движению подавала во ВЦИК петицию об отмене ее.

Между тем О-во, втянутое в политику, ставится иногда в необходимость высказаться по поводу применения этой репрессии и, увы, выражает одобрение применению ее.

2). Не зная современного метода политического расследования дел, в которых на карте стоит свобода и жизнь человека, не зная, чем вызываются признания подследственных виновности своей при полном отсутствии ее, О-во, втянутое в политику, ставится в необходимость давать резолюцию, одобряющую деятельность ГПУ, и, увы, дает одобрительную санкцию.

3). Следуя тому, что делается в правительственных учреждениях, О-во,

втянутое в политику, производит «чистку», употребляя недопустимое вторжение во внутреннее «я» человека, и практикует то, что возмущает всех мыслящих людей унижением человеческой личности,— вместо того, чтобы поднять свой голос против этого метода контроля, противоречащего всей нашей прежней революционной этике.

Т. К. Этот пункт требует пояснений. Действительно, в начале 20-х и затем в начале 30-х годов прошли «чистки» в партии и в государственном аппарате. В 1925 г. Общество также провело перерегистрацию, в результате которой из него был исключен и выбыл 791 чел. Главными причинами исключения были следующие: несоблюдение уставных требований (исключено было, например, 38 чел. «подаванцев», то есть подававших прошения о смягчении участи, или осужденные, как выяснилось, не по политическим, а по уголовным делам), осужденные уже после революции органами Советской власти и др.

И четвертая причина заключалась в самом внутреннем организационном построении Общества. По партийной принадлежности в составе Общества было 38,2 % членов и кандидатов в члены ВКП(б) и 57,8 % беспартийных (0,2 % эсеров-максималистов, 0,2 % анархистов-коммунистов, 3,5 % не указали партпринадлежность), но только большевики организовали в составе общества свою фракцию, которая играла значительную большую роль в выборе решений, чем, например, Президиум или Центральный Совет общества).

Но продолжим письмо.

4). Втянутое в политику О-во, как все русские граждане, стремившиеся к свободе, гражданскому и социальному равенству, терпят неравенство, имея монопольную политическую фракцию и подъяремное большинство, именуемое беспартийным. Положение этих двух сторон я считаю ненормальным и для составляющих большинство — унижительным.

Заканчивалось письмо так:

Находясь официально вне О-ва, я всегда чувствовала тягость своего положения: революционная среда — моя

родная среда. С О-вом, с совокупностью его членов я связана неразрывными узами, связана всей жизнью, жизнью революционера и жизнью человека.

Со стороны товарищей — членов О-ва я всегда видела хорошее, теплое отношение: мне было приятно слышать, когда с особенным чувством кто-нибудь говорил: «Наша Вера Николаевна».

...Я пишу вам все это, руководствуясь единственно тем, что не могу и не хочу получить знак доверия и почта воровским способом. Судите сами!

У меня же нет ни мелкого тщеславия, ни мелкого честолюбия.

Вера Фигнер.

Ем. Ярославским был составлен проект ответа от имени общества, к которому была приложена очень любопытная записка (вероятно, в секретариат общества) следующего содержания:

Срочно перепечатать и сегодня послать его т. Шумяцкому с просьбой срочно показать этот проект членам Президиума (Фракции). Если нет возражений, я пошлю этот проект в ЦК (с т. Кагановичем я уже говорил по поводу этого письма).

«1.VIII.32 г. Т. Вере Николаевне Фигнер!

Президиум Центрального Совета Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев не может пройти мимо Вашего письма от 17.VII.32 г., в котором, объясняя причины, почему Вы до сих пор не вступили официально в члены Об-ва, бросаете нашему Об-ву упреки, свидетельствующие прежде всего о том, что Вы стоите не только далеко от идей пролетарской революции, но встали в противоречие с лучшими традициями партии «Народной Воли», дела которой Вы описали в «Запечатленном труде».

Основной упрек Вашего письма — Вы трижды на этом останавливались, что общество «втянуто в политику». То, что Вы считаете недостатком общества, является лишь продолжением нашей борьбы за социализм. Вы же проповедуете либеральное отношение к врагам пролетарской революции, к агентам капитала, к созна-

тельным вредителям социалистического строительства.

Вы знаете, что даже бывшие соратники Ваши в большинстве не согласны с Вами, ибо они никогда не были толстовцами, либералами и не отказались от революционных традиций, требующих беспощадной расправы с врагами социалистической революции. Вы оказались, к сожалению, к концу жизни не с передовой силой революции, частью которой является и наше общество. Именно потому, что мы никогда не отделяли себя от дела революции, мы высказывали и высказываем одобрение карательным мерам Советской власти по отношению к врагам пролетарской революции, именно поэтому же высказывали не раз одобрение карающему мечу пролетарской диктатуры ОГПУ за его беспощадную расправу с поднявшими руку на жизнь Ленина, организаторами восстаний против пролетарского государства, с вредителями, агентами международного империализма, поджигателями войны. Мы считаем объективно преступным всякое иное отношение к интересам революции. Поэтому Ваши упреки мы принимаем, как политическую похвалу...

...Наконец, о равенстве членов Об-ва. Вы не можете указать ни одного факта неравенства. Вы прекрасно знаете, что «монополярная политическая фракция», как Вы называете фракцию ВКП(б), никогда ни в одном случае не проводила решений в Об-ве без согласия Об-ва. Вы знаете, что героическая борьба пролетариата в наши дни во всем мире происходит под руководством коммунистов. Это признают многие Ваши товарищи по партии «Народной Воли»: одни из них вступили в наши ряды еще до революции 1917 г., другие в период пролетарской диктатуры, третьи, не вступая в члены ВКП(б), помогают честно и с пользой пролетарской революции. Подавляющая часть так называемых «беспартийных» членов Об-ва, считая для себя делом чести помочь ВКП(б). (Так в тексте. — Т. К.) И в этом воп-

росе Вы стоите на чуждой революции точке зрения.

Все это мы вынуждены с сожалением констатировать в связи с полученным от Вас письмом. Приветствуя Вас в день 80-летия и высказав пожелания, чтобы Вы были членом нашего Об-ва, мы исходили из ряда Ваших высказываний, дававших нам, как нам казалось, право сделать этот шаг. Ваше письмо заставляет нас пересмотреть и это наше отношение к Вам. Ибо Ваше письмо, в котором Вы упрекаете Об-во в том, что оно «втянуто в политику», также проповедует **особую политику**. И здесь мы обязаны внести ясность. Наша политика — это политика пролетарской социалистической революции. Вы же проповедуете политику разоружения перед врагами революции, политику либерализма, пацифизма, обывательского отношения к величайшей борьбе наших дней. Сейчас нет и не может быть «нейтральных» в этой борьбе людей...»

Эти письма написаны за пять лет до 1937-го.

Московские новости, 1988, № 45

**«ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!»**

Среди множества документов, возвращающихся к нам сегодня и решительно меняющих наше представление о событиях совсем недавней истории, этот документ, автор которого Мартемьян Никитич Рютин, занимает особое место. Это документальное свидетельство самой значительной, в сущности, попытки оказать реальное сопротивление уже утвердившейся сталинской деспотии, более того — радикально повернуть ход событий. Это — свидетельство преодоления страха...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ВКП(б)

Товарищи!

Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти.

Если за первое десятилетие Советской власти, при коллективном руководстве Центрального Комитета и всей партии, рабочий класс героическим напряжением сил добился крупнейших успехов в деле развертывания социалистического строительства, улучшения положения всех трудящихся и укрепления пролетарской диктатуры, то за последние годы при посредстве Сталина положение Советского Союза, наоборот, с каждым годом систематически и гигантски ухудшается. Развал и дезорганизация всей экономики страны, несмотря на постройку десятков крупнейших предприятий, приняли небывалые размеры. Вера масс в дело социализма подорвана, их готовность самоотверженно защищать пролетарскую революцию от всех врагов с каждым годом ослабевает.

Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревнях, так и в городах.

Промышленность работает лишь с половинной нагрузкой и притом в значительной части на суррогатах; качество продукции в результате погони за выполнением дутых темпов чрезвычайно низкое; производительность голодного рабочего сильно упала; зарплата в провинции зачастую не выплачивается по нескольку месяцев, налоги с обнищавшего населения выколачиваются уже с трудом; уже началось сокращение рабочих и служащих; перед пролетариатом встает во весь рост призрак грядущей гигантской безработицы; сырьевая база в корне подорвана.

В перспективе — дальнейшее свертывание промышленности и прекращение капитального строительства, так как источники финансирования промышленности будут с каждым днем стремительно ухудшаться.

В перспективе — дальнейшее обнищание пролетариата и рост голода.

Еще более мрачная и тяжелая картина в деревне.

Ограбление сельского населения, принудительная коллективизация привели к тому, что скота осталось не более 30 процентов от 1927 года, причем и эти остатки в колхозах и совхозах гибнут от бескормицы; новых крестьянских построек не возводится, а старые не ремонтируются и большей частью растаскиваются, сельскохозяйственный инвентарь разбит и разрушен, семян на посев не хватает больше чем наполовину; земля обработана плохо, а часто совсем не обработана, тягловой силы недостает.

Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях; насильственно созданные колхозы разваливаются. Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает и питается суррогатами. Эпидемии начинают свою работу.

В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни.

В перспективе — угроза сильнейшего голода на будущий год.

Внутренняя торговля также находится в состоянии хаоса: червонец обесценен, беспринципная политика цен беспомощно мечется из стороны в сторону; цены повышаются; на почве бестоварья, голода и расстройств всей экономики страны пышным цветом расцветает во всех областях и во всех формах спекуляция. Внешнеторговый баланс имеет огромный дефицит; экспорт в корне подорван и держится лишь за счет обнищания масс.

Планирование превратилось в сплошное очковитительство и обман; всюду получаются неизбежные прорывы, вину за которые сталинское руководство взваливает на низовых работников; планы выполняются на 60—70 процентов, возможность экономического продвижения и регулирования сведена на нет, экономика страны дезорганизована, и все ее развитие поставлено под власть стихии.

А в это время XVII Всесоюзная партконференция сталинских чиновников, нагло и цинично издеваясь над партией, пролетариатом и всеми трудящимися, заявляет, что мы вступили в социалистическое общество и что у нас «растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета, уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растут из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян».

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабо-

чего и крестьянина. Всякая революционная законность попорана! Всякая уверенность в завтрашнем дне потеряна! Рабочий класс и трудящиеся массы деревни доведены сталинской политикой до отчаяния.

Ненависть, злоба и возмущение масс, наглухо завинченные крышкой террора, кипят и клокочут. Восстания крестьян с участием в них членов партии и комсомола непрерывной волной разливаются в последние годы по всему Советскому Союзу. Забастовки рабочих, несмотря на свирепый террор, аресты, увольнения и провокации, вспыхивают то там, то здесь.

Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей.

Центральный Комитет стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе, а областные комитеты — неправыми придатками при секретарях областкомов.

Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происшедших изменений в жизни партии и «18 брюмера Сталина» превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного и несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх.

Системой угроз, террора и обмана партия вынуждена играть роль безгласного, слепого орудия Сталина для достижения его личных честолюбивых замыслов. Партийные массы в своем подавляющем большинстве настроены против сталинской политики, но они

забиты и затравлены партийным аппаратом.

Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задущена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением.

Партийный аппарат в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсекающей одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю. На партийную работу вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных, готовых твердо отстаивать перед кем угодно свою точку зрения членов партии чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи.

Природа и внутренняя сущность пролетарской диктатуры извращены. Советы доведены за последнее время до роли убогих придатков партийного аппарата, из органов, близких и родных массам, превращены в бездушную бюрократическую машину. Профсоюзы из школы коммунизма, где рабочие должны воспитываться в духе сознательного отношения к социалистическому производству и в то же время получать защиту от бюрократических извращений рабочего государства, превращены в подсобный орган нажима на рабочих и расправы с инакомыслящими.

Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательством и терроризирования масс.

Антиленинская политика руководства партией дополняется антиленинским руководством Коминтерном. Коминтерн из штаба мировой коммунистической революции низведен до роли простой канцелярии Сталина по делам компартий, канцелярии, где сидят трусливые чиновники, послушно выполняющие волю своего начальника. Кризис ВКП(б) привел к кризису Коминтерна. Все ком-

партии, за исключением германской, не растут, а уменьшаются. Влияние их, как показали выборы в английский парламент, выборы президента в Германии, не поднимается, а падает. Центральные Комитеты компартий вынуждены обманывать массы как в отношении действительного положения в ВКП(б), так и в отношении Советского Союза вообще. Этот обман, тем или иным путем обнаруживающийся, вносит в массы разброд и разочарование.

Беспринципная, авантюристическая политика внутри СССР сопровождается за последнее время такими же беспринципными трюками в разрешении международных вопросов. Позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к выступлению Японии в Маньчжурии, Шанхае была явно оппортунистической. В настоящее время при растущей угрозе войны, в свою очередь, нет надлежащей мобилизации сознания масс вокруг этого вопроса. Проводимые аппаратные мероприятия и комбинации вызывают среди рабочих лишь чувство растерянности.

Сталин и его клика не могут повернуть на верный ленинский путь, у них нет выхода, они безнадежно изолгались и попали в безвыходный тупик. Они будут и дальше беспомощно метаться из стороны в сторону, все больше запутываться и запутывать других, все больше усложнять и ухудшать положение, не смея допустить, чтобы партия свободно выразила свою волю. Ложью и клеветой, расстрелами и арестами, пушками и пулеметами, всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину.

По своему объективному содержанию роль Сталина — это роль Азефа ВКП(б), пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики.

Партийные и рабочие массы обязаны спасти дело большевизма, они обязаны свою судьбу взять в свои собственные руки. Сталин и его клика не уходят и не могут добровольно уйти со своих

мест, поэтому они должны быть устранены силой.

Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер.

Для борьбы со сталинщиной, за восстановление прав партии и пролетарской диктатуры, за возвращение партии на старый испытанный ленинский путь социалистического строительства мы, члены ВКП(б), собравшись на всесоюзную конференцию, постановили организовать «Союз марксистов-ленинцев».

Этот Союз — союз защиты ленинизма — является частью ВКП(б), не имеет интересов, отличных от интересов партийных масс и рабочего класса. Он, наоборот, будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике.

Союз марксистов-ленинцев стоит на точке зрения необходимости систематического развертывания индустриализации страны на основе действительного улучшения материального положения пролетариата и всех трудящихся. Но в настоящий момент он ставит своей задачей в первую очередь непримиримо бороться против сталинских методов и темпов индустриализации на основе невиданного разорения, обнищания и голода всей страны, ибо такая индустриализация не является подлинно социалистической и не может вести к построению социалистического общества.

Союз марксистов-ленинцев стоит на точке зрения необходимости всемерного содействия действительно добровольной коллективизации при одновременной систематической помощи развитию индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства, но в настоящий момент он будет в первую очередь решительно бороться против насильственной сталинской коллективизации, так как она в корне противоречит про-

грамме партии и Коминтерна и на практике потерпела полное банкротство.

Союз марксистов-ленинцев стоит на точке зрения непримиримости классовых интересов между пролетариатом и капиталистическими элементами внутри СССР. Союз будет решительно бороться против затушевывания классовых противоречий между трудящимися массами города и деревни, но в настоящий момент он ставит своей задачей систематически и неуклонно разоблачать и вскрывать антиленинский характер разжигания классовой борьбы и гражданской войны в условиях пролетарской диктатуры, ибо такое разжигание подрывает и дезорганизует рабочее государство и социалистическое строительство.

Союз марксистов-ленинцев является самым непримиримым врагом всякого подлинного оппортунизма, но в настоящих условиях он прежде всего ставит своей основной задачей беспощадно бороться со сталинским опощением, превращением в карикатуру, в орудие клеветы, лжи и террора ленинского учения о борьбе с оппортунизмом, ибо это дискредитирует ленинизм, деморализует партию, укрепляет и выращивает подлинный оппортунизм.

Для осуществления перечисленных выше задач должны объединиться все подлинные большевики, все испытанные ленинцы, все настоящие пролетарские революционеры. В свете переживаемых нами событий старые внутрипартийные группировки безнадежно устарели и теряют свое значение, история поставила перед нами вопрос не о тех или иных ошибках или оттенках в понимании отдельных вопросов ленинизма, а о самом существовании большевистской партии и рабочего государства. Основной водораздел партии проходит в настоящее время не по линии «за Троцкого или против», «за Бухарина или против», а за продолжение сталинского руководства и неизбежной гибели ленинской партии и Советской власти или за ликвидацию сталинщины, спасение ВКП(б) и пролетарской диктатуры.

Опасения Ленина в отношении Сталина — о его нелояльности, нечестно-

сти и недобросовестности, о неумении пользоваться властью — целиком и полностью оправдались: Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее.

Мы призываем всех истинных ленинцев всюду и везде на местах организовывать ячейки Союза защиты ленинизма и сплотиться под его знаменем для ликвидации сталинской диктатуры.

Немедленно за работу! Пора покончить с состоянием растерянности и страха перед репрессиями обнаглевшего беспринципного политика и изменника делу ленинизма, покончить с бессильным брюзжанием и нытьем и начать самоотверженно бороться, не ждать начала борьбы сверху, а начинать ее снизу. Террору противопоставить мужество и сознание величайшей правоты нашего дела. Каждый член партии, которому дороги завоевания Октября и дело социализма, должен быть организуемым центром для объединения вокруг себя преданных, честных, надежных товарищей. Каждый подлинный ленинец везде, где это возможно, должен пропагандировать разрешение стоящих перед нами задач в кратчайший срок, ибо события не ждут.

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!

*Всесоюзная конференция
Союза марксистов-ленинцев*

июнь 1932 г.

Прочитай, передай другому. Размножай и распространяй.

Юность, 1988, № 11

ЦАРЬ-ГОЛОД

«Мы покончили навсегда и бесповоротно с нищетой в деревне, с постоянной угрозой голода, которая при царе и помещике висела над десятками миллионов крестьян».

Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров произнес эти слова 12 марта 1933 года. На Украине и в Поволжье, в Казахстане и нечерноземной России, на Южном Урале и Северном Кавказе миллионы новоиспеченных колхозников уже несколько месяцев умирали от небывалого голода.

В официальной истории нашей страны, очень долго служившей развернутым доказательством сталинского тезиса «наши успехи велики и необычайны», год 1933-й, конечно, не был отмечен знаком огромного всенародного бедствия. Но память о нем жила всегда, хотя только в самое последнее время упоминания о 1933-м появились на страницах печати. Как это часто у нас бывает, литераторы стали осваивать эту тему значительно раньше историков.

Украинский писатель Юрий Щербак работает над книгой о голоде 1932—1933 годов на Украине. В 1989 году ее намерен опубликовать журнал «Юность». С писателем беседует корреспондент еженедельника «Собеседник» К. Михайлов.

— Юрий Николаевич, молодым читателям вы известны как автор документальной повести о страшной трагедии современности — Чернобыле. Ваша новая книга — о событиях полувековой давности. Что побуждает вас обратиться к истории?

— Написать о голоде 1933 года всегда было моей самой потаенной мечтой. Если бы не чернобыльская катастрофа, я занялся бы голодом раньше. Но дело не только в моих желаниях и склонностях. 33-м «болело» целое поколение наших отцов, целое поколение украинских писателей, которые его пережили. Сказать слово правды о голоде они не имели возможности. Писал о нем Олесь Гончар, но каждое упоминание безжалостно «вырубалось». Роман Михаила Стельмаха «Четыре брода» не публиковали пять лет — в нем были сцены голода, — потом роман вышел без них. Из книги Василя Земляка «Лебединая стая» выбросили замечательную аллегорическую сцену, где в голодный год лошади ложатся умирать на площади и вспоминают о богатых ярмарках, шумевших на ней в 1927—1928 годах...

Я мог бы назвать еще десятки имен писателей, пытавшихся говорить о голоде 1933-го, — тщетно, потому что до самого последнего времени эта тема была категорическим табу. Лучшая, пронзительная книга о 1933-м у нас до сих пор не опубликована. Это «Все течет» Василия Гроссмана.

А у меня... у меня несколько лет назад был показавшийся мне тогда странным разговор с нашим писателем Павлом Загребельным. Мне исполнилось тогда пятьдесят лет, и он спросил: «Слушай, неужели ты родился в 1934 году?» Я не понял, что странного, почему такой вопрос. Он объяснил: «Так очень мало у нас юбиляров 1934 года — после голода люди почти не рождались». И я вспомнил, что своих дедов никогда не видел, что родители моего отца погибли в 33-м в Умани, на самой плодородной украинской земле. Вспомнил, как в середине 60-х годов мы с отцом были в Умани, на его родине, и он показал мне огромное, волнистое какое-то поле. Это было кладбище 1933 года. Ни крестов, ни надписей — ничего уже тогда не было, и сколько там похоронено людей, никто не знал. Тогда я и решил, что должен обязательно написать об этом голоде.

«Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность» (И. В. Сталин. Речь на I съезде колхозников-ударников. 1933 год).

«Тогда у нас с голоду умерли отец, 14-летний брат Вася и две сестрички-близняшки Катя и Дуня 1927 года рождения. Ели бурьян с водичкой. Трупы везами вывозили на кладбище. В одну яму по триста душ клали» (Из воспоминаний Антонины Александровны Полищук, село Бужанка Лисянского района Черкасской области).

— Голод 1933 года замалчивали так долго, упорно и умело, что даже сейчас, когда прошло больше пятидесяти лет, мы весьма слабо представляем себе его масштабы. Какие области были им охвачены?

— На первый взгляд это кажется странным, но массовый голод поразил именно хлебные житницы страны — Северный Кавказ, Казахстан, Ставропольский край. Украина голодала практически вся. Больше других пострадали опять-таки самые плодородные ее области — Черниговская, Полтавская, Черкасская, Винницкая. Я ездил по ним, встречался с людьми, пережившими 1933 год, записывал их рассказы. Картина рисуется страшная. Но перед тем, как говорить об этом подробнее, хочу сказать главное: голод 1932—1933 годов ни в коей мере не был стихийным бедствием. Никакие засухи, никакие ураганы не послужили ему причиной. В западноукраинских областях, входивших тогда в состав Польши, — Львовской, Волинской, Тернопольской — никакого голода не было. Сам Сталин говорил, что «в 1932 году хлеба у нас было в стране больше, чем в 1931 году». Урожай 1932 года был на Украине, конечно, не рекордным, но вполне достаточным. Но разразился небывалый голод. От начала и до конца он был организован сверху.

— *Есть версия, что голод был прямым следствием коллективизации, ведь методы ее проведения нанесли в 1929—1933 годах тяжелый урон сельскому хозяйству страны. В ноябре 1932 года «Нью-Йорк таймс», например, писала: «Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода».*

— Да, к 1933 году коллективизация на Украине была уже завершена, и от голода умирали не бедняки с середняками, а колхозники! Но коллективизация сама по себе не была причиной голода. 7 января 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин заявил, что партия «имеет теперь возможность заготавливать 1200—1400 миллионов пудов зерна ежегодно». Хлеб был. Но урожая 1932 года крестьяне не видели. Голод достиг апофеоза после осенних и зимних хлебозаготовок, которые не оставили крестьянину практически ничего — все зерно было выкачано. Нехватка хлеба ощущалась с первых колхозов, еще с 1929 года, но осенью 1932-го начался настоящий мор.

— *«Перегибы на местах» — не правда ли, замечательная формула, до сих пор помогающая перекладывать ответственность за промахи государственных мужей на плечи стрелочников. Вспомним сплошную коллективизацию — и «Головокружение от успехов». Можно ли говорить о перегибах 1933-го?*

— Конечно, ретивые исполнители всегда найдутся, но на этот раз дело было не в них. «Перегибы» шли из центра. В июле 1932 года состоялась конференция КП(б) Украины, на которой тогдашние руководители республики С. В. Косиор и П. П. Постышев пытались оправдаться перед приехавшими из Москвы В. М. Молотовым и Л. М. Кагановичем за недостаточный, по мнению центра, сбор зерна на Украине. И получили от сталинских эмиссаров жесточайшую отповедь, указание выкачивать зерно беспощадно, любой ценой.

Украина и до 1932 года была важнейшей житницей страны. В 1926 году из нее вывезли 3,3 миллиона тонн зерна, в 1930-м — 7,7 миллиона, в 1931-м — 7 миллионов. Если посчитать, что оставалось крестьянам, выйдет триста граммов зерна в день на человека. Но этого, оказалось, было мало. Летом и осенью 1932 года Украина пережила несколько хлебозаготовительных кампаний.

«Когда Сталину доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области разрешили колхозам оставить себе фонды на посев, засыпать страхфонд, он впал в неистовый гнев. 7 декабря 1932 года за его подписью всем партийным органам был разослан циркуляр, в котором Сталин объявил этих руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии». Он потребовал «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому» (*Правда, 1988, 16 сентября*).

Молотов разъезжал по Украине в специальном поезде, останавливался на станциях и, даже не выходя из вагона, вызывал к себе руководителей районов — давал накачку: почему сдали мало зерна. Любые попытки заступиться

за народ кончались репрессиями. И хлебозаготовки шли одна за другой.

«Вы знаете, как иногда приходится проводить заготовки. Мало того, что заготовители ездят, — если заготовки медленно идут, то мы еще всякие бригады в деревни посылаем: одни за хлебом ездят, другие — за мясом, третьи — за маслом, одни с толком ездят, а другие — без толку, а все это государству стоит денег» (С. М. Киров. *Речь на 2-м Ленинградском областном съезде колхозников. 17 июня 1933 года*).

Были созданы специальные бригады по выколачиванию зерна. Осенью 1932 года по Украине прокатилась жесточайшая кампания обысков — 112 тысяч «активистов» на нее направили. Сразу смотрели миски на столе. Если видели остатки пищи — все, начинали выпытывать, искать, где прячут. Мне рассказывали, что «активисты» получали 50 процентов от найденного. Много негодяев этим кормилось, тем и выжили.

Именно тогда в украинском языке появились новые, страшные слова: «штрекачка» — что-то вроде остроги, ею все протыкали, искали зерно, «щупачи» — ими щупали, «стукачи» — простукивали стены; печи разбирали, часто в печах прятали зерно. И еще одно слово: «плизкач» — это пирог такой плоский из картофельной шелухи, листьев, коры, желудей. Домашних животных съели, по весне питались лягушками. И самое страшное — началось людоедство. Почти в каждом селе оно было, судя по рассказам жителей. Люди теряли человеческий облик, буквально охотились друг за другом.

«В 33-м соседка заманила к себе в хату, зарезала и съела мою дочку, а было ей всего шесть годочков» (*Из воспоминаний Степаниды Григорьевны Невмиваны, село Жабянка Лисянского района Черкасской области*).

Есть страшные стихи нашего поэта Тычины, смысл их такой: стучат в хату, а хозяйка говорит: подождите, пока ребенок сварится, еще не сварился...

Так продолжалось всю осень, а 6 декабря 1932 года Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление, где были черные списки районов республики. 86 районов

Украины, не сдавших требуемого с них зерна, ставились как бы вне закона. Их руководители объявлялись саботажниками и подлежали репрессиям, эти районы лишались завоза продуктов и промтоваров, в них фактически прекращалась всякая торговля. Люди были брошены на произвол судьбы — ведь все продовольственные запасы уже выгребли. Волосы на голове шевелятся, когда читаешь, — 1933-й, мирное время! Но то была война. Война режима против собственного народа.

— *Вспомним: на похожую политику продрозверстки начала 1920-х годов крестьяне ответили и волнениями, и восстаниями. Чем отвечала деревня в начале 1930-х?*

— Сталинский режим был уже достаточно силен. Вспыхнули волнения в Черниговской области, но были быстро подавлены. Что могли крестьяне? Как умели, они прятали зерно. В детские ляльки, в игрушки набивали. Бутылки с зерном обмазывали глиной и опускали в колодцы. Мешки с зерном покрывали влажной мукой — она затвердевала, разбухала — и прятали в прудах. Но все это находили...

Крестьяне пытались бежать из голодных мест. Облепив поезда, на крышах вагонов. Но на границе России и Украины, возле хутора Михайловского и Брянска, стояли заградительные отряды. Толпы голодающих наполнили города. Там были карточки, такого, кстати, еще не было в истории — деревня голодала, а город имел какое-никакое снабжение! Кому-то удавалось устроиться на фабриках, шахтах (есть версия, что голод и понадобился затем, чтобы «перекачать» людей в индустриальную сферу). Все старые киевляне, с кем я беседовал, вспоминали этих голодных, оборванных людей, которые «жупрачили», выпрашивали хлеб. По утрам дворники должны были осмотреть все закоулки и дворы. Если находили трупы, приезжал специальный грузовик и вывозил их, как обычно вывозили мусор. Так было во всех крупных городах, и не случайно именно в 1932 году у нас ввели паспортную систему. В селах появились «парикмахеры» — по ночам они стригли ножи-

цами колоски на колхозных полях. Но государство быстро нашло ответную меру. 7 августа 1932 года был принят Закон об охране социалистической собственности («о пяти колосках», как называли его в народе). За хищение — расстрел или десять лет тюрьмы с конфискацией всего имущества.

Как могли, спасали детей. Их подкармливали в школах, отправляли к родным в другие области. Мне рассказывал один человек, как его мама заставила его сестру привести его в город и оставить на вокзале. Его взяли в детприемник — много сиротских домов появилось тогда на Украине. Через два года мать с великим трудом разыскала сына, бросилась перед ним на колени и просила прощения: «Я иначе не могла, потому что думала, что мы все погибнем».

— *Во время массового голода 1921 года (о нем «Собеседник» писал в № 40 за 1987 год) была огромная кампания помощи голодающим. Работал общественный комитет, в «Правде» каждый день выходила подборка «Помощь голодающим», шли денежные пожертвования из-за границы. Было ли что-нибудь подобное в 1933-м?*

— Об этом не могло быть и речи, ведь официально никакого голода не было. Я был поражен, просмотрев подшивки украинских газет 1933 года. Ни слова! Восторги, сообщения об успехах, об очередных победах... И только по свирепому тону передовых можно — только теперь — что-то понять. Помощь... мне известно, что украинские артисты пытались собрать какие-то средства, но это было сразу пресечено. Один знакомый литературовед показал мне седьмой номер литературного журнала «Червоний шлях» за 1933 год. Там — я глазам своим не поверил — заголовок: «Голод при богатом урожае»! Да за такой заголовок к стенке могли поставить. Смотрю, что же это такое? Подписано: Н. Токунака, японец. С японского через эсперанто перевели Накаганаки и Носын. И рассказ — какой-то пустой, ничего не значащий. Возможно, это крик души неизвестных нам людей, которые вот так, иносказательно, пытались привлечь внимание к народной беде.

Этот протест не был единственным. В 1933 году Украину потрясли два выстрела. 13 мая в Харькове застрелился Микола Хвильевый. Талантливый писатель, он, как и многие честные люди, не мог вынести страданий народа. Их обрывали, обвиняли в мягкотелости, в национализме, во всех смертных грехах. Хвильевый тоже оказался «националистом». Последние слова его были: «Умираю со своим народом».

7 июля застрелился Николай Скрыпник, революционер, член партии с 1897 года, участник Октябрьской революции. В 1933-м он был заместителем Председателя СНК и председателем Госплана Украины. Сталин терпеть его не мог, обвинял в национализме, а национализм заключался только в том, что он старался хоть как-то оградить свой народ от беды. Скрыпник, В. Я. Чубарь — Председатель СНК УССР, В. П. Затонский — Председатель ЦКК КП(б)У, конечно, знали о происходившем на Украине, пытались докладывать Сталину. Но их обрывали, в конце концов Скрыпник застрелился, а Затонский и Чубарь были репрессированы.

— *Какой была реакция на голод 1933 года за границей?*

— Мир узнал о голоде сразу. Масса сведений появилась во львовских газетах — многим, видимо, удавалось перебраться через границу в Западную Украину. Все сообщения западных газет у нас, конечно, объявлялись «националистическими» и «враждебными». Но информация все же просачивалась за границу. Я видел документы иностранных дипломатов. Вот, например, германское консульство в Киеве сообщает, что в трех областях — Киевской, Черниговской, Винницкой — голодают 2,5 миллиона человек, причиной названо «введение колхозной системы», вывод — «катастрофа». Сохранились фотографии умерших от голода на городских улицах, их делала жена немецкого консула в Харькове. Документ немецкого посольства в Москве от 13 сентября 1933 года: границы голодающих областей совпадают с так называемой «зоной сельскохозяйственных излишков», голодающих и умерших от голода никто не считает, официальных данных нет,

но, по мнению автора документа, некоего Шиллера, голодают около 10 миллионов человек.

О голоде писали финские, швейцарские, английские газеты, на Украине побывала корреспондентка французской «Матэн». Существует документальный фильм о голоде, сделанный в Канаде, есть множество книг. Все это нам, к сожалению, и сейчас недоступно, что говорить о 1933-м!

В августе 1933 года Украину посетил известный французский политический деятель Эдуард Эррио. Он проехал из Одессы в Харьков через Киев. В дипломатических донесениях того времени прямо говорится, что ему показывали потемкинские деревни. Ходили разносчики, раздавали хлеб, дворники в чистых фартуках стояли... И следили, чтобы, не дай бог, никакие голодающие не попались Эррио на глаза. И он вернулся во Францию и «доложил»: голода нет — и это в какой-то мере послужило прикрытием для сталинского режима.

Но тревога в мире была. Украинцы — граждане США обращались в 1933-м в Конгресс — дело кончилось тем, что 13 января 1934 года наш нарком иностранных дел М. М. Литвинов заявил в специальном письме, что никакого голода нет, а все сведения о нем — инсинуации. Естественно, что ни о какой иностранной помощи речи быть не могло, и голодающие были предоставлены самим себе.

«Было, что и живых людей везли на кладбище и бросали в братские могилы. Так случилось с Хотиною Ревенко. Когда пришли за ней, она была еще жива. Ее стали тянуть за ноги из хаты к возу. «Куда вы меня тащите? Дайте мне бурчак. Я есть хочу. Я жить хочу», — просит Хотина. Она была молодая, не было ей еще и тридцати лет. «А что, нам за тобою еще завтра ехать?» — гаркнули на нее и потащили за ноги на воз. Привезли на кладбище, кинули в яму. Она не упала на спину, села, привалившись к стене. Ее ударили ногой в голову, и тогда она упала... Вдовиченко Мотрю с двумя еще живыми детьми тоже отвезли на кладбище и закопали, и таких случаев было немало» (Из воспоминаний Татьяны Яковлевны

Вдовиченко, село Бужанка Лисянского района Черкасской области).

— *Согласимся, Юрий Николаевич, что, говоря о жертвах сталинщины, нельзя забывать о миллионах погибших от голода в 1933 году. Но сколько их было? В разных источниках называются разные цифры.*

— Точное число необыкновенно трудно установить. Были села, где погибло от 25 до 50 процентов населения. Были села, вымершие почти полностью. На рубеже 1932—1933 годов на Украине собирали невиданный урожай — урожай мертвых тел. Студент один мне рассказывал, как его техникум послали на первую сельскохозяйственную практику — это была уборка трупов. Уборщиков мобилизовали из городов, часто армия этим занималась. Закапывали в братские могилы, рыть отдельные не было никакой возможности. Поначалу еще пытались считать, вести списки умерших. Но уже на следующий год, как мне рассказывали, работники ГПУ забрали все документы, где хоть как-то упоминалось, кто и когда умер и где похоронен.

Поэтому расчеты сложны. Есть книга финского журналиста, где он уже в 1935 году утверждал, что на Украине погибли 8 миллионов человек. Есть расчеты зарубежных демографов, где называется число 7,7 миллиона. В недавней публикации «Правды» наиболее объективными названы оценки западных историков Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофа, демографов Барбары Андерсон и Брайана Сильвера — 3—4 миллиона погибших от голода. Наверное, скажут свое слово и наши специалисты (перепись населения СССР 1937 года, правдиво показавшая уменьшение его численности, была объявлена «дефектной», а проводивших ее репрессировали). Но каким бы ни было число жертв — один миллион или десять, — оценка роли сталинского правительства в 1933 году для меня однозначна.

Оно реквизировало у крестьян выращенный ими урожай. Оно лишило их возможности бежать из голодного края. Оно ставило их к стенке за колоски с колхозного поля. Это сознательная политика уничтожения народа. Если уж

присваивать чему-то имена вождей, то очень справедливо звучало бы название «Голод имени Сталина».

— *И все же, какие причины вызвали к жизни чудовищную политику голода?*

— Пишут, что зверские хлебозаготовки во многом были связаны с хлебным экспортом. В те годы он казался очень простым и удобным способом добывать валюту для индустриализации. «Правда» сообщает, что в 1930 году собрали 835 миллионов центнеров хлеба, на экспорт пошло 48,4 миллиона, а в 1931-м, несмотря на падение валового сбора (695 миллионов центнеров), экспорт вырос до 51,8 миллиона. И в 1932-м эшелоны с хлебом шли в наши морские порты через станции, забитые голодающими. Я думаю, что эта причина существенная, но не главная.

В административной сталинской системе не было места самостоятельности. А крестьянин, если он сидит на своей земле, если собирает свое зерно, если кормит своих детей, — он гордый человек, он земледелец, он сам себе хозяин. В конце 20-х годов крестьяне только развернулись, стали налаживать хозяйство. Естественно, они сопротивлялись насильственной коллективизации. И чтобы окончательно убить, сломить это сопротивление, потребовалась небывалая карательная мера — голод 1933 года.

Сталинская политика на Украине имела, мне кажется, еще одну, особую цель. Революция принесла Украине решение национальной проблемы — ведь до этого она была Малороссией. К концу 20-х годов украинская культура переживала расцвет: плеяда талантливых ученых, писателей, появился уже Довженко со своими фильмами. Года с 29-го на все это стали давить. В 1932-м, например, прикрыли все украинские землячества в других союзных республиках. Крестьянство — всегда носитель национальных традиций, и голод 1933 года бил и по ним.

— *Именно в то время, о котором мы говорим, Сталин бросил лозунг: сделать всех крестьян зажиточными. На практике у колхозников отбирали последнее. Почему же так легко был сделан шаг назад от нпа?*

— Мне кажется, что подобная расправа с крестьянами не была, как это ни ужасно, чем-то экстраординарным для первой трети XX века. Еще во времена продразверстки рабочий класс все время противопоставлялся крестьянству, оно объявлялось реакционным, отсталым — вдумайтесь, ведь те, кто кормил страну, выглядели как бы людьми второго сорта. Нелюбовь, недоверие к крестьянству — вот истоки политики голода. А проводили ее настоящие идеологические инквизиторы, для которых жизнь была четко, жестко и навсегда поделена на черное и белое.

«Центральным Комитетом партии направлено в деревню для укрепления кадров сельского хозяйства более 23 тысяч коммунистов, из коих земельных работников более 3 тысяч, совхозных работников более 2 тысяч, работников политотделов МТС более 13 тысяч и работников политотделов совхозов свыше 5 тысяч» (И. В. Сталин. *Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 1934 год*).

— *После весны 1933 года новых всплесков голода не было, постепенно он прекратился. Но последствия голода — это ведь не только миллионы умерших?*

— Да, беспощадная выкачка хлеба прекратилась, а на Украине все-таки каждый клочок земли плодоносит, люди кое-как уже питались. Вероятно, в центре поняли: если голод продолжится, страна может перейти какую-то грань, за которой возможны необратимые последствия. Наверное, так же поняли в 1937-м, что дошли до предела, что разрушается сама ткань страны, — и приостановили репрессии. Следы голода 1933-го были очень глубокими. Я не говорю уже о том, каким ослабленным вышло из голодной полосы село, о том, что самые крепкие, здоровые, трудоспособные его люди либо умерли, либо подались в город. Но именно в 1933-м, когда люди видели, что хлеб получает доносчик, а хлебороб умирает с голоду и все это происходит от имени Советской власти, — то, что называется трудовой крестьянской моралью, перевернулось с ног на голову. Не здесь ли корень бед сегодняшнего сельского хозяй-

ства? Мы снова расхлебываем то, что заварилось в 1930-х.

Могины 1933-го заросли травой, потом были новые несчастья, война, новый голод в 1946 году. Но 1933-й на Украине никогда не забывали. Недавно наша газета «Літературна Україна» объявила о сборе материалов для «Белой книги» о жертвах голода. 1933 год еще ждет своих исследователей.

...Написать о голоде на Украине? Я не надеялся, что такую книгу могут напечатать при моей жизни. Я понимал, что государство не может строиться на безумных принципах, но не предполагал, что перестройка придет так быстро.

Так смотрит на голод 1933 года писатель Юрий Щербак. С ним можно спорить. О причинах, последствиях событий 1933-го. Сталинское руководство, конечно, с самого начала знало о голоде. Был ли он спланирован заранее, или же крестьянские судьбы просто не брались в расчет при добывании средств на индустриализацию — это предмет тщательного исторического анализа. Собственно, я и надеюсь, что книга Щербака (а может быть, и это интервью) положит начало публицистической, исторической, научной дискуссии о голоде 1933 года. Наверное, Всесоюзное общество «Мемориал» протянет руку создателям киевской «Белой книги». Возможно, что скоро мы прочитаем исследования о 1933 годе — наши и переводные.

Я не знаю, какими будут эти книги. Но мне очень хотелось бы, чтобы их авторы обратили внимание на маленький исторический эпизод, который, может быть, красноречивее иных серьезных трудов говорит нам, что такое сталинизм.

11 января 1933 года Иосиф Виссарионович Сталин произнес на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) речь «О работе в деревне». Он начал ее с вопроса: «В чем состоит главный недостаток нашей работы в деревне за последний год, за 1932 год!»

Как вы думаете, что же он скажет, могущественный вождь, лидер огромного государства, «отец народов» и прочая, прочая, прочая! Что он скажет, зная, что в житницах России и Украины свирепствует голод, что граждане Страны Советов умирают от него целыми селениями и, чтобы выжить, охотятся друг на друга и друг на друга доносят! Что он скажет, помня, что беспощадные хлебозаготовки шли с его ведома и по его приказу! Сталин сказал:

«— Главный недостаток состоит в том, что хлебозаготовки в этом году прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году, чем в 1931 году».

В конце речи имеется пометка в скобках: «Бурные, долго не смолкающие аплодисменты». Голод и смерть миллионов — проблема ли это по сравнению с трудностями хлебозаготовок... Долго, очень долго наши люди будут зваться «винтиками» и «человеческим материалом». И самое страшное, они будут сами осознавать себя так. Будут встречать бурными, долго не смолкающими, переходящими в овацию аплодисментами любое откровение с руководящих трибун. Именно это, мне кажется, и есть самое тяжкое наследие сталинизма. Как избавиться от него! Для начала прочитать неизвестные страницы нашей истории, узнать, как умирали люди, не виновные в том, что их посчитали «человеческим материалом».

Впрочем, в последнее время я не раз видел: люди могут преспокойно читать об умерших от голода детях, о расстрелянных женах «врагов народа», о лагерях и пытках — и писать в редакции газет письма, и обращаться в суды с исками о защите чести и достоинства Иосифа Виссарионовича Сталина.

И это — лучшее доказательство того, как трудно очистить души людей от сталинизма. И как это необходимо.

В материале использованы воспоминания жителей Украины, собранные Василием Пазаренко и опубликованные газетой «Літературна Україна».

Собеседник, 1988, 49

Михаил Росляков

ВЫСТРЕЛ В СМОЛЬНОМ

Пятьдесят четыре года назад, 1 декабря 1934 года, в Смольном был убит Сергей Миронович Киров.

Одним из первых, кто прибежал на раздавшиеся тогда выстрелы, был Михаил Васильевич Росляков. Имя его хорошо известно ленинградцам. Член партии с января 1918 года, делегат I съезда Советов СССР, М. В. Росляков с середины двадцатых до середины тридцатых годов жил и работал в Ленинграде. С 1926 по 1934 год он был заместителем председателя облплана, возглавлял финансовые отделы обл- и горисполкомов, избирался кандидатом в члены бюро областного и городского комитетов партии, членом президиума Исполкома Ленсовета и облисполкома. В эти годы М. В. Росляков часто встречался с С. М. Кировым, с другими партийными и советскими руководителями страны и Ленинграда. В Смольном на заседании комиссии по выработке решения предстоящего совместного пленума областного и городского комитетов партии находился он и 1 декабря 1934 года.

Дальнейшая судьба М. В. Рослякова, как и многих других коллег и соратников С. М. Кирова, была трагической. Он был репрессирован и лишь после XX съезда КПСС вернулся в Ленинград. Здесь, будучи долгие годы заместителем председателя и председателем совета ветеранов партии при обкоме КПСС, М. В. Росляков приступил к работе над воспоминаниями, которые озаглавил: «Как это было (к убийству С. М. Кирова)». Закончены они были в 1970 году. Однако проживший после этого еще пятнадцать лет М. В. Росляков так и не увидел их напечатанными: помешало то, что сейчас принято называть взглядами, предрассудками и стереотипами периода застоя.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из воспоминаний М. В. Рослякова, еще при жизни переданных им в музей С. М. Кирова. Директор музея Г. И. Дмитриева помогла подготовить эту публикацию к печати.

Воспоминания Михаила Васильевича представляют собой его личную версию случившегося 1 декабря 1934 года и последовавших затем событий. Как и другие авторы, обращающиеся к этой теме, М. В. Росляков не дает окончательного ответа на вопрос, что двигало убийцей С. М. Кирова, кто конкретно стоял за его спиной. Этот ответ, который настойчиво ищут сегодня историки, еще впереди, и воспоминания непосредственного очевидца случившегося, несомненно, помогут им в работе.

...25—28 ноября в Москве проходил очередной Пленум ЦК партии. Основным вопросом, обсуждавшимся на нем, был вопрос об отмене карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты.

Участники Пленума уезжали из Москвы 28 ноября, как всегда, ночным поездом «Красная стрела». Членам ЦК и ЦИК были предоставлены места в международном вагоне. Киров при поездках в Москву и обратно никогда не пользовался отдельными вагонами, ему оставались места в международном вагоне, и только последние год-два за ним закреплялось двухместное купе. И в этот раз он ехал с нами в одном вагоне, обменивался мнениями, делился впечатлениями, толковал о предстоящей работе. На 1 декабря был назначен актив, а на утро 2-го — пленум обкома и горкома для принятия мер по реализации решений ЦК... Долго не смолкали в вагоне разговоры, смех...

Утром в четверг, 29 ноября, поезд прибыл в Ленинград.

Часов в двенадцать мне в облфо звонил Сергей Миронович и интересовался, как мы готовим ему нашу справку (о структуре товарооборота в торговой сети Ленинграда.— *Ред.*), и уточнил просьбу прислать ее не позднее 12 часов 1 декабря. Звонили также от Чудова (второй секретарь Ленинградского ОК ВКП(б).— *Ред.*), что его комиссия по подготовке решений пленума Ленинградского обкома состоится в 15 часов 1 декабря. Быть обязательно со своими предложениями.

Наступило 1 декабря. Ничто не предвещало трагических событий. Все шло как обычно. Мы у себя в бюро заканчивали заказанную С. М. Кировым справку. Я позвонил в обком к Н. Ф. Свешникову (заведующему общим отделом.— *Ред.*) узнать, кому слать подготовленный для С. М. Кирова материал. Николай Федорович сказал, что Сергея Мироновича в Смольном нет и вряд ли будет, звони ему на квартиру. На звонок ответил Киров, попросил прислать справку ему домой и добавил, чтобы обязательно был у Чудова сегодня на комиссии. Не знал, не думал, что слышу столь знакомый, всегда бодрящий голос Мироныча в последний раз...

К назначенному времени поехал к М. С. Чудову. Заседание происходило в его кабинете, расположенном в небольшом угловом коридоре третьего этажа, а через комнату от Н. Ф. Свешникова находился кабинет С. М. Кирова. Собралось человек 20—25 руководящих работников области и города. Кто был — всех не припоминаю, но отлично помню, что был И. Ф. Кодацкий (председатель Исполкома Ленсовета.— *Ред.*), П. И. Струппе (председатель облисполкома.— *Ред.*), П. А. Ирклис (секретарь обкома партии.— *Ред.*), А. Д. Михельман (Севзапсоюз), Н. А. Супонев (Госбанк), А. А. Иванченко (облторготдел), А. М. Иванов (облплан), И. М. Русанов (горплан), П. Н. Королев (зам. председателя Исполкома Ленсовета.— *Ред.*), И. Г. Федоров (обком), Ф. С. Итс (отдел заготовок), М. Н. Зверев, кто-то из ЛСПО и другие.

Секретарствовала, как обычно в обкоме, стенографистка Надежда Сергеевна Кудрявцева. Во время работы комиссии два раза Чудову звонил Сергей Миронович, интересовался ходом ее работы, текущими делами. Из этих разговоров было ясно и понятно, что Киров дома, готовится к докладу.

...И вдруг в пятом часу мы слышим выстрелы — один, другой... Сидевший у входных дверей А. Иванченко первым выскочил в коридор, но моментально вернулся. Выскочив следом за Иванченко, я увидел трагическую картину: на лево от дверей приемной Чудова в коридоре ничком лежит Киров. Голова его повернута вправо, фуражка, упершаяся козырьком в пол, чуть приподнята. Под левой рукой канцелярская папка с материалами подготовленного доклада: она не выпала совсем, но расслабленная рука ее уже не держит. Киров недвижим... Направо от этой же двери лежит какой-то человек, на спине, ногами вперед, руки раскинуты, в правой — револьвер.

Подбегаю к Кирову, беру его за голову, шепчу: «Киров, Мироныч...» Ни звука, никакой реакции. Подскакиваю к лежащему преступнику, свободно беру из его руки револьвер и передаю наклонившемуся А. И. Угарову (секретарь Ленинградского ГК ВКП(б).—

Ред.). Ощупываю карманы убийцы, достаю записную книжку, партийный билет... Угаров через мое плечо читает: «Николаев Леонид...» Кто-то из подбегавших хочет ударить его ногой, но мы с Угаровым не дали этого сделать.

Молча, как пораженные молнией, стоят склонив головы над Кировым Кодацкий, Чудов, Ирклис, Струппе и другие. Кто-то сообщает в НКВД, вызывают Медведя (начальника управления НКВД по Ленинградской области. — *Ред.*), санчасть. Запыхавшись, подходит оставшийся в большом коридоре охранник Кирова — Борисов. Прибегают медики, захватив с собой сердечные средства, подушку с кислородом. Вбегает Медведь в расстегнутом зимнем пальто, без шапки. У него на лице и во всей фигуре полная растерянность. С ним приехал начальник санчасти НКВД С. М. Мамушин. Чудов, Кодацкий, Зернов и другие берут Кирова, я поддерживаю его голову, из затылка сочтется мне на руки кровь. Вносим через приемную в кабинет, кладем на стол заседаний. Расстегиваю воротник гимнастерки, снимаю ремень, пытаюсь найти пульс, и кажется, как будто нашел его... увы...

Один за другим прибывают врачи: первым приехал профессор-кардиолог Георгий Федорович Ланг (в акте о смерти С. М. Кирова он не указан. — *Ред.*), следом за ним профессор-хирург Василий Иванович Добротворский. Суровый по натуре, Добротворский первым заявляет о безнадежности положения. Но все же врачи пытаются бороться за жизнь Мироныча. Появляется хирург Юстин Юлианович Джанелидзе. Он подходит к Кирову и сразу же обращается к коллегам: «Надо составлять акт о смерти».

М. С. Чудов по кремлевской вертушке связался с ЦК. Судя по разговору, у телефона оказался Л. М. Каганович. Чудов в несколько слов сообщает главное — Киров убит. Каганович заявил, что сейчас разыщет Сталина и они позвонят. Через несколько минут раздается звонок. Сталин у провода. Чудов сообщает, что Киров убит. Сталин, желая уточнить, задает какой-то вопрос, на который Чудов отвечает, что врачи

здесь и составляют акт. Опять последовал вопрос, Чудов перечислил профессоров и, по указанию Сталина, попросил к аппарату Ю. Ю. Джанелидзе. Тот начал говорить по-русски, но потом, очевидно по инициативе Сталина, перешел на грузинский, нам непонятный язык. Далее из ЦК последовало распоряжение — произвести вскрытие. Составляют акт. Вся в слезах, едва преодолевая усилия, чтобы не разрыдаться, записывала под диктовку врачей Надя Кудрявцева, многолетний и верный работник обкома партии, постоянная стенографистка Сергея Мироновича. Сотрудники НКВД увозят Николаева. Актив, конечно, отменен. Отменен и назначенный на 2 декабря пленум обкома.

Подъезжают секретари городских райкомов, решается вопрос о мобилизации всех членов партии, на предприятиях экстренно собираются активы для информации членов партии, трудящихся. Надо рассказать народу о происшедшем, поддержать дух, не давая место, естественно, возможному унынию, растерянности, а со стороны антисоветских элементов — и попыток к злостным вылазкам и враждебной пропаганде.

Б. П. Позерну (секретарю Ленинградского ОК ВКП(б). — *Ред.*) поручают ехать в Толмачево, поставить в известность Марию Львовну, жену С. М. Кирова, о трагической гибели Сергея Мироновича. Потом Борис Павлович рассказывал, что, когда он подъехал к дому и едва переступил порог, Мария Львовна интуитивно почувствовала беду, первой вопросительно сказала: «Случилось что-то с Сергеем?» — и упала.

Поздно, возвращаюсь домой, улицы пусты. Кажется, что они темные, все как-то притихло. На душе пусто, тоска. Нет Кирова, не уберегли. Надо же так случиться, что в коридоре в тот момент, когда совершился злодейский акт, никого не было.

Коснусь одной детали убийства Кирова. С. М. Киров был сражен одной пулей, а мы ведь слышали звук двух выстрелов. Где же вторая? Револьвер, как выше описано, находился в расслабленной правой руке лежащего убийцы. Смотрим кругом и видим — входное

отверстие пули на верхнем карнизе правой стороны коридора, где произошел кровавый акт. Кому она предназначалась? Кирова? А почему же пуля ушла далеко вправо и высоко? Николаев пытался покончить жизнь самоубийством? Возможно...

Утро 2 декабря. Поехал на работу. Настроение подавленное. Приносят газеты — на первых страницах портрет С. М. Кирова в черной рамке. Сообщение от Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Особо запечатлеваются в памяти следующие слова: «Потеря товарища Кирова, любимого всей партией и всем рабочим классом СССР, кристально чистого и непоколебимо стойкого партийца, большевика-ленинца, отдавшего всю свою яркую славную жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является самой тяжелой потерей для всей партии и Страны Советов за последние годы».

Обращает на себя внимание такой, казалось бы, случайный факт: на страницах газеты помещены только сообщения от ЦК, от Комиссии партконтроля, соболезнования Наркомата обороны и тяжелой промышленности, Московского обкома и горкома. И почему-то вдруг соболезнование семье Кирова лично от секретаря Заккрайкома... Берия?!

Позвонили от Кодацкого и передали его просьбу быть у него часов в двенадцать. В назначенное время я явился в Смольный. Кабинет И. Ф. Кодацкого в то время располагался на втором этаже, непосредственно под кабинетом С. М. Кирова. В комнате собрались члены президиума Ленсовета и областного Исполкома, которые участвовали во вчерашнем совещании. Кодацкий сообщил нам, что прибывший из Москвы Сталин и другие руководители ЦК и СНК ведут ознакомление с обстоятельствами убийства и мы можем им потребоваться. С ними в кабинете С. М. Кирова находится и М. С. Чудов.

Прежде чем приехать в Смольный, Сталин и прибывшая с ним из Москвы группа руководящих работников побывали в больнице, где ночью было произведено вскрытие тела Сергея Мироно-

вича. Затем приехали в Смольный, расположились в кабинете Кирова и стали вызывать заинтересованных их людей.

Был вызван Ф. Д. Медведь. Его опросили, Сталин очень резко упрекал его за то, что прозевали и не предотвратили убийство Кирова.

Николаева привезли в каком-то полубессознательном состоянии. Сталина он не узнал. Ему показали портрет Сталина, и только тогда он узнал, кто с ним говорит. Он ничего ясного не сказал, плакал, повторяя: «Что я наделал, что я наделал...» Факта покушения он не отрицал.

Была вызвана жена Николаева — Мильда Драуле. Она была растеряна, ошеломлена, заявила, что ничего не знала и не подозревала. Был вызван и сотрудник охраны, сопровождающей Кирова, — Борисов. Но нам стало сразу же известно, что по дороге в Смольный, при повороте с улицы Воинова, он как-то выпал из открытой грузовой машины и разбился. Говорили, что, когда Сталину доложили об этой аварии, он раздраженно бросил: «И этого сделать не сумели!» Очевидно, эта реплика относилась к работникам Ленинградского управления НКВД.

2 декабря гроб с телом С. М. Кирова был установлен в вестибюле Таврического дворца, и был открыт доступ трудящихся для прощания. В первую смену караула встали И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, члены бюро обкома и горкома, члены президиума облисполкома и Ленсовета. У гроба Мария Львовна, ее сестра. Под звуки похоронных мелодий идут трудящиеся Ленинграда. Стоя несколько раз в почетном карауле, я видел неподдельную печаль на суровых лицах рабочих, хорошо знавших Кирова и веривших ему. Я видел женские лица, полные слез и горя.

3 декабря в 21 час 30 минут на последнюю вахту вновь становятся руководители. И. В. Сталин стоит у изголовья с левой стороны. Члены бюро обкома и горкома, президиума облисполкома и Ленсовета стоят шеренгой вдоль постаментов, в трех-четырех шагах. Поразительно спокойно и непроницаемо лицо И. В. Сталина, впечатление, что он

весь ушел в свои думы, сосредоточенный взор поверх пораженного пулей Кирова, руки, как часто приходилось видеть и раньше, опущены, пальцы соединены. К. Е. Ворошилов стоит по-военному прямо, на лице заметны следы волнений, скорби. Молотов внешне очень спокоен, его лицо ничего не выражает. У Жданова глаза учащенно мигают, безусловно, он переживает, внешне по крайней мере, заметнее других.

В 22 часа И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов и ленинградцы — члены ЦК выносят гроб из помещения дворца и устанавливают его на артиллерийский лафет. Звучат траурные мелодии, и кортеж медленно начинает свое прощальное шествие по улицам города. Народ стоит шпалерами на всем последнем пути своего дорогого Мируныча. Идем по улице Воинова, по Литейному и сворачиваем на Невский к Московскому вокзалу. После выноса из дворца руководители партии незаметно вышли из рядов и в шествии не принимали участия, что вполне объяснимо тревожностью обстановки. Вот и вокзал. Идем по перрону. Стоит товарный вагон, в нем устанавливают гроб, венки. Прощальный гудок, и поезд отходит уже 4 декабря в 00 часов 30 минут.

6 декабря, 15 часов. После траурного митинга на Красной площади под салют орудий Г. К. Орджоникидзе устанавливает урну с прахом Сергея Мироновича в нише Кремлевской стены.

В газетах появляется сообщение Народно-революционного комитета внутренних дел: «Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея, убийцы товарища Кирова, — Николаев (Леонид Васильевич), 1904 года рождения, бывший служащий РКИ. Следствие продолжается...»

Да, Николаев был и служащим РКИ, но в ней он работал давно, и это не было его последней должностью. Кому-то и по каким-то соображениям потребовалось именно так обнародовать социальное положение Николаева. С апреля 1934 года Николаев вплоть до 1 декабря не работает. Обивает пороги разных учреждений, жалуется на «несправедливое», бездушное отношение. Дважды

ловит С. М. Кирова при посадке в машину. Последний случай был осенью 34-го года возле Смольного, когда Николаева задержали, а потом по указанию И. В. Запорожца (заместителя председателя управления НКВД по Ленинградской области. — *Ред.*) выпустили, не найдя якобы каких-либо оснований к задержанию. Факты о том, что Николаев не работал с весны 1934 года, естественно, вызывают законный вопрос: на какие же деньги он кормил семью? Кто материально помогал Николаеву?

Иногда спрашивают, как он проник в Смольный. Очень просто. Тогда в Смольном размещались и партийные, и советские органы: в первом этаже — секции Ленсовета, служебные помещения, второй этаж — Исполкомы Ленсовета и области, Рабоче-крестьянская инспекция. На третьем этаже — областной и городской комитеты партии. Вход на первый и второй этажи был общедоступным, на третий — по партийным билетам и служебным пропускам. Следовательно, Николаев, имея партийный билет, прошел через пост охраны совершенно свободно.

При первых опросах Николаев держался версии личного мнения Кирова за якобы поруганную честь и неустройство личной жизни. Я вполне допускаю, что организаторы и вдохновители убийства могли в подобранном ими исполнителе искусственно вызвать и чувство ревности, и личные обиды к намеченной жертве, чтобы подбивать его к исполнению злодейского акта.

4 декабря газеты поместили следующее сообщение:

«Президиум ЦК Союза ССР на заседании 1 декабря текущего года принял постановление, в силу которого предлагается:

1. Следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о по-

миловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговор о высшей мере наказания в отношении преступников вышеуказанных категорий немедленно по вынесению судебных органов».

В развитие этой директивы ЦИК принимает постановление, публикуемое 5 декабря, — «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». В нем говорится:

«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10 дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение по вынесении приговора.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР

М. Калинин

Секретарь *А. Енукидзе*

Москва. Кремль.

1 декабря 1934 года».

Так, по инициативе Сталина, с помощью угодливых юристов, вопреки ленинским нормам революционной законности, рождался произвол, повлекший не только гибель верных сынов партии, но и создание аморального климата клеветы, травли, подозрительности и карьеризма.

С собой в Ленинград Сталин привез заместителя Л. М. Кагановича по Комиссии партконтроля — Н. И. Ежова и зам. наркома НКВД Я. С. Агранова.

В тот же день начальник Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведь был снят с работы. Временное исполнение обязанностей начальника управления НКВД было возложено на Я. С. Агранова.

Вот Ежов и Агранов, выдвинутые Сталиным, и провели «следствие» по делу об убийстве С. М. Кирова. К этой стряпне был привлечен и старший следователь прокуратуры по особо важным делам Л. Я. Шейнин. В 30-х годах в содружестве с Вышинским Шейнин был активным «поваром» всех крупных политических дел.

В первые дни января 1935 года Ежов был выдвинут Сталиным в Секретариат ЦК ВКП(б) вместо убитого С. М. Кирова. 9 сентября 1936 года Г. Г. Ягоду сняли с поста наркома внутренних дел, и бразды правления были возложены на Н. И. Ежова. Редчайшее совместительство: нарком НКВД и секретарь ЦК ВКП(б).

15 декабря состоялся пленум областного комитета партии, на котором избрали первым секретарем обкома А. А. Жданова. Вечером того же дня состоялся актив. Доклад по итогам ноябрьского Пленума ЦК сделал А. А. Жданов. В начале своего доклада он очень тепло говорил о Сергее Мироновиче Кирове и о том, что он с трепетом душевным вступает в руководство Ленинградской партийной организацией, считая, что ему трудно заменить Кирова. В этом же докладе Жданов впервые объявил, что убийство Кирова — дело рук Зиновьева и его идейных сторонников. В тот же день Л. М. Каганович на активе Московской организации сделал такое же заявление.

16 декабря состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). На нем М. С. Чудов внес предложение: «Созвать закрытый пленум обкома и горкома с тем, чтобы Агранов сделал краткое сообщение о тех следственных материалах, которые имеются по делу об убийстве товарища Кирова».

Как член обкома партии, я был на этом пленуме. Он проходил в Смольном, в комнате, именуемой теперь Шахмат-

ным залом. Вел пленум Чудов, Жданов присутствовал. Агранов сделал короткое сообщение, сосредоточил внимание на том, что убийство было организовано молодежной частью бывшей зиновьевской оппозиции в лице Котолынова И. И., Румянцева В. В., Шацкого К. Н. и других.

Идейными вдохновителями, по определению, высказанному Аграновым, явились вожаки оппозиции: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и другие видные в прошлом активисты Ленинграда. Доклад Агранова был ошеломляющим. Трудно было понять, что могло заставить людей, менее года назад выступавших с признанием правильности линии партии, пойти на террор. Особенно трудно было постичь, как могли люди пойти на убийство С. М. Кирова, который относился ко многим оппозиционерам наиболее лояльно, по-человечески понимая возможность искреннего признания ошибочности своих позиций.

Атмосфера на пленуме была более чем напряженной, в зале гробовое молчание — ни шепота, ни шорохов, и слышны только голоса выступавших товарищей. Ораторов всех не припомню, но их было мало, да и что можно сказать, не зная ничего, что дало следствие, проведенное Н. И. Ежовым, Я. С. Аграновым, А. Я. Вышинским при ближайшем участии Л. М. Кагановича и В. М. Молотова.

27 декабря газеты публикуют обвинительное заключение по делу Николаева, датированное 25 декабря 1934 года. В этом обвинительном заключении следствие считает установленным, «что в период 1933—1934 годов в Ленинграде из числа бывших участников зиновьевско-антисоветской группы организовалась и действовала подпольная контрреволюционная террористическая группа, поставившая своей целью дезорганизовать руководство Советской власти, изменить таким способом нынешнюю политику в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы». В состав этой подпольной группы, как записано в обвинительном заключении, входили 14 человек, в прошлом руководящих работников комсомола, в том числе

и Николаев, который в действительности не был руководящим комсомольским деятелем, а всего только управделами Лужского уездного комитета комсомола. 29 декабря 1934 года в Ленинграде военная коллегия Верховного суда СССР признала всех их виновными и приговорила к расстрелу. Исполнение приговора последовало незамедлительно.

Так быстро и так далеко от истины прошло это следствие по столь исключительно важному событию. На словах — любовь и признание, на деле — глумление над священной памятью подлинного ленинца С. М. Кирова. Клевета, обман, провокации сплетены в порочный круг. Итак, убийство совершил Николаев. Кто же стоял за его спиной, кто им руководил?

*Ленинградская правда,
1988, 1 декабря*

Я не стал бы заниматься никакими подсчетами огромного числа жертв сталинизма — миллионов арестованных, расстрелянных, умерших от голода, высланных на Север и на Восток, не выдержавших пыток, похороненных в огромных безымянных могилах, если бы такая страшная статистика была когда-либо обнародована. Но такой официальной статистики нет, и я подозреваю, что она никогда не составлялась. А между тем на каждом выступлении по проблемам сталинизма я получаю множество записок с одним и тем же вопросом: «А сколько было всего жертв сталинизма?» Приходится заниматься хотя бы приблизительными подсчетами. По сравнению с данными западных исследователей мои цифры не столь велики, и я ничего не хотел бы преувеличивать. Однако и мой итог заставляет меня всякий раз ужасаться масштабам репрессий и их жертв.

Начало

Первая волна массовых репрессий прошла уже в 1927—1928 гг., после победы Сталина над объединенной «левой» оппозицией. Жертвами ее стали тогда десятки тысяч троцкистов и зиновьевцев, высланных в отдаленные районы страны, помещенных в политические изоляторы, исключенных из партии и изгнанных с работы. Почти все они в 1930—1933 гг. вернулись к прежней профессиональной деятельности, пройдя унижительную процедуру «раскаяния» и «присяги на верность Сталину». Через год этот же путь прошли и десятки тысяч «правых уклонистов». Однако в 1936—1937 гг. все эти люди были повторно арестованы и уже не вернулись к своим семьям. В большинстве случаев бывшие оппозиционеры (или даже поддерживавшие их в 20-е гг. студенты и комсомольцы) были расстреляны по специальному тайному приказу в 1938—1939 гг. Лишь несколько сот заключенных этой категории дожили до реабилитации 1954—1957 гг.

Еще в разгар борьбы против троцкистов и зиновьевцев сталинцы развернули новые политические кампании,

которые сопровождалась и массовыми репрессиями. В разных союзных и автономных республиках начались гонения против «буржуазных националистов». После получившего широкую известность «шахтинского дела» (1928 г.) набрала силу репрессивно-политическая кампания против «вредителей» из числа «буржуазных специалистов». Все тюрьмы и изоляторы были переполнены в эти годы (1930—1931) представителями как технической, так и гуманитарной интеллигенции, избежавшими ранее ссылки остатками эсеров и меньшевиков. Общее число этих жертв сталинизма исчислялось десятками тысяч человек.

В сельской местности после провокационного дела «трудовой крестьянской партии», жертвами которого стали ведущие специалисты-аграрники, прошли массовые репрессии против агрономов, зоотехников, работников кооперативных органов, всей сельской интеллигенции. В печати начала 30-х гг. говорилось, что органами ОГПУ было арестовано около 200 тысяч членов «ТКП».

Репрессии конца 20-х гг. против активных оппозиционеров затронули десятки тысяч человек. Число же «вредителей», членов «ТКП», «буржуазных националистов», а потом и «нэпманов», арестованных и по большей части погибших в заключении, исчислялось уже сотнями тысяч. Лишь несколько тысяч человек из этих представителей «чуждых» слоев и классов сумели вырваться из заключения еще во времена Сталина. Еще несколько тысяч пережили тяжелые годы и вернулись из лагерей в 1956—1957 гг. Они пробыли в заключении или в ссылке от 25 до 30 лет.

Сколько было «раскулаченных»!

Пора сплошной принудительной коллективизации продолжалась примерно четыре года (1929—1932). Это была невиданная по масштабу репрессивная кампания по «раскулачиванию». Она резко отличалась от антикулацких акций 1918—1920 гг. Тогда у зажиточных

крестьян изымали «лишнюю» землю и технику, теперь конфисковали все хозяйство, а семьи «раскулаченных» выселяли в отдаленные районы Севера и Востока на вечное жительство в наспех сооружаемых здесь «спецпоселениях».

Официальные органы в начале 30-х гг. явно занижали общее число жертв «раскулачивания». В 1933 г. на январском Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин назвал подозрительно точную цифру: 240 тысяч 757 семей, высланных из районов сплошной коллективизации. В работах по истории КПСС 60-х гг. упоминается уже 381 тысяча «раскулаченных» семей. Однако эти две цифры вызывают много вопросов.

Во-первых, мы не знаем среднего размера семей «раскулаченных». В зажиточных крестьянских семьях 1930—1932 гг. редкая насчитывала меньше 5—6 человек. Близкой к тогдашней «норме» была семья в 10—12 человек. Если считать «средней» семью в 8 человек, то 380 тысяч высланных семей — это 2,7—2,8 миллиона человек. Однако, по данным 1927—1928 гг., в нашей стране насчитывалось более миллиона семей, которых по социальной статистике того времени относили к кулакам. И нет свидетельств, что хотя бы самая малая их часть была оставлена на своих прежних местах. Более того, и по данным 30-х гг., и по более поздним свидетельствам, во многих районах и областях выселялись и середняцкие семьи. В иных районах их было значительно больше, чем «кулацких».

Известно также, что во многих областях страны выселялись не только кулаки, но и так называемые подкулачники. Таким уродливым словом обозначили всех крестьян, даже самых бедных, которые выступали против колхозов, методов коллективизации. Сколько их было, никто не знает. Выселяли сельских священников и монахов, мелких торговцев, кузнецов, всех вообще неугодных людей. Случалось, что под выселение попадали целые станицы. Так, на Кубани угнали в дорогу дальнюю все население 16 станиц, включая колхозников и бедняков-единоличников. Подобное происходило и в Белоруссии.

Статистика «раскулачивания» или не велась, или она упрятана в архивах. Я думаю, что мы без большой ошибки можем назвать цифру в 10 миллионов человек. Такую цифру Сталин сообщил Черчиллю, когда тот спросил его о жертвах коллективизации.

Конечно, выселение — это не смерть. Хотя были нередки и расстрелы кулаков или взрослых детей кулаков, которые «активно сопротивлялись», а временами и впрямь брались за оружие (в некоторых районах вспыхнули восстания, жестоко подавленные). Из 10 миллионов выселенных крестьян большая часть не погибла; хотя и с трудом, но выжили. Смертность была велика на этапах и в первые годы освоения «спецпоселений», особенно среди детей и стариков. Опять-таки никакой статистики на этот счет не велось.

Следующая страшная эпопея, связанная с политикой Сталина, — это голод 1933 г. И здесь никакой статистики нет. Наиболее жестокий голод охватил южные области Украины и Казахстана, в меньшей степени от него пострадали Северный Кавказ и Поволжье. Разные авторы называют разные цифры — от 4 до 10 миллионов человек. Думаю, что для всей страны мы можем принять в качестве гипотезы (до более точных подсчетов) цифру в 6 миллионов человек, умерших от голода.

1 декабря 1934 года — новая точка отсчета

Может быть, только 1934 г. обошелся без каких-либо массовых репрессивных кампаний, хотя и в этот год шли аресты, раскрывались группы «контрреволюционеров». Однако уже в самом конце этого «спокойного» года, после убийства Кирова, начались аресты среди «зиновьевцев», а вскоре — массовая акция выселения «чуждых» элементов из Москвы, Ленинграда и некоторых других городов. Это были семьи бывших «аристократов» (фактически большинства бывших дворян), а также многих бывших купцов и капиталистов — примерно 1 миллион человек. Таким образом, по приблизительным подсчетам еще

до страшного 1937 г., который многие западные авторы называют началом «великого террора», жертвами сталинизма стало не менее 17—18 миллионов человек, из которых погибло или было убито не менее 10 миллионов.

В 1937—1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек: около миллиона членов партии и около миллиона бывших членов партии в результате партийных чисток конца 20-х и первой половины 30-х гг.; остальные 3—5 миллионов человек — беспартийные, принадлежавшие ко всем слоям населения. Большинство арестованных в 1937—1938 гг. оказалось в исправительно-трудовых лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну. Значительная часть, входившая в первый эшелон партийно-государственного актива, была расстреляна сразу после ареста или после фальсифицированного следствия. Смертные приговоры как-то фиксировались, и раньше я считал, что было 700—800 тысяч расстрелянных. Но многих расстреливали по тайным приказам в лагерях, так что близкой к истинной будет другая цифра — 1 миллион человек.

В 1939—1940 гг. масштабы репрессий сократились. Вернее, изменились их характер и география. Массовые аресты прошли в западных районах Украины и Белоруссии. Здесь «изымались» «классово чуждые» элементы. Интернировались остатки польской армии, выселялись в Сибирь польские семьи, постоянно проживавшие в городах Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. начались аресты в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине. Общее число жертв этих репрессий, включая депортацию, можно определить примерно в 2 миллиона человек.

Война не остановила карательной политики. Уже в 1941 г. было выселено на Восток все население автономной республики немцев Поволжья и вообще все советские немцы. Большая часть выселенных оказалась в «спецпоселениях», но немало было отправлено и в лагеря для пополнения их рабочей силы. Дело в том, что с началом войны

продовольственное снабжение лагерей ухудшилось, а рабочий день и напряжение труда увеличились. Поэтому и смертность в лагерях сильно возросла.

В 1942—1943 гг. деятельность органов НКВД была все же переориентирована на нужды войны, при этом штаты этого наркомата не уменьшились, а возросли. Однако уже в конце 1943 г. и весь 1944 г. органы НКВД начинают все более и более заниматься привычным для себя делом. По решению ГКО были выселены на Восток калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, карачаевцы и некоторые более мелкие национальные группы — часть греков, курдов и других. Общее число выселенных из Крыма, Поволжья и Северного Кавказа приближалось к 3 миллионам человек, причем, по некоторым данным, не менее 1 миллиона детей, стариков и женщин погибло, не выдержав тягот выселения и первых лет жизни в новых районах.

На органы НКВД легла огромная работа по «фильтрации» населения недавно оккупированных районов СССР, освобождаемых Советской Армией. Известно, что в районах, попавших под оккупацию, проживали более 60 миллионов советских людей. Значительному числу жителей Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики пришлось жить в условиях оккупации не менее трех лет. Чтобы не умереть с голоду, эти люди должны были работать в колхозах, на промышленных предприятиях, на железной дороге, учить детей в школе. По принятой тогда терминологии — «сотрудничать с оккупантами». Конечно, заслуживали наказания все те, кто действовал в карательных отрядах под командой немецких властей, в полиции, в частях власовской армии, в подчиненных ведомству Геббельса органах печати и некоторых других учреждениях. Этих людей было немало, и они были подвергнуты суровым наказаниям. Мы не собираемся относить их к жертвам сталинизма. Но было немало людей, для которых работа на заводах, в колхозах, на железной дороге была единственной возможностью не умереть от голода и спасти от голодной смерти своих детей. Конечно, не все эти люди были репрес-

сированы, иначе невозможно было бы восстановить нормальную жизнь и хозяйственную деятельность в западных районах страны. Однако практически все те, кто оказался на оккупированной территории, были ограничены в правах, а немалое число их было все же отправлено в лагеря, поредевшие в годы войны от повышенной смертности.

Я просто затрудняюсь называть здесь какие-либо цифры и лишь в качестве самой приблизительной и гипотетической назову такую — 2—3 миллиона человек. Если же учесть тех, кто подвергся репрессиям в 1945—1946 гг., это число можно было бы увеличить до 5 миллионов человек. Победа принесла свободу оставшимся в живых узникам лагерей военнопленных и миллионам жителей оккупированных территорий, угнанным на принудительные работы в Германию. Все эти люди прошли через так называемые временные «фильтрационные» лагеря. Далеко не все вернулись домой. Многие отправились в лагерь на Колыму, в Казахстан, в Норильск. Среди них были и герои обороны Бреста, Севастополя, Одессы, Сталинграда, Москвы.

Итак, общее число жертв сталинизма в 1941—1946 гг. можно определить не менее чем в 10 миллионов человек.

В 1947—1953 гг. мы пережили немало новых репрессивных кампаний. Было и «ленинградское дело», и борьба против «космополитов» и против «врачей-убийц». Каждая из этих кампаний сопровождалась арестами. Продолжались и аресты по «обычным» мотивам — «антисоветская пропаганда», и по всем вообще пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса. Однако тяжелейшая война и репрессии прежних десятилетий так обескровили страну, что аресты 1947—1953 гг. не были столь массовыми. Думаю, что не ошибусь, назвав цифру репрессированных в 1 миллион человек.

Страшная статистика. Но ее нужно знать.

Московские новости, 1988, № 48

Николай Матуковский,
собственный корреспондент
«Известий» в Минске

ПРАВДА О КУРОПАТАХ

Наша газета уже дважды писала о трагедии, произошедшей в лесном массиве Куропаты, рядом с Минском. Раскрылась она случайно весной нынешнего года. Вначале экскаваторщик Н. Таран, готовя траншею для газопровода, обнаружил человеческие черепа и две пары сапог, затем минские школьники во время военно-спортивной игры «Зарница», копая окопы, нашли останки более тридцати человек. Всех потрясла одна деталь: в каждом черепе — пулевое отверстие, чаще всего — в затылке. Значит, массовое убийство? Но кто жертвы и кто убийцы?

Археологи Института истории Академии наук БССР высказались на страницах газеты «Литература и искусство» однозначно и определенно: в Куропатах обнаружены останки жертв сталинских репрессий в 1937—1941 гг. Но одного предположения ученых мало, нужны были бесспорные, неопровержимые улики, а самое главное — свидетели, очевидцы.

14 июня прокурор Белорусской ССР Г. Тарнавский возбудил уголовное дело по факту обнаружения неизвестных захоронений. Была немедленно создана правительственная комиссия, в которую кроме специалистов из правоохранительных органов вошли видные общественные деятели — писатель Герой Социалистического Труда В. Быков, народный художник СССР М. Савицкий, Герой Советского Союза М. Осипова, Герой Социалистического Труда Д. Червяков и другие известные люди.

За несколько месяцев группа — следователи Н. Ничипоренко, С. Ковриго, О. Абадовский — проделала огромную работу. Вскрыты 8 из 510 предполагаемых захоронений, произведены многочисленные и разнообразные экспертизы, найдены и допрошены 170 свидетелей. Через столько лет!

Горькая мысль не дает покоя. Ну а если бы ребята проводили свою игру и рыли «окопы» в другом лесу? Если бы трасса газопровода прошла на два-три километра левее или правее? Почему трагедия в Куропатах несколько десятилетий была окутана тайной? Ведь живы люди, которые видели, слышали и помнят все, что здесь происходило.

Непостижимый феномен: мы долгие годы помним мелкие личные обиды, несправедливое, оброненное горяча слово. И забываем то, что забывать непростительно. Что это? Просто обывательское нежелание «сыпать соль на раны», ворошить старое, безразличие к своему прошлому, к своей истории или страх и стыд перед ней?.. Неудивительно, что в атмосфере гражданского безразличия кое-кто все более настойчиво берет под защиту «великого вождя»: он-де не виноват лично — ничего этого не знал. Полноте! Все знал! И не потому, что ему исправно доносили, а потому, что исполнители рьяно и неукоснительно следовали разработанной им «теории»: чем больше будет в стране социализма, тем больше будет в ней и врагов, тем яростнее они будут сопротивляться социализму. Чудовищная «теория» и не менее чудовищная «практика»...

Листаю протоколы допросов, заключения экспертиз и невольно сам себя переспрашиваю: а может, и в самом деле хватит обременять читателя новыми фактами преступлений сталинщины, достаточно того, что он обременен нелегкими проблемами сегодняшнего дня? В конце концов XXVII съезд и XIX партийная конференция дали оценку прошлому. Да, но письмо Н. Андреевой было напечатано и названо «документом» после XXVII съезда партии. И. Шеховцов подал в суд на писателя А. Адамовича за «оскорбление вождя» не до, а после XIX партийной конференции. Они, а следом и другие требуют оставить в покое «отца народов», не «порочить» наше славное прошлое, не преувеличивать масштабы преступлений.

Слово документам и свидетелям. Все, что собрано в процессе расследования, процитировать невозможно, приведу всего несколько листов из дела, чтобы воссоздать хотя бы приблизительную картину того, что произошло всего в одной точке страны — в Куропатах.

Из постановления о прекращении уголовного дела:

«...Согласно заключению комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы, че-

ловеческие останки, найденные в шести захоронениях, принадлежат не менее чем 391 человеку. 114 из них — мужского пола, 21 — женского, по другим останкам пол установить невозможно. Возраст людей от 20 до 60 лет. В захоронениях обнаружены 164 гильзы и 21 пуля от револьвера «наган» образца 1895 года и одна гильза «ТТ».

...В 192 случаях из 213 исследованных выстрелы производились в затылок, остальные — в височно-теменную область головы. В 182 черепах имеется по одному входному отверстию, в 29 — по два входных отверстия, в 5 черепах — по три входных отверстия...»

Криминалистической экспертизой исследовались обувь и предметы, найденные в захоронениях. Сорок пять единиц обуви изготовлены в СССР, в том числе на московской фабрике «Красный богатырь», двадцать восемь — на ленинградской фабрике «Красный треугольник». Двадцать пять единиц обуви — кустарного производства: самодельные сапоги, галоши из автомобильных камер. В кошельках обнаружены 78 монет по 2, 3, 10, 15, 20 и 50 копеек. Все монеты выпущены в СССР в 1925, 1926, 1928, 1933, 1935 и 1936 годах.

И лишь одна вещь из всех найденных «заговорила». На одной из расчесок чем-то острым нацарапано по-польски: *«Тяжелые минуты заключенного. Минск. 25.4.1940. Мысль о вас доводит меня до отчаяния. 26.4. (расплакался — тяжелый день)»*. Но и тот, кто написал эти горькие слова в минуты отчаяния, остался безымянным. Листаю протоколы допросов свидетелей. Может быть, там всплывет имя хотя бы одной жертвы?

В ходе следствия установлены 55 свидетелей из окружающих деревень Цна, Заболотье, Дроздово, Малиновка, Зеленый Луг, которые были очевидцами события: М. Лантасова, О. Комаровская, О. Червинская, Е. Мацкевич, Н. Хомич, В. Ермолович, О. Пригодская и др. Они видели, как работники НКВД привозили в лес на крытых машинах людей и расстреливали их,

видели засыпанные и незасыпанные могилы, видели лежащих в них расстрелянных.

Можно ли помнить то, что видел пятьдесят лет назад? Чтобы убедиться в достоверности показаний свидетелей, следователи провели эксперимент. Они попросили свидетеля Н. Карповича показать в лесу место, где производились расстрелы. И хотя лес в Куропатах за многие десятилетия изменился, он привел следователей и уверенно сказал: вот здесь. Начали копать и нашли новую большую могилу с останками.

Н. Карпович: «Забор был плотный, из досок, однако до конца в 1937 году не достроенный. Внутри была охрана НКВД в форме защитного цвета. Заводили людей вечером. Раза два мне приходилось видеть, как их расстреливали. Их ставили над ямой в ряд... Мы с отцом подошли к яме, яма была большая, около пяти метров, полная трупов, прикрытых ветками. Мы подняли ветки и увидели людей. Одеты они были просто, в куртках, в сапогах, видимо деревенские...»

Н. Нехайчик: «Мы с ребятами после проезда машин считали выстрелы. Их бывало тридцать-сорок, иногда семьдесят. Обычно приезжали по 2—3 машины, но бывало, что и по 6—7 машин».

С. Хмельникова: «В 1939—1940 годах людей расстреливали внутри огороженной забором и охраняемой часовым территории. Иногда расстреливали каждый день, иногда через несколько дней. Были слышны крики, выстрелы. Как правило, людей расстреливали вечером и ночью. Людей привозили со стороны Минска на крытых машинах».

И. Алехно: «...О том, что в лесу расстреливали людей, я узнал от Батяна Григория Ивановича. Он жил в деревне Цна и работал в НКВД. Однажды Батян, подвыпив, рассказал, что сам участвует в расстрелах. За болтливость его впоследствии выгнали из НКВД».

Пятьдесят пять очевидцев говорят почти одно и то же, повторяя, дополняя один другого. Многие вспомнили: вскоре в лесу на месте расстрелов начали расти ярко-красные грибы, по форме напоминавшие лисички. Никто — ни

взрослые, ни дети их не собирали и смотрели на них с ужасом.

Но никто из свидетелей не назвал ни одной фамилии погибших. Они просто не могли их знать. Зато всплыло имя одного из палачей, который умер сразу после войны, — Батян Григорий Иванович. Но следователи «копали» все глубже и глубже. Они нашли несколько бывших работников НКВД, имевших непосредственное отношение к преступлению в Куропатах.

С. Харитонович (работал с 1937 года выводным во внутренней тюрьме НКВД на улице Урицкого): «...Из следователей НКВД я помню только Шейкина. Его тоже арестовали в 1938 году и содержали в тюрьме по улице Володарского. Иногда следователи приказывали нам не давать заключенным спать ночью, что мы и делали. Если заключенный засыпал, мы его будили. Фамилии заключенных не помню. Мы выводили их из камеры на машину. В машину садили по 15—20 человек. Куда увозили — неизвестно. Только один раз меня возили закапывать могилу... Трупы в ней уже были присыпаны, а мы только сровняли их с землей. В расстрелах участвовали все дежурные тюрьмы — Коба (какое совпадение! — *Н. М.*), Абрамчик Фома, а также руководство — Ермаков. Ночью после расстрела они приезжали часа в три-четыре, затем до утра пили спиртные напитки в столовой НКВД. Потом на следующий день приходили позже на работу.

Абрамчик Фома рассказывал, что людей ставили к яме и стреляли из наганов. Люди перед расстрелом кричали: «Да здравствует Советская власть! Да здравствует Сталин!» В 1938 году стали арестовывать работников НКВД, которые принимали во всем этом участие. Не выдержав, застрелился заместитель коменданта Ермаков... Со мной работал выводным Тарарухин. Он не выдержал и написал рапорт на увольнение. Его расстреляли. Я также написал рапорт, на комсомольском собрании мне объявили строгий выговор, и я вынужден был работать дальше. Коба Степан дослужился до полковника, и был другом Цанавы, умер в 1948 или 1949 году».

Пожалуй, самым страшным в то время было слово «НКВД». Его произносили шепотом, с оглядкой. Но даже в то время и в НКВД находились люди, которые оставались людьми, несмотря ни на что. Например, допрошенный в качестве свидетеля бывший прокурор Г. Ручан за отказ санкционировать направление сфальсифицированных дел на рассмотрение «тройки» был снят с должности. Несколько минских прокуроров за подобное поплатились жизнью.

В. Карпик (бывший председатель спецколлегии Верховного суда БССР): «...Руководство НКВД республики поощряло насильственные меры воздействия во время допросов. В делах отсутствовали доказательства, подтверждающие вину. Я неоднократно направлял такие дела на дополнительные расследования, за что был обвинен в либерализме и в 1938 году отстранен от должности и исключен из партии».

Список свидетелей можно продолжать. Но я упорно листаю страницу за страницей, пытаюсь найти хотя бы одно имя хотя бы одного конкретного человека, сгинувшего в Куропатах. И вот нахожу лист, который не оставляет почти никаких надежд. Допрос бывшего работника НКВД К. Куликовича, который проработал в органах один год оперуполномоченным:

«...Двадцать пятого июня 1941 г. наша организация эвакуировалась в Могилев. Однако назавтра меня в составе опергруппы направили в Минск для уничтожения архивов райкомов, горкома партии и НКВД. К нашему прибытию в Минск эти архивы были уже уничтожены во время бомбежек и пожаров. Все оставшееся уничтожили мы и затем вернулись в Могилев».

Но хоть что-то же сохранилось! Это же подтвердил во время следствия бывший работник МГБ БССР В. Михайевич, который в 1950-х годах имел доступ к архивным уголовным делам НКВД. Дел было много, но в каждом деле по несколько допросов, вставшихся в две-три страницы. Все обвиняемые были молодыми людьми, перешедшими границу в 1937—1938 годах. Все дела были «скроены» одинаково: на первой странице обвиняемый не при-

знавал себя виноватым, на второй говорил, что он агент зарубежной разведки, а в конце страницы надпись: ВМН (высшая мера наказания). И слова: «Приговор приведен в исполнение в Минске». Но нет даже намека на место казни. Более того, есть свидетельства (и они зафиксированы в деле), что так называемых «врагов народа» расстреливали не только в Куропатах.

Не будем забывать, что следы преступлений тщательно, умело скрывались. Уничтожались не только дела. Следствием по делу о Куропатах выявлено более сорока бывших работников НКВД. Часть из них, в том числе бывший начальник следственного отдела А. Волчек, заместитель начальника отдела И. Кунцевич, следователи В. Быховский, В. Ермолаев, К. Кулешов и другие, привлечены к уголовной ответственности. Приговорены к лишению свободы. Многие из них уже умерли, погибли во время войны, а место жительства других установить не представилось возможным. В приговоре сказано: «За нарушение законности».

Да, они действительно попирали закон, но убрали их не за это — чтобы сохранить в глазах народа чистыми и невинными главных палачей в Минске и Москве. Посмотрите, какая впечатлительная хроника получается. «За нарушение социалистической законности» и другие государственные преступления привлечены к уголовной ответственности наркомы НКВД БССР.

Молчанов Г. А. — бывший нарком НКВД с 28.11.36 г. по 4.2.37 г. Приговорен к высшей мере наказания 2 ноября 1937 года;

Берман Б. Д. — бывший нарком НКВД с 4.3.37 г. по 25.5.37 г. Приговорен к высшей мере наказания 22 февраля 1939 года;

Наседкин А. А. — бывший наркомом с 22.5.37 г. по 17.12.38 г. Приговорен к высшей мере наказания 25 января 1939 года;

Цанава Л. Ф. — бывший наркомом с 17.12.38 г. по 30.10.51 г. 12 октября 1955 года покончил с собой в связи с расследованием против него уголовного дела.

Сами палачи становились жертвами того жуткого молоха, той системы, которую мы сегодня называем сталинщиной. Кто поверит, будто Сталин не знал, за что, почему убивались в республиках наркомы НКВД?

Последняя страница последнего тома: «Из постановления о прекращении дела: таким образом, следствием достоверно установлено, что с 1937 по 1941 год в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы. Определить личности расстрелянных и конкретные основания казни (как будто их тогда искали, эти основания. — *Н. М.*) не представляется возможным...» Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях руководители НКВД БССР и другие лица также приговорены к смертной казни или умерли, дело дальнейшим производством прекращено.

Увы, мы так и не можем сказать, кто был расстрелян в Куропатах. Да что говорить об именах, если даже нельзя назвать точную цифру жертв. Следователи говорят, что в 510 предполагаемых захоронениях лежит прах не менее тридцати тысяч человек. Археологи называют цифру гораздо большую, обосновывая ее тем, что могил могло быть до девятисот, но часть из них покинута под кольцевой дорогой, которая прошла по краю леса.

Да, теперь я глубоко убежден, что общественный суд над Сталиным должен состояться, и по возможности быстрее. Дело даже не в том, чтобы осудить культ Сталина, его главных помощников и реабилитировать невиновных. Сталин и его окружение осуждены еще на XX и XXII съездах КПСС, процесс реабилитации репрессированных продолжается. Но некоторые люди у нас и за рубежом считают, что в репрессиях повинен будто бы социализм. Суд общественности должен, кроме всего прочего, убедительно показать, что социализм и сталинщина не имеют ничего общего.

*Известия,
1988, 27 ноября*

«Неужели они были в эпоху репрессий!» — спрашивают многие читатели. Были. 74 военных прокурора отказались санкционировать незаконные аресты. Нашлись люди, стремившиеся честно разобраться в происшедшем, многие из них пытались оказать сопротивление произволу... Генерал-лейтенант юстиции в отставке Борис Алексеевич Викторov размышляет об этом в беседе с обозревателем «Комсомольской правды» Александром Афанасьевым.

— Политика гласности срывает покровы с «запретных глав» отечественной истории. Много сделано. И все-таки, Борис Алексеевич, на какие-то вопросы мы не имеем ответа. А некоторые просто не поставлены до сих пор. Вот, например, о чем спрашивают читатели: а были ли храбрые в многомиллионном народе, те, кто хотя бы пытался сопротивляться произволу?

— А вы не пробовали помещать — мысленно — себя на наше место?

— Пробовал.

— Ну и как?

— Откровенно говоря? Страшно...

— А что же вы в таком случае упрощаете — рассматривая ситуацию 30-х годов внеисторически, с позиций нынешнего времени? Прежде чем рассуждать о храбрости, давайте попробуем хотя бы в общих чертах восстановить тогдашнюю атмосферу. Был ли страх? Скорее — оцепенение, неуверенность. Была ли вера? Абсолютно точно: была. Да ведь и кропотливо работали, чтобы ее поддержать! Мы считали себя убежденными (активная форма). Но скорее были убежденными (пассивная форма)... Вот и комсомолец Викторov был умело убежден. И когда Викторov узнал, что в партийных лидерах стреляют, — он что, протестовал против расстрела террористов? Даже если человек сочувствовал оппозиционерам, он не мог не осудить их после убийства Кирова. Нерассуждающая, слепая вера в «вождя». Талантливая работа всех средств массовой информации, кино. Гневные выступления виднейших писателей, журналистов («гноусенький христосик», «черная сволочь», «фашистский наймит» — гневно клеймили в репортажах Бухарина, Тухачевского, Якира). Легендарная репутация «первого крас-

ного офицера» Ворошилова, который вместо Ежова (почему?) делал доклад о военно-фашистском заговоре. Нет-нет, о применении пыток, про обман, шантаж, естественно, из журналистов никто не написал, и я, как и миллионы людей, не прочитал в газетах ни слова. Но все это потом я выясню, когда двадцать лет спустя, уже после расстрела Берии, мне будет поручено возглавить расследование дел репрессированных. А тогда, в 30-е, я, как и все, точнее, как и большинство, не заметил, что внутри привычных форм постепенно изменяется содержание...

— И все же были и те, кто заметил? Кто начал действовать?

— По моим только данным, 74 военных прокурора, не дав санкций на незаконный арест, были подвергнуты репрессиям. Среди них И. Гай, Г. Суслов, А. Гродко, В. Малкис, П. Войтеко, И. Стурман... К великому сожалению, об их мужестве и стойкости страна не узнала.

— На бронепоезде, без смены флагов, произошла замена команды и маршрута следования?

— Может, и так, объективно. Но субъективно, я думаю, и многие в верхах перехода некоей последней грани не заметили. Или сделали вид?.. Хотя изменения, я думаю, были уже качественными. И критическая масса происходящего для людей, находившихся у рычагов власти, более или менее располагавших правдивой информацией, должна была стать очевидной...

— Это в «верхах». А в «низах»?..

— «Врагов» как бы выщипывали. Население настраивалось на нетерпимость к очередным врагам. На объективную (социальную, государственную, историческую) необходимость применения насилия...

— Своего рода идеология вынужденного произвола, общественной необходимости надзаконного действия? А как, Борис Алексеевич, уживалась она с довольно активным правотворчеством?

— Соотношение закона и, как вы говорите, идеологии надзаконности — это отдельная большая тема. Вообще Сталин, заботясь о своей репутации в глазах — прежде всего мировой — об-

щественности, тщательно обставлял свои дела. Закон был таким же оружием, как и газеты, радио, кино. Чтобы, во-первых, поддерживать в людях состояние убежденности в сталинской правоте. Во-вторых, закон, как и революционная фразеология, как и печать и искусство, обеспечивали массовое присягание Сталину, соучастие в происходящем. И в-третьих, снижали индивидуальную гражданскую ответственность, успокаивали, в случае чего, совесть. Когда перебирали через край и возникала опасность общественного прозрения, административно-командная система переступала с ноги на ногу: о царствующей до этого мгновения «объективной необходимости произвола» как бы на время забывали. Поступила новая установка: акцент делался на букве закона. И... кого-то отдавали в жертву. Такую, залитую кровью, жертву, Ежова, сбросили с «парохода современности» в 38-м. Результат? В массовом сознании накануне войны отпечатали: Сталина Ежов обманул, Берия примерно наказал за это злодея Ежова. Пресек неоправданные репрессии. И развернул новые. Уже... «оправданные». Берия, отдав несколько сотен палачей, тут же с двумя следователями забил в камере Блюхера, подверг репрессиям тысячи новых ни в чем не повинных людей. Группу наиболее способных «липачей» он оставил. Мешик, Володзимирский, Ушаков (Ушимирский) — по его приказу — даже написали «научное» наставление... Тем самым он показывал ближайшему окружению: закону отдано должное. Все возвращается на круги своя. К объективной необходимости произвола, внезапных действий.

— Тут, Борис Алексеевич, целая философия в этом «переступании с ноги на ногу»... Разуверившийся народ вновь и вновь обнадеживали верой: в прошлый раз помешали отдельные «враги», «вредители», японские и немецкие, позже английские «шпионы». Но теперь — точно перемены. И сбудется все, что обещано... И когда же случилось «переступание» в первый раз?

— Да, пожалуй, тогда, когда Сталин с помощью статьи о «головокружении»

открестился от массовых репрессий против крестьянства. Что ж, исполнителей обличили, кое-кого наказали. Те всенародно покаялись. Из миллионов же сосланных, по имеющимся данным, вернули лишь 600 подмосковных крестьянских семей. И... продолжили дело, начатое «отцами». Я располагаю не опубликованным документом за подписью Сталина и Молотова: и после статьи Сталина крестьян репрессировали председатели колхозов и сельсоветов, члены правления. Юристы восстали было, но им заткнули рты. А ведь они были правы: применяли 107-ю статью. Высылали за «спекуляцией», «скупку и перепродажу»... держателей хлеба, хлебопашцев!

— А когда начался 37-й год?

— Вот это интересный вопрос! Знаете, если устанавливать преемственность, скажем, идею Особого совещания Сталин позаимствовал непосредственно у Александра III. Этот царь в отличие от убитого народовольцами Александра II, проводшего прогрессивную судебную реформу (в частности, суд присяжных), толкнул страну назад, учредив тогда внесудебное Особое совещание при министре внутренних дел. Правда, царское Особое совещание — по подозрению в умысле против монархии — хоть и судило без суда и защитника, но не имело еще права приговаривать к смертной казни. Сталинское Особое совещание такое право получило и использовало. За два часа здесь порой рассматривали до 800 дел. Прокуроры жаловались, что не успевают разбирать фамилии приговариваемых к смерти... Особое совещание действовало до 53-го года, через него прошли тысячи и тысячи человек. Н. С. Хрущев сделал великое дело: отменил Особое совещание. Вдумайтесь, вот уже 35 лет никто не отправляется в лагерь, в ссылку без суда!..

— Знаете, Борис Алексеевич, при всем уважении к этому факту я испытываю несколько иные чувства, чем вы. Можно, видимо, радоваться, что целых 35 лет мы живем без страха за свою жизнь. А можно и ужаснуться, что такое может нас радовать.

— Только без упрощений. С позиций

мышления исторического. А то ведь сейчас иные авторы ничтоже сумняшеся заявляют, например, по поводу митингов гневного осуждения «врагов народа»: что-де подделаешь, толпа... Да не толпа! Не стихия! Но хорошо организованное, подогретое действо.

— Борис Алексеевич, у вашего тезки Бориса Леонидовича Пастернака в романе «Доктор Живаго» есть такое характерное место: «Несвободный человек всегда идеализирует свою неволю. Так было в средние века, на этом всегда играли иезуиты. Юрий Андреевич (Живаго. — А. А.) не выносил политического мистицизма советской интеллигенции, того, что было ее высшим достижением, или, как тогда бы сказали, — духовным потолком эпохи». Может, это и не все проясняет, но многое — в молчании людей, честных и нетрусливых, способных к осмыслению. Правда, не все молчали. «Не молчали» неодинаково. Одни (Ахматова, Мандельштам) писали «Реквием» и обличительные стихи про «кремлевского горца, душегубца и мужикоборца». Другие же снимали фильм, где Сталин под Царицыном обеспечивает успех в гражданской войне, «нежно смотрит» на спящего Ильича. Ну а те, что молчали? Представляется, что поведение таких людей, как Тухачевский, Якир, Бухарин, Рыков, обусловлено не только физическими пытками. Дикий парадокс в том, что жертвы, видимо, — «в интересах дела» — вынуждены были играть в одну игру с палачами. Многие из репрессированных были людьми, готовыми пойти ради революции на любые — и чужие, и собственные — жертвы. Изогренное мышление (самые невероятные акции искренне и с легкостью необыкновенной освящались революционной необходимостью) оторвалось от реальности. Мне приходилось писать, как отказ подтвердить фантастические показания, высосанные из пальца, на полном серьезе рассматривался в качестве инакомыслия и, следовательно, антипартийного преступления... Далее все объяснимо. Следовательно «от имени партии» диктовал: единственный способ избежать раскола в партии, сохранить в чистоте светлое

имя социализма — во всем, что было и не было, признаться! Мистицизм соскальзывал во тьму беспринципности. Вспомним, как в пьесе Шатрова Сталин говорит (это довольно правдоподобно) о Зиновьеве и Каменеве: «Еще никто... не перескакивал так легко от одних принципов к другим, никто еще не менял так легко своих взглядов, как эти люди... не раз отрекались, почему бы не отречься еще раз?»

— Это близко к реальности. Во всяком случае, можно с определенной уверенностью предположить: надо было допустить то, что случилось в начале 30-х, чтобы закономерно случился 37-й год.

— То есть 37-й год, по сути, уже стал неизбежностью, едва удалось переступить через крестьянство?..

— Я бы только не делал противопоставлений.

— Я не об этом, Борис Алексеевич. Как нет смысла возлагать всю ответственность на какой-либо один социальный слой, так и нет оснований противопоставлять их друг другу. Сталинизм — это трагедия не отдельно взятого класса (скажем, крестьянства или интеллигенции). Это трагедия искусственно противопоставленного самому себе народа: класс против класса, человек против человека.

— Вот видите, какая парадоксальная картина вырисовывается. А вы о храбрости! Когда же началась война, за спиной каждого воина оказалась огромная нравственная сила: весь народ, вся партия, вся идеология, все государство. А в 30-е каждый умирал если не молча (его все равно не слышали), то в одиночку... И все же, когда я с моими товарищами в середине 50-х погрузился в дела, сквозь чудовищные наслоения клеветы нет-нет да и стали прорываться хоть и искаженные, но искренние голоса. Вот характерный пример. Чекиста Зиновия Глебова обвинили в принадлежности к антисоветскому заговору. Выдвигалось четыре пункта обвинения. Глебов выкинул из показаний секретаря Дальневосточного крайкома ВЛКСМ «компромат» на Александра Косарева. Отказался взять

показания у арестованных Тухачевского и Корка на комдива Сергеева. Предложил свернуть следствие по одному из «вредителей». И самый странный и все разъясняющий пункт: «сфальсифицировал документы и путем вымогательства требовал от арестованных вымышленных показаний на ряд ответственных партийных работников и чекистов Закавказья и Азербайджана». Что это за ответработники и чекисты? А подручные Берии — Багиров и Кобулов! В те же примерно годы репрессированы за «нежелание вести борьбу с врагами» — читайте: за отказ пойти на преступление — начальник УНКВД Винницкой области Волков, Джамбулской — Капустин, по Дальневосточному краю — Дерибас. В 35—36-м годах Т. Дерибас — член партии с 1903 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), награжденный орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, — боролся с нарушениями законности. В 1937 году, когда арестованный «троцкист» председатель крайисполкома Крутов дал развернутые показания следователю Арнольдову, Дерибас нашел в себе мужество и не сделал вид, что им поверил. Более того, он во всеуслышание заявил: это показания не Крутова, а следователя Арнольдова! И отказался арестовать людей, проходивших по этим показаниям. Доложили Ежову. И Дерибас был арестован сам...

Военный прокурор из Ленинграда Николай Михайлович Кузнецов, член партии с 1904 года, вел, например, целую войну с местным УНКВД. (Это очень колоритная фигура. Есть его музей в Астрахани.) Было у Кузнецова такое столкновение: арестованный попросил священника для исповеди. Подослали «ряженого» сотрудника НКВД. Арестованный ничего порочащего не рассказал. Тогда сотрудник НКВД просто наврал, приписал ему свои фантазии. Кузнецов вмешался. А начальник УНКВД в ответ ему наложил резолюцию: «Так было, так будет». (Его в 1939 году самого расстреляли.) Главный военный прокурор Розовский тогда в Ленинград прислал бригаду. Ее руководитель Заковский арестовал Кузнецова. Кузнецову «пришили» связь

с Тухачевским (они были знакомы). И дали 15 лет...

Иван Матвеевич Стурман, военный прокурор Балтфлота, остановил дело на Петра Васильевича Мухина, военного комиссара линкора «Октябрьская революция». Против Мухина выдвигался двадцать один пункт по обвинению в троцкизме. Было там, в частности, и такое: Мухин доказывал, что товарищ Сталин не является ни стахановцем, ни вождем народов. А Стурман не дал санкцию на арест и направил дело в парткомиссию. Парткомиссия, внимательно рассмотрев все обстоятельства, сняла обвинения в троцкизме. Партийное же собрание ограничилось вынесением Мухину строгого выговора за анекдот и грубое отношение к политработникам.

— *Неужели ж и тогда анекдоты рассказывали? И кто?*

— Нередко вполне благонадежные люди. Скажем, в 35-м в Среднеазиатском военном округе были арестованы тринадцать красноармейцев. Заметьте, ни одного из «социально чуждых слов». Пятеро из рабочих, пятеро из служащих, один из бедняков плюс колхозник и середняк. За что арестовали? За «антисоветскую агитацию». Конкретно — «недовольство мероприятиями на селе». Распевание песен, анекдоты о руководителях: «Ему хорошо в Кремле, а крестьянство гибнет». Начальник политуправления округа Ястребов защищал их. Пытался он защищать и двух младших командиров Максина и Конова (из трудовых семей, стахановцы), рассказавших в марте 36-го несколько анекдотов похожего содержания. Младших командиров передали суду. И Ястребова репрессировали... Красноармеец Подопригора о приговоре Зиновьеву и Каменеву высказался, что приговор неправильный. Розовский решил: следовательно, Подопригора — зиновьевец! А помощник военного прокурора Малиевский для ареста Подопригоры не нашел оснований. За что и сам был уволен из прокуратуры.

— *А как оценить, Борис Алексеевич, позицию Тухачевского, Якира, Гамарника и других — до ареста? Были ли они просто «невинными жертвами», как*

мы привыкли думать, беря за точку отсчета концепцию XX съезда партии?

— Какого-либо действительного заговора там не было...

— Но оппозиция, не политическая, а гражданская и профессиональная — Ворошилову, Буденному, Мехлису, — была, по-моему, обозначена четко. Вот и из вашей публикации в «Правде» («„Заговор” в Красной Армии») видно, что во время следствия и на суде они от этого «обвинения» не отказывались. И ничего преступного тут не было! Напротив, сохранись такая, профессиональная и гражданская, оппозиция (другими словами, плюрализм мнений), не были бы вслед за восьмеркой «заговорщиков» репрессированы 40 тысяч кадровых офицеров. И стране бы куда меньше пришлось пролить крови, особенно в первый период войны. Мы, мне кажется, должны наконец сегодня осознать: цена тогдашней борьбы с инакомыслием, плюрализмом мнений — тысячи, миллионы жизней, которыми расплатились за торжество «кавалеристов» над сторонниками концепции «войны моторов»... Вообще то, о чем вы сейчас рассказываете, по существу, иной уровень в понимании нашей истории. От «врагов» — к «жертвам», от «жертв» — к сопротивленцам: это новый шаг к правде, которую не давали гласно и спокойно осмыслить...

— Вот вам живой пример, Валентина Федоровна Пикина, секретарь ЦК ВЛКСМ. Ее поведение после ареста. А ведь она должна была обличать и свидетельствовать на «молодежном процессе» против секретарей ЦК. Ее били резиновыми дубинками, подсаживали провокаторов, запирали в одиночку, забрызганную кровью. Имитировали расстрел... А она показаний не подписала. В результате ее не то что обличителем на процессе не сумели сделать. Побоялись вывести вообще на суд, «судили» Особым совещанием. Приговорили к восьми годам. А в лагере она вела «контрреволюционную» агитацию, то есть абсолютно оправданно обличала (!) руководителей страны. За это судили второй раз, дали еще восемь лет. Итого шестнадцать... Таких людей было не очень много. Но они были. Это факт.

— Что же, если применять традиционный, проверенный мировой историей критерий, то они совершили подвиг. Они воистину национальные герои: дело не только в их конкретных действиях. Если вдуматься, они — своими судьбами — сумели отстоять нравственную норму, подтвердили представление о подлинном гражданине своего Отечества. Они смогли удержать планку, по которой определяется нравственная высота народов — в той или иной жесточайшей исторической ситуации.

— То есть не только памятник всем, но и звания?

— Но почему нет? Ведь в условиях той же войны, Борис Алексеевич, были и невинные жертвы (скажем, среди мирного населения). А были и борцы. Общая память всем, но какие же тут обиды, если не всем двадцати миллионам награды, а тем, кто совершил подвиг?

— Может быть, может быть...

— Борис Алексеевич, а были ли в НКВД честные люди?

— Да, были. Прежде всего — соратники Дзержинского, его последователи. Вот, скажем, Артузов Артур Христианович или Пиляр Роман Александрович, знаменитые чекисты, захватившие в свое время эсера Савинкова, английского шпиона Рейли. Они, конечно, являлись преградой на пути к полному беззаконию. Когда Пиляр возглавлял Саратовское УНКВД, Ежов вызвал его и спросил, почему он так нерешительно арестовывает врагов народа. Пиляр ответил: кого надо, того арестовали. Тогда Ежов подал ему список — там было практически все саратовское руководство. Пиляр посмотрел, вернул со словами: на этих лиц нет никаких данных о их враждебной деятельности. А потом не выдержал, добавил: как можно арестовывать коммунистов, руководителей — без законных оснований? Ежов побагровел: без каких оснований?! Пиляр повторил: без законных оснований! Ежов вручил ему список и дал срок три дня — может, одумается?.. Не одумался... Через неделю арестовали Пиляра. И обвинили как «шпиона». И как «террориста»: по свидетельству шофера Пиляра, Роман Александрович

однажды, после назначения Ежова наркомом, на вопрос, почему ему, Ежову, долго не присваивают звания, ответил: скоро дадут. И тут же со злостью добавил: ему бы хорошо дать не звание, а поголове — за его отношение к старым чекистам... В архиве мы обнаружили письмо начальника тюрьмы, препровождавшее записку Артузова, написанную им на четвертый день после ареста — кровью на тюремной квитанции: *«Гражданину Следователю. Привожу доказательства, что я не шпион. Если бы я был шпион, то...»* Артузов и кровью, и фактами не сумел доказать, что он не шпион. Последний протокол оборвался записью следователя: *«Я прошу сейчас прервать допрос, дать мне возможность восстановить в памяти все факты моей шпионской деятельности...»* Через некоторое время Артузов был расстрелян. Расстреляли по приказу Берии в самом начале войны старого чекиста Кедрова. За что? Его сын, работавший в НКВД, написал письмо в правительство о творящемся произволе... В ответ арестовали сына, потом и отца. Кедров-отец из камеры писал Молотову о пытках. Письмо осело в архиве...

В 30-е случилось то, о чем Артузов открыто, смело, при всех заявил, едва Ежов вступил в должность. Артузов сказал тогда на партактиве: *«Мы превращаемся в то, чего больше всего боялся наш первый чекист Феликс Дзержинский и против чего он неустанно предупреждал: „...бойтесь превратиться в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми чиновными недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов. Помните, что, став на этот путь, вы погубите ЧК...”»*.

— *Так когда же все-таки начался 1937 год, Борис Алексеевич?*

— Полистайте 54-й ленинский том. Там вы обнаружите не печатавшуюся около 50 лет записку Владимира Ильича Л. Б. Каменеву. Ленин был очень обеспокоен тем, что сохраняется в рамках ЧК следственный аппарат, который он предлагал «влиять» в Наркомат юстиции. Коллегия же ВЧК возражала против передачи в различные органы розыска и следствия...

— *Мне кажется, Борис Алексеевич, Ленин в последние годы начал прозревать скорое будущее складывавшейся административно-командной системы. Он, видимо, предчувствовал всю страшную опасность, и возможно только теперь поразиться лихорадочной работе гениального ума, стремившегося найти все-таки выход. Ленин подверг пересмыслению общепризнанные к тому моменту критерии. Над политическим органом власти он предлагал поставить инспекцию, состоящую из рядовых граждан, рабочих и крестьян. Причем, что характерно, не имеющих опыта работы в партсоаппарате. Авторитет Ленина сдерживал огромную власть. Без Ленина ни одна инспекция не могла бы, наверное, этого сделать...*

— Еще подробность. Если Особое совещание еще как-то юридически было оформлено, то так называемые «альбомные дела» поставили над всем и вся (над законом прежде всего) знаменитую троицу — Ульриха, Ежова, Вышинского.

— *А что это такое?*

— Составлялись «альбомы» для Сталина. В альбоме, на отдельных листках, кратко излагались дела ста или даже двухсот человек. И под каждым — заготовленные, еще без подписи, три вышеназванные фамилии. Сталин просматривал альбом, отыскивал знакомых. И ставил либо «единицу» (расстрел), либо «двойку» (10 лет заключения). Сталинские «приговоры» не обсуждались. Оставшимися без «1» и «2» эта троица распорядилась по своему усмотрению. Но под каждым приговором расписывались все трое...

— *И даже Особым совещанием «альбомному делу» не придавался вид законности?*

— Нет. Причем судьбы людей решали зачастую не прокуроры, не следователи (у них не было времени разбираться), а нередко только их агенты, строчившие донос за доносом.

— *А зачем вообще велись и сохранялись «альбомы»?!*

— Я думаю, для собственной уверенности, чтобы не забыть и не перепутать: кто сидит, а кто расстрелян.

— *Да... И это наше прошлое. И от него не отречешься.*

— И не надо, видимо?

— Это, увы, не стало пока очевидной истиной для каждого... Но неужели же мы все не успеем понять, что ежовы и берии, рашидовы и абыловы, щелоковы и чурбановы — всего лишь результат, продукт административно-командной системы? Убрать их — еще не значит устранить машину по их изготовлению. Напротив, очередное очищение укрепляет ее — ведь перемены, движения вроде бы налицо. И еще, мне думается, надо максимально уточнить, что мы вкладываем именно сегодня в понятие «перестройка».

— А я вспоминаю, как паразитировали на этом понятии Вышинский, Берия в 39-м году. Они всех призывали перестраиваться...

— Из сегодняшней нашей беседы, Борис Алексеевич, я понял, в частности, вот что: административно-командная система держится всегда отнюдь не на законах, а на последних «установках». Может быть установка соблюдать закон. Может поступить и иная. Принятые XIX партконференцией решения, и это подчеркивал М. С. Горбачев, надо как можно скорее проводить в жизнь, чтобы не могла возникнуть ситуация, когда можно объявить: эти демократические методы перестройку не продвинули и нужно проводить совсем другую «перестройку» — через нажим и насилие.

— Сейчас, кстати, нередко даже от прогрессивно настроенных людей можно уже услышать, что необходимы твердые, нажимные методы руководства. Все чаще люди приходят на своем опыте к убеждению, что без «ударов» сверху перестройка не проходит.

— И вы согласны с этим, Борис Алексеевич?

— Чем больше соблазн, тем больше отдается в памяти: все это было, было, было! Стоит лишь втянуть одних в «избиение» других, завтра уже и с этими, одними, легче справиться...

— Есть ли выход?

— Выход? Разумеется, бороться (и гласно! поименно!) с силами механизма торможения. Но главное — поставить государство, все эшелоны власти под действительный контроль общества. А

для этого надо из всех сил сохранять нынешние условия, закрепить завоевания перестройки. Ведь только она, нынешняя, вернула нас к Ленину, вернула гражданам СССР действительное право иметь права, записанные в Основном Законе десятилетия назад...

— Почему, Борис Алексеевич, мы не знали все 50 лет о людях, которые оказались способными на сопротивление? Почему оказались забытыми те же 74 прокурора?

— А их и не забывали. Просто их «укладывали» в рамки концепции «враги народа», «изверги», «вредители», «шпионы» и т. д. Когда же не стало возможности удерживать этих людей там, в подполье истории, «враги» были переведены этажом повыше. Они стали «жертвами».

— Значит, так, Борис Алексеевич, закладывались нормы оправдания гражданской бесхребетности? К примеру, показывая растерянным, плачущим политического деятеля (хотя это факт, но факт частной жизни, а не его политической, гражданской биографии), не «льем ли мы воду на мельницу» АКС? Укрепляет ли такой факт сегодняшних граждан в их борьбе за перестройку?

— Вы о ком?

— Я о Бухарине в данном случае, Борис Алексеевич. Ведь он в эпоху разгула участвовал в создании Конституции. Что это с его стороны? Полнейшая наивность и политическая глухота? Да, и глухота, и наивность, если мы настаиваем, что такой человек — всего лишь беспомощная жертва. Но не будем обольщаться, он не глупее нас. Тогда что это, как не своеобразный акт гражданского неповиновения? Что это, как не сознательно утверждаемая норма поведения? Что это, как не сигнал поколениям тогдашним, нынешним и будущим — так, ежели ты гражданин своего Отечества, должно вести себя, даже и проиграв в схватке?

Причина того, что мы страшно опоздали и не поняли его вовремя, — и в неповоротливости общественного сознания. В том, что общество слишком долго шло на поводу у административной системы. Имена сопротивленцев, Борис Алексеевич, могли ускорить в этом об-

ществе процессы гражданской кристаллизации.

— Но не ускорили... Решившись перешагнуть сталинские пределы, мы должны отдавать трезвый отчет: «переступания» административная система затевает вовсе не для того, чтобы выпустить общество из рук, а для того, чтобы покрепче захватить в свои объятия. Вырвать из этих объятий общество — с помощью настоящей, нынешней перестройки — никто не способен, кроме нас самих.

*Комсомольская правда,
1988, 21 августа*

23 августа исполнилось 49 лет с тех пор, как СССР и Германия подписали пакт о ненападении. Не очень радостный юбилей и не очень круглая дата, но они дают основание поговорить о внешней политике Советского Союза в те годы. Об этом — беседа корреспондента «Комсомольской правды» А. Новикова с доктором исторических наук, ветераном Великой Отечественной войны В. М. Кулишом.

— В последнее время с исторической карты нашей страны постепенно начинают исчезать белые пятна, но все равно их еще хватает. Одним из пробелов является внешняя политика СССР в предвоенный период.

— Считается, что в 30-е годы были подготовлены условия для нашей победы в войне. Но, к сожалению, в те же годы сложились и серьезные предпосылки поражения Красной Армии в самом начале войны. После XX съезда партии в нашей литературе принято ссылаться на то, что причины неудач Красной Армии лежат в просчете И. В. Сталина в определении срока нападения фашистской Германии на СССР. Да, просчет был, но что это — случайная ошибка? Или, может быть, всего лишь звено в цепи ошибок? Давайте поразмышляем.

30-е годы... Приход фашизма к власти в Германии. Япония предпринимает агрессию на Дальнем Востоке, Италия — в Северной Африке. Январь 1934 года — доклад Сталина на XVII съезде партии, где он говорит о том, что обстановка обострилась, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша, что дело явным образом идет к новой войне. Слова вроде бы правильные, но это — всего лишь констатация фактов. А имела ли место более углубленная оценка создавшегося в мире положения и какие были сделаны выводы о том, как мы должны действовать?

По этим вопросам в 30-е годы произошло размежевание в руководстве партии и страны. Господствовавшая группа политических и военных деятелей — И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, С. М. Буденный,

Л. З. Мехлис — исходила из тезиса, что капиталистическое окружение сплошь враждебно Советскому Союзу, рассматривала фашизм лишь как одну из разновидностей империализма, не более того. Опасность германского фашизма, его военная угроза Советскому Союзу, а также странам буржуазной демократии недооценивались.

Другое направление в политическом и военном мышлении представляли Н. И. Бухарин, М. М. Литвинов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Егоров и другие. Н. И. Бухарин сформулировал тезис о том, что фашизм в Германии — это качественно новое политическое явление в системе империализма. В речи на XVII съезде партии он заявил, что фашистская идеология проповедует «открытый разбой», открытую «скотскую философию» и «поножовщину», что практикуется в самой Германии. В другом выступлении Бухарин сказал, что фашизм противопоставил себя умеренным буржуазным демократиям и только в союзе с ними можно предотвратить фашистскую агрессию. Эти же тезисы — о возможности и даже неизбежности германской агрессии против СССР, о необходимости антифашистского союза с западными буржуазными демократиями — неоднократно выдвигали Уборевич и Тухачевский, но реальная власть была у первой группы, и именно она определяла внешнеполитическую деятельность.

— Но ведь в 30-х годах все же принимались шаги — и немаловажные — для создания системы коллективной безопасности в Европе.

— Да. В декабре 1933 года ЦК ВКП(б) принял постановление о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения агрессии. В 1934 году СССР вступил в Лигу Наций, в последующие три года заключил договоры о взаимопомощи с Францией, Чехословакией, Монголией и договор о ненападении с Китаем.

Но эта здравая внешнеполитическая линия стала проводиться в первой половине 30-х годов, когда культ личности Сталина и связанная с ним команд-

но-административная система управления только набирали силу, когда еще в какой-то мере существовали демократия и гласность в нашей стране. Позже она изменилась — все больше укреплялся курс на сближение с фашистской Германией. Конечно, этому послужил и мюнхенский сговор 1938 года, но главную роль, конечно, сыграла позиция Сталина в отношении фашизма, провозглашенная открыто на XVII съезде партии. Тогда он заявил: «...мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». Став единовластным правителем, Сталин реализовал эту установку через внешнюю политику СССР.

— *Есть еще одна позиция, которая нуждается в разъяснении. Выступая на сессии Верховного Совета 31 мая 1939 года, Молотов заявил, что Советское правительство приняло предложение Англии и Франции открыть переговоры с целью укрепления отношений между этими тремя странами и организации фронта мира против дальнейшей агрессии. Иными словами — против гитлеровской Германии. 11 августа в Москву прибыли английская и французская военные миссии. Однако их руководители не имели мандатов на подписание договора, переговоры непрерывно буксовали и в результате окончились ничем. Возникает вопрос: почему Англия и Франция, прекрасно понимая военную опасность со стороны Германии, тем не менее всячески увиливали от того, чтобы заключать союз с СССР и таким образом создать прочный заслон перед Гитлером?*

— Дело в том, что политика правительств Англии и Франции в этом вопросе не была последовательной. Они не хотели связывать себя конкретными обязательствами.

Немалое воздействие на ход переговоров оказало и то, что полоса репрессий привела к ослаблению нашей страны. А ведь ни одно государство, как известно, не может рисковать, заключая договор о совместных действиях —

тем более в войне — с заведомо ослабленным партнером.

Нужно иметь в виду и другое: сталинское руководство СССР считало, что Англия и Франция окажутся не по зубам Гитлеру, и не очень-то стремилось к союзу с ними, заняло выжидательную позицию. Как-то в разговоре уже после войны Ворошилов сказал: «Мы все-таки думали, что если Германия нападет на Англию и Францию, то она там завязнет надолго. Поди ж ты знай, что Франция развалится за две недели!»

20 августа 1939 года, когда в Москве еще велись советско-франко-английские переговоры, Гитлер направил Сталину телеграмму, в которой говорилось, что в отношениях Германии и Польши может «каждый день разразиться кризис», в который будет вовлечен и Советский Союз, если он безотлагательно не согласится на заключение с Германией договора о ненападении. Гитлер писал: «Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении». Такое предложение, хотя оно было составлено в ультимативной форме, совпадало с намерениями Сталина и в какой-то мере соответствовало его оценке фашизма еще на XVII съезде партии. И, несмотря на то что английские и французские представители все еще сидели в Москве, советское руководство приняло Риббентропа, и договор о ненападении был подписан. Хмельницкий, адъютант Ворошилова, рассказывал, как его вызвал Сталин и поручил передать Ворошилову, который в это время заседал на переговорах с англичанами и французами, возглавляя советскую делегацию, чтобы он прервал переговоры. И Р. П. Хмельницкий передал Ворошилову записку: «Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку».

— *Судя по всему, с этого момента изменение курса Сталина в сторону Германии стало очевидным. Во время визита Риббентропа он произнес тост: «Поскольку немецкий народ так любит*

своего фюрера, выпьем за здоровье фюрера». А официально эту новую линию обнародовал Молотов, заявив 31 августа на сессии Верховного Совета: «Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами». Через несколько часов немцы вторглись в Польшу.

— Тогда же, в августе, было намечено, что находящиеся под властью Польши западные области Украины и Белоруссии должны отойти к Советскому Союзу...

— ...И так оно и произошло. 17 сентября Молотов заявил по радио о «внутренней несостоятельности» польского государства и о том, что «Советское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Красная Армия выполнила приказ и в короткие сроки заняла обширные территории к западу от границы. Немецкие войска в это же время продвигались с запада на восток. А 28 сентября в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Кстати, насколько мне известно, советская историческая литература никогда не упоминала этот одиозный документ.

— В этот период был сделан еще целый ряд заявлений. Так, 17 сентября СССР заявил о нейтралитете в войне, а 19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что перед советскими и германскими войсками поставлена задача «восстановить мир и порядок, нарушенные вследствие распада польского государства». Заявляем о нейтралитете и тут же, буквально через два дня, объявляем себя союзниками фашистской Германии в отношении поверженной Польши для наведения там порядка! А 31 октября, выступая на сессии Верховного Совета с обоснованием необходимости договора о дружбе и границе, Молотов дал германскому фашиз-

му совершенно иную характеристику, нежели прежде.

— Я позволю себе процитировать. Сначала Молотов сказал о том, что «оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора». Вслед за этим чудовищным заявлением было сказано: «Идеологию гитлеризма... можно признавать или отрицать. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой... Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за „уничтожение гитлеризма“, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за „демократию“». Кстати, в этой же речи Молотов радикально переставил прежние политические акценты, сказав: «Теперь... Германия находится в положении государства, стремящегося к миру, а Англия и Франция... стоят против заключения мира». Таким образом, агрессором оказался не Гитлер, а Англия и Франция...

— Заявление Советского и германского правительств было опубликовано еще 29 сентября в связи с подписанием договора о дружбе и границе. Оно содержало призыв к прекращению войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. «Если, однако, — говорилось там, — эти усилия останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах». А Риббентроп перед отъездом из Москвы заявил корреспонденту ТАСС, что если в Англии и Франции «возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

— Что же выходит — Сталин не исключал возможности вступления в войну на стороне Гитлера?

— Этого никто не знает. Но я не думаю, что Сталин намеревался идти так далеко. Одно дело — сближение с Германией в интересах осуществления

своей политики, и совершенно другое — военный союз с фашизмом. Он отдавал себе отчет в том, что такой союз для него невозможен по политическим, идеологическим и военно-стратегическим причинам.

— *Однако ничто не мешало Сталину заявить: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной». А что же Гитлер? Насколько искренне он относился к этому братанию?*

— Это высказано Сталиным в его стиле: говорить не то, что он думает. Став фактически диктатором, Сталин в области внешней политики руководствовался не столько научными оценками, сколько стремлением подчинить развитие международных процессов своей воле, «сыграв» на противоречиях империализма. Этим можно объяснить сближение СССР с фашистской Германией в конце 30-х годов, которое вопиюще противоречило советской политике создания системы коллективной безопасности в Европе. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков говорил относительно политики Сталина, что «в начале у него (Сталина. — В. К.) была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца в результате заключения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот».

23 ноября 1939 года Гитлер выступал с речью перед руководителями вермахта, в которой охарактеризовал нашу страну как ослабленное внутренними процессами государство, которое не представляло для Германии серьезной военной опасности. Договор с СССР о ненападении он отнес к разряду договоров «перестраховки», который, по его мнению, будет соблюдаться его участниками до тех пор, пока он целесообразен. «Фактом, — сказал он, — остается, что русские вооруженные силы в настоящее время имеют низкую боеготовность. В ближайшие один или два года сохранится нынешнее положение». При этом Гитлер добавил: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе». Тем не менее «перестраховочный» договор в значительной мере способствовал

избавлению фашистской Германии от «кошмара» войны на два фронта в 1939—1941 годах. В 1940 году Гитлер направил главные силы — около 136 дивизий — против Англии, Франции, Нидерландов и Бельгии, а на границе с Советским Союзом оставил 4 пехотные дивизии и 6 дивизий охраны тылов. В 1941 году он бросил против Советского Союза основные силы, оставив в Западной Европе лишь оккупационные войска.

Итак, подводя промежуточный итог, можно сказать, что внешняя политика сталинского руководства во второй половине 30-х годов не решала своей главной задачи — обеспечить безопасность Советского Союза. Более того, она позволила Германии как можно скорее решить свои «задачи» в Европе и подготовиться для нападения на Советский Союз.

— *А как же быть с тезисом о том, что внешняя политика Сталина, в частности подписание договора о ненападении, помогла отсрочить нападение Германии на полтора года?*

— Эта отсрочка — не заслуга договора. Германское руководство осуществляло свой план войны в Европе: сначала разгромить Польшу, оккупировать или включить в свою коалицию государства Северной и Юго-Восточной Европы, раздаться с Францией и по возможности с Англией, «освободиться» на Западе, укрепить союз с Италией и Японией. Для этого и потребовались полтора года. Предпринять нападение на СССР осенью 1939 года, когда Германия имела около 110 дивизий, из которых более 43 были развернуты на Западе, было бы авантюрой, хотя Гитлер и считал Советский Союз ослабленным. В ходе войны в Европе были развернуты немецкие вооруженные силы. К началу войны против СССР германская армия имела в своем составе 208 дивизий, из которых 152 были брошены против нашей страны. Судите сами, кому на пользу была эта «отсрочка».

— *Известно, что Сталина предупреждали о готовящемся нападении, называли сроки. Даже германский посол в СССР граф Шуленбург откровенно*

сообщил, что скоро начнется война. Неужели Сталин не верил в это?

— Сталин имел подробнейшую информацию и о подготовке фашистской Германией нападения на СССР, и о сроках его начала, да и о силах агрессии. И в то же время он словно нарочно закрывал глаза на реальности, утверждая, что Гитлер не пойдет на нарушение договора. Сталин прямо говорил, что разведчикам нашим верить нельзя, и за короткий срок — с 1936 по 1940 год — пять начальников Главного разведывательного управления Генерального штаба были репрессированы.

Однако, не желая прислушиваться к своим друзьям, Сталин позволял убаюкивать себя врагам. В 1941 году он направил Гитлеру конфиденциальное письмо, где поставил вопрос о военных приготовлениях Германии вблизи наших границ. В ответ Гитлер заверил его честью рейхсканцлера, что его страна не готовит нападение на СССР. А то, что войска отведены в Восточную Европу, близко к границам СССР, Гитлер объяснил необходимостью подготовить их к вторжению в Англию вне досягаемости английской авиации. И это — около 130 дивизий! Колыбельная песенка для Иосифа Виссарионовича...

Видимо, в глубине души понимая это, Сталин делал все, чтобы никоим образом не спровоцировать нападение, чтобы Гитлер не заподозрил его в желании нарушить договор. Реорганизация и перевооружение нашей армии, активно предпринятые в 1940 году, были не закончены из-за проволочек, плохой организации, бюрократических методов управления, промышленность работала плохо, не давала нужного количества оружия. Кроме того, не было как таковой военной доктрины. Та, которая была сформулирована в 20-х годах, фактически не пересматривалась. Были выдвинуты лишь тезисы о том, что мы будем вести войну на чужой территории, малой кровью и превратим ее в войну гражданскую — мирового пролетариата с мировой буржуазией.

Из-за того, что мы готовились воевать на чужой территории, больше половины наших запасов — оружия, боеприпасов, обмундирования, техники, горючего —

было складировано вблизи границы. И за первую неделю войны 25 тысяч вагонов (30 процентов всех запасов) боеприпасов, горючего и продфуража было либо уничтожено, либо захвачено противником. Вот наглядные последствия близорукой политики.

Боясь спровоцировать нападение Германии, Сталин делал труднообъяснимые шаги. Так, незадолго до фашистской агрессии по требованию немцев было дано официальное разрешение на «розыск могил» немецких солдат, погибших в первую мировую войну и захороненных на нашей территории. И вот на всех направлениях — от Балтийского моря и почти до Черного — по тылам наших войск ходили группы немецких разведчиков под видом «розыска могил». Второй факт. Немецкая авиация свободно нарушала наше воздушное пространство, углубляясь на большие расстояния в глубь советской территории, и активно вела разведку, причем сбивать эти разведсамолеты нашим войскам ПВО было категорически запрещено. Более того, когда немецкие самолеты из-за поломок бывали вынуждены садиться на наши аэродромы, их ремонтировали, заправляли горючим и с миром отправляли домой. До самого последнего момента — 3 часов утра 22 июня 1941 года — наши эшелоны с хлебом, рудой и т. д., согласно договору, регулярно отправлялись в Германию, хотя Германия еще с начала 1941 года прекратила ответные поставки нам, особенно машин и танков. Немцы показывали нашим приемщикам готовые станки, те их принимали, но до нас эти станки не доходили.

— Однако мы с вами уже зашли в лето 41-го, а круг нашего разговора очерчен предвоенным периодом. Поэтому я хотел бы вернуться в 1940 год и вспомнить еще об одной беззастенчивой сталинско-гитлеровской договоренности — соглашении о репатриации немцев из СССР. В соответствии с ним Германии было выдано множество немецких патриотов и коммунистов. Вот случай, рассказанный мне недавно одним из наших историков — В. И. Дашичевым. В 1937 году в СССР вместе со своей женой приехал Нойман — член Политбюро Гер-

манской компартии, второй человек в ГКП после Эрнста Тельмана. Сразу же после приезда в Москву он бесследно исчез и, очевидно, был расстрелян, а его жена была брошена в лагерь в районе Воркуты. В 1940 году в соответствии с соглашением о репатриации эта женщина вместе с другими немецкими коммунистами была переправлена в Германию и из советского лагеря прямиком попала в концлагерь Равенсбрюк. Кстати, приехав в СССР, за решеткой или расстрелянными оказались многие и болгарские, и польские, и венгерские коммунисты...

— Да, многие коммунисты, принадлежавшие к руководству компартий, которые находились в Москве, в Коминтерне, были репрессированы. Например, совершенно без всяких оснований — как «ревизионистская» — была распущена компартия Польши. Много погибло людей. Не был, правда, репрессирован Георгий Димитров, но и он в период войны был полностью изолирован. Даже когда в 44-м советские войска готовились вступить на территорию Болгарии, он не был своевременно информирован, хотя и являлся Генеральным секретарем компартии Болгарии.

Всех репрессированных не перечислить — это не один и не два, это десятки, сотни, тысячи людей. Такая же участь, например, постигла Бела Куна, был расстрелян один из создателей Болгарской компартии Крестинский.

Еще одна непростительная ошибка Сталина — это его линия на то, что основной противник коммунистов — социал-демократы.

— Мне хотелось бы вспомнить в этой связи опубликованное в третьем номере журнала «Дружба народов» письмо известного советского публициста Эрнста Генри писателю Илье Эренбургу. Вспомнив, как еще в 1924 году Сталин призвал к «смертельному бою с социал-демократией», Э. Генри писал: «Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой... Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены.

Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ о «смертном бое»... Везде, как будто спят с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я... никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя... как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру... Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 году, но было уже поздно... Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политической «советского Макиавелли». Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал».

Скажите, Василий Михайлович, как все это объяснить? Ведь создается впечатление, что Сталин целенаправленно разрушал и подрывал страну — ее экономику, науку, культуру, безопасность. Он добрался даже до международного коммунистического движения, дискредитировал сами идеалы коммунизма!

— Для нормального человека это совершенно необъяснимо.

Казалось бы, Сталин должен был делать все, чтобы укрепить наше государство, его безопасность. И на словах все действительно было замечательно. А на практике все делалось наоборот. Как объяснить все это? С точки зрения здравого смысла — никак. А если все же искать какое-то объяснение, то оно, я думаю, лежит в узурпации власти, в маниакальном стремлении сохранить свое единовластие, отсутствие контроля и критики деятельности высшего партийного и советского руководства.

— И последний вопрос. Сейчас в адрес историков, писателей, журналистов нередко раздаются такого рода упреки: занимаются очернительством, перечеркивают все наше прошлое, словно в истории у нас нет ни одного светлого пятнышка. Как вы относитесь к такой позиции?

— Задача исследователя заключается в том, чтобы рассматривать процесс

таким, каким он был, а не таким, каким его хотелось бы видеть, и не заниматься взвешиванием: что перевесит в нем — положительное или отрицательное, и сравнением их в пользу приукрашивания. Исследование не должно быть апологетическим, оно должно быть правдивым. И этим мы не обидим тех людей, которые погибли и сражались на фронте, которые героически трудились в тылу. Они-то и выручили страну, они своей грудью заслонили ее.

*Комсомольская правда,
1988, 24 августа*

Донат Жеребов

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БИТВА

Ленинградская битва... Почему она продолжалась так долго? Почему враг стоял у стен Ленинграда 900 суток?

Потребуется время, усилия многих историков и участников битвы для того, чтобы объективно воссоздать героические страницы подвигов всех защитников Ленинграда, показать причины блокадной трагедии города-героя. Назвать поименно тех, кто своими деяниями поставил Ленинград в трагические условия. Кто конкретно виновен в том, что Ленинградская битва длилась 37 месяцев, всего на 9 месяцев меньше, чем продолжалась Великая Отечественная война.

Почему сухопутная блокада Ленинграда была прорвана лишь в результате пятой попытки, через 16 месяцев после захвата противником Шлиссельбурга?

Так ли фатально неизбежна была гибель сотен тысяч ленинградцев от голода в осажденном врагом городе?

Почему совершались ошибки при использовании в ходе битвы одного из главных защитников Ленинграда — Волховского фронта?

Какова лично роль Сталина в блокадной трагедии Ленинграда?

Как связана военная судьба Ленинграда с отношением Сталина к городу в предвоенные годы, с «ленинградским делом», со словами Маленкова, сказанными при варварском разгроме Музея обороны Ленинграда в феврале 1949 года: «...создали миф об особой, «блокадной» судьбе Ленинграда!»?

Почему в ходе Ленинградско-Новгородской операции 1944 года наиболее отличившимся частям и соединениям трех фронтов и КБФ не были присвоены наименования «Ленинградские»?

Такова, на наш взгляд, лишь основная часть белых пятен Ленинградской битвы. Обратимся к некоторым из них.

10 сентября 1941 года началась первая операция по деблокаде Ленинграда. 20 сентября часть сил Ленинградского фронта генерала армии Г. К. Жукова форсировала Неву и захватила на восточном берегу в районе Московской Дубровки небольшой плацдарм. 24 сентября из района Гайтолова с боями продвинулись на запад на Мгинском и Синявинском направлениях части 54-й от-

дельной армии маршала Г. И. Кулика. Между нашими войсками оставалось не более 10 километров. Это был успех защитников Ленинграда. Слабо вооруженные, не имеющие боевого опыта, они шли в бой с ходу и тем не менее сумели создать своими героическими действиями реальную возможность деблокады Ленинграда.

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер отметил в дневнике: «День 24 сентября был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы».

Успех наших войск сразу же привлекал к себе внимание Гитлера. Чтобы исключить деблокаду Ленинграда, он лично оперативно принял конкретные серьезные меры по усилению своих войск в Приладожье.

В этот кризисный для врага момент нужны были самые экстренные меры и со стороны Сталина. Как же он отреагировал? 20 сентября 1941 года Сталин телеграфировал Кулику: «В эти два дня, 21 и 22, надо пробить брешь во фронте и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами». И никаких конкретных мер по усилению войсками Жукова и Кулика.

26 сентября 1941 года первая Синявинская операция по деблокаде Ленинграда была прекращена. «Из-за недостатка сил советские войска не смогли выполнить поставленную им задачу», — сообщает энциклопедия Великой Отечественной войны.

К началу сентября 1941 года Ставка направила на фронты Великой Отечественной войны сотни новых дивизий. В Приладожье для деблокады Ленин-

града Сталину нужно было послать хотя бы несколько из них...

Причин того, что в сентябре 1941 года блокада Ленинграда не была прорвана, много. Но главная, на наш взгляд, заключается в том, что в отличие от Гитлера, лично принявшего 24—25 сентября 1941 года все меры к тому, чтобы удержать Ленинград в блокаде, Сталин, не приняв мер к развитию успеха наших войск в Приладожье, оставил Ленинград в блокаде.

В героико-трагической военной судьбе Ленинграда особенно тяжелым был период голодной блокады. Гибель ленинградцев от голода лежит, на наш взгляд, на совести и Сталина, и Жданова.

Обратимся к воспоминаниям А. И. Микояна:

«...В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска разворачивали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые... на запад, не могли прибыть к месту назначения... Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости. Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и И. В. Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил А. А. Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие.

Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин спросил, зачем я адресую так много продовольствия в Ленинград. Я объяснил, чем это вызвано, что в условиях военного времени запасы продовольствия, и прежде всего муки, в Ленинграде никогда не будут лишними... Что же касается складов, то в таком большом городе, как Ленинград, выход можно найти. Тогда никто из нас не предполагал, что Ленинград окажется в блокаде. Поэтому Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия».

«Тогда никто из нас не предполагал, что Ленинград окажется в блокаде». «Никто» — это Сталин, Микоян, Жда-

нов. «Тогда» — это начало войны, дни, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду через Прибалтику со скоростью 20—40 километров в сутки.

20 ноября 1941 года в Ленинграде наступил период голодной блокады. Шел всего 73-й день с момента выхода противника к Ладоге.

Почему Жданов отказался от дополнительных составов с продовольствием? Не было в городе пустых продовольственных складов? Но это не причина. Разве нельзя было разместить тысячи тонн муки и другого продовольствия, которые направлял Микоян в Ленинград, в подвалах и бомбоубежищах? Или доверить продукты самим ленинградцам? Были забиты железнодорожные пути на станциях города. Но можно было поставить дополнительные составы на подъездные пути ленинградских предприятий.

Как не вспомнить в связи с поведением Жданова слова А. А. Кузнецова, сказанные им в апреле 1942 года в блокадном Ленинграде: «Я должен прямо сказать, что мы расстреливали людей за полфунта хлеба, украденного или скрытого от населения». Расстрел за полфунта хлеба, «скрытого от населения», — и почет, ордена, слава «руководителю обороны Ленинграда» — Жданову, отказавшемуся от дополнительных составов с продовольствием...

Знал Жданов и о том, что за три дня до начала войны из Ленинграда продолжали вывозить хлеб в Германию. 21 июня 1941 года пароход «Днестр» доставил в Штеттин три с половиной тысячи тонн отборного зерна. Сколько жизней спас бы этот хлеб, если бы он был оставлен в Ленинграде! Но он ушел в Германию. Сталин подкреплял этим хлебом заявление ТАСС от 14 июня 1941 года.

Сталин очищал накануне войны склады Ленинграда от хлеба. Жданов отказался в начале войны от дополнительных составов с хлебом. Конечный результат их действий — голодная блокада Ленинграда...

Одним из белых пятен Ленинградской битвы является история создания и использования Волховского фронта, которому, как отметил начальник Генераль-

ного штаба маршал Б. М. Шапошников, «отводилась решающая роль в ликвидации блокады Ленинграда и разгроме главных сил группы армий „Север“». Волховский фронт был создан лишь к 17 декабря 1941 года. К этому времени прошло уже более шести месяцев Ленинградской битвы и более трех месяцев с начала блокады города. Армии, действовавшие в Приладожье и на Волховщине, были отдельными, и Ставка сама руководила каждой из них. Промедление с созданием Волховского фронта было ошибкой Ставки, ухудшало положение Ленинграда.

Вторая ошибка была допущена при определении в Ставке 11 декабря 1941 года состава и границ Волховского фронта. 54-я армия, действовавшая в Приладожье, была оставлена в составе Ленинградского фронта, а правая граница Волховского фронта устанавливалась у Киришей. Новый фронт усилиями генерала Хозина и Жданова не был допущен в Приладожье.

Генерал армии К. А. Мерецков, назначенный командующим Волховским фронтом, пытался на этом совещании исправить совершаемую ошибку, но это ему не удалось: «Я поставил вопрос о включении 54-й армии в состав Волховского фронта, ибо она действовала бок о бок с нами, а от Ленинградского фронта находилась в отрыве. Однако командование Ленинградского фронта воспротивилось. Что из того, что 54-я армия, возражали М. С. Хозин и А. А. Жданов, расположена за внешним кольцом немецких войск, блокировавших Ленинград? Наносся удары по врагу с тыла, говорили они, войска этой армии окажут наибольшую помощь ленинградцам в прорыве блокады. Я пытался возражать. Перед Волховским фронтом ставится задача прорыва блокады города Ленина. Значит, кому бы эта армия ни подчинялась, она будет действовать в одном направлении. А с оперативной точки зрения отрыв ее от Волховского фронта затруднит планирование ударов по врагу и боевое взаимодействие войск. Но Ставка поддержала М. С. Хозина: если для Ленинграда это лучше, пусть будет так...»

Для Ленинграда это оказалось хуже...

Третья ошибка в отношении Волховского фронта была совершена в апреле 1942 года. Волховский фронт был ликвидирован. Вот что вспоминал по этому поводу маршал А. М. Василевский: «В конце апреля в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин и доложил, что неудача Любанской операции произошла вследствие отсутствия единого командования войсками, защищавшими Ленинград. Он предложил объединить войска Ленинградского и Волховского фронтов, а командование объединенным фронтом возложить на него... Б. М. Шапошников сразу же выступил против такого предложения. И. В. Сталин, напротив, встал на позицию Хозина, и было принято решение о ликвидации Волховского фронта... Однако скоро выяснилось, что руководить девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными занятой врагом зоной, не только трудно, но и невозможно. Решение Ставки о ликвидации Волховского фронта, таким образом, оказалось ошибочным». Вопрос о ликвидации Волховского фронта в апреле 1942 года был решен Сталиным без участия командующего этим фронтом генерала армии К. А. Мерецкова.

8 июня 1942 года Ставка исправила свою ошибку: Волховский фронт был восстановлен. Его вновь возглавил К. А. Мерецков. При этом была исправлена и вторая ошибка Ставки — в состав фронта были включены 54-я и 8-я армии Ленинградского фронта, а правая граница перенесена к Ладоге.

Спустя семь месяцев, после того как Волховский фронт был допущен в Приладожье, в январе 1943 года, блокада Ленинграда была прорвана. Прорвана двумя фронтами: Ленинградским и Волховским, а не только Ленинградским, как это мыслили в декабре 1941-го и в апреле 1942-го Хозин и Жданов.

Четвертая ошибка в отношении Волховского фронта была совершена Ставкой 15 февраля 1944 года. Волховский фронт снова был расформирован. И опять по предложению командования Ленинградского фронта. Спустя два месяца Ставка, убедившись в том, что Ленинградский фронт, вобравший в се-

бя войска Волховского фронта, стал слишком громоздок, вынуждена была, исправляя свою ошибку, создать 3-й Прибалтийский фронт, примерно на том же направлении, на котором действовал Волховский к моменту его расформирования.

Таковы лишь некоторые факты из истории Ленинградской битвы 1941—1944 годов.

Диалог, 1988, № 36

Давид Кугультинов

«ОТ ПРАВДЫ Я НЕ ОТРЕКАЛСЯ»

За годы работы я навиделся авторов, безвестных и именитых, берущих за горло мертвой хваткой, такой, что легче опубликовать, чем объяснить, почему опубликовать не можешь. Но тут была именно просьба. Я включил диктофон. На другой день, уже в гостинице «Москва», продолжил запись и понял, почему не очерк, не статья... Кугультинову нужны были глаза и уши участливого собеседника. Ему просто хотелось выговориться... Получился монолог. Я записал его на пленку, а затем, не поправив почти ни слова, переложил на бумагу. Почитайте. Нет, пожалуйста...

В то время, когда... У меня об этом поэма, называется «От правды я не отрекался». Так вот...

Ну, слушайте... Я служил в частях двести пятьдесят второй Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого Харьковско-Братиславской стрелковой дивизии. В звании младшего лейтенанта, сотрудником газеты «Боевая красноармейская». И вот собрали группу такую — это очень важно насчет группы — и послали в Москву нас в командировку. В Москве в Политуправлении Красной Армии нам зачитали приказ... Сослать калмыков! В обвинение поставили, будто бы сто десятая Калмыцкая кавалерийская дивизия, которая была сформирована после того, как все из калмыков.

И вот эшелон за эшелонам — в Сибирь! На больших остановках проводили партийные собрания. Какой-нибудь «гражданин начальник» командовал: «Беспартийному конвою отдаться!» И проводили партийные собрания. Вот что ужасно. Уже было совершенно ясно, что фашист разгромлен, уже создавалась Организация Объединенных Наций. Ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Сталин не сомневались в победе. Уже обдумывали, как наказывать военных преступников. Так зачем же надо было убивать младенцев, стариков, абсолютно ни в чем не повинных?.. Зачем надо было наказывать героев войны? Зачем?!

Почему я говорю, что по отношению к нам были благородны? Потому

что по отношению к солдатам было такое сделано, что и сейчас я не могу спокойно говорить об этом. Всех солдат-калмыков со всех фронтов собрали и отправили в концлагерь. В Молотовскую область, на станцию Половинка, где они строили Кунгурскую ГЭС. Эта ГЭС сейчас работает. Половина красноармейцев, фронтовиков погибла там от голода, холода, унижения, глумления над ними за то, что они родились калмыками. Вот так же переселяли чеченцев, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, немцев Поволжья. Сначала ставили во всех населенных пунктах воинские подразделения, говорили, что, мол, на отдых. А люди-то понимали: происходит что-то страшное. Солдаты стали им украдкой шептать: сошлют вас, готовьтесь. Люди и верили и не верили. Мне моя тетка после рассказывала: рано утром 28 декабря им приказали собраться в дорогу. С собой разрешили взять ценные вещи, узелки до десяти килограммов. Это было похоже... Так фашисты сгоняли евреев. Дуло в спину: «Пошел!»

Тетка рассказывает: погрузили их на машины, повезли в Сальск. Там загнали в товарные вагоны и заперли. И пятнадцать дней везли в Сибирь. Вы представляете, конец декабря, сибирский мороз, а у нас ведь край теплый, Предкавказье... Множество умерло в вагонах. Ну ладно, приехали. У станции тупик. Маленькая такая станция, название странное — Сон. Оттуда, из этого Сна, приехали представители леспромхоза с комендантом. Увезли в тайгу. Степных людей увезли, которые никогда не видели леса. Велели им лес пилить, а они не умеют. И столько их там погибло — не знали ведь, куда будет падать подпиленное дерево. Холодные, голодные, разутые. Издевались над ними. А еще калмыков ставили комендантами там, где не находилось русских. Русские были гораздо мягче. Русский комендант зарплату отработывал, вроде бы исполнял свой долг. А коменданту-калмыку надо было заслужить доверие, надо было удержаться. Я думаю, по меньшей

мере треть калмыков погибла тогда. И когда я сам оказался там, хотите — верьте, хотите — нет, получил работу в Бийском автомобильном техникуме. В этом техникуме в то время как раз учился Вася Шукшин. После его смерти мне его супруга рассказала: «Он учился, когда вы там преподавали».

Однажды ночью возвращался к себе. Вдруг почувствовал, что за мной кто-то шагает. Я забежал в дом к другу, горела печь, выхватил пачку стихов, бросил в огонь. И в ту же минуту без стука вошел человек, сказал: «Извините, я, кажется, ошибся». Очень жалею, что сжег стихи, хотя они были бы дополнительным доказательством моей вины, как в приговоре сказано. Вот выписка из приговора — орфография и стилистические перлы мною сохранены. Послушайте.

«Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что обвиняемый Кугультинов в 1944 году был отчислен из Красной Армии на основании Постановления Советского правительства. После отзыва из армии Кугультинов поселился на место жительства в г. Бийск на правах спецпоселенца. Находясь в г. Бийск, Кугультинов, являясь враждебно настроенным к существующему строю в СССР, на протяжении 1944—45 гг. среди спецпоселенцев-калмыков проводил антисоветскую агитацию в форме высказывания контрреволюционных измышлений и в стихах под его авторством.

1. Как факт в начале августа 1944 года в беседе со спецпоселенцем Доржиевым возводил клевету на проводимые мероприятия Советского правительства по вопросу переселения калмыков.

2. В этом же месяце 1944 года в квартире Сусеева, в присутствии Жемчужева клеветал на мероприятия по поводу переселения калмыков, проводимые Советским правительством.

3. В ноябре 1944 года в квартире Сусеева, в присутствии Доржиева, Сусеева Кугультинов наносил клевету на одного из руководителей Совет-

ского правительства. Подобные антисоветские провокационные измышления высказывал спецпереселенцу Жемчуеву.

4. В феврале 1945 г. в приемной горотдела НКВД г. Бийск в присутствии Сусеева, Павлова и Жемчуева возводил клевету на постановление Советского правительства о спецпереселенцах.

5. В марте 1945 года на квартире Сусеева, в присутствии Павлова, их жен читал написанное им стихотворение антисоветского характера, в котором клеветал на жизненные условия спецпоселенцев-калмыков, на правовое положение спецпереселенцев.

6. Помимо этого Кугультиновым, в период проживания в г. Бийск, была частично написана поэма, в 7 главах этой поэмы содержание было изложено антисоветского характера, которая была изъята на квартире Кугультинова.

Проверив материалы дела, суд приходит, что состав преступления по ст. 58-40 ч. 2 УК в отношении Кугультинова вполне доказан изъятием в его квартире стихов антисоветского характера, свидетельскими показаниями Сусеева, Павлова, Жемчуева».

...Вспоминаю, как летом сорок шестого года на пересыльном пункте в Новосибирске услышал разговор двух заключенных. Старший говорил: «Слыхал? Калинин помер». Тот в ответ: «Да что ты!» С сочувствием, сожалением... А первый: «Вот так-то! А ты, поди, все ему жалобы пишешь? У него жена сидела, а ты пишешь, чтобы он тебя спас...» Я вздрогнул, я не поверил этому. Потом, когда был в Норильск, услышал от тех, кому верил, и о жене Молотова...

У Твардовского в поэме «По праву памяти» есть строки о том, что интернационал был там, в лагере. Действительно, в лагере межнациональные отношения решались очень просто. Там все определяли качества человека. Каков ты? Порядочный или подонок? Умный или глупый? Открытый или себе на уме? А уж какой ты национальности — это дело десятое.

Как-то в ЦДЛ был вечер «Норильск — Москва». Пока выступали бодрые норильчане, утверждавшие, что Норильск построен комсомольцами, я сидел и думал. Вел вечер Симон Конstantин Михайлович, и, когда он дал мне слово, я спросил: «Какими же комсомольцами был построен этот город?» Я рассказал о том, как с группой писателей приезжал в Норильск выступать, как из стены каждого дома, словно пятна на промокательной бумаге, выступали образы тех, кто строил, клал кирпичи Норильска. У меня в трудовой книжке: счетовод, калькулятор, сторож...

Так вот, однажды меня, как счетовода, послали провести инвентаризацию в доме младенца, в лагере норильском... Да, представьте себе, были и там дома младенцев. Ведь рождались дети от женщин-заключенных, которых насиловали охранники. Это были самые несчастные. Это были жены врагов народа... И вот я приехал. Только переступил порог — дети. Огромное количество детей до пяти-шести лет, в маленьких телогреечках, маленьких ватных брючках... И номера на спине и на груди, как у заключенных. Номера их матерей. Эти дети почти не видели мужчин, потому что обслуживающий персонал весь — женщины. Но они слышали, что есть еще мужчины — люди, это — папы, это очень хорошие люди, это богатыри из сказок. Они сильные, они могут все. И вот подбежали ко мне, увидев, что я не женщина... «Папа! Папа!» — и дергают меня со всех сторон. «Папа, папочка, миленький, что ж ты так долго, что ж ты так долго...» Они, кажется, верили, что папа может быть один на всех, ведь воспитатели читали им слова на фасаде дома: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

После я подумал: ничего удивительного. По всей стране раздавалось: «Спасибо товарищу Сталину!» Кричали колхозники, не имевшие паспортов, прикованные к земле и ничего не получавшие за свой рабский труд. «Спасибо товарищу Сталину!» — кричали все, не смея сказать

другого слова. Но самое страшное, когда дети — с номерами. И — «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Навидался я... Показывали мне: видишь старика хромого? Оказывается, двадцать первого декабря сорок девятого года, в день семидесятилетия Сталина, двое заключенных (один из них — этот старик) договорились на лесоповале: чтобы весь срок на морозе с пилой не маяться, отрубить по ноге друг другу. Подобрали топор, облюбовали широкий пенек, примерились, а не могут начать — страшно. Тогда один вынимает из-за пазухи сухарь, дает напарнику: «На, подкрепишься, брат, да начинай с богом». И ногу на пенек положил. Тот сухарь погрыз, взял топор, ну и... А потом и свою на пенек, как договорились... Кровица фонтаном, мужики едва живы, охранник прибежал: «Дезертиры с трудового фронта! Симулянты, мать вашу!» Тут один из увечных, белый как снег, и прохрипел: «Чего ты, кум, лаешься, в такой день? Это ж мы отцу родному нашему к юбилею на холодец... Пошлите ему». И сознание потерял...

Вот говорят: жертва культа личности. И некоторые охотно принимают это определение. А меня оно оскорбляет. Я не был жертвой, я боролся. Стихами, единственным способом, мне данным.

Перешагнув жестокости предел,
Решил Чингис украсить общий жребий.

Он улыбаться подданным велел
Весь день, пока сияет солнце в небе.

А кто дерзнет на жалобы и плач,
Тому отрубят голову палач.
И улыбался весь чингисов край,
И деспот убеждал молву мирскую,
Что создал в ханстве образцовый рай...
А люди ждали сумерек,

тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
И в одиночку выплакаться всласть.

Да, чтобы плакать, надо было прятаться. И упаси бог плакать вдвоем — групповое дело!

Думая о причинах становления тирании, я обращался к истории, литературе. И вот в пятьдесят втором году в Норильске купил книгу «Рассуждения о добровольном рабстве» Этьена Ла Бозси. Это знаменитый французский просветитель, друг Монтеня. Бозси рассуждает: как тиран становится тираном, угнетающим миллионы людей, не имея на то никаких прав? Тираны приходят к власти тремя путями: один — по праву наследства, другой — по праву завоевателя, третий — как бы избирается народом. И, казалось бы, этот третий должен быть сносным. Но нет! Как только он восходит на трон, так сразу становится жестоким, ибо боится, как бы не выбрали другого. Какой силой удерживает власть? Армией? Охраной? Нет. Сила — это пять или шесть человек, сумевших приблизиться к тирану. Они поддерживают его, заставляют быть злым не только его злостью, но и своей. Юлий Цезарь сознательно увеличивал количество должностей, выдумывал административные единицы, чтобы как можно больше было под ним тех, кому выгодна тирания. Далее Бозси развивает такую мысль. Поколениям, родившимся в рабстве, это рабство кажется естественным состоянием человеческой жизни, и они держатся двумя руками за него. Читая Бозси, я отчасти нахожу ответы на те вопросы, что задает нам сталинская эпоха. Герцен писал как-то, что в нас течет и финская, и монгольская кровь. И это не только не мешает нам быть славянами, но и дает возможность почувствовать себя кровными братьями и финнов, и монголов.

Когда мы читаем документы о состоянии декабристов, о том, как ссылали в Сибирь целые роты, полки, — мы содрогаемся. Но когда «Народы, в Сибирь шагом марш!» — это не уменьшается в рамках человеческого сознания. Ибо как можно оправдать уничтожение народов? Народов с древней культурой, вековыми традициями, чья единственная беда — малочисленность. Я вовсе не хочу сказать, что среди калмыков в ту войну не бы-

ло предателей. Были! Но назовите мне, у кого их не было. Война... А сталинское переселение народов, еще раз повторяю, это неслыханное и невиданное преступление в истории.

Когда вернулись из ссылки, у меня было огромное желание оповестить весь мир, что мы возвратились на свои родные, исконные земли, что Калмыкия ни в чем не виновна. И вот сама судьба указала такую возможность. В пятьдесят девятом году мы могли отметить триста пятьдесят лет добровольного вхождения Калмыкии в состав России. Калмыцкий обком отправил письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить праздновать. Приходит ответ: так как Академия наук СССР не подтвердила дату, разрешить празднование не можем. Конечно, дело осложнилось, если Академия наук не подтверждает. Однако очень хотелось отметить славную дату. И вот в декабре пятьдесят восьмого — Учредительный съезд Союза писателей РСФСР. Мы знали, что по таким случаям устраиваются правительственные приемы и на этих приемах бывают руководители партии и правительства. Мы решили воспользоваться случаем. Вспомнили, что есть брошюра, изданная до революции. В ней сообщалось, что в девяносто девятом его императорское величество Николай Второй произнес речь в честь трехсотлетия верной службы калмыков России. После этой речи в русских церквах были отслужены благодарственные молебны. Вот эту брошюрку я положил к себе в карман и пошел на прием по случаю организации Союза писателей РСФСР. Я оказался волею судьбы в числе тех литераторов, которые сидели за столами вместе с членами Президиума ЦК. И где-то в стороне сидел один Хрущев. Мы — за одним столом с Фурцевой, Шверником... Я прекрасно понимал, что существует сценарий, что все расписано: кто когда поднимется, что скажет... Соболев, Твардовский, Шолохов должны были подойти к Хрущеву. Сижу и думаю: они пойдут благодарить, а у меня важное дело — о народе моем. Благо-

дарность нужна, но она по весу гораздо легче того, что я хочу сказать. И думаю, нарушу-ка я все эти сценарии и непредвиденно, негаданно, неожиданно поднимусь и подойду к Хрущеву. Так и сделал. И только я отправился, почему-то сразу справа оказался Ворошилов, слева — Микоян. Ну, думаю, вы мне не мешаете, подошли все троем к нему. Хрущев недоуменно смотрит: что это, мол, за человек с восточным ликом? Я говорю: я — калмык, писатель. Он спрашивает: как калмыки сейчас? Я говорю: знаете, вот я перед съездом в степи заночевал у одной старой калмычки, утром проснулся, гляжу — старуха молится своему богу. Я подумал, откуда она сохранила изображение будды, пройдя тринадцать лет ссылки. Подошел поближе — вижу: никакого будды, а портрет человека. Ваш портрет, Никита Сергеевич. Я сказал ей: бабушка, это же грех — на портрет живого человека молиться. Она ответила: грех не грех, мне все простится, ибо этот человек вернул меня к костям моих предков, и мои кости рядом с ними будут теперь лежать. Мне стало интересно, что она дальше скажет. Я говорю ей: это партия вернула вас. Она глянула на меня, как на наивного молодого поэта, и сказала: когда нас ссылали, партия была эта же. Я рассказал об этом Хрущеву. Он произнес: видите, человек так уж устроен, если он не получает ответа в жизни, он ищет у того, кто, как ему кажется, исполняет волю всевышнего. Теперь-то мы знаем: не было никакой причины вообще, чтобы ссылать народ! И не может быть никакой причины вообще, чтобы уничтожать народы. Эти хрущевские слова дали мне ключ к его натуре. Он не писал четвертую главу «Краткого курса», не занимался вопросами языкознания, но был вооружен совестью, что превыше всего. К концу нашего разговора я сказал: дорогой Никита Сергеевич, калмыки так хотели вас видеть! Мы собирались устроить торжества по поводу юбилея нашего трехсотпятидесятилетия добровольного вхождения Калмыкии в состав

России, да не удастся это сделать. Он: почему? Я отвечаю: да вот, Академия наук не подтвердила дату. Хрущев: авторитета выше, чем Академия наук, у нас нет, товарищи. Я говорю: но правительство выше Академии. Он: какое правительство? Я отвечаю: его императорское величество Николай Второй... И брошюру показываю. Хрущев изумился: так Николашка уже праздновал?! Я говорю: да. Он расхохотался: ну, если Николашка праздновал триста лет, то нам сам бог велел отметить триста пятьдесят!

Через неделю Академия наук СССР подтвердила юбилейную дату.

...Я думаю, сейчас, когда переживаем очищение, учимся говорить правду, только правду, ничего, кроме правды, мы должны сказать в полный голос: насильственное переселение народов, уничтожение их — величайшее из преступлений Сталина. Это отсюда катится в наши дни клубок национальных проблем, и его теперь не так-то просто распутать. Но надо распутывать. Чтобы больше никогда не отступать от ленинской национальной политики. Ведь любое отступление от нее есть отступление от социализма.

*Огонек,
1988, № 35*

ПИСЬМА АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПАНКРАТОВОЙ

В последние годы наша общественность стала получать информацию о тех событиях и явлениях в истории нашей Родины, которые именуются «белыми пятнами». Но мало кто знает, что своеобразные «белые пятна» имеются и в истории самой советской исторической науки. В частности, лишь узкий круг исследователей старшего поколения что-то слышал о совещании историков в ЦК ВКП(б), которое проходило в мае — июле 1944 г. Факт сам по себе уже знаменательный: видные партийные деятели в напряженный момент подготовки на фронте Белорусской наступательной операции нашли время для встречи с представителями исторической науки. Созыв совещания был связан с обращением к секретарям ЦК ВКП(б) чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой (с 1953 г. — академик). Этому предшествовал ряд обстоятельств.

В 1941—1943 гг. Панкратова вместе с частью Института истории АН СССР была эвакуирована в Алма-Ату и включилась там в научную жизнь Казахской ССР. Результатом совместных усилий местных и приехавших ученых явилось создание «Истории Казахской ССР»¹ — первого обобщающего труда по истории республики. Появление такой работы, да еще в военную пору, явилось крупным событием научной жизни. Полагали, что книга сможет послужить своего рода образцом при подготовке аналогичных трудов по истории среднеазиатских союзных республик.

Панкратова вложила в создание книги много сил. Она написала в ЦК КП(б) Казахстана письмо, в котором изложила важнейшие установки для написания «Истории Казахской ССР»² и тем самым взяла на себя ответственность за научное и идейное содержание книги. По выходе работы в свет ее выдвинули на соискание Сталинской премии. Но последняя не была присуждена. Панкратова, естественно, тяжело переживала случившееся. Отказ от премирования она связывала с отрицательной рецензией чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева, представленной в историческую секцию Комитета по Сталинским премиям, а также с якобы предубежденным отношением лично к ней акад. Е. В. Тарле,

с которым у нее сложились натянутые отношения еще со времени работы в Ленинградском филиале Института истории РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов). Кстати, поскольку в публикуемом документе Тарле подвергается суровой критике, нелишним будет сказать, что историк, возраст которого тогда приближался к 70 годам, был изрядно издерган предъявлявшимися ему ранее малокорректными научными и несправедливыми политическими обвинениями³.

Предполагая, что всему виной недоброжелательность отдельных лиц, Панкратова обратилась за содействием к руководителям партии, но в своих обращениях ставила вопрос шире личной обиды. По ее мнению, «среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории»⁴. И она просила помочь разобратся в вопросе, «поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место»⁵.

Настойчивость Панкратовой победила. Совещание историков началось 29 мая 1944 года. Провели несколько заседаний. На них был затронут широкий спектр сложных вопросов, не все из которых решены и теперь, когда движение научной мысли активизируется. Критические высказывания участников совещания в адрес Панкратовой были использованы в рецензии⁶ и постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. «О подготовке второго издания истории Казахской ССР»⁷. Институту истории АН СССР начали оказывать больше внимания. При первой же возможности в нем увеличили штаты научных сотрудников, организовали новый сектор — по истории СССР XIX — начала XX в. Расширилась ас-

пирантура, главным образом за счет прикомандированных из союзных республик.

Важным позитивным результатом совещания явился постепенный отход от сталинской трактовки истории присоединения новых народов к общей российской территории как «наименьшего зла». Во-первых, возникло понимание того, что оценка факта присоединения любой страны к другой должна исходить из объективного значения этого события для ее судеб. Во-вторых, поняли, что эта формула не подходит к истории народов, присоединившихся добровольно, отчетливо сознавших всю выгоду данного шага.

Панкратова осталась не совсем довольна результатами совещания. С одной стороны, ее противники победы не одержали. Но с другой — никто из секретарей ЦК не выступил с их осуждением, не отменил критику в ее адрес. И вот, имея перед собой стенограммы заседаний, копии своих писем в ЦК ВКП(б), стенограмму доклада Тарле на ученом совете Ленинградского университета «О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.», Панкратова принялась за написание «Записки о моих впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)». Получилось обширное сочинение. Ныне оно с отрывками стенограммы совещания, с текстом указанного доклада Тарле и некоторыми другими материалами находится в Архиве АН СССР в папке «Материалы совещания историков в ЦК ВКП(б), июнь 1944 г.»⁸. Документы, в нее вложенные, выполнены на некачественной бумаге военной поры и вот-вот развалятся окончательно, поэтому дело практически на руки исследователям не выдается.

Там же находится переложенный бумагой документ, который те, кто сдавал и принимал архив Панкратовой на государственное хранение, не знали, как озаглавить. Сначала он значился как «Доклад А. М. Панкратовой». Нелепость такого названия при знакомстве с текстом бросается в глаза. Тогда первоначальное название зачеркнули и написали: «Записка неустановленного ли-

ца о совещании (пересказ письма А. М. Панкратовой)». Очевидно, отсутствие первых двух листов документа затруднило его атрибуцию. Документ представляет собой сокращенный вариант «Записки о моих впечатлениях»: опущены второстепенные подробности. Аналогичный экземпляр документа имелся у А. В. Фохт — кандидата исторических наук, доцента, которая была другом Анны Михайловны (они жили в одном подъезде дома 16/20 по Зубовскому бульвару) и соавтором ряда работ.

Фохт предоставляла историкам возможность ознакомиться с этим документом, в частности им пользовался Е. И. Чапкевич⁹. Она сообщила, что документ написан самой Панкратовой, которая именovala его «Письма к друзьям» и давала читать своим единомышленникам. По просьбе коллег Фохт, работавших с нею в Московском заочном педагогическом институте, с писем Панкратовой было снято несколько копий.

Документ публикуется с экземпляра Фохт, сверенного с архивным в той части, где это возможно было сделать. Он интересен тем, что дает представление об историках 40-х гг., об их взглядах, суждениях, поведении, а через них и о времени. Документ — свидетельство того, что при И. В. Сталине родилась и развивалась тенденция брать на себя ответственность за внешнюю политику царизма и, исходя из ложного понимания патриотизма, извращались ее оценки. Письма свидетельствуют также о том, что гиперкритика национального прошлого, которая была свойственна некоторым представителям советской исторической науки 20-х — начала 30-х гг. в их борьбе с традициями русской дореволюционной историографии, в условиях войны, усиления культа личности и связанных с ним явлений породила ответную реакцию, вылившуюся в подобие русофильства. Все это дает представление о сложном пути развития нашей исторической науки на том этапе.

Разумеется, публикуя документ, редакция не берет на себя ответственность за точность передачи Панкратовой всех деталей совещания. Ее оценки и харак-

теристики участников совещания достаточно субъективны. Но и сама эта субъективность представляет интерес для исследователей, в ней нашла выражение позиция одной из спорящих сторон.

Публикацию текста и комментарии к нему подготовил Ю. Ф. Иванов*.

15.VI.1944 г.

Дорогие друзья!

Пишу Вам из нашего санатория «Узкое», где я намереваюсь недели две отдохнуть. Устала до последней степени — морально и физически. Немалую роль в моем крайнем переутомлении играет та идейная борьба на историческом фронте, которую мне больше, чем кому другому, приходится выдерживать за последние месяцы. Основные этапы этой борьбы Вы знаете. Сейчас мы, очевидно, подходим, в известной мере, к заключительному этапу, так как вопрос в целом перенесен в ЦК ВКП(б).

29 мая начались совещания в ЦК под непосредственным руководством секретарей ЦК. Председательствует тов. Щербаков, присутствуют (но не всегда оба) — тт. Андреев и Маленков.

Из историков присутствуют почти все наши виднейшие историки — партийные и беспартийные. Нет только акад. Тарле. Он почти перед самым совещанием уехал в Грузию на все лето — читать лекции и отдыхать на курорте. Это, конечно, жаль, так как нет, собственно, главного «виновника торжества». Все остальные, разделяющие его точку зрения, — не самостоятельные голоса, а только подголоски. Расскажу Вам все, однако, по порядку.

Внешним поводом дискуссии явилась книга «История Казахской ССР», но она только заставила громко сказать то, о чем раньше говорилось глухо.

Рецензию проф. Яковлева на эту книгу Вы знаете. Это была первая попытка изложить «новую концепцию» (вернее, вернуться к давно разбитой старой, великодержавнической, реакционно-монархической концепции).

Вслед за этой рецензией последовала лекция Тарле в Саратове на тему «О ро-

ли территориального расширения России в 19—20 вв.». Основной его политический тезис довольно оригинален. «Если, — говорил он, — мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, то потому, что одним из решающих факторов нашей победы являются обширные пространства. Поэтому нельзя говорить о тех, кто завоевывал эти пространства, как о каком-то недоразумении».

И акад. Тарле говорил в своей лекции, прочитанной на Ученом совете ЛГУ в марте 1944 г., о тех, «кто завоевывал пространства», с величайшим уважением, а о народах, которые были подвергнуты завоеванию, с грустным сожалением, что они оказывали сопротивление завоеванию: «Разве можно оплакивать тот факт, что горцы теперь живут под солнцем Сталинской конституции, а не под имамом Шамиля?» Такова своеобразная аргументация, вернее, трюк, к которому прибегает историк Тарле, в каких-то целях переворачивающий самый подход к истории с ног на голову. «Диалектика (!!), — говорит он далее, — требует, чтобы мы к истории подходили с точки зрения 1944 года!»

Покровский с его тезисом, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое»¹⁰, был невинным младенцем по сравнению с этим новым «диалектиком»! Хорошенькая бы у нас была наука, если бы мы пересматривали все исторические оценки каждый год с точки зрения политических событий данного года!

Но не все политические и теоретические трюки понадобились Тарле только для того, чтобы показать в лекции на примере Кавказа, Ср[едней] Азии, Казахстана, Польши и Финляндии, что царская политика в отношении этих стран была не завоевательной и агрессивной, а диктовалась интересами обороны России и самих этих стран, которые к тому же приобщались к более высокой культуре.

Тарле повторял трюк Яковлева, во-1-х, спутывая политику царизма и объективный результат развития капитализма, и, во-2-х, сливая интересы царизма и русского народа. Таким образом, у него получается, что те народы, которые ныне живут под солнцем Ста-

* Иванов Юрий Федорович — кандидат исторических наук, доцент.

линской конституции, должны благодарить за это... русских царей, которые их завоевывали и колонизовали. Ничего более вульгарного, антиисторического и противостественного я не могу себе представить, чем то, что нагородил в своей лекции этот академик. А так как он, конечно, не столь наивный и неграмотный, то, значит, в этой «концепции» есть свой умысел. Весь вопрос в том, какой именно?

В другой своей лекции в том же Саратове, посвященной истории русской дипломатии, раскрывается, в известной степени, и смысл всех этих антиисторических фокусов.

В этой лекции Тарле ставит своей целью реабилитировать внешнюю политику русского царизма в 19 веке. Он говорит, что «„замечания“ Сталина, Кирова, Жданова о том, что „царизм — жандарм Европы“, — это „легенда“, которую надо рассеять; более того, это шоры, мешающие развитию исторической науки». Это все — его дословные выражения, в излюбленном им энергичном стиле! Оправдывая всю колониальную и внешнюю политику царизма в XIX веке, Тарле, конечно, с осуждением говорит о национально-освободительных восстаниях вообще и о польских восстаниях в частности. Он считает ошибкой Александра I, что он дал Финляндии конституцию, и при этом добавляет, что «за эту ошибку наши красноармейцы расплачиваются теперь кровью».

Самое курьезное в этих рассуждениях историка, что он упрекает Александра за ошибку, допущенную им в отношении Выборга, будто бы Александр I должен был предвидеть, что Выборг явится опорным пунктом обороны советского Ленинграда от буржуазной Финляндии. Можно только указать, что Тарле забывает еще одну «ошибку» Александра I, что он по Тильзитскому договору признал Пруссию, за что мы еще больше расплачиваемся.

В таком стиле все содержание обеих упомянутых лекций. Я еще не знала об этих лекциях, когда писала мои письма секретарям ЦК, но факты, которые я приводила в них, шли по той же линии. Поэтому в моем последнем письме в 20 страниц на имя тт. Сталина, Жда-

нова, Маленкова и Щербакова я просила созвать нас, историков, и побеседовать с нами, чтобы помочь людям правильно ориентироваться в основных вопросах истории.

Как видно, мое письмо (вернее, ряд моих писем к разным секретарям, а последнее — ко всем) обратило на себя внимание. На первом совещании 29.V, которое открыл тов. Маленков, он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания. Как бы там ни было, уже одно это — факт замечательный! Надо полагать, что он будет иметь колоссальное значение для всего развития нашей исторической науки. То, что отдельных из нас крепко поправят, будет полезно всем, а не только этим тт.

Теперь перейду к краткому содержанию и оценке выступлений отдельных историков на этом совещании.

Выступления историков начались 1 июня. Первыми выступили Бушуев, Аджемян, Панкратова и Нечкина¹¹. Первые двое представляли позицию, разделяемую Тарле, а вторые — решительно против нее возражали.

Бушуев, ныне нач[альник] Высшей дип[ломатической] школы (до этого 10 лет был науч[ным] сотрудником и ученым секретарем Ин[ститу]та истории Академии наук), начал свою речь с крайне неумной демагогии. Он обвинял всех и вся. Он кричал, что у нас нет никакой исторической науки, что историки ничего не делали и не сделали, что они не выполнили указаний тов. Сталина по вопросам создания гражданской истории, что они не развернули плодотворных дискуссий и т. п. Тон его речи был настолько демагогическим, а содержание настолько беспредметным, что т. Щербаков прервал его и сказал, что если мы в таком стиле будем вести наше совещание, то надо заранее считать его провалившимся. Он попросил его высказываться по существу принципиальных исторических вопросов.

Тогда Бушуев перешел к своему выступлению в институте на редколлегии

II тома учебника для вузов по истории СССР, где он выступал с реабилитацией колониальной и внешней политики царизма, в частности деятельности и роли Аракчеева и Каткова.

Это выступление наделало много шуму. Все стали говорить, что Бушуев заявил все эти «новости» не от своего имени, а ссылаясь на свою «осведомленность» и ориентированность. На совещании Бушуев объявил, что его выступление исказили, что он после заседания изложил свои тезисы в письме и требует считаться только с этим письмом, а не с устной передачей его речи.

Его попросили (из зала) сказать о своих взглядах по существу. Он начал с большим количеством оговорок, а по сути пришел к тому же: нельзя царскую Россию рисовать только «черной краской», не вся ее внешняя политика была реакционной. Аракчеев не один прогонял сквозь строй, польская и славянская политики Каткова не были уж так неправильны, надо к ним отнестись более объективно и т. д.

Бушуев не преминул заявить, что «История Казахской ССР» — книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России. Он демагогически и подчеркнуто заявил, что, видимо, не случайно такая книга вышла так быстро, когда обычно такие толстые книги выходят через несколько лет после написания.

После Бушуева выступил Аджемян. О нем я упоминала, как и о Бушуеве, в моем письме в ЦК ВКП(б). Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности. Он прислал к нам в «Исторический журнал» свою статью на тему «О социальной сущности кавказского мюридизма». В этой статье, как и в лекциях Тарле, все было поставлено на голову и в том же направлении. Это была статья, в которой вопрос о мюридизме был только на самом последнем плане. На первом плане подчеркивалось, что классовая борьба в истории устарела, что слова первой строфы гимна о «Великой Руси» надо толковать так, что царская Россия объеди-

нила все народы и принесла им прогресс и культуру. Он подчеркивал, что Пугачев и другие вожди народных движений реакционны, так как разрушают государство, а Екатерина II и другие цари более прогрессивны, так как они укрепляли и расширяли государство.

Вместо выступления Аджемян зачитал значительную часть этой своей статьи, излагающую весь этот бред. Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам. В президиуме молчали и внимательно слушали.

После этих двух ораторов выступила я. Моя задача была значительно облегчена. Мне не надо было на них ссылаться, их цитировать и критиковать, как я это сделала в своем письме. Я могла вообще не повторять содержание моего письма, а дополнить его новыми фактами, а главное — дать им принципиально-теоретическую и политическую оценку. Это я и сделала. Стенограмму своего выступления посылаю Вам.

Само собой разумеется, мне пришлось значительную часть моего выступления посвятить «Истории КазахССР». Я не могла злоупотреблять так временем, как это сделали Бушуев и Аджемян, которые говорили вдвое больше, чем полагалось, и говорила почти в пределах регламента, минут на пять больше.

Поэтому я могла остановиться только на принципиальных вопросах. Я очень решительно подчеркнула, что книгу по казахской истории надо было бы обсудить специально, между тем на совещание не был приглашен ни один из ее авторов.

Тов. Щербаков проявлял к этой части моего выступления большой интерес и задал мне вопросы, из которых я могла судить, что он книгу читал и что он... разделяет (или интересуется) вопросом о «наименьшем зле».

После меня выступила М. В. Нечкина. Она сначала поставила ряд вопросов, которые волнуют историков, но на эти вопросы она никаких ответов не дала. К таким вопросам она отнесла и вопросы по истории Русского государства, и по истории войн и внешней политики царизма, и по истории колониальных завоеваний и национально-освободи-

тельных восстаний, и по истории культурных влияний и т. п.

По последнему вопросу она попыталась дать нечто свое. По мнению М. В. Нечкиной, история русской культуры отражает лучше всего процесс формирования русской нации и ее идейную самостоятельность. Затем она попыталась поставить в связь вопрос о русской нации с вопросом о советском народе как новом качестве, сложившемся в условиях бесклассового социалистического общества. Эту связь я уловила плохо, у меня представление, что и сама М. В. тоже плохо ее представляет себе.

Вторую часть своего выступления она посвятила «разносу» Бушуева, который сделал против нее ряд выпадов. Нечкина сделала это, как потом говорили, «со злым изыщством». Она разоблачила его фокусы и оговорки метко и беспощадно. «Показала голеньким, освободив от последнего фигового листка!» — говорили остряки.

Слушая ее разоблачения, которые она делала очень спокойно, почти без комментариев цитируя по своей записной книжке выступление Бушуева на том совещании редколлегии, где она была председателем, Бушуев разбушевался, кричал с места, что это ложь, но Нечкина продолжала его цитировать, спокойно и невозмутимо, не реагируя на его крики, а только показывая, что скрывалось под голыми перечислениями тех вопросов, которыми Бушуев позже ограничился в своем письме, которое он теперь попытался противопоставить своему выступлению.

Получилось, что Аджемян и Бушуев — родные братья по установкам, Бушуев заявлял (как и Аджемян), что «историки слишком шли на поводу у революционного движения» и недостаточно «объективно» относились к Аракчеву и Каткову. В отношении последнего он особенно одобрительно отнесся к его антипольской позиции: «Я бы и сейчас выпустил против Польши десять катковых». Нечкина сказала, что эти слова показались Бушуеву особенно остроумными и он повторил их два раза.

Разоблачающая, но спокойно-деловитая речь Нечкиной произвела на присутствующих историков очень большое

впечатление, которым они делились друг с другом все последующие дни.

Следующее заседание было 5.VI. На этом заседании выступали чл.-корр. Бахрушин, Сидоров, Рубинштейн, Сыромятников и Минц¹². Бахрушин подчеркнул большое значение для историков «Замечаний» Сталина, Кирова, Жданова, которые были большим этапом в развитии советской исторической науки. Они были толчком к громадному подъему, открывали новые пути, возможность выбора любой темы, требовали отказа от упрощенности и схематизма. В условиях Отечественной войны круг тем расширился. В особенности на должную высоту поставлена историческая роль русского народа. Но здесь не хватает историкам диалектики. Из признания высокой роли русского народа стали идеализировать все наше прошлое, а этого делать нельзя, не нарушая исторической правды.

Бахрушин остановился на двух вопросах, которые требуют диалектического подхода: 1) на роли государства, 2) на роли колонизации. Покровский пренебрежительно относился к вопросу о роли государства. Мы в этом вопросе преодолели концепцию Покровского. Но до сих пор мы недостаточно конкретно разработали и оценили отдельные этапы в развитии государства, не поняли переходных моментов в его истории. Имеются попытки забыть или затушевать классовую основу государства. Отсюда идеализация Ивана IV, который представляется народным царем. Петр I был очернен «школой Покровского». Мы правильно подняли его роль. Но и у нас есть попытка (напр[имер], книга Сыромятникова¹³) представить Петра антифеодалом и антикрепостником вопреки исторической истине.

Второй вопрос — роль колонизации в русской истории. Раньше об этом было нельзя говорить. Надо было только говорить о колониальной политике царей. Но требуется более конкретно и глубоко вникать в условия царской колонизации.

Затем Бахрушин специально останавливается на вопросе о «наименьшем зле». Нельзя все присоединения объявлять «наименьшим злом». Это не общее

явление. Постановление жюри распространило это оценку только на Грузию и Украину. Что должно быть учтено при оценке присоединения как «наименьшего зла»? Для этого нужно учитывать следующие моменты: 1) присоединение без военного завоевания, 2) требования народа, 3) проблема выбора, 4) что несли завоеватели.

Напр[имер], Грузия и Украина были присоединены без завоеваний, по требованию народа, перед которым была возможность выбора. Кроме того, этот выбор меньшего из зол определялся тем, что угроза Турции или Персии означала физическое истребление Грузии, а угроза Польши несла денационализацию украинцам, которые могли быть ополечены.

Бахрушин говорил, что нельзя закрывать глаза на отрицательные стороны царской колониальной политики и замалчивать или прикрашивать ее темные стороны, ибо это будет антиисторично. Но царские завоевания способствовали капиталистическому развитию и имели некоторые объективные положительные результаты. Наша задача — не ограничиваться этикетками, а изучать историю глубоко, правдиво и документально.

В заключение он требует шире развивать нашу монографическую научно-исследовательскую работу.

Сидоров, выступивший после Бахрушина, сконцентрировал свое выступление против Тарле, но перед этим он энергично возражал Бушуеву, который огульно объявил советскую историческую науку бесплодной. Он показал, что было сделано положительного, какие новые проблемы разработаны, какие учебники были созданы и т.п. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были толчком к плодотворной работе, но не все историки правильно восприняли их идейную сторону. Например, эти недостатки в идейном восприятии сказались и в позиции Тарле, который сделал шаг назад от этих «Замечаний» и даже стал на путь их полной ревизии.

Сидоров далее конкретно разобрал лекцию Тарле в Саратове по истории русской дипломатии, где пересматривается тезис о царизме как «жандарме Европы», а также критически разобрал

II т. новой книги Тарле «Крымская война»¹⁴, в которой автор ревизует оценки классиков марксизма о поражении царизма в этой войне и изменении его внешнеполитической роли. Тарле утверждает, что царизм имел перед собой прогрессивно-историческую задачу овладения проливами, ибо «логика диктовала план овладения проливами». Затем Сидоров останавливается на замечаниях тов. Сталина на статью Энгельса и на ее истолковании в лекции Тарле.

В последней части своей речи Сидоров показывает, что историки некритически воспринимают и восстанавливают старые концепции и оценки Ключевского, Павлова-Сильванского и других буржуазных историков. Необходимо более внимательное, сознательное и активное изучение классиков марксизма-ленинизма.

Рубинштейн выступил в том же духе, что и Сидоров. Он тоже остановился на достижениях, а затем на недостатках историков и на источниках отдельных искажений в области истории. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были восприняты некоторыми односторонне. Они не поняли необходимости изучать источники и более глубоко овладевать теорией марксизма в области истории. Некоторые поняли эти «Замечания» как призыв к изучению конкретных фактов, и только.

Поэтому стали говорить об освоении старого наследства, но освоение наследства старых историков сопровождалось упадком марксистской критики и слабой историографической работой.

Вот почему мы видим сильное влияние старой буржуазной историографии, которое сказывается и в стремлении идеализировать все прошлое. Эта идеализация особенно наглядно выступает в художественной литературе, например личность Ивана Грозного и Малюты в произведениях Толстого и киносценарии Эйзенштейна. На примере работы т. Яковлева «Холопы»¹⁵ можно показать полное восстановление старой буржуазно-исторической «государственной теории» — восстанавливаются идеи и терминология Чичерина. То же можно сказать о теории сословной монархии, восстанавливаемой Сыromятниковым.

После Рубинштейна и с возражениями ему выступил проф. Сыромятников, автор книги «„Регулярное” государство Петра». Сыромятников, как и Бушуев, резко напал на всех историков, что они ничего не сделали, что они плохо пользуются первоисточниками, не умеют критически подходить к ним и т. п.

Он привел примеры из статьи Базилевича в «Большевике» «Петр Великий»¹⁶, где неправильно цитируется «Табель о рангах». Затем остановился на книге Тарле «Нашествие Наполеона»¹⁷, где неверно процитирован Сперанский. На книге проф. Юшкова «Очерки по истории Киевской Руси»¹⁸, где дана неточно цитата Ленина. На книге Грекова «Киевская Русь»¹⁹, где неправильно доказывается наличие свободных и закрепощенных смердов, и т. п.

Его критика приемов исторического исследования отдельных историков носила такой демагогический характер, что А. С. Щербаков прервал его и попросил остановиться на собственной книге. Но Сыромятников ограничился тем, что его оппоненты не привели из его книги цитат, поэтому ему отвечать нечего.

Последним выступил т. Минц. Его выступление всех поразило какой-то непоследовательностью и двойственностью. Он решил взять на себя функции суперарбитра между двумя выступавшими сторонами. Он отметил две неправильные тенденции в освещении истории национального вопроса: одна — поднять на щит все, что было у народа в его борьбе с царизмом, и представить эту борьбу как прогрессивную, независимо от того, кто и почему вел эту борьбу. Эту тенденцию выражает книга «История Казах. ССР». Другая тенденция — ее представляет рецензия Яковлева на эту книгу, — наоборот, чернит все прошлое этих народов. Нужен критический подход к оценке национальных движений. Энгельс в статье «Россия и Ср[едняя] Азия» не стеснялся резко оценивать эти движения.

«История Казах. ССР» — начинание ценное, но нужно к нему строго подойти,

потому что это первая серьезная работа.

Затем Минц возражает против недооценки роли Абульхайныра²⁰, которого он считает дальновидным политиком. Он не согласен, что «переход каз[ахов] в подданство к России был результатом сговора» (стр. 155 кн.).

Вся вторая часть речи Минца была посвящена защите тезиса о том, что присоединение Казахстана было наименьшим злом для казах[ского] народа, но никаких фактов и материалов он для этого не привел, а заявил, что книга дает для этого достаточный материал.

Выступление Минца было воспринято всеми как полуофициальное.

Следующее заседание было 10.VI. На нем выступили Пичета, Ефимов, Яковлев, Городецкий, Греков²¹. Расстановка сил та же, что и на первых.

Пичета поставил вопросы об истории славянства и его роли, в частности об оценке славянофилов и западников. Он заявил, что нельзя считать славянофилов реакционерами, а западников прогрессивным течением, что были различные течения среди них. Но когда он стал конкретизировать их теории, то у него получились западники реакционным, а славянофилы прогрессивным течением, так как западники недооценивали народ, переоценивали государство, а славянофилы боролись с гегельянскими теориями (Пичета при этом не указал, с каких позиций они критиковали Гегеля, и не подчеркнул, что славянофилы были на еще более реакционных философских позициях шеллингианства, а политически защищали крепостничество).

Второй вопрос, который меня не удовлетворил у Пичеты, — его попытка пересмотреть характер восточных войн, которые он объявляет прогрессивными, так как они способствовали освобождению Сербии, Болгарии от турок. При этом Пичета не сказал о собственной программе царизма, а в этом — вся суть при оценке характера этих войн. Он остановился также на взаимных влияниях славянства на Запад и обратно и на роли Киевского государства как общей основы русского, белорусского и украинского народов. Во второй части своего выступления

В. И. Пичета развернул резкую критику работы Яковлева «Холопы», подчеркнув, что еще в 1939 г. при обсуждении двух первых глав позиция Яковлева по вопросу о роли холопов была решительно отвергнута, но он в 1943 г. опять повторил все свои неправильные выводы. Колонизация Русской равнины при помощи холопского труда Яковлев аргументирует при помощи филологических упражнений, которые обнаруживают полную беспомощность автора. Словообразование «славянин» от «slave, sklaven» — раб несостоятельно. Книга является оскорблением русского народа и всего славянства.

В заключение Пичета остановился на польском вопросе в XIX веке и на характере восстаний 1830 и 1863 гг. Поляки требовали границ 1772 г., т. е. присоединения Литвы, Украины и Белоруссии. Говорят, что требования демократов и аристократов в этих восстаниях были различны. Это верно, но в данном вопросе было единство их точек зрения. Говорят, что лучшие русские люди, в том числе Герцен, сочувствовали польскому восстанию. Но, анализируя переговоры Герцена с польским революционером Жондом, мы видим, что Герцен требовал для всех неполяков национ[ально-]культурной автономии. В 1943 г. вышел очередной том «Литературного наследия», в котором мы находим письмо Герцена к Огареву, в котором он пишет, что если поляки не пойдут на эти требования, то мы мешать их восстанию не будем, но и поддерживать его не будем.

В заключение Пичета призывает более внимательно изучать и разоблачать польскую буржуазно-шовинистическую историографию. Так, перед войной в Польше вышла 4-томная книга под названием «От белого до красного царизма», не вызвавшая нашей критики.

В 1937 г. вышла книга Кукеля «Война 1812 г.», в которой критикуются позиции советских историков, а мы на эти книги никак не реагировали, так как мы не знаем, что выходит за границей.

Советское славяноведение возрождается. Необходимо его поддержать, в частности необходимо иметь специаль-

ный журнал по вопросам славяноведения.

Выступление Пичеты было несколько сумбурно и внутренне противоречиво, а главное, и в нем не было четкой классовой марксистской позиции. Все время говорится о славянстве вообще, без малейшей попытки конкретно показать это движение и в классовом, а не только в национальном разрезе. Отсюда же проистекают ошибки Пичеты в оценке восточных войн царской России, в частности войны 1877 г., объявляемых прогрессивными только потому, что объективным (и побочным!) результатом их была автономия Сербии или Болгарии. Но ведь мы знаем, что даже в империалистических войнах, как, например, в 1914 г., борьба Сербии за независимость была прогрессивна, однако этот факт не меняет характера войны в целом, а поддержка царизмом Сербии в этой войне не меняет нашей оценки роли царской России в первой мировой войне.

Столь же неполны, а следовательно, неверны и выводы В. И. Пичеты относительно польских восстаний. Во-первых, мы не можем оценивать эти восстания только с точки зрения требований польской шляхты. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин, как и Герцен и другие русские революционеры, знали и осуждали аннексионистские планы польских панов, но ведь они поддерживали не этих панов, а борьбу за революционно-демократическую Польшу, подчеркивали, что национальные восстания без крестьянских восстаний победить не смогут, что возрождение Польши возможно только как демократического государства и т. п. А во-вторых, они поддерживали польские восстания и как мощный фактор в борьбе с царизмом, а Пичета этот главный момент упускает. Отсюда он очень сблизается с Тарле, по сути оправдывая царизм и не признавая его «жандармом Европы».

Но если у В. И. Пичеты этот вывод идет от недостаточной классовой выдержанности в вопросах истории славянства, то у выступавшего вслед за ним члена-корр. Ефимова была зрелая и продуманная, а главное, активная

антимарксистская позиция вообще и при этом тщательно маскируемая. Я была потрясена тем искусством эквилибристики и жонглирования, которую Ефимов проявил в своей речи. Это была речь виртуоза маскировки. По внешности это архиортодоксальная позиция, скрепленная массой цитат и правильных общих положений. Но как только Вы подойдете к его конкретным вопросам, а главное, к его выводам, то получается нечто прямо противоположное тем цитатам, которые он сам же приводит. «Основной вопрос, — так начал свою речь Ефимов, — как наиболее эффективно использовать исторические традиции?»

Затем он, конечно, поторопился заявить, что было бы неправильно сплошь идеализировать прошлое, что в этом вопросе у ряда историков есть колебания и шатания и прямые ошибки (конечно, никаких имен или примеров Ефимов при этом не привел).

Затем с обычной для заправского жонглера грацией он сделал книксен в сторону Минца, поспешивши согласиться «с правильным мнением Ис[аака] Изр[аилевича], что тот уклон опасен, против которого не борются» (хотя, как известно, автором этого положения является отнюдь не И. И. Минц).

После этого, чувствуя дорогу расчищенной Минцем, он уже без труда бьет по «обоим уклонам», тем самым искусно отводя удар от себя и от своего идеолога Тарле, тем более что подвернулся столь счастливый случай в лице этого «мальчика для битья» Аджемьяна. Конечно, опытный мастер жонглирования знает наиболее слабые места и «увлечения» Аджемьяна, и он бьет именно по этим наиболее заметным местам, не касаясь ни одним словом тех вопросов, где он с ним единомышлен.

Ефимов «бьет» Аджемьяна за... Пугачева, он поучает его, что при всей своей незрелости и отсутствии марксистской идеологии крестьянские восстания при переходе от средних веков к буржуазному строю прогрессивны.

После этого коротенького «поучения» Аджемьяну (с общеизвестными цита-

тами при этом) наш жонглер сделал ловкий «пируэт» на «второй фронт», на котором неожиданно оказались... Нечкина и Панкратова. Каким же образом? У них обоих Ефимов вдруг отыскал защиту «теории избранного народа».

Я не верила своим ушам, слушая его рассуждения на эту тему. Оказывается, тот факт, что М. В. Нечкина в своем выступлении заявила, что русская литература с наибольшей полнотой отражает национальный характер русского народа, Ефимов считает «пережитком неправильных идей славянофильства» и проявлением концепции «избранного народа». Следовательно, вообще нельзя говорить о национальном характере. И это после цитат тов. Сталина об известных признаках, определяющих нацию.

Не менее разительный пример и с моим именем: на стр. 225 «Истории Казах. ССР» (хотя я и не автор этой страницы!), говорит Ефимов, есть место, где русские войска изображаются врагами казахов, так как критерий в «книге Панкратовой — казахи — избранный народ»!!!

Только с трудом я сдержала себя — не расхохотаться или не выругать громко этого нечестного эквилибриста.

Дальше — не лучше.

Свое выступление Ефимов написал. Оно было очень отшлифовано по форме и весьма хитро и обдуманно по содержанию. Я считаю его самым вредным из всего, что было сказано, именно потому, что оно так искусно «закамуфлировано». Большие куски своего выступления он пропускал, но для стенограммы дал всю свою рукопись. Что там еще написано, не знаю.

Следующим трюком в его выступлении был вопрос о морально-политическом единстве в русской истории.

Ефимов выдвинул тезис, что испытания всегда сплачивали русский народ (он не досказал «вокруг престола», но из последующего это вытекало), и тогда выступало морально-политическое единство народа, которое нас спасало. Так было и в 1812, и в 1813 г., и в Крымской войне, и в 1918-м, и в Отечественной войне...

Конечно, делает Ефимов оговорку, это не значит, что в 1812 г. Россия не имела классов и что они не имели разных целей, но общая цель сплачивала и создавала морально-политическое единство.

В период кампании 1813 г. цели народа и царизма тоже были различны. Так, например, возможно, Александр I стремился стать «жандармом Европы», но Кутузов, отражавший волю народа в этом походе, выступил с манифестом, в котором говорил: «Вот мы на границе империи. Но не порабощения народов и не суетной славы мы ищем, а несем народам освобождение от тирана!»

И от этого длинного рассуждения о «морально-политическом единстве» народа в 1812 г. Ефимов делает искусный пируэт к 1813 г., незаметно подводя своих слушателей к необходимости пересмотреть реакционный (по целям царской России) поход 1813 г. и объявить его освободительным, ибо «так было написано в манифесте Кутузова» (кстати, написанном тем же Шишковым и в том же «освободительном» стиле, в каком были написаны и все манифесты от имени самого Александра I).

Отсюда уже очень легко перейти (при помощи нового изящного пируэта — новых цитат или правильных общих положений!) к оправданию царизма как «жандарма Европы».

Конечно, говорит Ефимов, мы не должны подвергать сомнению, что Маркс и Энгельс правильно считали царизм жандармом Европы, но... нельзя показывать внешнюю политику царизма как сплошь реакционную. Наряду с царизмом выступали и другие жандармы. Австрийский император или король прусский были еще большими жандармами, чем русские цари. Наконец, тов. Сталин в своих замечаниях на статью Энгельса о внешней политике («Большевик» № 9 за 1941 г.) отметил, что Энгельс был не прав в оценке внешней политики царизма.

Таким образом, общий постулат о том, что царизм был «жандармом Европы» (на определенном этапе, конечно), Ефимов «опроверг» всей своей дальнейшей аргументацией.

В таком же стиле был проделан фокус

и по вопросу об оценке колониальной политики царизма.

И здесь Ефимов начал с цитат и правильных марксистских положений о том, что нельзя противопоставлять классовую и национальную точки зрения, что каждый класс имеет свою национальную программу и т. п. Сослался на работу т. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», рассказал общеизвестное учение его о нации.

Правильно подчеркнул, что процесс колонизации надо брать в целом, что этот процесс не идиллия, что «объективная прогрессивность колонизации совместима с признанием ее темных сторон». И вот отсюда — снова обычный пируэт в своем направлении!

Во-первых, ни у Ефимова, ни у Тарле, ни у Яковлева (да и всех других, выступающих по вопросу о колониальной политике царизма) нет и намек на насильственный характер «колонизации». Слова «колониальные войны», «завоевания», «захваты» исчезли. Все эти понятия покрываются одним общим «колонизация», которая есть «факт прогрессивный».

Во-вторых, эта «колонизация» есть «факт исторически неизбежный!». Ефимов приводит своих слушателей к этому выводу при помощи следующего трюка. Вот, говорит он, нам здесь заявили, что англичане не оставили документов о своих планах экспансии в отношении Казахстана. Да это нам вовсе и не нужно. Достаточно вспомнить слова покойного историка Соловьева о судьбе малых народов, о том, что слабость одного государства неизбежно усиливает его соседей, ибо малое и слабое государство становится ареной борьбы своих сильных соседей и логика борьбы подсказывает для него необходимость искать защиты сильнеею. Для сильного государства естественно также встает вопрос, выгодно ли ему иметь соседом слабое государство. Результатом и является присоединение слабого к сильному как единственный для него выход.

Это потрясающее «открытие» Ефимова о том, что слабые и малые народы не имеют права на независимое и самостоятельное существование, вообще не

ново, а в эпоху империализма оно стало альфой и омегой всех колониальных экспансий и особенно всех фашистских завоевательных планов.

Но как осмелился Ефимов выступать на столь ответственном совещании с этим плохо замаскированным экспансионистским тезисом — непостижимо! В заключение Ефимов дал «теорию колонизации», достойную или превосходящую программу бернштейнианцев на Штутгартском конгрессе. Ефимов сформулировал эту «программу» в виде пяти пунктов:

1. История колоний не должна отрываться от России и других колоний.

2. Колонизация — факт объективно-прогрессивный.

3. Она сопровождается проявлениями насилия, поэтому не следует обелять колонизаторов.

4. Борьба масс против этих насильственных действий колонизаторов прогрессивна.

5. Но не следует идеализировать вожakov национально-освободительных движений.

Трудно себе представить что-нибудь более пошрое, преподносимое под флагом марксизма!

В чем короткий смысл этой ревизионистской программы по национально-колониальному вопросу? Его можно свести к следующему:

1. История отдельных народов России не может изучаться как субъект, а только как объект («не должна отрываться от России и др. колоний»), т. е. вне колониального существования малые народы не имеют своей истории («неисторические народы»).

2. Всякое завоевание или присоединение малого народа к большому — факт объективно-прогрессивный («колонизация — факт объективно-прогрессивный»).

3. Отрицательны лишь методы колонизации, поэтому не следует «обелять» колонизаторов и слишком откровенно возводить их в «герои русской истории» (как это громогласно сделал, например, Яковлев на заседании К[омитет]а по Сталинским премиям).

4. Борьба масс против насильственных действий (а не за независимость!)

прогрессивна («борьба за реформы!»).

5. Но не следует «идеализировать вожakov нац.-осв. движений», т. е. нельзя признать за малыми и угнетенными народами права ни на своих героев, ни на свои героические боевые традиции борьбы за независимость и свободу.

Сформулировав с исчерпывающей ясностью эту ревизионистскую программу по национально-колониальному вопросу, Ефимов на всякий случай поспешил заявить, что «кое у кого марксистская теория умалется и недооценивается», поэтому перед нами стоит «задача поднятия теоретического уровня нашей исторической науки». В заключение своей речи он остановился на организационном вопросе, который свелся (как и у всех других его единомышленников) к критике Института истории, который «держится за бригады», не взял курса на серьезные монографические работы, ввел «уравниловку» в коллективных трудах, ослабил качество трудов и т. п.

После Ефимова, подготовившего почву для более решительных выводов, выступил член-корреспондент Яковлев, который в первой части своего выступления рассыпался в благодарностях «к тем, кто нас создал и интересуется нашим мнением». Но при этом, тоже на всякий случай, он решил «предупредить события» и поэтому заявил: «Вместе с тем из этого факта (что «спрашивают наше мнение») надо сделать ряд выводов. Очевидно, на нашем фронте не все благополучно. Нами недовольны, но и мы собой недовольны. Среди нас идут разговоры: «Кончится это плохо. Нам достанется!» «И поделом!» — патетически добавил Яковлев, а затем, как и все его единомышленники, решил «переменить направление огня». Значительная часть его речи превратилась в обвинительную речь по адресу всех историков, которые не выполнили решения ЦК от 16.V.1934 г. о том, чтобы дать учебники по гражданской истории. У нас, говорил он, были прекрасные учебники Иловайского, Ключевского, Елпатьевского²², Платонова. Новые учебники написаны плохо. Исчезла «школа» прежних блестящих стилистов. Преподавание в ву-

зах на низком уровне. В газетах помещают безграмотные исторические статьи. Например, в «Правде» помещена статья о Кутузове, в которой 22 ошибки, хотя статья подписана каким-то профессором. Очевидно, звание «профессора» не гарантирует от невежества. Наша цеховая ученая работа также не на высоте. От нас ждут серьезных исследований. Но наши архивы не разрабатываются.

В заключение своей критики Яковлев заявляет, что вносит следующие практические предложения.

Во-1-х, надо более солидно поставить систему преподавания: дать новые учебники средней школе и вузам, лучше поставить семинарскую работу в вузах, для чего восстановить издание учебных памятников русской истории. Ключевский, например, 5 лет барахтался в «Житиях святых», которых никто историческим памятником не считал, и дал классический образец исследования. А мы не имеем такой «школы» работы.

Во-2-х, надо создать советскую теорию эволюции Русской державы.

У нас уже до революции сложилась общая схема эволюции Русского государства — это шедевр Ключевского. Ее поправила советская историография. Надо продолжать ее разработку. Каковы основные ее моменты? В основе истории русского народа лежат три идеи: первая — наша история есть история колонизации, овладения Русской равниной при помощи мирного динамического труда; вторая идея — через всю нашу историю проходит идея дружной обороны, обороны любой ценой, для которой объединяются церковные подвижники, общественники типа Минина и государственные деятели типа Петра. Мы не завоеватели, но нас не трогай! Третья идея нашей истории — это идея равноправного подхода к разным нациям. Если германизм говорит народам: «Я тебя уничтожу или я тебя унижу!» — у нас таких идей не было у самых реакционных царей. Мы не занимались резней, а, как волжские бурлаки, приглашали другие народы: «Садись к общему горшку с кашей!»

На этом Яковлев уже хотел закончить свою речь, но А. С. Щербаков предло-

жил ему сказать о его собственной книге «Холопы». Яковлев ворчливо возразил:

«О чем говорить? Критика, которая здесь была по поводу книги, не имеет отношения к книге. Полабские славяне продавались на невольничьих рынках или были уничтожены. Спорить или негодовать по этому поводу сейчас нечего. Наши холопы колонизовали Дон, Сибирь, Урал, Север — что в этом плохого, что гонимые и протестующие элементы не хотели жить под ярмом? Критика была инфантильной, а на такую критику отвечать нельзя.

Что касается вопроса о злополучном Казахстане, то я, как русский патриот, не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа, как нож в спину, в тот опасный момент, когда Брусилов совершал свой героический брусиловский прорыв и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть, Амангельды хорош с точки зрения Алаш-орды²³, как ее герой, но не с русской точки зрения».

С места ему при этом крикнули: «Но Амангельды — большевик, а не алашордынец. Алашордынцы его убили!» Яковлев невозмутимо продолжал в том же духе. Впрочем, возможно, он даже и не знал этого факта, так как сам мне говорил, что «Историю Казах. ССР» он читал только до Октябрьской революции. Очевидно, он и вообще не считает послеоктябрьский период «историей», а только политикой или публицистикой.

После Яковлева, выступление которого поразило аудиторию своей открыто реставраторской программой в области истории (особенно его «три идеи!»), выступил Городецкий. Он возражал, хотя и не с той остротой, с какой должен был возражать Ефимову и Яковлеву. Вообще, совещание ведется в крайне академических тонах, — вероятно, потому, что все стараются в присутствии руководителей держаться «прилично».

Городецкий заявил, что возражения Ефимова против Нечкиной и ее тезиса об особенностях русской национальной культуры несостоятельны, ибо они озна-

чают, что он отрицает самое наличие национального характера как одного из признаков нации. Затем он перешел к Яковлеву, показывая общность его взглядов с Аджемяном, который только обобщил антимарксистские взгляды и те идеи, которые развивал Яковлев. Остановившись на «трех идеях», лежащих якобы в основе русской истории, Городецкий отметил, как Яковлев конкретно представляет себе «третью идею» — равноправного положения наций, добровольно объединившихся вокруг царской России. 7 января 1944 г. Яковлев выступил в Наркомпросе по вопросу о новых учебниках. Он заявил, что надо написать не учебник по истории СССР, а по русской истории и выдвинуть на первый план «мотив русского национализма». «Всякий учебник для русских школ должен быть русским национальным учебником. Совмещать с этим содержанием интересы еще 100 народов нельзя».

Далее Городецкий указал, что непонимание марксистских позиций в истории довольно широко. Даже такой уважаемый историк, как акад. Греков, на совещании в редакции Военмориздата заявил, что сейчас историки отрезвели и поняли, что разделять государство и народ нельзя. Акад. Греков перенес единство Советского государства и советского народа на всю историю. Это антиисторично, ибо забывается классовая основа происхождения и развития государства. Городецкий далее остановился на беспринципности некоторых наших историков. Последнее время заговорили о «новых установках» и стали ждать их, отказываясь писать или выступать. Некоторые, даже очень уважаемые, историки охотно идут на поправки, которые вносят молодые или неопытные редакторы или рецензенты.

Например, проф. Бахрушин написал хорошую статью о Российской империи, но, очевидно, редактор потребовал от него положительной концовки, и Бахрушин, вразрез с содержанием статьи, приписал конец о том, что «Российская империя в течение 200 лет выражала мощь русского народа»²⁴.

Затем Городецкий остановился на книге Яковлева «Холопы» и на книге

Рубинштейна «Русская историография»²⁵. Он упрекал эти работы в том, что они не борются с немецкими историческими теориями и концепциями, а в известной мере следуют за ними.

До сих пор не изжита норманская теория, отзвуки которой имеются даже в учебниках. Наши советские историки (например, Бахрушин в статье о Миллере, Нечкина — в статье об Эверсе)²⁶ слишком высоко ценят вклад немецких историков в русскую историографию. Необходимо ликвидировать эти пережитки реакционных представлений немецкой историографии.

С возражениями Городецкому выступил акад. Греков. Он заявил, что Городецкий не убедил его, и он продолжает думать, что государство и народ нельзя противопоставлять. Народ без государства — это хаос. Карамзин и другие историки этот факт справедливо подчеркивали. Затем он возражает Городецкому, что в учебниках имеется пережиток норманской теории. Бороться с варяжским вопросом нужно, но нельзя искажать факты. Северная Русь была связана со Скандинавией — надо этот факт объяснить, а не зачеркивать. Мы давно показали, что до варягов славяне имели свои государственные образования и этим самым опровергли норманские теории о происхождении государства от варягов-норманов.

Все же в области истории нам надо многое пересмотреть. События опередили историков, в свете этих событий нам надо откликнуться на такие стороны, которые раньше нами упускались. Творческий марксизм требуется и в применении к истории. Наши историки в смятении. Они потеряли контакт друг с другом, а многие — и с нашей новой действительностью. Наше спасение в единстве. Это единство всегда спасало русский народ. Кто стремится отклониться от этого единства, тот гибнет. В борьбе за единство русскому народу принадлежало первое место. Первая строфа гимна о том, что Великая Русь «навек сплотила наши народы», говорит об объединяющей роли русского народа. Чтобы ее понять, надо конкретно исследовать, когда и как вошли народы нашей страны в состав России,

что заставило их вместе бороться. Надо сказать правду и о том, как строилось наше государство, какие переживало этапы, какое положение занимало в истории.

В частности, надо показать и роль Киевского государства как общей государственной колыбели русских и украинцев. Даже Грушевский, враждебно относившийся к Москве, не отрывал Украину от Руси. Родство русского, украинского и белорусского народов надо показать конкретно.

История Руси — это история преодоления таких трудностей, каких Запад никогда не знал. Историки, конечно, не могут отказаться от классового подхода, но у нас все еще преобладают либо черный, либо белый цвет, а история — многоцветна.

Затем Б. Д. Греков остановился на выступлении проф. Сыромятникова и изложил свою позицию по вопросу о рабовладельческом обществе на Руси.

В заключение он предложил оживить и поставить издание источников и издать собрание монументальных памятников, без которых нельзя изучать историю.

На этом заседание закрылось. Следующее намечено на 22.VI. Записалось еще свыше 15 ораторов.

А. С. Щербаков предложил на этом закончить совещание. Очевидно, картина получилась более или менее ясная.

Подведу некоторые итоги:

1) Совершенно несомненно, что среди историков имеется вполне единая и сплоченная группа, идейным вдохновителем которой является Тарле, выступающая сейчас с «новым словом», которое на поверку оказывается давно уже опровергнутым «старым словом» и фактической реставрацией «основ» дворянско-буржуазной историографии. Имеет ли эта группа еще и какую-нибудь политическую цель, сказать не берусь, но не исключаю и такой возможности.

2) Имеются заслуженные, честные и искренние историки, которые все же показали себя еще не вполне овладевшими марксизмом в истории (Пичета, Греков). Их ошибки скорее проистекают от «чувства» (они хорошие па-

триоты) и недостатка знаний в области теории.

3) Имеются беспринципные «конъюнктурщики», которые «ждут, чья возьмет», или «новых установок», чтобы затем выступить в качестве «никогда не ошибающихся» или, на всякий случай, бить «на два фронта».

А. Панкратова

После длительного перерыва в 12 дней наше совещание было вновь созвано 22 июня.

Первый, кого я встретила в раздевалке ЦК, был академик Тарле. Он встретил меня с ледяной холодностью. Отсюда я и заключила, что он уже знаком с моим выступлением, а может быть, и с той ролью, какую я сыграла в борьбе с установками всей той группы, какую (вольно или невольно — этого я не знаю) он возглавляет.

Я спросила его, давно ли он приехал.

— Третьего дня! Меня тов. Александров²⁷ вызвал телеграммой, которая разыскивала меня по всему Закавказью, — ответил Е. В. Тарле.

Он нес свои книги — вторую часть «Истории Крымской войны», ту самую, которую он мне обещал дать еще в гранках, чтобы я написала рецензию. Он довольно демонстративно сказал, обращаясь к шедшему со мной С. В. Бахрушину, что он (Тарле) хочет преподнести ему свою книгу. Я не без лукавства и даже с улыбкой спросила:

— Ну а мне вы теперь своей книги не дадите?

— Если останется! Книг очень мало! — бросил он отрывисто.

Я была вполне удовлетворена: моя догадка подтвердилась. Она, с другой стороны, подтверждала и мои старые наблюдения и выводы относительно некоторых личных качеств нашего знаменитого академика. Мы поднялись наверх. Здесь я встретила, прежде всего, с тт. Генкиной и Городецким. Обменялись впечатлениями. Тов. Городецкий сказал: «Мы вызвали Е. В. Тарле, чтобы дать ему высказать свою точку зрения до конца. Он отнесся сначала равнодушно и даже несколько пренебрежительно к тому, что его критиковали. Но когда мы рассказали ему, что его критикуют за саратовские

лекции, он всполошился и потребовал стенограммы выступлений тт. Сидорова и Панкратовой».

Итак, я ждала боя...

Совещание открылось в 1 час дня. Председательствовал снова т. Щербаков. Первым он предоставил слово т. Базилевичу. Затем выступили Тарле, Толстов, Генкина, Державин²⁸.

К. В. Базилевич начал свое выступление с того, что в предшествующих выступлениях наметилось три проблемы, на которых останавливались историки на этом совещании: 1) вопросы колониальной политики царизма, 2) вопросы внешней политики царской России и 3) проблема национального развития русского народа. Он остановился на последней из этих проблем.

Проблема национального развития русского народа, по мнению проф. Базилевича, распадается на три группы вопросов: вопрос об этногенезе русского народа, вопрос о формировании великорусской народности и вопрос о превращении народности в нацию.

Первый вопрос в результате успешных археологических раскопок решается довольно просто, подтверждая автохтонность происхождения нашего народа в нашей стране.

Третий вопрос — об условиях образования нации в эпоху поднимающегося капитализма — также не представляет трудностей в свете учения тов. Сталина о нации. Но вот второй вопрос — о формировании великорусской нации — является не столь простым.

К. В. Базилевич считает, что народность складывается в результате общения и слияния этнически родственных племен и представляет собой этап на пути складывания национальности в нацию.

С этой точки зрения важно выяснить, в какой мере государство Ивана III или Ивана IV можно назвать национальным Русским государством.

Некоторые историки и даже студенты указывают, что ведь в 15—16 вв. не было еще капитализма как необходимого условия для создания нации. Этот вопрос проф. Базилевич решает так: при Иване III начало создаваться государство русской народности (или национально-

сти), поэтому его и можно назвать национальным. Но неправильно называть государство при Иване IV многонациональным, а его следует назвать национальным вплоть до 18—19 вв., когда национальное государство уже сложилось и когда происходило его расширение путем завоевания.

На этой стадии будет вполне понятно и положение тов. Сталина об особенностях создания государств на востоке Европы, сформировавшихся как многонациональные государства с одной нацией во главе и с различными народностями, не сложившимися в нации.

Затем проф. Базилевич поднимает несколько общих вопросов. Прежде всего, он решительно не согласен с теми, кто считает, что историки ничего не сделали. В институте имеется свыше 40 исследовательских работ до 700 печ. листов, но их пока невозможно печатать из-за недостатка бумаги. Он считает, что у нас бумага неумело используется. Можно было бы некоторые работы специального характера печатать в меньшем тираже.

Переходя к нашим методологическим недостаткам, проф. Базилевич подчеркнул, что недостаточно серьезное и конкретное изучение некоторых проблем превращает верные положения в схемы. Отсюда и резкие переломы и шарахания из стороны в сторону. Вот, например, оценка Ивана Грозного. Раньше его недооценивали. Заслугой советских историков является то, что они его показали как крупного государственного деятеля. Но за последнее время его стали чрезмерно идеализировать, особенно в популярной и художественной литературе. Тот же схематизм можно отметить и в отношении крестьянских восстаний. Все они — восстания Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, различные по существу, изображаются по общей схеме и совершенно одинаково. Отсюда и тот антиисторизм, который в литературе наблюдается за последнее время в оценке разных исторических событий и личностей.

Можно сказать, что у нас нет правильного исторического подхода и в оценке нашей историографии. Раньше все изображалось как результат запад-

ных влияний, сейчас вообще отказываемся признавать какие-нибудь влияния, особенно если они исходили от Германии. Упоминание о влиянии Шлёцера считается оскорбительным.

Почему же мы не отказываемся от Гете или Лейбница, которые почти в то же время оказывали свое влияние на нашу и мировую литературу и науку? Неужели мы были отгорожены китайской стеной от мировой культуры?

Необходимость глубокого и конкретного изучения теории тем более велика, что исторические вопросы многих интересуют, но историческими знаниями еще далеко в массе не обладают. Даже недавние вступительные экзамены в Высшую дипломатическую школу показали, хотя экзаменовались большей частью люди, имевшие специальное высшее образование (техники, инженеры, юристы и пр.), насколько мало они знали историю.

Дело доходило до курьезов, вроде таких: одного товарища спросили: «Кто такой папа римский?» Он ответил: «Отец римского короля». Другого спросили: «Кто такой Карл Маркс?» Ответил: «Диалектик». — «Когда он жил?» — «В XVI веке!» — «В какой стране он родился?» — «Во Франции!»

Одного экзаменующегося спросили: «Когда жила Екатерина II?» — «В XVIII веке». — «До или после монгольского нашествия?» — «До монгольского нашествия».

Другой товарищ на вопрос: «Кто такие утопические социалисты?» — ответил: «Это те, которые хотели утопить социализм!»

К сожалению, это не анекдоты. Преподавание истории в средней школе, когда они учились, да и теперь, стоит на низком уровне. Вот почему нам необходимо работать над конкретными историческими вопросами.

В заключение ответил на обвинение проф. Сыромятникова в неправильном цитировании «Табели о рангах», указав, что, кроме «Свода законов», «Табель» (с некоторыми отступлениями) печаталась и в других источниках.

Тарле, выступивший после Базилевича, начал с того, что он, «к величайшему прискорбию», не был в Москве и

телеграмма, приглашавшая его на совещание, застала его в Армении, на границе Ирана. Он приветствует «столь отрадный факт, как это совещание». Он понимает, что если оно созывается «учреждением, которое должно указывать на отклонения от правильных путей», то, значит, «еще не изжитая ядовитая культура, которая насаждалась „школой Покровского“». Движение науки вперед требует прогресса мысли, а «не попугайского повторения одних и тех же положений». Толкнуть вперед науку должны новые монографии, которые нужно писать «без оглядки на то, что писали 95 лет тому назад» (очевидно, Маркс и Энгельс, некоторые историки немедленно подсчитали, что 95 лет тому назад, т. е. в 1849 г., царская Россия выступила против революционной Венгрии, за что Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин и называли русский царизм «жандармом Европы»).

«Надо отбросить оглядки, — продолжал Тарле, — и раскрепостить историческую науку, как это было в 1934 г.».

После этого «введения» Тарле приступил к возражениям своим оппонентам. Здесь он был по методам ответа на критику столь же мало оригинален, как и его единомышленники. «Возражения моим критикам облегчаются природой их критики», — заявил он (как и Яковлев, Сыромятников и др.). Характерно, что, как и они, он не говорил по существу спорных вопросов, а по тем цитатам, которые он нашел в выступлениях своих критиков.

Так, тов. Сидорову он возражал не о том, считает он или нет царизм «жандармом Европы», а лишь в ответ на приведенную им одну цитату о поражении царизма в Крымской войне он привел две другие цитаты, в которых говорилось о положении царской России в момент поражения.

Тот же фокус был им проделан и в ответ на мою критику. Он не ответил по существу темы своей лекции — о роли завоеваний и характере колониальной политики царизма, а стал говорить, что приведенная мною цитата о пространстве как факторе победы неправильная, так как его плохо записали

стенографистки. Неправленная стенограмма не может служить материалом для обвинений. Кроме того, что плохого в том, что он остановился на «факторе пространства», ведь известно, что Московия не могла бы победить столь сильного врага, и нельзя не признавать этого факта.

О том, что из «фактора пространства» он сделал вывод о прогрессивности всей колониальной политики царизма, Тарле не сказал на этот раз ни слова. Вообще, будто бы и не существует никакого спора по этим вопросам. А ведь именно здесь лежит корень нашего спора.

Далее он заявил, что желал бы поделиться с товарищами своими соображениями, над какими темами нужно работать. Вскользь обронил, что надо дать «историю территории Советского Союза», но не раскрыл, что «сие значит», ограничившись буквально следующей сентенцией: «Такого рода антецедентов в истории немного: можно назвать разве Римскую империю, но точного исследования ее роста также не имеется».

Что могла означать такого рода «сентенция», как не «тех же щей, да пожже влей», да так, чтобы не сразу раскусили.

Вторая проблема, подлежащая изучению, — история дипломатии. Здесь наши историки совсем не работают, а «потребность в истории дипломатии насущная».

Выступление, которого все так ждали, было так бледно, растерянно и мало-содержательно, что вызвало всеобщее недоумение и разочарование. Все спрашивали себя и друг друга: «Что это — ход назад или растерянность?»

После Тарле выступил декан истфака МГУ проф. Толстов, который слывет за специалиста по истории народов Средней Азии. Он заявил, что в изучении истории народов СССР наши историки делают большие погрешности. По мнению Толстова, разорванность этой работы объясняется отсутствием общей связи между научными центрами национальных республик. Каждая из республик руководится естественным стремлением выявить лучшее в своем прош-

лом, нередко его идеализирует и приходит к односторонним положительным выводам, избегая теневых сторон. Между отдельными историческими трудами поэтому возникают резкие расхождения. Это сказалось и на двух новых трудах: «Истории Казахской ССР» и «Истории Таджикистана». Последняя работа вышла недавно. Она базируется на малоизвестных источниках. Но в ней есть положения, вызывающие решительные возражения. Прежде всего, неверно искусственное вычленение истории Таджикистана из Средней Азии. Это приводит к методологическим ошибкам. Историческое наследство таджиков является вместе с тем и наследством узбеков, а этот факт не показан.

Взаимоотношения тюркских и иранских элементов показаны неверно. Тюркские элементы представлены как носители разбоя, а иранские — прогресса и культуры. Историческая заслуга Саманидов показана правильно, но их падение, явившееся результатом внутренних причин, показано как культурная катастрофа: период блестящего расцвета был оборван вторжением чужеземных захватчиков. Замолчено участие культурных тюркских элементов Таджикистана и процесс создания узбекского народа.

Вместо принятой концепции названия «таджик» приводится фантастическая теория о «таджике» — венце творения. Узбеки в 16 в. изображаются разбойниками и т. п.

Другая работа, «История Казахской ССР», представляет более солидный вклад в науку, но в ней тот же основной недостаток: замкнутость, отрыв от всемирной истории, элементы идеализации, так как на все события авторы смотрят сквозь «казахские очки». Нет характеристики отсталости казахского хозяйства и быта, отрыва от русской и мировой экономики. Процесс вхождения в состав России рисуется как процесс сплошного завоевания. Между тем «История Казахстана» связана еще с Древней Русью. Дешти-Кыпчак — это кочевые племена, связанные с южнорусскими племенами. После 13 в. — это восточная окраина Золотой Орды, которая постепенно вошла в состав России.

Политическое тяготение казахов особенно усилилось в 16—17 вв. Абульхайныр — дальновидный и умный политик — сделал в этом направлении необходимые шаги, а он изображен в книге отрицательно. Перед Казахстаном и тогда, и позднее было только два пути — войти в состав России или расчлениваться на мелкие части, что и случилось.

Также неверно поставлен в книге вопрос о боевых традициях и героях. Султан Кратай или бандит Садык Кенесары даны положительно. Образ Кенесары идеализирован. Его политическая программа была — захват Киргизии. Феодално-захватническая война, которую вел Кенесары, изображается как национально-освободительная.

Авторы пренебрегают киргизскими преданиями, которые рассказывают, что киргизские женщины, чтобы преградить путь Кенесары, вынесли и положили перед ним своих детей, и он погнался по ним лошадей.

Таким образом, история казахов и история киргизов расходится в оценке одних и тех же исторических событий. Надо все это согласовать и привести в соответствие с исторической правдой.

Выступление тов. Толстова, говорившего с обычной для него безапелляционностью, могло произвести впечатление на всех, кто не знает казахской истории или не читал этой книги. Но я не имела возможности полемизировать с ним, тем более что мое заявление от имени авторов о том, что мы приступили к подготовке нового издания, я отдала тов. Щербакову в начале заседания, т. е. до выступления Толстова.

Следующей выступила тов. Генкина.

Она начала с того, что война поставила перед историками ряд новых вопросов и выдвинула задачу кое в чем пересмотреть наш подход к старым вопросам. Острота постановки многих вопросов показывает, что мы движемся вперед, но на фоне этого движения имеются тенденции такого пересмотра, который ведет нас в сторону от марксизма.

Все это было бы не так страшно,

если бы эта тенденция не проникала на наши кафедры, в головы студентов и школьников, т. е. в головы миллионов, а уже этот факт означает, как указывал Ленин, политику. В обсуждении наших исторических вопросов мы не должны забывать основных положений и указаний нашей партии, в частности решение ЦК о постановке пропаганды. Мы имеем еще в области нашей науки и тенденции к вульгаризаторству, и произвол, и неразбериху в освещении многих вопросов, и антиисторические попытки приукрасить историю, т. е. все те недостатки, которые в этом решении ЦК о пропаганде уже указывались в отношении изучения истории партии.

Так, например, есть прямые указания Ленина о том, какое время царизм был главным оплотом реакции и в какое время положение изменилось, но эти указания Ленина не все наши историки учитывают.

Проф. Яковлев, который выдвинул свои три абсолютные идеи в истории, исключает всякое движение и прогресс одной такой постановкой вопроса. Из его выступления вытекает даже вопрос о том, правомерна ли Октябрьская революция. Нами недостаточно использована книга тов. Сталина о Великой Отечественной войне с методологической стороны.

Так, в ней мы находим прямое указание, как нужно подходить к проблеме национального воспитания русского народа. В докладе 6 ноября 1941 г. тов. Сталин подчеркнул, что фашизм — «копия царского режима». Как же можно его идеализировать? Тов. Сталин там же указал, на каком национальном наследстве надо воспитывать наш народ. Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» также подчеркнул, что есть две нации и две национальные культуры. Все, кто пытается зачеркнуть Кутузова или тем более революционное движение и поднять Аракчеева, зачеркивают Ленина.

Не прав В. И. Пичета, когда он проводит водораздел между западниками и славянофилами, ссылаясь на их философию. Шеллингизм славянофилов не было более прогрессивным, чем гегельянство западников. Да и, по су-

ществу, тогдашние западники лучше отражали передовые национальные задачи русского народа, чем славянофилы.

Нам особенно важно изучать историю Советского государства и источники его силы, которые крылись в нем еще и до Октября. Например, дружба народов. Основы ее закладывались еще до октября 1917 г.

Мы не должны изолированно показывать историю народов нашей страны от общеисторического процесса. Царская Россия была империалистическим единством, но все же единством всех народов нашей страны. Поэтому неправильно показывать восстание 1916 г. в Казахстане в отрыве от России. Подъем борьбы русского народа способствовал этому восстанию. Не надо забывать, что русский народ поднимал на борьбу все другие народы. В историю Советского государства важно правильно поставить идею преемственности.

Нельзя также ограничиваться изучением истории советского периода, останавливая его на 1921 г. Хорошая идея Ин-та истории — создание истории коллективизации — может не быть реализована, так как строят проекты больших многолетних работ. Нам нужно создавать эту книгу поскорее, а не растянуть на ряд лет.

Державин, выступивший после Генкиной, остановился на одном вопросе — о самодержавии и отношении к нему русской общественности в прошлом. История царского самодержавия еще не написана. Русский царизм, как и все на свете, развивался диалектически. Были этапы прогрессивного направления, но с Екатерины II это развитие царизма приняло реакционное направление. Были периоды, когда интересы классового государства и русского народа временно совпадали.

Но в 18—19 вв. они решительно разошлись. Глубочайшая ошибка отождествлять, как это делает Яковлев, интересы царизма и русского народа. Борьбу народов против аннексионистской, колонизаторской политики царизма передовые люди всегда приветствовали. Они солидаризировались с национальным движением, а не с царизмом, который подавлял это движение.

Поэтому он, Державин, как русский человек, не может согласиться с Яковлевым и другими, которые упрекают прекрасную книгу «История Казахской ССР» и объявляют ее антирусской только потому, что в ней отрицательно обрисована колонизаторская политика царизма и положительно — национальные восстания. Иначе и не должно быть. «История Казахской ССР» должна стать образцом для такого рода работ. Советский патриотизм нельзя смешивать с патриотизмом Союза русского народа.

Академик Державин с особой силой возражает проф. Толстову, выступление которого он считает неправильным и вредным. Нельзя искажать историческую правду и подходить к событиям прошлого с субъективными оценками. Нельзя также по-одному оценивать борьбу за свободу славянских народов, которые угнетались австро-венгерской или германской монархией, и по-другому относиться к борьбе за свободу и независимость народов царской России. Это и исторически неверно, и политически нельзя оправдать ни с какой стороны.

После очень горячей защиты «Истории Казахской ССР» акад. Державинным председателем совещания А. С. Щербаков вдруг заявил: «Слово для оглашения заявления предоставляется тов. Панкратовой».

Это заявление я подала ему в начале заседания. Не рассчитывая на то, что мне будет предоставлена еще раз возможность выступить, я решила в письменном виде высказать мое отношение ко всем тем, кто до сегодняшнего дня выступал против «Истории Казахской ССР».

Не отвечая на сегодняшние выступления (я ведь обязана была держаться в рамках ранее поданного письменного заявления), я зачитала следующий его текст:» *.

«Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Щербакову А. С. Прошу Вашего раз-

* На этом экземпляре, хранившийся у А. В. Фохт, обрывается. Далее ее рукой сделана запись: «Конец нет». Но текст заявления Панкратовой сохранился в архиве.

решения огласить следующее мое заявление:

1. Учитывая замечания критиков и рецензентов, а также сознавая необходимость всемерного улучшения напечатанной год тому назад книги «История Казахской ССР», являющейся первым в СССР опытом создания истории советской национальной республики с древнейших времен до наших дней, коллектив авторов постановил приступить к переработке книги на русском языке и к подготовке ее издания на казахском языке.

Стремясь сделать подлинно большевистскую книгу, воспитывающую казахский народ в духе преданности к Советской Родине и дружбе народов, особенно к великому русскому народу, авторы просят здесь присутствующих историков внести все имеющиеся у них поправки и конкретные замечания, чтобы учесть все возможное и необходимое для улучшения книги.

2. Вместе с тем авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их, как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним.

3. Считаю своим долгом заявить мое решительное личное несогласие (авторский коллектив об этом не знает) с принципиальными установками проф. Ефимова, высказанными им в его выступлении 10.VI, которые, несмотря на всякие оговорки, правильные общие положения и цитаты, являются, как и все выступление проф. Яковлева, вопиющим разрывом с духом и смыслом учения Ленина — Сталина по национальному и колониальному вопросу. Так называемые «пять пунктов» теории колонизации проф. Ефимова, в которых нет ни малейшего классового подхода к колониальному вопросу, по сути дела, воспроизводят бернштейнианско-ревизионистскую позицию, как она особенно ярко проявилась на Штутгартском конгрессе II Интернационала в

1907 г. Эта позиция, не признавая колониальных войн, захватов и завоеваний, все дело сводит к неправильным «методам» отдельных колонизаторов и так же безоговорочно, как это сделал проф. Ефимов, объявляет «колониализацию» фактом объективно-прогрессивным, осуждая «вожаков национально-освободительных движений».

Требуя не отрывать «истории колоний от России и других колоний», проф. Ефимов фактически, как и проф. Яковлев, становится на путь отказа от первого и основного требования марксистско-ленинской исторической науки — рассматривать историю народов нашей страны не как объект, а как субъект истории. Фактически же это требование проф. Ефимова в замаскированной форме означает отнесение всех народов СССР, кроме русского, к народам «неисторическим».

Я не могу также ни согласиться, ни принять мотивировку проф. Ефимова в его возражении по поводу «теории» наименьшего зла в отношении к истории Казахстана. Ссылаясь на устаревшее и неверное положение историка Соловьева о том, что малая страна неизбежно становится ареной борьбы за нее и вокруг нее сильных соседей и поэтому (следует сделать вывод) малые и слабые страны не имеют права рассчитывать на самостоятельное и независимое существование, а должны искать себе сильного покровителя, в состав которого они должны войти, проф. Ефимов считает неизбежным присоединение в будущем Казахстана к Англии (если бы не царская Россия), хотя «Англия и не оставила документальных справок о планах своей экспансии».

Возможность (а не реальность в 18—19 вв.) экспансии Англии мы не отрицаем. Но, не обладая документами и фактами переговоров, нападений и даже торговых или иных значительных операций англичан в Казахстане в этот период, мы не считаем себя вправе (ни с научной, ни с политической стороны) становиться на путь сомнительных оценок, намерений и замыслов англичан в Казахстане в будущие времена.

4. Выступление тов. Минца по вопросу о применении «теории наименьшего зла» в отношении Казахстана, к сожалению, ничего не дало для улучшения нашей книги, так как тов. Минц не привел ни одного факта и ни одного документа, а ссылаясь на то, что наша книга дает материал для такого рода общей оценки присоединения. Действительно, мы старательно отметили все факты двойной агрессии в отношении Казахстана, чтобы казахи знали, что им приходилось бороться за свою независимость и до русского завоевания, и во время этого завоевания. Мы показали, что казахам несли Китай, Джунгария, Среднеазиатские ханства и т. п. Но к концу XIX в., когда завершилось завоевание, эти агрессоры были все слабее царской России. Мы не считали необходимым говорить казахам, что у них была какая-то возможность выбора (ее и не было уже), но отделили царизм и его политику от русского народа и его жизненных интересов, показав, что свержение царизма и его национального и социального гнета отвечает коренным интересам русского, казахского и всех остальных народов России.

Если по каким-либо соображениям, каких мы, видимо, не учли, необходимо подчеркнуть, что изложенная в нашей книге двойная агрессия и есть «теория наименьшего зла», мы оставляем за собой возможность вернуться к этому вопросу и продумать, в какой форме и степени эту «теорию» применить в истории Казахстана.

5. От имени авторского коллектива, из членов которого здесь, к сожалению, никто не присутствует, я еще раз убедительно прошу организовать (может быть, в Управлении пропаганды) конкретное обсуждение «Истории Казахской ССР» с вызовом местных авторов и редакторов, поскольку этот вопрос встал крайне остро именно в Казахстане и является для него вопросом решающего значения, затрагивая все вопросы пропаганды и агитации и глубоко задевая национальное чувство казахов.

А. Панкратова ²⁹.

Третьего письма А. М. Панкратова не написала, однако в ее бумагах имеются два варианта рассказа о послед-

нем заседании, состоявшемся 8 июля. Разночтения в них незначительны, но по ним видно, что она старалась как можно точнее передать атмосферу совещания. Перескажем основное содержание рукописи.

«Первым выступил работник Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Ковалев. Он критиковал учебник по истории СССР, в котором подчеркивались влияния и заимствования, и отмечал недостаточное внимание к самостоятельности русской культуры. Акад. В. П. Волгин ³⁰ заявил, что взгляды М. Н. Покровского сказываются в оценке людей, «связанных с государством. Раз они слуги царизма, то полностью игнорируются их исторические заслуги» ³¹. Б. М. Волгин ³² отметил, что больше следует заниматься историей советских национальных республик. К. Р. Аманжолов ³³ критиковал «Историю Казахской ССР» за то, что в ней спутан вопрос о происхождении казахского народа и казахского языка и неверно охарактеризована история завоевания Казахстана Россией. В заключение многие из выступавших дали справки.

На этом, пишет А. М. Панкратова, совещание кончается. Историки окружают тов. Щербакова. Акад. Тарле оправдывается и говорит, что он постарается исправить свои выступления. Тов. Щербаков замечает ему: «Вы не должны забывать, что если вас слушает только 120 человек, то через два дня все, что вы говорили, становится достоянием аудитории во много десятков больше. Надо действительно помнить об ответственности перед народом».

Акад. Тарле обращается к тов. Панкратовой с предложением прочитать лекцию и разъяснить то, что он хотел сказать в Саратове. Он готов также принять ее предложение сделать доклад на августовском совещании историков на тему «О царизме — жандарме Европы». Если нужно, он готов написать в Саратов и Ленинград официальный отказ от тех стенограмм, которые там остались, и выяснить свою настоящую позицию.

К тов. Панкратовой подходит и проф. Яковлев: «Пожалуйста, на меня не сердитесь, в «Истории Казахской ССР»

надо изменить не более 10 страниц отдельных мест. Книга вообще хорошая».

С предложениями встретиться и обсудить спорные вопросы по существу подходит к ней и проф. Ефимов. Он говорит, что ее заявление, в котором она пишет против его выступления, основано на недоразумении. Кроме того, он решительно не согласен с выступлениями академика Тарле и проф. Яковлева и с их установками.

Историки долго не расходятся и, разбившись на кучки, оживленно комментируют итоги совещания. Тов. Щербаков заявляет, что будет выработано решение по принципиальным вопросам и своевременно будет доведено до сведения всех историков. Участники совещания благодарят тов. Щербакова за созыв совещания и постепенно расходятся»³⁴.

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.

² Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 6 об.

³ См.: *Троцкий Н. А.* Евгений Викторович Тарле (1875—1955). — Историографический сборник, вып. 6. Саратов, 1977, с. 45—47.

⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 3 (из письма А. А. Жданову).

⁵ Там же, л. 8—8 об.

⁶ *Морозов М.* Об «Истории Казахской ССР». — Большевик, 1945, № 6.

⁷ Постановление изложено в кн.: История Казахской ССР. Изд. 2-е. Т. 1. Алма-Ата, 1949, с. 37—38.

⁸ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146.

⁹ *Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977, с. 106.

¹⁰ Данного тезиса в работах Покровского нет. Он был написан историком недобросовестными оппонентами, вырвавшими из контекста мысли ученого и произвольно их истолковавшими, но до конца 50-х гг. имел широкое хождение (см.: *Чернобаев А. А.* М. Н. Покровский — ученый и революционер. — Вопросы истории, 1988, № 8, с. 22).

¹¹ Бушуев Семен Кузьмич (1906—1958) — доктор исторических наук, профессор (1941); Аджемян Хорен Григорьевич (1909—1968) — поэт, публицист; Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — доктор исторических наук, профессор (1935), академик (1958).

¹² Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — чл.-корр. АН СССР (1939); Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — доктор исторических наук, профессор (1943); Рубинштейн Николай Леонидович (1897—1963) — профессор (1938), доктор исторических наук (1940); Сыромятников Борис Иванович (1874—1947) — доктор исторических наук (1938); Минц Исаак Израилевич (р. 1896) — чл.-корр. АН СССР (1939), академик (1946).

¹³ *Сыромятников Б. И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.; Л., 1943.

¹⁴ *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. I—II. М.; Л., 1941, 1943.

¹⁵ *Яковлев А. И.* Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943.

¹⁶ *Базилевич К. В.* Петр Великий. — Большевик, 1943, № 17.

¹⁷ *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. М., 1938.

¹⁸ *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

¹⁹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1939.

²⁰ Современная транскрипция — Абулхаир-хан (1693—1748). В 1726 г. обратился к русскому правительству с просьбой о подданстве.

²¹ Пичета Владимир Иванович (1878—1947) — академик (1946); Ефимов Алексей Владимирович (1896—1971) — чл.-корр. АН СССР (1939); Яковлев Алексей Иванович (1878—1951) — чл.-корр. АН СССР (1929); Городецкий Ефим Наумович (р. 1907) — тогда кандидат исторических наук, заместитель заведующего сектором науки ЦК ВКП(б), доктор исторических наук (1965); Греков Борис Дмитриевич (1882—1953) — академик (1935).

²² Допущена ошибка. С. Я. Елпатьевский (1854—1933) — народнический беллетрист и публицист, ни учебников по истории, ни курса лекций не составлял.

²³ Алаш-орда — националистическая партия, отражавшая интересы казахов баев.

²⁴ Установить название статьи С. В. Бахрушина не удалось. Возможно, в печатном виде она не появилась.

²⁵ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.

²⁶ *Бахрушин С. В.* Г. Ф. Миллер как историк Сибири. — В кн.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937; *Нечкина М. В.* Эверс. — В кн.: Русская историческая литература в классическом освещении: Сб. статей. Т. 1. М., 1927.

²⁷ Александров Георгий Федорович (1908—1961) — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

²⁸ Базилевич Константин Васильевич (1892—1950) — профессор (1935); Толстов Сергей Павлович (1907—1976) — профессор (1939), чл.-корр. АН СССР (1953); Генкина Эсфирь Борисовна (1901—1973) — доктор исторических наук (1939), профессор (1941); Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — академик (1941).

²⁹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, л. 35

36 об.

³⁰ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — академик (1930).

³¹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, л. 43.

³² Волгин Борис Михайлович (1886—1957) — профессор.

³³ Аманжолов Касым Рахимжанович (1911—1955) — казахский советский поэт.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, л. 47—47 об.

В этом году «Неделя» не раз рассказывала о политических деятелях сталинского периода, в том числе и о тех, кто входил в его непосредственное окружение. Одна из последних таких публикаций — доктора философских наук Анатолия Бутенко — вызвала большую читательскую почту. Читатели делятся воспоминаниями, задают вопросы, просят рассказать о конкретных людях и событиях. Продолжая публикацию этих своеобразных политических портретов, «Неделя» с помощью историка Роя Александровича МЕДВЕДЕВА рассказывает о Л. М. Кагановиче.

ВОПРОС: Рой Александрович! В последнее время много пишут и говорят о так называемом «сталинском окружении» — Молотове, Маленкове, Берии, Кагановиче, а также и о других людях, долго и близко работавших со Сталиным. И наверное, мало кто знает, что один из них (игравший далеко не последнюю скрипку в этом окружении) жив и здравствует до сих пор. Это Лазарь Моисеевич Каганович. 22 ноября ему исполнилось 95 лет.

ОТВЕТ: Это верно, мало кто знает, что Каганович спокойно доживает свой век в Москве. Но среди большинства людей, которым нет сорока, мало кто знает, кто такой Каганович и почему к его судьбе проявляется сейчас столь большое внимание. Имя Кагановича исчезло со страниц наших газет после июньского Пленума ЦК КПСС в 1957 году, когда этого «сталинского наркома» вывели не только из Президиума ЦК КПСС, но и из ЦК и направили на работу директором горно-обогатительного комбината в город Асбест Свердловской области. О преступлениях Кагановича немало говорилось на XXII съезде КПСС, после которого он был исключен из партии и отправлен на пенсию. В 1965 году Каганович получил разрешение вернуться в Москву, и с тех пор о нем, казалось бы, прочно забыли. Любопытно, что среди окружения Сталина оказалось немало долгожителей: Молотов умер в конце 1986 года на 97-м году жизни, Маленков — в январе 1988 года в возрасте 88 лет, до 87 лет дожил Ворошилов, до 83 лет — Микоян...

ВОПРОС: «Секретарь ЦК ВКП(б), народный комиссар путей сообщения СССР, рабочий-кожевник, старый большевик, профессиональный революционер. Один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших соратников И. Сталина, выдающийся большевистский организатор» — так говорится о Кагановиче в 30-м томе БСЭ, изданном в 1937 году. Интересно, а как он начинал, как стал членом ЦК?

ОТВЕТ: Прежде чем ответить на ваш вопрос, я хотел бы заметить следующее. Сегодня мы восстанавливаем в нашей истории многие достойные имена. Реабилитированы десятки виднейших соратников Ленина, игравших очень большую роль в революции 1917 года, в гражданской войне, в событиях и дискуссиях 20-х годов. Но одновременно мы как бы исключаем из истории десятки имен соратников или, лучше сказать, соучастников Сталина, людей, игравших огромную роль в событиях 30—50-х годов. О Кагановиче вы прочитали в первом издании БСЭ. Но этого имени вы не найдете в последнем издании. Нет имени Кагановича и в энциклопедии по Великой Отечественной войне.

А ведь Каганович входил в Государственный Комитет Обороны и отвечал за все транспортные перевозки в годы Отечественной войны, за эвакуацию тысяч предприятий на восток, он был также членом Военного совета Северо-Кавказского фронта. В новой энциклопедии об Октябрьской социалистической революции можно прочесть краткую биографическую справку не только о Бухарине, но и о Троцком, но там нет имени Кагановича. Мы опять становимся на антиисторические позиции, произвольно исключая те или иные имена из истории, вместо того чтобы писать о них то, что они заслуживают.

Л. М. Каганович был активным участником революции в Белоруссии и прифронтовой зоне Западного фронта, он был избран членом ВЦИК, избирался по большевистскому списку в Учредительное собрание. Ленин, вероятно, мало знал Кагановича, во всяком случае, не сохранилось ни одного письма или записки Ленина, где упоминается

имя Кагановича. Но Сталин очень рано обратил внимание на Кагановича. И как только в 1922 году Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б), он пригласил Кагановича в свой небольшой аппарат, а вскоре поручил ему руководство организационно-распределительным отделом ЦК. А ведь через этот отдел шли тогда все основные назначения на ответственные посты в РСФСР и СССР.

Несомненно, по рекомендации или, лучше сказать, по протекции Сталина Каганович был избран в 1924 году не только членом ЦК, но и секретарем ЦК РКП(б). С тех пор Каганович и вошел в самое ближайшее окружение Сталина и многие годы являлся одним из наиболее доверенных и верных Сталину партийных руководителей. Кагановичу было всего 30 лет, когда он стал членом и секретарем ЦК РКП(б), а в 36 лет был уже полноправным членом Политбюро.

ВОПРОС: С мая 1925 года по 1928 год Каганович работал на Украине генеральным секретарем ЦК КП(б)У. Что известно об этом периоде его жизни?

ОТВЕТ: Надо сказать, что среди руководящих деятелей Украины начала 20-х годов Сталин не пользовался большой популярностью. Сталин был ведь в первые годы Советской власти народным комиссаром по делам национальностей, и у него на этом посту случались острые конфликты с партийными руководителями Украины.

Именно Сталин настоял на избрании в 1925 году Кагановича генеральным секретарем ЦК КП(б)У. Каганович оставил о себе недобрую память на Украине, он мало заботился о выращивании здесь национальных кадров, стремясь как можно более жестко подчинить Украину не просто Москве, но лично Сталину. В политической и культурной области деятельность Кагановича на Украине принесла много вреда. У Кагановича происходили частые конфликты с Председателем СНК Украины В. Чубарем и с другими видными деятелями республики. Нарком просвещения Украины А. Шумский еще в 1926 году добился приема у Сталина и на-

стаивал на отзыве Кагановича с Украины, критикуя политику Кагановича в области языка и образования.

Сталин был вынужден согласиться с некоторыми доводами Шумского, но по главным вопросам поддержал Кагановича, направив специальное письмо в Политбюро ЦК Украины с обвинениями части ЦК в национализме. В конце концов Сталину пришлось изменить свое мнение и отозвать Кагановича с Украины, так как масштабы оппозиции Кагановичу в республике возрастали: к Сталину обращались Г. Петровский, В. Чубарь и другие. Выступая в Киеве на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК КП(б)У, В. Чубарь такими словами характеризовал обстановку, созданную при Кагановиче в партийном руководстве Украины: «Взаимное доверие, взаимный контроль у нас нарушались, так что друг другу мы не могли верить... Вопросы решались за спиной Политбюро, в стороне. Эта обстановка меня угнетает».

ВОПРОС: Когда знакомишься с биографией Л. М. Кагановича, невольно обращаешь внимание на калейдоскоп ответственных постов, обязанностей, назначений. Он и на профсоюзной работе, первый секретарь Московского городского комитета партии, руководитель сельхозотдела ЦК ВКП(б), нарком путей сообщения, тяжелой промышленности, топливной, нефтяной промышленности, первый заместитель Предсовмина СССР и т. д. и т. п. Чем можно объяснить такие перемещения?

ОТВЕТ: Л. Каганович был жестким руководителем. Его нельзя было бы называть образованным человеком: в резолюциях Кагановича можно найти немало простых орфографических ошибок. Но Каганович обладал при всем этом громадной работоспособностью и был неплохим организатором.

В 20—30-е годы частые перемещения с одной ответственной должности на другую были скорее правилом, чем исключением. Крупные партийные работники занимали сразу по несколько ответственных постов, и это было нормой. Так же передвигали на самые различные посты и многих других деятелей. Специальные знания казались тогда не

столь важными для руководителя, как энергия, напористость, умение командовать или даже принуждать людей к работе. А уж умением командовать Каганович обладал в совершенстве.

ВОПРОС: Чем вы сами объясняете, что очень осторожный в выборе соратников Сталин так приблизил к себе Кагановича и долго благоволил к нему?

ОТВЕТ: Не следует преувеличивать приближенность Кагановича к Сталину и степень «благоволения» последнего к Лазарю Моисеевичу. У нас в некоторых кругах и среди историков, и среди писателей почему-то очень часто явно преувеличивают и могущество Кагановича, и степень его влияния на Сталина.

Каганович не так уж долго был одним из самых близких фаворитов Сталина. Сталин приблизил Кагановича к себе после отъезда последнего с Украины, именно в это время Каганович снова стал секретарем ЦК партии, он с крайним рвением выполнял поручения Сталина по изменению руководства профсоюзов (после смещения М. Томского), по «наведению порядка» в Московской партийной организации (после Н. Угланова), по проведению коллективизации в Московской области (которая включала тогда нынешние Рязанскую, Тульскую, Калужскую) и на Северном Кавказе.

Он также был «первым прорабом» при строительстве Московского метрополитена. При участии Кагановича создавался и начал осуществляться план «коренной» реконструкции Москвы. Известно, что в начале 30-х годов в Москве было разрушено множество ценнейших исторических сооружений. Но было бы неверно все это связывать с именем Кагановича. Ни одно крупное здание в историческом центре Москвы не сносилось тогда и не строилось без одобрения Сталина, он лично рассматривал все проекты и вникал даже в мелочи.

Вспоминают взрыв храма Христа Спасителя. Но решение об уничтожении этого храма было принято еще на съезде Советов сразу же после смерти Ленина...

Разрушение храма рассматривалось едва ли не как праздник, это делали

открыто и снимали все на кинопленку — «для грядущих поколений».

Вскоре начали сооружать здесь громадный Дворец Советов. Проект этого строительства был отобран из множества других проектов по конкурсу, решающее слово в котором принадлежало не Кагановичу и не Академии художеств, а Сталину. До войны в фундамент Дворца Советов успели заложить более 500 тысяч тонн особой стали марки «ДС». Она очень пригодилась потом заводам Москвы в годы войны...

С 1935 года Каганович перешел на хозяйственную работу, и с тех пор он уже никогда не играл в окружении Сталина прежней роли, хотя и сохранил немалую власть и влияние. Но и в начале 30-х годов ведущую роль в стране после Сталина играл Молотов. Не без основания считались в начале 30-х годов более близкими к «вождю», чем Каганович, Орджоникидзе и Киров. Орджоникидзе и Кирова сам Сталин называл часто своими друзьями, они были на «ты». Такой близости у Кагановича со Сталиным никогда не было, так как Сталин всегда держал его на определенной дистанции...

ВОПРОС: Сейчас об этом мало известно, но в свое время И. Сталин поручал Кагановичу самые «грязные» дела. Так, в качестве председателя Центральной комиссии по проверке партийных рядов Каганович руководил происходившей в 1933—1934 годах чисткой партии, во время которой безвинно пострадали многие заслуженные партийцы.

ОТВЕТ: Действительно, Сталин поручал Кагановичу немало разного рода «грязных» дел. Но я не стал бы в связи с этим говорить о чистке партии 1933—1934 годов. Чистки партии проводились у нас регулярно еще со времен Ленина, и это был тогда важный метод самоочищения партии от разного рода карьеристов и бюрократов. Чистка партии 1933—1934 годов проходила действительно довольно грубо, и в этой связи было решено в дальнейшем отказаться от разного рода чисток партии. Но в 1933—1934 годах речь шла лишь об исключении из партии или о переводе членов партии в кандидаты.

А вот в 1937—1938 годах Сталин с помощью НКВД и при активном содействии того же Кагановича провел дурную «чистку» партии — методом террора. В эти годы было арестовано около 1 миллиона членов партии (и 4—5 миллионов беспартийных). Каганович принимал участие в этой «чистке» и в транспортном наркомате, и в Ивановской области, и в некоторых других областях страны. Еще раньше, в 1932 году, Каганович помогал выселять на Север население 16 станиц Кубани — это была кара властей за невыполнение краем плана хлебозаготовок. Под давлением Кагановича на Северном Кавказе план хлебозаготовок был в основном выполнен, но уже осенью, а тем более зимой 1932/33 года в этих районах начался голод, который унес жизни сотен тысяч крестьян.

В годы Отечественной войны Каганович занимался не только организацией транспортных перевозок для Красной Армии, но и организацией военных трибуналов и более «эффективной» работы военной прокуратуры. Это было в 1942 году, когда Сталин был обеспокоен масштабами поражений Красной Армии на юге.

ВОПРОС: В упомянутом томе Большой Советской Энциклопедии есть строчки, посвященные и другому Кагановичу — Михаилу Моисеевичу, старшему брату Лазаря Моисеевича. В 1935 году он был назначен начальником Главного управления авиационной промышленности. С XVII съезда партии он член ЦК ВКП(б) и кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

Но вот в энциклопедии, вышедшей в свет в 1953 году, о Михаиле Моисеевиче уже нет ни строчки.

ОТВЕТ: Старший брат Лазаря Моисеевича — Михаил — вступил в партию большевиков еще в 1905 году. Под его влиянием в 1911 году в партию большевиков вступил и Лазарь. Но хотя в дальнейшем партийно-политическая карьера Лазаря Моисеевича развивалась быстрее, однако и М. М. долгое время был человеком, хорошо известным в партии. Ему принадлежит немалая роль в развитии советской авиационной про

мышленности, и как только у нас в стране был организован Наркомат авиационной промышленности, то первым наркомом авиационной промышленности стал М. М. Каганович. Работа этого наркомата шла с трудом, так как значительная часть ведущих конструкторов, в том числе и А. Туполев, были, как известно, репрессированы по клеветническим обвинениям. Немало талантливых инженеров и конструкторов авиационной техники погибли в сталинских лагерях. Мы отставали в производстве наиболее современных типов самолетов, и прежде всего боевых машин.

Вину за все это Сталин возложил, однако, не на органы НКВД, а на Наркомат авиационной промышленности. Михаил Моисеевич был снят, и ему был объявлен выговор от ЦК ВКП(б). Но он в течение долгого времени работал еще на менее ответственных постах в промышленности. Вскоре после войны в НКВД была создана легенда о вредительской деятельности М. Кагановича. Были подготовлены соответствующие клеветнические показания. М. Каганович обвинялся даже в тайном сговоре с гитлеровцами, которые якобы готовили из него (человека еврейского происхождения) главу прогитлеровского марионеточного правительства.

Вопрос о судьбе Михаила Кагановича обсуждался на Политбюро, и Берия предлагал его немедленно арестовать. Л. Каганович не защищал своего брата, как он не защищал и еще одного из своих братьев, арестованного в 1937 или 1938 году. Сталин предложил создать комиссию по проверке «виновности» М. М. Кагановича. Во главе этой комиссии поставили Микояна. Заслушав предъявленные ему обвинения, М. Каганович не стал их опровергать. Он спросил Микояна, есть ли в его кабинете туалет, прошел туда и застрелился. Он не надеялся ни на беспристрастность созданной комиссии, ни на своего брата.

ВОПРОС: Интересно, а как относились к Л. М. Кагановичу люди из сталинского окружения, работавшие с ним бок о бок на протяжении многих лет?

ОТВЕТ: Каганович не был в данном случае исключением из правила. А правило состояло в том, что Сталин сознательно и целеустремленно ссорил людей из своего окружения, разделял их, мешал даже их простому общению. Два члена Политбюро не решались побывать друг у друга в гостях, не отдыхали вместе. У каждого из них была немалая охрана, но только охрана Сталина подчинялась ему лично, другим членам Политбюро охрану представляли НКВД, а позднее МГБ. В 30-е годы Каганович был в сравнительно хороших отношениях с Н. С. Хрущевым. Вероятно, именно Каганович рекомендовал Хрущева на пост первого секретаря Московского горкома партии в 1934 году. Но позднее Сталин сумел поссорить Кагановича и Хрущева. Каганович никогда не ладил с Маленковым, с Молотовым. У него не было личных друзей в Кремле, да и вне Кремля. Когда он потерял свои посты, то остался в полном одиночестве.

Вот уже больше 20 лет он живет один в своей квартире, и только дочь, уже немолодая женщина, ухаживает за ним. Встречи с пенсионерами во дворе, игра в домино долгими летними вечерами — так шло время. Он отказывался давать интервью западным и советским корреспондентам, которые его об этом просили. Он написал мемуары, но их никто, вероятно, не читал. Похоже, совесть Кагановича не мучает, он несколько раз просил о восстановлении его в рядах партии, выдавая себя за жертву «волюнтаризма» Хрущева. Надо полагать, что Каганович очень завидовал Молотову, которого в 1984 году восстановили в рядах КПСС.

ВОПРОС: Расскажите, пожалуйста, подробнее о послевоенных годах жизни Кагановича, о том, что случилось в 1957 году, когда он оказался в числе членов известной антипартийной группы, среди своих ближайших соратников по сталинскому окружению.

ОТВЕТ: Сразу после войны Каганович, оставаясь членом Политбюро и одним из заместителей Председателя Совета Министров СССР, был назначен на пост министра промышленности строительных материалов. В условиях

послевоенной разрухи производство большого количества разнообразных строительных материалов приобретало особо важное значение. Однако речь шла теперь о чисто хозяйственной работе. Лазарь Моисеевич фактически перестал оказывать влияние на решение политических проблем.

В те годы фамилии руководителей перечислялись не по алфавиту, а по их роли в системе власти. В 1946 году имя Кагановича стояло на девятом месте. Влияние Кагановича еще заметнее уменьшилось, когда в стране началась позорная кампания против «безродных космополитов». Сталин перестал приглашать Кагановича на свои вечерние трапезы, которые заменяли тогда и заседания Совета Министров СССР, и заседания Политбюро.

За границей в последние годы было опубликовано несколько статей и одна книга о Кагановиче, в которых его роль крайне преувеличивается. Авторы этих публикаций пытаются утверждать, что Каганович продолжал оказывать большое влияние на политику в СССР, и в частности через свою сестру Розу Каганович, которая якобы была и ближайшей подругой одинокого Сталина, и его личным врачом. Один из авторов даже утверждает, что по приказу брата Роза Каганович отравила Сталина. Но все это пустые домыслы, чистая фальсификация. Сталин жил после войны на своих дачах в полном одиночестве, никакой Розы Каганович при нем не было. К началу 50-х годов Сталин был уже тяжело больным человеком, и случившийся у него 1 марта 1953 года инсульт не был следствием вмешательства ни Берии, как утверждают одни авторы, ни Кагановича, как утверждают другие.

После смерти Сталина влияние Кагановича в системе власти не слишком возросло. Многие из начинаний Хрущева ему явно не нравились. Как известно, первые реабилитации начались в нашей стране еще в 1953—1954 годах. При этом были реабилитированы, хотя и посмертно, также и все родственники Л. Кагановича. Но стали возвращаться в Москву и некоторые из оставшихся в живых узников лагерей, которые хорошо знали о роли Кагановича в разжиган

нии террора. Были среди них и люди, пострадавшие и оказавшиеся в заключении именно по его вине.

Неудивительно поэтому, что Каганович стал все более решительно противиться дальнейшему проведению реабилитации. Он категорически протестовал против доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о преступлениях Сталина и последствиях культа личности Сталина. Проведенная после XX съезда КПСС массовая реабилитация узников сталинских лагерей и возвращение переживших террор людей — все это подрывало политические позиции Кагановича. В ЦК КПСС начали поступать заявления, в которых подробно говорилось об участии Кагановича в массовых репрессиях против партийных и хозяйственных кадров. Думаю, что такого рода обвинения главным образом и сплотили Молотова, Маленкова, Кагановича в группу, которую мы называем антипартийной.

Это была тайная фракция, которая поставила своей целью устранение от власти Н. С. Хрущева и его ближайших помощников и восстановление слегка подновленной системы сталинизма. На место нового лидера партии выдвигался В. М. Молотов. Но и Кагановичу отводилась бы в новой группе руководителей гораздо большая роль, чем та, которую он играл в 1955—1956 годах. Этот заговор сталинистов, как мы знаем, кончился провалом...

Иногда раздаются призывы устроить суд над Кагановичем, единственным из оставшихся в живых людей из ближайшего окружения Сталина. Я не сторонник подобных судов. Такой суд, по моему, надо было бы провести 30 лет назад, а не сегодня, когда Кагановичу перевалило за 95 лет...

Беседу вел В. ВОДОЛАЖСКИЙ.

Неделя, 1988, № 51

Юрий Левада,

доктор философских наук;

Виктор Шейнис,

доктор экономических наук

Обращение к эпохе, нареченной «периодом застоя», поучительно: она — закономерное наследие массового террора, неудачных попыток реформы, разочарования, усталости. Это то застойное болото, куда впадают многие бурные и мутные потоки истории. Здесь итог неэкономического хозяйствования, недемократического управления и идеологического двоемыслия.

Пришли иные времена

При сопоставлении «первого послесталинского» десятилетия с последующими периодами в глаза бросается различие: бурные приливы и отливы и вроде бы остановившееся время. Но различие глубже. В 50-е гг. общая картина выглядела так: политически незрелое и инертное, только начавшее пробуждаться после кровавого террора общество и власть, непрерывно экспериментирующая, ищущая — хотя и неумело, непоследовательно — выходы из глухих тупиков сталинизма. После октября 1964 г. все поменялось. Представления властей о должном и допустимом становились все более консервативными, а их поведение — охранительным. Общество же созревало и прозревало, начинало искать выход на попроще социальной и политической активности. Без этого были бы невозможны март 1985 г. и перестройка.

В октябре 1964 г. изображения Н. Хрущева были повсеместно заменены портретами Л. Брежнева и А. Косыгина, разделивших между собой его посты. Это была главная и, по существу, единственная перестановка в верхнем эшелоне власти. Чуть позже ушел А. Микоян. Но в общем состав центральных партийных органов изменился очень мало. Смена политического курса при минимальных кадровых перемещениях в верхних эшелонах власти — такова отличительная черта октябрьского переворота 1964 г. Из этого, видимо, можно заключить, что поддержка в верхах линии, заявленной на XX и XXII съездах партии, в последние годы постепенно ослабевала и держалась преимущественно на Хрущеве, его личном влиянии и авторитете постов, которые он занимал. Ушел Хрущев — ушла и политика, проводившаяся при показном

**ПОГРУЖЕНИЕ В ТРЯСИНУ.
АКТ ПЕРВЫЙ: 1964—1968**

единодушии. Не существовало демократических механизмов, способных предотвращать аппаратные перевороты.

Сталинизм дал руководителям партгосаппарата огромную власть над согражданами и завидные привилегии, а решения XX съезда вернули ощущение личной безопасности. Теперь, консолидировавшись как социальный слой со сравнительно устоявшимся составом и установленными им самим способами пополнения (анкетно-аппаратный отбор, выдаваемый за «ленинские принципы подбора кадров»), они чувствовали себя гораздо увереннее.

Осенью 1964 г. решился — не временно, как тогда многие думали, а на два десятка лет — главный вопрос: о власти. Она перешла в руки устойчивого блока, включившего вчерашних умеренных сторонников Хрущева, ставших «либеральными» консерваторами, все более коррумпировавшихся чиновников в центре и на местах, прагматических карьеристов и их научную и идеологическую службу. К силам поддержки этого блока можно отнести политически активных неосталинистов, которые, конечно, не желали возрождения массового террора, но требовали «выборочных» репрессий и не уставали выражать тоску по «порядку».

Впрочем, блок этот сложился не сразу, да и политический курс его некоторое время оставался неясным: видимо, одолевшие Хрущева вчерашние его сподвижники не вполне ясно представляли себе, как следует распорядиться властью. Во всяком случае, некоторые из первых шагов новой власти подавали надежду не одной только бюрократии. Была реабилитирована генетика и покончено наконец с дутым авторитетом Т. Лысенко: специальная комиссия установила, что «достижения» патронируемого им подмосковного опытного хозяйства — элементарное жульничество. Удалось спасти русское правописание от нависшей над ним «реформы» — мы не пишем сегодня «заец», «молодеж» и «отци». В разгар подписки на газеты и журналы на следующий год были сняты раздражавшие людей лимиты.

От попытки реформ к экономике застоя

Было ликвидировано действительно нелепое удвоение партгосаппарата, поделенного ранее на «промышленные» и «сельскохозяйственные» органы. В повестку дня выдвинулась и более глубокая реформа, которая назревала в течение ряда лет: дискуссия о ней со страниц специальных изданий еще в 1962 г. перешла в массовую печать.

Пленум ЦК в марте 1965 г. попытался исправить положение в сельском хозяйстве. На нем прозвучала справедливая критика волевого давления на колхозы и совхозы, завышенных поставок, перекошенной системы цен. Реформаторы, однако, не хотели принимать во внимание того, что изменение ценовых пропорций в пользу сельского хозяйства при сохранении прежнего механизма ценообразования даст лишь временное облегчение, что призывы «покончить с практикой командования и администрирования» бессмысленны до тех пор, пока зло видят в отдельных искривлениях и перегибах, а не в самой командно-административной системе.

Сентябрьский Пленум 1965 г., обсуждавший реформу в промышленности, пошел дальше. Была поставлена задача превращения фиктивного хозрасчета в реальный. Был сделан шаг (впрочем, довольно робкий) к самостоятельности предприятий: признавалось, что положение, при котором руководящие хозяйственные органы имеют только права, а предприятия — только обязанности, ненормально.

Укоренилось мнение, что в то время неплохо задуманное дело загубила бюрократия. Это не вся правда. Крушение реформы во многом было заложено в ней самой — в ее непоследовательности и ограниченности. В подновленных структурах управления, планирования и стимулирования было мало такого, на что могли бы опереться ее сторонники, а еще важнее — практически ничего, что не могло быть взято назад.

«Анализ показывает, что известные трудности в развитии нашей экономики носят временный характер, и они долж-

ны быть в короткий срок преодолены», — было сказано на сентябрьском Пленуме. Но даже когда в Сибири забил фонтан нефтедолларов, его растратили так же малоэффективно, как и другие природные ресурсы. Экономическое отставание от развитых капиталистических государств стало приобретать качественный характер.

Партия и интеллигенция

Под таким названием в феврале 1965 г. в «Правде» появилась статья ее вновь назначенного главного редактора А. Румянцева. Решительно осуждались и сталинский, и хрущевский подход к интеллигенции. Автор высказывался за свободное выражение и столкновение мнений, признание различных школ и направлений в науке, литературе и искусстве. Однако уже в сентябре последовали аресты писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, опубликовавших под псевдонимами свои произведения за границей.

Суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем предшествовала газетная кампания, в которой обвиняемых (но еще не осужденных) писателей именовали изменниками, высказывания героев произведений приписывали авторам, а сатиру (довольно невинную по сегодняшним представлениям) подводили под статьи Уголовного кодекса. Появились отклики читателей, незнакомых с произведениями, но выражавших презрение их авторам. Суд приговорил Синявского к семи, Даниэля — к пяти годам в колониях строгого режима. Зал встретил приговор аплодисментами. Прокатились и другие политические аресты и суды.

«Можно не соглашаться с тем, что написали эти люди, можно заявить им об этом, можно заставить их уплатить штраф за нарушение существующего закона, запрещающего бесконтрольный вывоз их произведений... — читаем у Л. Арагона. — Но лишать их свободы за содержание романа или сказки — значит создать прецедент, который принесет интересам социализма больше вреда, чем могли бы принести произведения Синявского и Даниэля».

Съезд реванша

XXIII съезд КПСС собрался через 10 лет после XX. Хотя в докладах и некоторых выступлениях еще вспоминали XX и XXII съезды, теперь уже довольно отчетливо вырисовалось, от какого наследства отказываются новые руководители и что из него возрождают. Огромное внимание уделялось ритуальным моментам. Отныне идеологической работе предстояло двигаться короткими перебежками: от юбилея к юбилею.

Съезд оформил то, чего не хватало силам, которые осуществили октябрьский переворот 1964 г., — стабильность власти, гарантированность привилегий (разумеется, при конформном поведении). Из Устава партии были удалены пункты о квотах обновления партийных органов и предельных сроках пребывания на выборных постах. После постоянных реорганизаций, смещений и назначений времен Хрущева владыки местного и союзного масштаба могли вздохнуть спокойно; Д. Кунаев вполне искренно произносил с трибуны съезда: «Нынешний стиль руководства партии вселяет в нас чувство уверенности».

Одной из заметных тем XXIII съезда стали вопросы литературы. «Ремесленники от искусства... — сказал Л. Брежнев, — избирают своей специальностью очернение нашего строя, клевету на наш героический народ». Озлобление против свободной мысли и свободного слова, против органов печати, вырывавшихся из-под контроля бюрократии, решимость покончить с разоблачениями сталинского периода и восстановить нарушенную субординацию — все, что так долго копилось в кабинетах и коридорах, теперь провозглашалось с трибуны съезда. Руководители обкомов и ведомств облачили «Новый мир» и «Юность» как «носителей безыдейной и мелкобуржуазной распущенности», которые «под предлогом борьбы с последствиями культа личности», «под видом поборников исторической правды и достоверности» «кокетничают перед зеркалом истории», «кохаивают», «типизируют единичные факты», «выскивают в политической жизни страны

какие-то элементы так называемого „сталинизма“»...

На XXIII съезде партийная и государственная бюрократия брала реванш за годы неуверенности, неустойчивости, унижительной слабости. Она ничего не забыла и кое-чему научилась. Она передвигала верных людей из резерва в верхний эшелон власти (в состав ЦК вошли Г. Романов, Н. Тихонов, С. Трапезников, кандидатами стали К. Черненко и Н. Щелоков). Она старательно вычеркивала на два десятилетия тот альтернативный вариант развития, который открылся было перед страной в 50-е гг.

Соппротивление

Идеологическая и политическая атмосфера, установившаяся в апогее «застоя», воцарилась не сразу. После того как впервые после долгого перерыва на праздновании 20-летия Победы Л. Брежнев упомянул имя Сталина, поползли слухи о предстоящем пересмотре партийных решений в отношении Сталина и сталинизма. В ответ 25 выдающихся деятелей науки и культуры, в их числе академики Л. Арцимович, П. Капица, А. Сахаров, И. Тамм, писатели В. Некрасов, К. Паустовский, К. Чуковский, направили руководителям страны письмо-предостережение (недавно оно было опубликовано в «Огоньке»). Письмо разошлось в списках, получило широкое распространение и дало толчок «петиционной кампании». Люди известные, увенчанные орденами и премиями, менее известные и совсем неизвестные стали обращаться к политическому руководству с призывами и просьбами. Сотни, тысячи людей, составляя и подписывая письма, высказываясь за или против тех или иных действий или намерений властей, претендовали на участие в политической жизни страны.

Мощнее стала волна «самиздата». Воспоминания, исторические исследования, художественные произведения, перепечатки из изданий, запрятанных в спецхраны, — все, что не успело проскочить в печать во времена чуть

ослабленной цензуры, шло в «самиздат». «Реквием» А. Ахматовой, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Дискуссия в биологической науке» Жореса Медведева, «Перед судом истории» Роя Медведева и многое другое читалось, обсуждалось, формировало общественное сознание.

В мае 1967 г. состоялся очередной съезд писателей. Накануне съезда прозвучали обвинения Союза писателей в том, что тот пренебрегает своим долгом, не защищая подвергшихся репрессиям литераторов, не выступая против тех, кто мешает публикации. Цензуру начали было обходить с флангов: «самиздат» пополнялся ввезенным из-за границы «тамиздатом», в домах, на улицах звучали записанные на магнитофонную ленту песни Б. Окуджавы, А. Галича, Ю. Кима, В. Высоцкого и других «бардов».

Если в свете сегодняшней гласности сравнить все то, что писали, обсуждали и напевали в начальные годы «застоя», с тем, что сейчас печатают газеты и журналы, — по смелости, резкости, дальновидности «самиздат», конечно же, уступит. Но без «тогда» вряд ли было бы «теперь».

Способы устрашения

Началось становление независимого общественного мнения, вбивавшего многообразие позиций, взглядов, настроений. Примириться с этим власти не могли. Быть может, главное из изобретений эпохи застоя — создание высокоэффективного, не в пример экономике, механизма дифференцированных адресных репрессий. Чтобы восстановить «единомыслие», вовсе не потребовалось обращаться к массовому террору.

Для начала протестующих «отщепенцев» стали проучать средствами «общественного воздействия», изгоняя из партии, с работы, отлучая от науки, литературы, зарплаты, а впоследствии — от «дыма отечества». И делали это главным образом руками коллег по перу и науке, вчерашних друзей-товарищей.

Однако в обществе, вдохнувшем «гло-ток свободы», нашлись люди, которых было трудно запугать «неприятностями» по службе, купить привилегиями, загранкомандировками, бог весть чем еще. Для таких была разработана шкала иных кар. Уголовный кодекс в 1966 г. пополнился статьей (190 «прим»), согласно которой предусматривалось лишение свободы за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — до 3 лет; за те же деяния, которые квалифицировались как «агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти», грозило наказание до 7 лет (статья 70). Хотя карательные органы, находившиеся вне сферы публичного обсуждения, не прибегали к массовым репрессиям, им вполне доставало сил и «прав», чтобы расширительно толковать законы и творить произвол.

Так называемому диссидентскому движению (сейчас газеты отнесли бы его к числу неформальных) были свойственны и сильные, и слабые стороны, порой в нем сказывались чьи-то амбиции. Но несомненно, что впервые в истории последних десятилетий сложилась и выдержала испытания линия общественного протеста. Трудно подсчитать, скольких талантливых и твердых духом людей лишилось общество, поскольку эти люди не получили возможности конструктивно работать ради общественного обновления. Настойчивые усилия по разложению, подавлению, а позже и изгнанию из пределов страны людей, «виновных» лишь в том, что они стремились отстаивать законность, право на гласность и творчество, привели не только к деформациям в духовной и культурной жизни, но имели своим следствием неоправданное раздувание сугубо идеологических функций государственных служб, прежде всего — ведомства безопасности.

У нас были и герои, и праведники. Но очень уж одиноко звучал их голос. Обвиния Брежнева и Суслова, не следует забывать, сколь многим протест против двоедушия, призыв «жить не по

лжи» казался беспочвенным максимализмом. Осенью 1969 г. торжественно и единодушно изгнали из Союза писателей А. Солженицына, а потом и тех, кто пытался его защищать. А. Сахарова до поры оберегали прошлые заслуги перед государством, ордена и звания. Его возраставшая политическая активность вызвала переполюс в стане ревнителей «идеологической дисциплины». Но его обращения падали в пустоту. Машина «единодушного» осуждения (как и одобрения) действовала все более безотказно.

Да, счет прямым жертвам шел на десятки и сотни, не на миллионы — как при Сталине. Но неправый суд бьет не только по осужденным. От несправедливости, хотя бы в отношении одного-единственного человека (учиненной, конечно же, «во имя общества»!), страдает все общество, даже если оно не осознает этого. «Мученики догмата, вы тоже жертвы века», — писал Пастернак. А мученики страха? А верноподанные «единодушия»? А те, кто поднимал руку, просто чтоб не выделяться? Кто делал вид, что «это» его не касается? Кто сберегал себя для «более важного» дела? И кто в бессильном отчаянии сжимал кулаки... Верно было сказано: «Народ, который сегодня без чести, завтра будет без хлеба».

Под юбилейный шум

Прилагательное «ленинский» стало безудержно использоваться по отношению к текстам и акциям начальственных лиц. Конечно, попытка создать иллюзию непосредственной преемственности власти и авторитета («от Ильича до Ильича») имела не больше шансов на успех, чем превознесение литературных или полководческих талантов бесцветного лидера. Но все более утверждавшиеся правила игры были таковы, что требовался не столько какой-то реальный успех, сколько рапорт об успехе.

«Юбилейная» эпоха ориентировала на воспоминания о героических свершениях прошлого. Отсюда идея превращения истории нашего общества в священную историю (здесь пригодился

Сталинский образец — и как метод, и как материал). История имела право на существование только как история великих побед, безупречных героев. Не успели мы в конце 50-х гг. трезво взглянуть на какие-то периоды собственной истории — например, гражданскую и Отечественную войны, коллективизацию, 1937 год, — как все попытки объективного научного исследования велено было зачеркнуть и забыть. Обозначилось стремление под видом объективности реставрировать Сталинский феод. Речь шла о том, чтобы вставить правление верховного вождя в «священный» ряд — разумеется, с необходимыми оговорками относительно отдельных просчетов и отступлений.

Конец 60-х гг. отмечен рядом идеологических набегов. Разгромили Институт социологии. Экономистов стали прорабатывать за увлечение рынком; литераторов, художников, режиссеров — за «очернительство» и «антипатриотизм». Кстати, именно тогда заставили примолкнуть первые экологические движения, например борьбу за чистоту Байкала. Нестандартным подходам в науке вновь вменялось в вину отступничество от «незыблемых основ». Идеологических жрецов во главе с М. Сусловым отличала патологическая ненависть ко всему «неположенному» и «чуждому».

Мы излагаем события так, как они видятся из сегодняшнего дня. Но в середине 60-х гг. многое еще казалось — а может быть, и было? — непредрежденным. Еще жил и сопротивлялся «Новый мир» Твардовского. Еще не было разбито, разогнано, деморализовано «поколение 56-го года, дети XX съезда». Еще не воцарились коррупция и безразличие.

Политическое развитие страны направлялось людьми, которые прошли соответствующий отбор. Но и сами эти люди проходили школу той политики, которую они проводили.

«Победителей» — судят

В 1968—1969 гг. закончился «переходный» период, победила концепция, которую на Западе нарекли «доктриной

Брежнев». Под лозунгом «высших интересов» социализма она утверждала правомерность диктата и монополии на истину. В новой обстановке оказалось возможным покончить с журналом Твардовского «Новый мир», впоследствии расправиться с академиком А. Сахаровым, переписать многие страницы истории Отечественной войны, заключать людей с «отклоняющимся социальным поведением» в спецпсихлечебницы... Голоса протеста звучали все слабее.

«Победители», добившиеся таких вот «успехов», не властны были, однако, приостановить вползание страны в глубокий социальный кризис: нарастало экономическое отставание, падал международный престиж страны; социальная и нравственная коррозия затронула не только верхи.

Однако не все молчали. Прямо или косвенно, публично или для узкого круга, а то и просто «в стол» — говорили, писали, печатали, передавали. Не была затоптана настоящая литература: пробиваясь через рогатки, она вела честный разговор с читателем, противостояла духовному разложению. Прорывались на сцены и экраны талантливые спектакли, кинофильмы мирового класса. Созревали граждански мыслящие силы и в аппарате — партийном и государственном. Подрастало новое поколение молодежи...

*Московские новости,
1988, № 46*

Мэлор Стуруа,
международный обозреватель
газеты «Известия»

ДВЕ ФОТОГРАФИИ К ОДНОМУ ПОРТРЕТУ

25 сентября 1963 года Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. В тот же день репортаж об этом событии был опубликован в «Известиях». Написали его покойный Валентин Леднев и я. Репортажу была предпослана рубрика — «Парламентские корреспонденты «Известий» передают из Кремля».

Рубрику придумал я. Алексей Аджубей, бывший тогда главным редактором нашей газеты, без колебаний освятил ее своим авторитетом. Было даже решено сделать эту рубрику постоянной. Однако, к сожалению, волею судеб этого не произошло. Сейчас, когда передача власти Советам и реорганизация высшего законодательного органа Советского Союза поставлены перестройкой в неотложную повестку дня, когда гласность стала паролем времени, думаю, необходимо создать институт постоянных парламентских корреспондентов, разумеется, не только для описания парадных ритуалов, а и для того, чтобы они бдели «во дни торжеств и бед народных».

Но это, так сказать, к слову.

Репортаж из Кремля был проиллюстрирован снимком фоторепортера «Недели» Н. Рахманова. На первый взгляд — ничем не примечательное фото. Трафаретное, официозное изображение заседания Президиума. Но это только на первый, непросвещенный взгляд. Опытный «кремленолог» сразу же уловил бы необычность снимка.

Во-первых, на нем не был запечатлен сам момент ратификации Договора. Подпись под фото гласила: «Заседание Президиума Верховного Совета СССР. Выступает первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов».

Во-вторых, главное действующее лицо — Председатель Президиума — оказалось на самом заднем плане и выглядело по размерам слегка больше головки канцелярской булавки. Рассмотреть его можно было лишь в мощную лупу. Члены Президиума, фигурировавшие

на первом плане, выглядели по сравнению с ним почти что голиафами.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР был Леонид Ильич Брежнев.

История появления фото, о котором я упомянул, как бы подкрепляет наброски политического портрета Л. И. Брежнева, опубликованные недавно некоторыми московскими газетами.

После окончания церемонии ратификации Договора Л. И. Брежнев осведомился, кто из присутствующих журналистов представляет «Известия». Я ответил, что известинскую бригаду поручено возглавлять мне. И тут между нами состоялся следующий диалог.

— Вы будете давать фотографию? — спросил Л. И. Брежнев.

— Разумеется, Леонид Ильич.

— Ни в коем случае. Репортаж должен пойти без снимка.

— Но это невозможно!

— Я говорю, никаких фото!

— Но почему же, Леонид Ильич?

— Ты что, не помнишь или прикидываешься непомнящим?

— Вы имеете в виду историю с фото к вашей статье?

— А что же еще?

— Но это совсем другое дело. В данном случае вы не автор статьи, а официальное лицо, подписавшее ратификационные грамоты.

— Кто станет вдаваться во все эти тонкости!

— Да нет здесь никаких тонкостей.

— Ну, хватит. Никаких фото, и basta!

— Леонид Ильич, мне придется доложить об этом главному редактору.

— Ну и докладывай.

— А если он решит по-иному?

— Тогда другое дело. Но пусть все-таки он посоветуется.

— С вами?

— При чем тут я? Ты знаешь с кем!..

Для того чтобы вышеприведенный диалог не выглядел обменом репликами в театре абсурда, необходимо отмотать ленту повествования несколько назад от 25 сентября 1963 года.

Как-то «Известия» опубликовали статью Л. И. Брежнева на целую полосу с его портретом посередине. Номер со статьей и фото попался на глаза Никите

Сергеевичу Хрущеву, который в присутствии ему стили дал автору нагоняй «за нескромность». Видимо, Леонид Ильич хорошо усвоил урок и принял «здоровое» решение не спотыкаться дважды «на ефтом самом месте». (Сделали вывод и «Известия». С тех пор статьи государственных деятелей мы развертывали на два подвала и, конечно же, без каких-либо фотографий авторов.)

Но вернемся к 25 сентября 1963 года. Приехав из Кремля в редакцию, я немедленно пошел к А. Аджубею и доложил ему о разговоре с Л. И. Брежневым. Ситуация создалась тупиковая. Выходить без фото было нельзя, а «закладывать» вторично бедного Леонида Ильича не хотелось. К счастью, в нащелканной Н. Рахмановым пленке оказался кадр, где главное действующее лицо — В. В. Кузнецов. Этот кадр и пошел в газету. (Ретушеры к нему руки не приложили. Наоборот. Было сделано все, чтобы смазать типографское качество снимка: чем хуже — тем лучше.) Таким образом, мы, говоря словами восточной пословицы, и шашлык поджарили, и шампур не сожгли.

В русском переводе эта пословица имеет знакомое звучание: «И волки сыты, и овцы целы». Но применима ли она целиком к действующим лицам и ситуациям моего рассказа? Думаю, что лишь наполовину. Газетные волки были налицо. Но вот назвать Л. И. Брежнева «овцой» язык не поворачивается. Рой Медведев в «Московских новостях» (№ 37) пишет, что «именно слабость и отсутствие ярко выраженного честолюбия и властолюбия стали основой победы Брежнева». Подобная характеристика мне представляется весьма поверхностной. История с фотографией тоже лишь внешне иллюстрирует ее.

Суть этой истории в ином. Она живописует нравы, царившие тогда в наших верхах. Конечно, Брежневым двигал естественный страх перед первым лицом в государстве. Но одновременно это был инстинкт политического выживания, свидетельствовавший не столько о трусости, сколько об осторожности. Без искусства выживания нельзя было рассчитывать на успех в борьбе за власть, тем более высшую. Брежнев

владел этим искусством в совершенстве. Назвать его посредственностью в данной области было бы явной несправедливостью.

История свидетельствует, что именно те деятели, которые владели искусством выживания и инстинктом самосохранения в большей степени, чем их соперники, в конце концов и клали их на лопатки. Когда после смерти Ленина ареопаг вождей стал примерять его мантию, то она меньше всего подходила к узким плечам Сталина. Его третировали как посредственность, а Сталин обратил это себе во благо. То же самое повторилось и с Хрущевым. После смерти Сталина его ближайшее окружение с жадностью расхватало совминовские посты, «бросив» посредственности — Хрущеву — Центральный Комитет. Что произошло дальше, общеизвестно. И Брежнев протанцевал аналогичный менуэт.

Первое лицо в государстве, где господствовал культ личности, не назначали и тем более не выбирали. Первое лицо само делало себя. Оно всегда было тем, что в английском языке называют «салфмейдменом», в буквальном переводе — человеком, сделавшим самого себя. Ведь выбрали же первым лицом в государстве сразу после смерти Сталина Георгия Маленкова. А он не устоял. (В Китае аналогичная судьба постигла Хуа Гофэна.) Брежнев же устоял, выстоял и победил — и властвовал почти два десятилетия. И не потому, что он был продуктом, посредственным продуктом, консенсуса.

Схема Роя Медведева разваливается, если вспомнить даже лежащие на поверхности события, не углубляясь во тьму коридоров власти. Как известно, Брежнев стал единоличным лидером не с ночи на утро. К власти после свержения Хрущева пришел, по сути дела, триумвират: Брежнев — Косыгин — Подгорный. Лишь со временем Брежнев возобладал в нем. А устранение слишком занесшегося Кириленко? А укрощение строптивого Шелеста? А расправа со взбунтовавшимся Егорычевым? А уход Мазурова «по состоянию

здоровья»? Нет, Брежнев был сработан не из глины сентиментальности, замешанной на слезах умиления и растроганности. Это был беспощадный человек со стальными кулаками, хотя и в бархатных перчатках.

Нельзя путать интеллектуальную посредственность политического деятеля с его способностью стать лидером. Эти две ипостаси не всегда совпадают, а скорее всего и чаще всего не совпадают. (Кстати, в этом в значительной степени кроется наше непонимание того, почему «посредственности» становятся президентами Соединенных Штатов.) Вполне допускаю, что Брежнев, подобно Есенину, ни при какой погоде не читал «пузатый „Капитал“». Но последнему это не помешало стать великим поэтом, а первому — первым лицом в государстве. И тот и другой обладали талантом: один — поэта, другой — лидера.

Талант лидера предполагает прежде всего волю, целеустремленность, жесткость, переходящую «при надобности» в жестокость, отсутствие предрассудков. Брежнев владел этими качествами больше и лучше, чем его соперники, а посему и возобладали. Слабое наполнение его интеллектуального пульса и гедонизм, граничивший с развратом, разложением и казнокрадством, не должны заслонять это обстоятельство.

Рой Медведев, подкрепляя свою схему, обращается к мемуарам Брандта и Киссинджера. Цитаты, которые он приводит из них, точны, но некорректны. Они характеризуют Брежнева как человека, как частное лицо, а не как политического и государственного деятеля и тем более не как лидера.

Парадокс — и совсем не психологический — заключается в том, что посредственность не только в интеллектуальной сфере, но и в сфере политической и государственной отнюдь не является непреодолимой помехой для захвата лидерства. Здесь скорее играют роль такие «внешние» факторы, как время, система, случай, везение, долготерпение, долгожительство, а следовательно, и здоровье.

И в мемуарах Брандта, и в мемуарах Киссинджера можно найти пассажи, которые подтверждают именно такую

точку зрения. А вот свидетельства человека, знавшего Брежнева лучше их, человека, политическая судьба которого в течение долгих лет непосредственно перекрещивалась с брежневской на самой обширной международной арене, в самой важной ее сфере — в советско-американских отношениях. Я имею в виду бывшего президента Соединенных Штатов Ричарда Никсона. В своей книге мемуаров «Лидеры», отдавая дань читабельности, описывая гедонизм и сентиментальность Брежнева, его человеческие слабости, бывшие в чем-то одновременно и его сильной, во всяком случае, привлекательной стороной, Никсон настойчиво подчеркивает и нечто другое.

Бывший президент США пишет о нашем бывшем генсеке как о человеке властном, честолюбивом и беспощадном, который при «иных режимах» вполне мог претендовать на титул «Леонида великого» по аналогии с Иваном и Петром. Даже вежливость Брежнева была как бы «осадком» его безграничной власти. Никсон вспоминает, что иногда Брежнев вел с ним переговоры в тоне «следователя КГБ, допрашивающего трудного узника». Бывало и так, что он даже давал волю рукам, переходя грань оживленной жестикуляции.

Сравнивая Хрущева с Брежневым, Никсон делает акцент на детали. Плохо сшитые костюмы первого, элегантно скроенные — второго. Хрущев любил утиную охоту и принимал в ней активное участие. Брежнев предпочитал охоту на крупную дичь, но делали за него всю «черную работу» егеря. Он лишь стрелял из ружья с оптическим прицелом.

(Это последнее сравнение особенно символично. Как видим, результат охоты был один и тот же, несмотря на различную методику ее ведения. Лидеры обязаны метко стрелять. Промех может оказаться фатальным. «Антипартийная группировка», пытавшаяся свалить Хрущева, меткостью стрельбы не отличалась.)

В мемуарах Никсона можно встретить ставшие уже клишированными места о французских галстуках и золотых запонках Брежнева, о его при-

страстии к автомобилям и лихой езде. В 1973 году, когда Брежнев совершил поездку в США, Никсон от имени своей администрации презентовал ему темносиний «линкольн континенталь». А в загородной резиденции Кэмп-Дэвиде Брежнев заставил его испытать несколько неприятных минут, гоняя машину для игры в гольф с умопомрачительной скоростью по петляющей дороге. Никсон не забывает упомянуть и о «массажистке Брежнева», от которой несло духами «Арпедж» — любимыми духами госпожи Никсон. Тоже французскими.

Но все эти детали нужны Никсону не сами по себе. И даже не для характеристики личности Брежнева. Он пишет, что в годы его правления в Советском Союзе сложилось нечто похожее на «новый класс». К сожалению, Никсон в значительной степени прав. Кунаевщина, рашидовщина, щелоковщина, чурбановщина и многие другие «вщины» эпохи застоя легли не только тяжелым бременем, но и черным пятном на наше общество.

Никсон приводит в своих мемуарах затасканный анекдот о том, как мать Брежнева посетила его роскошную дачу. Осмотрев ее, она восхитилась и удивилась, однако и поинтересовалась: «Леонид, все это, конечно, прекрасно, но что ты будешь делать, если коммунисты вновь захватят власть?»

Старуха, видимо, предчувствовала, что грядет перестройка...

Брежневых было два — сентиментальный и беспощадный, эпикуреец и мастер политической интриги, пышущий здоровьем жизнелюбец и человеческая развалина. Если первая пара полюсов — две стороны одной медали (можно быть скорым и на слезу, и на расправу), то последнее — дело рук природы.

Именно после того, как здоровье Брежнева резко пошатнулось, он выпустил бразды правления из своих рук, все больше делегируя власть узкому кругу непосредственных помощников. Он отнюдь не стал добрее. Он стал слабее, а под конец жизни — абсолютно немощен. Государство управлялось по инерции от его имени, но в его стиле. Застой физический пришел в равнове-

сие с застоем политическим. Физическое увядание лидера способствовало еще большему расцвету коррупции в рядах его проконсулов.

В последний раз мне довелось наблюдать Брежнева в непосредственной близости и в «деле» в июне 1979 года на венской встрече в верхах, завершившейся подписанием Договора ОСВ-2. Это было удручающее, травмирующее зрелище. Брежнев, по сути дела, не мог ходить. Его ловко, почти незаметно для постороннего глаза, носили, именно носили, а не поддерживали, бравые молодцы из личной охраны. Когда же — волею протокола — они оставляли его одного, беспомощность Брежнева становилась абсолютно очевидной.

Так, позируя фотографам на ступенях здания советского посольства, он чуть было не упал. Его вовремя подхватил под руку президент Картер. Человек, который когда-то ночи напролет вел сложнейшие переговоры с Никсоном, теперь переговаривался с Картером лишь с помощью шпаргалок.

Вполне понятно, что здоровье Брежнева стало одной из главных тем в работе бесчисленных представителей средств массовой информации, съехавшихся в Вену со всех концов планеты. К этой теме, по существу, и свелась заключительная пресс-конференция во дворце Хофбург, которую проводили совместно с американской стороны пресс-секретарь Белого дома Джоди Пауэлл и с советской стороны — заведующий отделом международной информации ЦК КПСС Леонид Замятин, бывший фактически пресс-споксменом Брежнева.

Замятин, который, даже пребывая в хорошем расположении духа, не отличался особой вежливостью в своих контактах с журналистами, сказать по правде, не только с западными, но и с советскими, окончательно вышел из себя под напором вопросов о состоянии здоровья своего шефа. Растеряв последние остатки чувства юмора, Леонид Митрофанович сердито отбивался, утверждая, что Леонид Ильич здоров чуть ли не как бокс и ведет повседневную, если не круглосуточную, работу, прилагая воистину геркулесовы усилия во

всех областях государственной деятельности.

Слова эти никого не убеждали. Они падали в никуда, лишь провоцируя все новые и новые вопросы о здоровье Брежнева. Последний вопрос, на котором должна была завершиться пресс-конференция, касался этой же темы.

Атмосфера в зале дворца австрийских императоров опасно сгущалась. Американцы наседали. Мы были немые как рыбы. Когда прозвучал последний вопрос-залп, я не выдержал. Конечно, речь шла о личности Брежнева, но рикошетом били по нашей державе, и это было по-человечески неприятно. Обращаясь к сидевшему между Пауэллом и Замятиным представителю австрийского МИД, я потребовал права на дополнительный вопрос, чтобы «восстановить нарушенный паритет», ибо львиная доля вопросов пришлось на наших американских коллег. Австрийский дипломат дал свое благосклонное добро, и я, сдерживая волнение, как перед атакующим броском, выпалил:

— Мой вопрос господину Пауэллу. Как обстоит дело с политическим здоровьем президента Картера?

В зале раздался дружный смех. Смысл моего вопроса был ясен для посвященных, а в зале сидели только они. Политическое будущее президента Картера выглядело весьма мрачно. Выборы 1980 года, которые он с треском проиграл Рейгану, подтвердили это с беспощадной однозначностью.

Джоди Пауэлл, надо отдать ему должное, не растерялся.

— Политическое здоровье Картера такое же, как и здоровье Брежнева, — ответил он, слегка улынувшись: мол, понимай как знаешь.

На этом пресс-конференция закончилась.

Журналисты повскакали со своих мест. Американцы хлопали меня по плечу, хвалили за находчивость. Но вот мои коллеги повели себя несколько странно. (Впрочем, ничего странного в этом не было.) Они как бы не замечали меня.

Действительно, моя инициатива могла оказаться палкой о двух концах. Не

говоря уже о том, что я нарушил святую заповедь незабвенного Кости-капитана: «Не высовываться!», я нарушил и указание Замятина не подвергать критике президента Картера в дни венских переговоров. Поскольку они завершились плодотворно — Договор ОСВ-2 был подписан, — криминальность моей вылазки, независимой от ее благих целей, зримо возрастала.

После окончания конференции я поехал из дворца Хофбург в отель «Империал», где разместилась основная часть советской делегации. И здесь я почувствовал какой-то незримый, холодящий заливной вакуум, создавшийся вокруг меня. Напряжение спало лишь к вечеру, когда из резиденции, где жили Брежнев и его ближайшее окружение, приехал переводчик Суходрев, мой старый друг Витя Суходрев, вечно юный и веселый, и громогласно объявил, что Устинову и Громыко мой вопрос «понравился».

И тут же все вокруг меня, как по волшебству, изменилось. Вакуума как не бывало. Люди спешили позжать мне руку и поздравить. Поздравления приняли буквально гомерический характер и размеры, когда еще позже в отель прибыл сам Замятин и передал мне «личную благодарность» от самого Леонида Ильича!

Я стал героем на час, ибо на меня лег отблеск высочайшей власти. Когда подали ужин, буквально каждый столик в ресторане отеля пытался заполучить меня в качестве почетного гостя. Я выбрал столик, за которым сидел Суходрев, первым снявший с моей души груз гнетущей неизведанности...

Вот так мы жили и работали в годы застоя...

Еще одним, последним испытанием была официальная церемония отъезда Л. И. Брежнева из Вены в Москву. Брежневу предстояло самостоятельно — без помощи молодых — пройти по красной ковровой дорожке и подняться по трапу самолета. «Упадет или не упадет» — вот о чем гадали все присутствующие, а было их сотни миллионов, ибо церемония проходила под прицелом телевизионных камер.

Я стоял в квадрате, отведенном для

прессы. Вглядываясь в лица своих коллег, не только советских, я видел на них выражение жалости, именно жалости, а не любопытства и тем более злорадства. У стоявшего рядом со мной политического обозревателя «Известий» Викентия Матвеева подозрительно увлажнились глаза.

— Он долго не протянет, — шепнул мне на ухо Викентий.

Брежнев, видимо, понимал или ощущал, что происходит вокруг него. Собрал в кулак всю оставшуюся у него силу и волю, он по старинке встряхнул головой, поиграл плечами, на которых, как на вешалке, болтался пиджак, и ступил на красный ковер, словно на путь, ведущий к Голгофе. «Архитектор разрядки» одолел с грехом пополам ковер и трап. Последний прощальный взмах руки — и он канул в чрево Ил-62, втянутый в него поджидавшими с той стороны молодцами. Дверь самолета поспешно захлопнулась. Брежнев исчез...

Но брежневщина еще далеко не исчезла. Последние годы лидера были агонией для него и пиком застоя для страны.

Непостижимым образом немощь Брежнева отразилась и на моей журналистской карьере. В 1982 году американский еженедельник «Ньюсуик» выпустил номер, посвященный в основном здоровью Брежнева. На обложке журнала был помещен коллаж — разваливающийся, весь в трещинах бюст Брежнева, вылепленный из глины. (Сильно подозреваю, даже уверен, что самому Брежневу, которому оставалось жить несколько месяцев, журнал не показали.) «Брежневский номер» сыграл не последнюю роль в решении выдворить из Москвы собственного корреспондента «Ньюсуик» Нагорского. Репрессалии госдепартамента США не заставила себя долго ждать. В качестве жертвы был избран автор этих строк.

В тот день я находился где-то в Атлантике, на борту теплохода, направляясь домой в очередной отпуск. Я преспокойно загорал в лежаке на палубе, слушая по транзисторному приемнику последние известия, передававшиеся Би-би-си (в Атлантике эту радиостан-

цию не глушили). Госдепартамент заявлял, что обратно в Вашингтон меня не впустит, хотя лично против меня ровным счетом ничего не имеет и готов немедленно отменить свое решение, если мы пересмотрим свой демарш в отношении Нагорского. В то время подобные чудеса в нашей стране не происходили. Я остался в Москве, Нагорского «Ньюсуик» перевел в Рим.

Вернувшись в Москву, я обнаружил, что никто — ни Союз журналистов СССР, ни даже мои родные «Известия» никак не прореагировали на жест госдепартамента. Не было заявлено никакого протеста, даже сообщения информации не было помещено. Вот так мы жили и работали в годы застоя...

И наконец, под занавес — о второй фотографии. Принадлежит она все тому же Н. Рахманову и сделана в тот же день, что и первая, но уже после ратификации Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. На ней — слева направо — Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана Ядгар Насриддинова (спиной к нам), секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе и я.

Ядгар Насриддинова была крутой, волевой и норовистой женщиной, а уж если говорить начистоту, взбалмошной и заносчивой. Помню, в 1959 году мне довелось сопровождать ее и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Фрола Козлова в поездке по Соединенным Штатам. В программе поездки значился и частный клуб недалеко от Сан-Франциско, разместившийся в роще роскошных секвой. Он, кажется, если мне не изменяет память, так и назывался «Секвойя-клуб».

К всеобщему замешательству, оказалось, что вход в клуб особам слабого пола заказан. Насриддинова взорвалась. На повышенных тонах, словно дело происходило в ее ташкентском кабинете, она стала поучать хозяев, что прибыла к ним не в качестве женщины, а как президент Узбекистана и вице-президент Советского Союза.

Инцидент удалось замять и темперамент Насриддиновой погасить лишь после того, как ей объяснили, что даже для королевы Великобритании Елизаветы II не было сделано исключение, когда она находилась в этих краях. В «Секвойя-клуб» поехал только ее муж принц Филипп, герцог Эдинбургский. Сравнение с английской королевой польстило самолюбию Насриддиновой. (Жены членов «Секвойя-клуба» обычно «инспектировали» своих мужей с вертолетов, низко зависавших над запретной территорией. Это не было нарушением устава клуба, гласившего, что на его землю не должна ступить нога женщины. Смышленные жены пользовались этой формальной лазейкой и поступали, как наши девчата из кинофильма «Небесный тихоход», которым сверху было видно все.)

Я задержался на фигуре Ядгар Насриддиновой совсем не случайно. Ее судьба имеет прямое касательство к теме нашего повествования, к феномену Брежнева и его портрету.

Заговор с целью свержения Хрущева не был экспромтом, разыгранным в одночасье. Его готовили (вернее, он вызревал) долго и тщательно. Кстати, упоминаемый Роем Медведевым «многолетний партийный лидер» Грузии Мжаванадзе играл в нем далеко не последнюю роль, обрабатывая членов ЦК КПСС от Закавказья, а затем доставив их на самолете в Москву к «историческому» Пленуму октября 1964 года. Брежнев никогда не забывал этой услуги, оказанной ему Мжаванадзе, и уберег его от многих неприятностей, хотя и не смог оставить на посту первого секретаря ЦК КП Грузии и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Не забыл Брежнев и того, что Насриддинова, которой на сей раз изменил политический нюх, тщетно порывалась предупредить Хрущева о надвигавшемся перевороте, безуспешно пробиваясь к фактически изолированному на своей даче в Пицунде Никите Сергеевичу. После «исторического» октябрьского Пленума 1964 года судьба Насриддино-

вой была решена. Джентльмен Брежнев не пощадил ее, ибо в отличие от хозяев «Секвойя-клуба» видел в ней не женщину, а политического деятеля, поставившего на другую лошадь. В борьбе за власть, которую он вел, сантиментам места не было.

Обратите внимание: Брежнев, как правило, расправлялся с теми, кто обладал, так сказать, «лидерской косточкой», например с Шелепиным, Шелестом, Егорычевым, возглавлявшим Московскую городскую партийную организацию, и с некоторыми другими. А вот Косыгин и Сулов, несмотря на то что, казалось, обладали огромной властью, сошли с политической арены естественным путем.

Дело в том, что ни тот ни другой не покушались на место первого лидера, довольствуясь вторым порядковым номером в иерархической системе. Ни тот ни другой не обладали «лидерской косточкой», хотя последнего и величали «серым кардиналом» Брежнева.

Великий французский политический деятель нашего времени Шарль де Голль, отвечая на вопросы журналистов после подавления алжирского путча генералов о том, как он захватил власть, с высокомерной, презрительной усмешкой сказал: «Сейчас власть не захватывают. Ее подбирают».

Не знаю, знаком ли историк Рой Медведев с этим афоризмом де Голля. Но его «Набросок политического портрета» Брежнева написан именно с подобных позиций. Однако, как говорят некоторые литературные критики, в жизни так не бывает. Несмотря ни на что, власть не подбирают, а захватывают. И великие, как де Голль, и посредственности, как Брежнев...

Неделя, 1988, № 43

Судьба — мытарь и меняла. Предлагая нам выбор, она знает заранее, какую цену придется заплатить за право иметь собственное суждение насчет устройства мира.

Надо думать... Теперь, когда этот процесс стал пусть не всегда результативным, но не опасным, мы с особым вниманием должны вглядываться в лица людей, которые думали всегда и задумывались...

Многие из них, оболганные, репрессированные, уничтоженные, «возвращаются в строй»... Так мы иногда себе представляем процесс реабилитации, забывая, что ни взгляды, ни мысли тех людей, ни восприятие ими событий не изменились и не они вернулись в наш строй, — сам строй начинает выравниваться по этим людям.

Но по-прежнему кажется, что, восстанавливая добрые имена, мы оказываем им честь (словно оттого, что мы прочли «Котлован», «Чевенгур», Платонов стал писателем лучшим, чем несколько лет назад. Его строки уже написаны, они стали великой литературой независимо от того, поняли мы это или нет).

Реабилитация — покаяние общества перед невинными его жертвами, убитыми или невыслушанными. Покаяние в свою очередь реабилитирует общество. Оно дает возможность утвердиться в правоте определения истинных ценностей — некоторым, переосмыслить эти ценности — многим и осмыслить — большинству.

22 декабря 1986 года я шел по пятому этажу «Литературной газеты» и не подозревал, что через полсутки стану свидетелем события, которое привлечет внимание всего мира.

— Ну, ты-то, конечно, завтра будешь на вокзале? — шепотом спросила меня у лифта приятельница.

— А не знаешь, какой вокзал? — спросил я, будто остальное мне известно...

— Куда из Горького приходят поезда? На Ярославский...

Там у меня не было ни родных, ни друзей, и единственный человек, которого я как журналист (и не как журна-

лист) должен был встречать из Горького, был академик Андрей Сахаров.

Зарядив несколько кассет фотопленкой и положив в карман куртки диктофон, я стал думать, как узнать номер поезда с академиком.

— Академиком в высоком нравственном смысле? — спросил мой приятель, художник-прогрессист, которому я позвонил, чтобы узнать час приезда.

Услышав в ответ «да», он попрощался с поспешностью, которую можно было бы принять за неучитливость, имея в виду культурные традиции его семьи, но не беря в расчет тему разговора. Это был мой третий безрезультатный и пугающий собеседников звонок. (Сегодня торпливые гудки при возникновении «нетелефонных разговоров» кажутся наивными — мы стремительно продвинулись вперед к правде, хотя еще вчера они были понятны, и понятливость эта хранится в нас на всякий случай, впрок.)

Оставалась еще одна возможность, самая простая и неформальная, — набрать номер справочного телефона Ярославского вокзала, но я медлил. Я уговаривал себя, что проще поехать на площадь трех вокзалов и посмотреть расписание, чем слушать механический голос «ждите ответа». Но это были уловки для себя: не механического голоса я боялся и даже не электронного слуха... Я боялся собственного страха. И страх этот, который жил во мне, как и во многих из нас, почти незаметно выполз теперь наружу.

Он стал частью нашего несвободного сознания, и мы не чувствовали необходимости его изливать, потому что приспособились к нему и боялись, уже не замечая того. Окрашиваясь в разные краски душевных движений, страх превращался в нас то в публичную поддержку любых кампаний и решений партии и правительства, то в веру на слово о «светлом будущем», то в убежденность о непогрешимости цитат, надерганных из текстов временщиков и классиков марксизма, в уверенность, что идеи хороши, а исполнители скверны, что наш строй (и в двадцатых, тридцатых годах, сороковых, пятидесятых...) был всегда самым гуманным, что

лозунг «все во имя человека, для блага человека» имеет в виду не одного человека, а каждого. Этот страх трансформировался в «единодушную поддержку», «законную гордость», «единогласное избрание», «достойную отповедь клеветникам», «чувство глубокого удовлетворения» и т. д. Иногда он мог вылиться в отчаянный поступок (отчаянный тоже от страха), но это не меняло дела.

Как осколок, заросший соединительной тканью, он почти не беспокоил нас. Лишь изредка, при неловком слове, при нечаянном воспоминании, словно при резком движении, страх напоминал о себе, и во преодоление «боли» мы глушили его сознательным или рефлекторным уже безучастием к чужой и своей судьбе, безразличием и цинизмом, не решаясь на хирургическую операцию, которую, впрочем, могли сделать себе лишь сами.

Господи! Возможно ли избавиться от него, если он вьется в скелет, в мышцы, в речь, в мысли, в чувства, если мы родились в царствование его, и всю жизнь он был и поводырем, и охранителем нашим, и детей своих мы воспитывали в страхе, повиновении и конформизме? Аминь.

Теперь он лег на телефон, как на амбразуру, защищая меня, и больших усилий стоило ткнуть палец в кольцо телефонного диска. Безразличная «двадцать третья», не подозревая о моих муках, бесстрастно назвала три поезда, первый из которых приходил в четыре утра, а последний — в семь.

Было время подумать, в чем провинился передо мной академик и насколько соответствует истине фраза участника телемоста Москва — Токио — молодого, симпатичного вполне парня, который на вопрос, почему вы плохо относитесь к Андрею Сахарову, ответил: потому что он враг советского народа и всей своей деятельностью нанес вред нашей стране. Впрочем, телемост состоялся, возможно, уже после возвращения академика в Москву, но суть от этого не меняется, потому как с 1973 года в головы наши вкладывали оценки деятельности академика (вне физических проблем), не балуя информацией.

Конечно, 1973-й далеко, но симпатичный парень мог вполне прочитать:

в «Комсомольской правде» от 15 февраля 1980-го (что нам во времени поближе) очерк А. Ефремова и А. Петрова «Цезарь не состоялся», где точно написано: «Духовный отщепенец, провокатор Сахаров всеми своими подрывными действиями давно поставил себя в положение предателя своего народа и государства»;

или в «ЛГ» (увы, увы!) от 30 января 1980 года статью «Клеветник и фари-сеи» В. Борисова: «А. Сахаров более десяти лет поносил свой народ, подстрекал против него... Да, мы терпели долго, пожалуй, слишком долго, надеясь, что в человеке, может быть, наконец заговорит хотя бы слабый голос гражданской совести»;

или в книге Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», подписанной в печать 6 мая 1985-го: «Он (Сахаров. — Ю. Р.) даже не стоит, а лежит на антисоветской платформе».

Вот кого я собирался встречать на исходе самой длинной ночи. Прости мои сомнения у телефона, читатель.

Впрочем, почему сомнения? Ведь эти и десятки других статей, подписанных не всякий даже раз псевдонимами, должны были развеять их, создав единый для всех, согласованный в «инстанциях» образ.

Но, кажется, единый образ насильно сложить нельзя, он складывается сам из того, что узнаешь и что знаешь.

Зимой 1970 года знаменитый наш физик, впоследствии нобелевский лауреат, Петр Леонидович Капица согласился дать интервью о создании им в установке «Ниготрон» устойчивой плазмы. Научный обозреватель «Комсомольской правды» (где и я тогда работал) Владимир Губарев предложил мне поехать с ним к академику, с которым я был знаком.

Капица был, по обыкновению, приветлив, блестяще остроумен и лукав. На вопрос Губарева, кто может прокомментировать открытие, Петр Леонидович сказал: «Сахаров» — и, заложив

руки за спинку кресла, откинулся, наблывая за нашей реакцией.

Губарев отнесся к этому буднично, согласившись с хозяином, что если кто и сможет оценить температуру плазмы, полученную Капицей, то это точно Сахаров, а я удивился, какой Володя умный в физике. Но, наверное, он знал слова Игоря Евгеньевича Тамма, великого нашего ученого, нобелевского лауреата, учителя Сахарова:

«В области управляемых термоядерных реакций А. Д. Сахаровым не только была выдвинута основная идея метода, на основе которого можно надеяться осуществить такие реакции, но были проведены обширные теоретические исследования свойств высокотемпературной плазмы, ее устойчивости и т. д. Это обеспечило успех соответствующих экспериментальных и технических исследований, завоевавших всеобщее мировое признание».

В половине четвертого утра 23 декабря 1986 года, выехав на Садовое кольцо, я пересек границу страха, никем, кроме меня самого, не установленную...

А ведь тогда — 16 лет назад — мы с Губаревым смело и весело добрались до Курчатовского института, рядом с которым жил Сахаров, и вошли в скромно обставленную квартиру, хозяин которой был предупрежден Капицей.

Разговор о физической природе плазмы осторожно шел по тропинке между темами открытыми и закрытыми. Поскольку со словом «физической» меня объединяло лишь образование, полученное в Институте физической культуры, в разговоре я не участвовал, получив достаточно времени для того, чтобы фотографировать нашего собеседника. В телеобъектив я увидел хорошее лицо, лишенное отвлекающего фона. Человек вызывал доверие мягкой, ироничной, грациозной слегка речью, защитного цвета рубашкой с английской булавкой вместо верхней пуговицы, которую, он, видимо, полагал, не будет видно из-под галстука, и тактом...

Маленькая назойливая собачонка лезла под ноги, рыча и хватая зубами ботинок. Аккуратно, ровно настолько,

чтобы не показаться невежливым, но весьма решительно я отодвинул ее ногой. Почувствовав отпор, она пристала к Андрею Дмитриевичу. После каждого ее нападения он убирал ноги, ни разу не оскорбив пинком собачьего достоинства и не подчеркивая своего поведения, чтобы не намекнуть гостью о его бестактности по отношению к псу.

Провожая, он задержал нас в дверях и спокойно сказал: обо мне теперь разное говорят, но вы не верьте этому, все не так.

Мы не знали, что он имел в виду, но я поверил ему и не верил этому, хотя в последующие полтора десятка лет мы только это и слышали о нем. Ничего другого.

Вспоминая давний визит, я не раз задавался вопросом, почему Капица направил нас к Сахарову в момент, когда тот был отлучен от своего дела. За публикацию «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Полагаю, что не политическое озорство (хотя без него не обошлось) двигало Петром Леонидовичем. Будучи информированным человеком, он, безусловно, читал «Размышления» и понимал мотивы, которые подвигнули Сахарова на борьбу за идеи, далекие от проблем физики.

Возможно, мы с Губаревым были одними из Знаков, обозначающих его поддержку пути, выбранного коллегой. Знаком, поданным в начале труднейшего периода в жизни Сахарова.

Судьбы этих выдающихся ученых при желании можно переплести в драматический узел.

Капица не участвовал в создании атомного оружия из высших соображений, продиктованных его представлениями о долге ученого и человека, полагая, что создание бомбы приведет к тяжелым последствиям в мире. За свои убеждения он был отлучен от официальной научной деятельности, хотя мог быть наказан и строже.

Сахаров участвовал, и активно, в создании термоядерного оружия — из высших соображений, продиктованных его представлениями о долге ученого и человека, полагая, что отсутствие водородной бомбы у Советского Союза при на-

личии ее у США приведет к тяжким последствиям в мире. Создаст угрозу войны.

Капица боролся за освобождение из-под ареста знаменитого физика-теоретика Льва Ландау и добился этого, хотя акция была связана с опасностью и для него лично.

Сахаров последовательно боролся за освобождение из тюрем разных людей (вовсе не знаменитых), оказавшихся в неволе за высказанные свои мысли, может быть, не столь отличные от невысказанных мыслей других людей.

Не углубляясь в иные (умозрительные все же) переплетения двух судеб, возьму на себя смелость сказать, что взгляды на свою роль в этом мире у двух замечательных ученых людей отличались существенно: Петр Капица, будучи русским человеком, вместе с тем ощущал себя европейским интеллигентом и действовал, реально представляя границы возможного. Один из очень немногих ученых, писателей, артистов, художников, который не стал подписывать лишенные объективности письма 1973 года против Сахарова, он, однако, не выступил тогда и в его защиту, предвидя, вероятно, отсутствие результата, а Капица результат уважал. Перечень имен тех, кто поставил свои подписи с их титулами, я не привожу, поскольку он занял бы слишком много места, но вы можете познакомиться с ними в газетах за август — сентябрь семьдесят третьего.

Скажу, однако, что всякие формулировки — вещь относительная... В восьмидесятом году во время сахаровской голодовки в горьковской ссылке восьмидесятишестилетний Капица, думаю, без надежды на любимый им результат (слишком хорошо представлял он обстановку, в которой мы жили), единственно по порядочности своей и в искреннем беспокойстве за судьбу коллеги, послал сначала письмо Андропову, потом — телеграмму Брежневу:

«Я очень старый человек. Жизнь научила меня, что добрые поступки никогда не забываются. У Сахарова отвратительный характер, но он великий ученый нашей страны. Спасите его».

Андрей Сахаров был и остается русским интеллигентом с его верностью идее борьбы за справедливое общество для людей, хотя бы люди, из-за диффамации лишенные возможности поверить в его искренность и нравственную чистоту, сами воевали против Сахарова — человека, радеющего за их свободу.

Он может заблуждаться, как всякий человек, его можно переубедить, если будет достаточно для того аргументов, но своим убеждениям он изменить не может.

За это редкое, в общем-то, счастье его многого лишили. Но есть нечто, чего он лишен сам по духовной своей природе и чего должен и, надеюсь, может лишиться каждый из нас. Он лишен ощущения несвободы. Ни один человек сам по себе не в силах избавить общество от рабства страха, хотя вогнать общество в страх — посильная задача для одиночек. Люди лишь сообща могут избавиться от него, но не гуртом, не скопом, не толпой, не массой и не массами... В этом какое-то противоречие: чтобы объединиться в борьбе со страхом, надо «размежеваться», почувствовать себя не частью чего-то, а самостоятельным целым, единым.

Живо общество, если в нем существовали и есть люди, депонировавшие антистрах в периоды социального и нравственного маразма. Немало было их, павших, но выдержавших духовный террор. Их и тех, что сохранились и выросли, мы сберегли в своих душах как генофонд свободной мысли и высокого духа, чтобы в тот момент, когда созрела почва, было откуда взять семена.

Оглянемся назад, посмотрим в очередь на прием в кабинет мрака. Переберем в памяти всех, кого лишили слова «товарищ», отдалив от нас другим словом, у которого ампутировали нравственный смысл. Ну, кто там стоит без шнурков перед начальником? Гражданин рабочий, гражданин крестьянин, гражданин писатель, гражданин академик, граждане, гражданки, их дети.

И что тут делает Андрей Дмитриевич Сахаров — человек, заслуги которого перед Родиной всего на две геройские

звезды уступают абсолютному чемпиону державы (который, впрочем, сам себя им назначил)? Человек, чей вклад в создание ядерной мощи, военной и мирной, по словам академика Сагдеева, был самым ярким в ту пору: «сумевший объединить в себе блестящую интуицию и способность к быстрым оценкам физика-теоретика с гением изобретателя».

Может, незаконно находился Сахаров в этой очереди? Нет, вполне законно... Потому что собственные мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, — о войне и мире, о диктатуре, о сталинских репрессиях и свободе мысли, о демографических проблемах, о загрязнении среды обитания, о той роли, которую могут сыграть наука и научно-технический прогресс, — предложил академик Сахаров для обсуждения на четвертом году постволюнтаризма, когда над страной уже вновь сгустился мрак «единомыслия».

Он писал свои «Размышления», обеспокоенный неиспользованными возможностями строя, писал, понимая, что основные идеи его работ не являются новыми и оригинальными.

«В 1967 году, — вспоминает А. Д. Сахаров в автобиографии, — я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки. В том же году мы вдвоем с журналистом Э. Генри написали для «Литературной газеты» статью о роли интеллигенции и опасности термоядерной войны. ЦК КПСС не дал разрешения на публикацию этой статьи, однако неведомым мне способом она попала в «Политический дневник» — таинственное издание, как предполагают, нечто вроде «самиздата» для высших чиновников. Обе эти оставшиеся малоизвестными статьи легли через год в основу работы, которой суждено было сыграть центральную роль в моей общественной деятельности».

Той работой были «Размышления», которые так и не дождались обсуждения, хотя отзывы о них были (цитированные и др.) в наших газетах. Поскольку, ограниченные социальным за-

казом, их авторы не могли сохранить объективность, я хочу предложить читателю финал «Размышлений», не пропуская ни одного пункта и сократив формулировки лишь в целях экономии печатной площади:

1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества. Разработать научные методы и принципы международной политики, основанные на научном предвидении отдаленных и ближайших последствий.
2. Проявить инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом.
3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять «Закон о печати и информации», преследующий цели не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе, поощрять дух бесстрашного обсуждения и поисков истины...
4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указы, нарушающие «права человека».
5. Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших в последнее время место политических процессов...
6. Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма. Необходимо всемерно ограничить влияние неосталинистов на нашу политическую жизнь...
7. Необходимо всемерно углублять экономическую реформу, расширять сферу эксперимента и делать все выводы из его результатов.
8. Необходимо принять после широкого научного обсуждения «Закон о гигиене», который впоследствии должен слиться с мировыми усилиями в этой области.

Заключение

С этой статьей автор обращается к руководству нашей страны, ко всем гражданам, ко всем людям доброй воли во всем мире. Автор понимает спорность многих положений статьи, его цель — открытое, откровенное обсуждение в условиях гласности.

1968 год, июнь».

Условий гласности для себя Андрей Сахаров не ждал — обретая свой голос, он боролся за них, приближая время перемен своими усилиями. Вера в то, что они произойдут, у него была. В этой же работе он писал, что политический процесс в нашей стране приведет к «идейной победе реалистов, к утверждению курса на углубление мирного сосуществования, укрепление демократии и расширение экономической реформы», он и сроки дал — 68—80-е годы, оговорившись, впрочем, что даты относятся к самому оптимистическому варианту событий.

Теперь мы уже осмеливаемся слушать такие слова. Но даже произнесенные с партийной трибуны, они вызывают у нас ощущение опасности для тех, кто их произносит, поскольку мы чувствуем их неузнаваемую смелость.

Хорошо, с «Размышлениями» разбираясь, скажет бдительный читатель прокурорским тоном, ибо прошлая жизнь выработала у него тон безоговорочного осуждения или одобрения (тон мнимого участия в общественном процессе). Но ведь и до, и после этой работы академик писал что-то, что «не надо», защищал кого-то, кого «не надо», и получил Нобелевскую премию мира, которую, понятно, хороший человек не получит.

Мы вернемся еще к предшествующим и последующим годам, а пока, походив по ночному Ярославскому вокзалу среди спящих на чемоданах детей, среди солдат, лежащих на неудобных сиденьях в позах, противоречащих учению о возможностях двигательных функций костно-мышечного аппарата, среди небритых мужчин и разутых для отдыха ног женщин, сидящих на узлах с новоготными уже гостинцами и студенческой колбасой, и не признав в них иностранных корреспондентов, которые должны были, по моим расчетам, встречать академика, я обрадовался отсрочке неизбежного и поехал домой, чтобы там дожидаться семи утра, когда приходит 37-й скорый.

У меня было время, чтобы в Большой Советской Энциклопедии поискать материал о том, кого встречал. К интересу и любопытству примешался убогий оп-

равдательный мотив, который я словно бы готовился пропеть неизвестно кому: «Но ведь в БСЭ это имя есть!»

Из статей о шести Сахаровых, представленных в 23-м томе, материал об Андрее Дмитриевиче был хотя и не самым правдивым, зато самым лаконичным — 9 строк. Он начинается датой рождения — 1921 год, чего не опровергнешь, и заканчивается фразой: «В последние годы (том подписан в 1976 году. — Ю. Р.) отошел от научной деятельности», что без труда опровергает академик Сагдеев:

«Ни на минуту не прекращает он (Сахаров. — Ю. Р.) и активной научной работы. В конце 60-х — начале 70-х годов он обращается к одной из самых глубинных проблем современного естествознания — теории гравитации и происхождения Вселенной...»

Вот у нас искусство информации! Казалось бы, всего 9 строк, а сколько за ними скрыто! Практически все.

Уж не три ли Звезды Героя, о коих написано в БСЭ, навели парня из телемоста на мысль о вреде, нанесенном Сахаровым Отечеству? Оно бы, может, и верно, будь они получены к юбилеям за беспримерные подвиги в области политического и хозяйственного руководства, а не за серьезные дела в области создания сверхоружия, без которого невозможен был бы ядерный паритет, а может быть, и мирная жизнь... Нет. Значит, из газет...

А в газетах писали... Сахаров-то боролся, в пылу этой борьбы он, вероятно, допускал ошибки и высказывался, как сегодня не сказал бы. «Толкователи» же толковали: наши по-своему, зарубежные по-своему.

Образ врага средства массового гипноза создавали с благородной целью — освободить своих пациентов от необходимости думать. Они берегли читателя, слушателя и зрителя от большой беды, которая могла возникнуть в связи с этим процессом: сначала думать, потом задуматься, а потом, глядишь, формулировать свои мысли. То, что в действительности говорил Сахаров, о чем он писал, могло побудить честного человека встать на защиту академика. Защитник

мог невинно пострадать, что прибавило бы Андрею Дмитриевичу хлопот, поскольку он поставил себе целью жизни защиту человека, притесняемого за высказанную мысль.

Так вот, получается, что гипноз не только защищал нас, но и оберегал Сахарова от лишнего беспокойства. Эх, где я был со своим объяснением несколько лет назад! Цены бы мне не было, тем более что по части гипноза у меня есть кое-какой опыт. Помню, еще в Институте физкультуры физиолог профессор Горкин во время сеанса, отключив все каналы информации, кроме слуха, дал мне в руки кусок мела и сказал: «Это сахар, лизни!» Я лизнул... И не поверил более собственному вкусу, глазам своим не поверил, собственной тактильной чувствительности, а голосу гипнотизера — поверил: сладко. Даст бумагу, скажет: хлеб — съем.

Но природу можно обманывать до поры. Организм, не получая означенных голосом питательных веществ, начнет хиреть и, потеряв от слабости слух — тот единственный провод, по которому узнавал, что жить сладко, отвергнет наконец фальшивку и начнет искать то истинное, что поможет ему спасти себя и сохранить.

Ладно... можно было не знать, что, родившись в семье русских интеллигентов, почитавших богатство души выше иных богатств, Андрей Сахаров, закончив МГУ в 1942 году, отправился не в науку, а на военный завод в Поволжье, где наизобретал много полезного для фронта; что после войны, поступив в аспирантуру Физического института к Игорю Тамму, без колебаний включился в дело, важность которого для Родины трудно переоценить; что его участие в создании термоядерного оружия в значительной степени определило успех этого дела; что его совместные с Таммом идеи в области управляемой термоядерной реакции явились основополагающими и сегодня, воплощенные в «Токмаках», разрабатываются во всем мире... Многого можно не знать, да ведь узнать было недолго. Только вот зачем узнавать, если почти семь десятков лет вдалбливали нам изо дня в день, что лишь «ученье» — свет? А потому из

опасения потерять в себе чужой голос и еще больше из страха — обрести свой мы всю жизнь нашу, единственную, неповторимую, последнюю нашу жизнь, приучались мерить не собственной любовью, честью, верой, состраданием, пользой своей народу и Отечеству, а темными и предсказуемыми представлениями о ней верениц временщиков (канонизированных ими же самими, к счастью, лишь на время их собственной жизни). Словно они, заурядные в большинстве, вынесенные на социальный гребень объединяющими их качествами, и есть высший суд человеку и человеческому.

Кто они, бесчисленные имя-отчества: Андрей Александровичи, Андрей Палычи, Михайлы Андреичи... От моего, от твоего, от нашего имени казнившие нас и повелевавшие нами? Как называть их? Страх-делегатами?.. И как же, скажи на милость, им не любить всех, кто оставил это бесценное наследство?

Разумеется, я понимаю, что Сахаров был в какой-то степени защищен своей известностью и той огромной ролью, которую он играл в создании бомбы, но уверен, что, будь он лишен этой защиты, он все равно старался бы доказать свое право на борьбу за справедливость и разумный мир. Просто изменилась бы ситуация — не он бы кого-то защищал, а кто-то должен был бы защищать его.

В ядерном проекте он участвовал, не испытывая «комплекса Оппенгеймера», и успешно. В июле 1953 года 32-летний физик защищает докторскую диссертацию (12 августа была испытана первая водородная бомба), в октябре того же года становится действительным членом Академии наук СССР, а в декабре награждается звездой Героя Социалистического Труда и Сталинской премией... Он продолжает работу над термоядерным оружием и, видимо, занимает в этом деле ведущую роль, если после испытания гигантской силы водородной бомбы в 1955 году маршал М. Неделин на полигоне предложил ему первым поднять тост за успех. Успех был безусловный, но черным его мерилом оказались и две «мирные» смерти —

солдата и девочки, оказавшихся без укрытия за десятки километров от взрыва.

Сахаров поднял бокал и выпил за то, чтобы «изделия» успешно взрывались над полигонами и никогда — над мирными городами. И хотя через год, будучи уже дважды Героем и лауреатом Ленинской премии, он вместе с И. Курчатовым активно включился в борьбу против испытаний в трех средах их совместного детища, тогда, после успеха, он все-таки сказал: «Пусть взрываются над полигонами».

Неделин ответил притчей, которую Андрей Дмитриевич считает не вполне приличной. Сидит бабка на печи, а старик перед образом на коленях просит: укрепи нас и направь. Моли только об укреплении, говорит бабка, направим мы уж как-нибудь сами.

Схема притчи не была ни новой, ни оригинальной. Многие ученые ее знали и без маршала. Что касается Сахарова, то он не хотел и не мог смириться с той ролью, которую обозначил ему в притче Неделин.

«Я встретился с большими трудностями при попытках разъяснить эту проблему, с нежеланием понимания. Я писал докладные записки (одна из них вызвала поездку И. В. Курчатова для встречи с Н. С. Хрущевым в Ялте — с безуспешной попыткой отменить испытания 1958 года), выступал на совещаниях».

Летом 1961 года на встрече ученых-атомщиков с Хрущевым Сахаров пишет записку первому лицу государства и посылает ее по рядам: «Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений...»

— Я был бы слюняй, а не Председатель Совета Министров, — сказал на обеде после встречи Хрущев, — если бы слушался таких, как Сахаров.

В следующем, 1962 году министерство дало указание провести очередной испытательный взрыв, с технической точки зрения почти бесполезный.

Бесполезный — это бы ничего...

Отец американской водородной бомбы Теллер успокаивал мир, заявляя, что вред от испытания эквивалентен выку-

риванию одной сигареты два раза в месяц. Сахаров доказал, что эта позиция ложна, в одной из работ он (используя известные к тому времени данные о последствиях облучения) дал оценки увеличения числа раковых заболеваний и лейкемии, понижения иммунной сопротивляемости организма, роста числа мутаций, приводящих к наследственным болезням.

Если б только бесполезен, если б только дорогостоящ был каждый взрыв! Мегатонная его мощность — это тысячи безвестных «тихих» жертв.

Тот взрыв, о котором мы говорим, должен был быть очень мощным. Он угрожал здоровью и жизни десятков тысяч людей. Для Андрея же Дмитриевича и группы ученых, в которую он входил, испытание было совершенно безопасным, более того — оно могло стать очередным успехом. Однако Сахаров предпринял отчаянные усилия, чтобы его остановить. Но ничего — даже угроза министру своей отставкой — не дало результатов. Накануне взрыва он дозволился в Ашхабад до Хрущева и умолял его вмешаться.

«На другой день я имел объяснение с одним из приближенных Хрущева, но в это время срок испытания был перенесен на более ранний час, и самолет-носитель уже нес свою ношу к намеченной точке взрыва. Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию».

«Бессилие и ужас» охватили его, видимо, на один день, потому что в том же 1962 году он посетил своего министра и изложил идею договора о запрещении испытаний в трех средах. В следующем году Хрущев и Кеннеди подписали договор. Не исключено, что инициатива Сахарова способствовала этому.

Чувство гражданской совести обострилось в нем. Страх и несвобода, если и жили некогда в его душе, покинули свое убежище. Он расширял круг своего социального беспокойства.

Занимаясь проблемами влияния излучения на наследственность, Сахаров понял всю пагубность запретов Лысенко

на изучение законов генетики. А поняв, включился в борьбу с «народным академиком», любимцем Н. С. Хрущева. На общем собрании академии А. Д. Сахаров, И. Е. Тамм и некоторые другие выступили против избрания в академики «соратника» Лысенко Нуждина и добились своего.

В 1966 году Андрей Дмитриевич принял участие в коллективном письме XXIII съезду партии о культе Сталина, в том же году послал телеграмму в Верховный Совет РСФСР против статьи закона, открывавшей возможность для преследования за убеждения. Так его жизнь переплелась с судьбами малочисленной, но весомой, как он полагал, группы людей, которые впоследствии получили название «инакомыслящие» (хотя ему было по душе старое русское слово «вольномыслящие»).

Долгое время трудящемуся было нечего терять, кроме своих прав, слившихся с обязанностями, которые, словно цепи, опутали человека. Его убеждали на протяжении десятилетий, что социальные завоевания не завоеваны им самим — рабочим, учителем, колхозником, — они ему даны. Даны партией и правительством и лично (подставьте имя) для поощрения «человека труда» или наказания. Дали зарплату, квартиру, возможность что-то читать, что-то сеять, что-то добывать, но все это могут не дать, а что-то и отобрать...

Сегодня государство повернуло лицо к человеку, его проблемам, желаниям и нуждам, но в сознании многочисленной административной элиты сохранилось желание оставаться диспетчерами жизней, распределителями прав и свобод, да и из нашего сознания не выветрилась еще конформистская пассивность ожидания социальных подаваний.

Может быть, не ждать, что дадут, а брать заработанное, победить страх, обрести внутреннюю свободу? Вообще свободу. Узнать наконец, какая она? Может быть, это не страшно? Может быть, она понравится людям? И руководители людей, может, тоже притерпят? Пусть мы живем как хотим, а не как можем! Ведь никто не вправе ни давать что-либо народу, ни отбирать у него. Пусть выбирает человек. Если со-

циализм придуман во благо ему (в это я верю) — чего бояться? — он выберет социализм. Точнее, социализм и будет то, что он выберет, а не то, что выбирали за него. Тому обществу надо дать другое имя.

Иногда я думаю: если б Ленин не умер сам, его сподвижники-апостолы не прочь были бы помочь ему в этом, ибо для создания новой «веры» нужен был новый мертвый бог, который авторитетом одного лишь имени развязал бы руки вольным трактователям его учения, оставив народу поклоняться святым мощам и верить в светлое будущее, в загробную жизнь, а беды реальной жизни оправдывать злонамеренностями сменяемых вероотступников, иуд, которых назначал «последователь и первый ученик» из числа самих же апостолов, а потом и преемники его. Он (и они) хлеб и волю заменил заповедями, и заповедям тем учили в увещанных его (и их) ликами республиканских, областных и районных храмах и монастырях, обнесенных колючей проволокой.

А когда не хватало знакомых заповедей, бездуховный семинарист брал их из других религий, легко заменяя «не убий» на «убей врага веры», и тем врагом он назначил народ, а миссионеры новой религии, созданной последователем, предавшим учителя первым, насаждали страх и повиновение на нашей земле.

В 1980 году накануне Олимпийских игр академика Сахарова после выступления, осуждающего ввод в Афганистан «ограниченного контингента войск», без суда и следствия выслали из Москвы в Горький, как высылают проститутку, чтобы не портили облик столицы в глазах мировой спортивной общественности.

Проститутки, однако, вскоре вернулись, а Сахаров с женой провели в изоляции почти семь лет. Там академик писал фундаментальные физические статьи и обращения, в которых продолжал отстаивать свое право защищать наши права. За спиной сидевшего перед его дверью днем и ночью безмолвного милиционера он оставался свободным человеком, переживающим, впрочем,

что народ и родная страна, не прочитав и не выслушав его, «со слов гипнотизеров» рисовали себе образ недруга, «человека, который принес стране много вреда».

Просматривая сегодня даже самые грубые и несправедливые заметки, понимаешь глубину боли, честности и политическую дальновидность академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Вероятно, Н. Яковлев, перепечатавший полумиллионным тиражом в своей книге «ЦРУ против СССР» статью А. Ефремова и А. Петрова о «политическом авантюристе и антисоветчике... духовном отщепенце, провокаторе... предателе своего народа и государства», разделяет именно слова ее и мысли. (Написанное лично Николаем Николаевичем я не цитирую из уважения к читателям «Литературной газеты», некоторые пассажи, кажется, недостойно было бы печатать и в бульварной прессе, за них автору уже дана, впрочем, редкая по нынешним временам оценка — пощечина от Андрея Дмитриевича.)

Главная идея (жалко этого слова) собственной публикации автора книги — нравственная ущербность «дичавшего на глазах ученого», целиком находящегося под влиянием жены, «роковой» женщины и, как я понял из текста, чуть ли не сионистско-пентагоновского агента, которая, избивая на досуге мужа, вынуждает его сочинять антисоветские пасквили вроде бы по заданию... Понимаете?

Так. Кажется, все правильно пересказал. Обратимся, однако, к цитируемой в книге статье:

«Что касается Советского Союза, то реформы, которые собирается осуществить цезарь Сахаров, дорвавшись до власти, означают, по существу, установление капиталистических порядков:

«Частичная денационализация всех видов деятельности, может быть, исключая тяжелую промышленность, главные виды транспорта и связи... Частичная деколлективизация... Ограничение монополии внешней торговли...» Вот так!»

Да, ужасно, ужасно... Ведь речь идет о кооперации, об арендном и семейном подряде, о праве предприятий

самостоятельно заключать договоры с иностранными фирмами. И написано это Сахаровым не сегодня, когда государством приняты по этим вопросам законы, а в 1971 году в «Памятной записке» Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневу и потом в большой работе 1975 года «О стране и мире».

Можно продолжить перечень тех мер, которые считал Сахаров необходимыми, чтобы вывести страну из кризиса:

«Полная экономическая, производственная, кадровая и социальная самостоятельность предприятий... Полная амнистия всех политзаключенных. Обеспечение реальной свободы убеждений, свободы совести, свободы распространения информации. Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений... Закон о свободе выбора места проживания и работы в пределах страны... Обеспечение свободы выезда из страны и возвращения в нее... Запрещение всех форм партийных и служебных привилегий, не обусловленных непосредственно необходимостью выполнения служебных обязанностей. Равноправие всех граждан как основной принцип...»

Можно и еще продолжить: о резком улучшении качества образования, об усилении мероприятий по борьбе с отравлением воды, воздуха и почвы и даже о борьбе с алкоголизмом...

Можно продолжать и продолжать, но пора на перрон: 37-й скорый прибывает в 7.00 на первый путь Ярославского вокзала.

Я подъезжал к Комсомольской площади, своим поступком демонстрируя себе, пока одному, возможность свободного выбора (не беря в учет, что для журналиста он складывается минимум из двух составляющих: вольного избрания темы и условий ее реализации). Потом окажется, что ни мой событийный репортаж о возвращении Сахарова, ни серьезное интервью, которое академик давал нам с Олегом Морозом через неделю после приезда, напечатать

не удастся. Но это потом, и это будет зависеть не от нас, а пока я свободно и без страха бегу по платформе к носильщику, чтобы спросить, куда приходит горьковский, и он, опережая вопрос и вычислив меня по фотосумке, говорит: «Беги на дальнюю — ваши все там».

Не имея времени обойти пути, «как люди», прыгаю с одной платформы, пересекаю рельсы и карабкаюсь на другую, обледенелую. Карабкаюсь и вижу, как подходит поезд и как, стоя рядом, наблюдает за мной толпа вооруженных фото- и телекамерами западных репортеров. Никто не подает мне руки, чтобы помочь. (Правда, никто и не сталкивает на шпалы. Спасибо, спасибо.) Выбравшись наверх, я спешу наугад к тринадцатому, кажется, вагону, сжимая в одной руке аппарат, а в другой магнитофон, чтобы успеть задать вопросы, которые зададут все. «Чем вы будете заниматься?» — «Наукой. Уже сегодня я пойду в ФИАН на семинар». «Как вы воспринимаете то, что происходит в стране?» — «С большим интересом и надеждой». — «Как вы узнали, что можно возвратиться в Москву?» — «Пятнадцатого декабря нам установили телефон и сказали, чтобы я ждал звонка. В три часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев и сказал, что принято решение о моем возвращении в Москву. Меня и моей жены. Я поблагодарил Михаила Сергеевича и сказал, что моя радость от этого решения омрачена вестью о том, что в тюрьме погиб мой друг правозащитник Анатолий Марченко, что меня волнует участь других узников совести...»

В толпе, потеряв страх и несвободу, я подумал: сказал бы я первому лицу страны, позвонившему с такой вестью, о судьбах людей, которые нуждаются в его (или моем) участии? Нет, не сказал бы... Раньше.

Гражданин академик, гражданин академик...

Надо написать, думал я героически, материал с единственной целью — чтобы поменять местами эти слова.

С враз обретенным вызовом искал я глазами на перроне тех, кто может (нет, мог до этого утра) помешать мне это

сделать. Ну?! Но внимательные наши встречающие были снисходительно-доброжелательны.

Я увидел в их взглядах: «Давай, сынок, теперь можно!» — и почувствовал привычное облегчение. Облегчение раба?

Литературная газета, 1988, № 46

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года: Стеногр. отчет: В 2 т. — М.: Политиздат; Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. — М.: Политиздат; В Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. — Правда, 10 июля; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. — Правда, 5 авг.; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. — Правда, 2 ноября («Рабочая оппозиция»); В Политбюро ЦК КПСС. — Правда, 11 ноября (Председатель Комиссии по изучению репрессий А. Н. Яковлев); Истина против клеветы: Беседа члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, М. С. Соломенцева с корреспондентами «Правды». — Правда, 19 авг.; *Егоров Ю. В., Островский В. П.* Заполняя «белые пятна» истории. — Л.: Лениздат; Реабилитирован посмертно / Сост. Ф. А. Карманов, С. А. Панов. — Вып. 1—2. — М.: Юрид. лит.; *Самсонов А. М.* Память минувшего: События, люди, история. — М.: Наука; Страницы истории: Дайджест прессы 1987 г. / Сост. А. Я. Разумов, Э. А. Урусова. — Л.: Лениздат; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы; Уроки / Под ред. В. И. Кушова. — М.: Высш. шк.; Уроки горькие, но необходимые: Публицистика сегодня. — М.: Мысль; *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов: История 20—30-х годов и современная общественная мысль. — Правда, 30 сент., 1 окт.; *Бордюгов Г., Козлов В.* «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины». — Лит. газ., 12 окт.; *Бутенко А.* Нужно ли заново изобретать социализм? — Новое время, № 48; *Бутенко А.* Сколько дорог ведет к храму?: Общественная закономерность и вариантность исторического развития. — Горизонт, № 11; *Давидюк Г.* Революция в революции. — Неман, № 10; *Дедков И., Лацис О.* Путь выбран. — Правда, 31 июля; *Жженов Г.* Бремя надежд. — Правда, 4 ноября; *Заславская Т.* О стратегии социального управления. — Наука и жизнь, № 9; *Зборовский Г. Е.* Еще раз к вопросу о вопросах теории. — Урал, № 12 (Обсуждение ст. С. Андреева — Урал, № 1); *Киселев В.* Какой социализм мы строили? — Наука и жизнь, № 9; *Костиков В.* О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции. — Огонек, № 49; *Медведев Р.* О соотношении

цели и средств в социалистической революции. — Вopr. философии, № 8; *Пияшева Л.* «Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению...» — Дружба народов, № 7; Революция в сознании: Беседа с д-ром ист. наук проф. Дипломатической академии МИД СССР Владленом Сироткиным. — Век XX и мир, № 7; *Сироткин В.* Пути мировой революции. — Известия, 3 сент.

Коржилина Т. Советское правительство в первые месяцы после Октября. — Полит. образование, № 12. Краткие биограф. справки /; Первое Советское правительство. — Ленингр. рабочий, № 45; Составы Оргбюро ЦК КПСС. — Полит. образование, № 14; Составы Политбюро (Президиума в 1952—1966 гг.) Центрального Комитета Коммунистической партии. — Полит. образование, № 9; Список первых секретарей ЦК ВЛКСМ с полными биографическими данными. — Молодой коммунист, № 9; На фотографии — Высший военный совет. — АиФ, № 28; Руководство ВЧК — КГБ 1917—1988 гг. — АиФ, № 46.

Гимн ССР. — Агитатор, № 13; *Рассадин С.* Знак препинания и камень преткновения. — Моск. новости, № 37; *Труженников Н.* Беспардонное хамство. — Моск. новости, № 49.

Историки отвечают на вопросы. — М.: Моск. рабочий; Историки спорят: Тринадцать бесед. — М.: Политиздат; *Самсонов А. М.* Знать и помнить: Диалог историка с читателем. — М.: Политиздат; *Афанасьев Ю. Н.* Ответы историка. — Правда, 26 июля; *Афанасьев Ю.* Перестройка и историческое знание. — Наука и жизнь, № 9; *Гейфтер М.* Россия и Маркс. — Рабочий класс и современный мир, № 4; *Горская Г. В.* Историко-партийное творчество М. Н. Лядова. — Вopr. истории КПСС, № 12; *Дементьева М.* Неодолимость истины: Беседа с Михаилом Шатровым. — Огонек, № 45; *Зайцев Н.* Ответственность перед правдой: Принцип историзма и «история современности». — Мол. гвардия, № 8; *Завелев А.* Долгий путь к истине: О постановлении 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». — Известия, 4 ноября; Знать прошлое во имя будущего: Беседа с историками О. Волобуевым и С. Кулешовым. — Полит. образование, № 15; История и историки: Беседа корр. Э. Гусейнова с главным редактором журнала «Вопросы истории» А. А. Искендеровым. — Известия, 16 сент.; История — процесс? История — драма?: О мере свободы и мере необходимости в политической истории нашей страны. — Знание — сила, № 7 (О ст. И. Клямкина «Какая улица ведет к храму»); История. Трудный путь к правде: Беседа историков. — Неделя, № 52; *Казутин Д.* Концепция — правда. — Моск. новости, 30 окт. (О подготовке «Очерков истории КПСС»); *Капустин М.* Диалектика по директиве: Революционизм философии и философия революционизма. — Лит. обозрение, № 8; *Касьяненко В. И.* Об обновлении исторического сознания. — Новая и новейшая история, № 4; *Кузнецов П.* Вопросы историку: О статье Ю. Н. Афанасьева «Перестройка и историческое знание». — Правда, 25 июня; *Кунецкая Л.* Не искажать историческую правду. Агитатор, № 16; *Медведев Р. А.* Верность идеалам, а не

преданность вождям.— Кн. обозрение, № 43; *Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И.* Об историческом пути КПСС в свете нового мышления.— *Вопр. ист. КПСС*, № 10; Октябрь: история и историки: Беседа публициста Л. Овруцкого с чл. корр. АН СССР П. В. Волобуевым.— *Сов. культура*, 5 ноября; Пока спала муза Клио: Сцены из недавнего прошлого советской исторической науки.— *Моск. новости*, № 45 (Беседа корр. «МН» Н. Изюмовой с д-рами ист. наук В. Логиновым, Г. Иоффе и В. Сироткиным); Полуправда нам не нужна: Беседа Н. Сибирева с проф. Ю. Н. Афанасьевым.— *Собеседник*, № 30; *Поляков Ю. А.* Исторический процесс многомерен.— *Вопр. истории КПСС*, № 9; *Симонов К.* Историческая неправда мстит за себя: Письма 1962—1969 гг.— Кн. обозрение, № 32; *Третьяков В.* За миллион страниц до «Краткого курса».— *Моск. новости*, № 34 (О коллекции изданий первых лет Сов. власти); Уроки истории Эрнста Генри.— *Даугава*, № 7; Философия и историческая наука: Материалы «круглого стола».— *Вопр. философии*, № 10; *Храпов В.* Экзамен отменен — экзамен остается, как и вопрос о характере нашего исторического образования.— *Известия*, 29 июля; Через обновление — к новому качеству историко-партийной науки: [Передовая]. — *Вопр. истории КПСС*, № 7.

20-х гг. о партийной этике); *Яковлев В.* Последний рейс Романовых.— *Урал*, № 7 (Автор сопровождал царскую семью из Тобольска на Урал).

Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина.— *Вопр. истории КПСС*, № 8; «Возродить в крестьянстве крестьянское» Василий Белов отвечает на письма читателей.— *Правда*, 22 окт.; Индустриализация СССР: выбор курса. (Беседа с д-ром ист. наук В. С. Лельчуком, ст. науч. сотр. ИМЛ при ЦК КПСС Л. П. Кошелевой.— *Правда*, 21 окт.; *Клямкин И.* Была ли альтернатива административной системе.— *Полит. образование*, № 10; Коллективизация: как это было. Беседа с зав. сектором Ин-та истории СССР АН СССР В. Даниловым и ст. науч. сотр. ИМЛ при ЦК КПСС Н. В. Тешцовым.— *Правда*, 26 авг., 16 сент.; *Корнеев Л.* 1938 год. Три ноябрьских дня.— *Неделя*, № 44; «Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы.— *Вопр. истории*, № 12; *Латышев С.* Как это случилось.— *АиФ*, № 32 (О голоде на Украине 1933 г.); *Алимурзаев Г.* Горькая цена.— *Дон*, № 10; *Мурзин Н.* Сцены из жизни.— *Урал*, № 9 (Воспоминания члена семьи «спецпереселенцев»); *Мяло К.* Оборванная нить: Крестьянская культура и культурная революция.— *Новый мир*, № 8; *Николаев А.* Грабек. Смена, № 19 (Продажа национальных ценностей из Эрмитажа в 1930-е годы); *Сидоренко Ф.* Тезис, которого в 1937 году не было...— *Дон*, № 10 (Об обострении классовых борьбы); *Тепцов Н.* «Великий перелом». О том, как раскрестянивали страну.— *Ветеран*, № 50.

1917—1937

Ленинское завещание: Докум. репортаж / Под ред. Г. Л. Смирнова.— М.: Сов. Россия; В. И. Ленин: «Вместе и наравне...» (Образование СССР).— *Правда*, 8 июля; *Дмитренко С.* Ленинское «Письмо к съезду»: Правда и вымыслы.— *Полит. образование*, № 8; *Морозова Н.* Сегодня нам Ленин особенно нужен.— *Правда*, 26 сент.

Битти Б. Красное сердце России: Каким увидела революционный Петроград журналистка из Америки.— *Наше наследие*, № 1; *Врачев И.* Ночь в Таврическом дворце.— *Знамя*, № 11 (23 февраля 1918 г. Обсуждение условий Брестского мира на заседании ВЦИК); *Голанд Ю.* Как свернули нэп.— *Знамя*, № 10; *Гордон Л., Клопов Э.* Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: Исторические корни и результаты.— *Полит. образование*, № 15; *Измолик В., Сидоровский Л.* «Нас бросала молодость на крошадский лед...».— *Смена*, 9 июля; *Иоффе Э.* Из истории Литбела.— *Неман*, № 11; К истории переезда Советского правительства в Москву в 1918 г.: Полевая книжка В. А. Аванесова.— *Сов. архивы*, № 6; *Козн С.* Нэповская альтернатива.— *Наука и жизнь*, № 10; «Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы.— *Вопр. истории*, № 9; *Кутузов В. А., Степанов О. Н.* По поручению партии.— *Вопр. истории КПСС*, № 12 (О деятельности партийки Петровградской ЧК в 1918—1922 гг.); Нэш: Суть. Опыт. Уроки.— *Правда*, 15 июля (Беседа д-ра ист. наук В. Наумова и спец. корр. «Правды» Л. Курина); *Полянов Л.* Весной восемнадцатого...: Крейсер «Аврора»: биография страны, судьбы людей.— *Аврора*, № 11; «Творцы революции»: Фотомонтаж 1920 г.— *АиФ*, № 45 (62 портрета); Этика партийца.— *Правда*, 22 авг. (Дискуссия

1938—1940

Анучин В. В. Прибалтийские республики. 1939 год.— *Воен.-ист. журн.*, № 12; *Арьякес К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году.— *Радуга*, № 11, 12; В поисках заблудившейся правды о прошлом: Советские историки о некоторых острых проблемах международных отношений конца 30-х — начала 40-х годов.— *Моск. новости*, № 36; *Висвалдис Л.* Роковой тридцать девятый.— *Родник*, № 8; *Данилов В. Д.* Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны.— *Новая и новейшая история*, № 6; *Дюдера К.* А если бы Бенеш не струсил?...— *Лит. газ.*, 5 окт. (Мюнхенскийговор); *Ковалев Ф., Ржешевский О.* Так начиналась война.— *Правда*, 1 сент.; *Кузнецов И. И.* Генералы 1940 года.— *Воен.-ист. журн.*, № 10; Речь главнокомандующего генерала И. Лайдонера, произнесенная им 1 января 1940 г. перед командным составом армии в помещении офицерского собрания в Таллинне.— *Радуга*, № 12; *Матвеев В.* История учит и предостерегает: К 50-летию Мюнхенскогоговора.— *Полит. образование*, № 14; *Орлов А., Тюшкевич С.* Пакт 1939 года: альтернативы не было.— *Лит. газ.*, 26 окт.; *Петров В.* Была такая война.— *АиФ*, № 39 (Война с Финляндией); *Семиряга М.* 23 августа 1939 года: Советско-германский договор о ненападении: была ли альтернатива? — *Лит. газ.*, 5 окт.; *Сувериров О. Ф.* «Клим, Коба сказал...» — *Воен.-ист. журн.*, № 12 (Переговоры с Англией и Францией и заключение пакта о ненападении с фашист-

ской Германией); Чубарьян А. В преддверии второй мировой войны: Заметки историка.— Коммунист, № 14.

1941—1945

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад»).— Воен.-ист. журн., № 8; Постановление ГКО от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы».— Моск. правда, 24 ноября; Подвиг и память: Беседа с членом подпольной организации «Молодая гвардия» В. Борц.— Правда, 5 ноября; Великая Отечественная война: факт и документ в исторических исследованиях и художественной литературе: Беседа историков и писателей за «круглым столом».— История СССР, № 4; Все ли мы знаем о Великой Отечественной?: «Круглый стол» (д-р ист. наук проф. П. П. Андреев, Н. А. Кирсанов, М. И. Семиряга).— Полит. образование, № 17; «Высшая точка моей военной судьбы — это Москва...»: Беседы К. Симонова с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым.— Знание — сила, № 11; Горчаков О. Накануне, или Трагедия Кассандры: Повесть в документах.— Неделя, № 42, 43, 44; Из воспоминаний о военных годах: Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, А. И. Микоян.— Полит. образование, № 9; Ищенко С. Г. «Я из заградотряда».— Воен.-ист. журн., № 11; Крикунов В. П. Куда делись танки.— Воен.-ист. журн., № 11; Кузнецов И. Горькая правда войны.— Наука и жизнь, № 8 (О ген.-майоре П. Г. Понеделине, ген.-лейт. В. Я. Качалове, ген.-майоре Н. К. Кириллове, репрессированных в августе 1941 г.); Мальков В. Л. Некоторые соображения о политическом характере второй мировой войны.— Новая и новейшая история, № 6; Мальцев П. В. Кто виноват? (Некоторые вопросы организации и осуществления управления войсками Западного фронта накануне и в начальном периоде войны).— Воен.-ист. журн., № 10; Никулин А. О «Малой земле» без громких фраз.— АиФ, № 30; Орлик И. И. В Балтском подполье.— Новая и новейшая история, № 6 (Одесская обл.); Рыбин А. Москву сдавать не собирались.— Моск. правда, 24 ноября; Самсонов А. Мой ответ (Письмо в редакцию).— Агитатор, № 17; Сандалов Л. М. Стояли насмерть: Подготовка войск 4-й армии к отражению фашистской агрессии.— Воен.-ист. журн., № 10, 11; Семиряга М. И. К вопросу о политическом характере второй мировой войны.— Новая и новейшая история, № 4; Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны.— Вопр. истории, № 9; Так ли это было?: О деле генералов В. Я. Качалова, П. Г. Понеделина и Н. К. Кириллова, обвиненных в предательстве в начале Великой Отечественной войны.— Воен.-ист. журн., № 11; Тюшкевич С. А. Об оценке характера второй мировой войны.— Новая и новейшая история, № 4; Хрулев А. В. Обращаясь к прошлому.— АиФ, № 27 (Октябрь 1941 г. в Москве); Шлыков В. И танки наши быстры.— Междунар. жизнь, № 9.

Внешняя политика СССР

Азтамян А. А. Советско-германские экономические отношения в 1922—1932 гг.— Новая и новейшая история, № 4; Безыменский Л. Локкарт против Локкарта.— Неделя, № 35; Важна правда: Беседа с В. Парсадановой.— АиФ, № 31 («Белые пятна» в советско-польских отношениях); Волков В. К., Гибианский Л. Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность.— Вопр. истории, № 7; Гиренко Ю. С. СССР — Югославия: 1948 год.— Новая и новейшая история, № 4; Латышев А. Трагедия Коминтерна.— Ветеран, № 27; Николаев А. Развитие дипломатических связей Советского государства.— Полит. образование, № 12; Новопашин Ю. Что было после Коминтерна.— Ветеран, № 28; О прошлом во имя будущего: Два взгляда на одну проблему: Дж. Л. Геддис (США), О. А. Ржевский (СССР).— Правда, 31 окт. (Отклики на статью В. Фалина «Кто развязал «холодную войну»?..»); Федоренко Н. Т. Ночные беседы.— Правда, 23 окт. (Советско-китайские переговоры 1949 г.); Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши.— Вопр. истории КПСС, № 11, 12; Чубарьян А. Историческая наука, внешняя политика и перестройка.— Междунар. жизнь, № 10; Ягдовский Л. Будущая осень пятидесят шестого.— АиФ, № 46; Ягдовский Л. С. Чехословакия. Август 1968 г.— АиФ, № 33; Яжборовская И. Между Киевом и Варшавой: Советско-польская война 1920 года — одно из «белых пятен» нашей истории.— Новое время, № 48.

Межнациональные отношения в СССР

Ауман В., Чернышев В. Советские немцы перед войной и сегодня.— Правда, 4 ноября; Вебер Р. Чего ждут «приволжские немцы».— Дружба народов, № 11; Вормсбехер Г. Немцы в СССР.— Знамя, № 14; Все хотят перенен: Беседа с секретарем ЦК КП Эстонии И. Тооме.— Новое время, № 39; Гай Д. Десятый круг: жизнь, борьба и гибель минского гетто.— Знамя, № 12; Голоса скорби: Беседа с Д. Гаем.— Моск. новости, № 49; Гринблатс М. Перестройка и национальный вопрос.— Родник, № 10; «Грузинский инцидент».— Правда, 12 авг.; Ермалович Ю. Обвинение без срока давности: Жертвы буржуазных националистов в послевоенной Литве: цифры и факты.— События и время, № 15; Клотиньш А. Правовой статус республики и вопросы развития культуры.— Родник, № 8; Этот мрачный пятидесят девятый...: Интервью с В. Круминьшем (в 1959 г.— второй секретарь ЦК КП Латвии) и И. Пинксом.— Даугава, № 11; Курчинский М. Культурная автономия.— Радуга, № 10, 11 (Закон о культурной автономии русских в Эстонии — 1925 г.); Лааси Э. Когда создавались колхозы...— Радуга, № 8 (О создании колхозов в Эстонии после войны); Левин А. Лицом к Эстонии: Невоенные фронтовые заметки о Народном фронте (или социологические сентенции дилетанта...).— Радуга, № 11; Млечин Л. Народный фронт: за что и против кого? Что происходит в Прибалтийских республиках? — Новое время,

№ 43; *Млечин Л.* Отчуждение. Почему в Прибалтике обострился национальный вопрос? — Новое время, № 44; *Ненаароков А. П.* Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения. — История СССР, № 6; О межнациональных отношениях: Резолюция межрегиональной встречи инициативных групп Народных фронтов и других демократических движений. — Радуга, № 12; Открытое письмо об Эстонской ССР. Газетам «Правда», «Рахва Хяэль» и «Советская Эстония». — Радуга, № 7 («Письмо Сорока»). История «Письма Сорока»; *Петров М.* Судьбы и люди. — Собеседник, № 52 (О поволжских немцах); *Рамм В.* Антисемитизм. — Радуга, № 11; *Сависаар Э.* О национальных отношениях в Эстонии. — Раб. класс и соврем. мир, № 4; *Сташкевич Н.* По воле народа. — Неман, № 12 (К 70-летию образования БССР и КП Белоруссии); *Титла М.* Нация в политике. — Радуга, № 11; Форум народов Эстонии. Основные документы. — Радуга, № 12; Что такое национализм? — Радуга, № 12; *Юхнева Н.* Актуальные вопросы межнациональных отношений: (Об усилении агрессивного шовинистических и антисемитских настроений в современном русском обществе.) — Радуга, № 11.

Репрессии 30—40-х — начала 50-х гг.

Реабилитация. (Беседа с Предс. Верх. суда СССР С. И. Гусевым о пленуме Верх. суда СССР, который отменил приговоры по делам Зиновьева — Каменева, Пятакова — Радека и их товарищей). — Труд, 5 авг.; *Алексеев П.* Погром в храме науки. — Неделя, № 31 (1920—1930-е гг.); *Альбац Е.* Анатомия мерзости. — Моск. новости, № 42; *Антонов В.* Культ авторитарной личности — культ социального зла. — Байкал, № 6 (Репрессия в Бурятии); *Антонов-Овсеенко А.* Кинофильм «Покаяние» и семья Орахелашвили. — Нева, № 12; *Вайс П.* Эстетика сопротивления. — Лит. газ., 19 окт.; *Викторов В.* Знать и помнить. — Правда, 20 ноября («Мемориал»); *Газарян С.* Это не должно повториться. — Ветеран, № 51 (Автор — бывший отв. работник НКВД Закавказья); *Гинзбург Е.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. — Даугава, № 7—12; *Гнедин Е. А.* Себя не потерять... — Новый мир, № 7 (Воспоминания зав. отд. печати Наркоминдела); *Гурфинкель М.* Назвать поименно: Судьба членов и кандидатов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде. — Моск. новости, № 28; *Гусейнов А.* Долгие, долгие сумерки. — Ветеран, № 46; День реабилитации: Беседа с Я. Шкапарсом, членом комиссии Союза писателей ЛССР по изучению репрессий и жертв времен культа личности. — Даугава, № 7; *Жигулин А.* «Трудная тема, а надо писать». — Кн. обозрение, 19 авг., 18 ноября; Жили в нашем доме... Открыт общественный музей бывших политкаторжан. — Веч. Москва, 9 ноября; *Затонский Д.* Почему они оговаривали себя и других. — Неделя, № 28; *Зотова М.* В поисках утраченной памяти. — Известия, 12 ноября (Беседа с А. Мильчаковым); *Ионов В.* Все жертвы маршала. — Эхо планеты, № 38 (О репрессиях в Монголии при Чойбалсане); *Кекушев Н.* Возвращение из ушедших лет... — Воздуш. транспорт, 9 июля;

Латышев А. Поименно назвать... — Сов. культура, 2 авг. (О Фрице Платтене, Гуго Эберлейне, Густаве Клитере); *Леоновский Д.* История «большого блокнота». — Звезда, № 7 (Воспоминания о заседании в ЦК, посвященном журналам «Ленинград» и «Звезда»); *Лексин Ю.* Первый перелом. — Знание — сила, № 11 (Об уничтожении советского краеведения); *Лесняк Б. Н.* Тюремные воспоминания. — Сов. библиография, № 4; *Медведев Р.* Террор против народа. — Ветеран, № 52; *Медведевы Ж. и Р.* Рассказ о родителях. — Семья и школа, № 10, 11; *Мильчаков А.* Овраг на Калитниковском, или Детские воспоминания Нади Злобиной, поведенные на расстанной дороге. — Семья, № 40 (О месте захоронения жертв сталинских репрессий в г. Москве); *Мильчаков А.* Пепел казненных стучит в наши сердца: Места захоронения «врагов народа» полвека держатся в строжайшей тайне. Нет человека — нет проблемы? — Семья, № 36; *Немировская О.* Прощению не подлежит... — Огонек, № 46; *Пилявская С. С.* Вопрос прошедшее... — Неделя, № 34; *Прошина Е.* Мемориал жертвам сталинских репрессий. — Ленингр. рабочий, 23 сент.; *Пшеничный А. П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах. — Сов. архивы, № 6; *Радиловский Л.* 1 декабря. — Моск. новости, № 48; *Разгон Л.* Приводящий в исполнение. — Моск. новости, № 48; *Репина А.* Пролог трагедии. — Смена, 6—7 дек. («Новая оппозиция»); *Рослов В.* Свидетельство очевидца. — Ленингр. рабочий, 21 окт. (НКВД в 1937—1941 гг.); Север, Соловки: Беседа с режиссером-оператором картины «Власть Соловецкая» М. Голдовской. — АиФ, № 50; *Серебрякова Г.* Смерч. — Подъем, № 7; *Старков Б.* Против режима личной власти. — Диалог, № 22, 23 (О группе С. И. Сырцова, В. В. Ломинадзе — 1930 г. — и группе М. Н. Рютина — 1932 г.); *Старков Н.* Они вышли: Первая московская встреча бывших узников сталинских лагерей. — Моск. новости, № 45; *Тепляков Ю.* «Жены». — Моск. новости, № 47 (Мельникова, Нюрина, Мехоношина, Медник-Алкснис, Лукина-Бухарина); *Уксусов И.* 58-я статья за 58 книг с автографами. — Лит. газ., 16 ноября; *Феофанов Ю.* Судьба под № 117...: Что стояло за протестом, рассмотренным на пленуме Верховного суда СССР в сентябре 1988 года. — Известия, 19 окт.; *Шаламов В.* Колымские рассказы. — Юность, № 10; Сельская молодежь, № 11; *Шрейдер М.* Иваново, 1937 год: Из записок чекиста-оперативника. — Моск. новости, № 48; *Щербакова И.* Один из ста, из пятисот, из тысячи... — Моск. новости, № 44; *Щербакова И.* Надо ли помнить прошлое? — Моск. новости, № 48 (Об откликах на статью «Один из ста, из пятисот...»); *Эрози Э. И.* Тайны особого совещания. — Горизонт, № 11; *Яковлева Е.* Борьба и победа. — Комс. правда, 31 авг. (О героях повести А. Жигулина «Черные камни»); *Яковлева Е., Мурагов Д.* Вторая попытка. — Комс. правда, 25 окт. («Дело КПМ»).

Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. — М.: Книга; *Рапопорт Я.* Забыть не в силах ничего. — Мед. газ., 30 сент., 5 окт.

Куропаты

Адамович А. Оглянись окрест! — Огонек, № 39; *Быков В.* Дубинки против гласности? — Огонек, № 47 (Митинг-реквием в Минске, организованный «Мартирологом Белоруссии»); *Матуковский Н.* Правда о Куропатах. — Известия, 27 ноября; *Плыткевич С.* Без срока давности. — Собеседник, № 46; *Позняк З.* Куропаты: Народная трагедия, о которой должны знать все. — Моск. новости, 9 окт.; *Позняк З., Шмыгалева Е.* Куропаты — дорога смерти. — Смена, 17 ноября; *Шершов В.* «Место смерти — Куропаты...» — Даугава, № 8; *Шиманский М.* Трагедия в Куропатах. Кого же здесь расстреливали? — Известия, 12 сент.; *Шиманский М.* Чьи останки покоятся в лесу под Минском? — Известия, 28 авг.

Ленинградское дело

Антонов-Овсеев А. Ленинградская трагедия 1949 г. — Ленингр. рабочий, № 48; *Бардин С.* «Ленинградское дело» глазами очевидцев. — Неделя, № 40; *Демидов В.* «Ленинградское дело». — Кн. обозрение, 23 дек.; *Демидов В. И.* «Ленинградское дело». — Ветеран, № 49; *Кутузов В.* «Дело авиаторов». — Диалог, № 34; «Ленинградское дело»: Взгляд из сегодняшнего дня: Беседа с В. И. Демидовым. — Ветеран, № 49; *Липилин Ю.* Восстанавливая правду. — Диалог, № 32 («Белые пятна» в истории ленинградского комсомола); *Репина А.* Пролог трагедии. — Смена, 6 дек.; *Сидоровский Л.* Комсорги из блокады: Они тоже стали жертвами «ленинградского дела». — Смена, 6, 11 окт.

Персоналии

Березкин А. Дело № 2/6-1976-49. — Ленингр. рабочий, 21 окт. (С. Д. Аносов); *Антонов-Овсеев А.* Утверждение законности. — Наука и жизнь, № 8 (В. А. Антонов-Овсеев); *Сидоровский Л.* Антонов-Овсеев: Остался большевиком до последнего дня. — Труд, 4 ноября; *Новиков В.* Любовь и верность: История жизни и смерти К. П. Бауман. — Неделя, № 27; *Мазурова А.* О пережитом. — Диалог, № 21 (Бейлисон); *Антонов-Овсеев А.* Берия. — Юность, № 12; *Антонов-Овсеев А.* Карьера палача. — Звезда, № 9 (Берия); *Горчаков О., Павлов В.* Совесть коммуниста (Докум. повесть). — Радуга, № 8 (О заговоре Берия — 1953 г.); *Брашловский Г.* Маршал Блюхер. — Смена, 2 июля; *Тимофеев И.* Сын маршала. — Ворошиловград. правда, 17 авг. (В. В. Блюхер); *Лесняк Б. И.* Неоконченные споры. — Сов. библиография, № 4 (П. А. Богданов); *Бурлацкий Ф.* Брежнев и крушение отечества: Размышления о природе политического лидерства. — Лит. газ., 14 сент. *Медведев Р. Л. И.* Брежнев: набросок политического портрета. — Раб. класс и соврем. мир, № 6; *Медведев Р.* Преимущество посредственности: Л. И. Брежнев: набросок политического портрета. — Моск. новости, № 37; *Родин А. М. А. С.* Бубнов: Военная и политическая деятельность. — М.: Воениздат; *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. — М.: Политиздат; *Бухарин Н.* Гейне и коммунизм;

Боевые командиры тяжелой индустрии; Будущему поколению руководителей партии. — Наука и жизнь, № 10; *Бухарин Н.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении). — Филос. науки, № 8; *Бухарин Н. И.* Заметки экономиста. — ЭКО, № 8; *Бухарин Н. И.* О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР: Докл. на I съезде сов. писателей. 1934 г. — Подъем, № 7; Письма Н. И. Бухарина. — Вopr. истор. КПСС, № 11; *Бухарин Н.* «Социализм отвергает восхождение злом» (С предисловием М. Гефтера «Париж, весна 36-го»). — Сов. культура, 13 сент.; *Бухарин Н.* Текущие задачи комсомола: Из доклада на VIII съезде ВЛКСМ. — Молодой коммунист, № 10; *Бухарин Н. И.* Этюды: Репринтное воспроизведение изд. 1932 г. — М.: Книга; *Горелов И.* Николай Бухарин. — М.: Моск. рабочий; *Потерейко Я. И. Н. И.* Бухарин: Штрихи к политическому портрету. — Киев, 1988; *Бордюгов Г., Козлов В.* Николай Бухарин: Эпизоды политической биографии. — Коммунист, № 13; *Борисова Н.* Не играйте в бирюльки: Призывал Н. И. Бухарин комсомольцев 20-х годов. — Моск. новости, № 41; *Борисова Н.* После полувек а забывания. — Моск. новости, № 41; *Вериго Э., Капустин М.* Гибель и воскрешение Николая Бухарина. — Сов. культура, 6 окт.; *Вериго Э., Капустин М.* Противостояние (К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина). — Кн. обозрение, № 40; *Водолазов Г.* Выбор истории и история альтернатив: Н. Бухарин против Л. Троцкого. — Пробл. мира и социализма, № 10; Возвращение правды: Д-р ист. наук Л. Ф. Морозов беседует с корр. Р. Лыневым. — Неделя, № 39; *Воронов Ю. П., Красильников С. А.* Примечания к статье Н. И. Бухарина «Заметки экономиста». — ЭКО, № 8; *Данилов В. П., Красильников С. Д.* Оппонент «великого перелома». — ЭКО, № 8 (Н. И. Бухарин); *Журавлев В., Наумов В.* Возвращение к правде. — Правда, 9 окт.; *Журавлев В., Морозов Л., Наумов В.* Литературное наследие Н. И. Бухарина. — Парт. жизнь, № 21; *Козн С.* Бухарин, нэп и альтернатива сталинизму. — ЭКО, № 9; *Козн С.* Дуумвират: Бухарин и Сталин. — Огонек, № 45; *Козн С.* На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома». — Знание — сила, № 9; *Ларина А.* До и после процесса. — Известия, 9 окт.; *Ларина А. М.* Незабываемое. — Знамя, № 10—12; *Лацис А.* Приключения перепутанных цитат. — Кн. обозрение, № 40 (Н. И. Бухарин); *Метлицкий Б.* Говорит Николай Бухарин. — Ленингр. правда, 10 сент.; *Морозов Л.* Возвращение Николая Бухарина. — Соц. соревнование, № 5; *Осаячая А. И.* Ленин и Бухарин: два взгляда на общество переходного периода. — Социол. исследования, № 6; *Павлов Н. В., Федоров М. Л.* Николай Иванович Бухарин. — Вopr. истории КПСС, № 10; *Сорокин Питурич.* О Бухарине (Н. Бухарин. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Госиздат, 1922). — Социол. исследования, № 6; *Цакунов С.* Творческий поиск и правда жизни: К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина. — Ленингр. правда, 9 окт.; *Шкаренков Л. К.* Николай Иванович Бухарин. — Вopr. истории, № 7; *Шмелев Г. Н. И.* Бухарин: политико-экономические воззрения. — Полит. образование, № 10; *Борин А.* Ритуал. — Лит. газ., 23 ноября (О Н. М. Бухаринной-

Лукиной); Основное схвачено верно... (Интервью А. Бухариной-Лариной после просмотра фильма о ней и ее муже). — Моск. новости, № 38; *Туровская М.* Догадка, или Что мы знаем о себе самих. — Моск. новости, № 40 (С. Гурвич — дочь Н. И. Бухарина); Иоаким Иоакимович Вацетис: Автобиография. — Воен.-ист. журн., № 12; *Дайнес В.* Иоаким Вацетис. — Агитатор, № 12; *Вуколов В.* Данко из города Люберцы. — Ветеран, № 27 (Н. И. Власов); *Курчаков И.* Гордость и боль ветеранов. — Правда, 10 июля (А. А. Власов); *Томан Т.* Председатель Госплана. — Соц. соревнование, № 6 (Н. А. Вознесенский); *Провоторов В., Турченко С.* Восставший против беззаконий. — Кр. звезда, 5 ноября (П. С. Войтенко); *Ковичев В.* Неизвестный Володарский. — Собеседник, № 29; *Израэлян В.* «Прокурорская дипломатия» Вышинского. — Новое время, № 41; *Ларин А.* О судебных убийствах: А. Я. Вышинский — активный деятель и теоретик сталинских репрессий. — Человек и закон, № 11; *Жохов М.* Ян Гамарник. — Коммунист Вооруж. Сил, № 17; *Дайнес В. О.* Комкор А. И. Геккер (К 100-летию со дня рождения). — Воен.-ист. журн., № 8; *Бондаревская Т.* Из славной ленинской когорты. — Диалог, № 25 (Л. Х. Гоби); *Коваль В.* Но ярких красок больше у судьбы. — Комс. правда, 29 окт. (О Милане Горкиче — секретаре ЦК СКМ Югославии, ген. секр. ЦК Компартии и его жене Б. Н. Глан); *Овчаренко А.* О «несвоевременных мыслях» М. Горького. — Лит. газ., 14 сент.; Жены. — Моск. новости, № 47 (Отрывок из воспоминаний Н. И. Мельниковой, дочери первого наркома финансов Исидора Гуковского.); *Давыдов В.* Революцией призванный. — Коммунист Вооруж. Сил, № 22 (С. И. Гусев); *Бобров В., Олесич Н.* Революции верный солдат. — Диалог, № 28 (П. В. Дашкевич); *Бобров В., Олесич Н.* Петр Дашкевич (К 100-летию со дня рождения). — Смена, 20 окт.; *Алексенцев А. И. Ф.* Э. Дзержинский во главе войск ВЧК (1918—1919 гг.). — История СССР, № 6; «Он никогда не совершал жестоких или грубых поступков» (А. Э. Булгаков о брате Ф. Э. Дзержинском). — Сов. архивы, № 6; *Куманев Г.* Судьба Ивана Добробабина, одного из 28 героев-панфиловцев. — Правда, 18 ноября; *Полликарпов В.* Трагедия комкора Думенко / Предисл. А. Козлова. — Дон, № 11; *Старов Н.* Первая шапка республики: К столетию со дня рождения Б. М. Думенко. — Известия, 16 авг.; *Старов Н. В. Б. М. Думенко.* — Воен.-ист. журн., № 8; *Краюшник В.* Конеч Сатрапа. — Водный транспорт, 4, 6, 11, 14 окт. (Н. И. Ежов); *Великанова А., Дмитриева Л.* Братья Емельяновы. — Веч. Ленинград, 8 авг.; *Горди Я.* Затянувшийся позор. — Ленингр. рабочий, 21 окт. (А. А. Жданов); *Гречек А. П.* Стыдно за Жданова. — Ленингр. рабочий, 11 ноября; Маршал Жуков: полководец и человек: В 2 т. / Сост. А. Д. Миркина, В. С. Яровиков. — М.: Изд-во АПН; Г. К. Жуков: Из неопубликованных воспоминаний. — Коммунист, № 14; *Павленко Н. Г.* Размышления о судьбе полководца (Записки военного историка). — Воен.-ист. журн., № 10—12; *Павленко Н.* Уроки памяти: Заметки историка. — Знание — сила, № 12; *Косиченко В., Шошков Е.* Именем народа. — Ленингр. рабочий, 23 сент. (И. П. Жуков); «Красивее, лучше ли будет жизнь?»: Из дневников Матэ Залки. — Моск. новости, № 30; *Герваш А.*

Танковый нарком. — Труд, 13 окт. (И. М. Зальцман); *Васецкий Н. Г. Е. Зиновьев.* — АиФ, № 42, 43; *Шелестов Д.* Григорий Зиновьев: жизнь и борьба. — Неделя, № 29; *Мизельсон В.* Всеволод Иванов. — Ленингр. рабочий, № 33; *Икрамов К.* Дело моего отца. — Огонек, № 47 (Акмаль Икрамов); У памяти в долгу. — Ленингр. рабочий, 21 окт. (И. Е. Ильина); *Лесняк Б. И.* Неоконченные споры. — Сов. библиография, № 4 (П. Х. Искров); *Дайнес В.* Главком Каменев. — Агитатор, № 16; *Петряков Г. Л. Б. Каменев.* — Агитатор, № 23; *Подболотов П., Старков Б.* Лев Борисович Каменев. — Полит. образование, № 15; *Шиферсон Б.* «Мы живем не в средние века...» — Ленингр. правда, 14 авг. (Л. Б. Каменев); *Друнина Ю. И.* «Пострадавший от Сталина Каплер». — Огонек, № 41; Комдив Карбышев Дмитрий Михайлович: Автобиография. — Воен.-ист. журн., № 12; *Тенер Е.* Зашифрованные страницы: К 50-летию выхода в свет книги М. Кольцова «Испанский дневник». — Нева, № 11; Надежда Константиновна Крупская / Г. Д. Обичкин, С. У. Манбекова, В. Н. Степанов и др. — 2-е изд., перераб. — М.: Политиздат; *Крушельницкий А., Романенко И.* Командарм Николай Каширин. — Ветеран, № 29; *Бачинский П.* Эммануил Иванович Квининг. — Полит. образование, № 17; *Кудин В. А.* Керенский: путь к прозрению. — АиФ, № 45; *Глазунов М. М., Митрофанов Б. А.* Следовать по важнейшим делам (К 100-летию со дня рождения В. Э. Кингисеппа). — Сов. гос-во и право, № 18; *Жуковская Я.* Любил ли Сталин Кирова? — Ленингр. рабочий, № 38; *Кавторин В.* Не утопить в версиях! — Ленингр. рабочий, 16 сент. (С. М. Киров); *Кирилина А.* Выстрел в спину: Жизнь и смерть С. М. Кирова: факты и версии. — Кр. звезда, 12 ноября; *Кирилина А. С. М. Киров в Ленинграде.* Год первый и год последний. — Полит. образование, № 18; *Кирилина А. А. Киров.* Последний год жизни. — Ленингр. рабочий, № 30, 31; 1 декабря 1934 года (Из воспоминаний Михаила Васильевича Рослякова. — Диалог, № 33; *Сидоровский Л.* Он хотел сберечь Кирова...: Слово о чекисте Тите Лордкипанидзе, который против Берии выступил одним из первых. — Смена, 29 ноября; *Харламов С.* Убийство Кирова: Только факты. — Лит. Киргизстан, № 14; *Бобров В.* Большевицкая закладка. — Веч. Ленинград, 22 июля (И. Ф. Кодацкий); *Коллонтай А.* Записки за 23 года дипломатической работы. — Междунар. жизнь, № 9—12; *Короленко В. Г.* Письма к Луначарскому. — Новый мир, № 10; *Слинько А.* Спор о главном: По страницам писем В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому. — Коммунист, № 18; *Разгон Л.* Спектакль со счастливым концом. — Моск. новости, № 39 (Е. П. Корчагина-Александровская); *Трущенко Н.* Косарев. — М.: Мол. гвардия; *Настиченко В.* «Ширмачи». — Сов. культура, 10 дек. (А. Косарев, вечер его памяти); *Сидоровский Л.* Слово о Косареве. — Аврора, № 10; *Голованов Я.* Лжеотец «Катюши». — Огонек, № 50 (А. Г. Костилов); Неоконченная история клеветы. — Агитатор, № 23 (А. Г. Костилов); *Яковлева Т.* Тарас Костров. — Комс. правда, 21 сент.; *Березин А.* Иван Краваль. — Вести, статистики, № 7; *Кривопапов А.* Наш полпред. — Неделя, № 50 (Л. Б. Красин); *Фомичев С. М.* Николай Васильевич Крыленко. — Сов. гос-во

и право, № 7; *Скрыльник А.* Наркомвоенмор Кузнецов. — Агитатор, № 17; Крутые повороты: Из воспоминаний Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. — Правда, 2 июля; Валериан Владимирович Куйбышев: Биография. М.: Политиздат; К истории эпилога одной книги [Ирины Кун о Бела Куна]. — Огонек, № 45; *Кун А.* Исключение. — Наука и жизнь, № 9 (Воспоминания дочери); *Кун М.* «Много правды не бывает»: Беседа с внуком Бела Куна. — Комс. правда, 4 окт.; *Шамиур В.* Блокадный генерал. — Ленингр. рабочий, 9 сент. (Е. С. Лагуткин); *Кутузов В.* С мандатом ЧК. — Ленингр. правда, 17 дек. (М. Я. Лацис); *Сальников Ю.* Подтвердятся ли «Аляскинская версия»? — Воздушный транспорт, 24 авг. (С. Леваневский); Сердце чистой голубицы. — Ветеран, № 32 (М. О. Левкович); *Губарев В.* Счастье и трагедия академика Легасова. — Правда, 17 окт.; *Шейнис З. С. М. М.* Литвинов: возвращение в строй и последние годы жизни. — Новая и новейшая история, № 4; *Пирожков А.* «Д. Лихачев. Я вспоминаю». — Смена, 3 ноября; *Гудыга А.* Последний из «могикан». — Моск. новости, № 46 (А. Ф. Лосев); *Медведев Р.* Несостоявшийся «наследник» Сталина. — Горизонт, № 8 (Г. М. Маленков); *Попова-Маневич Т.* Возвращение Льва Маневича. — Комс. правда, 25 авг.; *Коришак Ю.* Марсфлот. — Смена, 23—28 авг. (А. Маринеско, адмирал Н. Кузнецов); Подвиг не торпедировать! (Отклики читателей на док. рассказ «Марсфлот» о судьбе А. И. Маринеско). — Смена, 1 дек.; *Полянский Э.* Не только в памяти хранить. — Известия, 25 сент. (А. Маринеско); *Галайко В.* Комиссар Волжской флотилии. — Коммунист Вооруж. Сил, № 15 (Н. Г. Маркин); *Лесняк Б. И.* Неоконченные споры. — Сов. библиография, № 4 (Марков В. М.); *Никонов А.* Наш современник Межлаук. — Соц. соревнование, № 4; *Коваль В. И.* все-таки они верили. — Комс. правда, 6 сент. (Франческо Мизиапо); *Павлов Д. В.* Из записок наркома. — Новая и новейшая история, № 6 (А. И. Микоян); *Микоян С. А.* Покаяние и искупление. — Сов. культура, 13 авг.; *Лосев Е.* Девиз моей жизни — правда. — Сов. Россия, 10 июля (Ф. К. Миронов); Я за строительство гласное... Два письма Ф. К. Миронова. — Дон, № 12; *Королев С.* Человек на вышке: Очерки многолетней деятельности одного из «генералов» от общественных наук. — Сов. культура, 17 сент. (М. Б. Митин); *Гольдберг М.* Если к тебе придет человек... — Сов. Россия, 30 сент. (С. М. Михозлс); *Тулин Б., Шварц В.* Жизнь и смерть актера Михозлса. — Сов. культура, 23 июля; *Амлинский В.* Тень: Мысли и впечатления о соратнике Сталина, пережившем своего вождя и свое время. — Лит. газ., 7 сент. (В. Молотов); *Романенко И.* Николай Муралов. — Ветеран, № 38; *Гловот В.* Билет до Ленинграда: Большевик Зинаида Немцова как она есть. — Огонек, № 27; *Хоробрых А.* Своя строка. — Кр. звезда, 28 авг. (А. А. Новиков); *Вуханов А.* Валериан Осинский. — Вестн. статистики, № 9; *Мамсуров Х.* В первые дни войны (Воспоминания). — Моск. новости, № 29 (Д. Г. Павлов); *Бикмухамедов Р., Иллеш А.* Берег одиночества у острова недоразумения. — Неделя, № 35 (Г. Е. Панфилов); *Полякова Д., Хорунжий В.* Валентина Пикина: трагедия залета. — Собеседник, № 34; *Лейборн И.* Счастье и трагедия Большевика: Страницы жизни

Н. И. Подвойского. — Ленингр. рабочий, № 44; *Чернобаев А. А. М. Н.* Покровский — ученый и революционер. — Вопр. истории, № 8; *Галинский Л.* Постпреды. — Радуга, № 12 (М. Н. Полоза); *Хорев А.* Комкор Примаков. — Кр. звезда, 1 окт.; *Соколов М.* Война и мир Карла Радека. — Собеседник, № 50; Софья Радек о своем отце и о себе. — Огонек, № 52; *Пустильный Л.* Иван Радченко. — Ветеран, № 35; *Раковский Х.* Нет ничего опаснее пассивности масс. — Неделя, № 43; Письмо Христиана Раковского. — Ленингр. рабочий, 11 ноября; *Гросул В. Я. Х. Г.* Раковский — революционер, дипломат, публицист. — Новая и новейшая история, № 6; *Станишев Д.* Христиан Раковский: жизнь и дело. — Междунар. жизнь, № 12; *Раскольников Ф. Ф.* Как меня сделали «врагом народа». — Неделя, № 49 (Приговор по «делу» Раскольниковых 1939 г., часть протеста на этот приговор (1963 г.) и справка о реабилитации); *Раскольников Ф.* Записки. — Неделя, № 35 (Отрывки из рукописи «Записки советского посланника»); *Раскольников Ф.* Кремль. — Смена, 27—29 сент., 2, 4, 5 окт.; *Раскольников Ф.* Открытое письмо Сталину. — Неделя, № 26; *Гребельский З. В.* Федор Раскольников. — М.: Моск. рабочий; «Возвращение». — Смена, 30 дек. (Движение за возвращение праха Ф. Ф. Раскольниковых); *Коваленко Ю.* Время и судьба Федора Раскольниковых. — Неделя, № 33; Правда неопровержима. Мог ли Ф. Ф. Раскольников вернуться в СССР / Публ. подг. И. Коссаковский. — Неделя, № 49; *Трухан Г.* Ян Эрнестович Рудзутак. — Агитатор, № 8; *Горелов И.* Алексей Иванович Рыков. — Агитатор, № 13; *Пархоменко С.* Причина смерти наркома Рыкова. — Театр, № 7; *Сенин А. С.* Алексей Иванович Рыков. — Вопр. истории, № 9; *Шелестов Д.* Премьер-министр Страны Советов: штрихи к биографии Алексея Рыкова. — Собеседник, № 33; *Рютин М. Н.* Обращение Всесоюзной конференции Союза марксистов-ленинцев «Ко всем членам ВКП(б)», принятое в июне 1932 г. / После словесие А. И. Ваксберга. — Юность, № 11; *Анфертьев И.* Неустрашимый Рютин. — Кр. звезда, 23 июля; *Старков Б.* Честь партии. — Знание — сила, № 10 (М. Н. Рютин); *Сахаров А.* Обрести демократическое сознание. — Новое время, № 45; *Сахаров А.* С мыслью можно бороться только мыслью. — Новое время. — 1988. — Дек., прил.: Перестройка и права человека; *Погребенков В.* Сколько служить солдату. — Ленингр. рабочий, 21 окт. (О предложении А. Сахарова); *Медведев Р.* О необычной судьбе семьи и родственников Я. М. Свердлова. — Волга, № 12; *Аверьянов В.* «Счастливи служить отечеству». — Кр. звезда, 6 ноября (М. С. Свечников); *Бабиченко Л. Г.* «Идеологически устойчив, глубоко предан партии... дело свое знает...» (Памяти Л. Х. Сегалю). — Вопр. ист. КПСС, № 8; *Ачиловцев С.* После рекорда. — Ленингр. рабочий, 30 дек. (Н. Сметанин); *Феофанов Ю.* «Мы думали, что так надо...» — Неделя, № 41 (И. Н. Смирнов); *Генис В. Л.* Григорий Яковлевич Сокольников. — Вопр. истории, № 12; *Соколов В. В.* На посту заместителя наркома иностранных дел СССР (О жизни и деятельности Б. С. Стомонякова). — Новая и новейшая история, № 5, 6; *Котлова-Бычкова А.* Глава правительства России. — Веч. Москва, 12 сент. (Д. Е. Сулимов); *Дьякова Е.*

Закрывается на ремонт. — Комс. правда, 16 окт. (М. А. Суслов); *Лесняк Б. И.* Неоконченные споры. — Сов. библиография, № 4 (З. Я. Табаков); *Лесняк Б. И.* Неоконченные споры. — Сов. библиография, № 4 (И. Тишауэр); *Гдалин А.* Джон Рид Восьмого года. — Смена, 8 ноября (А. И. Тодорский); *Сейранян Ф.* Комиссар, солдат революции. — Коммунист Вооруж. Сил, № 17 (Н. Г. Толмачев); *Горелов О.* Михаил Павлович Томский. — Агитатор, № 21; *Горелов О. М.* Томский, лидер советских профсоюзов. — АиФ, № 35; *Куликова И., Хазанов Б.* Михаил Томский. — Неделя, № 27; *Шелестов Д.* До выстрела в Болшево... — Огонек, № 31 (М. П. Томский); *Шаповалова Л. Д.* Документы ЦГАОР СССР о деятельности М. П. Томского. — Сов. архивы, № 6; *Абросимова Т.* Из славной ленинской когорты. — Диалог, № 21 (В. А. Трифонов); *Медведев Р. Юрий* Трифонов — писатель и человек. — Горизонт, № 11; *Васецкий Н.* Всегда в оппозиции. — Агитатор, № 18 (Л. Д. Троцкий); *Васецкий Н. Л.* Троцкий: Мифы и реальность. — АиФ, № 34; *Волконогов Д.* Демон революции. — Правда, 9 сент. (Л. Д. Троцкий); *Долов В.* Без ретуши: Троцкий и молодежь. — Комс. правда, 22 окт.; *Голованов Я.* 1367 дней из жизни Андрея Туполева. — Лит. газ., 9 ноября (1937–1941 гг.); *Бычкова-Котлова А.* Скрипка маршала. — Моск. комсомолец, 4 авг. (М. Н. Тухачевский); *Горелик Л. М.* Предвидения М. Н. Тухачевского. — Воен.-ист. журн., № 9; Заговор против Тухачевского. — События и время, № 17 (Отрывки из кн. нем. историка П. Карелла); *Пфафф И.* Прага и дело о военном заговоре. — Воен.-ист. журн., № 10–12 (О «деле Тухачевского»); Два очага опасности (Выступление И. П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.). — Воен.-ист. журн., № 10; *Норматов К.* Файзулла Ходжаев. — Агитатор, № 19; *Хрулев А. В.* Обращаясь к прошлому. — АиФ, № 27; *Аджубей А.* Те десять лет. — Знамя, № 6, 7 (Н. С. Хрущев); *Бурлацкий Ф.* После Сталина: Заметки о политической оттепели. — Новый мир, № 10; *Лынев Р.* От оттепели до застоя: Беседа с персональным пенсионером, бывшим членом Политбюро ЦК КПСС Г. И. Вороновым. — Известия, 18 ноября; *Медведев Р. Н. С. Хрущев.* Год 1964-й — неожиданное смещение. — АиФ, № 27; *Медведев Р. Н. С. Хрущев* на пенсии. — АиФ, № 47; *Ромм М.* Четыре встречи с Н. С. Хрущевым. — Огонек, № 28; *Сахаров А.* А было так... — АиФ, № 30 (Н. С. Хрущев); *Стреляный А.* Последний романтик. — Дружба народов, № 11 (Н. С. Хрущев); *Стреляный А.* Субъективные заметки о Никите Хрущеве. — Моск. новости, № 42; «Так рассудило время...»: Беседа с Н. С. Хрущевым. — Собеседник, № 45; *Тендряков В.* На блаженном острове коммунизма. — Новый мир, № 9 (Н. С. Хрущев); *Федоров Г.* Как нам оценивать Хрущева? — Моск. новости, № 30; *Федоров Г.* Проводы... — Огонек, № 33 (Похороны Н. С. Хрущева); Хрущев. Жизнь и судьба (Беседа с д-ром филос. наук проф. Г. И. Куницыным). — Комс. правда, 27 ноября; *Хрущев С.* Пенсионер союзного значения. — Огонек, № 40–43; *Чегодаева М.* Провокация в Манеже: Послесловие к фильму [«Черный квадрат»]. — Сов. культура, 17 дек. (Н. С. Хрущев); *Киселев С.* Соратник. — Соц. соревнование, № 3 (А. Д. Цюрупа); *Кушлянский Э.* Встречи

с Николаем Чаплиным. — «Смена», 22 окт.; *Новиков Ю.* Чайнов и кооперация. — Дон, № 8; *Гридасова О.* В редакцию не вернулся. — Ленингр. рабочий, № 30 (Н. Н. Чванов); *Мехов В.* «Пользуется признанием в белорусских кругах...»: Штрихи к портрету Александра Червякова, Председателя ЦИК БССР. — Сов. культура, 5 ноября; *Байдуков Г.* Если говорить всю правду... — Воздушный транспорт, 10, 13, 15, 17 дек. (О гибели В. Чкалова); *Емельянов Т.* Полуреабилитация. — Огонек, № 48 (Ф. И. Шаяпин); *Абрамова Д.* Дорога длиною в жизнь. — Веч. Москва, 9, 10 июля (Л. С. Шаповалов (Овалов), автор кн. «Рассказы майора Прошина»); *Кольцов П. С.* Чрезвычайный комиссар Кавказа (К 110-летию со дня рождения С. Г. Шаумяна). — Вопр. истории КПСС, № 10; *Степицев М.* Расплата: Операция «Конец атамана Шкуро». — Правда, 21 авг.; *Лейберов И.* Александр Шляпников. — Ленингр. рабочий, № 29; *Шкерин М.* Ордер на арест. — Лит. Киргизстан, № 8 (О попытке ареста М. Шолохова); *Юркин А.* Командарм Штерн. — Кр. звезда, 6 авг.; *Феофанов Ю.* Судьба под № 117: Что стояло за протестом, рассмотренным на пленуме Верховного суда СССР в сентябре 1988 г. — Известия, 19 окт. (С. С. Широв).

Галич А. Генеральная репетиция. — В мире книг, № 6; *Шаталов А.* Александр Галич: «Эта моя земля». — Веч. Москва, 17 сент.; Лишь тот достоин жизни и свободы...: В. Гроссман. «Жизнь и судьба». Чит. конф. — Лит. газ., 24 авг.; *Одоевцева И.* Встречи с Гумилевым. Неделя, № 37; Ю. Даниэль: «Я чист перед собственной совестью». — Моск. новости, № 37; *Дудинцев В.* Цвет наших одежд. — Лит. газ., № 33; *Вересев В. В.* В тупике. — Огонек, № 30; *Гангуис А.* На руинах позитивной эстетики: Из истории одного термина. — Новый мир, № 9; *Замятин Е.* Автобиография; Письмо Сталину. — В мире книг, № 9; *Казаков А.* Высшая мера художника. — В мире книг, № 9 (Е. Замятин); *Можейко И.* Еретик или антиутопия. — В мире книг, № 9 (Е. Замятин); *Мандельштам Н.* Воспоминания. — Юность, № 8; *Сарнов Б.* Заложник вечности (Случай Мандельштама). — Огонек, № 47; *Набоков В.* Меж двух берегов. — Лит. газ., 17 авг.; *Привалов К.* «Это вам говорю из Парижа я...»: Встреча с В. Некрасовым. — Лит. газ., 31 авг.; *Рыбаков А.* С прошлым надо расставаться достойно: О новом романе «Тридцать пятый и другие годы» с писателем беседует обозреватель «МН» Ольга Мартыненко. — Моск. новости, № 29; Тоска по историческим знаниям: Встреча с А. Рыбаковым. — Сельская молодежь, № 11; *Озеров Л.* Возвращение. — Кн. обозрение, 23 сент. (И. Сельвинский); *Чуковская Е.* Вернуть Солженицыну гражданство СССР. — Кн. обозрение, № 36; *Воскресенский Л.* Здравствуй, Иван Денисович. — Моск. новости, № 32; *Тендряков В.* Охота. — Знамя, № 9; *Черкашин Г.* Линия судьбы. — Смена, 25 ноября (В. Г. Фролов).

Сталин и сталинизм

Последствия культа личности Сталина в жизни комсомола и молодежи. — М.: Высш. комс. шк. при ЦК ВЛКСМ; Антонов-Овсенко А. Театр Иосифа Сталина. — Театр, № 8; Бек А. Коба (Из романа «На другой день»). — Неделя, № 31; Бовин А. Последние генералиссимуса. — Наука и жизнь, № 9; Буачидзе Т. Мартовская трагедия 1956 года в Тбилиси. — Лит. Грузия, № 7; Буранов Ю. Шаг на пути к власти: Как И. В. Сталин стал Генсеком партии большевиков. — Агитатор, № 20; Бутенко А. П. К вопросу об узурпации власти. — Вопр. истории КПСС, № 7; Бутенко А. Сталинское окружение. — Неделя, № 37, 38; Василькова И. Есть и такой музей. — Моск. новости, № 45 (Домашний музей памяти И. В. Сталина); Вейдемане Р. Наследство, или «...его усы в нашем супе...» (Н. Хикмет). — Родник, № 8 (Сталин и языкознание); Волкогонов Д. А. Отвергая наследие зла. — Ветеран, № 38; Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. — Октябрь, № 10—12; Волкогонов Д. А. Шанс совести существует всегда... — Кн. обозрение № 33; Горохов В. Тот самый Сталин...: Рассказы из записной книжки. — Смена, № 24; Джрнзян Л. Н. Культ и раболепие. — Социол. исследования, № 5; Каплинский Я. О проявлениях фашизма. — Радуга, № 7, 10 (Аналогии между фашизмом и сталинизмом); Карп П. Культ безличности. — Кн. обозрение, № 47; Кобрин В. Грозные тени 1947 года: вождь и царь. — Моск. новости, № 32 (Сталин, Молотов и Жданов о 2-й серии фильма «Иван Грозный»); Козлов А. Сталин: о чем умалчивали биографы. — Полит. образование, № 16; Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина. — Вопр. истории КПСС, № 11; Медведев Р. Сталин и Каганович: По поводу книги Стюарта Кэхана «Волк в Кремле». — Моск. новости, № 52; Михайлов Н. Синдром отца. — Огонек, № 38; Мороз А. Последний диагноз: Правдоподобная версия, требующая, однако, дальнейшей проверки. — Лит. газ., 26 сент.; Набатчиков А. Ветер обновления: Пленум ЦК МНРП решительно осудил негативные последствия и извращения периода культа личности. — Известия, 27 дек.; Отвергая наследие зла: Беседа Д. Волкогонова с журн. А. Кушниром. — Диалог, № 30; Плутник А. Москва 1937, или Как Лион Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина. — Моск. новости, № 44; Радзинский Э. О любви к другу. — Лит. газ., 10 авг. (Молодость «Кобы»); Середа П. Роковое письмо: Его написал Сталину молодой коммунист, боевой летчик. Ответом был арест. — Правда, 12 окт.; Соколов М. Помнить и знать. — Собеседник, № 46; Соснов А., Николаев А. Проспект Сталина, 13... — Смена, 21 дек. (Музей Сталина в Гори); Сталин: Взгляд со стороны: Беседа с Р. Тэккером. — Моск. новости, № 34; Ленин — Сталин — Молодой коммунист, № 7; Сталинщина: к людям, как к пылы: Беседа А. В. Антонова-Овсенко с корр. Е. Алексеевой. — Веч. Ленинград, 3 окт.; Тетюшев В. И. ...И ничего, кроме правды. — Вопр. истории КПСС, № 7; Трегубова М. Мне жаль тех слез 1953 г. — АиФ, № 30;

Турецкий Г. Так где же белое? — Ленингр. правда, 23 дек.; Успенский В. Тайный советник вождя. — Простор, № 7—9; Файбитенко Ю. Как баллазамировали Сталина. — Мед. газ., 10 авг.; Ципко А. Истоки сталинизма. — Наука и жизнь, № 11—12; Чтобы не повторилось...: Беседа с А. Венгеровым. — АиФ, № 33; Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день, которые он читал внимательно. — Моск. новости, № 38; Эйдельман Н. Сталинский гипноз. — Моск. новости, № 30.

Чистяков Б. Две версии одной судьбы. — Смена, 18 сент. (Н. С. Аллилуева); Колесник А. Судьба Василия Сталина. — АиФ, № 46; Новоскольцев В. Разгневанный генерал [В. И. Сталин]. — Физкультура и спорт, № 9; Сын «учителя» [В. И. Сталин]. — Спорт. жизнь России, № 9; Колесник А. Н. Военнополный старший лейтенант Яков Джугашвили. — Воен.-ист. журн., № 12; Тайна серой папки: О трагической судьбе Якова Джугашвили. — Кн. обозрение, № 30; Куда уходят дни? Они все с нами. — Веч. Москва, 8 окт. (Беседа с внуком Сталина, режиссером ЦАТСА А. В. Бурдонским).

Акулов В. Не ошибки, а преступления. — Моск. новости, 30 окт. (Об иске Шеховцова); Гутионтов П. Семнадцатый иск в защиту товарища Сталина был отклонен районным судом. — Известия, 23 сент.; Ермилова К. Б. Кто вы, защитники сталинизма? — Ленингр. рабочий, 30 дек.; Минкин А. Тень. — Огонек, № 41 (Иск И. Шеховцова против «Сов. культуры» и А. Адамовича); Мове Нас только правда исцелит! — Сов. культура, 26 ноября (Фрагменты речи адвоката «Сов. культуры» в Московском городском суде, слушавшем дело по иску И. Т. Шеховцова); Надеин В. Пока не стигнули мифы. — Известия, 24 ноября (Иск Шеховцова); Процесс: Народный суд Свердловского района Москвы 20 сентября 1988 года в открытом заседании рассмотрел иск И. Шеховцова к писателю Алесю Адамовичу и газете «Советская культура». — Сов. культура, 1 окт.; Процесс о чести Сталина: Хроника одного судебного заседания. — Новое время, № 40 (И. Т. Шеховцов — А. Адамович); Сараскина Л. «Пусть попробует написать что-либо еще против товарища Сталина». — Моск. новости, № 40.

Динкевич А. Вот такая принципиальность. — Моск. новости, № 36 (Н. Андреева); Динкевич А. Кое-что о славе и популярности. — Смена, 2 сент. (Н. Андреева, фототриптих); Иванова Л., Морозов Н. О письме Н. Андреевой (МН 1988, № 33). — Моск. новости, № 44; Нина Андреева — не миф. — Моск. новости, № 40 (Письмо Нины Андреевой в ответ на письмо режиссера А. Динкевича). Нина Андреева напоминает о себе. — Моск. новости, 14 авг.; Сорокин Ю. И я не могу поступиться принципами...: По поводу интервью Н. Андреевой югославской газете «Виесник». — Комс. правда, 11 ноября.

1987 г.

По страницам истории

5

Октябрь, перестройка и современный мир

[Материалы пресс-конференции от 3 ноября 1987 г.]

6

Павел Волобуев

Великий Октябрь и исторические судьбы нашей Родины

11

«Белые пятна»

[Беседа с доктором философских наук Анатолием Бутенко]

16

Часы с боем

[Беседа доктора исторических наук Юрия Афанасьева
и драматурга Михаила Шатрова]

19

Егор Яковлев

Первое правительство

22

Егор Яковлев

Прощание

29

Продвижение к правде

[Беседа доктора исторических наук Дмитрия Шелестова
и журналиста Константина Елютина]

33

Дмитрий Казутин

Письма Ирины Шляпниковой

39

Феликс Медведев

«Он хотел переделать жизнь,
потому что ее любил»

43

Лев Воскресенский
«Знайте, товарищи...»

57

Игорь Донков, Александр Никонов
Ян Рудзутак

62

Альберт Ненароков
У времени в плену...

68

Борис Ефимов
Тайна судьбы Михаила Кольцова

77

Раскольников Федор Федорович
Материалы к биографии

89

Зиновий Шейнис
Максим Литвинов возвращается в строй

90

Константин Симонов
Уроки истории и долг писателя

95

Александр Самсонов
Главное в истории правда

106

Василий Кулиш
К вопросу об уроках и правде истории

109

Дмитрий Волкогонов
Феномен Сталина

122

Евгений Евтушенко
Наследники Сталина

131

Вячеслав Кондратьев
По горячим следам памяти и правды

134

Владислав Кутузов
«Ленинградское дело»

139

Борис Болотин
Жизнь и догмы

148

Юрий Буртин
«Вам, из другого поколения...»

153

Юрий Афанасьев
Нелепо бояться самих себя,
или Повод для раздумий

169

Из периодики 1987 года

172

1988 г. Январь — июнь

Анатолий Бутенко
Как подойти к научному пониманию истории
советского общества

177

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному
изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими
место в период 30—40-х и начала 50-х годов

187

Николай Бухарин
Будущему поколению руководителей партии

188

Руслан Лынев
А. И. Рыков, революционер, политик и человек

191

Михаил Томский — каким он был?
[Беседа кандидата исторических наук С. И. Горелова с Ю. М. Томским]

196

Юрий Дмитриев
Дмитрий Плетнев: «Я готов кричать на весь мир
о своей невинности...»

201

Аркадий Ваксберг
Царица доказательств

205

Юрий Феофанов
Возвращение к правде

215

Иван Анфертьев
Возвращение Сокольников

222

Лев Разгон

Наконец!

231

Геннадий Жаворонков

И единожды не солгавший

233

Федор Раскольников

Открытое письмо Сталину

237

Анатолий Латышев

Трагедия Коминтерна

243

Борис Виктор

«Заговор» в Красной Армии

247

Аркадий Ваксберг

Тайна октября 1941-го

256

Александр Самсонов

Сталинград: ни шагу назад!

260

Эрнст Генри

Письмо «исторического оптимиста»

265

Андрей Мерцалов

Миф о великом страте

274

Анатолий Ежелев

Душное лето 46-го

278

Александр Афанасьев

Победитель

287

Давид Гай

Конец «дела врачей»

296

Человек и символ

[Беседа корреспондента «Комсомольской правды» Р. Гусейнова
с доктором исторических наук Ю. С. Борисовым]

300

540

Серго Микоян

Слуга

310

Федор Бурлацкий

Хрущев

314

Юрий Новопашин

Что было после Коминтерна

324

Антон Губанков

Лазуркины

327

Алексей Абрамов

Как это было

335

Поэль Карп

Воздух ученого

337

Отто Лацис

Сказки нашего времени

342

Из периодики первого полугодия 1988 года

348

1988 г. Июль — декабрь

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов

355

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов

357

«На всех парах... вперед!»

[Беседа доктора исторических наук Геннадия Соболева и журналиста Владлена Чертинова]

359

Лев Воскресенский

1921 год: урок правды

364

Виталий Старцев
Политические руководители Советского государства
в 1922 — начале 1923 года

375

Дмитрий Шелестов
Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

395

Михаил Соколов
Война и мир Карла Радека

399

Письмо Христиана Раковского

407

Наталья Изюмова

СТОН

413

За пять лет до 1937-го
[Беседа с доктором исторических наук Татьяной Коржихиной]

417

Мартемьян Рютин
«Прочитав, передай другому!»

420

Царь-голод
[Беседа с писателем Юрием Щербаком]

425

Михаил Росляков
Выстрел в Смольном

433

Рой Медведев
Наш иск Сталину

440

Николай Матуковский
Правда о Куропатах

444

Герои из 37-го
[Беседа Бориса Викторова и журналиста Александра Афанасьева]

448

У порога войны
[Беседа с доктором исторических наук Василием Кулишом]

456

Донат Жеребов
Ленинградская битва

463

542

Давид Кугультинов
«От правды я не отрекался»
467

Письма Анны Михайловны Панкратовой
473

Один из «окружения»
[Беседа с историком Роем Медведевым]
497

Юрий Левада, Виктор Шейнис
Погружение в трясины.
Акт первый: 1964—1968
503

Мэлор Стуруа
Две фотографии к одному портрету
509

Юрий Рост
Академик
516

Публикации за июль — декабрь 1988 г.
528

История без «белых пятен»: Дайджест прессы. 1987, 1988.— Л.: Лениздат, Социально-коммерческая фирма «Человек», 1990.— 543 с.

ISBN 5-289-01137-4

В дайджест вошли наиболее интересные публикации прессы 1987 и 1988 годов, посвященные актуальным и острым проблемам истории партии и советского общества.

И 0503020000—169 без объявл.
М171(03)—90

63.3

ИСТОРИЯ БЕЗ «БЕЛЫХ ПЯТЕН»

**Дайджест прессы
1987—1988 гг.**

Составители:

Елена Борисовна Никанорова,
Светлана Алексеевна Прохвятилова,
Анатолий Яковлевич Разумов,
Эльмира Алимовна Урусова

Художник А. Е. Нечаев

Художественный редактор А. А. Власов

Технический редактор В. И. Демьяненко

Корректоры: З. Б. Бунис,

И. В. Левтонова

ИБ № 5611

Сдано в набор 29.07.89. Подписано к печати 12.01.90. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офс. кн.-журн. Гарн. обыкновенная нов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,20. Усл. кр.-отт. 88,44. Уч.-изд. л. 46,38. Тираж 100 000 экз. Заказ № 188. Цена 3 р. 20 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59

Отпечатано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

